

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Джек Уильямсон

ЛЕГИОН ПРОСТРАНСТВА

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 1

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

Публикации и иллюстрации:

**Astounding Stories, April, May, June, July, August,
September 1934**

The Legion of Space •

**Cover, interior artwork by Howard V. Brown,
by M. Marchioni, by Elliott Dold, Jr.**

Astounding Stories, May, June, July, August 1936

The Cometeers •

**Cover: by Howard V. Brown, interior artwork by
M. Marchioni**

Astounding Science-Fiction, April, May, June 1939

One Against the Legion •

interior artwork by Paul Orban

Publication: One Against the Legion 1967

Publisher: Pyramid Books

Nowhere Near •

Cover: by Jack Gaughan

Amazing Stories, January 1931

The Prince of Space •

Cover, interior artwork by Leo Morey

Wonder Stories, February 1932

The Moon Era •

Cover, interior artwork by Frank R. Paul

Fantastic Stories of Imagination, April 1962

Nonstop to Mars •

interior artwork by Dan Adkins

Astounding Science-Fiction, May 1940
Hindsight •
interior artwork by Charles Schneeman

Astounding Science-Fiction, January 1942
Breakdown •
interior artwork by Frank Kramer
Cover by Hubert Rogers

Astounding Science Fiction, April 1951
The Peddler's Nose •
interior artwork by Edd Cartier

Amazing Stories, December 1928
The Metal Man •
Cover, interior artwork by Frank R. Paul

Argosy, November 25, 1939
Star Bright •
interior artwork by uncredited

Рассказ «ПОДАРОК», оригинальное название, год и место публикации, так никто и не распознал.

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

**Работа с текстом и иллюстрациями: by formally.
Помощь во вставке иллюстраций by Cityman.**

ЛЕГИОН ПРОСТРАНСТВА

МАРСИАНСКАЯ КРЕПОСТЬ

— Жду ваших приказаний, майор Стелл.

Джон Стар, стройный и подтянутый в новой форме Легиона, стоял перед столом, за которым сидел и поигрывал серебряной моделью космического крейсера сухощавый, седовласый офицер. Джон ощущал проницательный взгляд майора, который пристально рассматривал его.

Напрягшись, он старался выдержать этот пронизывающий взгляд, сгорая от желания узнать, каково будет его первое назначение.

— Джон Ульмар, готовы ли вы к выполнению первого приказа Легиона и к тому, чтобы, как это положено, ставить долг выше всего?

— Да, сэр. Я считаю, что готов.

— Я тоже надеюсь на это, Джон Ульмар.

Итак, Джон Стар был известен ранее как Джон Ульмар. «Стар» — это титул, знак различия, данный ему позднее Зеленым Холлом. Всем следует называть его Джон Стар согласно Эдикту Зеленого Холла.

Этот день был одним из первых в тридцатом столетии, был самым главным, самым волнующим днем за все двадцать один год его жизни. Он означал конец пятилетнему упорному обучению в Академии Легиона на острове Каталины. Сейчас все церемонии были завершены. Вот-вот должна была начаться жизнь в Легионе.

Он напряженно размышлял: куда ему предстоит отправиться. В космические пустыни на каком-нибудь крейсере Патруля? На изолированный пост в страшных джунглях Венеры? Или, быть может, в охрану Зеленого Холла? Он с трудом скрывал нарастающее беспокойство.

— Джон Ульмар, — сказал, наконец, майор Стелл с неторопливостью, доводящей до безумия, — я надеюсь, вы понимаете, что такое долг?

— Надеюсь, сэр.

— Потому что, — столь же медленно продолжал офицер, — вам предстоит задание особой важности.

— Какое же, сэр?

Он не мог совладать с желанием побыстрее удовлетворить свое распаленное любопытство. Однако майор Стелл не собирался спешить. Его пронзительные глаза продолжали безжалостно разглядывать Джона, а тонкие пальцы по-прежнему вертели игрушечный крейсер на столе.

— Джон Ульмар, такое задание, как ваше, прежде поручалось лишь бывалым, отборным ветеранам Легиона. То, что выбор пал на вас, должен признать, удивило меня. Отсутствие опыта — это, определенно, недостаток.

— Надеюсь, не очень значительный, сэр...

Почему он не переходит к делу?

— Приказ о вашем назначении, Джон Ульмар, исходит непосредственно от командора Ульмара. Случайно, вы не родственник командиру Легиона и его племяннику, Эрику Ульмару, исследователю?

— Да, сэр. Дальний.

— Это объясняет причину выбора. Но, если вы не справитесь с заданием, Джон Ульмар, не надейтесь, что положение командора спасет вас от неприятностей.

— Конечно, сэр! Разумеется!

Сколько времени он еще будет испытывать его терпение?

— Служба, которая вам поручается, Джон Ульмар, мало кому известна. В сущности, она секретна. Но крайне важно, чтобы она была поручена солдату Легиона. Вы будете отвечать непосредственно перед Зеленым Холлом. Могу вас заверить, любой промах, даже малейший, повлечет за собой разжалование и суровое наказание.

— Да, сэр.

Так что же это?

- Джон Ульмар, вы когда-нибудь слышали об АККА?
- АККА? По-моему, нет, сэр.
- АККА — это символ.
- Да, сэр.

И что это означает? Наконец-то! Неужели он сейчас узнает?

— Люди отдавали свои жизни, чтобы узнать это, Джон Ульмар. И люди умирали потому, что знали об этом. Лишь один человек в Системе знает в точности, что означают эти четыре буквы. Этот человек — молодая женщина. И самая важная обязанность Легиона — охранять ее.

- Да, сэр.

И что это означает?

— Дело в том, Джон Ульмар, что АККА — самая драгоценная вещь, которой обладает человечество. Мне нет нужды говорить вам, что это значит. Потеря ее или, потеряв этой молодой женщины, которая знает, что такое АККА, будет означать беспрецедентное бедствие для человечества.

- Да, сэр. — Ожидание было мучительным.

— Я не могу представить службы более важной, чем вступление в ряды тех немногих опытных людей, которые охраняют девушки. И более тяжелой службы! Ибо о существовании АККА известно людям, готовым на все, и они знают, что обладание ей позволит им установить диктат над Зеленым Холлом — или уничтожить его.

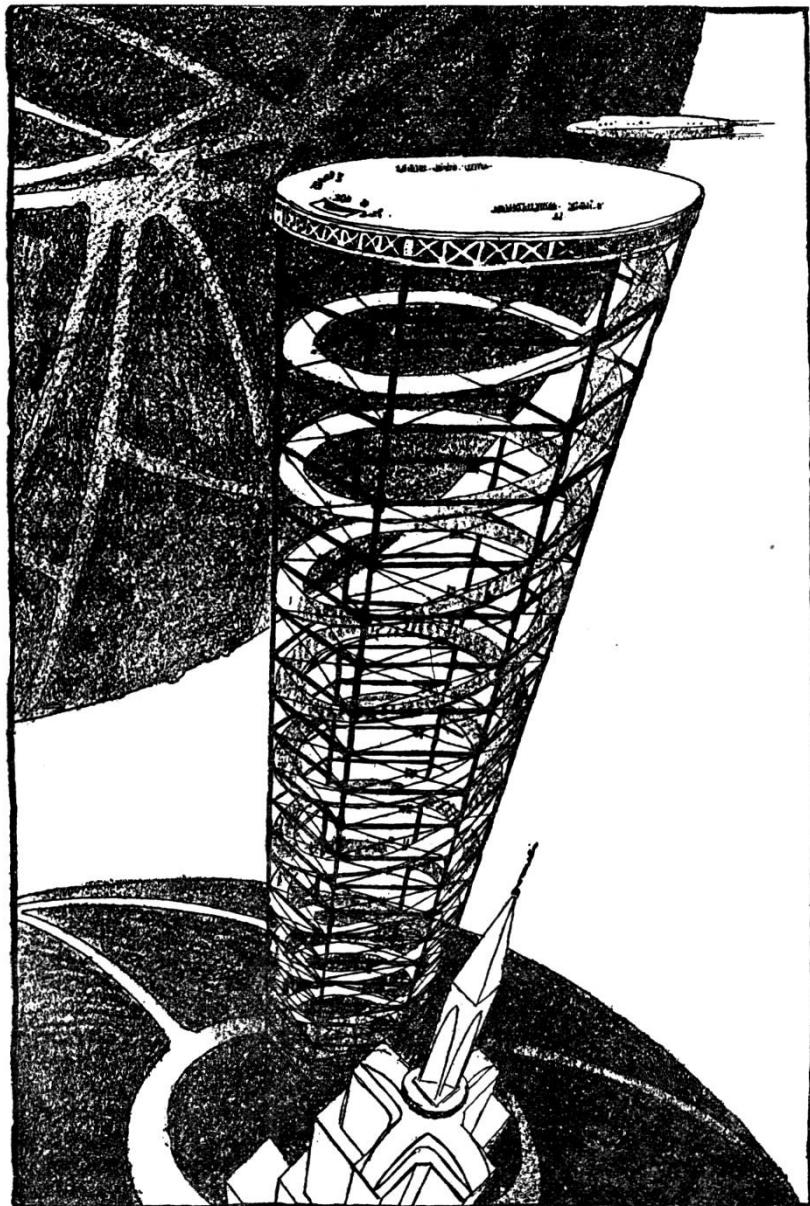
- Да, сэр.

Где эта девушка?

— Никакой риск, никакие трудности не могут отучить их от попыток захватить эту девушку и узнать у нее секрет. Вы должны быть постоянно начеку, постоянно готовы защищать ее от любого насилия. Девушка и АККА должны быть спасены любой ценой.

Информацию о девушке вы не получите, пока не окажетесь в космосе. Опасность, что вы не удержите ее, вольно или невольно, слишком велика. Безопасность девушки

зависит от того, насколько секретно ее местонахождение. Если о нем станет известно, весь Легион будет не в состоянии защитить ее.

Вы направляетесь, Джон Ульмар, на охрану АККА. Вам надлежит немедленно доложить об этом Зеленому Холлу, а именно, капитану Эрику Ульмару, перейти под его начало.

— Под начало Эрика Ульмара!

Он был изумлен и переполнен радостью, узнав, что будет служить у этого известнейшего исследователя космоса, своего родственника, только что возвратившегося из отчаянной смелости путешествия за пределы Системы, на далекую неведомую планету Убегающей Звезды Барнарда.

— Да, Джон Ульмар, и я надеюсь, что вы не забудете о чрезвычайной важности этого поручения, прежде чем вы... Впрочем, у меня все.

Понятное дело, сердце Джона Стара с болью переносило расставание со старым корпусом Академии, прощание с одноклассниками. Но, тем не менее, боль была не столь уж острой, потому что он сгорал от нетерпения. Впереди лежала тайна, волнующая встреча с известным родственником. Будучи по природе своей оптимистом, он не обратил внимания на мрачные намеки майора Стелла о возможной неудаче.

В полдень этого дня из иллюминаторов снижающегося стратолета он впервые увидел Зеленый Холл — резиденцию Верховного Совета объединенных планет.

Словно гигантский изумруд, он мерцал темным огнем на выжженной солнцем вершине столовой горы в Нью-Мексико — величественное колдовство, чудо из зеленого прозрачного стекла. Квадратная центральная башня поднималась на три тысячи футов, увенчанная посадочной площадкой, на которую спускался стратолет. Четыре огромных крыла с колоннами простирались на добрую милю по роскошным ухоженным паркам. Драгоценный бриллиант в пустыне, под зубчатой, в милю высотой, стеной Сан-Диаса.

Джон Ульмар был как на иголках, и ему не терпелось увидеть Эрика Ульмара, который был сейчас в полном расцвете своей славы после совершенной под его началом первой удачной экспедиции за пределы Системы — если можно

было назвать успешной эту экспедицию, в результате которой на Землю вернулось около четверти ее членов, и большинство из них умирало от страшной болезни, искажавшей саму форму человеческого тела.

Присутствовали в истории этого путешествия темные, а то и безмолвные главы. Однако общественность, и Джон Стар в ее числе, игнорировала их. Эрик Ульмар был осыпан почестями, в то время как большинство его спутников лежали забытые в госпитальных палатах, бредя ужасами той далекой зловещей планеты, а их тела гнили самым немыслимым образом, и тут бессильна была помочь и понять что-либо медицинская наука.

Джон Стар нашел Эрика Ульмара в личном его кабинете в просторном Зеленом Холле. Тот ждал его. Длинные золотистые волосы и изящное тело делали юного офицера почти женственно привлекательным. Горящие глаза и надменное выражение выдавали в нем страсть и незаурядную гордость. Скошенный подбородок и нерешительный рот открывали фатальный недостаток этого человека.

— Джон Ульмар, я считаю вас моим родственником.

— Я тоже так считаю, сэр, — сказал Джон Стар, скрывая разочарование, которое пробилось даже сквозь восхищение. Он стоял — весь внимание, — в то время как высокомерные глаза Эрика Ульмара настырно рассматривали его длинное тело, жесткое и умелое после пяти изнурительных лет в Академии.

— Адам Ульмар — мой дядя. Он повлиял на то, что я выбрал тебя. Я надеюсь, что ты будешь служить мне верно.

— Конечно, сэр. Кроме того, что вы мой родственник, вы мой начальник по Легиону.

Эрик Ульмар улыбнулся, на секунду его лицо стало почти привлекательным, несмотря на вялость и гордыню.

— Уверен, что мы поладим, — сказал он. — Но я могу просить тебя о чисто родственных услугах, чего не сделал бы, если бы ты был просто моим подчиненным.

Джон Стар подумал о том, что это могли быть за услуги. Он не мог привыкнуть к мысли, что Эрик Ульмар оказался не таким, каким он представлял себе героя космических исследований. Что-то в нем вызывало смутное недоверие, хотя этот человек был его идолом.

- Ты готов отправиться на наш пост?
- Конечно.
- Тогда мы немедленно поднимемся на крейсер.
- Мы покидаем Землю?

— Для твоей же пользы будет лучше, — сказал Эрик Ульмар с резким начальственным оттенком в голосе, — если ты будешь повиноваться приказам и не будешь задавать вопросов.

Лифт поднял их в сверкающую путаницу посадочной площадки. Там их ждал «Скорпион», новый скоростной крейсер, сужающийся к одному концу цилиндр длиной добрую сотню футов, весь серебряно-белый, если не считать черных дюз.

В воздушном шлюзе их встретили два легионера и взошли вместе с ними на борт. Варс — длинный, сильный, с крысиным лицом; Кимплен — высокий, с жестокими глазами и волчым обличьем. Оба значительно старше Джона Стара, оба, как он вскоре узнал, ветераны межзвездной экспедиции — в числе тех немногих, кто избежал таинственного заболевания, — они выразили в отношении его неопытности начальственное сочувствие, что было ему неприятно. Странно, подумал он, что люди их типа были избраны для стражи бесценного АККА. Он бы, подумал он, не доверил ни одному из них расплатиться за него в ресторане.

«Скорпион» был загружен провизией, заправлен топливом, имел экипаж из десяти человек, находившихся на своих постах. Воздушный шлюз был быстро задраен, дюзы начали источать голубоватое пламя, и корабль умчался сквозь атмосферу навстречу свободе космоса.

Через тысячу миль, когда они благополучно оказались в стылом, испещренном звездами вакууме пространства,

пилот выключил двигатели. По приказу Эрика Ульмара он направил нос крейсера в сторону далекой красной искорки Марса и включил геодиновые генераторы. Тихо гудя, их мощные поля вступили во взаимодействие с кривизной самого пространства, и геодины — точнее говоря, электромагнитные геодезические отражатели — повели «Скорпион» за сотни миллионов миль к Марсу, с ускорением и конечной скоростью, которые некогда человеческая наука объявила невозможными.

Забыв о неприятном чувстве недоверия к Варсу и Кимплену, Джон Стар наслаждался путешествием. Вечные чудеса космоса развлекали его долгими часами. Эбеновые небеса; замерзшие крапинки звезд, разноцветные, неподвижные; серебряные облака туманностей; божественное солнце, голубое, с крыльями огненно-красной короны.

Трижды в узкой каюте был накрыт стол. Двенадцать часов спустя геодины, слишком мощные для безопасного маневра близ планет, были остановлены. «Скорпион» падал, полыхая вспышками дюз, кочной стороне планеты Марс.

Стоя возле навигатора, Эрик Ульмар читал ему указания из личного меморандума. Во всем путешествии присутствовала атмосфера тайны, загадочной безотлагательности, вызова, брошенного неведомым угрозам, что крайне интриговало Джона Стара. И все же, он чувствовал, что что-то идет не так, и это ощущение не оставляло его.

Они приземлились в каменистой марсианской пустыне, по-видимому, далеко от города либо обитаемого плодородного «канала». Поблизости в звездном свете возвышались приземистые темные холмы. Джон Стар, Эрик Ульмар, крысоликий Варс и Кимплен с волчьим обликом высадились; рядом с ними был выгружен скучный багаж и небольшая груда припасов.

Из тьмы неожиданно вышли четверо легионеров — часть стражи, понял Джон Стар, которую они должны сменить. Четверо зашли на борт, после чего их старший обменялся какими-то документами с Эриком Ульмаром, и люк лязгнул

за ними. Из дюз ударили голубые струи пламени. «Скорпион» с ревом умчался, превратившись в мерцающую синюю комету, и вскоре затерялся среди ярких звезд марсианского неба.

Джон Стар и остальные ждали в пустыне наступления дня. Солнце вспыхнуло неожиданно, ослепительное и голубое, после непродолжительной желтой зари, залив красный ландшафт жаркими лучами.

Древняя планета под фиолетовым зенитом, с лимонно-зелеными горизонтами выглядела заброшенной и покинутой. По безлюдным пространствам охряного песка рядами шли полумесяцы дюн. Грубые зубчатые гряды красных вулканических скал выпирали из желтого песка, словно обломанные клыки. Одинокие валуны, источенные безжалостным, переносимым ветром песком, походили на карикатурных злых чудовищ. Над равниной сгрудились холмы. Низкие, старые, изрытые эрозией безвременных лет, как и все возвышенности умирающего Марса. Монументальные массивы красного камня, разбитые красно-черные палисады каменных колонн. Неровные, испещренные трещины. На вершине холма распростерся древний полуразрушенный город. Массивные стены цеплялись за кромки обрывов, тут и там их перемежали квадратные высокие башни. Все это было из красного вулканического камня, характерного для марсианской пустыни, и все медленно превращалось в тлен.

Джон Стар знал, что крепость датируется покорением жутких кремниево-панцирных марсиан. Должно быть, ее покинули полных три столетия назад. Однако сейчас она не пустовала. Когда они поднялись к воротам, их встретил часовой, очень толстый приземистый синеносый мужчина в форме Легиона, лениво развалившийся на кушетке под теплым солнцем. Он изучил документы Эрика Ульмара внимательным взглядом рыбьих глаз.

— Ага, так вы, значит, сменная стража, — засопел он. — Смерть моя, до чего же редко видим мы здесь живое существо. Проходите. Капитан Стан у себя в квартире за двором.

За осыпающимися красными стенами они обнаружили большой открытый двор, окруженный галереей. На него открывалось множество дверей и окон. В маленьком саду с красными цветами играл крошечный фонтан. За ним находился теннисный корт, в котором при их появлении торопливо исчезли мужчина и очаровательная девушка. При виде девушки сердце Джона Стара возбужденно подпрыгнуло. Он мгновенно понял, что она хранительница таинственного АККА. Это та девушка, которую ему поручили охранять. Вспоминая предупреждение майора, Стелла о том, что отчаянный враг готов захватить ее, Джон Стар испытал прикосновение предчувствия. Старый форт не представлял собой укрепление, это был не более чем кров. И вскоре он обнаружил, что его охраняют всего лишь восемь человек, как ему и было сказано. Вооружены они были лишь ручными протонными иглами. Говоря откровенно, тайна была их единственной защитой. Тайна и секретное оружие девушки. Если эти враги откроют, что она здесь, и пошлют современный вооруженный корабль...

В этот день он ничего больше не узнал. Эрик Ульмар, Варс и Кимплен не были общительны. Четверо оставшихся из старой стражи человек почему-то соблюдали дистанцию, были осторожны в разговорах и явно держались настороже. Они были заняты переносом припасов с места посадки «Скорпиона». Видимо, это была провизия на многие оставшиеся месяцы. За час до темноты Джон Стар находился в собственной, представленной ему комнате, выходившей на старый двор; здесь он и услышал тревогу.

— Ракета! Ракета! Снижается чужой корабль!

Выбежав во двор, он увидел среди звезд зеленоватое пламя. Он услышал тонкий свист, который перерос в пронзительный визг, отчего он едва не оглох. Пламя, выросшее до огромных размеров, исчезло за восточной стеной, визг неожиданно прекратился. Он почувствовал под ногами резкий толчок.

— Большой корабль! — закричал часовой. — Он опустился так близко, что встряхнул холм. Его дюзы горели зеленым. Я такого никогда не видел!

А не может ли быть, подумал Джон Стар, и сердце его при этой мысли почему-то замерло, что таинственные враги девушки прознали о том, где она находится? Что этот корабль прибыл за ней?

Капитан Стан, командир крошечного гарнизона, явно испытывал те же предчувствия. Стареющий маленький человек, очень взъерошенный, он собрал всех легионеров и поставил их на старые стены с ручными протонными ружьями. Три часа Джон Стар провел, глядя в бойницу. Ничего не происходило. В полночь его сменили.

Старый офицер, однако, был по-прежнему встревожен прибытием незнакомого корабля. Он приказал троим людям из его подразделения — Джою Каламу, Халу Самду, Жилю Хабибуле оставаться на страже. От него Джону Стару передалось чувство страха и неумолимого рока, которые с тех пор стали его спутниками на многие мрачные и зловещие годы.

ВИД НА УБИЙСТВО

Внезапно Джон Стар обнаружил, что сидит на своей койке и глядит в открытое окно, за которым располагался большой двор. Разбудила его не боевая тревога. Хуже того — озноб инстинктивного страха, интуитивный ужас. Глаз! Должно быть, это был глаз, глядевший на него. Однако он был в длину целый фут, овальный и выпуклый, без белка. Его окаймляли тонкие, оторченные черным мембранны. Он был пурпурный и сиял во тьме, как гигантский люминесцентный колодец. Что-то в нем было невообразимо злобное. Один взгляд на него вызывал ледяной первобытный ужас.

Один лишь краткий миг смотрел на него глаз с невообразимой злобой, затем исчез.

Дрожа, он слез с кровати, чтобы поднять тревогу. Но испытанное потрясение заставило его усомниться в своих чувствах. Когда он услышал во дворе крик часового, как будто ничего не случилось, он решил, что виденное им — не более чем ночной кошмар. Он не был подвержен ночным кошмарам, однако, в конце концов, он ничего не слышал, да и сам глаз исчез при первом взгляде на него. Это совершенно невозможно: ни одно существо в Системе не имело глаза длиной в фут, даже морские ящеры Венеры. Он вновь улегся на кровать и попытался уснуть. Безуспешно, потому что образ этого ужасного глаза не оставлял его. Он встал до рассвета, горя желанием узнать о чужом корабле. Пройдя мимо устальных часовых, он поднялся по спиральной лестнице в старую северную башню и взглянул на зловещий ландшафт как раз в тот момент, когда солнце внезапно взмыло над горизонтом.

Дюны желтого песка, расколотые, донельзя выветренные скалы, и ничего больше. Но полуобрушенные стены на востоке застилали вид. Корабль, возможно, находился за ними. Любопытство возросло. Если это дружественный корабль Легиона, почему огонь его дюз был зеленым? Если там были враги, почему они еще не ударили?

Он повернулся, и перед ним оказалась девушка — та, которую он мельком заметил на теннисном корте и предположил, что она хранительница АККА. Он опять обратил внимание, что она очень привлекательна. Красивая, стройная, прекрасного телосложения. Холодные серые глаза, умные и честные, коричневые волосы с глянцем, которые в свете солнца горели волшебным пламенем. На ней была обычная белая туника, грудь ее вздымалась от бега за ним по ступенькам.

Его удивило, что хранительница АККА столь молода и симпатична.

— О... о, доброе утро. — Он испытывал смущение, поскольку кадеты Легиона уделяют очень мало времени изучению правил хорошего тона, и все же он был восхищен и готов служить ей.

— Он, должно быть, очень близко! — сбивчиво крикнула она. Голос ее, как он заметил, был восхитителен и тревожен.

— Наверное, за стенами.

— И я так думаю. — Ее серые глаза быстро изучили его, взвесили — тепло, как ему показалось, с одобрением. Внезапно она произнесла, снизив тон:

— Я хочу поговорить с вами.

— Я весьма польщен. — Он улыбнулся.

— Прошу вас быть серьезным, — настойчиво сказала она.

— Вы верны? Вы верны Легиону? Зеленому Холлу? Человечеству?

— Ну, конечно же, а что?

— Я верю вам, — прошептала она. Серые глаза ее по-прежнему очень настойчиво смотрели ему в лицо. — Я верю, что вы верны нам.

— А почему вы сомневаетесь?

— Я вам скажу, — произнесла она быстро. — Однако вы должны держать это при себе. Каждое слово. Даже вашему офицеру, капитану Ульмару, ни слова.

Ее лицо, когда она произнесла это, исказила неприязнь, если не ненависть.

— Как скажете, хотя я и не понимаю...

— Я должна вам довериться. Во-первых, вы знаете, зачем вы здесь?

— Мне приказано охранять девушку, которой известен некий секрет.

— Эта девушка — я. — Голос ее зазвучал более спокойно, более уверенно. — Я сама не имею ценности. Но тайна, АККА, — это самое ценное и самое опасное в Системе. Я должна сообщить вам чуть больше того, что, как мне кажется, вам известно. Потому что АККА — это страшная опасность. Вы должны помочь нам спасти ее.

Затем она тихо задала вопрос, который выглядел странным:

— Вы, надеюсь, знаете историю старых войн между Пурпурными и Зелеными?

— Думаю, что да. Пурпур был цветом императоров, зеленый — фракции, ведомой учеными исследователями, которые восстали и восстановили демократию Зеленого Холла. Последний император, Адам III, низложен двести лет назад.

— Вы знаете, почему он низложен?

— Нет. Нет, в книгах об этом не говорится. Однако хотелось бы узнать...

— Я должна вам сказать. Это важно. Как вы знаете, императоры наслаждались деспотическим правлением. Они были необычайно богаты: они водили личные космические флотилии, и они владели целыми планетами. Они правили с железной жестокостью. Враги, которых они не ликвидировали, отправлялись на Плутон.

Мой предок, Чарльз Антар, был выслан только за то, что, проповедуя свободу в речах и исследованиях, доверился человеку, которого считал другом. Он был физиком в Системе. Он провел четырнадцать лет в холодных застенках на Черной Планете.

На Плутоне он совершил научное открытие: теория, которую он разработал в своем поселении, была чисто математическая. На это ему потребовалось девять лет. Затем его друзья-узники контрабандой доставили ему материалы для постройки разработанного им аппарата. Аппарат был очень прост, но на то, чтобы собрать части, потребовалось пять лет.

Затем, когда он собрал аппарат, он уничтожил стражу. Сидя у себя в камере, он заставил Адама III выполнять его приказы. Если бы император отказался, Чарльз Антар уничтожил бы солнечную систему.

С тех пор его открытие служило Зеленому Холлу. Оно было столь опасным, что двое людей одновременно не

могли быть в него посвящены. С этой целью для его обозначения стали использовать аббревиатуру.

Она показала ему татуировку на белой ладони — «АККА».

— И вы теперь в опасности? — прошептал Джон Стар.

— Да, — сказала она. — Видите ли, Пурпурные не утратили своего богатства и влияния, и они всегда лелеяли планы восстановления Империи. Ужасная власть АККА — это единственное, что препятствует осуществлению их замыслов. Им нужна эта тайна, однако Зеленому Холлу всегда удавалось хранить ее, посвятив лишь потомков Чарльза Антара.

Мое имя Аладори Антар. Я получила секрет от моего отца шесть лет назад перед его смертью. Мне пришлось поступиться той жизнью, которую я для себя планировала, и дать очень суровое обещание.

Пурпурные, конечно же, с самого начала знали об АККА. Они постоянно затевают интриги, идут на взятки и убийства, лишь бы завладеть этим. Если это удастся, они воцарятся навсегда. А сейчас, я думаю, Эрик Ульмар пришел именно за этим.

— Вы должны верить Эрику! — запротестовал Джон Стар.

— Как же так, он же известный исследователь и племянник командира Легиона.

— Поэтому-то я и думаю, что он предатель.

— Но почему, я не понимаю?

— Ульмар, — сказала она, — это семейное имя императоров. Я знаю, что Эрик Ульмар — прямой потомок, претендент на трон. Я не верю ни ему, ни его дядюшке, пройдохе и интригану.

— Адам Ульмар — пройдоха и интриган? — Джон Стар был в ярости. — Вы так называли командира?

— Да, назвала. Я думаю, что он воспользовался своим богатством и влиянием, чтобы стать командиром. Так он смог докопаться, где я скрываюсь. Он послал сюда Эрика. Этот корабль, прибывший ночью, привез подкрепление изменнику. И это способ бежать со мной вместе.

— Невозможно! — прохрипел Джон Стар. — Ну, быть может, Варс, ну Кимплен. Но не Эрик.

— Он — главный. — В голосе ее звучала холодная уверенность. — Ночью Эрик Ульмар тайком выбрался из форта. Он отсутствовал два часа. Я думаю, что он отправлялся к кораблю, к своим союзникам.

— Эрик Ульмар — герой и офицер Легиона.

— Я не могу доверять человеку по фамилии Ульмар!

— Моя фамилия тоже Ульмар!

— Ваша фамилия... Ульмар?.. — потрясенно прошептала она. — Вы род...

— Да, — сказал он. — Родственник. Своим направлением сюда я обязан великодушию командира.

— Теперь я вижу, — горько сказала она, — зачем вы здесь.

— Вы ошибаетесь насчет Эрика, — настаивал он.

— Но помните, — бешено хлестнула она, — что вы — предатель Зеленого Холла. Что вы уничтожаете свободу и счастье.

Сказав это, она повернулась и побежала по старым каменным ступеням. Он смотрел ей вслед, не дыша и не в силах сосредоточиться. Хотя он и защищал Эрика, он не мог справиться с сомнением. Варсу и Кимплену он глубоко не доверял. И его тревожила близость чужого корабля. И сейчас он очень сожалел, что лишился доверия Аладори Антар.

Теперь ее, быть может, будет труднее защищать, и, кроме того, она ему нравилась!

Эрик Ульмар встретил его, когда он вернулся во двор, и сказал с мрачной сарднической улыбкой:

— Похоже, Джон, что капитан Стан ночью был убит. Мы только что нашли его труп в комнате.

ТРОЕ ИЗ ЛЕГИОНА

— Видимо, задушен, — сказал Эрик Ульмар, указывая на пурпурную отметину.

Обстановка в квартире была по-солдатски аскетичной. Мертвый командир лежал лицом вверх на узкой кушетке, члены его окоченели в агонии, тонкое лицо искажено, глаза выпучены, рот обезображен жуткой гримасой ужаса и боли.

Склонившись над телом, Джон Стар обнаружил и другие странные следы. Кожа в некоторых местах была сухой, затвердевшей в необычную зеленоватую чешую.

— Взгляните на это, — сказал он. — Похоже на химический ожог. И эта ссадина — она не могла быть сделана человеческой рукой. Может быть, веревка?

— Так ты, выходит, еще и детектив? — резко отозвался Эрик Ульмар, не переставая начальственно улыбаться. — Я должен предупредить тебя, что любопытство — очень опасная штука. Но что ты надумал?

— Сегодня ночью я видел нечто — очень страшное. Я думал до последнего момента, что вижу кошмар. Огромный пурпурный глаз, глядевший в мое окно со двора. Должно быть, шириной в фут. Это было зло в чистом виде. Должно быть, кто-то приходил во двор. Он глядел в мое окно. Он убил капитана. И оставил эти следы. Эта отметина на горле — человеческая рука не могла сделать ее.

— Непохоже, чтобы космос влиял на тебя благотворно, а Джон? — В голосе Эрика Ульмара, кроме иронии, казалось, звучала резкая нотка раздражения. — Как бы там ни было, а это произошло, когда на часах была старая стража. Я собираюсь изолировать их для допроса.

Его узкое лицо было холодным.

— Джон, ты арестуешь Калама, Самду и Хабибулу и запрещь их в старом тюремном помещении под северной башней.

— Арестовать их? Вы уверены, сэр, что это нужно сделать прежде, чем они получат право рассказать?..

— Ты злоупотребляешь нашим родством, Джон. Прошу помнить, что я твой начальник. А теперь, к тому же, и единственный офицер, поскольку капитан Стан мертв.

Он отмел сомнения. Аладори, должно быть, ошиблась.

— Вот ключи от старой тюрьмы.

Каждый из людей, которых он должен был арестовать, занимал отдельную комнату, выходившую во двор. Джон Стар постучал в первую комнату, и ее открыл весьма элегантный темноволосый легионер, которого он перед этим видел на теннисном корте с Аладори Антар.

Джей Калам был в халате и в шлепанцах. Его мрачноватое задумчивое лицо было усталым. Тем не менее, он улыбнулся, вежливо, но безмолвно пригласил его войти и указал на кресла. Это была комната культурного человека, обставленная скромно, однако с большим вкусом. Старомодная мебель, несколько прекрасных картин. Ящик с лабораторной утварью. Оптифон, который наполнял комнату нежной музыкой. Его стереоскопическая видеопанель сияла цветом и движением пьесы. Джей Калам вернулся в кресло, снова занявшись созерцанием драмы.

Джону Стару неприятно было арестовывать такого человека за убийство, но он относился к своим обязанностям с большой ответственностью. Он должен был повиноваться своему начальнику.

— Прошу прощения, — начал он.

Джей Калам остановил его едва заметным жестом.

— Пожалуйста, подождите. Это скоро кончится.

Не в силах отказать в такой просьбе, Джон Стар сидел, пока действие не закончилось, и Джей Калам обернулся к нему с мрачноватой улыбкой, сдержаный, однако внимательный.

— Спасибо, что подождали. Это новая запись, пришедшая на «Скорпионе». Я не мог справиться с желанием просмотреть ее, прежде чем лягу спать. Но что вам угодно?

— Мне очень жаль, — начал Джон Стар. Он помолчал, подбирая слова, затем, видя, что надо делать дело, быстро добавил:

— Простите, но капитан Ульмар приказал мне взять вас под стражу.

В темных глазах промелькнуло удивление. Была в них и боль, словно он увидел нечто страшное.

— Могу я спросить, почему? — Голос был тихим и равнодушным.

— Капитан Стан был убит ночью.

Джей Калам быстро встал, однако не утратил самообладания.

— Убит? — спокойно переспросил он некоторое время спустя. — Я понимаю. И вы отведете меня к Ульмару?

— В камеру. Я сожалею.

На миг Джону Стару показалось, что безоружный человек постараётся напасть на него. Он отступил, положив руку на протонный пистолет.

Но Джей Калам не напал. На его лице появилась напряженная ироничная улыбка, совсем не веселая, и он сказал:

— Я пойду с вами. Погодите, я возьму кое-что из одежды. Старые подземелья, как известно, не всегда комфортабельны.

Джон Стар улыбнулся, не убирай руки от иглы.

Пройдя через двор, они спустились по спиральной лестнице в зал, высеченный в красной вулканической породе. Карманным фонарем Джон Стар осветил изъеденную коррозией металлическую дверь. Он попробовал открыть ее ключами, которые дал ему Эрик Ульмар, и не сумел.

— Я могу открыть, — предложил арестованный.

Джон Стар дал ему ключ. После недолгой возни тот открыл дверь, со скрипом повернув ключ, и шагнул в кромешную тьму.

— Я очень сожалею, — извинился Джон Стар, — это неприятное место, как я вижу. Но приказ...

— Пустяки, — быстро проговорил Джей Калам. — Однако, пожалуйста, помните об одном. — Он был серьезен. — Вы — солдат Легиона.

Джон Стар запер дверь и отправился за Халом Самду. К его изумлению, этот человек встретил его в форме генерала Легиона с полным комплектом наград, предусмотренных за героизм и служебную доблесть. Белый шелк, золотой галун, алый плюмаж — роскошь была просто ослепительной.

— Он прибыл со «Скорпионом», — сообщил Хал Самду. — Очень неплох, как думаете? Хотя в плечах не совсем впору.

— Я удивлен, что вижу вас в форме генерала.

— Разумеется, — сказал Хал Самду серьезно. — Я не ношу его на глазах у публики. Пока. Однако я заказал его на случай повышения.

— Мне очень жаль, — сказал Джон Стар, — но мне приказано взять вас под стражу.

— Арестовать меня? — Широкое красное лицо выразило откровенное изумление. — За что?

— Капитан Стан убит.

— Капитан убит? — Он глядел с полным непониманием, которое вскоре сменилось гневом. — Вы думаете, это я?

Огромные кулаки сжались. Однако Джон Стар шагнул в сторону и выхватил протонный пистолет.

— Стоять! Я всего лишь выполняю приказ!

— Ну что ж... — Большие руки раскрылись и конвульсивно сжались. Хал Самду взглянул на наведенную иглу, и Джон Стар увидел в его глазах презрение к опасности. Но он остановился.

— Ну что ж, — повторил он, — если это не ваша вина, то я пойду.

Третий человек, Жиль Хабибула, не открыл дверь, когда Джон Стар постучал, а просто крикнул, чтобы он входил. Могучий синеносый часовой, которого вчера видел Джон, он сейчас сидел, расстегнув для удобства форму, за столом, заставленным бутылками и тарелками.

— О, входи, входи, дружище! — воскликнул он. — Мне тут смертельно захотелось вспомнить вкус ленча, прежде чем лечь спать. Чертовски отвратительную ночь провели мы, ожидая в холодке неприятностей. Однако подсаживайся и перекуси со мной. Мы получили со «Скорпиона» свежие припасы. Это все же основная замена тем смертельным синтетическим пайкам. Натуральная ветчина, засахаренная слива и старый датский сыр. Но ухаживай за собой сам, дружище.

Он кивнул на стол, на котором, по мнению Джона Стара, хватило бы еды на шестерых голодных мужчин.

— Нет, спасибо. Я пришел...

— Если не хочешь есть, то уж выпьешь-то ты в любом случае. Тебе смертельно повезло, дружище, насчет питья. Да, этот форт много лет назад покинули, но погреба оставили полными. Оно прекрасно сохранилось, это замечательное вино. Я отважусь заявить, что оно самое лучшее в Системе. Там был полный погреб, когда я его нашел. А...

— Я должен сказать вам, что у меня есть приказ взять вас под стражу.

— Арестовать? Но чем, парень, провинился старый Жиль Хабибула? Я никому не причинял вреда, во всяком случае, здесь, на Марсе.

— Ночью был убит капитан Стан. Вы будете допрошены.

— Ты не шутишь над старым бедным Жилем?

— Нет, разумеется.

— Убит! Я говорил ему, что он должен был со мной выпить. Он вел спартанскую жизнь, дружище... Ах, должно быть, это ужасно, когда тебя ждет такой конец. Но ты же не думаешь, что это сделал я, дружок?

— Я, разумеется, не думаю. Однако мне приказано запереть вас в камеру.

— Эти старые подземелья смертельно холодные и сырье, дружище.

— Мне приказано...

— Я пойду с тобой, дружище. Убери руку от своего протонного пистолета. Старый Жиль Хабибула никому не станет причинять неприятности. Пойдем. Но можно ли мне перед этим слегка подкрепиться и допить вино?

Чем-то Джону Стару понравился Жиль Хабибула при всей его грубоватости. Поэтому он уселся и смотрел, пока блюда не опустели вместе с тремя бутылками вина, после чего они вместе спустились в подземелье.

Аладори Антар встретила его, когда он вернулся во двор. На лице ее была тень тревоги и беспокойства.

— Джон Ульмар, — приветствовала она его, скривившись при этой фамилии, — где трое моих верных людей?

— Я запер Самду, Калама и Хабибулу в старой тюрьме.

Лицо ее побелело от страха.

— Вы что, думаете, что они убийцы?

— Нет, я весьма сомневаюсь в их вине.

— Тогда почему вы их заперли?

— Я выполнял приказ.

— Вы что, не видите, что вы наделали? Мои верные стражники либо убиты, либо заперты. Я в руках Ульмара. И он — настоящий убийца! АККА предана!

— Эрик Ульмар — убийца? Вы несправедливы!

— Пойдемте, я покажу вам его, убийцу. Он только что выбрался из форта. Он возвращается на корабль, который приземлился вчера ночью, к своим дружкам-предателям.

— Вы ошибаетесь!

— Конечно. Пойдем! — требовательно вскричала она. — Не верьте ему! — Она быстро провела его вдоль бастионов и парапетов к восточному краю старой крепости, на платформу башни.

— Взгляните, там корабль! Я не понимаю, откуда он взялся. И Эрик Ульмар, этот ваш герой Легиона!

Источенные временем укрепления и красные валуны заканчивались у подножия холма, сменяясь мертвенно-бледной равниной. А там, невдалеке, располагался чужой

корабль. Джон Стар ничего подобного раньше не видел. Он был колоссален, настолько огромен, что парализовал разум. Громадный и чужой, весь блестящий, весь из вороненого металла.

Обычный космический корабль Системы — веретенообразной формы, аккуратно заостренный на конце. Все такие корабли имеют зеркальное серебряное покрытие, чтобы снижать в космосе радиацию и поглощение. Все они сравнительно невелики, самый крупнейший не достигает в длину четырехсот футов. Эта же машина создавала впечатление паучьего переплетения частей, стволов, соединительных поверхностей, огромных крыловидных лопастей, массивных, состыкованных металлических ярусов — все это соединялось с корпусом, имеющим форму гигантского черного шара. Он был невероятно огромен. Металлические полозья, на которых он покоялся, уходили на добрые полмили вглубь красной пустыни: сфера была тысяча футов в диаметре.

— Корабль! — прошептала девушка. — И Эрик Ульмар — предатель!

Она показала, и Джон Стар увидел крошечную фигуру человека, бредущего вниз по склону. Он казался крошечным насекомым в тени этой машины. Такой огромный, чужой и умопомрачительно-черный.

— Теперь вы верите?

— Что-то происходит, — согласился он, помедлив. — Что-то... я пойду за ним. Я верну его, заставлю его рассказать, что происходит. Пусть даже он мой начальник... Он бесстрашно помчался по лестнице из старой башни.

«ДА, ДЖОН, Я ПРЕДАТЕЛЬ!»

Черная масса чужого летательного аппарата заполняла небо на востоке, центральный шар возвышался, подобно темной луне, опустившейся в красной пустыне. Полмили

черных полозьев, лежащих на обломках валунов, раздавленных ими, были похожи на высокие металлические стены. В тени этого невиданного механизма человек, шедший впереди, казался крошечным атомом. Находясь на полпути к черному корпусу, почти под темным крылом, которое заполнило одну восьмую неба, он все еще не оглядывался.

Джон Стар был в сорока футах от него и дышал с таким трудом, что боялся, что будет услышан.

Он выхватил свой протонный пистолет и закричал:

— Стой! Я хочу поговорить с тобой!

Эрик Ульмар остановился, изумленно оглянувшись. Он сделал слабое движение, словно желал выдернуть из кобуры свой собственный пистолет, однако остановился, увидев лицо Джона Стара.

— Иди сюда! — приказал Джон Стар.

Он подождал, контролируя дыхание и пытаясь умерить нервное дрожание оружия, пока его знаменитый родственник медленно возвращался с явно выраженным раздражением на узком вялом и красивом лице.

— Да, Джон. — Эрик Ульмар терпеливо и покровительно улыбнулся. — Ты опять превышаешь служебные полномочия. Боюсь, ты слишком старателен, чтобы стать удачливым легионером. Моему дядюшке будет жаль услышать о твоей оплошности.

— Эрик, — сказал Джон Стар, слегка удивленный собственным спокойствием, — я хочу задать тебе несколько вопросов. Если мне не понравятся ответы, я боюсь, что буду вынужден убить тебя.

На девичьем страстном лице Эрика Ульмара вспыхнуло бешенство.

— Джон, за это ты пойдешь под трибунал.

— Возможно. Однако сейчас я хочу узнать, откуда прибыл этот корабль и что ты здесь делаешь.

— Откуда мне знать? Ничего подобного в Системе еще не видели. Достаточно любопытства, Джон, чтобы я оказался здесь.

Эрик Ульмар коснулся своей круглой золотистой головы и язвительно улыбнулся.

— Я боюсь, Эрик, что ты замыслил предать Зеленый Холл, — тихо сказал Джон Стар. — Я думаю, тебе известно, откуда этот аппарат и почему убит капитан Стан. Пока ты не убедишь меня, что я ошибаюсь, я буду готов убить тебя, освободить троих запертых мной людей и защищать девушку. Что ты на это скажешь?

Эрик Ульмар взглянул на огромную черную лопасть над ним и вновь улыбнулся, почему-то не теряя присутствия духа.

— Да, Джон, — произнес он отчетливо, — я предатель!

— Эй! — Джон Стар был поражен и разгневан. — Ты признаешь это?

— Разумеется, — был ответ. — Я никогда ничего иного и не замышлял. Если ты называешь предательством стремление вернуть принадлежащее мне по праву... Я полагаю, ты даже не знаешь, что в твоих жилах течет кровь императоров. Похоже, ты получил недостаточное образование. Но так оно и есть.

Я — полноправный Император Солнца, Джон. В самое кратчайшее время я снова верну трон. Как принц крови, я надеюсь, что ты займешь под моим началом высокий пост. Однако, боюсь, Джон, что ты будешь обойден наградами революции. Ты слишком независим.

— Что ты задумал? — спросил Джон Стар. — И откуда взялся этот аппарат?

Он не сводил взгляда и угрожающе нацеленного оружия с противника.

— Этот корабль прибыл с одной из планет Звезды Барнарда, Джон. Я думаю, ты слышал о тех умирающих людях, которых мы привезли из экспедиции. Слышал, о чем они бормотали. Они не безумны, как о них думали. Большая часть того, о чем они говорят, существует в действительности. Это как раз то, что поможет мне сокрушить Зеленый Холл, Джон.

— Ты привел назад союзников?

Эрик Ульмар иронично улыбнулся, услышав в его голосе ужас:

— Да. Видишь ли, хозяева найденной нами планеты — они столь же разумны, как и люди, хотя и не столь человечны. Дело в том, что они нуждаются в железе. На их планете оно не встречается, и потому они платят за него большую цену. Оно нужно для магнитных инструментов, электрического оборудования и тысячи прочих мелочей. Поэтому я заключил с ними союз, Джон...

Они послали этот корабль, погрузив на него кое-что из своего оружия. У них есть боевые машины, которые удивят тебя, Джон. Их научные достижения просто замечательны. Они послали этот корабль, чтобы помочь свергнуть Зеленый Холл и восстановить Империю. В награду им было обещано, что их корабль будет нагружен железом.

Железо дешево, мы это сделаем. Но я все же думаю, что мы их истребим после того, как завладеем АККА, и Пурпурный Холл будет благополучно править опять. Они не слишком приятные партнеры. Хуже, чем ты можешь представить.

— Те безумные люди?

— Да, Джон, я уверен, нам придется уничтожить их после того, как мы получим секретное оружие. Девушка должна была сказать тебе об АККА, Джон.

— Она сказала! И я думал... я верил тебе, Эрик.

— Выходит, она уже подозревает! Тогда мы должны заковать ее в цепи прежде, чем она получит шанс использовать АККА. Однако, я полагаю, Варс и Кимплэн уже позабочились о ней.

— Ты — предатель! — воскликнул Джон Стар.

— Конечно, Джон. Мы заберем ее. Я полагаю, нам придется убить ее после того, как она выдаст нам свой маленький секрет. И очень плохо, что она такая красотка.

Джон Стар стоял неподвижно, не веря собственным ушам, и Эрик Ульмар улыбнулся.

— Я предатель, Джон, если пользоваться твоим определением. Но ты — нечто хуже. Ты дурак, Джон. Я привез тебя с собой, потому что мне нужен был надежный человек для пополнения стражи и потому что мой дядя настаивал, чтобы тебе предоставили в жизни шанс. Похоже, он был слишком хорошего мнения о твоих способностях.

Внезапно Эрик Ульмар разразился пронзительным девицким хихиканьем.

— Ты дурак, Джон! Если ты хочешь знать, какой ты большой дурак, только взгляни вверх!

И благородная золотистая голова иронично дернулась.

Джон Стар не сводил с него взгляда, ожидая подвоха, мотущего отвлечь его.

Едва взглянув вверх, он понял, что ему угрожает. В пятидесяти футах над ним висело нечто, похожее на гондолу. Машина из ярко-черного металла, подвешенная на тросах к огромному суставчатому стволу, который вытянулся из чрева летательного аппарата, внутри которого виднелись титанические черные механизмы.

В гондоле он мельком заметил нечто. Черные борта не позволяли видеть это ясно. Однако то немногое, что он увидел, заставило кровь застыть в жилах. Вдоль позвоночника побежали мурашки, по телу как бы пошел электрический ток. Дыхание стало прерывистым, сердце стучало, все тело напряглось и дрожало. Один лишь взгляд на это нечто пробудил все его инстинкты самосохранения — само присутствие этого поднимало в душе первобытный ужас.

И все же под тенью огромной черной машины он мало что увидел. Выпуклая темная поверхность, прозрачно-зеленая, скользкая, пульсирующая слизнеобразной жизнью. Поверхность тела чего-то огромного и совершенно чужого.

Он увидел, что из-за бортов на него зловеще глядят глаза. Длинный, овальный, блестящий. Колодец холодного пурпурного пламени, замутненного древней мудростью, вкупе с чистым злом. И это было все.

Выпуклая, колышущаяся зеленая поверхность. И этот пурпурный глаз. Он не мог больше смотреть. Но этого было достаточно, чтобы в нем проснулись все реакции первобытного страха.

A STREET & SMITH PUBLICATION

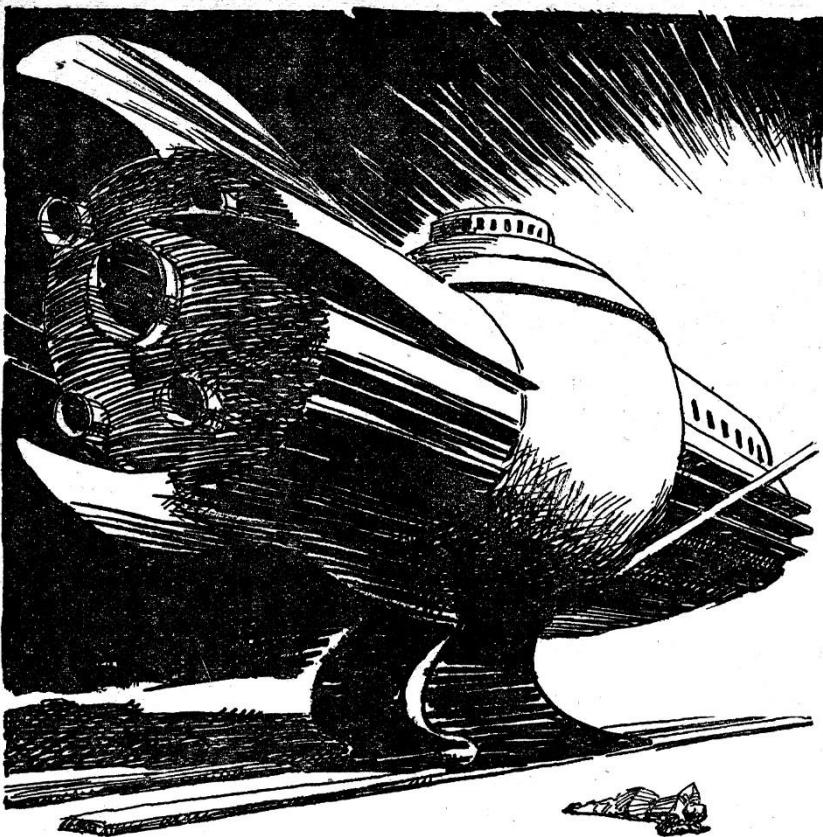
ASTOUNDING

STORIES

THE LEGION OF SPACE

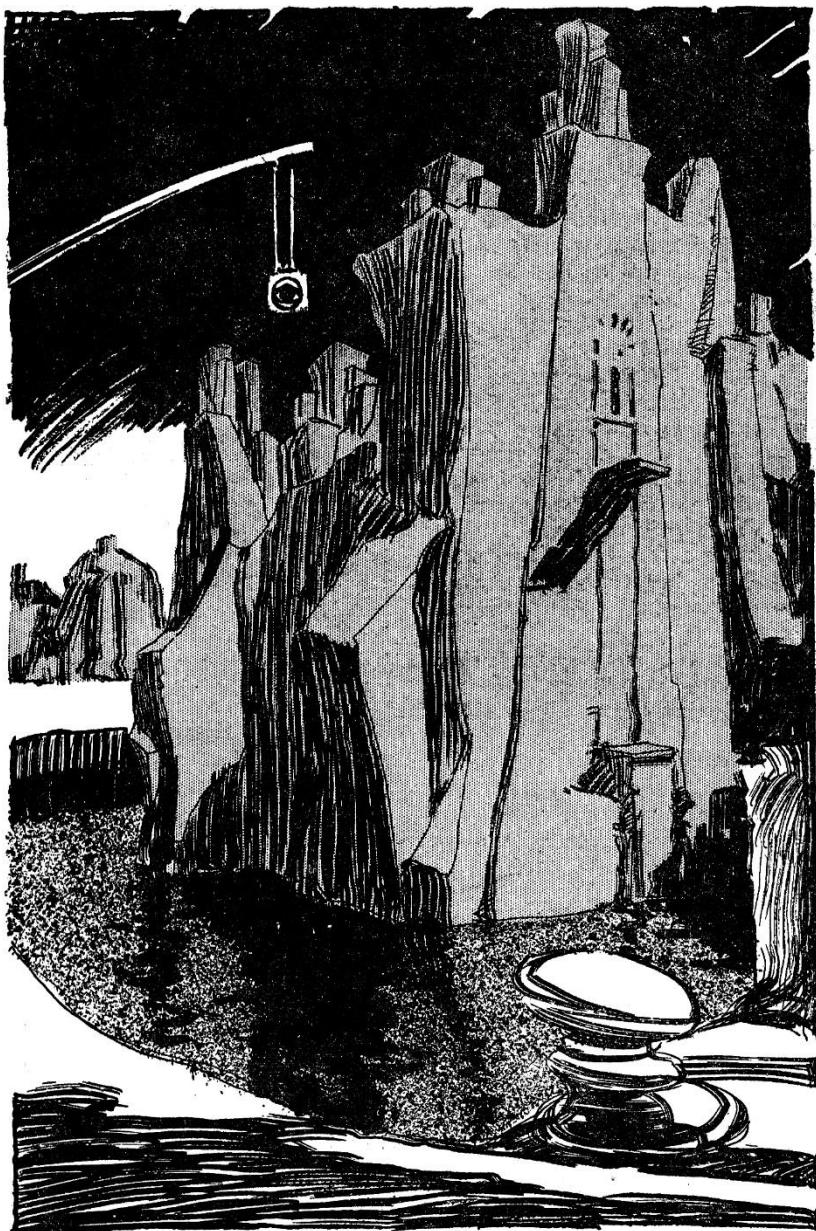
by Jack Williamson

Страх заставил его онеметь. Он остановил его дыхание и задержал сердцебиение. Он всыпал в его глотку пыль ужаса. Он омыл его члены ледяным потом. Наконец, Джон освободился от оцепенения и вскинул оружие. Однако то, что находилось в гондоле, ударило первым. Из борта машины вырвался красноватый газ. Что-то ударило его по плечу. Всего лишь холодное дыхание. А потом красное землетрясение не-выносимой боли швырнуло его на песок. Черное забвение принесло избавление от боли.

Когда сознание вернулось, он с трудом сел. Он был буквально растоптан, все тело дрожало, было мокрым от пота. Рука и плечо были парализованы и горели от страшной

боли. Ничего не соображая, наполовину ослепший, он огляделся.

Эрик Ульмар исчез, и он сразу же обнаружил, что не видит черной гондолы. Но циклопический корабль по-прежнему чудовищно возвышался на фоне зеленоватого марсианского неба. Он рассматривал путаницу лопастей, ярусов и труб, пока наконец не увидел качающегося механизма. Титанический кран протянулся к самому форту. Механизм как раз поднялся над красными стенами, когда он обнаружил его. Тросы быстро втянулись. Ствол длиной в милю телескопически сложился, и огромное отверстие в черном сферическом корпусе, поглотило гондолу. Должно быть, они забрали Эрика Ульмара и затем вернулись в форт, чтобы взять на борт Варса и Кимплена с Аладори. Девушку, подумал он, и сердце его защемило, уже затачили во вражескую машину.

В самое ближайшее время она поднялась. Пелена зеленого пламени вырвалась из пещероподобных дюз. Вытянулись бескрайние эбеновые крылья, чтобы опираться на разреженную атмосферу Марса. Земля задрожала под ним, когда черные полозья подняли свою ношу над каменистой пустыней. Чудовищная злая птица-машина грозно поднималась в зеленоватом небе в фиолетовый зенит.

Грохот подъема удариł его, вверг в бушующее море песка. Жаркий ветер преисподней взметнул вверх занавеси желтого песка, осушил его пот, ослепил и опалил его. Он следил, как корабль превратился в уродливое черное насекомое. Зеленое пламя померкло. Чем дальше, тем менее различим он становился и, наконец, исчез.

Он лежал на песке, в отчаянии и боли, кляня себя за глупость. Подняться он смог лишь вечером, все еще очень слабый. Его рука и плечо были непонятным образом обожжены, словно его облили какой-то едкой жидкостью. Кожа была жесткая, покрытая зеленоватой твердой чешуей.

На трупе капитана Стана были те же следы. И глаз того зеленого колышущегося монстра — это был тот же самый кошмар, который он видел в свое окно. Да, это нечто из корабля убило Стана.

Ведомый слабый искоркой иррациональной надежды, он вскарабкался по склону холма в старый форт, чтобы обыскать обитаемые помещения. Там было тихо и совершенно пусто. Аладори, разумеется, исчезла, и АККА была похищена. Аладори, такая нежная и красивая, была в руках Эрика Ульмара и тех чудовищных существ с темной планеты Звезды Барнарда.

Лишь дикая злость на себя не позволила ему сдаться. Восхищение знаменитым родственником слишком долго ослепляло его. Неправильно понятый долг легионера привел его к этой ошибке. Сам того не желая, он помог предать Зеленый Холл и Легион.

«ПУРПУРНАЯ МЕЧТА»

— О, дружище, наконец-то ты подумал и о нас, — засопел из мрака за решеткой старой тюрьмы Жиль Хабибула. — Мы уже бог знает сколько времени торчим здесь, заперты, в смертельно холодной и темной камере. Мои старые кости болят от этой несчастной сырости. К тому же, дружище, я жутко проголодался. Как могли вы запереть нас на столь долгий срок, не оставив даже жалкого кусочка еды? Неужели ты, дружище, никогда не испытывал грызущего чувства голода?

Джон Стар отомкнул скрипучую ржавую дверь. Единственное, что он мог сделать, чтобы хоть частично исправить беды, нанесенные предателем-родственником. Хотя, самое главное, спасение Аладори и ее могущественной тайны было всего лишь надеждой.

— Дружище, не мог бы ты принести нам супчику? — ныл старый легионер. — И бутылочку старого винца из погреба? Чтобы хоть немного оживить нас и дать нам сил выносить лишения.

— Я собираюсь выпустить вас, — сказал Джон Стар и добавил с горечью: — Это все, что я могу сделать, чтобы хоть немного уменьшить последствия собственной глупости.

— Дружище, ты должен помочь нам выползти к солнышку. Не забудь, что мы смертельно ослабели. И проголодались. Ни крошки не ели с тех пор, как ты нас запер. Ни маковой росинки. Мы заживо гнили в подземелье все эти смертельные недели. Ах, и тратили свое великолепное искусство на попытки открыть замок; разрушенный коварной ржавчиной.

— Недели? Это было меньше десяти часов назад. Я позволил вам съесть весь завтрак, а там было еды на целый полк.

— Не мучьте меня своими шутками. Я превратился от исцеления в жалкий мешок с костями. Во имя жизни, дружище, помогите старому Жилю Хабибуле выйти к свету и дайте ему капелькой вина согреть бедную старую кровушку.

Наконец, старый засов соскочил, и Жиль Хабибула, качаясь, вышел. За ним выбрался Хал Самду, и третьим, осторожно ступая, шагал Джей Калам.

— Мы свободны? — спросил последний.

— Да, — сказал Джон Стар. — Это все, что я могу сделать. Я был полным идиотом. Никогда мне не искупить вину в том, что я помог Эрику Ульмару осуществить его план. Хотя и собираюсь посвятить этому всю свою жизнь.

— Что произошло? — В голосе Джекса Калама звучала тревога.

— Как и предполагала Аладори, Эрик Ульмар был предателем. После того, как я запер вас троих, путь перед ним был открыт. Корабль, тот, что приземлился вчера ночью, прибыл с планеты Звезды Барнарда. Чудовищные существа на его борту — союзники Эрика. Это одно из них убило капитана Стана. Эрик пообещал им корабль, груженный железом, в награду за их участие. Железо у них ценится. Корабль увез Эрика и Аладори. Меня вывели из строя. Я только сейчас смог ходить.

— Это Пурпурные?

— Да. Как и думала Аладори. В их намерения входит восстановление Империи, и Эрик будет на троне.

Они вышли во двор, ярко освещенный полуденным солнцем. Жиль Хабибула стоял, вытянув перед собой толстые руки, и глядел в изумлении. Он помял пальцами тяжелую челюсть, похлопал себя по выпуклому брюху.

— Во имя жизни, дружище, — прохрипел он. — Скажи мне, это не шутка? Неужели это тот самый смертельный день? А как же голодовка? Мои несчастные сапоги!

— Забудь о своем чреве, Жиль! — закричал Хал Самду, медлительный и спокойный великан. Он повернулся к Джону Стару, разгневанный, с красным лицом.

— Этот Эрик Ульмар. — Он тяжело дышал, не в силах сопротивляться гневом. — Он забрал Аладори, ты говоришь?

— Да. Я не знаю, куда.

— Мы выясним, куда. И вернем ее. А Эрика Ульмара...

— Конечно. — Это был тихий и спокойный голос Джая Калама. — Конечно, мы попытаемся спасти ее. Безопасность Системы требует этого, если не говорить о том, что мы в долгу перед Аладори. Первое, что от нас потребуется, — это выяснить, где она, — что будет непросто.

— Мы должны выбраться отсюда, — сказал Джон Стар. — Здесь есть радио?

— Маленький ультракоротковолновый передатчик.

— Мы должны сообщить немедленно в штаб Легиона.

Джон Стар поморщился и горько добавил:

— Да, конечно, сообщить, какого дурака сделал из меня Эрик Ульмар.

— Не из тебя одного, — спокойно возразил Джей Калам;

— И другие, рангом повыше, попались на его удочку. Иначе он сюда не попал бы. Ты мало что мог сделать. Единственная твоя вина — выполнение приказов. Забудь свои печали, давай исправлять причиненный ущерб.

— Пошли. Мы пошлем сообщение на базу, если они не разбили передатчик перед уходом.

Однако, маленький передатчик, помещавшийся в небольшой комнате в башне, был тщательно и полностью уничтожен. Лампы разбиты, конденсаторы превращены в бесформенный металл, батареи выпотрошены, провода разрезаны на кусочки.

— Разрушен, — сказал он.

— Мы должны его отремонтировать! — закричал Джон Стар.

Но при всем своем оптимизме он вскоре должен был признать невозможность этой задачи.

— Тут делать нечего. Но кое-что должно быть. Корабль обеспечения.

— Не вернется в течение года. Он приходит редко, чтобы не привлекать внимания, — сказал Джей Калам.

— Но, если наша станция будет хранить молчание, неужели они ничего не заподозрят?

— Мы связываемся только в крайних случаях. Передатчиком мы практически никогда не пользуемся. Сигналы можно перехватить, и станцию запеленговать. Мы полагались на абсолютную секретность, а также на саму АККА. И, конечно, Аладори не держала свое оружие наготове, опасаясь, что оно может быть выкрадено. Что и дало на этот раз возможность предателям захватить ее. Мы не были готовы к измене.

— А можно пройти пешком?

— Невозможно. В пустыне нет воды. Это одно из самых изолированных мест на Марсе. Нам не нужны были случайные посетители.

— Но должно же быть кое-что...

— Мы должны поесть, дружище, — настаивал Жиль Хабибула. — Пусть это даже самый смертельный день. Ничто так не ускоряет работу ума, как добрая еда. Хороший ужин, дружище, с бутылочкой старого вина, и ты вызволишь нас отсюда в эту же несчастную ночь.

И, действительно, когда он выпил бокал вина из замечательного погреба старого форта, на него нахлынуло вдохновение.

— У нас есть фонари! — вскричал он. — Мы должны установить их на полную мощность. Ничего, если в этом случае они скоро погаснут. Пошлем сигнал бедствия. На темном фоне пустыни он будет хорошо виден из космоса.

— Попробуем, — согласился Джек Калам. — Может быть, заметят. Если даже не с крейсера Легиона, то все равно можно будет передать это сообщение по любой радио.

— Ага, дружище, что я тебе говорил! Что тебе говорил бедный старый Жиль Хабибула? Разве капелька вина не обострила твой ум?

Когда зеленое свечение погасло, и холодная чистая марсианская ночь опустилась на красный ландшафт, Джон Стар стоял наготове на платформе северной башни, и его карманний фонарь был у него в руке. Несколько витков были убраны, чтобы в тысячу раз увеличить его яркость.

Он светил им в испещренную звездами ночь, снова и снова посыпая кодированные сигналы бедствия, Фонарь обжигал ладони, и, когда электроды догорали, перегруженные витки погасли. Однако наготове с другим фонарем стоял Джей Калам, и его фонарь вспыхнул в ту же секунду. Он посыпал безмолвный призыв о помощи.

Сейчас ему казалось невероятным, что сегодня утром на этой платформе рядом с ним стояла Аладори. Невероятным, ибо сейчас она затерялась где-то в черном водовороте космоса, возможно, в десяти миллионах миль от него. В сердце сидела боль. Он опять рисовал в воображении, как она стоит — стройная, изящная, ясно очерченная. Глаза серьезные, холодные, серые. Коричнево-золотистые волосы горят на солнце. Его решимость освободить ее была бы не меньшей, если бы она была просто частицей человечества, а не хранительницей бесценного сокровища Системы.

Спустя долгое время после полуночи погас последний фонарь. Затем до лимонно-зеленого рассвета они ждали на

платформе, вглядываясь в испятнанный звездами пурпур, с вожделением ожидая, когда голубые сполохи дюз сообщат о появлении спускающегося корабля. Однако они не видели ничего, кроме слабо различимой искорки Фобоса, поднимающейся на западе и быстро переползающей к востоку.

Жиль Хабибула был рядом с ними. Он лежал на спине, мирно похрапывая. Он проснулся с рассветом и спустился на кухню. Неожиданно он закричал, что завтрак готов. Остальные уже были готовы в отчаянии покинуть башню, когда услышали рев дюз приземляющегося корабля.

Длинный серебристый корабль, стрела белого пламени в утреннем солнце, опускающаяся над фортом, выталкивала перед собой голубое пламя дюз.

— Крейсер Легиона! — воскликнул Джон Стар. — Новейший, самый быстрый тип.

Его голубые глаза, прищурившись, смотрели на корабль. Хал Самду прочитал на борту название:

— «Пурпурная» ... что-то вроде «Пурпурная Мечта».

— «Пурпурная Мечта»? — эхом отозвался Джей Калам. — Это флагман флота Легиона. Это корабль самого командора.

— Корабль командора? — эхом повторил Джон Стар, сразу упав духом. — Я боюсь, что он не принесет нам ничего хорошего. Командор Адам Ульмар — дядя Эрика, подлинный лидер Пурпурных. Это Адам Ульмар послал Эрика в звездную экспедицию и это Адам Ульмар нашел Аладори в ее убежище и назвал Эрика командиром ее стражи. Боюсь, что от командира Легиона нам нельзя ожидать ничего, кроме неприятностей.

ВАКАНТНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Четверо вышли из старых ворот. Жиль Хабибула поглощал припасы, рассованные по карманам. Они спустились по

красному каменистому склону к «Пурпурной Мечте», расположавшейся посреди дюн желтой пустыни.

Офицер, человек слишком старый для своего ранга, худой и порывистый, с челюстью, похожей на капкан, появился в открытом шлюзе.

— Это вы посылали сигнал бедствия?

— Мы, — сказал Джон Стар.

— В чем ваша проблема?

— Мы должны покинуть это место. Нам необходимо немедленно явиться с сообщением в Зеленый Холл.

— Каким именно сообщением?

— Это конфиденциально.

— Конфиденциально? — медленно повторил офицер, глядя вниз водянистыми глазами. — Тогда поднимайтесь на борт, в мою каюту.

Они поднялись по трапу и прошли за ним по узкой палубе в его каюту. Закрыв дверь, он повернулся к ним с явно раздраженным видом.

— Вам совершенно нечего от меня скрывать. Я капитан Мадлок. Я пользуюсь полным доверием командора Ульмара. Я знаю, что вы были отправлены сюда на охрану бесценного сокровища. Что у вас произошло?

Все хранили молчание. Джей Калам имел привычку выжидать. Хал Самду был немногоречив. Жиль Хабибула был слишком осторожен. Джон Стар горько произнес:

— Это сокровище потеряно!

— Потеряно? — рявкнул Мадлок. — Вы потеряли АККА?

Джон мрачно кивнул. Сердце его ныло.

— Сюда был подослан предатель.

— Меня не интересует алиби. Вы признаете, что не оправдали наше доверие?

— Похищена Аладори Антар, — жестко сказал Стар. Резкое лицо Мадлока заставило его вспомнить лекции по воинской вежливости. — Я полагаю, сэр, что эти новости следует сообщить в Зеленый Холл.

В голосе Мадлока звенел металл:

- Я сделаю все необходимые сообщения.
 - Сэр, поиски надо начать немедленно, — настойчиво сказал Джон Стар.
 - Я не принимаю от вас приказов, многоуважаемый. И я немедленно отправлю вас четверых к командору Ульмару, на его базу на Фобосе. И вы сообщите ему о своем провале.
 - Сэр, нельзя ли мне вернуться на несколько минут? — попросил Жиль Хабибула.
 - Для чего?
 - Всего лишь несколько жалких ящиков старого винца.
 - Что? — изумился Мадлок. — Винца? Мы отправляемся немедленно.
 - Я прошу прощения, сэр, — хмуро вмешался Джей Калам. — Наша миссия представляет нам особое положение в Легионе, невзирая на военный ранг. Мы не находимся под вашим командованием.
 - Ваши сигналы были замечены в личной обсерватории командора Ульмара на Фобосе, — рявкнул Мадлок. — Предположив, и не без оснований, что вы не оправдали нашего доверия и потеряли АККА, он послал меня, чтобы доставить вас в Пурпурный Холл. Я полагаю, что вы должны подчиниться командиру Легиона. Мы отправляемся через двадцать минут.
- Джон Стар слышал о резиденции Ульмара на Фобосе, ибо знаменитая роскошь Пурпурного Холла славилась по всей Системе. Ближняя к Марсу луна, кусок скалы менее двадцати миль в диаметре, всегда, по праву освоителей, принадлежал Ульмарам. Оборудовав пустынную каменистую поверхность искусственными гравитационными системами, синтетической атмосферой и морями, искусственной воды, вырастив леса на почве, изготовленной из химических веществ и дезинтегрированного камня, планетарные инженеры превратили его в замечательную личную резиденцию.
- У себя в резиденции Адам Ульмар, приобретя архитектурные проекты Зеленого Холла, а именно колossalного здания конгресса солнечной системы, повторил его до

последней комнаты. Однако в основании оно было на дюйм шире, и использовалось при его постройке не зеленое, а пурпурное стекло.

«Пурпурная Мечта» опустилась на посадочную площадку на верхушке титанической квадратной башни. Джон Стар увидел крыши огромных крыльев здания, блестящую пурпурную поверхность, простирающуюся над яркой зеленью газона и сада. Далее — леса и холмы крошечного мира, казалось, обрывались с завораживающей внезапностью. Так что он чувствовал себя так неуютно, словно находился на вершине зеленого шара, плывущего в звездной, пурпурно-синей бездне.

Они спустились на лифте на три тысячи футов в сопровождении Мадлока и полудюжины бдительных, вооруженных мужчин с крейсера и прошли в удивительную комнату. Скопированная с Зала Совета Зеленого Холла, она была площадью в 500 квадратных футов и имела форму грандиозного купола. Галереи и стены с колоннами освещались разноцветными лампами, подчеркивающими эффект огромного пространства и роскоши. В центре зала, сгруппировавшись на участке, казавшемся крошечным, располагалась тысяча кресел, такие же как в Зале Совета Зеленого Холла. Над ними, на высоком помосте, стоял величественный трон из пурпурного стекла под балдахином. На его сиденье лежала старая корона и скипетр императоров в ожидании. Они прошли, изумленные и очарованные, под шепчувшими сводами, обошли помост. За троном они проследовали в маленькую комнату, охраняемую стражниками. Здесь, за простым столом, сидел Адам Ульмар, командир Легиона, хозяин всей этой роскоши, несметных богатств и обладатель власти, которую они ему предоставляли.

В два раза старше Эрика Ульмара и в два раза превосходящий его весом, Адам Ульмар был столь же красив, как и его племянник. Прямой, с квадратными плечами, он носил обычную форму Легиона без знаков отличия. В лице его была спокойная сила, нос крупный, рот мягкий. Глубоко

посаженные синие глаза контрастировали довольно резко с девичьей вялостью узкого лица Эрика. Его длинные волосы, почти белые, были для него почти такой же характерной чертой, как и золотистые волнистые локоны для Эрика.

Джон Стар, к своему удивлению, почувствовал немедленную приязнь к этому человеку одной с ним крови, столь щедрого к своему неведомому родственнику, но теперь, похоже, предателю Легиона, которым он командовал.

— Командор, это люди, — кратко сообщил Мадлок, — которые потеряли АККА.

Адам Ульмар взглянул на них без удивления, на его выразительном лице блуждала слабая улыбка.

— Так это вы охраняли Аладори Антар? — спросил он, голос его был хорошо поставлен и приятен. — Ваши имена?

Джон Стар назвал своих спутников.

— А я Джон Ульмар.

Вновь улыбнувшись, Адам Ульмар встал из-за стола.

— Джон Ульмар? Надо думать, мой родственник?

— Я тоже так считаю.

Он стоял, не улыбаясь.

Адам Ульмар обошел вокруг стола, чтобы приветствовать его с теплой вежливостью.

— Мы поговорим наедине, Джон, — сказал он и кивнул Мадлоку, который удалился вместе с остальными.

После этого он повернулся к Джону Стару и сказал раздущно:

— Приветствуя тебя, Джон. Мне бы хотелось встретиться с тобой пораньше и при иных обстоятельствах. Академия Легиона дала тебе замечательную характеристику. Я задумал для тебя карьеру тоже замечательную.

Джон Стар, оставшись стоять с напряженным лицом, сказал жестоко:

— Надо думать, мне следует поблагодарить вас, командор Ульмар, за мое образование и направление в Легион. Несколько дней назад я сделал бы это с большой радостью.

Сейчас же мне кажется, что меня обманули и превратили в инструмент.

— Я бы не сказал этого, Джон, — мягко возразил Адам Ульмар. — Это верно, что события пошли не так, как я запланировал. Эрик взял на себя слишком многое. Однако я направил тебя под его непосредственное начало. Я собирался...

— Под начало Эрика! — горячо воскликнул Джон Стар. — Предателя! А я-то просто боготворил его, не зная, кто он. Выполняя его приказы, я предал Легион и Зеленый Холл.

— Предатель — слишком грубое слово, Джон, для политических разногласий.

— Политические разногласия! — Голос Джона Стара срывался от ярости. — Вы признаете, что нарушили свой долг офицера Легиона? Вы, сам командир Легиона?

Адам Ульмар тепло улыбался ему, его это забавляло.

— Разве ты не понимаешь, Джон, что я — самый богатый человек в Системе? Что я — самый могущественный и влиятельный? Разве тебе не приходит в голову, что быть сторонником Пурпурного Холла гораздо выгоднее, чем поддерживать демократию?

— Вы пытаетесь, сэр, сделать из меня предателя?

— Прошу тебя, Джон, не применяй этого слова. Форма правления, за которую я стою, санкционирована историей гораздо раньше, нежели твои глупые идеи о равенстве и демократии. И, в конце концов, Джон, ты же Ульмар. Если ты поймешь свое преимущество, я смогу дать тебе богатство, положение и власть, чего ты от своей нынешней непрактичной демократии никогда не добьешься.

— Я этого не пойму.

Джон Стар по-прежнему стоял, напрягшись, перед столом. Адам Ульмар подошел к нему и настойчиво взял его за руку.

— Джон, — сказал он. — Ты мне нравишься. Даже когда ты был очень маленьким — я не думаю, что ты помнишь, что мы встречались, — ты проявлял качества, которые мне по

душе. Твоя храбрость и эта упрямая целеустремленность, которая нам сейчас так мешает, — это то, чем не может похвастаться мой племянник.

Я заинтересован в твоей карьере. Я участвовал в ней гораздо больше, чем ты думаешь. Твое продвижение в Академии, все, что ты сделал, было под моим пристальным наблюдением.

У меня нет сына, Джон. А семья Ульмаров не очень велика. Только Эрик, сын моего несчастного старшего брата, ты и я. Эрик на двенадцать лет старше тебя, Джон. Он был избалован в детстве. Ему всегда говорили, что однажды он может стать императором. Он испортился. И мне не совсем нравятся результаты, Джон. Эрик слаб. Он твердолоб и коварен. Этот союз с существами планеты Убегающей Звезды — это прием труса. Он пошел на него без моего согласия. Поэтому что боялся, что мои планы восстания потерпят провал.

Мне крайне не нравится результат, Джон.

Что же касается тебя, то я устроил тебя в Академию, не сообщая тебе о своем высоком положении. Я хотел, чтобы ты научился полагаться на себя, выработал характер, уверенность и храбрость.

Последнее событие, Джон, было чем-то вроде проверки. И оно доказало, надо думать, что ты обладаешь всем, на что я рассчитывал. Кроме того, ты мне нравишься.

— Да, — сказал холодно Джон Стар и замолчал.

— Империя будет восстановлена. Ничто не сможет остановить нас, Джон. Зеленый Холл обречен. Однако я не хочу ставить на это место слабого человека. Ульмары — старая фамилия, гордая фамилия, Джон. Наши предки заплатили за Империю кровью, трудом и мозгами. Я не хочу, чтобы наше имя было опозорено, а такой человек, как Эрик, может опозорить его.

— Вы хотите сказать... — закричал пораженный Джон Стар. — Вы хотите сказать, что я...

— Именно, мой мальчик. — Адам Ульмар улыбался, его приятное, гордое, выразительное лицо светилось надеждой.

— Я не хочу, чтобы Эрик Ульмар был Императором Солнца, когда Зеленый Холл будет низложен. Новым императором будешь ты.

Джон Стар стоял, не шевелясь, молча глядя в красивое сильное лицо с короной белоснежных волос.

— Да, ты будешь императором, Джон, — мягко повторил Адам Ульмар, ласково улыбаясь.

— Ты подходишь гораздо лучше, чем Эрик, ты на прямом пути к цели. Я получил подтверждение.

Джон Стар встряхнул руками и сделал шаг назад, недоверчиво смеясь.

— В чем дело, Джон? — Высокий командор выглядел глубоко удивленным. — Ты не...

— Нет! — Джон справился с дыханием и добавил решительно: — Я не хочу быть императором. Если бы даже я стал императором, я бы отрекся. Я бы восстановил Зеленый Холл.

Адам Ульмар медленно вернулся за стол и тяжело, устало сел. Долгое время он безмолвно сидел, глядя на напряженную решительную фигуру Джона Стара в хмурой задумчивости.

— Я вижу, — сказал он наконец, — что ты серьезен. Неудачный результат твоего обучения, чего я не мог предвидеть. Я думаю, что сейчас тебя слишком поздно изменять.

— Я уверен в этом.

Адам Ульмар снова задумался, и затем, когда он вдруг встал, его длинное лицо стало властным и решительным.

— Я надеюсь, ты понимаешь ситуацию, Джон... Наши замыслы будут осуществлены. Если не ты, то Эрик будет Императором Солнца. Возможно, прислушиваясь к моим советам, он будет править не слишком плохо. В любом случае, Зеленый Холл обречен. Я думаю, что ты, со своими дурацкими убеждениями, будешь против нас?

— Да, — тепло пообещал Джон Стар. — Я ни на что другое не надеюсь, только на срыв ваших подлых планов.

Адам Ульмар кивнул. Какой-то миг казалось, что он улыбается.

— Я знаю это. — В его печальном язвительном голосе отчетливо звучала фамильная гордость. — И это означает, Джон Ульмар, — я буду столь же честен с тобой, как и ты со мной — это означает, что ты должен провести всю свою жизнь в заключении, иначе будет необходимо тебя убить. Я слишком уверен в твоих способностях и целеустремленности, чтобы оставить тебя на свободе.

— Спасибо, — сказал Джон Стар голосом более теплым, чем ему бы хотелось.

Что-то смягчило гордую властность на лице старого командора.

— Так до свидания, Джон. Мне жаль, что нам приходится расставаться именно так.

Он положил ладонь на плечо Джона, и на лице его было сочувствие, когда тот невольно вздрогнул от боли.

— Ты нездоров?

— Какое-то оружие с черного корабля. Оно делает зеленые ожоги.

— А, красный газ! — Неожиданно командор стал очень хмур. — Приоткрой тунику, дай мне взглянуть. Похоже, что это некий аэробный вирус. Хотя отчеты, привезенные экспедицией, неполны и крайне запутаны. Его воздействие очень неприятно, однако мои эксперты в области планетарной медицины научились с ним бороться. Повернись-ка, дай я еще раз посмотрю... Ты должен немедленно лечь в госпиталь. И я думаю, мы сможем тебя вылечить.

— Спасибо, — сказал Джон Стар менее угрюмо. Ибо он слышал ужасные рассказы о несчастных людях, заживо гниющих в ужасных мучениях от такого газа.

— Мне жаль, мой мальчик, что я ничего другого уже не смогу для тебя сделать. Я очень сожалею, что ты предпочел заключение после госпиталя, а не пустующий трон императора.

ЗОВ СВЫШЕ ЖИЛЯ ХАБИБУЛЫ

В госпитальной палате, в южном крыле колоссального Пурпурного Холла, грубоватый немногословный доктор промыл рану Джона Стара голубым, слегка люминесцирующим раствором, наложил густой слой мази, перевязал и отправил его в постель. Двумя днями позже старая кожа стала отваливаться жесткими зеленоватыми чешуйками, оставляя под собой новую здоровую плоть.

— Хорошо, — сказал лаконично врач, придя осмотреть его. — Даже шрама не осталось. Тебе повезло.

Джон Стар применил один из приемов, которым он научился в Академии. Он вышел из палаты в одежде доктора, оставил его с кляпом во рту, связанным, разъяненным, но невредимого.

Четверо в форме Легиона встретили его за дверью. Они были вооружены, ничуть не удивились и даже соблюдали вежливость.

— Прошу сюда, Джон Ульмар, если вы уже готовы отправиться в тюрьму.

Джон Стар молча кивнул, напряженно улыбаясь. Тюрьмой служило просторное кубическое помещение над северным крылом Пурпурного Холла. Стены его были из белого металла, блестящего и непробиваемого. Тройные двери были массивными, каждая представляла собой отодвигавшуюся броневую плиту. В узких коридорах между ними находились стражники. Механизм позволял открываться одновременно только одной двери, так что две другие постоянно преграждали путь к свободе.

Тюремный блок располагался в центре громадной комнаты — двойной ряд больших железных клетей, разделенных листовым металлом. В каждой камере были жесткие узкие нары, рассчитана такая камера была только на одного человека. Один стражник находился на часах, постоянно обходя вокруг блока.

Джон Стар, запертый в одиночестве, удрученно бросился на нары. Сердце его искало путь к свободе, ибо Легион под началом Адама Ульмара не предпримет никаких попыток спасти Алладори. Зеленый Холл, с горечью подумал он, не будет даже информирован об утрате АККА. Но как бежать, как покинуть запертую камеру? Как обмануть часового, вооруженного только дубинкой на тот случай, если кому-нибудь из узников удастся его обезоружить? Как пройти через три двери со стражниками между ними? Как пробраться по бесконечному коридору Пурпурного Холла, надежной крепости? Как, наконец, покинуть крошечную планету, ставшую личной империей Адама Ульмара, охраняемой его верными сподвижниками? Как совершиТЬ невозможное? В соседней камере кто-то льстиво заговорил:

— О, друг, неужели в тебе нет сердца? Нас посадили в эту зловещую камеру на хлеб и воду. Неужели у тебя сердце из камня, приятель? Ведь ты же можешь принести нам что-нибудь еще на ужин, какой-нибудь вкусный кусочек, чтобы пробудить наш аппетит к тюремному пайку, скажем, толстую отбивную с грибным соусом и по мясному пирогу для каждого из нас. Только для аппетита!

— Для аппетита, мешок с салом? — откликнулся доброушно часовой, проходя мимо. — Ты ешь столько, что хватило бы семерым.

— Конечно, — заныл голос вновь, — что еще может делать человек, заслуженный старый солдат Легиона, гниющий за живо в этом черном подземелье, обвиненный в убийстве, измене долгу и бог знает еще в каких преступлениях, которые он не совершал. Поэтому иди, приятель, и принеси мне бутылочку вина. Одну лишь жалкую бутылочку. Оно слегка согреет бедного старого солдата, окоченевшего среди этих железных стен. Оно поможет мне забыть о трибунале и о камере смертников после вынесения приговора. Ведь, видит бог, они хотят убить всех нас троих. Как ты можешь быть таким бессердечным, дружище? Как ты можешь отказать в капельке счастья человеку, уже обреченному и почти

покойнику? Иди, во имя жизни. Ах, друг, только одну бутылочку для бедного, голодного, избитого, проклятого, старого Жиля Хабибулы!

— Хватит! Молчать! Я уже принес тебе сегодня все, что можно! Ты уже вылакал сегодня шесть бутылок. Начальник тюрьмы говорит — хватит. Мне еще никогда не приходилось слышать о подобной мягкости. Лишь благодаря особому разрешению командора тебе вообще разрешается пить. И больше никаких разговоров, таковы правила.

Джон Стар был рад, что опять слышит своих спутников, хотя то, что они дожидаются суда, было плохой новостью. Адам Ульмар, видимо, будет безжалостен к этим верным людям, чье единственное преступление заключается в том, что они знали об его измене.

Он удрученно лежал на узких нарах, как вдруг услышал тихий стук по металлической переборке над головой, который враз вытащил его из апатии.

Поскольку буквы выстукивались легионерским кодом, он понял:

— К-Т-О?

Он быстро и осторожно ответил:

— Д-Ж У-Л-Ь-М-А-Р.

— Д-Ж К-А-Л-А-М.

Он подождал, пока часовой снова пройдет мимо, и отступал:

— Б-Е-Ж-А-Т-Ь.

— Е-С-Т-Ь Ш-А-Н-С.

— К-А-К?

— Д-У-Б-И-Н-К-А С-Т-Р-А-Ж-Н-И-К-А.

Уже большую часть дня и ночи Джон Стар смотрел на эту дубинку, которая проплывала за его решеткой через равные промежутки времени. Обычный 18-дюймовый деревянный стержень с резной рукояткой, обмотанной для тяжести зеленою проволокой. Он не мог понять, как ее можно использовать, однако, очевидно, она входила в некий план, возникший в отточенном, аналитическом уме Джекса Калама.

Каждый стражник был заперт в большом помещении вместе с ними на четыре часа и обходил блок через каждые 15 минут, докладывая по переговорному устройству. Привычки часовых различались. Первый, добродушный мужчина, из осторожности носил дубинку не в той руке, что была ближе к узникам. Другой ходил в удалении и был недостижим. Третий был не столь осторожен и дубинку на кожаном темляке перекидывал с одной руки на другую. Однажды Джон Стар заметил, как он сделал это всего лишь в фуре от его решетки. Напрягшись, он ждал, когда это повторится. Но его шанс еще не пришел.

Снова добродушный человек. И опять осторожный. Затем вновь тот, у которого дубинка болталась свободно.

Джон Стар ждал в течение часа, растянувшись на нарах, с мрачным выражением на лице, машинально выдергивая нитки из одеяла, и шанс представился. Каждое движение он продумал и прогнал у себя в голове. Он приготовился. Тренированное тело двигалось с легкостью и быстротой. Он беззвучно прыгнул, когда дубинка качнулась. Рука проскользнула между прутьями решетки. Сильные пальцы сомкнулись вокруг дерева. Он прижал колено и плечо к решетке, рука пошла назад. Все это произошло еще до того, как стражник смог повернуть голову. Кожаный темляк на запястье притянул его к решетке камеры, череп ударился о прутья. Он тихо упал. Джон Стар снял темляк с его обессиленной руки и прошептал:

— Джей, дубинка у меня.

— Я надеялся, что тебе удастся, — тихо и быстро прошептал Джей Калам из камеры справа от него. — Будь любезен, передай ее Жилю.

— Сюда, дружище. — Слева послышалось жуткое сопение. — Побыстрей, во имя жизни!

Он сунул дубинку за решетку и почувствовал, как пальцы Жиля Хабибулы схватились за нее.

— Мне обыскать стражника? — прошептал он.

— У него нет ключей, — сказал Джей Калам. — Они знали, что это могло случиться. Надо положиться на Жиля.

— Мой отец был изобретателем замков, — послышалось сопение из камеры слева. — Мне было знамение свыше. Жиль Хабибула не всегда был старым увечным солдатом Легиона. В свои лучшие годы... — Голос затих.

Джон Стар взял себя в руки и стал молча ждать. Больше ничего не оставалось делать. В соседней камере Жиль Хабибула занимался делом. Ясно слышалось его тяжелое дыхание. Время от времени Джон Стар слышал жуткое бормотание:

— Смертельные минуты!.. Эта проклятая, проволока!.. Во имя жизни!.. О, бедный старый Жиль!

— Поторопись, Жиль — подал голос Хал Самду из камеры позади. — Поторопись.

Слышны были тихие лязгающие звуки.

— У нас еще пять минут. — Голос Джека Калама был тих. — Потом стражник должен доложить.

Часовой застонал. Джон Стар молча отправил его в беспамятство при помощи приема, которому научился в Академии, — одного короткого удара ребром ладони.

Дверь распахнулась. Он вышел к Жилю Хабибуле. Приземистое и массивное тело старого легионера, казалось, дрожало от возбуждения, однако толстые руки были необычно уверены и тверды, хотя он лихорадочно возился с дверью Джека Калама, вскрывая ее с помощью куска проволоки, изогнутой, зеленой, из оплетки дубинки.

— Бедный старый Жиль не всегда был ленивым и бесполезным солдатом Легиона, парень, — отвлеченно сопел он.

— Все было не так, когда он был молод и силен, прежде чем с ним случилась смертельная беда на Венере и ему пришлось вступить в этот жалкий Легион...

Дверь выпустила Джека Калама, следующая дала свободу Халу Самду.

Не дыша, Джон Стар прошептал:

— Что теперь?

У них было четыре минуты, затем стражнику надо было докладывать. Огромная комната, в которой находился блок камер, имела массивные металлические стены, и окна в ней отсутствовали. Выход был только один, и между тремя запертymi, дверями в коридорах ждали вооруженные люди.

— Вверх, — сказал, как обычно настойчиво, Джей Калам.
— На крышу блока.

Джон Стар подтянулся на решетках. Остальные быстро последовали за ним. Жиль Хабибула пыхтел, сверху ему помогал Джон Стар, а снизу его поддерживал Хал Самду. Они забрались на металлическую сеть, которая покрывала второй ряд камер. Белый металлический потолок был в пятнадцати футах над ними.

— Вентилятор — прошептал Джей Калам.

Он указал на тяжелую металлическую решетку в потолке, из которой к ним нисходил прохладный поток. — Твоя очередь, Хал. Если и суждено тебе когда-нибудь применить свою силу, то именно сейчас.

— Поднимите меня! — потребовал гигант, вскинув огромные руки. Они подняли его. Пыхтящий Жиль Хабибула и Джей Калам стояли на сетке. Джон Стар, самый легкий из них, стоял у них на плечах, а огромный Хал Самду стоял на плечах у него. Решетка вентилятора была прочна, хотя ее и вставили туда, куда беглецы, по их мнению, не могли бы добраться. Огромные руки Хала Самду сомкнулись на прутьях. Он напрягся. Дыхание было коротким, прерывистым.

— Я не могу, — простонал он. — Не этим путем.

— У нас одна минута, — мягко сказал ему Джей Калам.

Гигант приподнялся на плечах Джона Стара и сложился пополам, упервшись ногами по обе стороны решетки и вися на руках.

— Держи его! — воскликнул Джон Стар. Хал Самду напрягся, упираясь ногами в потолок. Лопнувший металл поддался. Он упал головой вниз с 15-футовой высоты, держа в руках вырванную решетку. Наверху разверзлась черная шахта, из нее изливался поток холодного воздуха.

Троє успели подхватити его на руки. Со стороны двери в большое помещение послышался воющий звук. Механизм замка открывал внутреннюю перегородку. Через несколько секунд войдут стражники, чтобы выяснить, почему молчит переговорное устройство.

— Ты первый, Джон, — сказал Джей Калам. — Ты самый легкий. Поможешь нам.

Они подняли его к отверстию. Он уперся коленями в край и свесился, вытянув руки.

Жиль Хабибула, сопя, полез первым, поддерживаемый снизу. Затем Хал Самду, спустивший Джона Стара, как живую веревку, чтобы Джей Калам мог ухватить его за руки.

— Эй! — прозвучал приказ из открытой двери. — Ни с места, или мы будем стрелять.

Они карабкались вверх, во чрево темной вентиляционной шахты. Опять прозвучала отрывистая команда.

Заряд протонного пистолета осветил темную шахту яркой вспышкой и разбросал горящий металл под ними. Искры ослепили их, жаля электрическими уколами. Они ползли в изогнутом черном пространстве.

СО СМЕРТЬЮ ЗА СПИНОЙ

Горизонтальный проход, по которому они двигались, был из тяжелого листового металла, квадратного сечения, не более трех футов в высоту.

— Смертельно темно, как в кишке у кита, — сказал Жиль Хабибула.

Они ползли все вчетвером, стукаясь о заклепки и выпирающие части головами и конечностями. Впереди был Жиль Хабибула, за ним — Джей Калам и Хал Самду, а Джон Стар двигался последним. Стража, должно быть, замешкалась, разыскивая лестницу, — побег через вентиляционную систему застал их врасплох. Во всяком случае, погони

поначалу слышно не было. Все четверо протискивались в узком пространстве, сильный ветер обдувал их. Жиль Хабибула пыхтел, как двигатель.

— Если это боковое ответвление, — задыхался Джей Калам, — мы должны повернуть лицом к ветру. Он поведет нас к отверстию, в которое поступает воздух. Надо будет пройти через вентиляторы воздухозаборников. Если мы заблудимся, они выловят нас как крыс.

Он замолчал. Ветер внезапно перестал дуть в лицо.

— Они вырубили вентиляторы, — прошептал он. — Теперь мы не сможем идти на воздушный поток.

— Я слышу голоса, — прошептал Джон Стар. — Позади. Идут за нами.

— Во имя сладкой жизни, — засопел Жиль Хабибула чуть позже. — Смертельная стена! Я врезался в нее своей старой головой!

— Пошли, — сказал настойчиво Джей Калам за его спиной. — Наощупь, — добавил он. — Здесь должен быть путь.

— Моя жалкая голова! О да, путь здесь есть. Два пути. Мы подошли к другой галерее. Направо или налево?

— Пусть нас ведет слепой шанс, раз уж они остановили вентиляторы. Направо.

Они заторопились один за другим, опираясь на руки и разбитые колени.

Послышался крик со стороны Жиля Хабибулы:

— Моя смертельная жизнь! Жуткая шахта! Я в нее наполовину провалился. Во имя жизни, не давите так! Я цепляюсь за край!

— Должно быть, колодец, ведущий вниз. Боюсь, мы повернули не туда — воздухозаборник должен быть выше. Однако поворачивать поздно. Пощупай на ощупь. Тут должны быть скобы — лестница на случай, если шахтам потребуется прочистка.

— О да, ты прав, Джей. Я нашел их, и до чего же они хлипкие для такого мужчины, как я! Ах, Джей, я лучше бы остался в камере, пусть бы они меня пытали, мучили

голодом и делали с моим бедным старым телом все, что хотели, судили, запирали в камеру смертников. Джей, Жиль Хабибула слишком стар, слишком болен и ленив, чтобы бегать по черным крысиным норам на четвереньках и карабкаться во тьме вверх и вниз по хлипким лесенкам. Он вам не жалкая обезьянка.

И, тем не менее, он вмиг скользнул через край. Он уже грохотал вниз по темному трапу, остальные — за ним, улавливая его фразы сквозь прерывистое дыхание.

— Фу, — просопел он вдруг. — Боюсь, это все. Я добрался до дна. Пути нет, кроме тонких труб, через которые и крысе не пролезть.

Дрожащими кровоточащими пальцами они ощупывали поверхность, но не находили ответвления, достаточно большого для человека.

— Надо было свернуть налево, — сказал Джей Калам.

— Мы должны вернуться! — воскликнул Джон Стар. — Если мы поспешили, то, может быть, справимся с ними.

Теперь он уже мчался вперед, вверх по трапу. Он достиг горизонтального прохода и двинулся по нему, не обращая внимания на ушибы и ссадины. Хал Самду наступал ему на пятки. Джей Калам тоже отставал ненамного. Жиль Хабибула, тяжело и прерывисто дыша, окликнул их издали:

— Ради драгоценной жизни, вы не можете покинуть бедного старого Жиля. Подождите меня, ребята! Джей, Хал, вы не можете оставить своего бедного товарища на голод, пытки и смерть. Обождите одну лишь секундочку. Дайте бедному истощенному Жилю Хабибуле глотнуть хоть немножко воздуха.

Джон Стар увидел впереди на стене белый луч карманного фонаря. Выходит, преследователи только что приблизились к перекрестку. Он пополз, отчаянно стремясь встретить их первым. Свет падал из ответвления на стену ярким пятном. Он сориентировался на него и стал ждать, скorchившись за углом, стараясь дышать как можно тише. Сзади пошел Хал Самду, и он предостерег гиганта, нажав ему на

ногу подошвой. Далеко позади он услышал жалобные призывы Жиля Хабибулы:

— Всего лишь одну жалкую секундочку, ради самой сладкой жизни. Ах, бедный солдат, больной и измученный, заключенный и обвиненный как самый последний предатель, брошен своими товарищами и заперт в этой вонючей дыре, как подыхающая крыса.

Фонарь вновь блеснул, на этот раз близко. Из бокового туннеля показался шедший первым человек. Джон Стар схватил его на вытянутую руку и вытащил из-за металлического угла.

Бой шел в полной темноте, потому что упавший фонарик погас. Свирепый бой: неизвестный стражник сражался за свою жизнь, Джон Стар — более чем за свою. И краткий — все было кончено прежде, чем следующий человек дошел до перекрестка.

Академия Легиона многому научила Джона Стара — он знал каждую слабую точку человеческого организма. Он знал, как выкручивать конечности, чтобы они ломались, знал захваты, парализующие нерв, знал броски, убивающие противника с помощью его же силы. Он был легок, однако легионерские тренировки сделали его жестким и быстрым, и сейчас он имел все шансы на победу в схватке с другими легионерами.

Его противник пытался первым использовать тяжелый маленький протонный пистолет, находившийся у него в правой руке. Но обнаружил, что рука сломана в запястье. Тогда левой рукой он ударил во тьму, и собственный удар швырнулся на стену шахты. Он рванулся, пытаясь ударить назад, и сломал себе шею.

С этим все было кончено. Когда следующий человек включил фонарик, чтобы посмотреть, как проходит бой, Джон Стар уже держал протонный пистолет, выроненный первым стражником, наведя его прямо на туннель. Тонкая ищущая струя чистой электроэнергии — протонная вспышка жгла металл, воспламеняла горючее, разрезала

плоть. Это узкий убийственный меч мощного фиолетового излучения, а не игрушка.

На все ушли секунды. У других людей было похожее оружие и тоже наготове, однако они вынуждены были мгновение помедлить, чтобы найти цель. Джон Стар не медлил. И пятеро человек погибли в шахте: трое от непосредственного контакта с лучом, двоих других убил разряд ионизированного воздуха. Протонный пистолет был не игрушкой. И Джон Стар сильно надавил на спуск, опорожнив одним выстрелом весь магазин.

Столь быстрая расправа вызвала у Джона Стара тошноту. Это был первый тест на те смертельные виды искусства, которым его обучали, — никогда прежде он не убивал человека. Его мучило. Он почувствовал слабость.

— Джон? — неуверенно прошептал Хал Самду.

— Я... со мной все в порядке. — Он попытался взять себя в руки. Выбора не было. Если бы ему пришлось убивать снова, он сделал бы это... «Несколько жизней», — сказал он себе мрачно, — ничто по сравнению с безопасностью Зеленого Холла. Или, — прошептала вторая часть его „я“, — с безопасностью Аладори.»

Он неуверенно наклонился над выроненным фонариком.

— Стражники... они все мертвые, — хмуро прошептал он.
— Я убил их всех.

— У тебя протонный пистолет? — Хал Самду сам не сознавал своего страха.

— Мертвые! — Но вопрос вернул его в действительность.

— Да. Хотя он бесполезен, пока я не найду запасного магазина.

Заставив себя, он обыскал ближайшее к нему тело и не нашел запасного магазина, затем двинулся к тем, кого убиллуч.

Джей Калам встал.

— Ты применил протонный пистолет на полную мощность? Тогда бесполезно искать запасной магазин или вообще что-нибудь электрическое — все выгорело.

Он нашел второй протонный пистолет — полурасплавленный, дымящийся горелой изоляцией, он был настолько горяч, что жег пальцы.

Вдалеке, в стороне, где находилась тюрьма, послышалась команда. Они увидели отблески мерцающего света.

— Опять идут. Мы должны идти. На этот раз налево.

Жиль Хабибула с шумом поднялся. Он наткнулся на Джея Калама и засопел:

— Пора бы отдохнуть! Я потерял десять смертельных фунтов уже, шныряя по этим грязным и бесконечным крысным норам. И я запарился, как...

— Пошли, — коротко позвал Хал Самду. — Ты еще больше запаришься, когда протонный разряд угодит тебе в корму.

Они двигались, отчаянные, исцарапанные, хватая ртами воздух, но без оружия, если не считать бесполезного протонного пистолета. Бежали все вчетвером, болезненно натыкаясь на выступы и углы.

— Играем в глупую игру в кошки-мышки, — хныкал Жиль Хабибула.

Джон Стар, шедший впереди, внезапно окликнул их:

— Вторая шахта — большая. Ведет и вверх, и вниз.

— Тогда вверх, — сказал Джей Калам. — Воздухозаборник должен быть над нами. Вероятно, на крыше.

Они поднимались по шатким металлическим скобам в тесной темной трубе.

— Крыша, — сказал внезапно Джон Стар. — Можем ли мы подняться на посадочную площадку на башне? На ней корабли.

— Возможно, — сказал Джей Калам. — Однако надо пройти мимо вентиляторов. Это довольно просто, если они остановлены. Но на посадочной площадке стражи, а у нас нет оружия.

Они поднимались по бесчисленным скобам в непроглядной мгле. Дыхание давалось с болью. Мускулы скрипели и дрожали. Ободранные руки оставляли на металле кровавые следы.

Жиль Хабибула, плетясь в отдалении, шумно пыхтел, и все же ему хватало дыхания для жалоб:

— Ах, бедный старый Жиль умирает, хочет пить. Ну хоть один жалкий глоточек винца! Его несчастное горло стало сухим как кожа. Бедный старый Жиль! Ленивый старый больной Жиль Хабибула. Ему этого не вынести. Все вверх и вверх, и скоро почувствуешь, как превращаешься в смертельную механическую обезьяну.

— Я считал скобы, — сказал, наконец, тихо Джей Калам, прерывая молчание с невероятным мучительным усилием. Мы должны быть в башне.

Поток воздуха неожиданно обрушился на них, обдувая шахту.

— Снова вентиляторы! Интересно, почему?..

Вскоре он узнал, почему. Дующий сверху ветер усилился. Он превратился в злобный ураган. Он выл в ушах демоническими голосами. Он срывал с тел одежду. Он хлестал их когтистыми руками, наносил жестокие удары.

— Пытаются... — кричал Джей Калам, перекрывая его рев, — сбросить нас с лестницы. Вверх, остановить вентиляторы. — Ветер уносил его слова.

Джон Стар поднимался под безжалостными ударами воющего ветра, сражаясь с рвущими его демоническими когтями. Слабые металлические скобы дрожали, прогибаясь под его тяжестью. Медленно, мучительно он выигрывал у быстрого потока сантиметры. Наконец, в ушах раздался другой звук, громче визжавшего воздуха. Гул шестеренок, урчание огромных лопастей. Гудение перегруженных вентиляторов во тьме.

Медленно, дюйм за дюймом, карабкался он вверх, на вершину лестницы, на широкую платформу с вибрирующими металлическими перилами. Там он остановился, чтобы сыграть со смертью.

Где-то над ним рыскали огромные крылья, и он знал, что они не задержатся, даже если расколют ему череп и расплещут мозги.

Он осторожно двинулся, нащупывая путь. Он уже вышел из главного воздушного потока, поэтому мог передвигаться с большей легкостью. Хотя внезапные порывы еще набрасывались на него: это были руки демона, дергающие его к невидимым лопастям. Он двигался на шум шестеренок. Он осторожно изучил пальцами каркас вибрирующей машины. Он пытался представить в уме ее образ. Наконец, он нашел край вращающейся оси и медленно, осторожно ударил тяжелым маленьким пистолетом три раза подряд, но тщетно... Металлические зубья вырвали пистолет из его руки. Бурчание сменилось гневным рыком. Шестеренки ревели и завывали. Они жевали металл и злобно выплевывали осколки. И они сломались. Перегруженный металл кратко и яростно взревел. Затем — тишина. Покой. Невидимые урчащие лопасти замедлились и остановились. Демонический воздух стал недвижим. Джон Стар стоял безмолвно, тяжело дыша, давая отдых дрожащим мускулам; тем временем остальные поднялись к нему.

— Теперь в воздухозаборник, — тихо и требовательно сказал Джей Калам. — Прежде, чем они придут сюда.

— Подождите жалкую секундочку, — засопел Жиль Хабибула, хватая ртом воздух. — Ради самой сладкой жизни, неужели вы не можете подождать ленивого старого солдата, карабкающегося словно белка в колесе?

Они вновь поднимались, карабкаясь по огромному неподвижному лезвию лопасти, по массивной безжизненной оси. Они бежали по огромному горизонтальному туннелю воздухозаборника и вышли на дно другой вертикальной шахты.

— Свет! — воскликнул Джон Стар. — Небо!

Квадратное отверстие на верху шахты светилось, как кусок сала. Хотя это было не небо, а всего лишь нижняя поверхность посадочной площадки.

Вверх по последней короткой лестнице, и вот, наконец, они стоят на крыше. Плоская,ложенная пурпурным стеклом огромная крыша была усеяна отверстиями других

вентиляционных шахт и загромождена гигантскими опорами, поддерживающими огромную платформу взлетной площадки еще в ста футах выше.

— Они узнают, что мы здесь, — тихо напомнил Джей Калам. — Нельзя терять времени.

Они подбежали к краю крыши и снова стали карабкаться по диагональной решетке огромной вертикальной конструкции. Последние пять футов вокруг края гигантской металлической конструкции Джон Стар прошел в одиночестве.

Цепляясь, словно муха, он осторожно перевалился через край грандиозного плоского стола. Всего лишь в двухстах футах от него находился нос «Пурпурной Мечты». Стройная яркая стрела — флагман — сияла под маленьким солнцем, жарко горевшим под прозрачной атмосферой Фобоса.

«Пурпурная Мечта»! Всего лишь в тридцати ярдах были свобода и безопасность, возможность поиска Аладори. Щеголеватая, красивая, новейшая, лучшая, быстрейшая! Лучший крейсер флота Легиона. Великолепная надежда. И напрасная. Воздушный шлюз был задраен, сверкающий корпус непроницаем. В линии возле нее стояли наготове двенадцать вооруженных легионеров. Что за безумие — пытаться вчетвером захватить ее!

Четверо избитых, измученных, ободранных, безоружных беглецов против тысяч, гонящихся за ними. Что за безумие — пытаться захватить крейсер, самую мощную боевую машину в Системе!

Джон Стар знал, что это безумие. И все же отважился составить план.

ПЛАН

Он спустился обратно, к остальным, к холодному сосредоточенному Джеку Каламу, порывистому молчаливому Халу Самду, хныкающему, скрипающему Жилю Хабибуле.

— «Пурпурная Мечта» на месте. Люк направлен в нашу сторону и задраен. На страже — дюжина человек. Однако, мне кажется, у нас есть выход.

— Какой?

Он объяснил, и Джек Калам кивнул, тихо задав несколько вопросов.

— Попытаемся. Ничего другого не остается.

Они вновь спустились на крышу, причем Жиль Хабибула горько жаловался при каждом новом усилии. Они пробежали по диагонали по пурпурным стеклянным черепицам, среди путаницы опор и устало взобрались на платформу за «Пурпурной Мечтой».

Опять Джон Стар взглянул сверху вниз на поверхность крыши.

Ни часовых, ни погони сейчас уже не было видно. Этот титанический подъем в шахте, причем по последней тысяче ступенек против ураганного ветра, бегство через лезвие лопасти вентилятора — все это не должно было вязаться с глазами преследователей.

Плоская платформа. Бок «Пурпурной Мечты» в пятидесяти футах, сверкающая округлость обшивки. Пурпурно-синее небо над ними и вдали.

— Пошли, — прошептал он. — Все чисто.

Через несколько секунд он перебрался через край, хотя даже для его тренированного тела это было крайне тяжело. Хал Самду с его помощью перебрался уже быстрее. Жиль Хабибула, взгромоздясь на край, рыхлый, зеленолицый, взглянулся вниз с трех тысячекуфтовой высоты на пурпурные крыши зданий и зеленую выпуклость крошечной планеты, и ему вдруг неожиданно стало крайне плохо...

— Тошнит! — застонал он. — Смертельно тошнит, умираю. Держи меня, дружище! Потому что бедный Жиль слабеет и умирает. И он чувствует, что падает с этого жалкого спутника!

При всей своей скорости и боевой моши «Пурпурная Мечта» была небольшой, сто двадцать футов в длину, тридцать футов в наибольшем диаметре. И все же непросто было про-

бираться незамеченными и неуслышанными на ее верх, как требовал план Джона Стара.

Они пробежали под защитой ее коротких острых дюз и подняли Джона Стара. И он снова помог остальным подняться. От дюз они начали медленный и опасный путь вперед и вверх по корпусу корабля.

Однажды Жиль Хабибула сорвался. Он начал скользить по полированной обшивке, хрипя от ужаса. Джон Стар и Хал

Самду поймали его, втянули наверх. Наконец, они были в безопасности на середине корабля.

Там они лежали и ждали.

Поначалу они были рады, что им представилась возможность отдохнуть по-человечески. Однако солнце падало прямо на них, проникая сквозь тонкую атмосферу Фобоса, — слепящее, яркое и жуткое. Оно отражалось от обшивки корабля. Они потели, задыхались от жары, и жажда приступила к пытке. Они не отваживались двигаться, они могли лишь ждать. И положение у них было угрожающее.

От корабля, разумеется, они не были видны. Но яркая металлическая платформа просматривалась издали, она блестела и лучилась теплом. Любой случайный наблюдатель мог легко заметить их на крейсере.

Вероятно, они лежали на плоской серебряной жаровне часа два, и вдруг внизу раздался звонок, и напряженный, взъерошенный голос произнес:

— С поручением от командора. Он прибудет на борт через пять минут. Крейсер должен быть готов к немедленному отбытию.

— У нас задраен люк, свяжитесь с капитаном Мадлоком.

— Не знаете, где он может быть?

— Я думаю, он ушел до тех пор, пока эти беглые заключенные не будут пойманы.

— Говорят, это легионеры. — Один — старый, преступник.

А все они отчаянные ребята. Очень опасные.

— Я слышал, они прячутся в вентиляционных шахтах.

— Не вините командора за то, что он улетает. Если этим людям удалось вырваться из-под ареста...

— Они уже убили в шахтах шестерых.

— Я слышал — двенадцать, причем их собственным оружием.

Звук торопливых шагов по ступенькам от лифта. Звонкое лязганье металла, и огромный наружный люк опустился, образовав крошечную площадку под воздушным шлюзом.

Шаги по трапу, затем — внутри корабля. Наконец, хриплый приказ:

— Все в порядке. Задраить люки!

Джон Стар быстро покатился по корпусу и первым скользнул на маленькую платформу — люк. Удар потряс его, однако он удержал дыхание и метнулся в шлюз. Следом за ним там оказался Хал Самду, затем — Джей Калам; Жиль Хабибула, при его комплекции, немного отстал.

В борьбе, которая последовала затем, они имели преимущество полной внезапности. Первый человек, занимавшийся управлением механизмами люков, не был даже вооружен. Он поперхнулся воздухом, увидев Джона Стара. Лицо его тотчас побледнело от ужаса, ибо новая репутация четверки попала на борт раньше их. И он попытался бежать.

Джон Стар поймал его. Резкий удар в солнечное сплетение, удар плоской стороной ладони возле уха. Тот рухнул, безвольный и тихий.

Жиль Хабибула, сопя, перешагнул через край люка, и Джон Стар закричал ему:

— Закрывай люки!

Как только воздушный шлюз был задраен, он знал, что «Пурпурная Мечта» надежно защищена от внезапной опасности.

Перед ним появились двое людей в форме, тяжело дышащие, изумленные. Они попытались схватиться за оружие. Первый из них встретился с кулаком Хала Самду, треснулся спиной о перегородку и медленно скользнул на палубу. Протонный пистолет, крутясь, стал падать, и Джей Калам подхватил его как раз вовремя, чтобы встретить третьего нападающего в зеленой форме Легиона.

Джон Стар быстро справился с собственным противником. Они оба имели легионерскую подготовку, но Джон Стар дрался за АККА и Аладори. Противник схватился за пистолет и зашатался — рука его была вывернута, спина сломана. Джон Стар повернулся и встретил капитана Мадлока, только что вышедшего из-за угла.

Мадлок отпрянул, съежившись и рыча, протонный пистолет уже был у него в руке. Однако Джон Стар опять опередил его, быть может, на сотую долю секунды, но этого было достаточно. Белое лезвие электрического пламени вырвалось из ствола, и у «Пурпурной Мечты» появился новый командир.

Теперь они разделились. Жиль Хабибула остался охранять воздушный шлюз. Хал Самду побежал в направлении кают экипажа, в сторону носа. Джей Калам бросился вниз, в отделение генераторов. Джон Стар помчался вперед, к каюте командора и навигационной рубке.

Их все еще превосходили в отношении двое к одному — ведь состав «Пурпурной Мечты» были двенадцать человек. Такого экипажа было вполне достаточно, поскольку корабль почти полностью управлялся автоматическими механизмами, и люди требовались лишь для инспекции и навигации. Однако на этот раз уже и думать было нельзя о преимуществе внезапности.

Джон Стар встретил всего двух человек. Навигатор вышел из рубки с протонным пистолетом в руке. Он увидел Джона Стара и попытался выстрелить. Но его не подстегивала необходимость вернуть, и безотлагательно, АККА. Он опоздал на две тысячные доли секунды, и этого было достаточно.

Джон Стар распахнул дверь с табличкой «КОМАНДОР» и увидел Адама Ульмара в его каюте — тот натягивал куртку, которую носил на борту.

Долгую секунду высокий беловолосый властелин «Пурпурной Мечты» и Пурпурного Холла стоял совершенно неподвижно, не дыша, глядя на грозную иглу протонного пистолета. Его красивое лицо застыло, и на нем абсолютно отсутствовало какое-либо выражение. Внезапно он вздохнул. Куртка выпала из его рук. Он тяжело уселся в единственное кресло.

— Ну что ж, Джон, ты меня удивил, — сказал он, коротко и хрипло рассмеявшись. — Я учту, что ты слишком опасен,

чтобы оставлять тебя в живых. Я этого не ожидал. Однако на всякий случай решил убраться отсюда.

— Я рад, что вы цените свою жизнь, — резко ответил Джон Стар. — Потому что я намерен поторговаться с вами за нее.

Адам Ульмар улыбнулся успокаивающе, он старался снова взять себя в руки. Это вновь был бывалый старый правитель Пурпурного Холла.

— У тебя преимущество, Джон. Твои люди, надо думать, завладели крейсером?

— Мне тоже так представляется.

— Что ж, это добавляет к твоему, длинному списку преступлений еще и пиратство. Теперь за тобой будет охотиться весь флот Легиона.

— Я знаю. Но это не спасет вашей жизни. Так будем торговаться?

— Чего ты хочешь, Джон?

— Информации. Я хочу знать все об Аладори Антар.

Адам Ульмар облегченно улыбнулся и сказал более свободно:

— Это вполне приемлемо. Обещай мне жизнь, и я все расскажу, хотя не думай, что информация принесет тебе удовлетворение.

— Итак?

— Мне кое-что самому не нравится, Джон. Я хотел, чтобы ее доставили сюда, в Пурпурный Холл. Я думаю, что Эрик уже слишком доверился своим чужакам-союзникам. Видишь ли, она не расположена говорить. Ее трудно убедить, не рискуя убить ее и ее тайну. А нам все еще приходится иметь дело с некоторыми стоеросовыми болванами из Легиона, вроде тебя, Джон, верными Зеленому Холлу.

— Но где она?

— Ее взяли на корабль медузиан и везут к Убегающей Звезде.

— Только не туда! — судорожно произнес он. — Даже Эрик не смеет...

— Да, Джон, — трезво подтвердил знаменитый родственник. — Я не думаю, что этот факт покажется тебе приятным.

— Мы последуем за ней!

— Да, Джон. Я верю, что ты пойдешь на это. — В голосе Адама Ульмара послышалось чуть ли не восхищение. — Однако тебе не следует надеяться на успех.

— Почему?

— Наши союзники, Джон, — это совершенно иная раса. Они существуют дольше, чем человеческая раса. Я их не люблю, говоря откровенно, мне уже приходилось с ними встречаться. Я не одобряю этот союз. И я не одобряю похищения ими девушки. Я не настолько доверяю им в отличие от Эрика.

Они, как ты понимаешь, совершенно не имеют в себе ничего человеческого — да и не похожи ни на одну жизненную форму в Системе, хотя Эрик и зовет их медузианами. У них извращенная психология. Неприятная. Если честно, то я их боюсь.

Но они имеют науку, они способны, развиты. Они обладают накопленными знаниями — сколько веков на это ушло, я не имею представления. Злобные, они располагают великолепными мозгами, холодным, бесчувственным разумом. Они больше похожи на машины, чем на живых существ. Они берут все, что хотят, и очень эффективно, без человеческих предрассудков.

Поэтому я думаю, Джон, что они способны на своей планете охранять девушку и заставить ее выдать тайну.

Они установили всевозможные защитные устройства, чтобы охранять свой чужеродный мир. Это пояс зла — о нем до сих пор бормочут уцелевшие безумцы из экспедиции Эрика.

И если даже я, благодаря тебе, Джон, останусь здесь беспомощным, наши планы будут осуществляться и дальше. Медузиане вернутся. Легион не справится с ними — наша организация Пурпурных уже контролирует это дело.

Зеленый Холл будет сметен — у медузиан замечательное оружие. И Эрик займет трон.

Трон, который мог быть твоим, Джон.

ПРОЩАЙ, СОЛНЦЕ!

Жиль Хабибула издал странные звуки. Он кашлял, хрюпал, плевался. Из рта его вылетали куски пищи. Его лицо, за исключением пурпурного протуберанца носа, покрылось болезненной зеленоватой белизной. Толстые руки дрожали, когда он вскидывал большую бутыль вина и прочищал голосовые связки, чтобы вернуть себе связную речь.

— Моя милая жизнь! — бормотал он, выкатывая рыбью глаза и озирая носовую рубку. — Моя смертельная жизнь! Нам туда не добраться!

— Возможно, мы и не доберемся, — трезво согласился Джон Стар. — Шансы против нас, я полагаю, сто к одному. Однако мы попытаемся.

— Проклятие моим костям! Нам туда не добраться, приятель. Это за пределами Системы — шесть световых лет, а то и больше. Это ужасное расстояние, если потребуется шесть световых лет полного одиночества, чтобы пройти его. Ах, и там подстерегает тысяча опасностей, одна жизнь знает, каких. Я смелый человек — вы все знаете, что добрый старый Жиль Хабибула достаточно смел, чтобы иметь дело с любой обыденной опасностью. Но этого нам не осилить. Из всех роковых экспедиций, которые отправлялись за пределы нашей драгоценной Системы, только одна вернулась назад.

Внезапно на геодезическом экране-карте замерцал крошечный огонек красного цвета. Предупреждающее зазвенел звонок.

— Крейсер Легиона, — заключил Джей Калам вполголоса.

— Движется наперехват «Пурпурной Мечте». А теперь их

уже пять. Охота на пиратов всегда была популярным спортом в Легионе.

— Ближайший в десяти тысячах миль от нас, — добавил Джон Стар, взглянув на диски. — Хотя, вероятно, они не заметят нас, пока нам не удастся починить генераторы и начать движение.

— К Убегающей Звезде! — продолжал сопеть Жиль Хабибула. — Во имя сладкой жизни, к темному и зловещему миру зеленых медузиан. Экспедиция Легиона состояла из пяти прекрасных боевых кораблей. Лучшее, что могла построить Система. С полными комплектами обученных экипажей. И посмотрите, что вернулось назад спустя бесконечный год.

Один потрепанный корабль! И люди на нем, большинство из них жалкие бормочущие психи, они лепечут о вещах, от которых кровь стынет в жилах, — об ужасах, с которыми они встретились на мрачной и грозной планете под злым солнцем. И с тех пор они гниют от некоего страшного вируса, неизвестного докторам: плоть их смертных тел становится зеленою и отваливается.

Смертельные ужасы! И ты хочешь, чтобы мы отправились туда, на жалком и одиноком маленьком корабле, у которого уже повреждены геодины. Нас всего четверо против целой планеты, изобилующей зелеными и подлыми монстрами!

Ты, не должен требовать, чтобы старый Жиль Хабибула отправлялся туда, парень. Бедный старый Жиль, полумертвый от шныряния, как загнанная крыса, по вентиляционным трубам Пурпурного Холла. Старый Жиль слишком слаб для этого. Если вы, трое идиотов, хотите отправиться навстречу смерти в безумии и воплях ужаса, то почему бы вам не высадить старого бедного Жиля на Марсе?

— Чтобы тебя судили и казнили за пиратство? — спросил Джон Стар, мрачно ухмыляясь.

— Не шути со старым Жилем, парень! Он тебе не чванливый пират с окровавленными руками. Старый Жиль — он всего лишь...

— За нами охотится весь Легион, Жиль, — тихо вмешался Джей Калам. — С той самой минуты, когда мы захватили «Пурпурную Мечту». Агенты Легиона сразу же до тебя доберутся, даже спрятаться не успеешь!

— Во имя жизни, Джей, не говори так! Я не подумал об этом. Но мы теперь проклятые пираты, и против нас каждый честный солдат. Ах, все теперь будут смотреть на нас с ужасом и искать способы разделаться с нами.

Его рыбьи глаза блестели от слез, сопящий голос, прерывался:

— Бедный старый Жиль Хабибула, состарившийся на верной службе Легиону, не имеет теперь даже жалкого мечтчка на какой-нибудь планете, чтобы обрести там покой. Его гонят сквозь черные и стылые глубины космоса, изгоняют из Системы, которой он отдал все свои годы и силу. Его гонят на планету, кишащую зелеными нечеловеческими чудовищами. Ах, я, бедный! Неблагодарная Система пожалеет, что была несправедлива к этому смертельному герою!

Он вытер слезы, затем встряхнул бутыль.

Он воспользовался возможностью заглянуть в кладовые сразу же, как только они захватили корабль. Его вместительные карманы были набиты пакетами с синтетическими легионерскими пайками, сладостями, кусками ветчины, которые сейчас вновь плыли в его рот, и поток их прерывался лишь подносимой с той же целью винной бутылью.

«Пурпурная Мечта» дрейфовала в космосе на расстоянии ста тысяч миль от огромного рыжевато-коричневого охряного шара Марса. Крошечный Фобос затерялся среди миллионов разноцветных точек, которыми пестрила черная сфера ожидающего их космоса. Они застыли, выключив огни и сигналы, беспомощные, и флот Легиона алчно охотился за ними.

Командор Адам Ульмар был благополучно заперт в каюте, остальных своих пленников они выпустили через воздушный шлюз, и они, подталкиваемые энергией из дюз, отчалили от посадочной площадки Пурпурного Холма. Джон Стар уже чувствовал себя в объятиях свободы.

Однако затем умирающий инженер, верный традициям Легиона, нажал на кнопку и спалил геодиновый блок. Генераторы отказали, дюзы были неспособны двигать корабль через враждебные и гигантские просторы, и они вчетвером собрались на совещание.

— Она в руках этих чудовищ? — Огромный Хал Самду опять задал этот вопрос, сжав большие кулаки. — Этих чудовищ, о которых говорили безумные ветераны Эрика?

— Да. Кроме того, я думаю, что эти создания мало чем напоминают людей.

— Если позаботиться, — вмешался Джей Калам, — об организации...

— О, вот оно, это слово, — прервал его Жиль Хабибула. — Организация. Регулярность. Четырехразовое питание горячей пищей, которая тут же стынет, двенадцать часов крепкого сна. Организация, хотя всякий человек тут и там может найти лазейку, чтобы перехватить кусочек чего-нибудь холодного или глотнуть винца между трапезами.

— Существует проблема навигации, — продолжал Джей Калам. — Кое-что, конечно же я умею, но... — Он сомнением огляделся, посмотрел на стены рубки, на которых размещалось сложное оборудование — телескопические перископы, геодезические курсопрокладчики, отражатели метеоритов, включатели дюз, управление геодинами, гирокопические космические компаса, радары, термальные и магнитные детекторы, звездные карты, планетарные карты, вычислители положения, скорости и гравитации, измерители атмосферного состава и температуры, все приборы для непростого дела — безопасного путешествия от планеты к планете.

— Я могу управлять им, — сказал Джон Стар. — Тогда нам нужен инженер, чтобы отремонтировать геодины. Мы

должны каким-то образом починить их, чтобы управлять ими.

Жиль Хабибула крякнул, что-то пробормотал, однако вслух ничего не сказал.

— Все в порядке, Жиль. Я забыл, что ты — квалифицированный техник.

Тот глотнул, встряхнул бутыль. К нему снова вернулся голос:

— О, сладкая жизнь! Да, я могу управлять вашими драгоценными геодинами. Жиль Хабибула умеет драться, когда борьба необходима, пусть он и стар, ленив и слаб. И, по мне, нет человека смелее старого доброго Жиля. Вы все знаете это. Но если бы у меня был выбор, то тут я всегда готов предпочесть эти несчастные генераторы. Это безопаснее. А осторожность — не что иное, как достоинство мудрых.

— Ты можешь заменить сгоревший блок?

— О да, я могу заменить его, — пообещал новый инженер.

— Однако его будет трудно синхронизировать с остальными. Эти блоки подгоняются во время монтажа: когда один выходит из равновесия, то всей системой, смертельно трудно бывает управлять. Но я сделаю все, от меня зависящее.

— И, Хал, — подхватил Джей Калам, — ты был протонным стрелком. Ты можешь управлять большой протонной иглой в том случае, если на нас наткнется Легион. Хотя лучше нам не ввязываться в драку, поскольку нас всего четверо на поврежденном корабле.

— Да, это я могу, — медленно кивнул огромный Хал Самду. Его красное лицо было серьезным. — Я могу.

— Остаешься ты, Джей, — сказал Джон Стар. — Нам нужно, чтобы ты сделал как раз то, что делаешь сейчас. Планировал, организовывал. Ты будешь нашим командиром.

— Нет. — Он пустился было в серьезные объяснения, однако Хал Самду и Жиль Хабибула присоединили свои голоса. И Джей Калам стал командиром «Пурпурной Мечты».

Новый начальник отдал первые приказания — немедленно, в той же спокойной и серьезной манере, что и всегда:

— Тогда, Жиль, пожалуйста, приведи геодины в действие как можно быстрее. Единственный наш шанс — убраться отсюда подальше, прежде чем один из их кораблей поймает нас в поисковый луч и вызовет флот себе на подмогу.

— Очень хорошо, сэр. — Жиль Хабибула откинул голову, держа бутыль, пока последняя капля не выкатилась из нее, затем озабоченно отдал честь и вышел из рубки.

— Джон, ты будешь прокладывать наш курс. Прежде всего, нам надо перегнать окружившие нас корабли. Мы будем держаться над поясом астероидов, подальше от Юпитера и Урана с их легионерскими базами. Мы не можем рисковать встречей с флотом. И как только мы сможем вырваться за пределы поисковых лучей, направимся к Плутону.

— Очень хорошо.

— Хал, будь любезен, проверь большую протонную пушку. Она должна быть наготове. Хотя мы не можем рисковать, вступая в драку.

— Да, Джей.

— А я буду нести вахту.

— А сколько их сейчас? — спросил Джей Калам несколько часами позже. Они по-прежнему беспомощно дрейфовали в вакууме. Глядя на предательские, красные искорки на экране курсопрокладчика, Джон Стар медленно ответил:

— Семь. И мне кажется, Джей, что они нашли нас.

— Неужели?

Он мгновенно проверил все приборы и, наконец, согласился, в голосе его было опасение:

— Да. Они нас обнаружили. Они движутся все семеро.

Джей Калам произнес в переговорное устройство:

— Хал, приготовься действовать. Да, семь крейсеров Легиона, все направляются к нам. Он сообщил их местонахождение.

— Жиль, как геодины? Еще не готовы? И ты не можешь положиться на поставленный блок? Они нас видят. И мы должны двигаться. Или сейчас, или никогда.

Через несколько минут в зоне поражения, или почти в зоне поражения, протонного выстрела показался ближайший крейсер. Джей Калам произнес в переговорное устройство приказ, и язык облепляющего фиолетового пламени метнулся из огромной иглы, находящейся во вращающейся башенке над ними.

— Он пятится, — прошептал Джон Стар. Глаза его бегали, глядя в телеперископ. — Он ждет остальных. Но вскоре они все будут достаточно близко для боя.

— О, Джей, мы можем попытаться, — прошептал в динамике тонкий и дрожащий голос Жиля Хабибулы. — Хотя этот сломанный блок может выкинуть любое коленце.

Джей Калам резко кивнул, и Джон Стар повернулся к клавиатуре. Сильное музыкальное гудение геодинов заполнило звучной песней весь корабль. Он медленно перевел их на максимальную тягу. Звук стал тоньше, отчетливее, пока не превратился вibriрующее завывание, потрясшее каждого члена экипажа.

— Двинулись! — восхликал он с энтузиазмом. Глаза его следили за дисками, за красными искорками, светившимися на экране курсопрокладчика. Он увидел, что «Пурпурная Мечта» движется все быстрее, прочь из центра вражеского кольца. Его сердце вторило гулу генераторов. Он почти ощущал силу геодинов.

— Уходим! — крикнул он. — К Убегающей Звезде! — Голос его упал: в чистый звук генераторов вмешалась другая нота — хриплая, рвущая нервы вибрация. Из динамика донесся тонкий, металлический, испуганный голос Жиля Хабибулы:

— О, эти подлые генераторы! Я переставил блок. Однако они разбалансированы. Они не синхронизированы. Эта коварная осцилляция уползает. Она пожирает тягу! И наш смертельный корабль может разнести на кусочки.

— Мы теряем скорость, — озабоченно сообщил Джон Стар. — Корабли Легиона догоняют.

— Жиль, прошу тебя, отладь их! — взмолился в переговорное устройство Джей Калам. — Все зависит от тебя.

Жиль Хабибула старался. Чистая песнь энергии возвращалась и прерывалась вновь. «Пурпурная Мечта» ускоряла свой бег, увеличивая разрыв между собой и семью преследователями, когда геодины гудели чисто и отчетливо, однако всегда теряла скорость, чуть ли не пятаясь назад, когда возвращалась резкая отвратительная вибрация.

Джон долго и раздраженно вглядывался в свои приборы.

— Мы не уходим и не приближаемся к ним, — заключил он наконец. — Мы можем двигаться так и дальше, пока с генераторами не случилось ничего похуже. Хотя нам от них так просто не уйти. Если они последуют за нами, то... Но, в любом случае, можно сказать Солнцу и Системе «до свидания».

— Нет, — тихо возразил Джей Калам. — Мы еще не готовы.

— Почему? — спросил Джон Стар.

— У нас должно быть больше топлива для путешествия к Звезде Барнarda. Это же шесть световых лет туда и обратно. У нас каждый фут корабельного пространства должен быть заполнен запасными платами и геодиновыми генераторами. И, конечно, мы должны обеспечить припасы для себя — продукты и кислород.

Джон Стар медленно кивнул.

— Я знал, что нам нужен капитан. Где?..

— Мы должны приземлиться на какую-нибудь из баз Легиона и запастись необходимым.

— На базе Легиона? И это когда за нами гонится весь флот Легиона, как за пиратами? Да они же поставили на ноги все пограничные силы Системы.

— Будем садиться, — с обычной своей тихой вдумчивостью сказал Джей Калам, — на базе, что на спутнике Плутона. Она дальше всего по нашему курсу, и это самая изолированная станция Легиона в Системе.

— Однако, даже в этом случае, она вооружена и предупреждена.

— Несомненно. Но мы должны получить припасы. Мы теперь пираты... Мы возьмем то, что нам нужно.

Пять дней длился полет к Плутону, самому дальнему посту Системы. Это было так далеко, что даже Солнце отсюда казалось лишь яркой звездой. День здесь всегда был сумрачным.

Пять дней на полной тяге геодинов, чьи силовые поля боролись с кривизной самого пространства, разрывая ее, так что они вели свой корабль, грубо говоря, не сквозь пространство, а вокруг него, и поэтому огромные жуткие ускорения не доставляли неудобств команде, а скорость корабля намного превосходила скорость света.

Видимая скорость, поспешил бы добавить математик, как если бы корабль шел по кругу. Однако как ускорение, так и скорость следовало отсчитывать, как если бы корабль шел по прямой.

Жиль Хабибула нянчился с непослушными генераторами с удивительной заботливостью и энергией. Его толстые руки оказались способны на поразительную деликатность и сноровку. Он обладал огромным уважением к усиливающемуся натиску легионерских крейсеров, с их стремлением надлежащим образом покарать пиратов, если удастся, немедленно уничтожить «Пурпурную Мечту» и всех, находящихся на ее борту, яростной вспышкой протонных разрядов.

Он регулировал поврежденный блок, пока тот не стал работать как следует. Уже по часу песнь генераторов была чистой и отчетливой. Но всегда в конце вторгалась разрушительная вибрация. Один за другим патрульные крейсера дальнего действия присоединялись к флоту и вот уже шестнадцать кораблей гнались за «Пурпурной Мечтой». Однако, мало-помалу, оставались позади, пока, находясь возле Плутона, Джон Стар не установил, что они оторвались почти на пять часов.

Это означало, что они имели пять часов, чтобы высадиться на враждебной базе, справиться с обслугой и

вынудить ее доставить на борт около двадцати тонн припасов, и благополучно уйти в пространство.

В эти дни полета Джон Стар часто замечал, что задумывается об Аладори Антар, и в этих мыслях были нежная музыка и резкая боль. Хотя он знал ее всего один день, воспоминания приносили ему сияние радости и горькую боль, когда он думал о людях — предателях и полузнакомых чудовищных созданиях, которые держали ее у себя в плену.

«Пурпурная Мечта» спускалась на спутник Плутона.

Сам Плутон, черная планета, представлял собой голые скалы и древний лед, убийственный холод и одиночество. Единственными людьми, населявшими его, были несколько суровых шахтеров, по большей части потомки политзаключенных, высланных сюда Империей, одиноких отшельников, нашедших пристанище в вечной ночи.

Цербер, спутник Плутона, был крошечной каменистой планетой, еще более пустынной и жестокой по отношению к человеку, чем черная планета. Мертвый спутник, он никогда не был обитаем. Других жителей, кроме экипажа уединенной станции Легиона, на нем не было. У Джона Стара были более чем веские основания ожидать, что находившаяся на Плутоне подразделение флота Легиона предупреждено и ожидает их. Однако посадочное поле, когда они спускались, было пустынным. Появилась надежда, что злая паутина измены Адама Ульмара еще не распространилась так далеко.

Станция на Цербере представляла собой квадратное поле, выровненное, лежащее между темными острыми утесами. Светящиеся красным рефлекторы, располагающиеся по периметру, излучали достаточно тепла, чтобы воздух не смерзался в снег. В длинном приземистом здании, построенном из изоляционных блоков и покрытом белым металлом, находились бараки и хранилища. Силовая установка, которая вырабатывала энергию для борьбы с враждебным холодом, должно быть, находилась где-то под землей. Паукообразная станция и башня ультракоротковолновой

радиостанции поднимались из черной поверхности за строением. Дальше была лишь мрачная пустыня. Изломанные, уродливые зубья гор, разверстые пасти кратеров, изъеденные, потрескавшиеся и разорванные камни и слой льда, стального как камень, — все навеки мертвое.

В форме, принадлежащей ранее капитану Мадлоку, Джон Стар вышел в разреженную и с неприятным запахом атмосферу, на маленькую площадку, образованную опустившимся наружным люком. С трудом сохраняя спокойствие, он подождал, пока, с видимой неторопливостью, к нему приблизятся два человека, вышедших из длинного низкого строения.

— Приветствую, станция Цербер, — обратился он к ним, стараясь выглядеть как можно более официально.

— Салют, «Пурпурная Мечта», — с сомнением отозвался один из них — очень низкий, очень лысый человек, к тому же очень толстый и с очень красным лицом.

Внешность его свидетельствовала о беззаботной непрятности, что иногда случается на изолированных постах. Он выглядел так, подумал Джон Стар, словно вывалил на свой китель весь обед целиком. На нем были выцветшие знаки отличия лейтенанта Легиона.

— Я капитан Джон Ульмар, — кратко сказал Джон Стар.
— «Пурпурной Мечте» нужны припасы. Капитан Джей Калам произведет реквизицию. Припасы должны быть погружены немедленно.

Коротышка прищурился, подозрительно скривившись.

— Джон Ульмар? — Голос у него оказался насморочным.
— И капитан Калам, да? Командуете «Пурпурной Мечтой», да? — На его грязном, в желтых пятнах лице было злобное и хитрое выражение. Джон Стар посмотрел на эту продувную бестию и вдруг понял, что перед ним один из людей Адама Ульмара, а значит, паутина неожиданного предательства в Легионе достигла даже этого холодного забытого камня.

— Именно. — Блеф был единственным путем. — Мы выполняем крайне безотлагательную миссию и должны получить припасы немедленно.

— Я лейтенант Нана, комендант станции. — В хмуром голосе отсутствовала воинская вежливость. С нескрываемой злобой Нана добавил: — Специальные приказы в моем сейфе говорят о том, что «Пурпурная Мечта» находится под командованием капитана Мадлока и командора Адама Ульмара. Она внесена в реестр как флагман командора...

Джон Стар даже не сделал паузы, чтобы подумать, что это за игра. Если его предупредили, то странно, что он вышел встречать их с миром. На неукрепленной вспомогательной станции Цербер не было признаков оружия, достаточно сильного, чтобы противостоять «Пурпурной Мечте». Если он получил предупреждение... — однако на раздумья не было времени.

— Произошла смена командования, — кратко информировал его Джон Стар. — Теперь кораблем командует капитан Калам.

Возле него появился Джей Калам, тоже в трофеиной форме. Он выдвинул трап, и Джей Калам, коротко рявкнув, протянул документ.

— Приступаем к реквизиции, лейтенант!

Подняв взгляд на нижнюю орудийную башенку корабля, Джон Стар сделал быстрое движение рукой.

Длинная протонная пушка корабля мгновенно взметнулась над их головами и развернулась в сторону длинного белого строения. Хал Самду был на посту.

Маленькими, налитыми кровью глазами Нана взглянул на иглу. Его неумытое лицо не выразило ни удивления, ни особой тревоги. Прищурившись, он взглянул на Джона Стара с мрачной враждебностью, а потом небрежно принял список.

— Шестнадцать тонн катодных плат? — Его изумление было неподдельным. — Всего лишь для одного корабля?

— Шестнадцать тонн! — рявкнул Джон Стар. — Немедленно!

— Невозможно. — Нана опять скривился, посмотрел на протонную пушку и пробормотал:

— Я не выдам их вам, не связавшись предварительно со штаб-квартирой Легиона для подтверждения приказа.

— У нас на это нет времени. Наша миссия крайне безотлагательна.

Нана равнодушно пожал плечами.

— Я комендант станции Цербер, — прорычал он. — И я не привык получать приказы от... — Он сделал паузу, и красные глаза его сощурились. — От пиратов...

— В таком случае, — сказал Джей Калам, — советую привыкнуть.

Нана яростно потряс кулаком, и Джей Калам махнул Халу Самду.

Огромная игла над их головами выпустила в сторону радиобашни ослепляющую струю пламени. Башня мгновенно превратилась в горящие руины, и Нана тут же задрожал. Немытое лицо побелело, исказилось ужасом и выглядело теперь более покладистым, чем прежде.

— Очень хорошо, — прошептал он хрипло. — Я выполню ваши требования.

— Иди с ним, капитан Ульмар, — сказал Джей Калам. — Смотри, чтобы он не ошибался и не тянулся.

Нана жаловался, что в его распоряжении нет нужных припасов. Большинство его людей слишком больны, чтобы помогать при погрузке. Краны и погрузчики в нерабочем состоянии. Он сделал все возможное, понял Джон Стар, чтобы протянуть время, пока не прибудут шестнадцать крейсеров Легиона. И все же четыре часа спустя, под жестоким надзором Джона Стара и под угрозой протонной пушки, все катодные платы были переправлены на борт.

Благополучно загружены были баллоны с кислородом, а также все съестные припасы и вино, которое добавил в список необходимого Жиль Хабибула. Оставалось лишь

погрузить черные бочки с топливом для корабля, сваленные под воздушным шлюзом, и в запасе был всего час, прежде чем их догонят корабли преследования. И тут Джон Стар заметил злобное удовлетворение в красных свиных глазах Нана, что усугубило его тревогу.

Затем из люка появился Джей, спрыгнул с площадки и побежал по полю.

— Пора уходить Джон. — Голос его был тихим, требовательным.

— Почему? У нас ещё целый час.

Джей Калам взглянул на любопытных, глазевших людей, собравшихся грузить топливо для корабля, и сказал тише:

— Телескопы обнаружили еще один корабль, Джон. Направляется сюда с Плутона.

— Так вот какую игру вел Нана! — мрачно кивнул Джон Стар. — Маленький сюрприз для нас. Ну что ж, нам все равно нужно топливо. Попробуем обогнать дружков Нана.

Вытянутое темное лицо Джая Калама было сумрачным.

— Это не крейсер Легиона, Джон. Он движется намного быстрее. — Под его спокойствием Джон Стар разглядел глубокую встревоженность. — Я никогда ничего подобного не видел. Корабль, словно черный паук, и какие-то штуки образуют пояс вокруг корпуса.

Джон Стар почувствовал, как его сердце сжал холодный ужас.

— Медузиане! — прохрипел он. — Это корабль такой же, как тот, что забрал Аладори. Должно быть, Нана послал им весть. Я не знаю, какое оружие может быть у них на борту...

— Мы должны улетать, — оборвал его Джей Калам. — Мы не должны рисковать.

— А топливо для корабля?

— Оставим! На борт!

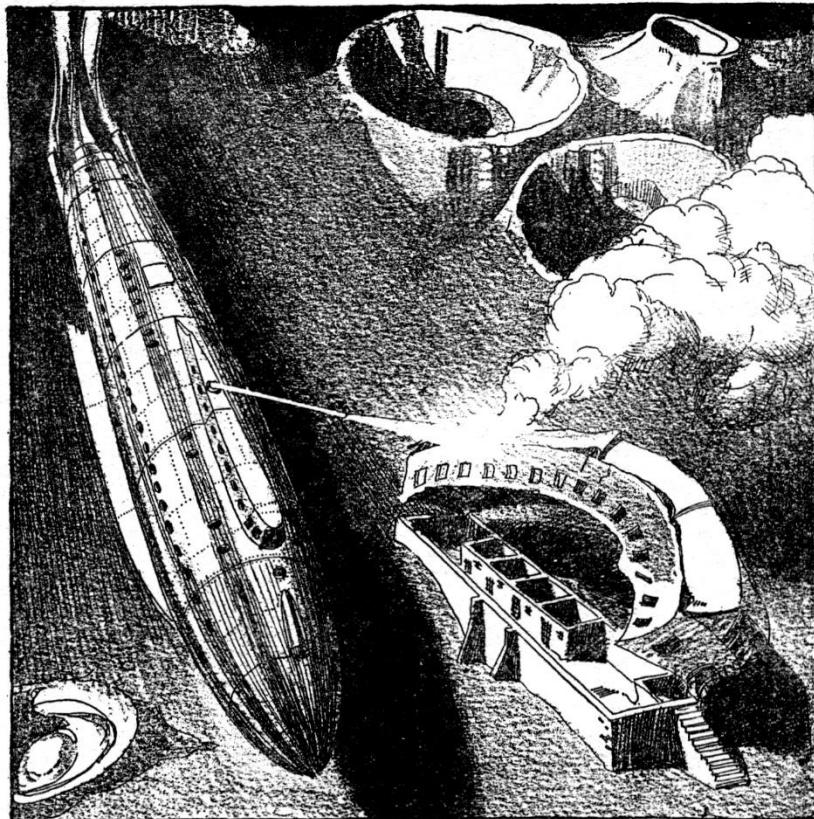
Они побежали по трапу. Лейтенант Нана смотрел им вслед сквозь прищур красных глаз и что-то бормотал своим людям насчет цилиндров. Все они отступили в сторону

длинного металлического строения с поспешностью, которая казалась зловещей. Воздушный шлюз был задраен. Под пальцами Джона Стара быстро утопали кнопки.

Из дюза должно было вырваться голубое пламя и помчать их в космос, однако «Пурпурная Мечта» оставалась неподвижной. Удивленный и разочарованный, он снова набрал код зажигания, но ничего не случилось.

— Нас что-то держит! — Он торопливо просмотрел показания всех приборов. — Магнитное поле! — воскликнул он. — Взгляни на индикаторы. Поле ужасной силы... Но как?.. Я не понимаю...

— Магнитная ловушка, — сказал Джей Калам. — Наш друг Нана каким-то образом переместил магниты поближе к

кораблю. Корпус у нас не магнитный, однако поле удерживает механизм зажигания и геодины. Он пытается задержать нас, пока не придут корабли, и...

— Тогда, — вмешался Джон Стар, — мы должны остановить динамо-машины.

— Хал! — произнес Джей Калам в переговорное устройство. — Уничтожь здание!

Язык ревущего фиолетового пламени вновь метнулся от блестящей иглы. Он прошил длинное низкое металлическое здание насквозь и оставил сплюснутую груду дымящегося металла и битого кирпича, снесенную с фундамента яростным ударом выстрела.

— Двинулись!

Опять Джон Стар попробовал включить дюзы. Снова ответом ему было лишь молчание.

— Магниты держат нас по-прежнему. Динамо-машины, должно быть, размещены под землей, куда не достать нашим выстрелом.

— Тогда я доберусь туда! — воскликнул Джон Стар. — Открой люк!

Он схватил два протонных пистолета и засунул их за пояс рядом с двумя другими. Затем он выскоцил из рубки.

— Подожди, — окликнул Джей Калам. — Что?..

Но тот уже исчез. Джей Калам прикоснулся к панели, открывая перед ним люк. Джон Стар спрыгнул на поле и побежал через дымящиеся развалины длинного здания. Он обыскивал обнаженный фундамент до тех пор, пока не нашел лестницу в шахте, пробитой в темной породе и слое древнего льда. Он спрыгнул на ступеньки, держа наготове протонные пистолеты, и помчался, перепрыгивая через дымящиеся груды раскаленного металла. В глубине холодной коры Цербера, в сотне футов под поверхностью, перед ним возникла тяжелая металлическая дверь. Он направил на нее протонный пистолет, поставив его на полную мощность. Луч пламени врезался в металл. Он перепрыгнул через упавшую дверь и оказался в длинном, тускло освещенном

зале. Он услышал стучащие перед ним механизмы, гудящие динамо-машины. Однако его остановила вторая дверь. Он попытался выстрелить, но ничего не вышло. Разрядник был истощен первым мощным выстрелом. Прежде, чем он успел навести второй пистолет, из крошечной амбразуры к нему метнулся луч пламени.

Он мгновенно упал под этим клинком убийственного огня, растянувшись на животе. Еще не успев осознать, что он сумел избежать смертоносного луча, он почувствовал, как разряд заставил онеметь его члены. Но в тот же миг ответил его пистолет, и оплавленные обломки двери упали на человека, стоявшего за нею. Вновь оказавшись на ногах, он метнулся в дверной проем, и, не обращая внимания на пульсирующую боль в плече, отшвырнул разряженный пистолет и выхватил из-за пояса два оставшихся.

Перед ним была квадратная комната, облицованная камнем. В центре ее гудели огромные динамо-машины. Вокруг них, словно окаменев, стояли пятеро мужчин, и лишь рука лейтенанта Нана машинально искала оружие.

Оба пистолета Джона Стара выстрелили в механизмы.

Безоружный, однако уверенный, что динамо-машины разбиты, он швырнул разряженные пистолеты в злобные моргающие глаза Нана и помчался назад, в зал, а затем вверх по лестнице, надеясь, что их изумление даст ему время подняться на борт. Так и случилось. Опять лязгнул люк воздушного шлюза. Дюзы омыли черные камни ревущим голубым пламенем, и «Пурпурная Мечта» взмыла вверх с искореженной поверхности спутника Плутона.

«Наконец-то», — со свирепой радостью подумал Джон Стар. Наконец-то они летят к далекой Звезде Барнарда, на помощь Аладори.

— Мы слишком долго меддили, — прошептал Джей Калам. — Боюсь, слишком долго. Боюсь, этот черный корабль-паук подобрался слишком близко. Мы вряд ли сможем бежать от него.

КОСМИЧЕСКИЙ УРАГАН

Цербер, спутник Плутона, превратился в холодную серую искру и исчез. Сама черная планета была проглочена бесконечной чернотой бездны, а блестящая звезда, бывшая Солнцем, начала таять и замерзала в созвездии Орион.

Они достигли скорости света. Солнце и звезды позади были видны лишь как лучи, которые они обгоняли; их улавливали и отражали лишь линзы и призмы телеперископов для корректировки искажения скорости.

Жиль Хабибула отныне жил в генераторном отсеке. Под опекой его толстых и необычайно надежных рук геодины работали почти идеально. Зловещее рычание разрушительной вибрации не бывало слышно в течение многих часов. И «Пурпурная Мечта» двигалась. Крошечные миры людей оставались позади. Впереди появились звезды созвездия Змея, но даже сверхмощные телеперископы не могли рассмотреть далекую точку Звезды Барнарда: она была столь тускла, что лишь при многократном увеличении ее можно было увидеть с Земли. И только их возбужденные умы могли нарисовать картину уединенного злобного мира, куда была унесена Аладори.

Они летели день за днем на пределе скорости, и черный космический корабль следовал за ними. Излучаемый им свет не мог обогнать их. Телеперископам не удавалось конкретно обрисовать его чудовищную паучью форму. Лишь экран геодезического курсопрокладчика выдавал его. Поскольку механизм курсопрокладчика регистрировал, причем мгновенно, пройденный маршрут.

Джон Стар умолял Жиля Хабибулу выжать побольше мощности из перегруженных геодинов и смотрел на тускую красную искорку на экранах. Сейчас она казалась неподвижной. Как бы ни работали геодины, хорошо или плохо, дистанция никогда не менялась.

— Они играют с нами, — тяжело пробормотал он однажды. — Не имеет значения, с какой скоростью мы двигаемся, мы и дюйма не выиграли. Они нас преследуют.

Даже в спокойствии Джая Калама чувствовалась встревоженность.

— Они смогут догнать нас, когда пожелают. Или, быть может, если у них достаточно хорошо поставлена связь, они просто отправят сигнал своим друзьям на родину, чтобы те подготовили встречу.

— Непонятно, почему они не нападают на нас.

— Возможно, чтобы понять наши замыслы, или, что больше похоже, они надеются вернуть командора живым и здоровым.

Ибо Адам Ульмар, благородный философичный узник, не испытывающий явного раскаяния в содеянном, все еще находился взаперти. Он попросил бумагу и теперь был занят написанием мемуаров своей долгой карьеры, коим предстояло занять достойное место в архивах Пурпурного Холла.

Джон Стар, на этот раз с надеждой, прошептал:

— Если они не нападут, то, может быть, нам удастся их переиграть.

Джай Калам медленно покачал темной головой.

— Я не вижу способа.

Они уходили вдаль, в испещренную звездами тьму космического пространства. Все четверо едва с ног не падали от недосыпания и напряжения. Лишь Джай Калам выглядел почти неизменившимся: всегда уравновешенный, хладнокровный, всегда серьезный и приятный в общении. Лицо Джона Стара стало белым, глаза нетерпеливо горели. Хал Самду стал нервным и раздраженным и часто бормотал что-то про себя. Он сжимал огромные и бесполезные сейчас кулаки и временами высматривал воображаемых врагов.

Даже Жиль Хабибула — невероятно! — потерял в весе столько, что под запавшими пустыми глазами у него обрашивались мешки.

День ото дня Солнце становилось все меньше, пока не превратилась в карлика по сравнению с Бетельгейзе и Ригелем, тусклую белую звезду, затерявшуюся среди отступающих красот Ориона. В телеперископах появилась и стала растя Звезда Барнarda.

Убегающая Звезда! Красная, тусклая, умирающая звезда-карлик, уходящая к северу из созвездий Змеи и Скорпиона, окрещенная давным-давно «Убегающей Звездой Барнarda» своим первооткрывателем за необычное движение. Это была ближайшая звезда в северном небе и ближайшая, у которой имелась обитаемая планета.

Обитаемая – так сообщалось в цензурированных и фрагментарных докладах Эрика Ульмара. Однако безумные уцелевшие члены экспедиции, гниющие в охраняемых госпитальных палатах от заразы, которую специалисты Легиона в планетарной медицине не могли ни понять, ни лечить, визжали и бормотали о жутких владениях неведомого ужаса. Правителями планеты были чудовищные медузиане, и они имели мало терпимости по отношению к человеку.

Однажды Джон Стар увидел это древнее выгоревшее солнце, глаз тусклого красного зла, в телеперископе. Гипнотический взгляд вернул его к мыслям об Аладори, заключенной на этой окутанной ужасом планете. Казалось, он видит ее чистые честные серые глаза, искаженные страхом, наполненные душераздирающим ужасом. В нем поднялся холодный и беспомощный гнев.

Он вздрогнул, когда Джей Калам произнес:

– Выгляни. Впереди зеленая тень!

Даже в его сдержанном тихом голосе были напряжение и страх перед неведомым космосом.

Телеперископы показывали впереди зловещую и прозрачную тень, которая быстро росла. Она светилась тусклозеленым от ионизированных газов туманности, и темные распростертые крылья затмевали звезды Змеи и медленно росли, скрывая созвездия Змеи и даже Скорпиона.

Джон Стар увеличил умножение телеперископа, пока не смог увидеть безобразную ползущую массу, состоящую из огромных вихрящихся потоков и гневных струй странной материи и странной энергии, кипящей изнутри.

— Незарегистрированная туманность, — прошептал он наконец. — Нам лучше повернуть.

Первобытные жители Земли, глядевшие на звезды, когда-то дивились этим темным облакам на небосводе. Бороздившие космос более поздние предки иногда гибли в них. Однако даже сейчас они были малоизучены, и все гордые космонавты держались подальше от этих мальстримов огня и космической ярости.

Будучи в Академии Легиона, Джон Стар слушал лекции по астрофизике, посвященные интранебулярной динамике. Она знал хорошо разработанные теории, о контроле пространстве, о кривизне вселенной, о псевдогравитации и отрицательной энтропии. Туманность, согласно теории, представляла собой круговорот планет и солнц, и даже будущих галактик; иногда в ее аномальных контролируемых пространствах нарушался второй закон термодинамики, и радиация оказывалась в ловушке в загадочных глубинах, каким-то образом восстанавливаясь в материю. Финальным назначением туманностей было стягивание самой разбегающейся вселенной. Так считали выдающиеся астрофизики — но они никогда не отваживались приблизиться к сверхъестественному темному неистовству такого космического шторма.

Джон Стар сглотнул, и голос его был слабым от ужаса:

— Мы подошли слишком близко, я изменю курс.

— Нет, — тихо возразил Джей Калам. — Иди прямо на нее.

— Да? — Удивленный, скованный ужасом, он повиновался.

Лежащая впереди масса отразилась на детекторах гравитации. Им пришлось снизить скорость до скорости света, так что поисковые лучи могли предохранять их от столкновения. А странное облако росло.

В космических масштабах оно могло выглядеть совсем незначительным, таким крошечным, что земные астрономы не заметили и не зарегистрировали его. Его огромные и малоизвестные силы не могли представлять угрозы для Системы, ибо природа контрпространств не вызывала пульсации солнечных гравитационных полей. В галактических масштабах это была лишь крошечная щепотка занятной пыли.

По человеческим меркам она была достаточно огромной и смертоносной.

Ее огромные, тускло сияющие темные руки протянулись к звездам впереди. Телеперископы начали выделять ужасные детали: черные пылевые облака, вихрящиеся потоки острых метеоритных обломков, темные знамена прозрачных газов, колыхаемые яростными ветрами малоизученных космических сил, гневно сияющие призрачно-зеленым светом ионизации.

Джон Стар стоял, закоченев от страха, и чувствовал струйки ледяного пота. Однако он держал курс на туманность, и вот уже они оказались не более чем в тысяче миль от немного сияющего зеленоватого потока, который, казалось, вытягивался к ним, словно чудовищный псевдопод.

— Если она нас захватит... — Горло перехватило, и ему пришлось сглотнуть. — Эти метеоритные потоки — там несутся крутящиеся валуны! А смерчи светящихся газов! Внутри неизвестные силы! — Он вытер пот с напряженного белого лица. — Я не думаю, что мы проживем хотя бы пять секунд.

Но Джей Калам тихо сказал ему:

— Держись чуть поближе...

— Да? — хрипло пробормотал Джон Стар. — Зачем?

Джей Калам молча показал на красную забытую искорку у них за спиной, которая отмечала на экране положение черного корабля. Она явно подползала, сокращая расстояние, которое до последнего времени оставалось неизменным.

Джон Стар задержал вздох.

— Выходит, они пытаются нас догнать?

— Не просто пытаются, — тихо напомнил Джей Калам. — Я полагаю, они боятся, что мы хотим оторваться на краю туманности. Держись чуть поближе.

Он снова коснулся управления жесткими и холодными пальцами. Убегающий корабль прибавил скорости, направляясь к манящим облакам тусклого зеленого пламени и тьмы. Это была космическая буря, самая настоящая, ибо безумные ветры невидимых сил рвали и скручивали черную пыль и сияющий газ в несущиеся струи и дикие вихри, и протягивающиеся щупальца, которые, казалось, хлестали и били в первобытном неистовстве.

— Держись чуть ближе, — тихо настаивал Джей Калам. — И мы скоро узнаем, как высоко они ценят жизнь командора Ульмара.

Джон Стар вновь занялся управлением, а потом повернул телеперископ на черный корабль за кормой — теперь, когда они настолько замедлили ход, их достигал даже обычный свет. Колossalное сооружение, чужое, как и зеленые, мокро колышущиеся монстры, составляющие его экипаж. Со всеми своими лопастями, перемычками и ярусами, окружавшими шаровидный корпус, оно походило на черного лягушачего паука. Главные крылья были куда-то уbraneы, но некоторые лопасти поменьше слегка двигались снова, словно воздействуя на какую-то невидимую среду для управления полетом. Возможно, предположил он, они использовали давление радиации.

Корабль рос в линзах — темный и страшный, как бушующий впереди штурм.

— Они не могут напасть! — Джон Стар сглотнул, чтобы увлажнить горло. — У нас на борту командор Ульмар!

Джей Калам тихо прошептал:

— Попытайся подойти еще чуть-чуть поближе.

Джон Стар вновь прикоснулся к управлению, и сердце его заныло.

Чистая песнь геодинов звучала как флейта; казалось, он чувствовал, как они несут его вперед. Но вдруг вернулась рычащая вибрация неотлаженных блоков. Скорость опять упала, а красная искорка на экране, казалось, вот-вот должна была соприкоснуться с ними.

В отчаянии и страхе Джон Стар подвел больной крейсер ближе к бушующей стене зеленого пламени, пыли и битых камней, а Джей Калам смотрел на звезды. Вдруг он произнес:

— Я боюсь, что командор уже не спасет нас. Они чем-то стреляют.

Из чрева черного корабля-паука вылетел маленький шар влажно-белого цвета. Он последовал за ними более быстро, чем их могли нести разлаженные геодины. Они следили в линзы, застыv от нового приступа изумления и неодолимого страха, потому что это было совершенно необъяснимо.

Опалесцирующий шар. Джон Стар знал, что это была не материя, потому что ни один материальный снаряд не мог быть послан за ними с такой скоростью, пусть даже они едва ковыляют. Это был вращающийся шар молочного пламени, сияющий радужными переливами. Он катился вслед за ними. Он скрыл черный корабль. Он скрыл пояс яркого Ориона. Он заполнил вакуум, как только что родившаяся звезда.

За ними неслась горящая звезда!

Это было совершенно фантастично. Однако она росла в пространстве, и раскаленное изображение в линзах уже жгло глаза. И она не переставала светиться, напротив, становилась все более яркой.

И она гналась за ними! Она притягивала их!

«Пурпурная Мечта» вздрогнула, потянулась к ней.

Внезапная слабость, непереносимая тошнота охватила Джона Стара. Он зашатался, отступил от управления и вцепился в перила. Он повис на них — его тошило и тряслось, а корабль, беспомощно вращаясь, летел в объятия догоняющей звезды.

Они летели в сторону слепящего радужного свечения. Мрачный, со сжатыми челюстями, Джон Стар старался не давать вращаться пораженному кораблю, еле-еле добравшись до пульта управления, и обнаружил, что геодины полностью бездействуют.

Корабль падал.

К ним тянулись радужные моря, огромные, как поверхность самого Солнца. Гневные пламенные протуберанцы тянулись, чтобы разорвать их. И затем это исчезло.

Белый огонь взрыва едва не ослепил их и исчез, как проколотый пузырь. Тошнота покинула Джона Стара. Пространство позади опять было черным, и вскоре пораженные глаза смогли разглядеть величественный пояс Ориона. Песнь геодинов зазвучала снова, и корабль повиновался управлению.

Джон Стар слабо вытер лицо.

— Никогда ничего подобного... не испытывал, — прошептал он, — словно сам космос... провалился под нами.

— Я полагаю, это нечто вроде водоворота дезинтеграции, — тихо прокомментировал Джей Калам. — Такие вещи упоминались в тайных докладах экспедиции Ульмара, потому что и послали Аладори в форт на Марсе. Только намек — они были осторожны и старались не сказать слишком много. Однако упоминания об энергетических вихревых орудиях имелись — это ужасная вещь, она искажает координаты пространства, дестабилизирует всю материю, растет за счет аннигилированных атомов, и притягивает к себе новые порции материи. Что-то вроде псевдосолнца.

Джон Стар, потрясенный, кивнул.

— Должно быть, это оно и было, — сказал он. — Искаженное пространство, видимо, заставило геодины отказать. — Он тяжело вздохнул. — Нам с ними нельзя воевать протонной пушкой, если они способны бросать солнца.

— Да, — тихо сказал Джей Калам. — Я вижу один возможный путь — идти прямо в туманность.

— В эту бурю! — Джон Стар моргнул. — Да корабль и минуту там не протянет.

— Минута — долгое время, Джон, — мягко сказал ему Джей Калам. — Они собираются произвести второй выстрел.

— Второй...

Пересохшее горло не дало договорить.

— Иди прямо, — сказал Джей Калам. — Я не думаю, что они последуют за нами.

На мгновение его рассудок возмутился. Он стоял, застыв у пульта управления, глядя на гневные знамена бурной туманности. Одно болезненное мгновение — и затем он спрятался с собой. Он принял опасность и повернулся «Пурпурную Звезду» в манящее облако тусклого зеленого пламени и тьмы.

За кормой выросла тьма. Вновь из чрева корабля-паука вылетел молочный шар и разросся в псевдосолнце всепожирающего атомного огня.

Опять крейсер вздрогнул и завертелся с отказавшими геодинами, беспомощный в жадных объятиях. Снова Джон Стар почувствовал тошноту. Однако внезапный поворот спас их. Вращающийся шар, простирающий к ним опаловые щупальца, пролетел совсем рядом и разорвался вдали. Освобожденные геодины вновь запели, и корабль рванулся вперед, в ближайший бушующий рукав туманности, навстречу таинственным и неистовым силам.

Джону Стару приходилось слушать теоретические выкладки. Теоретики утверждали, что все позитивно-энтропийские процессы могут быть приостановлены и обращены в искривленной вселенной контрпространств туманностей. Это означало, что турбины не могли выработать энергии, а геодины не могли дать тяги. Это означало, что дюзы не могли испускать пламя. Это означало, что кораблю не на чем лететь. Это означало, что стрелки часов и хронометров побегут назад, а человеческие машины, весьма возможно, остановятся.

Так говорили теоретики-астрофизики. Но никто из них не бывал внутри туманности, не наблюдал рождения материи. Лишь двое или трое отважных космонавтов когда-то решили изучить туманность, находившуюся на пути к Проксиме Центавра, и уже не вернулись.

Джон Стар опять справился с дыханием и постарался настроиться на встречу с неожиданностями.

Силовые поля метеоритных отражателей могли защищать от носящихся по туманности обломков, если их масса не будет слишком велика, если они не будут слишком многочисленны и слишком быстры. В остальном жизнь корабля зависела от сноровки пилота.

Повинуясь быстрым пальцам, бегающим по клавиатуре, «Пурпурная Мечта» искала тропку среди кружавшегося ветра багровых рукавов. Были ли теоретики правы или нет, но он знал, что кораблю не уцелеть в центре туманности. Чтобы их уничтожить, достаточно обычного булыжника. Загадочное лоно миров, а может быть, заурядная горсть космической пыли, может стать их могилой.

Пальцы касались клавиатуры, и крейсер вращался, нырял, танцуя среди черной и сияющей смерти. Он находил прорехи в занавесях пыли. Он уворачивался от зеленых хватающих рук, он проскальзывал между реками несущихся камней. Он уклонялся от объятий туманности и, как живой, боролся за свою жизнь. Словно откуда-то издали Джон Стар услышал тихий голос Джекса Калама:

— Хорошая работа, Джон. Не думаю, что они идут за нами.

И «Пурпурная Мечта» металась в лабиринте туманности.

Внезапно перед ними возникли стены зеленого пламени; течение вынесло черные облака пыли, из которых высунулись обнаженные клыки черных камней. Подобно урагану, малоизвестные силы космической бури трепали и рвали корабль. Джон Стар заподозрил, что силы эти родственны губительным солнечным пятнам, а также смертоносным псевдосолнцам медузиан. То вправо, то влево, то вверх, то вниз

вел он корабль, ныряя между этими клыками. Радар и термальные отражатели постоянно и бесполезно гудели, и он отключил их. Сейчас им могли помочь только человеческое искусство и быстрота.

На миг ему показалось, что они вырвались на свободу. Тьма впереди больше не содержала смертоносной пыли, это была лишь застывшая тьма открытого пространства. Сквозь сверхъестественное зеленое сияние он увидел красное пятно Антареса, и затем геодины снова отказали.

Четкое гудение генераторов вдруг прервалось, сменившись проклятой, раздирающей душу вибрацией. Драгоценный момент был упущен. Черный иззубренный кусок скалы, быть может, обломок планеты, внезапно предстал перед ними. Пальцы Джона Стара упали на клавиатуру, однако разложенный корабль отказался повиноваться.

Когтистый камень прошел перед экранами. Он ударил в корпус со звоном, прозвучавшим словно колокол рока. Потом наступила тишина.

Джон Стар прислушался. Он не слышал геодинов, но и не было ни шипения, ни рева уходящего воздуха. Он понял, что корпус выдержал. Затем корабль начал вращаться. Резкое пятно Антареса вдруг исчезло, и прореха в туманности закрылась.

Тот же ветер, что вращал булыжники, подхватил их. Он потащил их назад, к загадочному сердцу туманности. Джон Стар пытался определить направление и с ужасом смотрел на хронометры. Хотя он знал, что человеческий организм должен перестать функционировать почти в тот же миг, прежде чем аномальные силы контрпространства пошлют время вспять.

— Жиль. — Это был Джей Калам, совершенно спокойный, и он говорил в переговорное устройство: — Нам нужна тяга!

И голос Жиля Хабибулы отозвался из динамика из панели. Он был жалобен и косноязычен.

— Во имя сладкой жизни, Джей, не трогай меня больше. Потому что, Джей, старый бедный Жиль болен. Его голова

не может устоять перед этим мерзким вращением, а его драгоценные геодины больше никогда не будут действовать. Пусть они покоятся в мире, Джей.

И безумный ветер энергии омыл их. Джон Стар торопливо изучал окружающие их силы и не получал никакой информации. Ни магнитные силы, ни гравитация. Должно быть, это были некие другие,ственные туманности силы. Здесь, на неведомой границе пространства и контрпространства, думал он, даже столь знакомые термины, как магнетизм и гравитация, уже не имели смысла. Он взглянул на хронометр, со страхом ожидая, когда тот двинется вспять, и зная, что умрет прежде, чем это случится. Больше ничего не оставалось.

— О, моя бедная старая голова, — послышалось слабое усталое нытье Жиля Хабибулы. — Мне смертельно плохо, я кручусь как жалкий волчок. О, бедный старый Жиль болен, болен, болен...

Однако звук геодинов вернулся. Поначалу это было всего лишь смутное урчание.

— Болен, болен, болен! — хныкал Жиль Хабибула. — О, бедный старый солдат Легиона, изгнанный из драгоценной Системы по лживому обвинению в коварной измене, погибает, словно пес, в смертельной дыре пространства. Большой и... ого!

Геодины внезапно зазвучали ясно и ровно.

«Пурпурная Мечта» снова ожила. Джон Стар вывел ее из свирепого засасывающего потока. Он провел ее сквозь облако несущихся камней и направил в облако зеленоватого газа; и впереди вновь оказалась брешь.

Тьма космоса, и яркий Антарес.

Они вышли из последнего разреженного потока в чистую тьму космоса. Впереди был холодный бриллиантовый блеск звезд, и зеленоватый дым туманности скоро замерцал позади. В огромных космических масштабах это была лишь искорка вдали.

— Спасены! — воскликнул Джон Стар. — Спасены, — повторил он и улыбнулся неторопливой ироничной улыбкой.
— А вот и Звезда Барнарда.

В телеперископ Джон обнаружил Убегающую Звезду. Это был красный и зловещий глаз, следивший за их приближением холодно, с откровенной угрозой.

— Да, теперь мы уже в достаточной безопасности, — мрачновато улыбнулся Джей Калам. — Мы ушли от этого корабля-паука. Я думаю, мы сможем теперь добраться до планеты. Если преодолеем барьер, который медузиане поставили для ее защиты.

Джон Стар лишь устало, отсутствующе взглянул на него. Об этом пояске охранения кое-что говорилось в секретных документах, поступивших на Марс, к Аладори.

— Мы знаем немного, — пояснил Джей Калам. — Командор Ульмар позволил ей узнать очень мало, чтобы она не заподозрила его в измене. Возможно, нам он расскажет побольше. Но я полагаю, что медузиане очень эффективно защищают свою планету.

Он вновь хмуро улыбнулся.

— В любом случае, Джон, пока мы в безопасности.

ПОЯС СМЕРТИ

Они отправились в каземат крейсера.

— Здравствуй Джон, — добродушно обратился к нему Адам Ульмар сквозь решетку крошечной камеры. Старый основатель Пурпурного Холла, командир Легиона и предатель человечества сидел на краю узкой койки, занятой своими мемуарами. — Одну минуту, Джон. — Он неторопливо закончил предложение, отложил рукопись и встал перед ними. Высокий благородный государственный деятель. Лицо, словно высеченное, красивая голова с аккуратно

причесанными волосами была опущена, но в его лице не было и следа вины.

— Рад вам, джентльмены, — улыбнулся он, и в красивых голубых глазах его была искорка иронии. — У меня слишком редко бывают гости. Входите. Похоже, погода снаружи неважная, судя по кораблю.

— Однако впереди будет погода еще похуже, — сказал Джон Стар. — Мне так это представляется из всего, что я слышал о Поясе Смерти.

Фраза эта оказала на Адама Ульмара совершенно неожиданный эффект. С лица его исчезло выражение иронии, и на нем застыла жесткая маска. За маской Джон Стар уловил нечто вроде концентрации. Руки Ульмара побелели, стиснув прутья решетки. Он переводил взгляд с одного на другого, и прежде, чем он смог заговорить, прошло несколько секунд.

— Пояс... — Он слглотнул. — Вы хотите сказать, что мы на границах Звезды Барнarda?

— Мы идем за Аладори, — резко ответил Джон Стар. — Я знаю, что экспедиция Эрика сообщала о некоей барьерной зоне вокруг планеты медузиан. Мы хотим знать, что это такое и как пройти через нее живыми.

На лице Адама Ульмара углубились резкие морщины, и цвет покинул его. Глаза его потемнели и как бы увеличились в размере.

— Я не знаю, что она из себя представляет. — Голос его был медленным и слабым от ужаса. — Я не знаю.

— Вы должны знать! — Голос Джона Стара изменился. — Вы получили полное сообщение, не обработанное цензурой. Эрик должен был все вам рассказать. Сообщите же нам!

Адам Ульмар медленно покачал головой.

— Эрик не знал, — сказал он. — Даже после того, как медузиане согласились нам помочь в обмен на груз железа, они ничего ему об этом не сказали. Все, что я знаю, — это то, что они сделали с кораблями его экспедиции, когда они впервые попытались высадиться.

— И что же?

— Достаточно, — сказал Адам Ульмар. — Его эскадра приблизилась к барьерной зоне, не получив предупреждения об опасности. К счастью, Эрик оказался в должной степени смышлен, чтобы остаться на флагмане в тылу. Только два первых корабля вошли в зону. Они так и не вернулись.

Какая сила образует барьер, его люди так и не смогли установить. Они предположили, что это, возможно, лучистая энергия, но даже если так, то она отличается от гаммаизлучения или любой иной известной нам космической радиации. Экипажи двух кораблей не имели времени, чтобы что-нибудь сообщить. Корабли вышли из-под контроля. Наблюдатели на других кораблях сообщили, что они, похоже, даже дезинтегрированы. Позднее в верхних слоях планетарной атмосферы были замечены некоторые метеоритные следы, и это было все.

Остаток его эскадры Эрик держал за пределами барьера, пока не установил радио — и телесвязь с медузианами, что заняло значительное время. Впоследствии несколько кораблей было пропущено для посещения планеты и выпущено обратно. Очевидно, они могут по своему желанию убирать барьер.

Джон Стар мрачно взглянул на него.

— Что еще вам известно? — спросил он. — Люди, которые высаживались, что-нибудь узнали?

Старик, находившийся по ту сторону решетки, выдавил болезненную улыбку.

— Большинство из них никогда уже не сможет сказать, что они узнали. — В его тусклом голосе было эхо ужаса. — Это те, что вернулись, чтобы умереть с расстроенным мозгами, если они вообще вернулись. Видишь ли, в атмосфере планеты есть нечто очень нехорошее для плоти и разума человека. Вирус, вторичная радиация, наведенная лучами барьера, а может быть, токсичная эманация от тел самих медузиан. Эти ученые так и не смогли договориться между собой. Однако они доказали, что люди не могут жить там.

Последствия крайне различны и временами проявляются не очень скоро. Но болезнь, когда она приходит, всегда внезапна и ужасна.

— Спасибо, командор, — сказал Джей Калам, и они повернулись.

— Подождите! — послышался дрожащий голос. — Вы... надеюсь, не собираетесь входить в Пояс?

— Мы пойдем через него, — заверил его Джон Стар. — Мы попытаемся пройти через него на очень высокой скорости.

— Расчет на внезапность, — добавил Джей Калам. — Прежде чем радиация, если она вообще есть, сможет оказать воздействие.

Выпрямившись, сжав белые и дрожащие руки на решетке, старый Адам Ульмар разглядывал оба лица. Его бледные губы кривились. Наконец, он склонил голову, слегка пожал плечами и заговорил:

— Я сомневаюсь, что тебя можно переубедить, Джон. Ты — крови Ульмаров и не отступаешь перед опасностью. Я верю, что ты действительно попытаешься пройти через этот Пояс. Я верю, что ты готов сесть на эту планету, чего не сделал даже Эрик.

— Да, — сказал Джон Стар.

— Я верю в это. — Белая, четко очерченная голова медленно кивнула, и слабая горделивая искорка опять вернулась в испуганные глаза. — Я восхищаюсь твоим решением Джон. Во всяком случае, ты умрешь смертью Ульмара.

— А сейчас, Джон, у меня есть последняя просьба, с твоего позволения.

— Что вам угодно, командор? — В собственном голосе Джон Стар неожиданно услышал уважение и нечто похожее на теплоту.

— В моей каюте, в столе, есть секретное отделение, — таинственно заговорил бледный старик. — Я скажу, как тебе найти его. Там находится маленькая капсула с ядом.

Джон Стар покачал головой.

— Мы на это не пойдем.

— Мы родственники, Джон. — Голос Адама Ульмара звучал надтреснуто, с мольбой. — Невзирая на наши политические разногласия, ты должен помнить, что некогда я оказал тебе услугу. Я заплатил за твоё обучение и устроил тебя в Легион. Неужели я прошу в ответ слишком много? Несколько капель эфтаназии.

— Боюсь, что да, — сказал Джон Стар. — Потому что я думаю, что нам от вас снова потребуется информация, когда придется иметь дело с медузианами.

— Нет, Джон! — Старик всхлипнул. Глаза его были дикими, крайне испуганными. — Прошу тебя, Джон. Ты не можешь жалеть для меня смерти...

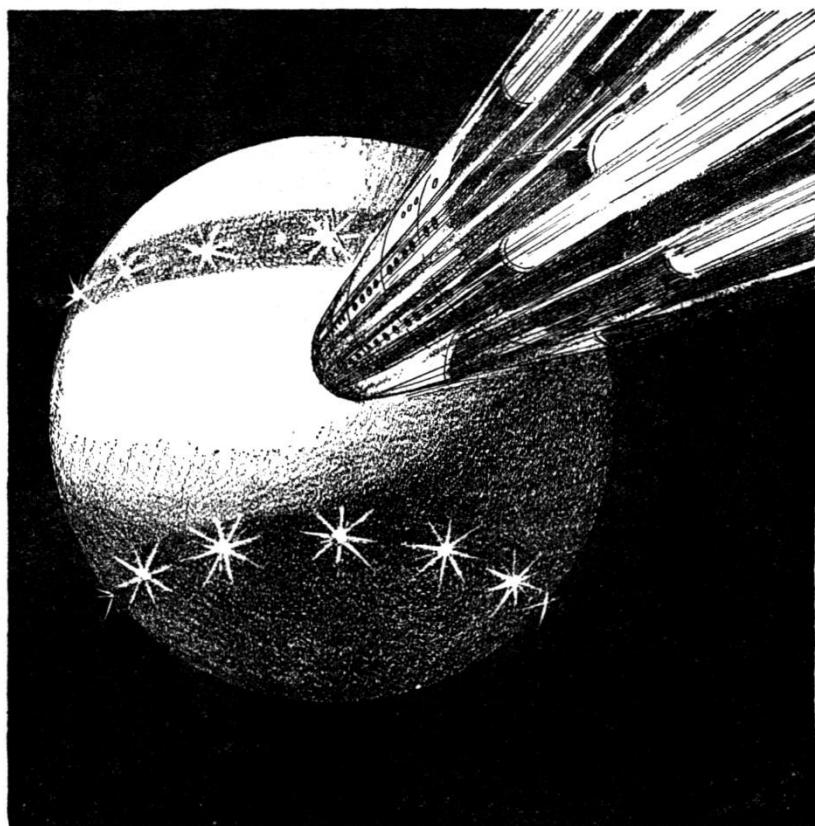
— Мы обязаны принести вам капсулу, командор, — Джей Калам взглянул на него с мрачной улыбкой, — лишь для того, чтобы посмотреть, что вы будете делать. Потому что вы переиграли свою роль.

Адам Ульмар ответил ему трезвой улыбкой. Стиснутые ладони отпустили прутья, а сгорбленные плечи расправились.

— Я пытался убедить вас вернуться, — признался он. — Я не нуждаюсь в яде: я знаю, что смерть в Поясе гораздо быстрее, чем может желать человек. — Голос его был напряженным и настойчивым. — Однако каждое мое слово — правда. Вам не сесть живыми или, если вы и приземлитесь, вам сажим понадобится этот маленький пузырек, чтобы избежать безумия и боли. Тем хуже для вас, джентльмены!

Он отпустил их, небрежно махнув ладонью, и вернулся к бумагам, лежащим на узкой койке.

«Пурпурная Мечта» шла дальше. Справа от нее пылала Звезда Барнarda. Гладкая идеальная сфера, резко контрастирующая с черным вакуумом. Карлик типа «М», невообразимо старый, столь далеко зашедший в звездном умирании, что их глаза могли смотреть на него без помощи фильтров поверх линз. Но кроваво-красные лучи воздействовали на мозг; они словно ощущали роковое угрожающее касание. Прямо перед ними находилась его единственная планета,

тусклый и жуткий полумесяц, омываемый зловещим алым светом. Мир чудовищных медузиан, черного корабля-паука, дожидающегося пояса зла.

Корабль шел вперед, геодины пели отчетливо и чисто. Джон Стар и Джей Калам стояли перед телеперископами, высматривая первые признаки опасности. Красная и облачная планета кружилась впереди.

Ее ночная сторона была совершенно черная — круглое пятно среди звезд. Дневная сторона была вся изуродована, походила на уродливое зловещее лезвие, запятнанное кровью, покрытое темной ржавчиной. Ее орбита проходила вблизи умирающего карлика. И Джон Стар осознал, насколько она огромна. Во много раз больше Земли.

Джей Калам глубоко, благоговейно вздохнул.

— Крепости, — прошептал он. — Станции, которые создают барьер. Вот что это такое. Пояс спутников.

Джон Стар обнаружил их. Тусклые и крошечные полумесцы, красные, как и сама, чудовищная планета. Он обнаружил их три, на одной орбите поверх туманной атмосферы огромного мира; их должно было быть шесть, решил он, отделенных друг от друга шестьюдесятью градусами.

Кольцо спутников-крепостей! Сам барьер — наверняка неизвестный вид радиации, однако идеальная позиция этих сателлитов доказывает достаточно высокий уровень науки враждебных медузиан. Взгляд Джона Стара вернулся назад, на самый большой туманный полумесяц.

— Аладори там!

Его слова прерывались невыразимым ужасом. Ее прячут и стерегут где-то на этой планете, защищенной спутниками-крепостями. И пытаются, наверное, выудить из нее секрет АККА.

— Мы должны пройти, Джей.

— Да, мы должны.

И Джей Калам стал отдавать тихие команды в микрофон.

— Смерть моя! — послышался из динамика тонкий хнычащий голос. — Во имя драгоценной жизни, неужели мы даже секундочку не передохнем? Неужели мы, как последние идиоты, помчимся навстречу новым коварным опасностям, не сделав даже жалкой передышки? Неужели, Джей, ты не дашь нам даже секундочки, всего лишь одной драгоценной секундочки, чтобы слегка перекусить?

— Давай всю возможную тягу, Жиль, — прервал его Джей Калам. — Потому что как раз сейчас мы приближаемся к барьерной зоне и зависим от неожиданности и скорости.

— Жизнь моя дорогая! — поперхнулся воздухом Жиль Хабибула. — Только не в эту коварную штуку, которую называют Поясом Смерти!

— Да, Жиль, — сказал Джей Калам. — Мы намерены попробовать пройти между двумя из этих крепостей и надеемся, что их лучи нам не помешают.

— Жизнь моя сладкая, не надо! — хныкал Жиль Хабибула.

— Дай нам время, Джей, для одного-единственного глоточка винца. Не можешь же ты быть таким бессердечным, Джей, по отношению к старому солдату Легиона. Пожалей ничтожный избитый человеческий скелет, Джей, едва стоящий на ногах после того, как он денно и нощно поддерживал жизнь в своих драгоценных геодинах и превратился от голода в кожу и кости. Не надо, Джей, пожалей бедного и старого...

Но Джон Стар больше его не слушал.

Сосредоточившись у контроля, едва дыша, он заставил «Пурпурную Мечту» нырнуть к огромному зловещему полу-месяцу, нацеливаясь как раз между двумя черными крошечными лунами. И тотчас он узрел нечто ужасное. Хотя сателлиты-крепости не выпускали ни метательных снарядов, ни видимых лучей, однако он увидел, что что-то происходит с кораблем и им самим.

Металлические панели и пластины приборов перед ним вдруг засветились. Его кожа сияла. Яркие частицы плясали в воздухе, кружились в разноцветном хороводе. Сам металл корабля, похоже, испарялся, превращаясь в радужный туман, так же как и его тело!

Затем он почувствовал ее — пелену слепящей боли.

На миг он поддался агонии, тошноте и слабости, глаза его закрылись. Он попытался взять себя в руки и неуверенно приблизился к Джою Каламу, который представлял собой яркий спектр, заключенный в великолепную оболочку из тумана растворяющихся радуг.

— Что... — Его хрипящий голос был слабым и придушенным, и боль сжимала его зубы. — Что это?

— Радиация... — Яркий спектр говорил тонким от боли голосом. — Должно быть, разрушаются молекулярные связи. Ионизированные атомы отскакивают... Все тает,

превращаясь в атомный туман... Молекулярный распад... Наши нервы уничтожаются... Сколько это может... — Голос затих. Красная боль заполнила мозг Джона Стара. Каждый орган и каждая клеточка визжали от боли. Даже клетки мозга, казалось, протестовали против этого разгула с трудом выносимой боли, которая с каждой секундой усиливалась.

Он был слеп от боли. Боль ревела в ушах. Раскаленные докрасна иглы боли пронизывали каждую частичку его тела. Но он по-прежнему боролся, чтобы держать себя в руках. Он застыл над контролем управления и вел крейсер вниз.

Сквозь боль, грохотавшую в ушах, он слышал, как гул перегруженных геодинов сменился грубой вибрацией. Это безобразное рычание усилилось, и вскоре затрясся весь корабль. Это стало ужасным. Он думал, что может не выдержать корпус.

Однако вибрация внезапно прекратилась. Геодины полностью отказали. Но мгновение было упущено — они не прошли сквозь Пояс Смерти.

В наступившей тишине он услышал, как кричит в своей камере Адам Ульмар.

— Дезинтеграция... — послышался слабый хриплый голос Джекса Калама. — Мы становимся невидимы!

Он увидел, что твердый металл механизмов, окружавших его, становится жутко, невероятно полупрозрачным, словно намереваясь полностью раствориться в мерцающем тумане, который, все уплотняясь, клубился вокруг.

Он увидел сквозь дымку сверкающих, как алмазы, частиц Джекса Калама — на самом деле это был призрак.

Эта сияющая спектральная фигура была уже полупрозрачна, сквозь очертания плоти виднелись, как тени, кости. От него яростно шел дым. Он больше не походил на человека; это была жуткая гибель, расплавление и превращение в ничто.

И все же он сохранял сознание, рассудок и волю.

Он издал сухой и слабый звук:

— Дюзы!

Джон Стар знал, что тоже превратился в тающий призрак. Каждый атом его тела пылал невыносимой болью. Красная агония ослепляла его, визжала в ушах, заставляла неметь тело. Тем не менее, он двинулся, прежде чем она одолела его полностью.

Он дотянулся до клавиатуры включения дюз.

Он распростерся над панелью управления, слабый и дрожащий. Измученное тело обмякло, истекало потом. Он подтянулся, сознавая, что его страшная агонизирующая прозрачность исчезла. Он увидел Джэя Калама, слабого и бедного, увидел за его спиной несколько мерцающих алмазных частичек, по-прежнему плавающих в воздухе.

— Дюзы, — прошептал Джей Калам, его голос, был очень тихим, хотя и серьезным, и внушительным, как всегда. — Дюзы нас пронесли.

— Пронесли! — Голос Джона Стара был как сухой хрипкий кашель. — Сквозь Пояс?

— Да, и мы падаем на поверхность планеты.

Джон попытался взять себя в руки.

— Выходит, нам нужно снизить скорость перед приземлением.

— Жиль, — позвал Джей Калам в переговорное устройство. — Геодины...

— Не трогайте меня больше! — послышался жалкий и слабый протест. — Бедный старый Жиль умирает, умирает! Ах, эта коварная боль! И генераторы повреждены, сгорели! Их разрушила эта жуткая вибрация! Их никогда уже не отремонтировать — тут не поможет даже редкое и совершенное искусство Жиля Хабибулы. Ах, бедный старый Жиль, даже уникальное умение и гениальность не спасут его больше. Он обречен и умирает вдали от дома!

— Не говори так, Жиль, — вмешался Джон Стар. — Ты можешь их наладить!

— Нет, Джон, с ними все кончено, говорю тебе. Они сгорели.

— Это правда, — сказал Джей Калам. — Они сгорели. Геодины прекратили существовать. У нас остались только дюзы, чтобы не разбиться в прах.

Джон Стар мрачно проковылял к клавиатуре управления, бормоча:

— Вот когда нам нужно топливо, оставленное на спутнике Плутона.

ЗВЕЗДА-КОРСАР

Беспорядочно вращаясь, «Пурпурная Мечта» неслась к огромной распластершейся желто-красной планете, и дюзы посылали вперед пламя на полной мощности, чтобы выправить полет — если только можно выправить полет во время катастрофы.

Джей Калам, мрачно-серьезный, смотрел, как Джон Стар быстро считывает данные с приборов, переправляет их в компьютеры и вводит новый код.

— Что ты обнаружил?

— Близко, — медленно сказал, наконец, Джон Стар. — Слишком близко. И тут, почти одновременно, произойдут три события: скорость будет погашена, мы достигнем планеты, и у нас кончится топливо.

Однако поверхность скрыта под плотной атмосферой. Я не могу сказать, насколько она далеко. Если слишком близко, мы разобьемся прежде, чем погасим скорость. Если слишком далеко, будем падать дальше, а топлива не останется. Или в самый раз, или никак.

— Тогда, — сказал Джей Калам, — будем ждать. Как долго?

— Через два часа на полной тяге резервуары опустеют.

Джем Калам кивнул своей длинной серьеznой головой, медленно поворачиваясь к телеперископу. Спустя мгновение он вдруг напрягся и повернулся показать на новую красную искорку, которая незамеченней вползла на экран.

— Еще один черный корабль, — заявил он. — Вылетел, чтобы посмотреть на обломки, когда мы врежемся, надо думать. Должно быть, они нас засекли, когда мы проходили мимо крепостей-спутников.

Джон Стар посмотрел на собственный прибор — чудовищная громада черного сияющего металла, черные лопасти двигались странно и медлительно вокруг обширного черного брюха корпуса. Корабль был невысоко над ними и неторопливо двигался следом, не делая враждебных движений.

— Идет, чтобы посмотреть, как мы врежемся, — пробормотал он. — Или чтобы подобрать нас, если мы уцелеем.

— Я пойду к командору Ульмару, — сказал вдруг Джей Калам. — Я хочу позволить ему связаться с ними. Мы очень мало что можем потерять, а выиграть можем все. Возможно, сможем выкупить Аладори. Что бы ни запросил Ульмар, система сможет ему предоставить, чтобы спасти ее и АККА.

Джон Стар кивнул — возможно, это был шанс. Джей Калам привел на мостик Адама Ульмара. Высокий командор был все еще бледен и дрожал после перехода через радиационный барьер, но его жесткое лицо улыбалось.

— Поздравляю, Джон! Я не думал, что ты сможешь нас провести.

Джей Калам сказал ему суровым сдержаненным голосом:

— Я хочу позволить вам говорить, командор. Я даю вам шанс спасти свою жизнь, а также спасти Аладори и ее тайну для Зеленого Холла. И я уверен, что Зеленый Холл согласится с любым необходимым выкупом. И я обещаю вам, если вы поможете нам благополучно вернуть Аладори в Систему, что выпущу вас на свободу.

— Спасибо, Калам. — Белая, четко очерченная голова слегка и полуиронично кивнула. — Благодарю за столь

трогательное доверие ко мне. Это верно, что я не хочу умирать, и верно, что Эрик очень глупо спутал планы задуманного мною предприятия. Эта девушка вовсе не должна была оказаться здесь.

— В таком случае, делайте то, что я вам сказал.

Джон Стар внимательно посмотрел на гордое лицо с темными кругами под глазами, выглядевшее, тем не менее, благородным. При всей ненависти к тому, что делал его родственник, он увидел на этом лице уверенность, волю и силу.

— Я сделаю все, что смогу.

— Очень хорошо, — сказал Джей Калам. — Вы можете связаться с ними отсюда, с борта?

— С помощью коротковолнового передатчика, — сказал командор. — Видите ли, медузиане нечувствительны к звуку: хотя люди Эрика называли их именем земных студенистообразных, однако они ни на что в Системе не похожи. Они общаются непосредственно короткими радиоволнами. Я знаю код, разработанный людьми Эрика, — я общался из Пурпурного Холла с агентами, которых они заслали в Систему.

— Действуйте, — сказал Джей Калам. — Пусть этот корабль даст соединительный трос, прежде чем мы рухнем. Пусть они доставят к нам на борт в целости и сохранности Аладори и дадут нам все, что понадобится для ремонта геодинов. И пусть откроют барьер, чтобы мы смогли уйти, — не думаю, что мы сможем пережить еще один прорыв. Поберегайтесь, что хотите, но вам лучше быть убедительным.

— Я сделаю все, что смогу.

И Адам Ульмар уселся за компактную панель корабельного передатчика. Лицо его было серьезным и напряженным. Он быстро нашел нужную частоту, потом начал произносить в микрофон звуки вместо слов — неприятное урчание, свист и щелчки.

Ответ, неожиданно раздавшийся из приемника, все же был для них странным. Голоса медузиан представляли собой пронзительный шепот, сухой и злобный, столь

омерзительно-неземной, что Джон Стар, прислушиваясь, задрожал от озноба и невыносимого ужаса.

Адам Ульмар тоже, видимо, обнаружил нечто ужасное в услышанном. Длинная челюсть его отвисла от удивления. Он вдруг задрожал, красивое лицо его побелело и покрылось жемчужными каплями пота. Неподвижные глаза стали темными, блестящими.

Он опять начал произносить в передатчик тихие пронзительные звуки, и в горле у него так пересохло, что он едва мог говорить. Из приемника послышался сухой скрип. Он долго прислушивался, глядя в никуда. Наконец, чужие звуки умолкли. Он механически потянулся белой дрожащей рукой к выключателю и поднялся на одеревеневших ногах.

— Что это было? — выдохнул Джон Стар. — Что они сказали?

— Ничего хорошего, — равнодушно ответил Адам Ульмар. Он вцепился в поручни, чтобы устоять на ногах. — Худшее, что могло произойти. Случилось то, чего я боялся с того самого мига, когда услышал о дурацком союзе Эрика.

Его большие глаза глядели на динамик, ничего не видя.

— Что случилось? — настойчиво спросил Джон Стар.

Адам Ульмар потер дрожащей рукой покрытый потом лоб.

— Я не могу решиться сказать тебе, Джон. Потому что ты будешь винить меня за это. И, мне кажется, я и впрямь виноват. Это я послал сюда Эрика с экспедицией, и он получил шанс стать героем. Эрик Второй! — Он невесело усмехнулся.

— Да, я виноват.

— Но что они сказали?

Его стеклянные глаза с немой мольбой взглянули в лицо Джона Стара.

— Пожалуйста, не думай, Джон, что это я задумал! Однако медузиане, похоже, провели Эрика и всех остальных. Они пообещали нам восстановить Империю в обмен на корабль, груженный железом. Но сейчас, по всей вероятности, они намерены получить куда больше.

Его сильное тело вздрогнуло.

— Они только что рассказали мне кое-что из своей истории, чего не знал Эрик, и это история в подлинном смысле слова. Они стары, Джон. Солнце у них старое. Их раса на этой призрачной планете состарилась прежде, чем родилась Земля. Они очень стары, Джон, однако они не намерены умирать.

Удивительное движение Звезды Барнарда, как они мне сказали, — это дело их рук. Поскольку минеральные ресурсы их планеты были использованы очень давно, они стали посещать другие миры. Двигаясь через галактику, они жили тем, что опустошали планеты, мимо которых проходили, и кое-где основывали колонии, что, как они мне сказали, ждет и Землю. — Он медленно и слабо кивнул белой головой. — Прошу тебя, Джон, — прошептал он, — не думай, что это когда-либо входило в мои намерения.

Джон Стар и Джей Калам лишились голоса от потрясения. Это было немыслимо. Но Джон Стар знал, что это правда. Логика говорила, что медузиане вряд ли втянутся в межзвездную войну из-за единственного корабля, груженного железом, а Адам Ульмар привел сейчас причину, куда более убедительную.

В уме Джона Стара возникла картина обреченного человечества. Система не сможет бороться с наукой, которая строит эти черные паучьи корабли пространства и вооружает их искусственными атомными солнцами. С планетой, которая группирует другие планеты в пояс искусственных спутников и ведет звезду, словно красного корсара, по галактике.

— Нет, у Системы не было шанса — тем более, что Легион Пространства уже предан его собственным командиром и АККА в руках чудовищного врага.

— Прошу тебя, Джон! — Надтреснутый голос Адама Ульмара был тонок, в нем была мольба. — Прошу, не думай, что я замыслил все это. А сейчас, если ты не возражаешь, я действительно нуждаюсь в капсуле, что в моем столе.

Джон Стар медленно прошептал:

— Вы не получите легкую смерть.

— Нет, командор, — хмуро сказал Джей Калам. — Вы должны жить, по крайней мере, какое-то время. Если мы уцелеем при посадке, вам, возможно, представится шанс исправить кое-что из того, что сделано вами.

Он отвел спотыкающегося узника обратно в камеру.

Дюзы по-прежнему ревели. «Пурпурная Мечта» падала. Предназначенные только для осторожных маневров при взлете и посадке, дюзы никогда не получали задачи, подобной этой. Торможение при такой скорости, при которой удалось благополучно пройти сквозь радиационный барьер, — это была работа для геодинов. Однако геодины были испорчены.

Джон Стар застыл возле пульта управления, выжимая последние крохи энергии из последних капель топлива, пытаясь вовремя остановить крейсер.

Черный корабль-паук падал вслед за ними. Медузиане, несомненно, следили: им было любопытно пронаблюдать эффект воздействия излучения барьера на корабль. И, конечно же, они были наготове с каким-нибудь новым оружием, если эти сумасшедшие пришельцы переживут посадку.

Красный туман сомкнулся вокруг «Пурпурной Мечты». Черный корабль следовал за ними, превратившись в огромную смутную тень в сумерках. Все остальное исчезло, и крейсер по-прежнему падал к невидимой планете, скрытой за светящимися красными облаками. Рев дюз прервался, возобновился, потом прекратился окончательно.

— Топливо кончилось, — прошептал Джон Стар. — Мы падаем. И ничего больше сделать нельзя.

Стиснув кулаки в бессильной ярости, он вглядывался в густой светящийся красный туман. Напряженные глаза выделили поверхность, нечто смутное и блестящее. На поверхности, готовой встретить их, играли вспышки.

— Море, — прошептал он. — Мы снижаемся к...

Паника прервала его слова, он услышал голос Джекса Калама, тихий и мягкий даже в последние мгновения их падения.

— В любом случае, мы добрались до планеты, на которой находится Алладори.

В ПУЧИНАХ НЕВЕДОМОГО ОКЕАНА

— Выходит, мы шлепнулись на дно смертельного моря? — заключил Жиль Хабибула. Настроение его не повысилось. Он говорил голосом здорового ухоженного кота, недовольного тем, что его таскают за хвост. Джон Стар молча кивнул, и тот горько продолжал:

— Двадцать долгих верных лет я прослужил в Легионе с того злого дня на Венере, когда...

Он замолчал, врашая рыбьими глазами, и Джон Стар спросил:

— Как это тебя угораздило вступить в Легион?

— Двадцать лет, дружище, старый Жиль прослужил в Легионе, стойкий и верный человек. И, да, во имя доброй жизни, столь бравый солдат всю свою жизнь.

— Да, я знаю. Но...

— Старый Жиль оставил прошлое позади, дружище. — Голос его снова стал отчетливо-жалобным. — Он полностью оправдал себя, как отважный герой. И взгляни на него сейчас, пожалей его жалкие кости!

Его называли коварным пиратом, чего вот уже двадцать долгих лет он не делал, потому что двадцать вечных лет он был благородным воином Легиона. О да, дружище, взгляни на старого Жиля Хабибулу.

Голос его прервался. Огромная слеза затрепетала в углу рыбьего глаза, помедлила, словно убоявшись гигантского красного носа, решилась и потекла вниз.

— Взгляни на бедного старого Жиля. Его выгнали, как собаку, из собственной родной Системы. Его травят, как кролика, в межзвездном пространстве. Он заброшен на эту планету призрачных опасностей и ползучих ужасов. И теперь ему предстоит провести последние безрадостные дни, погибая на дне желтого моря. Бедный Жиль Хабибула! За эти годы он ослабел, устал, и серые седые волосы увенчали его старую голову. Он стал больным и ленивым. Он был забыт и выслан на уединенный, заброшенный крошечный пост на Марсе.

А теперь он в ловушке и погибает на дне ужасного желтого моря. Так где же, драгоценная справедливость, парень?

Он спрятал свое большое лицо в ладонях и затрясся в рываниях, чем-то напоминая агонизирующую загарпуненного кита. Однако это длилось недолго. Он выпрямился и вытер глаза обратной стороной толстой ладони.

— В любом случае, дружище, — засопел он устало, — не выпить ли нам по капельке винца, чтобы забыть ужасные беды, обрушившиеся на нас? Кстати, я тут припас ящик консервированного сыра, который нашел на складах.

И я расскажу тебе, дружище, о тех временах на Венере. Это было смелое приключение — если бы только я не наступил во тьме на коварную лампу, ибо тогда бедный старый Жиль был умен и приворен, как ты, дружище.

— Нет, мы не сможем сдвинуть корабль, — ответил Джон Стар чуть позже, стоя в рубке возле Калама. — Хотя он лежит в неглубоком месте — согласно измерителям давления, он менее чем в ста футах от поверхности.

— Но нам не поднять его на поверхность?

— Нет. Геодины отказали, топливо для дюз кончилось. Если бы у нас были те бочки, которые мы оставили на спутнике Плутона! А корпус слишком тяжел и не держится на плаву. Он не предназначен для навигации.

— Выходит, — заключил Джей Калам, рассудительно-хмурый, хотя и со спокойной решительностью, которая знала больше, чем крайнее неистовство кого-то другого, —

что мы не сможем подняться. Это не так плохо, если учесть, что мы живы и находимся на той же планете, что и Аладори.

— Нет, — с той же решительностью сказал Джон Стар. — Если бы только мы могли выручить ее и выиграть время, чтобы достать материалы и построить АККА, мы бы показали этим медузианам.

— Это-то мы и должны сделать, а значит, и будем делать. А теперь, — добавил он, — надо поговорить с Адамом Ульмаром.

Когда они пришли к старику, он сидел, бледный и измученный, на койке, не в силах оправиться от переговоров с медузианами. Царственная гордость Пурпурного Холла покинула его. Он невидяще глядел в стену, трясущиеся губы шевелились. Вначале он их не заметил. Джон услышал голос:

— Изменник! Предатель человечества!

— Адам Ульмар, — обратился к нему Джон Стар, разрываемый на части жалостью и презрением к потрясенному человеку, взиравшему на них с невыразимым ужасом. — Вы готовы помочь нам, чтобы попытаться исправить причиненное вами зло?

Слабое мерцание заинтересованности и надежды вернулось в мутные, искаченные мукой глаза, однако командир Легиона кивнул.

— Я помогу. — Голос был жалок, безжизнен. — Я сделаю все, что могу. Но уже слишком поздно. Слишком поздно.

— Нет! — крикнул Джон Стар. — Еще не слишком поздно!

Адам Ульмар неуверенно встал на ноги, гордое лицо его было искалено.

— Я помогу. Но что можно сделать?

— Мы намерены найти Аладори и освободить ее. Потом она сможет разделаться с медузианами с помощью АККА.

Он усился. Его голос звучал устало и горько:

— Вы дураки. Находитесь в поврежденном корабле на дне моря. Аладори заключена в хорошо охраняемой крепости, куда не проникнут даже флотилии Легиона, если медузиане

еще не выпытали ее тайну и не разделались с ней. Вы полнейшие идиоты — хотя и не такие, как я...

— Расскажите нам все, что вы знаете о планете, — сказал Джей Калам. — География ее континентов. И о медузианах. Их оружие, цивилизация, и где, скорее всего, они содержат Аладори.

Адам Ульмар посмотрел на них с апатичным отчаянием.

— Я расскажу вам то немногое, что знаю, хотя это и не принесет пользы. Как вы знаете, сам я никогда здесь не был. Я располагаю лишь отчетами, доставленными экспедицией Эрика.

Эта планета значительно крупнее Земли. В диаметре она приблизительно в три раза больше. Вращается она медленно, день ее равен приблизительно пятнадцати земным. Ночи ужасны. Длятся неделями и крайне холодны. Карлик, как вам известно, не дает много тепла.

Взгляд его медленно ушел в сторону.

Джон Стар подстегнул его:

— Континенты?

— Континент всего один, большой, равный по площади поверхности Земли. Вдоль одного побережья — полоса странных джунглей, диких и смертоносных. По словам Эрика, они растут с поразительной быстротой в течение долгого дня и кишат свирепой неземной жизнью.

Вдоль восточного побережья за джунглями возвышается горная гряда, более отвесная, говорил Эрик, чем любая в Системе. Запад гряды — огромное высокое плато, безжизненное, изрезанное дикими каньонами. Далее — долина большой реки, которая протекает почти по всему континенту.

У медузиан остался единственный город — на этой умирающей планете трудно поддерживать жизнь, и большинство их мигрировало на другие завоеванные миры. Как они хотят поступить и в нашем случае. Этот город находится где-то на реке. Точнее я не могу сказать.

— Аладори? — порывисто спросил Джон Стар.

— Она, несомненно, должна находиться в городе. Эрик говорил, что это совершенно изумительное место, огромное по человеческим масштабам. Весь город выстроен из черного металла и окружен стенами в добрую милю высотой. Они ограждают его от страшных джунглей. В центре — огромная крепость, гигантская башня из черного металла. Скорее всего, они держат ее там, под охраной оружия, способного аннигилировать все флотилии Системы в одно мгновение.

— Вы знаете еще что-нибудь? — допытывался Джей Калам.

Взгляд загнанных глаз опять был направлен в пустоту.

— Нет, больше ничего.

— Очнитесь! Думайте! Вся Система на кону!

Тот заговорил:

— Нет... да, я вспомнил еще одно, хотя нет особого смысла говорить вам об этом. Атмосфера...

— Что — атмосфера?..

— Вы видели, что она красноватая?

— Да. Что, она не годится для дыхания?

— Она содержит кислород. Вы сможете дышать. Однако в ней содержится красный газ. Для медузиан он безвреден, но не годится для людей. Это растительный органический газ, как они сказали мне во время переговоров. Они вырабатывают его для исправления климата, чтобы снизить тепловые потери по ночам. Они намерены заполнить им, без сомнения, и атмосферу Земли. Однако он плохо действует на людей.

Он заставил себя собраться с мыслями.

— Ты помнишь, что ранило тебя в плечо, Джон? Это было вызвано красным газом. Выпеснутым на тебя в жидкому виде. Медузиане уже выяснили, как он действует на человеческие организмы. Люди из экспедиции Эрика...

Стройный старик вздрогнул.

— Они заболели потому, что дышали в этой атмосфере. Поначалу она не сказывалась на них, если не считать легких

неудобств. Но позже начались умственные расстройства. Стала гнить плоть. И была сильная боль. Потом...

— После того, как я обжегся на Марсе, ваши врачи меня выходили, — сказал вдруг Джон Стар. — Чем они пользовались?

— Мы выработали формулу нейтрализатора... Однако у нас на борту нет ингредиентов.

— Несмотря на это, мы сможем прожить некоторое время?

— Какое-то время, — эхом отозвался старик. — Индивидуальные реакции различаются, но обычно самое худшее случается через несколько месяцев.

— Тогда это не играет важной роли.

— Нет, — довольно хмуро и выразительно произнес Адам Ульмар. — Нет, вы погибнете, если сможете покинуть корабль, и способов для этого, самых быстрых, будет миллион. Жизнь, видите ли, очень стара на этой планете. Борьба за существование здесь очень свирепа. В результате чего флора и фауна ведут с медузианами борьбу за существование. За пределами корабля вам не выжить.

— Однако мы намерены попытаться, — заверил его Джей Калам.

— «Пурпурная Мечта», — заявил Джон Стар чуть позже, когда они все впятером собрались на узкой палубе возле воздушного шлюза, — лежит на дне неглубокого моря. Здесь всего лишь восемьдесят футов глубины. Мы не можем сдвинуть корабль, но мы можем выбраться

— Выбраться? — эхом откликнулся Хал Самду. — Как?

— Через воздушный шлюз. Мы выплыvем на поверхность и попытаемся добраться вплавь. Раз глубина всего лишь восемьдесят футов, то вполне возможно, что мы на отмели какого-нибудь побережья. Мы сможем выбраться на него и вынести с собой груз оружия и припасов.

— Мы смогли бы прожить здесь, на борту Воздуха и припасов здесь достаточно. А снаружи, быть может, мы проживем всего лишь несколько минут. Мы не сможем достичь

поверхности, а если и достигнем, то лишь затем, чтобы встретиться с опасностями в мире, где даже воздух — медленный яд.

— Мой драгоценный глаз! — вмешался Жиль Хабибула. — Мы здесь, в злом и жутком море, на этом дне, мы все постепенно вымрем от истощения. И этого еще недостаточно! Ты хочешь, чтобы мы всплыли со дна этого коварного желтого моря, будто смертельные рыбы?

— Именно! — согласился Джон Стар.

— Ты хочешь, чтобы бедный старый Жиль утонул как безмозглая крыса, когда здесь у него в изобилии припасов и вина! Бедный старый Жиль Хабибула.

— Дурак ты, Джон, — мрачно и свирепо произнес Адам Ульмар. — Тебе никогда не выбраться на берег. Ты не слышал рассказов, привезенных людьми Эрика Ульмара. Ты не знаешь той жизни, как растительной, так и животной, что в течение длинных красных дней ведет здесь борьбу за существование. Как ты намерен пережить ночь? Ты рожден в ласковом мире, Джон. Тебе не дано будет уцелеть здесь.

— Любой из вас, кто пожелает, может остаться на борту, — тихо прервал Джей Калам. Джон идет. И я. Хал?

— Конечно, я пойду, — откликнулся гигант, краснея от гнева. — Вы что, думаете, я оставлю Аладори этим монстрам?

— Конечно, нет. Хал. А ты, Жиль?

Рыбы глаза Жиля Хабибулы яростно вращались. Он спазматически вздрагивал. Пот бежал по его лицу. С невероятным усилием он произнес сухим голосом:

— Смерть моя! Вы что, хотите уйти и оставить бедного больного старого Жиля Хабибулу здесь, чтобы он голодал и гнил на дне этого злобного моря? Во имя драгоценной жизни! — конвульсивно прохрипел он. — Я пойду. Однако вначале старый Жиль должен отведать вкус пищи, чтобы его изнуренные старые кости обрели силу, и хлебнуть винца, чтобы успокоить измотанные, измученные нервы.

Он неуверенно поплелся к трюму.

— А вы, командор? — настойчиво спросил Джей Калам. — Вы пойдете?

— Нет... — Адам Ульмар покачал головой. — В этом нет смысла. Я знаю, что естественный отбор привел к появлению как на суше, так и в этих морях весьма удачных жизненных форм.

Четверо вошли в воздушный шлюз и подготовили большие, непроницаемые для воды свертки с одеждой, протонными пистолетами, несколькими фунтами концентрированной пищи и, по настоянию Жиля Хабибулы, бутылкой вина. Они задраили внутренний люк, и Джон Стар открыл дверь, ведущую наружу. Мощный поток воды рванулся в камеру, заполняя ее, обдавая ледяным холодом тела людей, выталкивая воздух кверху. Их сжали безжалостные тиски давления. Поток прекратился, когда вода была уже вровень с их плечами. Джон Стар вращал штурвал наружного люка, но армированная дверь сопротивлялась.

— Заклинило! — прохрипел он. — Мы должны попробовать вручную.

— Дай мне! — крикнул Хал Самду, рывками пробираясь вперед в ледяной воде. Голос его в плотном воздухе был необычайно пронзительным. Он привалился спиной к металлическому люку, напрягся. Боль от усилий превратила его лицо в странную маску. Дышал он быстро, хрипло и прерывисто.

Джон Стар и Джей Калам помогали ему, все они боролись с люком в холодной воде, достигшей уже подбородков, стараясь сдерживать дыхание в горячем спертом воздухе.

Люк неожиданно поддался. Поток воды опрокинул их. Воздух пузырями стал вырываться наружу. Они наполнили легкие в замкнутом воздушном кармане, подтянулись к отверстию и, отчаянно барабахаясь, поплыли к поверхности.

Темная вода, от которой немело тело, сокрушающее давила на них. Джон Стар сражался с безжалостным, казалось, неодолимым давлением. Он чувствовал, как свирепые тиски опустошают измученные легкие. Он рвался вверх, сквозь

мрачную бесконечность времени. Затем, на удивление неожиданно, он вынырнул на поверхность желтого моря и стал хватать ртом воздух.

Плоская блестящая маслянистая красно-желтая поверхность моря под холодным красным небом простиралась в смутную красную даль. Море поднималось и опускалось длинными медленными волнами.

Вначале он был один. Вдруг рядом с ним взметнулась голова Джейя Калама, задыхающаяся, мокрая. Затем рыжеволосая голова Хала Самду. Они ждали, не в силах говорить, пытаясь отдышаться. Они ждали долго, и наконец вынырнула голова Жиля Хабибулы — лысина с реденькой прядкой седых волос.

Они держались на плаву в желтом море и дышали глубоко и благодарно, забыв о том, что с каждым вдохом глотают медленный яд.

Пустынная равнина моря простиралась вдаль. Безмолвная и безжизненная. Небо — огромный зловещий снижающийся к горизонту купол. На большой высоте пылал в небе неописуемо огромный красный диск. Умирающий карлик, состарившийся еще тогда, когда Земля лишь зарождалась, — он, казалось, был слишком холоден, чтобы согреть их.

— Следующая наша проблема, — задыхаясь, произнес Джон Стар, — берег...

— Сверток... — пробормотал Хал Самду, — с пистолетами. Не всплыл...

Действительно, он не появился.

— Моя жалкая бутылочка вина! — захныкал Жиль Хабибула.

Затем все они замолчали. Огромное невидимое тело всплыло рядом с ними на поверхность и погрузилось обратно.

ЧЕРЕЗ КОНТИНЕНТ

Держась на плаву в месте всплытия, затаив дыхание, они ждали появления драгоценного свертка, в котором находилось их оружие, а также бутылка вина для Жиля Хабибулы. Другие свертки, с одеждой и продуктами, также пропали.

— Они не всплыли, — наконец, в отчаянии заключил Джон Стар. — Придется добираться до берега без них.

— Протекли, наверное, — сказал Джей Калам. — Или застряли в люке.

— Или их проглотили, — засопел Жиль Хабибула. — Вон тот монстр, что так страшно плескался, он и проглотил. Ах, мое драгоценное вино...

— А где берег? — требовательно спросил Хал Самду.

Во все стороны от их колышущихся, словно поплавки, голов простиравшегося маслянистое, покрытое невысокими волнами желтое море, нигде не нарушающее сушей. Гнетуще нависало сумеречное небо, туманом густел ядовитый красный газ. Вдали над морем пылало зловещее солнце, кроваво-красный шар. Легкий бриз коснулся их лиц, столь сладкий, что едва пошевелил желтую поверхность.

— У нас два возможных проводника, — сказал Джей Калам, держась на плаву с помощью медленных, неторопливых движений. — Солнце и ветер...

— Как?..

— Солнце невысоко, однако оно поднимается. Значит, там восток. Это говорит нам о направлении. А что касается ветра, то это явно морской бриз с побережья большого континента, о котором говорил Адам Ульмар. В это утреннее время ветер должен дуть с моря, потому что воздух над сушей нагревается и поднимается.

— Так что же, поплыvем по ветру к западу?

— Я думаю, что это наш наилучший шанс, хотя базироваться приходится на весьма неполных астрономических и географических знаниях о планете. Слишком плохо, что мы

хотя бы мельком не заметили континент сквозь туман, когда падали. Весьма может оказаться, что мы вовсе не возле берега, а просто на каком-нибудь мелководье. Но я думаю, что наш лучший шанс — плыть по ветру.

Они отвернулись от красного солнца. Джон Стар поплыл уверенно, не затрачивая усилий. Хал Самду разрезал воду медленными мощными гребками. Джей Калам плыл расчетливо и бесшумно. Жиль Хабибула пыхтел, барахтался, расплескивая воду и слегка отставая.

Казалось, прошли часы, прежде чем он захрипел:

— Во имя сладкой жизни, давайте немножко отдохнем. Что за смертельная спешка?

— Можем отдохнуть, — согласился Джей Калам. — Берег может находиться в двух милях, а может, в двухстах или в двух тысячах.

Они отдохнули некоторое время, потом вновь, с усталой расчетливостью, поплыли.

Поначалу они не ощущали ничего необычного в воздухе. Однако Джон Стар вдруг заметил, что ноздри и глаза его раздражены и что-то давит на натруженные легкие. Он заметил, что кашливает, и вдруг услышал, что остальные тоже кашляют. Тут же ему в голову пришли мысли о неприятной судьбе людей из экспедиции Эрика Ульмара, но он хранил молчание.

Заговорил Жиль Хабибула:

— Этот красный и ужасный воздух! Он меня в гроб вгонит. Бедный старый Жиль! Мало того, что он рухнул в неведомое море на чужой чудовищной планете и погибает, плавая, как несчастная крыса, в банке со сгущенкой! Ох, смерть моя! Этого недостаточно! Он должен быть отравлен этим коварным газом, который сделает из него смертельного неистового маньяка, и потом злая зеленая проказа пожрет всю его плоть со старых бедных костей. Бедный старый солдат!

В этот миг грандиозный плеск прервал его меланхоличное сопение. Огромное тело, черное и блестящее, взмыло

рядом с ним над желтой поверхностью и тут же нырнуло обратно.

— Мои жалкие кости! — прохрипел он. — Какой-то ужасный кит приплыл проглотить всех нас!

Отнюдь не обрадованные тем, что привлекли внимание неведомого обитателя желтого моря, они поплыли быстрее, пока существо не появилось опять прямо перед ними.

— Не будем выматываться, — послышался сквозь жуткий плеск спокойный голос Джекса Калама. — Нам от него не оторваться. Однако, возможно, он не нападет.

Жиль Хабибула внезапно захныкал:

— Снова чудовищный ужас!

Они увидели изогнутый саблевидный черный плавник, который вспорол черную поверхность неподалеку. Он поплыл к ним, описал вокруг них полную окружность и затем исчез, чтобы появиться вновь и сделать еще один круг.

— Он описывает вокруг нас идеальный круг, — засопел Жиль Хабибула. — А потом, несомненно, последует кошмарный пир.

— Смотрите, впереди! — закричал вдруг Хал Самду. — Плынет что-то черное!

Джон Стар вскоре обнаружил это — длинный черный предмет, едва возвышающийся над водой, по-прежнему окутанной красно-желтым туманом.

— Не могу сказать, что это. Возможно, бревно. Или что-нибудь другое, плавающее.

— Мой смертный глаз! — взвизгнул Жиль Хабибула и вдруг яростно забился в воде с багровым лицом, отчаянно хватая ртом воздух.

— В чем дело, Жиль?

— Какой-то ужасный монстр дотронулся до моих жалких пяток.

Он опять по-собачьи поплыл к далекому предмету. Джон Стар почувствовал резко болезненное прикосновение к бедру. Он увидел, как по воде расплывается его собственная кровь.

- Кто-то только что откусил от меня кусочек.
- Должно быть, он нас пока только изучает. Потом он выяснит, что мы неопасны.
- Там, впереди, бревно! — закричал Хал Самду.
- Тогда мы должны добраться до него и залезть... пока эти жуткие существа не сожрали нас заживо! — воскликнул Жиль Хабибула.

Из последних сил они заставляли двигаться усталые мускулы. Джон Стар хватал ртом воздух. Каждый вдох сопровождался болью. Каждый медленный гребок требовал усилия воли. Он знал, что остальные столь же близки к исчезновению. На некрасивом красном лице Хала Самду было свирепое выражение. Джей Калам был бел и мокр. Жиль Хабибула задыхался и отчаянно хлопал по воде, лицо его было пурпурным.

Желтая поверхность некоторое время была ровной, затем черный саблевидный плавник вернулся. Он описал в воде аккуратную кривую и направился прямо к Джону Стару.

Он ждал, пока тот не приблизится. Затем стал дергаться, кричать, пинать ногами. Его голая нога болезненно прошлась по жесткой чешуе. Плавник повернулся и исчез. Некоторое время поверхность опять была спокойной. Они плыли через силу, словно вдыхая мучительное пламя, каждый гребок отзывался болью. Черное бревно приблизилось — огромный грубый цилиндр в сотню футов длиной, покрытый бугристой чешуйчатой корой. На его верхней части, у конца, они увидели любопытный зеленый нарост. Впереди что-то снова плеснулось. Кривой черный плавник молча проплыл между ними и бревном. Они плыли, теряя энергию при каждом отчаянном гребке. Изогнутая грубая поверхность была над ними. Джон Стар был уже на пределе сил, однако боролся за жизнь, и вдруг он почувствовал, как в его лодыжку вцепились острые зубы. Свирепые клещи потащили его, задыхающегося, под воду... Он сложился пополам, дергаясь, вцепившись руками в твердое, покрытое

режущейся чешуей тело, пиная его свободной ногой. Руки обнаружили что-то мягкое, похожее на глаз. Пальцы вцепились в него, раздирая и выковыривая. Существо вырывалось под ним, яростно сопротивлялось, изворачивалось. Лодыжка оказалась на свободе. Он, теряя сознание, рванулся к поверхности. Голова оказалась над желтой водой, и он, проторев глаза, увидел, что кривой черный плавник несется прямо на него. Затем гигантская рука Хала Самду схватила его за плечо и дернула вверх.

Он увидел, что сидит вместе с остальными на огромном черном цилиндре бревна.

— Мой смертный глаз! — засопел Жиль Хабибула. — Это была коварная убийственная...

Он замолчал, дыхание у него перехватило, рыбы глаза — выпучились. Джей Калам заключил:

— У нас на борту компаньон.

Джон Стар увидел то, что ранее показалось ему зеленоватым наростом на противоположном конце бревна. Гигантская масса зеленоватой просвечивающейся студневидной органики, которая, наверное, весила несколько тонн. Существо вцепилось в черную кору пучком бесформенных щупальц. Постепенно, с помощью неведомых чужеродных чувств оно узнало об их близости. Из бесформенного тела на глазах у перепуганных зрителей потекли полужидкие струи. Оно расширялось, неудержимо передвигаясь по бревну в их сторону.

— Что это за страшная штука? Видимо, гигантская амеба, — сказал Джей Калам. — Ищет обед.

— И найдет, — заключил Джон Стар, — если такой темп сохранится и дальше, примерно через полчаса.

Четверо мужчин, обнаженных, измотанных и беззащитных, сидели на краю бревна, видя, как тонкие зеленые руки вытягиваются и медленные потоки полузагустевшего студня плывут, чтобы пожрать их. Сама же огромная туша вдруг оказалась значительно ближе. Каково будет, когда они окажутся у нее внутри? Каково быть схваченными

бесформенными ползучими руками, затянутыми в живую прозрачную массу, дюйм за дюймом заглоchenными и переваренными? Джон Стар задержал дыхание, и попытался стяхнуть гипноз ужаса, и в отчаянии огляделся. Небо над ними было зловеще-красным. Ярко-красный, громадный злобный диск пылал низко над горизонтом. Ветер, дующий от него, рябил поверхность желтого моря. Желтые горизонты таяли в красноватом тумане. Вокруг бревна бесконечными кругами скользил черный саблевидный плавник. Колossalная амеба достигла середины бревна.

— Когда она доберется сюда, — озабоченно предложил Джон Стар, — мы сможем нырнуть и доплыть до противоположного конца.

— И нас заживо проглотят в смертельной воде! — трагически предсказал Жиль Хабибула. — Старый Жиль намерен остаться здесь и посмотреть, что его будет есть.

— Я полагаю, — сказал Джей Калам, — что ветер несет нас к берегу. И он должен быть неподалеку, иначе откуда же бревно.

Ползучий ужас был уже в трех четвертях пути, когда остrogлазый Хал Самду закричал:

— Берег! Я вижу землю!

Вдали, над дымным красным горизонтом, над плоской поверхностью желтого моря возвышалась низкая темная линия.

— Но до нее еще мили, — сказал Джон Стар. — Мы должны пройти мимо этого монстра, иначе...

— Мы должны перевернуть бревно, — предложил Джей Калам, — раскачивав его, и перебежать на тот конец, пока наш приятель-пассажир будет под водой.

— И, возможно, самим попасть на обед к этим коварным существам в воде, когда оно перевернется.

Однако они встали, осторожно балансируя на грубой коре, и по команде Джая Калама принялись раскачивать бревно из стороны в сторону. Поначалу их движения не оказали видимого воздействия. Гигантская амеба продолжала

свой неторопливый путь. Тем не менее, под их учетверенным весом бревно начало лениво качаться, с каждым разом все больше, влажная кора была скользкой. Жиль Хабибула поскользнулся и захрипел от ужаса. Джон Стар вытащил его обратно.

— Проклятие моим костям! Бедный старый Жиль — не обезьянка, дружище!

Черный плавник приблизился. Рыбы глаза Жиля при виде его закатились. Ближайшая тянувшаяся рука бесформенного текучего живого студня была всего в пяти футах от них, когда бревно миновало точку равновесия. Оно вдруг перевернулось, и им пришлось отчаянно карабкаться вверх на руках и коленях.

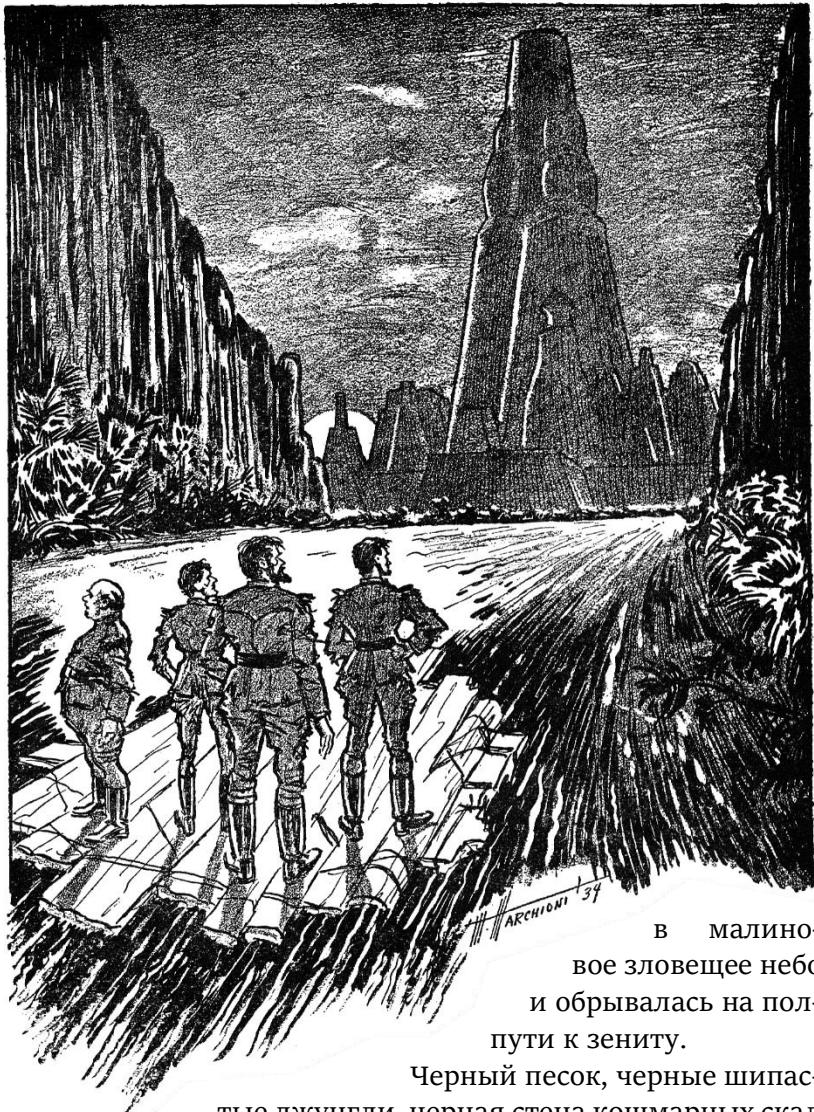
— Пошли! — выдохнул Джей Калам.

Помогая друг другу, они неуверенно пробирались по влажной поверхности к другому концу. Но огромная масса голодной протоплазмы снова появилась на бревне, зеленая и мокрая. Ее чувства каким-то образом улавливали их. Она поползла к ним вновь.

Дважды они повторяли этот неуклюжий маневр, прежде чем бревно коснулось дна. Перед ними лежал черный мир, словесный и странный.

Впереди, на голом берегу, покрытом черным песком, располагались желтые лужи. За широкой полосой черного песка поднимались поразительные джунгли — темная страна шипов, прямые, мертвенно-черные колючки, пылающие бесчисленными огромными фиолетовыми цветами, усаженные тысячами зазубренных и острых иголок, непроницаемый барьер переплетенных мечей не менее ста футов в высоту.

Над мрачными джунглями шипов возвышалась горная гряда: огромные пики, один гигантский вал за другим, зазубренные, величественные, уходящие в небеса массивы скал, обнаженных, сумрачных и безжизненно-черных. Последняя мрачная стена протягивала свой заостренный край

в малиновое зловещее небо
и обрывалась на полу-
пути к зениту.

Черный песок, черные шипастые джунгли, черная стена кошмарных скал под алым небом. Мир перед ними был покрыт тенями зловещей недоброжелательности. Сердце при виде него застыпало от безымянного ужаса.

— На берег! — громко воскликнул Джон Стар, и они с плеском помчались по мелководью, помахав на прощание амебе.

— Да, мы на берегу, — согласился Джей Калам. — Но, видишь ли, на восточном побережье. Город медузиан, по словам командира, где-то на западном берегу. Это значит, что нам предстоит пройти через все эти джунгли, горы и через весь континент.

— О да, впереди черный континент, полный смертельных ужасов, — заныл Жиль Хабибула. — А мы не имеем оружия, мы голые как жалкие младенцы. Ни кусочка еды. Бедный старый Жиль, обреченный голодать на чужих берегах злого моря.

СКВОЗЬ ДЖУНГЛИ

— Оружие, — начал Джей Калам, — это первое, что нам необходимо раздобыть.

Джон Стар затаил дыхание от боли, словно что-то вонзилось в его ногу, и прервал его с улыбкой:

— Для начала кое-что есть. Край как лезвие.

Он поднял то, на что наступил, — большую черную раковину с закругленным краем. Джей Калам внимательно рассмотрел ее.

— Годится, — сказал он. — Лезвие что надо.

Когда они шли по берегу, он подыскал для каждого из спутников по раковине. Жиль Хабибула взял свою раковину разочарованно.

— О, во имя жизни, Джей! Ты надеешься, что я этой хрупкой штучкой смогу прорубиться сквозь страшные клинки и штыки, которые ждут нас впереди, ждут, чтобы нарезать из нас кровавых ремней?

И он указал на черные шипастые джунгли.

— Итак, мы вооружены, — сказал Джей Калам. — При первой же возможности вырежем по копью.

Они приблизились к черному, в фиолетовых цветах, барьера из шипов, игл и кривых колючек. Многие из лезвий были длиной до десяти футов. Тесно растущие стволы казались твердыми и острыми как стальные клинки. Для них, голых и со столь чувствительными телами, нелегко было пробираться между стволами; не более просто было вырезать и обтесать твердые, как железо, стебли с помощью раковин.

Прошли тягучие часы, прежде чем каждый из них получил по десятифутовому копью и короткому трехгранному кривому, как клык, кинжалу. Хал Самду вырезал себе также большую дубину из куска плавника.

— Ах, а теперь нам предстоит пересечь целый ужасный континент босыми, жалкими ногами, — начал Жиль Хабибула, бросив жалобный взгляд на желтое море, и вдруг его рыбы глаза кое-что заметили. Он тяжело побежал обратно к берегу, пока они работали.

— Наша одежда! — обрадовался Джон Стар. — И настоящие пистолеты!

— И моя несчастная бутылочка вина! — засопел Жиль Хабибула, деловито распаковывая свертки на песке.

Однако надежды на оружие не оправдались. Свертки промокли, одежда вымокла, еда по большей части испортилась, тонкий механизм протонных пистолетов оказался совершенно бесполезен после контакта с коррозионной желтой водой.

Лишь бутылка вина была совершенно невредима. Жиль Хабибула подержал ее против красного солнца, изучая счастливыми рыбьими глазами.

— Открой! — предложил Хал Самду. — Нам нужно что-нибудь выпить.

Жиль Хабибула жалобно сглотнул и медленно покачал головой.

— О нет, Хал, — печально сказал он. — Когда она опустеет, больше вина не будет. Ни одной драгоценной капельки вина на всем континенте. О нет, ее нужно сохранить до той минуты, когда оно действительно понадобится.

Он поставил ее мягко и осторожно на черный песок.

Оставив в покое бесполезные протонные пистолеты, они доели то, что оставалось от еды, и с облегчением натянули полусырую одежду. Даже под постоянным обогревом близкого солнца и покрывалом поглощающего тепло красного газа атмосфера была далека от тропической.

Джон Стар грубо перебинтовал раны на бедре и лодыжке, которые появились по пути к берегу. Жиль Хабибула сунул бутылку вина в один из своих внушительных карманов, аккуратно обернув ее предварительно куском ткани, и они углубились в джунгли.

Толстые мясистые стебли теснились вокруг них, переплетаясь над головами в непроницаемый покров, нацеливаясь острыми, как нож, кривыми, как клык, лезвиями. Плотная шипастая крыша полностью скрывала зловещее небо. Лишь призрачный, цвета крови сумрак просачивался сквозь плотную крышу джунглей.

С бесконечными предосторожностями они пробирались в переплетении лезвий, однако это помогало им плохо. Страдала одежда: каждый из них вскоре оказался покрыт десятками крошечных порезов, которые болезненно зудели от растительного яда. И вскоре они встретили опасность более внушительную.

— Одно хорошо, — заметил Джей Калам. — Если шипы ранят нас, то они также могут ранить любого врага... Ого!

Короткий пронзительный крик прервал его рассудительный голос. Джон Стар повернулся и увидел, что его уносит с земли длинная пурпурная веревка. Свисая из зловещего сумрака, она дважды обернулась вокруг его тела, прижалась плоским концом с круглой присоской к горлу. Свирепо отбиваясь, он все же был беспомощным в стягивающем,

шириной в дюйм щупальце. Оно быстро уносило его в переплетение черных шипов.

Джон Стар бросился за ним, подняв кинжал, однако уже не мог дотянуться.

— Подбрось меня, Хал! — задыхаясь, крикнул он.

Гигант схватил его за колено и бедро и могучим рывком подкинулся к освещенным красным светом основаниям шипов. Одной рукой он ухватился за сегмент грубого пурпурного каната. Тот немедленно подтянулся, слегка приподняв его, и забросил петлю на его тело.

Повиснув на одной руке, он вонзил в него над плечом Джая Калама кинжал, зажатый в свободной руке. Твердая пурпурная кожа поддалась. Прозрачная фиолетовая жидкость потекла по его руке. Сок это или кровь — он не знал. Внутри же твердые волокна создавали слой, который разрезать было не так-то просто.

Петля, яростно сопротивляясь, скользнула по его плечам.

— Спасибо, Джон, — слабо прошептал Джей Калам, не поддавшийся, однако, панике.

— Но старайся освободиться, пока можешь.

Джон Стар молча резал веревку.

Внезапно в текущей жидкости появился красный цвет. Он понял, что это кровь Джая Калама.

Пурпурный канат спазматически сжался с болезненной, ломающей кости силой.

— Слишком... слишком поздно... Прости, Джон!

Лицо Джая Калама обмякло.

Джон Стар сделал последнее, яростное усилие, когда не выносимое давление выжало воздух из легких с долгим болезненным хрипом. Живой канат распался, и они упали.

Следующее, что понял Джон Стар, — это то, что они находятся за пределами джунглей. Он лежал на спине, на небольшой ровной площадке, покрытой каким-то мягким красивым растительным ковром, блестящим, с металлическим

голубым отливом. Внизу, поверх черных шипастых джунглей, он разглядел маслянисто-желтое море, блестящую золотую простыню под низким и хмурым солнцем.

Над ним высилась черная гряда гор. Огромные пологие склоны были усеяны титаническими черными валунами и разбросанными иззубренными агатово-черными обломками. Острые циклопические пики образовывали барьер за барьером. И последняя зубчатая темная линия пиков упиралась в красное и туманное небо.

Джей Калам лежал рядом с ним на голубой траве, не приходя в сознание. Хал Самду и Жиль Хабибула были заняты разведением костерка у края небольшого, плещущего потока, который пересекал площадку. Он с удивлением уловил запах готовящейся пищи.

— Что случилось? — спросил он и, преодолевая боль, уселся. Тело ныло от горящих ран, оставленных шипами джунглей.

— Ага, вот и ты, дружище, оказывается, пробудился наконец, — ласково засопел Жиль Хабибула. — Да, дружище, Хал и бедный старый Жиль Хабибула вытащили вас обоих из смертельных джунглей, после того как вы оба упали, обмотанные этими злобными щупальцами. Это было недалеко. Здесь, в долине, Хал швырнул свое копье в пасущееся на голубой траве маленькое существо, а я высек камнями искры и развел огонь.

Вот в чем дело, дружище. Мы выбрались из джунглей. Однако нам предстоит подняться, когда ты и Джей сможете двигаться, на эти смертельные горы, и одна жизнь знает, какие жуткие кошмары лежат по ту сторону.

Ах, будь эта коварная пурпурная веревка чуть покрепче...

Смерть моя, дружище, эта жизнь слишком трудна для такого старого солдата, как Жиль Хабибула, который вполне заслужил, чтобы сидеть где-нибудь в мягкому удобном кресле и прихлебывать винцо, чтобы сбросить со своего драгоценного старого сердца бремя грехов.

Он скосил рыбий глаз на сверток в своем кармане.

— Ах, да, одна смертельная бутылочка у меня есть. Но она должна дождаться своего часа, когда она действительно понадобится. Он придет, и достаточно скоро, на этом континенте коварных ползучих ужасов!

Они, когда Джей Калам и Джон Стар оказались способными двигаться, начали карабкаться на горный барьер, прошибаясь через нагромождения колоссальных черных валунов. Они ползли вверх по отвесным каменистым склонам. Они преодолевали гряду за грядой и каждый раз встречали впереди еще более труднопроходимый склон.

Огромное алое солнце, которое служило им компасом, постепенно двигалось по мрачному пурпурному небу, всю долгую неделю их продвижения. Они часто голодали, часто испытывали жажду и постоянно — смертельную усталость. Воздух становился разреженнее и холоднее по мере подъема, и постепенно они перестали согреваться, что очень быстро привело к изнеможению.

Иногда они убивали маленьких животных, щиплющих голубую траву, и жарили их на привалах. Они пили из ледяных горных ручьев. Они мало спали, даже под светом солнца, и один из них постоянно был на страже.

— Мы должны идти, — все время настаивал Джей Калам.
— Ночь не должна застать нас здесь. Это будет неделя тьмы и жуткого холода. Нам здесь ее не пережить.

Однако закат почти наступил, когда они преодолевали последнюю преграду. Они посмотрели на огромное плато, безжизненное, насколько хватало глаз, черное, мрачное, пустынное. Оно было загромождено черными камнями, вырванными и сброшенными сюда во время древнего вулканического катаклизма. Совершенно черная пустыня. В темнеющем небе висело гаснущее солнце, его зловещий диск уже был обкусан клыками черных утесов.

— Мы здесь, наверное, умрем, — сказал Джей Калам. — Но мы должны идти.

И они пошли, не в силах надышаться разреженным горным воздухом, а красный диск солнца медленно поглощался западным горизонтом, и холод усиливался.

НОЧЬ И ГОРОД РОКА

Часами, торопясь, они шли по черному плато, и все новые грозные предвестники надвигающейся ночи появлялись на небе. Перед ними опускался огромный купол солнца. Затем он исчез. В размытых малиновых сумерках они вышли на край бездны.

Отвесные стены уходили вниз на добрую тысячу футов. Величественная расщелина пересекала плато, огромный, с отвесными стенами каньон, заполненный красным хмурым диском.

— Река, — показал Джей Калам, — а вдоль нее лес. Это означает, что там есть топливо, а может быть, и еда. Мы должны найти в обрыве пещеру. Нам надо спуститься.

— Спуститься? — фыркнул Жиль Хабибула. — Как заправские смертельные мухи?

Однако они нашли склон, выглядевший менее грозным. Джон Стар пошел впереди, перебираясь через груды осипавшихся колоссальных черных камней, съезжая по россыпям, карабкаясь и спрыгивая с отдельных особо крупных обломков. Все они покрылись шрамами и ссадинами. Все они не жалели сил, ибо страшная ночь наступала быстро.

Лишь далекое малиновое сияние освещало небо между стенами каньона, когда, наконец, они достигли полоски черного леса на дне. Они тряслись от холода, ледяные кристаллы уже затягивали реку.

Пока остальные собирали хворост среди колючих деревьев, Жиль Хабибула развел огонь.

— Мы должны найти укрытие, — сказал Джей Калам. — Иначе мы не сможем здесь выжить.

С помощью факелов они осмотрели нависающую стену каньона. Джон Стар наткнулся на круглый, восемь футов в диаметре, туннель. Он закричал остальным и вошел, держа в одной руке пылающий факел, в другой копье.

В воздухе остро пахло шерстью, и на песочном полу он обнаружил большие незнакомые следы. Пещера оказалась свободной. В конце туннеля была двадцатифутовая зала.

— То, что нужно! — воскликнул он, встречая на выходе остальных. — Какое-то существо пользовалось ею, однако теперь оно ушло. Мы можем наносить сюда хвороста, а затем закрыть вход.

— Смерть моя! — закричал Жиль Хабибула, осторожно шедший в хвосте. — Мы нарушили границы, и сюда направляется законный владелец.

Они услышали треск среди деревьев, словно кто-то поднимался от реки. Свет факела сверкнул в семи огромных желто-зеленых глазах, отразился алым от близко посаженной чешуи, от страшных клыков.

Зверь заметил их у входа в туннель. У них не было времени, чтобы выбрать, сражаться или нет. Джон Стар, Джей Калам и Хал Самду уперли длинные черные копья в землю, чтобы встретить нападающего. Жиль Хабибула заорал и спрятался за ними, подняв факел.

— Я буду вам светить!

Речное чудовище, которым оно, видимо, было днем, не желало провести жуткую ночь в замороженном состоянии. Оно было похоже на змею, огромное как слон, покрытое твердой красной чешуей. Оно имело бесчисленное количество сегментов, и передний был вооружен жуткими бивнями.

Джон Стар направил острие упротого в землю копья прямо в бок бронированного рыла. С визгливым зловонным выдохом существо вздернуло голову, раскололо древко о потолок. Черный язык, утыканный жесткими иглами, метнулся к нему. Он увернулся слишком поздно. Язык обхватил

его за плечи, пронзив одежду и плоть, и потянул его, вертящегося, к чернозубым распахнутым челюстям.

Он ударил факелом по семи глазам, которыми была усажена бронированная голова, а потом ткнул факелом в жаркую разверстую пасть.

Монстр опять заорал. Язык заметался, бросая его из стороны в сторону по туннелю. Он потащил его снова, бесчувственного, истекающего кровью, парализованного, в черное зловонное горло.

За ним метнулось копье Хала Самду, глубоко вонзившись в небо разверстой пасти. Джон Стар едва замечал гигантскую дубину, обрушающую богатырские удары на семь глаз и бронированную голову. Затем он увидел смыкающиеся черные клыки.

Когда он пришел в себя, плечо было перевязано. Он лежал у огня в пещере. Остальные были заняты тем, что носили хворост. Огромные куски мяса из гигантской туши лежали у входа.

— Снаружи ужасно холодно, дружище, — информировал его Жиль Хабибула. — Кругом снег, и в каньоне ревет злобный буран. Река уже подо льдом. Бедный старый Жиль слишком слаб для такой жизни, помилуй боже его дорогие старые кости. Убивать чудовищ-драконов в дебрях мира, где людям ни в коем случае нельзя находиться.

Даже пока они сидели в пещере у огня, долгая ночь до-тягивалась до них жестокими пальцами. Когда, наконец, после долгой мрачной битвы с безжалостным холодом они вышли вновь наружу, то увидели, что река течет быстро и свободно, пополненная талым снегом. Она поднялась почти до входа в пещеру.

— Нам нужно построить плот, — сказал Джей Калам. — И плыть по реке до города медузиан.

С помощью импровизированного инструмента они торопливо прилаживали друг к другу бревна. Медленное солнце уже достигало зенита, когда они спустили

неуклюжее судно в ревущий поток, чтобы начать путешествие к черному и неведомому городу на западном побережье.

Четыре плота, смонтированные тяжкими трудами, они потеряли. Два разбились о камни, оставив их выбираться по мере сил из ледяных гневных струй на берег. Один был поврежден зеленым ящероподобным водным животным. Еще один они покинули в последний момент, прежде чем он рухнул с огромного водопада.

Последствия красного газа в атмосфере были не столь внезапны и жестоки, как боялся Джон Стар. У всех развился кашель, но и только. Он начал подозревать, что Адам Ульмар преувеличил опасность.

Дни длиной в неделю сменялись снежными свирепо-холодными ночами, когда они вытаскивали плот и выходили на берег — сражаться за еду и тепло.

Ниже грохочущего водопада каньон превратился в циклопическое ущелье, река бежала между черными бескрайними стенами в вечном красном сумраке. Затем они выбрались в более полноводный поток, который понес их прочь от гор по бесконечной равнине. В течение вечных дней они плыли между низкими каемками черной растительности — растениями, которые погибали во время страшных ночных удивительно быстро росли днем.

Река становилась шире, глубже. Желтые струи неслись быстрее. Зловещие грозные джунгли вдоль берегов разрастались все выше, животная жизнь в воде, джунглях и воздухе становилась все крупнее и агрессивнее. С помощью огня, лука и кулака им много раз приходилось драться за владение плотом. Они превратились в четверых худых жестких мужчин — даже Жиль Хабибула представлял собой кожу да кости и постоянно жалобно протестовал. Черные от пребывания под открытым солнцем, истрепанные, неухоженные, косматые, покрытые множеством ран. Однако они приобрели железную выносливость, опять обрели храбрость и полностью доверяли друг другу.

Сквозь все преграды Жиль Хабибула пронес бутылку вина. Он защищал ее, когда на лагерь напало огромное летучее существо с блестящими крыльями, подобными сапфировым простыням. Существо это пыталось добраться до их тел смертоносным хлещущим жалом. Он нырял за нею, когда зеленое речное существо разрушило плот. Много раз он поднимал ее к малиновым небесам, глядя с тоскливым ожиданием в рыбьих глазах.

— О, жизнь моя милая, да сейчас каждый глоток ее на вес золота! — сопел он жалобно. — Но, когда оно кончится, больше не будет — ни капельки вина на всем этом злом континенте. Нет, я должен сохранить его до того времени, когда оно действительно понадобится.

Однажды они плыли, держась середины реки, уже большой, могучей желтой артерии шириной миль в десять. Вдоль берегов высились жуткие стены черных джунглей. Барьеры фиолетовых шипов с цветами, оплетенных смертоносными пурпурными лианами. Участки высоченного тростника, который хлестал все движущееся подобно живым мечам. Гигантские деревья, покрытые черным мхом, который был кровососущей смертью. Над джунглями нависало низкое сумрачное небо, красное солнце зловеще торчало на западе.

Хал Самду, который стоял впередсмотрящим, вдруг заорал:

— Город, вот он!

Он возвышался словно еще одна черная гора, смутный в красном сумраке, настолько колоссальный, что не хотелось верить глазам. Его гладкие стены поднимались над джунглями, уходили в бесконечность, а на них опирались эбеновые башни, вздымающиеся ввысь. Черный метрополис, спроектированный безумцами и построенный гигантами.

Благоговейный страх, душезавораживающее изумление охватили четырех потрепанных мужчин на плоту, глядевших на город, ради которого им пришлось пересечь бездну космоса и свирепый континент. Они задрали головы,

ошеломленно глядя на титанические механизмы, располагающиеся на стенах.

— Аладори, — пробормотал наконец Хал Самду. — Она там.

— Так считает Адам Ульмар, — сказал Джей Калам. — В этой самой высокой центральной башне. Видите ее? Она едва видна в красном небе, она высится над остальными.

— Да, я вижу ее. Но как нам туда добраться?

— Что толку от моей дубинки против механизмов на стенах? Мы не более чем муравьи!

— О, вот правильное слово, Хал! Муравьи! Мы — не что иное, как ничтожные ползучие муравьи. А что до меня, то мне кажется, эти коварные стены в высоту не меньше мили, а эти злые башни и ужасные механизмы поднимаются над ними на добрые полмили! Ничто, как глупые маленькие муравьи! Разве что... крошечные муравьишки могут подниматься на стены!

Остальные хранили молчание. Они смотрели поверх желтого ревущего покрова воды, поверх темного барьера джунглей на черную, невообразимую массу города, высевающуюся против неба. Джей Калам был серьезен и задумчив. Джон Стар рисовал в воображении девушку Аладори, как в тот раз, когда он видел ее — серые глаза сдержанно-холодные, волосы — солнечное сияние в коричнево-красно-золотых тонах. Неужели эта тихая свежая красота все еще существует, подумал он, взаперти среди этой массы зловещего металла!?

Могучий поток нес их. За поворотом они увидели нижнюю часть черных стен, круто поднимающихся над желтой рекой. Вздымающийся вверх на целую милю, вертикальный несокрушимый барьер из черного металла.

Проходили часы, и желтая река несла их. Город прорвался в сумрачном тумане, все более жуткий. Он заполнил половину красного неба, отливая черным металлом. Титанические механизмы, увенчивающие его, хмуро смотрели вниз, грозя неведомой смертью. Физически ощущимая

атмосфера ужаса висела над неземным метрополисом, чувство злой власти и враждебной силы, древней мудрости и чудовищной науки, родившейся еще до того, как появилась Земля.

Четыре оборванных существа на плоту глядели на эти стены с безнадежным ужасом. Их умы парализовала одна лишь мысль о том, что, если их жалкие усилия не спасут заключенную здесь девушку, создатели этой горы черного металла отдадут человечество его року.

Поначалу город казался необитаемым — мрачный некрополь, слишком старый для какой-либо жизни. Однако внезапно они заметили над стенами движение. Черный корабль-паук простер титанические лопасти и медленно поднялся с высокой площадки, чтобы исчезнуть в красном небе на востоке.

— Мы должны замаскироваться, — сказал Джей Калам. — Они могут наблюдать.

Он велел остальным укрыть плот под сломанными ветвями, чтобы походить на плавник, и река несла их к могучей стене. Они смотрели вверх в благоговейном молчании, когда Хал Самду закричал:

— Смотрите! Они движутся! Над стенами!

И остальные ясно различили существа, которые двигались, казавшиеся маленькими с расстояния во много миль. Древние хозяева этой старой планеты.

Джон Стар мельком видел на Марсе одного из медузиан. То создание в гондоле, свисавшей с черного корабля, чье оружие сбило его с ног.

Выпуклая зеленоватая поверхность, влажно дышащая. Огромный овальный глаз, светящийся и пурпурный. Но эти были первыми, которых он увидел целиком. Они дрейфовали над стеной словно маленькие зеленые аэростаты. Глаза их были крошечными темными точками в выпуклых боках. Каждый медузианин имел по четыре глаза, размещенные по кругу на равном расстоянии друг от друга. От нижнего круглого глаза, словно веревки, предназначенные для

передвижения аэростата, свисал пучок черных хлыстоподобных щупалец.

Джон Стар увидел сверхъестественное сходство с куполо-видными, обладающими пучками щупалец существами, благодаря которым эти создания приобрели имя медузиан.

Издалека они не выглядели внушительно. Была в них некоторая гротескность, медлительность, неуклюжесть. Они не казались разумными, хотя в том, как они двигались, явно по собственной воле перемещаясь над черными стенами, были сила и тайна, вызывающие уважение. Сознание того факта, что они были строителями этого черного метрополиса, давало основание для благоговения и ужаса.

Плот плыл, пока не оказался в тени черной стены. Гладкий металл круто уходил к зениту, скрывая механизмы и парящих медузиан. Плот врезался в твердый металл в том месте, где он поднимался из воды. Затем бурлящий поток оттащил его назад.

— Надо высадиться, — сказал Джей Калам, — на краю джунглей, у стены.

Они разбросали маскировочные ветки и ухватились за длинные шесты. Они старались подтолкнуть плот к берегу в том месте, где река поворачивала вспять от металлической твердыни.

ЖИЛЬ ХАБИБУЛА И ЧЕРНАЯ НАПАСТЬ

Они покинули плот, когда тот коснулся дна, прихватив с собой лишь свое грубое оружие, а Жиль Хабибула свою бесценную бутылку вина. Хал Самду стоял на мелководье, сомкнув гигантскую ладонь на дубине и глядя на темную преграду, роняющую тень на черные джунгли. Глядел, беспомощно качая головой.

— Как?..

— Найдется способ, — пообещал Джей Калам, хотя даже его уверенности, похоже, слегка поубыло. — Прежде всего надо пройти через джунгли.

Они атаковали живую стену, вступив в схватку со смертью, подстерегающей за ней. Острые, как когти, отравленные шипы. Кровососущий мох. Свернувшиеся щупальца пурпурных лиан. Цветы со смертоносным запахом. Животная смерть, которая подползала, набрасывалась и налетала. Однако четвертым мужчинам уже довелось пройти суровую школу, с этими джунглями они имели дело на равных. С дюжину часов плавания в засасывающей грязи или в раковине смертоносных лиан, или в ползании между частоколом ядовитых шипов, или в отпугивании поднятым кинжалом или нацеленным копьем голодных существ, которые выскакивали из зарослей, поднимались из грязи или падали сверху, и они вышли с берега реки на возвышенность, а Жиль Хабибула по-прежнему нес свою бутылку вина. Поблизости, справа от них, высилась стена, крутая и черная, могучая, уходившая на милю вверх. Равнина, на которой они оказались, простиралась влево, покрытая местами травой с красивыми листочками, отливающими металлически-яркой голубизной. В туманной дали она постепенно переходила в голубые холмы. От голубых холмов к черному городу шел акведук.

Задумчивые глаза Джека Калама изучали прямой канал из гладкого черного металла длиной во много миль, который проходил от холмов к черному городу по древним, высоко поднятым аркам.

— Один шанс, — сказал он серьезно. — Надо попробовать.

Они зашли в джунгли, чтобы скрыться из виду, прошли двадцать миль и поднялись на голубые холмы. Там они пересели, спали, но оставалось еще много часов до заката, когда они оказались на огромной дамбе из черного металла под резервуаром.

Поблизости не было охранников, однако они пробирались по дамбе очень осторожно. Они быстро вскарабкались

на мокрые стены и через ограждение из черного металла, наконец, выбрались на край незакрытого сверху канала. Внизу ревел холодный чистый поток из трехсотфутовой шириной резервуара, темный и глубокий.

— Вода, — лаконично заключил Джей Калам, — подается в город.

Он нырнул. Остальные последовали за ним, оставив все, кроме шипов-кинжалов.

Чистый ледяной поток нес их по черному каналу. Могучая дамба осталась позади, стены города приближались, готовясь встретить их. Они держались на плаву в несущем их желтом потоке и старались сохранить дыхание.

Впереди, в черной стене, появилась крошечная арка. Она становилась все больше и внезапно поглотила их. Они оказались в ревущей мгле. Арка обрамляла кусочек малинового неба, быстро уменьшившийся. Затем быстрый поток нес их в полной темноте.

В ушах барабанил гром, все усиливающийся и оглушающий.

— Водопад, — предупредил Джей Калам.

Крик его был унесен прочь. Они влетели в круговорот бушующей воды. Ревущие струи терзали их, безжалостное течение тащило на дно. Свирепые водовороты врашали их среди душившей пенны. И все это в ревущем мраке.

Джон Стар хватал ртом воздух, задыхаясь в ревущей пене. Он боролся с водоворотом, утягивающим его вниз, вниз, вниз. Непреодолимое давление сокрушало тело. Он чувствовал боль удушья. Он отчаянно пытался выплыть, а дикая вода издевалась над ним. Она выбрасывала его вверх и опять утаскивала вниз.

Когда он вынырнул во второй раз, он сумел остаться на плаву. Он поплыл прочь из хаоса водопада. Он выплыл в огромный пещероподобный резервуар, совершенно темный. О его огромных размерах он мог догадываться лишь по грохоту, отражающемуся от потолка.

Плыvia, он кричал и услышал, как с несомненной радостью плаксиво засопел Жиль Хабибула:

— О, дружище, ты, выходит, вынес все это! Это было ужасное время, дружок. Страшное дело, дружище, нырять среди этих ужасных водопадов в коварной тьме. Но я все же сохранил мою драгоценную бутылочку винца!

Потом их окликнул Хал Самду, чуть позже они наткнулись на Джей Калама. Все они поплыли прочь от грохота и, наконец, оказались у края резервуара. Он был скользкий, металлический, недоступный для подъема.

— Ax, теперь мы должны утонуть, как столь многие котята в жалком ведре! — захныкал Жиль Хабибула. — После всех этих жутких напастей, которые мы претерпели!

Они плыли вдоль скользкой стены, пока не наткнулись вслепую на большой металлический буй с прочной цепью над ним. Должно быть, сказал Джей Калам, это был механизм, который измерял уровень воды в резервуаре. Они полезли вверх по цепи.

Наконец, она привела их, измученных, с кровоточащими руками, к огромному барабану, на который была намотана. Здесь они увидели незначительный просвет и поползли к нему по огромной оси барабана, мокрой, скользкой от сконденсированной влаги.

Пробираясь по уходящему, казалось, в бесконечность валу, они обнаружили маленькую круглую дыру в крыше резервуара... Должно быть, она была оставлена для ремонта. Они пролезли сквозь нее. Жиль Хабибула застрял и остался там, пока остальные не вытащили его, и здесь, на крыше резервуара, они уже оказались, несомненно, в городе.

Они стояли на нижнем краю конической черной металлической крыши, на головокружительной высоте в две тысячи футов, и склон был чрезмерно крут. Стоя здесь, на опасном краю, Джон Стар испытал умопомрачительный шок, порожденный кошмарной непривычностью окружающего. Он стоял в замешательстве. Здания, башни, трубы, резервуары

— все это возвышалось над ним, словно черный фантастический лес напротив мертвенно-бледного неба, завораживающе-колossalный. Самые высокие строения тянулись, как он установил, на две мили в высоту. Если этот черный метрополис чудовищных медузиан имел порядок либо планировку, то он не мог уловить ничего из этого. Черная стена окружала правильный многоугольник, однако внутри нее все было странно, удивительно, невообразимо и полностью сбивало с толку.

Там не было улиц, лишь разверстые пещероподобные бездны между гороподобными черными строениями. Медузианам не нужны были улицы. Они не ходили, они летали! Двери открывались в пустое пространство не ниже, чем в десяти тысячах футов от поверхности. Громадные черные здания не имели единой высоты и формы. Некоторые были квадратными, некоторые — цилиндрическими или куполообразными, некоторые — террасовидными, некоторые, подобно резервуару, на котором они стояли, — крутосклонными. Повсюду среди них находились удивительные машины невообразимого предназначения, за исключением тех, что явно были летательными аппаратами или межзвездными кораблями, причаленными к посадочным площадкам, — но все черные, уродливые, колоссальные. Страшный инструментарий науки, более старой, чем жизнь на Земле.

Четверо мужчин стояли некоторое время в полном замешательстве, забыв об осторожности.

— Проклятие моим драгоценным глазам! — простонал Жиль Хабибула. — Ни улиц, ни земли, ни ярусов — лишь путаница коварного черного металла. Мы не сможем сдвинуться с места, пока не раздобудем какие-нибудь жалкие крылья.

— Должно быть, это центральная башня, — сказал Джей Калам. — Черный форт, о котором говорил командор Ульмар. До него еще мили. — Он показал на зловещее внушительное строение, что высилось в красноватой и сумрачной

дали словно гора черного чужеродного металла, на посадочных площадках которой находились колоссальные корабли-пауки и огромные машины непонятного назначения, выпирающие из ее хмурых стен.

Устало и безнадежно он покачал головой.

— Надо вернуться, — прошептал он, — и спрятаться до заката.

— Или эти чудовища, — пообещал Жиль Хабибула, — увидят...

— Одно, по-моему, — вмешался Джон Стар, — уже увидало.

Пожалуй, сотни хозяев города были видны им с того момента, как они поднялись на крышу. Зеленоватые полусферические купола плыли над черным металлом, темные щупальца трепетали. Все они были далеко и казались незначительными по сравнению с плодами своих трудов. Однако сейчас один из них внезапно поднялся над острием конической крыши.

Жиль Хабибула нырнул в дыру, через которую они вылезли. Он застрял. Прежде, чем остальные успели помочь ему, медузианин оказался у них над головами.

Размеры его были поразительными. Те, что парили вдали, по сравнению с ним выглядели крошечными. Зеленый купол, влажный и медленно пульсирующий, был в длину двадцать футов. Висящие щупальца были в два раза длиннее. Он был бесконечно ужасным. Огромный сгусток, желевидный и скользкий, прозрачный, зеленый. Пучки свисающих щупальцев, медленно извивающихся, сильных и очень красивых, несомненно, с точки зрения их владельца.

Глаза Горгоны!

Вытянутые овальные колодцы пурпурного пламени. Во весь глаз зрачок, окаймленный мохнатой черной мембраной. Озера холодной и безжалостной мудрости, состарившейся еще тогда, когда Земля была молодой.

Джон Стар вообще-то не превратился в камень, хотя перебоятный ужас при этом пурпурном взгляде парализовал

его члены резким холодом, замедлил сердцебиение, покрыл тело потом. Онемев от страха, они стояли неподвижно, а щупальца обвивались вокруг них, вырывали шипы-кинжалы из бесчувственных рук и выдергивали Жиля Хабибулу, словно пробку из бутылки. Они были подняты и слабо сопротивлялись в жестких тонких щупальцах.

— Мое смертельное вино! — задыхался Жиль Хабибула.

Бутылка выпала из его кармана. Словно сливовая kostочка, она полетела в бездну. Ей предстояло падать две тысячи футов.

— Моя несчастная бутылочка вина! — И он захныкал в кольцах щупальцев.

Движимое неизвестной им силой, непонятно как преодолевая гравитацию, существо взмыло вместе с ними над титаническим черным беспорядком города и полетело в направлении — Джон Стар отметил это с мрачным удовлетворением — черной цитадели.

Они боролись с ужасом, парализовавшим их.

— Что-то с мозгом, — прохрипел Джей Калам, когда их уносили. — Эта сила, о которой мы не подозревали, заставляет чувствовать собственное ничтожество.

Существо принесло их к громадному зданию, влетело в открывшиеся над пустотой двери в пяти тысячах футов над землей. Оно пронесло их через колоссальный, освещенный зеленым холл, сунуло в прямоугольное отверстие в полу и бесцеремонно выронило.

Ползая в комнате площадью двадцать квадратных футов, с черными стенами, они обнаружили подле себя человека. Или то, что когда-то было человеком. Изнуренный, оборванный, он спал лицом вниз, глубоко, с хрипом, дыша. Джон Стар, после того как медузианин скрылся за отверстием, закрывшимся наверху, потряс его.

Немой лихорадочный ужас загорелся в красных глазах на бледном изнуренном лице.

Он испустил пронзительный хриплый визг болезненного ужаса и вцепился в диком безумном страхе в руку Джона

Стара, а сам Джон закричал, ибо этим существом был Эрик Ульмар, красивый надменный офицер, который намеревался стать императором Системы, а стал этим скорченным жалким ничтожеством.

— Пощади меня! Пощади меня! — Голос его был тоньше и пронзительнее, чем обычный человеческий. — Я сделаю, что ты попросишь. Я сделаю все на свете! Я заставлю ее выдать тайну. Я убью ее, если захочешь. Однако я не могу оставаться здесь больше. Выпусти меня!

— Мы не причиним тебе вреда. — Джон Стар попытался успокоить дрожащую тварь, закашлявшуюся от собственных криков. — Мы люди. Мы тебе не повредим. Я Джон Ульмар, ты меня знаешь.

— Джон Ульмар? — Красные лихорадочные глаза уставились на него, и в них внезапно появилась яростная надежда. — О да, ты Джон.

Дрожащая тварь, внезапно всхлипнув, вцепилась в его плечо.

— Медузиане! — в этом вопле была сверхчеловеческая обида. — Они нас провели! Они уничтожат человечество! Они бомбят Систему красным газом, который пожирает человеческие тела и сводит с ума. Они уничтожают человечество.

— Аладори? — спросил Джон Стар. — Где она?

— Они заставили меня пытать ее, — хныкал жалобный дикий голос. — Им нужна ее тайна. Им нужна АККА! Однако она не сказала! И они не хотят подарить мне смерть, пока она не скажет! Они не дают мне умереть! — взвизгнул он. — Они не дают мне умереть! Но, когда она скажет, они убьют всех нас.

В ЛОВУШКЕ

— Моя несчастная бутылочка вина! — жалобно хныкал Жиль Хабибула. — Я вынес ее с утонувшего крейсера. Я пронес ее сквозь шипастые джунгли. Я перенес ее через высокие горы. Целый месяц я берег ее на плоту. Я рисковал своей смертельной жизнью, чтобы спасти ее, сражаясь с коварным летучим чудовищем. Я нырял за нею в ужасные пучины желтой реки. Я чуть не утонул с нею в водопаде за акведуком. Единственная бутылочка вина на всем этом черном и чудовищном континенте!

Рыбы глаза заволокло туманом, а туман уступил место дождю слез. Он опустился на металлический пол камеры, словно подкошенный.

— Бедный старый Жиль Хабибула, одинокий, брошенный, преданный старый солдат Легиона! Обвиненный в пиратстве, преследуемый, словно крыса, за пределами своей родной Системы, пойманный, словно смертельная крыса, в коварную мышеловку, чтобы подвергнуться пыткам и быть убитым чудовищами чужой звезды.

И, о, господи, даже этого недостаточно! Я пронес эту бутылочку сквозь омерзительные пучины бед и лишений. Я держал ее против света очень много раз, о том знает сладкая жизнь, и старый мой рот увлажнялся. Всегда я берег ее на случай большой нужды. Да-да, именно для такого случая смертельной необходимости, как сейчас.

И она упала! Упала с двух тысяч ужасных футов. Каждая ее драгоценная капелька! Пропала! Ах, бедный Жиль Хабибула!

Голос его прерывался катаклизмами печали, землетрясениями вздохов и бурями слез.

Джон Стар снова допросил Эрика Ульмара. Он заснул, этот измученный человеческий обломок. Его тощее изнуленное тело было полностью измотано взрывом истерии.

Когда он проснулся, он был спокоен и, погрузившись в апатию, говорил хмурым усталым голосом:

— Медузиане намерены оставить эту планету. Они долго боролись, чтобы поддержать жизнь в своем родном городе. И они делали чудеса. Создали красный газ, чтобы удержать атмосферу от замерзания, и грабили другие миры, чтобы возместить истощенные собственные ресурсы. Но теперь они вступают в финальную битву, потому что умирающая планета притягивается к гаснущей звезде. Даже им не остановить ее. Им приходится уходить.

— Они уже основали форпост в Системе, ты говоришь?

— Да, — продолжал он с безжизненной монотонностью.

— Они уже покорили земную Луну. Они генерируют на ней новую атмосферу, заполняя ее красным ядовитым газом, и они строят крепость из черного сплава, который используют вместо железа. Там будет база против Земли.

— Но Легион?!

— Конечно, Легион Пространства уничтожен. Последние дезорганизованные остатки его были распылены в тщетной атаке на Луну. Зеленый Холл тоже прекратил существование. В Системе не осталось организации. Ей нечем защищаться. Из форта на Луне медузиане несут гибель всей человеческой расе.

Они обстреливают огромными снарядами, заполненными красным газом, Землю и все остальные человеческие планеты. Постепенно концентрация газа в атмосфере увеличивается. Вскоре люди повсюду будут безумны и начнут заживо гнить.

Я знаю, что лишь немногие из медузиан отправились в Систему, однако их огромный флот уже сформирован и оснащен, и готов нести мигрирующие орды, которым предстоит оккупировать наши покоренные планеты.

В поведении Эрика Ульмара произошла перемена. Вначале голос его представлял тонкий истерический визг. Теперь же можно было расслышать мрачные тона. Лицо его по-прежнему хранило былую красоту под золотистыми

волосами, хотя, измученное, морщинистое, грязное, оно стало теперь опустошающе-спокойным. Он говорил о планах медузиан с равнодушием, почти механически, словно судьба Системы его больше не касалась.

— А Аладори? — спросил Джон Стар. — Где она?

— Она заперта в соседней камере, рядом с нами.

— Рядом с нами! — выдохнул Хал Самду, хрипя от радости. — Так близко!

— Но ты говорил, что ее подвергли... — Джон Стар не мог сдержать болезненного вздоха и гнева в голосе, — подвергли пыткам?..

— Медузиане хотят знать ее тайну, — последовал безжизненный невыразительный ответ. — Им нужны чертежи АККА. Поскольку они не могут общаться с нею непосредственно — она не знает кода, — они заставляют меня пробовать вытянуть из нее секрет. Однако она не сказала. Мы использовали различные способы. — Голос его стал тихим. — Запугивание, гипноз, боль. — Но она не сказала...

— Ты... — прохрипел Хал Самду, — ты... зверь... трус...

Он бросился к нему через всю камеру, яростно стиснув громадные кулаки.

Эрик Ульмар метнулся прочь, заорав:

— Не надо! Не подпускайте его ко мне! Я не виноват. Они пытали меня! Я не выдержал! Они пытали меня! Они не дают мне умереть!

— Хал! — серьезно запротестовал Джей Калам. — Это ничего не изменит. Мы должны узнать то, что он сможет нам рассказать.

— Но он... — задыхался гигант, — он пытал Аладори.

— Я знаю, Хал, — вздохнул Джон Стар, удерживая его за руку, хотя и сам разделял его свирепый импульс уничтожить это уже нечеловеческое существо. — То, что он расскажет, может помочь нам спасти ее.

Он повернулся к Эрику Ульмару.

— Ты говоришь, в соседней камере? Здесь есть стражи?

— Не давайте ему прикасаться ко мне! — последовало жалкое безжизненное хныканье. — Да, один из медузиан всегда дежурит в большом холле наверху.

— Если мы сможем пройти мимо стражника, отсюда есть выход?

— Ты имеешь в виду выход в город?

— Да, — произнес Джей Калам, и в его тихом спокойном голосе была удивительная уверенность. — Мы намерены бежать. Ты поможешь нам вывести ее из города и смытьировать ее оружие. Затем медузианам придется подчиниться нам, если мы не решим стереть этот город с лица планеты.

— Нет, вам никогда не выбраться из города, — тихо ответило забитое существо. — Вам не выбраться из холла. Он открывается в шахту глубиной в милю. Это просто крутая голая стена за дверью. Даже если вы спуститесь, вам не пройти через город. У медузиан нет улиц. Они летают.

Однако об этом бесполезно даже говорить. Вам ни за что не выбраться из камеры. Даже Аладори вы не сможете выпустить. Скользящие решетки заперты. Вы — безоружные узники, а еще надеетесь выкрасть что-нибудь у медузиан, стерегущих свою самую мощную твердыню.

Голос его утонул в мрачном сожалении.

Беспокойный, словно пойманный в капкан зверь, Джон Стар осмотрел помещение.

Пустая металлическая камера, квадратная с небольшой площадью. В десяти футах над головой было прямоугольное отверстие, через которое их сюда бросили, забранное скользящей решеткой с мелкими ячейками. Из тусклого просторного холла наверху сквозь решетку просачивался зеленый свет. Глаза его, искающие какое-либо оружие или просто что-нибудь, что могло бы помочь им бежать, не обнаружили в камере ничего, что можно было бы сдвинуть. Это была просто кубическая коробка из неизменного черного сплава.

Хал Самду бегал рысью взад-вперед по твердому голому полу, глаза его, горящие как у загнанного зверя, иногда свирепо смотрели на Эрика Ульмара.

— Вам никогда не выбраться из этой камеры, — настаивал ровный нечеловеческий голос, — потому что вскоре вас убьют. Они вернутся, чтобы заставить меня вновь попытаться получить чертежи от Аладори. Она скажет на этот раз. Они приготовили луч, который жжет, причиняя боль как от контакта с огнем, и при этом убивает очень нескоро. Но как только она расскажет, они обязательно нас прикончат. Они обещали подарить мне смерть, когда она признается.

— Тогда, — яростно пробормотал Джон Стар, — мы должны выбраться.

Хал Самду ударили кулаками в черную стену. Стена отвела глухой тяжелой вибрацией, меланхоличным рокотом рока. Он стер кровь с суставов.

— Вам не выбраться, — ныл Эрик. — Замок...

— Один из нас обладает известной сноровкой, — сказал Джей Калам. — Жиль, ты должен открыть решетку.

Жиль Хабибула встал на ноги в углу камеры, вытирая слезы с рыбых глаз.

— О да, — простонал он более легким тоном. — Один из нас обладает известной сноровкой. Случилось так, что его отец конструировал замки, однако даже ему потребовались годы упорных упражнений, чтобы превратить увлечение в искусство.

Жалкая сноровка! О, драгоценная жизнь знает, что ей никогда не воздавалось должное. О, я, несчастный! Менее достойные, чем я люди добивались богатства, почестей и известности, не обладая и половиной моего гения, и десятой долей навыка. И этот талант, и это огромное количество затраченных усилий принесли старому бедному Жилю Хабибуле лишь забвение, бедность и неблагодарность.

Смерть моя! Не будь этой сноровки, я ни за что не оказался бы здесь, не гнил бы в руках бесчисленного множества жутких чудовищ, готовящих мне пытку или смерть! О нет! Если бы не это дело на Венере двадцать лет назад, я бы ни

за что не оказался в Легионе. Именно сноровка и соблазнила меня... Она, да еще известность одного погреба с вином...

Бедный старый Жиль, приведенный своим гением к болезням, истощению и смерти.

— Но сейчас появился шанс возместить эти потери с помощью твоего искусства. «Ты можешь открыть замок?» — спросил Джон Стар.

— О, дружище! Зачем ты ко мне так несправедлив? Будь я художником, поэтом, жалким музыкантом, ты ни за что бы не стал усомниться в силе моего искусства. При моем гении она прогремела бы в Системе от края и до края. О, дружище, такова, выходит, моя горькая участь! Раз уж даже ты, дружище, усомнился в моем гении.

Огромные слезы брызнули на нос.

— Давай, Жиль! — закричал Джей Калам. — Покажи ему!

Они втроем подняли Жиля Хабибулу, что на этот раз оказалось гораздо проще, нежели в предыдущие. Так что он смог добраться до железного забрала в десяти футах над полом.

Он посмотрел на черный ящичек замка, ощупал его необычайно уверенными, необычайно деликатными пальцами. Он прислонился ухом к замку, постучал по нему, сунул руку сквозь решетку и, прислушиваясь, что-то сдвинул.

— Мои смертельные глаза, — наконец, жалобно вздохнув, сказал он. — Я никогда не встречал столь хитроумного замка. Он комбинированный. Ящичек удивительно крепок, и некуда вставить инструмент, чтобы проверить его, и эта коварная штука вместо цилиндров содержит рычаги. Никогда не встречал такого замка в Системе.

Он опять внимательно прислушался к слабому щелканью в замке, прижимая подушечки пальцев то тут, то там, выявляя, где вибрация выдает внутренний механизм.

— Проклятие моим бедным старым костям! — пробормотал он. — Умнейшая, новейшая идея! Если бы я смог вернуться в Систему, патенты на нее дали бы мне те известность и благополучие, которых я был незаслуженно лишен.

Это замок, который способен бросить вызов гению даже Жиля Хабибулы.

Внезапно он судорожно вздохнул.

— Опустите меня! Приближается ужасное чудовище!

Они опустили его на пол. Наверху, над решеткой, появилась огромная зеленая полусфера. Грубая масса блестящей скользкой просвечивающей плоти. Пульсирующе-странный, замедленной жизни. Огромный овальный глаз уставился на них со столь жуткой силой, что Джон Стар почувствовал себя так, будто он читает у них в умах.

Темное щупальце уронило сквозь зарешеченное отверстие четыре небольших коричневых кирпичика. Эрик Ульмар, мгновенно, выйдя из апатии, схватил один из них и яростно вгрызся в него.

— Пища, — пробормотал он набитым ртом. — Это все, что они нам дают.

Джон Стар нашел один из кирпичиков — темный влажный студень. Он имел странный неприятный запах и был безвкусен.

— Еда! — захныкал Жиль Хабибула, надкусив другой кирпичик. — О, ради доброй жизни, если они называют это пищей, я прежде съем мои жалкие ботинки, как уже сделал это в тюрьме на Марсе.

— Мы должны это съесть, — сказал Джей Калам. — Даже если это неудобоваримо. Нам нужны силы.

Зеленоватая трепещущая масса их тюремщика вдруг отпрыгнула прочь от решетки. Они подняли Жиля Хабибулу, чтобы тот возобновил борьбу с замком. Он что-то раздраженно бормотал время от времени. Дыхание, ввиду усилий, перешло в медленные вздохи. На лице выступил пот, мерцающий в тусклом зеленом свете, что просачивался сквозь решетку.

Наконец, послышался громкий щелчок. Он снова вздохнул и поднял нос к прутьям решетки. Затем он потряс головой и торопливо прошептал:

— Во имя жизни, опустите меня!

— Ты не можешь открыть? — спросил в отчаянии Джон Стар.

— А, дружище, ты по-прежнему сомневаешься? — Он печально вздохнул. — Вот она, цена, которую человек должен заплатить за драгоценную искру гения. Не было еще замка, который не смог открыть Жиль Хабибула. Хотя жизнь знает, что многие честолюбивые взломщики пытались это сделать.

— Так что же, он открыт?

— Ах, да. Засовы только что отошли. Решетка свободна. Но я еще ее не отодвинул.

— Почему?

— Потому что это жуткий летучий монстр поджидает в холле! По-прежнему висит поверх странного сооружения на треножнике. Его злые черные глаза заметят любое наше движение.

— Треножник? — взвизгнул Эрик Ульмар, и в голосе его был новый оттенок панической истерии. — Треножник? Значит, это машина, которую они используют для общения. Они принесли ее снова, чтобы заставить меня выпытать секрет у Аладори. Они убьют нас всех, как только она расскажет...

УЖАС В ХОЛЛЕ

— Поднимите меня, — сказал Джон Стар, и огромные руки Хала Самду подняли его. Сквозь квадратные металлические ячейки решетки он разглядел стены и потолок обширного холла, слишком широкого и высокого по человеческим меркам. Сделанные из мертвого черного металла, они освещались маленькими зелеными шарами, висящими посередине потолка. Медузианин был на виду и висел чуть сбоку от камеры. Выпуклая огромная полусфера зеленовой плоти, склизкой, полупрозрачной, медленно

пульсирующей. Овальные, длиной в фут, пурпурные глаза, слегка выпуклые, гипнотические и злые. Длинные щупальца трепетали, словно змеи Горгоны. Рядом стоял механизм на треножнике. Три тяжелые заостренные ноги, поддерживающие небольшой ящик, от которого висящие провода шли к маленьким приспособлениям, представляющим собой, видимо, электроды и микрофон для улавливания голоса Эрика и телепатических вибраций медузиан.

Вздохнув, гигант опустил его.

— Есть шанс, — прошептал он, — если поблизости нет других и, если мы будем действовать, достаточно быстро.

Он рассказал о том, что увидел, и изложил свой план. Джей Калам серьезно, одобрительно кивнул. Детали они обсуждали торопливым шепотом, вплоть до малейшего движения.

Затем Джей Калам дал команду, и Хал Самду вновь резко поднял Джона Стара. На этот раз он ухватился за решетку, быстро и бесшумно отодвинул ее, и, спустя мгновение, стоял в холле. Не теряя ни секунды, он бросился к треножнику.

Тем временем Джей Калам пробирался сквозь отверстие, катапультированный руками гиганта, и помогал подняться Халу Самду.

Спустя мгновения после того, как решетка открылась, три человека стояли рядом с нею и в бешено спешке расчленяли треногу. Однако стороживший медузианин уже зашевелился. Зеленый купол медленно поплыл к ним, тонкие черные придатки извивались как гневные опасные змеи. Хал Самду разломал коммуникатор. Одну тяжелую острую ногу он вручил Джону Стару, другую — Джою Каламу. Третью, с оставшимся на ней черным ящиком, он взял сам, чтобы использовать как огромную металлическую палицу.

Нацелив острую ногу, словно пику, Джон Стар сделал выпад в пурпурный глаз. Его окатило инстинктивным страхом, тем самым парализующим страхом, что дважды уже поражал его при виде светящихся глаз Горгоны, пробуждающим древнюю реакцию первобытного ужаса. Он ощущал ледяной

страх, от которого волосы встали дыбом и появились льдинки внезапного пота. Что-то перехватило сердце и дыхание, что-то заморозило мускулы...

Неподвижность, вызванная инстинктивным ужасом, выработанная, должно быть, неким древним прародителем, который понимал, видимо, что не двигаться безопаснее. Полезная, быть может, для существа, слишком маленького, чтобы сражаться, и слишком медлительного, чтобы убегать. Но сейчас губительная. Он знал, что она уже наступает. Он готовил себя к встрече с ней. Он должен был заставить мозг управлять телом, а не вековой давности инстинкт.

Мгновение это длилось с ним, всего лишь мгновение. Затем онемевшее тело ответило отчаянно взывавшим нервам. Он бросился вперед, размахивая металлическим острием. Однако медузианин в полной мере воспользовался этой заминкой. Черный хлыст-щупальце, тонкий как его палец, но жесткий, безжалостно-прочный, захлестнул его шею. Он сжался с яростной удушающей силой.

Несмотря на это, он провел выпад. Преодолевая слепящую боль вокруг горла, он собрал буквально каждый атом своего тела и рванулся вперед, ударив пикой. Острие достигло глаза, проникло через его прозрачную наружную оболочку и глубоко вошло в зловещий колодец зрачка между краями черной мембранны. Страшный пузырь прозрачного студня лопнул, из него забила черная кровь. И огромный купол опустился, неподвижный и опасный более чем когда-либо.

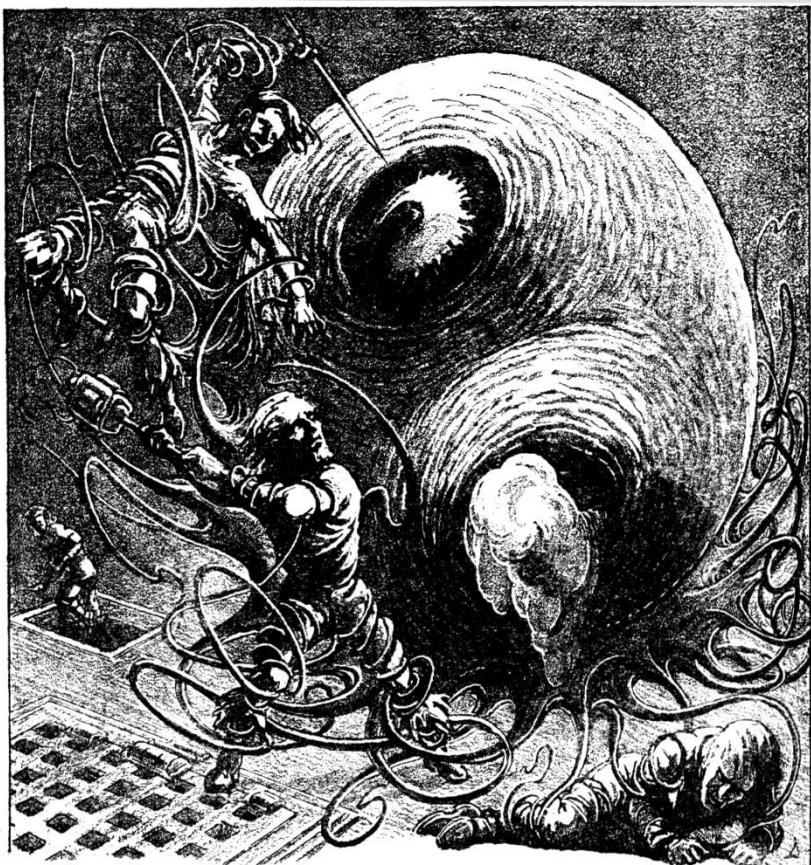
Внезапно усилив жуткое давление на его горло, щупальце дернуло с такой силой, что едва не сломало позвоночник, и потом ударило его, ошеломленного и ослепшего, о металлический пол.

Усилием воли, не обращая внимания на опасность и физическую боль, он заставил себя прийти в сознание. Он вцепился в свое оружие. Однако прежде, чем он смог что-либо увидеть, он уже встал на ноги, хоть и шатаясь. Он едва различал удары дубиной Хала Самду — сильные мягкие удары

о бескостную податливую плоть. Затем к нему вернулось зрение. Он увидел великана, чьи голова и плечи возвышались над массой черных и разгневанных змей. Хал Самду сиял бронзовым отливом от пота, и мускулы бугрились узлами, когда он взмахивал своей металлической палицей.

Он увидел, как Джей Калам, как только что он сам, вонзает острие в глубину пурпурного глаза. Увидел, как его мгновенно захлестывают разъяренные черные кнуты, сдавившие его тело, скрутившие и свирепо бросившие его на пол.

Тогда он опять, спотыкаясь, бросился вперед. Черные щупальца ухватили его под колени прежде, чем он вышел

на дистанцию для удара. Они стягивали его с безжалостной силой, раскручивали, чтобы снова швырнуть на пол. Огромный злорадный пурпурный глаз появился перед ним, когда он взлетел вверх, — один из двух, что оставались у этого существа. Он был слишком далек, чтобы до него можно было дотянуться. Однако Джон Стар швырнул свое оружие, глубоко вонзив его в сияющую мишень, изо всех сил крутнувшись всем телом.

Змеевидное щупальце выронило его, чтобы вцепиться в пику. На четвереньках он подполз к Джою Каламу, который лежал без движения и стоал. Рядом с ним было его оружие. Джон Стар вцепился в него и поднялся, выпрямившись прямо над существом, окруженному агонизирующими придатками.

В нижней поверхности полусфера, в кругу зеленой трепещущей плоти, он увидел любопытный орган. Круглый участок, шириной в три фута, слегка выпуклый, сияющий мягким золотистым отливом.

Свет колебался, ритмично пульсировал, скользкая плоть регулярно выпячивалась. Мгновенно интуитивно решив, что этот орган может быть жизненно важен, он нанес по нему удар. Почувствовав нападение, существо попыталось избежать его. Оглушенный Хал Самду был сбит с ног. Метнулись черные змеи. Щупальца захлестнулись вокруг талии и яростно сдавили. Оружие, которое Джон Стар ранее вонзил в глаз, теперь было схвачено в тонкие кольца. Оно метнулось к нему и ударило по голове, причинив слепящую боль. Он вонзил пику. Острие пронзило золотистый трепещущий круг — желтоватый свет тут же погас, и медузианин упал мягкой горой зеленоватой плоти. Лишь благодаря отчаянному броску он успел выскоичить из-под него, однако под тушей остались ноги.

Сияющий орган, как он догадался позднее, являлся причиной замечательной локомоции медузианина. Возможно, он испускал некую лучистую силу, которая поднимала медузианина и позволяла ему управлять полетом.

Возможно, это давало некий необъяснимый способ для изменения кривизны пространства.

Он наполовину лежал под тушей, не в силах вы свободиться самостоятельно. Существо еще не было полностью мертвым. Изыхающие змеи хлестали по нему в бессильной агонии.

Первым поднялся Хал Самду и завершил битву нескользкими могучими ударами дубины, а потом вытащил из-под медузианина Джона Стара.

Секунду они стояли, разглядывая трепещущую груду скользкой зеленоватой протоплазмы, высоченную, как Хал Самду. По-прежнему извиваясь, словно пытаясь отползти от края тела, билось щупальце. Три невидящих глаза грозно смотрели в пустоту.

Каким бы оно ни было ужасным, оба вдруг почувствовали противоречивый импульс жалости при виде явной боли. Ибо такие люди, как они, были стойкими перед лицом любого врага, возможно, с той поры, когда родились планеты Солнца. Смерть же всегда в чем-то ужасна.

— Оно пытало ее, — судорожно вздохнул Хал Самду. — Оно заслужило смерти.

Они отвернулись от медузианина, чтобы поднять Джекса Калама, который уже пришел в сознание и пытался сесть.

— Я всего лишь был оглушен, — пробормотал он. — Как с ним, покончено? Хорошо. Надо идти за Аладори. Прежде, чем придут остальные. Если он вызвал помощь. Хал, пожалуйста, помоги Жилю и Ульмару выбраться из камеры. Нужно действовать... быстро.

Он опять упал. Джон Стар видел, что он получил очень жесткий удар, когда щупальца швырнули его вниз. Красивое лицо было худым и искаженным болью, серьезные глаза закрылись. Он лежал несколько секунд, затем прошептал:

— Джон, найди ее. Я справлюсь. Надо действовать быстро.

Джон Стар оставил его лежать. Он обошел вокруг зеленой смерти и обнаружил в полу еще одно зарешеченное

отверстие. Он рухнул на колени, вглядываясь во тьму, но почти ничего не увидел в зеленых лучах, что просачивались сквозь ячейки решетки. Наконец, он различил едва заметные очертания фигуры, спавшей на темном полу.

— Аладори! — позвал он. — Аладори Антар!

Смутно видневшаяся фигура не пошевелилась. Он слышал тихое дыхание. Ему показалось странным, что она может спать мирно, как дитя, когда судьба Системы зависит от хранимой ею тайны.

— Аладори! — позвал он громче. — Проснись!

Она быстро поднялась. Ровный голос ее говорил о полном самообладании, хотя и звучал глуховато от тяжелой апатии:

— Да. Кто ты, там?

— Джон Ульмар и твои...

— Джон Ульмар! — Низкий усталый голос, холодный от страха, прервал его. — Я полагаю, ты пришел помочь своему трусливому родственнику выпытать у меня секрет АККА? Предупреждаю, что ты должен быть готов к разочарованию. Не вся человеческая раса относится к вашей трусливой породе. Делай, что хочешь, а я буду хранить тайну до самой смерти, а она, я думаю, не задержится.

— Нет, Аладори, — произнес он потрясенно, больно укотив горечью в ее голосе. — Нет, Аладори, не надо так думать. Мы пришли...

— Джон Ульмар! — Ее голос, жесткий до презрения, опять прервал его.

Тогда возле решетки опустились Жиль Хабибула и Хал Самду.

— Проклятие моим глазам, девочка! В страшные времена приходится старому Жилю слышать твой голосок. В смертельные времена, как дела, малышка?

В безголосом крике, что прорвался из тьмы сквозь ячейки решетки, было невыразимое облегчение и неописуемая радость, принесшие в сердце Джона Стара

пульсирующую боль. Любые презрительные интонации исчезли — остался лишь чистый восторг, трепетный, полный.

— О да, девочка, это Жиль Хабибула. Старый Жиль Хабибула, прошедший коварный и тяжкий путь, чтобы вытащить тебя на свободу. Лишь подожди несколько секундочек, и он поладит с этим коварным замком.

Он уже стоял на коленях возле решетки, и ловкие пальцы изучали и ощупывали, сдвигая маленькие рычажки, выступающие из ящичка.

— Аладори! — воскликнул Хал Самду со странной тоскливой серьезностью в скрипучем голосе. — Аладори, они причинили тебе вред?

— Хал! — послышался ее радостный, дрожащий крик. — Хал, ты тоже здесь?

— Конечно! Ты думала, я не приду?

— Хал! — вновь радостно всхлипнула она. — А где Джей?

— Он... — начал Джон Стар, и тут рядом с ним послышался хмурый слабый голос Джека Калама:

— Здесь, Аладори, к твоим услугам.

Он наклонился к краю решетки и улегся рядом с ней, по-прежнему слабый и бледный от боли, однако улыбающийся.

— Я так рада! — послышался из тьмы ее голос, прерываемый всхлипываниями. — Я рада и знала, что вы попытаетесь. Но это было так далеко! И план хитроумный, такой дьявольский...

— Ах, девочка, не надо плакать, — попросил Жиль Хабибула. — Сейчас все в полном порядке. Старый Жиль откроет эту дверь, и ты опять выйдешь навстречу драгоценному свету дня, девочка.

Джон Стар вдруг почувствовал, что что-то не так. Он быстро оглядел длинный с высокими стенами черный холл. Огромная туша мертвого медузианина лежала неподвижно, змеевидные щупальца выпрямились и застыли. В тусклом зеленом свете не оставалось ничего движущегося, ничего враждебного. И все же что-то было не в порядке.

Внезапно он понял.

— Эрик Ульмар! — вскрикнул он. — Вы помогли ему выбраться из камеры?

— О да, дружище, — засопел Жиль Хабибула. — Мы не могли оставить его на муки этим коварным тварям.

— Конечно, — пробормотал Хал Самду. — Где?..

— Он ушел, — прошептал Джон Стар. — Ушел. Он трус и предатель. Он ушел, чтобы поднять тревогу.

КРАСНАЯ БУРЯ НА ЗАКАТЕ

— Ага, готово, — засопел Жиль Хабибула. — Девочка, ты готова выходит?

Замок щелкнул. Он отодвинул решетку.

— Пожалуйста, спустись, Джон, — сказал Джей Калам. — Помоги ей.

Джон Стар пролез в отверстие, повис на руках и легко спрыгнул на пол камеры рядом с Аладори. Ее серые глаза с сомнением посмотрели на него, во мраке они были зелеными.

— Джон Ульмар, — спросила она с менее презрительной неприязнью в голосе, — ты пришел с ними?

— Аладори! — взмолился он. — Ты должна мне доверять!

— Я говорила тебе однажды, — сказала она холодно, — что никогда не поверю человеку по фамилии Ульмар. Это было в тот день, когда ты запер моих верных друзей, выдав меня своему родственнику-предателю.

— Я знаю, — горько прошептал он. — Я был болван, инструмент. Но пошли, я тебя подниму.

— Я была дура, что доверилась Ульмару.

— Пошли, у нас нет времени!

— Ты, должно быть, умнее, чем Эрик, если влез в доверие к моим верным людям. Эх вы, Пурпурные... Джон Ульмар, ты хочешь угодить им и медузианам одновременно?

— Не надо!.. — Это был болезненный крик.

— Пожалуйста, побыстрее, — поторопил сверху Джей Калам.

Она подошла к нему, затем с сомнением остановилась. Джон Стар обхватил рукой ее стройное тело, поднял ее ноги и бросил прямо в протянутые руки Хала Самду. Затем прыгнул сам и ухватился за них.

Они стояли в пещерообразном холле, крошечные в этом безмолвном пространстве.

Джон Стар видел теперь, что Аладори стала худой и бледной, ее бескровное лицо было стянуто тревогой и недоеданием. Серые глаза горели слишком ярким огнем и были окружены синими тенями. Ее испуганный крик при виде огромной горы мертвого медузианина показал, что ее нервы натянуты до предела. Тем не менее, ее подтянутая фигура говорила о смелости, решительности, гордой целеустремленности. Пытки ее не сломили.

— Мы здесь, Аладори, — сказал Джей Калам. — Однако у нас нет корабля. Нет даже способов выбраться из города. И нет надлежащего оружия. Мы зависим от тебя, от АККА.

На ее измученное лицо тенью легло разочарование.

— В таком случае, я боюсь, — сказала она, — что вы напрасно принесли в жертву свои жизни.

— Почему? — спросил Джей Калам с нехорошим предчувствием. — Ты не можешь смонтировать оружие?

Она устало покачала головой.

— Сейчас, боюсь, нет. Каким бы оно ни было простым, мне нужны определенные материалы, и немного времени, чтобы собрать его и наладить.

— У нас есть та штука, которой они пользовались для общения с Эриком Ульмаром. — Он показал на палицу Хала Самду. — Она, правда, сильно повреждена. Она работала на основе электроэнергии. Я думаю, это что-то вроде радио. Тут должны быть провода, изоляции, может быть, батареи.

Она снова покачала головой.

— Это может сгодиться, — признала она, — но я боюсь, что на сборку и подгонку частей уйдет слишком много времени. Эти существа нас скоро найдут.

— Мы ее возьмем с собой.

Хал Самду отсоединил остатки ног треножника от черного ящика и привязал его к себе соединительными проводами.

— Мы должны что-то делать! — вскричал Джон Стар. — Именно сейчас! Эрик, должно быть, побежал поднимать тревогу. Мы должны как-нибудь выбраться из города.

— Аладори, ты знаешь путь? — согласился Джей Калам.

— Нет, этот путь, через холл, ведет в большую мастерскую, по-моему, лабораторию. Там их всегда множество за работой. Эрик, я полагаю, побежал туда, чтобы предупредить их. Второй конец — здесь. Высота в милю. Отсюда не выбраться без крыльев.

— Тут должна быть... — пробормотал Джей Калам, — я помню, водосточная труба. Что-то вроде этого. Мы должны посмотреть.

Они пробежали триста футов к огромной двери в конце холла, к гигантской скользящей решетке из массивных прутьев, скрещенных и близко расположенных друг от друга, с большим замком. Сквозь эту решетку они вновь увидели черный метрополис. Над ним бушевала буря.

Возвышающиеся горы черного, как смоль, металла, фантастические, колоссальные машины невообразимого назначения, нагроможденные в титанические кучи, без видимого человеческому глазу порядка, без закономерностей в форме, размерах, позиции. И никаких улиц — одни лишь бездны, и двери открывались в необъятное пространство.

А сейчас город окатывало дикой яростью. Четверо мужчин пережили другие бури на пути через черный континент. Каждый раз в конце дня, длящегося неделю, когда быстрое остывание воздуха вызывало внезапные колебания в атмосфере. Однако эта буря была просто бешеною. Было почти темно. Мертвенный покров алого сумрака окатывал

кошмарные массивы города. Визжал ветер. Желтый дождь падал в ущелья между строениями. Даже сквозь решетку он достигал их и хлестал ледяными бичами. Слепящие молнии постоянно вспыхивали над головой, безжалостно вонзая мечи в черные здания, что выселились как гиганты. За дверью была пропасть глубиной в милю, окруженная черными, неправильной формы зданиями. Джон Стар не видел смысла в том, чтобы покинуть этот мокрый, омываемый потоками этаж.

Аладори инстинктивно попятилась от холодного дождя, что проникал сквозь решетку, от зловещего сияния неба и жуткого грохота ветра и грома. Жиль Хабибула торопливо отступил, бормоча:

- Смерть моя, я никогда такого не видел!
- Замок, Жиль! — потребовал Джей Калам.
- Пожалей мои кости, Джей, — провыл он сквозь рев стихии. — Нам нельзя туда. В этот коварный штурм, в эту страшную шахту в милю глубиной.
- Прошу тебя!
- Ну что же, если хочешь, Джей. На этот раз будет проще.

Его проворные уверенные пальцы стали манипулировать с рычажками замка, на этот раз более спокойнее, привычнее. Почти тут же замок щелкнул. Четверо мужчин навалились на прутья и сдвинули решетку.

Пошатываясь под ветром и дождем, хлеставшими с умноженной силой, они вглядывались через квадратный металлический проем. Гладкая черная стена отвесно обрывалась вниз, и ее омывал дождь. Сопротивляясь воющим порывам, Джей Калам показал, крича сквозь рев бури:

- Водосток!

Они увидели его рядом, в десяти футах. Огромная, квадратного сечения труба, через небольшие интервалы прикрепленная металлическими скобами к стене. Она уходила прямиком на дно шахты, превращаясь в тонкую черную линию и, наконец, теряясь в красноватом мерцающем тумане внизу:

— Скобы!

Скорее по движению его губ, чем по звуку, они понимали его слова.

— Лестница! Слишком большое расстояние. Форма неудобная. Но мы можем спуститься.

— Пожалей мои кости! — взвыл Жиль Хабибула. — Мы не сможем этого сделать, Джей. В такую ужасную бурю не сможем. Нам даже не добраться до этих ужасных скоб. Бедный старый Жиль!

— Джон! — Губы Джая Калама задвигались, на лице было вопросительное выражение.

— Я попытаюсь! — закричал тот.

Он был самым легким, самым быстрым из четверых. Он мог сделать то, что остальным было не под силу. Он кивнул Халу Самду, мрачно улыбаясь. Руки гиганта обхватили его, подняли над бездной, где были яростный дождь и свирепый ветер. Он протянул руки, схватился пальцами за край металлической скобы. И оказался во власти урагана. Тот поднял его над пропастью. Пальцы напряглись. Мускулы затрещали. Плечи напружинились. Однако он висел.

Безжалостный порыв отпустил его, оставил висеть на скобе, мокрого, задыхающегося под ревущим дождем. Он попробовал скобы и обнаружил, что они пригодны, хотя и с трудом, в качестве лестницы. Он кивнул остальным.

Затем он выпрямился, стоя на одной ноге. Второе колено он просунул под верхнюю скобу и стал ждать, протянув руки. Джей Калам свесился, и он поймал его и помог перебраться повыше. Потом — Жиль Хабибула, задыхающийся, с зеленым лицом. И Аладори, сказавшая презрительным глухим голосом:

— Спасибо, Джон Ульмар, — когда он схватил ее в свои объятия.

Затем Хал Самду передал ноги треножника, которые они засунули за пояса. Стоя на узком карнизе, он задвинул скользящую решетку до щелканья замка, надеясь сбить

преследователей с толку. Потом он прыгнул под слепящим дождем, и Джон Стар, вытянувшись, поймал его.

Его огромный вес был слишком велик для Джона Стара, тем более в его скрюченном небезопасном положении. Бешеный нисходящий порыв сделал его еще более опасным. Джон Стар почувствовал, вцепившись в мокрые руки гиганта, что его тело разрывается пополам. Но он держал. Хал Самду освободил одну руку, поймал скобу и оказался в безопасности. И они начали спуск по водосточной трубе.

Крепежные скобы размещены были неудобно, спускаться по ним целую милю — нелегко. Дождь сыпал слепящими, перехватывающими дыхание порывами, небо ревело, и безжалостный ветер рвал их. Все они уже были наполовину истощены. Однако мысль о неизбежном преследовании подталкивала их к безрассудной спешке. Только одно преимущество, подумал Джон Стар, давал им дождь — он заставил медузян, висевших ранее над зданиями и машинами, укрыться. Видимо, опасности случайного обнаружения прежде, чем начнется погоня, не было. Но за это преимущество они платили в борьбе с ветром и дождем слишком дорогой ценой.

Пожалуй, они были на полпути вниз, когда с Аладори случился обморок.

Джон Стар, находившийся как раз под ней, присматривал за ней, опасаясь, что она сорвется с мокрых скоб. Он поймал ее. Он держал ее, пока она не ожила и не стала резко протестовать, утверждая, что опять способна спускаться. Тогда Хал Самду поднял ее на плечи, велел вцепиться покрепче, и они снова полезли вниз.

Дно гигантской бездны становилось все более различимым в тумане падающей воды. Огромная квадратная шахта на добрую тысячу футов в поперечнике. Черные сплошные стены огромных зданий окружали ее, и не было ни одной щели. Дно было заполнено желтой дождевой водой. Вся вода на планете выглядела желтой, потому что в ней был растворен красный органический газ.

Разочарованно озирая залитое дно, Джон Стар не видел возможного пути для бегства. Разве что они вновь поднимутся по какой-нибудь другой водосточной трубе. А они были слишком близки к источению, чтобы совершить такой подъем, разве что он мог обещать спасение. Хлещущий дождь внезапно ослабел, когда они были уже возле dna. Мертвенно красное небо слегка прояснилось. Холодный ветер хлестал с меньшей яростью. Нога Джона Стара едва коснулась холодной воды на дне, когда Жиль Хабибула предупреждающе прохрипел:

— Мой смертельный глаз! Злые медузиане летят, чтобы забрать нас!

Взглянув вверх, он увидел зеленоватые, с черными щупальцами летучие купола, выплывающие один за другим из холла, который они покинули, и быстро падающие вниз.

ЖЕЛТАЯ ПАСТЬ УЖАСА

К тому времени, как остальные заканчивали рядом с ним спуск, Джон Стар в отчаянии озирался, выискивая возможности бегства из шахты. Перед ним лежала поверхность желтой дождевой воды площадью в тысячу квадратных футов. Над ней с каждой стороны возвышалась блестящая черная стена огромного здания, самое низкое из которых было выше гордого Пурпурного Холла. Здесь и там в стенах виднелись высокие двери, однако ни до одной из них не мог добраться никто, за исключением летающего существа. На фоне красного маленького квадрата неба над бездной плавно спускались преследователи-медузиане — маленькие зеленоватые диски на алом фоне.

— Пути нет! — пробормотал он Джеку Каламу, с плеском спрыгнувшему рядом с ним. — На этот раз нет. Я думаю, они теперь убьют нас.

— Но путь есть, — сказал быстро и напряженно Джей Калам. — Если у нас хватит времени. Небезопасный. Неприятный. Это мрачный, отчаянный шаг. Однако это лучше, чем ждать, когда они нас прикончат. Пошли! — воскликнул он, когда Жиль Хабибула последним скользнул, стеная и дрожа в холодную воду. — Нельзя терять времени.

— Куда? — спросил Хал Самду, с плеском шагая рядом с ними по желтой воде. Аладори все еще сидела у него на спине, устало вцепившись. — Тут нет пути.

— Дождевая вода, — кратко пояснил Джей Калам, — она ухитряется найти выход.

Он бежал, расплескивая воду и показывая путь к отверстию для стока воды. Желтый водоворот десяти футов в по-перечнике ревел над тяжелой металлической решеткой.

— Мои несчастные смертельные глаза! — просопел Жиль Хабибула. — Мы что, должны нырнуть в жалкую канализацию?

— Должны, — заверил его Джей Калам, — или будем ждать, когда нас убьют медузиане.

— Пожалей мои дорогие старые кости! — взвыл Жиль Хабибула. — Быть засосанным в пучину и утопленным как жалкая крыса! И чтобы потом вынесло в желтую реку, где, знает сладкая жизнь, тебя разорвут и проглотят коварные твари. Ах, Джей, это смертельно злой день!

— Мы должны поднять решетку, если сможем.

Хал Самду отпустил Аладори, и та неуверенно выпрямилась, дрожа и озираясь.

Едва удерживаясь на ногах в кружашейся желтой воде, четверка собралась возле края круглой решетки, вцепилась в нее, напрягая мускулы. Она не двинулась.

— Смертельная петля! — воскликнул Жиль Хабибула, ощупывая край.

Пошатываясь в безумном потоке, бившем по ногам, Хал Самду стучал по петле и расшатывал ее одной из ног треугольника. Джон Стар взглянул в квадрат лилового неба и

увидел черные круги медузиан. Они уже были больше и находились на полпути вниз.

Гигант бил и расшатывал петлю, однако тщетно. Джон Стар попытался помочь ему, и Джей Калам вместе с ним. Бешеный поток желтой воды бурлил над петлей, сводя на нет их усилия. Даже не давая устоять на ногах.

— Это Эрик Ульмар предупредил их, — сказала Аладори, и в голове ее были лед и глубокое презрение. — Он на одном из них. Я вижу, как он показывает на нас.

Они возобновили попытки сбить петлю своими неуклюжими инструментами, тяжело дыша, слишком занятые даже для того, чтобы посматривать навстречу приближающейся смерти. Наконец, изогнутый металл сломался.

— Начали! — пробормотал Хал Самду.

Они снова схватились за решетку, поднимая ее. Под их объединенными усилиями решетка слегка приподнялась и вновь опустилась под давлением ревущего течения. Они попробовали опять. Жиль Хабибула задыхался побагровев. Огромные мускулы Хала Самду вспучились, дрожа от напряжения. Даже Аладори пыталась помочь, но решетка не поднималась.

Медузиане снижались. Бросив на них взгляд, Джон Стар увидел целую стаю. Некоторые несли черные устройства, должно быть, оружие. Один — Эрика Ульмара, сидящего и жестикулирующего в черном сплетении змей.

— Мы должны поднять!

Они попытались снова, в новом положении. Решетка вдруг поддалась, оказавшись неожиданно легкой под потоками бушующей воды.

Перед ними разверзся открытый колодец, и он был восемь футов в поперечнике. Бушующая вода бросилась в него со всех сторон, не образовав даже бреши. Это была желтая воронка с пенными краями. Грозный, яростный глухой рев бешеного напора воды поднялся над нею.

Джон Стар помедлил, глядя в свирепую желтую пасть с болезненной тошнотой. Казалось самоубийственным

нырять в этот водоворот, позволить засосать себя бурой глотке, беспомощно крутиться в канализации, биться о стены и, наконец, оказаться среди ужасов огромной реки.

И Аладори! Это было невозможно.

— Мы не можем, — закричал он Джеку Каламу, перекрываая рев. — Мы не можем бросить ее туда.

— Смерть моя! — хрипло выдохнул Жиль Хабибула. Цвет его лица сменился мертвенно-бледным, с нездоровой зеленью. — Это смерть. Коварная завывающая гибель и жуткое удушье!

Джек Калам взглянул на опускающихся медузиан, которые были уже близко, на их черное оружие и на Эрика Ульмара, висящего в колыбели из змей. Он мрачно взглянул на Аладори. На лице его был безмолвный вопрос.

Она посмотрела вверх, и на бледном лице появилось презрение. Серые глаза, холодные и уверенные, хотя и слишком яркие и в тенях усталости, оглядели четверых мужчин и обратились к грохочущему водопаду. Она помедлила. Затем странно улыбнулась. Она сделала едва заметный жест прощения и нырнула в желтую ревущую воронку.

Джон Стар был поражен внезапностью, с какой она прыгнула, и холодной безрассудной смелостью девушки. Прошло мгновение, прежде чем он оправился, отбросил собственный ужас перед этой алчной воющей пастью. Он отшвырнул свое импровизированное оружие и прыгнул за ней.

Пролетев двадцать футов в пенном желтом водовороте, он нырнул в поток.

Сумрачное красное свечение мгновенно погасло. Под черным городом, в кромешной тьме, его крутило как щепку. Спустя немного времени, ему удалось вырваться на поверхность. Дождь шел в полную силу, так что все было заполнено водой. Он ободрал руку о край трубы, однако смог вдохнуть скверного зловонного воздуха. Он снова набрал воздуха и закричал: «Аладори!», но тут же осознал тщетность этой попытки. В этом ревущем потоке она бы ничего не услышала. Да если бы и услышала, что толку?

Поток внезапно повернул, и за углом он едва не задохнулся в комьях пены.

Вновь, спустя бесконечное время ожидания, борьбы за то, чтобы удержаться на плаву, вдохов, когда это было возможно, он оказался в глубоком быстром потоке. Здесь водоотвод был заполнен целиком. Яростная вода плескалась и пенилась под самым верхом. Ему редко удавалось найти открытое пространство, чтобы наполнить легкие воздухом. Его толкало дальше и дальше, пока он не почувствовал, что не может больше бороться со свирепым потоком, пока усталое, израненное тело не запросило пощады, пока легкие не завизжали, требуя чистого воздуха, а не гнусной вони в пеных карманах грохочущего потока.

Он подумал, что нельзя упускать следующий момент, когда перед ним опять окажется широкий канал. Поток затянул его снова. Казалось, прошли часы, пока он, преодолевая боль, раздирающую легкие, стремился подняться на поверхность, и он вынырнул, чтобы оказаться рядом с металлом. Воздуха здесь не было. Каким-то образом он не позволял воде попасть в измученные легкие. Бедная Аладори! Неужели она тоже переносит все это? А трое остальных? Если они нырнули прежде, чем опустились медузиане, смогут ли они выжить?

Внезапно он оказался во власти дикой, яростно ревущей пены. Его вновь затянуло, и жестокий вес воды сдавил грудь. Устало пытаясь подняться на поверхность, едва живой, чтобы чувствовать победу, он увидел свет.

Он прорвался сквозь желтую пену, благодарно глотнул чистого живительного воздуха открытого пространства, совершенно не думая о красном, медленно убивающем газе, что содержался в нем.

Вверху, с одной стороны, было мрачное небо, и там бушевала буря. С другой стороны, была металлическая стена черного метрополиса, в милю высотой. Его выбросила в волны желтой реки. Кипящий, изборожденный легкими линиями пены, испещренный воронками водоворотов, поток несся

вдаль, шириной в десять миль, столь обширный, что низкая темная линия джунглей на дальнем берегу почти целиком терялась в густых темных сумерках.

Позади, на многие мили, он омывал основание могучей стены, пока не достигал незабываемого барьера черных шипастых джунглей. Он уже в течение месяцев путешествовал по желтой реке. Он научился встречать тысячи ее опасностей. Но тогда с ним находились остальные, тогда он был на плоту, тогда они были вооружены против яростной жизни реки, неба и джунглей.

Он безуспешно озирался в поисках Аладори. Когда он восстановил дыхание, то стал выкрикивать ее имя. Однако издавал лишь тонкие бесполезные звуки. Голос его был слабым, хриплым и тонул в шуме реки. Поток ревел, встречаясь на выходе из дренажной системы с водами реки. Но внезапно он увидел ее в сотне ярдов ниже по течению. Голова ее была совсем крошечной и подпрыгивала, как поплавок, над кипящей желтой поверхностью. Он понял, что тело ее слишком маленькое, слишком хрупкое и слишком усталое, чтобы долго бороться со свирепой рекой. Он неуклюже поплыл к ней, полумертвый от усталости. Бурлящий поток нес ее от него. Он уносил ее все дальше и быстрее, чем Джон Стар мог плыть. Дикие волны издевались над ним, а он, близкий к безумию, ревел проклятия, словно имел дело со злобным разумным существом. Она увидела его. Из последних сил она поплыла навстречу ему через желтую пену. Их несло в тени под стеной. Иногда он оглядывался, надеясь, что кто-нибудь из остальных выбрался живым, однако никого не видел. Аладори скрылась из глаз, когда он был менее чем в дюжине футов от нее, затянутая безжалостным течением. Она появилась снова, когда он уже был готов нырнуть за ней, беспомощно барахтаясь в капризной реке.

Он поймал ее руку и положил на свое плечо.

— Держись! — прохрипел он. И добавил с последней мрачной искоркой воодушевления: — Если только можешь доверять Ульмару.

Коротко, призрачно ухмыльнувшись, она вцепилась в него.

Желтая бурлящая пена несла их вдоль могучих стен к речному берегу. Там ждали шипастые джунгли.

ТВАРЬ

Позднее Джон Стар не мог восстановить в памяти свое пребывание в реке. Окончательно выдохшийся, далеко перейдя за пределы невыносимого, он больше напоминал машину, чем человека. Каким-то образом он удерживал себя и Аладори на плаву. Но это было все, что он помнил.

Ощущение грунта под ногами быстро привело его в себя. Он пополз из желтой воды к краю широкого гладкого пляжа из черного песка, волоча за собой бесчувственную девушку.

За черной песчаной полосой шириной в триста ярдов высились джунгли. Барьер из черных переплетенных мечей, он отталкивающе высился на фоне малинового неба. Он пестрил огромными яркими цветами, огненно-фиолетово-выми красками, придававшими ему некую ужасную красоту. И там во многих обличиях таилась смерть. Открытый пляж, как знал Джон Стар, не был пригоден для жизни человека. Существовала угроза из воды, из леса и с воздуха. Однако он почти утратил чувство опасности. Благополучно вытащив измученную девушку с желтого мелководья под сомнительное укрытие, образованное большим количеством плавника, зацепившегося за корягу, полузасыпанную песком, он рухнул рядом с ней на песок. И здесь усталость взяла свое.

Проснувшись, он уже знал, что драгоценные часы упущены. Огромный диск красного солнца был уже наполовину скрыт за краем джунглей. Воздух был ледяным жутким напоминанием о наступавшей ночи.

Аладори лежала рядом с ним на черном песке и спала. Взглянув на ее стройное беззащитное тело, на медленно вздывающуюся грудь, он почувствовал ноющую боль внутри себя. Сколько раз, подумал он, пока они лежали здесь, проплывала в желтом потоке или выглядывала из стены шипов смерть, и грозила их жизням, и АККА, и надежде человечества.

Он попытался сесть и едва не задохнулся от боли. Каждый мускул тела яростно протестовал. Тем не менее, он заставил себя выпрямиться, размял ныvшие члены, пока к нему не вернулась некоторая подвижность, и неуверенно поднялся на ноги.

Вначале он поднял спящую Аладори и отнес ее на возвышение на берегу, подальше от невидимых опасностей, что могли напасть на них с мелководья. Соорудив хрупкое укрытие из плавника, чтобы спрятаться, и найдя тяжелую дубину, он стал ждать, сидя подле девушки, когда она проснеться.

Он устало озирал рыжевато-коричневую реку, бегущую вдаль, пока еще была видна в сумраке далекая темная стена джунглей. Он осматривал голое пространство темного песка, черный шипастый барьер за ним и валы черного метрополиса, вздывающегося на мили над рекой, едва видимые над джунглями. Но опасность пришла с темного неба, скользя на безмолвных крыльях. Тварь была уже низко, когда он ее увидел. Она нырнула к спящей девушке, лежащей под маленьким навесом из плавника. Чем-то она напоминала стрекозу, выросшую до чудовищных размеров. У нее были четыре тонких крыла до тридцати футов в размахе. Он увидел, что она похожа на существо, с которым Жиль Хабибула однажды сразился за свою бутылку вина. У него перехватило дыхание при виде этой чуждой и зловещей красоты.

Хрупкие крылья были голубыми и просвечивали. Они мерцали как темные пластинки сапфира. По ним проходила паутинка красных прожилков. Заостренное тело было

черным, странно и удивительно усеянное яркими желтыми пятнами. Один-единственный огромный глаз был похож на полированную яшму. Единственная пара конечностей застыла под ним. Жестокие черные когти, выпущенные, чтобы схватить тело девушки. А тонкий желтый хвост наподобие скорпиона, был вооружен огромным желтым шипом и вытянут для удара.

Джон Стар мгновенно вскочил, замахнувшись дубиной на яшмово-черный глаз. Однако блестящие крылья чуть встрепенулись, и тварь взмыла вверх. Вместо девушки она напала на него. Его удар прошел мимо единственного глаза. Тонкий безжалостный ланцет жала устремился прямо на него.

Он бросился вниз, взмахнув дубиной, чтобы отбить ядовитый шип. Он почувствовал удар, когда дубина встретилась с хлестнувшим хвостом. Ядовитое острие оказалось чуть отведенным в сторону, хотя все же коснулось плеча, вызвав вспышку слепящей боли.

Мгновенно вскочив на ноги, почти ослепнув от раздирающей боли, он едва различил, как тварь поднимается, разворачивается и опять скользит к нему на просвечивающих сине-алых крыльях. Она снова спикировала, выпустив когти. На этот раз, как он заметил, заостренный хвост беспарно висел. Дубина сломала его.

Шатаясь от боли, он вновь нацелил удар в яркий агатовый глаз, и на этот раз существо не упорхнуло. Оно бросилось прямо на него, растопырив желтые когти. В последнее мгновение, почти теряя сознание от боли, вызванной ядом, он понял, что когти должны вонзиться в него.

Он яростно боролся, чтобы удержать ускользающее сознание. Каждую унцию силы он вложил в тяжелый обломок дерева, чувствуя, как тот сокрушает огромный черный мерцающий диск. Затем чувства растворились в нахлынувшей боли.

Он смутно понимал, что тварь уже не летает над ним. Он осознавал, что она катается по песку, сжимая в когтях его тело. Последний его удар оказался фатальным.

Наконец, борьба утихла. Мертвая тварь рухнула на него. Желтые когти даже в смерти были глубоко всажены в его руку и плечо. Преодолевая слепящую боль, он один за другим распрямил пальцем когти и поднялся на ноги, слабея от мук и кровотечения.

Даже мертвая, тварь была красива. Целехонькие узкие крылья, распростертые на черном песке, казались пластинками сапфира в рубиновых прожилках. Лишь красновато-желтые когти и сломанное жало выглядели устрашающими, а также голова, разбитая последним ударом.

Он склонился над нею, слишком слабый даже для того, чтобы поднять дубину. Он рухнул возле Аладори, по-прежнему тихо дышавшей в мертвом от изнуренности сне, ничего не знавшей о сражении, которое только что произошло рядом. Погрузившись в апатию, вызванную новой усталостью и болью, он поначалу даже не пошевелился, когда увидел три крошечные фигуры, устало бредущие по черному берегу в туманной красноватой дали.

Трое странных жестких мужчин — каждый из них загорелый и потрепанный — были прикрыты лишь несколькими клочками одежды. Бородатые, длинноволосые, косматые люди. У каждого была дубина или копье-шип. Глубоко запавшие сияющие глаза вглядывались по сторонам с явной тревогой. Словно трое первобытных людей, охотящихся в тени древних джунглей: примитивные звери, осторожные и опасные.

Странно было думать о них как об уцелевших из сокрушенного и преданного Легиона Пространства, последних бойцах некогда гордой Системы, одиночках, оставшихся для того, чтобы защитить ее от науки чужой звезды. Неужели эти косматые звери смогут выиграть межзвездную войну?

Наконец, Джону Стару удалось подняться, закричать и помахать. Его увидели и поспешили к нему по берегу.

Хал Самду все еще нес черный механизм с треноги, привязанный к его огромным плечам соединительными проводами. Он нырнул вместе с ним в канализацию, тонул с ним, боролся с желтой водой.

— Аладори? — прохрипел он, усталый, возбужденный, обогнав остальных.

— Спит. — Джону Стару хватило энергии лишь для одного слова, жеста.

Гигант опустился рядом с нею в тревоге, но затем лицо его прояснилось.

— Ты вынес ее? — прохрипел он. — И убил вот это?

Джон Стар смог лишь кивнуть. Глаза его были закрыты, однако он знал, что Джей Калам и Жиль Хабибула уже подошли. Он услышал, как последний слабо хнычет:

— Ах, драгоценная жизнь! Это было злое время, ужасное время! Нас промыло сквозь вонючую клоаку, как отбросы, и выбросило умирать среди коварных ужасов жуткой желтой реки. Ах, бедный старый Жиль Хабибула! Это был смертельно злой день...

Голос его изменился.

— Ах, девочка. Девочка не пострадала. И этот коварный сверкающий монстр... Должно быть, это Джон убил его... Ах, бедный старый Жиль знает, каково было тебе, парень. Смертельно горькие мы пережили времена!

Голос его снова воспрянул.

— Эта мертвая тварь... Ее мясо вполне пригодно в пищу. Она в точности такая же, с которой я с таким смертельным трудом сражался за мою бутылочку вина, — а ведь я его так и не отведал! Надо развести огонь. Я ужасно ослаб от голода. Ах, бедный старый Жиль, умирающий от голода...

Джон Стар во второй раз провалился в беспробудный сон.

Когда он проснулся, было холоднее. Тело его онемело и закостенело, хотя рядом с ним горел жаркий костерок из

плавника. Наступала жуткая ночь: гневный солнечный диск полностью исчез, небо представляло собой низкий купол гибельных дымчатых сумерек. Над рекой дул по направлению к джунглям пронзительный ветер.

У огня находился Жиль Хабибула — он жарил на вертеле мясо, нарезанное с мертвой летучей твари. Джон Стар почувствовал сосущий голод — это запах мяса, должно быть, разбудил его. И он сразу стал есть.

Джей Калам и Хал Самду находился рядом с Аладори, отделенные от него костром. Небольшой механизм, который гигант принес в такую даль, они разобрали. Детали его лежали перед ними на плоском обломке дерева. Витки проволоки, странные детали и кусочки пластика.

Он поспешил встать, несмотря на онемение во всем теле, и быстро приблизился к ним. Сосредоточенные, они не подняли глаз. Перед Аладори находилось маленькое странное устройство, смонтированное из черных металлических частей и из грубо обструганных кусочков дерева. Она ощупывала последние кусочки металла один за другим, отказываясь от каждого с безнадежным качанием головы.

— Ты собрала его? — нетерпеливо спросил Джон Стар. — АККА?

— Она пробует, — отвлеченно вздохнул Джей Калам.

Джон Стар взглянул поверх черных джунглей на башни и машины черного метрополиса, что высились в красных сумерках. Он почувствовал явную невозможность того, что грубое маленькое устройство, лежащее на песке, может причинить какие-нибудь повреждения этим колossalным стенам.

— Мне нужно железо, — сказала Аладори. — Крошечный кусочек железа размером с гвоздь. Он мне нужен, как магнитный элемент. Кроме этого, здесь есть все, что мне нужно.

Она разочарованно положила маленький прибор на песок.

— Мы могли бы найти руду, — сказал Джон Стар. — Построить печь, выплавить железо.

Джей Калам устало и мрачно покачал головой.

— Мы этого не можем сделать. Железа на планете нет. Как ты помнишь, медузиане сначала пообещали Пурпурным помочь в завоевании Системы всего лишь за один груженный железом корабль. Пока мы странствовали, я не заметил ни следа выхода железистых соединений.

— Выходит, мы не сможем смонтировать оружие, — медленно произнесла Аладори. — Здесь нам не смонтировать. Если бы мы только смогли вернуться в Систему!

— Наш корабль лежит поврежденный где-то на дне моря.

Онемев от отчаяния, они стояли и дрожали под холодным ветром, дующим через реку. Они смотрели поверх темных шипастых джунглей на стены, башни и непостижимого назначения механизмы темного метрополиса. Состарившийся задолго до зарождения человечества, он, видимо, будет стоять и после того, как исчезнет последний человек.

Вдруг над этими старыми стенами и башнями вспыхнуло зеленое пламя. Они увидели, как поднимаются титанические машины — черные корабли-пауки, межзвездные суда медузиан. Поднимался чудовищный рой, и грохот пышущих зеленым дюз катился над джунглями и рекой, исчезая в кроваво-красном небе...

— Флот! — прошептала Аладори. — Он летит в Систему со всеми их ордами. Они оккупируют наши планеты. Флот уже ушел! Если бы мы нашли кусочек железа... однако уже слишком поздно. Мы проиграли.

КРЫЛЬЯ НАД СТЕНАМИ

— И ведь все, что нужно, — это железа с ноготок! — прокомментировал Жиль Хабибула голосом, который мог бы смягчить сердце железной статуи. — Ах, я, бедный! Неужели отсутствие жалкого ногтя может так много значить!

Он сидел, нахохлившись, на черном песке — глыба сплошного огорчения, — осторожно держа в руках деревянную палочку с куском дымящегося мяса над огнем.

— Бедный старый Жиль Хабибула! Ах, зачем ему довелось видеть такой жуткий день! Лучше, о, знает сладкая жизнь, гораздо лучше, если бы он умер еще жалким ребенком. Лучше бы закон пошел жестоким безжалостным путем тогда, на Венере.

Жуткая это награда, о, жизнь моя дорогая, очень жуткая награда за двадцать лет верной службы в Легионе. Обвинен в мерзком пиратстве. Заключен. Подвергнут голоду и пыткам. И, да, изгнан из своей родной Системы на этот ужасный мир страшных чудовищ.

Отравлен самим здешним воздухом, обречен завывать в безумии и умирать от медленного зеленого гниения. Затравлен миллионом смертельных монстров. Вынужден бежать, как крыса, через коварный черный город. Плыть, как жалкая крыса, в зловонной канализации! А теперь оказаться лицом к лицу с ужасной смертью в холодной и жуткой ночи. И единственная бутылочка вина на всем континенте разбилась прежде, чем удалось попробовать его вкус! Смерть моя! Это больше, чем может вынести человек. Смертельно много, знает сладкая жизнь, для бедного старого солдата Легиона, больного, ленивого и слабого, у которого на глазах пропало его вино!

А теперь из-за какого-то гвоздя пропадает вся Система! Из-за отсутствия одного драгоценного кусочка железа все человечество обречено на смерть под натиском чудовищных медузиан! Ах, знает дорогая жизнь, — это смертельно злые времена! Смертельно горькие времена! Бедный старый Жиль Хабибула...

От костра послышался треск, поднялся клуб горького дыма. Он вдруг выпрямился и вскочил с финальным криком:

— Ах, я бедный! Беда никогда не ходит одна! Теперь даже это смертельное мясо сгорело!

И он вернулся к яркокрылой твари, которую убил Джон Стар, чтобы вырезать новый кусок мяса.

Возле мерцающих сапфирово-рубиновых крыльев, лежащих забытыми на черном песке, опустошенно стояли остальные, измученные и утратившие надежды, дрожа от усиливающегося холода под ветром, что дул из сгущающихся красных сумерек, со стороны речного берега к стенам и башням, и машинам черного метрополиса, что грозно вился на фоне темнеющего алого неба над темными шипастыми джунглями.

Беспредельное чувство неудачи, неизбежного рока, победившего их и все человечество, гнетуще давило на них, отчаяние держало их в гнетущем молчании.

Пристальные синие глаза над рыжей бородой Хала Самду заметили черный космический корабль, колоссальный корабль-паук медузиан, несущийся на призрачных зеленых струях. Он двигался к зловещим стенам над желтой рекой. Хал показал, медленно проведя за ним рукой.

— Это... — закричал вдруг Джон Стар, и сердце в его груди вдруг болезненно подпрыгнуло. — Под ним... неужели это...

— Да, — хмуро произнес Джей Калам. — «Пурпурная Мечта».

— Ваш корабль! — воскликнула Аладори.

— Наш корабль. Мы оставили его разбитым на дне желтого моря с Адамом Ульмаром на борту.

— Адам Ульмар. — В голосе ее появилось презрение. — Значит, он вернулся к союзникам.

Она странно посмотрела на Джона Стара.

— Похоже, — признал он, — что он так и поступил. Он мог связаться с медузианами по радио. Должно быть, он вызвал их и добился, чтобы они подняли корабль и помогли его отремонтировать.

Они смотрели на «Пурпурную Мечту», летящую под огромными черными лопастями корабля медузиан, на ее

крошечную торпедовидную фигуру, не более чем серебряную пылинку. По мере того, как она приближалась к черному городу, из дюз стало бить голубое пламя, и она начала снижаться на фоне красного неба.

В это время вторая огромная машина висела рядом с нею на зеленых крыльях отдаленного грома. «Пурпурная Мечта» замедлила скорость и приземлилась на башню над черной стеной, сводя их с ума своей открытостью. Черный корабль приземлился неподалеку.

Несколько мгновений они смотрели на все это и молчали — настолько сильным было их отчаяние.

— Мы должны захватить этот корабль, — прошептал наконец Джей Калам.

— Он может отнести нас в Систему, — едва слышно вздохнула Аладори. — Мы найдем там железо. Мы сможем построить АККА. Мы сможем спасти последние остатки человечества.

— Мы можем попытаться, — согласился Джей Калам. — Конечно, они будут преследовать нас отсюда. Со своим оружием, которое бросает пылающие солнца. Пояс Смерти все еще висит над нами — надо будет опять прорываться через него. А флот вторжения уже сторожит нашу Систему. «И эти орды в крепости на Луне» ... — прошептал он. — Однако мы можем попытаться...

— Но как? — хрипло произнес Хал Самду.

— Это первый вопрос. До корабля отсюда несколько миль джунглей. Он на вершине гладкой стены в милю высотой. И рядом с ним черный корабль, наверняка на страже. Как?

Глаза его обратились к Джону Стару, который неотрывно смотрел на крылья убитой им твари, блестевшие рядом на черном песке.

— В чем дело, Джон? — настойчиво спросил он, и голос его был странно напряженным. — Ты смотришь...

— Никто не доберется туда иначе, как по воздуху, — медленно, отсутствующе произнес Джон Стар. — Однако, мне кажется... мне кажется, я нашел способ.

— Ты имеешь в виду полет?

Джей Калам пристально всматривался в его страстное жесткое лицо; дивясь, он взглянул на длинные блестящие крылья, на которые смотрел Джон Стар, на сапфировые листы в рубиновых прожилках.

— Да. «Я привык летать», — сказал Джон Стар. — В Академии Легиона. Планеризм. Однажды я выиграл годовой чемпионат в Академии.

— Ты хочешь построить планер?

— Это возможно, я в этом уверен. Крылья достаточно длинные. Прочные. Тело твари больше, чем мое. А ветер дует через реку в сторону джунглей и стен. Должны быть восходящие потоки.

— Здесь есть крылья. Однако остальное...

— Понадобится немногое. Крылья уже готовы. Нужны будут постромки, чтобы связать их вместе, но можно нарезать лиан в джунглях. И сплести волоконные веревки.

— Времени осталось немного.

— Да. Скоро будет слишком холодно, чтобы работать. Всего лишь несколько часов. И у нас нет ни укрытия, ни оружия. Нам не пережить эту ночь. Нет, Джей, похоже, это единственный выход.

— Да! — сказал внезапно Джей Калам, соглашаясь с этой идеей. — Да, мы попытаемся. Но это отчаянное предприятие, Джон. Ты это понимаешь? Аппарат будет ненадежен, если он вообще сможет летать. Есть опасность, что тебя обнаружат. Трудность в том, чтобы попасть на борт, а там нужно будет справиться с Адамом Ульмаром одним кинжалом-шипом. Даже если ты проникнешь к управлению, на страже корабль-паук.

— Я знаю, — рассудительно сказал Джон Стар. — Однако, похоже, это единственный выход.

Они приступили к работе перед лицом весьма внушительных обстоятельств и опасностей, делая невозможное. Поначалу отыскали инструменты — острые раковины,

камни, которые могли бы служить ножами и молотками, твердые, как железо, шипы джунглей.

Измерив яркие крылья, Джон Стар напряг память, вспоминая все, что он знал о конструировании планеров, помечая угольком от костра в нужных местах.

Затем, в усиливающемся холоде и тьме, обложившись блестящими крыльями, распорками и креплениями, изготовленными из древесины джунглей, плетеным волокнистым канатом и прочими деревянными деталями, он работал час за часом, собирая планер, в то время как четверо остальных обшаривали берег и джунгли в поисках материалов.

Они не отдыхали, пока не был закончен этот простенький аппарат, хрупкий и легкий. Всего лишь четыре ярких крыла, связанные вместе волокнистыми веревками, которыми планер должен был крепиться к телу Джона Стара. Они привязали к нему планер, и он несколько раз пробежал под холодным ветром по черному песку, пробуя балансировку.

Он сунул за пояс два кинжала-шипа и прикрепил рядом с собой к раме длинное копье. Он пробежал по песку, остальные натянули веревку. Он поднялся и обрезал ее.

Странный летательный аппарат неуверенно пошел вверх, качнулся и нырнул к песку. Отчаянным поворотом всего тела он выправил полет — единственное, чем он мог управлять, был его собственный вес. И он поднялся в сильном потоке, что проходил над джунглями.

Он взглянул вниз, на крошечную группу — троих потерпанных мужчин и усталую девушку, пославших вместе с ним свои надежды.

Четыре маленькие фигурки и чуждых красных сумерках. Он помахал рукой, они помахали в ответ.

Он поднимался с тревожной болью в сердце. Он не мог их подвести, иначе они, определенно, погибнут, если он не захватит корабль. Джей, Хал, Жиль и Аладори. Он не мог позволить им умереть, пусть даже их спасение не будет

означать спасение человечества. А теперь он летел над черными шипами. Плохо, если он здесь упадет. Когда он нашел время оглянуться снова, четверка уже потерялась в тени за кромкой джунглей.

Прежняя сноровка возвращалась быстро. Вновь пришло знакомое воодушевление пологого восходящего полета; даже трудности управления рискованным аппаратом доставляли радость, даже опасность черных шипастых джунглей.

Держась на восходящих потоках над краем джунглей, он уверенно летел вверх по реке, к черным и могучим стенам, смутно выступающим в сгущающемся красном мраке. «Пурпурная Мечта» была уже не видна. Поначалу он сомневался в хрупкой машине, но вскоре летел все увереннее, опасаясь лишь случайностей или того, что его обнаружат медузиане. Но затем пришла неожиданная угроза.

Над черным лесом взлетело, планируя, другое существо, такое же, как то, у которого он позаимствовал крылья. Оно обошло его по кругу, поднялось над ним, потом оно опять нырнуло к нему, держа наготове жало и когти, и он понял, что оно намерено напасть.

Он закричал на него и слабо помахал руками. Поначалу тварь, казалось, встревожилась, однако затем нырнула снова, ближе, чем прежде.

Он высвободил черное копье застывшими от холода руками и выставил его перед собой. Тварь спикировала в последний раз, изогнув изящное жало и выпустив желтые когти. Она неслась прямо на него. Он встретил ее открыто, направив копье в единственный черный глаз.

Острое угодило в цель. Но падающее тело врезалось в хрупкий летательный аппарат с такой силой, что заставило его хлипкий каркас затрещать. Потеряв устойчивость, Джон Стар скользнул к джунглям вслед за телом падающей твари.

Восстановив равновесие уже тогда, когда отчетливо были видны шипы, он поднялся вновь. Однако связанный лианой каркас был разболтан при ударе. Он потрескивал и

тревожно постанывал во время подъема, и полет был еще неувереннее, еще опаснее, чем раньше.

Но, наконец, он вошел в сильный порывистый поток, который поднимался над стенами черного города. Его понесло вверх. Каждый миг он боялся, что увидит, как складываются яркие крылья, и тело его по спирали упадет в желтую реку.

Так он долетел до уровня башни. Он различил «Пурпурную Мечту», крошечную серебристую искорку, лежащую на огромной черной платформе в тени сторожившего ее корабля-паука. За нею простирался кошмарный город; машины на высоких платформах располагались как армия черных гигантов, затаившихся в сумраке.

Он взмыл над посадочной площадкой и стал снижаться.

Воздушный поток нес его слишком быстро, едва не сбросив через стену в город, планер трещал и трепетал. Тело его было медлительным и дрожало от пронизывающей стужи, оно онемело и не повиновалось.

Но ноги коснулись черного металла в тени «Пурпурной Мечты». Он высвободился из упряжки и отделил друг от друга яркие крылья. Он молча побежал к воздушному шлюзу, с кинжалом в руке, готовый к неожиданным опасностям.

ПРЕДАТЕЛЬ МЕНЯЕТ ЛИЦО

К его облегчению, воздушный шлюз был открыт, и вспомогательный трап спущен на металлическую платформу. Он мгновенно взлетел по ступенькам, пересек открытый люк и помчался по длинной узкой палубе, обогнул угол и оказался в каюте, где и встретился лицом к лицу с Адамом Ульмаром.

Когда несколько месяцев назад они расстались на дне желтого моря, Адам Ульмар выглядел измученным, разбитым, раздавленным открытием, что его дело предано

медузианами, он был надломлен сознанием того, что невольно предал человечество.

Сейчас он был иным.

Всегда высокий, внушительный в фигуре, он был еще более упрям, уверен, решителен. Свежевыбритый, с причесанными и блестящими белыми волосами, в опрятной форме Легиона, он встретил Джона Стара с ласковой улыбкой гостеприимства на благородном лице.

— О! О, Джон! Ты меня удивил. Хотя я и надеялся...

Он шагнул вперед, протянул в приветствии холеную руку. И Джон Стар бросился ему навстречу, угрожая его горлу кинжалом-шипом.

— Ни с места! — хрюпело прошептал он. — Ни звука!

Он почувствовал разницу между ними. Он представлял собой странную фигуру и знал об этом — почерневшую от солнца, жесткую от испытаний, полуубнаженную с косматой головой и многомесячной растительностью на лице. Он должен был более походить на зверя, чем на человека. На нелепого зверя, встретившегося с лощеным, уверенным, властным человеком.

— Адам Ульмар, — яростно выдохнул он опять. — Я пришел убить тебя. Я думаю, ты заслужил смерть. У тебя есть что сказать?

Он ждал, дрожащий и закоченевший от холода. Вдруг он испугался, что не сможет ударить этого добродушного улыбчивого человека, чья персона вызывала неожиданное благоволение и гордость родства с ним, несмотря на его черную измену.

— Джон, — запротестовал тот неожиданно настойчивым и убедительным голосом. — Ты недопонял. Я действительно в восторге, что ты пришел. Некоторое время назад мой злосчастный племянник сказал, что ты был здесь и утонул в канализации. Зная тебя и твоих спутников, я слабо верил в вашу гибель. Я все еще надеялся, что смогу чем-нибудь помочь вам.

— Помочь! — хриплым эхом отозвался Джон Стар, не отводя кинжала от горла Адама Ульмара. — Помочь! И это говорит тот, кто ответственен за все наши беды!

— Я очень хочу оказать тебе помощь, мой мальчик, потому что понимаю свою вину. Это верно, что у нас различные политические взгляды. Однако я никогда не желал помогать медузианам в колонизации наших планет. У меня нет иных целей, кроме как исправить то, что уже сделано.

— Как это? — спросил Джон Стар с болезненным страхом, что этот ровный уверенный голос ничего не оставит от его решительности и потом предаст его снова.

Адам Ульмар жестом обвел корабль.

— Кое-что я уже сделал. Ты должен это признать. Крейсер поднят и отремонтирован; я надеялся, что он сможет переправить АККА обратно в Систему для предотвращения всеобщего бедствия.

— Но его подняли медузиане.

— Конечно. Они меня провели, и теперь был мой ход. Я связался с ними и предложил к ним присоединиться. Я согласился помочь им своим военным искусством в завоевании Системы. И я попросил их поднять «Пурпурную Мечту» и отремонтировать ее под моим руководством.

Они подняли крейсер и достаточно хорошо его отремонтировали, однако я боюсь, что они мало доверяют человечеству. Похоже, что они мне не верят, как и Пурпурные не верили им. Черный корабль, что снаружи, сторожит меня денно и нощно. Ты знаешь, какое на нем вооружение — пушки, что стреляют атомными солнцами.

— Ты видел Эрика? — подозрительно спросил Джон Стар.
— Он с тобой?

— Нет, Джон. Он уже не со мной. Он рассказал, как медузиане заставили его силой выпытывать у девушки ее тайну. Он рассказал мне все о вашем прибытии и о бегстве. И он рассказал, как побежал предупреждать медузиан. Он не думал, что у вас был шанс уйти, и надеялся заслужить их расположение.

— Трусливая бестия! — пробормотал Джон Стар. — Где он?

Адам Ульмар кивнул. На его красивом лице появилась тень боли.

— Именно таким он и был, Джон. Трусом. Хотя его имя и было Ульмар. Жалкий трус. Он первым пошел на дурацкий союз с медузианами, потому что он был трус, потому что он боялся поверить в мои планы революции.

Я знал, Джон, что я совершил ошибку. Я знал, что не Эрика, а тебя следовало бы сделать императором. Но и сейчас это не было бы слишком поздно, если бы только ты за это взялся.

— Но я не возьмусь!

— Да, не возьмешься. И, может быть, ты прав. Я теряю веру в аристократию. Наш род стар, Джон, наша кровь — лучшая в Системе. Хотя Эрик — презренный дурак. А трое мужчин с тобой — обычные солдаты Легиона — отлиты из настоящего металла.

Мне было нелегко измениться, Джон. Однако на дне желтого моря у меня было время подумать. И я изменился. Отныне я буду поддерживать Зеленый Холл.

— Да? — В голосе Джона Стара откровенно звучал скептицизм. — Но ответь на мой вопрос. Где Эрик? Вы оба...

— Эрик никогда больше не предаст человечество, Джон. — Голос был резок от боли. — Когда я узнал, что он послал за вами медузиан, когда вы бежали, я убил его. — Он сморщился. — Он был моей крови, и я убил его. Я сломал ему шею собственными руками.

— Ты убил... Эрика?

Джон Стар очень медленно прошептал эти слова, и глаза его изумленно смотрели на лицо Адама Ульмара, искаженное болью.

— Да, Джон. И вместе с ним убил часть себя, ибо я любил его. Любил его! Отныне ты — наследник Пурпурного Холла!

— Погоди! — яростно рявкнул Джон Стар, еще сильнее прижимая кинжал и всматриваясь в благородное, с тенью боли лицо.

— Да-да, Джон.

Сложив руки на груди и улыбаясь, Адам Ульмар, привалившись к стене, глядел на него.

— Ты мне не веришь, Джон. Ты не можешь, после всего, что случилось. Ну что же ты, действуй — вонзай свое оружие, если чувствуешь, что можешь. Я не буду защищаться. И, даже умирая, я буду гордиться, что твое имя Ульмар.

Джон Стар замахнулся своим грубым оружием. Он взглядался в красивые чистые глаза. Они не моргали. Они смотрели иронично. Он не мог убить этого человека! Хотя сомнение по-прежнему царило в его сердце, он опустил черное лезвие-шип.

— Я рад, что ты не ударил, Джон, — сказал Адам Ульмар, вновь улыбаясь. — Потому что решил, видимо, что я тебе понадоблюсь. Хотя мы и имеем отремонтированный крейсер, впереди серьезные препятствия.

Здесь на страже черный корабль. Если мы уйдем от него, за нами будет послан весь флот. И над нами Пояс Смерти — я недавно слышал, что он слабее над полюсами планеты, однако даже там это весьма эффективный барьер.

Если даже каким-то чудом мы вернемся в Систему, человечество уже раздавлено, дезорганизовано. Мы не получим помощи, на нас даже могут напасть жалкие остатки человечества, обезумевшие от красного газа.

Нам придется иметь дело со всем их флотом и черной крепостью на Луне, откуда они обстреливают Систему красным газом. Эрик говорил, что они разобрали все свои газовые фабрики месяц назад и переправили их на Луну. Вот, наверное, почему концентрация красного газа здесь уменьшилась.

Возможно, Джон, уже слишком поздно... Может быть, мы единственные выжившие, и у нас самих есть шанс прожить

дольше. Если мы намерены попытаться, у нас очень мало времени.

— Я поверю тебе, Адам, — сказал Джон Стар, пытаясь отбросить терзающие его сомнения. Он быстро добавил: — Мы должны взять на борт Аладори и остальных. Они у реки, без крова и одежды и без настоящего оружия. Они скоро умрут в этой ночи.

— Двигаться отсюда, когда нас сторожит черный корабль, — запротестовал Адам Ульмар, — было бы самоубийством. Надо подождать удобного случая...

— Мы не можем ждать! — Голос его был хриплым от отчаяния. — У нас есть протонная пушка. Если мы ударим неожиданно...

Адам Ульмар покачал головой.

— Они сняли иглу, Джон. Убрали. Крейсер безоружен. Они убрали даже стойки со стрелковым оружием. Твой шип — единственное наше оружие против солнц, которыми они швыряются.

Джон Стар сжал челюсти.

— Тогда выход один, — мрачно пробормотал он. — Двигаться так быстро, чтобы у них осталось очень мало времени для удара.

— Как это?

— Мы можем стартовать на геодинах.

— На геодинах! — Это был сдавленный крик. — Их нельзя использовать при старте, Джон. Ты это знаешь. Их нельзя использовать без риска в атмосфере. Мы сожжем корпус трением! Или врежемся в землю, как метеор.

— Мы пойдем на геодинах, — хрипло сказал Джон Стар.

— Я — пилот. Ты можешь управлять генераторами?

Адам Ульмар странно посмотрел на него, затем улыбнулся, взял Джона Стара за руку и быстро пожал ее.

— Очень хорошо, Джон. Я могу управлять геодинами. Мы пойдем на геодинах... Хотел бы я, чтобы ты был моим племянником.

Джон Стар почувствовал ответное чувство, сменившееся некоторым сомнением, которое отказывалось уходить. Так много было доверия этому высокому командиру, такими бедственными оказались последствия его измены.

Они разошлись. В маленькой рубке Джон Стар быстро осмотрел ряды знакомых приборов, он быстро проверил их один за другим. Он обратил внимание, что все железо было заменено другими металлами. Однако, похоже, все было готово к работе. Он посмотрел в телеперископ.

Сторожевой корабль медузиан располагался рядом с ними, одна из огромных странных лопастей простиралась вверх. Против красноватого свечения на туманном западе она выглядела зловещей и гигантской; корабль казался похожим на некоего гибридного паука, разросшегося до циклопических размеров.

Низкая чистая музыка геодиновых генераторов стала внятной и усилилась до отчетливого звона. Из динамика послышался резкий голос Адама Ульмара:

— Генераторы готовы, сэр, и на полной тяге.

Краткая хмурая улыбка Джона Стара при слове «сэр» сменилась опять выражением острого недоверия. Он быстро установил направление на берег реки, составляя план того, что необходимо было сделать. При малейшей ошибке должна была последовать мгновенная аннигиляция.

Положив пальцы на клавиатуру управления, он всматривался в телеперископ.

Затем он вспомнил о воздушном шлюзе и нажал на кнопку, которая его закрывала. Это действие, он знал, могло их выдать. Но он не мог оставить его открытым, потому что сопротивление воздуха тут же разрушило бы его.

Он в напряжении ожидал — одну секунду, две, три, — когда заработают моторы люка. Из огромного черного шара вражеского корабля внезапно выдвинулся длинный черный конус. Он стал поворачиваться в их сторону. Оружие!

Четыре! Пять! Он услышал лязганье закрывающегося люка и нажал на клавиатуру. Платформа башни и черный корабль

вдруг исчезли. И, хотя невообразимая сила в равной степени действовала на весь корабль, ощутимого шока не было. Геодины понесли их прочь со скоростью, недоступной подсчету.

Вокруг завертелись малиновые тусклые сумерки. Их встретила черная тень.

Двигаясь со скоростью, соответствующей этому отчаянно опасному положению, пальцы Джона Стара быстро метались по клавиатуре. Годы тренировок сейчас должны были оправдать себя. Обучаясь в Академии, он часто представлял себе подобные случаи, отчасти мечтая о них, отчасти боясь.

Спустя мгновение ускорения он убавил за следующую долю секунды тягу геодинов, уменьшив невообразимую скорость.

И «Пурпурная Мечта», мгновенно перелетев через черную стену, с ужасной скоростью понеслась к плоской желтой реке. Ее корпус светился от трения о воздух.

Он судорожно врубил дюзы, чтобы уменьшить скорость в оставшееся время перед приземлением.

Отчаянная игра, игра с самой кривизной пространства, в атмосфере планеты. Человеческая отвага и человеческое искусство против титанических сил. Бешеный восторг наполнил его. Он победит, если дюзы вовремя остановят корабль.

Светящийся корабль летел к темному песчаному берегу. К берегу замерзающей реки. В последнее мгновение дюзы загрохотали на полную мощность, затем последовал тяжелый удар о песок. Корабль зарылся в него, и от раскаленного докрасна корпуса повалил пар.

Пока, и в самый недолгий срок, они были спасены.

Спасены, пока медузиане не смогут атаковать.

Раскаленный люк распахнулся. Четверо пассажиров поднялись на борт — полуголые изможденные люди. Полумертвые от усталости, закостеневшие от холода. За ними лязгнул люк. «Пурпурная Мечта» снова загрохотала, голубые разряды стали лизать черный песок.

Мгновенно врубились геодины, и корабль рванулся с совершенно невообразимой скоростью в тусклые красные сумерки.

Джон Стар испытал мгновение яростного торжества, прежде чем вспомнил о поясе спутников-крепостей над головой. Вспомнил о шести световых годах межзвездного пространства впереди, вспомнил о флотилиях медузиан, стегнувших Систему, и об оккупационных силах, ожидающих в новой черной цитадели на Луне.

Позади он увидел черные машины, возвышающиеся над стенами и башнями кошмарного метрополиса. На струях зеленого пламени вдогонку поднималась целая стая кораблей-пауков. Более чем достаточно превосходящие «Пурпурную Мечту» в скорости, вооруженные орудиями, что стреляли солнцами аннигиляционного атомного огня.

ШУТКА

Красный туман над головой таял. «Пурпурная Мечта» рвалась вверх, на свободу пространства, где ее светящийся корпус мог бы остыть. Планета упывала, превратившись в огромный бесформенный полумесяц тусклого зловещего оранжево-красного цвета.

С нее поднялся рой кораблей-пауков. Безрассудный старт крейсера оставил их слишком далеко позади, чтобы они смогли воспользоваться своим страшным оружием.

Впереди лежал Пояс Смерти, пояс зла.

Зловещая сеть невидимых лучей распространялась от шести движущихся крепостей. Могущественные тайны древней науки. Грозные зоны невидимой радиации, что крушили молекулярные связи, заставляя прочный металл и человеческие тела растворяться туманом свободных атомов.

Вспомнив новую информацию Адама Ульмара о том, что они слабее на полюсах, Джон Стар проложил курс на север.

Он вел корабль на пределе действия геодинов, уже испытывая тошноту от страха перед барьером, тошноту при мысли о том, что предстоит пережить Аладори. Однако выбора не было.

«Пурпурная Мечта» вонзилась в стену невидимой радиации. Джон Стар был на мостике один.

Неожиданно из его тела пошел кружащийся огненный туман, от панелей и приборов — тоже. Туман возбужденных либо ионизированных атомов, пляшущих точек радужного света. Острая раздирающая боль пронзила тело, завизжала в ушах, запылала перед глазами. Атом за атомом корабль и его тело растворялись. Ослабев от боли, он пытался удержаться в сознании, удержать дрожащий крейсер в узком проходе относительной интерференции волн над полюсом.

Тело его, все более светящееся и прозрачное корчилось в световой агонии. Красное пламя выжигало сам мозг.

Часть его вдруг была поражена внезапным смехом — странным, хриплым и диким. Безумным смехом, лунатическим. Смех потряс его тошнотой нового ужаса, ибо он знал, что смеется сам. Он только что придумал ужасную шутку.

Подобно тем, кто уцелел из первой экспедиции, здоровая часть его знала, что он сходит с ума! Долгое пребывание в красном газе климатического контроля наконец подействовало на него. Сходит с ума! И обречен на смерть от медленного зеленого гниения. Он смеялся. Смеялся над чудовищной шуткой. Шуткой была смерть Системы от безумия и зеленой проказы.

И, между прочим, смерть тех, кто пытался спасти человечество от этой медленной гибели — жуткая шутка. Но зато ужасно смешная.

Миллионы, да что там, миллионы людей смеялись глупо, бессмысленно над тем, как их плоть превращается в зеленую гниль и отваливается, а те, кто задумал их спасти, умрут самыми первыми. Что за космическая шутка! Люди смеются перед лицом красной боли. Мужчины и женщины

смеются, в то время как их плоть становится зеленой! Смеются, а тело их распадается, а они смеются до смерти.

Что за вселенская шутка!

Его рука соскользнула с клавиатуры. Он сложился пополам от смеха.

Могли ли медузиане оценить юмор ситуации, когда дождем сыпали на планеты бомбы с красным газом? Или их чудовищная раса слишком стара для смеха? Или они разучились смеяться еще до того, как родилась Земля? Или эти зеленые податливые тела никогда не знали смеха? Надо спросить Адама Ульмара. Надо связаться с медузианами. Надо выяснить.

Он мог рассказать им эту шутку. Космическую шутку. Вся раса смеется, умирая.

Он попытался встать, однако смех не дал ему подняться. Он потер ладони одна об другую. Они были сухими, бумажными. На коже уже формировалась чешуя. Кожа будет отваливаться, а кости станут голыми. Он сам шутка! Что за шутка!

Он лежал на полу и смеялся!

Затем пришло смутное понимание того, что он должен что-то делать. В мозгу вспыхнуло красное пламя. Его рвало от слабости. И тут были остальные. Остальные? Да, Джей, Хал и Жиль. И Аладори! Он не мог их подвести. Но что именно надо делать?

Надо вести крейсер — смутно припомнил он. Через Пояс Смерти. Потом невыносимая боль пройдет. Она покинет и остальных. Аладори! Такая красивая, такая усталая. Он не должен позволить, чтобы она вытерпела такое.

Он боролся со смехом.

Он пытался забыть о шутке. Он бился с болью, пожирающей нервы. Он неуклюже потащился к пульту управления.

Надо провести «Пурпурную Мечту» сквозь радиационный барьер. Он смотрел сквозь радужный туман на полупрозрачные приборы. Он нажимал на клавиши сияющими руками. Он вновь и вновь содрогался от смеха.

Наконец, он понял, что барьер остался позади. Красная боль растаяла, свечение оставило приборы, пляшущий радиужный блеск постепенно покинул воздух. Тем не менее, он по-прежнему всхлипывал от смеха.

Наконец, на мостик пришел Джей Калам, изнуренный, бледный от боли, однако спокойный и решительный. После того, как они миновали барьер, он успел побритьсь и найти новую форму. Он опять был опрятен, чист и серъезен.

— Хорошо сработано, Джон, — сказал он тихо. — Я пока буду на мостице. Я только что говорил с командиром о наших шансах обогнать преследующий флот. Он утверждает, что...

Джон Стар отчаянно пытался слушать и понимать то, что говорил Джей Калам, а также старался хранить молчание. Но шутка, она была ужасно смешная. Он снова разразился безумным смехом, и дикий порыв хохота бросил его на палубу.

Он должен попытаться рассказать Джеку Каламу о шутке. Джей Калам ее оценит. Потому что он тоже очень скоро будет смеяться, а его тело превращаться в зеленую гниль.

Однако сквозь смех он ничего не мог сказать.

— Джон! — услышал он испуганный крик Джека Калама.

— В чем дело? Ты нездоров?

Джей Калам помог ему подняться на ноги, он держал его, пока тот не смог прекратить смеяться и вытереть слезы.

— Шутка! — прохрипел он. — Роскошнейшая шутка! Люди смеются, умирая!

— Джон! Джон! — Голос его был слаб от невыразимого ужаса. — Джон, что случилось?

Надо было что-то сказать Джеку еще. Что-то, что не было бы таким смешным. Он вновь затрясся от смеха и всхлипываний.

— Джей, — сказал он наконец, — я схожу с ума. Это красивый газ. Я чувствую его на коже и не могу прекратить смеяться, хотя понимаю, что это на самом деле не смешно. Ты должен взять управление. И пусть Хал запрет меня в камере.

— Зачем?

— Пожалуйста, заприте меня! Я могу причинить вред даже Аладори... И спасайте Систему!

Смех вернулся. Он повис на шее Джей Калама, хныча:

— Подожди немного, Джей! Я расскажу тебе шутку. Такую смешную-смешную! Миллионы людей смеются и одновременно умирают. Даже маленькие дети смеются, а плоть у них гниет. Это самая замечательная шутка, Джей. Космическая шутка над всей человеческой расой.

Смех одолел его. Содрогаясь, он рухнул на пол.

Следующее, что он осознал, это то, что привязан к койке в каюте, а Жиль Хабибула промывает его тело бледным свечущимся голубым раствором, очевидно, тем самым, которым пользовался немногословный врач Адама Ульмара в Пурпурном Холле, очень давно, когда он получил ожог красным газом.

— Жиль, — прошептал он, и голос его был хриплым и тихим.

— Да, дружище, — засопел, улыбаясь, Жиль Хабибула. — Ты меня, наконец-то, узнал, дружище. Смертельные времена мы из-за тебя пережили. Не смейся больше, обещай старому Жилю.

— Смеяться? Над чем я не должен смеяться?

Он смутно припомнил некую замечательную шутку, но что это была за шутка, он не мог сказать.

— Ни над чем, дружище, — с облегчением выдохнул Жиль. — Все это пустяки. И ты опять станешь на свои жалкие ноги, дружище, к тому времени, когда мы прибудем в Систему.

— В Систему? Да, я помню. А что, Джей считает, что мы можем уйти от черного флота?

— Ах, дружище, мы давно от него оторвались. Мы подлетели поближе к красному карлику. Они не смогли последовать за нами. Его гравитационное поле остановило у них механизмы управления. Некоторые из них упали на него. Как

мы прошли — смертельно близко! Ах, коварную борьбу нам пришлось вести с ними, чтобы оторваться, дружище!

— Так, значит, я смеялся? Вспомнил! Я думал, что меня прикончит красный газ. Однако теперь это не кажется таким смешным. Я что, снова здоров, Жиль?

— О да, похоже, дружище. Адам Ульмар дал нам этот раствор. Эти твари сделали его по рецепту, который он им дал, пока ремонтировали корабль. Он нейтрализует газ. Если им не дышать смертельно долго. Жуткие зеленые чешуйки несколько дней назадсыпались с твоей кожи. Но мы боялись, что ты...

— А кто-нибудь из остальных?

— Да, дружище. — Сопящий голос упал. — Наша драгоценная девочка...

— Аладори? — В голосе Джона Стара хрипло звучала боль.

— Все остальные этого избежали?

— Мы воспользовались этим раствором. Это случилось, когда ты, дружище, вел нас через жуткий Пояс Смерти. Пожале, это шок от излучения.

— Что с ней?

— Не знаю, дружище. — Он покачал головой. — Злая зелень уже вся очистилась с ее драгоценной кожи, однако, она по-прежнему сама не своя. Она лежит, как лежал ты, в мертвом трансе, и нам ее не разбудить. Она смертельно устала и ослабела. Ты же видел, как ей досталось!

Ах, дружище, это плохо, смертельно плохо! Если она не проснется, она не сможет смонтировать это смертельное оружие. И вся наша возня окажется напрасной. Ах, что за коварные времена! Я люблю эту девочку, дружище. Знает жизнь, как мне не хотелось бы видеть ее смерть!

— Я... я... — прошептал Джон Стар в агонии отчаяния и страха. — Я тоже люблю ее, Жиль.

И он всхлипнул.

Когда они добрались до дальних пределов Системы, прошли мимо Плутона и Нептуна, Джон Стар опять смог вернуться на мостик. Все знакомые планеты, которые они

видели в телеперископ, были окутаны жутким красным туманом. Даже Земля была тусклой зловещей малиновой испаркой.

— Красная, — прошептал Джей Калам. В его безжизненном голосе был ужас. — Воздух каждой планеты полон красного газа. Я боюсь, мы слишком опоздали, Джон.

— Даже если бы и не опоздали, — горько прошептал Джон Стар. — Аладори не лучше.

— В любом случае, мы сядем на Землю, найдем кусок железа. И будем ждать. Возможно, она проснется до того, как умрет последний человек.

— Возможно. Хотя Жиль говорит, что пульс у нее... — Он замолчал, потом яростно пробормотал: — Она не может умереть, Джей, не может!

Они проскользнули пятью днями позже мимо Луны, направляясь к Земле. Аладори по-прежнему лежала без сознания. Ее сильное сердце и дыхание невероятно замедлилось. Хрупкое тело, ослабевшее от истощения, плена и пыток, от многомесячного вдыхания красного газа, отчаянно боролась за жизнь. Остальные следили за ней, содержали ее в тепле. Они промывали ее слабое тело нейтрализующим раствором, помогали ей глотнуть воды, когда она была в состоянии. Больше ничего они сделать не могли.

Луна представляла собой красный угрожающий мир Джон Стар посмотрел на нее в телеперископ.

Нагие еще до рождения человека горы ее были теперь окружены смертельным пурпурным газом. Новые человеческие города представляли собой груды безжизненных руин. На голом лавовом плато он увидел город медузиан.

Неземная цитадель! Реплика черного метрополиса на из собственном обреченном спутнике. Зловещие стены и башни из черного высокопрочного сплава, усеянные фантастическими черными машинами — инструментами науки, пережившей бесчисленные века, покорившей многие миры.

— Их орды ждут там, — мрачно сказал Джей Калам. — Вырабатывают красный газ. Бомбардируют планеты

снарядами с ним. И там размещен флот вторжения. Если они нас обнаружат...

Его голос затих. Он увидел то, что в этот миг потрясло и Джона Стара. Яркую вспышку зеленого холодного пламени над черной посадочной площадкой. Поднимался черный корабль, чтобы следовать за ними к Земле.

— Возможно, уже обнаружили. Однако у нас есть время, чтобы опуститься раньше и найти кусок железа.

— Но Аладори по-прежнему в этом жутком трансе. Пока она не проснулась и не смонтировала АККА, у нас нет оружия.

Они понеслись вниз, в сторону красной туманной Земли, со страхом глядя на черный корабль-паук, несущийся за ними под малиновой Луной.

ЗЕЛЕНИЙ ЗВЕРЬ

«Пурпурная Мечта» опускалась в атмосфере Земли, которая приобрела теперь ядовитую красноватую дымку, на западе Северной Америки на площадку возле Зеленого Холла, на коричневый участок под зубчатым, в милю высотой, Сан-Диасом.

Джон Стар сам добровольно вызвался покинуть крейсер и поискать железо. На борту корабля, с тех пор как они вернулись, железа не было. Космический корабль был немагнитным, поскольку магнитные поля интерферировали с геодинами. И медузиане, восстанавливая корабль, сняли с него все немногие детали из железа и стали.

— Принеси его, — сказал Джей Калам и дал ему старый кинжал-шип. — И будь осторожен, если встретишь людей. Они будут безумны и опасны. И торопись. Мы должны раздобыть железо и побыстрее удрать куда-нибудь, прежде чем придет черный корабль. Надо спрятаться и ждать пробуждения Аладори.

Выпрыгнув из воздушного шлюза, Джон Стар с ужасом смотрел на то, что осталось от гордой и величественной столицы Системы.

Небо было затуманено алой дымкой, сквозь которую кроваво-красным злым светом пылало полуденное солнце. Под этим смертоносным свечением голые места и зубчатые горы выглядели чужими и мрачными, и невероятно одинокими.

Зеленый Холл был разрушен огромным снарядом с Луны.

На краю площадки, где некогда был широкий ухоженный газон, разверзся рваный кратер, окаймленный сырой, изодранной скалой. За воронкой находились колоссальные развалины зданий. Гора битого изумрудного стекла, из которой торчали ржавые прутья стального каркаса. Мгновение он не двигался, пораженный ужасом. Затем, вспомнив о необходимости спешить, он бросился вперед сквозь ряды кустов, мимо голых скелетов деревьев, погибших, должно быть, от жидкого газа, по мертвым газонам, заваленным камнями, прилетевшими из кратера, и осколками зеленого стекла.

Странно, заметил он вскоре, как трудно оказалось найти хотя бы с ноготь железа в этом месте. Он находил многочисленные металлические предметы: бронзовое основание лампы, маленькую статуэтку, отлитую из свинца, разбитый алюминиевый остов аэросаней. Даже огромная стальная балка свисала со здания, разумеется, слишком тяжелая для переноски.

Он спешил, отчаянно выискивая на пострадавшей земле хоть кусочек железа, достаточно маленький для транспортировки, время от времени бросая испуганные взгляды на малиновое небо. Если медузиане заметили их, если черный корабль шел для того, чтобы напасть...

Он обогнул большую груду битого зеленого стекла и оказался лицом к лицу с зеленым ужасом.

Это был человек. Огромный человек. Должно быть, он пережил дни ужаса исключительно благодаря грубой силе.

Примерно семи футов ростом, полуобнаженный, полуоблаченный в лохмотья, жалкие остатки формы Легиона, формы стражи Зеленого Холла. Кожа его представляла собой массу кровоточащих язв, усеянных и покрытых жесткой зеленой чешуей. Окаймленные красные глаза, затуманенные зеленью, смотрели с ужасного лица, едва видя его. С обнаженными клыками, что скалились в зияющей красной пасти, этот человек казался химерой. При виде человека-зверя, скорченного, оскаленного, рычащего, он почувствовал тошноту. Ибо это значило больше, чем судьба одного человека. Он олицетворял собой обреченность всего человечества, гибель его под натиском старейшей и более жизнеспособной расы, мудрой, смелой расы, много раз жестоко проверенной на живучесть. Он невольно вскрикнул при виде этого зеленого рокового зверя. Затем, осознав опасность, он попробовал ускользнуть. Но зверь уже знал о нем. Он издал странный полуголосовой вопросительный звук — хриплый, однотонный и пронзительный, ибо голосовые связки, очевидно, уже разложились. Туманные глаза в красных кольцах всмотрелись и обнаружили его. Зверь пошел, оступаясь и волоча ноги.

— Ни с места! — резко вскричал Джон Стар. В голосе его была паника.

Эффект от этой резкой команды был странным. Так как волочащая ноги тварь внезапно проявила военную дисциплину. Она жестко подняла невообразимую зеленую лапу, отдавая честь. Однако это была не более чем механическая реакция, оставшаяся от забытой человеческой сущности. Она снова вернулась в прежнюю позу и неуклюже побрела к нему.

— Внимание! — закричал он. — Стой!

На мгновение зверь замедлил движение, затем пошел вперед быстрее. Бессвязные, протестующие звуки изливались из безгубого рта. И Джон Стар стоял, ослабев от ужаса и пытаясь понять эти крики, пока они не сменились

внезапно страшными животными и зверь не перешел на неуклюжий оступающийся бег.

Он понял, что зверь облюбовал его себе в пищу. Он быстро огляделся в поисках пути к спасению. С волной тошноты он понял, что попал в ловушку. Животная хитрость еще не исчезла. За спиной у него возвышались горы зеленого битого стекла. Надо было встречать опасность лицом к лицу. Да, у него был черный шип. Однако он знал, что не настолько силен и едва оправился от долгой болезни. А этот дикий завывающий зверь, видимо, в два раза превосходил его весом. Очевидно, зеленая гниль еще не убавила у него сил.

Когда они схватились, он надеялся, что приемы рукопашного боя, усвоенные в Академии Легиона, восполнят недостающие силы. Но, когда когтистая, в зеленой чешуе лапа схватила запястье руки, в которой был кинжал, в настоящий жесткий захват, он сразу понял, что перед ним действительно бывший легионер. Безумный мозг еще не забыл, как надо бороться.

Кинжал выпал из парализованной руки. Вонючие зеленые руки сдавили его в сокрушительных объятиях. Затем тварь применила еще один прием — колено в спину, другое вокруг бедра. Плечи изгибаются, изгибаются, пока не сломается хребет. Он безуспешно боролся в безжалостном захвате, ослепший от боли и страха. Твердые зеленые чешуйки царапали тело, запах гниения вызывал тошноту. Он слабел и чувствовал, как уплывает сознание. Обнаженные клыки впились в плечо. Тварь испустила злобный вой. Она была голодна.

Отчаяние вернуло ему хладнокровие и выдержку. Сквозь туман боли он вновь почувствовал себя в Академии. Он ощущал запах пота, кожи и втертого спирта. Он услышал скучный носовой монотонный голос инструктора:

— Изогнись всем телом, так, вдави локоть в солнечное сплетение, так, руку просунь сюда, так, теперь сомкни ноги и поворачивайся.

Он сделал так, как шептал в памяти сухой старый голос, едва сознавая, где он находится, едва понимая, что лишь так сможет избавиться от мучительной боли и получить свободу для поисков кусочка железа.

Раздался треск!

Он медленно поднялся возле дрожащей массы зеленоватой гнили. Он побрел вокруг руин разрушенного Зеленого Холла, осматривая изрытую землю. Надо спешить. Если прилетит черный корабль... Его внимание привлекла детская игрушка. Маленький сломанный детский паровозик, которому уже не бегать по тоненьким рельсам. Однако, возможно, ему удастся спасти Систему.

Он выломал из него ось, убедился, что она из славного серого железа и поспешил обратно к крейсеру.

Взобравшись на груду битого зеленого стекла, он оглянулся и увидел черный корабль-паук. Тот несся в красном туманном небе. Он был уже очень близко.

Перейдя на спотыкающийся усталый бег, Джон Стар приблизился к «Пурпурной Мечте». Крошечная серебристая торпеда-пигмей в тени огромного, с черными лопастями аппарата, спускающегося над темным Сан-Диасом на жарких зеленых струях. Он был над кратером, в четверти мили от них.

В сердце, как игла, колола боль истощения. Он безнадежно бежал, спотыкаясь. Крейсер был безоружен. Оружие черного корабля могло аннигилировать его в один миг.

На бегу он различил маленькую группу, появившуюся на опущенном люке воздушного шлюза и торопливо опускающую трап, Джей Калам, Хал Самду, Жиль Хабибула — он узнал их — несли неподвижное тело Аладори.

Люк закрылся над ними. Адам Ульмар не появился.

Они побежали прочь от крейсера! Очевидно, он готовился к старту, и возле управления был Адам Ульмар. Но зачем?

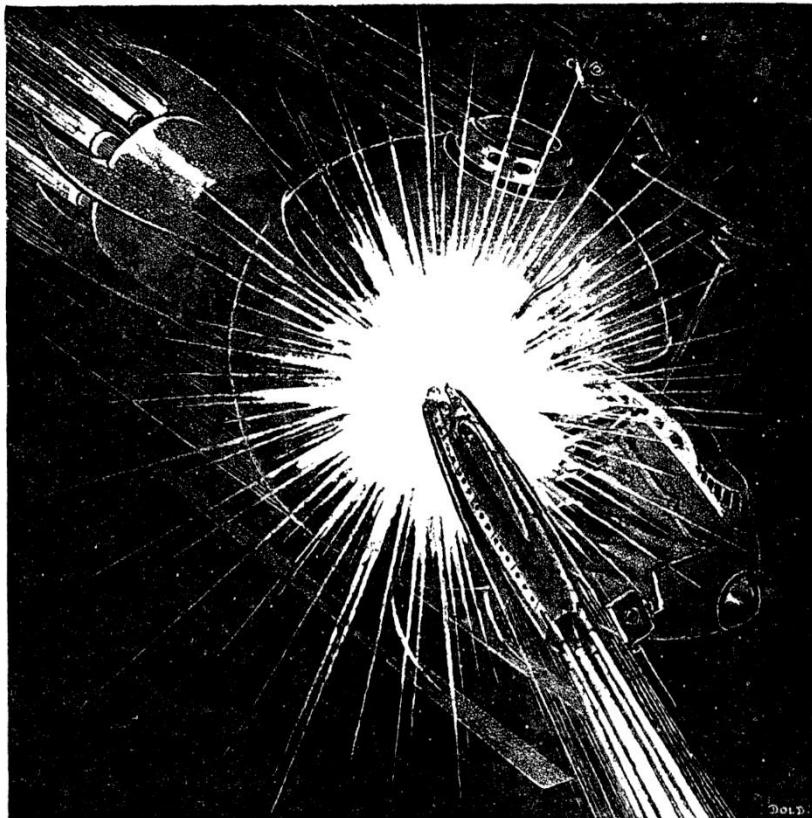
Продолжая бежать, Джон Стар вспомнил свои старые сомнения. Неужели его знаменитый родственник опять

сменил курс? Неужели он высадил остальных, чтобы вернуться к медузианам?

Джон Стар не мог поверить в это. Адам Ульмар не был предателем. Но...

Затем «Пурпурная Мечта» тронулась с места. Она бросилась вперед с такой стартовой скоростью, какой он никогда не видел. Она помчалась так быстро, что он на миг потерял ее из виду. Он увидел ее снова — она неслась к кораблю-паку, и корпус ее уже светился.

Когда он понял, что движет ее не сравнительно слабая сила дюз, а ужасная мощь геодинов, она врезалась в круглое черное брюхо вражеского корабля со вспышкой слепящего света.

Горящий черный захватчик падал с красного неба с неожиданной неторопливостью. Он врезался в пустынные темные склоны Сан-Диаса, покатился по ним, по-прежнему похожий на чудовищного паука, но уже в медленной агонии смерти.

Застарелые сомнения Джона Стара исчезли.

— Ты теперь последний Ульмар, — приветствовал его Джей Калам. В его голосе было новое мрачноватое уважение. — Адам Ульмар сказал, что должен возвратить долг, и велел мне, чтобы я сказал тебе, Джон Ульмар, что он надеется, ты будешь счастлив в Пурпурном Холле.

Джон Стар опустился на колени возле неподвижной белолицей девушки и в тревоге прошептал:

— Аладори? Как она?

— Ах, дружище, — пробормотал печально Жиль Хабиула, поправляя подушку под ее головой. — Похоже, ей не лучше. Не лучше! Это тот же злобный транс, в котором она провела эти смертельные недели! Она может никогда не проснуться. Ах, бедная девочка!

Из рыбьего глаза выкатилась слеза.

Они попытались устроить ее поудобнее под маленьким кровом, сооруженным из ветвей расщепленного дерева. Они нашли грубые дубины, чтобы защитить ее от зеленых тварей. Хал Самду и Жиль Хабиула отправились на поиски еды и воды. Они вернулись в тусклых малиновых сумерках с пустыми руками.

— Смерть моя! — ныл Жиль Хабиула. — Мы потерялись в ужасной пустыне, в мертвых руинах, без продуктов и воды для себя и для девочки! Ах, я, несчастный! И жуткие воющие твари рыщут вокруг нас и охотятся за жалкой человечиной! Ах, что за коварные времена!

В алом закате взошла Луна — огромный кроваво-красный шар над рваными стенами Сан-Диаса. И они увидели на ее пятнистом и зловещем лице гроздь маленьких черных пятнышек, растущих, расширяющихся. Маленькая стая

черных насекомых, которые уверенно и зловеще становились большими.

— С Луны идет флот, — прошептал Джей Калам. — Так как один корабль не вернулся, целый флот кораблей-пауков идет, чтобы убедиться в нашей гибели. Они будут здесь через час.

АЛАДОРИ

— Она должна проснуться, — прошептал Джон Стар. — Или никогда больше не проснется.

— Боюсь, что так и будет, — согласился Джей Калам. — Мне представляется, что они разрушат все плато этими атомными снарядами. Для уверенности, что мы им больше не помешаем. Однако у нас нет другого выхода.

— Она должна проснуться! — опять пробормотал Джон Стар. С неожиданной решительностью он поднял Аладори. Тело ее было вялым, безвольным. Глаза закрыты, бледные полные губы слегка раскрыты, прекрасная кожа очень белая. Он едва чувствовал ее пульс. Дыхание было очень медленным. Она была в глубокой коме и пребывала в ней очень долго.

Такая красивая и такая неподвижная! Он сильно сжал ее в объятиях, с вызовом глядя на зловещую, в красных и черных пятнах Луну. Она не может умереть! Она была его! Навсегда его! Такая теплая, такая дорогая! Он не мог дать ей умереть!

Нет! Нет! Она должна проснуться и воспользоваться своими знаниями для монтирования оружия и уничтожения угрозы с этой красной Луной. Он должен разбудить ее, чтобы она была с ним навсегда!

Он бессознательно шептал ей это. И теперь, в отчаянном призыве, он говорил громче. Он взывал к ней без особой

надежды, пытаясь проникнуть сквозь кому, чтобы внушить ей отчаянную необходимость проснуться.

— Аладори! Аладори! Ты должна проснуться! Ты должна! Ты должна! Медузиане идут, Аладори, чтобы убить нас опаловыми солнцами. Ты должна проснуться, Аладори, чтобы смонтировать оружие. Ты должна проснуться, Аладори, чтобы спасти то, что осталось от Системы. Ты не можешь умереть, Аладори, не можешь, потому что я люблю тебя!

Он уже верил, что его призыв проник в спящий разум. Возможно, уже проник, или, возможно, как предположил бы ученый-медик, это была раздражающая стимуляция красного газа за пределами «Пурпурной Мечты». Это несущественно.

Она слабо чихнула и тихо прошептала:

— Да, Джон, я тоже люблю тебя.

Он едва не выронил ее, и она проснулась окончательно, с тревожным испугом глядя на окружающее.

— Где мы, Джон? — прошептала она. — Не на этой планете?

Она в ужасе уставилась на красную луну в красном небе.

— Нет, мы на Земле. Ты можешь побыстрее закончить оружие до прихода медузиан? Мы принесли детали, которые ты подготовила у реки.

Она встала, изумленно оглядываясь, неуверенно цепляясь за руку Джона Стара.

— Неужели это Земля, Джон, под этим ужасным небом? А это Луна?

— Да. А эти черные пятнышки — корабли-пауки медузиан. Они идут, чтобы убить нас.

— Ах, девочка проснулась! — радостно засопел Жиль Хабибула. И Джей Калам торопливо приблизился к ней с маленьким незаконченным прибором, который Аладори смонтировала на другой планете и который был бесполезен без кусочка железа.

— Ты можешь его закончить? — спросил он, становясь спокойным и серьезным. — Побыстрее? Прежде, чем они придут?

— Да, Джей, — сказала она так же спокойно, похоже оправившись от первого потрясения. — Если мы найдем кусочек железа...

Джон Стар достал сломанную ось от игрушечного паровозика. Она взяла ее в нетерпеливые пальцы и быстро осмотрела.

— Да, Джон, это сгодится.

Закат на западе был красным. Опускалась призрачная ночь. Под красной взошедшей луной четверо стояли вокруг Аладори и ее оружия в напряженном ожидании и страхе. Они были одни на плато, застывшем в жутком свете. За ними находился разрушенный Зеленый Холл, страшный скелет погубленных человеческих надежд, жуткий и спокойный на фоне зловещего сияния. Перед ними пологим склоном уходило к зубчатому Сан-Диасу плато под зловещей луной.

Над ними повисла тишина. Благоговейная тишина мира, преданного и погубленного. Лишь одно нарушало ее — жуткий надрывный вой боли и ужаса в руинах.

— Что это? — дрожа, прошептала девушка.

Это было уже что-то нечеловеческое, столкнувшееся с другим голодным зверем. Джон Стар знал это, но не сказал ничего. Аладори занималась оружием. Крошечная вещь, она выглядела довольно простой, очень грубой и совершенно бесполезной. Части ее крепились к узкой дощечке, водруженной на грубую треногу, так что прибор можно было поворачивать и нацеливать.

Джон Стар осмотрел его и совершенно ничего в нем не понял. Он вновь подивился его простоте. Неужели, подумал он, такая штука может противостоять ужасной древней науке медузиан? Две маленькие металлические пластины с отверстиями, так что можно было смотреть сквозь их центры. Проволочная спираль между ними, соединяющая их.

Одна из пластин имеет желоб, в котором скользит кусочек железа. Их можно соединить маленькими винтиками. Грубый выключатель — возможно, чтобы переключать ток к противоположной пластине, поскольку иных источников питания видно не было.

И это все.

Аладори поставила винтики, куда следовало. Затем она нагнулась, взглядываясь сквозь крошечные отверстия в пластинах на красную луну и на черные пятнышки вражеских кораблей. Она прикоснулась к выключателю и выпрямилась, глядя вдаль с сосредоточенным любопытством на бледном лице.

Джон Стар смутно ожидал от аппарата каких-либо проявлений деятельности, возможно, необычных лучей. Однако ничего подобного не было. Даже искорки не проскочило, когда замкнулась цепь.

В какой-то миг показалось, что он, возможно, по-прежнему безумен. Совершенно невероятно, чтобы такой крошечный и такой простой, что сделать его по силам и ребенку, прибор смог сразить медузян. Могучие победители неведомых планет из неведомых веков. Что им может грозить?

— А оно не... — прошептал он нерешительно.

— Подожди, — сказала Аладори. Голос ее был совершенно спокоен, без следа слабости или усталости. Как и в ее лице, в нем было что-то странное. Сосредоточенность. Холодная бесстрастная властность. Он был абсолютно уверенным. Без страха, без ненависти, без восторга. Он был похож на голос богини.

Джон Стар невольно сделал шаг назад.

Они ждали, глядя на крошечные черные пятна, летящие и растущие на фоне зловещей Луны. Возможно, они ждали секунд пять. И черный флот исчез. Не было ни взрыва, ни пламени, ни дыма, ни видимых разрушений. Флот попросту растворился. Они напряглись, утратив способность дышать от внезапного облегчения.

Аладори пошевелилась, прикоснувшись к винтикам и к выключателю.

— Подождите, — сказала она еще раз, и голос ее был по-прежнему ужасно, божественно спокоен. — Через двадцать секунд... Луна...

Они глядели на красную и грозную Луну. На спутник Земли в течение тысячелетий, юную, вероятно, по сравнению с медузианами. А теперь — базу их оккупационных сил, дожидающихся захвата планет.

Почти не отдавая себе отчета, Джон Стар считал секунды, затаив дыхание, глядя на красное лицо рока. Теперь не человеческого, а самих медузиан.

— 18... 19... 20...

Ничего не случилось. Сминающий дыхание, ломающий душу миг сомнений. Затем красное свечение в небе погасло.

Луна исчезла.

— Медузиане, — прошептал Джей Калам, — медузиане исчезли. — Он словно уверял себя в невозможном. Долгий миг тишины, и он прошептал еще раз:

— Исчезли! Больше они никогда не отважатся.

— Я ничего не вижу! — закричал Джон Стар. — Как они...

— Аннигилированы, — сказала Аладори необычайно серьезно. — Даже материи, из которой они состояли, в нашей вселенной больше не существует. Она не существует больше в том пространстве и времени, которые мы знаем.

— Но как?..

— Это моя тайна. Я никому и никогда не скажу, кроме избранных, которые будут ее хранить после меня.

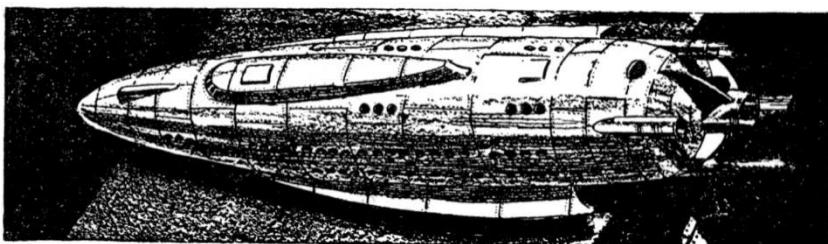
— Смерть моя! — засопел Жиль Хабибула. — Ах, наконец-то, злосчастная Система спасена. Ах, жизнь, моя милая! Как все-таки отчаянно трудно было ее спасти. Ты должна быть осторожна, девочка, чтобы опять не попасть во вражеские руки. В своей сладкой жизни старому Жилю никогда больше не удастся пройти через все это. Ах, я, несчастный! И мы остались посреди пустыни, в полной тьме, и даже Луна больше никогда не поднимется.

Голос его срывался от напряжения, не покидавшего их.

— Джон! — прошептала Аладори — это больше не был голос богини. Серьезность исчезла. Теперь это был человеческий, слабый и дрожащий зов. Джон Стар нашел ее во тьме. Он усадил ее, и она заплакала на его плече счастливыми слезами облегчения.

— Ах, девочка! — застонал Жиль Хабибула. — Подходящая у тебя причина плакать. Мы все еще настрадаемся без смертельного кусочка пищи.

«Зеленый Защитник», новейший крейсер Легиона Пространства, примерно год спустя прилетел в форт на Фобосе. Хотя снаряд с красным газом попал на этот крошечный спутник Марса, огромное здание не пострадало. Нейтрализующий раствор был предоставлен тем, кто получил какой-нибудь вред. Он также был распылен и связал красный газ в безобидные окислы, пока темное небо крошечного мира не оказалось очищенным от последних остатков красного.

Крейсер опустился на посадочную площадку, которая увенчивала центральную пурпурную башню. Новый командор сошел с трапа, и Джон Стар нетерпеливо двинулся к нему навстречу. Поздоровавшись, они помолчали, глядя на роскошную зеленую окружающую местность на крошечной планете, печально вспоминая минувшие события, когда они были здесь вместе и похитили «Пурпурную Мечту».

— Не осталось ни следа вторжения, — заметил Джей Калам.

— Да, командор, — ответил Джон Стар, едва заметно улыбаясь при этом слове. — Во всей вселенной ни одного случая

безумия, оставленного без лечебного вмешательства. Я знаю. И красный газ исчез из воздуха. Это уже история.

— Замечательное государство, Джон. — Глаза Джека Калама рассматривали с восхищением густо-зеленый покатый ландшафт. — Мне кажется, лучшее в Системе.

Лицо Джона Стара затуманилось.

— Мне пришлось взять на себя эту ответственность. — Голос его был почти горек. — Но мне бы хотелось быть в Легионе, Джей. Вместе с Халом и Жилем. Хотелось бы снова оказаться в гвардии Аладори.

Джей Калам улыбнулся.

— Ты влюблен в нее, Джон?

Он кивнул.

— Был... Да и сейчас влюблен. Я надеялся, до той ночи, когда она применила АККА. Тогда я понял, какой же я был дурак. Она богиня, Джей. Кроме тайны, у нее могущество и ответственность. В ту ночь я увидел, что у нее не может быть времени для... для любви.

Джей Калам по-прежнему серьезно улыбался.

— А тебе когда-нибудь приходило в голову, Джон, что она всего лишь девушка? Хотя, быть может, это интересно — уничтожать планеты, однако она не может делать этого постоянно. Она рискует остаться в одиночестве.

— Конечно, — устало признал Джон Стар, — у нее должны быть другие интересы. Но она была... просто богиня! Я не мог ее спросить. Как бы там ни было, я никогда не смогу добиться ее.

— Почему ты так думаешь, Джон?

— Есть одна причина. Мое имя Ульмар. Я не мог просить ее забыть об этом.

— Но имя может тебя больше не беспокоить, Джон. Зеленый Холл, узнав о твоей доблестной службе, официально изменил твое имя на Джон Стар. Мы для этого и прилетели, чтобы сказать тебе об этом.

— Да? — прохрипел он.

И тут из воздушного шлюза вышла Аладори, а за ней Жиль Хабибула и Хал Самду. Лицо ее было сдержанным, глаза холодными и серьезными, и солнечный свет создавал чудеса — рыжие, золотые и коричневые — в ее волосах. Она вопросительно и насмешливо посмотрела на Джона Стара.

— Поскольку Пурпурный Холл наша самая надежная крепость в Системе, — поспешил пояснил Джей Калам, — Зеленый Холл просит тебя принять ответственность за охрану Аладори Антар.

— Если пожелаешь, Джон Ульмар, — мерцая глазами, добавила девушка.

У него пересохло в горле. Он искал в золотистом тумане слова и, наконец, с усилием пробормотал их:

— Я желаю. Однако меня зовут, мне кажется, Джон Стар.

Серьезная, если не считать глаз, она сказала:

— Я буду называть тебя Джон Ульмар.

— Но ты говорила...

— Я передумала. Я доверяю только Ульмару. Более того...

Она внезапно оказалась слишком занята, чтобы закончить фразу.

— Ах, я, несчастный! — заключил Жиль Хабибула, с одобрением глядя на парочку. — Это ясно, что нам здесь рады, особенно девушке! Смертельно ясно! Ах, и для бедного старого солдата Легиона это местечко, кажется, вполне подходит, чтобы провести в мире оставшиеся годы. Кухня и погреб построены здесь пропорционально всему зданию. Ах, Хал, может, ты забудешь о своей драгоценной гордости за все эти медали и украшения, которыми обвешал тебя Джей с тех пор, как Зеленый Холл сделал его командиром Легиона? Если бы ты это сделал, мы смогли бы поискать где-нибудь смертельный кусочек еды.

КОМЕТЧИКИ

УЗНИК ФОБОСА

Фобос вращался одновременно с Землей, ибо древние покорители этого спутника Марса изменили скорость его обращения соответственно своим имперским интересам. Они покрыли это мертвый камень живой зеленью, окутали искусственным воздухом и правили планетами из его дворца, словно плененными островами.

Однако их гордые космические флотилии были разбиты и забыты задолго до этих лет середины тридцатого столетия. Все человеческие острова вокруг Солнца вновь были свободны, и самый молодой наследник увядшей памяти утраченной Империи был неустанным узником в грандиозном Пурпурном Холле.

Ночь уже сменялась зловещей зарей, и длинный полумесяц Марса поднимался, словно окрашенный кровью серп, на фоне солнца. В его красноватом свечении отодвинулась стеклянная дверь, и он вышел в высокий центральный пилон, в обширный сад на крыше западного крыла.

Стройный молодой человек был одет в зеленую форму Легиона Пространства, без знаков различий и служебных украшений. С беспроколанным выражением на юношеском лице он остановился, чтобы осмотреть темное небо на западе. Вслед за ним в дверь проскочил другой человек в зеленом.

— Боб Стар, где?.. А, приятель, вот ты где! — Старый солдат пространства был приземист, лыс и толст, и китель его был увешан знаками отличия долгой карьеры, но сейчас не застегнут в спешке. — Неужели ты не мог подождать секундочку старого Жиля Хабибулу?

— Прости, Жиль. — Боб Стар быстро повернулся назад, и его тонкое, опаленное солнцем лицо потеплело от улыбки, причиной которой стал запыхавшийся, взъерошенный телохранитель. — Я попытался проскользнуть сюда, чтобы лишь разок взглянуть на небо. Неужели ты должен следить за каждым моим шагом?

— Ты же знаешь, что должен, — пропыхтел толстяк. — Хал и я получили приказание твоего отца: охранять твою жизнь ежесекундно. А великий Джон Стар — офицер, который требует дисциплины.

— Великий Джон Стар! — На миг горечь обострила голос молодого человека, когда он увидел на Лице собеседника выражение безоговорочной преданности. — Я допускаю, что мой отец действительно велик. — Он рассудительно кивнул. — Я знаю, что он герой жуткой войны и владелец Фобоса, а также муж моей матери. Но почему он содержит меня под охраной, как преступника?

— Прошу тебя, парень. — Жиль Хабибула, переваливаясь с ноги на ногу, подошел к нему, обходя кустарник, из которого и состоял этот сад на удаленном от Земли камне. Кустарник был привезен с родной планеты и аккуратно посанжен здесь. — Быть может, твой отец и строже, чем старый Жиль Хабибула, однако он всего лишь пытается сделать из тебя солдата. И ты знаешь, почему тебя надо охранять.

— Ради моей же безопасности. — Его плечо раздраженно поднялось. — Так сказал отец. Но я закончил Академию Легиона с достаточно высокими оценками. Я научился сражаться. Почему он не доверит мне защиту собственной жизни, как и всем прочим?

— Но ставка больше, чем твоя жизнь, дружище. — Жиль Хабибула быстро оглядел голые стены и отвел его чуть дальше от двери. — И грозит тебе больше, чем сыну Джона Стара. Для нас с Халом не секрет, что Совет выбрал тебя в качестве наследника материнского сокровища.

На загорелом лице Боба Стара отразилось понимание.

— Ты имеешь в виду АККА? — Голос его понизился в благоговении, когда он заговорил о великой тайне, известной под этим кратким символом. Самое драгоценное имущество объединенных человеческих планет, это было оружие для самого отчаянного случая, могущества столь огромного, что каждый законный хранитель его приносил клятву передать его только наследнику.

— Таковы твои будущие обязанности, дружище, — сочувственно вздохнул старик. — Самое благородное назначение, о котором может мечтать человек, — быть единственным носителем великого оружия, как твоя драгоценная мать. И охраняют тебя по приказу Совета с того дня, когда тебя выбрали. Мы с Халом горды служить тебе. Что в этом плохого?

— Однако сейчас я не храню никаких тайн, — снова за-протестовал он. — Никаких, за исключением того, что мать передаст мне АККА, когда врачи скажут, что для нее это больше небезопасно — а это, я надеюсь, случится лет через двадцать, не раньше. Неужели все это время я проведу в заточении?

— Быть может, приказ действительно излишне крут, — сочувственно кивнул лысый старик, — но что в нем неприятного? Что касается Фобоса — это просто кусочек рая. Мы имеем все удобства величайшего дворца в Системе. Не говоря уже о привилегии благородного погреба, наполненного известнейшими винами. Скажи мне, что в этом смертельно плохого?

— Вообще-то ничего. — Пальцы Боба Стара нервно поднялись, чтобы прикоснуться к шраму на лбу, бледному треугольнику, которого не коснулся загар. — Я понимаю, что обладание АККА — великая честь, хотя я не хочу этого. Однако сегодня ночью я не спал и размышлял о многом.

— Твоя голова? — Жиль Хабибула заметил его пальцы у лба. — Не в ней ли дело, дружище? Что, этот старый шрам вновь причиняет тебе боль?

Боб Стар, не отдавая себе отчета, опустил руку, и лицо его стало жестким. Старая боль не возвращалась — но только

потому, что не было случайя. Природа и последствия старой травмы были его тайной, охраняемой столь же тщательно, как он намеревался охранять и оружие, называемое АККА. Губы его молча сжались.

— Всего лишь плохое настроение. Я знаю, как с этим бороться! — Жиль Хабибула взглянул на него с надеждой. — Блюдо с ветчиной, мясом и яйцами, со свежим черным хлебом и кофейником, чтобы все это прошло получше. А после, может быть, яблочный пирог. Ты сегодня встал смертельно рано и вытащил бедного старого солдата из постели, даже не дав ему перекусить. Вернемся к завтраку!

— Позже, Жиль. — Боб Стар говорил отсутствующе, глядя в черное небо. — Сначала я хочу кое-что увидеть.

— Что бы ты ни искал там, это не следует делать на пустой желудок. — С неожиданной тревогой старый солдат стал смотреть в мрачное небо, и лицо его выглядело сейчас очень старым. — Но в чем дело, дружище? Ты слишком юн, чтобы выглядеть таким мрачным.

— Я не мог заснуть. — Боб Стар по-прежнему глядел в небо. — Я не знаю даже, почему. Однако окна у меня были открыты, и, пока я лежал там, я увидел вдруг что-то среди звезд.

— Что, дружище? — Сопящий голос Жиля Хабибулы зазвучал неожиданно внимательно. — Что ты там увидел?

— Всего лишь крошечную зеленоватую искорку, — медленно сказал Боб Стар. — В созвездии Девы, близ Виндемиатрикса. Не знаю даже, почему, но это подействовало мне на нервы. Она исчезла из виду, когда Марс стал подниматься. Я не знаю, что это было, однако хотел бы взглянуть с помощью телескопа.

Он пошел в направлении сияющего купола маленькой обсерватории, которую установил в конце сада — так, чтобы можно было наблюдать за звездами при посредстве электронных отражателей и собственного неутомимого ума, неизиная на заключение.

— Подожди, дружище. — Голос толстяка прозвучал острее. — Ты же не мог вытянуть бедного старого солдата Легиона из его жалкого сна для того, чтобы взглянуть на звезду?

— Но это не просто звезда. — Он повернулся к Жилю Хабибуле с хмурым выражением человека, которого вырвали из задумчивости. — Потому что несколько ночей назад ее там не было — я осматривал случайно тот же самый сектор неба, искал астероид, который, казалось, сбился с курса. Это не может быть новая — не с этим странным, бледно-зеленым цветом.

— Забудь об этом, парень, — настойчиво засопел старый легионер. — Любая звезда покажется коварной, если не по-завтракать.

— Я не знаю, что и думать. — Боб Стар с тяжелым чувством покачал головой. — Этот объект, когда я лежу и смотрю на него, притягивает меня. Он похож на глаз, глядящий на тебя. Он заставляет меня... бояться! — Он вздрогнул — через крышу потянуло ветром. — Я не знаю, почему, однако я действительно боюсь.

— Боишься? — Жаль Хабибула обратил на светлеющее небо торопливый рыбий взгляд. — Я не вижу, чего тут бояться. Мы же не трусы, парень. Ни ты, ни я. И уж особенно, когда в нас плещутся соответствующие напитки.

— Возможно, это комета. — По-прежнему хмурясь, Боб Стар повернулся к обсерватории. — Похоже на нее — я видел короткий след слабого туманного зеленого свечения, что не бывает у звезд.

Он неуютно пожал плечами.

— Но, в таком случае, будь это комета, ее давно заметили бы большие обсерватории. Этого не случилось — я прочитал все астрономические сообщения, делать-то больше нечего! Я не могу представить, что это, однако хочу взглянуть.

— Не надо, парень! — Сопящий голос обострился, и в нем была удивительная настойчивость. — Не надо шутить с судьбой.

— В чем дело? — Он резко взглянул на лицо старика, казавшееся побледневшим. — Что с тобой?

— Я уже имел неприятности, и они мне не понравились, — печально кивнул Жиль Хабибула. — Я знаю, что последний год был мирным, с тех пор как мы с Халом вернулись с тобой с Земли. Ах, счастливое время — работы немного, брюхо полное, сна вволю. А ведь мне пришлось пережить такое, от чего у тебя кровь застыла бы в жилах.

Боб Стар удивленно взглянул на него.

— Я знал смертельные времена, которые некоторые называют приключениями, — грустно продолжал он. — Я был с твоим отцом, с командором Каламом и Халом Самду двадцать с лишним лет назад, когда мы отправились к Убегающей Звезде, чтобы сражаться с коварными медузианами за твою дорогую мать и ее драгоценный секрет.

— Я знаю, — кивнул Боб Стар. — Вы четверо были героями, которые спасли оружие моей матери и спасли человеческие планеты. Но что тут общего с крапинкой зеленого тумана в небе?

— Только то, что с меня достаточно, — сказал старик. — Слушай, парень, слово доброго совета. Героизм доставляет чертовские неудобства. Забудь об этой чудовищной комете. Она может подождать, пока мои старые кости лягут на отдых вместо того, чтобы в последние дни тревожить меня такими жуткими разговорами.

Он покачал головой.

— Бедный старый Жиль! Стоит ему усесться с бутылкой вина в дрожащих пальцах, протянуть ноги у огня и приготовиться отойти к последнему жалкому сну, как появляется эта жуткая комета, чтобы разбудить его угрозой очередной звездной войны. Ах, во имя дорогой жизни...

— Звездная война! — Боб Стар схватил старика за рыхлую руку. — Значит, опасность не просто воображаемая! — Пальцы его сжались. — И ты знал о зеленой комете... Сколько времени?

Старик скривился и покачал головой.

— Нет, нет, парень, — пробормотал он поспешно. — Тут, на Фобосе, тревожиться не о чем. Просто ты смертельно рано вытащил меня из сна. Мои старые мозги еще слишком разомлевшие и ленивые. Не следует, дружище, обращать слишком много внимания на болтовню видавшего виды ветерана Легиона.

— Что ты знаешь о комете?

— Прошу тебя, парень! Я ничего не знаю! Во имя жизни...

— Слишком поздно, Жиль. — Его пальцы скжались крепче.

— Ты уже сказал слишком многое. Если не хочешь рассказать, в чем дело, и почему это скрывается от меня, я буду задавать неудобные вопросы.

— Прекрати, дружище! — застонал старик. — Не надо трясти меня, как подыхающую крысу.

Затаив дух в ожидании, Боб Стар отпустил его руку.

— Слушок в Легионе. У меня нет секретов от Совета, парень. И, между прочим, твой собственный отец велел нам держать это от тебя в секрете. Ты же не позволишь, чтобы старый Жиль проронил об этом хотя бы словечко?

— Мой собственный отец! — в голосе Боба Стара опять появилась горечь. — Он думает, что я слабак и трус.

— Нет, дружище, — пробормотал Жиль Хабибула. — Он просто боится, что тебя это встревожит, а также что это привлечет за собой смертельный шок, которого для тебя будет слишком много.

— Он мне не доверяет, — прошептал Боб Стар. — Однако расскажи мне об этой комете. В чем тут дело?

— Ты обещаешь, дружище, не говорить ему?

— Обещаю, — сказал Боб Стар. — Выкладывай.

Старый солдат осторожно отвел его по траве туда, где под укрытием росли белые франшипаны. Он тревожно поглядел на высокую крышу, на могучую центральную башню Пурпурного Холла, которая ожила в солнечном свете.

— Впервые эту страшную штукку увидели десять недель назад. — Его гнусавый голос превратился в шипящий шепот.

— Ее засекла большая наружная обсерватория на станции

Контр-Сатурн. Она двигалась в сторону солнечной системы со скоростью, от которой астрономы просто обалдели.

Он схватил руку Боба Стара.

— Но ты помнишь, парень? Не выдавай Жиля за то, что он распустил, свой глупый язык. Твой отец — жесткий человек. Хотя мы с ним и товарищи по великому путешествию к Убегающей Звезде. Ты помнишь?

— Я держу слово, — сказал Боб Стар. — Но что тревожного в этой комете?

— Она не похожа на другие, — сказал старик. — Это не какое-нибудь хрупкое создание из гальки и ионизированного газа, и оно больше, чем любая другая комета. Астрономы не знают, что это такое. Однако оно двенадцать миллионов миль в длину, дружище, вообрази себе! Чужеродное тело, несомое среди звезд космическим течением.

Боб Стар в изумлении шагнул назад.

— Понятно, — произнес он хрипло. — А что еще?

— Астрономы рвут на себе волосы, парень. Так сказал нам твой отец. Потому что эта штука нарушила все их расчеты. Движение ее совсем неправильное. Когда притяжение солнца должно было увеличить ее скорость, она остановилась!

Затуманенные, окаймленные красным глаза старика быстро оглядели сад, темное небо и торопливо вернулись к Бобу Стару. Того просто потрясло, что Жиль Хабибула напуган.

— Что же ее остановило?

— Об этом не знает никто в Системе. — Скрипучий голос стал тише. — Сейчас она просто висит сама по себе! До нее пять миллиардов миль — далеко за Плутоном. Это не движение кометы, Боб. Так может остановиться только космический корабль — если ты можешь представить себе космический корабль двенадцати миллионов миль в длину.

— Что еще? — Боб Стар стоял в напряжении — страх в нем смешался с возбуждением. — Что случилось потом?

— Это все, что я знаю. Еще, правда, то, что Совет встревожен. Тут их винить не за что! Затем-то и отзвали твоего отца на Землю, чтобы он встретился с ними в Зеленом Холле. Они установили цензуру на любые новости о комете — словно людям не может повредить военный секрет!

— Интересно, что они задумали?

— Это совершенно секретно, но мне известны слухи, которые ходят в Легионе. — Старик подозрительно оглянулся и осмотрелся. — Я полагаю, ты слышал о «Непобедимом»?

— Новый боевой корабль?

— Величайший корабль из построенных когда-либо Системой. — В голосе Жиля Хабиулы внезапно зазвучала гордость. — Тысяча футов в длину, вооружен вихревой пушкой — великое новое оружие, с помощью которой мы выиграли войну со Стивеном Орко. Почти такая же страшная штука, как секретное оружие твоей матери.

— Я знаю, — нетерпеливо прошептал Боб Стар. — Дальше.

— Я не храню особых тайн, парень, — проскрипел старый голос. — Все, что я знаю, — это слухи в Легионе. Однако я слышал, что на «Непобедимом» находится экспедиция, которая должна выяснить, что внутри этого зеленого облака движет кометой, как кораблем.

Толстые пальцы вцепились в рукав Боба Стара.

— Ты помнишь, парень? — взмолился Жиль Хабиула. — Ты не расскажешь своему отцу?

Боб Стар стоял очень прямой в своей форме без знаков отличий, его темная голова, открытая холодному и далекому солнцу, высилась теперь под тающим полумесяцем Марса. Пальцы правой руки поглаживали, как они делали часто, треугольный шрам на лбу. Загорелое лицо было озабоченным.

— Не волнуйся, Жиль, — сказал он тихо. — Я не скажу.

И вдруг он взорвался:

— Итак, мой отец велел тебе скрывать это от меня? Он боялся, что я не перенесу шока? А почему он не прикажет тебе баюкать меня на руках?

ХРАНИТЕЛЬ МИРА

Боб Стар снова спешил к куполу обсерватории. Жиль Хабибула торопливо переваливался следом, взглядываясь в черное небо и вздрагивая при каждом шорохе ветра в черепицах, словно его рыбы глаза уже увидели некоего неприятного посетителя, спускающегося с кометы на крышу.

Возле маленького купола Боб Стар помедлил. Он стоял у края крыши, возле низкого парапета из стекла пурпурного цвета. Вдали, под ним, простирался Фобос — маленькая луна, столь крошечная и угловатая, что казалась одиноким горным пиком под дворцом, плывущим в пространстве, оторванным от своего мира. Хотя она была зеленой от посаженных лесов и сияла искусственными озерами.

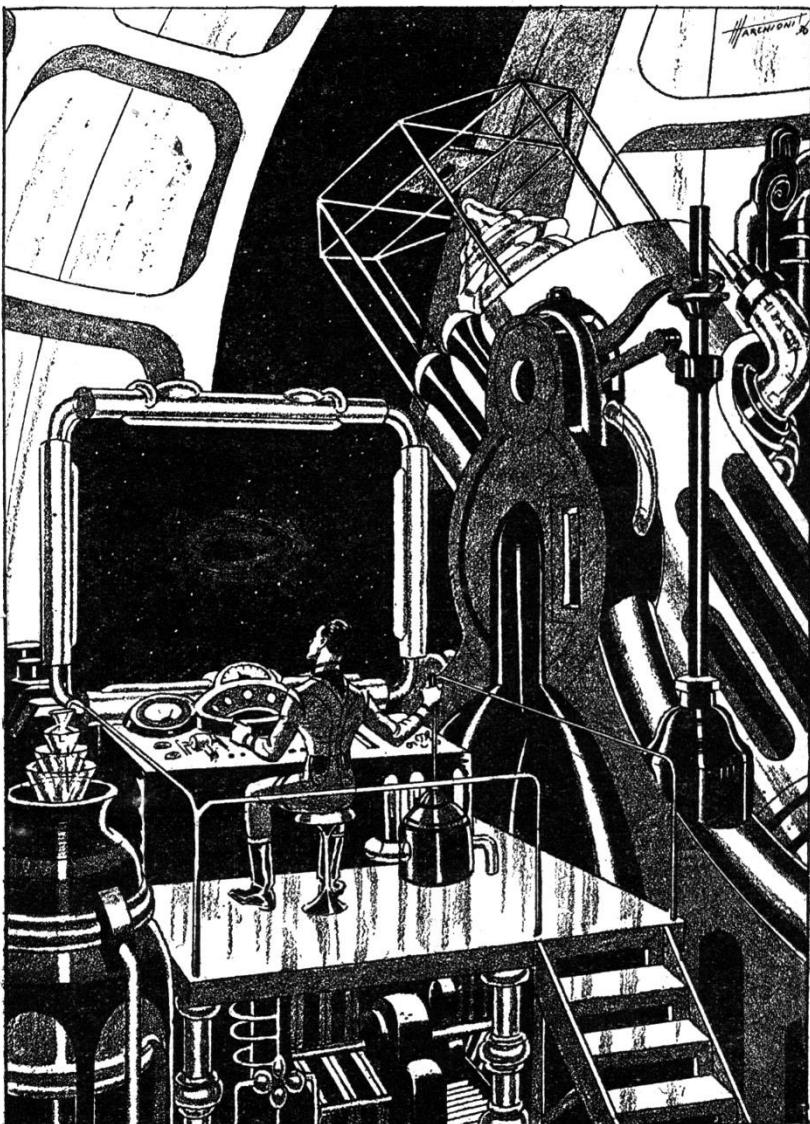
Он мог припомнить те времена, когда она для него была достаточно большой и красивой, чарующая победа планетарных инженеров, — ее узкие аллеи были полны любых нужных ему приключений. Но это было в детстве, прежде чем его отправили в Академию Легиона. Сейчас она была для него лишь местом заключения.

Жиль Хабибула уселся на солнышке на скамейку. Он покрылся в карманах расстегнутой формы и нашел небольшую пустую фляжку с мерной шкалой на боку. Он подержал ее против солнечного света, и глаза его хмуро взирали на единственную капельку любимого вина.

— Давай, давай, парень, — печально прошептал он. — Если тебе так уж необходимо глядеть в призрачное лицо смерти. Бедный старый Жиль подождет тебя. Он уже ни для чего не пригоден — может разве что жарить свои больные кости на солнце.

В прохладном сумраке обсерватории Боб Стар сел за телескоп. Его механизмы тихо гудели, быстро отвечая на его прикосновения. Огромная труба вращалась, обыскивая пространство фотоэлектрическим глазом, и бледный электронный луч пробегал по вогнутому экрану.

Боб Стар склонился к экрану. Это был колодец тьмы. В нем плясали белые точки. Он знал, что самая яркая — троекратно увеличенная звезда Виндемиатрикс. Поблизости от нее он обнаружил пятно бледно-зеленого цвета, странно размытое.

Он увеличил электронное умножение. Виндемиатрикс и дальние звезды выскользнули из поля зрения. Комета висела в одиночестве и быстро росла. Форма ее была удивительной — необычно совершенный эллипсоид. Он подумал, что она похожа на зеленоватый футбольный мяч, заброшенный в Систему из ночи космоса. Но кем?

— Двенадцать миллионов миль в длину, — хрипло пробормотал он. — Это значит, что это не может быть твердой материей. При такой низкой плотности оно должно быть полым. Но что внутри?

Воспользовавшись лучевыми фильтрами и спектроскопом, поставленными на полную мощность, он попытался проникнуть под смутную зеленоватую вуаль — безуспешно. Он вскочил на ноги и выключил прибор, беспокойно щелкнув пальцами. Он вышел наружу, туда, где сидел Жиль Хабибула.

— Бесполезно, — пробормотал он. — Я обнаружил облако вокруг нее, однако вглубь заглянуть не удалось.

Он вновь вздрогнул. Ибо никогда не приходилось видеть ничего столь же сверхъестественного и столь же непонятно-ужасного. Комета угрожала проклятиями тайн темных межзвездных пространств, из которых она явилась, и сама ее огромная величина гнетуще действовала на разум. Это было нечто вне мерок и масштабов человека, как человек непостижим для микроскопических инфузорий, кишащих в водяной капле.

— Ну что ж, парень, ты посмотрел на нее. — Жиль Хабибула радостно вскочил на ноги. — Лучшие астрономы в Системе не сделали ничего большего. Давай поедим прежде, чем нас постигнет кара.

Боб Стар молча кивнул. Его разум был по-прежнему отвлечен и не реагировал ни на что. Он находился на полпути назад по крыше, когда старый солдат вдруг остановился, так неожиданно показав на запад, как будто увидел саму комету.

Повернувшись, Боб Стар увидел белую стрелу, из которой вырывалось бледно-голубое пламя. Она двигалась по дуге над ржавым полумесяцем Марса и все увеличивалась в небе. В воздухе раздался хрустящий шепот. Черепица затряслась над волной звука. Серебряное веретено промелькнуло над головой, так близко, что он смог различить черные пятна наблюдательных портов и узнать «Звезду-Фантом».

— Мой отец. — Он почувствовал, как крыша слегка дрожит при спуске корабля на огромную площадку, что венчала центральную башню. — Он знает все о комете и о том, что предпринимает Зеленый Холл.

— Твоя мать ждет в Яшмовой Комнате, — сказал Бобу Стару стражник в коридоре. — Пришло ультракоротковолновое сообщение от Джона Стара. Он идет, чтобы встретить ее там.

Яшмовая Комната была огромной, ее высокие стены были облицованы яшмово-зеленым стеклом и полированым серебром. С двух сторон огромные окна выходили на темно-зеленый и ярко-серебряный ландшафт спутника. Пол и массивная меблировка были из венерианского красного дерева и отливали рубиново-красным.

Его мать, та, что прежде была Аладори Антар, сидела в огромном кресле, которое делало ее совершенно крошечной. Когда он вошел, она подняла на него глаза, и быстрая улыбка согнала тень тревоги с ее лица. Он подумал было, насколько серьезны должны были ее мысли, но она сказала только:

— Ты рано встал, сынок.

Он задержался возле дверей, чувствуя себя болезненно-неуклюже. Она была очень красивой, и он знал, что она старается быть добродушной. И все же, когда все напоминало ему о ее великой ответственности, она становилась личностью, слишком возвышенной и знаменитой, чтобы быть его матерью. Он нервно спросил:

— Отец идет сюда?

— Он только что приземлился. — Радость сделала ее опять человечной. Ему захотелось подбежать и обнять ее. Глаза его почему-то наполнились слезами. Он импульсивно двинулся к ней, однако услышал:

— Твой отец послал весточку с просьбой ждать его здесь, одной. Пожалуй, тебе лучше выйти, Боб, всего лишь на несколько минут.

Это остановило его. Он стоял, глядя на нее. Пальцы его свирепо скручивали полу кителя. Ткань выскользнула из пальцев, и он невидяще уставился в пол.

— Что случилось, Боб? — Покинув подобное трону кресло, мать быстро направилась к нему. — Что-нибудь не так? Почему ты так странно смотришь?

Она ласково взяла его за руку.

— Ты дрожишь. Ты болен?

Он затряс головой, гневно моргая сквозь слезы.

— Я не болен, — хрипло пробормотал он. — Если бы только ты не обращалась со мной так!

— Боб! — Ее лицо стало огорченным. — Я не хотела показаться недоброй...

— Ты слишком добра! — оборвал он ее грубо. — Но я хочу, чтобы мне доверяли. Я хочу иметь возможность жить, как мне хочется, — даже если это означает возможность погибнуть. Я не могу оставаться здесь взаперти, когда в мире происходят события. — Он сдержал всхлипывание. — Если ты хочешь быть действительно доброй, отправь меня исследовать комету на «Непобедимом».

Она быстро шагнула назад, внезапно побледнев.

— Я не знаю, как ты узнал... — Мгновение она молчала, потом печально покачала головой. — Я сожалею, Боб, — сказала она. — Я не представляла, что именно ты чувствуешь. Мы с Джоном очень горды, что тебя выбрали следующим Хранителем Мира. — Она вопросительно посмотрела на него. — Разве это не обещает тебе вволю опасностей?

— Но как я могу научиться противостоять опасностям? — устало спросил он. — Если ты и отец нянчитесь со мной, как с ребенком. Сторожите как заключенного!

— Надеюсь, мы не слишком тебя ограждаем. — Пододвинувшись к нему ближе, она, казалось, выжидала. — Есть... есть кое-что, что мне следовало бы рассказать тебе, Боб.

Он напрягся, внезапно уловив серьезность в ее голосе.

— Тебе известно, Боб, что в Академии ты получил блестящие отзывы — мы с твоим отцом очень горды этим. Только один студент закончил ее с более высокой оценкой. Это был Стивен Орко.

Он сморщился при этом имени, и пальцы его инстинктивно поползли к шраму на лбу.

— Когда ты обучался, Боб, командор сказал нам, что встревожен насчет тебя. Он думал, что ты слишком перенапрягся, пытаясь обогнать Орко. Он показал нам доклад медиков. Они сходились во мнении, что ты близок к нервному срыву, и порекомендовали для тебя год полного отдыха, прежде чем ты снова будешь привлечен к какой-нибудь службе. Он предупредил, чтобы мы ничего не говорили тебе о докладе, пока тебе не будет лучше.

Она обнадеживающе улыбнулась.

— Я уверена, что сейчас с тобой все в порядке, — сказала она. — Но ты здесь именно поэтому.

Боб Стар смотрел мимо нее, на окно и близкий изломанный горизонт.

— Мне повредило не то, что я перетрудился, — тихо прошептал он. — Это был Стивен Орко...

Однако мать уже не слышала его. Он повернулся и увидел, что в комнату вошел отец. Джон Стар четким шагом шел по широкому красному полу, стройный и подтянутый, и, как всегда, в зеленой форме Легиона.

Крепкий и изящный, он выглядел ненамного старше, чем его сын. Он сразу направился к Аладори, почтил ее кратким солдатским поцелуем и вручил ей тяжелый запечатанный пакет.

— Дорогая, это приказ Зеленого Холла, Совета. — Серьезный, сосредоточенный, он повернулся к сыну. — Роберт, — сказал он, — я хочу поговорить с твоей матерью наедине.

Боб Стар стоял безмолвно. Яшмово-зеленые стены были холодны как лед. Красный пол — сама страшная пустота. Колени его были готовы вот-вот подогнуться, и удержаться ему было не за что.

— Прошу вас, сэр...

Пересохшее горло перехватило.

— Пусть он останется, Джон, — быстро сказала мать.

— Если это о комете, — хрипло пробормотал он, — то я уже видел ее.

— Да, о комете. — Джон Стар взглянул на Аладори и коротко кивнул. — Ты можешь сесть, Роберт.

Он с благодарностью рухнул в огромное кресло и вцепился в красное дерево, пытаясь унять дрожь в руках. Он увидел, что большие глаза матери медленно поднялись на Джона Стара от листа, который она вытащила из пакета. Ее лицо побелело от небывалого огорчения.

— Джон. — Ее голос был очень тих. — Это приказ уничтожить объект в Вирго с помощью АККА.

Джон Стар по-военному четко кивнул.

— Резолюция уничтожить кометарный объект была одобрена Советом восемь часов назад, — сказал он быстро. — Я доставил тебе приказ на полной скорости «Звезды-Фантома» — рекордный перелет.

Большие серые глаза на миг задержались на лице Джона Стара.

— Джон, — очень тихо сказала Аладори, — ты знаешь, о чем ты просишь меня?

— Конечно. — Джон Стар поглядел на нее раздраженно.

— Я выступил перед Советом, требуя действий. Отказ был вполне возможен. Имели место сентиментальные возражения.

— Возможно, я сентиментальна, — сказала она, — однако я не хочу уничтожать объект, пока у нас есть время. Потому

что это нечто совершенно чудесное, настолько чудесное, что никто из наших ученых не отважится сказать, что это такое.

Она быстро подошла к нему.

— Не можем же мы вычеркнуть его из существования, не выяснив даже, что это такое?

— Можем и должны. — Все еще стоя, Джон Стар потянулся всем телом. — Подумай об аргументах в пользу уничтожения неизвестного объекта и о существах, которые, похоже, оперируют им как кораблем. Репортеры уже подобрали для них словечко, прежде чем мы установили цензуру. Кometчики!

Их наука, скорее всего, намного опережает нашу, разве что они вряд ли обладают твоим оружием. И враждебность их настолько же несомненна, как и их могущество.

В голосе Джона Стара послышался ораторский звон, словно он цитировал свое выступление перед Советом.

— На Земле и повсюду в Системе закон выживания заставляет даже наиболее близкие и родственные жизненные формы убивать друг друга. Кometчики не могут быть нашими родственниками, поскольку они — явно успешная и эгоистичная жизненная форма, какими бы они ни выглядели.

Аладори покачала головой.

— Я не уверена в твоей логичности.

— Сентименталисты в Совете пытались поставить ее под сомнение, — ответил Джон Стар. — По счастью, кометчики уже предоставили нам самое убедительное доказательство своих враждебных намерений.

Он драматично помолчал, и Аладори тихо спросила:

— Какое именно, Джон?

— Они уже посетили большинство наших планет.

— Люди, — спросил Боб Стар, — действительно их видели?

— Не точно. — Джон Стар не отвел взгляда от жены. — Существа с кометы являются, или делают себя такими на

случай визитов, невидимыми. Но они оставляют достаточно следов.

Аладори быстро спросила:

— Что они сделали?

— Они прибыли в какой-то массивной машине, силовые поля которой были достаточно для того, чтобы нарушить нашу ультракоротковолновую связь. Очевидно, первой их целью было разведать нашу оборону — невидимый корабль уже приземлялся возле некоторых из баз Легиона. На Земле двадцать четыре часа назад налетчики уничтожили четырех охранников, причем ужасным оружием. Они проникли в запертое подземелье, которое мы считали неприступным. Они скрылись с драгоценным военным секретом.

Джон Стар быстро подошел ближе к жене. Внезапно оказалось, что он уже не солдат и не оратор, а только человек, умоляюще говорящий.

— Прошу тебя, дорогая! — прошептал он. — Я знаю, что ты имеешь право наложить вето на первый приказ. И я знаю о той страшной ответственности, которую ты несешь. Думаю, я понимаю твои чувства. Но эта опасность слишком велика и вот-вот готова осуществиться. Откуда мы знаем, может быть, один из невидимых кометчиков находится сейчас рядом с нами, в этой самой комнате.

Он быстро оглядел яшмово-серебряное помещение. Боль сделала белым его длинное лицо, и на глазах засверкали слезы. Он импульсивно обнял Аладори. Боб Стар быстро отошел, изумленный: он почти забыл, что его отец — человек, а не только солдат.

— Это надо сделать, дорогая, — молил он, — ради тебя и ради меня!

Аладори хмуро раздвинула его руки.

— Что это за секрет, — спросила она, — который выкрали кометчики?

Джон Стар повернулся и взглянул на сына. Губы его были плотно сжаты. Он медленно кивнул, словно признал за Бобом право находиться здесь.

— Они узнали, — сказал он, — что человек по имени Меррин жив.

Боб Стар увидел, как новый прилив печали смыл краску с лица матери. Он заметил слабое потрясенное движение головы. Голос, когда она заговорила, казался странно спокойным:

— Это все меняет, если они знают о Меррине. Это не оставляет нам выбора. — Она напряженно кивнула. — Если они докопались до... этого, они просто должны быть уничтожены.

РЫЧАГ И СИЛА

Боб Стар стоял и смотрел на мать, хмурясь от раздирающих его вопросов. С лица ее не сходило острое сожаление о том, что ей предстояло сделать. Она быстро отвернулась от него и от отца. Она склонилась над маленьким столом полированного венерианского красного дерева, занявшись с несколькими маленькими предметами, снятыми ею с себя: часами, ручкой и механическим карандашом, металлическим украшением с платья, железным ключом.

— Мне уйти? — прошептал он.

Она поглядела на него, хмуро улыбнувшись.

— Можешь оставаться, — сказала она. — Придет день, и ты станешь Хранителем Мира. Хотя здесь мало что можно увидеть. — Она поглядела на безвредные, казалось бы, предметы на столике. — Ты можешь смотреть тысячу раз, однако так и не узнаешь тайны, — добавила она, — потому что управление АККА более чем наполовину психическое.

Она снова была занята. Со сноровкой, говорившей о долгой практике, она отвинтила колпачок с авторучки и, сняв два крошечных первичных диска с нижней части корпуса часов, соединила их с ней. К механическому карандашу, рабочие части которого послужили прекрасными

креплениями, она присоединила маленькое, странного вида сооружение. Платиновая цепочка украшения, видимо, служила электрическим проводником, а кнопка авторучки могла действовать как выключатель.

Боб Стар посмотрел на все это и недоверчиво прошептал:

— Эта маленькая штуковина... — это все?

— Это все, что ты видишь. — Ее прекрасные глаза вновь взглянули на него, брови нахмурились под тяжестью задачи. — Это маленькое устройство — всего лишь рычаг. Сила, которая его приводит в движение, — психическая. Принцип, по которому это действует... — Она сжала бледные губы. — Принцип — секрет.

Боб покачал головой, глядя на маленький прибор.

— Ты хочешь сказать, что уничтожила Луну, когда присельцы из космоса построили на ней крепость, с помощью вот этого?

— С рычагом подобного рода. — Она посмотрела на Джона Стара, и он благоговейно улыбнулся ей, словно они опять пережили то страшное мгновение. — Я сделала его из механизма медузиан, обломка разрушенного Зеленого Холла и сломанной игрушки.

Боб Стар, изумленный, придвигнулся ближе.

— Кажется невозможным, что ты можешь уничтожить что-либо такое огромное, как комета, с помощью этой штучки.

— Размеры не имеют значения, — ответила она тихо. — Как и расстояние. Это маленькое устройство, которое ты видишь, — всего лишь рычаг, не забывай, посредством которого сила может быть приложена к любому объекту во вселенной. — Она взглянула вверх, все еще хмурясь. — Эффект — фундаментальное, абсолютное изменение кривизны пространства, что приводит материю и энергию к невозможному абсурду.

Боб Стар мгновение молчал, не двигаясь и не дыша.

Он откинулся в кресле, изумленно вздрагивая и глядя на хмуро улыбающуюся женщину. Она не была больше его

матерью, а кем-то странным и ужасным, как, наверное, сами кометчики. Лицо ее светилось тихой бесстрастной сосредоточенностью.

— Мама... мама, — прошептал он хрипло, — ты словно... словно богиня.

Казалось странным, что она услышала его, будучи совершенно отвлечена. Однако она повернулась к нему и сказала:

— Быть богиней, Боб, — это одиночество.

Она отвела глаза. Несколько секунд она работала молча, устанавливая устройство. Но неожиданно она опять оторвалась от него, чтобы взглянуть на сына.

— Боб, есть еще одна вещь, которую ты должен знать, поскольку ты избран следующим Хранителем. Причина того, что Хранитель должен быть только один, — причина и того, что тайна должна быть тайной и для тебя, до тех пор, пока врачи не решат, что я больше для этой цели не гожусь.

Он кивнул, затаив дыхание и ожидая.

— Пользуясь тем же термином, скажу, что здесь только один принцип.

— Что? — У него перехватило дыхание. — Я не понимаю.

— Принцип только один. Это не буквальное утверждение, однако точка опоры только одна, и это все, что я могу тебе сейчас сказать. Ты должен понять лишь одно: если два человека знают тайну и пытаются одновременно применить свои рычаги, ни у одного из них не получится. Если бы мы с тобой независимо друг от друга попытались это сделать, то ни у тебя, ни у меня не было бы успеха.

— Я понял. — Побуждаемый, внезапным позывом, он быстро двинулся к ней.

— Что с тобой? — резко спросила она. — Ты мне скажешь потом.

— Тебе плохо, мама?

— Ничего болезненного. — Серые глаза снова поднялись, блестя сосредоточенностью, которой он не мог понять. — Ты поймешь, что знаниями нельзя разбрасываться там, где это может быть небезопасно.

— Ты хочешь сказать... — Он знал, что она имела в виду, но неожиданно не смог сказать этих слов. — Ты боишься?

Она медленно покачала головой. К его изумлению, она улыбнулась.

— И не думала, — тихо прошептала она. — И ты не будешь после того, как побудешь с мое Хранителем Мира. Я думаю, что сегодня обязанности Хранителя Мира могут показаться тебе страшным наказанием. Однако наступит время, когда ты увидишь, что есть самое почетное, и великое вознаграждение за нашу особую службу.

— Я... я этого не увижу. — Ожидавшие его обязанности вокруг показались ему огромными и страшными, и он вновь почувствовал себя ничтожеством. — Но... я прошу прощения, мама. — Он протянул руку, чтобы коснуться ее руки. — Я прошу прощения, что был вспыльчив и вынудил тебя оставить меня здесь.

Она взяла его за руку и сочувственно пожала ее, и затем опять быстро отошла к похожему на игрушку устройству на столике, которое было рычагом для превращения целых планет в ничто. Когда он увидел выражение на ее лице — тихую власть, почти святость и согласие принять в качестве награды саму смерть, собственные его волнения показались ему детскими. Она закончила работу и, выпрямившись, взглянула в лицо Джону Стару.

— Готово, — сказала она.

— Так используй его.

Она взяла маленькое устройство и понесла его к огромному западному окну. Последовав за ней, Боб Стар трялся от страха. Он облизал губы и хрипло прошептал:

— А можно его применять внутри здания? И найти комету без телескопа?

— Я могу. — Она хмуро оглянулась. — Рычагом управляет психическая сила. Опасность не грозит никому, только объекту, против которого она направлена. А от телескопа мало толку, потому что свет слишком медлительный, чтобы показать правильное местонахождение цели. То, что я

называю точкой опоры, находится за пределами пространства и времени.

Она повернулась, чтобы поднять маленькое устройство. Красивые руки были белыми от напряжения и, тем не менее, уверенными. Казалось, она вглядывалась в отверстия в двух крошечных металлических дисках, хотя комета сейчас, днем, была невидима для глаз Боба Стара. Палец ее уже двигался, чтобы коснуться выключателя, когда Джон Стар подскочил и схватил ее за руку.

— Подожди! — прохрипел он.

За их спинами Боб Стар увидел в небе бледное пятно голубого пламени. Он услышал шепот и громоподобный рев дюз. Воздух ожил дрожащим звуком, и он заметил гору белого металла, сверкающую за окном. Затем красный пол вздрогнул, и дюзы неожиданно затихли.

— Это «Непобедимый»! — В наступившей тишине голос Джона Стара показался неожиданно слабым и далеким. — Должно быть, командир Калам последовал за мной, и я не могу представить, зачем. — Он медленно повернулся от окна к Аладори. — Думаю, нужно подождать, пока мы узнаем.

Боб Стар подбежал к ним. За окном, в тысяче футов внизу и на расстоянии мили от них, находился огромный корабль — слишком большой для посадки на башню. Он вынужден был опуститься в лесу — деревья вокруг него были вырваны с корнями и горели, подожженные огнем из дюз. Даже с этой высоты он казался в буквальном смысле непобедимым, и его блеск вызывал у зрителей гордость за Легион и человечество. Это была самая величественная машина, сделанная когда-либо людьми. Геодиновый двигатель позволял ему достигать звезд. Новые рефлекторы делали несокрушимым его корпус. Могущественное оружие — атомная вихревая пушка — могло распылять целые планеты.

Из корпуса у него на глазах вылетел реактивный самолет и быстро достиг площадки на башне. Глаза его матери, сверкая надеждой, следили за ним.

— Должно быть, это Джей, — прошептала она. — Мы должны подождать.

Она опустила устройство, которое перед этим нацеливала на комету, и Боб Стар отвернулся от могучего «Непобедимого», чтобы взглянуть на прибор еще раз.

— Оно такое маленькое, — запротестовал он. — И собрано из таких привычных вещей! Оно выглядит совершенно не значительным рядом с «Непобедимым». Будто ничего на самом деле уничтожить не может.

— Это только рычаг. — Она подняла его на маленькой ладошке. Должно быть, она увидела благоговейное удивление в его глазах, потому что тихо добавила: — Я ношу его разобранным, а детали замаскированными — на всякий случай. Но, даже если собранный аппарат попадет во враждебные руки, опасности не будет. Не манипулирование устройством причиняет эффект, а знание — знание точки опоры и силы.

Боб Стар повернулся, быстро отдав честь, когда в комнату вошел Джей Калам. Как ни странно, командир Легиона, которым он был вот уж почти двадцать лет, выглядел еще менее по-солдатски, чем Джон Стар. Он был строен, смугл и высок, без единого признака военной жесткости в выпрямке. Зеленая с золотым форма была достаточно поношенной, однако никому бы не удалось обнаружить в ней признаки, позволяющие усомниться в джентльменстве и вышколенности владельца.

— Джон! — заговорил он от двери быстро и настойчиво.
— Аладори! Вы уже уничтожили объект в Вирго?

— Еще нет, — прошептала она. — Еще бы секунду, но мы увидели твои дюзы...

— Тогда не надо. — Тонкое лицо его расслабилось, и он облегченно вздохнул. Он направился к ним, уже чуть-чуть улыбаясь. — Я боюсь, что прибуду сюда слишком поздно. Совет изменил приказ.

— Что? — В голосе Джона Стара был звон битого стекла.
— Почему?

Высокий мужчина вытащил из кармана кителя второй пухлый конверт и с серьезным видом вручил его Аладори. Она торопливо открыла его, и ее серые глаза вновь улыбнулись, когда она прочла документ.

— Я рада, что ты здесь, Джей, — прошептала она тихо. — Ты спас меня от убийства... чего-то чудесного.

— Что случилось? — Губы Джона Стара были жесткими, узкое лицо бледно и решительно. — Почему изменен приказ?

Мрачноватый командир Легиона спокойно повернулся к нему.

— Джон, — сказал он, — ты знаешь, что Совет разделился при обсуждении предложения об уничтожении кометарного объекта. Сам я был против, потому что это уничтожило бы что-то большее, нежели комета. После твоего отбытия я получил разрешение выступить перед Советом, прося о более сдержанной политике...

— Но... Джей! — Голос Джона Стара прозвучал резко. — Мы уже знаем, что кометчики враждебны. Мы знаем, что они пронюхали о Меррине. Каждое мгновение существования кометы увеличивает угрозу. Она должна быть уничтожена!

Высокий командир покачал головой.

— Мне известны твои аргументы, — Джон, — сказал он медленно. — И мы все признаем, что ситуация крайне серьезная. Мы должны принять надлежащие меры для безопасности Системы. Однако мы еще не удовлетворены и не должны аннигилировать объект, не разобравшись даже, что он из себя представляет. Пока является фактом только то, что кометчики разведывают наши военные сооружения, и весьма возможно, что они пытаются защитить себя от спешного использования такого оружия, как у Аладори. Из того, что мы знаем, их цель в приближении к Системе может оказаться совершенно мирной.

— Джей, ты пацифист в душе. — Сдерживаемый гнев потрескивал в голосе Джона Стара. — Тебе нечего делать в Легионе!

— Я не хочу нести вину за гибель неизвестного мира, — тихо ответил Джей Калам. — Не хочу уничтожить его в припадке паники. Мое дело в Легионе — защита цивилизации, а что она без справедливости и милосердия? Если мы бессмысленно уничтожим комету, я буду чувствовать, что сами мы заслуживаем такую же судьбу.

Как бы там ни было, Джон, я смог убедить нескольких членов Совета, что им не следует особенно увлекаться твоими военными речами. Первым побуждением было отзывать тебя ультракоротковолновым сообщением, но я указал на возможность того, что кометчики способны перехватить и расшифровать приказ. Здесь я видел реальную опасность, потому что я был способен почувствовать вес твоих аргументов, Джон, хотя сам я предпочитаю сдержанность. Ты опередил меня всего лишь на два часа, и я решил, что смогу обогнать тебя на «Непобедимом». Кажется, мы чуть не опоздали.

— Ты еще пожалеешь, что не опоздал. — Лицо Джона Стара было бледным и напряженным, а голос звучал хрипло, резко и страшно. — И Система пожалеет. — Он холодно кивнул на документ, принесенный Джоем Каламом. — Эта бумага — смертный приговор человечеству.

В Яшмовой Комнате повисла зловещая тишина. Наконец Аладори молча повернулась к столу красного дерева и стала разбирать свое безвредное на вид оружие.

— Я надеюсь, ты ошибаешься, Джон, — сказал Джей Калам.

— Я не ошибаюсь, — бесцветно ответил Джон Стар. — Я не испытываю желания быть жестоким без нужды. Однако мой долг — беречь Хранителя Мира. И я не могу позволять ошибочным эмоциям становиться на моем пути. Я знаю точно, Джей: спасая комету, ты убиваешь Систему.

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ МЕРРИН

На какое-то время в Яшмовой Комнате воцарилась жуткая напряженная неподвижность. Джон Стар стоял недвижимо и одиноко на огромном красном полу, и бледное лицо его казалось маской смерти. Что-то заставило остальных отойти от него.

Боб Стар услышал, как у отца внезапно перехватило дыхание, и увидел в его глазах влажное мерцание — Стражник Хранителя внезапно превратился в мужчину, защищающего свою жену. Он подошел к Аладори, обнял ее рукой за талию и повернулся, печально взглянув на командира Легиона.

— Ну что ж, Джей. — Голос его был сух и тверд. — Если мы не можем разрушить комету, то что же мы намерены делать?

— Зеленый Холл распорядился предоставить это дело мне, — сказал Джей Калам. — Я тщательно обдумал ситуацию, пока мы летели с Земли. Я разработал план, который мне кажется безопасным.

— Да? — Джон Стар стоял в мрачном ожидании.

— Мы должны делать три дела, — сказал разборчиво долговязый командор. — Мы должны защищать Хранителя. Мы должны охранять заключенного, известного под именем Меррин. И мы должны узнать как можно быстрее, представляет ли существование кометы действительную опасность для Системы.

Первая задача — это твои обязанности, Джон.

Джон Стар молча кивнул, крепче обняв Аладори.

— Но я сомневаюсь, что здесь, в Пурпурном Холле, она будет отныне в безопасности, — добавил Джей Калам. — Фобос хорошо защищен, однако так же обстояло и с подземельем в Зеленом Холле, на которое напали кометчики. При своей невидимости они вполне могут высадиться и незамеченными пройти в здание. Останки людей, охранявших

подземелье, говорят о том, что они имеют незнакомое и страшное оружие.

— Мне это хорошо известно.

— В таком случае я предлагаю тебе увезти отсюда Аладори на «Звезде-Фантоме», и немедленно. И не желаю знать, куда. Можешь выбрать место по своему усмотрению. Держи это в секрете. Можешь послать какому-нибудь члену Совета необходимую информацию о том, как выходить с тобой на связь, если будет необходимость использовать АККА, — пусть это будет простой набор кодовых сигналов в ультракоротковолновом диапазоне, лишь бы этого хватило.

— Да, сэр. — Джон Стар четко отдал честь.

— Охрана человека по имени Меррин, — продолжал отчетливо Джей Калам, — вполне может быть поручена Легиону, за одним исключением. Я намерен обратиться к твоему сыну, чтобы он пополнил стражу.

Он повернулся к Бобу Стару, внимательно взглянув на него.

— Ты готов, Боб, принять на себя очень важное и ответственное поручение, в интересах Легиона и Системы?

— Да... да, сэр! — Боб Стар попытался ответить твердо, однако не смог сдержать в голосе радостной нотки. Он вздрогнул от огорчения, когда его отец быстро возразил.

— Роберт еще не готов к несению службы, — сказал Джон Стар. — Я планирую забрать его с нами на «Звезде-Фантоме».

— Нет! — задохнулся Боб Стар. — Прошу... я хочу что-нибудь сделать.

Джон Стар лишь пожал плечами на это, но Аладори схватила его за руку.

— Мы говорили с Бобом, Джон, — быстро сказала она. — Он чувствует, что мы слишком его бережем, и мне кажется, что он прав. Я думаю, что ему действительно нужен шанс показать себя.

— Спасибо, мама! — прошептал Боб Стар и повернулся к хмурому командору. — Прошу вас... я хочу попытаться... сделать все, что могу.

— От тебя и потребуется все, что ты можешь. — И Джей Калам повернулся к Джону Стару. — Джон, — сказал он тихо.

— Для этой службы я должен призвать твоего сына. Никто больше не подойдет. Помнишь приговор по делу Юпитерианского Мятежа? Тогда было дано определенное обещание. И я намерен хранить честь Легиона даже в такие времена, как сейчас.

Джон Стар медленно повернулся к сыну. Тяжело посмотрел на него. Боб Стар заметил на его лице вопросительное выражение, но, наконец, он кивнул, не спросив.

Он резко повернулся к Джеку Каламу.

— Да, я полагаю, мы должны держать слово. — Голос его был холодным и хриплым. — Можешь отдать Роберту необходимые распоряжения.

Боб Стар почувствовал боль в горле. Он хотел поблагодарить отца, однако хмурое выражение лица Джона Стара отбило у него охоту говорить. Он импульсивно поднял руку в воинском салюте, и Джон Стар четко отдал честь в ответ.

— Что касается третьей проблемы, то я намерен сам посетить объект в Вирго на «Непобедимом». Мы будем поддерживать контакт с Зеленым Холлом, пока будет возможно, на ультракоротковолновом луче. Я намерен открыть подлинную природу объекта и цели его загадочного движения. Я надеюсь выяснить, что на самом деле он настолько опасен, как тебе кажется.

Джон Стар быстро пошел вперед и пожал руку командора. Казалось, он сглотнул и тут же сказал:

— Джей!

— Я весьма надеюсь увидеть тебя опять, Джон, — буднично сказал Джей Калам. — Если, однако, мы не возвратимся, то, по-моему, будет разумно уничтожить объект. Я предполагаю затратить пять дней на путь туда и пять дней на возвращение. Дай нам еще два дня. Если мы не

возвратимся через двенадцать дней, Джон, можешь считать нас пропавшими и забыть мои возражения против уничтожения объекта.

Он помолчал, повернувшись к Бобу Стару.

— Боб, ты полетишь с нами на «Непобедимом» к месту заключения человека, известного под именем Меррин. В пути у тебя будет время выяснить подробности и великую важность этого задания. Мы убываем немедленно, можешь попрощаться.

Затаив дыхание, Боб Стар повернулся к матери.

Отец отвел командора в сторону.

— Джей, я уже решил, где будет наше новое убежище. Мы покинем Фобос через два часа. Что касается связи...

Из осторожности Джон Стар стал говорить тише.

Женщина, которая была Хранителем Мира, быстро направилась к сыну. При виде этой высокой красавицы сердце его охватила горечь, а нежная мягкость голоса вернула ему все горько-сладкие воспоминания детства. Она взяла обе его руки и притянула его к себе с порывистой дрожью. Она любовно оглядела его с головы до ног, и он увидел, как на ее глазах появились слезы.

— Боб, — вздохнула она, — поцелуй свою мать. Ты не целовал меня, Боб, с того дня, когда отправлялся в Академию, — вот уже девять лет. И мне кажется... — Чистый голос задрожал. — Я боюсь, Боб, что мы уже никогда не окажемся вместе.

Он поцеловал ее. Внезапно жестокое напряжение отпустило его грудь. Ее слезы тревоги и одиночества смешались с его слезами.

— Моя прекрасная, прекрасная мать! — прошептал он. Затем он отодвинулся и с тяжелым чувством посмотрел на нее.

— Но ты же не хотела уничтожать комету, — сказал он быстро. — Мне кажется, что ты не боишься даже умереть.

— Что? — Она пожала плечами. — Однако я хотела... я почти хотела, чтобы командор Калам приземлился на полмины позже. Потому что я все же боюсь, что прав твой отец.

— Почему?

Она мгновение стояла молча с выражением ледяного страха на лице.

— Джей расскажет тебе о человеке, которого мы зовем Меррин, — сказала она быстро. — Я видела его только один раз. Уже после того, как он стал пленником Легиона. Он был заперт и под хорошей охраной. И все же, почему-то он был ужасен.

Она стояла, глядя на яшмово-серебряную стену; глаза ее были неподвижны и мрачны, словно разум ее видел что-то более тревожное.

— Это был гигант, Боб. — В голосе ее была дрожь ужаса. — В нем было что-то величественное, и жуткая сила. Он был беспомощным узником, и, тем не менее, его лицо светилось непокоренной силой. Он был похож... на какое-то сверхчеловеческое существо.

Она схватила Боба за руку. Ее сильная рука дрожала.

— Он выглядел сверхчеловеком — бессмертным, почти непобедимым и совершенно презирающим человечество. Разум его был столь же мощным, как и могущественное тело — однако чувства были не совсем человеческими. Ты бы мог им восхищаться. Но и бояться его. Я не знаю даже, почему, потому что он не может уже больше причинить вреда.

Он не говорил со мной, Боб. Он просто повернулся на миг, чтобы взглянуть на меня, когда его вели к камере. Он делал очень маленькие шаги, потому что ноги его были в железных кандалах. Голубые глаза горели и были холодны как лед. Они были непокорны и совершенно безрассудны.

Он засмеялся на ходу, увидев меня. В нем не было надломленности и никогда не будет. Ты должен хорошо стеречь его, Боб. Потому что вместе с ним ты будешь охранять жизнь и счастье всех честных людей.

Изумленный и испуганный, он прошептал:

— Я буду.

— Пошли, Боб, — сказал Джей Калам. — Пора идти. Он обнял матерь.

— Я люблю тебя, Боб, — вздохнула она. — И я очень боюсь!
— Ее легкое крепкое тело дрожало. — Будь осторожен, сынок.
Не дай вырваться человеку по имени Меррин.

— До свидания, Роберт, — отец пожал мне руку и сказал с неожиданным трепетом чувства в голосе, — что бы ни случилось, ты не должен забывать, что ты теперь офицер и находишься на службе в Легионе Пространства.

— Да, сэр. — Боба Стара снова удивил невысказанный вопрос в глазах отца, и он не смог ответить на него. — Я не забуду.

Он вышел из Яшмовой Комнаты вместе с командором Каламом и внезапно остановился, увидев Жиля Хабибулу, сидевшего в полусне в кресле в широком коридоре.

— А мои телохранители? — быстро спросил он. — Они полетят?

Темное лицо командора потеплело, согретое старыми воспоминаниями.

— Жиль и Хал? — Он быстро кивнул. — Это хорошие люди. Мы, как тебе известно, когда-то служили вместе. Бери их на борт.

На «Непобедимом» позади штурманской каюты была задраенная дверь, которая вела в длинный салон, присутствие которого на боевом корабле удивило Боба Стара. Золотистый свет из скрытых источников падал на роскошный мех тяжелых шкур. Цвета бледной слоновой кости стены были увешаны дорогими гобеленами с Титана. Массивная мебель, черная с серебром, была роскошно-проста. Длинные книжные стеллажи и оптифон с высокими ячейками для музыкальных записей и драм нескольких планет выдавали эстетические наклонности хозяина комнаты.

«Непобедимый» плыл прочь от Солнца, прочь от желто-красного Марса и зеленоватой крапинки Фобоса. Гудящие геодины — электромагнитные геодезические дефлекторы на языке инженеров — действовали над переносом каждого атома корабля, груза и экипажа из координат привычного

четырехмерного пространства, так что корабль двигался, огибая пространство-время, а не напрямик.

В этом скрытом салоне, однако, даже вибрирующий стон геодинов не был слышен, словно они находились в ином пространстве. Ничто не рождало даже малейшего чувства огромной скорости и ускорения корабля. Резкость охлажденного искусственного воздуха напоминала весну в лесах далекой Земли.

— Садись, Боб. — Джей Калам кивнул на огромное кресло, но Боб Стар чувствовал себя слишком напряженным и взволнованным, чтобы сесть. — Я хочу рассказать тебе об узнике, которого мы зовем Меррин, и о несчастливых обстоятельствах, которые заставили нас возложить на тебя эти обязанности.

— Этот человек... — Боб Стар пытался выглядеть спокойно, однако сухой голос дрожал и выдавал его. — Этот человек, которого вы зовете Меррин... Это не... Это не Стивен Орко?

На длинном лице командира появилась тень встревоженного изумления.

— Это первейший секрет Легиона! — Тихий голос звучал напряженно, а темные глаза пристально глядывались. — Тайна, которую ты не имел права знать до сегодняшнего дня. Как ты узнал?

— В Яшмовой Комнате, когда мать описала мне заключенного, — сказал Боб Стар. — Я знал Стивена Орко и знал, что похожего на него быть не может. Но я думал... — Голос его сел, и пальцы бессознательно приблизились к бледному треугольному шраму на лбу. — Я думал, что он мертв.

— Я рад, что ты узнал именно так. — Похоже, командр успокоился. — Потому что Стивен Орко мертв и похоронен для всех, кроме нескольких доверенных. — Лицо его вновь помрачнело. — Когда ты с ним познакомился?

— Девять лет назад. — Голос Боба Стара звучал хрипло. — На Земле, в Академии. Он был в секции выпускников во

время моего первого семестра. Красивый, блестящий. Пона-
чалу он мне понравился. Однако потом...

Он вдруг замолчал. Лицо его было бледным и твердым.

— Что случилось, Боб? — В голосе удивленного Джей Калама послышалось сочувствие. — Вы поссорились?

— Это было наше дело. — Боб Стар холодно кивнул. — Несколько лет я мечтал найти его после окончания учебы и уладить эту проблему. Но потом, в Юпитерианском Мятеже, он показал Легиону, кто он на самом деле. И мне кажется, что он заслужил смерть за измену. — Он пристально посмотрел на высокого командора. — Каков был приговор?

— Ты можешь прочесть его в деле, — тихо сказал командр. — Однако сначала ты должен рассказать мне о себе и о Стивене Орко.

— Я не могу. — Боба Стара охватила паника. — Я никому не говорил, даже родителям.

— Я должен знать, — тихо настаивал Джей Калам. — Поэтому что твое назначение может оказаться последствием этого инцидента — что бы это ни было.

Боб Стар мгновение глядел на Джей Калама. В лице его была давняя горечь. Он кивнул.

— Вам известно о традициях дедовщины в Академии?

— Офицеры всегда относились к этому терпимо, — сказал Джей Калам. — Считается, что это неплохо для дисциплины.

— Может быть, в обычных случаях. — Боб Стар беспокойно пожал плечами, словно пытаясь отшвырнуть старую горечь. — В общем, вы знаете правило, что каждый кадет должен выполнять по одному приказанию от каждого парня из выпускной секции?

Командор спокойно кивнул.

— Я не думаю, чтобы в обычных случаях это было плохо, — продолжал Боб Стар. — Выпускники обучаются быть офицерами, а новички обучаются дисциплине. Команды обычно безвредны, и я полагаю, что обычай так же способствует творчеству, как и дисциплине.

В его голосе задрожало жестокое чувство.

— Но Стивен Орко не был обычным студентом. Великан. Он выглядел чертовски привлекательно — огромный такой атлет. Волосы у него были рыжие как пламя. Глаза особые — яркие, холодные, голубые, и всегда светились злобой. Инструкторы обычно говорили, что он самый выдающийся кадет в Академии.

Прищуренные глаза Боба Стара смотрели мимо Джекса Калама на темные участки бесценных gobelenов с Титана. Боль старой раны заставила его забыть благоговение перед высоким командором. Слова вылетали быстро, твердые как ледяные осколки.

— Настоящих друзей, по-моему, у Стивена Орко не было. Все парни в душе боялись его. Хотя он был довольно популярен. Эта замечательная сила и злобное коварство причиняли неудобство его врагам. Более того, он даже как-то очаровывал своей злобой.

Он был прирожденным лидером. Безрассудная смелость дополнялась в нем необычными способностями. И он имел честолюбие, чтобы развивать способности. Он пытался преуспеть во всем, и обычно с успехом. Мне казалось, что он относился с ревнивой нетерпимостью к любому сопернику. Он никого не любил. Он был совершенно эгоистичен в дружбе.

Меня он возненавидел с первого дня.

Командор был слегка удивлен.

— Ты знаешь, почему?

— Полагаю, ревность, — сказал Боб Стар. — Он знал, что я наследник Джона Стара. Он предположил, что я выбран для того, чтобы занять материнское место Хранителя Мира.

— Он покачал головой. — Другой причины быть не может.

— Он тебя третировал?

— С первого дня. — Нервные пальцы Боба Стара ощупывали шрам. — Он вредил мне везде, где мог. Он стремился не дать мне выигрывать награды — наверное, хотел помешать получить нужную Хранителю квалификацию. Он до печенок достал меня своими жестокими практическими шутками. До самого выпуска он портил мне кровь.

Он грустно помолчал, кусая дрожащую губу.

— Я пытался забыть, что он со мной сделал, — прошептал он. — Однако была одна вещь...

— Да, — подтолкнул его командор, — что именно?

— Это случилось однажды ночью, как раз перед окончанием семестра, — начал он внезапно, на одном дыхании. — Я гулял по лагерю один — я вымотался после первых экзаменов по геодезической навигации и был расстроен, потому что кто-то залил чернилами мой конспект и законченную курсовую работу на столе — я полагаю, что за это ответственен Стивен Орко, хотя я так и не смог выяснить это определенно.

В общем, я встретил его в темноте вместе с троицей его дружков. Или, пожалуй, мне не следует называть их дружками — они держались его из страха, а не из уважения. Они остановили меня. Стивен Орко спросил, готов ли я выполнить его традиционный приказ. Я ответил: нет. Он повернулся к остальным. Я услышал, как остальные захихикали, затем он подошел ко мне и отдал свой приказ.

Боб Стар замолчал, побледнев.

— Что это был за приказ?

— Он приказал повторить вслед за ним одно утверждение. Грязное. Он хотел, чтобы я сказал, что я не сын Джона Стара. Он хотел, чтобы я сказал, что неизвестный родственник моего отца, Эрик Претендент, был любовником моей матери и я сын этого предателя. Он хотел, чтобы я сказал, что я слабак и трус, неспособный быть Хранителем. Он хотел, чтобы я поклялся честью будущего офицера Легиона, что эта чудовищная ложь — правда. Конечно, я не стал этого делать. — Тихий голос Боба Стара стал крепнуть и хрипнуть от вернувшейся боли. — Один из его друзей возразил, что традиция не дает ему права заходить так далеко, но одного взгляда Орко было достаточно, чтобы он замолчал.

Мы были поблизости от академического музея. Он был закрыт и темен. Однако один из них проводил исследования

хранившегося там старого оружия и имел ключ. Орко велел ему открыть заднюю дверь, и меня втащили в здание.

Они затолкали меня в маленькую подвальную комнату, где им не могли помешать, потому что у меня все же были друзья, несмотря на Орко. Со мной делали разные вещи, но я не говорил. Страшная гордыня Стивена Орко холодно горела в его глазах. Я думаю, это мое упорство его злило, если вы можете это представить.

Он перепробовал все обычные пытки и стал придумывать новые. Он был смыщен и питал пристрастие к такой работе. Даже после того, как трое его приятелей были напуганы, он не согласился отпустить меня.

Наконец, он послал одного из них взломать витрину и принести ржавый инструмент пыток, имевший происхождение из времен догнивания Империи, когда демократы, Зеленые, вот-вот уже должны были свергнуть разложившихся Пурпурных. Устройство было создано для того, чтобы ломать политических заключенных. Оно называлось Железный Исповедник.

— Вот как? — Командор вдруг пристально посмотрел на бледный шрам темными встревоженными глазами. — Мне кажется, что я вспомнил эту витрину. Там вроде бы есть какой-то шлем?

— Широкое железное кольцо, которое одевается на голову, — придушиенно сказал Боб Стар.

— И нечто вроде трехгранного лезвия, которое вдавливается через отверстие в обруче, когда подтягиваются винты, в скальп или в череп жертвы.

Мне кажется, Стивен Орко тем самым выказывал свою зависть. Он не мог простить, что я вышел из старой императорской семьи. Будь он сыном Джона Стара или Претендента, я думаю, он затеял бы попытку восстановить Империю. Как бы там ни было, он назвал это орудие пытки пурпурной короной, и я видел, с какой свирепой яростью он надевал ее на меня.

Джей Калам по-прежнему смотрел на шрам.

— Он посмел... сделать это?

— Он велел своим приятелям держать меня, — сказал Боб Стар. — Он надел обруч мне на голову и затягивал винты, пока я не почувствовал, как по лицу бежит кровь. Он продолжал приказывать мне повторить эту мерзкую ложь. Я по-прежнему молчал, и молчание мое бесило его.

Железный Исповедник — не просто обруч и лезвие. Там есть еще одна часть, которая была сломана перед тем, как орудие принесли в музей. Орко ремонтировал ее, пока его дружки удерживали меня с лезвием в черепе. Я не знаю точно, что это было или как это действовало — в то время я не мог уделить много внимания механическим деталям. Однако Орко сказал, что там применялась сверхзвуковая вибрация, регулируемая для стимуляции болевых центров мозга. Оно выглядело как радиоусилитель. От него к трехгренному лезвию шел кабель. Действие его сводилось к тому, что голос превращался в ощущение непереносимой боли.

Стивен Орко стоял передо мной, держа устройство. В комнате было темно, но я видел его лицо в сиянии металлических трубок устройства. Волосы горели, словно огонь, голубые глаза были триумфальными, насмешливыми и ужасными. Он заговорил в маленький микрофон, и тот превращал его голос в огромные волны красной муки, бьющие в мозг.

Это было невыносимо. Но я совершенно измучился, пытаясь вырваться. Остальные были люди рослыми, тренированными атлетами. Я же был двенадцати лет, ослаб от потери крови, почти терял сознание от боли. Я ничего не мог сделать.

Орко все говорил, постепенно вращая тумблеры гнусного устройства, увеличивая интенсивность боли. Железный Исповедник был изобретен в моей собственной семье, говорил он, чтобы заставлять отрекаться врагов. Он гарантировал, по его словам, что кто угодно отречется от чего угодно. Он сказал, что устройство основано на тайных принципах

политического обращения, поначалу открытых партией под названием Красные более тысячи лет назад. Усиленные ультразвуковые вибрации от лезвия могли уничтожить синапсы моего мозга, говорил он, сломать волю и подтвердить правдивость того, что он мне говорил.

И я тогда очень боялся, что закричу. Однако внезапно даже с этим криком в черепе и его голосом, горящим, как пламя, в моем мозгу, я почувствовал себя достаточно сильным. Я почувствовал, что ему меня ни за что не одолеть. Я взглянул на него и сказал, что пусть он делает любые мерзости, и пообещал убить его, как только смогу.

Кажется, это лишь разожгло его ярость. Он опять усилил боль от вибрации и сказал, что будет увеличивать ее до тех пор, пока я не стану бояться вообще кого-нибудь убивать. Затем он повторил эту мерзкую ложь и все повторял приказ, чтобы я поклялся, что это правда.

— Скажи, щенок! — орал он на меня, и голос его, дрожащий от ярости, превращался в чистую боль, идущую от лезвия в мой мозг. Затем он подкручивал усилитель. — Скажи, щенок!

Я не сказал ничего, во всяком случае, до тех пор, пока был в сознании. Но я не уверен в том, что произошло в конце. Это было как в кошмаре. Темная комната, и его лицо — гордое, яростное и угрожающее в слабом сиянии света, и голос, красной мукой стучавший в мозгу.

— Скажи, щенок!

— Я знаю, что, в конце концов, устройство ослабило мою волю. И я, должно быть, все-таки сдался. Боюсь, что так и было. — Боб Стар мгновение стоял, дрожа, стиснув небольшие кулаки. — Я не знаю, что произошло, — сказал он хрипло. — Однако сомневаюсь, что Стивен Орко отступил прежде, чем я заговорил.

Следующее, что я помню, — постель в изоляторе, повязку на голове и сестру, делающую мне укол обезболивающего. Она сказала, что Стивен Орко и его друзья принесли меня

сюда на заре. Они сообщили, что нашли меня бредущим по берегу, под утесом, с разбитой головой.

Я всем сказал, что упал в темноте и случайно получил травму.

— Почему ты это сделал? — Джей Калам удивленно и недобрительно покачал головой. — Стивена Орко наказали бы и уволили бы из Легиона. Он мог бы не получить возможности ввязаться в Юпитерианский Мятеж.

— Это была нашассора, — хрипло прошептал Боб Стар. — Даже сейчас в моем мозгу горит выбириующая боль, и я хочу убить его, если смогу. — Он покачал головой и снова неуверенно пробормотал: — Если смогу.

— Это почему? — Командор встревоженно поглядел на него. — Предположим, что твой долг — убить Стивена Орко, и он у тебя в руках. Неужели ты этого не сделаешь?

— Я не знаю точно. — Боб Стар вновь вздрогнул. — Я не могу вспомнить, что происходило в конце: сдался я или нет. Он пообещал сломать меня, сделать так, что я никогда никого не смогу убить. Боюсь... боюсь, что так он и сделал. Поэтому что я думаю, что мой мозг поврежден ультразвуковой вибрацией, или что там было. У меня в голове осталась пульсирующая боль. Маленький молоточек красной боли, стучащий днем и ночью. За девять лет он не исчез.

Лицо Боба Стара было белым, и струйки пота исчертили его лоб.

— Я не был трусом до той ночи, — хрипло прошептал он.

— Я не был ничтожеством, которое он хотел из меня сделать.

— Он рухнул вдруг в большое кресло, жалко глядя на Джэя Калама. — Но сейчас, командор, я не знаю.

ЧЕСТЬ ЛЕГИОНА

Высокий командор некоторое время стоял, почесывая длинными пальцами острый выступ челюсти и изучающе глядя на Боба Стара.

— Я рад, что ты мне об этом рассказал, — сказал он наконец, и голос его был тих и очень серьезен. — Я знаю, что ты чувствуешь, потому что когда-то я тоже думал, что убить человека для меня невозможно. — Темные глаза на мгновение приоткрылись, и лицо обрели резкость, словно к нему вернулось воспоминание боли. — Однако иногда это необходимо. Я научился этому очень давно и очень давно понял, что могу это сделать.

Он вдруг шагнул вперед.

— И ты должен, Боб. Можешь и должен. Дело обстоит так, что весьма возможно, что убить Стивена Орко будет твоим долгом.

Эти тихо произнесенные слова выдернули Боба Стара из кресла.

— Как так, командор? — он дрожал и пытался справиться с дыханием. — Я бы все, что угодно, отдал за эту возможность. — Что-то изменилось в его голосе, что-то заставило его прикусить губу. — Но я боюсь... боюсь, что не смогу.

Тихо прозвенел гонг. Массивная дверь открылась, впустив глубокийibriующий звук геодинов, на которых шел боевой корабль. Вшел стюард, вкатив маленький столик на колесах. Он отдал честь.

— Завтрак, командор, — объявил он. — На двоих.

Джей Калам молча кивнул, отпуская его. Тяжелая дверь закрылась, и снова стало казаться, что длинный, со стенами цвета слоновой кости салон где-то вдали от корабля.

— Что обусловило мой специальный долг убить Стивена Орко? — спросил шепотом Боб Стар. — И как случилось, что он все еще жив после того, как прошло столько много времени после объявления, что казнь состоялась?

— Стечение обстоятельств. — Джей Калам встал, хмурясь, игнорируя накрытый столик, оставленный стюардом. — Несчастливые последствия Юпитерианского Мятежа. Вся история этого восстания никогда полностью не публиковалась, однако сейчас я расскажу тебе ее — чтобы ты мог понять особенный статус Стивена Орко и крайнюю необходимость твоих нынешних обязанностей.

Боб Стар кивнул. Он слушал, затаив дыхание.

— Орко с самого начала был для нас загадкой, — мрачно продолжал командор. — Многие люди считали, что в нем есть что-то нечеловеческое. Может быть, так оно и есть. Наши следователи вели работу с того момента, как он стал предателем, и все же ничего не узнали об его происхождении.

— Но я помню его родителей, — вмешался Боб Стар. — Они посещали его в Академии незадолго до... той ночи. — Он вновь обнаружил, что держится за шрам, и опустил руки. — Он устраивал в их честь вечеринку. Он пригласил всех моих друзей, и они оставили меня.

— Это лишь приемные родители. Приемный отец, Эдвард Орко, похоже, нашел его, когда тот был всего лишь ребенком, при особых обстоятельствах. Орко был преуспевающим промышленником. Он имел обширные владения среди астероидов. Он держал дом на Палладе.

Все, что мы знаем теперь о том, как Орко нашел Стивена, наши люди выяснили у его старых слуг.

Это случилось около тридцати лет назад. Орко путешествовал к Марсу на космической яхте. Он и его жена посетили некоторые из их владений, разбросанных на малых астероидах, и отправились на Марс провести сезон отдыха. Путь завел их далеко от обычных космических линий.

Примерно в сорока миллионах миль от Марса их навигатор обнаружил необычный объект, дрейфующий в космосе. Его засекли метеоритные детекторы, однако это был не обычный метеорит. Доклад навигатора настолько заинтересовал Орко, что он повернулся назад, чтобы исследовать

объект. Это оказался цилиндр из магниево-литиевого сплава восьми футов в длину. Он имел тщательно подогнанный винтовой колпак, запечатанный в нескольких местах черным сургучом. На каждой печати был занятный алый символ: витой крест — крукс анзата, древний символ жизни — над скрещенными костями.

Орко вышел в космическом скафандре для изучения объекта. Он решил взять его на борт, в воздушный шлюз, и открыть. Жена возражала. Скрещенные кости, настаивала она, означают опасность. Форма и размеры объекта напоминали гроб, и она предположила, что там может находиться умерший от какой-нибудь заразы человек.

Но Эдвард Орко был человеком твердым. И неудивительно — кто бы еще на дальней границе смог добиться удачи? А его любопытство основательно разгорелось. В конце концов, цилиндр затащили в воздушный шлюз. Потом, когда никто из экипажа не вызвался добровольцем, он заперся в отсеке с цилиндром сам. Он вскрыл печати и отвинтил колпак.

Стенки цилиндра были толстыми и тщательно изолированными от космического холода. Внутри он был заполнен резервуарами с кислородом, водой и жидкой пищей. Там были нагреватели и термостаты, и конденсаторы для осушения воздуха. Короче говоря, это был маленький космический корабль, только без двигателя.

Среди аппаратуры в чем-то вроде колыбели лежал Стивен Орко. Рыжеволосый младенец возрастом меньше года. Он был голым и ничего не говорило о его личности. И уж очевидно, что он ничего не мог рассказать о своей истории. Эдвард Орко постоянно искал информацию, обещая большое вознаграждение, однако ничего стоящего не получил.

Стивен Орко имел, так сказать, несколько необычную внешность. Один взгляд больших голубых глаз завоевал сердце бездетной супруги Эдварда Орко. Чета усыновила младенца. Они дали ему все преимущества, которые позволяло их богатство, даже добились его приема в Академию.

— Его собственные способности вполне позволили бы ему обойтись своими силами, — вмешался Боб Стар. — Он мог получить любое образование, какое бы захотел.

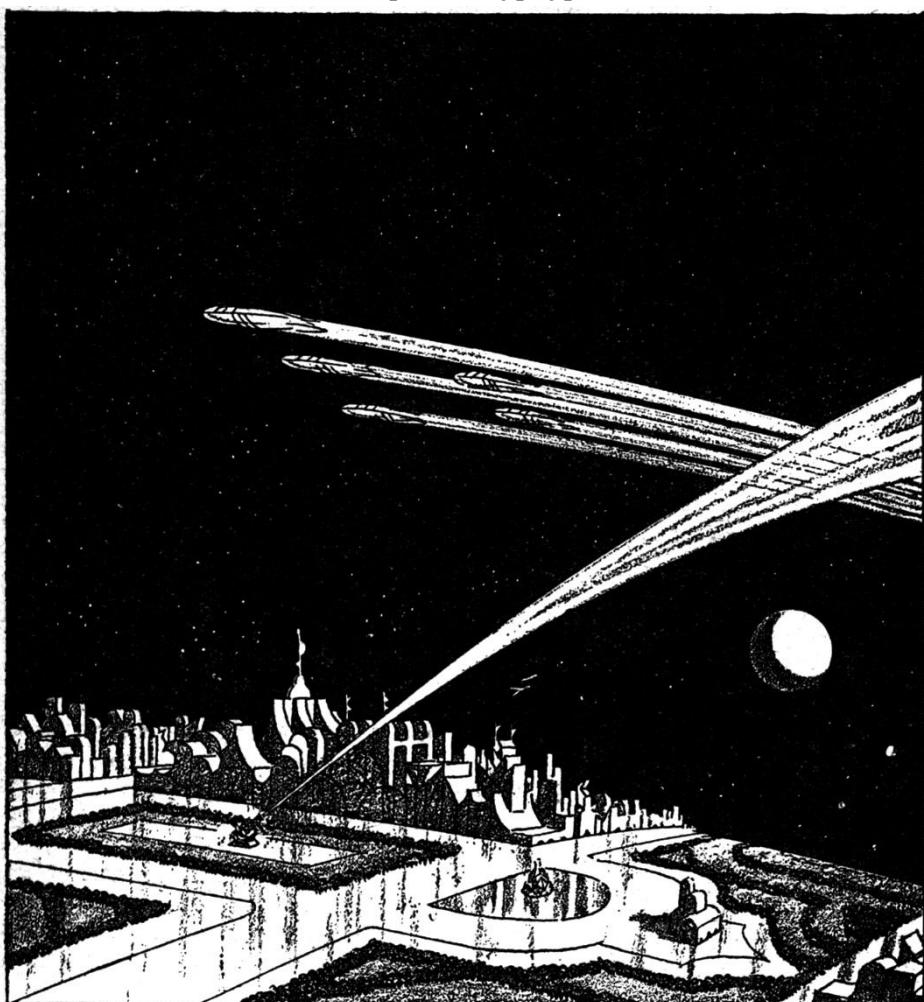
— Как бы там ни было, — продолжал Джей Калам, — он закончил учебу с высшими почестями. Он отправился на службу и быстро стал делать карьеру, соответствующую его способностям. Через четыре года он уже имел под началом собственный корабль. Еще меньше, чем через два года он получил назначение командиром Юпитерианского Патруля.

Я надеюсь, что ты знаешь, что спутники Юпитера населены по большей части беглыми Пурпурными — врагами

демократического Зеленого Холла. Они переселились туда после того, как была свергнута Империя, два столетия назад.

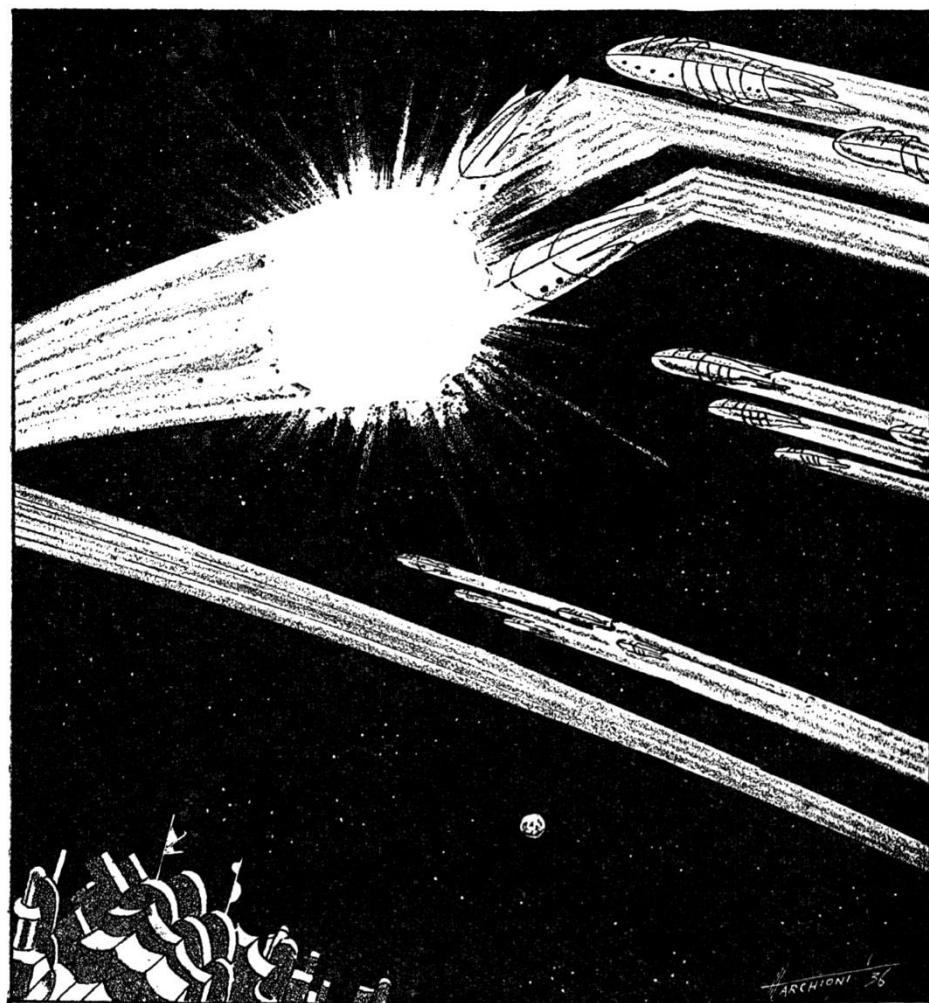
— Я знаю, — согласился Боб Стар. — Мой дед родился на Каллисто.

— Через год он вступил в командование Патрулем, — продолжал командор. — Мы вначале получали ультракоротковолновые сообщения от Стивена Орко о том, что он замечает неожиданные волнения среди Пурпурных. Однако он

утверждал, что держит ситуацию в руках, и не просил подкреплений.

Несколько недель мы бездействовали, пока группа беженцев не прибыла на Цереру на космической яхте с информацией о том, что Стивен Орко сам являлся вдохновителем мятежа, и о боях, которые начались, когда его заговорщики напали на патрульных. Гражданские сторонники Зеленого Холла систематически умерщвлялись.

Я отозвал все, какие возможно, корабли Легиона к окрестностям Марса, даже с Меркурия и Контр-Сатурна...

— Я помню, как нам рассказывали об этом в классе, в Академии, — сказал Боб Стар. — Я не видел Стивена Орко с того времени, когда он меня пытал. Я пытался поступить во флот, но рапорт принят не был.

— Твой отец просил меня игнорировать его, — сказал Джей Калам. — Я не знал того, что ты мне только что рассказал, иначе ты получил бы шанс добраться до этого человека. Потому что это был самый серьезный кризис для Легиона с тех пор, как Эрик Претендент привел тех чудовищ-захватчиков с Убегающей Звезды, чтобы они помогли ему восстановить Империю.

Как только флот собрался в окрестностях Марса, я взял твою мать, на флагман. Доклады, поступающие со спутников Юпитера, уже дали мне понять, что нам понадобится ее оружие.

Наш полет не встречал препятствий. Мы добрались до Каллисто, не встретив никаких враждебных действий, и я послал ультракоротковолновое сообщение, взывая к разуму осажденных. Ответом было что-то похожее на солнце, выпущенное по нам из крепости над городом Лел.

— Солнечная пушка? — прошептал Боб Стар. — Вы знаете, до меня доходили слухи, несмотря на цензуру и на то, что отец старался меня оградить.

— Корреспонденты называли их так, — кивнул Джей Калам. — Это оружие на той же основе, что применяли против нас более двадцати лет назад монстры с Убегающей Звезды. Энергетический вихрь, искающий координаты времени и пространства и делающий все тяжелые элементы такими же нестабильными, как плутоний, и создающий неодолимое притяжение для другой материи в ужасный водоворот атомной аннигиляции.

Темное лицо стало жестким.

— Стивен Орко, как ты и говорил, был очень умен. Он построил эту страшную машину на основе обрывков

информации, полученных беглецами-каллистянами от существ Убегающей Звезды, когда еще Пурпурные во главе с Эриком были с ними в союзе. Но каким-то образом он увеличил ее дальновидность и мощь. Первый выстрел уничтожил два наших лучших корабля. Я тут же увидел, что оружие Орко может достать до любой планеты в Системе.

Твоя мать уже собрала свое секретное оружие. Поскольку полного уничтожения мне не хотелось, я попросил ее стереть с поверхности спутника город Лел с внешними укреплениями.

Ты видел устройство в мирное время, Боб, в Яшмовой Комнате. Мать, должно быть, говорила тебе, что его действие не зрелищно. Я не был удивлен, когда она начала действовать, и ничего, казалось, не случилось. Однако я увидел ее выражение изумленного ужаса, когда мгновением позже она обернулась ко мне.

— Не работает! — прошептала она.

Одного взгляда на экран телеперископа было достаточно, чтобы увидеть, что фортификация Лела осталась неизменной. Мне удалось даже увеличить изображение настолько, что стала видна сама атомная пушка — колоссальная скелетовидная труба из металлических дуг, установленная на горной вершине возле города.

Пока я смотрел, к нам устремился второй вихрь. Что-то вроде спиральной туманности в миниатюре, в которой бешено взрывались метеоры и корабли, словно превращаясь в чистый плутоний. Второй выстрел уничтожил еще три крейсера, и твоя мать сразу поняла, что мы должны отступать.

Кто-то другой, сказала она, добрался до принципа АККА. Она попыталась объяснить, не компрометируя своей тайны, что оружие использует единственную нестабильность во вселенной, причем второй хозяин этого устройства способен предотвратить его использование первым.

Боб Стар кивнул.

— Она говорила мне о точке опоры, — сказал он. — Устройство, которое она собирает, — это рычаг, а ум

подразумевает силу, но точка опоры только одна. — У него резко перехватило дыхание. — Неужели Стивен Орко... открыл это?

Командор печально кивнул.

— Неудача твоей матери обуславливалась, по ее словам, тем, что против нас стоял другой хозяин АККА. Ее оружие больше не будет действовать, пока жив этот второй человек или пока у него не отберут этот аппарат.

Разумеется, твоя мать была способна не дать Орко использовать против нас эту тайну, однако сама по себе атомная пушка могла уничтожить наш флот. Уходя, мы потеряли еще шесть кораблей. Вслед нам полетело триумфальное послание Орко.

Послание состояло из оскорбительных фраз. Он предполагал, что твоя мать уже поняла, что он тоже является владельцем АККА. Он требовал, чтобы Зеленый Холл признал в нем верховного правителя Юпитерианской Империи.

Но даже этого было недостаточно для удовлетворения имперских амбиций Орко. Он потребовал торговых прав и концессий на каждой планете, и снятия ограничений на мощь и силу Легиона. Было ясно, что он намерен завладеть всей Системой.

Джей Калам стоял во весь рост, напрягшись, посреди роскоши огромной безмолвной комнаты в летящем корабле. Длинное лицо его было мрачным. Темные глаза прищуриены. Вibriрующий звон тихого голоса казался Бобу Стару затихающим эхом величественных подвигов.

— Мы были разбиты, — сказал он тихо, — однако не уничтожены. Легион никогда не был уничтожен, Боб. Ты должен помнить это.

— Да, сэр. — Боб Стар инстинктивно встал и вытянулся.

— Пока политиканы в Совете тянули время и спорили, как ответить на ultimatum Орко, мы принялись строить свою атомную пушку. Мы имели результаты спектрографических наблюдений за теми выпущенными солнцами и

несколько намеков, которые твой отец получил из личных документов Претендента в библиотеке Пурпурного Холла.

Эта информация была неполна и отчасти неточна. Но твой отец высказал замечательное предположение, что деформации пространства-времени увеличивают нестабильность атомов. Я сделал, что смог. Однако именно твоя мать, с помощью, может быть, собственной секретной науки, показала нам, как контролировать движение и рост полей нестабильности.

Мы построили и установили на Церере атомную пушку, во всем равную той, что стояла на Каллисто. Стивен Орко организовал свою Империю и в большой спешке рассыпал ультиматумы, потому что думал, что мы находимся полностью под его контролем. Успешное возведение атомной пушки на Церере было сюрпризом, который и послужил его разгрому.

Ни одно из этих орудий не могло уничтожить другое, потому что контрольные поля каждого защищали его от выстрелов противника. Орудие Стивена Орко было достаточно мощным, чтобы, имей он время, распылить все планеты в Системе. Один выстрел с Каллисто превращал десять тысяч квадратных миль на Меркурии в дымящуюся радиоактивную лаву.

Но наше орудие было столь же эффективным. Стереть жизнь со спутников Юпитера было проще, чем со всех других планет Системы. Мы должны были закончить первыми. И Стивен Орко, как ты сказал, был замечательно сообразительным человеком. Он тут же понял, что проиграл. Он был слишком умен, чтобы вести безнадежную борьбу. Он немедленно запросил пощады, когда наш первый вихрь обрушился на Каллисто.

Однако он потребовал, чтобы мы гарантировали ему жизнь. Он потребовал от каждого члена Зеленого Холла лично и от меня, за Легион, клятвы, что он будет защищен от любых покушений. Он сделал странное исключение, Боб,

в отношении тебя. До сегодняшнего дня я не мог понять, почему.

Боб Стар подался вперед, чтобы хрипло спросить:

— Что это за исключение?

— Думаю, я могу вспомнить его слова, — сказал Джей Калам. Вот что он сказал: «Оставь Роберта Стара. Он и я уже сделали все необходимое для защиты моей жизни. Если у этого щенка не слаба кишкa меня убить, пусть он это сделает».

Это заявление заставило Боба Стара дернуться вперед. Он дрожал. Тонкое лицо его напряглось, ногти глубоко вонзились в ладони. Треугольный шрам на лбу побелел.

— Его надо убить, — хрипло прошептал он. — Но я боюсь... боюсь, что не смогу этого сделать. — Рот его чуть приоткрылся, и он стоял, вытирая пот с бледного лица. — Я не могу вспомнить всего, что случилось, однако знаю, что Железный Исповедник что-то сделал с моим мозгом. Орко говорил, что намерен сломать меня. И я боюсь... боюсь...

— И я тоже, — печально улыбнулся командор. — Но мы — солдаты Легиона. — Мгновение он молчал, темное лицо его было резким и серьезным. — Клятвы офицера Легиона редко нарушаются, разве что такими, как Претендент или сам Орко.

Темные глаза посмотрели на Боба Стара.

— Но поскольку он сделал это издевательское исключение относительно тебя, Боб, то в наших интересах необходимо им воспользоваться. Пойми, я не приказываю убить его. Все, что я намерен сделать, — это удержать его в заключении, и ты волен предпринимать относительно его любые действия, какие сочтешь нужными. Ты получаешь приказ не дать Орко бежать.

— Да, командор. — Боб Стар облизал губы. — Я...я понял.

— Очень жаль, что нам приходится щадить жизнь предателя, — с сожалением нахмурился Джей Калам. — Твой отец был против этого. Я настоял, чтобы совет согласился с этим, потому что это могло спасти миллиарды жизней.

Быть может, выглядит удивительным, что Орко доверился Легиону, но он, очевидно, знает наши понятия о чести, хотя и презирает их, думая о собственной карьере. Тем не менее, все было уложено, и он стал нашим узником — самым опасным человеком, которого нам когда-либо приходилось содержать под замком.

— Так оно и есть. — Боб Стар быстро шагнул назад. — Если он знает секрет моей матери!

— Он под хорошей охраной, — продолжал Джей Калам. — Мы объявили, что он осужден и наказан, чтобы обескуражить возможных спасителей. В потайном месте мы построили надежнейшую крепость, которую только могли создать наши инженеры. Он содержится там под именем Меррин, мертвый для всего мира. Но не, — тихо добавил командор, — для кометчиков.

— Да? — спросил Боб Стар. — Это почему?

— Существа с кометарного объекта открыли, что Стивен Орко жив, — хладнокровно сказал Джей Калам. — Именно по этой причине твоему отцу и было приказано немедленно уничтожить комету.

— Но как... — Боб Стар сглотнул, чтобы прочистить горло.

— Как они раззнали?

— Точная информация о Стивене Орко, в том числе, о месте его заключения, хранилась в подземелье Зеленого Холла. Подземелье считалось недосягаемым и всегда охранялось верными людьми.

Однако невидимки с кометы проскользнули в здание. Они убили четырех часовых, причем неизвестным оружием. Они взломали замки, которые проверил и не смог открыть сам Жиль Хабибула. Они выкрали все документы, касающиеся Стивена Орко.

— Если они выпустят его... — Боб Стар покачал головой. Лицо его было серым от раздумий. — Я даже не хочу об этом думать. Стивен Орко не станет хранить верность человечеству. Если кометчики станут нашими врагами, он охотно присоединится к ним.

— В это трудно поверить. — Командор поднял голову, хмуро улыбаясь. — В любом случае, я надеюсь, что кометчики встретят нас как друзей. Если им не удастся расшифровать наш жест приветствия, вспомни о долге. — Голос его стал тверд. — Не дай Орко бежать.

Боб Стар утонул в огромном кресле, дрожа. Тонкое лицо превратилось в маску боли, и шрам от Железного Исповедника был мертвенно-бледен. Искаженные мукой глаза с мольбой глядели на Джекса Калама.

— Я попытаюсь, — жалко прошептал он. — Однако я... боюсь...

ДЕВУШКА В СТЕНЕ

«Непобедимый» снижался над южным полюсом Нептуна. Восьмая планета была огромным и негостеприимным миром бледных сумерек и суровой ночи. Огромные сооружения планетарных инженеров, возводившиеся в течение долгих веков, уже очистили ядовитый воздух от метана и аммиака, выработали достаточно чистого кислорода, чтобы поддерживать человеческую жизнь, и на много градусов повысили температуру поверхности. Над большими залежами полезных ископаемых в экваториальных зонах были построены города, но гигантский полярный континент еще не был готов к колонизации. Заставшие пустоши, большие, чем вся Земля, покрытые замерзшими бесконечными болотами. Они были обозначены на межпланетных картах так: «Необитаемо и опасно». «Избегать посадок».

Несмотря на это предупреждение, «Непобедимый» приземлился в трех градусах от полюса. Боб Стар и его двое теплохранителей спустили трап на темную застывшую равнину. Уже дрожа, они спустились с корабля бегом. Позади загрохотали дюзы. Они упали ничком, чтобы укрыться от жаркого урагана струй. Корабль поднялся и исчез в

облачных зеленоватых сумерках, унося Джея Калама навстречу кометчикам с миссией доброй воли.

Из туманной тьмы вышло подразделение легионеров. Они проверили всех троих, рассмотрели их удостоверения и проводили их в крепость, стоявшую на низком и пустынном холме. Они уже почти поднялись на него, прежде чем Боб Стар смог что-нибудь увидеть. Внезапно над ним в зеленоватом сумраке нависла массивная стена.

— Стена кольцевой формы, сэр, — сообщил ему офицер стражи с благоговейным уважением к подписи Джея Калама на его бумагах. — Внутри круглое поле, на котором сейчас находятся четыре наших крейсера. Однако тюрьму вы даже не увидите. Это закрытый цилиндр из пердьюрита. Камера Меррина в тысяче футов под поверхностью.

Гигантская бронированная дверь пропустила их в стофутовую толщину стены. Боб Стар немедленно попросил, чтобы ему показали узника. И наконец его повели мимо удивительно длинных пердьюритовых стен коридоров, через огромные цилиндрические двери, которые тщательно закрывались за ним, по скрытым лифтам, мимо хмурых бдительных стражников в сторожевых витрилитовых полусферах, и он увидел человека, которого должен был убить.

Огромная дверь пропустила его в маленькую квадратную комнату, где стояли двое часовых. Противоположная стена представляла собой толстый сияющий лист витрилита. За этой непроницаемой прозрачной стеной находилась камера Стивена Орко.

Заключенный сидел в большом кресле и читал. В одной из своих больших рук он держал стакан с красным напитком, и его красивое тело выглядело расслабленным в зеленом халате. Боб Стар увидел красивое лицо и легкую улыбку, наползающую на широкий женственный рот.

— Это Меррин, сэр, — сказал офицер. — Он был закрыт витрилитовой стеной два года назад, при завершении строительства тюрьмы. Никто с ним до сих пор не разговаривал. Камера звуконепроницаема, и охранникам приказано

игнорировать любые сигналы, которые он подаст. Все металлические предметы у него забрали. Воздух, вода и жидкая пища поступают к нему по скрытым трубам из другой комнаты, в которую имеет доступ только начальник...

Он замолчал, чтобы показать маленькую красную кнопку на серой стене рядом с ним.

— Я должен предупредить вас, сэр. К этой кнопке нельзя прикасаться. Она соединена с клапаном, который может наполнить комнату смертельным газом. В наши обязанности входит защищать его жизнь, доверенную Легиону.

Боб Стар едва слышал его последние слова сквозь внезапный звон в ушах. Его тело вдруг покрыл холодный пот. Он качался от тошноты и слабости. Маленький красный диск глазел на него, как зловещее око.

Он должен был всего лишь коснуться ее. И только.

И обида девяти лет исчезнет. Невыносимое пламя погаснет в нем. Даже эта старая боль, чувствовал он, уйдет, и Система будет освобождена от злого гения Стивена Орко...

Он сознавал, что узник видит его. Голубые глаза, холодные и горящие безрассудством, оторвались от книги. Благородное лицо иронично улыбнулось. Стивен Орко лениво встал и подошел к прозрачной несокрушимой стене. Он показал на красную кнопку и насмешливо похлопал себя по ноге. Полные губы изобразили ироничное беззвучное приветствие.

Боб Стар вдруг почувствовал желание поговорить с ним. Это была их первая встреча с той ночи пыток. Он пытался надеяться, что вцепившийся в него ужас рано или поздно растает, что исчезнет иллюзия боли, когда он встретится со Стивеном Орко при новых обстоятельствах.

— Да, — сказал офицер, — телефон здесь есть, однако об его предназначении забыли.

— Всем известно, какие мне даны указания, — сказал Боб Стар. — Мне необходимо поговорить с Меррином.

После переговоров с комендантом он получил разрешение. Боб Стар остался один в прозрачной серой комнате.

Магнитный динамик ухнул, и затем он услышал чистый густой баритон Стивена Орко:

— Приветствую, Боб! Меня забавляют твои попытки присоснуться к красной кнопке.

Боб Стар почувствовал, как его лицо стало жестоким.

— Смейся, если хочешь, — пробормотал он хрипло. — Однако я смогу это сделать, если надо.

— Если хочешь, поптайся снова. — Изdevательский смех Орко громко раскатывался из динамика. — Нет, тебе ни за что этого не сделать, Боб. Не сделать с тех пор, как ты пообщался с Железным Исповедником — я слишком много раз видел, что ультразвуковые волны делают с мозгом и той штукой, что зовется храбростью. Я никогда не буду бояться, что ты сможешь меня убить. И никто другой не посмеет, я уверен, из-за этого дурацкого кодекса, которого придерживается Легион.

Задрожав от внезапного приступа омерзения, Боб Стар отчаянно повернулся к кнопке. Он мрачно потянулся к ней, однако старый страх завопил в нем: «Ты не сможешь!» Руку охватила немота. Он отошел назад, шатаясь, плечи его поникли. Слезы затуманили глаза. Руки безвольно повисли.

— Я действительно рад тебя видеть, — громыхал голос Стивена Орко. — Потому что ты, должно быть, послан сюда в глупой надежде, что можешь меня уничтожить. Это означает, что эти фантастические меры предосторожности сочтены неадекватными. Отсюда я делаю вывод, что снаружи у меня появился мощный союзник и что я могу питать надежду на скорое освобождение.

— Нет, если только я смогу помешать этому!

— Не сможешь, Боб. Я тебя одолел. — Боб Стар был изумлен и сбит с толку той кипучей ненавистью, которая вдруг прорвалась сквозь маску иронии. — Я сломал тебя навсегда!

Голос Орко внезапно стал тише. Он говорил с придыханием, все более скрипуче, переполненный чудовищной ненавистью:

— Когда я впервые услышал о твоем существовании, еще будучи ребенком, я испытал просто-таки бешенство при мысли, что совершенно ни на что не способный слабак, благодаря чистой случайности, однажды может стать самым могущественным из людей. А я в то же время буду ничем. И я решил, еще до того, как увидел благородного ребенка из Пурпурного Холла, раздавить тебя и присвоить все твое наследство.

Стивен Орко помолчал. Широкий рот его скривился вдруг в сверкающую удовлетворенную улыбку, и голос его вновь был легок, когда он заключил:

— Тебя было несложно сломать, Боб. Железный Исповедник убил в тебе все опасное в ту же ночь. Я признаю, что позднее меня беспокоили вопросы этики, но время вскоре ответило на них. Подумай так: один из нас имеет АККА, которое ему дали, второй смог открыть его собственными силами. Кто его больше заслуживает?

— Владение АККА — не просто утеха для эгоиста, — хрипло ответил Боб Стар. — Это сложнейшая задача, она заирает всю жизнь и, в конце концов, требует смерти Хранителя. Но как... ты его открыл?

Узник покровительственно улыбнулся.

— Я расскажу тебе, Боб, — сказал он спокойно. — Однако только для того, чтобы заявить свои права на него и подчеркнуть полную справедливость моих действий. Я должен заметить, кстати, что не намеревался позволять этой тайне стать для меня каким-нибудь бременем. Твоя беда, Боб, что ты просто недостаточно большой для такой работы.

Он насмешливо покачал головой, видя, как бессильно дрожит Боб Стар.

— Как бы там ни было, — легко продолжал он. — Я просто следовал методам исследований, которые мог предложить себе любой разумный индивидуум. Я тщательно собирал данные, формулировал гипотезы экспериментальным путем и, наконец, пришел к удовлетворительному заключению.

Еще когда я был в Академии, я нашел тайный проход в закрытую почти для всех библиотеку и прочел все существующие доклады об использовании АККА со временем его создания великим предком твоей матери, Чарльзом Антаром, когда он сам был узником, охраняемым почти так же, как я теперь.

Последняя запись о применении оружия относилась ко времени уничтожения старого спутника Земли — после того, как он был захвачен и укреплен ни о чем не подозревающими союзниками Претендента. На яхте моего приемного отца я обыскал орбиту исчезнувшего спутника. Наконец, после долгих поисков, я нашел три металлические пуговицы.

Не больше, чем кончик моего большого пальца — это было все, что осталось от Луны. Очень скоро я понял, что мне бы повезло, если бы я нашел один-единственный атом. Только потому, что твоя мать работала в спешке, наспех собранным инструментом, аннигиляция тяжелых элементов произошла не полностью.

Несколько месяцев напряженной работы в лаборатории, которую финансировал отец, открыли мне природу воздействия АККА на эти металлические образцы. Связать причину со следствием — это уже вопрос математической логики. Осталось лишь проверить альтернативные гипотезы и построить действующую модель — и тайна была моя.

Узник помолчал, опять улыбнувшись.

— Ты не согласен со мной, Боб, что такие способности заслуживают награды? Определенно, я — самый одаренный из людей; логика уверяет меня, что, в таком случае, я их полноправный правитель. И я стал бы им, Боб, если бы не одна оплошность.

Боб Стар хрипло прошептал:

— Какая?

— Я не смог убить твою мать. — Стивен Орко беззаботно пожал плечами. — Беда в том, что я не увидел, пока не стало слишком поздно, единственного ограничения этого оружия.

Я не пытался использовать его, пока она сама не пыталась. Это была неудача для нас обоих, и эта оплошность привела меня сюда. Однако она не повторится, если у меня появится новый шанс.

Он зловеще хихикнул.

— Я не боюсь сказать тебе об этом, — добавил он нежно, — потому что знаю, что ты не станешь трогать красную кнопку, даже для того, чтобы спасти жизнь собственной матери.

Боб Стар знал теперь, что ему надо делать, но все же не мог — в любом другом случае, однако не сейчас. Он устало дал сигнал стражникам, и телефон разъединили. Узник снова оказался запечатан в безмолвной гробнице, и он остался один в маленькой внешней комнате, хмуро решив оставаться здесь, пока не сможет нажать на кнопку или пока надобность в этом не отпадет.

Стивен Орко тихо вернулся в кресло к своей книге. Он расслабился в зеленом халате, потягивая напиток и явно не принимая во внимание никаких опасностей для своей жизни. Дважды Боб покидал твердую скамью, на которой сидел, пытаясь притронуться к кнопке.

Этот простой акт казался невозможным. Попытки не приводили ни к чему, только усилили нестихаемую пульсацию в голове, и он слабел от дурноты. Он отступал на время, в отчаянии надеясь, что стимуляция экстремального случая побудит его на это действие, если ситуация станет критической.

Он безнадежно отступал к скамье. Внезапно, когда он сидел, глаза его раскрылись. Дыхание прервалось, и длинные пальцы сжались в кулаки. Он подался вперед, уставясь на серую твердую стену. Ему показалось, что ее поверхность начинает покрываться смутными движущимися тенями.

Массивная дверь по-прежнему была закрыта за спиной. Тревожные сигналы молчали. Лист витрилита был по-прежнему непроницаем, и гигант в кресле за ним не обращал на него внимания. Не было ни намека на присутствие другого

человека — некому было отбрасывать на стены ползущие тени. Он смотрел на них, не дыша.

На сером фоне замерцал смутный синий крут. В нем мелькали призрачные тени. Внезапно, словно некая трехмерная проекция собралась в фокус, твердая броня стены растаяла, сменившись изумительной сценой.

Он смотрел в странную комнату, утопавшую, словно глубокая ниша, в стене подвала. Ее поверхность была покрыта завивавшимися спиралью кривыми линиями, и цвет их был совершенно черным, и усеяны были эти линии маленькими блестящими голубыми кристалликами, узорчатыми как снежинки.

В этой полости в стене на многоугольном пьедестале, голубом и прозрачном, стояла девушка. Где-то внутри этого огромного сапфирового многоугольника горело нестойкое пламя, и смутные отблески танцевали на крошечных снежинках.

Сверхъестественно живая на фоне этой спиральной раковины и синего огня, девушка стояла и глядела на него. Выражение ее лица было отчаянным — можно сказать, это был мучительный порыв. Одна красивая рука была вытянута вперед и приподнята, словно в жесте предупреждения об опасности. Бледный овал лица искажен ожиданием опасности, яркие губы раскрыты, словно хотели сказать какое-то предупреждающее слово.

Она повернулась, чтобы показать через прозрачную стену на Стивена Орко, который сидел, погрузившись в книгу и питье. Не сводя изумительных золотых глаз с Боба Стара, она настойчиво показывала на красную кнопку, которую он никак не мог нажать.

Он опять двинулся к ней, и снова в нем поднялась вся боль Железного Исповедника и остановила его. Он безнадежно отвернулся от девушки, чувствуя себя ничтожеством. Она явно хотела, чтобы он убил Стивена Орко, — и он подумал внезапно, что эта искаженная паникой красота — не

более чем галлюцинация, оживший символ его бессильного отчаяния.

Она увидела, как он повернулся, и на лицо ее набежала трагическая тень печали. В золотистых глазах погас свет. Белые суставы пальцев поднялись ко рту в жесте полного отчаяния. Затем она вздрогнула, словно услышав некий безмолвный голос. Она задрожала, вновь предложив ему нажать на красную кнопку, безнадежно и отчаянно. Потом, когда настойчивая мольба на ее лице сменилась печалью, в голубом пьедестале взорвалась бомба холодного пламени. Сапфировые блестки хрустальным инем заплясали на спиральных стенах. Голубое свечение наполнило нишу и медленно погасло. Темные тени сгостились и не спеша растворились.

Серая стена опять стала сплошной.

И Боб Стар снова остался один. Он покачивался, дрожа, слезы поражения и отчаяния наполнили глаза. Он покачал головой и резко взглянул на Стивена Орко, который отставил пустой стакан и по-прежнему глядел в книгу.

В мозгу Боба Стара бушевало смятение. Неужели она была реальна? Все прежние сомнения поднялись в нем в тот последний момент его бесплодной попытки и ее печального ухода, однако теперь в нем молотом стучал вопрос. Живой человек... здесь? Или только мучительная проекция собственных невыносимых тягот?

Он вскочил, услышав, как раскальвается тишина в комнате. Рядом из динамика хрюпло послышалась команда:

— Экстренная ситуация! Запереть все выходы! Находиться... — Голос непонятно почему прервался кашлем. — Быстро! — Теперь это был прерывистый шепот. — Невидимки... Я не вижу...

Теперь Боб Стар судорожно вздохнул. Он должен действовать или предаст Легион. Сопротивляясь ломоте во всем теле, он повернулся к серой стене. Кнопка мигнула ему — красный издевательский глаз. Он сознавал, что Стивен Орко отложил книгу и глядит на него, откровенно забавляясь.

Он заставил себя сделать еще один шаг. Внезапно он облился потом. В ушах вновь ревело. Это усилие опять бросило его в объятия Железного Исповедника. Он снова почувствовал давление холодной стали вокруг головы, и жесткий напор трехгранного лезвия, и жаркую боль невыносимой вибрации. Он увидел во тьме комнаты бешеное лицо Стивена Орко и услышал усиленный голос, свирепый и превращающийся в невыносимую боль:

— Что, не нравится, щенок? В таком случае, тебе лучше передумать. Потому что ничего ты с этим уже не сделаешь. Сейчас я сделаю так, что ты никого уже не сможешь убить. Эта машина сильнее, чем чья-либо воля. Когда она тебя сломает, ты останешься сломанным. Даже если ты и не был до сих пор ничтожным трусом — будешь. Ты не сможешь убить меня. Ты не сможешь...

Эти слова вновь и вновь эхом отзывались в его мозгу — постгипнотический эффект. Он не мог убить — но он должен! Образ испуганной девушки в стене снова вернулся, и он сделал еще один неуверенный шаг к проклятой кнопке.

Однако он все равно не мог убить...

Что-то случилось с освещением в комнате. Лампы стали зелеными. Или, вернее, это зеленый свет проникал сквозь массивную дверь за стеной. Критическая ситуация. Он должен действовать, и осталось всего два шага...

Зеленоватый туман заполнил комнату, быстро поднимаясь против витрилового барьера, который отделял его от Стивена Орко, — или так было только в его глазах? Серые стены расплывались, и ему показалось, что они намерены раствориться и открыть ему новую неожиданную картину.

В коже возник странный зуд. Что-то заставило онеметь все его ощущения. Немота охватила все его члены. Он яростно выбросил руку к красной кнопке, или только попытался? У него больше не было руки. Тьма аннигилировала все. Он не почувствовал, когда упал на пол.

ЗВЕРЬ ТУМАНОВ

Боба Стара привел в чувство приглушенный рев дюз снижающегося корабля. Пронизывающий холод заставил онеметь его напряженные конечности, и глаза открылись навстречу гнетущим зеленым сумеркам. Он увидел, что лежит на замерзшей земле, все еще скованный зудящим параличом, который лишил его сознания.

Пытаясь собраться с чувствами, он огорченно пытался вспомнить, что пробел в сознании содержал что-то немыслимо ужасное. Наверное, мозг не справился с этим и отрицнул для сохранения рассудка.

Спустя мгновение, однако, тошнотворный факт собственной неудачи вернулся. Отчаяние смыло все остальные полуиспоминания, и он опять на время погрузился в безнадежную и сокрушенную апатию, пока усиливающийся рев дюз не стал настолько громким, что он уже не мог его игнорировать. Вдохнув ледяного воздуха, он с трудом усился. Он был изумлен, обнаружив, что находится на самом краешке манящей бездны. Плоское и пустое лицо Нептуна было изуродовано не более чем в двенадцати футах от того места, где находился он, жутким провалом зеленоватой тьмы. Он, похоже, не имел ни противоположной стены, ни дна. Он отполз от него, собрав все свои силы.

Хруст под чьей-то ногой подхлестнул его нервы. Он мгновенно повернулся и затем ухмыльнулся с потрясенным облегчением, увидев двух своих телохранителей, благополучно выбравшихся из этой неописуемой бездны и глядящих на смутное голубое мерцание в облачной тьме над головами.

— Эй! — громыхнул Хал Самду. — Это корабль.

— И вовремя же, мы спасены! — прохрипел Жиль Хабибула. — Знает дорогая жизнь, мы достаточно долго ждали, погибая в этой коварной стуже.

— Жиль, — позвал возбужденно Боб Стар. — Как вы здесь оказались? И что это за провал?

— Ах, парень. — Толстяк подошел к нему, колыхаясь при ходьбе, стараясь не приближаться к жуткой бездне и, тем не менее, с облегчением вздыхая. — Мы думали, ты так и не очнешься, прежде чем умрешь от холода.

Гигантская сила Хала Самду подняла его на ноги. Слабо вцепившись в двоих мужчин, он почувствовал, что Жиль Хабибула рыдает от радости.

— Долго мы ждали, дружище. Смертельно долго...

— Провал? — Он пустым взглядом посмотрел на него, в то время как Жиль Хабибула оттаскивал его подальше от края. — Где мы?

— Это то, что осталось от тюрьмы. — Голос старого солдата был тонок от страха. — После того, как нападавшие забрали узника, с неба ударил красный свет — там, должно быть, находился их невидимый корабль. Стены под ним превратились в ничто. Сама земля превращалась в красное пламя и исчезала. Ах, дружище, этот жуткий провал — все, что осталось от тюрьмы, гарнизона и крейсеров Легиона, стоявших за стеной. Я не понимаю...

— Так он сбежал!

Боб Стар тяжело повернулся к этой чудовищной бездне, чувствуя себя слишком слабым даже для того, чтобы броситься в нее. Он подвел Легион, и последствия этого парализовали его мозг. Теперь ничто не имело значения. Он был пуст, равнодушен, и глаза его глядели на судорожные всплески пламени, вырывающегося в облаках из дюз.

— Он садится поблизости! — просопел Жиль Хабибула с благодарностью. — Кометчики бежали с узником, а все остальные погибли, но мы, по крайней мере, спасены.

— Скажи мне, — настойчиво прошептал Боб Стар, — как вам удалось выбраться?

— Нам и не удалось, парень, — ответил Жиль Хабибула. — Это узник пощадил наши жизни. Я даже не знаю, почему.

Он сказал нам, что в действительности он — великий мятежник Орко, однако я полагаю, что ты об этом уже знал.

— Знал, — грустно ответил Боб Стар. — Я должен был убить его, если возникнет опасность его бегства. — Он всхлипнул, хотя и пытался сдержаться. — Но... я не смог этого сделать.

— Мы с Халом ждали тебя в коридоре снаружи. — По счастью, старик, похоже, не заметил его слез. — Внезапно мои старые нервы были потрясены жуткой тревогой. Зазвучала сирена, и на посты побежали полуодетые люди.

Большинство из них не добежало. Они падали, приятель, поражаемые тварями, которых даже не видели. И зеленый туман закрыл мои старые глаза. Я беспомощно упал вместе с остальными. Пожалуй, немного раньше остальных, ради спасения моей драгоценной жизни.

Хотя в то время, когда я цеплялся за свой старый помутневший рассудок, Хал и все остальные, похоже, уже ничего не видели. Я услышал лязганье замка и увидел, как поворачиваются эти огромные двери. Потом я услышал, как какие-то жуткие существа проникли внутрь, — я их так и не увидел.

Неожиданно из камеры вышел заключенный Орко — он говорил и жестикулировал, обращаясь, похоже, к пустому пространству. Ответом ему были совиные крики и громыхание, от которых кровь стыла в жилах. И твое тело, парень, плыло за ним следом, несомое кем-то, кого я, по счастью, не видел.

Узник показал на Хала и на меня, и что-то подняло нас — что это было, я не знаю. Однако нас вынесли из тюрьмы и бросили сюда, на эту мерзлую землю — не постелив покрывала или хотя бы куртки и не дав даже жалкого кусочка пищи.

Поблизости находился какой-то гигантский корабль. Ничего подобного я прежде не видел — да его и нельзя было увидеть, так как он был невидим, — но зато слышал гул механизмов и лязг открывающихся воздушных шлюзов. Мое

бедное старое сердце едва не остановилось, когда узник заговорил со мной. Голос его звучал прямо напротив, хотя я и не видел его.

— Ты Жиль Хабибула, взломщик замков, — приветствовал он меня. — Поклон твоему знаменитому искусству. — Он засмеялся, однако мне это не очень понравилось. — Я думаю, мы с тобой братья.

Затем его голос покернел от ненависти.

— Я знаю, что вы, двое, — два ничтожных телохранителя того жалкого придурка, который называет себя Бобом Старом, — сказал он. — Я думаю, он вновь придет в сознание. Скажи ему, что я пощадил его еще раз — в награду за то, что он не убил меня.

Он засмеялся, словно это была грязная шутка.

— Скажи ему, что вы, трое, — единственные живые люди на этом континенте, — продолжал он. — Скажи ему, что до моря пять тысяч миль и девять тысяч миль паковых льдов до острова Виляр. Боюсь, ему не хватит жизни, чтобы добраться туда, но вполне хватит времени, чтобы пожалеть, что он не нажал кнопку.

Он не сказал, какую кнопку, парень. Однако он рассмеялся опять — это был страшно-гулький смех из пустоты. И затем он сказал:

— Передайте Бобу Стару, что я исправлю допущенную оплошность в отношении его матери.

Потом он закрыл люк. Кто-то закричал, заухал — возможно, это были его новые друзья. Завизжал штурвал воздушного шлюза, зеленый туман заклубился, и корабль, который нельзя было увидеть, улетел — даже струи не светились.

Старый солдат задрожал.

— Это потому, что с неба ударил бледно-розовый луч света, я и предположил, что это был корабль. Луч прорезал облака и уперся в форт. Ужасное зрелище! Стены растворились в туман, искры и огненную пыль, и сама земля сгинула, и остался этот жуткий провал, уходящий вглубь планеты.

Жиль Хабибула вздрогнул.

— Ах, я, бедный! Кометчики — страшные враги. Я почти жалею, что этот корабль прилетел спасти нас. Если мы и покинем Нептун, то лишь для того, чтобы увидеть, как человечество будет уничтожено оружием, которого мы не знаем, и врагами, которых мы даже не увидим.

— Не говори так, Жиль! — Хал Самду грозно сжал гигантские кулаки. — Если мы выживем, то будем драться за Систему и за Хранителя Мира. Пошли! — Он нетерпеливо повернулся. — Мы должны отыскать корабль Легиона, прежде чем он улетит и оставит нас здесь.

Неуверенное сияние струй исчезло в облаках, но Боб Стар почувствовал слабый удар, когда корабль коснулся мерзлой равнины.

— Он опустился слишком жестко, — тревожно прошептал он. — Кажется, дюзы не работали временами, судя по свечению. Боюсь, что он рухнул.

Они бежали, спотыкаясь в тяжелой тьме, вдоль кромки бездны, туда, где исчезли отблески дюз. То, что они нашли, уже не было великолепным крейсером Легиона, а только грудой искореженного металла.

— Жизнь моя дорогая! — прохрипел Жиль Хабибула. — Здесь осталось не больше носа от несчастного корабля. Он никого уже не унесет с этой жуткой земли. Мы останемся здесь замерзать и умирать, как задумали Орко и его друзья-чужеземцы.

Боб Стар мрачно взирал на обломки. Огромные пластины брони были измяты и почернели, а массивные балки выпирали из разорванной плоти корабля, как сломанные кости. Иллюминаторы были выбиты, как ослепшие глаза. Дюзы расплющены. А колossalная протонная пушка вырвана с турели. Этот погибший корабль только что был боевым кораблем Легиона...

Сердце его подскочило к горлу. Он отвернулся и грустно покачал головой. Он увидел, что Жиль Хабибула и Хал Самду глядят на него.

— «Непобедимый» ...

Отчаяние парализовало голос, однако уже не нужно было ничего говорить. Могучий «Непобедимый» превратился в эти исковерканные обломки. Это означало, что жест дружбы не увенчался успехом. Это означало, что кометчики не имеют мирных намерений, и теперь, поскольку они освободили Стивена Орко, этот архипредатель сможет защитить их от АККА.

— О, горе! — горько стонал Жиль Хабибула. — Это только ничтожный кусочек великого «Непобедимого». И, несомненно, гроб для бедного Джая...

— Возможно, он остался жив. — Боб Стар вцепился в эту слабую надежду. — Его каюта была впереди, в этой секции. И кто-то, должно быть, оставался жив, раз эти дюзы работали...

— Перед крушением, — пробормотал стариk. — И я не вижу признаков жизни.

Хотя именно он заметил после того, как Боб Стар и Хал Самду не смогли проникнуть в этот фрагмент корабля.

— Парень, — спросил он, — ты видишь, что передний люк не поврежден?

— Да, — сказал Боб Стар. — Но он заперт.

— Так помоги мне добраться до него.

Они подняли его повыше, к механизму огромного входного люка. Он повис возле него на изогнутой балке, взгляdyваясь во тьму, в замок.

— Ах, я, бедный! — прошептал он печально. — Зачем понадобилось запирать боевой корабль, как драгоценный сейф? Неужели не доверяют людям Легиона?

Боб Стар глядел и восхищался быстрой проворной уверенностью пухлых рук старика. Он почти не удивился, когда что-то щелкнуло под почерневшей броней и загудевшие моторы стали открывать наружный люк.

— Знаешь, дружище, — победно засопел Жиль Хабибула, — что нет другого человека в Системе, который мог бы открыть такой замок? Дело в том, что вряд ли мне удалось бы

это — обратись Джей ко мне, чтобы я помог конструкторам разработать его. Однако давайте поищем его.

В рубке было пусто и темно. Они остановились, чтобы прочитать последнее, аккуратно написанное послание в журнале:

«Падаю в направлении южного полюса Нептуна. Геодины отказали, дюзы повреждены. Пытаюсь сесть возле тюремной базы. Генеральный приказ: кометчики — наши враги, и Легион должен сражаться до конца.

Калам».

— Джей! — озабоченно громыхнул голос Хала Самду. — Где ты?

— У себя в логове, конечно, — прошептал вдруг Боб Стар.
— Оно звуконепроницаемо.

Они побежали назад через помещение с картами к задранной двери, что вела в салон. Боб позвонил и стал ждать. Небольшая дверь открылась. Изнутри заструился золотистый свет, и затем он увидел высокого командира Легиона.

— Я думал, что я один. — Тихий голос Джекса Калама звучал с внезапной радостью. — Боб! Хал... и Жиль! Я уже совсем было с вами распроштался.

Он провел их в спартанскую роскошь длинного потайного салона и закрыл дверь. Гигантское тело Хала Самду расслабилось в его тепле. Жиль Хабибула поспешил на кухню за горячей пищей, но Боб Стар не чувствовал ни комфорта, ни аппетита.

— Я пытался... — вырвалось вдруг у него. — Я действительно пытался, командор! — Он поставил чашку с парящим супом, не в силах глотать. — Однако я не смог. — Его тонкое лицо исказилось свирепым самоомерзением. — Я всего лишь трус, как и говорил Орко...

— Не говори так. — Джей Калам покачал головой, — Я слишком хорошо знаком с последствиями, которые оставляют такие устройства, как Железный Исповедник, чтобы

винить тебя в чем-либо. Но я хотел дать тебе шанс проверить себя — отчасти ради тебя же.

— Спасибо, командор, — горько прошептал Боб Стар. — Однако я не оправдал! Я позволил Стивену Орко уйти, чтобы вынашивать замыслы убийства моей матери и вести кометчиков на Систему...

— Нет! — Голос Джая Калама был решителен и хмур. — Если здесь и есть чья-либо вина, то лишь моя — я слишком высоко поднимал знамя чести. Пожалуй, мне следовало приказать убить Орко. Я знаю, что мне надо было позволить твоей матери уничтожить кометарный объект.

— Вы уверены?

Командор мрачно кивнул.

— Способ, которым кометчики приняли предложенный нами жест дружбы, доказывает, что они абсолютно лишены высоких качеств, на которые я рассчитывал. Но, позволь, я тебе расскажу.

Не прошло и трех часов после того, как мы покинули Нептун, как экраны курсопрокладчика засветились. Мы ничего не смогли увидеть с помощью телеперископов, однако детекторы гравитации обнаружили присутствие невидимого объекта массой в пятьдесят тысяч тонн, приближающегося к нам сзади, словно он следовал за нами от Нептуна.

В надежде установить мирное общение я приказал географическому отсеку высветить сигнал: МЫ ДРУЗЬЯ. Я был уверен, по предварительным докладам о невидимых налетчиках, что кометчики знают о нас достаточно много, чтобы прочесть такое сообщение.

Однако они вовсе нам не друзья. Прежде, чем мы смогли повторить сигнал, «Непобедимый» был подхвачен грандиозной невидимой силой. Геодины против нее оказались бесполезны. Словно гальку в потоке, нас понесло ко вражескому кораблю.

Ты можешь представить себе невидимый луч энергии, Боб, — тубулярное силовое поле, как могут назвать это математики, — достаточно мощное, чтобы тащить

«Непобедимый», несмотря на включенные геодины, пять тысяч миль за пять минут? Именно это и произошло.

Затем на миг среди звезд мелькнул красный луч — со стороны невидимого корабля. И «Непобедимый» был разрушен, вся кормовая часть была уничтожена.

— Ого! — Жиль Хабибула отложил ложку, чтобы содрогнуться. — Я видел этот страшный свет. Я видел, как он испарил тюрьму и оставил этот кошмарный провал.

— Могу себе представить. — Командор помял длинный подбородок. — Материя не может быть уничтожена, и оружие твоей матери, Боб, не выводит, не должно выводить вселенную из равновесия, хотя и уничтожает бесследно ценные планеты. Я могу догадаться, что случилось с кораблем и тюрьмой. Полагаю, я даже знаю это.

Он задумчиво кивнул, в то время как остальные придвигнулись ближе.

— Материю нельзя уничтожить, — повторил он тихо. — Но ее можно превратить. Я полагаю, что красное свечение — эффект чего-либо, что превращает атомы в нейтрино, крошечные частички массы, которые могут проходить незамеченными сквозь любую материю.

— Должно быть, это и есть ответ, — согласился Боб Стар, с некоторым облегчением найдя какое-то объяснение появлению загадочного провала и все же покрываясь холодным потом при мысли о неведомой силе кометчиков.

— Как бы там ни было, — заключил вдруг Джей Калам, — вместе со мной остались в живых около сорока человек. Я не предпринимал попыток помешать им эвакуироваться на спасательных ракетах. Вихревая пушка была повреждена, мы не могли драться. Я остался на борту судна.

Шесть маленьких ракет помчались сюда, в направлении форта. Крошечный рой голубых звездочек, быстро мигающих во тьме пространства. — Темные глаза на мгновение прищурились, словно от боли. — Они отошли совсем недалеко, — хрипело прошептал он, — когда вдруг снова появился

красный луч. Маленькие голубые звезды покраснели и погасли.

Огромное усталое лицо Хала Самду побагровело от гнева.

— Так они, выходит, перебили уцелевших? — пробормотал он.

Джей Калам мрачно кивнул.

— Вот какова цена кометчикам — и Стивену Орко, потому что, похоже, он теперь их новый союзник.

Боб Стар изумленно посмотрел на него.

— Каким путем они ушли, командор?

— Насколько я смог проследить за ними с помощью детектора, Боб, они возвратились на комету.

— Мы должны идти следом, — прошептал Боб Стар. — Стивен Орко должен быть уничтожен!

— Должно быть, — Джей Калам безрадостно улыбнулся, — он уже не заслуживает неприкосновенности. — Он устало пожал плечами. — Я надеялся получить подмогу в форте.

— Однако теперь для нас здесь нет помощи, — горько пробормотал Боб Стар. — Мы — единственные люди на этом застывшем континенте, и у нас нет корабля...

Вмешался Хал Самду.

— Боб, мы здесь не единственные люди.

— Что?

— Ах, верно, здесь есть и другие... враги, — засопел Жиль Хабибула. — В этом чудовищном смятении у нас не было времени рассказать тебе, парень. Но какой-то чужак выходил на нас из тумана, пока ты лежал без сознания возле провала.

— Почему ты назвал его врагом?

— Он мне не друг! — Старый солдат вздрогнул. — Поначалу я решил, что это случайно уцелевший человек из гарнизона, и позвал его. Ответ пришел из протонного пистолета. Луч прошел мимо — спасибо туману. Затем Хал бросил камень, и чужак убрался, рыча и подывая, как раненый зверь.

— Вот как? — Казалось, у Джека Калама перехватило дыхание. — Вы уверены, что этот парень вышел не из форта?

— Это ясно как смерть, Джей. Я видел его в свете вспышки и уверен, что прошло много времени с тех пор, когда он мылся и брился для строевой проверки. Бородатый, волосатый, нечесаный, в выцветших тряпках.

— Странно, — сказал командор и тихо присвистнул. — Хотел бы я знать...

СМЕРТЬ НА НЕПТУНЕ

Когда они еще находились в окруженнной стенами цвета слоновой кости роскоши салона Джая Калама на разбитом «Непобедимом», Боб Стар спросил:

— Мы можем подать сигнал о помощи?

Командор покачал головой.

— Рубка связи разрушена вместе с запасным оборудованием в складских отсеках.

— Но не можем же мы бездействовать, — прошептал Боб Стар. — Будь у меня еще шанс... — На время он погрузился в горестное молчание, пока у него не мелькнула искорка надежды. — А можем мы построить новый корабль из обломков?

— Я доволен хотя бы тем, что смог спуститься, — сказал тихо Джей Калам. — Лучшие мастера Легиона никогда уже не оживят эту груду металломата.

— А нельзя ли?.. — Бобу Стару пришлось прикусить губу, чтобы не разрыдаться от бессилия.

— Я думаю, мы должны найти чужака из тумана, — сказал спокойно командор. — Если это не солдат гарнизона, то может оказаться, что он имеет возможность связи с внешним миром. Это не очень обнадеживающий план, однако ничего лучшего я не вижу.

Они искали косматого чужака три дня, но Бобу Стару удалось найти кое-что другое. Он остановился в туманной ночи. Фонарик качнулся в его руке, и тонкий луч света на

миг покинул то, что он открыл. Жиль Хабибула подобрался поближе и вопросительно произнес:

— Во имя жизни, что это?

Из морозной тьмы вышли Джей Калам и Хал Самду, и все они склонились над находкой Боба Стара: клочками разорванной и заляпанной кровью одеждой, небольшой грудой смерзшихся внутренностей, несколькими обглоданными костями и пустым черепом, все еще покрытым скальпом с желтыми волосами.

— Зеленая ткань... — Боб Стар поднял оторванный рукав.

— Это форма Легиона.

— Ах, даже так! — Голос Жиля Хабибулы стал тонким стоном ужаса. — Какой-то бедный солдат Легиона был сожран здесь ужасным чудовищем из тьмы, может быть, и с нами...

Джей Калам вдруг склонился, чтобы поднять блестящий, запачканный кровью предмет. Он повернул его под светом. Это была эмалированная заколка из белого металла — фигура птицы, держащей в когтях маленький свиток. Командор изучил ее, склонившись, прерывисто дыша сквозь сжатые губы.

— Нет, — тихо сказал он, — этот человек был не из этого гарнизона. Мне довелось его знать. — Он помолчал и выпрямился, задумчиво глядя в туманный мрак. — У него были бледные робкие голубые глаза под желтыми волосами, а голос — мягкий, как у женщины. Он писал картины — обычно небольшие пейзажи. Он сочинял то, что считал стихами, и читал их вслух друзьям. Кажется странным, что такой человек мог вот так умереть.

— Кто это был? — прошептал Боб Стар.

— Его звали Джустин Малькар — друзья обычно называли его мисс Малькар. Однако только за глаза, потому что на деле он был компетентным офицером. Экипаж любил его достаточно, чтобы подарить ему эту заколку в последний раз, когда он привел корабль на Землю. Хорошо выбранный подарок. К таким безделушкам он тяготел, как женщина.

Командор нагнулся, чтобы положить заколку на камень возле обглоданных костей, и Боб Стар сказал:

— Не понимаю, что привело его сюда?

— Его слабость, я полагаю, — сказал Джей Калам. — И сила Стивена Орко. Он был, по-моему, на несколько лет старше Орко, но они имели одно звание, когда получали назначение в Юпитерианский Патруль. Очень скоро Орко прибрал его к рукам. Насколько я помню, его корабль одним из первых примкнул к смутьянам. Хотя он был неплохим человеком — просто Орко воспользовался его необычными слабостями.

Когда мятежники были разбиты, корабль Малькара исчез. Это была «Птица Зимородок», мощный новый крейсер. Орко сказал, что он был уничтожен нашими атомными выстрелами. Мы, однако, вскоре установили, что на нем бежал Марк Лардо — богатый каллистянский промышленник, главный помощник Орко.

Мы заподозрили, что они задумали возвратиться на крейсере и освободить Орко. Два года Легион обшаривал пространство в поисках исчезнувшего корабля, но это первый след...

Он вновь взглянул вниз, на сверкающую на камне яркую заколку.

— Но кто на него напал?

— Я думаю, мы найдем ответ, — тихо сказал Джей Калам, — когда отыщем бородатого бродягу, который стрелял в Жиля и Хала.

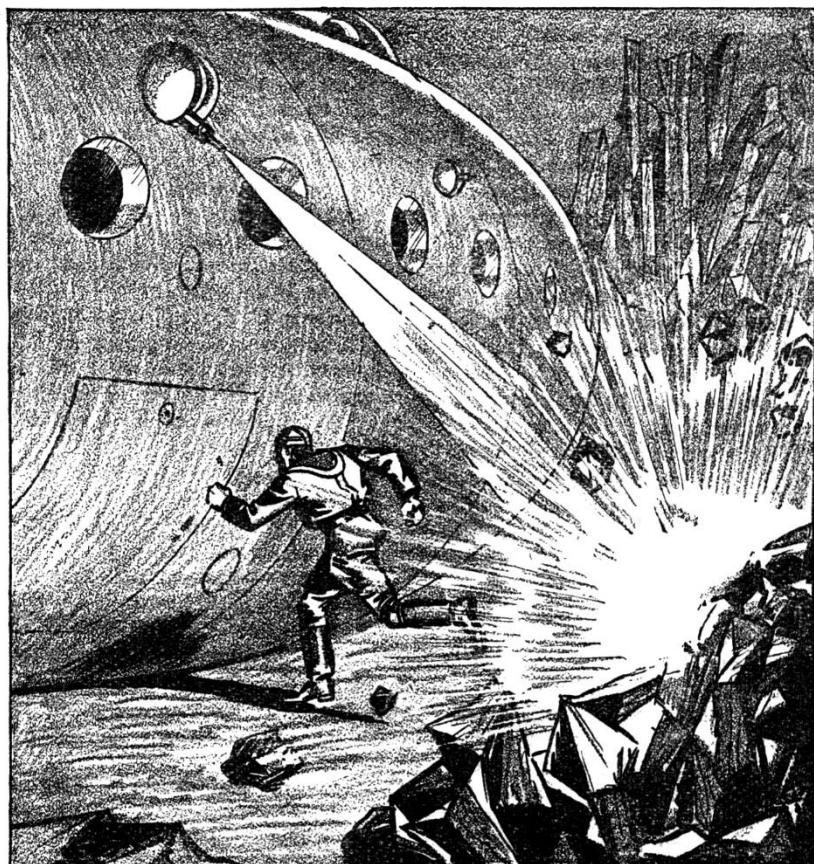
Он протянул руку и отстегнул с пояса картограф. Он взял с собой этот небольшой прибор, чтобы отмечать их продвижение. Он открыл крышку и вытащил ленту с записью.

— Мы примерно в семи милях от тюрьмы, — задумчиво сказал он. — Пока мы не располагаем иной информацией, предположим, что Джустин Малькар погиб поблизости от своего корабля. Следующий логичный шаг — обыскать округу, двигаясь по расширяющейся спирали...

— А, верно! — понимающе кивнул Жиль Хабибула. — Давайте уйдем подальше от этих костей, прежде чем за нами не начало охотиться чудовище.

Они пошли опять, дрожа в тумане. Боб Стар держал путь вокруг нагромождений валунов, по замершим склонам, через узкие долины вечной ночи. Джей Калам смотрел на священный прибор и тихо указывал направление.

Они не нашли других следов и повернули обратно, под кров разбитого корабля. Но вдруг Боб Стар свернулся в сторону чего-то, возвышающегося во тьме и похожего на очередной валун. Странная тень по мере приближения приобрела реальные черты.

Блеск металла остановил его. Он различил черные овалы иллюминаторов и купол орудийной турели. Дрожащая надежда перехватила дыхание. Он услышал зов Джей Калама и молча побежал обратно.

— Тихо! — прошептал он. — Это корабль...

Слова его были прерваны лучом слепящего света, который врезался в морозную землю рядом с ним.

— Он услышал нас! — прохрипел он. — Ложись!

Они простерлись на земле и заползли под укрытие скалы. Внезапно в скалу ударил меч фиолетового света, разбросав искрящиеся осколки.

— Боб! — прошептал Джей Калам. — Жиль? Хал? Все целы?

Однако застывшая тьма не ответила.

Боб Стар, будучи ближе всех к кораблю, едва избежал падающего луча огромной протонной пушки. Он ощутил шок, когда падал, и увидел, как огненная игла двинулась за ним следом, словно указующий палец смерти.

Он отчаянно пополз прочь, к кораблю. Игра опустилась до предела и вспыхнула снова. За его спиной взорвалась замерзшая скала, но ударная волна едва его коснулась. Он был уже вне пределов досягаемости иглы и побежал к главному входному люку. Мгновенный осмотр дал понять, что он закрыт.

— Парень! Где ты, парень! — Испуганный голос Жиля Хабибулы остановил его. — Ах, какие коварные вещи происходят с бедным старым солдатом Легиона!

Боб Стар вдруг с восхищением увидел, что тот ползет к корпусу, благополучно избежав светящегося луча.

— Первая вспышка меня ослепила, — горько прошептал Жиль Хабибула. — Я побежал не в том направлении, и теперь мы возле корабля, как в ловушке. Если попытаемся уйти, он нас срежет.

— Сюда, Жиль! — Вновь появилась надежда. — Ты можешь открыть этот замок?

— Возможно... если только ты будешь спокоен. — Жиль Хабибула порылся в карманах. — Ах, вот он — тот самый кусочек проволоки, который пропустил нас на «Непобедимый». — Он двинулся к люку, но тут же отпрянул. — Но зачем, дружище? Мне вполне достаточно того, что он благополучно заперт и из него не высакивают вооруженные люди, чтобы убить нас.

— Открой, — сказал Боб Стар, — если можешь.

— Я могу, если я должен. — Он уже занялся со своей проволокой. — Странная штука — дорога гения, — печально сопел он. — Никогда мне не удавалось применить свой великий талант в мире и удобстве: когда кто-нибудь вызывает меня с просьбой проверить замок в целях безопасности закона, он кажется мне совершенно надежным. Мои способности словно спят до тех пор, пока не возникнет опасность. Они совершенно не хотят действовать без тоника спешки и опасности...

Загудели моторы, опуская наружный люк.

— Годится. — Он торопливо отступил. — Твоя очередь, парень.

Баб Стар прыгнул в открытую камеру воздушного шлюза. Прислушавшись, он услышал быстрые осторожные шаги, приближавшиеся по внутренней палубе. Он расплатаился на изогнутой металлической стене возле внутреннего люка и стал ждать, затаив дыхание. Затем перед ним появилось тупое дуло протонного пистолета.

Он схватил оружие и державшую его руку. Быстрый рывок выдернул коренастого бородатого мужчину из-за внутренней стены в узкое помещение воздушного шлюза. Чужак вдвое превосходил его весом, однако тут сказалась долгая тренировка. Быстрый удар нашел жизненный нерв, и он вытащил бородатого противника из шлюза.

— Жиль, — тихо позвал он. — Вот пленник для тебя.

В захламленном корабле его встретила тишина. Он нашел рубку брошенной, помещение для карт пустующим. Он устало поднялся во тьму, освещая путь лучом фонаря, но

орудийная башня тоже была пуста. Бородатый был здесь один. Он вернулся наружу и закричал в морозную ночь:

— Командор, «Птица Зимородок» наша!

Пленный приходил в сознание в ледяном тумане. Жиль Хабибула сидел около его головы.

— Я — вице-король Каллисто, — глухо прорычал он. — Я Марк Лардо, друг великого Орко. Если вам нужна еда, я покажу, как ее добыть.

Двенадцатью часами позже Боб Стар и Джей Калам находились в рубке. Беспорядок и грязь исчезли, разорванные карты были аккуратно склеены и возвращены на стеллажи. Боб Стар почистил и осмотрел навигационные приборы, в то время как командор хмуро рассматривал загаженный корабельный журнал. Хал Самду, вычищающий грязь с палуб и из жилых отсеков, вошел, чтобы сообщить:

— Джей, пленный в каземате воет, как волк.

— Я думаю, он безумен, — сказал Джей Калам. — Это удивительно. В любом случае, мы мало что могли для него сделать. Ты закончил?

— Ага, Джей, это уже становится похоже на прежний корабль Легиона. Ты еще не выяснил, как он здесь оказался?

— Здесь изложена часть этой истории. — Командор показал на загаженные измятые страницы журнала. — Из записей можно сделать вывод, что Джустин Малькар хотел сдаться вместе со Стивеном Орко. Он не ожидал особого снисхождения, однако в нем заговорила совесть. Он был готов заплатить за измену.

Ему не дали сдаться. Марк Лардо, первый фаворит Стивена Орко, проник на борт с дюжиной вооруженных головорезов. С этого момента записи стали неясны. Из тех фактов, которые нам известны, выглядит достаточно ясно, что Лардо действительно замышлял освободить Стивена Орко.

Он опять нахмурился, глядя на изорванные и окровавленные страницы.

— Удивительнее всего для меня, как ему удалось обнаружить местонахождение тюрьмы. Из датированных записей видно, что он знал это еще до того, как тюрьма была построена, — словно Стивен Орко был достаточно умен, чтобы рас считать, где именно ее построят.

— Возможно даже такое. — Боб Стар не смог сдержать дрожжи. — Он всегда казался нечеловечески разумным.

— В любом случае, — продолжал Джей Калам, — становится достаточно ясно, что Джастин Малькар сознательно саботировал попытки спасения, возможно, сознавая свою вину за другие преступления. План, видимо, состоял в посадке на Тритон, почти необитаемый, чтобы ждать там, пока не появится шанс выручить Орко, когда его будут этапировать в новую тюрьму.

Что Малькар достаточно удачно провел срыв плана, можно прочесть между строк. Несмотря на то, что он был опытным офицером, он ухитрился очень значительно сбиться с курса во время путешествия на Тритон — и неосторожно растратить топливо.

Он до конца держал заговорщиков в уверенности, что он вместе с ними. Он сумел использовать катодные платы до последнего кусочка и топливо до последней капли — и он сел здесь. Хотя форт был не более чем в дюжине миль, запись в журнале говорит о том, что он, якобы, находится в тысяче миль от этого места.

Он оторвал взгляд от последней захвачанной страницы.

— Остальное мы узнаем из других следов. Похоже, что Малькар надеялся добраться до форта и выдать своих сподвижников. Ему это не удалось, возможно, открылся саботаж. В любом случае, корабль находится здесь без топлива и почти без продуктов — большинство припасов, видимо, было истрачено во время ожидания на Тритоне.

И Марк Лардо — единственный выживший.

— Останки, которые мы нашли... — Голос Боба Стара содрогнулся от ужаса.

— Этим плотоядным зверем был Марк Лардо. — Командор кивнул, губы его плотно сжались. — Похоже, ему удалось выманить сподвижников наружу, где их убил и сохранил холод. Возможно, он рассказал им сказку о посадке поблизости спасательного корабля, но на самом деле он до налета кометчиков не имел представления о том, что находится возле самого форта.

— Ах, каннибал! — Жиль Хабибула слабо засопел, лицо его позеленело. — Трюм заполнен человеческими костями!

Джей Калам резко улыбнулся.

— Художник в тонкой душе Джустина Малькара должен быть удовлетворен, — прошептал он, — тем возмездием, которое он уготовил Марку Лардо. Послушайте его!

Из дальнего каземата слабо донесся прерывающийся хриплый крик безумца:

— Не выгоняйте меня! Они проголодались — Малькар и остальные! Не выгоняйте меня!

Задрожав, Жиль Хабибула закрыл дверь.

— Ах, Джей, ты подверг меня большому испытанию, — пробормотал он. — Но я вычистил силовые отсеки и провелил все дюзы и геодины.

Все трое вопросительно повернулись к нему, и Джей Калам спросил:

— Они способны работать?

— Насколько я могу видеть. — Старый солдат кивнул. — Однако катодные платы для генераторов отработаны до последней унции. А топлива, что осталось в резервуарах, не хватит, чтобы сдвинуть корабль даже на драгоценный дюйм!

ПОЛЕ КОМЕТЫ

Жиль Хабибула оставался на страже, в то время как остальные брели по замерзшей земле к поврежденному

«Непобедимому» и возвращались обратно с носилками, груженными тяжелыми бочками с ракетным топливом. Затем Джей Калам, капитан, включил насосы, и Боб Стар, навигатор, занял пост в рубке.

Дюзы взревели, выпустив синее пламя, и «Птица Зимородок» оторвалась от мерзлой земли и сквозь зеленые сумерки полетела к месту крушения.

Потом они трудились многие часы, перетаскивая катодные платы и оставшиеся бочки с топливом из неповрежденных хранилищ мертвого «Непобедимого». Жиль Хабибула наведался в камбуз, и прежде, чем они были готовы к полету, у них была горячая пища.

— Итак, отправляемся в Зеленый Холл, — довольно засопел он во время еды. — Чтобы собрать все флотилии Легиона против этого предателя и его чудовищных друзей... — Он вопросительно посмотрел на командора и на мгновение замолчал. — Мы будем держаться драгоценной Земли или, по крайней мере, легионерских доков на Марсе, правда, Джей?

Оставаясь мрачно-сосредоточенным, Джей Калам показал головой.

— Я боюсь возвращаться, — тихо ответил он. — Вообще то, я даже боюсь давать любые позывные Легиона. Потому что может оказаться, что Легион — это мы.

— Мы?.. — Жиль Хабибула поперхнулся. — Во имя сладкой жизни, что ты имеешь в виду?

— Кометчики подбили «Непобедимый» и освободили Стивена Орко, — сказал Джей Калам. — Это означает войну на истребление. Мы ничего больше не выиграем, если будем медлить: все говорит о том, что нам надо улетать немедленно, потому что кометчики собираются разгромить Легион и уничтожить Хранителя Мира.

— Мою мать... — Боб Стар прикусил задрожавшую губу. — Что мы можем сделать?

— Я обдумал наши действия и принял решение. — Высокий командор выпрямился, задумчиво потирая небритый

подбородок. — Мы отправляемся немедленно в направлении кометы.

— Прошу тебя, Джей, — зарыдал Жиль Хабибула, — не надо так жутко шутить!

— Я думаю, что, находясь в полете к комете, мы будем в большей безопасности, чем на Земле. — Джей Калам по-прежнему печально глядел на него. — Если Хранитель Мира получит мат, нашим силам ничего не останется, только смотреть, что это за оружие, которое превратило крепость в провал.

— Ах, не говори таких вещей! — Жиль Хабибула шмыгнул и моргнул. — Неужели мы даже не можем попросить помощи?

— Не можем, не рискуя тем, что враг перехватит наше сообщение и ответит своим аннигилирующим лучом. — Затем Джей Калам сказал: — Может быть, мудрее не пытаться сигнализировать всем, но я решил, что надо попытать счастья и при отправлении вызвать вспомогательную базу Легиона здесь, на Нептуне, возле заводов, вырабатывающих атмосферу.

— А если... — Боб Стар попытался сглотнуть ком в горле.

— Если они не ответят?

— Тогда пойдем на дальнейший риск и пошлем весточку в Зеленый Холл.

— Однако на получение ответа уйдет много часов, — возразил Боб Стар.

— Неважно, кто ответит, — Легион или кометчики. «Мы не можем ждать», — тихо сказал Джей Калам. — Если даже окажется, что мы — единственная эффективная сила, оставшаяся от Легиона, я намерен действовать. Помни, что, если нам удастся убить или хотя бы снова пленить Орко, это может изменить всю ситуацию.

Джей Калам поднялся из-за стола, тихо добавив:

— Пожалуйста, рассчитай курс к комете на полной тяге. Не старайся экономить топливо на возвращение.

— Но ты же уже попытался! — Жиль Хабибула хотел было подняться и вновь утонул в кресле, выкатив бледные глаза.
— У тебя был корабль в тысячу раз мощнее этого! — Он задрожал. — Теперь от него остались смертельные обломки!

Однако Боб Стар уже кипел воодушевлением. Несмотря на все предчувствия командора, намерение покинуть черный Нептун подняло его настроение. Он мечтал о чистом пространстве свободного космоса и о будоражающем кровь пении геодинов, и о новом шансе.

— Стыдно, Жиль! — громыхнул Хал Самду. — Если у нас есть хоть какой-нибудь шанс уничтожить этого человекозверя, прежде чем он сможет причинить вред Аладори, мы должны отправляться.

Его гневный взгляд опустился на вилку, и Боб Стар увидел, что огромные пальцы бессознательно смяли металл.

Командор послал его в орудийную башню. Жиль Хабибула был отправлен в силовой отсек, а Боб Стар пошел в рубку. И, наконец, они вырвались в открытые просторы космоса. Дюзы выбрасывали струи пламени, и в безмолвствующий корабельный передатчик вернулась жизнь.

Используя узкий луч и ограниченную мощность, тщательно заэкранировав все оборудование, Боб Стар вызвал вспомогательную базу на атмосферных заводах. Ответа не было. Он увеличил мощность и попытался опять, однако услышал лишь сухое потрескивание статики.

— Достаточно. — Джей Калам остановил его. — Мы не можем рисковать, увеличивая мощность, и не можем терять время. — Он дал Бобу Стару краткую зашифрованную радиограмму. — Это мой генеральный приказ: доклад об уничтожении «Непобедимого» и освобождении Орко и приказ Легиону драться до конца — если только от Легиона что-нибудь осталось. Отправь его на Контр-Сатурн и направляйся к комете на полном ускорении.

Тусклый зеленый сплюснутый шар — Нептун — тонул во тьме, испещренной звездами и оплетенной голубыми туманностями. Боб Стар вырубил дюзы после того, как была

отправлена радиограмма, и затем он включил геодины. Чувство движения исчезло, потому что изменилось качество тяги, но зеленоватая планета стала пропадать с волшебной скоростью, уносясь прочь, к меньшему шару, Тритону.

Позади пыпало яркое, но крошечное далекое солнце в стылой тьме, едва соперничая с наиболее яркими звездами. Гигантский Юпитер и более мелкий Сатурн казались слабыми искорками на экранах телеперископов. Земли, которая была гораздо меньше их, вовсе не было видно.

Боб Стар, однако, не смотрел назад, взгляд его был прикован к комете. Он был в рубке один. Единственным звуком, помимо его дыхания, являлось высокое гудение нагруженных генераторов. Яркое бледно-зеленое свечение кометы поглощало невеселые мысли. Что это было на самом деле?

Очевидно, они были разумны. Сверхразумны. Они были невидимы или могли становиться такими. Вооружение невидимого разведывательного корабля разрушило лучший боевой корабль Системы и растворило тюрьму-крепость в ничто.

Больше люди ничего о кометчиках не знали, но Боб Стар настойчиво пытался нарисовать их в своем воображении. Человекоподобны ли они? Он пытался поверить, что да, человекоподобны, ибо на эту мысль наводило явление девушки в тюремной стене...

— Парень, парень, — растормошил его Жиль Хабибула. — Ты задремал. Мне кажется, твой отец слишком долго держал тебя взаперти в Пурпурном Холле, раз уж ты разглядел какую-то девушку. Однако не надо путать любовные сны с правдой.

— Сны! — быстро возразил он. — Девушка, которую я видел, была так же реальна, как и ты, Жиль. И она оказалась в ужасной беде причем из-за Стивена Орко и кометчиков. Я все же верю, что мы найдем ее, если вообще доберемся до кометы.

Джей Калам был, тем не менее, столь же скептичен.

— Если девушка, которая, как тебе кажется, была реальная, то она не может быть жительницей какой-нибудь из планет Системы. Мы не имеем представления о научных принципах проектирования образа, подобного описанному тобой, без компьютерного оборудования. Ты считаешь, что она — обитательница кометы, возможно, член какой-нибудь дружественной нам фракции. Но существуют миллионы шансов против этого.

— Почему? — прошептал Боб Стар.

— Потому что возможности для разнообразия жизненных форм бесконечны, — рассудительно ответил командор, — и структурная адаптация протоплазмы к влиянию условий настолько удивительно сложна, что на всех планетах всех солнц по всей вселенной, возможно, не было и никогда не будет другой расы, в точности похожей на нашу.

Джей Калам печально и добродушно улыбнулся.

— Я боюсь, что Жиль прав. Я полагаю, тебе следует относиться к этому инциденту, как к полностью субъективному — как к продукту твоих собственных подсознательных страхов и надежд, реагирующих на стимуляцию агента, который, вероятно, лишил тебя сознания. Скорее всего, кометчики не человеческие существа, а нечто, что ты вообще навряд ли назвал бы жизнью.

Боб Стар стоял, глядя на зеленоватое пятно кометы в телеперископ, пока корабль и весь окружающий мир не прекратили существовать. И остались в космосе он да этот огромный зеленый глаз, и глаз притягивал его к себе, в свою неведомую бездну.

Если кометчики не люди, то кто же они? Монстры со щупальцами? Одушевленные растения? Кристаллическая жизнь призматической формы? А может быть, вся комета — единое древнее существо? Может ли разум существовать не в отдельных индивидуальностях, а быть принадлежностью целого?

В мозгу пустил корни ужас, питаясь его фантастическими умозаключениями. Пытаясь найти путь бегства от

этих ужасов собственного воображения, он вернулся к астрономической задаче, которую начал решать в Пурпурном Холле. Глядя на этот забытый астероид, он пытался выяснить, откуда он мог появиться. Ему ничего не удалось обнаружить, однако он открыл кое-что другое.

— Что-то происходит с Плутоном, — сказал он Джеку Каламу, когда командор пришел сменить его. В его усталом голосе слышалась хрипота ужаса. — Я проверил десяток раз свои наблюдения, и ответ все тот же. Он покинул орбиту и дрейфует к комете! Я знаю, что это звучит безумно и вряд ли вы поверите...

— Поверю. — Темное лицо командора не выражало скептицизма, лишь сосредоточенность. — Это сходится с секретными сообщениями, которые мы получили от обсерватории на Контр-Сатурне. Множество малых астероидов оттягивается с их орбит к комете — возможно, это та же сила, которая схватила «Непобедимого». Похоже, они похищают планеты...

— Если они могут это... — Боб Стар лишился дара речи и дрожал в страшных ожиданиях.

Высокий командор пожал плечами, готовый смириться со всем, что бы ни произошло.

— Ты устал, Боб, — сказал он. — Иди в свою каюту и поспи.

Боб Стар побрел прочь как выработавшийся робот. Не раздеваясь, он упал на койку. Но сон не шел, потому что зеленый глаз кометы все смотрел на него. Он следил за ним даже здесь, в каюте, и рыскал в его мозгу.

Тонкий вой генераторов стал призрачной гипнотической мелодией. Онемевший мозг воспринимал их как расстроенные минорные струны. Когда, наконец, он погрузился в тяжкий полусон, страх его не оставил.

Спустя четыре таких же напряженных дня он доложил Джеку Каламу с тусклым удовлетворением в голосе:

— Через пять часов при нынешнем торможении мы достигнем поверхности объекта.

— Если только кометчики нас пустят!

Боб Стар покинул рубку. Слишком возбужденный, чтобы заснуть, он прогуливался по крейсеру. В силовом отсеке он нашел Жиля Хабибулу, сидящего на полу возле геодинов,

раскинув широко толстые ноги. Вокруг валялись пустые бутылки, он сам был очень пьян. Завидев Боба Стара, он вопросительно уставился на него.

— Смерть моя! — прохрипел он. — Ты меня ужасно напугал, парень. Сначала мне показалось, что это какой-то жуткий монстр подкрался, чтобы меня уничтожить. Ах, что за страшное путешествие!

Он пошуровал среди бутылок и нашел не совсем пустую.

— Садись, парень, и прими капельку винца. Его драгоценная теплота слегка разгонит холод в твоем сердце. Ах, бедный старый Жиль стал жалким солдатом, Боб, и спасает его только красная храбрость, что вытекает, пенясь, из бутылки.

Это печально, дружище, но век человека закончен. Эти монстры будут отныне править Системой. Возможно, нам посчастливилось быть среди первых, кто встречает кометчиков, и умереть прежде, чем мы узнаем, кто они такие. Однако я намерен встретиться с ними пьяными. — Он снова приложился к бутылке.

Боб Стар вернулся к телеперископам и стал смотреть, как растет комета. Ее острый по краям, зеленоватый овал был размерами с яйцо, а теперь оказался величиной с человеческую голову. Она мчалась в черном космосе. Она глотала звезды, превращаясь в зеленое море, заполняя все небеса...

Он и Джей Калам изучали ее с помощью всех приборов, которыми располагал корабль.

— Я ничего не могу обнаружить. — Командор покачал головой, смущенный и явно испуганный. — Эта зеленая поверхность — идеальный геометрический эллипсоид. Он полностью лишен каких-либо особенностей. С этого расстояния мы должны были бы увидеть любой предмет размером в дом или в дерево. Однако ничего подобного.

— Налетчики были невидимы, — заметил Боб Стар.

— И возможно, что они живут на поверхности, которую мы видим. — Джей Калам задумчиво потер уголок смуглой челюсти. — Но я так не думаю. Более похоже, что эта зеленая

поверхность окажется каким-либо покрытием, хотя и из неизвестного нам материала. Корпус, будем говорить так, огромного корабля. Он движется как корабль. Следующая наша проблема — как пробраться внутрь.

А объект все увеличивался. Он уже закрыл половину звезд, когда зазвенела система тревоги. Боб Стар в замешательстве подскочил к приборам. Он быстро считал информацию со светящихся шкал и проанализировал результаты с помощью компьютера.

— Мы встретились с мощным отталкивающим полем, — сказал он Джою Каламу. — Оно уже погасило большую часть нашей скорости.

Он запросил силовой отсек, чтобы приказать отключить генераторы, однако поглощение не прекратилось. Он вновь обратился к Жилю Хабибуле, чтобы встретить поле толчком геодинов. Четверть мощности... половина... полный рывок...

Наконец, он повернулся к командору, ошеломленно качая головой.

— Вся наша скорость погашена, — сказал он. — Мы теперь пятимся прочь от кометы, и это при полной тяге геодинов!

— Выходит, видимо, что зеленая поверхность — действительно защитное покрытие, — медленно сказал Джей Калам.

— Это барьер той же энергии, которая притягивает Плутон к комете.

— Как бы там ни было, нам туда не проникнуть. — Боб Стар выпрямился, стараясь не показать своего отчаяния. — Из полученных мною данных ясно, что это отталкивание у зеленой поверхности должно возрастать до бесконечности. Ничто уже не сможет прорваться в... — Дикий крик ужаса прервал его.

— Это сумасшедший, — прошептал он хрипло. — Марк Лардо.

Булькающий визг повторился:

— Они здесь! Они голодны! Не давайте... Не давайте им есть!

Боб Стар повернулся к своим приборам, чтобы опять узнать об интенсивности отталкивания. Пленный время от времени орал с момента его заточения, хотя еще ни разу в его крике не было такого одинокого ужаса. Он почувствовал ладонь Джей Калама на своей руке.

Он хотел возразить, поскольку это было слишком чудовищно, чтобы быть правдой. Собственно говоря, он ничего не слышал. Глаза его не видели ничего. И все же, еще до того, как Джей Калам прикоснулся к его руке, разум его съежился, почувствовав чье-то страшное невидимое присутствие.

— Глядите! — С губ его сорвался крик. — Зеленый...

Зеленый туман затягивал приборы у него на глазах. Тело покрылось мурашками. Все чувства каким-то образом отключились. Он едва услышал шепот Джей Калама:

— Так было в тюрьме Орко?

Он не мог ответить. Тело превратилось в неуклюжую, не повинующуюся машину. Он понял, что падает. Смутно, с далекого расстояния он услышал тонкие безумные вопли Марка Лардо:

— Не давайте им есть!..

КОМЕТЧИК

Боб Стар, преодолевая боль, поднялся с палубы на узком мостике. Члены онемели, и их неприятно покалывало. Смутное настойчивое звучание системы тревоги медленно стихало в ушах, и корабль погружался в грозную тишину. Крики Марка Лардо прекратились. Он вдруг понял, с чувством отчаяния, что не слышит геодинов.

Джей Калам стонал там, где он упал, и Боб Стар склонился над ним. Тело его было скорченным. Кожа покраснела и была холодна от пота. Биение сердца и дыхание — нерегулярны и замедленны.

Боб Стар вернулся к приборам. По оси отклонения — ноль, потенциал поля — ноль. Корабль уплывает прочь от кометы, беспомощный против поля отталкивания.

— Наш посетитель? — слабо произнес Джей Калам с того места, где лежал. — Ушел?

— Думаю, ушел. — Боб Стар помог ему подняться.

— Что это было?

— Я не знаю. — Боб Стар попытался сглотнуть сухой ужас в горле. — Я ничего не видел, кроме зеленого тумана.

— Интересно, действительно ли это был туман? — Джей Калам неуверенно стоял, покачиваясь, однако на его лицо уже вернулась хмурая озабоченность. — Или, быть может, это эффект излучения, который закорачивает нервные волокна. Инженеры Легиона экспериментировали с радиацией, которая способна это сделать. — Он взглянул на хронометр. — Как долго мы были без сознания.

— Пожалуй, минут десять, — сказал Боб Стар.

Джей Калам послал его посмотреть, что случилось с остальными. Сдавленный стон привел его в орудийную башню.

Хал Самду с трудом поднимался на ноги подле огромной протонной пушки, изо всех сил напрягая могучие руки.

— Эй, Боб! — пробурчал он. — Что с нами стряслось?

— Я еще не знаю. Скажи, Хал, ты что-нибудь слышал? Или чувствовал?

Хал Самду потряс головой.

— Ничего не видел. В корабль заползла чудовищная тень. Потом — зеленый туман перед глазами, и я не смог ничего увидеть. Тело охватил паралич, и я не мог двигаться. Это все, что я знаю.

Боб Стар начал спускаться в силовой отсек, но тут приущенное хлюпанье заставило его пройти в каземат. Он посмотрел сквозь решетку на Марка Лардо. И тут ужас лишил его сил. Хрипя и дрожа, он вцепился в прутья, глядя на тварь, лежащую на полу. Марк Лардо прежде был большим — косматый могучий человеко-зверь. Но это сморщенное

существо перед ним было не больше ребенка. Кожа у него была неестественно белой и чудовищно иссохла. Он неподвижно лежал на палубе и жалобно подывал.

— Лардо! — Голос Боба Стара звучал глухо от ужаса. — Марк Лардо! Ты можешь меня слышать?

Тварь слегка пошевелилась. Сморщенная головка запрокинулась, и Боб Стар попятился от решетки. Он увидел ее глаза. Они были глубоко погружены в крошечный череп и казались странными. Он подумал, что Лардо, должно быть, ослеп. Вокруг глаз лежали длинные желтые тени. В этих глазах не было ничего человеческого. Чувствуя тошноту, Боб Стар поплелся прочь.

Марк Лардо, хоть и безумный, всего лишь час назад был человеком, массивным и мощным, и его сильный дикий голос звучал по всему кораблю. Это иссущенное ужасом существо не было больше человеком. Оно было более чем вдвое меньше Марка Лардо, и очень мало в нем осталось от свирепой животной жизни.

Боб Стар, спотыкаясь, спустился по ступенькам в силовой отсек и остановился, раскачиваясь, на палубе.

— Жиль! — хрипло позвал он. — У тебя есть вино?

Безутешный Жиль Хабибула лежал, привалившись к одному из геодиновых генераторов. Он хныкал и, казалось, не слышал его.

— Жиль, — опять окликнул его Боб Стар, — я хочу выпить. Тот услышал и медленно побрел по помещению.

— Ах, парень! — Он уже не был пьян, зато горько плакал. — Ты нашел меня в злой час, парень. Мои бедные геодины... будто дорогого друга убили! Я думаю, нам обоим нужно выпить.

Он нашел полную бутылку в ящике, в котором следовало хранить инструменты. Боб Стар залпом осушил ее наполовину. Жиль выпил остальное и вытер понурое желтое лицо обратной стороной ладони.

— Я старый генераторщик, — хрипло пробормотал он, — однако никогда я не встречал таких мощных геодинов, как

эти, и чтобы они так же сладко пели. Когда они были живы, парень, они всегда отвечали на мои прикосновения. Они пели мне. Они любили меня, и посильнее, чем иная женщина.

Но теперь они мертвы, парень. Мертвые. Убиты и искалечены. Каждый виток разрезан на тысячу бесполезных кусочков проволоки. Каждая сетка, каждый проводок — все раскурочено, разорвано. Даже все платы разбиты, и генераторы уже никогда не запоют снова.

— Они выглядят целыми, — возразил Боб Стар.

— Ах, да, — печально засопел старик, — сияющая красота осталась. Однако драгоценная жизнь кончилась. Я сидел здесь, слишком основательно наполненный вином, вином и осторожностью, чтобы остановить тварь, которая: их убила.

— Он повернулся, чтобы извлечь новую бутылку. — Но давай-ка еще выпьем и не будем больше говорить о страшной твари, которую я видел.

— Ты видел ее? — Боб Стар взял бутылку и потащил его к скамье. — Садись, Жиль, и расскажи, что ты увидел.

— Дай мне выпить, парень, — взмолился тот хрипло. — Дай мне залить это чудовищное воспоминание, пока я не спятил, во имя драгоценной жизни!

Боб Стар отобрал у него бутылку.

— Ах, ладно, я расскажу тебе, что я увидел, — пробормотал Жиль наконец. — Если ты считаешь, что это поможет нам защитить твою драгоценную мать. Но не то, что я увидел, заморозило мои бедные старые кости. То, что я чувствовал, — холодное, зловонное дыхание смертельного зла.

— Так что же ты видел?

— Болезненное предчувствие беды угнетало меня еще с тех пор, как мы покинули Нептун, — засопел Жиль Хабибула.

— Даже вину было не под силу справиться с ним. Внезапно, совсем недавно, я почувствовал, что какая-то ужасная тварь заползла на корабль. Я услышал, как Марк Лардо завыл громче.

Мне следовало бы убежать, однако бежать было некуда. И вскоре я не мог двигаться, потому что зеленый туман залил мое бедное тело. Я не мог пошевелить и пальцем, даже поднять драгоценную каплю вина. Ах, да, парень! Я сидел здесь, на палубе, а бутылка была у меня между коленей. Я никогда так не нуждался в выпивке за сорок лет службы, но я не мог поднести эту жалкую бутылку к губам.

Затем тварь пришла в силовой отсек. Я с трудом мог повернуть свои тусклые старые глаза из-за паралича. Она прошла отчасти по проходу, отчасти прямо через механизмы. Даже защита геодинов не была для нее преградой. Она прошла к нам...

— На что это было похоже? — хрипло прервал его Боб Стар. — На человека?

— Не спрашивай, как она выглядела, — взмолился старик. — Давай выпьем и забудем этот коварный ужас.

— Прошу тебя, — настаивал Боб Стар, — ради моей матери!

— Эх, ну, если мы должны. — Наполненные ужасом глаза закатились вверх. — Она стояла десяти футов в высоту. Созданная из движущегося пламени! Голова фиолетовая, яркая и крошечная как звезда, и холодная как лед, окутанная маленьким облаком пурпурного тумана.

Ногами ее была другая звезда, горячая и красная, а посередине маленькая луна красноватого тумана. Между фиолетовой звездой и красной — столб зеленоватого пламени. Веретенообразной формы. Он вращался, он ни на миг не останавливался. Вокруг утолщенной середины веретена было широкое зеленое кольцо. Какой-то кристалл, быть может. Он казался твердым — но все же он был не слишком твердым, чтобы не пройти через механизмы. Вот на что это было похоже, насколько я могу тебе это передать. Однако весь ужас в том, как я при этом чувствовал себя.

— Выходит, гость выглядел именно так? — задумчиво кивнул Боб Стар. — А теперь расскажи мне, что он делал.

— Он вполне достаточно сделал для моих драгоценных геодинов, парень. Заклубился туман — рука протянулась сквозь твердый металл их блоков. И песня геодинов превратилась в ужасный надрывный звук. Это был их смертный крик.

Тварь оставила их на миг и пошла ко мне. — Толстый загривок старика задрожал. — Я думал, что пропал, парень. Тварь была голодна, причем шумным зловонным голодом. Она жаждала моей жизни, парень. И она протянула зеленый палец, чтобы убить меня, как убила геодины.

Но тут снова завизжал Марк Лардо. — Жиль Хабибула вздохнул. — Это-то и спасло меня, парень. Злая тварь увидала, что я старик, ослабевший от многих тягот, и плоть моя отравлена вином. И она покинула меня ради сладкого мяса сильного молодого мужчины.

Она уплыла прочь сквозь металлическую обшивку корабля, даже не подумав воспользоваться дверью. А я остался сидеть, прислушиваясь к визгу. Последний крик превратил кровь в лед в самом сердце у меня, парень. И это было все, что я услышал.

Боб Стар стоял безмолвно, думая о хнычащем сморщенном существе, которое оставалось в камере Марка Лардо. Жиль Хабибула взял из его рук бутылку и запрокинул ее. Желтое горло конвульсивно пульсировало, пока не вытекла последняя капля.

Тварь в камере еще не умерла, когда Боб Стар, борясь с дрожью, заставил себя вернуться. Существо, однако, больше самостоятельно двигаться не могло, потому что смертельная дезинтеграция уже сказалась. Видя, что оно больше не проявляет признаков жизни, Боб Стар позвал Джэя Калама. Они безмолвно вошли в камеру, чтобы вынести его, и заставили себя стянуть с Марка Лардо одежду, которая была ему уже слишком велика.

К тому времени, когда они уложили его на койку, сморщенные пальцы рук и ног начали отваливаться. Пытаться оказать медицинскую помощь было бесполезно, хотя

последнее болезненное проявление жизни произошло еще более чем через час. Отсутствовали какие-либо признаки сознания, но выражение на кукольном лице и хнычащие звуки убедили Боба Стара в том, что существо еще чувствует боль.

Наконец, глаза покинул желтоватый оттенок. Они остались ужасное, белое, явно слепое и сияющее какой-то иризацией, которая охватила уже все тело, существо. Оно уже не двигалось. Останки продолжали съеживаться, пока Боб Стар и Джей Калам не завернули то, что осталось, в покрывало и не выбросили с корабля в космос.

Джей Калам провел после этого два часа, изучая маленький образец, который он взял для анализов. Он вернулся с выражением смутного беспокойства на лице.

— Это не человеческая плоть, — сказал он Бобу Стару. — Несколько элементов, которые должны находиться, в теле, полностью отсутствуют. Остальные присутствуют, но в неправильных пропорциях. Химический состав протоплазмы полностью изменился.

Что-то съело Марка Лардо, — сдавленно заключил он. — Он потерял девятнадцать фунтов веса. То, что от него осталось, не было ни человеком, ни даже живым существом.

— Командор, — прошептал Боб Стар. — Но... что, по-вашему, это было?

Джей Калам задумчиво нахмурился.

— Мы ожидали найти на этом объекте подобную жизнь. Однако я верю, что тварь, которую видел Жиль, в некотором роде живая. Она проявляет разумность и целенаправленность. Она движется. Она ест.

Голос его перехватило, бледное лицо стало жестким, но он тут же продолжил, почти неслышно:

— Она, должно быть, в некотором роде, материальна. Она потребила девятнадцать фунтов вещества из тела Марка Лардо. Хотя она достаточно свободна от материальных ограничений, чтобы двигаться сквозь прочный металл.

Он неуютно пожал плечами.

— Пожалуй, нам чего-нибудь в этом роде и следовало ожидать, — добавил он, — потому что кометчики явно далеко обошли нас в науке. Они наверняка способны манипулировать материей и энергией, возможно, даже пространством и временем посредством способов, находящихся вне нашего понимания.

Боб Стар некоторое время молчал, мрачно цепляясь за прежнюю свою веру в человекоподобность существ с кометы, ибо для него это означало реальность девушки в стене тюрьмы Стивена Орко. Однако вера в ее существование угасла под натиском безмолвного ужаса, который до сих пор не покидал корабль.

— Я читал одну старую легенду, — проговорил он вдруг, — о существах, которые считали, что пить кровь живых...

— Вампиры... — Джей Калам покачал темной головой, словно в беспомощном протесте против того, что они увидели. — Давний и неубедительный миф в сравнении с кометчиками.

Он помолчал, затем сделал долгий хриплый вздох.

— Мы догадывались, чего они хотят, — сдавленно прошептал он, — а теперь, я думаю, мы это знаем. Я полагаю, что они явились в Систему ради... еды.

Хал Самду издал хриплый нечленораздельный звук.

— Драться! — всхлипнул он. — Мы должны драться! Жиль, ты должен наладить генераторы.

На щеках старика заблестели слезы.

— Это невозможно, — простонал он. — Мои горделивые красавцы — они убиты кометчиками.

Боб Стар вернулся в рубку вместе с Джеем Каламом.

— Мы уже за пределами поля отталкивания, — сообщил он, когда они провели наблюдения. — Но мы по-прежнему на высокой скорости летим прочь от кометы и не в состоянии ничего сделать. — Он горько засмеялся. — С помощью одних лишь дюз...

В этот момент экраны вспыхнули красным. Зазвучали тревожные сигналы. Он повернулся взглянуть на экран носового телеперископа и, не дыша, произнес:

— Впереди астероид!

АСТЕРОИД

Пальцы Боба Стара носились по клавиатуре управления дюз. «Птица Зимородок» дрожала от рывков. Голубые струи пламени полыхали в вакуум прямо по курсу, освещая экран телеперископа.

— Астероид? — прошептал Джей Калам. — Ты уверен?

— Уверен, — сказал Боб Стар, слишком занятый, чтобы повернуться. Детектор гравитации показывает впереди инертную массу. Миллионы тонн. Поля отражателей не могут сдвинуть ее ни на дюйм. Однако я изменил курс с помощью дюз... Я думаю, достаточно...

— Астероид, — задумчиво произнес Джей Калам. — Конденсационные теории космогонии указывают на существование таких крошечных тел на окраинах Системы. — Но я не слышал, чтобы хотя бы одно из них было открыто так далеко от Солнца. Мы ведь в миллиардах миль от орбиты Плутона.

Боб Стар за телеперископом внезапно перестал дышать.

— Я вижу его! — закричал он. — Он еще далеко и, по счастью, левее...

Он склонился над экраном.

— Что это?

— Это всего лишь крошечный неправильной формы камень, — неуверенно ответил Боб Стар. — Возможно, не более полуимили в диаметре. Однако, мне кажется... — В голос его закралось сдерживаемое восхищение. — Мне кажется, что он обитаем.

— Боб, — возразил командор, — это почти невозможно. Слишком далеко... отсутствует на картах...

— Диффузия света, — настаивал Боб Стар, глядя на экраны, — говорит о существовании атмосферы. А такое маленькое тело не может удерживать атмосферу без искусственного гравитационного поля. Я уверен...

— Планетарная инженерия — дело дорогостоящее, Боб, — напомнил ему Джей Калам, — особенно если оборудование приходится доставлять так далеко. И построить что-либо на подобном астероиде втайне выглядит делом невозможным.

— Вижу! — прошептал Боб Стар. — Я опять заметил, уже на большом увеличении.

Он оглянулся, лицо его сияло удивлением.

— Да! Он обитаем, командор! Я видел растительность — там есть растительность! И еще я вижу здание — длинное белое здание. Рядом корабль — маленький геодезический крейсер. А позади, на маленьком холме, — башня ультракоротковолновой связи.

Рука Джая Калама твердо сжала его плечо.

— Ты можешь сесть туда, Боб?

— Сесть? — Боб Стар отвернулся от экрана, чтобы взглянуть на другие приборы. — Не знаю, — сказал он медленно.

— Наша относительная скорость очень велика. Мне понадобится много ракетного топлива для остановки без геодинов.

— Мы должны, если можем, — сказал Джей Калам. — Поэтому что на этом калеке мы беспомощны. Если сядем, то, может быть, нам удастся воспользоваться этим кораблем, который ты видел. Или, по крайней мере, дать сигнал о помощи на какую-нибудь базу Легиона.

Боб Стар, занявшийся приборами, казалось, уже не слушал его. Наконец, он снял данные с последнего прибора и быстро повернулся к зажиганию ракетных двигателей.

Встревоженный Джей Калам спросил:

— Что ты решил?

— Я думаю, мы сможем это сделать, — сказал Боб Стар. — При этом топлива, которое останется, вряд ли хватит даже

на то, чтобы зажарить яйцо. Мы не сможем покинуть астероид вновь, если не получим другой корабль или, по крайней мере, новый запас ракетного топлива.

Снова взревели дюзы, повинуясь клавиатуре.

— Я найду Хала Самду, — сказал командор, — и пошлю его к протонной пушке. Будь наготове, Боб, потому что я не думаю, что мы обязательно встретим дружественный прием. Честные люди не устраивают потайных убежищ в миллиарде миль за пределами Системы. Если честно, этот астероид меня озадачил.

Очевиднейшая догадка — что это укрытие преступников. Однако оно удалено от возможной сцены действий. Пираты вряд ли сочли бы это место удобным для своих randevu. Никакой выгоды отвозить так далеко синтетические наркотики. Я не знаю, чего и ожидать, кроме враждебности.

Но даже в этом командор был разочарован. Боб Стар пристально осмотрел крошечный мир, когда «Птица Зимородок» спускался на него на голубых огненных струях. Хал Самду тем временем дежурил за своей огромной протонной пушкой. Однако из ультракоротковолновой башни не последовало вызова. Не выстрелило и скрытое протонное орудие. Опускающийся чужой корабль не вызвал ни малейшего движения. Крошечная белая пылинка геодезического крейсера неподвижно покоилась на ракетодроме рядом с загадочно застывшим белым зданием.

«Птица Зимородок» затихла, наконец, на выровненной щебенке маленькой площадки возле другого корабля.

— Ну что ж, — невесело рассмеялся Боб Стар, показывая на топливный манометр, который стоял на отметке «Пусто».

Джей Калам всматривался в иллюминатор с недоумением на лице.

— Странно, — сказал он, — что наше прибытие не произвело никакого впечатления. Чужие корабли не должны бы садиться здесь ежедневно.

Боб Стар огляделся. Возле стройного яркого корпуса не-подвижного корабля он увидел белые стены и колонны зда-ния. Оно было огромным, прочно сложенным, и сияющая поверхность его говорила о дорогостоящей художественной простоте. Маленькое искусственное озеро сверкало, словно снежинка белого серебра в пурпурном сумраке звездного неба. И все вокруг было окутано тишиной и окружено экзо-тической красотой ландшафта.

Такие маленькие планетоиды никогда не бывали круг-лыми. Поверхность этого представляла собой нагроможде-ние шипов и утесов, выбоин и пропастей. Бледная трава и яркие ровные рощицы покрывали наиболее пологие склоны.

Разноцветные лишайники покрывали выступающие камни зеленым, алым и золотым.

По тонкому лицу Джая Калама поползла медленная улыбка восхищения.

— Да, это волшебная страна, — прошептал он. — Мечта.

Его сияющие глаза перемещались с одной странной пер-спективы на другую, выделяя красоту покрытых лишайни-ком каменных нагромождений, детский смех мерцающих садов, прохладную улыбку серебристого озера и простое гos-теприимство длинного белого здания.

Возле него Боб Стар почувствовал странную, болезнен-ную радость, прокрадывающуюся в сердце. Каждый камень, каждое дерево взывали к нему в тихой мольбе. Вся крошеч-ная планета тянула к нему манящие, ласковые руки волшеб-ства. Они качали его разум, словно в колыбели покоя. Си-стема внезапно оказалась очень далеко, бедствия человече-ства стали совершенно нереальны. И он знал, что уйти будет очень непросто.

— Ты чувствуешь, Боб? — прошептал вновь Джей Калам.

— Ты чувствуешь руку гения в равновесии, ритме и форме каждого камня, каждого растения и каждой травинки? Слы-шишь ли пение художника в очертаниях, массе и цвете?

Боб Стар молча кивнул.

— Этот мир обжитой, Боб, не иначе, — продолжал он тихо, — он обжит духом человека, который его создал. Он взвывает к тебе из любой перспективы, с радостью, с миром, со смехом и с любовью. Или, иногда, с ужасом, когда камни дики и темны, а деревья бледны и скрючены, словно чудо-вищные карлики.

Что-то заставило его задрожать.

— Но он мертв. Его создатель мертв. — Тихий голос звучал со странной полуутверженной убежденностью. — Он мертв, и его дух пытается взвывать к нам голосом красоты, которую он создал.

Внезапно он покачал головой.

— Я почему-то чувствую это, — сказал он кратко. — Однако у нас нет времени на болтовню, Боб. Мы должны разобраться, что случилось с этим миром, почему все так недвижимо. И выяснить, сможем ли мы летать на этом корабле.

Они оставили Хала Самду дежурить в орудийной башне. Троє, осторожно сжимая в руках протонные пистолеты, спустились из воздушного шлюза «Птицы Зимородок». Синтетический воздух крошечного мира был свеж и прохладен, к нему добавлялся аромат садов. Но над всем довлело неуютное молчание.

Они быстро пересекли пустынное посадочное поле и подошли к другому кораблю. На полированных серебристых боках не было названия. Он был маленький, но зато новее, современнее и совершеннее, чем последние геодезические крейсеры Легиона.

— Хороший корабль, — сказал Джей Калам. — Люки задраены, иллюминаторы закрыты, словно он подготовлен к полету.

— Ах, да, — пробормотал Жиль Хабибула слабым встревоженным голосом. Глаза его испуганно и нервно метались туда-сюда. Казалось, что желтое лицо его побледнело, толстые члены дрожали. Он старался держаться между Бобом Старом и командором.

— Ах, да, — повторил он, — однако это не так. — Он показал на темное маслянистое пятно на щебенке возле корабля.
— Заглушки резервуаров открыты, — сказал он. — Драгоценное топливо все вытекло на щебенку.

— Это так, — сказал Джей Калам.

Жиль Хабибула вздрогнул.

— Мне не нравится эта тишина, Джей. Место слишком уж тихое. Ах, видимо, какая-то грозная рука коснулась этого мира. Он мертв, Джей. Мертв! И совершенно уж не годится для живых.

Он подошли к задраенному входному люку.

— Он закрыт, Жиль, — сказал Джей Калам. — Откроешь?

— Если пожелаешь. — Старик равнодушно кивнул. — Но ничего хорошего мы нам не найдем. Это мне говорит боль в старых костях. Мы ничего не найдем, кроме призрачных следов ужаса.

Он раздобыл из огромного кармана кусок проволоки и вперевалку подошел к люку.

Боб Стар тревожно озирался. Молчание давило на нервы. Длинное белое здание позади них было сложено из местного белого камня. Однако его белая манящая роскошь достигалась за счет металла, стекла и тропического дерева, импортированного из далекой Системы, — эти материалы говорили о богатстве и огромных ценах за транспортировку на миллиарды миль. Темные окна приглашающие смотрели на него. Гнетущий дух пустоты и покинутости исходил отовсюду и прикасался к его душе холодом угрозы.

— Пока мы ждем, Боб, — сказал Джей Калам, — не заглянешь ли ты на ультракоротковолновую станцию? Посмотри, в рабочем ли состоянии передатчик. И, может быть, автоматические принтеры получили новости. На таком расстоянии понадобится несколько дней, чтобы получить ответ на любое сообщение. Но, возможно, мы узнаем, как обстоят дела в Системе.

Он быстро пошел по маленькому полю туда, где высилась паукообразная башня. Его обступила зловещая тишина. Трудно было идти, не оглядываясь.

Он толкнул дверь-вертушку и вошел в небольшую, облицованную камнем комнату под башней. Ужас вытолкнул его обратно. Каждая деталь оборудования в комнате была бесполезной. Приемники безмолвствовали. Передатчик был испорчен точно так же, как геодины на «Птице Зимородке». Каждый проводок был разрезан на множество кусков. Каждая лампа разбита. Платы каждого конденсатора были искорежены и непонятным образом разъединены.

И с того, что лежало на полу, кричал на него безмолвный ужас. Прежде это был человек. Повсюду валялась разбросанная и изорванная одежда. Небольшая горстка серой, похожей на желе массы переливалась бледными неприятными отсветами. До него здесь побывали кометчики.

Он закрыл дверь и, вздрагивая, побрел обратно по посадочной площадке. Жиль Хабибула и Джей Калам стояли возле входного люка. Он шепотом сообщил командору о том, что увидел, и спросил Жиля Хабибулу:

— Ты можешь открыть?

— Ах, парень. — Старик печально покачал головой. — Неужели ты не веришь в мой драгоценный гений? Я мог бы открыть это в один момент, парень, но я ждал, когда ты вернешься. Старый Жиль слишком стар и слаб, дружище, чтобы безрассудно рисковать головой, открывая этот корабль...

Он опять коснулся замка, и гудящие моторы опустили люк. Боб Стар и Джей Калам вошли плечом к плечу. Внутри, на палубе, они нашли скомканную одежду, наполненную иризирующими пеплом и испачканную темным там, где натекла какая-то странная жидкость. Джей Калам отпрянул, вздрогнув.

— Жиль, — хрипело прошептал он, — посмотри, не испорчены ли геодины?

— Пойдем со мной, — взмолился старик. — Старый Жиль не смертельный дурак, чтобы разгуливать здесь в одиночку.

Вторая горстка жутко отсвечивающего пепла остановила их у двери в силовой отсек. Жиль Хабибула посмотрел на сияющие генераторы и с сожалением покачал головой.

— Мертвы! — просопел он. — Уничтожены, как и наши. Этот корабль столь же бесполезен, как «Птица Зимородок».

— Корабль, вероятно, был готов к отправлению, когда это случилось, — задумчиво пробормотал Джей Калам. — Люки закрыты, экипаж на местах. Я предполагал, что владельцы этого места пытались бежать. Однако они должны были оставить след для нас...

Длинные пальцы его сжались, словно от неожиданной боли. Мрачная гримаса исказила лицо.

— Это все, что нам осталось! — горько добавил он. — ИграТЬ в детективов! Ибо мы выброшены сюда, и у нас нет способа выбраться или позвать на помощь... Нам ничего больше не остается...

ИЗ СТЕНЫ

Некоторое время они стояли в молчании на безмолвной палубе мертвого корабля. Возле них лежали серые отсвечивающие груды чего-то, что раньше было людьми. Черное отчаяние сковывало их, пока Джей Калам вдруг не расправил плечи.

— Я вижу лишь одно, — сказал он, — обследовать астероид и узнать как можно больше о людях, которые здесь жили. Возможно, мы сможем открыть еще какие-нибудь ресурсы. Возможно, у них есть запас ракетного топлива или новый комплект геодиннов. Мы можем начать с этого корабля. Тут должны быть документы.

Они нашли еще одиннадцать кучек сияющего пепла там, где умирали люди. Две — в маленькой рубке. Боб Стар остановил их, чтобы посмотреть журнал. Координаты, занесенные в него, говорили о том, что корабль сделал много рейсов

на Плутон, в экваториальные колонии на Нептуне и на некоторые маленькие астероиды. Однако он не содержал ни малейшего намека на род занятий или личность владельцев. Джей Калам сделал более неожиданное открытие. Он вышел из одной из кают, держа в руках кольцо и маленькую черную книгу.

— Я нашел это, — сказал он, — в пепле, где умер человек. Возможно, он был владельцем корабля: костюм на нем был не таким, как на других, и каюта очень тщательно обставлена. Я не знаю, что с этим делать.

Он показал Бобу Стару свои находки. Кольцо было из обычного золота. Оно было с широкой черной печаткой, глубоко врезанной и с очертаниями скрещенных костей и креста. Тот же символ был оттиснут в красном цвете и на обложке черной книги. Боб Стар увидел, что ее тонкие страницы были заполнены письменами, ничего ему не говорящими.

— Я полагаю, — это дневник, — ответил на его озадаченное выражение Джей Калам. — Разница в цвете чернил говорит о прерывистом характере записей, сделанных в разное время. Это должно быть очень интересно, но похоже на какую-то скоропись, возможно, зашифрованную. Посмотрю, что можно будет с этим сделать.

— Может быть, мы найдем еще какие-нибудь бумаги в здании, — с надеждой предположил Боб Стар.

— Сомневаюсь. Бизнес этих людей, видимо, требовал особой осторожности. — Он снова внимательно посмотрел на кольцо и на красную эмблему на книге и нахмурился. — Этот символ меня смущает.

Боб Стар склонился, внимательно посмотрев на этот любопытный витой крест и скрещенные кости.

— А это не тот символ?.. — У него перехватило голос, и он задрожал.

— Он самый, — кивнул командор. — Символ, которым был запечатан магниево-литиевый цилиндр, в котором Эдвард Орко нашел странного младенца, которого он назвал

Стивен. — Бледные губы его стали тонкими. — Я думаю, тайна этого астероида будет для нас полезна — если только мы ее узнаем.

Они пошли к огромному широкому белостенному зданию и поднялись на просторную веранду. Боб Стар, содрогаясь, переступил через зловещее сияние груды сероватого пепла возле широкой черной лужи. Он постучал в огромную дверь из потемневшего серебра, на которой был символ из красной эмали — скрещенные кости смерти и витой крест жизни.

Молчание служило ему проводником, и он встретил зловещее гостеприимство смерти. Осматривая просторные, тускло освещенные залы и величие покинутых комнат, они вновь и вновь изумлялись доказательствам расточительной роскоши. Одного взгляда на огромную кухню было достаточно, чтобы развеять все тревоги Жиля Хабибулы.

— Ах, дружище. — Его морщнистое лицо засияло. — Вот где настояще изобилие! Кто бы он ни был, хозяин этого места, он знал тайну жизни. Лучших яств и вин не найти во всей Системе.

Он вздохнул, облизывая толстые синие губы.

— Нам нужно подольше пожить в этом смертельном гротике, Джей, оставив одного из нас на страже. Одна жизнь знает, как долго нам придется оставаться на этом мрачном камне. Очень похоже, что навсегда. Мы сможем заодно поесть или выпить...

Голос его вдруг замер, когда он наткнулся на сияющий пепел еще одного человека.

В одной огромной длинной тусклой комнате они нашли обширную библиотеку из роскошно изданных томов. Высоченные стены были увешаны работами известных художников. В нишах стояли прекрасные скульптуры. В алькове находился отличный оптифон, и было много тысяч записей, от чего засияли глаза Джая Калама.

— Это тайное королевство, — сказал он тихо. — Это мечта великого разума о рае, воплощенная в реальность некоей

необычной силой. Сияющий свет гения отражается здесь во всем: в красоте, что поет в садах, в архитектуре здания, в чудесной этой комнате...

— Ах, да, Джей, — вмешался Жиль Хабибула, — не забудь кухню и драгоценный погреб.

— Подлинный художник, — тихо продолжал командор. — Великий творец, и печать его здесь на всем. — Он огляделся, недоумевающе хмурясь. — И его способности требовали анонимности: нам никак не удалось найти ни письма, ни фотографии, ни меморандума, кроме кольца и книги.

Джей Калам вернулся на «Птицу Зимородок» в надежде узнать тайну зашифрованного дневника, а тем временем Жиль Хабибула сделал новое открытие. Боб Стар, и Жиль Хабибула, бродили по библиотеке, и вдруг старик остановился.

— Дружище, — сказал он, и голос его был тих и гулок в просторах комнаты. — В стене алькова есть потайной ход.

Боб Стар спросил со скептическим интересом:

— Откуда ты знаешь?

— А откуда ты знаешь, парень, где верх, а где низ? — Он тяжело вздохнул. — Это чувство, парень, жалкий инстинкт. Подсознательное ощущение, если угодно. Точное восприятие, усиленное долгой тренировкой.

Старый Жиль Хабибула не всегда служил в Легионе, парень. До той ночи, когда его с прямой дорожки столкнула женщина, он был свободным охотником, живущим за счет своего гения.

Люди не умеют прятать свои сокровища от Жиля Хабибулы, парень. Потому что мозги у них действуют так же, как их замки. — Его тонкий голос зазвучал доверительно. — Когда хочется найти что-нибудь, спрятанное человеком, парень, достаточно выяснить, что это за человек, обстоятельства, в которых он находился, и прямиком выйдешь к потайному месту.

— Ты действительно думаешь, — с сомнением спросил Боб Стар, — что здесь есть потайной ход?

— Думаю? — эхом ответил старик. — Я знаю. — Он показал. — Видишь, эта стена достаточно толстая, чтобы скрыть потайной ход.

— Не вижу! — возразил Боб Стар. — Она выглядит достаточно тонкой...

— Это потому, что колонны и занавеси предназначены для того, чтобы скрывать ее толщину — хитроумная оптическая иллюзия. — Он, покачиваясь, пошел к алькову. — Вход, должно быть, в этом углу. Он хорошо скрыт от остальной части комнаты, и здесь удобно входить.

Толстые проворные, странно чувствительные пальцы надавливали и постукивали по роскошной полировке красного твердого венерианского дерева.

— Ах, вот она, — выдохнул он. — Вот она, дверь. Видишь, на шве отсутствует пыль.

— Не вижу, — сказал Боб Стар. — Но, если ты думаешь, что она действительно есть, я выломаю ее.

— Погоди, парень! — возмущенно запротестовал Жиль Хабибула. — Сломать ее можно. Однако в выламывании дверей не может быть эстетического удовлетворения. Это грубое допущение того, что искусство здесь бессильно. Сама эта мысль — кривой нож в сердце гения.

Эта дверь должна открываться рукой, а поэтому надо лишь положить на нее пальцы. Несомненно, это кнопка, потому что механизм, несомненно, электрический. Хозяин этого дома, — сказал он медленно, — был методичен и трудолюбив, и, вне всякого сомнения, он сам — великий гений.

— Тяжелые веки ненадолго опустились на рыбьи глаза. — Ах, да, — просопел он. — Несомненно, оптифон! Какой-то трюк с дисками...

Толстые пальцы прикоснулись к кнопкам. Неожиданно красная панель поднялась вверх, и за ней вспыхнула белая лампа.

— Иди вперед, — парень, — сказал он, — и держи оружие в руках. Возможно, в этом тайнике остался кто-то живой. А жизнь — слишком драгоценная штука, чтобы рисковать ею

в схватке с каким-нибудь отчаянным обитателем с протонными пистолетами...

Боб Стар осторожно пошел вперед по узкому длинному пролету из каменных ступеней. Тем не менее, он не нашел внизу никого живого. То, что он нашел, лишь увеличило таинственность астероида. У подножия лестницы, проложенной в самом центре крошечного мира, находилась огромная комната. Она содержала в себе биологическую исследовательскую лабораторию. Там были мощные микроскопы, радиологические и исследовательские аппараты, печи, инкубаторы и чаны с призрачными образцами — по большей части, человеческими. Кометчики, очевидно, нашли этот тайник так же легко, как Жиль Хабибула. На полу мерцал пепел от семи человеческих существ.

На борту «Птицы Зимородок» Джей Калам выслушал сообщение Боба Стара о находке, скав тонкие губы. Он ничего не сказал, и Боб Стар спросил:

— Вы расшифровали дневник?

— Нет, — сказал командор, покачав головой. — Это посложнее, чем я рассчитывал.

На планетоиде шло время, и каждый следующий час вносил новую каплю горечи в чашу четырех легионеров. Растаяла одна надежда, за ней другая. Они не нашли ни сигнального оборудования, ни запасных геодинов, ни даже лишней бочки ракетного топлива. Тайна одинокой скалы оставалась неразгаданной. Джей Калам не сообщал о прогрессе в расшифровке дневника.

Наконец, с мостика «Птицы Зимородка» Боб Стар заметил, что Плутон по пологому эллипсоиду приближается к кометарному объекту. Вот уже много дней он двигался, сойдя со своей прежней орбиты. Он в тревоге ждал, что его встретит отталкивающее поле, но ничто не остановило его. Он столкнулся с морем светящейся зелени и исчез.

Боб Стар повернул телеперископ на Нептун. На миг он уверился, что эта планета находится на месте, однако потом

он увидел, что расстояние между Нептуном и Тритоном увеличилось. Спутник был уже в пути.

— Тритон, — пробормотал он сдавленно. — Потом Нептун и, наконец, Земля. — Он беспомощно сжал кулаки. — Но я ничего не могу сделать...

В ту же ночь он один вошел в безмолвный мрак огромного холла в белом особняке. Бледные лампы холодно светили на высоких стенах, облицованных черным и алым. Белый пол был из твердого металла. Он внезапно остановился, неверяще глядя на панель в стене.

Он увидел там движущуюся тень. Она тут же вызвала у него в памяти видение, которое было ему в форте на Нептуне, и лицо, которое не покидало его тяжелые сны. Дрожа от нетерпения, он быстро двинулся к тени. Он прошептал:

— Приди ко мне опять... Прошу тебя, приди...

Тени стали более темными и начали сиять, что-то проявилось под поверхностью черно-алой стены. Теперь между тенями сиял чистый голубой свет, ярче, чем их сияющие края. Сердце его забилось, когда они соединились и стали совершенной светящейся реальностью.

Ему показалось, что в стене внезапно была вырезана глубокая ниша. Форма у нее была спиральная. Она была черной и сияла бесчисленными огнями разбросанных повсюду кристаллов, словно голубых снежинок. Внутри полыхал пламенем многоугольный пьедестал чистого сапфира.

На пьедестале, как и прежде, стояла девушка.

Красота ее вызывала спазмы в горле. Нежное тело светилось белым на фоне тьмы и сапфирового огня спиральной ниши. При первом взгляде на нее возникало удивительное и восхитительное впечатление ее стройности, гибкого совершенства, сгустившейся полночи отливающих красным волос, бледного трагического овала лица и огромных печальных карих с золотыми отблесками глаз.

И тут же он увидел, что она ранена. Белое платье было порвано и в крови. Она покачивалась, стоя на огромном

сапфире. В лице была мертвенная бледность боли, и глаза были глубоки и темны от муки. Он видел, что она в отчаянии сопротивляется слабости и боли, и чему-то еще. Боб Стар почувствовал грозный невидимый конфликт, в котором ее разум пытался найти путь к победе.

Он бросился к ней в неудержимом порыве.

В двух ярдах от стены он опомнился. Ее там не было. Это была всего лишь тень в стене. Она была здесь не больше, чем когда явилась в тюрьме на Нептуне в двух миллиардах миль отсюда. Всего лишь тень...

А может, даже не тень. Может быть, всего лишь галлюцинация, дочь разума, который Стивен Орко сокрушил с помощью Железного Исповедника. Красный молот боли, не утихнув за девять лет, все стучал под шрамом — и ему теперь казалось, что голубое пламя в кристалле под ней пляшет в ритме с этими ударами.

Он вдруг понял, что она не машет ему, как это было в тот раз. Ее застывшее лицо с трагическим взглядом было испуганным, молящим и обессиленным отчаянными усилиями. Покачиваясь на, огромном сапфире, она простирала к нему руки. И ее изображение непонятным образом мерцало. Это было, как он понял после, словно он смотрел на нее сквозь огромную пластину какого-то идеально прозрачного кристаллического вещества, и затем этот барьер оказался убран.

Он был изумлен, услышав ее голос. Это был тихий, без дыхания, вскрик. Но было в нем облегчение и радость. Какая-то странная радость смыла бледность и муку усилий с ее лица. Стройное тело расслабилось, и она упала к нему.

Падающая тень? Борясь с парализующим воздействием невероятного, он бросился вперед. Он покачнулся, совершенно изумленный и восхищенный, когда почувствовал в своих руках эту теплую настоящую тяжесть. Некоторое время она казалась безжизненной. Потом к ней вернулись чувства. Она посмотрела назад, на спиральную комнату, где сапфировое пламя все продолжало взметаться над

опустевшим пьедесталом. Необычный зов, единая текучая, очень чистая нота, сорвался с ее губ.

Немедленно вслед за этим сапфир взорвался, словно огромная бомба света. Нишу заполнило голубое пламя. Оно растаяло в вихрящемся столкновении теней. И тени исчезли с черной с красным стены. Словно от полного изнурения, девушка вновь обмякла у него на руках. Он некоторое время стоял, поддерживая ее и глядя на полированную пустоту стены.

— Тень? — прошептал он и повернулся вместе с ней. Он понес ее обратно по огромному холму, по широкой, с колоннами, галерее, по щебенке посадочного поля, к «Птице Зимородку».

Возле воздушного шлюза его встретил Жиль Хабибула.

— Ну, что? — обратился он к старику. — Ты и теперь не думаешь, что она реальна?

— Достаточно реальна. — В рыбых глазах появилась теплота одобрения. — И я рад видеть, что ты забываешь о своих болезненных снах. Это хорошо. И она красивая девочка. Скажи мне, парень, она не лучше, чем то твое видение?

— Нет. — Боб Стар засмеялся. — Потому что она и есть видение.

Изумленный Жиль Хабибула прохрипел:

— Откуда она взялась, парень?

— Из стены, — сказал Боб Стар и опять засмеялся, видя его замешательство.

— Не шути над старым бедным Жилем. — Он встал. — Джей тебя звал, — объявил он. — Он в рубке.

— Зачем?

— Я не знаю, парень, однако я видел, что он в замешательстве.

— Я иду, — сказал он, — но сначала я должен найти для нее место.

На борту «Птицы Зимородок» были свободные каюты, и Жиль, колыхаясь, пошел вперед, чтобы открыть дверь и снять покрывало с койки.

— Что случилось с драгоценной девочкой? — просопел он.

Девушка казалась без сознания. Однако золотистые глаза с трепетом распахнулись, когда Боб Стар выпустил ее из рук. Овальное лицо снова напряглось в страхе. Она попыталась сесть, вцепившись в его руку. Он попытался ее уложить.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Не надо волноваться.

Его прервал ее голос. Он был тихим и сдавленным от натуги.

Боб Стар покачал головой. Он смог почувствовать текущую красоту слов ее языка, но он был для него совершенно непонятен. Он не нашел ни одного знакомого слова, да и не ожидал этого. И она обернулась к Жилю Хабибуле, смущенная и разочарованная его непониманием.

Старик наклонил желтую голову набок, прислушиваясь.

— Ах, девочка, — пробормотал он. — Твой голос — сама драгоценная сладость. И, очевидно, ты говоришь что-то, что считаешь важным. Однако такого языка, как твой, старый Жиль никогда прежде не слышал.

Она преодолела слабость и вновь повернулась к Бобу Стару. Усталый голос настойчиво зачастил. В лице явственно был виден призыв.

— Мне жаль, — покачал он головой. — Но мы не понимаем. Когда вы отдохнете, мы найдем способ...

Ее пальцы сжали его руку с конвульсивной бешеною силой. Голос зазвучал громче, выше, и в нем появились рыдания. В золотистых глазах замерзали слезы отчаяния.

— Что она пытается сказать? — Боб Стар безнадежно уставился на Жиля Хабибулу. — Первый раз она появилась, затем, чтобы предупредить меня о кометчиках...

Пальцы ее отпустили его руку. Она упала на койку, бесчувственная.

— Эта рана у нее на плече. — Боб Стар вопросительно склонился над ней. — Она не может быть серьезной?

— Ах, нет, парень. Это всего лишь царапина. Отдых и сон скоро восстановят ее силы. Старый Жиль перевяжет ее

ранку, парень. В его старых руках еще осталась известная сноровка. Не забудь, что Джей ждет тебя в рубке.

— Боб, — высокий командор встретил его тихим голосом, который выдавал сдержанное волнение, — не проверишь ли ты орбитальное движение этого астероида относительно кометарного объекта?

Джей Калам стоял и смотрел, пока он считывал положение Солнца, Юпитера и Сириуса с калиброванного экрана телеперископа и, склонившись над столом, проводил быстрые расчеты.

— Я вижу ответ на твоем лице. — Командор кивнул, увидев там выражение изумления и тревоги. — Он сходится с моим. Астероид подхвачен тубулярным силовым полем. Очевидно, нас затянет в комету вместе с большими планетами.

ЭНЕРГИЯ КОМЕТЫ

Кометарный объект висел неподалеку.

Чтобы посмотреть на закат, Кай Ними迪 взобралась с помощью Боба Стара на вершину высокой голой скалы за посадочным полем. Они сидели бок о бок на подушке алого мха. Ноги их свисали над бездной.

Внизу лежало сложное разнообразие крошечного мира, превращенного мертвым гением его неведомого хозяина в фантастические ландшафты писаной красоты. Травянистые склоны миролюбиво улыбались, а яркие заросли цветущих лесов весело смеялись. Однако над ними, повсюду, зубчатые пики и гряды высились мрачно и недоступно в лишайниковом одеянии зеленого, золотого и алого цветов.

И пурпурная чернота космоса представляла собой свод непознаваемых тайн. День мог осветить лик астероида, но не небеса. Солнце уже садилось позади Боба Стара и девушки — точка бело-голубого великолепия, сопровождаемая

крошечными искорками Юпитера и Сатурна. Оно бросало черные, острые, как нож, тени на двух людей, сидевших на скале.

Перед ними, над черными тенями и горящими лишайниками, поднималась комета — в последний раз. Ее эллипс возникал как бесформенная маска зеленого цвета, зловеще вглядывающаяся поверх крошечного мира. Злобный лик ее был уже близок и огромен.

Боб Стар схватил девушку за руку; Кай Нимиди в тревоге вцепилась в него.

— Темно ист ноки, — пробормотала она на собственном странном языке. Голос ее звучал глухо и сдавленно от страха.

— Да, — прошептал он, — я думаю, мы скоро окажемся внутри комнаты. Но мы ничего не можем сделать... — Он спохватился и заставил себя улыбнуться. — Однако ты не тревожься, дорогая...

Уже почти неделя прошла со времени их непредвиденного появления на астероиде; и сейчас она, похоже, почти оправилась от испытания, которому подверглась. Рана на плече зажила, и прекрасная кожа опять светилась здоровьем.

Несмотря на затруднительность общения, Боб Стар узнал ее имя — Кай Нимиди. Он узнал, что она действительно жила в комете. Он выяснил, что она ненавидит и боится кометчиков, которых она звала Айтрин.

Но это было и все.

Она выглядела разочарованной и удивленной неспособностью легионеров понять ее язык. Она отчаяние пыталась выучить их язык, заставляя Боба Стара показывать разные предметы, обучать ее произношению и производить действия, чтобы объяснить глаголы. Прекрасная и заинтересованная ученица, она уже могла произносить множество простых конкретных фраз. Однако что-либо более абстрактное, чем зелень травы или сладость вина, все еще было за пределами ее понимания.

Широкие золотистые глаза смотрели в его лицо. В меркнущем свете зрачки казались огромными прудами трагической тьмы. Они были полны всепоглощающей печали, горького отчаяния, которого ему не удалось развеять. Но они светились, когда он взглядывался в них, мудрым золотым сиянием. На миг на ее лице расцвела сдержанная улыбка.

Боб Стар порывисто прижал ее к себе.

— Кай, — прошептал он. — Дорогая...

Некоторое время она поклонилась, расслабившись, на его груди, однако затем страх сделал ее тело твердым. Испуганные глаза снова обратились к комете, и лицо ее в зеленом свете стало еще более боязливым и странным.

— Махниана... — послышался полный страха голос. — Махниана...

Боб Стар выпустил ее.

— Это верно, — горько прошептал он. — Мы не можем успокоиться ни на мгновение, пока жив Стивен Орко.

— Стивен Ор-рко!

Она, казалось, вцепилась в это имя в изумленном отчаянии. Настойчивый голос повторял его со странным акцентом. Красивая рука взметнулась к жуткому, поднимающемуся лицу кометы. А затем она почти яростно что-то втолковывала Бобу Стару на своем текучем, прекрасном, непонятном языке.

Он безнадежно покачал головой.

— Стивен Ор-рко! — Он вновь уловил это имя, однако это было все, что он понял. Голос ее повысился. На глазах замерцали слезы. Она схватила его за плечи, словно пытаясь растрясти его, заставить понимать. Но, наконец, сдалась и зарыдала в его руках.

Голубая точка солнца опустилась и воцарилась комета. Зеленоватый грозный лик заполнял темное небо от горизонта до зенита. Он становился все более различимым, все более ужасным, он рос. Под этим неземным светом огромное здание превратилось в нереальный кошмар. Под его черными стенами корчились деревья, словно темные

ползучие монстры. Высокие голые скалы мерцали в этом свете как фантастические ледяные шпили.

«Птица Зимородок» стала зеленым призрачным кораблем, когда Боб Стар помог девушке спуститься. Остальные ждали возле воздушного шлюза, глядя в ужасное небо. Они тоже выглядели призрачно: странное свечение делало их плоть мертвенно-бледной, лица казались масками ужаса.

Что-то в голосе Джекса Калама, тихо и спокойно говорившего с Жилем Хабибулой, показалось Бобу Стару несоответствующим обстановке.

— Очевидно, — говорил он, — что кометчики способны генерировать и контролировать некую силу, аналогичную гравитации. Мы имеем родственные возможности — достаточно взять геодинами и собственные гравитационные ячейки. Но их турбулентные поля неизмеримо мощнее.

Жиль Хабибула автоматически кивал, однако лицо его было поднято в сторону неуходящей кометы и призрачно светилось в ее жутких лучах.

— Их инженерная наука, должно быть, на миллионы лет старше нашей, — буднично продолжал Джекс Калам. — Когда думаешь о грандиозной силе, заставляющей планеты покидать свои орбиты, или о способности кометы перемещаться как корабль... — Голос его утонул в бездне тишины.

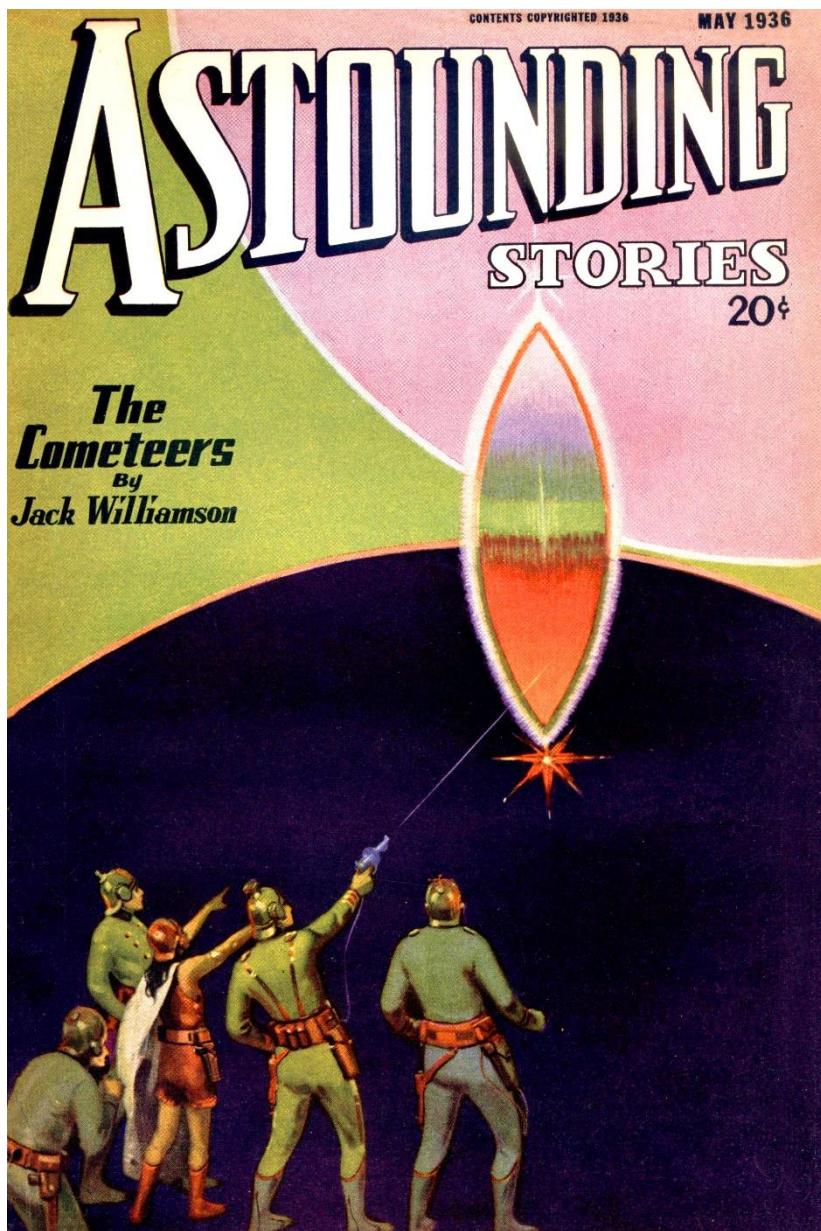
Зеленые края кометы с завораживающей быстротой расширялись. Словно зеленые занавеси закрывали все горизонты. Бобу Стару пришлось слегкнуть, чтобы обрести голос. Он спросил Джекса Калама:

— Не подняться ли нам на борт?

— Если пожелаешь, — тихо ответил командор. — Корабль беспомощен; я не думаю, что он хоть сколько-нибудь может гарантировать безопасность. Я не знаю, в чем заключается опасность. Можешь делать, что хочешь. Что касается меня, то я останусь здесь, на поле, чтобы можно было видеть, все, пока... пока это не случится.

Боб Стар схватил Кай Нимиди за руку и потащил ее к воздушному шлюзу. Она покачала головой и снова подняла

лицо в сторону простирающегося лика кометы. Ожидая возле нее, Боб Стар вдруг испытал неприятное ощущение, что астероид падает вместе с их телами, падает в опасную

зеленую бездну. Бледные острые края ее мчались к горизонтам, и вскоре все небо превратилось в пылающий зеленый купол.

Он услышал голос Джекса Калами:

— Мы вот-вот встретимся с зеленым барьером.

С губ Жиля Хабибулы сорвался тонкий дрожащий стон.

— Жуткое время! — всхлипнул он. — Что толку теперь быть гением!

Боб Стар обнял Кай Ними迪 и слегка подтолкнул ее к сияющему кораблю. Что случится, когда они врежутся? Кто может знать?

Он ждал, не дыша. Он слышал, быстрое биение сердца девушки. В небе появилось странное мерцание зеленого купола. Однако ничего не происходило. Ждать становилось невозможно. Дрожа, он прошептал:

— Когда, Джей? Когда?..

Он услышал, как Джей Калам сделал глубокий вдох.

— Мы прошли зеленый барьер, — сказал командор. — Мы уже внутри кометы. Ты только погляди на небо!

Боб Стар вместе с Кай Ними迪 неуверенно отошел от корпуса «Птицы Зимородок».

Глаза его в замешательстве обегали небо. Оно было зеленым, этот опрокинутый котел неприятного бледного пламени. Но оно уже кишило странными небесными телами.

Он обежал их изумленным взглядом. Это были испещренные пятнами диски, словно темные луны, несущиеся в зеленом свете. Они были самых разных размеров, окрашены в тысячи оттенков красного, оранжевого, желтого и коричневого цветов и все были омыты призрачной зеленью. Это были скопившиеся вместе планеты, заполнившие зеленое небо. Пятна имели очертания континентов. Огромные площади зеленого, как показалось ему, должны быть морями, отсвечивающими в небе.

— Солнце! — захрипел Джей Калам. — Пленное солнце!

Глядя туда, куда показывала его рука, Боб Стар увидел огромный шар пурпурного пламени. Его жаркий цвет был

фантастически необычен на зеленом фоне. Он казался в три раза больше Солнца Системы, если смотреть на него с Фобоса.

Кай Нимиди быстро отошла от них. Красивая белая рука ее, дрожа, указывала на одно из множества темных тел, которое не было таким исковерканным, как остальные. Это был гладкий диск цвета индиго. Между этой планетой и пленным солнцем Боб Стар увидел три сияющие пурпурные линии.

— Боб, Джей, Хал, Жиль! — с мягким акцентом звала их по именам девушка. И она по-прежнему показывала на

лишенный характерных очертаний диск фиолетово-синего цвета. — Айтрин настойчиво крикнула она. — Стивен Ор-рко!

Она подбежала, чтобы дотронуться до отливающего зеленым корпуса «Птицы Зимородок», и затем сделала жест, как если бы корабль поднимался к миру цвета индиго.

— Стивен Ор-рко! — повторила она и потерла ладошки друг о друга, словно растирая что-то.

— Смотрите! — прошептал Боб Стар. — Она хочет, чтобы мы поднялись на эту синюю планету. Там Стивен Орко вместе с кометчиками — она называет их айтрин. Она хочет, чтобы мы отправились туда и убили его.

Девушка тем временем смотрела на них, и карие глаза ее сияли. Она схватила его за руку, темпераментно заговорив на своем языке. Она кивала, тряслась головой, пожимала плечами, делала гримасы, жестикулировала. Боб Стар, пытаясь ее успокоить, положил обе руки ей на плечи.

— Бесполезно, — сказал он. — Мы не можем понять. И мы не можем летать на «Птице Зимородок», если ты этого хочешь...

— Она хочет сказать нам что-то еще, — сказал командор.

— Интересно, не могла бы она нарисовать это?

Он поискал у себя в карманах письменные принадлежности и вложил их в ее руки. Она тут же нарисовала круг и указала на огромный диск цвета индиго. Потом сделала отметку внутри круга и проткнула рисунок, снова быстро заговорив.

— Круг означает планету, — сказал Боб Стар, — но эта отметка внутри...

Ему пришлось, как и остальным, покачать головой. И на ее глазах вдруг появились слезы отчаяния. Она опустила рисунок с гневным безнадежным жестом и зарыдала.

— Это слишком плохо. — Джей Калам с сомнением покачал головой. — Мне приходится предположить, Боб, что она — обитательница кометы, хотя принадлежность ее к человеческой расе, видимо, противоречит ортодоксальной науке.

Вполне похоже, что она пришла к нам с какой-то информацией о кометчиках и Стивене Орко.

Однако ничего из того, что она знает, не может помочь нам. Без общих знаний языка и культуры, или даже форм мышления, потребуются месяцы или годы, как бы она ни была способна, чтобы изучить английский достаточно для того, чтобы оперировать сложными или абстрактными идеями.

Он неожиданно повернулся и прищурился на пурпурное солнце.

— Мы должны подняться на борт, Боб, — сказал он, — и провести все возможные наблюдения. Мы должны выяснить как можно больше о комете и о том, что происходит с нами. — Что-то заставило его голос звучать неуверенно. — Хотел бы я, — сказал он, — чтобы для наблюдений у нас оказалось достаточно времени.

— Почему?

— Я считаю, что астероид падает на пленное солнце.

Некоторое время они молча работали на мостице. Боб Стар лишился дара речи под написком ужаса. Но Джей Калам, по-прежнему мрачно-сосредоточенный, начал преобразовывать их открытия в слова.

— Этот объект, который мы называем кометой, — медленно начал он, — это скопище планет. Мы насчитали сто сорок три. Поскольку мы оказались на передней стороне астероида, мы должны видеть их почти все. Мы уже знаем по ее гравитационному воздействию на Систему, что масса кометы приблизительно в тысячу раз превосходит земную. Масса пленного солнца составляет меньше ее половины. Средняя масса планет, следовательно, должна быть в три раза больше земной. Из них построен корабль. Этот зеленый барьер — корпус, покров отталкивающей силы. Планеты размещаются внутри в виде огромного эллипсоида...

— Чего я не пойму, так это как такая система может оставаться стабильной. — Боб Стар тревожно поглядел вверх. —

Такие огромные массы, такое переполненное пространство. Что удерживает их от столкновения?

— Должно быть, они удерживаются в пространстве теми же самыми тубулярными полями — лучами силы, которые предназначены для балансировки гравитации. Каркас, так сказать, корабля. — Командор говорил отвлеченно, отчетливо, словно приводил собственные мысли в порядок. — Пленное солнце — один фокус эллипсоида. Планета, которая беспокоит Кай, должна быть другим...

— Только посмотри на нее! — Боб Стар взглядался в экран телеперископа. — Поверхность ее кажется абсолютно гладкой, однако посмотри на эти машины! Слегка напоминают наши протонные иглы. Но они должны быть огромны, раз видны с такого расстояния. По одной машине стоит под каждым из пурпурных лучей между планетой и пленным солнцем.

— Кажется, я понял! — Тихий голос Джекса Калама дрожал от сдерживаемого возбуждения. — Пленное солнце не может быть заурядной звездой — об этом говорит пурпурный цвет. Я считаю, что оно искусственное — это атомная энергостанция.

Вероятно, тройной луч — это трансмиссионная система для получения энергии. И если это правда, то синяя планета должна быть рубкой управления корабля. Эти меньшие машины вокруг тех больших, видимо, преобразуют энергию для управления им.

Должна требоватьсяся огромная энергия для удержания и движения этих планет и для защиты их от барьера отталкивания. Атомных реакций должно быть недостаточно. На станции должен осуществляться процесс аннигиляции материи...

У него перехватило дыхание, и длинное лицо вытянулось.

— Я не могу найти Плутон среди этих планет, — прошептал он хрипло. — И, кажется, понимаю, почему.

Боб Стар невидяще глядел на него.

— Мне кажется, что кометчикам он понадобился на топливо, — сказал он. — Я думаю, что они уже ободрали с него все, что хотели сохранить, а остальное бросили в эту атомную печь.

Некоторое время он безмолвствовал. Лицо его казалось пустым и жестким, словно посмертная маска.

— Кажется, это дополняет наши представления о кометчиках. — Голос его остался необычно спокойным. — Это мородеры Вселенной. Они бороздят пространство от солнца к солнцу. Они грабят планеты и питаются жизнью, которую им удается найти. Они захватывают сами планеты, чтобы восполнять этот рой или сжигать их в качестве топлива...

— И это то, для чего им потребовался астероид? — вздрогнул Боб Стар.

— Я думаю, да. — Джей Калам кивнул, совершенно спокойный. — Кометчики уже нападали на астероид. Вероятно, они не имеют в нем больше никакой заинтересованности, разве что как в кусочке топлива... — Он, задумавшись, почесал длинную челюсть. Внезапно он очень тихо произнес: — Сколько нам осталось, Боб?

Боб Стар несколько мгновений оставался в хмурой задумчивости. Он нервно зашевелился и повернулся спешно к телеперископу, компьютеру и хронометру. Наконец, он выпрямился и вытер со лба холодный пот.

— Три часа, — прошептал он сдавленно. — Всего лишь три часа...

ГОЛОС ОРКО

Дверь в рубку Джей Калам закрывал, чувствуя усталость и обреченность. На миг он тяжело привалился к ней. Затем на подкаивающихся ногах он последовал за Бобом Старом на палубу и вышел в открытый шлюз.

Кай Нимиди, Хал Самду и Жиль Хабибула по-прежнему находились снаружи, на щебенке ракетодрома, возле пустынного особняка. Они выглядели призрачно в бледно-зеленом свечении, исходившим с неба.

Хал Самду стоял, запрокинув голову. Огромные узловатые ладони сжимались и опять разжимались. Косматая голова была откинута, взгляд голубых глаз был прикован к индиговому диску главной планеты. Суровое лицо было искалено свирепостью.

— Если Стивен Орко там, — хрипло произнес он, — мы должны отправиться за ним... и убить его. Ради Аладори...

Жиль Хабибула и Кай Нимиди сидели бок о бок на щебенке. Девушка рисовала на земле пальцем маленькие чертежи и настойчиво втолковывала что-то старику. Он спокойно слушал, устало качая головой.

— Старому Жилю очень жаль, девочка, — сказал он мягко. — Но это бесполезно...

Они все посмотрели вверх, когда Джей Калам и Боб Стар спустились по трапу.

— Ну что, Джей? — громыхнул Хал Самду. — Вот мы и в комете, и рядом Стивен Орко. Как мы сможем добраться до него и убить?

Джей Калам устало отошел назад, чтобы прислониться к омываемому зеленым светом корпусу «Птицы Зимородок». Темные глаза на миг закрылись, и длинное лицо его в этом неземном свете превратилось в застывшую маску боли.

— По-прежнему, Хал, — сказал он медленно, — мы ничего не можем сделать.

Он с усталой жалостью посмотрел на Жиля Хабибулу и на девушку.

— Через три часа, — сказал он, — астероид упадет в эту атомную печь. Мы по-прежнему не имеем способов покинуть его.

Массивное лицо Хала Самду исказил болезненный спазм. Он надломленно прохрипел:

— Аладори...

Жиль Хабибула встревоженно поднялся на ноги. Лысая голова его запрокинулась, маленькие глазки с ужасом уставились на растущий шар пурпурного огня.

— Только три часа! — прерывисто просипел он. — Ради жизни, Джей, не мог бы ты дать нам побольше времени? — Глаза его на миг остановились на жестком лице командора, и он покачал головой. — Бедный старый Жиль! — всхлипнул он. — Вот награда за все его таланты и за жизнь, отданную преданной службе Легиону и Системе! Сгореть в печи, в топке чудовищной кометы!

Он заморгал и высморкался.

— Вино! — прошептал он. — В доме есть вино. Драгоценное крепкое древнее вино, отобранное и выдержанное тем, другим гением, который освоил этот камень. Прекрасное старое вино, слишком редкое, чтобы позволить ему сгореть в печи...

Смутная улыбка разгладила беспокойство на его лице, и он тяжело поплелся к огромному белому особняку. Прислушиваясь, Боб Стар различил тихо насыщаемый мотив печальнойной, но гордой баллады Легиона «Воробей Луны».

Хал Самду по-прежнему стоял, выпрямившись во весь рост и глядя на планету индиго. Мускулы его угловатого обветренного лица напряженно работали: он что-то неразборчиво бормотал. Высокий командор опирался на корпус «Птицы Зимородок», словно его покинула жизнь. Боб Стар повернулся к Кай Нимиidi, которая перевела взгляд с него на пурпурное солнце.

— Пошли, Кай, — сказал он сдавленно. — Погуляем.

Она улыбнулась.

— Си, — сказала она медленно. — Ахндар.

Они пересекли посадочное поле и поднялись на груду валунов. Въевшиеся в них лишайники имели необычный цвет, изменяющийся под зеленым небом, так что дикие пики были фантастичны, как шпили волшебного города.

Боб Стар усадил ее возле покрытого мхом карниза. Он сомкнул вокруг нее руки. Он чувствовал, как она дрожит. Она

глядела в зеленое небо, и глаза ее походили на огромные пруды ужаса. Они были потеряны, сбиты с толку, беспомощны на мертвом обреченному мире. И все же он прижал ее к себе и попытался думать только об ее белой красоте.

Внизу, среди камней, показался Жиль Хабибула, задыхающийся от возбуждения.

— Пошли, парень, — пропыхтел он. — Восторги любви — пища и питье юных, это я знаю. Однако это может подождать, пока мы не сделаем самое необходимое. Пошли?

— Что случилось? — Боб Стар не сделал попытки подняться, ибо для него ничто не имело значения.

— Джей просит тебя прийти помочь нам грузить на «Птицу Зимородок» ракетное топливо.

— Ракетное топливо? — изумленно переспросил Боб Стар.

— Но его же нет!

— Есть!

Боб Стар помог девушке спуститься, и они пошли за Жилем Хабибулой.

— Где? — прошептал он, затаив дыхание. — Где Джей нашел ракетное топливо?

— Ах, дружище. — Старый солдат покачал лысой головой, отливающей зеленым отсветом кометы. — Судьба гения всегда одинакова: она ложится безвестным в безымянную могилу. Это не Джей нашел драгоценное топливо. Это старый бедный Жиль Хабибула.

— Где ты его нашел?

— Бедный старый Жиль отправился поискать винца, которое помогло бы ему забыть о жутких клыках смерти. Однако под этим смертельным зеленым небом его старый дух, слабый и вялый, внезапно восстал. Ах, да! Его драгоценный гений пробудился от прикосновения опасности и воспротивился гибели! Он вспомнил теорию Джея о том, что владельцы астероида должны были прятать топливо от космических пиратов. Это позволило понять натуру того, другого гения, который создавал это место. Ах, и это направило его старый палец на скрытое топливо.

Они шли по посадочному полю. Толстая рука старика показывала на коробку переключателя, встроенного в стену белого дома, с помощью которого можно было контролировать освещение.

— Я просто подошел к этой коробке, дружище, и открыл ее. Мои пальцы еще не покинула ловкость, парень. Я нашел секрет коробки, который был бы вряд под силу кому другому. И вот топливо здесь.

Они обогнули омываемый зеленым светом корпус «Птицы Зимородок». За ним, в дюжине ярдов от воздушного шлюза, над щебенкой поднимался небольшой цилиндр. Хал Самду выкатывал из его дверей черные бочки с корабельным топливом.

Боб Стар бросился ему на помощь. Не более чем двумя часами позже Боб Стар вместе с командором и Кай Нимиidi поднялись в рубку «Птицы Зимородок». Девушка настойчиво показывала в смотровой иллюминатор на индиговый диск главной планеты.

— Айтрин, — сказала она тихо и серьезно. — Стивен Орко! Мы летим?

— Мы можем отправляться? — спросил командор, повернувшись к Бобу Стару.

— Можно попытаться.

Его пальцы коснулись клавиатуры. Голубые струи омыли щебенку поля, и дюзы взревели над белыми колоннами пустого особняка. «Птица Зимородок» вновь была жива и летела в зеленой бездне кометы. Астероид остался позади, замерцал и исчез на фоне зловещего лика пурпурного солнца.

Боб Стар почувствовал сожаление, что ему предстоит погибнуть. Ибо именно в этой возвышенной экзотической красоте он встретил Кай Нимиди. Любовь к ней каким-то образом распространилась и на смеющиеся заросли и дикое великолепие раскрашенных лишайником скал, и на покой длинного белого здания над улыбающимся озером. Он огорченно подумал, что эту загадку никогда не удастся решить. Затратив на попытки несколько дней, Джей Калам

убедился, что не сможет расшифровать книгу, которая, видимо, была дневником. Анонимность неведомого автора отныне станет вечной. Цель потайной лаборатории, значение витого креста жизни над скрещенными костями смерти, возможная связь между астероидом и Стивеном Орко — на эти вопросы им уже не найти ответа.

— У нас достаточно топлива, чтобы добраться до главной планеты? — спросил командор.

— Резервуары не полны даже наполовину. У нас не было времени на погрузку. — Боб Стар некоторое время молчал, хмуро глядя на калиброванные экраны и проводя подсчеты.
— Я думаю, мы сможем...

У него перехватило голос, когда экраны курсопрокладчиков вспыхнули и зазвенели сигналы тревоги. Удивленный, он отвернулся от приборов.

— Силовой луч — вот что это! Между планетой и атомной энергостанцией. Мы пойманы ее силовым полем. Это опасность, которой я не предвидел...

Он помолчал, чтобы снова посмотреть данные, и быстро рассчитал новый курс корабля.

— Я думаю, мы сможем высвободиться, но это потребует много топлива. — Вновь проверив свои расчеты, он покачал головой и прикусил губу. — Я боюсь, что посадка наша будет не слишком мягкой.

Сосредоточенный, с отвердевшим лицом, он опять повернулся к экранам и компьютеру, вступив в безмолвную борьбу за сохранение каждой драгоценной капли горючего.

Полет длился часы и, пожалуй, был долгим. Однако Бобу Стару казалось, что они едва успели покинуть астероид, прежде чем «Птица Зимородок» стала спускаться в бледном зеленом небе, загроможденном разноцветными мирами, к темной, необычно выровненной поверхности главной планеты.

Этот великий мир выглядел совершенной сферой цвета индиго, не нарушающей ни горой, ни морем. Он казался совершенно лишенным характерных черт, предназначенным

исключительно для ошеломительно колоссальных машин, красным и таинственным под их бледными куполами зеленоватого свечения, разбросанными на дистанции в сотни и тысячи миль.

Когда эта темная, необычно грозная поверхность простиралась перед ними, Кай Нимиди показала сквозь смотровой иллюминатор на возвышающийся купол одной из этих машин.

— Лететь... — сказала она нетерпеливо и поисками подходящее слово. — Туда.

Боб Стар кивнул и направил в указанном направлении нос «Птицы Зимородок».

— Я попытаюсь, — прошептал он.

Однако стрелка указателя топлива неудержимо ползла к нулю. Гул дюз стал прерываться предупреждающим кашлем. Он покачал головой и перевел «Птицу Зимородок» в пологое пике над миром цвета индиго, и дюзы замолкли еще до того, как корабль прекратил движение.

— Резервуары пусты, — ровно сообщил он. — Корабль больше не будет двигаться.

Кай Нимиди схватила его за плечо и показала на малиновую циклопическую машину впереди, на удивительную и фантастическую загадку красного металла под прозрачным куполом мерцающего зеленого цвета.

— Извини, Кай. — Он снова покачал головой. — Нам до нее не долететь.

Вопросительное выражение в ее карих глазах медленно сменилось испугом и разочарованием.

— Возможно, мы сможем дойти, если нас не обнаружили, — с надеждой предположил Джей Калам. — Кай, похоже, решила провести нас к машине. И она не настолько, видимо, далеко...

— Расстояние обманчиво, — сказал Боб Стар, — из-за огромных размеров планеты, замечательной чистоты атмосферы и отсутствия других объектов для сравнения.

— Какое оно?

Боб Стар взглянул на свои приборы.

— Согласно моим последним наблюдениям, — сказал он наконец, — эта машина примерно в ста двадцати милях от нас.

Враждебный удар чужого мира поверг всех пятерых в замешательство, и прошло пять часов, прежде чем они покинули воздушный шлюз бесполезного корабля. Они провели это время, готовясь к отчаянному походу более чем за сто миль. Боб Стар и Хал Самду тащили носилки, сооруженные из металлических дверей, выломанных на корабле. На носилках была пища, вода и оружие.

Их шаги музыкально звенели над плоской бесконечностью поверхности планеты. Эта удивительная субстанция была совершенно гладкой и твердой, и ноги скользили по ней. Нигде, насколько они видели, она не нарушалась ничем выдающимся. Поначалу им было трудно идти; Жиль Хабибула дважды растянулся. Но было и преимущество: носилки, поставленные на поверхность, скользили при малейшем усилии.

— Целый мир под броней? — удивился Боб Стар. — Это металл?

— Это не металл. — Джей Калам покачал головой. — У меня оставалось время для изучения после того, как я закончил проверку атмосферы, однако я до сих пор не знаю, что это такое. — Он тяжело пожал плечами. — Это тверже алмаза и прочнее стали. Кислоты на него не действуют. Он не поглощает и не выделяет тепла. Возможно, это вовсе не материал, а некое стабильное силовое поле, более или менее похожее на зеленый барьер.

Как это ни удивительно, проверки показали, что атмосфера пригодна для дыхания. Большое содержание кислорода компенсировало низкое атмосферное давление. Поверхностная гравитация, как сообщил Боб Стар, чуть меньше земного стандарта. Поскольку планета была в четыре раза больше Земли в диаметре, это говорило о том, что ее относительная плотность крайне низка.

На небольшом расстоянии от «Птицы Зимородок» Джей Калам остановился, и все они посмотрели назад. Серебряный крейсер стоял, маленький и одинокий, на синеватой алмазно-ровной поверхности. Это был единственный объект на бесконечном мире, слабо мерцавший под бледно-зеленым небом.

Внезапно у них на глазах из орудийной башни вырвалось голубое пламя. Блестевший корпус быстро раскалился до красна, из иллюминаторов появилось пламя. Они отправились прочь с сожалением, потому что это был хороший корабль.

— Они наверняка найдут обломки, — сказал Джей Калам, — но я думаю, что они решат, что мы погибли с кораблем.

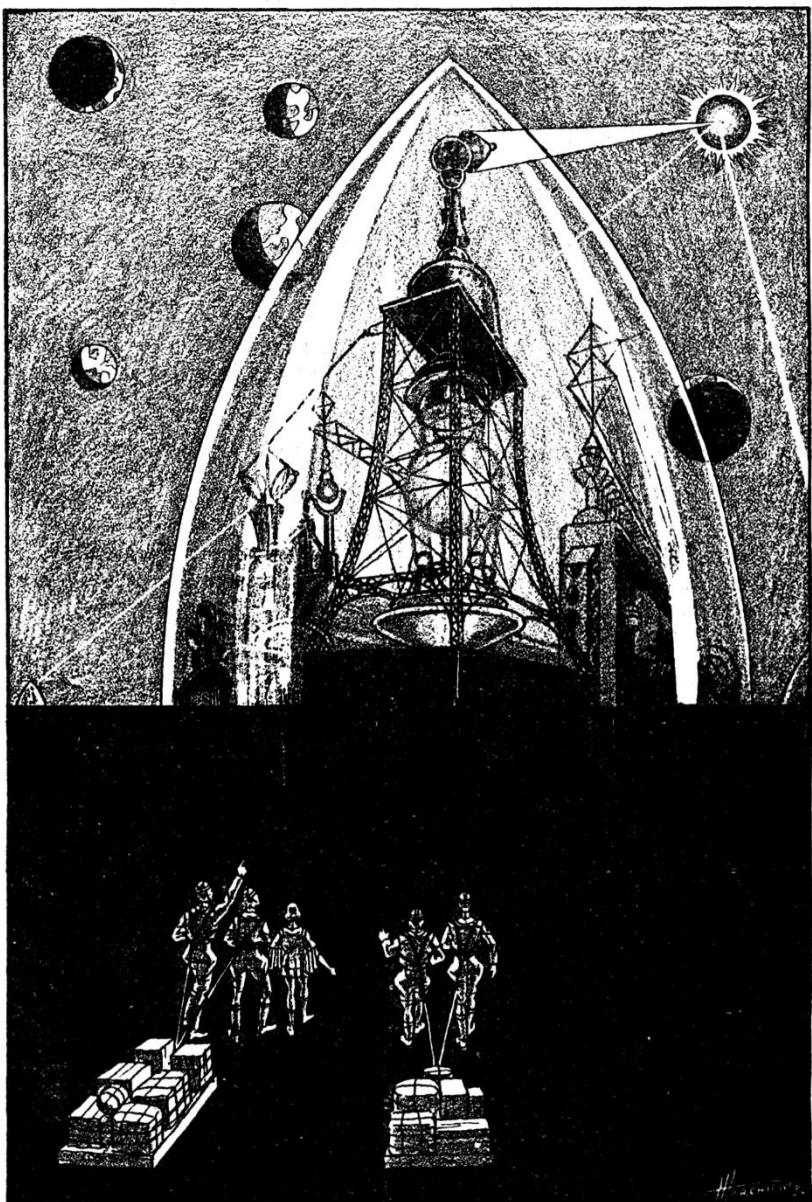
Они тащились, устало толкая носилки, к красному решету огромной машины, располагавшейся в сотне миль от них. Боб Стар не сводил с нее глаз, апатично удивляясь. Она стояла на квадратной платформе, которая, как он установил, должна быть около двух миль в высоту и десяти в длину. Машина высилась над платформой, столь огромная, что он не отважился попытаться вычислить ее высоту.

Кроваво-красный материал, из которого она была сооружена, сиял как металл. Это был огромный каркас из колосальных лучей и балок. Тут были движущиеся части, столь сложные и столь странные, что он не мог найти для них ни названия, ни объяснения. В частности, взгляд его уловил большой белый предмет, имевший форму сплюснутого апельсина, который нерегулярно двигался вверх и вниз между двумя очень большими малиновыми пластинами. Все это было заключено в прозрачный зеленоватый купол, который казался в чем-то родственным небу.

Им овладело отчаяние.

— По сравнению с этой машиной, — пробормотал он, — мы — не более чем пять мух.

Они продолжали брести. В идеально чистом воздухе машина всегда выглядела так, будто до нее можно было дотронуться в любую минуту. И она всегда отступала, издеваясь

над их жалкими усилиями. Наконец, уступив жалобным стечениям Жиля Хабибулы, они остановились. «Птица Зимородок» пропала из виду. Они сгрудились в маленький круг

возле носилок на необъятном мерцающем пространстве. Они поели, напились, экономно расходуя продукты, и попытались отдохнуть.

Ветра не было. Холодный воздух был гнетуще неподвижен. Зеленое небо не менялось. Облака отсутствовали.

— Планета не вращается, — прокомментировал Джей Калам. — Здесь нет ни погоды, ни даже времени. Это неизменный мир.

Над ними нависла грозная тишина. На этой огромной равнине никто не жил, не двигался и не подавал голоса. Зеленые небеса были в равной мере лишены жизни или движения. Холодный диск пурпурного солнца висел неподвижно высоко над ровным горизонтом. Они видели сияющие линии тройного луча, направляющиеся к ним. Множество планет неподвижно застыло в бледно-зеленом вакууме. Они не двигались, не меняли положение.

Жиль Хабибула вытер пот с желтого лба обратной стороны руки.

— Ах, я, несчастный, — застонал он. — Какой неподходящий и жуткий мир для того, чтобы умереть в нем! Однажды, в одном безнадежном походе, Жиль Хабибула пронес бутылочку вина сквозь смертельные препядства континента, гораздо большего, чем драгоценная Земля. Однако потом он встретился с врагами, которых не мог понять. Он никогда не испытывал такой нужды в светлой силе вина. — Он похлопал по мешкам на волокуще и нашел бутылку какого-то редкого разлива с астероида. Поглядев на нее ревнивым взглядом, он предложил ее по очереди всем остальным и затем с благодарностью осушил сам.

Даже Джей Калам был слишком утомлен, чтобы скрывать подавленность.

— Это верно, — сказал он, — что никогда еще дела не обстояли для нас так плохо, даже тогда, на Убегающей Звезде. Хотя твари, с которыми мы тогда встретились, были способными учеными и страшными врагами, они все же были

проигравшими и разбитыми беглецами из своей среды обитания.

Но кометчики их превзошли. Существа с Убегающей Звезды были смертны, мы могли их иногда убивать, а кометчики бесплотны. — Он сжал тонкие губы. — Я очень сомневаюсь, что какое-либо из сделанных человеком орудий может уничтожить одного из них.

Вздрогнув, Хал Самду уставился на него.

— Даже Аладори?

Джей Калам покачал головой.

— АККА уничтожает все материальное, однако я не уверен, что кометчики материальны.

— Ах, да, Джей, — прохрипел Жиль Хабибула. — Это всего лишь жест отчаяния. В своей попытке разгромить кометчиков и уничтожить Стивена Орко мы — не более чем пять мурзиль, кочующих по всей Системе...

Сопящий голос сменился молчанием. Тусклые глаза, глядящие в зеленое небо, казалось, наполнились влагой. Он тяжело вздохнул.

— Хорошо, — сказал он, — что мы выпили вино.

Боб Стар увидел далекий объект, быстро скользящий к нему в зеленом свете. Он двигался в сторону «Птицы Зимородок». Джей Калам схватил Жиля Хабибулу за руку.

— Не беги, — сказал он, — бежать здесь некуда. Если мы ляжем, возможно, нас не увидят.

Боб Стар рухнул возле Кай Нимиди. Он схватил ее за руку и в отчаянии прижал к себе. Лицо ее было белым от напряжения, измученным. Бледные губы дрожали. В глазах был неодолимый ужас. Жалость вонзилась в его сердце, словно нож.

Раздирающий нервы звук оторвал его от девушки, он вскочил, ошеломленный и испуганный. Некоторое время он не мог понять, что это за звук. Потом догадался, что это кричит Жиль Хабибула. Старик дрожал, медленно опускаясь на колени. Лунное лицо его было желто-серым, искаженным

ужасом. Маленькие круглые глаза — неподвижны, блестячи, выпучены.

— Что такое, Жиль?

— Смерть моя! — всхлипнул старик. — Эта ужасная тварь, или похожая на нее, та, что съела Марка Лардо!

Боб Стар посмотрел и увидел объект, который только что сиял вдалеке, а теперь находился над ними. Впервые его полные ужаса глаза увидели одного из кометчиков.

Он висел в воздухе неподалеку от них.

Внизу медленно плыла крошечная красная звезда, окутанная туманной алой оболочкой. В десяти футах над нею висела фиолетовая звезда, окутанная фиолетовым туманом. Красная казалась раскаленной как солнечная поверхность, а фиолетовая — холодной как космическое пространство.

Междуд обеими звездами струился туман. В его движении была жизнь — это было похоже на пульсирующую артерию света. Красная и фиолетовая звезда также пульсировали, как огненные сердца. Туман, опоясывающий столб пламени, был широким зеленым кольцом. Это была только часть существа, которое выглядело совершенно материальным, — но, тем не менее, Боб знал, что оно может пройти сквозь прочный сплав корпуса космического корабля.

Его ошеломленный ум вначале воспринял существо как нечто совершенно невозможное. Он моргнул и посмотрел на темную равнину, протер глаза. Однако существо не исчезло, когда он посмотрел вновь. И его чудовищная реальность въедалась в мозг, словно едкий яд. Он сопротивлялся пронзительному, парализующему ужасу, исходящему от существа.

— Всего лишь цветные лампочки, — пробормотал он. — Движение тумана. Не надо бояться...

Но разум-убийца тут же нахлынул на него. Онемевшие чувства угадали ужасную сущность в этих разноцветных лампочках — чужой мозг, сверхъестественно мощный и совершенно злой. Каждый атом его тела взаимодействовал с ним, автоматически внезапно изменяясь.

И непрекращающееся биение старой странной боли под треугольным шрамом Железного Исповедника внезапно усилилось. Каждый импульс становился болезненным, умопомрачительным ударом об обнаженную ткань мозга.

Он боролся со страхом и болью. Быстро, полубессознательно, пальцы его подзарядили два протонных пистолета. Эти два пистолета одновременно поднялись.

Изумрудное кольцо выглядело наиболее материальной часть существа. Он навел на него оружие и нажал одновременно на оба спуска, и не отпускал пистолеты, пока не истощил оба заряда одним-единственным выстрелом. Два этих слепящих фиолетовых луча могли прорезать бронированную сталь футовой толщины и рассечь на расстоянии в милю любое живое существо — насколько в Системе понимают жизнь.

Однако, словно призрачные мечи, они прошли сквозь зеленое кольцо, не причинив ему вреда.

Дрожа от потрясения и ледяного разочарования Боб Стар вспомнил мнение Джекса Калама о том, что человеческое оружие не может убить кометчика.

— Кай... — неожиданно вырвалось из его пересохшего горла. — Кай...

Голос его прервался, словно от прикосновения смерти. От столба светящегося пламени послышался другой голос, чья беззаботная ироничная легкость была самым поразительным из того, что Бобу Стару приходилось слышать.

— Это совершенно бесполезно, Боб. — Это был голос Стивена Орко.

Боб Стар, зашатавшись, отступил. Легкий звонкий голос был более ужасен, чем весь этот светящийся в воздухе кошмар.

— Ты уже имел шанс, Боб, — сказал голос. — Когда я был в тюрьме на Нептуне, тебе было достаточно коснуться красной кнопочки. Но тебе это не удалось. И боюсь, что никогда не удастся. Отныне, Боб, мое тело невозможно уничтожить.

— Ты... — Ужас поставил его голос на край срыва. — Это... ты?

— Я — то, что ты видишь, Боб. Один из водителей кометы.

Внутри сияющего существа послышалось тихое насмешливое хихиканье. Затем последовала короткая тишина, и чистый голос заговорил опять.

— Возможно, Боб, — весело предположил он, — тебе было бы интересно услышать о своей матери? С того момента, как ты с ней простился, прошло некоторое время.

Дрожа и чувствуя тошноту, Боб Стар наклонился вперед. Ликующая удовлетворенность в этом беззаботном голосе подсекла ему хребет, словно ледяной топор. Хрипло, жесткими непослушными губами он заставил себя проговорить:

— Что с ней?

— Я побеспокоился насчет твоей матери, Боб. — Текущая ирония не исчезала из голоса Стивена Орко. — Потому что она пропала. Мои новые помощники обыскали в ее поисках всю Систему, но тщетно. Я даже встревожился, потому что ее жизнь — единственная преграда для меня.

Однако мне только что сообщили об ее пленении. Оказалось, что твой отец на своей «Звезде-Фантоме» увез ее из Системы к звезде 61 Сигмы. Мои помощники с ними спрашивались. И я надеюсь, Боб, в ближайшее время встретить твою мать здесь, в комете.

СТАДО И ПАСТУХ

Боб Стар проснулся от необычного сна.

В этом сне он думал, что его тело приняло сияющую форму одного из кометчиков. И эта бестелесная сущность — он сам — плыла сквозь зеленую пустоту кометы. Впереди, такой же сияющий призрак, летел Стивен Орко.

Этот, из сна, Стивен Орко уносил женщину. Он намеревался сожрать ее самым ужасным образом. От нее должна

была оставаться только сморщенная кожа — окровавленная, ужасная. И даже эта кожа должна была распасться и превратиться в иризирующий пепел и жидкость. Иногда эта женщина была его матерью, иногда — золотоглазой Кай Нимиди.

Иногда, даже в своей бестелесной форме, Боб Стар нес оружие. Он не сознавал его формы, однако это было нечто, способное убить Стивена Орко и спасти зовущую его женщину. Но ужасный страх сбивал его с ног, отправляя в зеленую бездну. Его сияющие черты метались под ударами огромного красного молота боли. Стивен Орко бешено кричал на него, превращая боль в муку, в жестокий механизм Железного Исповедника:

— Ты не можешь! Ты не можешь никого убить!

Он проснулся и понял, что это был испуганный тихий голос Кай Нимиди, которая его разбудила.

— Са деспете! — Она была встревожена. — Са деспете!

Он лежал лицом вниз, головой на ее коленях. Прохладные руки лежали на его лбу, и, казалось, они утоляли старую боль под шрамом. Он посмотрел вверх и увидел ее обеспокоенное лицо, необычно расплывчатое и странное под бледным зеленым небом. Он попытался подняться и обнаружил немоту во всем теле. Страшное, как сон, воспоминание возвратилось. Он снова услышал звянящий в мозгу насмешливый и презрительный голос Стивена Орко:

— Я не намерен торопить твою гибель, Боб. Корабль был допущен сюда, чтобы доставить тебя и твоих спутников. Ты будешь помещен вместе с партией пленных с Плутона в эту крепость, к моим новым друзьям. И окончательно...

От сияющей твари вновь донеслось хихиканье.

— Ты когда-нибудь видел, как мы питаемся, Боб? — Этот легкий голос звучал еле слышно. — Ну что ж, увидишь. Но, пока ты будешь ждать, я хочу, чтобы ты подумал еще кое о чем.

Я не могу быть убит.

Ты уже доказал это с помощью своих пистолетов. И бесполезно трясти головой и сжимать кулаки — твое лицо все равно выдает невольное восхищение моей физической оболочкой. Действительно, она восхитительна. Космос для меня больше не является преградой, точно так же, как и любая материальная стена. Однако лучшая ее черта — это бессмертие.

Мое новое тело воистину вечно, Боб. Оно имеет массу и потенциальную энергию. Но это не та форма материи, которая тебе известна, Боб, и энергия эта за пределами понимания ваших физиков. Его не уничтожит даже оружие твоей матери.

Эта бессмертная обитель для интеллекта — высшее достижение моих новых сподвижников, Боб. Ты не предполагал, что они искусственные? Но водители кометы некогда были существами из плоти. Возможно, они не слишком отличались от людей. Однако они не могли смириться со слабостью, бессилием, смертью. Они призвали науку превратить свои разумы в вечные конструкции специализированной энергии.

Кометчики согласились принять меня в свою среду, чтобы обезопасить себя от оружия твоей матери: АККА способна уничтожить все их тончайшее оборудование и все их владения, хотя и не способна аннигилировать их тела.

— А теперь, Боб, — издевался над ним веселый голос, — я вынужден покинуть тебя. Твои родители, как я тебе говорил, доставлены на комету. Надо пойти поприветствовать твою мать.

Стивен Орко хихикнул в лицо Боба, и лицо того исказилось мукой.

— Я хочу обсудить с нею принцип АККА. Мне не все удалось выяснить во время собственных исследований. И тогда наши обсуждения закончатся, Боб...

Если тебя удивляет, почему мы вынуждены пытаться именно так, как мы это делаем, то это лишь потому, что даже эти неистребимые устройства для жизни

несовершены. Они предназначены быть вечными носителями интеллекта, и они способны бесконечно сохранять наши разумы, несмотря ни на какие обстоятельства. И все же их совершенство иногда может показаться изъяном.

Потому что это не те тела, к которым мы привыкли. Чувства их превосходны, однако они не те же самые. Механизмы эмоций, в основном, были уничтожены при их конструировании, как бесполезное убежище плоти. Закономерное наказание, которое мы вынуждены нести за свое бессмертное совершенство, — это периодический голод по эмоциям и ощущениям, которых мы лишились.

Будучи, однако, существами способными, мои новые друзья нашли способ удовлетворять этот голод. Жизненная энергия наших бессмертных тел требует регулярного пополнения за счет преобразования обычной материи. Забирая эту материю из тел, к которым мы в свое время привыкли, причем делая это так, что при этом стимулируются наиболее сильные эмоции и ощущения, мы способны удовлетворить оба аппетита — и физический и духовный, так сказать, одновременно.

Поскольку наши разумы — выходцы из множества совершенно различных рас, мы вынуждены держать собственные стада соответствующих созданий. Я намерен создать человеческую колонию, Боб, и ты, и твои друзья в скором времени увидите приготовления.

Тем не менее, я намерен первое свое блюдо сделать из твоей матери. Я узнал от своих новых друзей, что близкая взаимосвязь разума и чувства, установленная за время процесса приема пищи, позволит мне узнать ее мнение обо всем, что мне хочется знать. А потом...

Сияющая тварь тихонько захихикала.

— Ты видел, что остается после того, как один из нас погиб, Боб? Сможешь ли ты после этого смотреть на свою мать? Маленькая как дитя, дрожащая и бесцветная. Когда ты это увидишь, Боб, у меня будет к тебе вопрос. Я намерен

спросить, а что, если безымянный отверженный космоса возьмет в жены эту изнеженную милашку из Пурпурного Холла?

Сарднический голос растаял, и зеленый туман затянул кометчика...

Боб Стар вновь неуверенно пошевелился, пытаясь бороться с охватившим его параличом, и Кай Нимиди помогла ему сесть. Моргая, чтобы прочистить глаза, он увидел в зеленом небе не дающее тепла пурпурное солнце и простирающуюся вокруг скользкую синюю поверхность главной планеты. Импровизированная волокуша лежала рядом с ним. Джей Калам, Хал Самду и Жиль Хабибула торопливо разгружали ее, откладывая в сторону запасные протонные пистолеты и заряды к ним.

— Ах, вот как! — жалобно просопел Жиль Хабибула. — Этот монстр все испортил, абсолютно все, точно так же, как мои драгоценные геодины на борту «Птицы Зимородок». — Он увидел Боба Стара и просветлел. — Ах, дружище, старый Жиль рад видеть тебя опять. Мы думали, что ты уже не проснешься...

— Смотрите! — громыхнул Хал Самду. — Похоже, что этот корабль, о котором он говорил, идет за нами.

Быстро поднявшись на ноги, Боб Стар взгляделся в зеленое небо.

Он увидел летящий объект, снижающийся в их направлении. Это было толстое горизонтальное блюдце, красное как эта колоссальная машина, высящаяся над голубым горизонтом. На его верху была площадка, окаймлявшая низкий красный купол. Оно снижалось без рева дюз, без посредства каких-нибудь видимых проявлений работы двигателей.

Боб Стар встревоженно взял Кай Нимиди за руку.

— Что... — хрипло прошептал он. — Что нам делать?

— Ничего, просто попытаемся спастись, — произнес уставший голос командора. — И будем надеяться на счастливый шанс — на какое-нибудь чудо, пока мы живы.

Красный диск медленно опустился неподалеку от них. Обманчивые условия не позволяли точно определить расстояние до него, но он внезапно оказался значительно больше, чем поначалу предположил Боб Стар.

Лязг какого-то металлического приспособления — возможно, механизма люка — заставил Боба Стара напрячься даже в его безнадежной апатии. Он услышал совиный крик и затем что-то, похожее на грохот каменных барабанов. Это были те же звуки, вспомнил он, что он слышал из невидимого корабля, который унес Стивена Орко с Нептуна. Внезапно в малиновом боку диска распахнулось огромное квадратное отверстие. Квадратная дверь распахнулась наружу, образовав наклонный пандус. По этому пандусу спустились чудовищные твари.

Несмотря на нерешенную загадку принадлежности Кай Нимиди к человеческой расе, Боб Стар уже не ожидал, что они будут похожи на людей. И все же он не был готов к тому ощущению потрясения, которое вызвали у него эти твари, спускающиеся по пандусу.

Впереди двигалась десятифутовая сфера из какого-то серебристого металла, окруженная посередине темным обручем. Поначалу Бобу Стару показалось, что она катится, однако затем он увидел, что это катится только обруч, скользя вокруг сферы. Каждый полюс ее представлял собой темный мерцающий выступ, который выглядел похожим на фасеточный глаз. Над каждым из этих выступов помещались по три длинных сияющих щупальца, в настоящий момент свернувшиеся кольцами вблизи полусферы.

Два следующих существа были строго конической формы, примерно двенадцати футов в высоту. Они были ярко-зеленого цвета, кожа у них имела маслянистый блеск. Основания, видимо, были эластичными уплощенными мембранными, расширяющимися до полусфер, над которыми они суживались удивительно ровно. Темные заостренные органы, которые их увенчивали, поворачивались туда-сюда, словно своеобразные головы. Зеленые конусы

парили на воздушных подушках — они выглядели карикатурными игрушками для младенцев, но в том, как грозно и целенаправленно они двигались, не было ничего игрушечного.

Тroe осталных были стройными трехногими гигантами. Их вытянутые тела, отдаленно напоминающие человеческие, были, пожалуй, футов пятнадцать в высоту. Они были покрыты смутно сияющими темно-красными доспехами, как хитином. У каждого было шесть верхних конечностей, образующих нечто вроде бахромы над гроздью стеблевидных органов, там, где должна быть голова. Они несли какие-то приспособления или оружие.

— Смерть моя! — захрипел Жиль Хабибула. — Неужели эти ужасные твари — хозяева кометы? А не просто сияющие чудовища?

— Я так не думаю. — Командор стоял, мрачно глядя на их приближение. — Я полагаю, что это рабы кометчиков. Пастухи, видимо, тех существ, которых они разводят для еды...

Он внезапно замолчал.

Серебристая сфера повернула чуть в сторону на несколько ярдов. Она остановилась, черный обруч перестал вертеться. Из нее послышались грубые совиные крики, похожие на команды. Зеленые конусы ответили со смутной грохочущей вибрацией, которая исходила, похоже, от нижних мембран. Темно-красные трехногие существа не издали ни звука. Однако они двинулись вместе с конусами, растянувшись полукругом, чтобы охватить кольцом пятерых, держа наготове ремень. Боб Стар автоматически потянулся за протонным пистолетом.

— Подожди, Боб, — устало пробормотал Джей Калам. — Наше оружие полностью испорчено. Мы не можем сопротивляться...

— Но, Джей, — возразил Хал Самду, — мы не можем сдаться без боя!

— Мы должны, — тихо настаивал Джей Калам, — мы должны сохранить свои жизни и надеяться на какую-нибудь возможность...

Гигант издал сдавленный горловой звук.

— Сдаваться! — возмущенно прохрипел он. — Легионеры не сдаются! — Схватив бесполезный протонный пистолет, словно дубинку, он бросился навстречу ближайшему зеленому конусу. — Мы не сдадимся! — послышался его голос. — Пока Аладори в опасности!..

Кай Нимиди бросилась за ним, чтобы остановить его, и закричала:

— Паҳрати!

Она опоздала. Тонкая эластичная верхняя конечность зеленого конуса захлестнулась вокруг него. Из темного сплюснутого органа на его конце, похожего на заостренный наконечник, ударил тонкий и слепящий луч оранжевого света.

Хал Самду рухнул, застонал от мучительной боли.

— Мы не можем сопротивляться, — безнадежно повторил Джей Калам. — Помоги мне нести его, Боб. Мы пойдем на борт, если это то, чего они хотят. Ничего...

Его тихий голос прервался восклицанием. И Боб Стар был изумлен, когда он повернулся и заговорил с Кай Нимиди такими же странными и текучими словами, как и она.

Тюремный трюм занимал весь нижний ярус корабля-диска. Это было обширное помещение диаметром сто футов, часть центра которого было закрыто стеной без дверей, возможно, скрывающей двигательные отсеки. Иллюминаторов не было, и единственным источником освещения было слабое красное свечение, отражавшееся от высокого металлического потолка. Вентиляция была неважной, санитарные условия просто отсутствовали, и воздух был переполнен запахами находившихся внутри.

Вход был закрыт массивной решеткой из красных металлических прутьев на верху длинного трапа. Одна из

серебристых сфер оставалась на страже за решеткой, однако ни одно из существ кометы не вошло в трюм.

Пятеро новых узников были загнаны в трюм и остались стоять на трапе. Осматривая, Хала Самду, который все еще был не в силах ни говорить, ни сидеть, Боб Стар, и Жиль Хабибула обнаружили маленькое круглое пятно ожога у него на виске.

Боб Стар попытался нести его, когда они оказались на борту, но один из стройных красных великанов отобрал у них бесчувственное тело, схватив его бахромчатыми конечностями.

Тысячи жалких заключенных, находившихся в трюме, по большей части сидели или лежали на голом металлическом полу. Они были одеты в причудливые обрывки одеяний, лишь немногие имели странные маленькие узелки со своими пожитками. Неумытые лица, изможденные от отчаяния и обреченности, и звук, который они все скопом издавали, был усталым шепотом полной апатии, без просвета надежды и смеха.

Возле трапа Боба Стара встретил худой серолицый человек, который брел, словно усталый призрак, по обширной палубе, перешагивая через лежащие тела и взглядываясь в лицо каждого спящего или плачущего ребенка.

— Ты не видел моего сына? — прохрипел усталый незнакомец. — Синеглазого мальчика с выьюшимися желтыми волосами. Его зовут Джон — это в честь великого Джона Стара. Ты его не видел?

Боб Стар покачал головой и увидел, как надежда в глазах того сменилась отчаянием.

— Откуда ты? — спросил он.

— С Плутона. — Налитые кровью глаза взглянули на него со смутным любопытством. — Меня зовут Гектор Вальдин. Я работал в Ботанге на платиновых копях. — Узловатые руки сделали тяжелый жест. — Эти люди — мои друзья и соседи. Однако сейчас...

— Как ты попал сюда?

— А ты не знаешь? — Тощий человек уставился на него.
— Так вот, говорят, что-то случилось со всеми базами Легиона. Я видел человека, который наблюдал конец форта Вотанга. Батареи начали стрельбу и прекратили. В стены ударили красный луч, и они рухнули. Осталась только огромная яма.

Усталый человек пожал плечами.

— Я не знаю, что это было. Но затем в небесах стало расти что-то зеленое. Люди сказали, что это была комета. И Плутон каким-то образом затянуло внутрь. Я не знаю...

Внезапно, словно от свирепой боли, его зубы заскрипели.

— А потом пришли эти чудища. Они сожгли наши дома, вытащили наших детей и женщин и схватили их. Они забрали нас куда-то. Я не знаю, куда. Однако мой сын Джон пропал. — Налитые кровью глаза с мольбой взглянули в лицо Боба Стара. — Ты не видел маленького голубоглазого мальчика?..

Вот какова, горько подумал Боб Стар, судьба всего человечества.

— Эти твари заходят сюда? — Этот вопрос был вызван смутным и безнадежным порывом бежать. — Они открывают когда-нибудь эту решетку?

— Они никогда не появляются среди нас. — Гектор Вальдин покачал головой. — Дверь не открывалась с тех пор, как нас загнали на корабль.

— Как они чистят пол и кормят пленных?

— Они не чистят пол, — сказал Гектор Вальдин. — И единственная пища, которую нам дают, — это кислые отходы, которые они бросают через решетку.

Лишенные надежды глаза вновь всмотрелись в Боба Стара с усталым недоумением.

— Где был твой дом? — спросил он. — Мне кажется, я никогда не видел тебя в Вотанге.

Боб Стар отвернулся, слушая безнадежный шепот тысяч сидящих и лежащих на полу, а затем взглянул на массивную запертую решетку на верху трапа.

— Это неважно, если не хочешь говорить, — пожал плечами Гектор Вальдин. — Большинство из нас слишком ошеломлены, чтобы понять, что происходит. Ладно, друг, мне надо идти искать сына, Джона...

Внезапно в глаза Боба Стара ударили синий свет. И на его тонком лице появилась улыбка, призрачная и опасная улыбка.

— Погоди, Гектор Вальдин. — В голосе его звенело нетерпение. — Я скажу, кто мы и как сюда попали.

— Пустяки, — пробормотал худой человек. — Это не имеет значения. Я должен найти Джона.

— Подожди, — настойчиво сказал Боб Стар. — Если ты чтишь имя Джона Стара...

И Гектор Вальдин вернулся, и усталая апатичность отчали покинула его лицо. И другие, что были поблизости, собрались вокруг них, чтобы послушать. Ибо голос Боба Стара звенел, созывая их. И он произносил магические имена из славной истории человечества.

— Джей Калам, командир Легиона... Великан, который сидит здесь, — это Хал Самду, который отправился с моим отцом и остальными к Убегающей Звезде... Жиль Хабибула — он может открыть дверь, чтобы пропустить нас на корабль... Моя мать, Хранитель Мира. Она тоже в плену и вот-вот должна погибнуть...

Боб Стар говорил. Он произносил зажигательные слова. Он был слегка удивлен уверенностью, появившейся в его голосе. Потому что в душе он сознавал, что надеяться не на что. Он знал, что они для кометчиков не более чем стадо.

Он знал, что Стивен Орко не может быть убит.

Вскоре его слушали очень многие. Заинтересованность быстро проникала сквозь отчаяние на лицах усталых людей. И свет надежды зажигал одного за другим...

СЫН ДЖОНА СТАРА

Первый диалог Джая Калама и Кай Нимида оказалось неожиданно трудно прервать. Он начался на алмазно-гладкой поверхности планеты, когда девушка крикнула Халу Самду, чтобы он остановился, и удивленный командор обратился к ней на ее собственном языке.

Даже в присутствии пленивших их врагов лицо ее засияло от восторга. Она обрадованно бросилась к командору и обхватила его своими маленькими руками.

Она поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеки. Затем, полностью игнорируя существа, которые загоняли их на корабль, она возбужденно говорила с ним. И Джей Калам отвечал, неуклюже, сбивчиво, но так, будто понимал.

Они испуганно остановились, когда конвоиры затолкали их в трюм и закрыли за ними массивную решетку. Внизу, на трапе, они продолжали разговор. Кай Нимида говорила очень быстро. Лицо ее сияло от возбуждения, улыбалось, хмурилось от усилий сделать слова более понятными; оно светилось надеждой, потом опять покрылось тенью тревоги.

Темное лицо Джая Калама, напротив, было совершенно неподвижно. Он, в основном, лишь слушал, хмурясь от стараний понять. Однако иногда он вмешивался, прося девушку повторить или задавая какой-нибудь вопрос.

Боб Стар не раз подходил к ним и снова уходил, поскольку они не обращали на него внимания. За ним следовали люди, ведомые его словами, будто развивающимися золотистыми знаменами. Это его удивляло, потому что он был всего лишь юношей, испуганным, наполовину лишенным способностей странной и старой раной. Но они впитывали магию его слов, и он продолжал.

Кай Нимида, наконец, подбежала к нему. Она что-то воскрикнула и была смущена, когда он не понял.

— Она спрашивает, — сказал Джей Калам, — знаешь ли ты испанский.

— Испанский?

— Да. Это ее язык.

— Испанский? Откуда она знает испанский? — Он был изумлен. — Ведь она — обитательница кометы.

— Кай — да, — сказал командор, — но ее паса — нет. Я расскажу тебе, насколько невероятно...

— Как такое случилось? Как ее народ попал в комету?

— Странная история. — Джей Калам погладил смуглую челюсть. — Однако, исходя из того, что мы знаем о кометчиках, вполне объяснимая. Все, что она смогла мне рассказать, — это голые факты. Испанский язык Кай и мой, как видишь, — это два почти совершенно разных языка. Мое знание испанского объясняется интересом к Лопе де Вега, который писал четырнадцать столетий назад. Ее испанский принял такую форму на тысячу лет позже и в дальнейшем изменился в ходе адаптации к чужому окружению. У нее несколько непонятный акцент, но это просто случайность, что я вообще узнал ее язык — когда она велела Халу Самду остановиться. И ее научные термины, конечно, почти полностью мне незнакомы. В результате ее сообщение необычайно трудно понять.

— Четыреста лет назад? — изумился Боб Стар. — Неужели кометчики были здесь прежде?

Джей Калам покачал головой, объясняя:

— Ты можешь вспомнить, Боб, из книг по истории, что в конце двадцать шестого столетия Андская республика переживала краткий золотой век. В течение нескольких лет в науке и почти во всех направлениях искусства, равно как и в благосостоянии и военном могуществе, это была ведущая нация Земли.

Периодом угасания этой веры великолепия стала экспедиция «Конкистадора». На самом большом из построенных когда-либо геодезических крейсеров сотня мужчин и женщин покинула Сантьяго — подразумевалось, что это будет

самый великий научно-исследовательский полет за всю историю Системы.

«Конкистадор» не вернулся.

Эти сто человек были цветом интеллигенции республики. Их потеря была тем ударом, который прервал золотой век, потому что северные соседи вскоре подчинили их себе, и испанский стал мертвым языком.

— «Конкистадор» ...

— Он был взят в плен кометчиками, — сказал Джей Калам. — Очевидно, они постоянно посыпали вперед свои корабли на скорости, далеко превосходящей световую, в разведывательные экспедиции, я полагаю, на поиски планетных систем, достойных набега.

Такой невидимый разведчик встретил «Конкистадора» где-то за Плутоном. Весь его экипаж был переправлен на комету, которая находилась где-то в сотнях световых лет от него.

Многие узники остались живы, и случайно некоторые из них бежали. С помощью других порабощенных существ они покинули главную планету на захваченном корабле и добрались до одной из внешних планет созвездия.

Два поколения они существовали в жалком состоянии, пока выжившие не нашли вход в огромную пещеру, где их нельзя было немедленно обнаружить. Они узнали о планах кометчиков и решили предупредить и помочь Системе. Кай Нимиди — их дочь, спустя четыреста лет.

Они добились научного прогресса. Проектор, который перенес Кай на астероид, — самое замечательное их достижение. Я не совсем понял ее объяснения, но, очевидно, он искаляет пространство-время так, что две удаленные точки сближаются настолько, что свет и, наконец, материальное тело могут преодолеть разрыв.

В общем, машину построил отец Кай. Он использовал ее, чтобы посыпать Кай в тайные места кометчиков разузнавать их секреты. Они заметили ее, когда она пыталась предупредить тебя на Нептуне. Они напали на пещеру. Кай —

единственная, кто уцелел. В последний момент отец воспользовался машиной, чтобы отослать ее к тебе, на астероид.

Боб Стар схватил его за руку.

— Что она пыталась нам сказать? — прохрипел он вдруг.

— О Стивене Орко и кометчиках?

— Кометчики могут быть уничтожены, — сказал Джей Калам, — но Кай не знает, как. Она лишь знает, что существуют способы. Она говорит, что, в общем, кометчики бессмертны. Однако их правители обладают какой-то секретной силой, которая может их уничтожить, каким-то изобретением древних создателей их искусственных тел. Она не имеет представления, что это такое, но знает, где хранится этот секрет.

— Где?

— В крепости, в глубине этой планеты. Помнишь рисунки Кай?

Боб кивнул, не дыша и дрожа.

— Да, эта планета — действительно мертвый мир, холодный в центре. Она пронизана пещерообразными полостями, как мы могли заподозрить благодаря ее низкой плотности. Главное укрепление кометчиков, место, где они хранят этот секрет, — где-то вблизи центра планеты. Кай может попытаться провести нас туда.

— Это очень полезная информация, — горько пробормотал Боб Стар, — особенно когда мы в пленау, безоружны и приговорены. Когда оружие, способное убить Стивена Орко, скрыто в центре бронированной планеты, в пятнадцати тысячах миль под нами, и охраняется всей наукой кометчиков.

Боб Стар не был удовлетворен своей ролью в восстании пленных. Действительно, план действий — если что-либо столь неясное, столь дикое, столь отчаянно безнадежное можно было назвать планом — был его. И, в конце концов, именно он был тем, кто повел их на прорыв из трюма.

Однако память об этих безумных пяти секундах никогда не доставляла ему удовольствия.

Гектор Вальдин пошел с ним сквозь усталую апатию трюма-тюрьмы. Он представлял Боба Стара своим товарищам-шахтерам, своим старым соседям просто как сына Джона Стара. Он расшевелил их, произнося великие имена Джона Стара и командора Калама, Хала Самду и Жиля Хабибулы, верных Хранительнице Мира, Аладори. Они поднимались, следя кличу, которым служили эти имена.

И Боб Стар, наконец, подошел к Жилю Хабибуле и потребовал:

- Жиль, ты можешь открыть дверь?
- Зачем, парень? — изумился стариk. Желтая луна его лица посерела. — Во имя драгоценной жизни, зачем я должен открывать дверь?
- Можешь? — настаивал Боб Стар.
- Этот чудовищный шар смотрит, — прошептал стариk, — и эта жуткая орда наверху...
- Можешь или нет?
- Ах, печальная судьба гения! — Он печально покачал головой. — Да, парень, я могу открыть дверь. Я смотрел, как работает замок, когда они нас впускали, и я уже часами слежу за этой тварью и вижу в замке каждую часть. Это замок с комбинацией, с дисками и тумблерами, приводящими в движение скользящие стержни. Хорошее устройство — хотя недостаточно хорошее, чтобы противостоять бедному старому Жилю Хабибуле. Но зачем?

Джей Калам, с которым Боб Стар обсудил самоубийственную авантюру, которую назвал планом, сказал просто:

- Сделай, Жиль.
- Как же! — задрожал стариk. — На глазах у этого жуткого шара...
- Мы постараемся отвлечь его, — пообещал Боб Стар.

Он сделал знак худому серолицему шахтеру. Гектор Вальдин повернулся в сторону Кай Нимиди и вцепился в нее, как они и задумали. Она закричала, бросилась к Бобу Стару. Боб Стар рванулся к своему изможденному

сопернику. Остальные тут же окружили их. Вверх и вниз по трапу пробежал шумный ропот.

Тем временем Жиль Хабибула, дрожа, подкрадывался к массивному замку на верхнем трапе. Закричав, Джей Калам стал проталкиваться к центру свалки. И гигант Хал Самду дрался с такой мрачной и безмолвной сосредоточенностью, что забыл о том, что это надо делать не всерьез. Наконец, Жиль Хабибула скатился по трапу и стал прорываться к Бобу Стару. Лицо его было желто-зеленым и блестело от пота.

— Парень! — просопел он. — Парень, дверь открыта. Можешь пройти, если ты такой дурак.

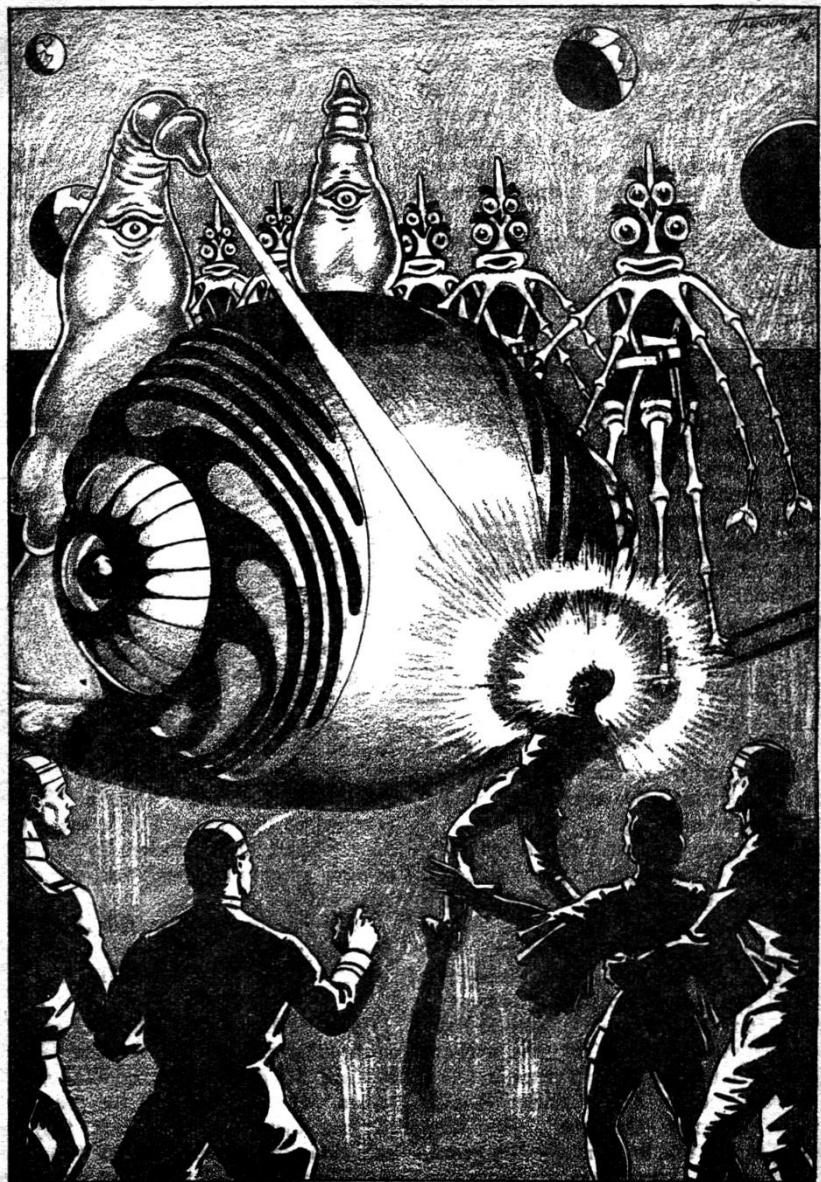
Боб Стар повел вопящую толпу по трапу. Он добрался до массивной красной решетки, и чистый голос его прокричал звонкий приказ. Как по волшебству, толпа превратилась в грозную и отчаянную армию. Хал Самду и Гектор Вальдин помогли ему проскочить через решетку. И он повел остальных на штурм серебристой сферы, и голая человеческая плоть столкнулась с ее металлическим могуществом.

Это было безумие; Боб Стар это видел. Эти тысячи за его спиной были безоружны и однажды уже разбиты. Даже если они захватят корабль, они будут еще очень далеко от тщательно охраняемого секрета, который может погубить Стивена Орко.

Однако Боб Стар повел свою орду безмолвных, безоружных людей на металлическую сферу. Они подняли ее и потащили к красной стене коридора. Она яростно и тревожно ухала, и белые щупальца хватали человеческие тела, сбивали людей, словно цепи.

Другие занимали места павших. Боб Стар сделал смерть победой людей, шедших за ним. А сверхъестественная тварь вырывалась из рук людей, когда они двигались из трюма, с силой, несравнимой с человеческой. Однако это была та неукротимая, неодолимая сила людей, что вышла из дебрей ранней Земли и превратилась в единство, которое дало человечеству славу во всей, отныне далекой Системе.

Это было нечто иное, чем просто человеческая плоть, что бросало ухающую сферу на красную стену, вновь и вновь, пока не разбились фасеточные глаза, пока смертоносные

щупальца не застыли, и потом разорвало ее на части, которые должны были послужить оружием.

Та же сила повела разъяренную орду по коридору навстречу стражу — второй такой же сфере, отдающей ухаживающие приказы. Три высоких зеленых конуса, качаясь на приподнятых над палубой основаниях, со светящимися разными цветами выпирающими органами на месте голов, сжимали в конечностях золотистое оружие.

Это было безнадежно, как и предупреждал Джей Калам. И это было бесполезно, это было глупо...

Но эту сверхъестественную силу уже было не остановить. Боб Стар вел толпу навстречу чужакам, крича, размахивая одним из отчлененных щупальцев, которое уже застыло, превратившись в серебряное копье. За ним гремел единый яростный крик.

Здесь для Боба Стара наступил конец битвы.

Он метнул серебряное копье в один из зеленых покачивающихся конусов. Он увидел, как оно вонзилось в маслянистую блестящую кожу и ушло вглубь. Он рванулся вперед, чтобы вырвать его и ударить опять. Однако он увидел, как зеленая шея изгибается, и голова обращается к нему, он увидел оранжевую вспышку.

Затем красное безжалостное копье боли вонзилось в бледный старый шрам на лбу и глубоко вошло в мозг. В чепре взорвалась красная муха, и он медленно погрузился во тьму.

Смутно, словно слабеющее сознание гасло как пламя, он слышал грохочущий триумфальный крик:

— Захватывай корабль!

ЧЕЛОВЕК-РАКЕТА

Боб Стар снова очнулся из того же странного сна.

Вновь его тело было сияющим невесомым телом одного из кометчиков. И опять он преследовал вечную сверхъестественную фигуру Стивена Орко, который уносил женщину, иногда его мать, иногда Кай Нимиди. Снова он был сбит огромным молотом красной боли, и вновь на него нахлынул старый ужас, кричащий ему:

— Ты не можешь убить... Ты не можешь...

Дрожащая рука прижалась ко лбу, когда он очнулся. Там, над старым шрамом, кожа распухла и болела — как раз в это место угодил луч из органа конуса. Старая мука по-прежнему пульсировала в нем, словно это был трехгранный шип Железного Исповедника.

Очнувшись, он почувствовал странную невесомость, словно еще не вышел из сна. Он обнаружил, что плывет в воздухе, и обратил внимание на отсутствие невесомости — все это доставляло ему неудобства. Ему пришлось проглотить внезапное чувство ужаса, когда он не обнаружил под собой поддержки. Он изумленно оглядывался, пытаясь ухватиться за что-нибудь вещественное.

Вокруг него были твердые, уходящие вглубь стены шахты или колодца, футов сорока площадью и ста в глубину — слишком большое помещение для камеры, подумал он, для части корабля-тюрьмы. Спустя мгновение, в течение которого он изворачивался и взглядался, он обнаружил своих старых спутников.

Жиль Хабибула спустился на дно шахты, где из полированной стены выходил круг ровных стержней из красного металла. Искусные чувствительные пальцы скользили по стержням, крутили их; желтый шар его головы был склонен набок, словно он прислушивался.

Джей Калам и Кай Нимиди находились возле него, тоже невесомые, занимаясь с каким-то незнакомым прибором. Из

прямоугольного ящика из красного металла они доставали провода и кольца странных на вид деталей из алого металла, и маленькие круглые черные ячейки.

Еще мгновение ушло у него на то, чтобы заметить Хала Самду. Местами покрытый шрамами, в окровавленных повязках, он вцепился в край шахты, вглядываясь наружу, словно был на страже. В огромной руке у него был длинный стержень из золотистого металла — оружие, понял Боб Стар, которое он отобрал у одного из высоких, в красных доспехах существ.

За ним, за квадратной пастью шахты, разверзлась огромная пещерообразная бездна. Вдали он увидел отсвечивающие зубчатые стены темных скал и часть машины, которая должно быть, была фантастически велика и была слабо освещена призрачным малиновым светом.

Боба Стара охватила странная слабость, когда он попытался пошевелиться, словно каждая клеточка его тела была лишена уверенности и направленности, которые давал вес. В поисках чего-нибудь, за что можно было зацепиться, он барахтался в воздухе, пока его нога не наткнулась на стену.

Это действие привело к неожиданным результатам. Он помчался, вращаясь, головой вперед к противоположной стене, находившейся примерно в семи футах от него. Встревоженный, он вытянул руки, чтобы защитить голову. Внезапный импульс этого движения помчал его, вращающегося, обратно по шахте. Жиль Хабибула оторвался от кольца стержней и схватил его за лодыжку.

— В центре планеты? — Он изумленно вздрогнул. — Скажи мне, Жиль...

Старик вернулся к своему занятию — стал поглаживать и вращать алые стержни.

— Ах, парень, — просопел он отвлеченно, — ты был без сознания смертельно долгое время — луч этого существа угодил в твою старую рану. Я думал, он тебя убил.

— Корабль? — нетерпеливо спросил Боб Стар. — Вы захватили корабль?

— Ах, да, мы завладели кораблем. — Он задвигал и выдвигал стержни, прислушиваясь к происходящему внутри.
— Благодаря безумной отваге, которую ты пробудил в пленных, дружище, они захлестнули стражу как разбушевавшееся море. Не без помощи, конечно, невознагражденного гения старого солдата Легиона. И шахтера Гектора Вальдина. Он вел их, пока не погиб.

Отвлеченный голос умолк, и Боб Стар спросил:

— Если мы в центре планеты, то как мы сюда попали?
— Мы уже находились в пещерообразном пространстве снаружи, когда захватили корабль, — сказал Жиль Хабибула.
— Сердцевина планеты — это место обитания кометчиков и их стада.

Он задрожал, но, как ни странно, толстые пальцы не замедлились и не вздрогнули.

— Когда корабль оказался нашим, — продолжал он, — Джей и девушка взяли на себя команду. Час назад они высадили нас здесь. Наши товарищи улетели на корабле поискать убежавших в пещере. С тех пор я вожусь с этим замком.

Тут ничего простого, парень. От этого множества возможных комбинаций у тебя голова пошла бы кругом. Чтобы открыть его методом проб и ошибок, нужно столько времени, что успело бы остыть Солнце. Ах, я, несчастный... Кометчики очень умны...

Однако девушка просила меня открыть его, парень. Она сказала, что внутреннее укрытие где-то здесь, а в нем они хранят оружие, которое мы должны забрать.

Боб Стар кивнул и прикусил губу.

— Прости, если моя болтовня помешала тебе.

— Не настолько, парень, — запротестовал стариk. — Разговор — это масло, которое смазывает мой драгоценный гений. Но этот замок — жуткий тест для него. Никогда еще из холодного металла не удавалось построить такой головоломки, парень. И никогда старый Жиль так не мучался, чтобы найти разгадку. Потому что он болен, дружище. Грязная рука смерти уже занесена над ним.

— Лучше вцепись вот в эти перила, дружище, — посоветовал он. — Или ты вышибешь себе мозги, да так, что не сможешь их потом собрать. Потому что ты почти в центре этой ужасной планеты и здесь почти нет тяжести. Один шаг может отправить тебя на милю...

Однако пальцы его не прерывали работы. Боб Стар посмотрел на Джекса Калама и Кай Нимида, которые стояли, очень занятые какой-то сложной вещью в красном металлическом ящике.

— Что это?

— Какое-то хитроумное приспособление, которое Джей выломал в рубке корабля, прежде чем мы сошли. Судя по недоумению на его лице, мне кажется, что он сам не знает, что это такое.

Боб Стар готов был отпустить перила, за которые держался, чтобы помочь им, когда его охватила невыносимая внезапная дурнота. Здесь, возле центра планеты, он не имел веса. Направление ничего не значило. То, что его окружало, начало вращаться, путаться. Глубокая шахта стала горизонтальной. В следующий миг она полностью опрокинулась, и он судорожно вцепился в крышу головокружительной бездны.

Жиль Хабибула рядом с ним снова сложился пополам. Его зеленое лицо было покрыто потом.

— Джей! — прохрипел он. — Я болен, смертельно болен! Вино, которое мы нашли на этом астероиде, было отравлено, я думаю! Я умираю, Джей! Умираю!

— Нет, Жиль, — отозвался Джекс Калам. — Нам всем не по себе, потому что мы лишены веса. Это то же, что и космическая болезнь, которая случалась с летавшими на старых ракетах до изобретения гравитационных ячеек. Некоторые люди совершенно к ней невосприимчивы, как, например, я. Другие никогда не могут к ней привыкнуть.

— Ты должен, Жиль. Ради Хранителя Мира!

Жиль Хабибула вздохнул и вновь занялся своим делом.

— Ах, всхлипнул он, — горька участь гения...

— В любом случае, Жиль, ты должен открыть замок. Все, что мы сделали, — бесполезно, пока ты не пропустишь нас в эту дверь.

— Я не могу этого сделать, Джей! — Старик задыхался и божился. — Я слишком смертельно болен. Пытка умирающего тела нарушает мою сосредоточенность. Во имя жизни, Джей...

Кай Нимиди тоже возилась с красным металлическим ящиком. Боб Стар внезапно услышал ее удовлетворенный голос. Она подняла темную опаловую призму и стала что-то объяснять Джеку Каламу. Тот хмуро кивнул, и она принялась восстанавливать таинственное устройство.

Глухой кашляющий взрыв оторвал взгляд Боба Стара от них. Из трофейного оружия Хала Самду поднимался бледный дым. В стороне он увидел приближающийся белый шар. Он плыл в воздухе, вращая черным обручем, мерцая кристаллическими глазами, протягивая шупальца. Боб Стар, впав в оцепенение, нашел время подумать — машина ли это, как все прочие, или содержит в себе живой мозг.

Он внезапно услышал хриплое тревожное уханье вслед за выстрелом. Хал Самду мгновение не двигался со своим золотистым оружием. Затем он швырнул его в белый шар и полетел вниз, чтобы вытянуться на дне шахты.

— Эй, Джей, — встревоженно пробормотал он, — мы обнаружены. Идет целая орда этих монстров. Я убил одного, однако золотистое оружие больше не работает.

Голос его вызвал жуткую вибрацию, которая грохотала по шахте. Словно бой огромного колокола, глубокий как нота, издаваемая породой под ударами молотка. И внезапно из-за серебристой сферы к шахте подступила орда — огромные зеленые конусы, высокие карикатурные гиганты в красных доспехах. В тылу держалась еще одна сфера.

Они плыли в воздухе.

Боб Стар вздрогнул от рева — хриплого завывания сфер, нестерпимого барабанного боя конусов. И над ними гремел

гонг, словно всхлипывал в унисон с ними душераздирающий гул набата.

— Торопись, Жиль, — сказал Джей Калам.

— Ах, Джей, — проговорил Жиль скороговоркой. — Пожалей!

— Надо, — спокойно сказал ему командор, — или мы погибнем.

И спокойно, словно не видя чудовищного нашествия, Джей Калам занимался загадочным механизмом в длинном красном ящике. Кай Нимиди сосредоточенно помогала ему, обвязав один из проводов вокруг толстой руки Жиля Хабибулы. Она вручила каждому из них по концу провода.

Гонг продолжал тревожно греметь. Боб Стар смотрел, как спускаются чудища, смотрел на ожерелье серебристых сфер, на трехногих безмолвных гигантов.

— Я надеялся, — услышал он тихий голос Джэя Калама, звучавший с хмурым сожалением, — что они последуют за кораблем и дадут нам время...

Хал Самду деловито громыхнул:

— Быстрее, Жиль!

— Во имя жизни! — прохрипел Жиль Хабибула. — Когда я уже умираю...

Ближайшая серебристая сфера уже достигла их. Ее белые щупальца захлестнулись вокруг Кай Нимиди. Боб Стар прыгнул к ней в отчаянии, с голыми руками.

— Подожди! — выдохнул Джей Калам.

Он сделал какое-то быстрое последнее движение, что-то подключил в прямоугольном ящике. Из него мгновенно послышалось слабое гудение, поначалу тихо, но быстро возросшее до уровня, когда разрываются барабанные перепонки, затем уже вне восприятия. И Бобу Стару показалось, что свет внезапно изменился, словно его закрыла промелькнувшая тень. Кошмарный гром невыразимо искался: казалось, он отступил, будто слышный сквозь необъяснимую вуаль.

Кроме этого, он не почувствовал ничего. Однако серебристая сфера отдернула щупальца. Чудовищная орда вдруг замолчала, словно впала в оцепенение. Страшные твари попятились от стен, отступили.

Рядом с ними Жиль Хабибула глубоко вздохнул.

— Ах, я, бедный, — прохрипел он с огромным облегчением. — Готово.

Он устало вытер желтое лицо обратной стороной руки. И Боб Стар обнаружил, что все дно шахты начало ускользать, словно массивная выдвижная дверь. С одной из сторон шахты появилась темная щель и стала расширяться. И внезапно они оказались перед огромным квадратным колодцем со стенами цвета индиго в другой мир, где сияло маленькое зеленое солнце, холодное и тусклое.

Боб Стар был ошеломлен открывшимся за этой могучей дверью пространством. Когда они проникли в колодец, Жиль Хабибула дотронулся до чего-то еще, отчего этот обширный барьер закрылся за ними, и все они застыли в изумлении. Чувства направления Боба Стара снова изменили ему, и теперь казалось, что обширный, тускло освещенный вакуум находится над ними. Должно быть, он пятидесяти миль в диаметре, — подумал он, — а может быть, и все пятьсот. Он имел грубую сферическую форму. Стены его представляли собой природные утесы скал естественного происхождения. А местами — жуткие ровные поверхности того же твердого сплава.

Джей Калам заговорил первым, и голос его звучал тихо от изумления.

— Вот она, — сказал он, — скрытая крепость кометчиков.

Вдалеке гудели машины, едва слышные в этих сумрачных просторах, более большие, чем встречались ему на поверхности планеты. Должно быть, это были двигатели, которые, питаясь энергией пленившего солнца, двигали скопищем планет внутри кометы как кораблем. Ему казалось, что он может чувствовать поток неограниченной энергии, и

это создавало у него ощущение полной бессмысленности всего, предпринимаемого ими.

Ему опять стало дурно. Он вдруг оказался висящим, как муха, под крышей этого полого мира, и его тошило от непобедимого ужаса перед тем, как он падет в холодное зеленое солнце, которое было его центром. Затем зеленый шар и смутные циклопические машины принялись вращаться над ним и под ним, и он закрыл глаза, восстанавливая самообладание.

Он едва услышал, как говорит Кай Нимиди, с ужасом и тревогой в голосе, и с вдохновением отчаянной отваги.

— Кай говорит, что оружие, которое мы ищем, заперто в этой зеленой сфере, — пояснил Джей Калам. — Она говорит, что двое кометчиков всегда стерегут ее снаружи. Даже эти стражники сами не могут войти в сферу, потому что металл ее окружен силами, которые формируют барьер, непроницаемый для энергетических полей их потенциалов. Только несколько правителей кометы способны пройти через барьер.

Кай и ее отец изучили все это с помощью проектора. Однако они никогда не могли проникнуть сквозь барьер. Кай не знает, как войти и что может быть внутри.

Чувствуя тошноту, дрожа, Боб Стар заставил себя открыть глаза. Он с трудом взгляделся в Кай Нимиди и остальных. Он не мог отважиться взглянуть еще раз на этот головокружительный мир. Джей Калам был мрачен и встревожен. Хал Самду казался равнодушным, но Жиль Хабибула по-прежнему был болезненного зеленого цвета.

— Нельзя терять времени, — продолжал Джей Калам решительно. — Рабы пока еще сбиты с толку. Однако они обратят внимание, что дверь открывали, и доложат о том, что произошло. Кометчиков ввести в замешательство будет не так легко. Мы должны добраться до зеленой сферы.

Боб Стар украдкой бросил на нее беспокойный взгляд — на маленькое тусклое зеленое солнце, находящееся вдали, в головокружительной бездне вращающейся пустоты.

— Как же нам туда добраться? — прошептал он. — До нее мили и мили... свободного падения...

— Не падения, — сказал Джей Калам. — Должно быть, она висит благодаря тем самым тубулярным силовым полям. Но все равно, — добавил он, — нам не на чем спуститься.

— Тогда, — безнадежно прошептал Боб Стар, — как?..

Командор тихо сказал:

— Мы должны прыгнуть.

Боб Стар открыл рот.

— Прыгнуть?

— Конечно. Гравитации, которая могла бы остановить нас, здесь нет. Если мы только не промахнемся по сфере и не пролетим мимо...

Руки Боба Стара инстинктивно вцепились в перила возле огромной двери. Даже идея прыгнуть в этой шахте без верха и низа вызывала тошноту. Однако Джей Калам заставил их образовать круг напротив алмазно-твердой двери, взявшиеся за руки. Он прикрепил к поясу красный прямоугольный ящик, и все они вцепились в провода, которые выходили из него.

— Когда я скажу, — сказал он, — все прыгаем к зеленой сфере.

Для Боба Стара все начало кружить снова. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы справиться с головокружением. Он смутно услышал счет командора. Он услышал тихое «пошли». Он изо всех сил прыгнул в умопомрачительный круговорот.

Некоторое время ему было слишком дурно, чтобы он чувствовал и соображал что-либо иное. Затем он понял, что они держатся друг подле друга маленькой беспомощной кучкой летящих существ, плывущих сквозь невероятные просторы полого мира. Зеленая сфера казалась очень крошечной и далекой целью. И они совершенно не в силах были ни остановиться, ни повернуть.

— Боюсь, — сказал Джей Калам, — что мы уходим в сторону.

Бобу Стару показалось очень странным слышать этот голос, как всегда холодный и серьезный, и прекрасно поставленный. Испуганный шепот, потрясенный хрип, вопль куда более подошли бы к кошмарному ужасу этого полета. Поэтому что маленькое зеленое солнце по-прежнему кружилось под и над ними. Все представления о направлении исчезли из гигантских пространств этой пещеры. Боб Стар снова почувствовал дурноту, она стала непереносимой при отсутствии чего-либо вещественного, во что можно было бы вцепиться. В безмолвной муке он с силой сжал челюсти.

— Проклятые кометчики, они на страже? — услышал он громогласный вопрос Хала Самду. — Они не видят нас?

— Не видят, пока мы держимся за эти провода, — ответил Джей Калам. — Хотя, конечно, есть возможность, что они в состоянии обнаружить нас не только с помощью зрения.

Борясь с тошнотой, Боб Стар взглянул вдоль блестящей красной проволоки, за которую держался, на прибор на поясе у Джая Калама.

— Мы что... — прохрипел он. — Мы что, невидимы?

Сидя в пустом пространстве так же спокойно, как если бы он отдыхал в кресле, командор кивнул.

— Мы с Кай взяли механизм для невидимости из захваченного корабля, — сказал он. — В спешке, снимая, я повредил его. Было довольно трудно понять принцип его действия, и в том, что это удалось, заслуга Кай.

Похоже, он создает особое энергетическое поле вокруг предметов, электрически соединенных с ним, — пояснил он.

— Лучи света, встречаясь с краем поля, поглощаются и мгновенно излучаются с другой стороны — как будто они прошли сквозь тело.

— Но как же мы можем видеть, — спросил Боб Стар, — если внутри нет света?

— Это поле, по словам Кай, имеет иной эффект. Оно поглощает посторонние колебания, очевидно, ближе к ультракрасному краю спектра, и излучает их как видимый свет сюда, внутрь поля, специально для удобства пользователя.

Есть одна опасность, — мягко добавил командор. — Сквозь эти поля рабы нас не могут видеть. Однако Кай считает, что сами кометчики чувствительны к ультракрасному. Если так, они смогут увидеть на нашем месте тени...

Новая волна тошноты рассеяла внимание Боба Стара. В течение этого падения, ибо для него это было падение в жуткую шахту в какой-то непонятной преисподней, время потеряло свой смысл. Он погрузился в пассивное мучительное беспамятство. Поворачиваясь, он открывал и закрывал глаза. Он видел бесстолковое вращение далекого солнца среди чудовищных механизмов, которые заставляли комету двигаться. Он закрывал глаза и висел в вечном безмолвном грохоте ее моши. И дурнота не проходила:

Одной рукой он держался за Жиля Хабибулу, которого по-прежнему тошило, у которого было зеленое лицо и который стонал. И он вцепился в руку Кай Нимиди. Она была бледной и безмолвной, но иногда, когда он мог видеть ее лицо, она слегка улыбалась. Время, казалось, остановилось. Но наконец Боб Стар понял, что зеленый шар подплывает ближе, однако одновременно и уходит в сторону. Джей Калам сказал:

— Мы вот-вот промахнемся.

— Ах, да, — вздохнул Жиль Хабибула. — И в этом моя вина, Джей. Я был слишком медлителен, когда мы прыгали. Я слишком ослаб от этой смертельной болезни. Я всех оттащил в сторону.

Боб Стар закрыл глаза.

— Пролетаем мимо, — безнадежно проговорил он, — и нет способа повернуть.

Он был изумлен, услышав, как Джей Калам сказал:

— Но способ есть — ценой одного из нас.

— Как? — прошептал он.

— Один из нас, — сказал командор, — должен отпустить провод и оттолкнуться прочь, так, чтобы противодействием нас подтолкнуло к сфере. Мы летим как корабль в космосе, и один из нас должен быть ракетой.

— Это сработает! — серьезно воскликнул Боб Стар. Затем разочарование заставило его перейти на шепот: — Однако он не сможет держаться за провод и выйдет из поля. Он вновь станет видимым. И кометчики...

— Эй, Джей, — громыхнул Хал Самду, — ты только скажи мне, что делать.

— Нет, — быстро возразил Боб Стар, — я сам...

— Боб, — быстро ответил командор, — ты должен остаться с нами.

Он дал Халу Самду краткие указания. И гигант сжался, а затем мощно рванулся прочь. Его тело понеслось от них в тусклой пустоте. Оно необычно замерцало, проходя сквозь пелену видимости. Оно стало маленьким, оно уносилось, вращаясь, в зеленые сумерки.

Жиль Хабибула вдруг шумно захныкал. Боб Стар почувствовал соленое пощипывание слез на собственных глазах и боль в горле. Однако затем он снова увидел бледный зеленоватый шар почти над ними. И прохрипел:

— Смотрите сюда!

Ибо он увидел одного из сияющих стражников шара. Магнит живого света с красной звездой и фиолетовыми полюсами, и туманностью между ними, словно магнитное поле превратилось в живое пламя. Он был более чем живой. Он был удивительный, прекрасный и бесконечно опасный.

Они подплыли ближе, и он вдруг прекратил медленный полет над сферой. Дыхание Боба Стара остановилось. Он почувствовал, как кожу захолодило от внезапного пота и тело стало напряженным. Он беспомощно повис в воздухе: он ни до чего не мог дотянуться и ничего не мог сделать.

В течение мига существо было неподвижно. Пульсация ярких звезд прекратилась. А туманное веретено, казалось, застыло столбом зеленоватого льда. Затем огненная жизнь вернулась. Кометчик метнулся прочь, в ту сторону, куда улетел Хал Самду.

— Он увидел Хала, — прошептал он, — однако вскоре он будет искать нас.

Мгновением позже они ударились о холодный твердый металл слабо светящейся сферы. Они съежились на ней, удерживаясь слабым трением. Бобу Стару подумалось, что она больше похожа на астероид, чем на зеленое солнце, как им это поначалу показалось. Вероятно, она была диаметром в полмили.

Кай Нимиди что-то быстро шептала Джеку Каламу.

— Она говорит, что оружие внутри, — быстро пояснил он.

— Этот шар — что-то вроде сейфа.

— Ах, да, — прохрипел Жиль Хабибула. — И какого сейфа!

ПУСТОЙ СЕЙФ

Каждый сейф, считал Джек Калам, должен иметь дверь. Они искали, очень осторожно, пробираясь по холодному сияющему металлу, передвигаясь с помощью очень слабой гравитации. Наконец, они наткнулись на квадратное, со стороной в двадцать футов, углубление, окруженное низким металлическим барьером.

Жиль Хабибула забрался в углубление и осмотрел тройной круг выступающих металлических стержней.

— Ах, я, несчастный! — разочарованно простонал он. — Если тот замок был сложным, то этот просто невозможно открыть. Хозяева кометы сами не смогут открыть его при всей своей драгоценной науке, если забудут комбинацию. Что за замок! Можно подбирать комбинацию до тех пор, пока вся вселенная не пойдет прахом, но и тогда один против тысячи, что дверь не останется закрытой.

Его толстые пальцы, столь необычно чувствительные, столь изумительно проворные, уже были в работе, быстро выдвигая и задвигая стержни, крутя их. Он внимательно прислушивался, хотя Боб Стар не мог услышать ни малейшего звука.

Остальные вцепились в барьер над ним. Время от времени Боба Стара начинало безжалостно тошнить. И он постоянно ожидал увидеть, что над ним материализуется один из кометчиков, возможно для того, чтобы заговорить триумфальным голосом Стивена Орко.

— Ты сможешь, Жиль? — тревожно спросил, наконец, Джей Калам.

Старик посмотрел вверх, вытер лоб болезненного желтого лица обратной стороной ладони. Он покачал головой.

— Это страшное испытание для моего гения, Джей. Никогда в Системе не создавали такого замка. Должно быть, правители кометы не доверяют собственной страже.

Он устало нагнулся опять.

— Открывание замков, — отсутствующе пробормотал он.

— Это, в основном, вопрос точки зрения. Для любого из вас замок — это нечто для предотвращения открывания двери, и он эту задачу выполняет. Однако старый Жиль видит в замке способы открыть дверь и делает это.

Он застонал и сплюнул.

— Или, по крайней мере, — добавил он, — пытается это делать. Но старый Жиль еще никогда не встречал такого замка, как этот.

Кай Нимиди схватила Джекса Калама за руку и тревожно зашептала.

— Торопись, Жиль, — взмолился он. — Кай говорит, что они, наверняка, скоро нас найдут. Помни, наша невидимость — это их собственный фокус. Она не может надолго сбить их с толку.

Старик снова поднял глаза, которые горели неожиданным гневом.

— Ради жизни! — взорвался он. — Имей терпение!

Жиль Хабибула, слабый старый солдат, измученный и снедаемый последней своей болезнью, умирает вдали от дома. Однако этот умирающий человек тратит свой гений до последней унции, чтобы решить задачу, перед которой отступили бы все учёные математики и искушенные философы на целую тысячу лет. Во имя драгоценной жизни, не можешь ли ты позволить ему работать спокойно, не крича над ухом...

— Прости меня, Жиль, — поспешил взмолиться командор.
— Я виноват. Продолжай.

Старик покачал головой, бормоча, и вновь склонился над тройным кругом выпирающих стержней. Его проворные руки, наконец, остановились, и сквозь слабо отсвечивающий металл послышался шепот легкой вибрации. Пол углубления стал скользить в сторону, и Жиль Хабибула принялся поспешно карабкаться к барьерау.

— Отчаянное предприятие, — прохрипел он, — однако дверь открыта...

Боб Стар пополз вперед, чтобы взглянуть в расширяющуюся щель, открывавшую глубокий квадратный колодец со стенами из холодно отливающего металла. Путь был открыт — к оружию, которое могло убить Стивена Орко. Эта победная мысль заставила его рвануться вперед и затем остановила его, обдав болью.

Ибо он не мог убить Стивена Орко. Он никого не мог убить. Он пытался думать, что он постепенно справляется с этим наваждением — с тех пор, как бился за захват тюремного корабля, когда органический луч конического существа ударил ему в голову. Но тогда этот безжалостный удар вернул всю мучительную боль от Железного Исповедника. Он подумал, не содержал ли тогда оранжевый луч ультразвукового компонента, воздействовавшего на болевые центры в мозгу. Каков бы ни был эффект, он усилил безжалостное биеение старой боли и увеличил эту горькую уверенность.

Он не может убить...

— Пошли, — потребовал Джей Калам. — У нас нет лишнего времени.

Они погрузились в квадратную шахту. Они падали сотню футов с помощью слабой гравитации металлической сферы и наткнулись на другую дверь, из которой тремя рядами выступали стержни.

— Второй замок, — пробормотал Жиль Хабибула. — Однако теперь я знаю принцип.

Он к чему-то прикоснулся, и первая дверь тут же задвигнулась за ними. Он склонился над вторым замком.

— Никогда, — отвлеченно просопел он, — не подвергался еще мой гений такому испытанию. И никогда не подогревался такой опасностью. Ах, я, несчастный! Этот день будет днем смерти Жиля Хабибулы! Этот чудовищный сейф может стать его склепом.

Сияющий металл опять зашептал, и огромная масса внутренней двери скользнула в сторону. Они прошли в квадратный проход, затем оказались в маленькой квадратной комнате, которая находилась, должно быть, поблизости от центра сферы. Она была заполнена зеленоватым свечением от стен, и коридор за их спинами был единственным входом.

Маленькая комната была пуста, если не считать массивного прямоугольного ящика из алого металла трех футов в длину, прикрепленного к внутренней стене. Его стенки были покрыты загадочными иероглифами серебряного и черного цветов. Над его верхом был еще один тройной круг выступающих стержней.

Тихонько постанывая, Жиль Хабибула что-то заговорил про себя.

Как только внутренняя дверь закрылась за ними, Боб Стар приник к сияющей стене, глядя на ящик с благоговейным изумлением. Его смутные ожидания предполагали нечто более внушительное, чем этот красный ящик, такой маленький, что его мог бы, пожалуй, поднять один человек.

— Это бесполезно, — прошептал он. — Бесполезно.

Ибо каким образом оружие, спрятанное в таком маленьком ящике, могло сражаться с чудовищной наукой, ужасающее проявление которой окружало их столь долго?

Он похолодел и застыл от напряжения, когда от бледно сияющего металла послышался вибрирующий шепот. Кай Нимиди задрожала. С ее белых измощденных губ сорвался сдавленный, бессознательный вскрик.

— Наружная дверь, — прошептал Джей Калам. — Они идут.

— Ах! — прохрипел Жиль Хабибула. — Готово! Открыто!

Боб Стар нетерпеливо бросился к ящику, чтобы помочь откинуть крышку. Он едва представлял, что именно ожидает найти. Он не мог сообразить, что именно может уничтожить эту сияющую тварь, которая сейчас содержала в себе разум Стивена Орко. Он тревожно взгляделся в ящик, и

челюсть его тут же отвисла в безголосом крике разочарования.

Ибо ящик был пуст.

Некоторое время он был не в состоянии шевелиться. Невыносимое головокружение вернулось. Его тряслось в болезненной жестокой лихорадке. Зеленые стены маленькой комнаты ходили кругом. Покрывшись холодным потом, он вцепился в край пустого ящика.

— Джей, все напрасно, — услышал он усталый шепот Жиля Хабибулы. — Здесь ничего... — У старика перехватило дыхание, и он безнадежно вздохнул. — Ах, я, несчастный! — засопел он. — Никогда еще судьба не устраивала надо мной такой ужасной шутки! Никогда еще люди так не боролись, не получая награды. — Его лысая голова печально качнулась. — Всю морозную ночь мы рыскали по пустыне Нептуна, чтобы найти корабль, и дрались за него с каннибалом. Мы пронеслись сквозь грозные просторы космоса, пока не встретились с сияющим монстром. Мы прошли сквозь ужас, за владевший астероидом, и проникли в кошмар кометы над ним. Мы были на краю гибели в атомной топке. Мы захватили корабль, когда нас пытались превратить в скот, и летели на нем пятнадцать тысяч миль к ядру бронированной планеты. Мы открыли замки, которые были ужасно сложными, и превратили свои тела в живые корабли пространства — ах, бедный Хал, который отдал жизнь за нас! А теперь старый Жиль Хабибула истощил запасы своего драгоценного гения, взломав самый надежный сейф во вселенной.

Но все тщетно. Он пуст...

В его голосе послышались рыдания.

Движимый мыслью, что оружие может действительно находиться в ящике, однако скрыто неведомым устройством, Боб пошарил в нем. Но пальцы не обнаружили ничего, кроме голого металла. Беспомощно пожав плечами, он взглянул на Джекса Калама и Кай Нимиди.

Призрачно-белая девушка смотрела в пустой ящик. Бескровное лицо было искажено отчаянием. Глаза были

широко раскрыты, потускневшие со смертью надежды. Тело выглядело безвольным, бесчувственным — он был уверен, что, если бы не отсутствие, почти полностью, силы тяжести, она бы упала.

Джей Калам молчал, лицо у него было пепельно-серое. Хотя он сохранил каким-то образом сосредоточенное и хмурое выражение, это не имело значения. Глаза его превратились в пустые окна в ожидающий космос, и в них не было света. Длинные красивые пальцы были сцеплены вместе.

Тусклые глаза девушки скользнули по Бобу Стару, словно не узнав его. Она заговорила, словно сама с собой, глухим хриплым шепотом. Джей Калам переводил ее слова, однако Бобу Стару казалось, что он делает это как автомат, сам при этом ничего не понимая.

— Я — последняя из моего народа. В течение двадцати поколений мы жили внутри кометы. Мы пережили времена, когда смерть едва не одолевала нас только для того, чтобы остановить кометчиков прежде, чем они уничтожат человечество. Мой отец жил и умер ради этого, как и весь мой народ. Теперь я думала, что у нас появится шанс. Но мы проиграли...

Голос ее звучал все медленнее и затих, словно перестал работать механизм. Жиль Хабибула, по-прежнему сгорбившись, стоял над пустым ящиком. Он громко плакал, сморкаясь. Толстые пальцы его бесцельно обшаривали гладкий красный металл.

Конвульсивно выпрямившись, Боб Стар прошептал:

— Мы ничего... не можем сделать?

Джей Калам покачал головой. Он прикусил губу, и длинная челюсть его покраснела от крови. Хмурое напряжение в лице создавало странный контраст с этой алой струйкой. Он покачал головой и облизал губу, и, казалось, слегка удивился вкусу крови.

— Мы можем только ждать... когда они...

Безнадежно, в замешательстве, Боб Стар глядел в пустой ящик. Они проиграли, они обречены. В мозгу все сильнее и

нестерпимее стучала старая боль. И его охватил древний ужас: он так и не покидал его никогда.

Вернулась тошнота. Он присел возле хнычущего Жиля Хабибулы в мучительном отчаянии, потрясенный от случившегося. Он едва слышал отдаленный звук открывающейся внутренней двери, но его внимание привлек сухой сдавленный крик Кай Нимиди.

Он увидел кометчиков.

Двою кометчиков спускались в маленькую зеленую комнату. От ближайшего столба яркого тумана донесся низкий торжествующий смешок. Это был ироничный смех развеселившегося бога. Тупо вслушиваясь, Боб Стар услышал знакомый звонкий баритон Стивена Орко.

— Приветствую, Боб, и поздравляю. Позволь представить моего коллегу, законного правителя кометы.

Фиолетовая звезда слегка качнулась, словно сделала насмешливый кивок.

Боб Стар с некоторым тусклым летаргическим интересом глядел на сияющего властелина кометы. Это он, видимо, был ответственен за чудовищную шутку с пустым ящиком. Неужели кометчики действительно неуничтожимы? Неужели этот жуткий охраняемый склеп — всего лишь фантастическая подделка для того, чтобы поддерживать авторитет этого сияющего императора?

— Ваше замечательное мероприятие, — продолжал легкий голос Стивена Орко, — встревожило моих коллег, которые намерены предпринять шаги к его немедленному прекращению. Я сожалею о том, что преждевременно прерываю тебя, но твоя возмутительная нескромность делает твое дальнейшее существование просто непрактичным.

Если бы голос звучал невнятно, шептал или кричал, подумал Боб Стар, то этот ужас было бы гораздо легче переносить. Ибо существовало жуткое несоответствие между ужасающим пламенем, горевшим перед его глазами, и беззаботным легким смехом.

— Прежде, чем ты умрешь, Боб, не хочешь ли ты узнать о своих родителях? Они совсем близко, настолько близко, что твой невезучий спутник, Хал Самду, был отправлен к ним на корабль. Вот так я узнал о вашей необычной деятельности.

Твоя мать — это тебе, наверное, покажется невозможным — пока еще невредима. Однако она проявляет глупость и упрямство, избегая вступать в обсуждение принципов АККА, — упрямство, которому вскорости придет закономерный конец. Я планировал пригласить тебя и твоих спутников на банкет. Но обеспокоенность моих августейших коллег снижает этот вопрос с повестки.

Последовала небольшая пауза, и Боб Стар заметил встревоженное постоянное движение туманного столба, врачающегося внутри твари, которая была правителем кометы.

— Это огромное удовольствие, — послышался бодрый сардонический голос Стивена Орко, — присутствовать при кризисе вселенской истории. И, насколько я могу интерпретировать встревоженное поведение моего коллеги, это действительно кризис. Я думаю, ваше дерзкое и нескромное проникновение в камеру генератора должно послужить поводом для немедленного и полного искоренения человечества. Какая досадная случайность, не правда ли?

Снова колонна живого пламени разразилась беззаботным смехом.

— Не то, чтобы я испытывал особое желание присутствовать при экзекуции...

Сияющая фигура правителя кометы вновь пошевелилась, словно была раздражена. Протянулась туманная рука, и Боб Стар ощущал покалывание на коже. Зеленый туман начал воздействовать на зрение. Это, подумал он, его последний миг.

— Подожди, Орко!

Смутно, сквозь неожиданный хруст в ушах, Боб Стар услышал сдерживаемый хриплый голос Джекса Калама.

— Подожди, если хочешь узнать, почему ты можешь столь спокойно помогать искоренить человечество. Потому что я теперь могу тебе это рассказать, Стивен Орко. Я знаю, кто ты или что ты на самом деле.

Боб Стар понял, что получил отсрочку. Покалывающая немота оставила его члены. Он опять мог видеть и рев покинул его уши. Он услышал насмешливый вызов в голосе Стивена Орко:

— Итак, командор Калам?

Джей Калам сделал паузу, словно подбирал слова, и вдруг заговорил с неожиданно холодным спокойствием.

— Стивен Орко, — сказал он, — вначале мы пытались попасть на комету на маленьком геодезическом крейсере. На борт проникло светящееся чудовище; оно повредило генераторы и убило твоего старого помощника, некоего Марка Лардо.

— Я осведомлен об этом инциденте — ничего существенного, — раздраженно оборвал его Стивен Орко.

Прислушиваясь, Боб Стар стал смутно догадываться о цели командора. Он тянул время, не иначе. Хотя что при этом окончательном поражении могло значить время? Однако он тут же позабыл о своих догадках, поглощенный объяснением Джекса Калама.

— Мы посадили изувеченный корабль на незакартированный трансплутонический астероид. На нем были следы обитания. Люди на нем были уничтожены кометчиками, они оставили нам удивительную загадку. Тысячи следов говорили нам, что владелец астероида был способным ученым и одаренным художником. Все в этом крошечном мире подтверждало его гениальность и его изумительное богатство. Нам было трудно представить, зачем такому человеку пришлося прятаться на этом удаленном камне за пределами Системы.

— Но почему я должен испытывать интерес к вашей проблеме? — снова раздраженно прервал его Орко.

— Потому что это объясняет твоё отличие от иных людей, — сказал Джей Калам. — Твои необычайную одаренность, честолюбие и враждебность к человечеству.

— Продолжай, — сказал голос Орко, — однако будь краток.

И Бобу Стару показалось, что ближайшая к ним сияющая тварь сделала сдерживающий жест, чтобы остановить некое действие правителя кометы.

— Одной из замечательных черт этой тайны, — продолжал командор, — было присутствие биологической лаборатории, тщательно скрытой под поверхностью. Вторая черта — эмблема, которой этот странный изгой помечал принадлежащее ему, — кружево инзата и скрещенные кости, красные на черном фоне. Ты можешь припомнить, что тот же символ — эмблема жизни над эмблемой смерти — связан с загадкой твоего происхождения.

Сияющая тварь слегка приблизилась, постоянное кружение зелено-серебристого столба, казалось, замедлилось. Боб Стар почувствовал, как в ней нарастает заинтересованность.

— Когда астероид затянуло в комету...

— Благодарю, — хихикнула светящаяся тварь. — Ваше проникновение через внешний барьер сбило с толку моих новых помощников. Но продолжай.

— Астероид попал в эту силовую установку, — продолжал Джей Калам, — однако незадолго до этого я решил эту задачу. Изгнаник, — пояснил он, — вел дневник при помощи тайнописи, которую мне удалось прочесть. — Он сделал паузу, чтобы покачать головой, когда Боб Стар подавил вскрик недоверия. — Прочитанное, — сказал он, — я держал при себе до сего момента по причине некоторых неприятных аспектов.

— Выкладывай, — рявкнул голос со стороны светящегося столба. — Мой коллега не намерен больше сдерживаться.

— Этот фантастический беглец, — продолжал командор, не теряя спокойствия, — был человеком по имени Эльдо Арруни. Выходец с Земли, он получил там и на Марсе

биологическое образование. Эльдо Арруни проявлял исключительные способности как в живописи, так и в научных дисциплинах. Он делал прекрасную карьеру, рано начатую, прежде чем попал в марсианскую тюрьму за проведение незаконных биологических экспериментов.

Джей Калам помолчал, набирая воздух в легкие, стараясь, подумал Боб Стар, выиграть время.

— Спустя год после помещения под стражу он был амнистирован — в награду за блестяще проведенную операцию, во время которой он спас жизнь жене начальника тюрьмы. Он исчез. И Легиону уже не удалось обнаружить его вновь, хотя он имел на руках достаточно следов его дьявольской деятельности.

Что же он сделал? Конечно, нашел себе убежище на этом неизвестном астероиде. В тюрьме, видимо, он наладил связи с могущественным сообществом космических пиратов и межпланетных контрабандистов, которые и стали использовать астероид в качестве базы. Вскоре он стал лидером сообщества, по всей видимости, и повернул его преступную деятельность на новую, ужасную дорогу.

На этом астероиде он стал источником самого скрытого экспорта, который когда-либо отравлял существование Системе, и один лишь Легион тщетно пытался с ним бороться. На прибыли, полученные от этого чудовищного экспорта, он превратил голый камень в тайный рай...

— Будь краток, — предупредил голос Стивена Орко, — или умрешь.

— Незаконные эксперименты Эльдо Арруни, — продолжал Джей Калам хмуро и неспешно, — сводились к синтезу жизни. Очень давно ужасные последствия этих попыток заставили Совет объявить их вне закона. На своем астероиде Эльдо Арруни довел эту проклятую работу до победоносного завершения. Бизнес, что принес ему такое грандиозное богатство, заключался в производстве и продаже андроидов.

На миг ближайшая к ним тварь, казалось, застыла. Красная и фиолетовая звезды прекратили свое регулярное

биение. А дымчатое веретено между ними превратилось в столб бело-зеленого хрусталия. Затем она задрожала, и послушался один-единственный изумленный вскрик:

— Андроидов?

— Эльдо Арруни, — громко заговорил Джей Калам, — открыл секрет синтетической жизни. Он производил искусственные клетки, размножал их в питательной среде и научился контролировать их развитие посредством радиологических и биологических способов.

Он был художником в той же мере, что и ученым. Он обладал гением творения. Достижением его великого искусства была живая синтетическая плоть. Он добился чудес — дьявольских чудес...

Вытянутое лицо командора стало темным и жестким, словно он преодолевал боль воспоминаний.

— Печальным комментарием к человеческой цивилизации, — сказал он мрачно, — является то, что богатый человек готов был отдать половину своего состояния за сотню фунтов синтетической протоплазмы. Однако многие шли на это, и этого было достаточно, чтобы Эльдо Арруни получил желанное состояние.

Его твердые челюсти вдруг добела сжались.

— Я не могу их винить, — прошептал он. Казалось, его темные глаза всматриваются в ужасное окно прошлого. — Дело в том, что была одна, арестованная за убийство владельца. Это был дух красоты, обретший реальность, это была подлинная мечта художника о прекрасном. На первый взгляд она была воплощением женской невинности. Если прислушаться к ее золотистому голоску...

Он сглотнул.

— Уничтожить ее должен был я. Но... — темные глаза его с благодарностью взглянули на Боба Стара — но благодаря твоей матери, Боб, я не навлек позора на Легион...

Он заставил себя собраться, и взгляд его вернулся к сияющим, постоянно движущимся фигурам.

— Преступная деятельность сообщества не ограничивалась одной лишь продажей андроидов. Потому что безуоконизненно идеальное совершенство их тел часто скрывало в себе абсолютно невыразимое зло. Те, кто неудачно пользовался на их невиданную красоту, часто обнаруживали, что ценой является все состояние, а то и сама жизнь.

Эльдо Арруни вписал черные строки в книги Легиона...

Но, — продолжал командор, — если Эльдо Арруни не удавалось обеспечивать свои творения моральными ограничениями, то в предоставлении им необычных способностей он не встречал затруднений. А может даже, это можно было назвать исключительным интеллектом.

Джей Калам замолчал на миг и продолжал почти буднично:

— Ты, возможно, уже догадался, о чем я тебе рассказываю, Стивен Орко. Ты не человек. Ты — синтетический монстр из лаборатории Эльдо Арруни.

Застывшая фиолетовая звезда присела, словно поклонилась. Туманный столб вновь заговорил сардническим голосом Стивена Орко. И в нем звучало беззаботное веселье:

— Благодарю, командор.

— Твой случай, — продолжал Джей Калам, — полностью отражен в дневнике. Эльдо Арруни приложил к твоему созданию исключительные усилия. Его недюжинный художественный гений был наилучшим образом дополнен в то время практическими деловыми инстинктами. Он предполагал создать нечто совершенное, подлинного супермена.

Однако вскоре после того, как ты покинул его колбы и инкубаторы, он обнаружил в тебе фатальный изъян — холодного дьявола, спящего. Он увидел, что его усилия грозят закончиться близким концом человечества, причем самым неотвратимым.

В дневнике отражена занятная борьба. Одни записи восхваляют твоё физическое совершенство и замечательный интеллект: он вложил в тебя всю свою любовь. Ибо он

действительно любил тебя, как любит художник свой шедевр. Как человек любит своего сына.

Следующая запись — мрачное изложение сомнений и предложений, полное свидетельств дьявольской холодности, которую он не смог изъять из тебя, несмотря на весь свой талант... Она заканчивается решением уничтожить тебя.

К несчастью, этот странный беглец не мог заставить себя решиться. Наконец, любовь и вполне оправданный страх привели его к печальному компромиссу. Он запечатал тебя в магниево-литиевый цилиндр, предприняв все необходимое для твоего жизнеобеспечения, и пустил дрейфовать в космос вдали от астероида.

«Скрыв от тебя твое происхождение, — сказал командор мрачно, — он надеялся избежать последствий своего провала». Но все равно ты уничтожил своего создателя, Стивен Орко, когда напустил кометчиков на Систему.

Возможно, что длительное беспомощное пребывание в цилиндре оказало дальнейшее воздействие на формирование твоего характера, который и до этого был не из хороших. Должно быть, отчасти твой неутолимый аппетит во всем, что касается власти и превосходства, — это компенсация за то заключение.

Однако ты никогда не был человеком...

— Благодарю тебя, командор, — вмешался голос Орко, по-прежнему беззаботный и насмешливый. — Но я не могу вознаградить вас за то, что вы открыли мне тайну моего происхождения. И, в сущности, я не могу быть милосердным к скоту, которым питаюсь, зная, что никогда не был одним из них.

Яркий туман хихикнул.

— Если ты ожидал благодарности...

Голос вдруг замолчал, когда сияющий правитель кометчиков сделал властное движение, и быстро добавил:

— А теперь можете приготовиться к смерти...

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Прислушиваясь к тихому повествованию командора, глядя на светящуюся и прекрасную тварь, которой был теперь Стивен Орко, Боб Стар был раздираем вступившими в свирепый конфликт странными эмоциями.

Ибо его великий враг никогда не был более человеком, как это существо из застывшего огня. Этот факт отчасти объяснял страх и ненависть, которые душили и мучили его с той страшной ночи в Академии. Не человек вонзил тупое лезвие Железного Исповедника в его череп, а эта негуманоидная тварь.

Осознание этого заставило боль под старым шрамом ослабеть и утихнуть впервые за все годы. Он опять обрел смелость и почувствовал, что может найти в себе силы противостоять калечащим приказам, которые отдавал в мозгу измененный голос Орко. Кулаки его сжались, тоскуя по оружию.

Он сел на корточки возле пустого ящика. Жиль Хабибула по-прежнему склонялся над ним, содрогаясь от приступов горя, вцепившись в края, громко хныча и часто шмыгая.

— Можете приготовиться к смерти. — Торопливые последние слова Орко эхом отзывались в его мозгу. — Потому что мой августейший коллега, похоже, крайне недоволен вашим присутствием в камере генератора...

Боб Стар почувствовал на боку слабое, едва заметное давление дрожащей руки старика, а затем холодное прикоснение маленького предмета, который вложил в его руку Жиль Хабибула. В мозгу сверкнула вспышка озарения: он понял, зачем командор тянул время.

Повернувшись, чтобы прикрыть предмет телом, он украдкой бросил на него взгляд. Странное оружие, если это оружие. Полированный кубик из какого-то черного твердого материала со стороной не более двух дюймов. Его поверхность была слегка скользкой, мыльной как

шлифованный драгоценный камень. Он чувствовал необычную тяжесть — хотя и кубик, и сам он были сейчас невесомы, он мог ощущать инерцию его массы. С одной стороны, выступала какая-то красная, шишкообразная выпуклость.

Вцепившись в кубик, Боб Стар пытался не выдать внезапного, перехватившего дыхание напряжения. Должно быть, это было оружие — и он знал, что должен воспользоваться им немедленно. Внимание Стивена Орко и властелина кометчиков все еще было обращено на командора. Это могло дать ему шанс для удара. Но он не мог убить...

Или мог? Один холодный миг, когда дрожащие пальцы сомкнулись на этом безобидном на вид приборе, ему казалось, что он снова оказался в темном подвале музея Академии, девять лет назад. Вновь на его голове было ржавое металлическое кольцо Железного Исповедника, и вновь впивалось в его череп трехгранное лезвие, и вновь вибрирующий голос Стивена Орко превращался в вибрирующие волны невыразимой боли.

— Что, не нравится, щенок? Не нравится ржавая корона твоих предков? Но это неважно, нравится или нет, тебе уже ничего с ней не сделать. Потому что это гениальное маленькое устройство предназначено для того, чтобы ломать людей. Ты можешь отрицать свои убеждения или закон, можешь даже забыть о чести офицера Легиона, однако ты никогда не сможешь отказаться повиноваться Железному Исповеднику.

И ты не сможешь убить меня, Боб. Не сможешь убить...

Его пальцы уже разжались, чтобы выронить черный кубик, потому что он не мог им воспользоваться. Но тут, должно быть, это заметила Кай Нимиди, потому что он услышал, как у нее перехватило дыхание. Ее светлый образ вспыхнул в мозгу, и мучительное воспоминание опять бросило его в темную комнату.

Он чувствовал липкую струйку собственной крови, текущую по лицу, и солоновато-сладкий привкус на губах. Снова

он увиделди кую ярость на красивом лице Орко. Он услышал шаги ночного патрульного наверху и шепчущие голоса друзей Орко.

Это все было забыто, похоронено под страхом и болью. Шаги и эти протестующие голоса, испуганные и спорящие, слышны были теперь как наяву. Дедовщина была традицией Академии, однако на этот раз они зашли слишком далеко. Если Боб Стар умрет, правда наверняка выйдет наружу. Убийство! И всей хитрости Стивена Орко будет недостаточно для того, чтобы спасти их от судебного разбирательства.

Но Орко был слишком разъярен, чтобы слушать их.

— Скажи, щенок! — Этот страшный голос вновь наполнил мозг Боба Стара, превращаясь в красную муку посредством вибраций трехгранного лезвия. Опять он повторял всю ту неслыханную ложь клятвенного подтверждения, которой добивался от Боба Стара...

Однако он не сказал.

— Он тебя положил на обе лопатки, Орко. — Теперь он слышал другие голоса, с нотками усиливающегося ужаса, когда шаги патрульного замерли в коридоре. — Ты не сможешь его сломать даже с помощью Железного Исповедника. Ты что, не знал, что он сын Джона Стара?

Погребенная правда выходила наружу.

— Я сдаюсь. — Давно забытые слова выходили наружу и принадлежали Стивену Орко. — Он крепче, чем я ожидал. Давайте вытащим его отсюда и приготовим ему легенду. Помните, он сын Джона Стара. Он слишком горд, чтобы рассказывать небылицы. Правда, щенок? — Стивен Орко повернулся и снова заговорил в жестокое устройство, прежде чем снял его. — Ты не забудешь об этом, правда, щенок?

Он забыл, на девять лет.

И теперь все это горело в его мозгу, пока он держал в кулаке холодный маленький кубик. Он был сыном Джона Стара, и Стивен Орко был тем, кто ломал. Внезапно пальцы

его стали совершенно твердыми. Он поднял кубик, повернул крошечный алый выступ.

Из противоположной стороны кубика вырвался бледный луч серебристого света. Он повернулся маленький прибор, наводя луч на светящихся тварей.

— Боб! Ты не можешь!..

Но он мог. Изумленный встревоженный крик перешел в хриплый вопль. Он растаял на булькающей ноте невыразимой муки — такой же крик могла испустить умирающая жертва Железного Исповедника.

Потом, когда все было кончено, он осторожно положил в ящик ненужный теперь кубик.

— Где ты его взял? — спросил он Жиля Хабибулу. — Мы думали, что ящик пуст.

— Ах, так оно и было — Старый солдат высморкался. Толстые руки его все еще держались за край ящика, пухлые пальцы ласково ощупывали загадочные рисунки на его стенке. Болезненная полнота исчезла с его лица.

— Так, — прошептал Боб Стар, — как же?..

— Этот рисунок был ключом, — просопел Жиль Хабибула.
— Я с самого начала заподозрил, что создатели этого сейфа не стали бы тратить свое умение на бесполезный орнамент. Эти фигуры привели мои пальцы к потайному замку.

— Так, где же, оно было? — спросил Боб Стар. — Под ложным дном?

— Не так просто. — Жиль Хабибула покачал головой. — Я умею видеть сквозь ложное дно внутренним зрением. Оружие могло быть укрыто где-то вдали от нашей вселенной, связанное с полем, которое могло доставить его обратно, когда срабатывал замок. Или, может быть, оно находилось за пределами нашего пространства и времени — такое не выглядит для них невозможным.

Они были прерваны громоздким снарядом, который пронесся через квадратный колодец входа и тяжело врезался в холодно сияющий металл. Он судорожно вздохнул, выпрямился и оказался Халом Самду.

— Эй, Боб! — громыхнул великан. — Я сказал твоей матери, что ты должен быть здесь.

— Мой матери? — прошептал Боб Стар. — Она цела?

— Ага, — сказал Хал Самду. — Мы перебили всех кометчиков, а их рабы стали теперь нашими друзьями. Пошли, Боб, к твоей матери.

Она вышла им навстречу легкой быстрой походкой. Боб Стар бросился вперед и обнял ее.

— Сынок! — Она поцеловала его, смеясь. — Ты отрастил ужасную бороду.

Боб Стар представил Кай Нимиди, обняв ее за талию.

— Мама, это чужеземка. Она одна. Весь ее народ убит кометчиками. Она плохо говорит по-английски, но скоро научится. Я хочу, чтобы ты приняла ее. Потому что это она показала нам, где найти оружие, которое уничтожило кометчиков. И еще... потому что я люблю ее.

Кай что-то тихонько прошептала, улыбаясь его матери. Мать взяла их за руки, соединила. Кай тихо рассмеялась, сжала его пальцы, и неожиданно ему захотелось оказаться с нею в мирной красоте садов Фобоса, которые уже не были для него тюрьмой.

— Я рада, Боб, — прошептала мать. — Рада... — Она замолчала, прислушиваясь к резкому голосу его отца.

— ...Тогда, Джей, как мы поступим с кометой?

— Я считаю, что существуют три возможности, — задумчиво ответил командор. — Хранитель Мира может уничтожить всю комету — иррациональная акция, которой я буду противостоять. Или она может быть управляема, как постоянная часть Системы. Или мы позволим освобожденным рабам, если они способны с ней управиться, уйти на ней. Я предпочитаю третий вариант, однако окончательное решение за Советом.

— В любом случае, комета представляет нам грандиозный запас знаний.

Словно с огромного расстояния послышался жалобный голос Жиля Хабибулы:

— Пошли, Хал, поглядим, не удастся ли нам найти какой-нибудь человекской еды и выпивки...

ОДИН ПРОТИВ ЛЕГИОНА

СМЕРТОНОСНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

— Необычно. Важно. Несомненно опасно. — Тихий голос командора Калама, даже сейчас не утратив отчетливо-спокойного звучания, подчеркивал ударением каждое слово. — Вас, капитан Деррон, избрали для выполнения этой задачи, потому что Легион полностью доверяет вам.

Спустя четыре мрачных года эта сцена жила в памяти Чана Деррона столь же ясно, будто ее выжег раскаленный докрасна пуансон. Ибо это странное назначение изменило всю его жизнь, оторвало его от многообещающей карьеры и бросило в пучину тайн, ужаса и отчаяния.

— Да, сэр.

Чан Деррон четко отдал честь. Он стоял в напряжении — весь внимание, — дожидаясь, когда в этой огромной, скромно обставленной зале в Зеленом Холле, кабинете командира Легиона Пространства, прозвучит приказ.

Человек крупный, подтянутый, стройный, в зеленой форме Легиона, он походил на бронзовую статую. Волосы, неподвластные расческе, словно проволока из красной меди. Кожу основательно покрывал космический загар. Даже в глазах было сияние немеркнущей бронзы. Вся его выпправка говорила о несокрушимой силе, отчего сердце командора согрелося.

Тем не менее, за этой военной готовностью сердце Чана Деррона стучало как барабан. Он гордился формой, которую носил меньше года, он чрезвычайно гордился знаками отличия, а также наградами, которые он уже получил в войне с кометчиками. И ему отчаянно хотелось узнать, что последует за этим вступлением. У него перехватило дыхание, и он

пристало посмотрел на длинное смуглое лицо Джая Калама.

— Я отдал приказ помогать в выполнении этой задачи всему флоту Адмирала-Генерала Самду, — сказал командор.
— Однако сама задача такова, что ее можно доверить только одному человеку на одном корабле, капитан Деррон.

Капитан Деррон попытался сглотнуть комок. Бывалый капитан — ему не пристало трепетать, как большеглазому кадету. Ведь ему, в конце концов, двадцать два. Но заданный тихим голосом вопрос ошеломил его.

— Вы знаете доктора Макса Элероида?

— О... конечно, — поспешил ответил он. — Если вы говорите об инженере-геодезисте. Это тот человек, который видоизменил геодин и изобрел геопеллер. Мы в Академии изучали по нему геодезию.

— Так вы были инженером? — Командор слегка улыбнулся. — Доктор Элероид, — сказал он, — вероятно, один из величайших ныне живущих физиков, хотя предубеждение против общественной славы удерживает его от того, чтобы стать широко известным. И он только что создал нечто совершенно новое.

Чан Деррон ждал, теряясь в догадках.

— Сегодня утром, — сказал Джей Калам, — Элероид пришел в этот кабинет, и следом за ним помощник втащил целий ящик с оборудованием. Он был напуган. Он упрашивал принять его вместе с его изобретением под защиту Легиона.

И это изобретение очень важно, говорил он, и очень опасно. Он решил не доводить работу над ним до конца в то время, когда Земле угрожала опасность от кометчиков. Затем он решил усовершенствовать его, превратив в оружие. Он слегка опоздал — война кончилась. Однако он решил доверить его Легиону, чтобы, вкупе с АККА, оно могло обороныть Землю. Но вчера он получил доказательства тому, что в его лаборатории побывал кто-то чужой. Она расположена на западе, в Красочной Пустыне. Этот неизвестный шпион очень напугал его. В подробности его работы были

посвящены вего лишь двое людей — его дочь и ассистент Джонас Твейн. Ничто не говорит о том, что он и шпион — одно и то же лицо. Однако это может навести на мысль, что он — не очень умный человек.

Командор выпрямился.

— Такова подоплека вопроса, капитан Деррон. А здесь ваши инструкции.

— Да, сэр.

— Мы намерены помочь доктору Элероиду с полевым испытанием этого изобретения; оно никогда не проверялось, по его словам, разве что на самую малую мощность. Затем, если испытания закончатся успешно, оно останется в наших руках.

Вы немедленно должны вернуться на крейсер и лететь на базу в Скалистых Горах. Там вас уже ожидают двадцать рабочих с землеройными машинами на атомных двигателях, взрывчаткой и строительными материалами. Вы возьмете их на борт и безотлагательно отправитесь на Новую Луну. Вы следите за моими словами, капитан?

— Да, сэр.

— Когда вы достигнете скорости в две тысячи миль, — продолжал Джей Калам, — вы откроете этот конверт и посчитаете координаты места посадки.

Чан Деррон принял маленький зеленый конверт, запечатанный крыльышками Легиона по темно-зеленому сургучу, и положил его во внутренний карман кителя.

— Вы опуститесь в указанном месте и выгрузите рабочих и оборудование. В месте, которое вы выберете по собственному усмотрению, они должны выкопать шурф двадцати футов в ширину и двадцати в глубину. Там, работая под вашим руководством, они построят помещение, армированное двумя футами пердьюрита, оснащенное лестницей и скрытой дверью со специальным замком. Детали будут вам предоставлены. Выполнение этой задачи должно быть закончено к двенадцати завтрашнего дня по времени Легиона. Вы опять посадите людей и погрузите оборудование на борт «Корсара». Крейсер немедленно вернется под командованием вашего первого помощника на базу в Скалистых Горах. Вы же, капитан Деррон...

У Чана Деррона перехватило дыхание, когда командор внезапно поднялся.

— Вы останетесь на страже возле этой потайной двери. При себе оставите свой ультракоротковолновый коммуникатор, сухой паек, протонное ружье-иглу и штык. Будете охранять доктора Элероида и его ассистента, пока они не закончат испытания. Потом, если эксперимент пройдет успешно, доктор Элероид передаст аппаратуру и записи под вашу ответственность. Вы вызовете крейсер, подниметесь на борт вместе с Элероидом, помощником и устройством и немедленно вернетесь на базу в Скалистых Горах. Все ясно, капитан Деррон?

— Ясно, сэр, — сказал Чан Деррон.

— Флот Самду будет следить за тем, чтобы не было вмешательства извне, — заверил его хмурый командор. — Во всем остальном мы полагаемся на секретность, точность в действиях и знания. Окончательная ответственность, капитан Деррон, лежит на вас. — Темные глаза пристально глядели в глаза Чана. — Это одна из величайших задач, которые когда-либо давал Легион одному человеку, но я верю, что вы годитесь для нее.

Чан сглотнул.

— Я сделаю все, что смогу, сэр.

— Легион ни о чем больше не просит.

Вопрос казался достаточно серьезным, однако Чан Деррон был не из тех, у кого вызывали депрессию подробности его миссии. Тайна, окружающая это поручение, действовала на него достаточно возбуждающе, а слабый намек на опасность был для него словно тоник.

Возвращаясь на, «Корсар», — стройный геодезический крейсер, первый корабль под его командованием, чем он чрезвычайно гордился, — он наслышивал песенку. Он еще никогда не был на Новой Луне. Однако он часто видел этот искусственный спутник, плывущий по небу Земли. И вскоре, несомненно, после того как он выполнит поручение командора Калама, он получит — от этой мысли у него даже сердце подпрыгнуло — заслуженный отпуск, который проведет на веселой Новой Луне.

Шагая в направлении огромного космопорта, на котором в отдалении от других кораблей высился стройный шпиль «Корсара», он напевал, чтобы скоротать время, популярную песенку, сочиненную давным-давно какими-то сентиментальными людьми:

Когда мы впервые танцевали
На яркой Новой Луне,
Когда мы влюбились
На далекой Новой Луне,
Я потерял миллион долларов,
Но я нашел тебя, дорогая.

Он взошел на борт стройного серебристого «Корсара». Он ожидал, что эта странная задача направит его на какую-нибудь удаленную планету. Однако, когда он достиг скорости в две тысячи миль по направлению к Новой Луне и вскрыл конверт, оказалось, что надо возвращаться на Землю, на пустынный островок в хмуром Атлантическом океане.

«Корсар» спускался среди кричащих птиц. Чан выбрал ровный участок на самом высоком гранитном уступе в ста футах над серым неугомонным морем. Двадцать рабочих спустились по трапу. Гудящие атомные буры вгрызлись в обнаженную породу. Шурф заполнила паутина строительного материала. Расплавленные каменные осколки превратились в массивные стены и крышу из непроницаемого пердьюрита.

На следующий день крейсер отбыл при первых же лучах рассвета. Оставшись в одиночестве среди усаживающихся птиц, которые вскоре покрыли собой даже потайной люк, Чан Деррон дрожал от чего-то, более холодного, чем пронизывающий южный ветер.

Под черным утесом, за зелено-белым хаосом, который бушевал у его основания, лежало пустое и безграничное

полярное море. Низкое желтое солнце висело в сером северном небе и блестело на снежных покровах немногочисленных айсбергов. Ему казалось, что он — единственный человек на всей планете. И вдруг в нем родился смутный страх — опасение, что предосторожностей Джекса Калама в отношении таинственного шпиона было недостаточно.

Он еще раз тщательно проверил протонный бластер. Усовершенствованный со временем войны с кометчиками и заменивший более маломощные протонные пистолеты, которые служили так долго, он посыпал разрушительные пучки ядерных разрядов быстрее и дальше, чем любой стационарный излучатель старых моделей. Кобура для более точной стрельбы становилась прикладом. Для ближнего боя присоединялся складной штык.

Чан пытался успокоиться, возясь с этим безмолвным механизмом, с его хромированной прелестью и идеальной балансировкой. Однако непрекращающийся вой пронизывающего ветра, пустая враждебность холодного неба и покрытого редкими айсбергами моря будили в его сердце тревогу.

Он вскрикнул от облегчения, когда «Беллатрикс», длинный и яркий флагман Адмирала-Генерала Хала Самду, проился сквозь облака кричащих птиц. По трапу спустились два человека и вынесли тяжелый деревянный ящик. «Беллатрикс» взмыл вверх и через несколько секунд исчез.

Чан Деррон никогда не видел прежде доктора Элероида, но он узнал ученого, чей портрет имелся в учебниках по геодезии. Элероид был высоким, несколько неуклюжим, медлительным человеком с красным нервным лицом гения. Но что до глаз — они были бы, скорее, к лицу булочнику или бармену. Однако эти глаза, широко посаженные и глядящие сквозь толстые стекла очков, обладали магнитической силой гения.

Элероид по-прежнему боялся. Это было очевидно из того, как он встревоженно озирался на острове, из того, как он вздрогнул, когда помощник в белом облачении

дотронулся до него, из облегчения, проявившегося на широком лице, когда Чан подошел к нему.

— Рад вас видеть, капитан. — Голос оказался густым, но шепелявым. — Где склеп? Мы должны спешить!

Чан указал на дверь, замаскированную под каменную плиту, и вернулся, чтобы помочь маленькому, тяжело дышащему помощнику с ящиком. Доктор Элероид очень встревоженно посмотрел на них и затем помог им спустить ящик по узкой лестнице. Чан заметил на руках ассистента красную сыпь. Внезапно тот начал чихать и закрыл лицо носовым платком. Макс Элероид властно указал на лестницу.

— Вы останетесь на страже, капитан. — Голос его дрожал от напряжения. — Мы запретим помещение. Я позову вас, когда все будет закончено. — Затем он коснулся руки Чана Деррона. — Несите караул бдительно, капитан, — взмолился он, — потому что на карту, возможно, поставлена безопасность самой Системы.

Массивная дверь захлопнулась. Чан отодвинулся, и птицы уселись снова. Море, скалы и небо были пустынны, как и прежде. Южный ветер пронизывал до костей, северное солнце грело слабо. Он дрожал, шагая взад-вперед.

Он пытался уверить себя, что мрачные предчувствия не имеют под собой оснований, и тут что-то коснулось его. Вначале он подумал, что его задела крылом птица. Затем почувствовал странную легкость на поясе, и его натренированная рука быстро метнулась к кобуре. Бластер исчез! Он изумленно озирался. Скалы, море и небо по-прежнему были зловеще пусты. Где оружие? Он не мог найти ответа. Птицы кричали, словно издеваясь над ним. Это означало опасность — враждебное действие неизвестного агента. Но как ему это удалось? Сторожевой флот Самду, должно быть, где-то неподалеку в этом сером небе. Он может связаться с Адмиралом-Генералом...

Однако из маленького черного диска коммуникатора, висевшего на шее, уже доносился гудок вызова. Он нашел кнопку приема и прижал прибор к уху.

— На помощь! — Это был Макс Элероид. — Этот человек... он не...

Послышался странный шум, и затем коммуникатор замолк.

АДЕКВАТНАЯ УЛИКА

То же самое тревожное сообщение было получено флотом. Когда «Беллатрикс» приземлился менее чем час спустя, Чан Деррон был найден бесцельно бродящим среди скал.

— Мой бластер исчез! — прохрипел он, обращаясь к Адмиралу-Генералу. — Если бы он не пропал, я смог бы прорезать себе путь и прийти на помощь!

— Где ваше подземелье? — спросил старый бывалый космонавт. Его громадное некрасивое лицо было пепельно-серым, а встревоженные движения больших, покрытых шрамами рук уже растормошили уставшую прическу белых волос. — Мы посмотрим.

Чан показал на едва видимый шов.

— Заперто. — Голос его дрожал — это было следствием того страшного часа, который он провел в ожидании. — Элероид запер дверь изнутри. Придется резать пердьюрит.

— Если удастся... — Хал Самду стиснул покрытые шрамами кулаки, мучительно размышляя, какое принять решение. — Если бы только здесь был старый Жиль Хабибула! Это был для нас просто подарок во все, что касалось замков. Но сейчас он на Фобосе, отделен от нас Солнцем, и он сидит за столом Джона Стара и пьет вволю. — Он покачал головой. — Я даже не знаю точно, что он делает.

— Мы не можем ждать, сэр, — поторопил его Чан Деррон. — Я боюсь даже подумать о том, что могло случиться в этом помещении. У вас на корабле есть оборудование, которое могло бы вскрыть этот подвал?

Голос его утонул в спазме отчаяния...

Огромный легионер наклонился и ухватился за выступающий угол плиты, который служил замаскированной ручкой двери, уперся каблуками в камень, словно намереваясь взломать ее силой одних лишь мускулов, и потянул на себя. И дверь легко открылась.

Хал Самду выпрямился и мрачно посмотрел на Чана.

— Заперто, говорите?

Чан Деррон изумленно попятился, и черный ветер ужаса холодком тронул его сердце.

— Она была заперта! — прохрипел он. — Я проверял!

Однако в синих глазах Адмирала-Генерала уже поселилось сомнение. Большая ладонь осторожно опустилась на рукоять протонной иглы, и он указал на безоружного Чана.

— Взять его! — скомандовал он своим людям. — Я посмотрю, что там внутри. — Хал Самду и его офицеры спустились в маленькую квадратную комнату. Там все еще горели лампы дневного света. Они обнаружили доктора Элероида и человека в белом. Оба были неподвижны, и лицо помощника уже покрылось смертельной белизной.

Пол из нового перфюрированного покрытия был залит лужами и ручьями крови. Оба были заколоты. И оружие, которое все еще торчало из спины доктора Макса Элероида, было служебным бластером нового образца, с примкнутым штыком и кобурой-прикладом. Больше ничего в этой пустой, ярко освещенной комнате не было. Длинный деревянный ящик вместе с содержимым исчез.

Шатаясь и хватая ртом воздух, словно он тоже получил удар штыком, Хал Самду вскарабкался по лестнице, держа в огромной трясущейся руке бластер с примкнутым штыком, на острие которого все еще дрожала красная капля. Он поднес его к лицу ошарашенного капитана.

— Капитан, вы узнаете это оружие?

Чан внимательно осмотрел его.

— Да. — Он с трудом слогнул. — Я узнаю его по серийному номеру и по инициалам на рукоятке. Он мой.

Хал Самду издал потрясенный яростный звук.

— В таком случае, Деррон, — прохрипел он, когда вновь смог говорить, — вы арестованы. Вы обвиняетесь в неповиновении, пренебрежении обязанностями, предательстве по отношению к Зеленому Холлу и убийстве доктора Макса Элероида и его ассистента Джонаса Твейна. Вы будете содержаться в наручниках без права освобождения под залог или поручительство, вплоть до суда военного трибунала в составе офицеров командования Легиона. Да поможет вам господь, Деррон.

Чан качался, парализованный. В ушах у него ревел далекий ветер. Его окружали черные скалы, сияющий крейсер и грозные люди в зеленом, все туманное и расплывающееся. Он шатался, держась за ускользающее сознание.

— Но это сделал не я... — прохрипел он. — Говорю вам, сэр, что не...

Однако ледяные металлические челюсти уже сомкнулись на его запястьях, и гулкий безжалостный голос Хала Самду проревел:

— А теперь, Деррон, что вы сделали с изобретением Элероида?

Что он сделал с изобретением Элероида? ЧТО ОН СДЕЛАЛ С ИЗОБРЕТЕНИЕМ ЭЛЕРОИДА?.. ЧТО ОН СДЕЛАЛ...

Чан Деррон услышал этот вопрос миллион раз. Он был адресован ему шепотом, ревом, визгом. Он ел его с пищей заключенного, он вдыхал его с влажным тюремным воздухом. Он вбивался в него жесткими людскими кулаками и жег мозг лезвиями жестоких лазерных лучей.

Ему приказывали ответить на этот вопрос, умоляли, его подлавливали, накачивали наркотиками, взвывали к разуму, пытали голодом, обещали свободу и богатство, подвергали исследованиям врачей и психиатров, обещали любые блага — и опять угрожали. Конечно, он не мог ответить.

Только поэтому его оставили в живых, хотя и приговорили к пожизненному заключению.

Суд трибунала состоялся, когда закончилась последняя следственная пытка. Его обвиняли в двойном убийстве и измене. Однако командор Калам в этот день, когда он высадился с огромной экспедицией на зеленой комете, распорядился смягчить наказание, заменив пожизненное заключение на тяжелую работу в тюрьме Легиона на Эброне.

Чан узнал эту новость в тюрьме, и она вызвала у него приступ болезненного отчаяния. Он понял, что теперь ему не позволят умереть, точно так же, как и жить, пока на этот проклятый вопрос не будет найден ответ. А огромная мрачная тюрьма на астероиде, как он и предвидел, не позволит

ему бежать от разгневанных и страшных приказывающих голосов.

Личность — даже личность, обвиненная в преступлении, — имеет гарантию безопасности со стороны Зеленого Холла. И традиции Легиона против жестоких и необычных методов. Безопасность человечества, однако, перевешивала букву закона, и Легион существовал именно для того, чтобы охранять эту безопасность.

Трибунал счел убедительной улику, доказывающую, что Чан Деррон убил Макса Элероида и его помощника и потом, не сумев бежать с новым устройством, каким-то образом избавился от него. Дело выглядело до абсурдного простым. Вопрос был лишь один. Вся организация Легиона неустанно пыталась добиться ответа от Чана, выжать его, как сок из винограда. Но Легион не добился успеха, всего лишь потому, что он не располагал ответом.

Чан прожил два года в тюрьме на Эброне. Потом он бежал.

Еще два года Легион охотился за ним.

ЗНАК ВАСИЛИСКА

— Нет. — Джей Калам оторвал усталый взгляд от документов, разложенных перед ним на длинном столе в башне Зеленого Холла. — Скажи Гаспару Ханнасу, что я не могу с ним поговорить. — Голос его был вялым от утомления. — Сегодня вечером — не могу.

Он просто смертельно устал. Командуя огромной исследовательской экспедицией, занятой изучением наук и искусств полузавоеванной кометы, он провел три небывалых, изнурительных года среди этого множества изумительных миров за заленым барьером.

Спустя несколько месяцев на постоянной базе экспедиции на станции Контр-Сатурн он направил первый

предварительный анализ и классификацию результатов экспедиции – записи о сотнях невиданных открытий, совершенных на этих древних плененных мирах.

Затем иные, более безотлагательные задачи заставили его вернуться на Землю. Несколько встревоженных деятелей Зеленого Холла связали кампанию с целью уничтожения удаляющейся кометы посредством АККА.

Командор, взамен за полное сотрудничество освобожденных обитателей кометы, пообещавший им беспрепятственный уход, оставил юного Роберта Стара руководить наполовину засекреченной, тяжело укрепленной базой и вернулся в Зеленый Холл бороться за жизнь кометы.

Наконец, он одержал победу. Новые кометчики ушли за пределы наблюдения самых огромных телескопов, дав клятву, что никогда не возвратятся. И Джей Калам чувствовал слабость и вялость от изнурения. Осталось еще несколько докладов – секретных документов, касающихся смертоносного, аннигилирующего материю оружия кометчиков, и он должен направиться в резиденцию Джона Стара на Фобосе на отдых.

– Но, командор... – Огорченный настойчивый голос деловито гудел в переговорном устройстве. – Гаспар Ханнас – владелец Новой луны. И он говорит, что это безотлагательно.

Вытянутое лицо командора стало жестким.

– Я переговорю с ним, когда вернусь из Пурпурного Холла, – сказал он. – Мы уже отправили Адмирала-Генерала Самду с десятью крейсерами, чтобы он помог Хансу поймать вора.

– Однако это им не удалось, сэр, – запротестовал адъютант. – В срочном докладе Адмирала-Генерала Самду сообщается...

– Самду командует этим, – голос Джая Калама был хриплым от усталости, – он не должен докладывать. – Он вздохнул и пригладил пальцами белую прядку, которую

вывез с кометы. — Если вор — действительно Чан Деррон, — пробормотал он, — им это снова может не удастся.

Безвольно откинувшись в кресле за столом, заваленным бумагами, он позволил усталым глазам смотреть в окно. Там было темно. За пятью низкими конусами потухших вулканов на черном горизонте на фоне тающего зеленоватого заката поднималась Новая Луна.

Не тот древний спутник, чье исковерканное лицо смотрело на Землю с момента зарождения жизни, а тот, что был сооружен взамен предыдущего своим — секретным унаследованным оружием вместе с форпостом пришельцев мэдузиан.

Новая Луна действительно была новой — сверкающее творение современной науки и огромных средств, горделивый триумф инженерии тридцатого столетия. Центром ее была огромная гексагональная структура, сваренная из металла, десяти миль в ширину и восьмидесяти кубических миль в объеме.

Гораздо ближе к Земле, чем прежняя Луна, новый спутник имел период обращения всего лишь шесть часов. С Земли его движение казалось более быстрым и тем более замечательным, что происходило по той же орбите, что и прежде. Она поднималась на западе, двигалась против перемещения звезд и опускалась там, где прежде поднималась Луна.

Новую Луну замышляли построить замечательной. Вращающаяся паутина стальных нитей, натянутых центробежной силой, простиравшаяся на тысячу миль от нее. Они удерживали сложную систему вращающихся зеркал из натриевой фольги и скользящих цветных фильтров из целлулита. Отражаемый солнечный свет применялся для освещения величайшей из существовавших когда-либо реклам.

Тонкая рука командора устало потянулась к толстой папке страниц с зеленым шифром, озаглавленных: «ДОКЛАДЫ КОМЕТАРНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, ДЖ. КАЛАМ, ДИРЕКТОР. ДОКЛАД СХЛVIII:

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ МЕТОДОВ И ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ НЕОБРАТИМОЙ РЕДУКЦИИ МАТЕРИИ В НЕЙТРОННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ».

Но поднимающаяся надпись, как и было предназначено, притягивала его взгляд. Это был круг алых звезд, лежащих на зеленоватом диске. Звезды быстро вращались, появлялись и исчезали, неожиданно меняя цвет на бледно-желтый. Синевато-оранжевые буквы сливались в текст:

«Устали, мистер? Скучно, сестрица? Тогда пойдем со мной!» Диск превратился в оконтуренную красным живую картинку стройной девушки в белом, идущей по проходу салона лайнера на Новую Луну. Она повернулась, и веселая приглашающая улыбка сменилась огненными словами: «Летите на Новую Луну и скажите только, что вам нужно. У Гаспара Ханнаса есть для вас все».

— Все, — улыбнулся Джей Калам мрачно. — Даже лучшие в Системе преступники.

«Обретите здоровье в нашем санатории! Сыграйте в наши спортивные игры при нулевой тяжести! Отдохните в наших клубах и театрах! Побывайте в наших музеях и обсерваториях! Неожиданности и красота — везде! Вам может улыбнуться фортуна в наших игровых салонах! Даже избавление, если вы жаждете его, можно найти в нашей Клинике Эфтанизии!»

— Но то же самое, — прошептал Джей Калам, — я могу найти в спокойной обстановке в доме Джона Стара на Фобосе.

Командор вдруг напрягся за своим столом.

Потому что огромная надпись — начатое чьей-то рукой очередное приглашение — неожиданно замерцала. И погасла. Миг она отсутствовала. Затем появились красные чудовищные буквы, слившиеся в его собственное имя!

«КАЛАМ!»

Вновь тьма. Затем огненные алые символы:

«Г-39».

Затем взрыв красно-белой пиротехники стер эту надпись. Одна голубая искра превратилась в огромную голубую звезду. Звезда опять стала Лунной Девушкой. Она смеялась, она снова приглашала.

Однако Джей Калам больше не смотрел на рекламу. Ибо Г-39 было его собственным кодом для вызова в чрезвычайно важных случаях. По руке поползли мурашки холодного предчувствия, когда он касался диска коммуникатора.

— Хорошо, Ландо, — сказал он адъютанту. — Дай мне Ханнаса по видеоволновой связи.

Создатель и хозяин роскошнейшего, великолепнейшего из всех курортов, Гаспар Ханнас появился на сцене неведомо откуда. Слухи о его прошлом — что он был космическим пиратом, торговцем наркотиками, агентом-androидом, нечестным игроком, боссом гангстеров и рэкетиром — были многочисленны и порой противоречивы.

Первоначально Новая Луна была устарелым космическим лайнером, выведенным на орбиту Земли двадцать лет назад. Синдикат Новой Луны, владевший чартером на судно, во время суматохи, последовавшей после начала Первой Межзвездной войны, получил для этого корабля статус полунезависимой планеты, что позволило превратить его в убежище от наиболее строгих законов Земли и остальных планет Системы. Гаспар Ханнас, глава синдиката, не поддавался разгневанным реформаторам и уверенно процветал.

Диковинный искусственный спутник, впервые открытый для публики десятилетие назад, заменил целый флот роскошных лайнеров, курсировавших прежде вокруг Земли. Финансовые дела синдиката были малопонятны — Ханнаса называли, помимо прочих имен, бесчувственным коммерческим спрутом, — но новый курорт был явно выгодным предприятием, эффективно управляемым Ханнасом и его специальной полицией.

Его враги — недостатка в них не было — предпочитали называть этого человека пауком. И, действительно, его реклама в небе напоминала паучью сеть. Действительно, в нее

попадали миллионы и оставляли там свое состояние — или даже, если они принимали мертвенно-черный жетон, который выдавали крупье по первой просьбе любого игрока, и жизнь.

Самому Ханнасу, должно быть, было около шестидесяти. Однако, когда он сидел, огромный и неспокойный, за странным круглым столом в своем офисе, глядя на мотающуюся ленту с записью выигрышер в залах, потягивая темное марсианско пиво, от которого никогда не хмелел, ни один сторонний наблюдатель не мог угадать его возраста за коростой, оставленной годами, или угадать что-либо в движении его лица.

Ибо лицо Гаспара Ханнаса, говорили люди, менялось с его удачей. Они говорили, что его старое лицо слишком хорошо отражало его подлинную сущность. Оно было покрыто шрамами слишком многих битв. И, как шептали люди, на нем был отпечаток слишком многих наград. Нынче лицо Гаспара Ханнаса, словно плоть его огромных безобразных рук, было белым как смерть — даже более, как мог установить внимательный наблюдатель, чем крошечные шрамы, оставленные хирургами. Бледность эта была непонятна. Единственное, проглядывающееся выражение — улыбка, которая делала эту белую поверхность похожей на лицо чудовищно выросшего ребенка-идиота.

Глаза его, посаженные далеко друг от друга и глубоко погруженные в белый лысый череп, были острыми и черными как ночь. За этой идиотской улыбкой они хранили непонятную проницательность. Однако их темная пристальная неподвижность никогда не открывала того, что происходило в мозгу Гаспара Ханнаса.

Такое лицо, признавали люди, было чрезвычайно подходящим для человека с подобным родом занятий. Вот почему Джей Калам ждал, глядя в сияющий овал видеоволнового аппарата (одно из первых полезных приобретений Земли с завоеванной кометы, этот аппарат использовал мгновенные

ахронные силовые поля, которыми прекрасная беженка, Кай Нимиди, пользовалась, чтобы спастись с кометы).

Пластина замерцала, и Джей Калам увидел огромные ровные черты хозяина Новой Луны. Но теперь даже бесчувственная улыбка не могла скрыть пожирающей его тревоги. Белизна превратилась в призрачную бледность.

Он хрипело дышал, и все его огромное тело трепетало.

— Командор... командор... — Сильный голос был сухим и переполненным ужасом. — Вы должны мне помочь!

— Что вы хотите, Ханнас? — бесстрастно спросил Джей Калам. — И почему вы сочли возможным воспользоваться моим чрезвычайным кодом для вызова — когда у вас уже есть флот Легиона, охраняющий ваши владения?

Гаспар Ханнас по-прежнему улыбался глупой улыбкой младенца, однако его ровный белый лоб был покрыт крупными каплями пота.

— Но Адмирал-Генерал дал добро, — прохрипел он. — Он согласился, что ситуация чрезвычайная. Он сейчас здесь, у меня, командор.

— В чем же дело?

— Этот человек... этот монстр... который называет себя Василиском! — Голос звучал хрипело и дико. — Он разрушает меня, командор! Разрушает Новую Луну! Одно время знает, когда он остановится!

— Что он сделал?

— Минувшей ночью он забрал еще одного патрона. Это был человек, получивший крупнейший выигрыш в бакара, плантатор с астероидов Гловио Филд. Моя полиция сопровождала его вместе с выигрышем к его яхте. Они доставили его туда в целости и сохранности. Однако его выкрадли из задраенного шлюза, командор, вместе со всем его выигрышем.

Джей Калам пригладил белую прядку.

— Еще одно ограбление игрока? — Его усталые глаза прищурились. — Такое на Новой Луне случается часто, но зачем же вам, Ханнас, потребовалось вызывать Легион?

Напряженность и тревога сделали белую глупую улыбку жестокой.

— Ограбление — это еще не все, командор. Гловио Филд мертв. Его тело только что найдено в морге возле крематория, в Клинике Эфтаназии. И в одной руке он сжимал маленькую глиняную змейку из тех, которыми Василиск отмечает свои преступления.

— Что его убило?

— Его удушили! — громыхнул Гаспар Ханнас. — Зеленым шелковым шарфом. — В этих глубоких черных глазах за бессмысленной маской Джей Калам видел мерцание жуткого света. Света обвинения или торжества — непонятно. Он с золотой каймой, командор, — произнес Ханнас гулко, — и с крыльышками Легиона Пространства.

Вытянутое лицо Джая Калама напряглось.

— Если в этом преступлении виновен человек из Легиона, он будет наказан, — сказал он. — Однако я по-прежнему не вижу, зачем меня понадобилось так срочно вызывать. В чем дело, вам что, собственной полиции недостаточно? У вас девять тысяч самых крепких в Системе людей. Заставьте их вести расследование.

В черных глазах появилось тоскливо выражение.

— Командор, вы не поняли. Это... это бесполезно! Воздушный шлюз был задраен. Морг был заперт и остался заперт. Никто ничего не понимает. Никто...

— Я совеетую, — сказал Джей Калам, — чтобы вы провели собственных людей. Вы сказали, что Адмирал-Генерал Самду с вами?

Гладкое белое лицо заменило грубое некрасивое красное, но столь же огромное. Черты Самду под снежно-белыми волосами были жестки и искажены непониманием и изумлением.

Командор приветливо улыбнулся.

— Ну что ж, Хал, в чем дело?

Исковерканное красное лицо исказилось, голубые глаза потемнели словно от боли.

— Я не знаю, что и сказать, Джей. — Голос звучал тревожно. — Тут комар носа не подточит. — Его пальцы сжались в огромные кулаки. — Однако это очень важно, Джей! Я знаю это! Я чувствую! Это начало чего-то ужасного. Это может обернуться так же худо, как и с кометчиками!

Джей Калам покачал усталой темной головой.

— Я не вижу ничего столь мрачного...

Хал Самду подался вперед и стукнул по экрану бессильными кулаками.

— Ну что же, Джей, — громыхнул он, — может быть, ты прислушаешься вот к чему. — Голос его понизился, в нем было бессознательное опасение. — Я, как тебе известно, занимался делом Деррона с того времени, как мы вернулись с кометы. Да, я его не схватил, этого человека просто не оказалось там. Но я нашел следы И...

Голос его еще больше понизился.

— Командор, у меня есть улики, что Василиск — это Чан Деррон.

— Весьма возможно, — кивнул Джей Калам.

— Не было никакого Василиска, пока чан Деррон не покинул место заключения, — подтвердил Хал Самду. — И вскоре после этого он появился. Он начал с мелочей. Экспериментировал. Проверял свою силу — то оружие, ради которого он убил Макса Элероида! Одно время знает, как ему удалось спрятать оружие среди тех скал, где мы прочесали каждый квадратный дюйм, — если только он не воспользовался геопеллером. Однако теперь у него есть эта неведомая и грозная вещь.

Огромные ладони сцепились вместе, побелев от боли.

— И он с нею становится все более уверенным. Наглеет! Каждое дело, которое он затевает, рискованнее предыдущего. Говорю тебе, Джей, что человек, который ограбил и убил Гловио Филда, способен на все, НА ВСЕ!

Голос Хала Самду опять понизился. Он ломался и содрогался от тревоги.

— Мне не хотелось бы говорить об этом, Джей, по волновой связи. Но если этот человек, Василиск, или Деррон, способен на такое, что он сделал минувшей ночью, то она не в безопасности! Или... оно!

Джей Калам напрягся. Он не мог не понять, что означали эти «она» и «оно». Он и великан, и Жиль Хабибула слишком долго были стражниками Ладори Антар и бесценной тайны, которую она берегла: загадочного оружия под символом АККА, само существование которого было щитом для человечества.

Если Хранитель Мира в опасности...

— Хорошо, Хал, — сказал он. — Я отправляюсь на Новую Луну...

— И еще одно, Джей... — Грубое лицо было напряженным и встревоженным. — Возьми с собой Жиля Хабибулу.

— Но он на Фобосе, — возразил командор, — и Марс сейчас в ста градусах от меня. Мне понадобится полдня, чтобы до него добраться. И я не вижу...

— Вызови Джона Стара, — взмолился огромный легионер, — и пусть он пошлет Жиля к тебе навстречу. Трезвого или пьяного. Потому что нам Жиль понадобится прежде, чем что-то случится. Я знаю, что он состарился и потолстел. Однако у него есть дар — талант, который нам нужен...

— Хорошо, Хал, — кивнул Джей Калам. — Я доставлю Жиля Хабибулу.

— Спасибо, командор. — Это был мощный хриплый голос Гаспара Ханнаса. Теперь на видеоволновом экране возле не-причесанной головы Хала Самду появилось огромное, идиотски улыбающееся лицо Ханнаса. — И торопитесь, ради бога!

Джей Калам послал вызов на Фобос по ультракоротковолновой связи — более быстродействующее видеоволновое оборудование, находящееся пока что в стадии эксперимента, там еще не было установлено. Он приказал «Непреклонному» — мощному кораблю, однотипному с погибшим «Непобедимым», — быть готовым к отправлению. Он уже

поднялся и выходил из офиса, когда увидел маленькую глиняную змейку.

Она лежала на толстой зеленой папке рапорта, над которым он работал несколько минут назад. А под змейкой находился квадрат плотной ярко-красной бумаги.

— Ха! — У него перехватило дыхание. — Как это сюда попало?

Он быстро осмотрел комнату. Массивная дверь была закрыта, адъютант сидел, как ни в чем небывало, за витрилитовой панелью и бдительно нес службу. Окна были закрыты, вентиляционные решетки — невредимы...

— Не может быть...

Определенно, он не слышал движения, звука шагов. Кометчики обладали невидимостью, однако даже невидимке необходимо открыть окно или дверь. В смятении, чувствуя холодное касание страха, он потряс головой и поднял змейку...

Она была достаточно грубой. Наспех слепленная статуэтка, обожженная дочерна. Она лежала двойным кольцом, положив голову на хвост так, что образовывала букву В.

Откуда она появилась?

Затем его тонкие, слегка дрожащие руки распечатали плотный красный конверт. На верху листа был другой отпечаток змеи в форме буквы В. Под нею аккуратный текст, словно нанесенный рукой гравера. Чернила были достаточно свежими, чтобы пачкать пальцы.

«Мой дорогой Калам!

Поскольку вы собираетесь на Новую Луну, не будете ли вы так любезны передать Гаспару Ханнасу от меня послание? Прошу сказать ему, что ничто, даже защита Легиона Пространства, не спасет его самых удачливых патронов от судьбы Гловио Филда.

Василиск.»

ИСТОЧНИК ЗЛА

Как ни странно, солнечная система плоская. Два измерения плоскости эклиптики загромождены мирами и их спутниками, различными обломками метеоров и кометами. Но третье измерение пустует.

Внешний межпланетный транспорт, в соответствии с древними законами космического движения, идет по дуге к северу плоскости эклиптики, затем несколько к югу, чтобы избежать обломков Системы и встречных столкновений. За пределами области этих установленных рейсов нельзя встретить ничего.

Однако на этот раз крошечный корабль двигался прочь от солнца, параллельно эклиптике и в двухстах миллионах миль за пределами области космических рейсов. Его корпус был покрыт крошечными фотоэлектронными ячейками, способными впитывать любую случайную радиацию, что делало корабль, когда они были задействованы, совершенно невидимым в пространстве.

Менее тридцати футов в длину, имея вес в какие-то несколько тонн, что делало его незаметным для детектора массы на крейсере Легиона в пределах десяти миллионов миль, корабль обладал скоростью, позволяющей ему уйти от самого быстрого из кораблей Легиона.

Его геодины были нового типа, разработанные Максом Элероидом. Гораздо более мощные, чем прежние, они были так точно подогнаны и сбалансированы, что корабль мог приземляться на планету или даже маневрировать с их помощью при угрозе столкновения, не пользуясь вспомогательными дюзами.

«Атом-Фантом» был предназначен для экипажа из четырех человек. Но сейчас на борту был только один, и он мрачно смотрел на собственный портрет, прикрепленный рядом с другим на металлической выпуклости напротив витрилового обзорного окна пилота.

«СТО ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ НАГРАДЫ!»

Это был заголовок, набранный округлыми малиновыми буквами, помещенный над цветным изображением. Под ним помещался более мелкий текст:

«Эта сумма будет выплачена Легионом Пространства за помочь и информацию, которые дадут возможность арестовать или уничтожить Чана Деррона, беглого преступника, известного также под кличкой „Василиск“.

Приметы: рост — шесть футов три дюйма. Земной вес — двести десять. Волосы бронзового цвета. Сложение мощное, сильный космический загар. Глаза серые. Небольшие шрамы на лице, шее, спине, поскольку он подвергался особым формам допроса.

Этот человек силен физически, образован и безрассудно смел. Бывший капитан Легиона, он был обвинен в убийстве и измене. Два года назад он бежал из тюрьмы Легиона на Эброне. Его следы были найдены на нескольких планетах.

Власти всех планет предупреждены, что Деррон опасен. Он прошел подготовку в Академии Легиона. Предполагается, что он вооружен таинственным и очень опасным оружием. Рекомендуется обезвредить его, прежде чем приступить к задержанию.

Джей Калам, командир Легиона Пространства.»

За четыре года человек и портрет приобрели много отличий. Портрет, сделанный после ареста, выглядел достаточно тусклым и мрачным. Однако за эти горькие четыре года Чан Деррон стал крепче, выше и сильнее. Прежняя откровенная ребячливая простота покинула загорелое лицо, и на ее месте появилось что-то свирепое.

Он повернулся от своего портрета к другому, помещенному рядом. Огромная коричневая рука отдала честь, и короткая сардоническая ухмылка появилась на лице с квадратной челюстью.

— Что, Леруа, теперь мы товарищи? — пробормотал он. — Вместе против Легиона?

Второе объявление он взял там же, где нашел свой портрет, — в старом, с глиняными стенами, Икархеньюме на Марсе. Оба объявления были помещены друг подле друга на верхней части доски — они предлагали две самые крупные награды. И он был поражен изысканной, поразительной красотой этого лица.

Женское лицо — красота уже за пределами совершенства. Под темными, с рыжим отливом волосами черты правильные и белые. Глаза — чистый изумруд, широко поставленные, со слабым намеком на косоглазие. Рот, красный, полногубый, улыбался со скрытой иронией.

И текст под портретом гласил:

«Зеленый Холл, Легион Пространства и различные планетарные правительства обещают награду в двести пятьдесят тысяч долларов за существо по имени Леруа, изображенное выше, живое или мертвое.

Это не человеческое существо, а женщина-андроид.

История появления андроидов не очень хорошо известна. Однако в течение многих лет в своей лаборатории, укрытой на удаленном планетоиде, одаренный преступный биолог Эльдо Арруни занимался производством этих незаконных существ. Он руководил организацией преступников и сколотил огромное состоянение на контрабандной торговле этими опасными существами, сбывая их богатым покупателям по всей Системе.

Стивен Орко, мужской андроид, чьи беспринципность и коварство едва не привели к уничтожению Системы во время войны с кометчиками, типичный из этих безнравственных существ: совершенный телом, непревзойденный интеллектом, но абсолютно бесчеловечный.

Леруа была последним созданием Эльдо Арруни, и считается, что она — последний из существующих андроидов. Ученый отказался продать ее. Он держал ее при себе до самого нападения кометчиков. Однако она бежала, когда все остальные на планетоиде были убиты. С тех пор она —

одаренная и безжалостная руководительница остатков этой межпланетной банды.

Кроме этого портрета, обнаруженного в документах на планетоиде, других описаний андроида Леруа нет.

Власти предупреждены, что это безжалостное существо обладает феноменальным мозгом, совершенно свободно от всех человеческих нравственных норм и что ее красота — наиболее смертоносное ее оружие. Она полностью обучена многим научным дисциплинам, физически более сильна и быстра, чем большинство мужчин, и прекрасно владеет большинством видов оружия. Рекомендуется уничтожить ее по опознанию.

Джей Калам, командир Легиона Пространства.»

— Четверть миллиона, милочка! — прошептал Чан Деррон. — И, я думаю, ты их стоишь. — На темном лице снова появилась жестокая ухмылка. — Надеюсь, они знают сейчас о твоем местонахождении не больше, чем о моем.

Он послал улыбающемуся портрету воздушный поцелуй большой коричневой рукой и вновь склонился над покрытой колпаком пластиной курсопрокладчика. Мили микроФильмов, крохотные винтики, гаечки и шестеренки, немыслимых форм призмы и линзы давали полную стереоскопическую картину Системы в любой момент из тысячи лет. Интеграторы могли быстро рассчитать скорейший, безопаснейший и экономически выгоднейший маршрут из одной точки в любую другую.

Он нашел крошечную светлую искорку Оберона, внешнего спутника затянутого зеленым облаком Урана. Большие руки проворно двигались по дискам, ловя искорку в тройное перекрестье на смотровом экране. Он считал местоположение с индикаторов и набрал его на клавиатуре. А потом, пока гудящий механизм анализировал и опять интегрировал многие гармоничные факторы, вовлеченные в движение «Атома-Фантома» через миллионы миль пространства к безопасной посадке на холодном и безжизненном спутнике,

сияющие бронзой глаза снова обратились к портрету на стенке.

— Ну что ж, Леруа, — произнес он медленно. — Я полагаю, нам надо попрощаться. — Он грустно покачал рукой, прощаюсь с белой и ироничной красотой. — Видишь ли, из нас могла бы получиться отличная парочка, будь у меня то, ради чего за мной гоняется Легион.

Бронзовая голова качалась, коричневое лицо было задумчивым.

— Но у меня этого нет, миледи. Я не безрассудный пират космоса — если в этом не возникает необходимости. Я — всего лишь обычный солдат Легиона, которому невероятно, немыслимо не везет. И у меня нет «тайного и очень опасного оружия».

Голова его чуть приподнялась. Голос смягчился, стал проникновенным.

— Однако у меня есть один секрет, Леруа.

Вновь улыбнувшись, он показал на ряд цифр на странице журнала возле пластины под колпаком.

— Это не секретное оружие, — прошептал он. — И ничего похожего на тайну твоей жизни, Леруа. Но этого достаточно, чтобы дать мне новую надежду. — Большая голова резко поднялась, и в этом движении была горделивость. — Это означает еще один шанс.

Некоторое время он молча глядел на улыбающийся портрет зеленоглазой красавицы Леруа, смотревшей в ответ, как ему показалось, чуть ли не с ироничным сочувствием.

— Дело было так, моя дорогая, — сказал он. — В последний раз, когда за мной гнался Хал Самду, я оторвался на сто миллионов миль от его флота, забираясь к северу. Я ушел далеко за пределы видимости. Или за пределы нормальных масс-детекторов. Я осуществлял хитрый маневр, пытаясь выяснить, сидит ли у меня на хвосте старик Хал Самду, когда кое-что обнаружил.

Он погрозил ей пальцем.

— Не спрашивай, что именно, Леруа. Это слишком далеко, какое бы там ни было альбедо, чтобы можно увидеть в лучший телескоп. Однако масса объекта порядка двадцати миллионов тонн, а расстояние до него приблизительно десять миллиардов миль, как я установил методом триангуляции.

Неважно, что это. Глыба камня или обломок, прилетевший из созвездия Андромеды. Я направляюсь туда. Еще одна посадка для начала, на какой-нибудь удаленной станции, чтобы запастись едой и катодными платами. А после этого я отчалию. Я узнаю, что там. Я проведу кое-какие исследования, как и задумал. И... ну что ж, прощай.

Вдруг легкомысленное настроение Чана Деррона стало исчезать. В голосе появилась хрипотца.

— Подожди, — прошептал он медленно. — С помощью оборудования, размещенного на маленьком «Атоме-Фантоме» для производства воды, пищи и воздуха, я могу прожить длительное время. Я могу ждать и слушать. Даже на таком расстоянии я должен улавливать что-нибудь вроде радиоволн — этого будет достаточно для того, чтобы знать, что Чан Деррон сможет когда-нибудь вернуться. — Он опять попытался ухмыльнуться и помахал рукой портрету Леруа.

— Прощай, моя дорогая, — сказал он осипшим голосом.

— Точнее, я надеюсь, до свидания. Тебе, Легиону и Системе. Всем мужчинам и женщинам, которых я когда-либо знал. Каждой улице, по которой я ходил. Каждой птице и каждому дереву. Каждому живому существу, которое я когда-либо видел. До свидания...

Внезапно Чан Деррон сглотнул. Он быстро отвернулся от портретов и уставился в пустынную даль космоса. Глаза моргнули раз-другой. А большие загорелые руки напряглись, стали как железо, застыв на ручке верньера «Атома-Фантома».

Геодины тихо музыкально гудели. Автопилот чуть слышно и медленно пощелкивал. Чан Деррон смотрел на север, вглядываясь во тьму в пятнах звезд. Там, где-то в

созвездии Дракона, находился неведомый объект, единственная оставленная ему возможность.

Так и должно быть, подумал он. Молчание и темнота. Он должен был слышать шепот машин и собственный скрипучий голос, и ничего больше. Он слишком много разговаривал сам с собой.

Тчллинк!

Это был тихий короткий звук. Но Чан Деррон напрягся, словно услышал треск при ударе метеора. Он повернулся, и рука потянулась к бластеру, висящему в кобуре на стенке. Затем он увидел предмет, который произвел этот звук, — он лежал на смотровой пластине курсопрокладчика.

Дыхание покинуло его. Рука соскользнула с оружия. Огромные плечи слегка поникли. Он долгое время смотрел на него, и сила и надежда уходили из него, словно кровь из раны.

— Даже здесь. — Бронзовая голова устало качнулась. — Даже сюда добрались!

Наконец, он медленно поднял конверт из плотной красной бумаги, лежащий под грубой черной змейкой из обожженной глины. Он прочитал черные буквы текста:

«Мой дорогой капитан Деррон!

Поздравляю в связи с вашим великолепным и отважным бегством. Самду давно повернул назад, чтобы попытаться защитить Новую Луну — от меня! Сейчас вы в безопасности. Однако я считаю своим долгом предупредить вас о двух опасностях.

Вам следует соблюдать осторожность, когда вы приблизитесь к спутникам Урана. Потому что база Легиона предупреждена о том, что вы можете туда наведаться.

И боюсь, капитан, что на вас ляжет ответственность за то, что будет происходить каждую полночь на Новой Луне, — несмотря на то, что вы от нее в миллионах миль.

Ваша преданная тень, Василиск.»

Холодный ужас вонзился в позвоночник Чана Деррона, словно парализующая игла. Он стоял, недвижимый,

ошеломленный. Издевательское послание — казалось, насмешка так и течет с красной бумаги. И холодный страх медленно полз по парализованному телу.

Было более чем страшно знать, что за каждым его шагом следует зловещая и неизбежная сила. Страшно знать, что безжалостная рука Василиска сможет дотянуться до него даже здесь. Всемогущество! Вездесущность! Власть, поистине божественная, в руках... чьих?

Он почти ощущал это страшное присутствие. Он осмотрел крошечную пилотскую рубку. Она была едва освещена лампочками приборов, прикрытыми колпачками, и слабым светом звезд через иллюминаторы. Он включил более яркое освещение. Захотелось обыскать корабль. Но, конечно, это было бесполезно. Здесь ничего не было. Детекторы массы, установленные им загодя, предупредили бы о приближении массы человеческого тела за миллионы миль до корабля.

Он затаил дыхание, пытаясь стряхнуть этот тряский ход, и заставил себя заговорить.

— Зачем тебе следить за мной? — взмолился он в пустоту.
— Я полагал, что нужен тебе, чтобы взвалить на меня вину, потому что я был рядом, когда ты убил доктора Элероида. Но разве я недостаточно страдал ни за что?

Он поднял к груди огромные сжатые кулаки. Он заставил себя произносить слова и пытался при этом не дать страху и одиночеству сломать его мозг. Однако не мог справиться с потоком горьких воспоминаний. С того момента, когда он бежал на легком крейсере, который впоследствии переделал в «Атом-Фантом», он пытался уйти от безжалостного и всемогущего мучителя. Все, что он хотел, — шанс или половину шанса, чтобы начать новую жизнь под новой личиной. Где угодно!

Но этот человек, если это был человек, известный под именем знаменитого дракона и оставлявший на месте преступления следы, которые наводили на мысль об ответственности Чана Деррона, — этот Василиск не давал ему уйти.

Так было в тот раз, когда он приземлился на одинокой плантации на Церере, надеясь купить припасы на несколько фунтов платины, которую добывал, случайно оказавшись в метеорном потоке. Он нашел плантатора и его жену убитыми, их добро разграбленным, а крейсер Легиона — приближающимся. Ему едва удалось оторваться, вовремя вскочив в рубку «Атома-Фантома».

Бронзово-серые глаза заморгали, когда он подумал о старом Икархенюме, где он спрятал в пустыне свой маленький корабль и занялся честной лабораторной работой. В первый же его рабочий день в офисе его работодателя был взломан сейф, а наворованное нашли в столе Чана.

— И это — меньше половины! — Он пытался сдержаться, однако свирепое чувство вновь заставило его взорваться речью: — Был еще случай, когда я оставил «Атом-Фантом» на смещенной орбите вокруг Венеры и спустился в джунгли на геопеллере. Зарыл в лесу скафандр и проскользнул в Новый Чикаго. В тот раз ты позволил мне думать, что я ушел...

Он попытался засмеяться, но вместо этого всхлипнул.

— И вдруг я увидел мое лицо на всех телезрекранах! Разыскивается за очередное убийство... — Он тяжело поежился. — Убийство охранника в Земном Банке, и мое лицо на кинофильме во время преступления. Не знаю, как тебе удалось это подстроить.

Разве всего этого недостаточно?

Выталкивая изо рта бесполезные слова, он опять обвел взглядом пилотскую рубку. Он был один. Лишь автопилот тихонько пощелкивал, возвращая крейсер на курс, и безмолвная глиняная змейка лежала на плотном красном листке, и над ими — холодный взгляд насмешливых глаз.

— Что ж, мистер Василиск!..

Он вдруг схватил змейку и вдребезги разбил ее о палубу. Свирипый гнев охватил его, перехватил дыхание, потряс члены, заревел в ушах.

— Гляди, — прохрипел он. — Я все равно уйду. Не знаю, как я смогу отвязаться от тебя и от Легиона! Но... смотри!

Он остановил геодины и мрачно повернулся к курсопрограмматору. Зеленоватая панель показала ему пятнышко Земли, а рядом с ней — серебристый атом Новой Луны. Он считал координаты с калиброванного экрана и повернулся к компьютеру, чтобы набрать данные для первой безнадежной попытки сопротивления неведомому мучителю.

ГОЛУБОЙ ЕДИНОРОГ

Могущественный «Непреклонный» плавно скользнул на стоянку возле одного из шести огромных трубчатых рукавов структуры Новой Луны. Мощные краны поставили эту тысячетонную массу на причал. Люки открылись для связи с искусственным спутником.

Трое в штатском сидели за столом в длинном, роскошно-простом салоне, находящемся на корме флагмана. Стойкий мужчина предпочитал консервативный темный цвет — на нем был пошитый высокооплачиваемым портным штатский наряд. Беловолосый, с грубым лицом великан был наряжен в просторные шелка, отражавшие все возможные оттенки зеркал Новой Луны. Он с явным сожалением расстался с иконостасом медалей. На третьем был безвкусно подобранный серый костюм; владелец его, человек с короткой, но массивной фигурой, держал в рыхлой желтой руке тяжелую трость.

— Во имя жизни, Джей, что за смертельная спешка? — Круглый, в голубых прожилках нос Жиля Хабибулы вопросительно нацелился на высокого командора. — Мы только что присели, чтобы перевести дух после ужасной гонки в пространстве. Нам следовало бы хоть пообедать. Джей! А ты уже говоришь, что мы должны отправляться.

Огромный Хал Самду мрачно посмотрел на него.

— Эта спешка повредила бы тебе, Жиль, — сказал он, — не засни ты пьяным сном. И ты уже перекусил из запасов

Джея — таким количеством еды можно было бы накормить венерианского горокса.

Джей Калам мрачно кивнул.

— Мы на Новой Луне, Жиль. Нас ждет у люка Гаспар Хан-нас. У нас впереди работа.

Жиль Хабибула покачал морщинистым желтым шаром головы и обратил взгляд молящих рыбьих глаз на командора.

— Мне не вынести этого, Джей, — захныкал он. — Такое мне не по силам. — Он показал большим пальцем на выпирающее брюхо. — Взгляни на бедного старого Жиля Хабибулу. Он стар, он очень стар. Он должен получить свою порцию вина. У него должна быть трость, чтобы поддерживать его неуклюжую походку. Он скоро умрет, бедный Жиль.

Бледные глаза моргнули.

— Да-да, умрет, если ученые не откроют секрет омоложения. И как можно быстрее. На этой самой Новой Луне есть специалист, который обещает это устроить. Однако Джон Стар меня не отпускал.

Он печально вздохнул.

— Ах, весь мир в смертельном заговоре против Жиля Хабибулы. Он сидел в Пурпурном Холле и выпивал свою драгоценную каплю счастья. Ибо Фобос — приятный мир, Джей. Солнышко в саду ласково к больным старым костям. Джон Стар — гостеприимный хозяин, он никогда не прогоняет своих гостей из-за стола, Джей! Ах, и как приятно видеть каждый день Аладори, видеть, как она счастлива с Джоном Старом, Джей, после всех тех опасностей, которые выпали на нашу долю. Как приятно быть рядом, оберегать ее на тот случай, если снова придет беда.

Казалось, его лицо стало чуть улыбчивей.

— Это доставляет старому одинокому, никому не нужному солдату крошечное время счастья, Джей, когда он нянчит на колене крошечную дочурку Боба Стара. И когда он видит Кай, по-прежнему такую же прекрасную, несмотря на все те ужасы, которые приключились с ней на комете, и с

таким нетерпением ждущую возвращения Боба домой. Доктора говорят, что следующим будет мальчик. Но это секрет, Джей!

Тяжело откинувшись в кресле, старик вновь вздохнул.

— Старый Жиль был счастлив на Фобосе, Джей, настолько счастлив, насколько это возможно для старого разбитого умирающего легионера. Он получал свой ужин среди дорогих знакомых лиц. Он потягивал свою драгоценную капельку вина. Он тихонько дремал где-нибудь в уголке, и скажи, разве старый бедный солдат этого не заслужил? Однако — нет!

Взгляд бледных глаз стал обвиняющим.

— Это ужасно плохо, Джей, так пугать старых людей. Ах, ты заставил меня подумать о медузианах. И о том злодее Орко и об ужасных кометчиках. — Он наклонился вперед, и на лице его было нетерпение. — Скажи старому Жилю, что все в порядке, Джей! Скажи, что это всего лишь чудовищная шутка!

Глазки его постоянно бегали туда-сюда, от мрачного лица Джея Калама к хмурому грубому лицу Хала Самду. Морщинистое лицо медленно покрылось бледной болезненной желтизной.

— Во имя жизни! — воскликнул он. — Неужели это столь смертельно серьезно? Говори, Джей. Скажи старому Жилю, прежде чем его старый мозг даст трещину.

Поднявшись возле стола, Джей Калам покачал головой.

— Я мало что могу сказать, Жиль, — произнес он. — Мы имеем дело с преступником, который именует себя Василиском. Он приобрел какую-то нечистую власть над пространством: расстояние и вещественные преграды, похоже, для него — ничто. Он начал с мелочей года два назад. Совершал кражи из охраняемых мест. Подсовывал письма и глиняных змеек в самые невероятные места. Недавно я получил такое послание в своем офисе в Зеленом Холле. Затем он начал действовать смелее, с большим размахом. Начались убийства. Сейчас он послал записку, что намерен ограбить и

убить одного из патронов Новой Луны и будет это делать ежедневно. Если он это сделает, а Хал боится...

— Боится?

Хал Самду обрушил огромный кулак на раскрытую ладонь и вскочил.

— Боится? — громыхнул он. — Да, Джей, я вот-вот в штаны наложу от страха. Потому что если так будет продолжаться, то Василиск сможет добраться до Хранителя Мира так же легко, как до любого злосчастного игрока.

— До Хранителя? — В свою очередь, поднявшись, опершись на стол и на трость, Жиль Хабибула заморгал, глядя на Джэя Калама. — Тогда почему она не воспользуется... АККА?

Голос его упал, когда он произносил эти символические буквы.

— И не покончит с опасностью?

Командор покачал темной головой.

— Потому что мы не знаем, кто такой Василиск, Жиль, — сказал он. — И где он. Аладори не может использовать свое оружие, не зная цели. Если мы не откроем точного местонахождения в космосе Василиска, прежде чем он до нее доберется, то я не знаю, что может случиться.

— Да, Жиль, — подтвердил Хал Самду. — И вот почему мы послали за тобой. Потому что у тебя дар открывать замки и находить спрятанное.

Жиль Хабибула воодушевился.

— Ах, это так, Хал, — засопел он. — Старый Жиль некогда имел искорку гения — драгоценное сияние таланта, который дважды спасал Систему. И за то, что сделал это, он получил мало благодарности. Да, когда-то это было, однако теперь этот дар покрылся ржавчиной. Он умирает. Ах, Джей, лучше бы ты оставил Жиля мирно досыпать на Фобосе.

Но маленькие глазки быстро перебегали с одного из них на другого.

— Однако мы должны установить личность этого мастера преступлений. У тебя есть след, Джей? Неужели ни одного драгоценного следа?

— Да, Жиль, — опять вмешался Хал Самду. — Следов сколько угодно. Даже слишком много. И все говорят об одном: Василиск — это изменник, Деррон.

— Деррон? — засопел Жиль Хабибула. — Я слышал это имя.

— Он был капитаном в Легионе, — сказал Джей Калам. — Чан Деррон был осужден за убийство доктора Макса Элеро-ида и заподозрен в похищении таинственного устройства, разработанного в военных целях для использования против кометчиков. Деррон два года назад бежал из тюрьмы на Эброне. Деятельность Василиска началась вскоре после этого.

Над дверью замигала зеленая лампочка.

— Адъютант, — сказал Джей Калам. — Мы должны идти. Нас ждет Гаспар Ханнас, и у нас всего лишь два часа.

— Два часа? — хрипло произнес Жиль Хабибула. — Джей, ты говоришь так, будто мы осуждены и ждем казни.

— Два часа до полуночи по времени Новой Луны, — объяснил Джей Калам. — Преступник обещал появиться в это время — и у нас, возможно, появится шанс его поймать.

Жиль Хабибула поморщился.

— Как ты думаешь это сделать?

— Мы предприняли меры, — сказал Джей Калам. — Во-первых, десять крейсеров Хала находятся в готовности встретить любой приближающийся корабль. Во-вторых, Гаспар Ханнас пообещал полное сотрудничество с его полицией в пределах Новой Луны — они повсеместно расставлены на посты. В-третьих, мы сами будем ждать на Новой Луне вместе с подразделением легионеров в штатском.

— Несомненно, что это Деррон, — мрачно добавил Хал Самду. — Достаточно очевидно, что это он — тот, кто нам нужен. Гаспар Ханнас поднял награду за него до четверти миллиона. Мы украсили всю Новую Луну его портретами. Стража и игроки будут начеку. Если он придет ночью, мы его поймаем.

— Ах, да, Хал, — засопел Жиль Хабибула. — Но если вы говорили мне правду, что расстояние и стены ничего не

значат для его необычного могущества, то, возможно, Василиск нанесет бедному игроку смертельный удар, даже не появляясь здесь.

— Как бы там ни было... — и Джей Калам направился к двери, где мигала зеленая лампочка, — мы должны идти. Если он придет, мы можем его схватить. Если нет — мы, может быть, найдем какой-нибудь след. Что-нибудь...

Он поджал длинную челюсть.

— Что-нибудь да скажет нам, где он и как его можно уничтожить.

Великан Хал Самду пошел вперед, Жиль Хабибула спотыкался и переваливался с ноги на ногу, опираясь на трость, позади. Они вышли из апартаментов командора, прошли через навигационный отсек и огромный армированный люк «Непреклонного» на Новую Луну.

Их встретил Гаспар Ханнас. Огромный, как Хал Самду, он был одет в просторный черный наряд. Черный цвет оттенял белизну чудовищных рыхлых рук и огромного лоснящегося лица. Черные, глубоко посаженные глаза не знали покоя от ужаса, постоянно метались в глазницах. На лбу блестел пот, и на белой лысине тоже. Но пустое лицо встретило их медленной идиотской ухмылкой.

— Джентльмены, — прохрипел он. — Командор! Мы должны спешить. Время поджимает. Стража расставлена, и я жду...

Голос его вдруг прервался, и он отшатнулся от Жиля Хабибулы. Тяжело опираясь на трость, старик пристально смотрел на него. На желтом лице старого солдата появилась улыбка.

— Во имя жизни! — засопел он. — Это же Педро Шар...

Бессмысленная улыбка покинула белое пустое лицо Гаспара Ханнаса, и огромные руки сделали испуганный жест, призывая его молчать. Глаза обежали старика, покачивающегося, опервшись на трость, и он прошептал:

— Хабибула. Прошло пятьдесят лет. Однако я тебя помню. Ты — Жиль Г...

— Стоп! — рявкнул Жиль Хабибула. — Я узнал тебя, Гаспар несмотря на то, что у тебя поддельное лицо. И у меня к тебе счет побольше, чем ты думаешь! Так что лучше придержи свой смертельный язык.

Он встал устойчивее, опершись обеими руками на трость, и бледные глаза заморгали, глядя на великана в черном.

— Гаспар Ханнас, — засопел он, — великий Гаспар Ханнас, владелец Новой Луны. Да, ты прошел длинный путь со времени Голубого Единорога. Ты ускользнул от полицейского отряда в джунглях...

Великан опять испуганно поднял огромные руки.

— Погоди, Хабибула, — прохрипел он. — И прости!..

— Ах, это так, старый Жиль может забыть, но не бесплатно. — Старик вздохнул. — Жизнь обслужила нас совершенно по-разному. Ты стал могущественным человеком. Говорят, что Новая Луна сделала тебя самым богатым в Системе. А твой старый товарищ — всего лишь жалкий ветеран Легиона, голодающий, одинокий и больной. — Он всхлипнул. — Бедный старый Жиль Хабибула...

Внезапно желтое лицо засияло.

— Ах, мистер Ханнас, ты можешь заслужить прощение Жиля Хабибулы. Всем известно о твоих роскошных запасах, мистер Ханнас! О твоих отборных винах. Об изысканной еде.

Гаспар Ханнас улыбнулся бесчувственной улыбкой.

— Вы — гости Новой Луны, — сказал он. — Ты и твои товарищи по Легиону. Вы получите все самое лучшее.

Рыбы глаза Жиля Хабибулы победоносно заморгали, глядя на своих спутников.

— Ах, спасибо тебе, мистер Ханнас, — засопел он. — И я считаю, что наши обязанности вынуждают нас немедленно посетить твои салоны удачи. Прошло очень много лет, мистер Ханнас с тех пор, как старый Жиль рисковал поставить доллар на кон. Однако эта встреча заставила меня припомнить старые дни, когда колеса удачи иногда приносили мясо и выпивку, драгоценная кровь жизни...

Гаспар Ханнас кивнул, и улыбка его, казалось, снова стала напряженной.

— Я помню, Жиль, — сказал он. — Очень хорошо помню. Но пошли. У нас нет времени на азартные игры. — Он вновь посмотрел на старого солдата и вдруг добавил: — Однако, если ты действительно хочешь сыграть, главный кroupье в холле, где не делают ограничений, выдаст тебе сто синих жетонов.

— Я тоже помню, — вздохнул Жиль Хабибула. — Голубой Единорог...

— Пятьсот! — торопливо вскричал Гаспар Ханнас. — И пойдем скорее!

Джей Калам кивнул, и Хал Самду, встревоженный, зашагал вперед.

— Ax, да, — заговорил Жиль Хабибула. — Расставляйте стражу. И устанавливайте ловушки. И идем за столы. Пусть крутятся яркие колеса, пусть драгоценная кровь бежит быстрее, когда выпадают номера. Пусть мозг встречает мозг в битве, где побеждает сильнейший. Ax, легкие мои полны воздухом старых дней! — Он нетерпеливо переваливался, продвигаясь вперед.

— Чан Деррон не угрожает нам, — сопел он с надеждой. — Ни одно человеческое существо, кроме, конечно, старого Жиля, не проскочит мимо флота Хала сквозь стены Новой Луны, мимо всех этих стражников. А что касается Василиска, я не сомневаюсь, что это какая-то мистификация... Во имя жизни, что это?

Перед ним из воздуха выпал маленький предмет. И разбился. По осколкам, тем не менее, он смог определить, что это была маленькая фигурка змеи, грубо вылепленная из глины и обожженная дочерна.

«ТЫ — ЧАН ДЕРРОН!»

Два-три раза в год старая Луна пересекала эклиптику, когда орбита ее проходила через острие конуса земной тени. Новая Луна, находившаяся ближе к планете, проходила через эклиптику каждые шесть часов. Основываясь на этом факте, Чан Деррон оставил свой план.

В те годы, когда он напряженно обучался в Академии Легиона, Чан иногда находил время для занятий сценическим искусством. В эти два года изгнания театральное искусство достаточно часто служило ему. И сейчас он опять обратился к нему для создания новой личности.

Он стал доктором Чарльзом Даррелом, морским биологом, только что вернувшимся из экспедиции по исследованию бентосферы полярных морей Венеры, чтобы теперь отдохнуть на Новой Луне. Его бронзовые волосы были выкрашены в черный цвет, бронзовато-серые глаза потемнели под действием химического средства, загорелая кожа приняла венерианскую бледность. Лицо исказил голубой шрам — он был оставлен клыками морского чудовища. Он припадал на ногу, поврежденную закрывшимся люком. Коричневые глаза щурились от незнакомого солнца.

— Все будет в порядке, — сказал он, кивнув незнакомцу в зеркале. — Если ты пройдешь мимо стражников и флота.

Следующее, что он сделал, — взял геопеллер, извлек его из скафандра и привязал к плечам под одеждой. Геопеллер, изобретенный Максом Элероидом, был деликатным миниатюрным геодезическим отражателем, с собственным атомным источником энергии. Чуть больше, чем ладонь человека, управляемый посредством регулятора на коротком кабеле, он превращал обычный космический скафандр в настоящий геодезический корабль. Эта крошечная вещица уже помогла тысячи потерпевших крушение добраться через сотни миллионов миль до населенных миров.

«Атом-Фантом» дрейфовал в конусе тени Земли, за пределами орбиты старой Луны. Он уходил по инерции к востоку. Патрульные крейсера Хала Самду посыпали во все стороны импульсы, но они не могли так легко обнаружить Чана, потому что несколько тонн его крейсера были почти ничем по сравнению с этими тысячетонными громадами. И мощное всепроникающее гравитационное, магнитное и электрическое поля надежно снижали шансы его обнаружения.

Внизу росла Земля. Огромный диск плотной тьмы, окаймленный сверхъестественным пламенем, — это атмосфера отражала солнечные лучи, образуя чернеющий круг, пылающий красным великолепием всех возможных закатов. Серебристая паутина вращающихся символов кружилась в этом кольце и исчезала во тьме.

Осторожно вращая верньер-штурвал, напряженно всматриваясь в смутный красный диск, Чан Деррон вел «Атом-Фантом» к силовой установке, которая управляла движением огромного зеркала из натриевой фольги, находившегося за пределами гигантского колеса, и поставил корабль на магнитный якорь.

Облачившись в белый, тщательно подогнанный скафандр, Чан пристегнул к поясу бластер и вышел в люк. Один заряд из бластера перерезал силовые кабели. И он стал ждать, стоя на краю зеркала, когда вернется солнце. Огромный щит пылал белым огнем, и маленький корабль находился под ним, скрытый кромешной тьмой. Но если бы зеркало повернулось...

Наконец, появился техник, скользя на страховочном лине со стороны металлической звезды — сердца Новой Луны — и держа в руках ящик с инструментами. Вцепившись в рычажок управления геопеллером, Чан бросился ему навстречу. Они встретились в космосе. Техник, оправившись от удивления, проявил неожиданное проворство. Он выхватил атомный факел, который мог сжечь скафандр Чана как бумагу.

— У меня бластер. — Вибрация металла во время яростной схватки передавала слова Чана. — Однако мне не нужна твоя жизнь. Давай ключи и номер!

— Деррон! — Лицо человека побелело под шлемом. — Каторжник... нас предупреждали! — Чан вцепился в факел. Но противник уже прекратил сопротивление. Лишившись сил от страха, он захрипел:

— Ради бога, Деррон, не убивай меня! Я все сделаю, как скажешь!

Чан заметил, что его имя здесь имеет большую силу, чем тело. И оно опаснее, чем любой враг. Он быстро забрал у

техника инструменты, ключи, номерную пластиину со шлема — желтый светящийся полумесяц. Атомным факелом он приварил рукав его скафандра к силовой установке.

— Через три часа, — пообещал Чан, — я вернусь и отпущу тебя.

Он схватил скользящий провод страховочного линя, и геопеллер помчал его к Новой Луне, до которой было пятьсот миль. Провод привел его к огромной платформе на одном из гигантских трубчатых рукавов центральной звезды. Он опустился среди группы людей, у каждого из которых были инструменты, и вместе с ними поспешил к огромному воздушному шлюзу.

С стенки шлюза на него уставилось собственное лицо.

«Двести пятьдесят тысяч награды! — кричали малиновые буквы. — Будьте бдительны! Этот человек может быть среди вас!»

По пути, двигаясь вместе с остальными к люку, он повернул захваченный у техника табель. «Осмотр и ремонт зеркала 17-Б-285», — было на нем задание. Он нацарапал внизу: «Дефектный переключатель исправлен».

Сколько у него времени, думал он, прежде чем другой ремонтник, посланный, чтобы выполнить работу получше, найдет первого, приваренного к силовой установке рядом с «Атомом-Фантомом»? Но если он выиграл эти три часа...

Во внутренних помещениях, где люди освобождались от металла и спешили под душ, с наслаждением снимая одежду, он снова увидел зловещий плакат. И все разговоры, которые он слышал, были о Чане Дерроне и Василиске, и о том, что оба они — одно и то же лицо, и об обещании ограбления и убийства сегодня ночью.

Чан Деррон нашел кабинку с тем же номером, что он взял у техника. Он повесил скафандр, быстро натянул тесное белье и просторную одежду, найденные там, и влился в группу усталых людей, идущих к себе на ужин.

— Держи ушки на макушке, — посоветовал идущий рядом маленький механик. — Любой рослый человек, которого

ты встретишь сегодня ночью, может стоить четверть миллиона. Ты даже не заподозришь, что...

— Верно, не заподозришь, — согласился Чан Деррон. Он покинул группу рабочих и вошел в просторное шумное помещение под палубами, где было много пассажиров с космических лайнеров. Он закрыл дверь и облегченно вздохнул. Ибо он прошел мимо флота, сквозь стены Новой Луны, он миновал внимательных сыщиков, которые осматривали каждого, кто входил в люк. Он был в безопасности...

— Ваш билет, сэр...

Это был предусмотрительный темнокожий портье-марсианин. Из кармана его формы торчал портрет с объявлением о награде. Нахмурясь, Чан Деррон похлопал по своим карманам.

— Ох, вспомнил! — Он замигал. — Забыл, понимаете ли, в багаже. Может, дадите дубликат?

Внимательные глаза изучили шрам. Он слегка расслабился.

— Да, сэр, я дам вам временную контрамарку. Ваше имя, сэр?

— Доктор Чарльз Даррел. Морской биолог. Я с Венеры, проездом к Земле. Буду здесь денька два. — Он поморщился, словно от боли.

— У вас нет темных очков? Не привык к свету, а на Венере облака, знаете ли...

Так он обзавелся билетом, служившим на Новой Луне паспортом. Чан посоветовал портье не беспокоиться, когда тот предложил позаботиться об его багаже (несуществующем), и поспешил дальше. Ленточные транспортеры, по которым скользили подносы с кофе, привели его сквозь огромные залы, роскошные магазины в Зал Эфтаназии. Однако Чан ни на что не обращал внимания, пока не увидел Казино — это было то место, где он надеялся встретить в полночь Василиска.

Прозрачные и подсвеченные изнутри столбы у входа казались колоннами живых алмазов. Здесь были рубины и

изумруды в тонкой золотой оправе. В этом ослепительном сиянии стояла женщина, выглядевшая миниатюрной.

Вблизи она оказалась высокой девушки, с такой грациозностью в осанке, какой он никогда не встречал. У нее были платиновые волосы, прекрасная кожа была белой. Она была одета в манто из каллистянского меха. А глаза — черно-фиолетового цвета.

Он двинулся к ней навстречу.

Она была невероятно красива. От такой красоты у него болезненно перехватило горло. Он не мог справиться с горечью при мысли о двойной преграде, разделяющей их, — ее богатство и его отчаянное положение. Будь он каким-нибудь безобразным миллиардером, вяло подумал он, вернувшись с колониальных шахт и плантаций, она могла бы его ждать...

Сердце его подскочило к горлу.

Девушка быстро подошла к нему. Белое великолепие ее лица было освещено улыбкой. Глаза потептели. Голосом радостным, но очень тихим, чтобы не услышал никто посторонний, она приветствовала его по имени:

— Эй, Чан! Ты — Чан Деррон!

Чан пошатнулся, услышав эти слова, благодаря которым его тело, живое или мертвое, стоило четверть миллиона долларов. Затем на его лице появилось восхищение. Легкая, как пламя, девушка приблизилась и ласково взяла его за бесчувственную руку.

СЧАСТЬЕ ЖИЛЯ ХАБИБУЛЫ

Игорные салоны занимали шесть просторных залов вокруг частного офиса Гаспара Ханнаса, расположенного на оси вращения Новой Луны. Стены офиса были прозрачны изнутри, и Ханнас, со своего огромного врачающегося

кресла за круглым столом, мог видеть любой из своих холлов.

Это были огромные и роскошно обставленные помещения. В нишах — дорогие статуи, на полированных полах — тысячи игорных столиков.

К каждому холлу подходила туннель, о котором большинство игроков не подозревало. В туннелях их проигрыш быстро подсчитывался и переправлялся в надежный бункер под офисом Гаспара Ханнаса. Из щели в круглом столе постоянно шла лента с подсчетом проигрышей и выигрышей. Потери были показаны красным цветом, однако увидеть их можно было очень редко.

— Законы вероятности, — всегда утверждал Гаспар Ханнас, улыбаясь, своей неподвижной бессмысленной улыбкой, — это все, что мне нужно. Каждая игра — беспроигрышна.

Сегодня шесть холлов были заполнены сверх обычного. По Новой Луне бродил слух о Василиске, и великое множество любителей острых ощущений в шелках и драгоценностях с нетерпением ждало, что произойдет ночью.

В этот вечер Гаспар Ханнас не следил за лентой. Он прошел вместе с тремя легионерами в Алмазную Комнату, где ставки не ограничивались. В узловатой руке Хала Самду был помятый плакат с объявлением о награде.

— Деррон, подозреваемый, и есть ваш Василиск. — Время от времени он освежал воспоминания, бросая взгляд на бронзоволосое, покрытое космическим загаром лицо Чана Деррона на портрете.

— Деррон — человек рослый, — сказал задумчиво Джей Калам. — Этот тоже великан.

Они проследили за взглядом его серьезных темных глаз.

— Ах, действительно! — засопел Жиль Хабибула, стараясь не отстать от Хала Самду. — Величественная фигура, что и говорить. А рядом с ним красивая девушка.

Человек возвышался, как башня, над неугомонными, ярко наряженными игроками. Волосы у него были

темными, кожа имела характерный бледный оттенок. На лице — длинный шрам.

Блондинка рядом с ним была столь же экстравагантна. На ней было роскошное манто из бесценного каллистанского меха, которое она носила с королевской грацией. На шее у нее находилась алмазная заколка в форме звезды — Джеку Каламу показалось, что она похожа на увеличенную снежинку.

— Шесть футов три дюйма, — сказал Хал Самду сдавленным голосом. — Этого ему не скрыть, а бледность и темные волосы — маскировка. — Он поманил одного из солдат в штатском, который незаметно следовал за ним. — Мы его арестуем и разберемся, кто он.

Джей Калам резко покачал головой.

— Следите за ним, — прошептал он. — Если это Деррон, и Василиск, мы выясним кое-что об его методах. Тем временем...

Он что-то прошептал Жилю Хабибуле.

— Во имя жизни, Джей! — Рыбы глазки Жиля выпучились, изумленно уставясь на него. — Не требуй от меня этого! Не приказывай старому солдату идти на такой риск!

— Жиль! — Хал Самду схватил его за плечи. — Это надо сделать ради Хранителя Мира!

Жиль Хабибула вздрогнул и покачнулся.

— Не надо, Хал! — прохрипел он. — Ради жалкой жизни! Я, конечно, сделаю все, что просит Джей. Да, ради Хранителя...

Он повернулся к белому великану в черном.

— Ах, мистер Ханнас, — засопел он. — Я вынужден просят вас одолжить мне тысячу синих жетонов.

— Тысячу? На миллион долларов? — Идиотская улыбка стала напряженной, и Ханнас возмущенно взглянул на Джека Калама. — Командор, да он просто грабитель!

— Я не больше грабитель, чем кровожадный Педро Акула.

— Я дам!

Сжимая в кулаке листок с запиской от Ханнаса, Жиль Хабибула побрел к столику. Короткий толчок тростью по ребрам женщины в пурпурном наряде, столь же тучной, как и он сам, — возле гиганта в зеленом и девушки в белом освободилось место.

— Тысячу синих фишек, мистер, или сотню этих ваших смертельный алмазных.

Он повернулся к бледному высокому незнакомцу.

— Прошу прощения, сэр, — засопел он, — но мне не удержать жетоны в моих старых дрожащих руках. А вам должно везти — это я потому решил, что с вами рядом сидит такая чудесная девушка. Не могли бы вы сделать для меня ставки, сэр?

— Как угодно. — Великан расслабился. — Сколько хотите поставить?

Жиль Хабибула обвел рукой стопки фишек.

— Миллион, — сказал он, — на тридцать девять.

Даже здесь, в Алмазном Зале, такая игра не могла не вызвать переполоха. Зрители столпились возле рулетки. Полузакрыв глаза, Жиль Хабибула следил за тем, как крупье бросил шарик на колесо. Затем он драматически поднял руку.

— Эх, — сказал он едва слышно. — Старого Жиля вам не провести.

Он повернулся к мужчине и девушке.

— Спасибо, сэр, — пропыхтел он. — А теперь нам осталось лишь ждать, что принесет зигзаг удачи или искусства. — Глаза его засветились восхищением, когда он взглянул на горделивую осанку девушки. — Какая красота, — сказал он. — Он столь же красив, как и вы, моя милочка, этот синий gobelen с Титана.

Внезапно его трость указала через стол — причем рука, державшая ее, оказалась неожиданно твердой, — и зеленый набалдашник оказался точно напротив все еще поднятой руки крупье над колесом.

Крупье слглотнул и побелел. Рука его безвольно упала. Он испуганно следил за бегущим шариком.

— Ах, эта золотая нимфа! — Трость опустилась одновременно с рукой крупье и теперь указывала на статую в нише. А быстрые глаза Жиля Хабибулы опять смотрели на девушку в белом. — Она танцует там, как могли бы танцевать вы, миличка.

Крупье стоял и дрожал. На бледном лице появились капельки пота. Наконец, шарик выскочил в паз. Пустые ошеломленные испуганные глаза крупье взглянули в желтое лицо Жиля Хабибулы.

— Вы выиграли, сэр, — прохрипел он. — Сорок к одному.

— Именно, — подтвердил Жиль Хабибула. — И никаких жетонов или чеков — дайте мне сорок миллионов новыми сертификатами Зеленого Холла.

Трясущиеся пальцы крупье пробежались по клавиатуре, и внезапно из магнитной трубы вывалился толстый пакет с деньгами. На глазах у потрясенных зрителей Жиль пересчитал сорок миллионов долларов.

Внезапно, задрожав столь же явно, как и крупье, Жиль Хабибула взмахнул пачкой кредиток и, поспешно повернувшись, ударил толстой рукой бледного человека в зеленом, отчего деньги вылетели из его пальцев и рассыпались по полу.

— Ох, жизнь моя! — прохрипел он. — Мои сорок миллионов! Ради сладкой жизни Земли, помогите старому бедняку собрать его жалкое достояние.

После секундного замешательства последовала оживленная возня. Жиль Хабибула, стеная и хныча, привалился к высокому мужчине. Незнамоц подхватил его и помог удержаться на ногах.

— Ах, спасибо, сэр. — Он торопливо схватил и пересчитал деньги. — Спасибо! Благодарю вас, мадам! — Он облегченно вздохнул. — Ах, я вижу, все на месте. Спасибо!

Он триумфально поплелся к трем спутникам, которые делали вид, что следят за другим столиком. Игнорируя необычно бледное и болезненное лицо Гаспара Ханнаса, он что-то уронил в подставленную ладонь Джая Калама.

— Ах, Джей, — пропыхтел он, — мне это далось очень недешево — смертельная угроза и мучительное напряжение моего стареющего мозга... но вот ключи подозреваемого, а также его билет.

— Смертельная угроза? — эхом отозвался Гаспар Ханнас.

— Это стоило мне сорок миллионов долларов!

Командор разглядывал продолговатую желтую карточку.

— Чарльз Даррел, — пробормотал он. — Морской биолог с Венеры. — Темные глаза сощурились. — Это лишь времененная контрамарка. А инициалы — Чарльз Даррел и Чан Деррон.

Хал Самду сжал огромные кулаки.

— Ого, Джей, — прошептал он. — Арестовать его?

— Пока не надо, — сказал командор. — Жди меня здесь.

Он быстро подошел к столу и дотронулся до руки долговязого. Незнакомец очень быстро повернулся к нему. И едва уловимое движение его руки дало понять командору, что под одеждой у него какое-то оружие.

— Вы уронили это, когда подбирали деньги. — Джей Калам протянул ключи и желтую карточку. — Если вы назовете имя и фамилию, указанные в билете, я верну...

Незнакомец безмолвно смотрел сквозь темные стекла очков. Однако девушка шагнула вперед. Ее грациозная рука скользнула под локоть незнакомцу, и от улыбки, которой она одарила Джекса Калама, у того перехватило дыхание.

— Разумеется, назовет. — Голос ее, богатый оттенками как у певицы, был быстр и убедителен. — Или я могу его представить. Сэр, это доктор Чарльз Даррел. Он только что прибыл с Венеры. Он мой жених.

— Благодарю. — Напрягая память, Джей Калам рассматривал девушку. — А могу я узнать ваше имя?

Он встретил ее гордый бесстрастный взгляд.

— Ваня Злоян. — Она сказала его так, как могла бы сказать: «Я принцесса». — С Джуно.

Командор поклонился и вручил незнакомцу ключи и карточку. Девушка улыбнулась, поблагодарила, взяла спутника под локоть и быстро отвела его к столу.

Задумчиво потирая длинный темный подбородок, Джей Калам вернулся к друзьям, сидевшим за другим столом, где ставки были один к пятистам. Жиль Хабибула, с напряженным выражением на желтом, как луна, лице, указывал тростью, протянутой над вращающимся колесом, на величественную картину, изображающую конец старой луны, на гобелене.

Крупье за столом смотрел с отчаянием в глазах, с отвисшей челюстью, на Жиля Хабибулу. Рука его двигалась в конвульсивном жесте, вытирая лоб. И трость старика тоже двигалась, указывая.

— А здесь, — сопел он, — стоит прекрасная Аладори!

— Угомонись, Хабибула, — прохрипел Гаспар Ханнас. — Или ты уничтожишь Новую Луну так же легко, как она уничтожила старую. Ради чести...

Выпал номер. Рот крупье открылся, он издал придушенный крик. Сглотнул и беспомощно пожал плечами, глядя на Гаспара Ханнаса.

— Вы выиграли, сэр, — произнес он, наконец, причем его голос сорвался на визг. — Двадцать миллиардов. Мы немедленно доставим вам их из бункера.

Огромная лапа Гаспара Ханнаса ухватилась за одежду Жиля Хабибулы.

— Хабибула! — прохрипел он. — Неужели ты такой жестокий? Ради чести!..

Рыбы глаза Жиля Хабибулы неодобрительно заморгали.

— Ах вот как? Странно слышать от тебя это слово, Гаспар Ханнас! Сорок лет назад, когда я знал тебя, ты не вспоминал о чести, когда касался чего-нибудь своими грязными руками. — Он повернулся к столу. — Мне нужны мои двадцать миллиардов.

Выигрыш был доставлен к нему — в стомиллионных банковских билетах, которые его рыбы глаза никогда еще не

видели. Пальцы его с удивительным проворством пересчитали деньги.

— Эх, Педро, — просопел он печально, — не тебе меня укорять — тем более, что все твое могущество держится на плодах усилий моего старого мозга. Ибо я вижу, что ты используешь мои простенькие изобретения, которые я применял еще для столов Голубого Единорога. Он похлопал себя по оттопыренному карману. — Они неплохо помогали бы мне, если бы я хотел играть всю ночь. Если бы я разорил тебя и заставил клянчить об единственной черной фишке — пропуске в твою Клинику Эфтаназии. Однако я не хочу этого делать, Ханнас. — Он покачивался, упервшись в пол тростью. — Это потому, что я честнее тебя, Педро, — да, для меня существуют границы. Ладно, еще одна партия, и с меня хватит. Всего один миллиард. Сто к одному.

Гаспар Ханнас зашатался, челюсть его отвисла.

— Хабибула! — прошипел он. — Во имя Этиры-Коран...

— Не произноси ее имени! — прорычал Жиль Хабибула.

— А поскольку ты уже сделал это, я ставлю два миллиарда.

— Не надо! — заперхал Ханнас. — Я... по-моему, столик не в порядке. Мы закрываемся... Этот столик лучше не работает...

— Тогда я найду другой, — засопел Жиль Хабибула. Но Джей Калам прикоснулся к его руке.

— Тебе лучше держаться рядом с нами, Жиль, — прошептал командор. — Двигайся медленно, чтобы люди в штатском могли окружить тебя. И не своди глаз с доктора Даррела, потому что у тебя осталось всего лишь двадцать минут.

— У меня? — Жиль Хабибула заморгал, глядя на него. Он похлопал себя по карману снова, искоса взглянул на Гаспара Ханнаса. — Не думаю, что он успеет перерезать мне горло за одну секунду, Джей. Вообще-то вас здесь так много, что он вряд ли отважится. Дело в том, что Педро — трус с белой печенкой...

— Жиль, — сказал Джей Калам хмуро, — я говорю об опасности, которая будет грозить тебе, когда Василиск попытается нанести удар.

— В-В-Василиск? — губы Жиля стали пепельными, затрепетали. — Ай! Этот смертельный Василиск! Ты говорил, что он грозил ограбить и убить какого-то игрока. Но зачем ему я?

Гаспар Ханнас затаил дух, и его белая детская улыбка вдруг стала почти умирающей.

— Разве мы не сказали тебе, Жиль? — спросил Джей Калам удивленно. — Разве мы не сказали тебе, что Василиск обещал убить того, у кого будет наивысший выигрыш?

— А твои двадцать миллиардов, Хабибула, — это наивысший выигрыш за всю историю Новой Луны. — В могучем голосе Гаспара Ханнаса звучала свирепая радость. — Однако я соглашусь принять эти деньги обратно — за черный жетон.

СВЕТЯЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

Жиль Хабибула задрожал. Его отвислый живот затрясся. На перепуганном желтом лице выступили капли пота. Маленькие глазки затуманились. Зубы неудержимо стучали и затем они упали на пол.

— Ах - ах! — всхлипнул он. — Аах... ах...

Он стал яростно вырывать из кармана свой выигрыш.

Джей Калам поднял с пола и вернул ему искусственные челюсти. Он с лязгом вставил их в свой рот и злобно вскричал:

— Джей! Ах, Джей! Почему ты мне не сказал? Бедный старый слепец, убогий беззубый калека, которому и так осталось жить немного! Джей, зачем ты вынудил старого Жиля сунуть голову в петлю?

— Тебя стережет весь флот Хала, — попытался убедить его командор, — и девять тысяч местных полицейских. Мы защитим тебя, Жиль.

— Ага! — В глазах Хала Самду был нетерпеливый блеск.

— Мы установили ловушку для Василиска, а твои двадцать миллиардов, Жиль, — очень неплохая приманка.

— О нет! — всхлипнул Жиль Хабибула. — Старый Жиль — не приманка для капканов, не для того предназначена его бедная старая шкура. — Шатаясь, он вернулся к столику, который незадолго до этого покинул так триумфально. — Сколько осталось, Джей? — прохрипел он. — Восемнадцать минут, чтобы лишиться двадцати миллиардов?

Крупье вновь побелел, увидев, что он возвращается.

— Попспеши! — поторопил его старый солдат. — Проси делать ставки, крути шарик. Во имя смертельной жизни, если это место — зал удачи, а не черная Клиника Эфтанизии.

Крупье слегкотнул и хрюкло прошептал:

— Делайте ваши ставки, джентльмены! Ставки на стол!

Выпуклые глаза Жиля Хабибулы всматривались в ряд игроков.

— Какому-то смертельному дураку повезет, — прохрипел он. Взгляд его упал на низенького русоволосого человечка напротив — отрыжка общества, бледные возбужденные глазки за толстыми стеклами очков напряженно всматривались в бесконечные строчки в записной книжке. Тонкие нервные пальцы бегали по клавиатуре маленького бесшумного калькулятора. Перед ним на столе оставалось три жетона. Жиль Хабибула окликнул его:

— Братец, хочешь выиграть?

Маленький незнакомец заморгал, взглянув на него.

— Сэр, — послышался его визгливый голос, — хочу. Я много лет трудился над совершенствованием моей системы, произвел двадцать миллионов вычислений. У меня осталось три жетона.

— Забудь о своей смертельной системе, — засопел Жиль Хабибула, — и ставь свои жетоны на сто один.

Человек неуверенно поскреб русую макушку, с сомнением глядя в свою записную книжку.

— Однако моя система, сэр, основана на перестановке чисел и гравитационном воздействии планет... Моя система...

— Дурак! — прошипела женщина с лицом мышеловки, сидевшая рядом с ним. — Играй! Старый пройдоха что-то замышляет! Он только что урвал двадцать миллиардов.

Она поставила столбик собственных жетонов на сто один.

Жиль моргнул, и крупье завертел рулетку.

Маленький человечек глянул на свой калькулятор, затем поставил жетон на сорок один. Толстая рука Жиля Хабибулы, державшая кредитки так, словно это был радиоактивный металл, положила выигрыш на дубль-зоро.

— Два миллиона и несколько миллионов, — сказал он белому, как мел, крупье. В голосе его звучала откровенная угроза. — И не шевелиться, пока шарик не остановится! Не дышать!

Он посмотрел на русоволосого коротышку.

— Ты прав, братец, — сказал он. — Твой номер выиграет. Это зависит от гравитационного воздействия. — Он ткнул ручкой трости в лицо крупье. — Не двигаться!

Трость приподнялась, и шарик выскочил в паз.

— Выиграл сорок первый! — Всхлипнув от облегчения, белый, как мел, крупье забрал пачку кредиток с дубль-зоро. Дрожащей рукой он смахнул остальные ставки. Затем при-двинул к коротышке стопку и сотни жетонов.

Женщина с невыразительным лицом издала какой-то звук.

— Моя система! — прогудел возбужденный коротышка. — Наконец-то!

Тонкие пальцы сделали пометку в черной записной книжке. Пробежались по безмолвным клавишам калькулятора. Он взглянул на табло, потом поместил жетоны опять на сорок один.

Бесцветные глаза Жиля Хабибулы снова обратились к粗ье.

— Сорок первый, — сказал он, — вновь выиграл.

Крупье облизал сухие губы. Блестящие глаза в отчаянии взглянули на Гаспара Ханнаса. Он хрипло продолжал делать ставки, раскрутил колесо и с ужасом на лице смотрел на прыгающий шарик.

И выиграл сорок первый номер!

— Моя система! — Русоволосый коротышка сгреб жетоны дрожащими руками. — За двадцать лет впервые! Дурак, дурак этот доктор Дэвиан — говорили все. Однако теперь... — Толстые линзы уставились на стол. — Теперь те, кто считал его дураком, признают его математическим гением!

— Да нет, он и теперь дурак, — обратился Гаспар Ханнас к Джою Каламу, не тревожась о том, услышат его или нет за столом. — Патологический игрок. Я пересидел таких тысячи — они достаточно эгоистичны, чтобы верить, будто законы вероятности способна свергнуть их полоумная система. Они никогда не умеют вовремя остановиться, пока не приходится, в конце концов, клянчить бесплатную черную фишку. Дэвиан, видимо, будет просить ее завтра, когда спустит к утру все, что выиграл сейчас.

Командор сочувственно взглянул на коротышку, чьи беспокойные пальцы опять вдавливали клавиши калькулятора. Он снова повернулся к хозяину Новой Луны.

— Старый клиент?

— Он уже двадцать лет пытается разорить меня. — Невинно моргая, Ханнас стоял и смотрел, как Дэвиан заносит результаты своей игры в записную книжку. — Я хорошо знаю его, он часто прилетает ко мне, чтобы спустить свои жалкие гроши. Я даже встречал его жену, когда они впервые появились на моем старом корабле, — очаровательная девушка, она много лет пыталась спасти его после того, как он промотал все, что имел. Однако потом поняла, что Эфтаназия — единственное лекарство для таких типов. Ему доводилось даже занимать ответственную должность в одной

исследовательской фирме, в статистическом отделе. Посмотрите на него сейчас — это же ничтожество.

Ханнас презрительно хихикнул.

— Все они одинаковы, — сказал он. — Проиграются до нитки, а Синдикату приходится оплачивать им обратную дорогу. Но им же этого мало! Они не способны ничему научиться. Они не успокаиваются. Продают дома. Предают родственников. Отталкивают друзей, если у них есть друзья. Живут в нищете, клянчат милостыню, воруют и вновь возвращаются сюда, чтобы попытаться сорвать банк.

— Печальный случай, — сказал Джей Калам, сочувственно взглянув на бледного игрока, на идиотскую улыбку Ханнаса. — Вы даже не испытываете ответственности?

— Не я изобрел человеческую натуру. — Ханнас пожал плечами. — И Синдикат таких, как он, не поощряет. Дело в том, что практической выгоды от них мы не получаем, они создают только неприятные инциденты, когда совершают самоубийства за столами на глазах у публики, а то и нападая на наших людей вместо того, чтобы благопристойно попросить черный жетон.

Он фыркнул.

— Все они одинаковы, — повторил он. — Этот Дэвиан — всего лишь чуть настойчивее остальных.

Джей Калам взглянул на хронометр и взял великана за руку.

— Двенадцать минут до полуночи, — сказал он тихо. — Я думаю, нам лучше пройтись. Но дайте людям сигнал не сводить глаз с доктора Даррела.

Они пошли через широкий зал. Хал Самду шагал впереди. Тяжело дыша и переваливаясь, Жиль Хабибула плелся следом. Лицо его было в крупных каплях пота.

— Во имя жизни! — всхлипывал он. — Джей, Хал, неужели вы не подождете бедного старого Жиля? Неужели вы оставите его одного в лапах ужасного Василиска? Неужели вы не чувствуете угрозы в воздухе и не видите страха на лицах каждого смертного из присутствующих?

Джей Калам остановился, и старик вцепился в его руку.

— Джей, пойдем! — прохрипел он. — Ради жизни, давай приготовимся. Давай встанем у стены, и пусть нас окружат все наши люди с бластерами наготове...

— Заткнись, Жиль! — оборвал его Хал Самду. — Опасность грозит только победителю. Я думаю, что если мы окружим этого доктора Даррела...

— Моя смертельная жизнь!

Дрожащей рукой Жиль Хабибула показывал на стол, где остановилась игра. Высокий человек в белом устанавливал на столе некий выпуклый предмет, завернутый в коричневую ткань.

Жиль Хабибула изумленно глядел, как он разворачивает ткань. Глазам зрителей предстала черная коробка с полированными медными стержнями, выходящими из боков и верха. К коробке была присоединена маленькая панель управления; кроме того, человек снял с головы наушники.

— Кто это? — Жиль Хабибула вцепился в руку Ханнаса. — Во имя драгоценной жизни, скажи, что это за прибор? — Тонкий его голос дрожал. — Мне не нравится этот странный аппарат, особенно в тот момент, когда нам предстоит иметь дело с таким чудовищем, как Василиск.

— Это всего лишь Джон Комэйн, — ржалым голосом произнес Гаспар Ханнас. — Мы поговорим с ним.

Он подвел их к человеку, придумавшему Новую Луну. Комэйн в своем белом лабораторном халате выглядел атлетом. Светлые волосы его были жесткими и непокорными. Лицо — словно квадратная строгая маска, невыразительные синие глаза — слегка выпуклы. Он кивнул Гаспару Ханнасу, однако кивок получился жестким, неприветливым.

— Комэйн, — сказал Ханнас. — Это командор Калам и его помощники. Они ловят Василиска.

Стеклянные глаза бросили на них холодный взгляд.

— Джентльмены, — произнес сухой металлический голос, — я тоже, по-своему, пытаюсь разрешить эту проблему. Я построил Новую Луну. Я хочу защитить ее.

Жиль Хабибула показал на черную коробку.

— Да-да, доктор Комэйн. А что это?

— Действия Василиска, — кратко сказал Комэйн, — показывают, что он использовал незнакомые нам технические средства. Таким образом, первый шаг, который мы должны предпринять, — обнаружить и проанализировать используемые им силы.

И он резко повернулся к приборной панели.

— Ах, верно, — сказал Жиль Хабибула. — Вы правы. Что верно то верно.

И они пошли вдоль столиков, внимательно рассматривая тысячи игроков. Игра почти везде остановилась. Повсюду слышался нервный шепот, время от времени прерываемый чьим-нибудь слишком громким смехом, выдающим страх. Многие из тех, кто пришел сюда посмотреть на Василиска, похоже, сожалели о своей храбости и теснились к дверям.

— Моя смертельная жизнь! — опять изумленно закричал Жиль Хабибула. Его трясущаяся рука указывала на столик, за которым прекратилась игра.

— Я знаю этого человека! — Он показал на одного из игроков. — Сорок лет назад мы были знакомы на Голубом Единороге! Это Амо Брелекко!

— Естественно, ты знаешь его, — прихрипел Гаспар Ханнас. — Таких, как мы трое, в те далекие времена не было.

— Ах вот как! — Жиль Хабибула раздраженно выпрямился. — Во имя жизни, Ханнас, я не давал тебе права зачислять меня в это общество. — Он издал резкий неприятный звук, словно хотел сплюнуть. — И ты, и Зел ни разу в жизни палец о палец не ударили, чтобы сделать что-нибудь хорошее. К тому же, Жиль был гораздо ловчее и делал все лучше, чем вы.

К нему направлялся высокий человек с совершенно лысой огромной головой. Длинный, похожий на лезвие ножа нос придавал его лицу топорную резкость. На нем были просторная пурпурная пижама и пламенно-желтого цвета

халат. На груди блестел огромный бриллиант, а длинные желтые когтеобразные пальцы сверкали бриллиантами колье.

— Амо Зел! — прошептал Жиль Хабибула. — Словно и не было этих сорока лет. Он не изменился. У него были самые быстрые руки на свете, кроме моих собственных! — Его бледные глаза заморгали.

— Что он здесь делает, Ханнас? Тебе не следовало его сюда пускать. Он знает твои штучки не хуже меня.

Тот улыбнулся.

— Брелекко был здесь еще до того, как построили Новую Луну, — сказал Ханнас. — Я предлагал ему десять тысяч долларов в день, чтобы он играл на заведение. Он отказался, сказав, что предпочитает брать эти деньги со стола.

Так он и делает — но он гораздо скромнее тебя, Хабибула. Он скрупулезно ограничивает свой выигрыш десятью тысячами долларов в день. Я не жалуюсь на его присутствие. Он хорошо действует на публику.

— Ты прав. Он, должно быть, неплох, — кивнул Жиль Хабибула. — Хотя, когда я его узнал, он был совсем мальчишкой, однако весьма многообещающим.

— Брелекко — одаренный человек, — согласился Гаспар Ханнас. — Он просто волшебник, и это восхищает наших гостей. Он изобрел сверхшахматы, и никто не может его обыграть.

— Я никогда не пытался, — пробормотал Жиль Хабибула.

— Его квартира оборудована как астрофизическая лаборатория, — продолжал Ханнас. — Снаружи — купол обсерватории, кроме того, он талантливый ученый, а не только величайший игрок в Системе.

Глаза Хабибулы замерцали.

— Не считая, конечно, тебя, — торопливо добавил Ханнас.

Он сделал приглашающий жест белой рукой, и Амо Брелекко подошел к ним. Взглянув на старика в сером, он застыл на месте. Сверкающие драгоценности совершили дугу в воздухе вместе с его рукой, выскочившей из рукава.

Но толстая трость была уже направлена на него упершись в тощее тело Брелекко. Пухлая ладонь сжала ручку.

— Не двигаться, Брелекко! — угрожающе зазвенел тонкий голос. — Или я развалю тебя надвое!

Рука в драгоценностях опустилась.

— Ах, Брелекко, — просопел Жиль. — За сорок лет ты меня не забыл.

— И никогда не забуду, Хабибула. — Речь Брелекко напоминала скрежет металла. — Даже за сорок столетий.

— В таком случае, Амо, тебе следует держать себя в руках, — мрачно посоветовал Жиль Хабибула. — По крайней мере, до полуночи.

Бесплотное, как у кадавра, лицо игрока исказилось не- приятной гримасой.

— Выходит, ты охотишься на Василиска, Хабибула? — спросил он скрежещущим шепотом. — Есть древняя земная поговорка. Посытай вора ловить вора. — Его смех слегка менялся, как и его голос. — Однако я думаю, что даже это не поможет. Василиск — лучший вор, чем даже ты, Хабибула.

У Жиля перехватило дыхание, и трость взлетела. Но Амо Брелекко, насмешливо махнув тонкой рукой, повернулся к дальнему столу, за которым возникла суета.

— Мы скоро узнаем, — прошептал он. — Похоже, выигравший в опасности. И полночь вот-вот наступит. — Он пошел, словно желтый скелет, к столику. Троє легионеров и Гаспар Ханнас поспешили следом. Большинство игроков, когда они приблизились к столику, расступилось. Очевидно, они испытывали боязнь перед зловещим Василиском, так что за столиком остались лишь несколько человек. Вокруг них сомкнулся круг перешептывающихся зрителей.

Большинство из тех немногих, что остались, были легионерами в штатском. Однако рослый бледный человек, представившийся как Чарльз Даррел, протолкался и подошел к столику вместе с высокой блондинкой. Брелеко стал возле крупье, глядя сквозь монокль на рулетку. Инженер Джон Комэйн двигал через стол свое загадочное устройство;

на голове у него были наушники, и он чем-то щелкал на приборной панели. За столиком остался лишь один игрок, и, очевидно, фокус внимания был направлен на него, маленького потрепанного человечка, Абеля Дэвиана. Его жетоны значительно увеличились в количестве, и он дрожал от возбуждения. Толстые стекла очков запотели, сморщенная кожа была покрыта потом. Понощенный пиджак расстегнут. Он с лихорадочной торопливостью выставлял последние жетоны и щелкал калькулятором. Жиль Хабибула отстановился, озабоченно сопя. Но трое его спутников протолкались к столику, и маленький игрок посмотрел на них. Его блестящие от возбуждения глаза заморгали. Он узнал их.

— Спасибо, мистер Ханнас, — насмешливо протянул он.
— Моя система дала мне двадцать миллионов долларов. Помоему, неплохая награда за годы мытья посуды, за то время, когда я перебивался с хлеба на воду и берег каждую копейку, чтобы проиграть за вашим столом. Однако сейчас я хочу вас удивить. — Он нервно и алчно стал сгребать выигрыш. — Вы изdevались, мистер Ханнас, когда я приходил и просил у вас немного денег в долг. Вы говорили, что я пристрастился и что такие, как я, не выигрывают. Но сейчас я намерен увезти выигрыш домой. — Пронзительный голос задрожал. — Прощайте, мистер Ханнас. — Он попросил у крупье пустой мешок для денег. Синие жетоны, синтетические банкноты, сертификаты Зеленого Холла — все перекочевало туда.

Джей Калам бросил взгляд на Хала Самду и сделалластный жест столпившимся вокруг легионерам.

— Стерегите этого человека!

Маленький Абель Дэвиан взял мешок, калькулятор и записную книжку и устало поплелся прочь от стола. Он остановился, нервно оглянулся.

— Нет, мистер Ханнас, — пробормотал он. — Я не вернусь.

Джей Калам напрягся и затаил дыхание. Он услышал необычный звук. Глубокий, вибрирующий гул, похожий на

урчание огромного тигра, зловещий и безжалостный, однако механический по ритму.

Звук был пронизывающим. Кости заныли, в голове стал стучать молот, зубы задрожали. Абелль Дэвиан замерцал, словно его отгородил прозрачный занавес. Маленькое сутулое тельце, казалось, застыло на мгновение, как кадр кино-ленты при остановке проектора. Затем Абелль Дэвиан исчез.

В эту самую минуту Джей Калам услышал треск электрических зарядов и ощутил покалывание на коже. Он понимал, что какая-то сила тянет его к тому месту, где только что был Абелль Дэвиан, а потом его оттолкнуло назад. Джей Калам чувствовал головокружение, тошноту и не верил собственным глазам, ибо в том месте, откуда только что столь загадочно исчез маленький человек, стояло нечно чудовищное.

ТВАРЬ НИОТКУДА

Когда блондинка приветствовала Чана Деррона по имени в Казино, он остановился, пораженный и испуганный, затем, глядя в ее сияющие фиолетовые глаза, заставил себя ответить на улыбку и пожал ее теплую ладонь.

— Не могли бы мы поговорить? — спросила она и кивнула, указывая в сторону. — Пойдемте со мной, — сказала она. Голос ее напоминал золотистую песню, звучавшую в его сердце. — Я заказала столик на двоих в ресторане возле Алмазного Зала. Мы сможем поговорить за обедом. А потом, — голос ее звучал как музыка, и в фиолетовой глубине глаз светилось нечто черное и холодное, как межгалактическое пространство, — потом, — тихо сказала она, и снова ее лучистая улыбка заставила его сердце болезненно сжаться, — мы будем играть.

— Подождите, пожалуйста. — У Чана Деррона перехватило дыхание, и он попытался справиться с собой. Он отвел

глаза и попытался придать своему лицу спокойное выражение. Затем вновь повернулся к ней.

— Извините, — сказал он. — Вы — самая красивая женщина на свете. Однако, я думаю, вы обознались. Я доктор Чарльз Даррел. Я прибыл сюда с Венеры по пути на Землю. Очень сожалею, но прежде мы никогда не встречались. И, я не знаю этого ... — как вы сказали? — Чана Деррона.

Красивая гордая голова качнулась из стороны в сторону, и роскошные платиновые волосы сверкнули в свете огромных алмазоподобных колонн Казино. В фиолетовых глазах была насмешка, и Чан впервые заметил, что они слегка косят.

— Я не обозналась, — тихо сказала она. — А если вы не знаете Чана Деррона, я освежу вашу память. — Она быстро открыла сумочку, и он бросил взгляд на собственный портрет, над которым кричащий заголовок предлагал четверть миллиона долларов. Сумочка защелкнулась. — Итак, Чарльз, будете обедать?

В ее голосе, в светлой приглашающей музыке речи было что-то твердое, как огромный белый алмаз на ее шее, холодное, как планета с погасшим солнцем. Чан Деррон попытался сдержать дрожь.

— Как скажете, дорогая, — сказал он.

Возле массивного, окаймленного золотом портала они предъявили свои билеты. Чан бросил украдкой взгляд на билет девушки. На нем было имя Вани Злоян. Резиденция на Джунно. Но это был такой же временный пропуск, как и у него.

В ресторане, занимавшем треугольное пространство между тремя круглыми залами, Чан усадил девушку за укромный столик среди папоротников. Она заказала шампанское, он тоже.

— Ваня Злоян, — тихо сказал он. — С Джунно, — он взглянул на нее, — однако я думаю, Ваня, что на самом деле вы — землянка. Я никогда не встречал каллистанку с вашими манерами, хотя акцент, позволяет предположить, что вы

обучались в университете на Марсе. Думаю, что вы занимались наукой и музыкой. Я прав?

Белое лицо вдруг застыло, и выражение на нем было серьезным, почти трагическим. У Чана в горле появился комок.

— Предпочитаю не говорить о себе. — Голос ее при всей музыкальности был холоден, как солнце на Нептуне. — Я пришла, чтобы встретиться здесь с вами, Чан Деррон, и задать вопрос. — Она наклонилась вперед, и ее красивое тело напряглось. Фиолетовые глаза осветили его ярким и страшным огнем. — Что вы сделали с изобретением доктора Элероида?

Кровь отхлынула от лица Чана, оставив только серо-зеленую краску грима. Ледяные пальцы сжали сердце. Силы покинули его.

В тюрьме на Эброне он слышал этот вопрос десять тысяч раз, и сейчас один лишь этот звук вернул назад годы мучений. Два года он пытался совершить побег. Прежде, чем он смог заговорить, прошло некоторое время.

— Я не убивал доктора Элероида, — сказал он. — Я не похищал его изобретение. Обвинения лживы. Я — жертва чудовищного заговора. Поверьте мне, Ваня...

Глаза ее сверкали холодом полярной шапки.

— Я вам не верю, Чан Деррон. — Ее голос звучал со смертоносной решительностью. — И вы не сможете бежать, пока я не узнаю, что вы сделали и что собираетесь делать с секретом доктора Элероида.

Отчаянная безжалостная сила ее голоса и внимательные глаза заставили Чана испытать страх. И вдруг он заметил в этом лице, в этих глазах что-то знакомое.

— Вспомните, Чан Деррон, — предупредил его холодный голос. — Достаточно двух слов, чтобы оборвалась ваша жизнь, а также замечательная карьера Василиска.

Чан Деррон тяжело вздохнул и уселся в кресле поудобнее. Он смотрел, не отрываясь, на белокурую красавицу.

Он смотрел так, пока безмолвный официант не принес обед и не удалился. И то, что он увидел в ней, было гораздо более опасным, чем ее ледяной голос.

Ибо грим на ее лице, казалось, исчез. Платиновое сияние волос сменилось огненным блеском красного дерева. Он узнал это лицо!

Он изучал каждую черточку его в течение одиноких часов, рассматривая портрет, прикрепленный на стенке рубки «Атома-Фантома» рядом с его собственным портретом. Это прекрасное и смертельное опасное существо не было женщиной! Это была Леруа — последнее из синтетических чудовищ-androидов Эльдо Арруни. Цена ее жизни была сравнима с наградой за его голову. Чан Деррон вежливо улыбнулся и надел темные очки.

— Вы знаете два слова, — прошептал он. — А я знаю одно. Леруа.

В лице ее мелькнуло напряженное выражение, и в глазах было что-то темное и гибельное, однако в следующую секунду она тепло улыбнулась.

— Стол накрыт, доктор Чарльз, — сказала она. — И блюда слишком хороши, чтобы их не попробовать. Кроме того, до полуночи мы должны оказаться в Алмазном Зале.

Когда они очутились в помещении для игры, девушка купила стопку жетонов, выложив пачку зеленых кредиток, говорящих, казалось, о зловещем искусстве Леруа. Они сыграли. Он поставил свои жетоны напротив ее жетонов, и оба выиграли.

Возможно, подумал он, не следует питать иллюзий о роли судьбы за столиком Новой Луны, поскольку магнит ее красоты уже собрал толпу вокруг их столика.

Ее фиолетовые глаза внимательно рассматривали его и видели все, что происходило вокруг, отмеряя уходящие минуты. Она ждала, подумал он, полуночи. Когда он выдаст себя.

— Ваня, — прошептал он однажды, когда они оказались на какое-то время наедине, — я здесь лишь для того, чтобы поймать этого преступника. Если вы позволите мне...

— Подождите до полуночи, — равнодушно ответила она.

Когда подошли трое легионеров, Чан Деррон сразу узнал командора и Хала Самду. Даже в штатском ветеранов Легиона было видать за версту. Ему тут же захотелось оказаться футов на шесть пониже ростом.

Когда ему возвращали билет и ключи, он понял, что его узнали. А замечательный маневр коротышки был не более чем тщательно разработанным трюком. Он удивился, когда девушка столь смело выступила в его защиту. Чувства, вызываемые у него ее красотой, были сильнее страха, сильнее того ужаса, который он испытывал перед андроидами. Когда командор ушел, он повернулся к ней с улыбкой облегчения и благодарности.

— Спасибо, Ваня. — От ее ответной улыбки у него перехватило дух, но она, понял он, предназначалась зрителям.

Голос ее перешел на шепот, безжалостно-холодный, он зловеще прошелестел:

— Не следует меня благодарить, Чан Деррон. Калам, Самду и старый Хабибула узнали вас так же, как и я, и мое вмешательство ничего для них не значит. Они, как и я, ждут полуночи.

И полночь наступила.

Девушка схватила Чана под руку. Тонкие пальцы отчаянно вцепились в его плоть. Сильные, как и полагалось андроиду. Пронзительные фиолетовые глаза следили за каждым его движением, точно так же, как и он следил, не выдаст ли себя каким-нибудь движением Василиск. Вторая рука, заметил он, постоянно играла большим белым алмазом на шее. Что это за бриллиант, спросил он себя в этот последний момент. Огромный драгоценный камень, похожий на большую снежинку.

Чан Деррон услышал зловещее урчание. Он увидел, как замерцал маленький Дэвиан, как застыл и исчез. Он глотнул

сырого холодного воздуха. Его потянуло к тому месту, где только что стоял Дэвиан, затем оттолкнуло назад. И тут, едва понимая, что его душит облако едкого газа, он с изумлением уставился в чудовищные глаза ужасной твари, появившейся на месте Дэвиана. Ничего подобного в Системе еще не видели.

Стоя на трех тонких подгибающихся, похожих на резиновые, лапах, монстр достигал двенадцати футов в высоту. Тело в форме капли было покрыто зеленовато-черными чешуйками. Три огромных глаза, мутных, алых, глядели с бронированной головы. Огромный черный, как смоль, клюв разверзся, открыв множество зубов-сабель. Жуткая баxрома длинных змееподобных щупальцев свисала с клюва.

С ужасного тела на полированный пол капала зеленоватая слизь, в точности, подумал Чан, как будто чудовище было только что выхвачено из трясины неких первобытных джунглей. За слизью темнели чешуйки и проглядывал странный металлический блеск. Ощущался удушающий ядовитый запах, в котором Чан немедленно узнал запах хлора. Некоторое время чудовище стояло совершенно неподвижно, покачивая головой, жуткой, клювастой, и три огромных красных глаза, смотревших в трех разных направлениях, озирали весь круг столпившихся испуганных зрителей. Тихий сдавленный гул кочевал по Алмазному Залу. Никто не кричал. Затем те, кто стоял ближе, ослепленные дыханием твари, начали неуверенно пятиться назад. Вначале кто-то истерично рассмеялся, потом послышался пронзительный всхлипывающий визг. И ропот перешел в безумный рев.

Однако тварь уже двигалась. Три крыла внезапно расправились над бронированной спиной. Они были прозрачно-зелеными и отливали изумрудом. Два крыла с боков и третье, похожее на хвост, сзади — они поднимались и опускались одно за другим, словно пробовали делать это в первый раз. И затем их стало не видно, как раскрутившийся пропеллер. Огромный клюв раскрылся, и послышался

жуткий рев. Отразившись от сводов Алмазного Зала, дикое эхо неведомых джунглей полетело по всем коридорам. И само существо с неожиданной, удивительной ревностью помчалось на трех подгибающихся конечностях. Крылья издавали громоподобный гул и поднимали ветер, наполненный аммиаком.

— Назад, Ваня! — прохрипел Чан. Он бросился к ней, но огромное крыло ударило его по голове, и он упал. Падая, он заметил, что девушка стоит на пути монстра. Обе ее ладони были поднесены к странному белому бриллианту. Затем зеленоватые щупальца, корчась под клювом, словно змеи, подхватили ее. Тварь вместе с девушкой взлетела над перепуганными зрителями и помчалась через холл.

— Ловите его! — послышался громкий голос. — Ловите Чана Деррона!

Ослепший задыхающийся от аммиака, гигант Самду шатался, тер глаза и размахивал длинным ярким бластером. Рядом с ним Джей Калам, лишившийся голоса и задыхающийся, пытался созвать людей в штатском.

— Ловите его, — сопел Жиль Хабибула из-под стола. — Ловите смертельного монстра!

— Полмиллиона! — грохотал голос Гаспара Ханнаса. — Полмиллиона тому, кто поймает Чана Деррона!

Парализованный страхом и ядовитым газом, Чан понял, что у него осталось всего лишь несколько секунд. Затем, сунув руку за пазуху, под зеленую ткань, он нащупал небольшой геопеллер, снятый со скафандра. Кабель управления проходил через рукав, и он вцепился в рукоять. Быстрое нажатие пальцев, и он мгновенно взмыл над головами стражников. Поднявшись к самому центру потолка, он понесся за монстром и девушкой.

Внизу засверкали вспышки выстрелов. Пластик разлетался на куски, осыпая тех, кто в панике метался по полу. Он вдыхал запах озона и чувствовал, что слабеет. Однако геопеллер при всей своей небольшой величине развивал немалую скорость. Чан сделал зигзаг. Не прошло и нескольких

секунд, как он добрался до конца обширного зеленого зала, но монстр исчез, унося девушку. Куда теперь двигаться, было ясно. Чужое существо, должно быть, проглядело широкий дверной проем, так как в потолке зияло рваное огромное отверстие. Чан повернул рукоять. Геопеллер понес его в отверстие.

И мозг его, возбужденный скоростью полета, быстро принял решение. Сейчас, когда он был свободен и находился в воздухе, он понимал, что это — его шанс на спасение. Опасность подгоняла его, и ужасы, перенесенные на Скале Дьявола, казалось, гнались за ним по пятам. Однако он не стал убегать. Он охотился на Василиска, а чудовище было единственной нитью к тому, чтобы установить личность и методы этого преступника. Он понимал, что должен гнаться за монстром. Он пытался уверить себя, что девушка не играет роли. Безжалостный синтетический мозг Леруа представлял для него большую опасность, чем весь Легион. Было бы лучше, если бы монстр уничтожил ее. Но все же мысль о Ване Злоян тоже подгоняла его, хотя он сам того не осознавал. За отверстием в массивной стене, которое могло быть образовано лишь каким-нибудь более внушительным оружием, чем щупальца и клыки, — за этим отверстием он оказался в переплетении коридоров, в музее Новой Луны. Чудовища и девушки не было видно. В одном из залов впереди металось несколько человек. Возле стеклянного ящика стоял один из служителей с желтым полумесяцем на форме. Чан опустился рядом с ним.

— Куда? — требовательно спросил он.

Человек стоял, одеревенев, с остекленевшим взглядом. Он поднял руку. Хотя геопеллер использовался преимущественно в спорте и для спасения в космосе, вид летящего человека здесь был, видимо, достаточно необычен. Так же необычен, как и вид чудовища. Чан потряс его за плечо.

— Куда оно ее утащило?

— Этого не может быть, — захныкал человек. — Таких тварей не бывает. — Глаза его снова стали осмысленными, и

он с сомнением взгляделся в лицо Чана. — Тварь, несущая женщину? — прошептал он. — Она улетела вверх, в недостроенные помещения. Туда! — Он показал, а затем вдруг согнулся. Видимо, его затошило.

Поворачивая рукоять, Чан вновь метнулся вверх. Ветер завизжал в ушах, вцепился в одежду. Он нашел в потолке еще одну дыру и помчался туда, где находилась недостроенная часть Новой Луны. Над пустыми полами переплетались

проводы и тросы, уходя вверх, в мрак. Атомное пламя горело тут и там, словно звезды в металлической вселенной. Оно отбрасывало синие фантастические тени. Несколько мгновений Чан Деррон вглядывался, обескураженный, в синюю таинственную бездну зловещих теней и металлической паутины. Вытащив бластер из-под одежды, он услышал монстра. Жуткий рев разносился сквозь стальную путаницу,

отразился от корпуса, но зато он указал направление. Геопеллер опять помчал Чана вверх. Наконец, на огромной платформе, которой пользовались строители, он настиг тварь и девушку. Далекое синее пламя освещало гротескную сеть черных теней. Девушка лежала без движения. Над ней скользил огромный кошмар, разинув ужасный клюв. Щупальцы-змеи извивались вокруг шеи.

Геопеллер понес Чана вперед. Вспыхнул бластер. Первый белый разряд ударили в темное чешуйчатое тело. Похоже, никакого вреда монстру он не причинил. А в зеленых щупальцах мелькнуло оружие. Такой же служебный бластер нового типа, принятый на вооружении в Легионе.

Малейшей доли энергии разряда было достаточно, чтобы вызвать медленную смерть от лучевой болезни. Чуть большая доза — и он погибнет мгновенно от ионизации ткани мозга. Однако второй заряд угодил в красный глаз монстра и вызвал немедленный эффект. Бластер упал. Закоченев, чудовище стало валиться на девушку.

Не обращая внимания на крик протesta в глубине души, он рванулся вперед. Та же рука, что держала бластер, обняла девушку. Геопеллер поднял их обоих. Монстр рухнул позади. Огромные зеленые крылья, ударившись о платформу, расправились. Тело вытянулось и уже не шевелилось. Чан опустился рядом с чудовищем и помог девушке встать на ноги. Ее стройное тело задвигалось, и она прошептала:

— Спасибо, Чан. — Она глядела на него и испуганно улыбалась.

Голос ее был волшебным. Фиолетовые глаза приблизились, и затем, с неожиданной быстротой пантеры, она выскользнула из его рук. Внезапный парализующий удар локтем пришелся в нервный узел на его шее. Яростная свирепая сила выкрутила бластер из его руки... Потрясенный, он пошатнулся. Здесь, вдалеке от гравитационных пластин на дне корпуса Новой Луны, притяжение было весьма слабым, и ему потребовалось некоторое время, чтобы выпрямиться.

Когда он восстановил равновесие, она стояла напротив, держа его на мушке собственного оружия.

— Ну что ж, мистер Василиск, — послышался тихий насмешливый голос. — Посмотрим, как вы уйдете на этот раз.

У Чана перехватило дыхание. Вокруг вращались синеватая тьма и тени от стальных тросов. Он заранее знал, что девушка опасна, и все же красота ее сбила его с толку.

Рука потянулась к рукояти управления геопеллера. Он не особенно надеялся, что может избежать выстрела, однако тяги маленького устройства могло быть достаточно, чтобы сбить ее с ног своим телом.

— Ни с места, Чан Деррон! Убери руку!

Бластер в ее руке вздрогнул.

Он расслабил пальцы.

— Ваня, не можешь же ты всерьез считать, что я — Василиск. До сих пор ты была на моей стороне...

— Молчать! — Сверкающее оружие властно поднялось. — Я была достаточно близко от вас, чтобы почувствовать механизм на вашем теле, Деррон, и кабель в рукаве. — Прищуренные фиолетовые глаза светились гибельным блеском. — На этот раз вы попали в западню. Вам не уйти.

Он снова увидел, как пальцы ее потянулись к странному белому алмазу на шее.

— Но все же я хочу дать вам еще один шанс.

Он увидел, как рука ее напряглась и лицо превратилось в безжалостную белую маску. Голос ее, холодный как льдина, хлестнул его:

— Что вы сделали с изобретением доктора Элероида?

Он беспомощно покачал головой.

— Где машина, которой вы управляетесь с помощью приборов, что находятся на вашем теле?

Он знал, что она выстрелит, однако не отвечал. Он не мог заставить себя броситься на нее. Две смерти вместо одной. Но ее безжалостная красота...

И вдруг он услышал чудовищное урчание. Девушка и все, что было за ее спиной, вдруг замерцало, как будто между ними опустилась витриловая стена. Он увидел, как рука ее застыла на рукоятке бластера, увидел белую вспышку. Последнее, что он видел, — ее напряженное лицо с мрачным подозрительным выражением, которое сменилось изумлением и горьким пониманием. Она растворилась в бездне тьмы, усеянной звездами, а Чан Деррон провалился в черный и безвоздушный холод.

НИТЬ НА КОНТР-САТУРНЕ

— Говорите, оно мертвое? — дрожа, спросил Жиль Хабибула. — Джей, ты уверен, что эта жуткая тварь мертва?

В вышине, в тенистой путанице синеватых металлических тросов, под куполом Новой Луны, на голой платформе растянулось уродливое чудовище. Джей Калам, Хал Самду и Гаспар Ханнас стояли возле лифта на платформе... Жиль Хабибула прятался за их спинами.

— Совершенно мертва, — заверил его Джей Калам. — Очевидно, с ней разделался Чан Деррон. Кто бы мог подумать, что под одеждой у него геопеллер! А потом он унесся вместе с девушкой.

— Унесся! — Это был сдавленный стон. Они обернулись и посмотрели на огромного, одетого во все черное владельца Новой Луны. — И все наши гости знают, что он натворил! Там, на палубах, паника! Каждый корабль, который должен отчалить, уже забит до предела беженцами. Через двадцать четыре часа на Новой Луне не будет ни одного посетителя, а также многих наших работников.

Огромные белые кулаки Ханнаса сжались.

— Меня разорил Василиск, командор, — прохрипел он. — Или Чан Деррон. Пошлите за ним погоню.

Рука Джая Калама указала на тусклый лабиринт из стальной арматуры.

— Должно быть, он где-то здесь вместе с этой женщиной, — сказал он, нахмурив темный лоб.

— Да, Джей, — ответил Хал Самду. — Она была прекрасна, прекрасна сверх всякой меры. Эта же злая красота, которая отличала андроидов Эльдо Арруни.

— Андроид! — воскликнул Джей Калам. — Видимо, так. Должно быть, это Леруа, злобная сестренка Стивена Орко. — Он добавил: — Для такого существа Новая Луна — лакомый кусок. А Чан Деррон для нее — идеальный сообщник. Однако она не была похожа на...

— Похожа, Джей. Похожа, — возразил Жиль Хабибула. — Это смертельно очевидно. Цвет волос и глаз изменен, и косметика изменила форму ее лица. Но, все равно, это была она.

Джей Калам повернулся к нему.

— Почему ты не сказал?

Подняв трость, словно собираясь защищаться, Жиль Хабибула попятился.

— Джей, Джей, — жалобно засопел он. — Не будь так строг с бедным солдатом. — Он тяжело вздохнул и прижал к сердцу толстую желтую ладонь. — Жиль уже очень стар. Глаза у него совсем слабые. Но он все же не чужд восприятия красоты. Джей, а эта девушка была слишком красива, чтобы стоять перед строем твоих солдат с бластерами. Ах, это была просто мечта.

— Будь на твоем месте другой, он бы сам встал перед строем солдат с бластерами.

Командор решительно повернулся к Гаспару Ханнасу.

— Напомните вашей полиции, — сказал он, — что эта женщина-андроид стоит двести пятьдесят тысяч долларов. Что означает три четверти миллиона за двоих.

— Я не пожалел бы и миллиона, командор, — прохрипел гигант, — чтобы спасти Новую Луну.

Он побрел к лифту.

Джей Калам почесал подбородок.

— Возможно, надо поставить Леруа рядом с Дерроном в нашем списке подозреваемых, — сказал он медленно. — Мы знаем, что Василиск умен, беспощаден и весьма сведущ в науке, а это описание подходит к андроиду. Или она Василиск, или она его сообщник. Либо она пришла сюда, чтобы перехватить его добычу.

Он повернулся к закоченевшей твари, убитой Чаном Дерроном. Хал Самду уже осматривал ее с помощью фонарика, а Жиль Хабибула тыкал в ее бронированное тело тростью.

— Ах, какой ужас! — засопел старик. — И оно появилось ниоткуда.

— Оно пришло откуда-то, — хмуро вмешался Джей Калам. — И усложнило ситуацию. Таких тварей в Системе нет, и ничего подобного мы не встречали на комете. Это означает...

— Джей, — изумленно прохрипел Жиль Хабибула. — Джей, взгляни!

В его руке дрожала поднятая трость.

— Эта смертельная тварь никогда не была живой.

— Что ты сказал?

— Смотри! — засопел старик. — Чешуя металлическая, на заклепках. В крыльях нет плоти, это же жалкий целлулит! И машут они не за счет мускулов, а за счет тросов. Змееподобные щупальца, что схватили бедную девочку, — они сделаны из металлических дисков, проволоки и резины, а жуткие глаза — витрилитовые линзы. Джей, эта тварь — смертельный робот!

— Верно, Жиль. — Джей Калам склонился над роботом. — Хал, дай мне твой фонарик.

Он заглянул в один из трех огромных стеклянных глаз, пощупал эластичный материал, из которого были сделаны крылья, осмотрел клюв, щупальца и конечности, оглядел металлическую чешую и прожженную дыру там, где должен был находиться центральный глаз. Наконец, он решительно встал и возвратил Халу фонарик.

— Ах, Джей, — нетерпеливо произнес Жиль Хабибула. — Что ты обнаружил?

— Кое-что обнаружил, — сказал командор. — Кое-что, очевидно, нам пригодится уже сейчас. Тщательное расследование позволит выяснить остальное. — Он повернулся к Халу Самду. — Хал, этот механизм поручается тебе. Немедленно отправь на базу в Скалистых Горах группу ученых, включи в нее как можно больше людей, которые были с нами на комете. Пусть они разберут робота, проведут микроскопическое, химическое, бактериологическое исследования образцов покрова и внутренних частей. Сфотографируйте каждую деталь в ультрафиолетовом свете. Впрочем, твоя команда сама знает, что делать. Вели им не упускать ни малейшей крупицы информации, ибо эта тварь — единственная наша ниточка к методам и местонахождению Василиска. Пусть твои люди составят полный отчет о том, что они выяснят, и выскажут все предположения о том, где могла быть построена эта машина, кем, с какой целью, и как ее доставили на Новую Луну. И еще — как можно бдительнее охраняйте робота и результаты своих исследований.

— Есть, командор. — Хал Самду отдал честь, и веселая улыбка осветила его большое некрасивое лицо. — Наконец-то, Джей, мне удастся заняться чем-нибудь стоящим.

И он пошел вслед за Ханнасом к кабине лифта.

— А теперь, Жиль, — продолжал командор, — я бы хотел узнать побольше о трех людях. Я знаю, что вес улик говорит о том, что Василиск — Чан Деррон. Возможно, здесь не обошлось без андроида. Но в таком серьезном деле мы не должны исключать и другую возможность. Предположим, Василиск должен быть блестящим, с безжалостным умом, ученым. В Алмазном Зале находились трое таких людей, которые могут быть заподозрены.

— Да, Джей. — Маленькие рыбьи глазки Жиля Хабибулы заморгали. — Кто же это?

— Инженер Джон Комэйн, — начал Джей Калам.

— Ах, да, — согласился Жиль Хабибула. — Мне не понравился вид этой таинственной коробки. — А кто остальные?

— Игрок Брелекко, — сказал командор. — И сам Ханнас.

— Ханнас! И Брелекко. Ах, да, я вижу, все трое подходят к твоей классификации. Я мало знаю об этом Комэйне. Но если и были среди людей когда-либо два ненавидящих друг друга волка, то это Ханнас и Брелекко.

— Ты знаешь их, Жиль. Они всегда были такими друзьями, как сейчас?

— Друзьями?! — Выпученные глаза уставились на Джая.

— Ах, Джей, они ненавидели друг друга всю жизнь. Мы все трое ненавидели друг друга. Ах, да! И если бы один из нас был слабее остальных, то они растерзали бы его в клочья.

— Расскажите мне об этом, Жиль.

— Это было сорок лет назад, Джей, даже больше. — Опершись на трость, Жиль Хабибула покачивался. — Тогда Жиль был настоящим мужчиной, воином, а не жалким старым солдатом, как сейчас. Он возвращался на Венеру, получив отпуск в Легионе...

— Отпуск, Жиль? — удивился хмурый командор. — На пять лет?

Жиль Хабибула сердито засопел.

— Обвинения в дезертирстве не подтвердились, Джей. Ах, все это было коварным замыслом моих врагов, чтобы испортить карьеру верного легионера.

— Не подтвердились, — многозначительно вставил Джей Калам, — потому что все документы следствия загадочно исчезли.

— Мне ничего не известно об этом. — Рыбы глазки заморгали. — Если тебе больше нечего делать, кроме как повторять злобные измышления демонов вроде Ханнаса или Брелекко, если ты хочешь зла старому солдату, смелейшему из солдат, которые когда-либо рисковали жизнью, чтобы спасти Систему... — Жалобный голос надломился.

— Прости, Жиль. — В темных глазах Джая Калама засвятился крошечный огонек. — Расскажи, что произошло на Венере.

— Ах, Джей, спасибо, — благодарно засопел старик. — Ты никогда не стремился раскопать тех собак, которых пытались навесить на бедного старого солдата. — Он покачивался, опершись на трость. — Я возвратился на Голубой Единорог. Это маленький скалистый островок возле Нового Чикаго. Очень дикое место и очень богатое — одно из богатейших в Системе. Туда меня привела женщина, Джей. — Он вздохнул, и его бесцветные глаза уставились вдаль.

— Ах, Джей, такой женщины тебе не найти во всей Системе. С ней могла сравниться лишь андроид Леруа. Ах... не было другой такой прекрасной, быстрой и смелой. Ее звали Этира Коран. — Он слглотнул. Тонкий голос дрожал. — Мы все трое были в нее влюблены. Джей, ах, Джей, любой человек в Системе мог свихнуться от ее красоты, однако мы трое во всем превосходили остальных. Мы знали, что лежит, между нами. И ради нее мы заключили нечто вроде союза. Амо Брелекко незадолго до того действовал на юпитерианских лайнерах. В то время у него было другое имя. Но он им не пользовался. Во время его деятельности на лайнерах один человек кончил жизнь самоубийством, другой погиб. Он делал деньги. Он был молод, однако весьма искусен. Никто, кроме меня, не мог обыграть его в карты. В то время у него был голос, а не этот призрачный шепот. И, как тогда, так и сейчас, он питал пристрастие к причудливой одежде и блеску драгоценностей. С женщинами он обходился нежно, трепетно — да, Джей, много бедных девочек отдали ему свою душу и погибли.

Откуда пришел Гаспар Ханнас — никто не знал. Его звали и Педро Акула. Ходило множество слухов об его прошлом, но лицо у него тогда было другим. Откуда бы он ни явился, он принес с собой удачу, и еще большая удача ждала его на Голубом Единороге. Деньги и кровь... Ах, Джей, я повидал такое, чего никогда не забуду. Такому человеку, как Гаспар

Ханнас, могла отказать редкая женщина, однако Этира Коран была достаточно смелой, чтобы защитить свои красоту и честь, и крайне мало мужчин могли потягаться с Педро Акулой. Но в те давние дни, Джей, старик Жиль был еще мужчиной.

Глаза старика опять обратились на чудовищного робота, лежащего на платформе, и он удивленно оглянулся, как будто впервые его увидел.

— Ах, какая жуткая машина! Я мог бы долго рассказывать, Джей. Ах, я мог бы рассказать о таких страсти, коварстве и гибели, что у тебя замерло бы сердце. Ибо Акула и Зел были безжалостными хитрыми зверями, а я... ты знаешь, что Жиль всегда был честен, прямолинеен и прост, как драгоценное дитя. Я должен был обезоружить их, чтобы самому не пропасть. Короче, Джей... — Он помолчал, и на его желтом круглом лице появилась счастливая улыбка. — Короче, девушка досталась мне. Ах, до чего же это был прекрасный трофеи! А что касается Ханнаса и Брелекко, то они обратили свой гнев друг против друга. Это мне удалось столкнуть их лбами. И с тех пор они — настоящие враги. Быстрота и искусство Брелекко столкнулись с грубой силой и безжалостной храбростью Ханнаса, и ни одному из них не удалось погубить другого.

— И ты думаешь, что они все еще враги? — спросил командор.

— Смертельные враги, — подтвердил Жиль Хабибула. — А с чего им было стать друзьями? Ведь Брелекко, должно быть, безумно завидует богатству и власти, которые Ханнас приобрел на Новой Луне, а Ханнас — и поделом — ненавидит Брелекко за то, что тот знает его прошлое и его трюки, держит его на крючке и выигрывает за его столом. Ах, Джей, любому из них достало бы мозгов и смертельной злобы, чтобы стать твоим Василиском.

— Возможно, — с сомнением произнес Джей Калам, — хотя это не позволяет нам с очевидностью заподозрить кого-либо, кроме Чана Деррона. Надо встретиться с ними еще раз.

Когда возвратился Хал Самду со свитой легионеров и занялся роботом, они спустились в роскошные апартаменты, выделенные им Распаром Ханнасом. Командор послал за Амо Брелекко.

Желтый, очень похожий на скелет, облаченный в просторные шелка, искрящийся огромными бриллиантами, игрок представлял собой внушительную фигуру. Темные глаза с ненавистью уставились на Жиля Хабибулу.

— Брелекко, — спросил мрачный командор, — вы умный человек, скажите мне, что вы думаете насчет Василиска?

На ястребином лице сохранялось мрачное тревожное выражение.

— Очевидно, преступник — способный ученый, — едва слышно ответил игрок. — Очевидно, он в малейших деталях знает Новую Луну. Очевидно также, что он недолюбливает Гаспара Ханнаса. Мне известен один человек, командор, который соответствует этим пунктам.

— И кто это, кроме вас?

Темные немигающие глаза яростно впились в него.

— Кто это? — повторил Джей Калам.

— Человек, построивший Новую Луну, — прохрипел Брелекко, — Джон Комэйн.

— Но разве он не работает на Ханнаса?

— Джон Комэйн — раб Гаспара Ханнаса, — прохрипел Брелекко. — Я знаю всю подноготную, я один, если не считать нас обоих. Будучи молодым человеком, замечательным ученым, обезумевшим от жажды богатства, Комэйн явился в разбитый корпус списанного космического корабля, который первоначально являлся Новой Луной. Он потерял много денег, которые ему не принадлежали. Ханнас позволил ему расплатиться своими способностями ученого и потом вынудил его ввязаться в новое преступление. Комэйн поначалу пытался сбежать, однако каждая попытка все больше ввергала его во власть Ханнаса, и все же я думаю, что он сохранил душу и гордость ученого. Я знаю, что вначале он мечтал о Новой Луне не как об игорном заведении,

а как о сверхобсерватории и лаборатории для всех отраслей науки. Ее, по его замыслам, должны были установить на орбите Нептуна. Однако безжалостный Гаспар Ханнас внес свои корректизы. Разве это странно, командор, если ученый, возмущенный тем, что полжизни провел в рабстве, совершает ответный удар?

— Возможно, нет, — медленно кивнул Джей Калам. — Благодарю вас, Брелекко.

Он велел двум людям в штатском следить за игроком и послал за Джоном Комэйном. Когда инженер появился, неуклюжий, с лицом, похожим на квадратную строгую маску, со слегка выпученными глазами, не выражавшими никаких чувств, командор задал ему тот же вопрос о Василиске.

Комэйн покачал большой белой головой, бесстрастный как статуя.

— Василиск — ученый, — произнес он бесстрастным ровным хриплым голосом. — Я знаю, командор, что это так, потому что пытаюсь противодействовать ему собственными знаниями и это мне не удается. Лишь одного человека, способного с ним сравниться, мне доводилось встретить в жизни. Это был доктор Макс Элероид.

— Но Элероид мертв.

— Это лишь мое предположение, командор, — ровно произнес инженер. — Возможно, труп был опознан неправильно.

За Комэйном стали следить еще два оперативных сотрудника.

Появился посыльный в зеленой форме Легиона.

— Командор Джей Калам, — сказал он, отдав честь. — Мы получили сообщение со всех бирж на всех планетах. Как вы и предполагали, сэр, акции и облигации Синдиката Новой Луны немедленно упали в цене, как только появились сведения о том, что здесь произошло. Приблизительно на три процента. Сообщения о финансовом состоянии Новой Луны подтверждают ваше предположение о кулуарной борьбе за

контроль над деятельностью Синдиката. Одна из групп уже капитулировала, так что вторая способна перекупить все предприятия.

Джей Калам мрачно кивнул.

— Покупателя выследили?

— Всегда очень сложно что-либо узнать, когда дело касается Синдиката Новой Луны, сэр. Нам пришлось оказать давление на некоторых людей. Судя по всему, покупатель — Гаспар Ханнас.

— Вот как? — Жиль Хабибула выпрямился. — Однако Ханнас и так владеет Новой Луной.

— Он — глава Синдиката, — сказал Джей Калам. — Первоначально он был единственным владельцем предприятия, но строительство Новой Луны было очень затратным, и сумма, в которую она обошлась, видимо, была очень велика, хотя ее и не объявляли. Он был вынужден продать большое количество акций, и Синдикат связан по рукам и ногам различными обязательствами. Это — одна из главных причин, почему можно подозревать Гаспара Ханнаса.

— Вот как, Джей! — Жиль Хабибула побледнел и покрылся потом. — И мы находимся на Новой Луне, в самом логове этого смертельного негодяя! Но почему Ханнас, Джей?

— Хотя все, что касается деятельности Синдиката, тайна за семью печатями, ясно, что Гаспар Ханнас может вот-вот потерять Новую Луну. Однако сейчас деятельность Василиска позволяет ему снова приобрести контрольный пакет акций собственного предприятия. Я считаю, что это весьма сильный мотив.

— Да, — согласился Жиль Хабибула. — Но ты говоришь, что Василиск — ученый, а Гаспар Ханнас — не ученый.

— Однако под каблуком у него, если Брелекко говорил правду, есть очень способный ученый Джон Комэйн. — Джей Калам рассеянно почесал подбородок, и взгляд его темных глаз вновь остановился на Жиле Хабибуле. — И все же, явные улики говорят о том, что Василиск — Чан Деррон. Ибо

Чан Деррон захватил изобретение доктора Элероида. Возможно, именно оно является источником силы Василиска. Чан Деррон связан с каждым преступлением, и он был здесь, имея на себе скрытые приборы, когда исчез Дэвиан. И ему опять удалось загадочным образом скрыться. Я долгое время отказывался верить, что такой отличный легионер, каким был капитан Деррон, мог превратиться в монстра, подобного Василиску. Но присутствие женщины-androида подтверждает это. Возможно, Леруа была тем загадочным шпионом, который напугал доктора Элероида, а потом она встретила Чана Деррона. — Он смотрел вдаль, хмурясь. — Это был не первый человек, развращенный и сломленный фатальной подлостью этих нечеловеческих тварей.

— Да, Джей, — вздохнул Жиль Хабибула. — Некоторые из них были смертельно прекрасны.

Взгляд Джая Калама снова обратился на старика.

— Жиль, — тихо произнес он. — У меня есть идея.

— Да, Джей? — Рыбы глаза заморгали. — Не слишком ли много идей у тебя для бедного никчемного героя Легиона?

— Я приказываю тебе, Жиль, найти Чана Деррона.

— Но мы все ищем Деррона.

— Да. — Губы Джая Калама сжались. — Однако я боюсь, что ты не проявляешь полностью своих способностей. — Голос его зазвучал чуть громче. — Жиль, я, командир Легиона, приказываю тебе найти Деррона и женщину, которая была с ним. Любыми средствами. Ты будешь работать в одиночку, но можешь связываться со мной по ультракоротковолновой связи и просить любую помощь.

— Найти Василиска? — Жиль Хабибула побледнел и съежился. — Почему ты думаешь?..

— Пользуйся собственными методами, — сказал Джей Калам, — но тебе придется раскрыть многое из твоего туманного прошлого. Ты должен притвориться преступником. Что бы ты ни делал, ты должен узнать все. Определи местонахождение Василиска, его резиденции — найди мишень для Хранителя Мира. Поймай Деррона и андроида.

Жиль Хабибула облизал пухлые синие губы и сглотнул. Потное лицо стало зеленовато-желтым. Судорожно вздохнув, он вытер лысину дрожащей рукой.

— Джей, — прохрипел он. — Что ты задумал? Разве мало сделал Жиль для Системы за все эти годы? Разве не отдал он ей свой драгоценный гений? За что ты бросаешь его в эту ужасную паутину?

Толстые пальцы, дрожа, впились в руку Джей Калама.

— Во имя жизни, Джей, отмени свой жестокий приказ, Джей, может быть, бедного старого Жиля похитят сию же минуту, а найдут в черном склепе Клиники Эфтаназии, с ножом Василиска в бедной мертвый спине.

— Вспомни о Хранителе Мира, — хмуро произнес Джей Калам.

Жиль Хабибула всхлипнул.

— Ради Хранителя, — печально произнес он. — Ради нее я пойду на это, Джей.

Затем командир Легиона напрягся, и его длинное вытянутое лицо слегка побледнело.

Кррр! Кррр! Кррр!

Тихий звук, необычайно настойчивый, доносился из коммуникатора, висевшего на цепочке у него на шее. Командор вытащил из-под своего штатского одеяния маленький черный диск.

— Экстренный вызов, — сказал он Жилю Хабибуле. Жиль Хабибула внимательно следил за тем, как

Джей Калам крутит верньер, шепчет кодовый пароль и подносит устройство к уху. Как ни напрягал слух старый легионер, он ничего не услышал.

И хмурое сосредоточенное выражение не покидало лица Джей Калама. Однако жесткая, напряженная поза выдавала многое.

— Что, Джей, плохие новости? — прошептал Жиль Хабибула, когда командор отпустил диск. Джей Калам медленно кивнул.

— Я говорил с одним из офицеров кометарной экспедиции на Контр-Сатурне, — тихо произнес он. — Экспедицию ограбили, Жиль. Исчезли все наши материалы, образцы.

— Вот как, Джей! — заморгал Жиль Хабибула. — Секреты кометчиков? Все наиболее ценные и наиболее опасные записи?

— Да, все это исчезло, Жиль. Оружие и приборы, с помощью которых мы намеревались охранять границы нашей цивилизации, — все исчезло.

— Неужели это Василиск?

— На столе Боба Стара найдена глиняная змейка. Стол Боба Стара стоял в одном из бункеров. Кстати, ни один из замков бункера не поврежден. Как обычно, там осталась улика. На стол упала желтая контрамарка с Новой Луны, датированная вчерашним днем, и на ней имя доктора Чарльза Даррела.

— Даррел! — прохрипел Жиль Хабибула. — Но, Джей, не прошло и шести часов с того момента, когда я вытащил эту контрамарку из кармана Чана Деррона, а до Контр-Сатурна на самом быстром крейсере три дня пути.

— Это лучшее доказательство тому, — мрачно сказал Джей Калам, — что Василиск — это Чан Деррон. — Он махнул длинной рукой. — Найди его, Жиль.

— Но... — просопел испуганный Жиль Хабибула. — ты говорил, что с тобой разговаривал офицер. Где же сам Боб Стар?

Лицо Джекса Калама напряглось.

— Офицер сказал, что капитан, Боб Стар загадочным образом исчез из бункера. Жиль, я боюсь, что Боб Стар уже в руках Василиска. Живой или нет — боюсь даже предположить.

Жиль Хабибула с усилием встал, опираясь на трость.

— Боб, бедный парень, — всхлипнул он. — Теперь мне достаточно ясен мой долг. Но как я найду Василиска? — Он безнадежно покачал головой. — Как может бедный старик

выследить монстра, который в полночь оказался здесь, а к рассвету — в миллиарде миль отсюда?

Бледные глаза закатились.

— О, во имя драгоценной жизни, как я смогу его найти? А этого смертельного андроида? Как может один бедный солдат противостоять двум самым страшным преступникам в Системе? Как он может противостоять злобной власти Великого Великана? И этой женщине, чья красота — ложный мираж, огонь грез и отравленный клинок?

Он заморгал и судорожно вздохнул.

— Однако долг есть долг. Прощай, Джей, прощай! Прошу тебя, скажи Хранителю, что бедный старый Жиль был верен до конца... — Он протянул дрожащую руку, и командор пожал ее. — Очень похоже, Джей, что Жиль Хабибула никогда тебя больше не увидит. — Он медленно вышел в коридор.

НЕЗЕМНОЙ РОБОТ

В роскошной и, вместе с тем, простой обстановке своего салона на могучем «Непреклонном», опять облаченный в зеленую с золотом форму, Джей Калам сидел и ждал в нетерпении. Глухое ровное пение геодинов ворвалось в каюту. Хал Самду вошел в дверь. Вид у него был встревоженный.

— Ну что, Хал? — Выражение лица командора не скрывало тревоги. — Что скажешь о роботе?

Огромные узловатые руки Адмирала-Генерала положили на стол пухлый зеленый конверт. Он поднял свирепо сжатые кулаки.

— Если бы только я мог вот так стиснуть глотку Деррона!

— В его голосе звучало бешенство. — Подумай, Джей, весь Легион не может обещать Хранителю безопасности.

— Я знаю, каково тебе, — кивнул командор. Губы его были белыми. — Что скажешь?

— Все в конверте, — сказал Хал Самду. — Я собрал двадцать человек, половина из них — ветераны экспедиции на комету, каждый из них — специалист в какой-нибудь области науки. Они разобрали робота на части, изучили каждую деталь всеми возможными способами. Лабораторная работа была закончена на базе двенадцать часов назад. За это время они обсудили все, что нам удалось узнать, и написали доклад.

Джей Калам нетерпеливо наклонился к столу.

— Что они обнаружили?

Хал Самду покачал седой головой.

— Джей, я не ученый. Ты это знаешь. Все в конверте.

— Но, — сказал командор, — вкратце...

— Как ты и предполагал, Джей, этот робот изготовлен незаконно. В нем заложены принципы, запрещенные в статусе Зеленого Холла, в том самом, по которому андроиды объявлены вне закона. Наиболее похожая модель была изъята из музея вскорости после войны с медузианами. Она была построена молодым доктором Еносом Клаггом, который был захвачен Легионом и провел три года на Эбруне.

— Подробности?

Наморщась от мучительных попыток говорить более ясно, Хал Самду разминал огромные узловатые пальцы.

— Первое, Джей, — громыхнул он. — Они пришли к выводу, что тварь была построена земным инженером, обученным на Земле или на Марсе.

Джей Калам кивнул.

— Почему?

— Потому что в нем использовано очень много знакомых конструкторских принципов. Ничего похожего на те странные штуки, непонятные для нас, которые мы находили в машинах кометчиков. Тварь эта двигалась на атомной тяге. Там есть все — рычаги, тросы, шестеренки, маховики; все связано друг с другом так, как это бы сделал хороший земной инженер. Если ему приказать соорудить механическую имитацию того монстра.

Джей Калам рассеянно почесывал челюсть.

— Это очень подходит к Деррону, — сказал он. — Ему всегда ставили высокие оценки за инженерные разработки. Однако с таким же успехом это подходит и к женщине-андродиду, и к Ханнасу, и к Брелекко, и к Комэйну. Что еще, Хал?

Огромный Адмирал-Генерал загнулся второй узловатый палец.

— Они согласились, что эту тварь смонтировали за пределами Системы.

Джей Калам снова кивнул.

— Где?

— На планете несколько большей, чем Земля, относительно близкой к гаснущему красному солнцу, звезде типа K9e. Поверхностная гравитация на планете приблизительно одна целая двадцать пять сотых «же». Примерно на четверть больше земного тяготения. Атмосфера плотнее, чем земная. Она содержит достаточно чистого кислорода, чтобы человек мог дышать, но и много свободного хлора, чтобы дышать этим воздухом было очень неприятно.

Командор внимательно слушал.

— Основа этих заключений?

— Во-первых, металлы, из которых изготовлен робот. Это алюминий, а также бериллиевые сплавы. Они соответствуют стандартным металлургическим формулам. Однако спектральный анализ указывает, что металлы добыты не из земных руд. Примесей достаточно мало, но все же металлурги стоят на своем.

Во-вторых, коррозионные пятна на теле твари. В них обнаружены хлориды, что является свидетельством взаимодействия с чистым хлором. И помнишь, как пахло хлором, когда появилась тварь.

Джей Калам кивнул, нахмурясь.

— В-третьих, Джей, в зеленом иле, прилипшем к телу твари, обнаружена жизнь. Микроорганизмы, неизвестные в Системе. Я не бактериолог, и ты найдешь подробности в докладе. Однако все и так достаточно ясно. Микроорганизмы

погибли в условиях Системы из-за отсутствия хлора. И на их месте обильно размножились наши обычные бактерии. Некоторые разновидности поглощают хлориды и выделяют чистый хлор. Если бы подобные организмы развились в океанах Земли... — Лицо Хала Самду помрачнело. — Я надеюсь, Деррон не додумался до этого...

— Что еще? — спросил командор.

— Они рассмотрели проблему под другим углом, — продолжал Хал Самду. — Очевидно, робот — механическая продукция живого оригинала. Он имеет очень много характерных черт, таких как чешуя, зубы, клюв, ноздри: будучи бесполезны для машины, они подтверждают этот вывод. А подобные вещи очень много говорят о природной среде, в которой жил прототип.

Джей Калам поднял длинную руку.

— Один вопрос, Хал. Зачем понадобилось копировать робота с такого прототипа?

— Ученые это тоже обсудили, Джей. Если исключить возможные намерения обмануть других существ того мира или напугать людей... — Лицо Адмирала-Генерала покрылось морщинами. Он пытался поточнее выразить мысль. — Если исключить это, Джей, то остается вывод, что машина эта была предназначена для того, чтобы действовать в любых заданных условиях. Она должна следовать тем же принципам, которые обнаруживает при этих условиях жизнь. Так говорится в докладе. Почему бы тебе не почитать его, Джей?

Но командор сделал ему жест продолжать.

— Судя по размерам твари и запасу прочности ее конечностей и крыльев, — заключил Хал Самду, — учитывая размеры, силу, вес и размах крыльев в сравнении с полным весом, обобщив все это, ученые определили точную плотность атмосферы и поверхностную гравитацию. Определив оптимальные температурные условия для жизни хлоролюбивых растений, они установили температуру планеты. Фотоячейки, служившие твари глазами, многое нам открыли. Их чувствительность, пропускная способность диафрагм и

природа световых фильтров позволили очень точно установить интенсивность света и его спектр, а также цвет солнца К9е...

Один дедуктивный вывод следовал за другим, подтверждая его и внося поправки. Я лишь вкратце способен рассказать тебе, Джей. Да, наука Системы стала прекрасным и мощным инструментом.

— Слишком мощным, — сказал Джей Калам, — особенно в руках Василиска. Что еще, Хал? Есть ли какие-нибудь догадки о том, как робот появился на Новой Луне или как исчез Дэвиан?

Хал покачал косматой головой.

— Реальных доказательств нет, однако один из гравитационных физиков высказал предположение. Он считает, что Василиск, возможно, использует прибор на принципе ахронных сил. Подобные искажения в метрике вселенной позвоили Кай Нимида покинуть комету. Ты все прочтешь в докладе. Кстати, он утверждает, что идея слишком туманна, чтобы иметь практическую ценность. Будь у нас данные кометарной экспедиции, мы, возможно, добились бы чего-нибудь. Но они исчезли.

— В таком случае, — сказал Джей Калам, — можешь ли ты что-нибудь сказать о местонахождении звезды?

— Это тоже в конверте, Джей, — устало продолжал Хал Самду. — Это еще одно достижение наших астрофизиков. Они пересмотрели все звезды К9е в пределах радиуса действия телескопов. Они не очень яркие — поверхностная температура немногим больше трех тысяч, — и все же их количество относительно невелико. Они исключили почти половину звезд, которые являлись двойными, и те, которые не имели планет. Большинство остальных были исключены потому, что спектральные обследования не установили свободного хлора в атмосферах. Когда они сделали все это, Джей, осталась лишь одна звезда.

Командор встал.

— Что это за звезда?

— Они показали ее мне в телескоп и продемонстрировали слабые темные линии свободного хлора в спектрограммах. Это тусклая красная звезда в созвездии Дракона, известная под названием Ульнар-ХУ1. Она находится в восьмидесяти световых годах от нас.

— Восемьдесят световых лет! — Джей Калам пожевал тонкую губу. — Никто не может так далеко забраться. Никто, за исключением Василиска. Нам потребуется два года, чтобы добраться туда на полной тяге «Непреклонного» и у нас не останется топлива для возвращения.

Он медленно покачал темной головой. Пальцы погла-дили белую прядку на лбу. Глаза напряженно смотрели на Хала Самду.

— Хал, — прошептал он. — Хал, я вижу лишь одну воз-можность. Это ужасно, это ужасно... когда люди уничто-жают звезду. И мы не уверены, что это погубит Василиска. Мы можем зайти слишком далеко. Тем не менее, я намерен отдать приказ уничтожить звезду Ульнар-ХУ1, — темные глаза на секунду закрылись, словно перед ними стояла ка-кая-то ужасная картина, — с другой стороны, я слиш ком долго ждал, не требуя от Хранителя Мира, чтобы она анни-гилировала зеленую комету. Как бы ни была велика звезда, но жизнь Системы значит для нас гораздо больше.

— Да! — зловеще громыхнул Хал Самду. — Бей!

Командир Легиона нашел маленький черный диск ком-муникатора. Тонкие дрожащие пальцы повернули крошеч-ный верньер, он набрал кодовый сигнал. Хал Самду сидел и смотрел. Лицо у него было жестким, как у статуи. Наконец, Джейк Калам опустил прибор.

— К сожалению, — сказал он, — видеоволновое оборудо-вание на Фобосе еще не установлено. Я связываюсь напря-мую через ультракоротковолновую связь. Марс от нас более чем в ста миллионах миль. Сообщение придет к Хранителю не раньше, чем через девять минут. Через десять минут звезда Ульнар-ХУ1 прекратит существование в реальной все-ленной, хотя земные астрономы, естественно, в течение

восьмидесяти лет не смогут зарегистрировать ее исчезновение.

Он нервно прошел из конца в конец огромного салона.

— Двадцать минут, — пробормотал он, — прежде чем мы получим ответ. Что это было?

Хал Самду внезапно уставился в пустоту с бластером в узловатой ладони.

— Ты не слышал, Джей? Глухое урчание! Ты не почувствовал пронизывающего холода?

— Я ничего не почувствовал, Хал, — устало вздохнул Джей Калам. — Мы слишком утомились. Я велю принести чего-нибудь выпить. А пока посмотрим доклад.

Он взломал печать на большом зеленом конверте.

— Э? — У него отвисла челюсть. — Это не доклад.

— Как не доклад? — удивился Хал. — Я глаз с него не спускал.

Командор вытряхнул на стол пачку аккуратных желтых полосок.

— Это деньги Синдиката Новой Луны! Должно быть, они взяты из сейфов Гаспара Ханнаса. А это... это...

Его дрожащие пальцы нашли знакомый листок жесткой красной бумаги. На нем была оттиснута змейка. Над змейкой четким знакомым почерком было написано:

«Мой дорогой командор, не сомневайтесь, что группа Адмирала-Генерала Самду сделала все от нее зависящее и провела блестящее расследование. Однако я полагаю, что обстоятельства очень скоро убедят вас в том, что документ не представляет для вас ценности.

Василиск.»

— Деррон! — Размахивая бластером, Хал Самду озирал салон диким взглядом. — Нам не скрыться от него даже здесь! Если бы только Жиль мог до него дотянуться!

Джей Калам по-прежнему смотрел на листок безжизненными глазами.

«Кррр! Кррр! Кррр!» — заурчал коммутатор.

Он достал непослушными пальцами черный диск и прижал его к уху.

Хал Самду видел, как его лицо стало белым. Прибор выпал из пальцев, и он покачнулся, вцепившись в край стола.

— Что случилось, Джей?

Джей Калам невидяще посмотрел на него.

— Худшее, Хал, — пробормотал он. — Это был телохранитель с Фобоса. Василиск вновь нанес удар. На сей раз он забрал их всех. Джона Стара. Жену Боба и его ребенка. И... — Он пожал плечами в отчаянии. — И Хранителя Мира.

ОГРАБЛЕННЫЙ ТАЙНИК

Жуткое урчание стихло. Исчез ледяной холод. Чан Деррон опять мог дышать. Он стоял, еле держась на ногах, и пытался понять, где находится. Но его окутывала туманная мгла. Сердце стучало как молот. Он часто и хрипло дышал. По тулowiщу бегали мураски. Он избежал выстрела Вани Злоян исключительно благодаря Василиску. И самим своим исчезновением девушка доказала, что была преступницей. Но где она сейчас? В каком замкнутом пространстве. Под ногами гудел металлический пол, и, судя по эху, стены были рядом. Он побрел вперед, и вскоре пальцы наткнулись на холодный металл. Неужели это Клиника Эфтаназии? Мысль была как клинок, вонзившийся в сердце. Неужели здесь нашли свою смерть остальные жертвы Василиска? Неужели его ждет смерть в этой мгле? Где он? Он поворачивался и озирался. Он внимательно прислушивался, однако не слышал никаких других звуков, кроме эха. Глаза тщетно взглядывались в тьму. Он сунул руку под одежду к кобуре. Затем он вспомнил, и ему стало тошно от страха, что девушка его разоружила. Что-то скользнуло по плечу. Он поднял руку, защищаясь, и что-то снова задело по ней.

Он попытался умерить сердцебиение, протянул руку и схватил что-то висящее, он потянул на себя, и бело-голубое сияние атомного света ослепило его.

На секунду пришлось прикрыть глаза. Затем, осмотревшись, он вновь заморгал. На сей раз от удивления. Это был бункер. Перед ним находился огромный механический замок бронированной двери, весившей, вероятно, тонн две-сти.

Длинные стеллажи, которые шли вдоль расходящихся узких коридоров, были завалены тяжелыми мешками, свертками и пакетами. В них были аккуратно рассортированные фишкы, сертификаты, монеты. Каждый мешок, сверток или пакет был помечен желтым полумесяцем — эмблемой Новой Луны. Это же — понял вдруг ошеломленный Чан Деррон — бункер с сокровищами Новой Луны. Затем он заметил еще одну любопытную вещь: полоски Синдиката Новой Луны, жетоны, используемые для оплаты, и мешки с monetами — все были невредимы. Но на некоторых полках, где были ярлыки, указывающие на то, что здесь хранились сертификаты Зеленого Холла, валялись лишь грубые желтые кирпичи. Бункер был ограблен! То, что оставалось, имело очень небольшую ценность. Все настоящие деньги исчезли, и на их место кто-то в насмешку оставил лишь глину.

И тут его тело застыло от ужаса. Наверняка бункер откроют. Вероятно, его закрыли на всякий случай, потому что Василиск обещал налет. Когда легионеры откроют его, на Новой Луне найдут в ловушке человека, которого они ищут.

В тишине бункера Чану показалось, что человек, который его запер, по-прежнему следит за ним. Он чувствовал напряженными нервами недружелюбный взгляд. Воображение рисовало веселящегося Василиска. Густой кудахтающий смех, холодный, дьявольский, нечеловеческий.

— Ну что же, мистер Василиск? — Он не мог сдержаться и не нарушить собственным затравленным голосом насмешливой тишины. — Что мне делать теперь? Сидеть и плакать?

Царапать ногтями стену? Повеситься на подтяжках? Или просто отдаться в их руки?

Трудно было удержаться и не закричать. Он бродил вперед-назад по металлическому полу, подгоняемый злобной энергией.

— Ты слышишь меня? — кашлянул он. — Каково чувствовать себя богом, Василиск? Следить за каждым человеком в Системе? Следить за тем, кто пытается бежать от твоей власти, куда бы он ни пошел? И убивать любого, кого пожелаешь? — Он потряс кулаком. — Должно быть, ты чувствуешь себя великим, кто бы ты ни был, но это не будет продолжаться вечно. Кто-нибудь до тебя доберется. Кто-нибудь, над кем ты издевался, кого ты пытал и мучил, и кто живет одной лишь мыслью — убить тебя! Убить тебя! Кто-нибудь, вроде меня, Василиск!

Потом, бродя по бункеру, он наткнулся на листок бумаги, лежащий на полу, и, разобрав символы, изображенные на нем, широко раскрыл глаза. Вскрикнув от удивления, он поднял листок, расправил и пристально изучил.

Маленький продолговатый листок, надорванный на конце. На нем карандашом были написаны три гелиоценетические координаты пространства — времени. Далее следовали цифры, в которых Чан не мог найти смысла.

Первая координата указывала положение Новой Луны. То положение, которое занимала Новая Луна в полночь, когда Василиск захватил маленького игрока, Дэвиана. Вторая координата — и эта цифра попалась ему на глаза прежде всего — указывала на созвездие Дракона, на расстояние около десяти миллиардов миль от Солнца. Это было местонахождение неизвестного объекта, открытого Чаном, когда он улетел к северу от флота Легиона, объекта, с которым он связывал свои планы на бегство, когда Василиск вынудил его вернуться. Третий координаты тоже относились к созвездию Дракона. Однако Чан быстро подсчитал, что обе эти точки разделяют восемьдесят световых лет.

Чан Деррон спрятал полоску бумаги в карман и подумал о том, что ему очень бы не хотелось, чтобы Василиск подглядывал за ним. В конце концов, сказал он себе, хоть мозг человеческий, быть может, недоступен для него.

Прежде объект весом в много миллионов тонн был окутан для него полной тайной. Этот обрывок бумаги, похоже, был уликой, что объект связан с Василиском. Это, возможно, давало ему шанс.

— Если бы только я смог выбраться, — пробормотал он, — и вернуться на «Атом-Фантом», если только он по-прежнему там, где я его оставил... Если бы я смог оказаться на борту, уйти от флота Легиона и проникнуть на этот объект... — Голос его перешел в шепот. — Если бы только я смог сделать все это, мистер Василиск... Тогда бы...

Расправив широкие плечи, он подошел к двери. Задвижки и запоры были на виду. Яркая металлическая решетка весила много тонн. Он ничего не мог поделать с замком. Как бы ни надрывался, сколько бы сил ни тратил...

— Если бы здесь был Жиль Хабибула... — пробормотал он. Он с завистью вспомнил ту ловкость, с которой старый легионер вскрывал замки медузиан и проникал в охраняемые хранилища каметчиков. Несомненно, Хабибула открыл бы перед ним и эту дверь. Но Чан Деррон был перед ним совершенно бессилен. Он отошел назад, тяжело дыша и обливаясь потом. Вдруг что-то щелкнуло, загудели скрытые моторы, и огромные засовы стали медленно отходить. Возможно, это люди Гаспара Ханнаса открывали дверь в бункер.

Рука его автоматически метнулась к кобуре и не нашла, разумеется, бластера, наткнувшись на ремни, которыми был пристегнут к телу геопеллер. Безоружный, он мог лишь ждать, глядя на движение хорошо смазанных засовов. Геопеллер, который мог бы унести его на сотню миллионов миль отсюда, был бесполезен. Наконец, засовы отошли, и громоздкий диск двери медленно приоткрылся.

— Быстрее, идиоты! — донесся хриплый голос. — Я должен убедиться, что все в порядке.

Должно быть, это был сам Гаспар Ханнас, ведомый страхом, и весьма обоснованным, за свои сокровища.

— Если Василиск способен сделать все, что он сделал, то эти замки ничего не стоят.

— Ага, он здесь! — торжествующе закричал человек в желтой форме полиции Новой Луны. — Попался!

Из расширяющегося отверстия метнулось фиолетовое пламя, и Гаспар Ханнас заревел:

— Вперед, ребята! Он попался! Помните, живой или мертвый, он стоит полмиллиона. А женщина, если она с ним, еще полмиллиона.

Чан Деррон при первой же вспышке отошел в сторону. Судя по топоту шагов, голосам и бряцанию оружия, снаружи было много людей. Он схватил свисающий шнур и оборвал его, погасив лампы в бункере.

— Василиск, выходи! — заревел Гаспар Ханнас. — С поднятыми руками! Или мы войдем и прикончим тебя!

Съежившись во мраке, Чан Деррон закричал в отчаянии:

— Ханнас, я не Василиск! — Голос его дрожал. — Я Чан Деррон. Я — такая же жертва, как и все остальные. Если ты послушаешь меня, Ханнас...

— Вперед, ребята! — громыхнул Ханнас. — Он признался, что он — Деррон, и мы захватили его в бункере. Испепелите его!

Дверь открылась шире. Чан увидел крадущихся людей. Прищуренные глаза внимательно вглядывались во мрак, протонные пистолеты были наготове. Он слготнул и попытался подавить дрожь.

— Вы меня боитесь! — крикнул он. — Каждый из вас меня боится. Я вижу пот ужаса на ваших лицах. Я вижу страх, зализший в ваши глаза. Да, вам надо меня бояться! Однако Василиска вам надо бояться еще больше. Я тоже охочусь на Василиска, и у меня есть информация. Я могу вам помочь.

Ханнас прервал его:

— Ты получил слишком много информации, Деррон, и ты унесешь ее в могилу. Взять его, ребята!

И люди в желтом опять двинулись вперед. Чан Деррон задержал дыхание и схватил один из желтых глиняных кирпичей со стеллажа. Пальцы вцепились в маленькую черную рукоять геопеллера.

— Если сможете! — закричал он. — Но вы не спасете свои сокровища, мистер Ханнас. Бункер уже очищен. Василиск уже ушел!

Он бросил кирпич, и тот разлетелся, ударяясь о дверь. Осколки осыпали людей, стоявших за ней. Тут же ударили десятки ярких лучей; один человек всхлипнул от ужаса, выронил оружие и побежал, однако офицер быстро срезал его лучом.

— Очищен? — послышался голос изумленного Ханнаса. — Очищен?..

Наступил подходящий момент. Чан глубоко вдохнул. Когда геопеллер понесет его, дышать будет почти невозможно. Он крутанул рукоять. Крошечный прибор за плечами поднял его и понес на стену стражников. Навстречу ударили заряды протонных пистолетов, но их смертоносные фиолетовые лезвия миновали его. Он уже летел, как пуля, по одному из длинных коридоров в направлении игорных залов.

— За ним, трусы! — Рев Гаспара Ханнаса утих вдали. Однако лучи еще могли настигнуть его. Тонкие струи огня били в бронированные стены. Один луч прошипел совсем близко, и ионизированный воздух вызвал парализующий шок.

Сжав зубы, изгоняя сумрак из сознания, он вращал рукоять. Геопеллер бросал его из стороны в сторону со свирепой силой. В конце длинного холла его ожидала большая опасность. Если он остановится, чтобы оглядеться в поисках выхода, он станет прекрасной мишенью для стрелков, находящихся позади. А первый выстрел в цель будет стоить полмиллиона долларов.

Он направился к двери и прикрыл ослепленные ветром глаза. Он успел заметить, как впереди отворяется маленькая дверь. Проем был почти заполнен огромным человеком в белом, несущим сумку с картофелем. Чан слегка сбросил скорость и направил свой полет прямо на толстого повара. Он увидел, как расширились его зрачки, и врезался в него всем телом.

Гравитационное поле слегка ослабило удар, однако, тем не менее, он был очень силен. Повар растянулся в проходе. Чан влетел в невероятно огромную кухню. Гигантские пространства были заняты печами. Бесконечный белый конвейер был загружен блюдами и продуктами. Сейчас здесь было пусто, потому что персонал Новой Луны, опасаясь Василиска, разбежался. За кухней, в узких помещениях для слуг, он понял, что сбился с курса. Позади была только опасность. Половина тех людей, что заметили его полет, кричала, бежала и пряталась. Но вторая половина, знающая о награде в полмиллиона, указывала на него преследователям или хваталась за оружие. Однако геопеллер уносил его от погони. Чан опустился на ноги, обогнул угол коридора и встретил носильщика с чемоданом.

— Где палубы? — прохрипел он.

— Сюда, сэр, — указал носильщик. — Налево, мимо бассейнов. Но боюсь, сэр, что на кораблях не осталось места...

У него отвисла челюсть, когда Чан взмыл в воздух и пронесся над его головой.

— Василиск! — заорал он. — Туда! На палубы!

Преследователи изменили направление. Чан лавировал среди висящих бассейнов — одного из аттракционов Новой Луны. Огромных шаров, заполненных водой, поддерживаемых собственными гравитационными полями и освещенными цветными лампами, которые делали их похожими на шары разгорающегося и угасающего огня. Пловцы засуетились. Чан услышал, как за спиной ревет сирена. Внезапно гравитационные контуры отключились, и искрящиеся шары с водой стали разлетаться. Однако геопеллер уже

перенес его через балюстраду высокого балкона. Он врезался в дверь и оказался на обширном пространстве палуб.

На огромной платформе теснились тысячи разряженных людей, подгоняемых ужасом к отправляющимся кораблям. На секунду прислоняясь к двери балкона, Чан перевел дух. Ему нужен был скафандр, а скафандры находились в запертых отсеках за этими перепуганными толпами, возле одного из огромных люков, сквозь который он проник на Новую Луну. Он мог пролететь над толпой за считанные секунды и при минимальном риске. Но вид его наверняка ввергнет толпу в панику. Очень многих, без сомнения, задавят и покалечат. Несколько секунд спустя он спускался пешком и, оказавшись на палубе, смешался с дерущейся толпой. Это был долгий путь. Это могло кончиться тем, что у люка его будет подстерегать предупрежденная команда. И все же, иного пути он избрать не мог.

Он не знал, сколько времени он проталкивался сквозь толпу. Он слышал отдаленный вой сирен. Грохот динамиков, соперничающих с шумом толпы. Он знал, что охотники рыщут повсюду, и очень опасался за свою голову, возвышающуюся над толпой. Наконец, он нашел маленькую дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен». За нею не было такого переполоха, как везде. Обслужа огромной рекламной надписи привыкла к опасности. Он направился к шкафчику, в котором оставил свои доспехи, сбросил с себя одежду и зашагал прямиком к воздушному шлюзу. Внутренний был открыт. Группа техников в серебристых скафандрах как раз направлялась на выход. Чан пристроился к последнему из них и нетерпеливо подзывал человека, стоявшего возле панели управления. Этот человек уже напрягся, прислушиваясь.

— Внимание! — прорещал магнитный громкоговоритель. — Закрыть все шлюзы вплоть до поимки Деррона. Этот человек пытается покинуть Новую Луну. Награда за его голову — полмиллиона. Деррон шести футов ростом...

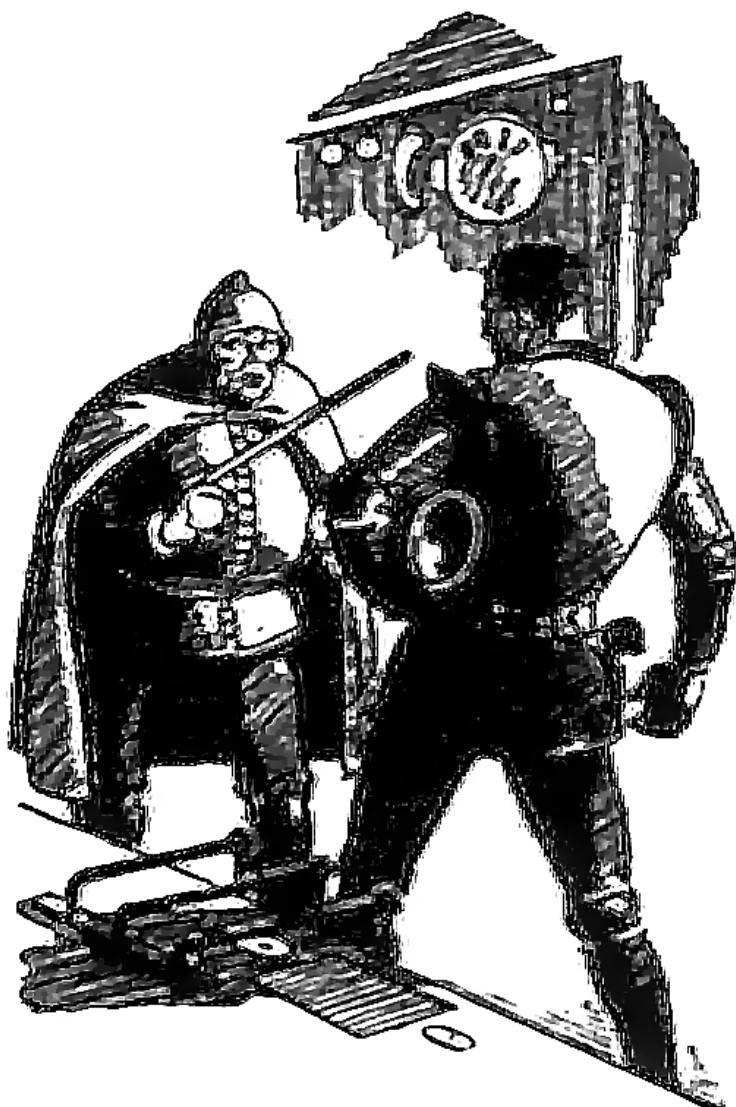
Чан увидел, как подозрение в глазах охранника люка сменилось уверенностью. Он услышал его крик, увидел блеск оружия. Однако геопеллер уже поднял его к люку. Крепкий кулак расколол стекло, за которым находился рычаг экстренного открытия люка. Считалось, что им можно пользоваться лишь в том случае, если люк защемил человека. Он рванул рычаг. Врата перед ним распахнулись, а люк, находящийся позади, автоматически захлопнулся перед преследователем. Порыв воздуха вынес его наружу. Он выровнял полет с помощью геопеллера и пронесся на платформу. Он нашел линь, помеченный надписью «Сектор ФБ», пристегнул карабин скафандра и крутанул рукоять. Геопеллер понес его вдоль провода. Лететь предстояло пятьдесят миль. Огромная надпись простирала вокруг него паутину, серебристые провода ярко светили в черном пространстве. Огромное зеркало отражало лучи солнца. Фильтры сияли красным, синим и зеленым. Он увидел шар Земли — огромный, туманно-блестящий, такой близкий, что хотелось прикоснуться к облаку циклона, нависшего над Европой.

Пятьсот миль он не считался с риском, выкручивая рукоять геопеллера, зная, что предупреждение летит по проводам, окружающим его. Через четыре минуты, не более, он отцепился от провода возле серебристой кабины управления. Он нашел «Атом-Фантом». Крошечный корабль по-прежнему скрывался за огромным стальным зеркалом. Геопеллер понес его к люку, и он проник внутрь.

Первое ощущение беды пришло, когда он увидел, что пленник, которого он оставил здесь, приварив скафандр к арматуре, исчез. Неужели это новый трюк Василиска? Он открыл внутренний люк и встретился лицом к лицу с человеком, ожидающим его в коридоре. Это был очень низкий и толстый человек с выпирающим животом и лысой шаровидной головой, с морщинистой желтой кожей. Тот самый человек, никакой ошибки, которого Джей Калам посыпал вытрясти его карманы в Алмазном Зале. Незванный гость грозно смотрел на него выпученными глазками. В толстых

руках его была трость, нацеленная на тело Чана. А в наконечнике ее виднелось зловещее черное отверстие.

— Входите, мистер Василиск! — торжественно прохрипел человек. — И померяйтесь силами с Жилем Хабибулой.

СОТЫЙ

Вместе с первым сообщением от Жиля Хабибулы в Легион вернулась надежда. Послание было необычно лаконичным:

«Я на „Атоме-Фантоме“. Движемся к таинственному объекту в созвездии Дракона. Во имя жизни, идите следом.»

И Легион двинулся следом. Во главе флота Хала Самду из десяти геодезических крейсеров шел могущественный «Непреклонный» Джей Калама. Они шли на полной тяге к Альфа Дракона, которая некогда была Полярной звездой Земли.

Каждый офицер во флоте пытался ответить на вопрос, куда они летят. Каждый электронный телескоп и масс-детектор был направлен в сторону Дракона, и операторы пытались найти таинственный объект. Когда они оказались в одном дне полета от Новой Луны, вопрос этот отчасти был решен. Джей Калам, усталый и бледный, не зная отдыха, расхаживал по звуконепроницаемым, защищенным от космических лучей апартаментам и вдруг остановился, поднеся к уху черный диск переговорного устройства.

— Он найден, командор! — донесся радостный голос с мостика. — Сорок четыре дуговые минуты от Альфа Дракона. Он по-прежнему невидим, альбено, должно быть, очень низкое. Однако детекторы массы указывают, что объект этот приблизительно двадцати миллионов тонн массой. Удивительное дело, командор. Чем бы ни был этот объект, он, видимо, недавно появился в Системе. Мы установили его расстояние от Солнца. Меньше десяти миллиардов миль. Любой объект этих размеров был бы, несомненно, обнаружен пять лет назад картографической экспедицией Легиона.

Джей Калам поднес коммутатор к губам.

— Можете сказать точно, что это за объект?

— Пока нет. Пока мы не увидим его на экранах, мы не можем сказать, камень это или что-нибудь еще.

— Держите его в поле зрения телеперископов, — сказал Джей Калам. — И пользуйтесь всеми приборами для сканирования пространства перед ним, пока мы не подгоним корабль Деррона. Пусть радисты ждут очередных сообщений от Жиля Хабибулы и пусть вихревая пушка будет готова к действию.

Расчет пушки находился наготове возле грозного оружия. На всех кораблях, во всех отсеках наблюдения, люди внимательно смотрели в черный вакуум созвездия Дракона. А связисты ждали сообщения от Жиля Хабибулы.

Однако усталый командир Легиона, бродящий по роскошным апартаментам флагмана, приглаживая белую прядку тонкими руками, не получил сообщения от Жиля Хабибулы. Сообщения пришли по видеоволновой связи из Системы, оставшейся позади. Флот, несущийся на полной скорости, уже вышел за пределы ультракоротковолновой связи. Донесения были тревожны. Первое поступило от капитана, командовавшего людьми в штатском, следящими за тремя подозреваемыми на Новой Луне — Амо Брелекко, Джоном Комэйном и Гаспаром Ханнасом.

— Джон Комэйн загадочно исчез из своей лаборатории. Вместе с ним исчезли двое наших людей, дежуривших у входа, — докладывал капитан. — Гаспар Ханнас заперся в пустом бункере, где хранились его сокровища. Мы слышали, как он кричал, требуя помощи. Когда помощники открыли бункер, он исчез. Амо Брелекко похитили из Алмазного Зала, как и Дэвиана, а на его месте на глазах у нескольких изумленных зрителей, оставшихся на Новой Луне, неведомо откуда появился гниющий человеческий скелет. Установлено, что он принадлежал женщине-андроиду.

На Джэя Калама это произвело впечатление. Справясь с замешательством, он затребовал дополнительную информацию. Ответ, поступивший с базы в Скалистых Горах, сообщал о том, что офицер этот уже исчез.

Кррр! Кррр! Кррр!

Пронизывающее урчание сигнала тревоги сопровождало третье донесение, и он услышал, как встревоженный шерховатый голос офицера разведки Легиона прочел письмо от Ларса Эккара, Председателя Совета Зеленого Холла. Всем шестидесяти членам Совета Василиск угрожал похищением. Ни выкупа, ни, каких-либо уступок он не требовал.

— На этом сообщение Эккарда прерывалось, — продолжал испуганный голос. — Его сотрудники вбежали в комнату и обнаружили, что он пропал. По словам наших надежных офицеров, подтверждаются слухи, что весь Совет уже исчез.

Весь Совет Зеленого Холла похищен? Это было настоящим ударом. Джей Калам тяжело опустился в кресло, стоящее за столом. Эти шестьдесят мужчин и женщины были верховным правительством Системы. Избранные представители местных планетарных парламентов, ученые и политики, капиталисты и рабочие — все они исчезли. Почему? Усталые красные глаза командора смотрели на черный коммуникатор, лежащий на поверхности стола. Зачем их понадобилось похищать? Ответом был урчащий сигнал экстренной связи.

Поднеся коммуникатор к уху, он услышал хриплый шепот, искаженный во время передачи.

— Я скажу вам, зачем, командор, — насмешливо прозвучал голос. — Я захватил их потому, что хочу править Системой. Я хочу, чтобы на каждой планете каждый человек дрожал и бледнел при мысли о Василиске. Я хочу, чтобы люди смотрели на меня как на гневного бога, которому они когда-то поклонялись. Ибо я подвергся оскорблению, за которые должен отомстить. Чтобы установить свое самодержавие, я забираю из Системы сто мужчин и женщин. Это те руководители, которые замешаны в глупых попытках устраниТЬ меня, и потому я уничтожу их без особых сожалений. Они будут использованы для того, чтобы преподать человечеству урок. Одному из ста будет позволено выжить и возвратиться, чтобы довести урок до сведения человечества.

Из крошечного динамика раздался неприятный смех.

— Сто человек, командор! — прохрипел тонкий безумный голос. — Большинство из них вы уже знаете. Аладори, Хранитель Мира. Джон Стар. Боб Стар, его жена и их ребенок. Несколько легионеров из самых подозрительных. Две дюжины одиночек, среди них три человека с Новой Луны — Ханнас, Брелекко и Комэйн. Шестьдесят — из Зеленого Холла, чтобы отомстить им за все, что они сделали с Пурпурными.

Шепот снова сменился саркастическим хихиканьем. Руки Джая Калама дрожали, сжимая маленький черный диск, он обливался холодным потом.

— Их сейчас девяносто девять, — продолжал хриплый шепот. — Мне нужен еще один для полного счета. Вы теперь знаете, кто эти девяносто девять, командор Калам. Я хочу, чтобы вы сказали, кто должен быть сотым.

Джей Калам выронил переговорное устройство. Рука его метнулась к бластеру, висящему на поясе. Он осмотрел пустую комнату, зная, что эти предосторожности тщетны. За этот долгий миг, что он стоял, не дыша, ничего, однако, не случилось. Он убрал оружие в кобуру и взял коммуникатор, запросив базу в Скалистых Горах.

— Перехватили передачу? — спросил он. — Возможна триангуляция?

Мгновенно пришел ответ:

— Мы слышали, командор. Но триангуляция невозможна, потому что передача шла с нашей станции. Мы еще не разобрались, как удалось подключить наш передатчик, однако будьте бдительны, командор Калам. Вы приняли меры предосторожности?

— Принял, — сказал Джей Калам. — Если меня похитят, мое место займет Хал Самду.

Он отключился, вызвал Хала Самду с «Беллатрикса» и посвятил командующего флотом в содержание страшных донесений.

— Держитесь рядом с «Непреклонным», Хал, и, если со мной что-нибудь случится, переходи на борт. Если я стану сотым, ты примешь командование.

— Ладно, Джей. — Голос Хала Самду на этот раз звучал тише. — Но что слышно от Жиля?

— Пока ничего.

— Я боюсь за Жиля, Джей. — Голос, казалось, был чуть хрипловатым. — Он стар и не так умен, как прежде. Этот Деррон силен и отчаян. Кроме того, с момента, когда мы слышали Жиля в последний раз, прошли целые сутки.

Джей Калам опустил переговорное устройство, беспомощно пожав плечами, и тут же прозвучал новый сигнал вызова. Он набрал код и поднес устройство к уху.

— Джей, ты слышишь меня? — Это был долгожданный голос Жиля Хабибулы, искаженный при передаче и хриплый от страха.

— Слышу, Жиль, — произнес он в маленький диск. — В чем дело?

— Поворачивай, Джей, — запинаясь, произнес Жиль. — Во имя жизни, возвращайся в Систему. Отзови своих гончих псов и оставь нас.

— Поворачивать? — воскликнул Джей' Калам. — Почему?

— Ах, Джей, это была чудовищная ошибка. Я поймал не Василиска. Мой спутник — бедный несчастный парень, а ваша погоня — еще одна ужасная ошибка, Джей. Вы ушли в космос и оставили Систему беззащитной. Во имя Земли, умоляю тебя, возвращайся!

— Жиль! — воскликнул командор. — Если ты говоришь под пыткой...

Механический щелчок. Прибор Жиля был отключен. Он попытался вызвать его вновь, когда услышал более низкий звук корабельного сигнала. Послышался возбужденный голос дежурного офицера.

— Мы видим его, командор! — крикнул он. — Корабль Деррона. Он движется впереди к созвездию Дракона. Всего лишь сорок тонн. Вот почему мы так долго не могли его

обнаружить. Однако у него, видимо, достаточно мощные двигатели. Он в зоне поражения. Что прикажете делать?

Джей Калам сжал в кулаке переговорное устройство. Вокруг, казалось, дул холодный ветер, унося вдаль корабль, унося годы жизни. Он представил Жиля Хабибулу, стойкого маленьского человечка, улыбчивого, неунывающего. Он знал, что Хабибула находится на корабле, летящем впереди. Но в порывах ветра слышался издевательский шепот Василиска.

Никакой человек, даже друг, не мог перевесить долг перед Легионом.

— Вы слышите меня, командор? — беспокоился дежурный офицер. — Каков будет приказ?

Джей Калам медленно закрыл и открыл глаза. Отдал честь тонкой рукой. Затем заставил себя произнести:

— Немедленно дайте залп из вихревой пушки. Уничтожьте корабль.

Когда вихревая пушка выстрелила в первый раз, возле борта могучего флагмана появился «Беллатрикс», корабль Самду. Глядя в иллюминатор воздушного шлюза, Адмирал-Генерал увидел, как огромный слепящий клубок атомного огня, вращаясь, рванулся вперед, расширяясь по мере того, как поле нестабильности поглощало всю встречающуюся ему материю.

— Ну что ж, мистер Деррон, — пробормотал огромный Хал Самду с мрачным удовлетворением. — Или мистер Велиск. Посмотрим, как вам удастся выкрутиться.

Геодины несли оба колоссальных корабля сквозь пространство, или, точнее, вокруг него, и скорость их намного превышала скорость света. Однако они набирали скорость так плавно, что экипажи не испытывали перегрузок. Они соединились шлюзами. Взволнованный Хал Самду перешел на борт «Непреклонного».

— Быстрее, — сказал он встретившему его офицеру. — Проводите меня к командиру.

Но, когда быстрые лифты и движущиеся дорожки доставили их к двери возле навигационного отсека, командир Легиона не ответил на их сигнал.

Встревоженный дежурный офицер открыл бронированную дверь. Хал Самду вошел в мягко освещенные роскошные апартаменты Джей Калама. Командор исчез.

— Бедный старый Джей, — пробормотал Хал Самду. — Сотый!

Он повернулся к офицеру.

— Корабль Деррона по-прежнему в зоне поражения? Тогда продолжайте стрелять, пока не уничтожите его.

ЧЕЛОВЕК И АНДРОИД

Стоя в узком пространстве шлюза «Атома-Фантома», Чан Деррон затаил дыхание. Он был безоружен, а черное крошечное отверстие в трости старика смотрело на него словно смертоносное око.

— Хабибула? — наконец произнес он. — Тот самый великий Жиль Хабибула?

Чан был безоружен, зато тяжелый геопеллер по-прежнему находился за плечами, а рукоять управления находилась в руке. Можно было попытать счастья. Ладонь начала сжиматься.

— Погоди, парень. — Старик опустил трость. Рыбы глаза выпучились, а в голосе звучала хрипота. — Во имя жизни, парень, оставь свои смертельные трюки. Тебе нет смысла превращать Жиля в кровавое месиво своим жалким геопеллером. Я тебе не враг, парень! Я пришел сюда как драгоценный друг.

Чан смотрел на старика с мрачной подозрительностью. Затем он увидел деньги, вываленные на стол. Толстые пачки сертификатов Зеленого Холла, сложенные огромными грудами. На обертке каждой из них был отпечатан

желтый полумесяц. Вот где оказались сокровища Ханнаса, похищенные из бункера Новой Луны. Он сжал руку на рукояти.

— Ты не... — хрипло произнес он. — Ты не Василиск?

Жиль Хабибула задрожал. Сморщенная луна его лица позеленела. Он хрипло астматически вздохнул.

— Нет, парень! Нет, клянусь жизнью! Я — всего лишь бедный старый солдат. К тому же и загнанный беглец, дезертир из Легиона.

— Дезертир? — Темные глаза Чана Деррона сузились. — Если ты действительно знаменитый Жиль Хабибула, зачем тебе понадобилось дезертировать и что ты здесь делаешь?

Жиль Хабибула заморгал.

— Спасибо, парень. — Голос его дрожал. — Ах, дружище, в глубине своей старой души я благодарю тебя, что ты называешь меня знаменитым. Ибо Легион забыл обо мне, парень.

— Он вытер пухлой ладонью глаза. — Когда-то Жиль Хабибула был героем Легиона, — он вздохнул, — а также всей драгоценной Системы. Так как его благородная смелость, а также его замечательный гений дважды спасли жизнь человечеству: однажды — от ненавистных медузиан, а в другой раз — от жутких кометчиков. И какую же награду он получил? — Он всхлипнул и судорожно вздохнул. — Нищенскую, дружище. Старый Жиль забыт. Его драгоценные медали тускнеют в футляре. Несколько жалких долларов, которые ему достались, давно пропиты. Несчастный старый солдат, умирающий по вине тех неблагодарных, которых он считал друзьями. Ах, парень, какая все-таки ужасная штука — жизнь... И вдруг однажды я слышу о твоих приключениях!

— Желтое лицо его прояснилось. — Да-да, парень, ты — человек того сорта, к которому относился старый Жиль, когда был совсем молодым. Отважный парень, да-да, смелый и безрассудный. С кем бы ты ни тягался, ты всегда одерживаешь верх. Пьешь вино, берешь золото, завоевываешь любовь женщин везде, где их находишь. Ах, парень, старый Жиль

пришел к тебе, чтобы ты помог ему вернуть давно ушедшую юность...

Рука Чана Деррона опять сжала рукоять.

— Не надо, парень! — прохрипел Жиль Хабибула. — Ради жизни, не надо. Всему Легиону известно, что ты Василиск, и этим ты должен по праву гордиться. Ты стоишь против законов всех планет и дурачишь Легион Пространства.

Чан Деррон покачал головой.

— Я не Василиск, — проворчал он. — Я всего лишь его жертва. Он повсюду разбросал сотни улик, чтобы на меня пало подозрение. Взгляни хотя бы на эти деньги, которые он похитил из бункера Ханнаса.

Жиль Хабибула кивнул, и на его желтом лице появилась счастливая улыбка.

— Ах, да, парень, — засопел он. — Взгляни на них — миллионы, миллионы долларов. Достаточно, чтобы не испытывать недостатка в вине, золоте и женщинах всю жизнь. Хватит даже на двоих, если жизнь одного из них подходит к концу. Так что же, давай бежать вместе с добычей? Как в добрые старые дни — жить в бегах от Легиона?

Глаза Чана Деррона сузились.

— Ты признаешь, что когда-то был преступником, — проговорил он. — Ты знаменит тем, как справляешься с замками. Ты знаешь все трюки медузиан и кометчиков. Мне кажется, Жиль Хабибула, что Василиск — ты.

— Клянусь жизнью, парень, ты не прав! — Старик побледнел. — Не думай так!

— Если ты не Василиск, — рявкнул Чан Деррон, — скажи мне одно: как ты обнаружил «Атом-Фантом», когда всему Легиону это не удалось?

— Очень просто, парень, — засопел Жиль Хабибула. — На одном из ключей, найденных мною в кармане Чарльза Даррела в Алмазном Зале, был штамп «Контрольный отсек 17Б285». Я задал один вопрос и узнал, что это зеркало, у которого вышел из строя мотор. Так я понял, где смогу с тобой встретиться. Но, парень, действительно, не думаешь же ты...

Чан Деррон покачал головой.

— Я верю, что ты охотишься за Василиском, — сказал он.

— Я тоже. А у меня есть нить. Я думаю, что Легион о ней не подозревает. Можешь лететь со мной, если хочешь.

Маленькие набрякшие глаза заморгали.

— Я же сказал тебе, парень, что пришел повидать Василиска, — просопел, наконец, Хабибула. — Если ты не этот монстр и если ты отвезешь меня к нему, то я полечу с тобой.

Чан махнул рукой в сторону тесной каюты на корме.

— Располагайся, — сказал он. — Я буду вести корабль. Нам нужно выбраться из рекламной надписи, уйти от флота, добраться до объекта возле Тубана в созвездии Дракона. У нас достаточно катодных плат, чтобы туда добраться, однако на возвращение не хватит. Я хотел бы, чтобы потом ты сменил меня на вахте.

— Конечно, парень. Можешь положиться на Жиля Хабибулу.

Чан Деррон прошел в пилотскую рубку, а Жиль Хабибула отправился на камбуз. Там он подготовил изысканное блюдо из найденных продуктов и устроил настоящую какофонию, лязгая тарелками и кастрюлями.

Внезапно его проворные толстые пальцы извлекли из-за пазухи ультракоротковолновую радицию. Продолжая шуметь, чтобы скрыть звуки собственного голоса, он поднес диск переговорного устройства к губам и передал первое сообщение командору Каламу.

Приготовив несколько блюд и отведав каждого из них, он отнес нагруженный поднос в пилотскую рубку. В крошечном помещении Чан Деррон возвышался как башня. Внимание его было поглощено приборами. Он махнул рукой, заметив приближение Жиля Хабибулы.

— В чем дело, дружище? — спросил старик.

— За нами гонятся. — Внимательные глаза не отрывались от панели управления. — Флот Самду гонится за нами по пьяным. Если хватит топлива, мы оторвемся. Впрочем, оставь меня.

Жиль Хабибула пожал плечами и отнес поднос на камбуз. Расправившись со всеми блюдами, потянувшись и зевнув, он с надеждой осмотрел полки.

— Как жаль, — вздохнул он, — что Василиск не воспользовался своим жутким волшебством и не запасся несколькими бутылками вина. Если он позволил мне лететь... я знаю несколько очень хороших, тщательно охраняемых погребов с винами пятисотлетней выдержки.

Опершись на трость, он поднялся, покинул корму и заbralся в один из крошечных отсеков. Вскоре к ровному гулу геодинов, нагруженных на полную мощность, добавился посторонний шум — хрип, храп, свист, стон — Жиль Хабибула спал.

Когда храп установился окончательно, из одной из крошечных кают, находившихся на корме, выскоцизнула женщина. Быстрая грация стройного высокого тела говорила о необычной силе. Волосы цвета платины обрамляли лицо невиданной красоты. У нее были фиолетовые глаза.

Двигаясь бесшумно, она быстро прошла вперед. Одна изящная рука находилась возле кристалла, похожего на огромную белую снежинку, покоявшуюся на шее, в другой был протонный бластер новейшего образца.

Она подошла к небольшой двери в пилотскую рубку и остановилась, глядя на Чана Деррона. Она навела бластер на его сердце. Он сидел спиной к ней. Казалось, он был погружен в созерцание приборов. Огромные руки быстро двигались над панелью. Он пытался выжать из геодинов всю энергию до последнего кванта. Вспыхнул экран. Чан Деррон вздрогнул. Он еще быстрее задвигал руками, и гудение геодинов резко усилилось.

— Еще бы тонну катодных плат... — пробормотал он.

В ее глазах появился блеск. Она гневно откинула голову. Затем, затаив дыхание, подняла бластер.

Однако Василиск заслужил открытой кары за все свои преступления. Он должен почувствовать страх смерти. Она опустила бластер. Взглянув на экраны и детекторы, она

увидела, что флот гонится за ним по пятам. Она посмотрела на панель компьютера и увидела координаты места назначения — точка в десяти миллиардах миль от Солнца в созвездии Дракона. И каждое движение Чана Деррона говорило о том, что он сознает опасность.

Что находится в том месте? Зачем он так торопится добраться туда? Одного нажатия на спуск бластера было достаточно, чтобы уничтожить надежду на ответ. Девушка сказала себе: это единственная причина для того, чтобы ждать. Она повернулась и быстро и бесшумно стала возвращаться в каюту, где находилось ее убежище.

Сопение, поскуливание и храп Жиля Хабибулы, звучали, как и прежде. Но в то мгновение, когда девушка вошла в дверь своей каюты, Жиль Хабибула перестал храпеть, и сопящий голос посоветовал:

— Девочка, стой, где стоишь.

Девушка мгновенно повернулась. Протонный бластер был у нее в руке. Она увидела в коридоре Жиля Хабибулу. Толстая трость была нацелена на нее, и она опустила оружие под взглядом бесцветных глаз.

— Спасибо, девочка. Было бы ужасно жаль убить такое чудесное существо. Прошу тебя, не подталкивай мою руку. Я тебя знаю, девочка. Старому Жилю никогда не забыть смертельной красоты Леруа.

В фиолетовых глазах вспыхнуло что-то быстрое, холодное и смертоносное. В изящной руке девушки вновь вздрогнул бластер. Однако Жиль Хабибула не замедлил угрожающе вскинуть трость. Она ответила улыбкой, столь чудесной, что старик заморгал.

— И я вас знаю, — произнесла она. — Вы — Жиль Хабибула. Не знаю другого человека, который смог бы устроить мне такую ловушку.

На желтом лице появилась улыбка.

— Да-да, я Жиль Хабибула. Ах, сорок лет назад вы могли услышать мое имя — десятки моих имен на каждой планете.

Ибо, в былые дни Жиль Хабибула был ловким, смелым, умным и удачным, как вы, Леруа.

Девушка по-прежнему улыбалась.

— Однако теперь, кажется, нас обоих перещеголял третий преступник. Он гораздо ловчее нас, если мы не докажем обратное, поймав его.

Он заморгал.

— Не заключить ли нам союз, девушка? Союз, чтобы уничтожить Василиска? — Он мотнул головой в сторону узкой рубки. — Мой драгоценный гений, ваши смертельное коварство, грозная сила и красота, которые вам дал Эльдо Арруни, — ах, девушка, с такими помощниками мы не пропадем.

Он вопросительно уставился на нее.

— Так как, девочка? Согласитесь вы, человек или андроид, помочь мне справиться с Василиском?

На мгновение черты девушки застыли, и улыбка ее казалась нарисованной, бесплотной. Затем лицо ее смягчилось. Она спрятала бластер в кобуру, находящуюся у нее под шубкой, и протянула сильную красивую руку Жилю Хабибуле.

— Я с вами, Жиль, до смерти Василиска.

Старый легионер почувствовал, что голос ее изменился. Было в нем что-то наивное, пугливое, удивленное, как в голосе ребенка.

— Пойдемте, Жиль, — сказала она и указала на каюту, в которой пряталась. — Я должна вам кое-что рассказать.

СТРАШНАЯ СКАЛА

Скала, черная и нагая, поднималась над пустынным морем. Море было грязное, черно-зеленое, и в нем можно было различить длинные полосы желто-красных водорослей. Поверхность имела маслянистый блеск. Небо над морем было дымчатое, зеленовато-синее. Светило, которое очень медленно поднималось в небе, заливало скалу безжалостными

лучами и выглядело в размере больше Солнца. Это был огромный малиновый диск, испещренный темными

пятнами. В спектре доминировали инфракрасные линии, так что тусклый свет нес невыносимый жар.

На вершине скалы, на природном уступе футов пятидесяти в длину, столпились сто мужчин и женщин. Они медленно поджаривались в невыносимых лучах неспешно поднимающегося светила. Их мучила жажда — вода в океане была непригодна для питья. Все кашляли, задыхались, обливались слезами, потому что зеленый цвет атмосферы был обусловлен свободным хлором. Это были те сто человек, которых похитил Василиск.

Последний из прибывших, Джей Калам, помнил внезапный пронизывающий урчащий звук. Только что он находился в своем салоне на «Непреклонном», а вот теперь неудержимая сила несет его в пугающую бездну безвоздушного холода. Но еще до того, как он смог дышать, он увидел свет — мрачное зловещее излучение гаснущей звезды. Сверхъестественное урчание прекратилось, и он обнаружил, что лежит, распростертый, на голой скале. Хлор обжигал легкие. Свирепая гравитация тянула вниз.

От безнадежности и отчаяния у него кружилась голова.

— Командор Калам! — прокашлял кто-то. — Это вы?

Это был Ларс Эккард, похищенный глава Зеленого Холла. Он задыхался, глаза его были красными. Он помог Джою Каламу подняться на ноги. Глядя вокруг воспаленными глазами, он увидел многих знакомых — он узнал их несмотря на то, что лица у всех были полускрыты, влажными повязками.

Он увидел Боба Стара и нескольких других легионеров, которые стояли с бластерами наготове на самой высочайшей точке скалы.

Над ними, паря и спускаясь в ядовитом желто-зеленом тумане, кружили несколько дюжин живых оригиналов чудовищного робота, который появился в Алмазном Зале Новой Луны.

— Они уже много раз нападали, командор, — прохрипел Ларе Эккард. — Пока что мы отбивали все их атаки, однако у нас вышли почти все заряды.

— У меня есть бластер. — Джей Калам дотронулся до оружия, и худой старый парламентарий покачал головой.

— Он пригодится, командор. — Он откашлялся. — Но недолго. Начинается прилив. С рассвета вода поднялась на сто футов. Еще сто футов, и скала окажется под водой. А те твари, что живут в воде, гораздо страшнее тех, что летают в небе.

Джей Калам поднялся чуть повыше. Все лица под белыми масками были ему знакомы, потому что это были сто наиболее известных граждан Системы. На небольшой каменной плите лежала женщина. Руки и плечи ее были покрыты импровизированными бинтами. Рядом с ней стояла, плача, на коленях маленькая золотоволосая девочка. Забинтованная рука гладила девочку по голове.

— Это жена Роберта Стара, — сказал Ларе Эккард. — Ее схватил один из крылатых монстров. Боб Стар вовремя убил его. Чудовище выпустило ее и сорвалось в море. Твари, которые утащили его под воду, были действительно ужасны.

На Джэя Калама напал кашель, и когда отпустил, командор едва дышал и дрожал, ничего не видя. Легкие пылали огнем. Ларе Эккард оторвал лоскут от своей одежды и вручил ему.

— Намочи, командор, — сказал он. — Обвязжи вокруг лица. Вода поглощает хлор.

На верхней площадке стояли на коленях несколько десятков мужчин и женщин. У всех были грубые маски, и кто-нибудь из них постоянно кашлял. Однако они, казалось, не обращали внимания на разъедавшую плоть смерть, которую вдыхали, на чернокрылую смерть, которая кружила и орала над головами, на малиновую смерть жара, которую обрушивало на них огромное и тусклое светило, на неведомую смерть под поверхностью едкого, населенного монстрами моря, которое неудержанно поднималось к вершине скалы.

Но перед каждым человеком лежала груда камешков, а красные полуослепшие глаза не отрывались от пары прыгающих костей. Ларе Эккард взглянул на них и произнес:

— Если это помогает им забыть...

Банкиром был Гаспар Ханнас. Широкое лицо под залитой желтым маской было искажено бесчувственной улыбкой. И руки его так алчно сгребали выигранные камешки, словно это были алмазные фишки на столах Новой Луны.

Джон Комэйн, огромный беловолосый инженер, не играл. Он сидел напротив Ханнаса на корточках. Вытянутое лицо его было бесстрастным, одеревенелым, стеклянные выпуклые глаза застыли на хозяине с нескрываемой враждебностью. Рядом лежал прибор, похожий на коробку, которым он пользовался на Новой Луне, надеясь обнаружить таинственную силу Василиска.

Амо Брелекко метал кости. Половина его лица была скрыта белым носовым платком, вторая половина, казалось, ничуть не изменилась с того момента, как его похитили из Алмазного Зала. Одежда его выглядела безупречно. Лучи низкого солнца отражались от драгоценностей. Длинные желтые пальцы манипулировали кубиками с неподражаемым проворством.

Рядом сидел, быстро сгребая выигранные камешки, низенький человечек с землистым лицом. Сутулая потрепанная фигура казалась смутно знакомой. Он делал записи в черной записной книжке, затем быстро набирал цифры на клавиатуре бесшумного калькулятора. Джей Калам узнал его. Это был Абель Дэвиан, маленький игрок, которого Василиск похитил из Алмазного Зала Новой Луны. Денежный мешок с желтым полумесяцем, в котором, видимо, находились двадцать миллионов его выигрыша, лежал на скале рядом. Он не обращал на мешок внимания, сгребая пригоршни черных камешков и выхватывая из рук Брелекко кости. По морщинистой коже бежали капли пота. Он тряс

стакан и бросал кости. Проиграв, он хмуро склонялся к калькулятору.

— Люди — странные животные, — пробормотал Ларс Эккард.

В стороне Джей Калам обнаружил неглубокую нишу, возле которой стоял на посту Джон Стар. В нише стояла на коленях его жена Аладори. Перед ней были разложены детали какого-то устройства. Она задыхалась от кашля, мастеря что-то из странных кусочков дерева и металла. Она подняла голову и, увидев Джекса Калама, устало улыбнулась. Однако он не увидел в ее глазах надежды.

— Мы знали, что ты появилась здесь, Джей, — сказал Джон Стар. — Но думали, что ты прибудешь на «Непреклонном».

Джей Калам посмотрел на недоделанный прибор. Эта безвредная на вид игрушка была самым главным оружием человечества, способным уничтожить любую мишень. Он прошептал символы могущества:

— АККА.

Женщина, задыхающаяся от кашля, была хранительницей этого оружия.

— Прибор не доделан, — сказала она. — Детали, которые я носила с собой под видом бриллиантов, исчезли. Мы не смогли собрать достаточно материалов.

Джей Калам вытащил маленький черный диск ультракоротковолнового коммуникатора.

— Может быть, это подойдет.

— Может быть. — Стойкая женщина взяла у него диск. — Но, даже если я закончу аппарат, я не знаю, как он сможет нам помочь. Я не знаю, кто такой Василиск и где находится его укрытие. Мы не знаем даже, где находимся сами.

— Однако можем предположить, — сказал Джей Калам. — Мы провели тщательные поиски звезды, с планеты которой появился необычный робот Василиска. Судя по обилию свободного хлора и солнцу над нами, совершенно очевидно, что это та самая планета. Это означает, что наше Солнце

находится в восьмидесяти световых годах отсюда. Когда наступит ночь и мы увидим созвездия и Млечный Путь...

— Когда наступит ночь, — вмешался Джон Стар, — нас здесь не будет. Скалу затопит прилив.

— В таком случае... — Джей Калам закашлялся. Прошло много времени, прежде чем он снова мог дышать и видеть. Он взглянул на измученных мужчину и женщину, стоявших перед ним. — В таком случае, я вижу один выход. Отчаянный выход, однако это наша единственная надежда.

— Джей, — произнес Джон Стар. — Что ты задумал?

Мрачные темные глаза командора встретились со взглядом печальных глаз Хранителя Мира, Аладори.

— Если ты сможешь доделать прибор, — медленно произнес он, — мы должны будем уничтожить это солнце, планету и все в этой звездной системе. Даже себя.

Женщина хмуро кивнула красивой головой.

— Я сделаю это, — сказала она.

Быстрые руки ее стали разбирать диск коммуникатора.

— А детали эти, — сказала она, — это все, что мне нужно.

— Подожди, — прокашлял Джон Стар. — Прежде всего, не можем ли мы с помощью коммуникатора сообщить о нашем положении и нашем замысле? Легион, возможно...

Командор покачал головой.

— Это ультракоротковолновая радиация, — сказал он. — Нам потребуется восемьдесят лет, чтобы наше сообщение пришло в Систему, и столько же лет на то, чтобы получить ответ. Даже если бы у нас был видеоволновой передатчик, который занимает целый отсек на «Непреклонном», нам потребовалась бы половина светового года.

— Нет, Джон. Я думаю, есть лишь одна надежда.

Кррр! Кррр! Кррр!

Услышав урчание сигнала экстренного вызова, Джей Калам вздрогнул. Аладори удивленно протянула ему радиацию.

Поднеся переговорное устройство к уху, он услышал искаченный и приглушенный шепот Василиска.

— Мой дорогой командор, — сказал он. — Я вынужден вмешаться в ваши самоубийственные планы. Дело в том, что быстрая аннигиляция от руки Хранителя Мира — не то, что я задумал для девяносто девяти из вас. Я хочу, чтобы вы прожили достаточно долго, чтобы испытать на своей шкуре все, что выпало на мою долю. Я хочу дать вам время, чтобы вы поняли, что человек, который страдал столь долго, будучи ничтожнейшим и самым жалким из людей, стал теперь величайшим. Когда вы узнаете правду, я уничтожу вас так, как мне нравится. Что же касается сотового, — продолжал зловещий голос, — то его смерть от АККА умалит мою победу. Ибо я намереваюсь вернуть его живым в Систему, чтобы он рассказал о моей мести. Можете заверить своих друзей, если вам хочется вернуть им надежду, что один из них останется жив.

Шепот утих. Джей Калам выронил крошечный прибор и уставился на голую черную скалу. Он увидел маленький круг стоящих на коленях мужчин и женщин, погруженных в игру. Он увидел жену Боба Стара, Кай Нимиди, прижимающую к груди маленькую рыдающую девочку. Он увидел самого Боба Стара, стройного мужчину на краю скалы, стоящего на страже своих жены и ребенка.

— Я думаю... — Он закашлялся. — Я думаю, что Василиск где-то поблизости. Где-то здесь его база и оборудование, которым он пользуется. Мы слышали его по ультракоротковолновой связи...

Аладори вскрикнула. Взглянув на ее изумленное испуганное лицо, Джей Калам увидел, что она показывает на то место, где только что лежало наполовину собранное оружие. Теперь там находилась маленькая черная змейка из глины.

ГЕОФРАКТОР

— Но я не Леруа.

Девушка с фиолетовыми глазами закрыла дверь в крошечную каюту, и гул задыхающихся геодинов стал почти неслышным.

— Вот как, девочка? — стариик заморгал. — В таком случае, кто вы?

Усевшись на краешек узкой койки, девушка пригладила роскошные платиновые волосы и взглянула в лицо старого солдата.

— Я не андроид, Жиль, — сказала она. — Я такой же человек, как и вы. Я — Стелла Элероид, дочь Макса Элероида, убитого Василиском.

В фиолетовых глазах горело холодное пламя. Лицо ее было жестким.

— Когда я узнала, что Легион потерпел неудачу, — продолжала она холодным тихим голосом, — я решила сама выследить убийцу и найти геофрактор — новейшее и величайшее изобретение, ради которого Василиск убил отца.

— Геофрактор? — спросил Жиль Хабибула. — Что это значит? — Он подался вперед. Крошечные глазки пристально смотрели ей в лицо. — Нет, девочка, ты Леруа, — настаивал он. — Я видел твой портрет. Глаза и волосы твои другого цвета, и я восхищен твоим артистизмом, однако тебе никогда не обмануть старого Жиля.

Девушка положила руку на пухлое плечо старика. Он долго смотрел на белое напряженное лицо и, наконец, улыбнулся.

— Видите ли, Жиль, мой отец и доктор Арруни были друзьями детства. Они вместе жили в Икархеньюме. Каждый с большим уважением относился к способностям другого. Мой отец часто говорил, что, если бы Арруни ладил с законом, он был бы величайшим ученым Системы. Иногда во время своего изгнания Арруни тайком посещал Землю, и

отец всегда поддерживал с ним связь. Я думаю, он до самого конца надеялся убедить Арруни прекратить кощунственные исследования и обратить талант на что-нибудь другое, более законное.

Она помолчала, покусывая пухлую губку.

— Когда я была девочкой, я им восхищалась, — продолжала она. — И во время его последнего визита он, наконец, меня разглядел. Раньше он тоже видел меня, однако не обращал внимания, но на этот раз я была старше, мне было семнадцать. Он влюбился в меня. Романтика жизни вне закона меня всегда интриговала. Он рассказал мне о красотах неизвестного астероида, где находилось его убежище, и умолял меня отправиться с ним. И я согласилась. Я была очень молодая, достаточно сумасбродная, и казалось, что я его люблю. — Глаза ее смотрели в сторону, она помолчала. — Кажется, я кое-что потеряла в жизни. Несмотря на то, что он делал, Эльдо был самым великим из людей, которых я когда-либо знала. За исключением отца.

Я сообщила отцу о дне нашего отлета. Он был ужасно расстроен. Он стал рассказывать такое, о чем я раньше только догадывалась: о непривлекательной стороне характера Арруни, о нелегальных исследованиях, о производстве наркотиков, о преступной группе, которую он сколотил и возглавил.

Несмотря на все это, я была достаточно молодой и сумасбродной, чтобы не уступить, но тут отец рассказал мне об андроидах, об этих тварях наподобие Стивена Орко. Большинство из них были женщинами, которых Арруни изготавливал на продажу. Это были красивые и преступные распутницы-рабыни, которые обычно грабили и убивали своих сладострастных покупателей и возвращались к Арруни, который продавал их очередной жертве.

Я отказалась Арруни. Отец говорил с ним еще раз. Не знаю, что он ему сказал, однако это послужило концом старой дружбы. Арруни возвратился на астероид. Я знаю, что он там делал. — В глазах девушки был страх. — Он создал тварь,

обладающую сверхчеловеческой силой андроида. Мозг ее был нечеловеческим, безжалостным мозгом преступника, таким же, какой был у Стивена Орко. Я послужила для него моделью. Он воссоздал по фотографиям и памяти почти точное подобие.

— Ах! — вздохнул Жиль Хабибула. — Вот как! Но девочка, как случилось, что тебе пришлось играть роль этого смертельного андроида?

— Арруни держал Леруа при себе, — сказала девушка. — Пока кометчики, ведомые чудовищем, которое он сам же и создал, не напали на маленький мир. Арруни погиб, но Леруа сбежала. Умная, смелая и безжалостная, она возглавила межпланетную банду своего создателя. Вскоре Легион напал на ее след, и тогда она разработала самый дьявольский из своих планов.

Глаза девушки стали почти черными, и она помолчала, дрожа. Рука ее прикоснулась к огромному белому алмазу на шее, как к драгоценному талисману.

— Леруа знала, что во всем похожа на меня. Она решила прикрыться моим именем. Она задумала похитить меня из лаборатории, где я продолжала работу отца. Она надеялась погубить мой разум наркотиками и через подставных лиц выдать меня Легиону, и получить награду. После чего жить моей жизнью.

— Ах, какой жуткий замысел! — Жиль Хабибула наклонился вперед. — И что произошло дальше?

— Отец предупреждал меня, что такое может случиться, — произнесла девушка. — После его смерти я сделала приготовления. Когда Леруа пришла, я ждала ее. Победила не она, а я.

Жиль Хабибула поднялся и, обняв девушку, с энтузиазмом чмокнул ее в губы.

— Молодец, девочка! — восхликал он. — Выходит, ты победила андроида ее же оружием. Но почему ты ничего не сообщила Легиону, не получила заслуженную награду?

Лицо девушки стало очень серьезным.

— Мне было бы трудно доказать, что я не Леруа. Кроме того, в тот же день я узнала, что убийца отца бежал со Скалы Дьявола. А кражи документов из лаборатории, случившаяся несколькими днями позже, убедила меня в том, что он пользовался геофактором отца. Я знала, что Легион потерпел неудачу и что он не сможет ничего сделать и в дальнейшем против столь страшного изобретения. Но Леруа, подумала я, не проигрывает. Я стала Леруа.

— Хорошая игра, — похлопал в ладоши Жиль Хабибула.

— Однако расскажи мне, девочка, об этом украденном изобретении.

Девушка вновь уселась на край койки. Наклонив голову, она прислушивалась к надрывному гулу геодинов. Изящная рука машинально коснулась спускового крючка протонного бластера, а затем огромного белого кристалла на шее.

— Не беспокойся, девочка, — сказал Жиль Хабибула. — Я сообщил командору Каламу наше местонахождение и курс. Деррону не скрыться от флота. Так что же это за смертельное изобретение?

— Вы знаете, — спросила она, — что мой отец был инженером-гравитационщиком?

— Да еще каким! — засопел Жиль Хабибула. — Благодаря его усовершенствованиям, геодины развились несказанно. Он изобрел геопеллер, которым так ловко научился владеть Чан Деррон...

— Деррон умеет пользоваться крадеными изобретениями, — сказала она, сжав белые кулачки и медленно расслабляясь. — Однако геофактор, — продолжала она, — основан на совершенно новом принципе — контролируемом искажении гравитационных линий. Прибор основан на использовании ахронных силовых полей. Мой отец самостоятельно разработал новую отрасль геодезии, совершенно неизвестную раньше на Земле. Лишь командору Каламу и его экспедиции удалось найти некоторые основы ее в науке кометчиков.

— Ах, да, — кивнул Жиль Хабибула. — Что-то подобное использовала Кай Нимиди, чтобы бежать с кометы.

— Но, геофактор, усовершенствованный моим отцом, — продолжала девушка, — обладал энергией, достаточной для того, чтобы помешать кометчикам появиться здесь. Его ахронные поля могли искривить гравитационные линии вокруг планеты в радиусе нескольких световых лет.

— Вот как девочка! — Жиль Хабибула улыбнулся. — Однако в других мирах...

— Геофактор проецирует два гравитационных поля. Каждый прибор способен исказить гравитационные линии вокруг любого объекта и свести их вместе по другую его сторону. И это означает, — улыбнулась она, — что объект исчезает из нашей четырехмерной вселенной. Он сделал спаренную установку из двух синхронизированных блоков, так что каждый из них создает идеальный вакуум, чтобы один объект мог проникнуть сквозь другой. Это предотвращает атомный катаклизм, который может случиться, если два предмета окажутся в одном и том же месте. Это объясняет, почему Василиск... — У нее перехватило дыхание, — почему Деррон на место того, что забирает, подбрасывает глиняных змеек, кирпичи или роботов. Это балансирует работу передатчика и экономит энергию.

Жиль Хабибула вздохнул.

— Так вот что такое геофактор, — засопел он. — Ах, какая страшная штука.

— Выходит, таким его сделал Деррон, — горько прошептала девушка. — Отец построил его в мирных целях. Он хотел сделать возможным освоение звезд в широких масштабах, чтобы люди могли расселиться по всем галактикам. Он понимал крайнюю опасность этого открытия. Я сомневаюсь даже, что он вообще закончил бы его, если бы не война с кометчиками. Он считал, что это оружие можно применять только в крайнем случае, и разработал защиту против него.

— Вот как? — Жиль Хабибула посмотрел на нее. Девушка прикоснулась к белому алмазу.

— Здесь находится атомная батарейка, образующая крохотное ахронное спиральное поле, — сказала она. — Оно создает сферическую зону защиты, сквозь которую не проникают поисковый луч и искривленные поля геофактора. Это все, что покуда защищало меня от Деррона. А он не раз пытался отобрать это у меня: послал, например, робота на Новую Луну, чтобы тот напал на меня. Хотя тут он сделал промашку, убив этого монстра слишком рано.

Жиль Хабибула моргнул и прищурился.

— Итак, девочка, теперь, когда мы это знаем, что мы будем делать? Деррон увозит нас к какому-то неведомому объекту в созвездии Дракона. А флот гонится за нами по пятам.

— Этот объект, видимо, и есть геофактор.

— Вот как? Однако Джей Калам говорил, что это очень маленький прибор, его мог переносить один человек...

— Это была модель, похищенная Дерроном. Ее мощности было достаточно, чтобы перенести одного человека и саму модель с острова, на котором отец ее испытывал. Непонятно только, почему сам Деррон не бежал тогда вместо того, чтобы пытаться доказать свою невиновность. Но для более масштабных действий модель не годилась. Видимо, в дальнейшем была построена машина большей величины. Вероятно, на какой-нибудь далекой планете, с помощью роботов вроде того, которого Василиск послал на Новую Луну. Кража, как вы помните, произошла четыре года назад, а модель вполне способна решить все проблемы транспортировки.

— Но, девочка, — Жиль Хабибула с сомнением покачал головой, — если Деррон находился на Новой Луне, а эта злобная машина — в десяти миллиардах миль от него, то как он может быть Василиском?

— Обратная связь, — сказала девушка. — Отец усовершенствовал устройство. С помощью прибора, который человек может нести в одной руке, он способен оперировать геофактором с любого расстояния посредством тубулярных полей ахронных сил. Поскольку эти поля способны

накапливать энергию и передавать ее, ее можно использовать не только для команд, но и для наблюдения, без потери времени и без промежуточных трансляторов.

Жиль Хабибула нахмурился.

— Это значит, что Деррон может управлять геофактором откуда угодно. У него аппарат, осуществляющий обратную связь. Я нашупала провода у него в рукаве. — Бледное лицо девушки стало напряженным. — Должно быть, на Новой Луне он чувствовал себя богом, путешествующим инкогнито, способным шпионить за кем угодно без всякой видимой опасности для себя, способным похитить с помощью геофактора любого, кто отважится противостоять его безумной силе. — Она испуганно коснулась белого алмаза.

— В таком случае, девочка, неужели мы будем ждать и прятаться? — спросил Жиль Хабибула. — Ждать, пока Деррон доставит нас к своей страшной, машине?

В этот миг дверь в каюту разлетелась. Обломки раскидало в стороны, а в проеме появился Чан Деррон. В руке он держал рукоять управления геопеллером, а в другой — яркую иглу протонного бластера.

Рука девушки метнулась к оружию. Однако пальцы Чана сжались на рукояти, и огромное тело, словно тень, метнулось к ней. Наконечник его бластера выбил оружие из руки девушки, а пинок вышиб трость из рук Жиля Хабибулы. Геопеллер отнес Чана обратно к разбитой Двери.

— Некоторые люди любят расхаживать с бластерами по кораблю, — сказал он. — А я не совсем глухой. — Он не сводил с них оружия. Прищуренные глаза Чана Деррона осмотрели девушку, и он улыбнулся. — Я рад, мисс Стелла Элероид, что вы не Леруа. А вы Жиль Хабибула... мне кажется, вы слишком долго были преданным легионером, чтобы на старости лет дезертировать. Послушайте... — Он махнул бластером. — Я слушал все, что вы сказали. Теперь нас трое против Василиска. Я намерен убедить вас в том, что не я убил доктора Элероида.

По телу девушки пробежала дрожь. Увидев ненависть в ее глазах, Чан сделал шаг назад.

— Ты так думаешь? — спросила она едко. — Я сомневаюсь.

— Ах, девочка, подожди. — Маленькие глазки Жиля Хабибулы неодобрительно выпучились в ее сторону. — Давай послушаем. То, что ты рассказала о геофракторе, — объяснил он дрожащей и рассерженной девушке, — объясняет обстоятельства гибели твоего отца.

— В таком случае, скажи, как это произошло? — холодно бросила она. — Ты должен знать.

— Я подготовил бронированное помещение. Ваш отец и его помощник доставили действующую модель, которую собирались проверять, и заперлись изнутри. Я стоял снаружи, на посту. Адмирал-Генерал Самду, появившийся часом позже, обнаружил дверь открытой. На основании чего и обвинил меня.

Он обнаружил тело помощника рядом с трупом доктора Элероида, однако машина исчезла. Тело помощника уже подверглось трупному окоченению. Этого никто не смог объяснить, когда проводилось следствие. Этот факт попросту остался без внимания. Но трупное окоченение наступает не раньше, чем через два-три часа после смерти. Тело, найденное в одном помещении с доктором Элероидом, было мертвым часов десять-двенадцать. — Он опять с пристальным вниманием посмотрел в лицо девушки.

— Вам не мешало бы объяснить, как такое могло случиться, — сказал он. — Преступник уже убил помощника вашего отца. Спрятав труп, он занял его место. Этот убийца спустился в помещение вместе с вашим отцом. Вы не считаете, что такое возможно?

Платиновая головка Стеллы Элероид очень медленно, словно против воли, кивнула. Фиолетовые глаза, очень темные, смотрели в лицо Чана Деррона чуть ли не с гипнотической силой.

— Такое возможно, — прошептала она. — Мой отец страдал крайнею степенью миопии. Он никого не мог бы узнать

в двенадцати футах. А в тот день он был очень рассеян, поглощен экспериментом. — Она кивнула снова. — Продолжай.

— Убийца, видимо, очень хитрый человек. Мы знаем, что он давно следил за вашим отцом. Должно быть, он продумал каждый ход. Он очень рисковал, но ставка была огромной. Находясь в запертом помещении, он проследил за действиями вашего отца и узнал, как работает устройство. Затем убил изобретателя. С помощью геофактора он переместил труп настоящего помощника из укрытия. Он вытащил бластер из моей кобуры, вонзил штык в тело вашего отца, открыл дверь и исчез вместе с действующей моделью, устроив все так, чтобы никто не сомневался в моей вине.

Он смотрел в застывшее бледное лицо девушки.

— Вы мне верите? — хрипло прошептал он. — А, Стелла?

— Я... я не знаю. — Она покачала головой. — Хочу верить.

Но кто тогда Василиск?

— Ах, этот смертельный вопрос! — засопел Хабибула. — Возможно, вы рассказали правду, капитан Деррон. А в этом случае преступник — страшный человек и поступил с вами ужасно. Однако против вас масса улик.

— Вы мне не верите, — безнадежным тоном сказал Чан Деррон. — И не поверите, пока мы не доберемся до геофактора. Я думаю, там нам удастся узнать, кто же наш враг.

— Мне приказано вернуть вас, — уныло сказал старый солдат, — а флот гонится за вами по пятам. Но, если вам угодно сопротивляться, я сообщу командору Каламу...

Чан Деррон нахмурился.

— Я не мятежник, — сказал он. — Я знаю, что флот очень близко. К тому же, у нас нет катодных плат, чтобы идти на прежней скорости. Скоро мы окажемся в зоне поражения вихревых пушек. Однако я все равно намерен добраться до геофактора. Если вы мне не поможете... — Он угрожающе вскинул бластер. На одном из пальцев, скимавших рукоятку, мелькнуло что-то зеленое. Жиль Хабибула заморгал.

— Эй, дружище, — засопел он. — Что это за кольцо? Где ты его взял?

— Это кольцо моей матери, — сказал Чан Деррон. — Она подарила мне его.

— Можно взглянуть? — Старик протянул дрожащую руку.

— Это венерианский малахит в форме игральной кости? Три и четыре точки на гранях? — Он внимательно осмотрел Чана с головы до ног. — Скажи мне, кто была твоя мать? Откуда она взяла это кольцо?

— Кольцо принадлежало бабушке, — непонимающе глядя на него, сказал Чан. — Она была певицей на Венере. Ее звали Этира Коран.

— Этира Коран!

Глаза Жиля Хабибулы вдруг наполнились слезами. Выскочив из кресла, он бесцеремонно оттолкнул бластер и обнял Чана.

— В чем дело?

— Ты не понимаешь? — произнес Жиль Хабибула. — Твоя мать — моя драгоценная дочь. Ты внук Жиля Хабибулы.

— В таком случае... — Чан высвободился и внимательно посмотрел на сияющее желтое лицо. — В таком случае, ты поможешь мне?

— Ах, конечно! — воскликнул старик. — И с радостью. Ибо внук Жиля Хабибулы не может быть Василиском.

Затем глаза Чана Деррона серьезно и вопросительно посмотрели на девушку. Она встретилась с ним взглядом фиолетовых глаз, в которых светился вопрос. Наконец, она медленно кивнула.

— Мы дадим тебе шанс, — сказала она. — Если ты способен найти Василиска.

ПОСЛЕДНЕЕ СОСТЯЗАНИЕ

Несмотря на отчаянные призывы Жиля Хабибулы, преследующий флот настигал убегающий корабль. Первый залп вихревой пушки не поразил цель. Огромное

расширяющееся поле яростно встряхнуло «Атом-Фантом», опалив корпус смертоносной радиацией.

— Пусти меня к геодинам! — прохрипел Жиль Хабибула, когда крошечный корабль рухнул в головокружительный мальстрим. — Я был при двигателях пять драгоценных лет и лучше любого другого знаю, как надо обращаться с генераторами.

И действительно, как только его проворные руки настроили геодины, крошечный корабль быстро полетел вперед. Второе кружашееся облако атомного огня вцепилось в них слабеющими щупальцами и отпустило. Третий выстрел расцвел и погас далеко позади.

«Атом-Фантом» на много часов опередил флот, когда они приблизились к геофактору.

Чан Деррон был просто поражен размерами этой машины, ее непривычными чертами. На фоне испещренной звездами мглы пространства висели огромные сферы. Три огромных кольца, расположенные под углом друг к другу, между ними — небольшой цилиндр из тускло сияющего металла.

— Это похоже на маленький орешек весом в двадцать миллионов тонн, — пробормотал он. — Но я никогда не видел ничего чернее этих огромных шаров.

— Это не шары, — сказала Стелла Элероид. — Это просто дыры в континууме. На самом деле это тьма гиперпространства. Через эти дыры происходит искажение метрики пространства. В них раскрываются спирали огромных полей, создаваемых кольцами. Вокруг каждого шара находятся четыре кольца — три ты видишь, а четвертое вращается в гиперпространстве. Если не считать размеров, а они довольно велики, эта машина полностью идентична модели отца. Управление, несомненно, и батарея атомных реакторов, пытающих спираль, расположены в цилиндре в центре?

— Вот как? — прошептал Жиль Хабибула. — А можем мы найти там Василиска?

— Можем, — сказала девушка. — Однако я думаю, что не найдем. Ему не обязательно находиться здесь, в его распоряжении обратная связь. Но, несомненно, в машину проникнуть можно. Мы встретим там, скорее всего, роботов.

— А как насчет этой страшной силы? — Глаза Жиля Хабибулы испуганно выкатились. — Той силы, что уносит прочь людей?

— Она нам не страшна. — Девушка опять коснулась кристалла. — Пока это устройство с нами и мы вместе, можно ничего не бояться. Но если мы разделимся или устройство исчезнет, то...

— Ах, девочка, мы будем держаться тебя! — воскликнул Жиль Хабибула. — И защищать до последней капли крови.

Обогнув темный корпус геофрактора, они обнаружили люк в торце огромного цилиндра. Никакого оружия они не заметили. «Атом-Фантом» встал возле люка на магнитные якоря, и три человека в серебристых скафандрах вышли, держась друг за друга.

На наружном люке красовался массивный и сложный комбинаторный замок.

— Ах, вот преграда, которая могла бы остановить весь Легион... — пробормотал Жиль Хабибула, в то время как пальцы его в металлических перчатках уже ощупывали замок. Он прижался шлемом к люку. — Весь Легион, — засопел он. — Однако не драгоценный угасающий гений старого Жиля Хабибулы.

Колоссальная бронированная дверь скользнула в сторону, и они вошли в огромное помещение шлюза. На внутренних вратах красовался другой замок, но он тоже был вынужден уступить, и они попали в загадочные недра машины.

Чану бросилось в глаза величие механизмов, которые они встретили на пути. Тусклый фиолетовый свет огромных куполов энергогенераторов слабо освещал квадратные трансформаторы, темные трося, изогнувшись как невиданные змеи, путаницу растяжек, соединяющих механизмы. Рука в

перчатке схватилась за рукоятку бластера, однако никакого движения они не обнаружили.

Ни одной живой твари. Ни единого звука, кроме глубокого могучего рева генераторов, трансформаторов и других механизмов.

Стелла Элероид повела их по узкой дорожке из лабиринта, где таились неведомые силы. Жиль Хабибула открыл еще одну дверь, и они вошли в длинную, слабо освещенную комнату, которая, судя по всему, была рубкой управления. Светились бесчисленные ряды приборов, сверкали сигнальные лампочки, гудели зуммеры, щелкали автоматические переключатели. Как ни странно, эта комната была совершенно пуста. Держа перед собой бластер, Чан Деррон вздрогнул. В этой массе сложных механизмов было что-то грозное, словно они жили сами по себе.

— Василиска здесь нет, — сказала Стелла Элероид. — Я и не предполагала, что он здесь окажется. Думаю, я смогу управлять геофрактором. Отец научил меня делать это, хотя и предполагал, что эта работа слишком опасна для меня. Надо разъединить обратную связь и включить поисковый луч.

— Хорошо, — сказал Чан. — Думаю, мне известно, где его искать. Поищем в окрестностях звезды Ульнар-ХУ1, примерно в восьмидесяти световых годах к югу. Здесь есть гелиоцентрические координаты. — Он вручил ей кусочек бумаги, найденный в бункере Ханнаса.

Она повернулась к панели.

Проведя короткое совещание с Жилем Хабибулой, она кивнула, и старик занялся приборами. Пальцы его шныряли по переключателям и тумблерам с таким проворством, словно он сам создал все, чего касался. Взявшись за бластер и оглядываясь по сторонам, Чан нес бдительную вахту. Ему казалось, что гудящая пустота этого помещения гораздо страшнее орды роботов Василиска, пока не услышал знакомое неестественное урчание и не увидел зеленокрылый ужас, хлопающий крыльями в дальнем углу.

На этот раз он знал, что малиновый глаз — уязвимая точка. Полыхнула вспышка. Монстр упал, неуклюже распростершись на панелях и не успев поднять бластер, который держал в зеленых щупальцах.

— Не беспокойтесь, — сказал Чан Жилю и девушке. Но фиолетовые глаза Стеллы Элероид были напуганы и серьезны.

— Я отключила обратную связь, — сказала она. — У него, видимо, есть второй геофактор.

Она вздрогнула.

— Он может переправить нас куда-нибудь еще.

Чан Деррон снова стал наблюдать.

— Мы нашли, Чан, — услышал он голос девушки часом позже. Она смотрела на крошечный экран. — Это место, где, видимо, изготавливают геофакторы. Это планета, вращающаяся вокруг красной звезды. В джунглях, в центре плато, есть громадная поляна, там шахты, печи, металлические крыши фабрик, ангар во много миль длиной, где, видимо, конструируют геофакторы. Что-то вроде города роботов. Я вижу множество роботов. Должно быть, Василиск сначала создавал роботов, а потом они строили других.

— Но где же Василиск? — спросил Чан Деррон. — Где этот чудовищный монстр?

Стелла Элероид покачала головой.

Чан вдруг подумал, какие ее волосы и глаза были бы настоящими — эти или зеленые глаза и волосы цвета красного дерева, которые он видел на плантациях с изображением Леруа.

— Я не вижу ни одного человека, — сказала она. — Только роботов.

— Ищи, девочка, — прохрипел Жиль Хабибула. — Преступник где-то поблизости. И вместе с ним те люди, которых он похитил.

Чан Деррон стоял на посту. Время, казалось, тянулось бесконечно. Девушка осторожно работала со сложными аппаратами, и смотрела на экран.

— Вот, — прошептала она наконец. — Это место в десяти тысячах миль от города роботов, в центре океана. Там тень, в которую едва проникает поисковый луч. Я полагаю, что это барьерное поле, как у меня.

Она прикоснулась к белому алмазу.

— Однако я прорвалась. Устройство не такое совершенное, как то, что сделал мне отец. Там маленькая скала, а на ней — сражающиеся люди.

Она сокрушенно покачала головой.

— Люди? — спросил Чан Деррон. — Кто именно?

— Я не вижу, — сказала она. — У них маски. Там, по-видимому, какой-то газ. Они все кашляют, изранены, оборваны. Похоже, вода поднимается, и они дерутся за место на скале. Над ними летают твари, похожие на робота, а из воды высовывается огромное чудище, и не одно.

Жиль Хабибула моргал, заглядывая ей через плечо.

— Ах, да, — вздохнул он. — Это несчастные жертвы Василиска. Вот Кай, бедная девочка, вся в бинтах. Вот ее ребенок, вот Джон Стар... — Он чуть не застонал. — А вот Хранитель Мира, она без сознания. Джон Стар несет ее повыше. Ах, какая ужасная смерть грозит им.

Он всхлипнул.

— А теперь я вижу трех негодяев с Новой Луны. Это Ханнос, Брелекко и Джон Комэйн. Кажется, они играют в кости — все, кроме Комэйна. А коротышка Абель Дэвиан тоже с ними, у него записная книжка и калькулятор. Ставки у них — жизнь против черных камешков. А снизу к ним подкрадывается черная смерть.

Дрожащие пальцы вцепились в плечо девушки.

— Ты должна отправить их на Землю, и быстро, пока они не погибли.

— Я не могу, — безнадежным тоном сказала она. — Защитное поле почти такое же, как и у меня. Оно поглощает почти всю энергию поискового луча. Мы не можем взять ни одного из них.

Чан Деррон оказался рядом с ней.

— В таком случае, Стелла, — сказал он, — ты можешь отправить меня на скалу?

— Нет, — сказала она. — Их невозможно унести. Но зачем тебе?

Его темные глаза были сощурены от ярости.

— Я думаю, Василиск на скале. Он прячется под защитным полем и смотрит, как погибают его жертвы. Я доберусь до него. Если не можешь высадить меня на скалу, сбрось в море как можно ближе к ней.

— В это ужасное море? — В глазах у нее было сострадание.

— Чан, тебя убьют эти твари.

— Спасибо, Стелла. — Он улыбнулся. — Но я думаю, что Василиск среди этих людей на скале. У меня есть способ установить его личность. Если хватит времени. Ты поможешь?

— Помогу.

В глазах ее светился огонек, и они были печальны.

— Иди в другой конец комнаты, за пределы действия защитного поля, — голос ее прервался, — удачи, Чан!

Он ушел прочь.

— Прощай! — крикнул ему вслед Жиль Хабибула. — Прощай, внучок!

Стоя в конце длинной, тускло освещенной комнаты, Чан Деррон остановился и поднял руку. Девушка взглянула на него, затем медленно склонилась над небольшой коробкой, находившейся рядом с ней. Все тело Чана охватила яростная пронизывающая вибрация. Девушка, старый Жиль Хабибула и тускло освещенная комната тут же исчезли. Он летел в стылой мгле навстречу желто-зеленому туману. Рядом захлопал крыльями и завизжал монстр. Чан падал сквозь туман в темное гладкое море, где на поверхности появлялись существа еще больших размеров. Геопеллер мог спасти его, но он по-прежнему не применял аппарат, опасаясь, что Василиск может смотреть в эту сторону со скалы.

Из-под воды навстречу ему метнулась темная бронированная туша. Выстрел бластера поднял в том месте облако пара. Он пролетел мимо и добрался до скалы. Весь серебристый скафандр его был заляпан зеленым илом.

Вершина скалы находилась в каких-то пяти футах от воды, и ее уровень постоянно повышался. Сто человек, находившихся на скале, были на грани гибели. Он знал большинство этих задыхающихся, измученных кашлем людей в масках, однако они не обращали на него внимания. Но однодикое существо бросилось к нему, держа бластер в нетвердой руке, и попыталось открыть лицевую пластину шлема.

— Василиск! — послышался гневный голос. — Пришел поиздеваться над нами! Убейте его!

Однако этот слабый крик не был никем услышан, и бластер, разряженный стрельбой по крылатым тварям, лишь жалобно щелкнул.

— Ошибаетесь, командор, — быстро прошептал Чан Деррон. — Я не Василиск. Но у меня есть доказательства, что он прячется здесь, среди вас. Вы позволите мне его разыскать?

В красных от хлора глазах появилось осмысленное выражение.

— Если мы ошиблись... — Джей Калам закашлялся и кивнул. — Попробуйте, Деррон. Что бы вы ни нашли, мы мало что потеряем. Берегите Хранителя.

— Я думаю, что Василиск здесь, и хочу провести проверку.

Чан вручил командору собственный бластер. Отстегнув металлические перчатки, он бросил их вниз и набрал пригоршню черных камешков. Он прошел к вершине, едва поднимавшейся над водой, где несколько десятков человек, в том числе Ханнас, Брелекко и маленький Абель Дэвиан, стояли на коленях и играли в кости. Джон Комэйн смотрел на них с нескрываемой враждебностью в загадочных глазах, держа в руках черную коробку.

Чан Деррон помедлил секунду, глядя на коробку. Устройство управления геофрактором, видимо, было такого же размера, не больше. Он вдруг пожалел, что расстался с бластером.

Он опустился на колени возле тощего Брелекко и высыпал камешки.

— Я хочу сыграть с вами.

Желтая, сверкающая золотом кисть Брелекко встряхнула кости и высыпала их. Он ничего не заметил, однако Гаспар Ханнас, улыбнувшись под маской, прохрипел:

— Приветствуя тебя, незнакомец. Хотя наша игра скоро кончится, это настоящая игра, потому что Василиск обещал, что один из нас вернется в Систему живым.

— Один из вас, — кивнул Чан. — Но это не игра, потому что в ней нет элемента случайности. Тот, кто будет спасен, — сам Василиск.

— Что? — Гаспар Ханнас вскочил и уставился на него. — Не может быть!

— Есть доказательство, — сказал Чан. — Он труслив, и это побудило его прикинуться собственной невинной жертвой, оказавшейся здесь. Я думаю, что он также получает садистское удовольствие, глядя, как вы погибаете. — Он помолчал и взглянул в широкое лицо Ханнаса. Идиотское выражение его было неизменным.

— Давайте сыграем, — сказал он. — И попросите мистера Комэйна составить нам компанию.

Ханнас проворчал что-то в сторону Комэйна. Огромный инженер молча кивнул, неуклюже приблизился, оставил свой прибор, и встал в кругу на колени. Чан взял кости из когтей Брелекко и выбросил семерку. Сгребая камешки, которые он выиграл, он зацепил пальцы Ханнаса и Брелекко. Затем проиграл, вложил кости в ладонь Абеля Дэвиана и посмотрел на длинную серую ладонь, прищурив глаза.

Маленький игрок вновь нажимал на кнопки бесшумного калькулятора, и Чан увидел на его пальцах красную сыпь. Чан наклонился, чтобы разглядеть калькулятор, и вдруг сдавленные крики привлекли его внимание. Он взглянул вверх.

Солнце стояло в зените, и на фоне его тусклого красного лица светились черные очертания геофрактора или похожей на него машины. Видимо, это была та машина, которая послала к ним робота, уничтоженного Чаном. Черная тень быстро заслоняла диск светила.

Геофрактор падал! Похолодев от страха, он понял последний и отчаянный гамбит Василиска. Преступник защищил скалу от полей геофрактора. Но если поле не могло проникнуть сквозь барьер, то сама машина могла попросту влететь в него. Она быстро росла в небе. Глядя на нее, слушая крики и плач тех, кто ждал, что миллионы тонн металла

вот-вот вдавят их в ядовитое море, Чан не услышал урчания неподалеку от него. Когда же он услышал его, то понял, что барьер снят, и он стал действовать очень быстро. Он выхватил маленький калькулятор из скрюченных пальцев Дэвиана, схватил камень и разбил его.

— В чем дело, сэр? — Маленький игрок изумленно заморгал сквозь толстые линзы очков. — Что вы сделали? — произнес он,

— Провожу проверку на аллергию! — рявкнул Чан.

— Не понимаю, сэр!

Чан взглянул на огромный падающий геофрактор, на безмолвных изгнанников, прижимающихся к скале. Они ожидали смерти чуть ли не с благодарностью.

— У нас около трех минут. — Он улыбнулся Абелю Дэвиану. — И вы должны быть заинтересованы в проверке. Позитивная реакция только у вас.

— У меня? Что вы хотите этим сказать?

— Четыре года назад, — сказал Чан Деррон, — когда я помогал псевдоассистенту доктора Элероида перенести модель геофрактора в бронированную комнату, где был убит доктор Элероид, псевдоассистент не хотел, чтобы я видел его лицо, и всячески пытался помешать этому. Он высоко поднял воротник, словно кутался от холода, сделал так, чтобы я шел впереди, а сам прятался за ящиком. Однако я случайно коснулся его руки. Я помню, как на пальцах у него появилась сыпь, и обратил внимание, что он чихнул. — Чан твердо смотрел на маленького игрока. — Впоследствии у меня было время подумать о том, как могло быть осуществлено убийство, и я вспомнил, как вы начали чихать при моем появлении в Алмазном Зале, перед самым вашим исчезновением. И я заинтересовался, как это вам ни с того, ни с сего начало везти именно в ту ночь. Этого было достаточно, чтобы догадаться о подлинной сущности вашего калькулятора.

Бледный напряженный Абелль Дэвиан стоял и качал головой.

— Только что я коснулся вашей ладони, — хриплым голосом продолжал Чан, — и опять заметил симптомы ярко выраженной аллергии к моему телу. Это редкий, но хорошо известный феномен — протеиды одного человека действуют на другого как аллергенты. Такой редкий случай делает опознание возможным, хотя я и раньше предполагал, что ваш калькулятор — на самом деле устройство для управления геофактором.

Серый, как пепел, коротышка попятился от него. Загнанные глаза обратились на падающий геофактор. Затем он снова взглянул на Чана. Глаза его, увеличенные огромными линзами, горели ненавистью.

— Ну и что, что я Василиск? — завизжал он. — Я все равно в выигрыше! Я отомстил вам всем. Никто не сбежит отсюда. Если у вас было три минуты, то теперь их две, а то и меньше.

— Это несущественно. — Рассеянно кивнув, Чан посмотрел на людей, ожидавших падения огромной машины. — Но вот что я хотел бы узнать, — сказал он, ухмыляясь. — Зачем вам понадобилось мстить всем нам?

— Потому что мои предки были Пурпурными! Семья моей матери была в фаворе императоров. Мой отец — Эрик Претендент, и я уверен в этом! Проклятый Зеленый Холл сошел с ума и изгнал всех нас. — Узкие плечи выпрямились. — Однако для всех вас, для Легиона, для Совета Зеленого Холла, я — последний принц!

— Ясненько. — Чан Деррон взглянул на бесчувственное тело Хранителей Мира и на стоящего рядом с ней Джона Стара.

— Но это не все, что вы натворили, — горько продолжал Дэвиан. — Всю жизнь я пытался вернуть хоть часть причинявшихся мне богатств и почестей, однако вы постоянно втаптывали меня в грязь, голод, стыд и нищету!

— Да? — Чан пристально посмотрел на него — Это как же?

— Я занимался наукой, — прохрипел коротышка. — Я взял имя Еноса Клагга, потому что вы все ненавидели моего отца.

— Енос Клагг? — Чан понимающе кивнул. — И вы незаконно строили роботов?

— Военных роботов, — кивнул Дэвиан. — Я надеялся восстановить Империю. Но Зеленый Холл узнал обо мне. Легион выследил меня. Я провел три года на Эбоне и все это время искал способ отомстить.

Внимательно прислушиваясь к его словам, Чан поглядел на падающую машину. Сейчас все небо было заполнено ее корпусом. На скалу опустились зеленоватые сумерки. Отравленный хлором ветер внезапно утих.

— После амнистии я покинул Эбон, — горько продолжал Дэвиан, — я понимал, что должен быть осторожным. Я прибыл на Землю, имея в кармане немного денег, сбереженных матерью, и взял нынешнее имя. Я встретил девушку, полюбил ее и женился на ней. Она потребовала, чтобы я позабыл о своих планах, и я так и сделал. На некоторое время.

Свирепые глаза сверкнули в сторону Ханнаса.

— Пока мы не посетили этот проклятый игорный корабль! — воскликнул он. — В камере на Эбоне я изучал математику вероятности. Я надеялся отыграть утраченное богатство Пурпурного Холла. Однако Ханнас ограбил меня. Ханнас, Брелекко и Комэйн. Они вновь и вновь грабили меня каждый раз, когда я наскребал денег и возвращался. Они издевались надо мной, говорили, будто я пристрастился к игре. Вот почему они оказались здесь — чтобы смотреть, как я выиграю на этот раз.

— Но вы уже проиграли. — Голос Чана зазвучал громче, перекрывая вибрацию воздуха. — Потому что дочь доктора Элероида находится в рубке управления другого геофрактора, и, очевидно, скала эта уже не защищена от нее, поскольку я разбил ваш пульт управления. Оглянитесь! Хранитель Мира и многие другие уже вернулись в Систему!

Скала дрожала иibriровала. По двое, по трое, маленькими группками, измученные жертвы Василиска исчезали. Знакомые предметы мебели, осколки земной черепицы,

куски дерева, необходимые для равновесия, указывали на то, что люди вернулись на родную планету.

Через несколько секунд остались лишь Чан и Абелль Дэвиан. Сверху на них падала огромная машина.

— Я не думаю, что вы тоже вернетесь, мистер Василиск.
— Он помахал рукой, прощаясь. — Дело в том, что Стелла Элероид теперь точно знает, что вы, а не я, убили ее отца.

Затем тело Чана оказалось захваченным вибрацией. Вокруг словно опустилась полупрозрачная ширма, заслонив собой испуганное лицо Дэвиана. Он понял, что Стелла Элероид уносит его со скалы.

НА ЗАДВОРКАХ ВСЕЛЕННОЙ

КРАЙ СВЕТА

Край Света — точка в пространстве в пяти черных световых годах от базы Легиона и в шестидесяти световых годах от звезды по имени Солнце. Помечена эта точка лазерным бакеном и ничем больше. Раз в год прибывает корабль, когда может пройти Аномалию. Последний корабль Легиона не пришел, и половина нашего персонала не дождалась смены. Это были ветераны, завербовавшиеся в надежде насладиться одиночеством, тайнами и опасностями. Здесь всего было в избытке, однако они очень скоро поняли, что все же просчитались.

Припасы пришли позже на частном фрахтере «Эревон», невзрачном, но мощном гравитационном флайере, который выглядел потрепанным ветераном незаконных экспедиций. Капитаном его был коренастый неуклюжий человек с твердым взглядом, не особенно разговорчивый, из тех штатских, которым, похоже, только и остается держаться таких богом забытых мест, как Край Света.

Вместо мужчин и женщин, необходимых для пополнения нашего поредевшего экипажа, корабль доставил только двух пассажиров — старого солдата и девушку. Вместе с ними пришла весьма загадочная история. История, или та часть ее, в которую я был посвящен, была рассказана мне капитаном Скаббардом, когда он появился на станции с запечатанным пакетом приказов от базы нашего сектора.

По его словам, старый солдат и девушка появились на флайере в дикой спешке; при них был странный груз. Вместе с ним пришли неприятности. Капитан Скаббард признавал, что астронавты у него не лучшего класса. Они не привыкли к дисциплине, и он подозревал, что некоторые из них

скрашивали томительное путешествие к Краю Света с помощью контрабандных наркотиков. Они издевались над старым солдатом и пытались принудить девушку заниматься с ними любовью. Капитан сказал, что они привыкли иметь дело с уступчивыми вольнонаемными, и гордость девушки их только воспламенила. Даже помощник капитана вступил в игру. Во время его вахты они напоили солдата, заперли его в трюме и набросились на девушку в её каюте.

Капитан Скаббард был смущен, рассказывая, чем это кончилось. С помощью какого-то неизвестного приема или оружия девушка вырубила двух насильников. Остальные еще больше разъярились. Она стала звать на помощь солдата. Солдат, менее пьяный, чем это казалось, открыл замок и вступил в драку. Хотя он был безоружен, он и девушка уложили пятерых астронавтов. Двое ускользнули из каюты, остальные трое, по мнению капитана, были убиты.

— Но мы не смогли найти трупов. — Глаза его с тревогой уставились на люк шлюза, за которым его пассажиры дождались разрешения перейти на станцию. — Не знаю даже, что и делать. Солдат попросту предложил мне забыть об этом инциденте, однако помощник и двое рядовых исчезли, и мы не можем найти их тел.

Вы даже не предполагаете, наверное, как трудно избавиться от трупа в закупоренном космическом корабле. Это не просто трудно, это невозможно. В жизни я повидал много занятных вещей, но никогда не видел ничего подобного.

Поблагодарив капитана Скаббарда и сказав, что расспоршу пассажиров, прежде чем пущу их на станцию, я понял, что он их боится. Я понял, что он хочет, чтобы они как можно скорее покинули его корабль, однако я стоял на своем. Хлопот у нас и без того хватало. Край Света на плохом счету у Легиона, и небеспрчинно. Работа на станции скучна и опасна. Треть нашего экипажа сменяется ежегодно, но остальные остаются на этом затерянном в пространстве астероиде. Иной распорядок может стоить нам жизни всего экипажа. Начальник станции, не выдержав нервного

X-1657 ▲ 60¢
PYRAMID
SCIENCE FICTION

ONE AGAINST THE LEGION

An incredible web of terror shrouded
the Universe—the work of a phantom
that called itself God.

JACK WILLIAMSON

PLUS
First publication anywhere of a
NEW LEGION OF SPACE novelette

напряжения, совершил необычное самоубийство, умчавшись на спасательной ракете в самый центр пространства, называемого Край Света. После его смерти мне пришлось взять на себя руководство, хотя назначение только сейчас пришло с пакетом капитана Скаббарда. Я был очень молод, очень щепетильно относился к своим обязанностям. С шестьюдесятью сотрудниками и двумя вольнонаемными я противостоял опасности, которой никто из нас не понимал. Достаточно пожилые, чтобы быть циниками, большинство моих людей не сомневалось, что Легион забыл о Крае Света. Они были жестоко разочарованы, узнав, что «Эревон» не привез нам пополнения, а также смены тем, кто уже давно отслужил свой срок. Я готовился к неприятностям, но не нарывался на них.

— У вас контракт с Легионом, — напомнил я капитану Скаббарду. — Это означает, что вы обязаны исполнять мои приказы. Край Света — не место для туристов, и мне не нужны проблемы вроде тех, о которых вы мне сообщили. Ваши туристы должны убедить меня, что их привело сюда не праздное любопытство.

Он мрачно согласился. Когда он позвал их в шлюз станции, первое, что бросилось в глаза, — поразительная неряшливость старого солдата. Кроме формы, на нем был желтый цивильный свитер и бесформенные штаны. Одна штанина была заправлена в голенище башмака, другая выпростана. Он был низок, толст, и в рассказ капитана Скаббарда было трудно поверить. Тем не менее, он с такой уверенностью пошел вразвалку через огромный стальной люк, словно готов был принять командование станцией.

За ним шла медсестра в белой одежде. Красивая бронзовоглазая девушка. Казалось странным, как она могла очутиться в такой дали от мест, освоенных землянами. Сержант, стоявший рядом со мной, восхищенно вздохнул. У меня тоже участлилось сердцебиение, однако тут я увидел её перстень. Это было тусклое платиновое кольцо с черным камнем в виде черепа. В череп с большим искусством были

врезаны яркие рубиновые глаза, светившиеся словно угли в жаровне. Страшная мертвая голова шокировала меня. Я не мог не ощутить мощной гипнотической силы, исходящей от нее.

— Капитан Ульмар? — Забыв отдать честь, старый солдат остановился и уставился на меня. Глаза его были как два морских камешка. — Капитан Ларс Ульмар, вы хотели поговорить с нами?

— Да, если вы хотите оказаться на борту станции.

— А зачем еще, по-вашему, мы пролетели сорок миллиардов миль на ужасной лохани Скаббарда? — Лицо его было круглое, мягкое, как у ребенка, и он краснел как рассерженное дитя. — Мы ожидали более теплого приветствия. Я Жиль Хабибула. Капрал Жиль Хабибула. Это сестра Лилит Адамс.

— Он кивнул в сторону девушки. — Мы прибыли сюда как гости жалкого Легиона. Вам был отослан приказ об обеспечении нас довольствием и помещениями для жилья.

— Я не получал подобных приказов.

— Вам должны были сообщить о нашем визите по каналам Легиона. — Раздраженный голос был насморочным и тонким и странным образом действовал на нервы. — Еще год назад.

— Корабль, который должен был прибыть в прошлом году, исчез.

— Нам об этом хорошо известно. — Он скривился. — Мы целый месяц гостили в жалкой штаб-квартире вашего сектора, дожидаясь, когда эта стоеросовая дубина доставит нас сюда на «Эревоне». Нас предупредили, что приказ пропал вместе с кораблем. Совсем недавно командор Стар отправил вам дубликат приказа.

— Командор Стар?

— Кен Стар, командир разведывательного корабля Легиона «Искатель Квазара». — В голосе его звучало негодование. — Корабль стартовал с базы перед тем, как мы добрались до базы сектора. Видимо, он оставил приказы там.

— Командор Стар не прибыл сюда. — Мое первоначальное удивление сменилось недоверием и раздражением. — Его не было здесь уже много лет. Я встречал его имя в журналах станции. Он был первым офицером за много лет до того, как я прибыл сюда. Я никогда его не видел.

— О, драгоценная жизнь! — Глаза цвета грязи вопросительно уставились на девушку. — Боюсь, бедный Кен попал в смертельную передрягу. — Он наклонился вперед, словно собирался пройти мимо меня. — Ну что же, капитан, думаю, вам надо удовольствоваться моим словом.

— Остановитесь, солдат! — История становилась все более загадочной. Никакой разведывательный корабль здесь не ожидался. Рассказ старого солдата о потерянных приказах — явная липа. Кроме того, неряшливая одежда, раздражение в голосе — все это возбудило во мне подозрения. — Если вы действительно солдат. Вы что, забыли о чести Легиона и дисциплине?

— Вы правы, капитан. — Он остановился. — Чуть ли не целый век я отдавал честь тем офицерам Легиона, которые этого заслуживали. Я с удовольствием отдавал честь командору Каламу, Адмиралу-Генералу Самду и великому Джону Стари. Но вам я чести не отдаю. — Он заморгал, глядя на меня.

— Жиль, — впервые заговорила девушка. Голос её был таким же красивым, как и лицо, и неодобрительным. — Не будь дураком.

— Я не потерплю неуважения, сэр, — сказал стариk. — Если бы вы прочитали приказ, вы бы поняли, что такого обращения я не заслуживаю. Мы — особые гости Легиона, гражданские гости.

— Станция у Края Света выполняет определенные задачи. — Я говорил более раздраженно, чем удивленно. — Первая наша задача — просто предупреждать корабли о том, что здесь, в космосе, существует опасная и таинственная Аномалия. Вторая — брать на заметку и сообщать о каждом факте о природе и причинах возникновения этой Аномалии,

который нам станет известен. Мы отнюдь не обязаны принимать гражданских гостей.

— Капитан, прошу вас! — Девушка шагнула вперед. — Я уверена, командор Стар скоро появится с подтверждением приказа. Вы должны оставить нас на станции до его появления.

Я помолчал. Что-то в этой девушке меня смущало. Жить бы ей где-нибудь во дворце, вроде Пурпурного Холла, среди старых полотен, слоновой кости и гениальных творений человеческих рук. Она выглядела слишком жизнелюбивой для этого мрачного, далекого Края Света.

— Вам придется ответить на несколько вопросов, — сказал я. — Капитан Скаббард вкратце сообщил мне об инциденте на «Эревоне». Он сказал, что вы убили троих сильных астронавтов. Он не знает, куда могли исчезнуть их трупы.

Глаза старого Хабибулы опустились. Девушка слегка напряглась.

— Что случилось? — повторил я. — Что произошло с этими людьми?

— С этими пиратами, — поправил Жиль Хабибула. — Они получили то, что заслужили.

— Возможно, — согласился я. — Однако я отвечаю за безопасность станции. Я должен знать в точности, как именно они это получили. Сестра Адамс, что скажете вы?

— Это было ужасно. — Она горделиво подняла голову. — Я не могу об этом говорить.

Отчаяние, прозвучавшее в её голосе, тронуло меня, но я был достаточно молод, чтобы не забывать о своих обязанностях. Я взглянул на старого Хабибулу.

— Вам следует рассказать об этом, — сказал я, — если вы хотите попасть на станцию.

Молчание.

— В таком случае, я считаю, что разговор окончен.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Погодите, — гневно засопел Хабибула. — Хоть мы и гражданские, однако мы не какие-нибудь бесправные

существа. Зеленый Холл гарантирует нам человеческие свободы. Вы ничего не можете поставить нам в вину.

— Действительно, — согласился я. — Но я не имею права пускать подозрительных на станцию.

— Подозрительных! — Он поперхнулся от гнева. — Капитан, вы что, не знаете историю драгоценного Легиона? Вы что, не слышали о бедном старом Жиле Хабибуле, который воевал против коварных медузиан, невидимых кометчиков и ужасного человеческого монстра, который называл себя Василиском?

— Даже если я знаю, что тогда? — Я вспомнил кое-что из лекций по истории Земли, которые нам читали в Академии Легиона, и быстро произвел в уме подсчеты. — Не говорите мне, что вы — Жиль Хабибула. Он уже давно умер.

— Я умер? — задохнулся он. — Знает жизнь, я смертельно стар и вынужден вести войну, чтобы спасти свою драгоценную жизнь! — Он печально покачал розовой безволосой детской головой. — Возможно, это правда, что на моем прошлом лежит пятнышко. Когда-то мне приходилось взламывать замки, чтобы добыть себе на пропитание. Однако я все искупил, связав свою судьбу с Легионом, искупил своими драгоценными потом, кровью и мозгами!

Он замолчал, чтобы глотнуть воздуха. Тусклые глаза с упреком уставились на меня.

— Когда сюда прилетит Кен Стар, он расскажет, кто мы, — засопел он. — Кен Стар подтвердит, что мы — не какие-нибудь жалкие злоумышленники.

— Пожалуйста, капитан. — В голосе девушки тоже чувствовалось раздражение. Я взглянул на нее. При виде этой красоты в горле у меня возник комок, а воображение невероятно разыгралось.

— Командор Стар — наш друг! Я знаю, скоро он прибудет сюда и подтвердит, что мы никакие не преступники, а сюда прибыли вполне законным путем.

Бронзовые глаза были большими и теплыми, и наполненными слезами.

— Капитан, вы не должны отправлять нас обратно на корабле гангстера Скаббарда. — Дрожь в её голосе смущала меня. — По крайней мере, вы должны позволить Жилю рассказать, почему мы здесь оказались. Вы позовите, капитан?

Стараясь подавить несвойственные солдату чувства, я медленно приблизился к ним. Я чувствовал нарастающее любопытство. Я знал, что Жиль Хабибула дерзит, но не мог понять, почему. По-прежнему я был убежден, что не желаю видеть их на станции, но все же девушка зажгла в моей душе уголек.

— Ладно. — Я холодно повернулся к старому Хабибуле. — Почему вы оказались здесь?

— Потому что я люблю машины.

СЕВЕРНЕЕ КРАЯ СВЕТА

Старый солдат двинулся ко мне навстречу. Осторожная плавная походка при низкой гравитации убедила меня в том, что он — бывалый астронавт. Бледные глаза озирали блестящие стальные люки, ласкали полированные поршни, пересчитывали мигающие лампочки внутреннего монитора.

— Какие машины! — Гундосый волос звучал с оттенком счастья. — Какие восхитительные машины! — Он улыбнулся девушке. — Такие машины — счастье моей жизни.

Я тоже любил красивые машины. Я провел несколько лет, надраивая огромное количество станционных механизмов и налаживая их. В эту секунду Жиль Хабибула мне нравился. Я постарался, чтобы голос мой звучал хмуро:

— Это не музей машин. Если у вас есть причина для посещения станции, в чем она заключается?

— Мы задумали провести эксперимент. — Рыбы глаза смотрели то на меня, то на девушку. — Смертельно важный эксперимент. Хотя я и говорил, что нахожусь в отставке,

Легион в срочном порядке попросил меня об очередной услуге. Врачи Легиона по самое горло накачали меня лекарствами, чтобы я выполнил последнее в жизни поручение.

Наконец-то мы сдвинулись с места!

— Что это за поручение?

— Вы знаете, я очень стар. — Детская голова печально качнулась. — Я чувствую приближение страшной смерти — какая жалкая награда за все опасности, которым я подвергался, защищая драгоценную человеческую расу! Однако я все же не утратил духа Легиона. Я добровольно предложил отдать свои последние годы этому небывалому отчаянному эксперименту.

— Вот как?

— Лилит Адамс — моя сестра-сиделка. — Он ласково посмотрел на нее и улыбнулся. — Я — морская свинка для испытания новой сыворотки, которую создали в Легионе. Результат её воздействия неизвестен, потому что никогда раньше она не проверялась. Я чувствую, что проверка закончится моей смертью.

Он поежился и вздрогнул.

— Вот почему я прибыл на Край Света, — засопел он, — чтобы провести эти последние страшные годы среди любимых машин. Чтобы погибнуть здесь, быть может, — драгоценная жертва славе Легиона и будущему человечества.

— Для чего предназначена сыворотка?

— Возраст! Предполагается, что она даст мне иммунитет от кумулятивного биохимического старения. Мы будем жить здесь, пока не обнаружим, что она действует так, как это говорили врачи. В таком случае меня ждет бессмертие. Это очень рискованная игра.

— Вы что, хотите жить вечно?

— Я делаю для этого все, что от меня зависит, сэр! — Он сумрачно взглянул на меня. — Я — ветеран Легиона и не забыл наших величественных традиций. Я решил отдаваться этому отчаянному эксперименту, не боясь самой смерти.

Пусть даже мне придется участвовать в нем тысячу жалких лет!

Секунду я стоял молча, восхищаясь этим блефом. Лилит Адамс мрачно взглянула на него и серьезно — на меня. Я готов был улыбнуться, однако на её красивом лице не было и тени юмора.

— Боюсь, что вы избрали не самое удачное место для этого. Никакая мифическая сыворотка не защитит вас от тех случайностей, которыми знаменит Край Света. Я выполню приказ, разумеется, если командор Стар привезет его подтверждение до того, как отчалит «Эревон». Но вы и сами увидите, что станция — не богадельня. Среди нас нет человека, который не отдал бы месячного жалованья за полчаса солнца, ветра, моря и воды на Земле. Почему бы вам не проверить эту сыворотку там?

— Я слишком устал от Земли, — покачал он розовой головой. — Хватит с меня людей. Надоело. Они кричат, толпятся, врут, скандалят, убивают, воняют. Именно поэтому я и прилетел сюда.

— На свете много новых планет, — настаивал я, — если вам действительно не нравится Земля. Это девственные миры, где вы могли бы жить на лоне природы. Моря, по которым не плавали люди, равнины, не знающие первопроходцев, существа, не видящие охотников, горы, не покоренные никем. Когда Край Света слишком действует мне на нервы, я мечтаю об этих мирах...

— Я видел новые планеты, — заморгал старик. — Хватит с меня дикой природы, которую я встретил на страшной планете Убегающей Звезды. Чудища в небе, чудища в море, чудища на земле — сплошная смерть с каждым глотком воздуха! — Он скривился и посмотрел на меня.

— Я ищу свои утраченные годы. Если я найду их здесь с помощью драгоценной Лилит, я буду должен компьютерам, которые разработали новую сыворотку, автоматическим фабрикам, которые изготовили ее, и ничего не буду должен природе. Естественная смерть убила бы меня много лет

назад. — Он вздохнул. — Я не верю природе, я не верю людям. — Глаза цвета глины затуманились. — Посмотрите на эту жуткую тайну природы, которую вы зовете Краем Света, взгляните на капитана Скаббарда — страшная природа, страшные люди. Позвольте мне заниматься машинами. Это все, что мне нужно.

Машины я понимаю. Возьмем природу. Это природное явление — пространство, называемое Краем Света, насколько я узнал от жалких людей, — это страшная загадка, которую не смогли разгадать лучшие умы Легиона, хотя пытались сделать это много лет назад. Возьмем людей. Я видел, как драгоценная невинность Лилит Адамс пробуждала зло в худших и лучших из людей. Возьмите природу и людей, а мне оставьте машины.

Он прислонился розовой головой к гладкой поверхности монитора.

— Я их люблю, я им доверяю. Я знаю, как они работают, и я умею чинить их. Я люблю машины, потому что они существуют для того, чтобы работать на человека. Предоставленная самой себе, природа всегда убивает, если только наш хитроумный друг-приятель человек не ухитряется укрыться от смерти. Однако, я думаю, машины способны спасти мою бедную старую жизнь при помощи драгоценной сыворотки Лилит.

Глядя на них, я покачал головой. Я по-прежнему ничего не понимал. Хотя старый Хабибула меня позабавил, я не мог поверить в его историю. Розовое сияние его кожи и рассказ о драке на «Эревоне» выглядели явно противоречием.

И все же он выглядел слишком умным, слишком смелым, слишком красноречивым. Я не мог поверить, что нормальный человек способен ненавидеть свое естественное окружение так, как утверждал он, или до такой степени любить машины. Конечно, я не мог поверить, что ветеран Легиона в здравом уме и трезвой памяти способен удалиться на Край Света. Еще больше меня смущала Лилит Адамс. Хотя медсестры бывают красивы, иногда среди них

встречаются и девственницы, я никогда не встречал медсестру, или вообще девушку, которая выглядела бы такой восхитительной, такой нетронутой и неприкосновенной, которая излучала бы такую привычку к полному повиновению окружающих. Я не мог справиться с мыслью, что она куда красивее любой машины. И все же, как и капитан Скаббард, я боялся ее. Я взглянул на Жиля Хабибулу.

— И все же, если вы не любите природу, зачем вы прибыли на Край Света, ведь он, вероятно, самая великая природная опасность во вселенной?

— Потому что я люблю машины, — занудно повторил он.

— Если здесь и существует какая-нибудь смертельная угроза, жалкая природа нам ничем не поможет. Люди нас не защитят. Но драгоценные машины — единственные наши друзья. Я не знаю лучшей машины, чем эта станция, предназначенная для того, чтобы мы жили в тепле и уюте среди космоса, в миллиардах миль от человеческих толп, непогоды и грязи.

Зажужжал зуммер телефона. Меня вызвал вахтенный офицер. Капитан Скаббард закончил погрузку за исключением багажа двух пассажиров. Торопясь убраться с Края Света, он требовал полетных распоряжений. Одну из наших вольнонаемных и троих членов экипажа я мог отпустить и разрешил им лететь на «Эревоне». Магнитометры указывали на новую магнитную аномалию вокруг скалы возле центра Края Света. К тому же десятки других проблем тревожили мое внимание, и мне хотелось прекратить беседу.

— Прошу прощения.

Когда я увидел отчаяние на прекрасном лице девушки, я почувствовал сожаление, но заставил себя говорить твердым голосом.

— Я отвечаю за безопасность станции, — сказал я. — Вы не смогли объяснить, что произошло с астронавтами из команды «Эревона». Вы не смогли объяснить причину вашего прибытия на станцию. Вы не показали мне никаких документов. Я не могу пропустить вас на борт.

Старый Хабибула налился кровью и что-то забормотал. В глазах Лилит была угроза.

— Капитан Ульмар, — спросила она вдруг. — Почему вы здесь?

Мне не хотелось говорить ей об этом. Я знал, что не хочу этого говорить. И все же что-то в её пронзительных глазах заставило меня выложить правду.

— Причина в моем имени, — запинаясь, стал рассказывать я.

— Ларс Ульмар — не то имя, с которым можно сделать карьеру в Легионе. Когда-то это была великая фамилия. Её сделали великой поколения космических пионеров. Однако злые люди опорочили ее. Я добровольно попросил назначения на Край Света, потому что хочу доказать, что я лучше, чем моя фамилия.

Пронизывающие глаза были безжалостными.

— Так вы родственник командору Кену Стару?

— Дальний. Он младший сын командора Джона Стара. Джон Стар раньше был Ульмаром, но затем Зеленый Холл наградил его за героизм лучшей фамилией. Однако я никогда не встречал командора Кена Стара, и у меня нет причин ожидать его здесь.

— Клянусь драгоценной жизнью! — вскричал Жиль Хабибула. — Мы только что сказали, что он в пути.

— Я принадлежу к другой ветви родового дерева, — сказал я, не обратив на слова старика внимания. — Мы внесли собственный вклад в покорение пространства, но великими никогда не были и никогда никого не предавали. Мы никогда не разделяли славу Пурпурного Холла, однако не смогли избежать его позора.

— Возможно, — сказала девушка.

Я помолчал, в душе надеясь, что она предоставит мне повод позволить им остаться. Казалось, она собирается заговорить, но она промолчала, вздохнула и отвернулась. Я оставил их в шлюзе. Старик поскучивал, как домашнее животное, которому дали взбучку. Капитан Скаббард разозлился,

когда я сказал, что ему придется везти пассажиров назад, однако не стал спорить. Наши приборы показывали новое нарушение стабильности в Аномалии. Если он и боялся своих пассажиров, то Края Света боялся еще больше.

Я отпустил с ним одну из вольнонаемных. Срок её контракта уже закончился, и я не смог убедить её остаться. Дерзкая брюнетка Гэй Каваи была душой станции, но теперь, когда я увидел Лилит Адамс, она стала старой, толстой и заурядной. Я сожалением отказал троим людям, которые просились лететь с ней. Они должны были служить еще год, и у меня не было для них замены. Вместе с полудюжиной других расстроенных безмолвных мужчин они проводили Гэй Каваи к люку. Теперь мне надо было опасаться еще и за нравственный облик этих людей.

Капитан Скаббард получил указания и пробормотал, что надеется никогда больше со мной не увидеться. Люки были задраены. «Эревон» ушел вместе с солдатом и девушкой. Вначале я был даже рад, что Аномалия опять ожила, потому что это позволило несчастным друзьям Гэй Каваи отвлечься, однако, с другой стороны, у нас появилось слишком много проблем. Магнитометры сошли с ума, дрейфующие датчики указывали на наличие беспорядочных, но интенсивных магнитных полей. Звезды за Краем Света на глазах краснели. При первом же проявлении нестабильности наш поисковый лазерный луч обнаружил два неизвестных объекта. Один появился к северу от Края Света на расстоянии полумиллиона миль. Он был неправильной формы, в зазубринах, трех миль в длину. Судя по массе, цвету и магнитным эффектам, мы определили его как железный астероид. Второй объект вызывал большее опасение, потому что Аномалия воздействовала на все наши приборы. Вначале мы обнаружили струю ионизированного газа, затем — крошечное твердое ядро, движущееся в нашем направлении. Когда газ вспыхнул снова, повернув ядро в направлении станции, я понял, что это пилотируемый корабль. Мы попытались дать сигнал по ультракоротковолновой и лазерной связи, однако

не получили ответа. Станция была вооружена — это необходимо, исходя из того, что нас посещают люди вроде капитана Скаббарда. Мы сделали предупредительный выстрел из протонного орудия. Ответом был мерцающий красноватый лазерный луч.

«Вызываем Край Света».

Аномалия искаjала слова.

«Капрал Хабиб... Сестра Лилит Адамс... Ради сладкой жизни, не стреляйте в нас... в спасательной капсуле... со смертельного „Эревона“... теперь придется нас пустить!»

КОНЕЦ АНОМАЛИИ

Мы прекратили огонь и дали сигнал сбежавшей капсуле прикальпить к северной части станции. Когда она пристыковалась, сержант быстро отправился в шлюз, поговорил с беглецами через открытый люк и сообщил мне по переговорному устройству:

— Это тот самый солдат с той самой леди, медсестрой. Как всегда, хитрит. Не выходит из капсулы и не пускает меня туда. Даже не разговаривает со мной, хочет говорить с вами.

Увидев меня в нижнем помещении, старый Хабибула адресовал мне невинную детскую улыбку. Выбравшись из капсулы, тяжело сопя даже при нашей низкой силе тяжести, он выкатился мне навстречу.

— Наглый щенок! — Он гневно мотнул головой в сторону сержанта. — Мой багаж — это мое частное дело. Я не хочу, чтобы его растащили всякие проходимцы! Я не верю людям!

— Жиль хочет сказать, что он не верит большинству людей. Но мы согласны довериться вам, капитан Ульмар.

— Вы решили рассказать, что случилось с помощником капитана Скаббарда и двумя астронавтами?

Она посмотрела на меня. Бронзовые глаза были холодны и непривычны, как светящиеся Магеллановы Облака. Когда я повернулся к старому Хабибуле, он вздрогнул и заморгал, однако не сказал ни слова.

— Здесь у вас нет никаких прав, — сказал я, — даже как у оказавшихся в бедственном положении космонавтов. Предположим, я не оставлю вас умирать на Краю Света, зато буду держать вас в тюрьме станции. — Я попытался ухмыльнуться девушке. — Пока вы не скажете, зачем вы здесь.

— О, сладкая жизнь! — Старик покраснел от злости. — Лишь слишком юная и красивая для любого триюма, да и мне заточение всегда было не по душе. Поэтому-то я и научился обращаться с замками. Если вы — жалкий военный бюрократ, я думаю, мы вам скажем, почему мы вернулись. Я думаю, что жалкая правда убедит вас, что на Край Света нас привел вполне законный бизнес.

— Я слушаю.

— Мы прибыли сюда на ужасной лохани Скаббарда и оказались, благодаря вашему специальному чувству долга, незваными гостями. — Он возбужденно засопел. — Троллодиты из экипажа Скаббарда хором проклинают Край Света, чем бы он ни являлся. У них вырубились геодины и отказалася половина приборов. Мы находились в астронавигационном отсеке корабля и получили сигнал по лазерофону.

— В самом деле? — Взглянув на девушку, я увидел, что она пристально и серьезно смотрит на меня. Лазерофоны в Аномалии действуют плохо.

— Это был запрос от командора Кена Стара. Говорили мы вам, что он летит сюда! — Он торжествующе вытаращил серовато-коричневые глаза. — Вы еще спасибо скажете, что мы вернулись и предупредили вас о том, что Кену нужна помощь.

— Посмотрим, — сказал я. — Итак, что это за сообщение?

— Я не верю людям, — просопел старый Хабибула. — Вот почему я пошел на смертельный риск, подложив подслушивающее устройство в каюту Скаббарда и лазерный отсек. Я

подслушал вызов, полученный оператором корабля. — Он посмотрел на меня. — Вызов пришел по экстренному каналу. Он был едва слышен, едва понятен, но оператор ухитрился принять передачу. Командор Стар сам сидел за лазерофоном. Он сказал, что летит сюда на «Искателе Квазара», как мы и говорили вам.

Он сделал паузу, чтобы отдохнуть, и с упреком посмотрел на меня.

— Однако разведывательный корабль в опасности. Он попал в расширяющуюся Аномалию. Геодины отказали, дюзы тоже. Командор Стар просит помочи, но от Скаббарда он её не получит.

Старый Хабибула видел мое недоверие, потому что гладкое и круглое лицо его стало еще более красным.

— Мы сказали вам жалкую правду. Скаббард испугался. Быть может, он не такой крепкий мужик, как кажется. Он был пьян, однако все равно сел за лазерофон. Он ответил, что мы уже слишком близко к Краю Света. У нас, мол, у самих отказали геодины и нет топлива для дюз. Он обещал сообщить об аварии «Искателя Квазара», когда доберется до базы сектора, но оказать непосредственную помощь отказался.

Вот почему мы удрали с этого вонючего корабля. Я посоветовался с Лиль. Мы знаем, что вы рады будете помочь командору Стару, и потому решили передать вам это сообщение.

Глаза цвета пыли с тревогой уставились на меня.

— Этого вам достаточно? Теперь вы пустите нас на вашу драгоценную станцию?

— Пока нет. — Я стоял и хмуро смотрел на него. — Как Скаббард позволил вам уйти с корабля?

— А он и не позволял, — ухмыльнулся старый Хабибула.

— Он был слишком пьян. Я же говорил вам, что умею обращаться с замками. Мы уложили багаж, забрались в спасательную капсулу и оставили Скаббарда ждать снаружи. Теперь вы пошлете помочь Кену Стару?

— Если все это — ложь, то очень грязная, — взорвался я.
— Я не знаю, верить вам или нет, однако, в любом случае, мы не можем терять корабли и людей в рискованных попытках.

— Прошу вас, капитан, Ульмар! — Девушка говорила из капсулы, её дрожащий голос был очень устойчив и печален.

— Если вы не хотите заслужить позор Пурпурного Холла, вы должны это сделать. Вы должны впустить нас!

Секунду я глядел на нее. Она была обаятельной, но вместе с тем неприступной и холодной. В другое время и в другом месте она свела бы меня с ума. Однако на Краю Света, в сетях Аномалии, я не мог позволить себе взвалить на плечи еще одну проблему, для которой, видимо, не было решения.

— Я вас приму, — сказал я. — Но я обязан провести досмотр вашего багажа на предмет оружия или контрабанды. Выходите из капсулы.

— У нас нет никакого смертельного оружия или контрабанды! — пропыхтел Жиль Хабибула. Он посмотрел на сержанта, стоящего у меня за спиной. — Я уже сказал этому щенку, что мой багаж — мое собственное дело.

— Успокойся, Жиль, — тихо произнесла девушка.

Погрузившись в хмурое молчание, Жиль Хабибула поднял руки. Я похлопал его по яркому свитеру и обвислым штанам. Округлый предмет в кармане оказался кожаным бумажником. В левом кармане были кольцо с ключами, ржавый гвоздь, моток медной проволоки, пара бронзовых шарниров, однако ничего опасного.

Когда я взглянул на девушку, она выскоцила из капсулы. Пролетев несколько метров над палубой, она остановилась и повернулась ко мне, подняв изящные руки.

На пальце её сверкало белое платиновое кольцо с маленьким черным черепом. Я почему-то не отважился дотронуться до нее, но, бегло осмотрев, не заметил никаких выпуклостей, кроме естественных. Оставив сержанта охранять их, я прошел в капсулу. За спиной послышался жалобный голос Жиля Хабибулы:

— Когда доберетесь до нашего жалкого багажа, не забудьте о нашем эксперименте и драгоценной сыворотке Лилит. Вспомните о тех годах, которые нужны нам для того, чтобы доказать мое бессмертие. Нам нужны кое-какие припасы.

Стоя в узкой капсуле, я осмотрел его багаж. Я готовился найти следы преступления, столь же фантастичные, как и его сказка о бессмертии. Я готов был найти контрабандное оружие, быть может, предназначенное для того, чтобы захватить станцию и сделать из нее базу для пиратов Скаббарда. Я был готов даже найти медицинское оборудование и лекарства для эксперимента по долголетию. Все, что я нашел, — это икру и вино.

— Да, это смертельно малая награда за все годы моей верной службы Легиону. — Хныча, он ходил за мной следом. — Однако не сомневайтесь, что все это настояще! Лучшая черная икра, расфасованная для межзвездных перевозок. Каждая баночка стоит целое состояние! Отборные вина старой Земли, лучшие лозы прошлого столетия. Не вздумайте что-нибудь повредить, пока ищете свои краденые драгоценности или ядерные бомбы!

Именно этот странный груз, а не неправдоподобная сказка Хабибулы об экстренном вызове с «Искателя Квазара», а также отчаянные глаза красивой девушки заставили меня принять решение. Хотя немногие капралы могут баловаться в отставке икрой и вином, эти тяжелые банки не выглядели опасными.

— Я приму вас как гостей, а не как арестантов, — сказал я, — но только временно. Ваш статус будет зависеть от того, как вы будете себя вести, от того, скажете ли вы правду, и от того, что будет происходить на Краю Света.

— Спасибо, Ларс Ульмар.

Услышав тихий голос девушки, я слглотнул.

— Я рада, что вы нам поверили.

Я отвел им помещение в кольце полной гравитации, запрограммировал стационарный компьютер на выдачу им

довольствия и попросил сержанта позаботиться об их багаже. К тому времени вахтенный офицер уже вызвал меня.

Он сообщил, что Аномалия по-прежнему распространяется вокруг нас. Нарушения стабильности в её центре никогда еще не были столь интенсивными. Сильное магнитное поле вывело из строя наш лучший магнитометр. Сообщения об усиливающихся гравитационных потоках напугали экипаж.

Кетцлер был безбородым и подтянутым парнем еще может меня. Преданный своему делу младший офицер, он спокойно воспринимал то, что ему пришлось волей случая занять мое место. Однако сейчас этот кризис начал подрывать мой, незаслуженный в общем, авторитет. Даже в переговорном устройстве я слышал дрожь в его голосе.

— Опасаюсь беспорядков, сэр, особенно от тех людей, кому мы были вынуждены отказать в отправке. Я слышал нехорошие разговоры.

— Я знаю, они недовольны, — согласился я, — но я их не боюсь.

Я провел остаток вахты, следя за показаниями приборов и делая все возможное, чтобы повысить настроение команды. Затем я сказал Кетцлеру, что он может не бояться мятежа. «Эревон» ушел. Наш собственный корабль, который могли бы захватить смутьяны, никто не способен довести до обитаемой планеты. Даже если станцию затягивает в Край Света, то внутри мы в большей безопасности, чем снаружи.

Из головы у меня не выходил рассказ старого Хабибулы о вызове командора Стара. Я велел дежурному экипажу пропущивать район к северу от Края Света с помощью всех возможных приборов. Они ничего не обнаружили, и все же я знал, что таких поисков недостаточно. Помехи были очень сильны и могли исказить любой лазерный или радиосигнал до неузнаваемости. Поскольку мне нужна была внутренняя уверенность, я попросил Лилит Адамс о встрече с ней и старым Хабибулой в столовой.

— Восхитительно! — её холодный голос был сейчас странно спокойным и теплым. — Капитан, вы не могли бы нам заодно показать станцию? И не расскажете ли вы побольше об Аномалии и новых нарушениях? Мы тут слышим тревожные разговоры.

Правда могла оказаться еще более тревожной, чем любые слухи, но я ей этого не сказал. Я согласился устроить им прогулку по станции перед обедом, по крайней мере, по двум причинам. Я хотел устроить команде что-то вроде смотра, чтобы повысить её дух, а заодно и поглядеть, не выдадут ли чем-нибудь себя гости. К тому же, хотелось сделать приятное девушки.

Методично наводя порядок в отсеках станции, я успел принять душ и побриться. Стряхнув пыль с лучшей формы, я поймал себя на том, что насвистываю от нетерпения. Когда я шел к ним, то заглянул в центр управления. Там царило страшное напряжение. Кетцлер не уходил с дежурства, хотя ему давно следовало лежать в постели и отсыпаться. Центр был большой комнатой в форме цилиндра в недрах ледяного астероида. Он медленно вращался вокруг своей оси, так что внутренняя поверхность цилиндра представляла собой бесконечный пол. Одна плоскость была проекционным экраном для наших телескопов, на второй находилась электронная карта, созданная по суммарным показаниям всех наших приборов. Кетцлер сидел за пультом компьютера, глядя на карту. Там, на карте, было изображено уродливое чернобрюхое существо, скорчившееся в центре огромной паутины из сияющих нитей, расползшихся во все стороны. Черное брюхо существа было центром Аномалии, районом, куда не могли проникнуть никакие приборы. Существо раскинуло пурпурные ноги — закартированные нами гравитационные силовые линии Аномалии. Яркие линии паутины — линии магнитных полей, разошедшиеся далеко за пределы крошечного ярко-зеленого круга, отмечавшего нахождение станции. Кетцлер вскочил, когда я коснулся его плеча.

— Как дела?

Я не обращал внимания на испуганное выражение его лица.

— Думаешь, она успокаивается?

— Пока нет, сэр.

Линзы очков увеличивали покрасневшие глаза.

— Я никогда такого не видел. И становится все хуже и хуже. Меня беспокоит гравитационный дрейф.

Он нажал на кнопку, осветившую кривой ряд желтых ярких точек на экране. Точки были пронумерованы. Каждая указывала положение станции в недавнем прошлом. Станция приближалась к брюху существа.

— Она просто-таки засасывает нас! — Он взглянул на меня поверх запотевших очков.

— Даже дюзы не помогают, сэр. Мы не справляемся с дрейфом даже на полной тяге.

— Мы делаем все, что можем, — заверил я его. — Если что случится, я в столовой.

Он облизал пересохшие губы.

— Прежде, чем вы уйдете, я кое-что вам сообщу, — сказал он. — Тот новый астероид, который мы обнаружили севернее Края Света, он снова исчез!

Он показал на красную точку на экране.

— И еще одно, сэр. — Я услышал в его голосе эхо неодобрения. — Лазерные мониторы только что поймали сигнал, похожий на сигнал бедствия, с того же направления. Мы ничего не могли разобрать, кроме одного слова; мне кажется, это название корабля. Что-то вроде «Искателя» ...

ВРАЖДЕБНАЯ МАШИНА

Несмотря на столь обескураживающее развитие событий, я попытался выглядеть спокойным и уверенным. Конечно, Аномалия весьма опасна, напомнил я Кетцлеру,

однако именно этим мы и занимаемся на Краю Света — изучаем её опасности и приспособливаемся к ним.

Устав от напряжения и изнурительных дежурств, экипаж по-прежнему занимался работой. Уцелевшие приборы следили за Аномалией, компьютер производил расчеты. Дюзы выстреливали в пространство струи огня, пытаясь противостоять гравитационному дрейфу. Ничего другого мы сделать не могли. Даже если история Жиля Хабибулы — правда, даже если «Искатель Квазара» борется с неизвестными силами Аномалии, мы ничего не могли сделать, чтобы помочь ему. Если мы проигнорируем угрозу Аномалии или недооценим ее, если мы не учтем собственных нужд, то ошибку исправить уже не сможем. Наши резервы были на пределе.

Даже в мыслях я не признавался себе, что нам грозит отчаянное положение. Я посоветовал Кетцлеру отдохнуть и отправился к Лилит Адамс и Жилю Хабибуле.

Она уже сменила строгую белую форму на нечто голубое, хотя и оставила на пальце страшный красноглазый череп. Даже при неполной силе тяжести её движения были плавны и грациозны. Она взяла меня за руку, и от этого прикосновения во мне, казалось, включились дюзы.

— Капитан Ульмар, вы очень добры.

Услышав это, я почувствовал себя так, как будто меня уже поглотила страшная Аномалия. Она шла рядом, невыразимо притягательная в своем голубом платье и вместе с тем недостижимая.

— Жиль отправился в кают-компанию закусить перед нашей экскурсией.

Я почувствовал укол ревности. Если эта странная история хоть отчасти правдива, если старый Хабибула действительно пытается возвратить себе утраченную юность, то такая девушка, как Лилит Адамс, может быть гораздо более важной частью эксперимента, чем все его драгоценные вина и икра. Мы нашли его в кают-компании. По-прежнему разительно невоенный в ярком желтом свитере и бесформенных

штанах, он сидел за столом в компании последней из оставшихся у нас вольнонаемных, рыжеволосой толстушкой по имени Джина Лорд. Они распивали бутылку его вина. Он обожал ее, как заправский юноша.

— Ты готов, Жиль?

Лилит говорила так, будто не замечала вольнонаемной; таким холодным тоном говорят люди, привыкшие к безоговорочному повиновению и сами того не сознающие. Жиль Хабибула вскочил, весьма расстроив удивленную рыжеволосую дамочку. Он был совершенно трезв. То благоговейное уважение, которое он оказывал Лилит, убедило меня в том, что загадочная роль девушки весьма и весьма важна.

— Клянусь сладкой жизнью, — засопел он. — Не надо меня так пугать.

— Пойдем, Жиль. Капитан Ульмар хочет показать нам станцию.

Бросив печальный взгляд на вино, оставшееся в бутылке, он поплелся за нами.

— Драгоценная сыворотка Лиль! — Он взглянул на меня. — Она возвращает мне юность, но какой ужасной ценой! Постоянный голод и отчаянная жажда! И желание, которого я не чувствовал вот уже пятьдесят лет!

Я провел их по станции. Она походила на длинный земляной орех из пластика и стали. Толщины ореха как раз хватало, чтобы в нем поместились комнаты по обе стороны двухъярусного коридора. Снаружи была тысячефутовая корка межзвездного льда — замерзших воды, метана и аммиака, которая могла бы превратиться в хвост кометы, если бы станция прошла достаточно близко к звезде. Этот вращающийся земляной орех был осью колеса диаметром в пол-мили. Спицами были пластиковые трубы, по которым проходили кабели энергопитания, всевозможные трубопроводы и лифты. Ступицы представляли собой толстые цилиндры, выступающие с полюсов ледяного астероида. На внутренней части каждого цилиндра, вращающегося медленнее, чем спицы, были люки для стыковки с кораблями. С

наружного края каждой ступицы, вращавшейся в противоположном направлении, благодаря чему достигалось нулевое тяготение, находились телескопы и лазерный купол, не движимый по отношению к звездам.

Старый Хабибула, похоже, был рад прогулке. Он восхищался машинами. Он остался в восторге от атомного реактора, скрытого глубоко в толще льда. Он пожелал осмотреть биосинтезные батареи, которые обеспечивали нас водой, восстанавливали воздух и производили большую часть пищи.

Он был весьма доволен нашим исследовательским отсеком. Кое-что, к моему удивлению, он даже понимал.

— Один вопрос, капитан, — сказал он. — Вы показали нам множество прекрасных машин, новых как завтрашний день. Но отчего, я не могу понять, станция так доисторически устроена? Зачем эта грубая имитация гравитации, когда вы могли воспользоваться гравитационными индукторами?

— Из-за Аномалии, — сказал я. — Пространство здесь иное, а какое, никто точно не знает. Гравитационные, электронные и оптические устройства работают плохо — вы же помните, что случилось с навигационными приборами на корабле Скаббарда?

Глаза цвета глины понимающие заморгали.

— А что это за Аномалия?

— Точка в пространстве, в которой не действуют законы природы. Если вы хотите знать её историю...

— Пусть она подождет до обеда, Жиль, — вежливо вмешалась Лилит. — Я бы хотела сначала осмотреть станцию.

Она меня по-прежнему удивляла. Хотя она не утверждала, что любит машины, она была к ним, видимо, привычна. Вопросы, которые она задавала, выдавали в ней знакомства и компетентного человека.

Мы вошли в наблюдательный купол на северной ступице станции, где станция соприкасалась с ночью пространства и слабые красные искорки приборных лампочек меркли в космической мгле. Здесь была нулевая гравитация, и я вручил

старому Хабибуле и девушке небольшие ракетки. Оба знали, как ими пользоваться. Оставив Хабибулу восхищаться тусклым сиянием приборов, расположенных на внутренней стене, Лилит полетела к огромной невидимой стене купола, простиравшегося в направлении Края Света.

— Капитан Ульмар, — позвала она тихим голосом. — Пойдемте со мной.

Удивляясь собственному послушанию, я безмолвно полетел за ней следом.

Она остановилась возле нависающих приборов, стройная, маленькая и беззащитная перед огромной паутиной Аномалии.

Несколько мгновений она плавала там, глядя в туман звезд. Посмотрев в ту сторону, где находился север галактики, я увидел, что несколько звезд слегка потускнели и покраснели. Даже такая мелочь не ускользнула от натренированного взгляда. Страшноватая фигура Края Света открывала себя только немногим из наших приборов. И все же я почувствовал, что девушка знает об этом больше, чем я.

— Скажите, капитан. — Она повернулась ко мне. Лицо её в холодном свете звезд было серьезным и красивым. — Каков молекулярный состав этого купола?

Когда я объяснил, что это одна цельная молекула, выяснилось, что она знает не только формулу полимера, но и то, что производственный процесс изменялся три раза с тех пор, как был изобретен этот замечательный синтетик.

Она начала расспрашивать о технических характеристиках — о данных производства изотопного анализа, индексе рефракции, кривизне и толщине... Хотя такие вопросы казались мне тривиальными, она вела себя очень серьезно. Хотя я был молод, у меня была хорошая память на цифры. Я тщательно готовился кнесению своих обязанностей и мог рассказать ей все, что она хотела узнать.

— Спасибо, капитан. — Она улыбнулась, и голова у меня пошла кругом. — А теперь мне бы хотелось послушать о самой Аномалии.

Когда ручные ракетки унесли нас к слабому свечению приборов и плавающему в сумраке старому Хабибуле, я почувствовал острую тревогу. Я знал о своих гостях кое-что, немногим больше, чем в начале знакомства, однако они по-прежнему были мне не понятны.

— До нас доходили слухи об этой Аномалии, — сказала Лилит. — Кажется, это страшная вещь.

— А я её не боюсь, — прошепел Жиль Хабибула. — Не боюсь с тех пор, как посмотрел на эти прекрасные машины. Я обычно чувствую опасность, но сейчас ничуть не боюсь Края Света.

Оставив ручные ракетки на стеллаже, мы ухватились за скобы движущегося троса. Он отнес нас сквозь пещерообразную пасть прохода, под тускло освещенными резервуарами, над переплетением труб каталитической установки, превращавшей застывшие газы астероида в топливо для ракет и питьевую воду для нас, к массивной металлической выпуклости контрольного барабана.

— Что ни говори, а я — самый старый ветеран Легиона, — похвалялся Жиль Хабибула. — Того зла, что я повидал, хватило бы, чтобы ослепли ваши жалкие глаза. Я сражался со смертельными медузианами, со злобными кометчиками и с чудовищем Василиском. Однако сейчас в драгоценную Систему пришел мир. Я не чувствую никакой опасности. Я готов положиться на эти машины.

В это время на колене у меня заурчало переговорное устройство.

— Капитан Ульмар. — В голосе Кетцлера слышалась откровенная тревога. — Мы только что получили обрывки передачи с терпящего бедствие корабля. «Искатель Квазара». Командор Кен Стар. Послушайте...

Старый Хабибула и Лилит Адамс двигались передо мной, вцепившись в скобы троса. Когда послышался голос офицера, девушка затаила дыхание, а старый солдат вскрикнул.

— Они подверглись нападению, сэр!

Голос Кетцлера был испуганным.

— Что-то мчится за ними со стороны Аномалии. Нечто, похожее на вражескую машину. Она в сто раз больше корабля. Стар утверждает, что ничего не может сделать. Говорит, машина его нагоняет. Последние слова неразборчивы, сэр, но, насколько я понял, Стар поставлен перед необходимостью покинуть корабль.

Кетцлер вот-вот готов был сорваться на крик.

— Я подумал, сэр, что вам нужно об этом знать. Что нам делать, сэр? Что нам делать?

СТРАННЫЕ КАМНИ

Некоторое время я вынужден был заниматься Кетцлером. Первым побуждением было наказать его. Передав это сообщение по внутренней связи, он явно подорвал дух экипажа станции. Однако потом, осознав, что ситуация сложилась явно экстремальная, я решил с этим подождать.

— Возможно, это мистификация. — В голосе моем было больше уверенности, чем я испытывал на самом деле. — В любом случае, мы должны это проверить. Ведите непрерывное наблюдение. Подготовьте пушки. Держите меня в курсе.

— Да, сэр. — Его голос звучал очень подавленно.

— Слушаюсь, сэр.

Лилит Адамс летела вверх в двух ярдах от меня сквозь сумрачное пространство внутри ледяного астероида. Вцепившись в скобу троса, она оглянулась. Лицо ее, тускло освещенное снизу, было напряженным и красивым.

— Капитан Ульмар, вы должны что-то сделать. — Голос ее, однако, был спокоен и холоден. — Мы должны помочь командору Стару.

— Мы сделаем все, что сможем, — сказал я. — Кроме того, станция — не боевой корабль. Мы не можем убежать. У нас всего лишь два маломощных протонных орудия, и мы немного навоюем. Связи у нас никакой, и мы не можем

попросить о помощи. Если командор Стар действительно подвергся нападению враждебной машины...

Старый Хабибула вдруг испуганно завопил, рука его скользнула со скобы. Конвульсивно вцепившись в ткань огненно-желтого свитера, он полетел сквозь тусклую пещеру, кружась, как живой спутник, вокруг находящейся в отдалении серебряной сферы резервуара с ракетным топливом.

— Помогите ему, капитан! — воскликнула девушка. — Он не привык к враждебным машинам.

Я включил ракету, настиг его и подтащил к тросу. Кожа его была мертвенно-бледной, и он дрожал всем телом. Он судорожно вцепился в скобу.

— Не говорите о таких машинах! — Голос у него был пронзительным, как трубный рев. — Но не думайте, что я испугался. Я встречал и преодолевал опасности куда более смертельные, чем любая космическая аномалия. Это просто... просто... просто... — Вцепившись в скобу, он задыхался и дрожал.

— Просто я немножко ослабел от смертельного голода и жажды. Я — несчастная морская свинка в отчаянном эксперименте. Драгоценная сыворотка Лилит вернула мне драгоценные годы, но и вернула ужасный аппетит.

— Мы и летим обедать.

Лифт поднял нас к кольцу полной гравитации. Мы вошли в пустой и темный зал кают-компании, однако Жиль Хабибула с болезненной улыбкой обнаружил, что его верные машины готовы нас обслужить. Он алчно набрал на клавиатуре компьютера наименования трех блюд.

Лилит отозвала меня в сторонку.

— Капитан, — медленно произнесла она. — Не следует ли вам заняться более важным делом? В таком случае, как сейчас, не будет ли лучше, если вы примете командование станцией?

Я не мог сказать ей, что она и старый Хабибула представляют для меня такую же проблему, как сама Аномалия.

— Возможно, вы не понимаете, в каком отчаянном кризисе мы находимся, — попытался объяснить ей я. — Одно неправильное действие вызовет панику. Пока что мои люди занимаются делом. Кетцлер — хороший молодой офицер. Ему нужен шанс показать себя.

Она сводила с меня глаза.

— Понятно.

Она двинулась к столу, где уже сидел Жиль Хабибула, дожидаясь заказанных блюд.

— Если вы сейчас действительно не заняты, расскажите нам об Аномалии.

На лице её было странное выражение.

— Обо всем, что сможете.

— Первые пионеры добрались сюда тридцать лет назад, — начал я. — Они нашли этот «снежок» и небольшой рой камней. Куски железа двух-трех миль в поперечнике. Причем не просто железо, а сплав, да потверже, чем железоникелевый сплав, характерный для состава обычных метеоритов. К тому же, в них обильно встречались прожилки более ценных металлов.

— Я читала статьи. — Она наклонилась над столом, и свет ламп превратил её рыжеватые волосы в золото. Она внимательно слушала, словно эти несчастные астероиды представляли какую-то первостепенную важность.

— Сколько их?

— Вот это как раз необычно, — сказал я. — Даже их количество — аномалия. Разведывательный корабль Легиона нашел здесь пять железных астероидов и три «снежка» вроде нашего. Когда сюда через пять лет прибыли шахтеры, они нашли только два «снежка», но зато шесть железных астероидов.

— Выходит, разведка допустила ошибку?

— Не похоже. Просто шахтеры натолкнулись на Аномалию. Они не остались, чтобы наблюдать за ней. Железные сплавы были слишком твердыми для их техники, а затем что-то произошло с груженным рудой кораблем.

Жиль Хабибула вздрогнул.

— Что? — Глаза цвета глины выпучились в мою сторону.

— Что случилось с этим жалким кораблем?

— Это не совсем ясно. Это был мощный корабль, стартовавший с одного из камней с грузом металла и семьей шахтера на борту. Он успел отправить странное сообщение по лазерной связи — что-то насчет того, что звезды становятся красными. Он не прибыл в порт, и не обнаружено было никаких его следов.

— Смерть моя! — Его хриплый голос был прерван тремя дымящимися чашками с бульоном из водорослей и тремя коричневыми пирожками из дрожжевого теста.

Он набросился на еду так жадно, как будто машина предложила ему его драгоценную икру.

— Продолжайте, пожалуйста, капитан, — попросила Лилит. — Вы говорили о количестве астероидов.

— Прошло еще пять лет, прежде чем здесь высадилась еще одна колония рудокопов. Они обнаружили только один ледяной астероид — тот, на котором мы сейчас находимся. Однако на этот раз железных астероидов было девять.

Жиль Хабибула вопросительно посмотрел на меня, затем вновь занялся едой.

— Эти рудокопы располагали мощными атомными бурами. Они углубились в твердые сплавы, и некоторые из них нашли глубокие карманы с платиной и золотом. Потом сюда прибыли космические торговцы. Даже те, кто не добывал руду, а продавал воду, сколотили состояние. Они-то и построили станцию. Маленький метрополис.

Жиль Хабибула оторвался от еды. Он сидел, глядя на меня, с болезненной бледностью на круглом детском лице и тусклым сиянием в глазах цвета ржавчины.

— Вот как? — прошептала Лилит. — И...

— Они построили индустриальный комплекс на Магнетите. Так они назвали самый большой железный астероид — порт погрузки руды. Огромную атомную плавильню. Магазины для продажи и ремонта шахтных механизмов.

Лазерофонный центр для связи со всеми рудниками и с обитаемыми планетами. Затем случилось неожиданное...

— Что? — Жиль Хабибула произнес это невнятно, рот у него был полон. — Как?

— Лазерные лучи перестали доходить. Связь между астероидами оказалась прерванной. К посадочной площадке возле плавильни как раз приближался танкер с кислородом. Экипаж сообщил, что астероид покраснел, замерцал и исчез.

Жиль Хабибула съежился, поперхнувшись бульоном. Бульон разлился по столу и стал капать на его колени.

— На этом разработки прекратились, — сказал я. — Половина людей и почти вся колония исчезли. Уцелевшие разбежались. Даже этот астероид был покинут, пока здесь не появился Легион. Командор Кен Стар установил бакен.

— Я знаю Кена Стара. — На круглом лице Жиля Хабибулы появилась розовая улыбка. — Это младший сын Джона. Помню, как много лет назад он приносил мне игрушки для починки. Я тогда нес службу в Пурпурном Холле на Фобосе. У меня мурашки бегут по коже, когда я думаю, что Кен находится в этой жуткой Аномалии и сражается с враждебной машиной. Я люблю Кена Стара.

— Капитан, продолжайте, пожалуйста, — вмешалась встревоженная Лилит. — Расскажите нам об Аномалии все, что знаете.

— В штабе Легиона получили сведения об исчезновении камней. Командор Кен Стар отправился туда на разведывательном корабле. Как раз по их курсу из Края Света выскочил новый железный астероид. Кен Стар опустился на него и нашел обломки исчезнувшего грузового корабля.

Старый Хабибула вытирал пролитый бульон бумажной салфеткой. Он не шевелился, и маленькие глазки глядели на меня как два мокрых камешка.

— Во имя жизни? — прохрипел он. — Где побывал этот несчастный грузовой корабль?

— Это никому неизвестно. Кен Стар высадился на астероид. Его доклад находится в архивах станции, но он не

решил ни одной загадки. Он нашел тела членов исчезнувшей семьи, замерзшие и твердые как железо. Он обнаружил дневник жены шахтера, однако тот ничего не дал.

— Что там было написано?

— Ничего интересного. Начинается он с истории семьи — у нее были предчувствия смерти, и она хотела, чтобы дети знали, кем они были. Муж у нее пострадал в аварии на шахте, она пыталась вылечить его. Затем краткие сведения о полете — скорость, местонахождение, тоннаж груза, расход воды, еды и кислорода. Лишь последние записи не совсем обычны. Что-то происходило со звездами. Они гасли.

Старый Хабибула вздохнул.

— Какой смертельный ужас мог погасить звезды?

— Этого жена шахтера не знала. У нее и так хватало забот. Она боролась за жизнь своей семьи. Однако она записала, что грузовой корабль сбился с курса и дрейфует во тьме. Она записала, что они ведут наблюдения с помощью радара и обнаружили впереди объект. Объект приближался к ним. Они попытались дать сигнал, но не получили ответа. На этом записи в дневнике кончаются. Грузовой корабль не имел дюз.

Комментируя дневник в докладе, Кен Стар пришел к заключению, что объект был железным астероидом. Женщина и ее семья погибли в столкновении. Однако Кен Стар даже не мог предположить, где это произошло и что случилось со звездами.

Собственные его гравитационные двигатели отказали после того, как он покинул этот железный астероид. С помощью посадочных дюз он доплелся до нашего «снежка». Аномалию он назвал Краем Света и остался для наблюдения за камнями. Спустя некоторое время его первому помощнику удалось отвести поврежденный корабль в такое место, откуда можно было послать сигнал бедствия. Когда пришла помощь, Стар отправился добывать оборудование для бакенов и обсерватории. Заинтересовать кого-нибудь оказалось трудно. Эти странные камни — не более чем крупишки пыли

во вселенной, а у людей всегда хватало проблем. Но, прибегнув к помощи Легиона, он добыл оборудование. К тому времени, когда он вернулся, камень, на котором погиб грузовой корабль, исчез, а его место заняли два других. Он вытянул этот астероид из центра Аномалии, хотя не так далеко, чтобы можно было жить на нем и не думать об опасности. Установив бакен, он провел на астероиде год, после чего отправился по другим делам.

С тех пор мы здесь. Я служу здесь четвертый год. Мы обслуживаем бакен. Мы наносим на карты камни, когда они появляются и исчезают. Сейчас их девятнадцать. Мы следим за приборами. Такова история Края Света.

Жиль проглотил последний кусочек пирожка и заморгал, глядя на меня.

— И что показывают ваши приборы сейчас?

— Приборы регистрируют всевозможные явления, — сказал я, — оптические, магнитные, гравитационные. Мы держим постоянную связь с приходящими и уходящими камнями. Мы следим за звездами под определенными углами через Аномалию и видим, как их изображения меркнут, а линии спектра смещаются к красному. Когда камни появляются и исчезают, наши магнитометры отмечают сильные магнитные бури. Движение камней и станции показывает существование гравитационных полей, гораздо более мощных, чем они могут создать своей массой. Эти гравитационные поля не дают каменному рою разлететься. Ни одного из этих эффектов я объяснить не могу.

Жиль Хабибула допил последнюю каплю бульона из последней чашки. Мгновение он сидел, глядя на зеленоватый след пролитого бульона.

— Вот он, ужасный облик природы, — засопел он вдруг.

— Вот почему я люблю машины. Я не верю людям, однако смертельная природа — еще более опасный враг, чем люди. Она хуже неверной женщины. Как только вам кажется, что вы узнали правила игры, она меняет их. Те, кто считает, что природа добра, — просто романтические дураки.

Он слизнул с угла рта коричневые крошки.

— Живые существа в сговоре против нас. Им нужны пища, пространство и власть. Чем ближе они к нам, тем более жестоким бывает конфликт. Знает жизнь, что даже наши драгоценные родственники достаточно опасны. Люди могут быть опаснее самой природы, если они постигнут чудовищные тайны этой коварной Аномалии...

Как бы там ни было, каждый из нас — между природой и человечеством, как между молотом и наковальней. Вот почему я предпочитаю машины. Они предназначены для того, чтобы служить нам. Они не участвуют в смертельном соревновании с нами, как живые существа. Они ничего не таят, как это делает природа. Они делают то, для чего построены, только и всего.

— Жиль, ты ошибаешься. — Лилит Адамс сидела, выпрямившись, за столом, глядя на тусклый черный череп на своем пальце. Красивая голова её была слегка запрокинута, а белое лицо хранило рассеянное выражение. Мне казалось, что она слышала голос Кена Стара, ведущего битву с Аномалией вдали от нас. — Я люблю природу. — Она взглянула на нас. Бронзовые глаза были темны. — Я люблю моря и поля Земли. Я люблю пыльные кратеры Марса и метановые ледники Титана. Я люблю бесконечную мглу пространства, даже если онаглядит на нас из Края Света. Я не могу поверить, что это природная Аномалия.

— Мы уже думали над тем, что она может быть Артефактом, — согласился я. — Но за двадцать лет наблюдения мы не смогли установить, природная она или нет.

— Я думаю, теперь у нас появилась такая возможность. Я имею в виду враждебную машину.

— Смерть моя! — прохрипел старый Жиль Хабибула. — Не говорите об этой страшной машине!

— Думаю, без этого нам не обойтись. Не все машины сделаны человеком или придуманы человеком. Если враждебная машина является причиной Аномалии, она может быть хуже, чем люди или природа.

Мы вздрогнули, когда загудело переговорное устройство.

— К-к-к-капитан Ульмар! — Голос Кетцлера дрожал от усталости и напряжения. — Мы получили новое сообщение от командора Стара, сэр. С-с-с-стар говорит, что машина опять атакует. Она повредила «Искатель Квазара». Он пытается покинуть корабль, сэр.

— Спасибо, Кетцлер. Стар еще на борту?

— Думаю, что да, сэр, хотя сигнал внезапно прервался. Большинство его людей покинуло корабль на спасательной капсуле. Стар и несколько других остались прикрывать их. Однако капсула была разнесена на кусочки выстрелом из машины. — Я услышал, как он хрипит. — Ч-ч-что будем делать, сэр?

— Нести дежурство, — сказал я. — Обслуживать станцию.

Он помолчал, и я чувствовал раздирающие его сомнения.

— С-с-слушаюсь, сэр.

Я услышал гул встревоженных голосов, донесшихся из динамика. Хотя слова были невнятны, голоса звучали резко и возбужденно.

— Свет, сэр! — послышался голос Кетцлера. — Ясный свет в пространстве! Мы видим враждебную машину! — Ужас, звучавший в его словах, отразился в моем мозгу. Хотя мы с Жилем были уже на ногах, Лилит сидела, бледная и напряженная, глядя в тусклый череп на кольце, который мерцал рубиновыми глазами, словно гипнотизируя ее.

ТЕМНЫЙ ПУЗЫРЬ

Старый Хабибула и Лилит отправились со мной в северную обсерваторию. Хотя Хабибула был полупарализован страхом, она выглядела неплохо и спешила увидеть странный свет и враждебную машину. Я позволил им идти,

потому что загадка их посещения еще не была решена. Я ощущал непонятную связь между принесенной ими проблемой и угрозой снаружи, между исчезающими в черном брюхе Аномалии астероидами и сильными астронавтами, исчезнувшими из флајера Скаббарда.

Дежурная команда в куполе при нулевой гравитации выглядела перепуганной. Они, казалось, приняли нас за механических захватчиков.

— Капитан, вы меня напугали, — неестественно рассмеялся руководитель команды. Там свет! Не знаю, что это такое.

Худой, похожий на привидение в кровавом свечении лампочек, он поднял малиновую руку, указывая на небо. Я тут же увидел свет, похожий на сияние желтой звезды, висевшей в черном колодце Края Света.

— Установленная величина — 2, 3, — хрюплю произнес он.
— Сейчас она увеличилась до 3, 6, но она достаточно яркая, чтобы мы могли видеть эту... вещь — Ручные ракетки подняли нас к зеленоватому сиянию проекционного экрана. Мы прицепились к холодному хромированному рельсу и стали глядеть на светящийся экран, увеличивающий полученное электронным телескопом изображение.

Здесь пятнышко света превратилось в крошечный ярко-зеленый диск. Сам экран был заполнен чуть зеленоватой тьмой. Руководитель команды наладил изображение. Замерцали и рассосались туманные тени, и мы увидели враждебную машину.

Жиль Хабибула глухо застонал. Я почувствовал, как Лилит вздрогнула и напряглась. По моей спине побежали мурашки.

— Машина! — Даже сейчас напряженный сдержанный голос казался спокойным. — Человек такую никогда бы не смог сделать!

— Ужасная машина! — прошептал Жиль Хабибула. — Чудовищная машина! Не уверен, что она мне нравится!

Величина машины была огромна. Я видел выступающие из её корпуса части, однако не мог назвать их мачтами, щупальцами или башнями. Они не вызывали никаких ассоциаций. Зеленоватые тени, отбрасываемые ими, закрывали то, из чего они выпирали.

— Машины всегда для чего-то предназначены. — Голос мой, хотя я и старался держать себя в руках, звучал хрипло.
— Для чего предназначена эта?

— Для какой-нибудь гадости, — прохрипел Жиль Хаббула. — Сразу ясно, что её творцы преследовали злобные цели.

— Почему ты так считаешь? — произнесла Лилит. — Что ты можешь о ней сказать?

— Смертельно много! — Вцепившись в холодный поручень, Жиль дрожал. — Можно сказать, что машина была построена, так, чтобы она могла маневрировать в пространстве, даже в этой ужасной Аномалии. Можно сказать, что она предназначена для нападения и преследования других космических кораблей. Можно сказать, что её неизвестного оружия хватило на то, чтобы разделаться с «Искателем Квазара». Мы еще многое сможем сказать, когда увидим её в действии.

Ради сладкой жизни, взгляните! — Голос его превратился в дрожащий стон.

Взглянув на экран, мы увидели, что машина метнулась к угасающей звезде. Мы увидели длинный выступ — ни руку, ни кран, ни кабель, который, казалось, вознамерился схватить звезду. Звезда потускнела и угасла. Экран стал зелено-вато-черным.

— Что случилось? — прошептала Лилит. — Куда она исчезла?

— Теперь там смертельно темно, — просопел Жиль Хаббула. — Ближайшая звезда была в тридцати миллиардах миль. Теперь коварная машина её погасила, и она черна, как само пространство. Но, во всяком случае, мы видели, как она действует.

— Что теперь ты скажешь, Жиль?
— Беда! — простонал он. — Ужасная беда!

Смотреть больше было не на что, и мы покинули купол. Я проводил Лилит и Хабибулу обратно в кольцо полной гравитации, а затем обошел дежурные посты. Мои люди были напуганы.

Неведомый свет угас. Приборы уже не обнаруживали враждебную машину. Сообщений от командора Стара не поступало. Только огромная электронная карта на стене цилиндра показывала, что Аномалия по-прежнему растет. Чернобрюхое существо становилось толще, пурпурные ноги вытягивались, яркая магнитная паутина распространялась вокруг нас.

Кроме карты, ничего больше не могло показать нам Аномалию, и это, пожалуй, было самым страшным. Только расчеты нашего дрейфа показывали, что мощные гравитационные поля затягивают нас все глубже в смертоносную паутину, невзирая на полную тягу наших дюз. На станции царил страх. Все ощущали невидимую опасность, против которой у нас не было никакой мыслимой защиты. Напряжение ожидания, перспектива встретить неизвестного врага были невыносимыми.

Когда командор Стар добрался до станции, моя вахта уже кончилась. Он бежал с «Искателя Квазара» на маленькой спасательной шлюпке с двумя людьми из своего экипажа. Чтобы их не обнаружила машина, они весь путь прошли с выключенными дюзами, соблюдая радиолазерное молчание. Мы не видели их приближения, пока пятнадцать минут назад они не включили дюзы. Я поспешил в шлюз, чтобы встретить Кена Стара.

Он вышел из шлюпки с рукой на перевязи и повязкой на голове. Лицо у него было вымазано сажей. И все же он хорошо держался. У одного из его людей были сломаны обе ноги, другой умирал от болезни, похожей на лучевую. Он не позволил врачам прикоснуться к себе, пока они не сделали

все возможное для его подчиненных. Хотя врачи настаивали, чтобы он отдохнул, он отказался лечь в постель. Раны были поверхностными, и он настоял на том, чтобы ему позволили спать в шлюпке. Переодевшись в форму Кетцлера, сменив повязку, он позволил мне накормить его в кают-компании. Красивый спокойный человек, немного сутулый, он был более похож на ученого, чем на солдата. Хотя врачи смыли кровь и грязь, лицо у него было изможденным. Вначале я был слегка разочарован, увидев, что сын легендарного Джона Стара столь хрупкий, невыносливый человек, но вскоре стал им восхищаться.

— Я отпустил экипаж, — сказал он, когда мы выходили из лифта. — Они погрузились в большую капсулу. С ними был мой помощник. Мы втроем пытались удержать нападающую машину, пока команда спасалась. — Он покачал головой и вздрогнул, словно от боли. — Однако ничего не вышло. Что-то похожее на микrorакету разнесло капсулу в куски. Этот снаряд летел с фантастической скоростью. — Он пошатнулся, и я взял его за руку и помог вступить на движущуюся дорожку. — Точно такая же микrorакета превратила «Искатель Квазара» в металлом. — Голос его звучал хрипло, устало и горько. — У нас не было ни одного шанса. Да, честно говоря, лучший крейсер Легиона на нашем месте сделал бы немногое.

Мы увидели слабую вспышку во многих тысячах миль от нас. Выстрел настиг нас мгновенно. Он сопровождался жестким гамма-излучением. Я думаю, эти снаряды весили миллиграммы, однако они неотразимы. Их не может остановить никакое поле, никакому кораблю от них не уйти. Если бы вы только видели эту машину...

— Мы видели, — сказал я. — Она была освещена какой-то вспышкой.

— Это была вспышка «Искателя Квазара». — Усталое лицо исказилось болью. — Мы едва успели покинуть корабль, когда его поразил снаряд другого типа. Какого — мы не смогли установить. Но корпус мгновенно раскалился.

Возможно, враг стерилизовал его, прежде чем захватить. Еще одно оружие, которому нет равных!

— Командор! — Я старался говорить ровным голосом. — Что это за враг?

— Если вы его видели, капитан, то вы знаете не меньше меня. — У кают-компании он сошел с дорожки без моей помощи. Хотя обедать было еще рано, мы встретили там старого Хабибулу и Лилит. Перед Хабибулой стояли открытая банка с икрой и две бутылки его драгоценного вина. Когда командор увидел их, то застыл на месте.

— Лиль! Жиль! — Он был удивлен и немного огорчен. — Я думал, вы ждете меня на базе сектора!

Они с таким же удивлением уставились на него.

— Кен Стар! — закричал старый Хабибула. — Мы думали, ты уже погиб в пространстве, уничтоженный враждебной машиной.

Лицо девушки покрыл румянец, бронзовые глаза засияли. Лилит с такой радостью заключила его в объятия, что он поморщился от боли. Я почувствовал острый укол ревности.

«Неплохо для медсестры, — подумал я, — целоваться с братом Боба Стара!»

— Кен, мы боялись ждать! — сказала она. — Ни с тобой, ни со станцией было не связаться. Мы не знали, что происходит. Мы получили сообщение о том, что сюда направляется фрахтовый корабль, и, прибыв сюда, убедили капитана Ульмара взять нас на станцию. — Она посмотрела на меня и заговорщицки улыбнулась.

Старый Хабибула подошел к Кену Стару. Он с сердечной теплотой пожал ему руку и шагнул назад, прищурив глаза винного цвета.

— Где ты был? — просопел он. — Какие чудовищные опасности ты пережил, пока мы тебя не видели?

Послышался гудок моего переговорного устройства.

— Капитан Ульмар! — Это снова был Кетцлер. — Мы только что обнаружили некую вещь. — В голосе его была

неуверенность. — Что-то в самом центре Аномалии. Увидеть ничего нельзя, сэр, за исключением того, что она затмевает находящиеся за ней звезды. Она похожа на пузырь, сэр. Пузырь тьмы. Будут какие-нибудь указания, сэр?

— Следи за этим пузырем, — сказал я. — Докладывай о любых изменениях.

— Он растет, сэр. Он уже больше градуса в диаметре. И...

— Он помедлил и добавил: — Вы знаете, что мы движемся к нему?

— Знаю. Продолжай меня информировать.

— Слушаю, сэр.

Переговорное устройство щелкнуло, отключаясь. Чувствуя в глубине души тревогу и беспокойство, я взглянул на Кена Стара. Он подошел к столу и сел в кресло. Он сидел, глядя на Лилит. На лице его, измученном и грустном, была бледность.

— Боюсь, что я знаю, что это за пузырь, — хрипло прошептал он. — У меня есть теория и эта теория меня пугает. Я рад, что ты и Жиль не стали ждать на базе сектора, — сказал он, взяв ладонь девушки бескровной рукой. — Я подозреваю, что ваши способности потребуются Легиону именно здесь, и очень скоро.

СТАРИШЕ САМОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Мы сидели за столом в маленькой скромной кают-компании. Я протянул руку, чтобы набрать заказ на клавиатуре компьютера, но Кен Стар покачал перевязанной головой.

— Позже, — хрипло произнес он. — Это подождет.

Старый Хабибула, чего я от него никак не ожидал, взял четыре бокала и разлил вино. Это было светлое сухое вино пятидесятилетней выдержки, однако никто и словом не обмолвился об его букете или о том замечательном факте, что солнечный свет, на котором поспел этот виноград, еще не

достиг Края Света. Лилит сидела, поглядывая на Стара, Хабибулу и меня, а иногда на тусклый черный череп на своем пальце. Мне вновь показалось, что она прислушивается, словно боясь, что из пузыря тьмы, растущего в центре Края Света, появится какая-то опасность.

— Расскажи, Кен, — прохрипел старый Хабибула. — Что это за жуткая теория, которая тебя так тревожит?

Стар с рассеянным видом глотнул вина. Я увидел, что бо-
кал дрожит в его ладони.

Аккуратно откинувшись на спинку кресла, словно на
теле его было больше ран, чем он сообщил врачам, он ска-
зал, обращаясь к Лилит и полностью игнорируя меня и ста-
рого Хабибулу:

— Я устал. — Голос его звучал слабо, но отчетливо. — Вы-
мотался. Однако попытаюсь рассказать все, что вам нужно
знать, и как можно понятней. Вы знаете, что я провел всю
жизнь, занимаясь этой Аномалией. Я возглавлял первую
экспедицию и помогал построить эту станцию. Большую
часть времени с тех пор я провел в большой космической об-
серватории на Контр-Сатурне. Именно там я и разработал
этую теорию. — Он помолчал, словно собираясь с силами.

— Так что же такого страшного в этой теории? — спросил
Жиль Хабибула. — Зачем ты послал за нами?

— Я всегда ожидал, что появится нечто похожее на эту
враждебную машину, — сказал Кен Стар. Некий продукт тех-
нологии, далеко опередившей нашу. Я был готов встретить
трудности, но не так скоро. — Он покачал перевязанной го-
ловой. — Целью полета «Искателя Квазара» была предвари-
тельная проверка. Я не ожидал, что вы последуете за мной,
хотя это оказалось очень удачным. Я намеревался возвра-
титься на базу сектора и забрать вас. Если бы мы обнару-
жили, что в ваших необычных талантах есть необходи-
мость...

Я смотрел на безволосую розовую голову Жиля Ха-
бибулы, на красивые грустные черты Лилит и пытался по-
нять, о каких талантах идет речь.

— Чтобы проверить теорию, — продолжал Стар, — мы измерили возраст камней в Аномалии.

— И каков он? — Старый Хабибула уставился на него рыбьими глазами. — Как вам это удалось?

— В этом случае с помощью спектрального анализа. — Усталый голос Кена Стара звучал отчетливо. — История имеет свой возраст, который можно установить. Новая планетарная материя — её элементы созданы, видимо, во время взрыва сверхновой — имеет весьма специфичный атомный состав. Она имеет весьма характерную пропорцию элементов, распадающихся со временем.

— Недолговечная вселенная, — пробормотал старый Хабибула, — в которой стареет сама материя!

— С помощью соответствующих тестов, — продолжал Стар, — мы проверили серию изотопов тория. Элемент торий имеет период полураспада около тринадцати миллиардов лет. Это означает, что через тринадцать миллиардов лет примерно половина любого заданного количества тория-232 распадется на изотопы свинца-238.

Стар помолчал.

— Выпей вина, Кен, — сказал старый Хабибула. — Оно вольет в твои жилы драгоценное тепло. — Он придвинул бокал к Стару. — Так каков же возраст камней?

— Они старые. — Он отодвинул вино, благодарно кивнув старому Хабибуле. Бросил взгляд в мою сторону. Словно нас здесь не было, он опять заговорил, обращаясь к Лилит: — Невероятно старые.

Жиль Хабибула нервно отпил вина. Стар поднял перевязанную голову. Сделав долгий вдох, словно стараясь успокоить нервы, Лилит протянула руку и схватила его за ладонь. Несколько минут он сидел безмолвно и ласково улыбался ей.

— Мы не знаем точно, каков возраст нашей вселенной. Наше солнце и его планеты имеют возраст около трех миллиардов лет. Старейшие звезды галактики всего на миллиард лет старше. Расчеты показывают, что вселенная

образовалась шесть миллиардов лет назад, не раньше. Ничего более старого не существует, за исключением этих камней.

Медленно покачав головой, он устало посмотрел на Лилит.

— Никто не хочет нам верить, — сказал он. — Мы провели дополнительные проверки, эксперимент с ураном-238. Он образует другой изотоп, свинец-237, с периодом полураспада четыре с половиной миллиарда лет. Наш ответ поддерживает эту теорию.

У него были красные усталые глаза.

— Результаты нашего эксперимента показывают, что эти аномальные астероиды содержат меньше процента первоначального урана-238 и не больше 25% первоначального тория-232. Это означает, что возраст этих скал, по меньшей мере, двадцать пять миллиардов лет. Они в четыре раза старше нашей вселенной!

Лицо старого Хабибулы побледнело. Он испуганно откинулся на спинку кресла, словно возраст этих камней был смертельной болезнью, которой он боялся заразиться от Стара.

— Командор, — вмешался я, — можно задать один вопрос? Он наклонил голову.

— Я несколько лет слежу за этими камнями, — сказал я.
— Они во многом кажутся необычными! Почему вы считаете, что это остатки первичной материи? Может быть, торий и уран были привнесены в результате других процессов?

— Спасибо, капитан, — ответил он с болезненной улыбкой. — Я знаю, что эти камни необычны не только своим возрастом, но также размерами, формой и составом. Однако, я думаю, следует учитывать любую возможность ошибки. Дело в том, что мы измерили не общий состав тория и урана, а точное соотношение их с изотопами свинца. И проанализировали мы не только сплавы, из которых состоят астероиды, но также образцы пыли на поверхности. — Словно забыв обо мне и о моем вмешательстве, он повернулся к

Лилит. Их пальцы сцепились на поверхности стола. — Даже эта пыль в четыре раза старше, чем самое старое вещество, известное за пределами Аномалии. Даже эта пыль подтверждает теорию, которая привела меня сюда.

Лицо Лилит было бледным и напряженным, как у него.

— Что это за теория, Кен?

Помолчав, собираясь с мыслями, он глотнул вина.

— Эта идея пришла мне в голову на Контр-Сатурне. Я изучал объекты, которые раньше называли квазарами. Это объекты звездного типа, однако способные превращаться в галактики. Самые большие бомбы во вселенной!

Один-единственный взрыв квазара заключает в себе энергию ста миллионов звезд.

— Какой ужас, — заморгал Жиль Хабибула. — По сравнению с этими чудовищными бомбами наше лучшее оружие — детские игрушки. Надеюсь, что ты не потребуешь от меня и от Лиль тянуться с таким страшным оружием?

— Я надеюсь, что мы сможем вести борьбу в других рамках, — хмуро улыбнулся Стар. — Но враг наш достаточно опасен.

— Кен, я не понимаю. — Глаза Лилит потемнели. — Что общего взрывающиеся галактики имеют с этой Аномалией или со враждебной машиной?

Усевшись поудобнее, Стар поднял ладони и потер виски под повязкой.

— У таких взрывов может быть только один источник. — Голос его звучал слабее, в нем чувствовалась боль. — Сто миллионов сверхновых, собранных воедино, и то не хватит. Единственный возможный источник — точка расширения пространства.

Вздрогнув, Жиль Хабибула залпом выпил вино.

— Вам известно, что масса искривляет пространство, — сказал Кен Стар. — Когда кривизна достигает так называемого Радиуса Шварцшильда, пространство скимается. Это замкнутое пространство, обладающее массой, достаточной, чтобы оно было замкнутым, существует отдельно от нашего

пространства-времени. Однако энергии, заключенной в нем, достаточно, чтобы уничтожить любую галактику — учитывая, что масса здесь умножается на скорость света.

— Ты считаешь, что эти камни были заброшены из другой вселенной?

— Такое возможно. — Стар осторожно отодвинул повязку, словно движение причиняло ему боль, и кивнул. — Моя теория — новая точка зрения на вселенную. Она предполагает, что все наши миры родились в результате расширения шварцшильдова пространства, заброшенного из более древнего пространства-времени около шести миллиардов лет назад. Можно допустить, что мы являемся свидетелями рождения новой пространственно-временной вселенной каждый раз, когда наблюдаем взрыв галактики.

— О, смерть моя! — вздохнул старый Хабибула. — Мир, в котором я жил, достаточно велик и коварен. Не думаю, что мне нужны твои подтверждения. Если природа столь сложна, то я предпочитаю машины — машины, построенные человеком.

— Поначалу эта новая космогония сбила меня с толку, но боюсь, что нам придется её принять. — В глазах Кена Стара светился испуг. — Если каждая взрывающаяся галактика представляет собой новую пространственно-временную вселенную, то настоящая вселенная в целом бесконечна, не только во времени и в пространстве, но также и во множестве!

Он взглянул на меня, словно давал ответ на незаданный мною скептический вопрос.

— Капитан, я посвятил этому годы, — сказал он. — Мои анализы показывают, что каждая изверженная вселенная становится нестабильной и расширяется снова. Дегенеративная материя её ядра взрывается и разлетается на части. Расширение генерирует атомы водорода, которые собираются в галактические облака вокруг разделяющихся фрагментов. Когда эти новые галактики стареют, они сжимаются, взрываются, и так возникают новые пространственно-

временные вселенные. Цикл творения никогда не прекращается.

— Новая идея о возникновении вселенной! — Я сидел, пристально глядя на него. — Я и не думал возражать — это просто слишком много для меня.

— Я в замешательстве. — Лилит быстро улыбнулась мне. Она повернулась к Кену Стару, глаза её были темны. — Однако я все же не понимаю природу Аномалии.

— Поначалу я думал, что это всего лишь шрам — то есть пуп нашей вселенной. Я заподозрил, что наша пространственно-временная система не полностью отделилась от материнской вселенной. Я предположил, что эти древние камни каким-то образом выходят из раны в пространстве, которая еще не до конца затянулась.

— А как соотносятся с этими вещами ваши расчеты, сэр? — спросил я. — Может ли такая рана миллиарды лет оставаться открытой? Или она должна закрываться мгновенно?

— Честно говоря, не знаю. — Стар помолчал, массируя виски. — Вы должны понять тот факт, что каждая субвселенная может иметь собственную систему координат пространства и времени. Возможно, то, что здесь является временем, там — пространство, так что наши шесть миллиардов лет по материнской вселенной — один миг.

— Я об этом не подумал.

— Есть и другие факторы, — добавил он. — Кроме воздействий массы, предсказанных уравнениями Эйнштейна — Шварцшильда, существуют магнитные и радиационные эффекты, которые с трудом поддаются анализу.

Потемневшие глаза Лилит смотрели на стену за спиной Стара, словно она видела что-то далекое и опасное.

— Кен, означает ли твоя теория, что Аномалия — природная?

— Поначалу я надеялся, надеялся отчаянно. Сейчас я сомневаюсь, что она исключительно природная. Теория предполагает, что Аномалия может сжиматься, если ей вообще

свойственны изменения. Боюсь, что расширение, которое мы сейчас наблюдаем, имеет искусственное происхождение.

Старый Хабибула собирался налить себе вина. Он поставил бутылку обратно и с ужасом уставился на Стара.

— Во имя сладкой жизни! — простонал он. — Что это значит?

— Я боюсь, что Аномалия — нечто вроде ворот, соединяющих нас с материнским миром, — хрипло сказал Стар. — Я считаю, что она природная по происхождению, однако боюсь, что она увеличена, точнее говоря, открыта посредством разумной технологии.

— Ты хочешь сказать... — Старый Хабибула остановился, чтобы подождать, вцепившись в бутылку, словно это был некий талисман. — Ты хочешь сказать, что коварная машина... и этот пузырь ужасной тьмы...

— Я очень боюсь, что машина — агрессор, — тихо сказал Стар. — Я боюсь, что пузырь — видимый аспект открываемых интерпространственных ворот, через которые она прошла. Я боюсь, что нам предстоит иметь дело с враждебной технологией, которая развивалась в четыре раза дольше, чем существует наша вселенная...

Дверь в кают-компанию распахнулась. Вбежал Кетцлер. Бледное лицо его было залито кровью. Руку он прижимал к боку, и между пальцами сочилась кровь.

— Мятеж, сэр... — всхлипывая, пробормотал он. — Большая часть команды... даже Джина Лорд. Они захватили... цилиндр управления... палубы... Я полагаю... я полагаю, сэр, что они... не останутся на станции! Покачнувшись, он вцепился в стол.

— Хуже того... сэр... — Голос его слабел. — Этот черный пузырь... новые боевые машины... Я как раз собирался сообщить, когда они на меня напали...

Он заморгал и выпучил на меня глаза, словно я расплывался перед ним.

— Что... нам делать, сэр?

И рухнул на пол.

АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ

Сопротивление мятежников прекратилось, когда Кетцлер добрался до кают-компании. Вожаками мятежа были недовольные ветераны, которые хотели улететь с капитаном Скаббардом. Им противостояли только Кетцлер и сержант Вралик из obsługi шлюза. Вралик погиб в шлюзе.

Нападение на Кетцлера в центре управления предназначалось только для того, чтобы прикрыть побег восставших. К тому времени, когда я добрался в центр от кольца полной гравитации, они уже убрались. Они взорвали маневренные дюзы, разбили управление протонных пушек и взломали станционный сейф. Уничтожили пилот-компьютер на одной из наших спасательных ракет, а сами сбежали на другой.

Мятеж был вызван сообщением о вторжении агрессоров, потому что в действиях смутиянов было больше паники, чем здравого смысла. Они взяли на борт ракеты, предназначеннной на двенадцать человек, слишком много народа. Они забыли припасы и резервное топливо на складе. Они без необходимости убили Вралика — из письма, найденного в его кармане, я узнал, что он был намерен присоединиться к нам.

Хотя я не думал, что они спасутся, я не мог не пожелать им удачи в душе. Воспоминания о Джине Лорд вызвали в сердце болезненный укол. Когда-то я был в нее влюблен. Мы прибыли на станцию на корабле обеспечения, оба совсем молодые, жаждущие приключений и верящие в Легион. Уже тогда она была нетерпима к любым проявлениям власти. Я был её другом, пока первое мое повышение по службе не оттолкнуло её от меня. Я с тоской вспомнил её и пожалел, что она улетела.

Нас осталось на станции семеро. Семеро, включая Кетцлера и двух раненых людей из экипажа «Искателя Квазара». Спокойная проворная Лилит помогла нам перевязать

Кетцлера. Позже, в медицинском отсеке, она сделала ему инъекцию.

— Это сыворотка Жиля, — сказала она. — Легиону это стоит пять миллионов. Она вылечит его и добавит ему десять лет жизни.

В северной обсерватории ничего не было повреждено. Я нашел там Кена Стара — высокий безмолвный призрак передвигал в красном сумраке электронный телескоп. Однако я и без телескопа знал, что пузырь тьмы растет. Аккуратное черное пятно двух градусов в диаметре было как раз перед нами.

Вначале он выглядел бесформенным, этот крохотный оранжевый огонек в центре Аномалии. Огонек становился ярче, желтел, белел. Внезапно пузырь изменился — полагаю, благодаря какому-то оптическому или физическому эффекту.

Это было уже не пятно, а широкая черная воронка. Белая звезда быстро летела в полуночную мглу Края Света. Мы провожали её взглядом. Мы сами летели за ней. Чувствуя головокружение, я скжал кулаки.

— Смотрите, капитан!

Хриплый голос Кена Стара послышался как будто издалека. Я закрыл глаза и задержал дыхание, чтобы справиться с собой.

— Видите свет? — доносился голос командора. — Это наши мятежники. Они получили снаряд и угодили в стериллизующее поле. Я видел вспышку газа, когда взорвалось их топливо. А теперь обломки попали в интенсивное гравитационное поле. Внезапно он вскрикнул:

— Смотрите! Вон там!

Я посмотрел туда, куда он показывал. Черный круг заполнял половину экрана — черная воронка, такая темная и глубокая, что я поежился. Останки ракеты представляли собой раскаленную красную точку, летящую в бездонную глотку. Но сейчас я видел кое-что другое — несколько менее ярких точек, размещенных по периметру круга.

— Что это?..

— Можете навести телескоп на одну из них?

Дыша глубже, чтобы умерить дрожь в ладонях, я вывел одну из этих точек на центр экрана. Покрутил тумблер увеличения. Точка стала расти, превратилась в зеленоватое пятно. Это была еще одна машина, точная копия той, что напала на Кена Стара.

— Четверо пришельцев, — прохрипел Стар. — Размещены вокруг пузыря в вершинах тетраэдра. Сторожат проход, а может быть, помогают его расширить. Я уверен, что они пришли из древней вселенной, чтобы захватить плацдарм для атаки на нас.

— Эге! — прервал я его. — Она исчезла?

Экран вновь был пуст. Повернувшись к прозрачному куполу, я увидел, что движущаяся звезда покинула черный круг.

— Светящаяся ракета прошла через ворота, — сказал Стар. — Теперь она не светится, и мы не можем видеть пришельцев. Однако они там.

— А станция по-прежнему падает к ним, — сказал я. — Пятно достигало в первый раз одного градуса в диаметре, а теперь, спустя пять часов, — двух. Это значит, что мы прошли полпути. Полагаю, нам осталось три, в лучшем случае, четыре часа.

Беспомощный, как Кетцлер, я посмотрел на его изможденное лицо.

— Командор, что нам делать?

Он взгляделся в малиновый мрак.

— У нас есть оружие, — прошептал он. — Оно совершенно секретно, это абсолютное оружие человечества, но вы о нем узнаете. Потому что мы вынуждены его применить. Где Лилит?

— В госпитале, — сказал я. — С ранеными.

Я прицепился к серебристому рельсу и полетел в пространство при нулевой гравитации. Мне было плохо, голова

кружилась. Девушка и старый солдат безумно вертелись в моем мозгу.

— Она... кто она? — прохрипел я.

— Моя племянница, — сказал он. — Младшая дочь Боба, её зовут Лилиан Стар, а Лилит Адамс — это она сама придумала. Она и две её сестры — Хранители Мира. Они избраны стражницами абсолютного оружия.

Я почувствовал страх, холодный как черное пространство за прозрачным куполом.

— Я чувствовал в ней что-то необычное, — сказал я. — Так она не медсестра?

— Медсестра, — сказал Стар. — Она говорит, что должна испытывать интерес к людям, чтобы уравновесить тяжесть этого разрушительного оружия. Она занимается медициной и ведет исследования с группой, которая разработала сыворотку. Она испытывает её на Жиле Хабибуле.

Меня захлестнул стыд.

— А я им дал от ворот поворот! — горько вздохнул я. — Когда они прилетели на корабле Скаббарда, я не пустил их, потому что не поверил в слова Хабибулы, что он любит машины.

— Это легенда, — сказал Стар, — однако Хабибула и впрямь неравнодушен к машинам.

— Почему они не сказали мне правду? Люди Скаббарда могли их убить!

— Они гораздо более компетентны, чем выглядят внешне, — ухмыльнулся Стар. — Они неплохо сумели проникнуть на борт станции, никого не скомпрометировав.

— А что это за оружие, сэр?

— Кодовое название — АККА. Это все, что вам нужно о нем знать.

Держась за холодный хромированный рельс, я взглянул в сторону купола. Нечто чужое, как само пространство, заставило меня затаить дыхание.

— Оно... оно достаточно надежно?

— Оно абсолютно, во всяком случае, в нормальном пространстве. Одной угрозы применения его триста лет назад было достаточно, чтобы свергнуть Империю Ульмаров и Пурпурный Холл. Одного удара в прошлом веке хватило, чтобы уничтожить спутник Земли и окопавшихся там мезузиан. Но я не знаю, что случится, когда мы попробуем применить его здесь.

Он с тревогой посмотрел в сторону купола.

— Вы можете позвать Лилит отсюда?

Я попытался вызвать ее, однако смутияны, видимо, повредили интерком.

— Доставьте её сюда. Хотя Зеленый Холл против любых попыток неспровоцированного использования этого оружия, я думаю, что пришло время собрать его.

Станционный госпиталь вращался в секции при половинной тяжести, чуть ли не в самой верхней коре астероида. Запыхавшись от бега, я влетел в лифт. Старый Хабибула встретил меня с протонным пистолетом. Я и не подозревал, что он носит его при себе.

— Простите, капитан, — сказал он, ощупывая меня взглядом. — Что вам угодно?

— Командор Стар вызывает сестру Адамс в северный купол, — пробормотал я. — Настало время, говорит он, собрать оружие.

— Выходит, Кен посвятил вас! — прошептал он. — Ну что ж, прекратим играть в глупые игры. Я уже сказал Лиль, что мы слишком долго ждали, когда эти ужасные пришельцы сделают дружественный жест. Погодите, я приведу ее.

Он поплелся в госпиталь и вернулся вместе с Лилит. Она повернулась, чтобы улыбнуться своим пациентам.

— Все уснули, — прошептала она. — Думаю, они поправятся...

— Если эта ужасная машина даст им время! — пропыхтел старый Хабибула. — Кен говорит, пришло время нанести удар. Ради сладкой жизни, не будем терять время!

Она не стала спешить и предложила мне первому идти к лифту. Войдя в кабину, я повернулся и взглянул на нее. У меня даже в горле заныло — настолько она была красива. Словно богиня космического правосудия, серьезная и неприступная.

— Прошу... прошу простить меня, — запинаясь, произнес я. — За то, что отослал вас вместе со Скаббардом. Я... я не знаю, зачем это сделал.

Она смотрела на меня, и глаза её улыбались.

— Вам и не полагалось ничего знать.

— Вы... вы будете мне доверять?

— Я спросила, как вас зовут. — Огонек погас в её глазах.

— Я узнала, что вы — Ларс Ульмар. Я вспомнила, что дважды Хранитель Мира была похищена предателями из Ульмаров. Я не хочу быть третьей.

Я ничего не сказал, но покраснел до корней волос.

— Прости, Ларс. — Лицо её потеплело. — Мы будем доверять тебе.

Мы вышли из лифта. Я помог ей ухватиться за скобы троса, и мы понеслись по темному пространству полого астероида.

— А как же помощник Скаббарда и два астронавта? — Я повернулся и взглянул на Лилит. Она летела, глядя на купол, словно видела наших неведомых противников, ожидающих своего часа на Краю Света.

— Ты разделалась с ними с помощью секретного оружия? Она молча кивнула.

— И чертовски хорошо это сделала! — прошептал старый Хабибула. — Лиль имеет все права на самозащиту. Даже теперь, когда тайну разделили с ней её сестры, быть Хранителем Мира, очень непросто.

В красном освещении купола я вручил Лилит и старому Хабибуле ракетки. Она остановилась у входа, глядя на черную воронку Аномалии, лицо её было напряженным, суровым и бледным. Кен Стар подлетел к нам.

— Ты совершенно уверен, Кен? — встретила она его вопросом. — Это же страшное решение — ставить на кон целые миры. Ты знаешь, что они могут сделать с нами? Ты уверен, что другого выхода нет? Ты уверен, что или мы, или они должны умереть?

— Можешь заверить Зеленый Холл, что мы исчерпали все попытки, — хрипло ответил он. — Мы не получили ответов на наши сигналы. Они совершили неспровоцированные нападения. Их оружию мы не можем противостоять ничем более мощным, чем АККА.

— Но радио и лазерофон в условиях Аномалии недependны, — сказала она. — Почему ты уверен, что они знают о наших попытках связаться с ними?

— Не уверен, — хрипло сказал он. — Однако мне кажется, что мы в достаточной мере продемонстрировали терпимость. В конце концов, мы еще хотим выжить...

Но тут его прервал тревожный сигнал компьютера.

— Смерть моя, — пропыхтел Жиль Хабибула. — Что это?

Взглянув на пузырь тьмы, я увидел еще одну светлую искорку, ползущую в него тем же путем, что и мятежники. Мы взмыли к электронному телескопу, и я вывел его изображение на экран — неровная зубчатая поверхность, выступающие края тускло сияли. Я узнал форму гроба.

— Это один из этих странных железных астероидов, — сказал я. — Последний. На электронной карте он был между нами и пузырем, Я думаю, что его затянет раньше нас.

— Он дает достаточно света, — сказал Кен Стар, требовательно взглянув на Лилит.

— Мы можем видеть четыре боевые машины, размещенные на вершинах тетраэдра вокруг пузыря. Я думаю, это не пузырь, а ворота, через которые они пришли. Думаю, ты можешь с ними справиться.

— Пока нет. — Передвигаясь с недюжинной сноровкой при нулевой гравитации, она снова посмотрела на темное пятно. В глазах её не было испуга. — Я еще не уверена. Дело в том, что станция — явный артефакт. Судьба мятежников

говорит о том, что мы находимся в пределах действия их оружия. Они на нас не нападают.

— Во имя жизни, Лиль! — прохрипел старый Хабибула. — Они затягивают нас в этот ужасный туннель, возможно, в другую вселенную! У нас осталось несколько жалких часов. Разве этого недостаточно, чтобы нанести им удар? Неужели ты не видишь, что нам грозит смертельная опасность?

— Ты знал, что эта работа опасна, Жиль. — Она улыбнулась. — И все же, согласился на нее.

— Чтобы спасти мою смертную жизнь! — засопел он. — Меня убивает старость!

Она повернулась ко мне.

— Капитан, надо попытаться дать им сигнал. — Голос ее, привыкший к абсолютному повиновению, делал ее еще более похожей на богиню. — Попробуйте послать самый простой сигнал самым мощным лазерным лучом. Начните с серии квадратов. Одна вспышка. Четыре. Девять. И так далее. С помощью любых приборов, какие есть, следите, не ответят ли они.

— Лиль, не надо! — прохрипел старый Хабибула. — Ты напрашиваешься на страшную смерть!

Но ее властный приказ не оставил мне другого выбора. Свечение астероида, проваливающегося в пузырь, усиливалось, и я включил главный лазер. Переключив компьютер на ручное управление, я дал одну вспышку.

Глядя на угловатую тень пришельца, я увидел бледное зеленоватое мерцание. Затем экран опустел. Красные приборные лампочки погасли. Хромированный поручень задрожал под моей рукой. По станции прокатился тихий гул.

— Ну как, Лиль? — спросил тихим голосом Жиль Хабибула.

— Получила ответ?

— Этого достаточно, — сказала она. — У нас нет выбора.

Этот выстрел — десять миллиграмм материи, выпущенные, быть может, со скоростью в одну десятую световой, разорвали бронированную скорлупу ледяного астероида и

вывели из строя нашу силовую установку. Станция несколько секунд была мертва. Лишь свет далеких звезд про никал сквозь прозрачный купол. Слышался только далекий рев вырывающегося наружу воздуха.

— Пospеши, Лиль! — пыхтел старый Хабибула. — Они могут выстрелить еще раз! Зачем ты обещала мне это драгоценное бессмертие? Чтобы меня убили, как загнанную крысу?

— Спокойно, Жиль, — прошептал Кен Стар. — Не мешай ей!

Однако Лилит, казалось, не обращала на нас внимания. Она действовала очень быстро и проворно. Детали её оружия были очень маленькими и простыми на вид. Она соединила железный гвоздь с мотком проволоки — их достал из кармана старый Хабибула, — две-три булавки из прически, платиновое кольцо — красноглазая ухмылка тусклого черного черепа заставила меня содрогнуться.

Через несколько секунд оружие было собрано.

Держа его в вытянутой руке, она направила его на пятно среди звезд и двинула большим пальцем, прижимая конец заколки к платиновому кольцу. Мертвая голова уставилась на меня. Задрожав, я отвернулся и посмотрел на железный астероид, превратившийся в крошечную желтую звезду. Я и сам не знал, чего жду — быть может, какого-нибудь необычного взрыва, и повернулся к электронному телескопу. Зеленоватое свечение пришельца было ярче, но ничто больше не изменилось.

Старый Хабибула тихонько застонал.

— Не действует...

Голос Лилит звучал надломленно. Она была разбита, власть исчезла. Она плакала как обиженнное дитя.

— Я... я не знаю, почему...

ЗАПАСНАЯ ДВЕРЬ НА КРАЮ СВЕТА

Я почувствовал холодный страх. Один миг мне казалось, что прозрачный купол раскалился и вытягивает нашу жизнь. В призрачном сиянии приборов старый Хабибула, Лилит и Кен Стар казались тусклыми привидениями, плавающими вокруг меня.

Сквозь стену купола на нас глядела сама враждебность. Естественная вселенная, туман, стужа и звездная пыль внезапно стали такими же страшными, как и эта чудовищная воронка в Аномалии. Вцепившись в блестящий хромированный поручень, я вжал голову в плечи, глядя в таинственную и бездонную бесконечность пространства.

Мы были совершенно одни.

— О! — вздохнула Лилит рядом со мной. — Нет...

Пытаясь обеими руками навести на цель абсурдно маленькое оружие, она поплыла в пространстве при нулевой гравитации. Затем она испуганно вцепилась в поручень.

Я подлетел поближе и взял её за руку.

— Спасибо, Ларс... — Она схватила мою руку. — Ты мне нужен.

Несколько секунд мы держались за холодный поручень, глядя на зеленый чудовищный образ враждебной машины. Я все еще надеялся, что оружие её каким-то чудом сработает, все еще гнал от себя мрачные предчувствия. Однако ничто не могло изменить эту сияющую тень.

— Они даже не стреляют в ответ. — Лилит развернулась в воздухе лицом к Кену Стару. — Я не понимаю, — горько произнесла она.

— Почему у меня ничего не получилось?

— Вероятно, тут виновата Аномалия, — тихо ответил он, сломленный отчаянием. — Пространство здесь иное. Здесь иные воздействия света, другие радиоволны и гравитация. Возможно, это повлияло на твоё оружие.

— Возможно. — Она безнадежно кивнула, её ладонь была ледяной.

— АККА осуществляет искажение пространства, в котором не может существовать материя. Если Аномалия способна противодействовать...

Она замолчала. Двигаясь как машина, она разобрала на части бесполезное оружие и надела кольцо на палец. Уродливый череп сверкнул красным, зловеще подмигнув ей.

Я почувствовал, как она дрожит.

Мы держались за поручень, глядя, как воронка глотает северные звезды. Хотя я и не видел, как она растет, с каждым взглядом она казалась все больше и больше. Белая точка светящегося железного астероида плыла в её центр, опережая нас.

Старый Хабибула жалобно застонал.

— Жиль, ты знаешь машины, — произнес вдруг Кен Стар.

— Скажи, как остановить эти машины?

— Моя драгоценная жизнь! — Жиль Хабибула дрожал в красноватом сумраке. — Допустим, я знаю машины, но это совсем не те машины! Я уважаю машины, которые построены с какой-то целью, которую я способен понять. Однако эти машины — подлые, злые! Их неведомые мастера ничего хорошего для нас не замышляли.

Рука девушки задрожала в моей ладони.

— Никакой надежды, — прошептала она. — Мы ничего не можем сделать...

— Быть может... что-нибудь и удастся! — Меня охватило возбуждение. — Командор... командор Стар. — Я попытался сдержать дрожь в голосе. — Я думаю, можно попытаться кое-что сделать. Это почти безнадежно, но все же лучше, чем ждать, когда нас, как этот булыжник, затянет в Край Света.

Его жесткие глаза посмотрели в мою сторону.

— В чем дело, капитан Ульмар?

— Я производил расчет курсов этих астероидов несколько месяцев назад. Результаты до сегодняшнего дня почти ни о чем не говорили. Однако сейчас мне кажется, что ваша

теория их объясняет. Мне кажется, я знаю о черном ходе на... Край Света.

Отцепившись от холодного поручня, он направился ко мне.

— Интересно!

— Мы следили за этими камнями, — сказал я, — с момента их появления. И до момента исчезновения. Я вводил данные в компьютер для поиска общих элементов. Появление камней ни о чем не говорило — они выходили с разными скоростями и с разных направлений. Но курсы исчезающих камней образуют конус менее градуса в поперечнике, и движутся они примерно с одинаковой скоростью.

Лилит вцепилась в мою руку.

— Я хочу влететь на ракету в этот конус, — сказал я. — Если ваша теория верна, я думаю, мы сможем проникнуть за этот пузырь, не подвергнувшись стерилизации. А там — кто знает, может быть представится шанс нанести удар. Слабый шанс, однако все же лучше, чем просто ждать смерти.

Он парил, глядя на меня. Глубоко запавшие глаза светились красноватыми огнями, как у черепа на кольце Лилит. Мне пришлось отвернуться.

— Я не вижу никакого шанса. Разве смутьяны не вывели из строя спасательную ракету?

— Я имею в виду капсулу, на которой прибыли сюда Лилит и Хабибула.

— А что удержит пришельцев от расправы с вами, как со смутьянами?

— Я буду маневрировать за ледяным астероидом, — сказал я. — Наберу скорость и включу дюзы перед самым рывком. Они меня не заметят.

— Или заметят. — Он безжалостно ухмыльнулся. — Какое оружие вы возьмете с собой?

— Это проблема, — сказал я. — Мятежники повредили наши протонные орудия. Лучшее, что приходит в голову, — пара тонн катодных плат из атомной установки станции, импровизированный детонатор...

— Чтобы превратить капсулу в ядерную бомбу? — Он медленно кивнул. — Вы вызываетесь пилотировать такой снаряд?

— Попытаюсь, — сказал я, повернувшись к куполу. Астероид светился ярче и ближе к центру. — У нас осталось не больше трех часов.

— Ларе! — Лилит судорожно вцепилась в меня — Ларс...

Я пожал её руку и отстранился от нее.

— Пойдемте, Хабибула. — Я направился прочь из купола.

— Если вы так хорошо разбираетесь в машинах, вы поможете мне соорудить детонатор для катодных плат...

— Погодите, Ульмар. — Голос Кена Стара остановил меня.

— Я одобряю общее направление вашего плана, но только потому, что это лучше, чем вообще ничего. Однако некоторые детали мне не нравятся.

— Да, сэр? — Я послушно остановился и повис во тьме над сияющими, как вишни, лампочками. — Рад выслушать ваши предложения, сэр.

— Предлагаю изменить план в двух местах, — сказал Стар. — Во-первых, капсулу поведу я...

— Сэр!

— Слушайте, капитан! — рявкнул Кен Стар. — Вспомните о своих обязанностях. Может быть, станция и повреждена, но она находится под вашим командованием. Вас никто не освобождал...

— Сэр, вы можете освободить меня...

— Могу, однако не сделаю этого.

— Но, сэр, вы не пригодны для столь отчаянного мероприятия. Вы уже истощены...

— Лилит сделала мне укол. Учитывая сущность этой миссии, я более пригоден, чем вы. Я провел большую часть жизни, изучая эту Аномалию. И я с радостью воспользуюсь возможностью посмотреть, что находится по ту сторону.

— Сэр, это... это самоубийство!

— Это ваша собственная идея, капитан. Я старше вас по званию. Я поведу капсулу. И я внесу еще одно изменение в ваш план.

— Да, сэр, — пробормотал я. — Какое же?

— Я не уверен, что самодельная атомная бомба способна хоть сколько-нибудь повредить технологии, которая открывает ворота. Я намерен взять более надежное оружие. Со мной полетит Жиль Хабибула...

— Ва-а-а-а-а-х! — Надрывный крик отразился жалобным эхом от прозрачного купола. — Я не хочу быть смертельным оружием! Я мирный ветеран! Я сейчас даже не состою в Легионе! Я прилетел на Край Света, чтобы обрести бессмертие и юность, а не для того, чтобы умирать в чужой вселенной.

— Жиль, я слышал твои заявления. — Кен Стар ухмыльнулся, словно маленький черный череп. — Ты говорил, что ты более надежен, чем любая машина. Жду тебя на борту через пятнадцать минут.

— Ради драгоценной жизни, я... я... — Жиль Хабибула неуверенно поплыл в воздухе, моргая в сторону Кена Стара. — Да, сэр, — засопел он. — Я буду на борту.

Лилит взяла Кена Стара за руку.

— А можно мне с тобой? — прошептала она. — Может быть, пространство за Аномалией будет другим, и там мое оружие будет действовать?

— Оставайся здесь, — сказал он, покачав головой. — Мы не знаем, есть ли на той стороне мишень, и не уверены, что сможем применить там АККА. Твоя обязанность — бдительно охранять оружие.

Я услышал, как у нее перехватило дыхание.

— Я буду охранять его. — Я заметил краем глаза красно-черно-платиновую вспышку, когда она взглянула на смертоносное кольцо. — Я буду охранять его бдительно.

Кен Стар повернулся ко мне.

— Капитан, капсула готова?

— Она будет готова через пятнадцать минут, сэр, — пообещал я.

Транспортный трос теперь, после выстрела с корабля-пришельца, был для нас бесполезен. Пришлось покинуть купол по аварийным трубам, и мы обнаружили, что автомата перекрыла большинство из них.

Станция была основательно искалечена. Микроснаряд взорвался словно маленькая сверхновая. Взрыв оставил огромный кратер на поверхности астероида. Ударная волна повсюду разбила оборудование. Половина кольца полной гравитации была превращена в обломки. Добрая четверть станции была заражена радиацией.

Однако капсула оказалась невредимой. Оборванные трубы для снабжения можно было восстановить, и в отчаянной спешке, за какие-нибудь четверть часа, мы загрузили капсулу топливом, воздухом и водой, а также провиантом из неприкословенного запаса. Старый Хабибула, жалобно кряхтя, принес такой груз вина и икры, который раздавил бы его при полной силе тяжести.

Лилит вместе с Кеном Старом пришла в шлюз. Стоя возле шлюзового монитора, я смотрел, как они прощаются. Он быстро поцеловал ее. Она что-то прошептала. Он шагнул в шлюз и остановился, крикнув ей:

— Стереги оружие как следует. Попробуй еще раз. В плен не сдавайся!

— Верь мне, Кен. — На её лице осунувшемся и бескровном, появилась чуть ли не ребяческая улыбка. — Я этого не допущу.

— Берегите ее, капитан, — кратко обратился он ко мне. — В прошлом, случалось, Хранителей Мира теряли. Этого больше не должно случиться. Безопасность АККА — это ваша новая обязанность.

— Да, сэр! — Я отдал честь. — Понял, сэр.

Двигаясь быстро, чуть ли не в спешке, он прошел в люк капсулы и задраил его изнутри.

— Жаль... — прошептала Лилит, — жаль, что мы не с ними.

Я ничего не сказал. По крайней мере, у них была возможность узнать, что находится по ту сторону Аномалии. У нас, подумал я, вообще нет никаких шансов, однако не было нужды говорить об этом. Я молча взял Лилит за руку. Ладонь её была холодна и безжизненна.

Внутренний люк захлопнулся. Взревели насосы. Наружный люк открылся менее чем наполовину и быстро захлопнулся.

— Подожди, — сказал я Лилит, — пойду посмотрю, что можно сделать.

Я забрался в спасательный скафандр и вылетел через вспомогательный люк. Я обогнул капсулу и обнаружил, что наружный люк придавлен куском пластиковой искореженной трубы — спицы от кольца полной гравитации.

В отчаянной спешке, используя инструменты, предназначенные для неторопливого осторожного ремонта тонкого оборудования, я разрезал пластиковую трубу. Осталось перерезать оголенные стальные тросы. Они оказались слишком толсты для моего резака, даже для горелки. Прошли драгоценные минуты, прежде чем я смог их разрезать.

Оказавшись снаружи, я увидел, что от пришельцев нас заслоняет только изуродованное кольцо полной гравитации. Не включая лазерофона из опасений вызвать еще один выстрел, я прижался шлемом к капсуле и криком предупредил Кена Стара, что пришельцы могут увидеть огонь из его дюз.

Он дал мне отвести капсулу за ледяной астероид и там включил двигатель. При этом я потратил слишком много топлива из своего ранца. Когда он включил лазерофон и сообщил, что включает дюзы, я едва-едва толкал капсулу.

Рвущие струи двигателя зацепили меня и понесли к станции. Летя во тьме, я заметил жуткую тень Аномалии.

Машины-пришельцы были слишком далеко, и я не видел их, но зловещая воронка тьмы поглотила уже много покрасневших звезд. Железный астероид, попавший в

ловушку, светился еще ярче, он был еще ближе к жадной глотке и летел впереди станции.

Хотя этот взгляд на Край Света заставил меня похолодеть, я понимал, что окружающий меня вакуум не менее смертоносен. Управлять полетом я был не в силах и поэтому пролетел мимо ледяного астероида. Летя в пространстве, у меня было время подумать, совпадают ли мое направление и скорость с теми, которые необходимы, чтобы попасть в конус Края Света, или нет?

Затем меня яростно захлестнуло металлическое щупальце.

АНОМАЛИЯ ВО ВРЕМЕНИ

Потрясенный и изумленный, я схватился за щупальце. В следующий миг я понял, что это трос с разбитого кольца полной гравитации. Хотя половина кольца была оторвана разрывом микроснаряда, вторая половина по-прежнему вращалась вокруг ледяного астероида.

Трос вырывался, выскальзывал из перчаток. Я держался изо всех сил — собственно, сейчас я пытался удержать в руках собственную жизнь. Держался до тех пор, пока не прекратился мой неуправляемый полет. Потом, преодолевая центробежную силу, действовавшую как тяготение, наоборот, я медленно стал подтягиваться к оси разбитого колеса.

На это ушло очень много времени. Хотя мне удалось зацепиться относительно недалеко от точки половинного тяготения, сам костюм был не менее тяжел, чем мое тело. Я полз и останавливался, полз и останавливался.

За все годы, проведенные в космосе, я не смог преодолеть страшной иллюзии, оставшейся с того момента. Астероид висел над моей головой словно тускло освещенная глыба. Извивающийся трос уходил, казалось, в недра

черного колодца. Звезды вертелись, вертелись, вертелись вокруг меня, пока мне не стало тошнить.

На севере единственным стационарным полюсом вращающейся вселенной была Аномалия. Черная глотка охраняемого прохода каждый раз, когда я глядел на нее, казалась крупнее, желтая глыба плененного астероида ярко светилась, проваливаясь в нее.

Южнее Кен Стар маневрировал капсулой под прикрытием ледяного астероида. Один-два раза я видел голубую вспышку дюз на фоне звездного пространства. Затем потерял их из виду. Потом увидел, что они возвращаются — слабый голубоватый огонек, а в центре его — черная точка капсулы.

Она пролетела мимо, когда я полз по тросу. Голубое сияние погасло. Среди мигающих звезд промелькнула тень — как раз подо мной. Дюзы были выключены, капсула стала невидимой.

Вцепившись в трос, я посмотрел ей вслед, на Аномалию. Я ждал, дрожа от страха, когда воронка осветится вспышкой выстрела. Я ждал, когда, попав в поле стерилизации, капсула превратится в новую звездочку.

Однако ничего подобного не случилось.

Мускулы мои дрожали от напряжения. Я лез, преодолевая усталость. Хотя силы, мои таяли, свирепая центробежная сила уменьшалась по мере моего приближения к центру вращения. Мои ранцевые дюзы не работали, и мне пришлось совершить рискованный прыжок со сломанного колеса на одну из ступиц, по которой можно было добраться к люку.

Я ухватился руками за край изуродованной пластиковой шахты и держался за него, пока не сумел подтянуться и забраться внутрь. Дополз до люка, открыл его, закрыл и упал на палубу, едва не потеряв сознание от изнеможения.

Некоторое время я лежал, собираясь с силами, затем проник во внутреннее помещение станции, снял скафандр и отправился искать Лилит. Я звал ее, но она не откликалась.

В разрушенной станции царила грозная тишина. Я слышал, как в висках пульсирует кровь. Меня охватила тревога. Схватив ручную ракетку, я понесся по ступице, хриплю выкрикивая её имя.

Она не отвечала, однако приглушенный плач привел меня в ближайший шлюз, тот, через который бежали мятеjhники. Она лежала лицом вниз на груде космических инструментов, которые смутьяны оставили на палубе.

— Лилит!

Дрожа и плача, она, казалось, не слышала меня. Но я заметил порывистое движение, вспышку красного, черного и платинового цветов. Мне показалось, что она пытается испробовать на мне свое оружие. Затем я все понял и онемел от страха.

— Лилит! Не надо!

Оттолкнувшись от стенки отсека, я бросился на палубу. Я растянулся на ней, вцепился в кисть и оторвал её ладонь от зубов.

Она сопротивлялась с яростью тигра и едва не одержала верх. Я еще не оправился от приключений в космосе, а её учителя-легионеры неплохо её натаскали. Она почти поднесла ладонь к губам. Чтобы остановить, я поцеловал ее.

— Ларс?

Она произнесла мое имя с невыразимым изумлением. В следующую минуту она поникла в моих объятиях и вновь расплакалась. Она не дотянулась зубами до черного черепа. Красные глаза его насмешливо и неподвижно смотрели на меня.

— Лилит... — Тяжело дыша, я поборол импульсбросить кольцо в воздухопровод. — Это всего лишь я. И все не так... — Я не договорил.

— Тебя так долго не было. — Глаза ее, широко раскрытые и темные от пережитого, смотрели на меня. — Я думала, ты пропал в пространстве. Когда я услышала, как кто-то движется, я испугалась... Я думала, это пришелец пришел за мной...

Она вцепилась в меня, дрожа и плача.

— Ларс! Ларс! Я ужасно рада, что это ты!

Я опять поцеловал ее, на этот раз не для того, чтобы остановить ее.

Вскоре она тихонько смеялась в моих объятиях.

— Капитан Ульмар, главная ваша обязанность — обеспечивать безопасность АККА. — В голосе её звучала насмешка — она передразнивала последний приказ Кена Стара. — Мне нравится, как ты это делаешь. Ты спас мне жизнь и снова сделал меня человеком.

Я держал ее, живую и чудесную, в своих объятиях.

— Никогда... не смей себя убивать! — Слова давались мне столь болезненно, что я произносил их шепотом. — Об этом позаботятся пришельцы, — печально сказал я. — И очень скоро, если Кен и Жиль не превзойдут самих себя.

— Не говори об этом. Давай забудем.

Мы пытались забыть об этом. И почти забыли ненадолго. Однако тишина станции звучала громче любой сирены, а наши стучащие сердца напоминали шаги рока. Властный страх загнал нас обратно в купол обсерватории.

Мы находились в глубине Аномалии. Черная воронка закрывала половину северных звезд. Я осмотрел её с помощью электронного телескопа, но машин-пришельцев не обнаружил. Я знал, что они близко, однако у нас не было возможностей их увидеть. Когда они будут стерилизовать астероид, уныло подумал я, они вновь станут видны, но не для нас.

— Ларс! Они стреляют!

Съежившись за моей спиной в мрачном красном сумраке купола, Лилит указывала вверх. За прозрачной стеной, в огромном и бесформенном дне пространства, я увидел внезапную голубую вспышку.

— Это стерилизующий выстрел!

— Я... я так не думаю. — У меня перехватило голос от облегчения. — Я думаю, это тормозные дюзы капсулы.

— Жиль и Кен? — Она смотрела на меня — призрачная и обожаемая тень в безжизненной ночи. — Неужели они возвращаются?

Она затаила дыхание, потом спросила:

— Ты можешь их вызвать? Узнать, как у них дела?

— Я не хочу рисковать, — сказал я. — Любой наш сигнал может навлечь новый выстрел. Однако это капсула. Она тормозит, чтобы прикальтить к нам.

Мы ждали в ступице, пока капсула пристыкуется. Мотор, отодвигающий внешний люк, молчал, но я был готов проникнуть через дополнительный шлюз и отворить люк вручную.

В отсеке заревел воздух. Расстегнув скафандр, я обогнул капсулу и помог открыть люк. Тот откинулся с ржавым скрипом. Из капсулы высунулась голова — морщинистая, белобородая, старая. Глубоко запавшие глаза с тревогой взирали на меня.

— Ларс Ульмар, — прохрипел Кен Стар, невероятно худой, невероятно древний. — Вы все еще ждете?

— Конечно. — Я схватил его за пергаментную кисть. — Позвольте, я помогу вам, сэр.

Он позволил мне вывести его из капсулы. За ним прошел старый Хабибула, и его кожа была гладкой и розовой, как у Лилит. Глаза цвета гальки дико выпучились, когда он увидел её и меня.

— Ларс! — просопел он. — Лиль! Мы смертельно рады найти вас здесь... живых! Когда мы увидели, что станция не отремонтирована, мы подумали, что её покинули. Прищурясь, он поглядел на нас и покачал безволосой головой.

— Неужели вас здесь оставили? — прохрипел он. — Одних на этом несчастном обломке? Или не пришел корабль обеспечения? Неужели все это смертельное время вы находились здесь, как в ловушке?

Опершись на руку Лилит, словно нуждаясь в поддержке даже при нулевой гравитации, Кен Стар глядел запавшими яркими глазами то на неё, то на меня.

— Сколько времени... сколько времени мы отсутствовали?

— Два часа. — Я взглянул на часы. — Может, немногим больше.

— Два смертельных часа! — повторил изумленный Хабибула. — Ты смеешься над нами! Мы столько страдали, столько бед перенесли, так долго ждали, — а ты смеешься над нами!

Вспыхнув от негодования, он замолчал.

— Мы только что выбрались из Аномалии. Мы перенесли столько опасностей, что у тебя могла бы кровь застыть в жилах. Эти отчаянные годы мы жили на синтетической пище и железном упорстве. Против всего коварства этой зловещей вселенной мы могли противопоставить только наши драгоценные мозги.

Он вновь засопел.

— А теперь ты встречаешь нас глупыми шутками!

— Я не понимаю... но это не шутка, Жиль. — Я взглянул на сгорбленного старика, Кена Стара. — Мы следили за временем, потому что его у нас осталось слишком мало. Станция по-прежнему падает в Аномалию. Я не думаю, что у нас остался хотя бы час.

Старик по-птичьи кивнул. Повязка, которую носил более молодой Кен Стар, исчезла, однако я видел тонкую синеватую линию зигзагообразного шрама, пересекающего перегментный лоб. Старый шрам, оставшийся с очень давних пор.

— Там, где мы побывали, время течет по-другому, — сказал он. — Я не могу понять, насколько по-другому, но моя теория это объясняет. В смещенных пространственно-временных координатах мгновения здесь соответствуют столетиям там. Большую часть времени мы не располагали часами, лучшими, чем наши собственные тела, однако, видимо, за пределами Аномалии прошли многие месяцы...

— Смертельные годы! — взвыл старый Хабибула. — И сколько этих лет я не знал драгоценного вкуса икры и вина!

— Если вы проникли за Аномалию, — в голосе моем звучала тревога, — нашли вы способ защиты? Обнаружили вы способ остановить пришельцев?

— Мы узнали страшные вещи! — Старик угрюмо кивнул.

— То, что мы узнали, указывает путь к спасению — возможно, даже для нас. Но я считал, что этот черный проход уже давно закрыт.

В его запавших глазах был страх.

— До тех пор, пока он открыт, нам грозит отчаянная опасность! — Он схватил меня за руку проворной желтой клешней. — Проведите нас в центр управления, и быстро. Нужно взглянуть... если еще осталось время. Мне кажется, эта Аномалия во времени нас перехитрила.

ЧУДОВИЩНАЯ МАШИНА

Мы вернулись в цилиндр управления, укрытый в ядре ледяного астероида. Я помогал Стару идти и остановился, печально вздохнув, когда увидел проекцию электронной карты на круглой южной стене.

Это чудовищное существо уже пожрало почти половину карты. Зигзагообразные пурпурные ноги дотягивались до нас и уходили дальше. В глубине его выпученного брюха находился зеленый яркий круг.

— Она ужасна! — Лилит вцепилась в мою руку. — Что это означает?

— Компьютер преобразует данные наших приборов в эту картину Аномалии, — сказал я. — Паутина — на самом деле силовые линии магнитных полей. Ноги — гравитационные вихри, один из них подхватил нас. Брюхо — участок, где наши приборы не действуют. Именно там пришельцы открыли ворота...

— Капитан, — резко вмешался Кен, — давайте попробуем настроить телескоп. Мы летели вслепую — не

астронавигация, а удача вывела нас на станцию. Мне бы хотелось узнать, что там творится.

— Можно попытаться, — сказал я. — Однако наши лазеры и радары не действуют, а телескопу требуется источник света...

— Попробуйте, — сказал настойчиво старик. — Думаю, свет там будет.

Я приблизился к панели управления телескопом. Мы стояли и смотрели на северную стену. Свет — туманные, размытые контуры звезд — был явно недостаточным. А центр Аномалии оставался черным.

— Там воронка, сэр, — сказал я Кену Стару. — Пока нет света, мы не увидим машин.

— Погодите. — Кен Стар затаил дыхание. — Там будет свет.

И свет появился. Тонкое бледное перышко выплыло из-за края воронки и понеслось к центру. За ним второе. Метеоры росли, увеличивались в числе.

— Это осколки, которые отбили от станции их микроснаряды, — сказал Стар. По пути туда вы встретили метеоритное облако. Они дадут достаточно света, чтобы мы могли заметить эти машины.

Секунды я стоял, не дыша. Воображение мое слишком разыгралось. Эти точки и перышки — частицы нашего собственного астероида, летящие перед нами в невообразимую бездну. Мы были слишком близко от них.

— Капитан! — произнес Стар громче. — Прежде, чем свет погаснет...

Хотя пальцы не слушались меня, я нашел зеленоватый образ пришельца, находящегося к северу от Аномалии. Он двигался, дрейфовал к югу. Когда стало светлей, мы увидели три другие зеленоватые тени, стоящие на страже этой черной бездны.

— Этот объект, — сказал Стар еще громче. — Мы движемся навстречу. Можно улучшить изображение?

— Нельзя, пока не станет светлей.

При этом скудном освещении огромные вражеские машины казались крошечными зеленоватыми пятнышками. Поначалу ничего другого я не видел. Затем я увидел смутное пятно, появившееся перед нами из тьмы. Вспыхнула новая искра, и это понятно стало отчетливым.

Я услышал, как вздохнула Лилит.

— Машина, — произнесла она. — Корабль!

— Мать всех машин! — прохрипел со стороны дверного проема Жиль Хабибула. — Она преследовала нас, когда мы пробирались из этой вселенной.

Машина состояла из восьми подобных шаров, соединенных вместе. Веретенообразная, она сужалась к концам. Три изогнутые трубы представляли собой обойму для шаров. Я вздрогнул, такой она показалась мне чужой и огромной.

— Должно быть, она очень велика!

Я пытался представить, насколько она велика. Если те серо-зеленые мотыльки, летящие ей навстречу, в сотни раз превосходили крейсер Легиона, то она, видимо, в сотни раз превосходила их самих.

— Она смертельно велика! — прохрипел старый Хабибула. — Это чудовищная мать кораблей!

Я недоверчиво повернулся к Кенту Стару.

— Это действительно корабль?

— Скорее, космическая крепость, — сказал он. Не меньше десяти миль от носа до кормы, если можно так выразиться. Средний шар мили две в диаметре, и вы даже вообразить не в силах, чем он заполнен.

— Вы хотите сказать?..

Он кивнул.

— Мы были на борту. — Он вцепился в белую бороду. — И достаточно долго, чтобы она успела отрасти.

— Годы! — просопел старый Хабибула. — Смертельные годы страха и печали!

Он отстал, когда мы направлялись в цилиндр, и теперь я понял, что он проверил целостность своего багажа. Карманы его

куртки оттопыривались, а в детской ладошке он держал открытую бутылку редкого земного вина.

— Что вы хотите сказать? — Глядя на растущее изображение огромного чужого веретенообразного корабля, я повернулся к Кену Стару. — Что вы там открыли?

— Погодите, капитан. — Он поднял желтую кисть. — Я хочу посмотреть.

Осторожно продвигаясь, как заправский космонавт, старый Хабибула приблизился к столу. Аккуратно поставил бутылки вина. Вытащил из карманов банки с икрой. Мы тем временем стояли и смотрели на увеличивающийся объект.

Мы увидели, как в центральном шаре открылся люк — тусклая темная дырочка. Мы увидели, как четыре искорки приблизились к нему и одна за другой исчезли в нем. Мы увидели, как отверстие закрылось.

— Люк достигает полутора тысяч футов в диаметре, — сказал Стар.

— Среди приборов, окружающих его, есть труба, по моим представлениям, — антенна для получения радиосигналов. Этот вход нашел Жиль.

Я с уважением посмотрел на старого Хабибулу. Он открывал банку с икрой. С помощью маленького карманного приспособления, которое можно было использовать как открывалку и как ложку, он отправил черные шарики в рот. Он слглотнул.

— Это было отчаянное предприятие. — Глаза цвета ржавчины сверкнули. — Находясь на службе у Легиона, я десятки тысяч раз рисковал драгоценной жизнью. Однако никогда мне не бывало так страшно, как в этот раз!

— Если бы не особый талант Жиля, мы туда не попали бы, — признал Стар.

— Но никогда еще мой гений не встречался с такой опасностью! — простонал старый Хабибула. — Вы знаете, что с помощью моего искусства я сослужил немалую службу человечеству. Я проник в черный город злобных медузиан! Я открыл путь в мир чудовищных кометчиков! Я разгадал

подлый замысел Василиска! Однако никогда еще я не подвергался такому испытанию.

Он помолчал, глотнув из бутылки.

— Там, за черной Аномалией, мы попали в жуткую вселенную, которую вы себе представить не можете. Если бы не мой драгоценный гений, мы погибли бы там.

— Даже несмотря на способности Жиля, мы едва не погибли.

Кен Стар стоял, глядя на смутное изображение отвратительной машины. Когда я начал нервно расспрашивать, что он встретил за Аномалией, он оборвал меня раздраженным жестом.

— Мы были там слишком долго, — пробормотал он. — Я слишком устал, и слишком многое случилось. Когда я увидел станцию, я надеялся, что мы оказались в безопасности. Но сейчас, поскольку мы попали в Аномалию во времени, я полагаю, нет смысла вдаваться в подробности.

— Но... Кен! — В голосе Лилит звучал страх. — Неужели нет способа спастись?

— Никакого. — В голосе его звучало глухое отчаяние. — Мы ничего не можем сделать.

— Ваша теория подтвердилась? — настаивал я. — Вы попали в иное пространство-время?

— Я расскажу вам, что смогу, — сказал он. — Однако в другое время.

— Садись, Кен. — Старый Хабибула помахал бутылкой своего драгоценного вина. — Если мы обречены на смерть в стерилизационном луче, словно жалкие вши, давайте не будем умирать от голода!

Мы сели за стол, как в тот раз, в кают-компании. Хабибула пустил по кругу бутылку вина, ревниво следя за нею выпущенными глазами. Лилит и я не притронулись к ней. Мы все смотрели на Кена Стара.

— Капитан, мы пошли по предложенному вами пути. — Кен Стар встремхнул бутылку и глотнул. — Выключив дюзы,

мы летели со скоростью и в направлении, заданными вами. Через десять минут пришельцы заметили нас.

Наши передние иллюминаторы засияли мерцающим синим свечением. Мы поняли, что они облучают нас какой-то черной радиацией — чем-то, что действует в Аномалии. Мы стали ждать микроснаряда или теплового луча.

Я не могу понять, почему они не выстрелили. Может быть, они стреляли — просто мы вылетели в пространство, где их снаряды уже не могли достичь нас. Как бы там ни было, когда мы оказались на полпути к центру Аномалии, погасли звезды. Я тут же вспомнил последние слова в дневнике жены шахтера.

Мы ничего не почувствовали, — продолжал Кен Стар хрустящим, как бумага, голосом, который он, тем не менее, отлично контролировал. — Ни шока, ни удара, ни боли. Но внезапно мы оказались в другой пространственно-временной вселенной...

— Коварное пространство! — просопел старый Хабибула.
— Темная страшная вселенная!

Глаза Кена Стара затуманили страх.

— Вначале все было совершенно темно, — сказал он. — Кругом — тьма и пустота. Однако потом с помощью оптики мы увидели две-три далекие галактики — ближайшая была в десятки раз дальше от нас, чем Андромеда от станции. Я думал, мы попали в пустую вселенную...

— И что вы там нашли?

— Смертельную опасность! — Старый Хабибула оторвал взгляд от очередной банки с икрой и взглянул на меня. — Ужасные вещи, способные заледенить душу. Чудовищное зло, более старое, чем вселенная. Ах, это было хуже, чем мир кометчиков!

Кен Стар прервался, чтобы взглянуть на экран телескопа. Он стал темнее. Поток метеоритов, видимо, иссяк — мы не увидели светящихся точек и перышек, летящих переди нас в бездну. Постепенно невероятная космическая крепость погрузилась во тьму. Экран опустел, погас.

— Но этот ужасный объект все еще там! — хрюплю закричал старый Хабибула. — Поджидает нас во тьме!

Даже в нашем ярко освещенном цилиндре я почувствовал мурашки на спине.

— И что же вы там нашли? — Я повернулся к Кену Стару.
— В этом другом пространстве?

— Долгое время мы ничего не находили, — сказал он. — Так было темно. Наши радар и лазер поначалу не работали. Позже, отдалившись за пределы Аномалии, мы начали находить объекты.

— Мое оружие! — воскликнула Лилит, побледнев. — Могло оно там действовать?

— Я не знаю. — Кен Стар сидел, опустив плечи, выдавая своей осанкой полнейшее отчаяние. — В данном случае, сейчас они находятся по ту сторону.

— Что это были за объекты?

— Железные астероиды, — ответил он. — Наподобие тех, капитан, которые вы наблюдали. Там их великое множество. Включив лазер, мы насчитали их тысячу сто.

Позже мы высаживались на некоторые из них. Это те самые необычные камни. Тот же твердый сплав. Тот же размер — несколько миль в длину. Покрыты той же древней космической пылью.

Он невидяще взглянул на меня.

— Странные камни, — пробормотал он. — Однако один из них вам известен. Несколько лет назад, в ваше время, он прошел через Аномалию. Шахтеры построили на нем город. Потом он улетел снова.

— Вы имеете в виду Магнетит?

— Так они его называли.

— Вы нашли старателей?

Лицо его потускнело.

— Мы высадились там, — сказал он. — Мы провели недели, а может быть, и месяцы в поисках следов. Мы нашли пустые здания. Брошенные машины. Даже замерзшие припасы, благодаря которым мы не умерли. Наша команда находила записки

и дневники, даже кладбище. Это очень мрачная история. Они пытались узнать, куда они попали и как вернуться назад. Они высаживались на некоторых камнях. Они разрабатывали теории, но никто из них не додумался до истины. У них не было Хабибулы.

— Во имя жизни, Кен! — Старый Хабибула неуятоно заморгал. — Не шути со стариком!

— В общем, колония обезлюдела много тысячелетий назад, — сказал Кен Стар. — Я не шучу, Жиль. Гибель Магнетита — эта не шутка. Он погиб от недостатка энергии. Он не имел солнца. Радиевые и ториевые запасы давно истощились. Последние выжившие оставили часть этих запасов, чтобы напоследок поискать родную вселенную. Вместо этого они нашли корабль-матку. Она расстреляла их микроснарядами. Последние из них оставили фрагментарные записи на камнях.

Он замолчал. Впавшие глаза смотрели на пустой зеленоватый экран.

— Что это за камни? — Я пытался говорить спокойно, однако в голосе звучала хрипота. — Они такие же странные, как Аномалия, как машина. Вы не узнали?..

— Мы узнали, что это за камни. — Яркие запавшие глаза взглянули на меня и обратились обратно на экран, как глаза загнанного зверя. — Когда-то... я думаю, задолго до рождения нашего пространства и времени — они были кораблями!

ЛИЦА ВСЕЛЕННОЙ

В цилиндре управления застыла напряженная тишина. Она прокатилась по разрушенной станции. Обратив невидящий взгляд на карту с изображением создания, готового поглотить нас, я услышал сдавленный возглас Лилит. Я вздрогнул от стука донышка бутылки об стол.

— Не могут они быть кораблями! — Я повернулся и посмотрел на Кена Стара. — Почему вы так считаете?

— Мы изучили очень многие из них, — сказал Кен Стар.

— Мы нашли записи сообщений на Магнетите — доклады тех отчаянных людей, которые обследовали остальные камни. Несколько из них имеют форму кораблей — невероятно огромных кораблей.

— Неужели это корабли? — не верил я. — Они же в мили длиной.

Он кивнул, глядя на пустой экран.

— Такова истина.

— Что... — мне пришлось перевести дух, — что с ними случилось?

— Время. — В вибрирующей тишине цилиндра его старческий отчетливый голос звучал как колокол рока. — Время и катастрофа. Я думаю, последний их вояж начался гораздо раньше, чем родилось наше пространство и время.

— Вы знаете, откуда они появились?

Он раскрыл рот, чтобы ответить, однако ничего не сказал и вновь стал смотреть на пустой экран. Старый Хабибула поставил пустую банку из-под икры, и та звякнула, заставив нас вздрогнуть. Взглянув на Лилит, я увидел, что она смотрит в насмешливые рубиновые глаза маленького черепа. Лицо у нее было отчаянным и бескровным. Она медленно повернулась к Кену Стару. Ладонь её лежала в моей руке.

— Я думаю, мы знаем это, — сказала она. — Кажется, ты нам когда-то рассказывал...

— Я вам рассказывал о своей теории пространственно-временной вселенной — нашей вселенной, родившейся при взрыве галактики в этой материнской вселенной. Я думаю, на этих кораблях спасались беженцы из той галактики.

Величественная и трагическая сага! Героями ее, я полагаю, были существа, немного походившие на нас. Мы находили двери, не слишком высокие для людей, а на тех местах, где они, видимо, погибали, фосфорную и кальциевую пыль.

Мы не в силах воссоздать их биохимию, но корабли доказывают, что технология у них была развита очень высоко.

Взрываются только старые галактики. Их раса, должно быть, была могущественной и сильной. Остались следы отчаянной борьбы за существование. Вероятно, они добрались до пределов своей галактики, опережая взрыв.

Вся галактика разлетелась за ними словно сто миллионов сверхновых, а они сумели построить флот. Очевидно, в условиях расширения вселенной их галактика оказалась в изоляции, и они пошли на отчаянную попытку межпространственного перелета.

Он опять сделал паузу, глядя на черный круг зеленовой тьмы, окруженный туманными звездами.

— По иронии судьбы, единственный уцелевший корабль управлялся роботами, — сказал Кен Стар. — Беженцы построили его для того, чтобы он открыл проход из пространства в пространство, чтобы они могли скрыться от взрыва. Когда проход был открыт, он прошел первым, чтобы разведать новый космос и обеспечить плацдарм для вторжения.

Холодная ладонь Лилит сжалась мою руку.

— Я не уверен, что все у них пошло плохо, — сказал Кен Стар. — Мы не нашли записей, которые могли бы прочитать. Ничего не нашли, за исключением тех машин. Однако, я полагаю, часть флота была захвачена галактическим взрывом. Ничто другое не смогло бы так смять и оплавить корабли, чтобы мы приняли их потом за природные астероиды.

Я думаю, еще больше их было изувечено, когда они проинкли в новую вселенную на слишком большой скорости — дело в том, что их расширяющаяся масса была так же опасна, как и взрывающаяся галактика. Быть может, имели место и другие фатальные случайности — мы можем на этот счет только догадываться. Но самым неприятным сюрпризом для них, видимо, явилась Аномалия во времени.

— Ах, какой ужас! — вздохнул старый Хабибула. — Однако ради драгоценной сыворотки Лиль я согласился бы провести тысячу лет замороженным в чужой вселенной.

Задрожав, он допил вино.

— Должно быть, флоту пришлось ждать, когда роботы подготовят все необходимое для их вторжения, — сказал Кен Стар. — Из-за разницы во времени им пришлось прождать миллионы или сотни миллионов лет, прежде чем роботы смогли послать им сигнал следовать за ними.

К тому времени вся раса, подготовившаяся к вторжению, погибла...

— Выходит, нам противостоят только машины? — прошептал я. — Живых существ там нет?

— Только машины, — кивнул Кен Стар. — Такие, как эти четыре робота.

— Смертельно большие машины! — прохрипел старый Хабибула. — По их жутким меркам пространства и времени, мы — какие-то жалкие насекомые...

— Но все же, они машины. — Кен Стар улыбнулся ему. — И прекрасные машины. Они делают то, для чего их создали, только и всего. Я цитирую Жиля. Он исследовал их. Он разобрался в их назначении. Вот почему нам удалось уйти живыми...

— Я думал, что мы ушли. — Старый Хабибула сидел, печально глядя на пустую бутылку. — Пока не узнал, что мы играем в эту игру, в которую нас втянули роботы.

— Игру? — Держа Лилит за руку, я пытался сдержать дрожь. — С роботами?

— Я полагаю, мы играем в нее по их вине. А они играют с того момента, как родилась наша вселенная. Они совершают рейды. Они готовят базу. Они сигнализируют флоту. Конечно, флот не придет, за исключением нескольких камней, которые кочуют взад-вперед, влекомые силами Аномалии.

— И что же будет дальше?

Сидя в напряжении, Кен Стар глядел на экран.

— Будем надеяться, что нам удастся разобраться, — сказал он. — Может быть, роботы придут к выводу, что в план вторжения вкрадлась ошибка. Надеюсь, они отступят, чтобы

попробовать еще раз в другом месте — может быть, в какой-нибудь другой вселенной.

— Думаете, это случится?

— Судя по всему, в прошлом они пытались это сделать. — Он кивнул высохшей головой. — Возможно, сотни или тысячи раз. Корабль-матка достаточно стар, хотя время в Аномалии почти остановилось, а поврежденные корабли проходили её миллионы раз...

— Смотрите! — воскликнул он. — Еще один рой обломков. Видимо, оставшихся после выстрела по нашему астероиду.

Экран снова засиял. Искры и перья света плыли сквозь Аномалию, подбираясь к воронке, словно несомые тем же течением, что и мы, в полуночной вселенной. Они осветили корабль-матку.

Она стала отчетливо видна, ужасно огромная, ужасно необычная и близкая. Бросились в глаза отдельные части — выступы, которые не были дюзами, плоскостями или антennами. Она быстро вращалась — так быстро, что восемь шаров сливались воедино.

— Она нацелена прямо на нас! — Встревоженный, я повернулся к Кенту Стару. — Что это значит?

— Скоро узнаем.

Я повернулся в сторону карты. Зеленая точка станции находилась в глубине брюха Аномалии. Машина представляла собой яркую красную точку. Мы ползли навстречу друг другу.

— Идем на столкновение, — прохрипел я. — Именно это показывает компьютер. Мы врежемся в нее.

— Не думаю. — Старческий голос Кена Стара был необычно спокойным. — Они не допустят этого. — Он взглянул запавшими глазами на старого Хабибулу. — Жиль, а ты что скажешь?

— Это машины. — Хабибула медленно заморгал. — Они делают то, для чего их построили. Они не питают к нам зла. Они лишены людского коварства. Но если они сочтут, что

движение астероида представляет для них угрозу, то они уничтожат нас в тот же миг.

— Следует ли нам покинуть станцию? — Я вопросительно посмотрел на Кена Стара. — Мы могли бы бежать на спасательной ракете под прикрытием станции.

— Слишком поздно об этом думать. — Он печально покачал головой. — Станция недолго будет нас прикрывать. Роботы заметят огонь наших дюз, а они запрограммированы на уничтожение любого неопознанного корабля.

Он взглянул на черную воронку, готовую поглотить нас, на огромный корабль, поджидающий нас у входа. Корабль был похож теперь на один шар в кольце зеленого сияния.

— Придется ждать, — хрипло пробормотал он. — Посмотрим.

Старый Хабибула сидел и смотрел на экран, зажав в руке пустую бутылку, словно в ней содержался какой-нибудь способ бежать.

— Расскажи, как мы нашли этот ужасный корабль, — пробормотал он хрипло. — Расскажи, как он сигнализирует лазерным лучом, красным как кровь, вызывая флот и не получая ответа. Расскажи, как мы шли на этот сигнал, держась в драгоценной тени мертвого дрейфующего корабля.

Твердый взгляд командора не отрывался от черного колодца перед нами, от ярко-зеленого изображения чудовищной машины в кольце огня. Кен Стар ничего не сказал.

— Расскажи им, как мы проникли на борт, — прохрипел старый Хабибула. — Расскажи, как я нашел волновод. Как я открыл его. Расскажи, как мы покинули ракету и проникли в холодное стальное чрево.

Сияющее кольцо, окружавшее огромную воронку, стало расширяться, пропуская нас. Яркий шар корабля-робота быстро приближался.

— Расскажи им, как мы прятались и пытались узнать смертельную тайну корабля, — продолжал Хабибула. — Расскажи, как мы попали в каюты, где жили исчезнувшие

хозяева. Расскажи, как на нас охотились кровавые роботы, как мы пробрались в этот жуткий главный компьютер.

Освещенная круглым обручем мерцающего зеленоватого огня, каждая часть чужого корабля выглядела яркой и холодной, невероятно огромной, леденящей-непривычной. Крепко держа Лилит за холодную ладошку, я старался держаться — не зная толком, зачем.

— Расскажи им, как мы выбрались оттуда, — прошептал старый Хабибула. — Расскажи, как нам это удалось. Как мы проникли на борт нашего драгоценного корабля. Как мы ждали, пока этот смертельный робот принесет нас обратно, — а ведь он тем временем пролетел половину той вселенной. Расскажи, как мы пролетели через этот огненный обруч.

Глядя на ярко-зеленый диск чужого корабля, увеличивающийся на экране, я произвел быстрые подсчеты. За последние сорок секунд его диаметр удвоился. Это означало, что наша станция за те же сорок секунд прошла половину расстояния. Нам осталось сорок секунд жизни, если ничего не произойдет.

— Расскажи им, как мы вернулись, — хрипел старый Хабибула. — Расскажи, как ты рассчитал угол стерилизующего луча. Расскажи, как мы набрали скорость в тени корабля и проскользнули сквозь обруч с выключенными дюзами, и причалили к драгоценной станции...

Он всхлипнул и замолчал.

— Ларс! — Рука Лилит отчаянно вцепилась в мою руку. — О, Ларс! Аномалия исчезла.

Черная воронка и зеленая машина замерцали и пропали с экрана. Северные звезды сияли там, где они были раньше, в полную силу. Край Света прекратил существование.

Не веря своим глазам, я взглянул на другую стену цилиндра. Прожорливая тварь превратилась в прозрачного серого призрака, тающего на электронной карте.

Яркая магнитная паутина растворилась. Вскоре вся карта опустела, и на ней осталась лишь зеленая крапинка станции.

— Они закрыли ворота, — тихо сказал потрясенный Кен Стар. — Я знал... почти точно знал, что они это сделают. Жиль говорил, что они не позволят нам столкнуться с ними.

— Они — машины, — засопел старый Хабибула. — Они делают, что могут. Не дождавшись флота, они вынуждены были вернуться.

— Я думал... — У меня перехватило дыхание. — Я думал, они выстрелят в нас.

— Мы проникли в главный компьютер, — пропыхтел старый Хабибула. — И разбили немалую толику транзисторов.

— Жиль! — Лилит обняла его, в глазах её горел веселый огонек. — Я никогда не верила в твои похвалы...

— Однако теперь ты знаешь, что я — бессмертный герой. — Он поцеловал её в губы. — И смертельно голодный герой! В той мертвотой вселенной мы встретили достаточно загадок, опасностей и тайн, но не нашли там ни крошки еды и питья. Давайте же принесем еще икры и вина!

— Пойдем в станционный госпиталь, Кен. — Лилит взяла морщинистую руку Кена Стара. — Я хочу взглянуть на наших пациентов, а тебе не мешает сделать укол сыворотки Жиля.

Я остался один в цилиндре. Торжество непонятным образом улетучилось. Станция вновь была в безопасности, под моим командованием — хотя сама задача исчезла. Теперь можно было связаться с базой сектора и попросить помощи.

Я стоял и с тяжелым сердцем ждал Лилит. Здесь, в нашем пространстве и времени, её оружие опять могло действовать. Она снова стала богиней, и ей можно было не бояться тусклого холодного черепа на пальце. Она покинула меня — привычная к полному повиновению, властная над жизнью и смертью.

Я сделал шаг ей вслед, однако я не из тех, кто может преследовать богинь. Я отпустил ее, стараясь не слышать её веселых шуток по адресу Жиля Хабибулы, не видеть её ладони в руке Кена Стара. Одеревенев, я повернулся к компьютеру.

И тут я слышал изумленный голос Лилит:

— Ларс, не думаешь ли ты... не думаешь ли ты, что ты мне больше уже не нужен?

Я повернулся и увидел, как она возвращается, мчась в малой гравитации как белая и прекрасная птица. Я схватил её дрожащими руками, теплую, стремительную и чудесную. В больших бронзовых глазах сияли слезы. Она отчаянно вцепилась в меня — не столько богиня, сколько просто девушка. Я крепко обнял её и поцеловал, сняв отчаяние со своего лица, зная, что я действительно нужен ей.

ПРИНЦ КОСМОСА

Глава 1 ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

«Обнаружен дрейфующий космический корабль с двумя сотнями погибших на борту! Предполагается, что это жуткое преступление — дело рук печально известного межпланетного пирата — Принца Космоса!»

Мистер Уильям Виндзор, деловитый сорокалетний газетчик с мрачным выражением лица, с небрежным видом стоял на движущемся тротуаре, который быстро нес его по Пятой авеню. Он с вполне понятной гордостью улыбался, слушая хриплые голоса магнитных громкоговорителей. Эффектные фразы привлекали возбужденные толпы к торговым автоматам-роботам, продававшим только что распечатанные полосы новой стенограммы. Именно Билл был автором отчета о нападении; он рисковал жизнью в безумном полете на мчащемся со страшной скоростью корабле, чтобы вовремя доставить свою лаконичную статью в Нью-Йорк и побить конкурентов. Смысл своего существования Билл видел в том, чтобы, невзирая на угрозу для жизни и здоровья, раскрывать самые сокровенные подробности загадочных, важных или любопытных событий, определявших лицо сегодняшнего, 2131 года, и преподносить эти подробности десяти миллионам жаждущих новостей читателей крупной ежедневной газеты «Геральд Сан».

Между прочим, сейчас самое время предупредить читателя, что Билл, собственно говоря, не является героем этого повествования. Он лишь наблюдатель, а настоящий герой — это загадочная личность, предпочитающая называть себя Принцем Космоса. Эта история взята из дневника Уильяма

Виндзора, который он добросовестно вел, надеясь написать книгу о своем великом приключении.

Билл сошел с движущейся дорожки на углу у автомата, сунул в щель монету, и из магнитной трубы выплыл только что отпечатанный, еще влажный экземпляр стенограммы. Стоя на оживленной улице, он просматривал свою статью, а вокруг негромко шуршали и жужжали подвижные тротуары и едва слышно гудели тысячи электрических гелиокаров. Аппараты мягко катились мимо на резиновых колесах или легко взмывали в небо и скользили между кружящимися вверху вертолетами.

В гелиографическом сообщении с судна Лунного патруля «Эвенджер» говорилось, что корабль на солнечных батареях «Геликон» был обнаружен сегодня, в 16.19 по универсальному времени, дрейфующим в двух тысячах миль от лунной трассы. Шлюзы корабля были открыты, воздух вышел, все люди на борту погибли и превратились в лед. В числе жертв — и капитан Стормбург, и экипаж из семидесяти одного офицера и рядовых, и сто тридцать два пассажира, среди них сорок одна женщина. «Геликон» направлялся в Лос-Анджелес из лунного курорта Тихо. Сообщалось, что тела были варварски изувечены, над ними совершили ужасное, неслыханное насилие. Груз корабля исчез. Самая серьезная потеря — это несколько тысяч брусков нового радиоактивного металла виталия, предположительно на сумму почти миллион долларов.

«Эвенджер» оставил на борту «Геликона» временный экипаж, который приведет корабль собственным ходом на межпланетную базу в Майами, Флорида, и уже там будет проведена полная официальная экспертиза. Пока не было предпринято попыток опознать тела, в приложении к тексту приводился лишь регистрационный список пассажиров. Новые подробности газета обещала доводить до сведения читателей незамедлительно.

Сообщалось, что военные власти склонны винить в преступлении печально известного межпланетного пирата,

который называет себя Принцем Космоса. С этим стоящим вне закона Принцем уже было связано несколько случаев ограбления кораблей на солнечных батареях с грузом виталия, хотя прежде он никогда не совершил таких чудовищных злодеяний, как убийство десятков невинных пассажиров. Гравированная визитная карточка, которую, как говорят, Принц всегда передает капитану захваченного судна, также не была найдена на борту несчастного корабля.

Награда за поимку Принца Космоса, живого или мертвого, после этого случая существенно возросла. Общая сумма, предложенная Международной Конфедерацией, Межпланетной Лунной горнодобывающей транспортной корпорацией, Гелиоэнергетической корпорацией, Корпорацией виталиевой энергетики и различными другими обществами, компаниями, газетами и частными лицами, достигла десяти миллионов долларов.

«Десять миллионов долларов! — причмокнул Билл. — Это как минимум частный гелиокар и длинные, длинные каникулы в Южных морях!»

Он фыркнул, сложил листок, сунул его в карман зеленой шелковой туники и проворно вскочил на ленту движущегося тротуара.

«Интересно, каковы мои шансы встретить Принца Космоса?»

Над ним стройные шпили расположенных далеко друг от друга двухсотэтажных зданий поднимались в голубое небо, прочь от облаков пыли и дыма. Белое солнце сверкало на корпусах тысяч электрических гелиокаров, бесшумно сновавших вокруг. Билл откинулся назад голову, жадно взглядаваясь в удивительное сооружение, выросшее перед ним, — в здание, которое называли архитектурным чудом двадцать второго столетия.

Башня Трейнора, начатая в 2125 году, была закончена менее года назад. Тонкий белый стержень из алюминия и стального сплава поднимался на двадцать тысяч футов над лабиринтами столицы. Шесть лет назад архитекторы только

посмеялись над доктором Трейнором, никому не известным профессором одного из западных университетов, который тогда только что вернулся из туристической поездки на Луну. Трейнор заявил о своих планах соорудить башню, достаточно высокую для того, чтобы устроить на ней астрономическую обсерваторию с условиями, приближенными к высокогорным. Здание, по высоте в пять раз превышающее все известные до сих пор! Глупости, говорили все. А некоторые скептики спрашивали, откуда скромный профессор возьмет деньги на строительство. Мир был немного удивлен, когда строительство началось. Он был потрясен, когда стало известно, что башня благополучно достигла полной высоты — почти двух с половиной миль. Это было прекрасное зрелище. В стройном удивительном небоскребе чувствовалась сила — у земли это была сетка блестящих металлических перекладин, последние несколько тысяч футов представляли собой узкий белый цилиндр.

Конечно же, всем хотелось узнать, что за люди пользуются привилегией подниматься в скоростном лифте по необыкновенному многоэтажному цилиндру на верхушку удивительной башни. Билл много часов провел в небольшой приемной перед закрытыми дверями лифта — на подкуп охранников ушла немалая доля щедрой суммы, выдаваемой на специальные расходы. Но даже деньги не открыли ему доступа в таинственный лифт.

Тем не менее Билл раздобыл для своей газеты кое-какие сведения о людях, которые иногда проходили через холл. Среди них, разумеется, был доктор Трейнор, тихий лысоватый человечек с добрыми голубыми глазами и вялой, терпеливой улыбкой. И Паула, его жизнерадостная, красивая дочь — невысокая стройная девушка, которая ездила вместе с отцом в путешествие на Луну. Мимо проходили дюжины других людей — от уборщиков и охранников до астрономов с мировым именем и специалистов по солнечной энергетике, — но все они, как один, молчали о том, что происходит в Башне Трейнора.

И еще там был мистер Кейн — «загадочный мистер Кейн», как назвал его Билл. Журналист видел его дважды: это был худощавый мужчина, высокий и гибкий, смуглолицый и темноглазый. Но репортер ничего не смог разузнать о нем — а если Билл не мог чего-то откопать, значит, это был необыкновенный секрет. Иногда Кейн посещал Башню Трэйнора, но очень редко. Ходили слухи, что он предоставил средства на сооружение здания и астрономические исследования, для которых оно было, очевидно, предназначено.

Проезжая мимо Башни Трэйнора, Билл по привычке спрыгнул с тротуара. Он как раз глядел на бесстрастных охранников, когда мимо прошел какой-то человек. Это оказался сам мистер Кейн, с обычной для него легкой улыбкой на узком смуглом лице, которое было красиво суровой мужской красотой. Билл встрепенулся, навострил уши и решил не выпускать этого таинственного молодого человека из виду. Вдруг ему удастся узнать о нем что-нибудь?

К немалому удивлению Билла, мистер Кейн решительным шагом направился прямо к нему, пристально разглядывая журналиста насмешливыми темными глазами. Он заговорил без предисловий:

— Предполагаю, что вы — мистер Уильям Виндзор из «Геральд Сан».

— Верно. А вы — мистер Кейн, загадочный мистер Кейн! Высокий молодой человек усмехнулся:

— Да. Вообще-то мне кажется, что «загадочностью» я обязан вам. Но, мистер Виндзор...

— Называйте меня просто Билл.

— Если я не ошибаюсь, вы жаждете получить доступ в башню.

— Я сделал все, что в моих силах, чтобы попасть туда.

— Я хочу предложить вам кое-какие сведения при условии, что вы опубликуете их только с моего разрешения.

— Благодарю вас! — согласился Билл. — Вы можете мне доверять.

— У меня есть на это причины. Башня Трейнора была построена с определенной целью. Эта цель очень скоро потребует огласки. Вы лучше любого другого человека в мире подходите, чтобы обеспечить эту огласку.

— Я могу сделать это — при условии, что...

— Я уверен, что наше дело получит вашу горячую поддержку. От вас не потребуется ничего бесчестного.

Мистер Кейн вынул из кармана узкую белую карточку, что-то быстро нацарапал на ней и передал Биллу. Слова на карточке гласили: «Доступ разрешен. Кейн».

— Покажите это у лифта сегодня в восемь вечера. Попросите, чтобы вас провели к доктору Трейнору.

Мистер Кейн быстро удалился пружинистым шагом, а Билл остался стоять, продолжая в некотором изумлении рассматривать карточку.

Вечером, в восемь часов, удивленный охранник проводил Билла в приемную. Служащий у лифта взглянул на пропуск.

— Хорошо. Доктор Трейнор наверху, в обсерватории.

Кабина рванулась вверх, унося Билла в самое длинное путешествие над поверхностью Земли. Прошли минуты, прежде чем мимо замелькали огни множества этажей цилиндрического здания, находящегося в верхней части башни. Лифт остановился. Двери распахнулись, и Биллступил под прозрачный купол астрономической обсерватории.

Он находился на самой вершине Башни Трейнора.

Ослепительные звезды, ясные и холодные, сияли сквозь купол из полированного витролита, поддерживаемый металлическим каркасом. Через нижние панели прозрачной стены Билл видел огни города, раскинувшегося внизу, — мозаику из крошечных светлых точек, перемешанных с разноцветными мигающими глазами дорожных знаков; город находился так далеко, что его можно было увидеть весь целиком.

Огромный черный ствол телескопа, который был экваториально смонтирован на громоздкой станине, прорезал

прозрачный купол под углом. В механизме негромко журжали электрические моторы, мигали маленькие лампочки. У окуляра сидел какой-то человек; Билл понял, что это доктор Трейнор. Он казался карликом рядом с гигантским инструментом. Больше в комнате никого не было, не было и других сколько-нибудь значительных инструментов. Громада телескопа подавляла все остальное.

Трейнор поднялся и подошел поприветствовать Билла. Спокойная задумчивость на его лице сменилась дружелюбной улыбкой, а в голубых глазах засветились мягкость и доброта. Лысина блестела в приглушенном свете ламп.

— Мистер Виндзор из «Геральд Сан», верно? Билл кивнул и достал записную книжку.

— Очень рад, что вы пришли. Я хочу показать вам кое-что интересное. Кое-что на планете Марс.

— Что...

— Нет. Никаких вопросов, прошу вас. Они подождут до прихода мистера Кейна.

Билл неохотно закрыл свой блокнот. Трейнор уселся перед телескопом, а Билл ждал, пока ученый смотрел в трубу, нажимал кнопки и двигал яркие рычаги. Загудели моторы, и огромный цилиндр повернулся.

— А теперь смотрите, — велел Трейнор.

Билл сел и приложил глаз к окуляру. Поле зрения представляло собой круг сине-черного цвета, испещренный искорками; посередине его висел светлый диск поменьше, который слегка раскачивался. Диск был оранжево-красного цвета, усеян неровными темными пятнами, со сверкающими белыми шапками на полюсах.

— Перед вами Марс. «Таким его видят обычные астрономы», — сказал Трейнор. — А теперь я сменю окуляры, и вы увидите то, чего не видел ни один человек, за исключением тех, кто смотрел в этот телескоп.

Он быстро настроил мощный инструмент, и Билл взглянул еще раз.

Алый диск увеличился во много раз, стала видна каждая деталь. Он превратился в гигантский шар с ясно видимыми невысокими горами и неровной поверхностью. Призматические полярные шапки сверкали слепящей белизной. Темные серо-зеленые пятна, разбросанные по выжженной оранжевой пустыне, и тонкие темно-зеленые линии — пресловутые каналы Марса — пересекали поверхность планеты от покрытых льдом полюсов до более темной экваториальной зоны, пересекались, образуя небольшие круглые зеленоватые точки.

— Смотрите внимательнее, — сказал Трейнор. — Что вы видите на краю верхней левой четверти, недалеко от центра диска, прямо над экватором?

Билл взгляделся и заметил небольшую голубую круглую точку — она была очень маленькой, но резко очерченной, имела очертания совершенной окружности и ярко выделялась на тускло-красной поверхности планеты.

— Я вижу крошечное голубое пятнышко.

— Боюсь, что вы видите смертный приговор человечеству!

В другое время Билл фыркнул бы — газетчики склонны к крайнему скептицизму. Но в мрачном тоне, каким Трейнор произнес эти слова, и в странной картине, увиденной им в гигантском телескопе, было нечто такое, что удержало его.

— За последние пару сотен лет, — наконец заметил Билл, — про это было написано множество книг. Например, «Война миров», старый роман Уэллса. По-видимому, большинство писателей придерживается теории, что на Марсе кончается вода и марсиане хотят воспользоваться нашими ресурсами. Но я никогда на самом деле...

— Я не знаю, каковы их мотивы, — ответил Трейнор. — Но мы знаем, что на Марсе существует разумная жизнь — каналы тому доказательство. И у нас есть веская причина считать, что этой цивилизации известно о нашем существовании, причем она не желает нам добра. Вы помните экспедицию Энверса?

— Да. Это было в две тысячи девяносто девятом году. Энверс совершил ошибку: он думал, что если корабль на солнечных батареях может долететь до Луны, то он сможет добраться и до Марса. Наверное, его сбил какой-нибудь метеорит.

— Не вижу причин, по которым Энверс не мог бы долететь до Марса в две тысячи сотом году, — возразил Трейнор.

— Гелиографические сообщения от него получали, пока он не преодолел добрую половину пути. До тех пор не было никаких проблем. Я имею основания полагать, что он совершил посадку, но что его возвращению помешали разумные существа с Марса. Боюсь, что, изучив его захваченный корабль, они смогли организовать собственную межпланетную экспедицию!

— И голубое пятнышко имеет ко всему этому отношение?

— Мы считаем, что да. Но у меня нет права рассказывать вам больше. По мере того, как, будут разворачиваться события, нам потребуется оповестить о них общество через газеты, и мы хотим, чтобы вы это устроили. Отвечает за все, разумеется, мистер Кейн. Помните, вы дали слово ждать его разрешения на публикацию.

Трейнор снова отвернулся к телескопу.

Послышался звук — у двери в обсерваторию снова остановился лифт. Из него вышла стройная девушка и подбежала к ученыму.

— Моя дочь Паула, мистер Виндзор, — представил их Трейнор.

Паула Трейнор была удивительным созданием. Ее глаза мерцали необычным оттенком коричневого, их цвет все время изменялся. Коротко подстриженные черные волосы позволяли видеть голову прекрасной формы. Маленькое лицо обладало тонкой красотой, кожа была почти прозрачной. Но самым замечательным в Пауле все же являлись глаза. В их мерцающих глубинах искрилась смесь детской невинности, интуитивного древнего знания и живого ума — не холодного, рационального ума, но кипучего,

инстинктивно, мгновенно приходящего к верным заключениям. Необычное, загадочное лицо, выражавшее лишь минутное настроение! Глядя на него, нельзя было сказать, добра ли его обладательница или зла, снисходительна или строга, мягка или сурова. Оно могло, по ее желанию, точно отражать мысли, которым она предавалась в данный момент, но ее истинный характер оставался скрытым.

Билл окинул девушку острым взглядом, заметил все это и сделал пометку в записной книжке своей памяти. Впрочем, в Пауле журналист увидел лишь предмет для интересного очерка.

— Папа рассказывал вам об угрожающем нам вторжении марсиан, да? — спросила она низким, чуть хриплым голосом, очаровательно мелодичным. — Звучит жутковато, верно? Нам повезло, что мы об этом знаем и можем бороться, вместо того чтобы продолжать жить, как прочие люди, не подозревающие об опасности! Билл согласился.

— Подумайте об этом! Мы даже можем полететь на Марс, чтобы победить на их собственной территории!

— Помни, Паула, — предупредил ее Трейнор. — Не рассказывай мистеру Виндзору слишком много.

— Хорошо, папа.

И снова послышался негромкий шум лифта. В обсерваторию вошел мистер Кейн. Его таинственная улыбка и темные глаза были почти такими же загадочными, как у Паулы. Наблюдая за девушкой, Билл заметил, что на щеках у нее вспыхнул румянец и она невольно вздрогнула. Сразу стало ясно, что Паула испытывает к вошедшему глубокое чувство. Но Кейн, казалось, даже не подозревал об этом. Он лишь кивнул девушке, мельком взглянул на доктора Трейнора и быстро обратился к репортеру.

— Извините меня, мистер Вин... э-э, Билл, но мне необходимо поговорить с доктором Трейнором наедине. Мы свяжемся с вами, когда возникнет необходимость. А до тех пор, надеюсь, вы забудете обо всем, что сегодня видели здесь, и о том, что рассказал вам доктор Трейнор. До свидания.

Подчинившись сказанному, Билл вошел в лифт и пять минут спустя покинул Башню Трейнора. Оказавшись на ярко освещенной улице, среди движущихся тротуаров и мелькающих гелиокаров, он неосознанно взглянул вверх, инстинктивно ожидая увидеть звездное небо, которое наблюдал из обсерватории. Но в миле над землей висели плотные тучи; отражая огни города, они светились, подобно балдахину из желтого шелка. Верхние несколько тысяч футов стройной башни были скрыты за облачным покровом.

На следующее утро, после завтрака, Билл купил у работа полосу с новостями. С изумлением и некоторым испугом он прочел:

«Принц Космоса совершил налет на башню Трейнора.

Этой ночью, под прикрытием облаков, нависших над городом, дерзкий космический пират, самозванный Принц Космоса, подозреваемый в преступлении на „Геликоне“, совершил налет на Башню Трейнора. По-видимому, доктор Трейнор, его дочь Паула и некий мистер Кейн были похищены — сегодня утром было обнаружено, что они исчезли.

Судя по всему, пиратский корабль подкрался к башне и с помощью лучевого оружия проделал отверстие в стене. Утром во внешних металлических перегородках были найдены дыры, достаточно большие, чтобы через них мог пройти человек.

То, что нападение совершил именно Принц Космоса, несомненно, поскольку на столе оставлена гравированная визитная карточка с его титулом. Это первый известный случай, когда пират действовал на поверхности Земли — или, по крайней мере, поблизости от нее, в Башне Трейнора.

Вкупе со вчерашней трагедией „Геликона“ данное происшествие вызывает немалую тревогу. Лунный патруль, учитывая награду в десять миллионов долларов, предпримет самые энергичные усилия к тому, чтобы разыскать пресловутого разбойника».

Глава 2 ГОНЧИЕ КОСМОСА

Два дня спустя Билл, выпрыгнув из гелиокара, представил свое удостоверение специального корреспондента и был впущен на базу Лунного патруля Лейкхерст.

Девять стройных кораблей на солнечных батареях стояли на краю широкого поля, обнесенного высокой оградой, прямо перед своими ангарами. В ярком свете утреннего солнца они поблескивали, словно девять огромных полированных брусков серебра.

Боевые корабли Лунного патруля представляли собой восьмигранники двадцати футов в диаметре и ста футов в длину. Сделанные из стали и новых алюминиевых сплавов, они имели широкие обзорные панели из прочного витролита, и каждый был оснащен шестнадцатью огромными трубками, извергающими потоки положительно заряженных частиц. Эти гигантские вакуумные трубы, использующие мощное напряжение, создаваемое виталиевыми батареями, в принципе мало отличались от аппарата анодных лучей, созданного несколько сот лет назад. Их положительные лучи — потоки атомов, лишенных одного или более электронов, — служили для того, чтобы приводить в движение корабль, — так применялся хорошо известный принцип ракетного двигателя.

Эти же шестнадцать трубок, расположенные в виде двух колец с обоих концов корабля, не менее эффективно служили в качестве орудий. Когда их направляли на цель, ударное давление лучей достигало давления снаряда, выпущенного из древней пушки. Металл в положительном луче плавился, живые существа обугливались и сгорали. Положительного заряда, который нес луч, было достаточно, чтобы любое существо, попавшее в него, погибло от электрошока.

Эскадра Лунного патруля, состоявшая из девяти кораблей, собиралась отправиться в погоню за межпланетным

пиратом Принцем Космоса, а Билл летел с ней в качестве специального корреспондента «Геральд Сан».

Прошлой ночью «Геликон», космический корабль, атакованный на пути с Луны, привела в Майами спасательная команда с «Эвенджера». Мир содрогнулся, когда был опубликован отчет экспертов, обследовавших тела двухсот погибших, найденные на борту.

«Из жертв на „Геликоне“ высосали кровь! — оглушительно хрюпали громкоговорители. — Загадка разграбленного корабля приводит мир в смятение! Медицинская экспертиза двухсот тел, найденных на потерпевшем крушение космическом корабле, показывает, что кровь из тел была высосана, очевидно, через странные круглые ранки на горле и всем теле. На каждой жертве найдены дюжины таких странных ран. Медики затрудняются объяснить, каким образом могли быть нанесены подобныеувечья».

«В более суеверную эпоху можно было бы предположить, что Принц Космоса вообще не человек, но зловещий вампир, появившийся из космических глубин. На самом деле не исключено, что преступник является представителем иной формы жизни, существующей на другой планете, поскольку раны не могли быть нанесены ни одним известным земным животным».

Билл нашел капитана Бранда, командира экспедиции, поднимающимся на борт стройного серебристого «Фюри», флагманского корабля эскадры. Журналисту уже приходилось летать с этим грубовато-добродушным, отважным стражем космических дорог; ему оказали радушный прием.

— Судя по всему, охота за этим Принцем будет делом нелегким, — заметил Билл.

— Скорее всего, — согласился рослый краснолицый капитан Бранд. — За последние несколько лет нам семь или восемь раз приходилось гоняться за ним — но, думаю, никто никогда не видел его корабля. Должно быть, он ограбил не менее дюжины торговых судов.

— Знаете, я даже в некотором роде восхищаюсь Принцем... — сказал Билл, — или восхищался до этого случая с «Геликоном». Но зверское убийство пассажиров просто не укладывается у меня в голове. Высосать кровь!

— Трудно поверить, что Принц ответствен за это. Он никогда прежде не убивал людей без необходимости — несмотря на все украденные им припасы, деньги и виталий на миллионы долларов. И он всегда оставлял свою визитную карточку — только не на «Геликоне».

— Но, как бы то ни было, как только мы встретим его, сразу отправим к праотцам!

Перед ними распахнулась дверь шлюза, они вошли и поднялись по лестнице (расположенной горизонтально, поскольку корабль лежал на боку) на мостик, находившийся на носу. Билл внимательно разглядывал необычное тесное помещение, витролитовый купол и сверкающее оборудование, пока капитан Бранд с помощью световых сигналов отдавал приказ остальным кораблям закрыть шлюзы и включить лучевые генераторы.

Над «Фьюри» вспыхнула алая ракета. Белые огненные копья вырвались из направленных вниз вакуумных трубок. Как один, девять кораблей приподнялись над ровным полем. Затем они медленно развернулись, приняв вертикальное положение, и взмыли вверх, оставляя за собой тонкие белые лучи, вырывавшиеся из восьми кормовых двигателей.

Билл, стоя под хрустальным куполом, почувствовал, как корабль разворачивается. Он ощутил, как ускорение прижимает его тело к полу, и уселся в удобное мягкое кресло. Земля на глазах уходила вниз и превращалась в подобие карты, с сапфировым морем с одной стороны, буро-зеленым берегом и уменьшающимся в размерах, но пока ясно видимым городом — с другой. Он смотрел, как скрытое дымкой голубое небо приобретает темно-лазурный цвет, затем черный, с миллионами неподвижных звезд, сверкающих ярко-желтым, алым и голубым цветами. Билл снова взглянул

вниз и увидел, что Земля стала выпуклой, подобно гигантскому синему глобусу, смутно различимому сквозь завесу воздуха и облаков.

Глобус быстро удалялся. Крошечный серебристый шарик, наполовину черный, наполовину окаймленный ослепительным сиянием, с резко выделяющимися бесчисленными круглыми кратерами, показался за туманным краем глобуса — это была Луна. А еще дальше пылало Солнце — шар слепящего пламени, окруженный багровыми огненными языками, — оно швыряло дрожащие копья белого света в витролитовые панели. Смотреть на него без темных защитных очков было невозможно.

Перед пилотами открывалась бездонная черная пропасть космоса, покрытая россыпью холодных, неподвижных звезд, сияющих и мерцающих, словно крошечные точки света, на бесконечном расстоянии от них. Галактика окружала корабли широким светящимся серебристым поясом, усеянным десятками тысяч разноцветных бриллиантов. Где-то в этой бескрайней пустоте им предстояло найти отчаянного человека, смеявшегося над всем обществом, который называл себя Принцем Космоса.

Девять кораблей разделились, разойдясь на несколько тысяч миль друг от друга. С помощью мигания гелиографов — вращающихся зеркал, отражавших солнечный свет, — они поддерживали связь с отважным капитаном Брандом, в то время как множество дежурных у телескопов осматривали черное, усыпанное звездами небо в поисках загадочного пирата.

Шли дни, измеряемые лишь хронометром, так как огненное белое солнце сияло день и ночь. Земля превратилась в крошечный ярко-зеленый шарик, светлый с солнечной стороны, покрытый ослепительно-белыми пятнами облаков и полярных шапок.

Время от времени корабли расправляли виталиевые «крылья», чтобы запастись энергией от солнца. Корабль приводился в движение при помощи солнечных батарей.

Он использовал уникальные свойства редкого радиоактивного металла, виталия, который, как считалось, является основой самой жизни, поскольку впервые он был обнаружен в микроколичествах в составе сложных молекул, которые так необходимы для существования жизни, — в витаминах. В двадцать первом веке значительные залежи виталия были обнаружены в кратере Кеплера и других местах на Луне. Под воздействием солнечных лучей виталий переходит в трехатомную форму, запасая значительное количество энергии. В солнечной батарее виталиевые пластины чередовались с медными, что давало возможность преобразовывать солнечную энергию в электрическую. Когда батарея разряжалась, виталий переходил в более стабильную аллотропную форму и мог быть использован снова и снова. Заводы Корпорации виталиевой энергетики в Аризоне, Чили, Австралии, Сахаре и Гоби обеспечивали энергией большую часть нужд человечества. Космический корабль, подзаряжая свои батареи от Солнца, мог путешествовать практически бесконечно.

Это произошло на пятый день после того, как они покинули Лейкхерст. «Фьюри» и его спутники, рассеянные по огромному пространству, летели со скоростью пять тысяч миль в час и находились в точке с координатами: гелиоцентрическая высота 93,243546, эклиптическое склонение $7^{\circ}18'46''$ к северу, прямое восхождение — девятнадцать часов двадцать минут тридцать одна секунда. Земля виднелась неподалеку, похожая на крошечный зеленый шарик, за ней висел тонкий серебристый полумесяц Луны.

— Объект прямо по курсу! — воскликнул дежурный у телескопа в куполообразной рубке «Фьюри», обернувшись к капитану Бранду и Биллу, которые стояли и курили, пользуясь удобствами движения с ускорением. — В созвездии Скорпиона, примерно на пять градусов выше Антареса. Расстояние пятнадцать тысяч миль. Кажется, он окружной формы, голубого цвета.

— Принц! Наконец-то! — обрадовался Бранд, и на его квадратном лице с широкой челюстью появилась энергичная улыбка, синие глаза загорелись предвкушением битвы.

Он отдал приказы, и гелиографические зеркала замигали, передавая сигналы девяти кораблям Лунного патруля окружить неизвестный объект, образуя широкий полукруг. Черные «крылья», несущие виталиевые пластины, были уbraneы, лучевые трубы включены на полную мощность, и стройные звездолеты разогнались до предельного ускорения.

Четыре телескопа «Фьюри» были направлены на неопознанный объект. Капитан Бранд и Билл по очереди смотрели в один из них. Билл, взглянув в окуляр, увидел неизмеримую бездну космоса, усыпанную серебристой звездной пылью далеких туманностей. В черной пустоте висела лазоревая сфера, сверкающая, словно огромный шар, вырезанный из бирюзы. Биллу она напомнила другой голубой шар — тот, который он видел в гигантский телескоп в Башне Трейнора, — крошечный голубой круг на фоне красных пустынь Марса.

Бранд два-три раза взглянул в телескоп, что-то быстро вычисляя.

— Оно движется, — сказал он. — Со скоростью примерно четырнадцать тысяч миль в час. Забавно! Оно движется прямо к Земле, почти из той точки, где сейчас находится Марс. Интересно... — Он схватил карандаш, произвел еще какие-то вычисления. — Странно. По-видимому, эта штука направляется к Земле из некоторой точки на орбите Марса, расположенной там, где планета находилась примерно сорок дней назад. Как вы думаете, может быть, марсиане собираются нанести нам визит?

— Значит, это не Принц Космоса?

— Не знаю. Его курс может быть просто совпадением. И, насколько мы знаем, Принц вполне может оказаться марсианином. В любом случае мы выясним, что это за голубой шар!

Два часа спустя девять кораблей образовали широкую дугу, стремительно окружая неизвестный звездолет, диаметр которого по расчетам составлял около сотни футов. Корабли находились на расстоянии примерно тысячи миль от шара и образовали полукруг длиной две тысячи миль. Капитан Бранд отдал приказ быть готовыми использовать восемь передних лучевых трубок каждого звездолета в качестве орудий. Со своего корабля он отправил гелиографический сигнал:

«„Фьюри“, корабль Лунного патруля, требует, чтобы вы предъявили корабельные документы, идентификационные карточки всех пассажиров и разрешили осмотр на предмет контрабанды».

Сообщение было повторено трижды, но лазурный шар никак не отреагировал на него. Он продолжал следовать своим курсом. Стойкие белые корабли устремились к нему, пока между краями образованного ими полукруга не осталось двести миль, а до голубого шара — сто.

А затем Билл, приложив глаз к окуляру, заметил, что рядом с голубым шаром появилась маленькая алая искорка. Это была едва заметная яркая точка багрово-красного огня, из которой к центру сферы протянулся белый луч. Пурпурная искра росла, белая линия удлинялась. Внезапно журналист понял, что эта искра — объект, приближающийся к ним с невероятной скоростью.

Не успела эта мысль промелькнуть у него, как искра превратилась в маленький красно-голубой шар, светящийся ослепительным светом. За ним тянулся белый луч, который, казалось, толкал шар вперед все быстрее и быстрее. Пурпурная сфера пронеслась мимо, исчезла, белый луч погас.

— Оружие! — воскликнул Билл.

— Оружие и предупреждение! — ответил Бранд, смотревший в другой окуляр. — И мы им ответим! — Гелиограф! — крикнул он в микрофон. — Каждому кораблю открыть одну

переднюю трубку, действовать с частотой двенадцать раз в минуту. Увеличить мощность задних трубок, чтобы компенсировать отдачу.

Белые зеркала замигали. Ослепительно сверкающие лучи, словно бруски невыносимо яркого света, вырывались периодически из каждого из девяти кораблей, стрелявших с расстояния в сотни миль, обливая голубой шар потоками заряженных атомов.

И снова из сапфировой сферы возникла пурпурная искра, за ней следовал белый луч. Крошечный багровый шарик несся с невероятной скоростью на конце копья белого пламени. Он стремился вперед, несколько медленно, но все же достаточно быстро — человек мог лишь смотреть, не в силах ничего предпринять.

Шарик ударил в корабль, находившийся на конце «половинки месяца».

Возникла ослепительная вспышка фиолетового пламени. Казалось, крошечный шарик взорвался, образовав гигантский ало-голубой костер. А там, где только что находился длинный, тонкий восьмигранник корабля, осталась искореженная, бесформенная глыба металла.

— Твердый снаряд! — воскликнул Бранд. — Приводимый в движение положительным лучом! Наши эксперты пытались создать нечто подобное, но луч взрывал бомбу. И что это был за взрыв! Я не знаю, что это может быть, — разве что атомная энергия!

Восемь оставшихся кораблей сжимали кольцо вокруг врага, попеременно стреляя огненными белыми лучами. Они попадали прямо в голубой шар — боевые экипажи Лунного патруля получали хорошую подготовку, их пушки били со смертоносной точностью. Лазурная сфера, невредимая, ярко светилась — казалось, вокруг нее собралась тонкая засыпающая голубых частиц, словно облако сапфировой пыли.

Бирюзовый корабль изверг еще одну пурпурную искру.

Наблюдатели едва успели перевести взгляд с движущейся точки на стройный, блестящий корабль, как белый луч перенес ее через огромное расстояние. Еще одна яркая фиолетовая вспышка. И еще один корабль превратился во вращающуюся массу искореженных обломков.

— Нас осталось семеро! — мрачно заметил Бранд. — Гелиограф! — крикнул он в микрофон. — Стрелять из всех передних трубок с периодичностью двадцать раз в минуту. Увеличить мощность задних двигателей до максимума.

Семь кораблей немедленно выстрелили белыми лучами. Сапфировая сфера засветилась с необычной яркостью. Тонкая завеса мерцающих голубых частиц, казалось, стала плотнее.

— Очевидно, наши выстрелы бесполезны, — озадаченно пробормотал Бранд. — Эта синяя штука вокруг шара, должно быть, какой-то вид вибрирующего экрана.

Очередная алая искра с тонким белым хвостом устремилась к кораблю, находившемуся на противоположном конце «половинки», взорвалась, обратившись в красно-багровый костер. Еще один корабль стал грудой металлом.

— Нас уже шесть! — угрюмо обратился Бранд к Биллу.

— Похоже, что Принц нас одолевает! — вскричал репортер.

— Нет, пока остается хоть один корабль, способный сражаться! — возразил капитан. — Он имеет дело с Лунным патрулем!

Крошечный пурпурный шарик прочертывал темное, усыпанное звездами небо. Корабль исчез в фиолетовой вспышке.

— Они уничтожают их с краев, — заметил Билл. — Мы в середине, так что, думаю, будем последними.

— Значит, — сказал капитан Бранд, — у нас есть время, чтобы протаранить их. «Контрольный пункт!» — произнес он в микрофон. — Выключите передние трубы и направляйтесь к вражескому кораблю с максимальной скоростью.

Гелиограф! Сражаться до последнего! Я собираюсь протаранить их!

Еще одна смертоносная искра со страшной скоростью пронеслась мимо. Пурпурный взрыв оставил от очередного корабля бесформенные обломки.

Билл оторвался от телескопа. Голубой шар, ярко светящийся под огнем положительных лучей, окутанный загадочной сапфировой дымкой, находился всего в двадцати милях от них. Журналист уже мог видеть невооруженным глазом врага, движущегося среди знакомых очертаний созвездия Скорпиона.

Он быстро увеличивался в размере.

С быстротой мысли пурпурные искры попеременно стреляли вправо и влево. И стреляли без промаха. Каждая взрывалась облаком лилового огня, сокрушая новый корабль.

— Осталось три, — сказал Билл, не сводя глаз с растущего голубого шара. — Уже два. Прощайте, Бранд. — Он схватил отважного капитана за руку. — Остался только один. Есть у нас время?

Он взглянул вперед. Голубой шар, скрытый за переливчатой, искрящейся пеленой сапфировых искр, увеличивался с каждой секундой.

— Последний! Теперь наша очередь!

Билл увидел, как из лазурной сферы, которую они надеялись протаранить, возник красный огонек. Казалось, его окружало багрово-фиолетовое пламя. Журналист почувствовал, что пол задрожал у него под ногами, услышал шум ужасного толчка, затрещало разбивающееся стекло. А затем сознание милосердно покинуло его.

Глава 3 КОСМИЧЕСКИЙ ГОРОД

Билл лежал на альпийском леднике; болела сломанная нога, безнадежно застрявшая в трещине. Было темно и ужасно холодно. Он напрасно старался шевелиться, ползти на поиски света и тепла — зловещий ледник не отпускал его, вокруг ревела снежная буря, пронизывающий холод проникал до костей, тело постепенно немело.

Вздрогнув, репортер пришел в себя и понял, что это был кошмар. Но он на самом деле замерзал, хватая ртом ледяной разреженный воздух, который почему-то не хотел поступать в легкие. Вокруг царила полная темнота. Он лежал на чем-то холодном, металлическом.

«Я на разбитом „Фьюри“! — подумал Билл. — Воздух уходит. Это холод космоса! Ледяная могила!»

Должно быть, он издал какой-то звук, потому что рядом кто-то застонал. Репортер с усилием втянул в себя воздух, попытался заговорить, но задохнулся, и голос его оказался странно высоким и тонким.

— Кто здесь?..

Он не договорил, сраженный приступом кашля, и почувствовал, как горячая струйка крови потекла изо рта. Рядом раздался чей-то трудноразличимый шепот:

— Это Бранд. Мы — Лунный патруль... мы сражались до последнего!

Билл не смог больше произнести ни слова, и, очевидно, отважный капитан тоже лишился последних сил. Какое-то время они лежали молча, замерзая все больше и больше. Билл не надеялся выжить, мрачное удовлетворение приносило лишь осознание того, что они с Брандом не погибли на месте.

Но внезапно перед ним промелькнул лучик надежды. Он услышал в разреженном воздухе удары молотка по металлу,

резкие, словно звон бьющегося стекла. А затем до него до- неслось негромкое шипение газосварочного аппарата.

Кто-то прорубался к ним через переборки разрушенного корабля. Казалось, прошло несколько секунд, и яркий луч света прорезал тьму, обшаривая разбитый мостик, затем остановился на двух беспомощных телах. Билл разглядел две гротескные фигуры в громоздких металлических скафандрах, пробирающиеся через прорубленную в стене дыру. Он почувствовал, как ему на голову надевают кислородный шлем, услышал тонкое шипение подаваемого газа и наконец смог вздохнуть свободно.

И опять впал в беспамятство.

Билл очнулся с чувством, будто прошло бесконечно много времени. Он быстро сел, чувствуя себя бодрым, готовым к действию, полностью здоровым. Перед ним сразу же ясно возникли воспоминания о каждой подробности катастрофической встречи с голубым кораблем-шаром.

Билл находился в чистой постели в небольшой комнате с белыми стенами. Напротив него, на другой кровати, сидел капитан Бранд; его грубо-ватое лицо выглядело слегка озабоченным. У дверей стояли двое служителей в белой униформе; нервный маленький человечек в черном костюме, судя по всему врач, торопливо складывал в кожаную сумку сверкающие инструменты.

Внезапно в дверях появился высокий человек в ярком костюме, сочетавшем черный, алый и золотой цвета, — на нем были черные брюки, красный военный китель и фуражка, украшенные золотыми пуговицами и позументом. В руках он держал блестящий лучевой пистолет.

— Джентльмены, — произнес незнакомец отрывистым, твердым голосом, — вы можете считать себя пленниками Принца Космоса.

— Как мы сюда попали? — хрипло поинтересовался Бранд.

— Принц был настолько добр, что забрал вас с останков вашего корабля и доставил на борт своего судна «Ред

Ровер». Вы были в бессознательном состоянии, но сейчас полностью поправились.

— И что вы собираетесь с нами делать? — Тон Бранда был весьма агрессивен.

Человек с пистолетом улыбнулся:

— А это, позвольте сообщить вам, джентльмены, будет зависеть целиком от вас.

— Я офицер Лунного патруля, — сказал Бранд. — Я предпочту смерть каким-либо...

— Погодите, капитан. Мой командир, Принц Космоса, за-служил вашу благодарность. Я не прошу у вас ничего, кроме обещания вести себя, как подобает гостю Принца. Дав слово, вы ничего не потеряете, но многое приобретете.

— Ну ладно, обещаю, — подумав несколько секунд, согласился Бранд. — В течение двадцати четырех часов.

Он вытащил часы и взглянул на них. Человек у двери опустил пистолет, улыбнулся и подошел пожать руку Бранду.

— Называйте меня Смит, — представился он. — Я капитан крейсера Принца «Ред Ровер».

Все еще улыбаясь, он сделал жест в сторону двери.

— Если пожелаете, джентльмены, можете пройти со мной на мостик. «Ред Ровер» сядет через час.

Бранд проворно спрыгнул на пол, и Билл последовал его примеру. Корабль двигался с небольшим ускорением — сила тяжести была слабой, но люди могли без труда передвигаться. За дверью находилась круглая шахта, по всей длине которой тянулась лестница. Капитан Смит взобрался наверх, Бранд и Билл вскарабкались следом.

После нетрудного подъема примерно на пятьдесят футов они вошли в кабину пилотов с куполообразным потолком, витролитовыми панелями обозрения, оснащенную телескопами, картами, таблицами и переговорным устройством, — подобие мостика на «Фьюри».

Перед ними простиралась черная бездна космоса, усыпанная точками звезд. Билл поискал Землю и обнаружил ее

на перископическом экране почти позади корабля — крошечный зеленый диск, рядом — белая точка Луны.

— Как мы можем приземлиться через час? — воскликнул он.

— Я не сказал, что мы сядем на Земле, — улыбнулся капитан Смит. — Место нашей посадки находится на расстоянии миллиона миль от этой планеты.

— Не на Земле! Тогда, где же ...

— В Космическом Городе.

— В Космическом Городе!

— Это столица Принца Космоса. До нее меньше тысячи миль.

Билл вгляделся в даль сквозь витролитовую панель и различил яркое созвездие Стрельца, а за ним — светящееся облако Млечного Пути.

— Я ничего не вижу...

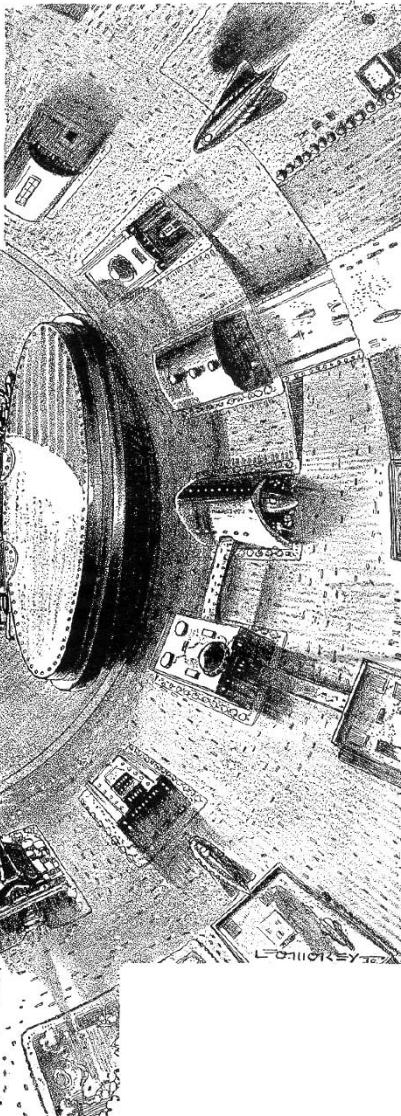
— Принц не стремится оповещать всех о местонахождении своей столицы. Поверхность Космического Города покрыта черным слоем виталия, что обеспечивает нас энергией. Металл не отражает солнечных лучей, и на черном фоне космоса город невидим, кроме тех случаев, когда он заслоняет собой звезды.

Капитан Смит занялся подготовкой к посадке. Билл и Бранд долго стояли, глядя вперед сквозь витролитовый купол, пока лучевые трубки, служившие двигателями, тормозили корабль. Через некоторое время на серебристом фоне Млечного Пути возникла небольшая черная точка. Онаросла, загораживая звезды, пока значительная часть звездного неба перед ними не стала абсолютно черной.

— Космический Город представляет собой цилиндр, — объяснил капитан Смит. — Он имеет примерно пять тысяч футов в диаметре и столько же в длину. Он сооружен в основном из метеоритного железа, которое мы добыли в скоплениях метеоритов, — так мы можем обезопасить наши полеты и одновременно обеспечить себя ценным материалом. Цилиндр постоянно вращается с такой скоростью, что

центробежная сила на стенках его равняется силе тяжести на Земле. Город построен на внутренней стороне цилиндра — так что вы можете, подняв голову, увидеть дом соседа, расположенный вверх тормашками, в миle над головой. Мы войдем через шлюзовой отсек, находящийся в одном из торцов цилиндра.

Теперь в нескольких ярдах от витролитовых панелей появился гигантский диск из тусклого черного металла. В нем открылся огромный

металлический затвор, за ним показалось ярко освещенное помещение. «Ред Ровер» вошел в шлюзовую камеру, мощный клапан захлопнулся за ним, зашипел подаваемый воздух, затем открылась внутренняя дверь — и корабль скользнул в Космический Город.

Билл увидел, что они находятся в центре огромного цилиндра. Стороны его, расположенные в полукилометре над и под ними, были заняты зданиями, выстроеными вдоль огороженных, усаженных деревьями улиц, там и сям виднелись зеленые лужайки, небольшие садики и рощи. Биллу было странно видеть эти бесконечные улицы, извивавшиеся по внутренней стороне трубы, так что пешеход, пройдя немногим более трех миль в одном направлении, снова оказывался в исходной точке, так же как, обойдя вокруг Земли, возвращаешься в место, откуда начал путешествие.

В торцах цилиндра, на огромных металлических дисках, которые закрывали Город с обеих сторон, располагались сложные массивные механизмы необычного вида. «Должно быть, они обеспечивают Город воздухом, — подумал Билл, — очищают его, снабжают людей светом и энергией, а может быть, даже способствуют вращению цилиндра». Шлюз, через который вошел корабль, был частью такого механизма.

В центре каждой из торцевых пластин находился мощный источник света, величиной и формой напоминавший Солнце, они заливали Город ярким, но мягким светом.

— Здесь живет пять тысяч человек, — рассказывал капитан Смит. — Принц всегда готов оставить у себя лучших представителей рода человеческого, выбирая их среди пленников, остальные же приехали сюда добровольно. Мы сами обеспечиваем свою жизнедеятельность, подобно Земле. Для этого мы используем энергию Солнца — с помощью виталиевых батарей. Мы обеспечиваем себя растительной и животной пищей. Мы перерабатываем отходы — здесь имеет место такой же регулярный цикл жизни и смерти, как и на Земле. Люди потребляют пищу, содержащую углерод, дышат кислородом, выдыхают углекислый газ; наши

заводы расщепляют углекислый газ, производят продукты, содержащие тот же самый углерод, и высвобождают кислород для дыхания. Азот, кислород и водород проходят через такой же цикл. Все, что нам нужно, — это солнечная энергия.

Капитан Смит провел своих «гостей» вниз по лестнице и наружу через шлюз корабля. Они вошли в лифт и спустя три минуты ступили на поверхность гигантского цилиндра, вмещавшего Город, а затем, пройдя сквозь какое-то здание, очутились на широкой бетонной дороге. Когда они шли по ней, у Билла возникло странное ощущение головокружения — взглянув вверх, он увидел в миle над собой оживленные улицы, по которым люди ходили вниз головой. Лежавшая перед ними дорога, обсаженная прекрасными деревьями, уходила вверх под небольшим углом и встречалась со своим началом над головами путешественников.

Центробежная сила, притягивавшая объекты к поверхности цилиндра, действовала точно так же, как земная гравитация, — за исключением того, что она была направлена от центра цилиндра, а не к его центру.

Откуда-то сверху, жужжа лопастями, появился сверкающий гелиокар, затем он опустился на резиновые колеса и покатился рядом. Из него выскочил молодой человек с военной выправкой, одетый в броскую красно-черно-золотую униформу, и четко отдал честь.

— Капитан Смит, — сказал он, — Принц желает немедленно видеть вас и ваших гостей в своем личном офисе.

Смит жестом пригласил Билла и капитана Бранда войти в роскошно отделанную кабину гелиокара. Билл, внимательно взглянув на торец огромного цилиндра, в первый раз заметил «Ред Ровер», корабль, доставивший их в Космический Город. Он висел рядом с массивным механизмом шлюза, поддерживаемый тяжелой металлической люлькой, и шахта лифта вела от него прямо к зданию, которое находилось у них за спиной.

— Смотрите, Бранд! — вырвалось у Билла. — Это же не голубой шар. Это вообще не тот корабль, с которым мы сражались!

Бранд взглянул в указанную сторону. Внешне «Ред Ровер» сильно напоминал погибший «Фьюри». Он имел узкий, сигарообразный корпус, заостренный на конце, длиной примерно двести футов, двадцати пяти футов в диаметре — почти вдвое больше «Фьюри». Корабль представлял собой не восьмигранник, а цилиндр и нес двадцать четыре трубы двигателя, расположенные в виде двух колец на носу и корме корабля, по двенадцать штук вместо восьми, как у судов Лунного патруля.

Бранд обернулся к Смиту.

— Что это значит? — спросил он. — Где голубой шар? У вас что, два корабля?

На суровом лице Смита промелькнула улыбка.

— Вас ждут кое-какие открытия. Но лучше не заставлять Принца ждать.

Они взобрались в кабину гелиокара. Пилот прыгнул на место, зажужжали электромоторы. Машина легко покатилась вперед, завертелись лопасти, и гелиокар взмыл в воздух. Дорога, обрамленная зелеными садами и яркими коттеджами, понеслась «вниз», а дома на противоположной стороне приблизились. Оказавшись в центре цилиндра, молодой человек искусно развернул летательный аппарат, и они направились прямо к внушительному бетонному зданию, которое теперь оказалось «внизу».

Гелиокар сел; пассажиры вышли и направились к многоэтажному зданию, выделявшемуся среди остальных. У дверей дежурили охранники, облаченные в красное, черное и золотое, с лучевыми пистолетами наготове. Смит торопливо провел своих гостей мимо и ввел в длинную комнату с высоким потолком. Это оказалось великолепное, даже роскошное помещение. Стены были отделаны дорогими панелями из темного дерева, украшены несколькими прекрасными полотнами. В комнате почти не было мебели, только у

дальней стены стоял тяжелый письменный стол. Из-за стола поднялся высокий молодой человек и быстро подошел к прибывшим.

— Мои гости, сэр, — сказал Смит. — Капитан Бранд с «Фьюри» и репортер.

— Загадочный мистер Кейн! — Билл открыл рот от удивления.

И верно — перед ним стоял мистер Кейн, высокий, стройный и гибкий молодой человек, с суровым, но не лишенным приятности смуглым лицом. В его загадочных черных глазах мелькала улыбка, но тем не менее в них легко могло загораться властное выражение.

— И мистер Вин... о, простите, вы просили меня называть вас Билл. Видно, от вас нелегко ускользнуть!

Продолжая загадочно улыбаться, мистер Кейн пожал руку Биллу, затем обменялся рукопожатием с капитаном Брандом.

— Но... неужели вы — Принц Космоса? — не верил Билл.

— Да. Кейн всего лишь, так сказать, *nom de guerre*.¹ Джентльмены, добро пожаловать в Космический Город!

— Значит, вы сами себя похитили?

— Мои люди прибыли за мной на «Ред Ровере».

— А доктор Трейнор и его дочь? — воскликнул Билл.

— Это мои друзья. Они здесь.

— А этот голубой шар? — спросил капитан Бранд. — Что это было?

— Вы видели, каким курсом он следовал?

— Он направлялся к земной орбите, и его курс пересекал орбиту Марса в точке, где планета находилась сорок дней назад.

Принц обернулся к Биллу:

— Ведь вам уже приходилось видеть нечто похожее на этот голубой шар?

¹ Псевдоним (француз.)

— А ведь верно! Этот маленький круг на Марсе я видел в мощный телескоп в Башне Трейнора.

Невеселая усмешка скользнула по узкому смуглому лицу Принца.

— В таком случае, джентльмены, вы должны мне поверить. Земле угрожает ужасная опасность, исходящая с Марса. Голубой шар, который уничтожил ваш флот, — это марсианский корабль. Другой корабль инопланетян напал на «Геликон». Если не ошибаюсь, мне приписывают страшное преступление: высасывание крови пассажиров. — Улыбка его стала мрачной. — Одна из отрицательных сторон моего положения.

— Марсианские корабли? — повторил капитан Бранд. Тогда каким образом мы оказались у вас?

— У меня нет орудий, способных соперничать с этими пурпурными атомными бомбами, хотя в настоящий момент мы работаем над неким новым устройством. Я приказал Смиту курсировать поблизости от голубого шара на «Ред Ровере», чтобы посмотреть, не узнаем ли мы чего-нибудь нового. Он обследовал разбитые корабли и нашел вас живыми.

— Вы действительно хотите сказать, что люди с Марса летят к Земле? — Капитан Бранд откровенно не верил услышанному.

— Не люди, — поправил Принц, улыбаясь. — Мы имеем дело с некоторыми существами. Вообще говоря, они уже сели на Землю.

Он обернулся к столу и взял с него лист плотной бумаги.

— У меня есть цветная фотография.

Билл изучил рисунок, походивший на аэроснимок большого участка гор и пустыни: была видна однообразная серая равнина, местами испещренная зелеными и красными пятнами.

— Это фотография части мексиканского штата Чиуауа, сделанная из космоса. Смотрите!

Он указал на небольшой голубой диск, выделявшийся на серо-зеленом фоне прерии, неподалеку от узкого горного хребта и тонкой зеленой линии, означавшей реку.

— Этот голубой кружочек — первый прибывший на Землю корабль. Именно существа, летевшие на его борту, высосали кровь из пассажиров «Геликона».

Капитан Бранд пристально смотрел на своего собеседника, и на его красном лице с квадратным подбородком появилось странное выражение. Внезапно он заговорил:

— Ваше высочество, или как там мы должны звать вас...

— Называйте меня просто Принцем. Кейн не настоящее имя. Когда-то у меня было имя, но его больше нет!

Узкое смуглую лицо внезапно исказила боль, губы сомкнулись в тонкую линию. Принц провел ладонью по высокому лбу, словно для того, чтобы стереть какое-то неприятное воспоминание.

— Что ж, Принц. Я с вами. То есть если вам нужен офицер Лунного патруля! — Широкое лицо Бранда осветила скромная улыбка. — Я убил бы того, кто сказал бы мне, что я совершу нечто подобное. Но я буду сражаться вместе с вами так же, как когда-то сражался за честь патруля.

— Благодарю вас, Бранд! — Принц пожал капитану руку, снова улыбаясь.

— Меня тоже считайте, разумеется, — вставил Билл.

— Вы оба будете ценным пополнением, — сказал Принц.

Он взял пачку бумаг, быстро проглядел их, отметил что-то на одном из документов и добавил несколько слов.

— «Ред Ровер» отправляется на Землю через час, джентльмены. Мы собираемся неожиданно напасть на этот голубой шар в пустыне. Вы оба полетите с нами.

— Я тоже лечу! — раздался позади них женский голос, мягкий, с небольшой хрипотцой.

Билл узнал его и, обернувшись, увидел Паулу Трейнор; на ее прекрасном, словно у феи, лице сияла улыбка. Ее удивительные карие глаза были устремлены на Принца, и в

глубине их на миг промелькнуло задумчивое, тоскующее выражение.

— Что ты, Паула, — возразил Принц. — Это опасно! Золотистые глаза затуманились слезами.

— Я полечу! Я должна! — выкрикнула девушка, и в голосе ее послышалось рыдание.

— Ну хорошо, — согласился Принц, рассеянно улыбнувшись. — Конечно же, твой отец будет с нами. Однако с тобой может случиться все, что угодно.

— Но вы же тоже подвергнетесь опасности! — вскричала Паула.

— Мы отбываем через час, — напомнил Принц. — Смит, можете снова взять Бранда и Виндзора на борт «Ред Ровера».

— Будь проклято его отеческое безразличие! — вполголоса пробормотал Билл, когда они выходили через дверь, охраняемую часовыми. — Неужели он не видит, что она любит его?

Должно быть, Смит услышал слова журналиста — он обернулся и тихо произнес:

— Принц — упорный женоненавистник. Думаю, его жизнь разрушила несчастная любовная история, там, на Земле. Но он никому не рассказывает свою историю, даже не открывает своего имени. Мне кажется, дело было в женщине. Теперь он и смотреть на них не хочет.

Они снова оказались на улице, и Билла опять поразило удивительное зрелище — улицы с домами и деревьями, концы которых полого уходили вверх и встречались над головой, так что люди шли по тротуару вверх ногами.

Их ожидал гелиокар. Все трое забрались в кабину, и машина, поднявшись в воздух, быстро перенесла их к серебристому цилинду «Ред Ровера», висевшему среди массивных механизмов шлюза, в торце огромного цилиндра, вмещавшего удивительный Космический Город.

— Я покажу вам ваши каюты, — сказал капитан Смит. — Через час мы вылетаем, чтобы атаковать марсиан в Мексике.

Глава 4 ВАМПИРЫ В ПУСТЫНЕ

Сорок часов спустя «Ред Ровер» вошел в земную атмосферу над Северной Мексикой. Стояла ночь, пустыня была погружена во тьму. Телескопы уловили лишь огни нескольких ранчо, расположенных так же уединенно, как два века тому назад.

Билл был на мостице, с капитаном Смитом.

— Голубой шар, уничтоживший ваш флот, тоже приземлился здесь, — сообщил капитан Смит. — Мы оба видели их, прежде чем наступила ночь. Они находятся рядом, и, по-видимому, между ними сооружена какая-то металлическая конструкция.

— Принц хочет атаковать? Несмотря на эти пурпурные атомные бомбы? — удивился Билл.

— Да. Шары находятся по другую сторону от невысокой горной цепи. Мы приземлимся на противоположной стороне, в дюжине миль от них, и застанем их врасплох на рас-свете.

— Лучше нам быть поосторожнее, — недоверчиво произнес Билл. — Скорее это они застанут нас врасплох. Вам-то не случалось оказаться на мушке у одной из этих маленьких красных штук, летящих на белых лучах!

— У нас есть нечто вроде ракетной торпеды, которую сконструировал доктор Трейнор. Принц намеревается испытать ее на марсианах.

«Ред Ровер» быстро снижался под руководством своего опытного капитана. Казалось, прошло всего несколько минут, и вот уже черная тень Земли под ними внезапно превратилась в плоскую равнину, на фоне которой неясно вырисовывались очертания зарослей полыни и мескитовых деревьев. Тонкий серебристый цилиндр бесшумно опустился среди пустыни, под ясным небом, усыпаным сверкающими звездами, — они показались Биллу едва заметными по

сравнению с замечательным зрелищем, которое он видел из космоса.

За три часа до рассвета через шлюз с корабля сошли пять человек. Отряд вел сам Принц, за ним следовали капитаны Бранд и Смит, Билл и молодой офицер по имени Уокер. Каждый из них нес фонарь и лучевой пистолет. За спиной у мужчин ремнями были укреплены ракетные торпеды — гладкие белые металлические трубы длиной четыре фута и толщиной четыре дюйма, весом примерно восемьдесят фунтов.

Доктор Трейнор остался командовать кораблем. Они с дочерью вышли из шлюза в темноту, чтобы попрощаться со своими пятью отважными спутниками.

— Мы вернемся к вечеру, — сказал Принц, блеснув в темноте ровными зубами. — Ждите нас до этого времени. Если мы не приедем, немедленно возвращайтесь в Космический Город. Я не хочу, чтобы кто-либо следовал за нами или предпринимал попытки спасти нас, если мы не вернемся. Если нас не будет здесь к завтрашнему вечеру, значит, мы мертвы.

— Очень хорошо, сэр, — кивнул Трейнор.

— Тогда я иду с вами, — внезапно заявила Паула.

— Это совершенно исключено! — воскликнул Принц. — Доктор Трейнор, я приказываю вам не отпускать дочь с корабля до нашего возвращения.

Паула быстро отвернулась — смутная тонкая белая фиурка, едва различимая в ночи. Билл уловил тихий всхлип; он понял, что девушка разрыдалась.

— Я не могу позволить вам идти на такое опасное дело без меня! — крикнула она почти истерическим голосом. — Не могу!

Принц поудобнее устроил на плече тяжелую торпеду и широкими шагами направился прочь от корабля. Остальные четверо молча последовали за ним. Они шли по голым камням на север, к невысокому скалистому склону, который смутно виднелся в свете звезд. Стройный космический

корабль, старый ученый и его рыдающая дочь, стоявшие у двери шлюза, быстро исчезли из вида.

Лишь изредка осторожно зажигая фонари, пятеро мужчин пробирались по голой твердой земле, среди беспорядочно расположенных зарослей мескитовых деревьев. Через некоторое время они наткнулись на застывший лавовый поток, когда-то принесший сюда огромные куски искореженной черной вулканической породы. Люди с трудом карабкались вверх по склону, обливаясь потом под тяжестью своего снаряжения, натыкаясь на колючие кактусы, спотыкаясь о валуны и кустарник.

Когда на востоке пурпурное небо окрасилось серебряными и розовыми красками рассвета, пятеро людей лежали на голой скале на вершине невысокого хребта, глядя вниз, на плоскую, покрытую мескитовыми зарослями долину. В свете утра земля казалась коричневато-зеленой, холмы, поднимавшиеся за горизонтом, были скрыты серо-голубой пеленой, смутно виднелись зеленые пятна на источенных временем склонах.

Словно изумрудное ожерелье, упавшее в долину, извиваясь бесконечная лента тополей, светлая, ярко-зеленая листва выделялась на тусклом фоне равнины. Деревья росли вдоль берегов Рио-Касас-Грандес.

На фоне тополей, поднимаясь над их верхушками, лежали две огромные голубые сферы, сверкая в утреннем свете, словно шары ляпис-лазури. Они располагались недалеко друг от друга, и между ними возвышалось странное куполообразное сооружение из серебристо-белого металла.

Все пятеро подняли оружие. Принц, оживленный и улыбающийся, несмотря на пыль и грязь, покрывавшие его после перехода через пустыню, обратился к остальным:

— Эта маленькая трубка наверху торпеды — телескопический прицел. Вам нужно посмотреть в него, навести перекрестье прямо на цель, затем нажать на этот никелированный рычаг. При этом снаряд, находящийся внутри, начнет вращаться в целях лучшей корректировки курса. Затем,

убедившись, что вы точно навели орудие на цель, нажмите на красную кнопку. Торпеду выбросит из ствола при помощи сжатого воздуха, и механизм, основанный на положительных лучах, доставит ее точно к цели. Когда торпеда попадет в цель, пятьдесят фунтов новой взрывчатки доктора Трейнора, трейнита, взорвутся и уничтожат ее. Уокер, вы и Виндзор возьмете на себя правый шар. Смит и Бранд — левый. Я буду стрелять в эту странную конструкцию между ними.

Билл устроил поудобнее свою торпеду, взглянул в прицел и нажал на рычаг. В тяжелой трубке послышалось жужжание мотора.

— Все готовы? — спросил Принц.

— Готовы, — прозвучали четыре голоса.

— Огонь!

Билл нажал на красную кнопку. Трубку с силой отбросило назад, а затем в руках у него осталась лишь легкая оболочка из листового металла. Он увидел вдалеке крошечный белый огонек, уменьшающуюся точку на фоне голубого шара. Это был лучевой мотор, который нес его торпеду к цели.

Огромные огненные вспышки скрыли лазоревые сферы и белый купол, соединявший их. Сферы и купол обрушились и исчезли, и над их остатками повисла тонкая завеса голубоватого дыма.

— Отличные выстрелы! — воскликнул Принц. — После этой моторной торпеды Трейнора большую часть старого стрелкового оружия можно было бы сдать в музей — если бы мы захотели поделиться с человечеством такой опасной игрушкой. Но давайте подойдем поближе и посмотрим, что произошло.

Подхватив лучевые пистолеты, они вскочили на ноги и устремились к каменистому склону. До реки было пять миль. Примерно через два часа пятеро мужчин выскользнули из мескитовых зарослей и взглянули через открытую,

поросшую травой равнину туда, где в двухстах ярдах от них текла река, окаймленная зеленою лентой деревьев.

На земле валялись огромные кучи обломков. Справа и слева виднелись груды искореженных кусков блестящего серебристого металла — очевидно, остатки сфер. Посередине лежала еще одна куча скрученного и погнутого металла — все, что осталось от куполообразного здания.

— Забавно. «Сейчас эти голубые шары выглядят как обыкновенный белый металл», — заметил Смит.

— Интересно, а может быть, эта голубая штука — какой-то эфирный экран? — предположил Бранд. — Когда мы сражались с ними, наши лучевые орудия не причиняли их кораблям вреда. Мне пришло в голову, что их защищает какая-то колебательная преграда.

— Возможно, — согласился Принц. — Мы обсудим это предположение с Трейнором. Если у них есть такой экран, то он препятствует также воздействию гравитационного поля. Очень удобно для маневрирования.

Разговаривая, они осторожно приближались к обломкам, время от времени останавливаясь, чтобы подобрать небольшие куски, разбросанные взрывом вокруг.

Внезапно Билл уловил за грудой металла, в которую превратился белый купол, какое-то движение. Ему показалось, что из-под развалин быстро вырастает зеленое растение. Выстрелили удивительные зеленые щупальца. Затем он заметил на верхушке искривленного ствола пурпурный отросток, чем-то напоминающий глаз.

При виде этого зрелища журналист застыл в изумлении, навел на существо смертоносный лучевой пистолет и крикнул: «Берегитесь!»

Но, прежде чем крик его замер в воздухе, прежде чем остальные успели обернуться, среди переплетающихся зеленых ветвей блеснуло что-то металлическое. Существо поднимало какой-то предмет.

Затем Билл увидел, как из блестящего металлического устройства в зеленых лапах вылетела крошечная пурпурная

искра. Перед глазами мелькнула ослепительная фиолетовая вспышка, и Билл внезапно потерял сознание.

Очнувшись, он понял, что лежит на спине на камнях. Он чувствовал себя избитым и измотанным, правый глаз распух так сильно, что открыть его было невозможно. Попытавшись сесть, Билл обнаружил, что руки и ноги его скованы окровавленными наручниками незнакомой конструкции. Рядом с ним на боку лежал капитан Бранд, полускрытый слабой тенью мескитового дерева. Бранд выглядел измученным и взъерошенным; по лицу его струилась кровь из раны на голове. Руки и ноги его также были скованы кандалами из белого металла.

— Что произошло? — едва выговорил Билл.

— Не так громко, — прошептал Бранд. — Думаю, эта тварь — оставшийся в живых марсианин. Должно быть, прятался где-то там, в кустах, когда мы стреляли. Он напал на нас с атомной бомбой. Смит и Уокер мертвы — их разнесло на куски.

— А Принц?

— Я могу сам за себя ответить.

Услышав знакомый негромкий голос, Билл обернулся и увидел Принца — тот сидел на корточках под палящим солнцем, руки и ноги его были скованы, шляпа слетела, лицо покрывали кровь и грязь.

— Что это было — эта зеленая штука? — спросил Билл.

— Похоже на какое-то ожившее растение, — ответил Принц. — Пучок зеленых щупалец вместо рук. Три пурпурных глаза на зеленых ножках. И немного тела, чтобы скрепить все это вместе. Ничего похожего я в жизни не видел. Но марсиане, развивавшиеся при других условиях, должны выглядеть иначе, чем люди.

— А что теперь станет с нами? — спросил Билл.

— Вероятно, оно высосет из нас кровь, как из пассажиров «Геликона», — мрачно предположил Бранд.

Виндзор смолк. Было около полудня. Солнце пустыни палило изо всех сил. Неподвижный воздух был сухим,

обжигающе горячим; над кровоточащими ранами жужжали назойливые мухи. Ныли запястья и щиколотки, сдавленные кандалами.

— Хоть бы тварь эта вернулась и поскорее покончила с нами, — пробормотал Бранд.

Билл с удовлетворением размышлял о том, что у него не осталось родных, которые будут горевать о его кончине. Он не слишком боялся смерти. Работа газетчика в двадцать втором веке мало напоминала рутину; репортер-ветеран привык к опасностям.

— Я рад, что никто не будет волноваться из-за меня, — заметил он.

— Я тоже, — горько произнес Принц. — Я лишился всех своих близких много лет назад.

— Но у вас есть близкий человек! — воскликнул Билл. — Это не мое дело, но сейчас уже все равно. Как глупо, что вы не видите этого. Паула Трейнор любит вас! Ваша гибель убьет ее!

Принц поднял взгляд, и на его худом смуглом лице, под грязью и кровью, мелькнула горькая усмешка.

— Паула — влюблена в меня?! Мы друзья, разумеется. Но любовь! Когда-то я верил в любовь. Я не всегда был безымянным изгнаниником, скитальцем космоса. Когда-то у меня было имя, семья, даже богатство и положение в обществе. Я доверил свое имя и честь красивой женщине. Я любил ее! Она говорила, что любит меня, и я верил, что это правда. Но она лишь воспользовалась мной как ступенькой. Я был доверчив; она была умна.

В темных глазах Принца загорелся неистовый гнев.

— Когда я стал ей больше не нужен, она оставила меня позорно умирать. Я едва спасся. Она отняла у меня мое имя, состояние, положение. Она сделала меня изгоем, стоящим вне закона. Она выставила меня предателем перед теми, кто мне доверял, а потом посмеялась надо мной. Она смеялась надо мной и называла меня глупцом. Да, я был глупцом — но больше этого не случится!

Сначала я был полон гнева на весь мир, на несправедливые законы, глупые условности, жестокость и нетерпимость людей. Я стал космическим пиратом. Парией. Я сражался со своим собственным народом. Отчаянно сражался за власть.

На несколько минут он погрузился в мрачное молчание, отгоняя мух, которые вились над кровавыми ранами.

— И я получил власть. Затем я узнал об опасности, исходящей с Марса. Сначала я обрадовался. Обрадовался тому, что увижу, как будет сметено с лица земли человечество. Люди казались мне какими-то паразитами. Насекомыми. Что такое жизнь, как не бесконечный распад на пылинке, летящей в бесконечность? Затем я взглянул на вещи более здраво, построил Космический Город, чтобы спасти горстку людей. После этого мне показалось, что эта горстка обладает благородными чертами, и я решил попытаться спасти весь мир.

Но уже слишком поздно. Мы проиграли. И с меня довольно любви, довольно женщин с их нежными, соблазнительными телами, с их сладкими лживыми голосами и бессердечными расчетами.

Принц впал в угрюмое молчание и лежал неподвижно, не замечая кружившихся вокруг мух. Некоторое время спустя Бранд ухитрился, несмотря на наручники, выудить из кармана пачку сигарет, вытащил одну и бросил остальное Биллу, который смог зажечь сигарету для Принца.

Трое узников сидели под безжалостным солнцем, в невыносимом пекле, курили и пытались забыть о жаре, мухах и отвратительных кандалах. И о смерти, которая витала совсем близко...

Вскоре после полудня Билл услышал негромкое шуршание за мескитовыми деревьями. Мгновение спустя появился марсианин. Это было гротескное, наводящее страх существо. Дюжины зеленых щупалец, тонких, извивающихся, росли из небольшого тела. Три пурпурных глаза, лишенных век, смотрели пристально с чуждым, зловещим выражением с отростков длиной в фут, поднимавшихся над телом.

Существо передвигалось при помощи зеленых выростов, хватаясь за ветви. В одной из этих «рук» толщиной дюйм оно держало странный инструмент из блестящего хрусталия и белого металла — эта незнакомая сверкающая вещь напоминала лучевой пистолет. К другому щупальцу было прикреплено маленькое металлическое кольцо, с которого свисал небольшой странного вида брускок.

Тварь приблизилась к Принцу. Билл предупреждающе крикнул. Принц заметил врага, перекатился по земле, отчаянно пытаясь уползти. Существо вытянуло тонкое щупальце длиной в несколько ярдов и, схватив человека за шею, подтащило его к себе.

Еще миг — и кошмарный монстр, словно извивающаяся зеленая масса, навис над беспомощным пленником. Лишь один раз тот отчаянно вскрикнул, затем наступила тишина, прерываемая громкими, отрывистыми вздохами. Мускулы его сокращались — он боролся, отчаянно пытаясь вырваться из оков и щупалец монстра.

Билл и капитан Бранд лежали, не в силах ни бежать, ни помочь несчастному. Они наблюдали эту сцену в безмолвном ужасе. Они увидели, что каждое тонкое зеленое щупальце заканчивается присоской с острыми краями. Присоски вгрызлись в горло несчастной жертвы, продираясь через ткань к телу. Билл и Бранд видели сокращения, проходящие по зеленым щупальцам, словно сделанным из резины, — они высасывали кровь, и на краях присосок выступили капли алой жидкости.

— Скоро наша очередь, — пробормотал капитан Бранд.

— А после нас настанет очередь всего мира! — выдохнул Билл, напрягшийся всем телом от ужаса.

Среди тусклых зеленых листьев мескитового дерева блеснул узкий белый, ослепительно-яркий луч. Он поколебался и уперся в монстра. Тот, не издав ни звука, подпрыгнул и упал рядом с телом Принца. Враг поднял свое странное оружие, и из него вырвалась крошечная пурпурная искра.

Неподалеку раздался грохот и тонкий крик — крик женщины.

Затем белый луч снова ужалил монстра, и враг рухнул на тело Принца, превратившись в корчащуюся груду зеленых змей.

Из-за куста выбежала стройная девушка, отшвырнула в сторону лучевой пистолет и бросилась на чудовище, пытаясь оттащить его от Принца. Разумеется, это была Паула Трейнор. В изорванной одежде, вся покрытая кровоточащими царапинами — она, очевидно, пробежала многие мили по пустыне, среди камней, кактусов и колючего кустарника, — Паула была явно измождена, но с отчаянной энергией бросилась спасать раненого.

Тело зеленой твари оказалось довольно легким, но присоски никак не отрывались от тела. Они раздирали плоть, когда девушка тянула за них. Она изо всех сил пыталась оторвать их, то всхлипывая, то истерически смеясь.

— Если бы вы освободили нас, мы бы могли помочь вам, — предложил Билл.

Девушка подняла голову; на лице ее появилось жалобное выражение.

— О, мистер Билл! Капитан Бранд! Он мертв?

— Думаю, что нет, мисс Паула. Эта тварь только что прыгнула на него. Пospешите!

— Видите этот маленький бруск? Похоже на серебро или алюминий, он прицеплен к металлическому кольцу на щупальце, — сказал Бранд. — Возможно, это ключ от наших наручников. Мне кажется, конец у него как раз подходящей формы. Может, вы попробуете им воспользоваться?

В нервной спешке девушка оторвала бруск от кольца. С помощью Бранда она смогла открыть его наручники. Капитан, не теряя времени, освободил Билла и снял оковы с чувственного Принца.

Тонкие щупальца, похожие на резиновые, никак не отрывались от плоти. Бранд перерезал их ножом. Они

оказались жесткими и волокнистыми. Из разрезов хлынула алая кровь.

Билл отнес раненого в тень тополей, принес ему в шляпе воды из грязного ручейка, протекавшего внизу. Через несколько минут Принц пришел в сознание, но был еще очень слаб из-за потери крови.

Капитан Бранд, убедившись, что Паула прикончила марсианина и что он был единственным выжившим после гибели голубых шаров и металлического купола, отправился в поход через горы за кораблем.

Вечером, когда на горизонте показался «Ред Ровер» — прекрасный, стройный серебристый цилиндр на сияющем золотом и пурпуром фоне пустынного заката, — Принц Космоса, прихрамывая, расхаживал вокруг, опираясь на руку Билла, и исследовал остатки марсианских кораблей.

Паула неотступно следовала за ним, готовая помочь. Билл заметил боль и отчаяние в ее карих глазах. Она поддерживала голову Принца, пока тот приходил в сознание. Ее губы были совсем близко к его губам, и на ее прекрасном лице сверкали слезы.

Билл видел, как Принц оттолкнул ее, затем немногоже словно поблагодарил, узнав, что она сделала для него.

— Паула, ты принесла огромную пользу человечеству, — услышал Билл.

— Я сделала это вовсе не для человечества! Я сделала это для вас! — с отчаянием в голосе воскликнула девушка.

Она отвернулась, чтобы скрыть слезы. А Принц ничего больше не сказал.

«Ред Ровер» приземлился неподалеку от остатков марсианских кораблей. Проведя несколько часов за изучением и фотографированием обломков, собрав образцы белого сплава, из которого они состояли, и других материалов, люди отправились обратно на корабль, забрав с собой убитого марсианина и еще несколько объектов для более подробного исследования. Бранд поднялся в верхние слои атмосферы.

— Капитан Бранд, — обратился к нему Принц, когда они стояли на мостице, — после капитана Смита, погибшего сегодня утром, я считаю вас самым искусственным офицером-космонавтом в моем экипаже. Отныне вы командир «Ред Ровера», а Харрис и Винсент будут вашими помощниками. Перед нами стоит великая задача. Битва, выигранная нами, — это лишь первая партия в игре, от которой зависит судьба Земли.

Глава 5 СОКРОВИЩЕ «ТРИТОНА»

— Мне необходимо самое меньшее две тонны виталия, — сказал Принц Космоса Биллу, когда журналист после двадцати часов отдыха пришел на мостики.

Принц был бледен и слаб от потери крови, но, видимо, марсианин не заразил его никакими инфекциями.

— Две тонны виталия! — воскликнул Билл. — Ничего себе запросы! Сомневаюсь, что на рынке вообще имеется такое количество этого металла, обладай вы даже всеми богатствами Конфедерации, чтобы купить его.

— Он нужен мне, и немедленно! Я намереваюсь оснастить «Ред Ровер» для полета на Марс. Именно такое количество виталия необходимо для сооружения батарей.

— Мы летим на Марс?!

— Человечество может выжить, только если мы нанесем по врагам удар, и смертельный удар!

— Если бы мир знал об опасности, мы могли бы получить помощь.

— Именно здесь на сцене появляетесь вы. Я уже говорил вам, что мне может потребоваться ваше содействие. Ваша задача — поведать обо всем общественности. Мне нужно, чтобы человечество узнало об опасности, угрожающей ему с Марса. Расскажите обо всем убедительно, так, чтобы это звучало серьезно! Говорите все, что хотите, только не

упоминайте о Принце Космоса. У нас имеется заспиртованное тело напавшего на меня марсианина. Вы также можете подтвердить правдивость своего рассказа, предъявив обломки, найденные в пустыне. Сегодня вечером я выسажу вас в Нью-Йорке, на Башне Трейнора. У вас будет двадцать четыре часа на то, чтобы оповестить обо всем мир и раздобыть две тонны виталия. Это жизненно важно!

— Задача не из легких, — с сомнением заметил Билл. — Но я сделаю все, что в моих силах.

«Ред Ровер» устремился с черного неба вниз, к ночному городу, похожему на яркий, мерцающий миллионами огней ковер, и на несколько мгновений застыл над Башней Трейнора. Когда он скользнул прочь, Билл стоял в одиночестве на крыше самого высокого здания на Земле с пачкой рукописей в кармане — это была работа многих часов; рядом с ним лежал громоздкий сверток, содержавший заспиртованное тело злобного чудовища с Марса.

Журналист поднял люк, предусмотрительно оставленный открытым, взял свой сверток и спустился вниз по лестнице в обсерваторию. За большим телескопом сосредоточенно трудился какой-то человек — телескоп был направлен на Марс. Человек понимающе взглянул на Билла и кивнул в сторону лифта.

Через полчаса Билл уже демонстрировал содержимое пакета и свою рукопись ночному редактору «Геральд Сан».

— Это величайшая сенсация столетия! — воскликнул он. — Марсиане атакуют Землю! «Геликон» был захвачен именно марсианским кораблем. В этой коробке — тело одного из враждебных существ.

Изумленный редактор счел, что ведущий репортер попал в какую-то жуткую переделку, в результате чего его рассу-док повредился. Он скептически выслушал довольно близкий к истине рассказ Билла об экспедиции кораблей Лунного патруля и о сражении с голубыми шарами. Билл избегал упоминания о Космическом Городе и его таинственном правителе, но дал понять, что «Фьюри» протаранил один из

шаров и тот упал в пустыне. Закончил он вымыщенным рассказом о загадочном ученом, забравшем его на свой корабль и поведавшем ему о врагах с Марса; этот ученый якобы послал его, Билла, собрать две тонны виталия, чтобы снарядить корабль для экспедиции на Марс. Журналист потратил немало времени, сочиняя свой рассказ; он был уверен, что его вымысел звучит не менее правдоподобно, чем поразительная правда о Принце Космоса и его чудесном городе.

Редактор в конце концов поверил ему, причем здесь сыграла роль скорее вера в честность Билла, чем вид зеленого монстра, куски неизвестного белого металла и фотографии, которые тот представил в качестве доказательств. Редактор запросил по радио самолет из Эль-Пасо в Техасе, чтобы обследовать место крушения. Когда сообщение Билла подтвердилось, «Геральд Сан» выпустила экстренное сообщение, содержащее полный отчет Билла, фотографии мертвого монстра и научное описание остальных доказательств. Газета призывала собрать две тонны виталия, чтобы дать возможность неизвестному ученому атаковать марсиан и спасти Землю.

Эта история наделала много шума во всем мире. Немало людей поверило Биллу. «Геральд Сан» получила полмиллиона долларов на покупку виталия — сумму, достаточную для того, чтобы приобрести около одиннадцати унций драгоценного металла.

Большая часть человечества посмеялась над рассказом о марсианах. Говорили, что Билл сошел с ума. Говорили, что «Геральд Сан» пытается увеличить число подписчиков с помощью смехотворной утки. Хуже того, Билла обвиняли в том, что он, в соучастии с редакцией знаменитой газеты, воспользовался обнаружением какого-то неизвестного существа в отдаленном уголке планеты для грандиозного мешеничества, имевшего целью захватить огромное количество виталия.

Обследование показало, что объекты, остатки которых были найдены в пустыне, были разрушены в результате взрыва, а не падения. На «Геральд Сан» наложили судебный запрет, чтобы воспрепятствовать сбору денег; Билла арестовали бы, но он предусмотрительно скрылся в Башне Трейнора.

И наконец появились слухи, что за всем этим стоит пират Принц Космоса, — возможно, эти слухи возникли потому, что основным объектом грабежей Принца был именно виталий. Конкурирующая газета утверждала, что пират скорее всего захватил Билла в плен и послал его на Землю, чтобы провернуть мошенничество.

Страсти в обществе достигли такого накала, что награда за поимку Принца Космоса, живым или мертвым, возросла от десяти до пятнадцати миллионов долларов.

Спустя двадцать четыре часа после того, как Билл приземлился на Башне Трейнора, он снова очутился там, ожидая «Ред Ровер»; в небе ярко сверкали звезды, внизу раскинулся гигантский огненный ковер Нью-Йорка. Узкий серебристый корабль плавно снизился над башней и завис рядом с витролитовым куполом, а чьи-то сильные руки помогли Биллу забраться в шлюз. Внутри корабля Билл встретился с Принцем — тот ждал с вопросительным видом.

— Полный провал, — безнадежно проворчал журналист.
— Никто мне не поверил. А в городе для меня стало слишком жарко. К счастью, мне удалось ускользнуть.

Принц горько усмехнулся, слушая рассказ репортера о его попытке привлечь человечество на свою сторону.

— Я ожидал чего-то в этом духе, — сказал он. — Люди всегда остаются людьми. Возможно, для космоса было бы лучше, если бы марсиане уничтожили этот старый мир. Может быть, они смогут создать на его месте нечто более совершенное. Но я хочу дать человечеству шанс — если смогу. Надеюсь, что через миллион лет человек станет лучше.

— Значит, у нас еще есть шанс? Даже без виталия? — с надеждой воскликнул Билл.

— Нет, без виталия мы бессильны. Нам нужно попасть на Марс. И мы должны добыть металл для корабля. Но мне уже приходилось испытывать нужду в виталии, а купить его я не мог. И я брал его.

— Вы имеете в виду пиратство?

— А разве я не Принц Космоса — «печально известный межпланетный пират», как вы окрестили меня в своей газете? И разве ради того, чтобы принести добро многим, нельзя отнять сокровище у кучки богачей? Разве я не могу забрать несколько фунтов металла у богатой корпорации, чтобы спасти Землю и человечество?

— Я уже говорил вам, что вы можете считать меня членом своей команды, — ответил Билл. — Просто эта идея немного революционна.

— Пока вы были в Нью-Йорке, мы не тратили времени зря. У меня есть свои способы узнавать о транспортировке виталия с Луны. Мы выяснили, что космический корабль «Тритон» вылетает на Землю через двадцать часов, груженный запасами виталия, добытыми за три месяца в кратере Кеплера. Там должно быть больше двух тонн.

Тридцать часов спустя «Ред Ровер» дрейфовал на лунной трассе, выключив лучевые трубы и погасив все огни. Дежурные у телескопов изучали небо вокруг Луны в поисках белых отражательных лучей «Тритона» и его конвоя.

Билл был на мостице с капитаном Брандом. Бранд вглядывался в окуляры телескопов, наблюдал за показаниями приборов, отдавал четкие приказания в переговорную трубу, и в глазах его горел хищный огонек.

— Каково оказаться в роли пирата, — спросил Билл, — проведя столько лет в погоне за ними?

Капитан Бранд ухмыльнулся.

— Знаете, — сказал он, — я хотел стать пиратом с тех пор, как мне исполнилось четыре года. Разумеется, мне не представилось такой возможности, и я выбрал путь, оказавшийся ничем не хуже, и стал гоняться за ними. Я не слишком горюю о том, что произошло. Но мне жаль старых

друзей из Лунного патруля. Кто-то сегодня получит пару царапин!

— А возможно, это будем мы, — возразил Билл. — «Тритон» летит в сопровождении конвоя из нескольких боевых кораблей, и он может сражаться с помощью своих лучевых трубок. Мне кажется, он будет твердым орешком.

— Когда-то я размышлял, как бы захватил корабль, будучи на месте Принца Космоса, — сказал капитан Бранд. — Я только что обсудил с ним наши действия. Мы разработали план.

Через час на мостик вошли Принц и доктор Трейнор. Следом за ними появилась Паула. Ее лицо было искажено; страдание даже погасило блеск карих глаз. Она с нетерпением спросила Принца, как он себя чувствует.

— О, да почти так же, как обычно, спасибо, — небрежно ответил молодой человек.

Но, должно быть, Принц заметил ее бледность и очевидное уныние. На мгновение глаза их встретились, затем он быстро шагнул к девушке. Билл понял, что под влиянием порыва нежности Принц почти готов отбросить свой горький цинизм. Но он овладел собой и лишь коротко сказал:

— Мы готовимся к бою, Паула. Возможно, лучше будет, если ты останешься в своей каюте до тех пор, пока все не закончится.

Девушка молча повернулась и вышла из помещения. Билл подумал, что она споткнулась бы и упала, если бы сила тяжести была достаточно велика, чтобы упасть.

Через несколько минут впереди на фоне звезд, совсем рядом с огромным, усеянным кратерами золотым лунным диском, появилась кучка мигающих огоньков.

— «Тритон» и его конвой! — крикнули дежурные у телескопов.

— Всем занять свои места и подготовиться к бою! — приказал капитан Бранд.

— Прямо по курсу два корабля Лунного патруля, летят в пятидесяти милях друг от друга, — последовал доклад. — В

ста милях за ними «Тритон», еще два корабля патруля сзади от него на расстоянии двадцати пяти миль, между ними — пятьдесят миль.

Бранд что-то сказал Принцу, тот кивнул. Бранд отдал приказ:

— Погасить все огни. Ведите корабль при помощи гирокопов, пока наша задняя батарея не окажется напротив переднего правого патрульного корабля, а носовая не будет направлена на другой корабль.

Снизу послышалось жужжание электромоторов. Корабли развернулись, продолжая держаться перед приближающимся «Тритоном».

— Все готовы, сэр, — донесся голос из переговорного устройства.

Прошло несколько тревожных минут. Затем невидимый «Ред Ровер», бесшумно двигаясь, очутился прямо между двумя передними кораблями патруля, на расстоянии примерно двадцати пяти миль от каждого из них.

— Откройте непрерывный огонь из всех орудий, передних и задних, пока не увидите, что противник обезврежен, — приказал Бранд. Принц что-то сказал ему, и он добавил:

— Не причинять ненужного ущерба.

Из трубок вырвались слепящие белые лучи и мгновенно поразили два передних корабля. Узкие серебристые восьмигранники засияли белым светом. Они закружились, завертелись вокруг своей оси под страшным давлением потока атомов. Мгновение спустя корабли засветились тускло-красным светом, быстро сменившимся белым. Вокруг них возникло голубоватое сияние — это был электрический разряд, несомый атомами, способный убить человека, оказавшегося на пути смертоносных лучей.

Огненные белые лучи сверкнули со стороны трех оставшихся кораблей, рыская в поисках «Ред Ровера». Но Бранд уже приказал выключить трубы, и противник не мог найти цель. Два атакованных судна превратились во врачающиеся груды бесполезного металла и полностью вышли из

строя, хотя большая часть их экипажа выжила, укрытая в своих изолированных каютах.

Сам Принц отдал приказ в переговорную трубу:

— Маневр номер сорок один. Летите к «Тритону».

Перемещаясь попеременно при помощи передних и задних двигателей, «Ред Ровер», следуя странным зигзагообразным курсом, направился к грузовому кораблю. Вращаясь и описывая неправильные дуги, он представлял собой исключительно трудную мишень.

И дважды во время каждого поворота, в то время, когда ось его оказывалась параллельной «Тритону», он палил из всех орудий, и от ударов грузовой корабль вращался и раскачивался, покрытие его частично расплавилось, было покорежено и разбито.

Трижды лучи противника на мгновение останавливались на «Ред Ровере», но его удивительные маневры, которые явно были давно отработаны командой, помогали ему двигаться настолько необычным курсом, что лучи били мимо цели.

Когда пиратский корабль приблизился к «Тритону», тот беспомощно дрейфовал, лишенный всех своих трубок. «Ред Ровер» пролетел мимо, продолжая вращаться с головокружительной скоростью, пока не оказался между двумя оставшимися боевыми кораблями.

— Стоп! — крикнул Принц. — Огонь из всех орудий, передних и задних.

Две батареи с ужасной силой выстрелили ослепительными опаловыми лучами. Поскольку «Ред Ровер» находился между двумя кораблями, они неизбежно обстреливали друг друга. Пушки пирата, стрелявшие в противоположных направлениях, помогали ему сохранять равновесие и неподвижность, в то время как выстрелы его, попадавшие прямо в цель, заставляли конвойные корабли вращаться вокруг своей оси.

Ослепительная вспышка затмила витролитовые панели, прочные стенки «Ред Ровера» застонали под напором

потока атомов. Мгновение — и они раскалятся, начнут размягчаться и рушиться. Или сгорит изоляция — и электрический ток убьет его пассажиров.

Враг был не в лучшем состоянии. Белые лучи пиратского корабля поразили его раньше, и нацелены они были более точно. Это было состязание в выносливости.

Внезапно опаловые струи, заливавшие пирата, исчезли. Билл, пристально взглянувшись в усыпанное звездами небо, увидел, что два патрульных корабля бешено вращаются под натиском вражеских лучей и их искореженные корпуса раскалены добела.

Несколько минут спустя «Ред Ровер» уже был состыкован с «Тритоном», удерживаясь рядом с поврежденным грузовым кораблем при помощи электромагнитов. Шлюз пиратского корабля открылся, и из него вышли несколько человек в металлических вакуумных костюмах, вооруженные лучевыми пистолетами, спасательным оборудованием и сварочными аппаратами. Во главе их шел Принц.

Через час «Ред Ровер» несся через пространство на полной скорости. Принц Космоса находился на мостице в компании Билла, капитана Бранда, доктора Трейнора и Паулы. Билл видел, что девушка трогательно радуется тому, что Принц остался невредим, а тот едва смотрит на нее.

— У нас есть две тонны виталия, — сообщил Принц. — Точнее, примерно сорок шесть сотен фунтов. С их помощью мы легко получим энергию, требуемую для полета на Марс. Металл у нас есть — осталось только благополучно скрыться вместе с ним.

— Значит, опасность не миновала? — взволнованно спросила Паула

— Нет. Большая часть команды «Тритона» осталась в живых. Когда я вручил капитану свою карточку, он сообщил мне, что они послали гелиографический сигнал SOS, как только мы на них напали. Так что скоро на хвосте у нас окажутся сорок — пятьдесят кораблей Лунного патруля.

«Ред Ровер» мчался вперед, включив моторы на полную мощность. Некоторое время спустя дежурные заметили позади дюжину крошечных мерцающих огоньков. Лунный патруль вышел на охоту.

— Мои старые друзья, — заметил капитан Бранд. — Каждый из них жизнь отдаст, лишь бы увидеть нас за решеткой. И думаю, что все они воображают себя обладателями части из этих пятнадцати миллионов награды! Лунный патруль никогда не сдается и никогда не признает себя побежденным.

Текли часы, полные напряженного, тревожного ожидания, из каждой батареи выжимали максимальную мощность, каждая лучевая трубка работала на пределе возможностей.

Паула находилась на мостице, встревоженная и озабоченная здоровьем Принца (он по-прежнему был бледен и слаб после приключения в пустыне), пока тот, очевидно заметив, как она устала и встревожена, не отослал ее в каюту отдыхать. Она удалилась в слезах.

— Если они догонят нас, мы не сможем выиграть бой, — сказал капитан Бранд. — Мы способны победить четыре корабля, но не сорок.

Время ползло медленно. «Ред Ровер» летел мимо Луны таким курсом, чтобы не привести преследователей к Космическому Городу. Максимальное ускорение его немного превышало ускорение кораблей патруля, так как он обладал большим числом моторных трубок значительной мощности. Постепенно он начал отрываться от преследователей.

Наконец мерцающие позади огоньки исчезли.

Но «Ред Ровер» продолжал еще много часов лететь по прямой на максимальной скорости и лишь затем наконец развернулся и осторожно направился к надежно скрытому Космическому Городу. Корабль благополучно добрался до города и вошел в шлюз. И снова Билл увидел удивительный город, расположенный на внутренней стороне врачающегося цилиндра. Он наслаждался необычной прогулкой по

улице длиной в три мили, которая, огибая цилиндр, приводила его к тому месту, откуда он отправился в путь.

Оснащение «Ред Ровера» и подготовка к путешествию на Марс заняли неделю. Моторные лучевые трубы были переоборудованы, корабль оснастили дополнительными виталиевыми генераторами. Драгоценный металл, добытый на «Тритоне», был использован для постройки новых батарей, обеспечивающих корабль энергией для длительного путешествия. На борт взяли значительные запасы воды, пищи и сжатого кислорода, а также оружие и разнообразное научное оборудование.

— Мы отправляемся на Марс через тридцать минут, — сообщил капитан Бранд Биллу, когда сигнал гонга созвал всю команду на борт.

Глава 6 АЛАЯ ЗВЕЗДА ВОЙНЫ

«Ред Ровер», пройдя через огромный шлюз, покинул Космический Город и направился к Марсу. Названная в честь бога войны охряно-красная звездочка висела перед ним среди тьмы, усыпанной серебристой пылью, на фоне слабо светящегося созвездия Козерога. Принц Космоса, изгнанный с родной планеты, спешил к Марсу в отчаянной попытке спасти Землю от вторжения инопланетян.

Алая точка Марса застыла, казалось, почти над ними, над центром витролитового купола, закрывавшего помещение.

— Но мы летим не прямо к планете, — объяснял Биллу капитан. — Необходимо учитывать ее орбитальную скорость. Мы двигаемся к точке, в которой она окажется через двадцать дней.

— Мы сможем добраться туда за двадцать дней? Со скоростью три миллиона миль в день?

— Легко, если нам хватит виталия, и мы не столкнемся с каким-нибудь метеоритом. Для скоростей в космосе нет предела, практически никаких ограничений. Самое важное — это ускорение.

— Вы говорите, мы можем столкнуться с метеоритом? Эта опасность существенна?

— Довольно-таки существенна. Метеориты перемещаются в виде скоплений, которые движутся вокруг Солнца по правильным орбитам. У нас есть подробные карты расположения тех скоплений, орбиты которых пересекаются с траекториями движения Земли и Луны. Но сейчас мы вступаем на незнакомую территорию. Разумеется, большинство метеоритов настолько малы, что ни один телескоп не сможет вовремя их обнаружить. Это просто галька небольшого размера, движущаяся со скоростью, в дюжину раз превышающей скорость пули, выпущенной из древней винтовки.

— А что мы будем делать, если целыми и невредимыми доберемся до Марса?

— Это серьезный вопрос! — ухмыльнулся Бранд. — Вряд ли мы сможем очистить планету с помощью моторных трубок. И нескольких ракетных торпед Трейнора явно недостаточно, чтобы произвести большое впечатление на воинственных жителей. Но Принц и Трейнор сидят в лаборатории и работают без устали. Над новым оружием, как я понимаю. Не знаю, что из всего этого выйдет.

Билл спустился по лестнице в лабораторию. Он нашел Принца Космоса и доктора Трейнора погруженными в работу. Наблюдая за ними, он мало что понял; они проводили какие-то эксперименты с небольшими животными, зелеными растениями и образцами виталия. Билл видел, что они используют в экспериментах ток высокого напряжения, электронно-лучевые трубки и источники различного рода лучей.

Заметив его интерес, Принц сказал:

— Вы знаете, что следы Виталия впервые были обнаружены в составе витаминов. По-видимому, этот металл

является основой жизни. Именно наличие небольшого количества Виталия в хлорофилле позволяет зеленым листьям растений преобразовывать солнечную энергию. Мы пытаемся установить природу движущей силы, управляющей жизнью; похоже, дело в радиоактивности виталия. Мы уже продвинулись довольно далеко и надеемся, что окончательный успех даст нам в руки мощное оружие.

Паула тоже работала в лаборатории; она была способным и энергичным ассистентом, поскольку с самого детства помогала отцу в его экспериментах. Билл заметил, что девушка становилась счастливой лишь рядом с Принцем; несчастное, тревожное выражение исчезало из ее взгляда, когда ей удавалось помочь ему в какой-нибудь работе или когда ее действия вызывали у него одобрительный взгляд или слово.

Сам Принц, казалось, был полностью поглощен работой; он обращался с девушкой довольно вежливо, но, по-видимому, совершенно не замечал ее эмоций. Для него она была лишь коллегой-ученым. Но Билл-то знал, что Принцу известно о ее любви, и подозревал, что молодой человек пытается заглушить растущее ответное чувство.

Репортер проводил долгие часы на мостике с капитаном Брандом, напряженно всматриваясь в вечную космическую ночь, сверкающую мириадами звезд. Земля быстро уменьшалась в размерах и наконец превратилась в крошечный зеленый шарик, рядом с которым виднелось почти незаметное белое пятнышко Луны. С каждым днем Марс становился все больше. Оранжевая точка превратилась в небольшой алый шарик.

Билл часто рассматривал вращающийся красный шар в телескоп. Он различал белые полярные шапки, темные экваториальные области, черные линии каналов. Через несколько дней он смог разглядеть маленький голубой кружок, который уже видел в гигантский телескоп в Башне Трейнора.

— Это должно быть нечто огромное, раз его так хорошо видно, — предположил он, показав круг капитану Бранду.

— Согласен с вами. Даже сейчас мы можем различить лишь объекты диаметром больше мили.

Прошло несколько часов; Билл стоял, глядя сквозь витролитовые панели на величественный солнечный диск, обрамленный языками багрового пламени; внезапно корабль содрогнулся от серии страшных толчков. Пол под ними зачкался и задрожал; Билл услышал, как по кораблю прокатилось эхо удара и раздалось шипение выходящего воздуха.

— Метеорит! — крикнул Бранд.

Он в ужасе указал вверх, на витролитовый купол. Толстое стекло треснуло в трех местах, в нем появилась небольшая дыра, от которой во все стороны расходились трещины. На прочных металлических стенках в двух местах образовались вмятины. Воздух с шипением выходил через отверстия. Он образовал снаружи белое облачко, и на прозрачных панелях быстро выросли ледяные узоры.

Билл почувствовал себя так, словно из легких его внезапно выкачали весь воздух. Задыхаясь, он открыл рот. На мостику вдруг стало невыносимо холодно. Вокруг заплясали снежинки.

— Воздух выходит! — прохрипел Бранд. — Мы задохнемся!

Он повернул рычаг, и тяжелый люк закрыл шахту с лестницей, ведущей в остальные помещения; образовалась воздухонепроницаемая перегородка, и кабина, таким образом, была изолирована.

— Правильно, — хотел было сказать Билл. — Надо дать остальным... шанс.

Но голос изменил ему. В ушах загудело. Биллу показалось, будто его душит какой-то злой великан. Все завертелось перед глазами. Он покачнулся и словно ослеп. Внезапно тело его сковал холода — страшный холод космоса. Из носа хлынула кровь, замерзая у него на лице. Он услышал,

как Бранд шевелится, затем пошатнулся и потерял сознание.

Когда журналист пришел в себя и огляделся, то почувствовал, как тепло снова возвращается к нему. Люк по-прежнему был закрыт, но через клапан в помещение поступал воздух. Капитан Бранд неподвижно лежал, рядом на полу. Билл посмотрел вверх, на купол, и увидел, что отверстия заполнены небольшими кусочками резины; давление воздуха прочно удерживало «пробки» на месте. Капитан, прежде чем потерять сознание, спас корабль.

Открылась дверь, и вбежали доктор Трейнор, за ним Принц и остальные. Они подхватили бесчувственного Бранда и быстро отнесли его в лазарет. Еще немного — и отважный капитан погиб бы, но чистый кислород вернул его к жизни. На следующий день он снова занял свое место на мостике.

Прошло восемнадцать дней с тех пор, как «Ред Ровер» покинул Космический Город. Потеря воздуха в результате столкновения с метеоритами доставила им некоторые неудобства, но они двигались с хорошей скоростью, и до Марса оставалось всего два дня пути. На несколько часов были включены передние моторы, чтобы замедлить движение корабля.

— Прямо по курсу объект! — крикнул дежурный, смотревший в телескоп. — Небольшой голубой шар, направляется прямо к нам, — добавил он через некоторое время.

— Еще один вражеский корабль, летящий на Землю, — пробормотал Бранд. — Того и гляди, он нам все испортит!

Через несколько минут из лаборатории прибежали Принц и доктор Трейнор. Голубой шар стремительно приближался;

«Ред Ровер» несся вперед на скорости много тысяч миль в час.

— Мы не можем избежать встречи с врагом, — сказал Бранд. — До него еще пятьдесят тысяч миль, но мы

движемся слишком быстро и не успеем остановиться. Мы пройдем мимо него примерно через пять минут.

— Если нельзя остановиться, будем двигаться вперед, — сказал Принц, мрачно улыбаясь.

— Можно попробовать сбить их торпедой, — предложил доктор Трейнор. Он установил на мостике орудие для стрельбы ракетными торпедами. — Она полетит со скоростью, которую обеспечивает ее собственная лучевая трубка, плюс скорость корабля, плюс относительная скорость шара. Таким образом, она быстро достигнет цели.

Принц кивком выразил свое согласие.

Трейнор зарядил орудие узкой блестящей ракетой, навел его на цель, повернул рычаг, приводящий снаряд в движение, и выстрелил. Крошечный белый огонек луча мелькнул перед ними и исчез. Трейнор быстро выстрелил снова, затем еще раз.

— Выключите лучевые трубы и погасите все огни, — приказал Принц. — Двигаясь относительно шара со скоростью десять тысяч миль в минуту, мы можем миновать их незамеченными — если они уже не засекли нас.

Несколько томительно долгих секунд они летели вперед в напряженном молчании. Билл сидел у телескопа. Небольшой голубой диск марсианского корабля, выделяющийся на черном фоне звездного неба, быстро увеличивался в размерах.

Внезапно из голубого шара возникла маленькая пурпурная искра, она росла, приближалась.

— Атомная бомба! — вскричал он. — Они нас заметили. Мы пропали!

Билл напрягся, ожидая приближения алого огонька, означавшего их гибель. Но не успел он выговорить эти слова, как увидел далеко впереди фиолетовую вспышку. Она возникла внезапно и тут же погасла. Голубой диск корабля по-прежнему висел перед ними, но пурпурный огонек бомбы исчез. Мгновение Билл был озадачен. Затем он все понял.

— Атомная бомба попала в торпеду! — вскричал он. — Она взорвалась. И если они думают, что сбили нас...

— Возможно, они нас не видят, ведь огни у нас погашены, — предположил Бранд.

— Не думаю, — возразил Трейнор, — что бомба действительно попала в одну из наших торпед. Скорее, она детонировала, оказавшись в пределах гравитационного поля какого-то пролетавшего мимо объекта.

Билл, не сводивший взгляда с лазоревого шара, внезапно увидел на его фоне огненную вспышку. Полыхнуло желтое пламя. Голубой шар съежился. Затем огонь погас, и вместе с ним исчезла голубая завеса. Остались лишь искореженные куски белого металла.

— Вторая торпеда попала в марсианина! — сообщил Билл.

— И, как вы заметили, голубой цвет исчез, — добавил доктор Трейнор. — Должно быть, это был просто вибрационный экран.

«Ред Ровер» продолжал свой путь через пустоту к алой планете, которая с каждым часом и с каждой минутой становилась все больше. Голубой диск стал явственно виден на красном фоне. Это оказался огромный шар, походивший на встреченные ими корабли, но диаметром по меньшей мере в милю. Он лежал прямо посреди пустыни, неподалеку от крупного пересечения «каналов».

— Какой-то огромный механизм, скрытый голубым защитным экраном, — предположил доктор Трейнор.

Последние два дня Принц, доктор и их усердная помощница провели за работой в лаборатории, не прерываясь даже для отдыха. Билл присутствовал, когда Принц отбросил карандаш и объявил результаты своих последних расчетов.

— Задача решена, — сказал он. — И ответ означает одновременно наш успех и неудачу. Мы постигли секрет жизни. Мы разгадали загадку, над которой веками билось человечество! В нашем распоряжении чудовищная сила — достаточная для того, чтобы смести человечество с лица Земли, опустошить нашу планету! Но сила эта бесполезна — у нас

нет аппарата, необходимого для того, чтобы воспользоваться ею.

— У нас есть лаборатория... — начал доктор Трейнор.

— Но нам не хватает самого главного. Нам необходимо небольшое количество церия, редкоземельного металла.

Вы знаете, он нужен для электрода, находящегося внутри виталиевой энергетической установки в нашей новой вакуумной трубке. А у нас нет ни грамма церия.

— Мы можем вернуться на Землю, — предложил Трейнор.

— А это значит потерять сорок дней, даже больше, ведь нам придется остановиться в Космическом Городе для заправки. И снова подвергнуться опасности столкновения с метеоритами. Я уверен, что меньше, чем через сорок дней марсиане приведут в действие свою ужасную машину, заключенную в этом гигантском шаре.

— Тогда мы должны сесть на Марсе и найти там этот металл! — вмешался капитан Бранд, который слушал разговор, стоя в дверях.

— Именно, — подтвердил Принц. — Вы выберете достаточно пустынное место, подальше от голубого шара. Где-нибудь в горах, как можно дальше от каналов. Приземлимся там после полуночи. К утру мы подготовим оборудование для разведки и горных работ. Почти любая порода содержит необходимое нам небольшое количество церия.

— Отлично, сэр, — ответил Бранд.

Несколько часов спустя «Ред Ровер» уже летел вокруг Марса, описывая широкую кривую на высоте многих тысяч миль над алой планетой.

— Мы выберем место для посадки, когда взойдет солнце, — объяснил Биллу капитан Бранд. — Затем мы будем лететь над планетой до тех пор, пока она не скроется в тени, и приземлимся сразу после полуночи.

— А есть опасность, что нас заметят?

— Разумеется. Мы можем только уменьшить ее, днем держась на высоте нескольких миль над поверхностью, и приземлившись ночью в пустынной местности.

Когда они подлетели ближе, поверхность враждебной планеты стала видна в телескоп более четко. Билл сосредоточенно смотрел в окуляр, ища на красной планете следы пребывания ее зловещих обитателей.

— Каналы, как мне кажется, — это полосы зеленоватой растительности, орошаемые с помощью какой-то ирригационной системы, которая доставляет воду с тающих полярных шапок, — сказал он.

— Лоуэлл,² древний американский астроном, понял это уже двести лет назад, — заметил капитан Бранд, — хотя некоторые из его современников заявляли, что не видят на Марсе никаких каналов.

— Я могу различить низкорослые зеленые деревья и металлические конструкции. По-моему, там есть длинные трубки, которые наряду с открытыми каналами помогают распределять воду. Еще я вижу огромный купол из белого металла — должно быть, футов пятьсот в диаметре... Видно несколько таких куполов, большая часть их расположена около пересечения каналов.

— Может быть, это огромные поселения, города, — предположил Бранд. — Ведь на поверхности планеты часто бушуют пыльные бури, и марсианам нужно как-то защитить свои дома.

— А сейчас я вижу какое-то движение. Вроде бы голубая точка. Возможно, небольшой летательный аппарат, похожий на те, что мы видели; но всего несколько футов в диаметре. Кажется, он перелетает от одного белого купола к другому.

Бранд подошел ко второму телескопу.

— Да, я их вижу. Две штуки. Летят параллельно, высоко над поверхностью, с большой скоростью. А неподалеку, справа, их целая цепочка, летят один за другим. Пересекают участок красной пустыни.

² Персиваль Лоуэлл (1855–1916) — американский астроном, выдвинувший гипотезу о существовании на Марсе каналов.

— Что это? — в некотором возбуждении воскликнул Билл.
— Похоже на каких-то животных в загоне. Хотя они больше похожи на людей.

— Что! Дайте мне взглянуть!

Бранд оставил свой телескоп, и Билл уступил ему место.

— Смотрите. Прямо над центром поля. Как раз на краю этой засаженной зеленью полосы, у большой алюминиевой трубы.

— Да. Да, я что-то вижу. Высокая ограда. А внутри нее — какие-то существа. Но не думаю, что это люди. У них серая волосатая шкура. Но они, по-видимому, передвигаются на двух ногах.

— Возможно, что-то вроде обезьян.

— Понял! — воскликнул Бранд. — Это домашние животные! Их хозяева, марсиане, — паразиты. Им нужен кто-то, чтобы пить кровь. Они живут, питаясь кровью этих существ!

— Может, и так, — согласился Билл. — Как вы думаете, они будут держать людей в таких же загонах, когда захватят Землю?

— Похоже на то. — Капитан содрогнулся. — Не хочу об этом думать. Нужно выбрать место для посадки.

Он вернулся к своему телескопу.

— Нашел, — сказал Бранд через некоторое время. — Не высокая гора посреди обширного участка пустыни. При мерно шестьдесят градусов к северу от экватора. На сотню миль вокруг нет ни каналов, ни белых куполов.

Потянулись долгие часы; «Ред Ровер» висел над выбранным для посадки местом, ожидая, пока его скроет ночная тень. Билл сосредоточенно смотрел в свой телескоп, разглядывая узкие полоски растительности, протянувшиеся через голую оранжевую пустыню. Он изучал белые металлические конструкции и серую каменную кладку ирригационных сооружений; разбросанные на большом пространстве белые металлические купола, под которыми, видимо, скрывались города; голубые шары, стремительно, словно молнии, проносившиеся между ними. Два-три раза Биллу удавалось

разглядеть крошечные ползающие зеленые точки; он решил, что это и есть отвратительные кровососы-марсиане. И еще он насчитал полдюжины широких металлических загонов, или пастбищ, в которых были собраны волосатые серые двуногие.

По зеленым полоскам плодородной почвы двигались сверкающие машины — очевидно, они возделывали «поля».

Принц, доктор Трейнор и Паула спали в своих каютах. Билл ненадолго ушел отдохнуть, а когда вернулся, увидел, что планета внизу погружена во тьму. «Ред Ровер» стремительно снижался, капитан Бранд по-прежнему дежурил на мостице.

Звезды быстро исчезали, и диск планеты увеличивался. Фобос и Деймос, спутники Марса, плывущие по небу с разными скоростями, отбрасывали скучный свет на бесплодную пустыню. Капитан Бранд снизил скорость, стараясь как можно меньше задействовать лучи, чтобы не быть замеченным.

«Ред Ровер» бесшумно опустился посередине невысокого, окруженного утесами плато, поднимавшегося над красной равниной. В слабом свете звезд и двух лун раскинулись плоские красноватые пространства, покрытые песком, — на Марсе нет гор. Воздух был чистым и таким прозрачным, что звезды сияли необыкновенно ярко — почти так же, подумал Билл, как если бы корабль находился в открытом космосе.

В тишине они принялись ждать рассвета; потянулись бесконечные часы. Хрупкий белый диск ближайшей из двух лун скользнул за черный восточный горизонт, затем поднялся снова, чтобы продолжить свой полет по небу.

Незадолго до рассвета появился Принц; на его энергичном худом лице сияла радостная улыбка — очевидно, он хорошо отдохнул после долгого изнурительного труда в лаборатории.

— Я подготовил все необходимое снаряжение для горных работ, — сказал ему капитан Бранд. — Мы можем выходить,

как только воздух достаточно прогреется, — сейчас снаружи около ста пятидесяти градусов ниже нуля.

— Сразу после восхода солнца должно потеплеть, хотя воздух здесь очень разреженный. Отлично, вы, мне кажется, выбрали чуть ли не самый уединенный уголок на всей планете. Но существует большая опасность, что нас обнаружат, прежде чем мы добудем церий.

— Необычно чувствовать себя первым человеком,ступающим на новую планету, — заметил Билл.

— Но мы не первые, — возразил Принц. — Я уверен, что Энверс сел на Марсе. Думаю, марсианские летательные аппараты построены по тому же принципу, что и его корабль.

— Может быть, и Энверс ждал здесь, в пустыне, пока взойдет солнце, так же, как и мы, — пробормотал Бранд. — Действительно, если он хотел незаметно осмотреть Марс, то должен был приземлиться где-то здесь. Возможно, это лучшее место на всей планете, где можно незаметно сесть.

Глава 7 РУДНИК НА МАРСЕ

Взошло солнце — маленькое, белое и горячее; с черного неба оно светило на бесконечную, ровную оранжевую равнину, покрытую камнями и песком, однообразие которой нарушалось лишь темным углублением далеко на севере. Даже с высоты источенного временем плато прямой горизонт казался намного ближе, чем на Земле, из-за большей кривизны поверхности планеты.

Члены экипажа собирались около шлюза, подготавливая горное оборудование под руководством Принца.

— Разве мы сможем выйти наружу без скафандров? — спросил Билл у капитана Бранда.

— Думаю, что да, когда станет достаточно тепло. Воздух здесь беден кислородом — количество этого газа у поверхности примерно такое же, как на Земле на высоте девяти миль

над уровнем моря. Но сила тяжести здесь составляет примерно одну треть земной, так что во время движения кислорода потребляется меньше. Думаю, нам этого хватит, если мы не будем слишком сильно напрягаться.

Лучи непривычно маленького солнца яростно жгли разреженный воздух. Вскоре Принц вошел в шлюзовую камеру, закрыл внутреннюю дверь и включил насосы. Когда приборы показали, что давление уравновешено, он открыл внешнюю дверь и шагнул наружу, на красные камни.

Все напряженно наблюдали за ним сквозь витролитовые панели. Паула нервно стиснула руки. Билл увидел, что Принц уверенно вышел наружу, втянул в себя воздух, словно пробуя его, и несколько раз глубоко вдохнул. Затем он присел и сделал поразительно высокий прыжок, подпрыгнув на двадцать футов. Он описал широкую дугу и упал на бок на груду сыпучего красного песка. Затем поднялся, хватая ртом воздух, словно это усилие утомило его, и, шатаясь, направился обратно к кораблю. Он быстро закрыл внешнюю дверь, открыл клапан и поднял давление в камере.

— Забавное чувство, — сказал Принц, открыв внутреннюю дверь. — Как будто находишься на вершине горы — только еще труднее дышать. Прыгать здорово, только очень утомительно. Думаю, что для тех, у кого слабое сердце, это опасно. Сейчас уже можно выходить. Воздух по-прежнему прохладный, но камни нагрелись на солнце.

Он открыл дверь.

— Первыми пусть идут часовые.

Шестеро из тридцати с лишним членов экипажа были назначены часовыми — Принц стремился избежать неожиданностей. Каждый был вооружен двумя ракетными торпедами — на планете с низкой гравитацией нести их было не слишком тяжело. Задачей часовых было наблюдать за местностью с обрывов на краю маленького плато, на котором приземлился корабль.

Билл и четверо астронавтов вошли в шлюз. Дверь за ними закрылась, воздух выкачивали, пока Билл не начал

задыхаться и не почувствовал, как жужжит в ушах. Затем открылась внешняя дверь, и перед ними показался Марс. Двигаться было легко, но малейшее усилие изматывало. Билл обнаружил, что задыхается, всего лишь взвалив на плечи две тяжелые торпеды. Воздух был холодным и разреженным. Сыпучий красный песок подавался под ногами.

У дверей часовые разделились; Билл отправился к южному концу плато, Паула — к северному, остальные заняли позиции вдоль длинных сторон.

— Просто лежите на вершине обрыва и наблюдайте, — приказал им Принц. — Если заметите что-нибудь подозрительное, подайте кодовый сигнал с помощью лучевого пистолета. В любом случае давайте о себе знать каждые тридцать минут. Мы оставим на мостице наблюдателя. Сообщайте ему о появлении движущихся объектов. Когда настанет время возвращаться, мы просигналим вам красной ракетой.

Принц пытался удержать Паулу от выхода на поверхность, но девушка настаивала на своем. В конце концов он согласился.

— Для тебя лучше нести вахту, чем орудовать киркой и лопатой или таскать тачки, — сказал он. — Но мне не нравится то, что тебе придется уйти так далеко. Может случиться все, что угодно. Если они нас обнаружат, то прикончат всех. Береги себя.

Когда они входили в шлюзовую камеру, Билл заметил, что Принц озабоченно взглянул на стройную кареглазую девушку. Он увидел, что Принц сделал шаг вперед, словно желая удержать ее, затем отвернулся, и на щеках его вспыхнул румянец, сменившийся горькой, циничной улыбкой.

Шагая по голому красному плато, Билл оглянулся на девушку, которая медленно шла в противоположную сторону. Покидая корабль, он на мгновение встретился с ней взглядом. В ее глазах, полускрытых под припухшими веками, мелькнули отчаяние и трагическая решимость. Билл, глядя на Паулу, подумал, что жизненная энергия почти покинула

ее. Она была похожа на бессловесный автомат, движимый лишь остатками воли. Казалось, она лишилась надежды, энергии, жизнерадостности. И все же она шла с таким видом, будто перед ней стояла некая трудная задача.

— Что бы это могло значить, — пробормотал Билл. — Неужели она собирается... покончить с собой?

Он неуверенно повернулся, хотел было пойти следом за ней. Затем, подумав, что это просто его фантазия, он бегом отправился через красное плато на свой пост.

Билл увидел, что из шлюза выходят остальные. Принц и доктор Трейнор устанавливали какой-то аппарат — журналист подумал, что это оборудование для магнитных и метеорологических измерений. Люди с молотками для разведки грунта рассеялись по плато.

— Почти любая железосодержащая порода наверняка содержит необходимое нам количество церия, — сказал доктор Трейнор.

Билл добрался до края плато. Источенный ветрами утес, сложенный из красного гранита и застывшей лавы, отвесно опускался на сотню футов, затем переходил в длинную осыпь. За этим скатом, покрытым песком и булыжниками, тянулась плоская пустыня; она скрывалась за обманчиво недалеким алым горизонтом.

Пейзаж опаленной солнцем планеты представлял собой удручающую картину. Не было видно следов каких-либо живых существ, никакого движения, никакой зелени — каналы, окруженные растительностью, находились где-то за горизонтом.

— Трудно представить себе, что там, далеко, в огромных металлических куполах, обитает раса вампиров, — бормотал Билл, растянувшись на камнях на краю обрыва и устанавливая перед собой одну из торпед. — Однако нельзя винить их за то, что они отправились на поиски более жизнерадостной на вид планеты.

Оглянувшись, он заметил, что команда корабля с помощью электрических буров сверлит грунт в ста ярдах от стройного серебристого цилиндра «Ред Ровера». Заложенный заряд подорвали, и почва под Биллом содрогнулась, в воздух поднялся гигантский фонтан каменных обломков.

Через час люди с тележками уже тащили куски породы к сверкающему электрическому измельчителю, который доктор Трейнор и Принц установили рядом с кораблем. Очевидно, они без труда обнаружили руду, содержащую достаточное количество церия.

Билл продолжал осматривать оранжево-красную пустыню в мощный телескоп, встроенный в ракетную трубку. Он не сводил взгляда с пустыни и каждые полчаса посыпал три коротких сигнала с помощью лучевого пистолета, что означало: «Все в порядке».

Должно быть, прошло два часа, когда он заметил голубой шар. Летательный аппарат показался над красной линией горизонта и приближался, летя какими-то рывками.

«Вижу марсианский корабль, — просигналил Билл. — Голубой шар, примерно десять футов в диаметре. Следует необычным зигзагообразным курсом, словно преследует кого-то».

«Держите его на прицеле, — последовал осторожный ответ. — Стреляйте, если он заметит нас».

«Шар преследует животных, — ответил Билл. — Два се-рых двуногих прыгают перед ним. Бегут с удивительным проворством».

Он взглянул в телескопический прицел своего орудия, поймал в перекрестье маленький синий летательный аппарат. Существа, бежавшие от марсиан, походили на людей — или прямоходящих обезьян, покрытых серой шерстью. Они передвигались на двух ногах, руки их напоминали человеческие, они держали голову прямо. Шкуру их покрывала короткая серая шерсть или волосы, и они не были вооружены никакими орудиями.

Животные спасались от врагов, передвигаясь не то бегом, не то большими прыжками, и это позволяло им развивать значительную скорость на плоской красной поверхности. Они подбежали прямо к подножию холма, с которого наблюдал за ними Билл; голубой шар не отставал от них. Когда одна из «обезьян» споткнулась об обломок застывшей лавы и растянулась во весь рост на песке, вторая остановилась помочь ей. Голубой шар тоже приостановился, завис на высоте двадцати футов над красным песком, ожидая, пока жертвы не поднимутся и не продолжат свое отчаянное бегство.

Билл почувствовал прилив сострадания к серым животным. Одно из них остановилось, чтобы помочь другому. Значит, они способны испытывать привязанность. А марсиане ждали, пока жертвы снова побегут. Очевидно, травить их было для монстров отвратительным развлечением. Билл чуть было не выстрелил. Но он получил приказ: стрелять лишь в том случае, если «Ред Ровер» будет обнаружен.

Теперь беглецы находились уже в миле от Билла. Внезапно он заметил крошечный светло-серый предмет, который крепко прижимало к груди одно из двуногих. По-видимому, это был детеныш в руках матери. Другое животное, следовательно, было самцом. Это мать споткнулась о камень.

Они приблизились к обрыву.

Билл ясно видел их; до них было не более пятисот ярдов, когда мать снова упала. Самец остановился помочь ей, шар завис над ними, ожидая продолжения погони. Самка, видимо, не в состоянии была встать. Второе существо подняло ее, но она безвольно рухнула обратно на камни.

Серый самец, словно в ярости, припал к земле и прыгнул к голубому шару.

Корабль выпустил маленькую красную искорку. Животное охватило фиолетовое пламя, его отбросило назад; оно извивалось и корчилось. Обгоревший, израненный,

истекающий кровью самец поднялся на четвереньки и пополз к голубому шару.

Внезапно сфера опустилась на землю. В боку ее открылась круглая дверь — отверстие было обращено в противоположную сторону от Билла, и он не мог видеть, что находится внутри. Наружу выползли зеленые существа. Они

были точь-в-точь такими же, как то, которое он видел в мексиканской пустыне, — пучок тонких, гибких зеленых щупалец, вооруженных присосками, хилое зеленое тело и три злобных красных глаза, сидящих на отростках длиной В фут.

Их было трое.

Ползущий по земле самец отчаянно набросился на одного из врагов. Тот обвил его своими щупальцами; присоски впились в кожу. Какое-то время «обезьяна» извивалась и дергалась, билась в агонии, пытаясь вырваться из сжимающих ее зеленых щупалец. Затем она затихла.

Одно из зеленых существ выхватило детеныша из рук матери. Она попыталась защитить его, прикрыть своим телом, но его оторвали от матери, и он исчез среди извивающихся зеленых змей.

Третий монстр бросился на мать, обвил ее похожими на змей конечностями, подтащил ее упирающееся, извивающееся в агонии тело к себе и принялся высасывать из нее кровь.

Билл молча смотрел на все это, дрожа от ужаса.

— Эти твари охотились за ними! — яростно бормотал он.

— Пример того, что может произойти на Земле, если мы их не остановим.

Через некоторое время зеленые чудовища отбросили прочь тела своих жертв, превратившиеся в сморщеные мумии, и поползли к голубому шару. Круглая дверь закрылась, и тот быстро поднялся в воздух.

Со своего наблюдательного поста на скале Билл смотрел в телескопический прицел ракеты на шар, держа его на мушке. Шар поднялся до высоты обрыва — затем еще выше. Внезапно он остановился. Билл понял, что твари, сидящие в нем, заметили «Ред Ровер».

Он, не теряя ни мгновения, нажал на маленький никелированный рычаг. В ракетной трубке послышалось негромкое жужжение. Он нажал на красную кнопку. Торпеда

вырвалась из орудия, оставляя за собой белый хвост. Пустой ствол отбросило назад.

Огромная вспышка ярко-оранжевого пламени окутала синий шар, и он рассыпался на тысячи белых металлических обломков.

— Получите, проклятые твари! — с яростным удовлетворением проговорил Билл.

«Шар успешно уничтожен, — просигналил он. — Очевидно, нас заметили. Зеленые марсиане, летевшие на нем, убили серых двуногих. Могу я исследовать останки?»

«Разрешаю, — ответил Принц. — Но возвращайтесь через полчаса».

Мгновение спустя Билл получил второе сообщение: «Всем часовым удвоить внимание. Шар могут искать. Добыча руды идет успешно. Мы сможем вылететь на закате. Держитесь! Принц».

Пристегнув за спину оставшуюся торпеду и засунув готовый к бою лучевой пистолет за пояс, Билл зашагал вдоль края обрыва, пока не нашел относительно легкий спуск на красную равнину, затем перелез через край. Ветер, точивший эти камни бесчисленное множество лет, оставил в скале трещины и неровности. В слабой гравитации Марса Биллу было нетрудно держаться за камни. Через пять минут он дополз до осьпи, затем торопливо принялся перебираться через огромные валуны, задыхаясь и хватая ртом бедный кислородом воздух.

Билл добрался до красной песчаной равнины — песок за тысячелетия истерся, превратившись в мягкую алую пыль, которая поднималась вокруг него тонким грязноватым облачком и оседала в виде кроваво-красных пятен на взмокшем от пота теле. Сухая пыль проседала у него под ногами, затрудняя передвижение, когда он шел к неподвижным серым телам.

Почти лишившись сил, Билл добрался до серых животных и осмотрел их. Они мало напоминали людей, несмотря на кажущееся сходство. На каждой из «рук» имелось лишь

по три пальца, заканчивавшихся когтями; странный круглый вырост служил вместо носа. Скелет их тоже сильно отличался от скелета *homo sapiens*.

Билл устало потащился к возвышавшемуся впереди альому утесу, поднимая облака пыли. Его сильно утомила эта вылазка, какой бы пустячной она ни казалась. Бурая пыль, которую он невольно вдыхал, раздражала ноздри; он задыхался и чихал. Пот струился по его телу грязными красными струйками, и внезапно Билл ощутил сильную жажду.

Вершина гранитного плато — вероятно, ядро какой-то древней горы — была скрыта от него. Он не видел ни «Ред Ровера», ни его экипажа. Он не видел ни одного живого существа.

Перед одиноким путником простиравлась плоская равнина, покрытая красной пылью, уходящая за недалекий искривленный горизонт. Рассыпчатая пыль липла к ногам, окутывала его удушающим шафрановым облаком. Солнце, маленький багровый шар, ослепительно сияло на черно-сinem небе. Небо было угрюмым, холодным и враждебным. Билла охватила тревога, и он поспешил к возвышавшемуся вдали обрыву.

И тут он увидел на красном песке какой-то белый предмет.

Остановившись, чтобы перевести дыхание и вытереть с лица пот и грязь, журналист с любопытством поддал предмет ногой. Из пыли выкатился выбеленный солнцем человеческий череп. Билл сразу понял, что череп принадлежал человеку, а не одному из серых существ, лежавших там, на песке.

С неприятным чувством, что он открывает забытые страницы какой-то давней трагедии, журналист опустился на колени и пошарил в пыли вокруг черепа. Правая рука его нашупала человеческую бедренную кость, левой он наткнулся на полусгнивший кожаный пояс, за ним из пыли возник человеческий позвоночник.

К поясу была прикреплена потускневшая серебряная пряжка, и он, взглянув на нее, задохнулся от изумления.

На пряжке была выгравирована изящная буква «Э».

— «Э»! — пробормотал Билл. — Энверс! Он попал на Марс. И умер здесь. Наверное, пытался добраться до горы. Боже! Какая смерть! В полном одиночестве, в пыли, под палящим солнцем. На чужой планете. Среди жутких монстров.

Одиночество, царившее в красной пустыне, загадочная атмосфера чужой планеты окутали его, словно покрывало страха. Он, шатаясь, поднялся на ноги и неверным шагом направился через пески к своему обрыву. Но минуту спустя остановился.

— Он должен был что-то оставить! — сказал Билл про себя.

Он развернулся и потащился обратно, туда, где лежали череп и скнивший пояс, и снова принял раскапывать песок вокруг. Он нашел остальные части скелета, даже остатки волос, одежды и человеческой кожи, сохранившейся в сухом песке. Он обнаружил пустую флягу, ржавый перочинный нож, пуговицы, монеты и вышедший из строя лучевой пистолет.

Затем пальцы его нашупали в пыли маленькую черную книжку.

Это был дневник Энверса.

Большую часть записей еще можно было прочесть. Сейчас этот дневник напечатан, из него можно почертнуть полный отчет о трагическом путешествии Энверса. Отправление с Земли, полное надежд. Опасности и разочарования пути. Мятеж; половина экипажа погибла. Волнующая посадка на другую планету. Нападение голубых шаров. Они захватили корабль, отвезли пленников в загоны и пытались использовать их для выведения новой породы домашних животных. Побег Энверса, отчаянная попытка добраться до корабля, оставленного в пустыне.

Тогда Билл не стал читать всего. У него было время прощать лишь последнюю трагическую запись.

«Воды больше нет. Теперь я понимаю, что мне никогда не добраться до горы, где мы сели. Хотя, возможно, они куда-нибудь перевезли корабль. Наверное, лучше бы мне было остаться в загоне. Там есть еда и вода... Но как мог Господь сотворить подобные существа? Такие омерзительные, такие злобные! Молюсь, чтобы они не воспользовались моим кораблем, чтобы попасть на Землю. Я надеялся найти и уничтожить его. Но уже слишком поздно».

Плотный смерч красной пыли ударил в лицо Биллу. Он попытался сделать вдох, но поперхнулся, чихнул и чуть не задохнулся. Подняв глаза от пожелтевших страниц книги погибшего исследователя, он увидел, что темно-синее небо на востоке скрыли густые тучи красной пыли. Казалось, что к нему стремительно движется гигантский красновато-желтый цилиндр.

Надвигалась пыльная буря! Одна из ужасных пыльных бурь Марса, таких яростных, что их видят астрономы с расстояния сорок миллионов миль.

Схватив выцветший дневник, Билл снова побежал по песку к красным утесам. Позади него завывал ветер, догонаял его и свистел в ушах. Удушающая рыжая пыль вилась у лица. Линия утесов впереди исчезла за плотной красной пеленой. Ветер яростно свистел, но он был слабым и не мог сбить с ног. Насыщенный пылью воздух словно превратился в едкую жидкость, удушающую, забивающую нос и рот.

Билл вслепую, спотыкаясь, полз вперед, к скалам. Он добрался до них, вскарабкался по осыпи, перебрался через гигантские куски лавы. Перед ним открылось основание утеса, массивная отвесная стена; вершина ее была скрыта алой пеленой. Он пошел вдоль подножия, нашел подходящий подъем и вскарабкался вверх.

Наконец, задыхаясь, он дотащился до вершины и упал навзничь. Вокруг него плясали пыльные облака; он не видел ничего на расстоянии двадцати ярдов. Он не пытался даже

отыскать «Ред Ровер»; он знал, что не сможет увидеть его в пыли.

Прошли часы, а он все лежал, ослепнув, задыхаясь в горячей, разъедающей пыли; пот засох на коже, превратившись в отвратительную корку. Слабый ветер завывал в скалах, раскаленный, как воздух, идущий из печи. Билл установил перед собой торпеду, попытался оглядеться по сторонам. Но он видел лишь плотную красную стену, и сквозь нее просвечивало солнце, словно крошечный круглый кроваво-красный рубин.

Алое светило миновало зенит и медленно ползло вниз, к невидимому горизонту. Лишь по солнцу можно было кое-как определить направление и судить о времени. Вскоре оно тоже исчезло в пыли.

Внезапно ветер стих. Пыль медленно осела. Через полчаса снова показалось красное солнце, висящее низко над багровым восточным горизонтом. Объекты, расположенные на плато, вновь обрели форму. «Ред Ровер» находился на прежнем месте, посередине. Люди по-прежнему трудились у оборудования — они не прекращали работу даже в бурю.

«Все часовые, доложите обстановку», — просигналил Принц с корабля.

«Я обнаружил тело Энверса и забрал его дневник», — сообщил Билл, когда пришла его очередь.

«Сейчас мы готовимся к отлету, — ответил Принц. — Поднимаем на борт аппарат. Необходимое количество церия добыто. Вскоре подадим сигнал к возвращению».

Билл всматривался в пыльное небо — прежде темно-синее, теперь оно было скрыто желтоватой завесой. Через несколько минут он заметил голубой шар. Затем еще один, и еще. Они были далеко на юго-востоке, быстро неслись высоко над шафрановой пеленой. Казалось, они следуют по маршруту, по которому летел сбитый Биллом корабль.

«Вижу три корабля-шара, — просигналил он. — Приближаются к нам».

Остальные часовые, очевидно, тоже заметили врага — Билл увидел на другой стороне плато мигание лучевых пистолетов.

Без предупреждения выстрелила красная сигнальная ракета. Билл услышал звук выстрела — резкий и слабый в разреженной атмосфере. Вспыхнуло багрово-красное пламя.

Билл вскочил на ноги, взвалил на плечо тяжелое орудие с торпедой и, спотыкаясь, побежал к «Ред Роверу». Он увидел других бегущих людей, увидел, как остальные, напрягая все силы, втащивают на борт горное оборудование.

Оглянувшись, Билл заметил, что три голубых шара стремительно приближаются. Затем он заметил остальные — целую дюжину. Эти были еще далеко — синие точки на желтом небе. Враги на полной скорости летели по направлению к «Ред Роверу».

Билл с тревогой посмотрел на север, куда ушла Паула. Но ее не было видно. Она не вернулась после сигнала ракеты.

Добравшись до корабля, он полностью лишился сил, задыхался, хватал разреженный воздух. Остальные чувствовали себя не лучше; все были покрыты засохшей красной пылью, астматически хрипели, задыхаясь от напряжения и возбуждения. Люди пытались втащить на борт корабля тяжелые части механизмов — виталиевые генераторы, которые использовались для нагрева руды, моторные лучевые трубки, снятые с корабля, чтобы соорудить импровизированную плавильную печь.

Принц и доктор Трейнор яростно трудились над странным аппаратом. На красном песке рядом с серебристым корпусом корабля они установили треногу, на которую водрузили любопытное блестящее устройство, состоявшее из линз, призм, конденсаторов и зеркал. Ядром его, по-видимому, являлась странная вакуумная трубка — цериевый электрод, окруженный необычной решеткой из виталия. Внутри нее тлела тонкая нить; индукционная катушка, подключенная к виталиевым батареям, которая питала устройство, непрерывно жужжала.

— Лучше всем нам быстрее оказаться на борту и улететь отсюда! — крикнул Билл. — Нет смысла рисковать своими жизнями, возможностью спасти мир — и все из-за каких-то машин.

Принц на мгновение поднял взгляд к небу, оставив странное устройство доктору Трейнору.

— Посмотрите на марсианские корабли! — воскликнул он, взмахнув рукой. — Их не меньше тридцати, словно рой мух. Нам не скрыться. И против их пурпурных атомных бомб у торпед нет ни малейшего шанса. А кроме того, мы еще не погрузили кое-какое оборудование с корабля. Несколько генераторов и лучевую трубку.

Билл оглянулся, посмотрел на стаю голубых шаров, кружащихся над ними в желтом небе, некоторые из них — на высоте ниже мили. Он безнадежно пожал плечами, затем снова озабоченно взглянул на юг, пристально осмотрел красное плато.

— Паула! «Куда она делась?» — спросил он.

— Паула? Она пропала? — Принц резко обернулся, оглядел плато. — Паула! Что могло с ней случиться?

— У нее разбито сердце, — сказал ему Билл.

— Вы думаете... думаете... — запнулся Принц.

В его темных глазах мелькнули внезапная тревога, нежность и тоска. Горькая циничная усмешка куда-то исчезла.

— Не могла же она погибнуть! — вскричал он с мукой в голосе.

— Вы знаете, что она находилась на посту на северном краю плато. Она не вернулась.

— Я должен найти ее!

— Зачем вам это? Мне казалось, вам нет дела до нее, — сурово проговорил Билл.

— Я тоже так думал, думал, она мне только друг. Но я ошибался. Если она погибнет, Билл, это убьет меня!

Принц решительно развернулся.

— Всем подняться на борт, подготовить корабль к отлету как можно скорее, — приказал он. — Доктор Трейнор остается за главного. Помогайте ему во всем. Бранд, проверьте все приборы, когда трубы вернут на место; пусть корабль будет готов к взлету. — Он быстро обернулся к Трейнору, который по-прежнему колдовал над блестящей машиной на треноге. — Док, вы сами можете справиться с этим, как если бы я был с вами. Постарайтесь изо всех сил — ради человечества! Я отправляюсь на поиски вашей дочери.

Трейнор молча кивнул, не отрываясь от работы.

Принц, засовывая за пояс лучевой пистолет, бегом направился к северному краю плато. Помедлив мгновение, Билл, пошатываясь, побежал за ним, не сняв ракетной торпеды, пристегнутой за спиной.

До края обрыва было меньше полумили. Через несколько минут Принц был уже там. Билл догнал его как раз в тот момент, когда он читал строчки, нацарапанные на листке бумаги, который он нашел на камне, на посту Паулы.

«Принцу Космоса, — говорилось в ней. — Я не могу так больше жить. Вы должны знать, что я люблю вас — люблю безнадежно. Ваше присутствие сводит меня с ума, ведь я знаю, что я вам безразлична. Я знаю историю вашей жизни, знаю, что вы никогда не сможете испытывать ко мне какие-либо чувства. Поднялась песчаная буря, и я спускаюсь вниз, в пустыню, чтобы умереть там. Пожалуйста, не ищите меня, это не поможет. Простите меня за это письмо, но я хотела, чтобы вы знали, почему я ушла. Потому что я люблю вас. Паула».

Глава 8 ВИТОМАТ

— Я люблю Паулу! — воскликнул Принц. — Я понял это, когда вы сказали, что она пропала. Словно свет вспыхнул в моем мозгу. Должно быть, это зрело неделями. Дошло до

того, что я не мог работать в лаборатории, если ее там не было. Боже! Как ей, наверное, было тяжело. Я боролся с этим чувство, я пытался скрыть его, пытался обращаться с ней, как с мужчиной. А теперь она умерла!

Билл оглянулся на «Ред Ровер», оставшийся в полукилометре позади них. Он лежал неподвижно — отполированный серебристый цилиндр на фоне красного песка. Он видел рядом с кораблем Трейнора, который все еще работал над странным маленьkim устройством на треноге. Остальные поднялись на борт. И дюжина голубых кораблей-шаров, словно маленькие сапфировые луны, кружилась в нескольких тысячах футов над ним — постепенно снижаясь, медленно, плавно, подобно грифам, парящим над падалью.

Принц спрятал лицо в ладонях, поза его говорила о полном упадке сил.

Билл обернулся, окинул взглядом красное пространство марсианской пустыни. Далеко внизу он заметил извиающуюся линию следов, уводящую к горизонту, наполовину стертую недавней бурей. Они исчезали вдали, сливаясь с сине-черным небом.

— Ее следы, — указал он вниз.

— Следы! — Принц поднял взгляд, в его темных глазах мелькнули надежда и решимость. — Значит, мы можем найти ее! Может быть, еще не поздно!

Он побежал к краю обрыва. Билл схватил его за рукав.

— Подождите! Подумайте, что вы делаете, друг! Мы пытаемся спасти мир. Вы не можете вот так просто взять и убежать. В любом случае солнце уже низко. Становится холодно. Через две минуты после того, как сядет солнце, здесь наступит дьявольский мороз! Вы погибнете в пустыне!

Принц вырвался.

— К черту мир! Если бы вы знали, как мне дорога Паула! Боже, каким я был глупцом! Довести ее до этого!

На его смуглом лице отразилась мука; он прикусил тонкую губу, и струйка крови смешалась с красной коркой грязи, покрывавшей его лицо.

— Во всяком случае, витомат закончен. Трейнор сможет управляться с ним не хуже меня. Я должен найти Паулу — или умереть, разыскивая ее.

Он снова направился к краю обрыва. Помедлив мгновение, Билл пошел за ним. Принц резко обернулся:

— Какого черта вы здесь делаете?

— Ну, — начал Билл, — «Ред Ровер» в качестве укрытия не очень привлекательное место, со всеми этими марсианскими кораблями. И мне небезразлична судьба мисс Паулы. Я хочу помочь вам искать ее.

— Не ходите за мной, — сказал Принц. — Возможно, меня ждет смерть...

— Я не младенец. Мне приходилось бывать во всяких переделках. А сейчас я представляю, каково это — умирать ножью в пустыне. Сегодня я нашел в песке человеческие кости. Но я хочу идти.

Принц сжал руку Билла. На мгновение теплая, дружеская улыбка появилась на его худом лице, выражавшем одновременно отчаяние и решимость.

Вскоре они нашли на красном гранитном обрыве довольно пологий склон и спустились вниз, на плоскую равнину, покрытую ядовитой красной пылью. В отчаянной спешке они ползли, задыхаясь, вперед, по слабым следам Паулы, оставшимся после бури. Вокруг них клубилась завеса алой пыли, жгла ноздри. Они задыхались, отчаянно хватали ртом разреженный пыльный воздух. Пыль, смешанная с потом, покрыла их грязной красной коркой.

Они шли по следам примерно милю. Затем Паула перешла на голый склон, сложенный из источенной временем вулканической породы. Ветер уничтожил ее следы, если они там и были. Путники обогнули каменную площадку, но в песке не было никаких отпечатков. Маленький красный глаз солнца висел над оранжевым западным горизонтом. Покрытые потом, Принц и журналист дрожали — начиналась ледяная марсианская ночь.

— Бесполезно, — пробормотал Билл, садясь на гранитный валун и вытирая с лица красную грязь. — Наверное, ее уже много часов нет в живых. Никаких шансов.

— Я должен ее найти! — воскликнул Принц. На его худом лице, покрытом красными пятнами, застыло решительное выражение. — Я немного похожу вокруг, посмотрю, нет ли каких-нибудь следов.

Билл остался сидеть на камне. Он оглянулся на низкую темную линию утесов, оставшуюся в миле позади них, зловеще выделявшуюся на фоне мрачного темно-синего неба. На западе угасал багровый марсианский закат.

Серебристого корабля не было видно за обрывом. Но Билл видел маленькие голубые шары, похожие на сапфировые звездочки, которые в ожидании чего-то кружили в небе. Теперь они снизились, некоторые летали всего в тысяче футов над невидимым снизу кораблем.

Внезапно один из них охватило ярко-оранжевое пламя. Голубое свечение исчезло, и корабль превратился в куски искореженного белого металла. Билл понял, что по кораблю выстрелили ракетной торпедой.

Ответ был быстрым и ужасным. Тонкие, слепящие белые лучи протянулись вниз, к кораблю, и на конце каждого из них сверкала и переливалась крошечная ярко-красная искорка.

Билл знал, что это атомные бомбы. Должно быть, марсиане выпустили целую дюжину, по одной с каждого корабля. Через несколько секунд до него донесся звук взрыва — в разреженном неподвижном воздухе это был лишь резкий треск, словно выстрел из пистолета. Билл не мог видеть со своего места взрывов бомб. Больше с невидимого корабля не стреляли торпедами. Билл ничего не видел, но он был уверен, что корабль уничтожен.

Он услышал крик Принца — тот находился в сотне метров от Билла.

— Я нашел след.

Билл вскочил, потащился следом. Принц нетерпеливо ждал, с трудом переводя дыхание. В темно-синем небе была видна лишь половина красного солнечного диска — вторая половина уже скрылась за горизонтом, и путников обдувал ледяной ветер.

— Думаю, это конец, у мира больше нет шансов! — задыхаясь, произнес Билл.

— Наверно, вы правы. Должно быть, какой-то глупец запустил в них торпеду, несмотря на приказ. Витомат мог нас спасти, если бы у Трейнора была возможность им воспользоваться.

Они с трудом пробирались по песку, напрягая зрение, чтобы различить в угасающем свете полуустертыые следы. Быстро холодало — ведь у Марса, в отличие от Земли, нет плотной атмосферы, удерживающей накопленное за день тепло.

Сумерки быстро сменились ночью. На мгновение на западе сверкнули языки темно-багрового пламени, затем засияли золотые лучи. Потом небо потемнело, на нем заглядывались миллионы холодных, прекрасных звезд — сверкающих бесстрастных свидетелей драмы, разыгрывающейся среди пустыни.

Билл почувствовал леденящий холод. Казалось, пот и грязь, покрывающие его тело, замерзли. На одежде и даже на красной пыли появились блестящие белые кристаллики изморози. Биллу казалось, что воздух, которым он дышит, замораживает его легкие. Он дрожал. Кожа болела, превратившись в жесткую, онемевшую оболочку, мешающую двигаться. Принц, спотыкаясь, ковылял впереди, превратившись в смутную черную тень, и время от времени окликнул Паулу странным, напряженным голосом.

Билл остановился и оглянулся, дрожащий и несчастный.

— Нет смысла идти дальше, — выговорил он. — Нет смысла. — Он стоял, хлопая себя по телу онемевшими руками.

Перед ним предстала отчетливая картина — голый, побелевший на солнце череп с пустыми глазницами, лежащий среди красного песка. — Кости в песке, — бормотал он. — Кости в песке. Кости Энверса. И Паулы. Кости Принца. Мои.

И тут он увидел нечто такое, что заставило его застыть на месте, несмотря на холод.

Красный утес превратился в низкую темную линию, выделявшуюся на фоне усыпанного звездами неба. Дюжина маленьких синих шариков по-прежнему парила над ним, описывая бесконечные круги, наблюдая, выжиная. Они ярко светились среди звезд.

Над темным обрывом возникло маленькое облачко зеленого пара, похожее на крошечную светящуюся сферу. Оно вращалось и сияло ясным, сверкающим зеленым светом; это был цвет весны, цвет самой жизни.

Облако с удивительной скоростью рванулось вверх и столкнулось с одним из кораблей. Искрящаяся завеса танцующих изумрудных частичек окутала лазурную сферу и растворила ее.

Билл протер глаза. Там, где только что находился голубой корабль, осталась лишь кружящаяся масса зеленого тумана, облако переливающихся зеленых частичек, сияющих прекрасным изумрудным светом, который, казалось, принадлежит самой жизни.

Внезапно вращающееся облако взорвалось и распалось на десятки крошечных округлых скоплений ярко светящихся атомов. Зеленое облако «ело» и росло. А теперь оно воспроизвело себе подобных, как живое существо, которое питается, растет и выбрасывает споры.

И каждый из маленьких изумрудных шариков полетел к голубой сфере. Биллу показалось, что голубые корабли притягивают их, словно вращающиеся комочки зеленого тумана были живыми и искали себе пищу.

Мгновение спустя изумрудные облачка врезались каждый в свой шар. Вражеские корабли окутала мерцающая

зеленая завеса. И сферы начали таять, бледнеть и исчезли в живом ярко-зеленом тумане.

Все это заняло несколько мгновений. Не прошло и секунды, подумал Билл, после того как появился первый врачающийся зеленый шарик и был проглочен первый марсианский корабль. Затем так же внезапно, как и появились, зеленые облака исчезли. Их просто не стало.

Над темными утесами висели холодные, переливающиеся разноцветными огнями звезды. Марсианские корабли исчезли.

— Витомат! — пробормотал Билл. — Принц говорил о каком-то витомате. Новое оружие, использующее энергию жизни. И эта зеленая штука была похожа на живое существо, пожирающее сферы!

Внезапно он снова ощутил леденящий холод. Билл пошелевился и почувствовал, что одежда затвердела на морозе. Холод сковал тело — теперь у него почти ничего не болело. Билл чувствовал странную легкость, свободу — и встревожившее его желание уснуть. Но свинцовая боль, вызванная холодом, по-прежнему пряталась где-то внутри, глухая, пульсирующая.

— Шевелись! Шевелись! — бормотал он онемевшими от холода губами. — Двигайся, не то замерзнешь!

Он, спотыкаясь, направился по песку в направлении, в котором скрылся Принц. Холод не давал ему идти. Выдыхаемый воздух превращался в ледяные облачка. Изо всех сил Билл боролся со смертоносным желанием лечь и уснуть.

Он прошел немного, когда наткнулся на смутную фигуру, едва различимую в ночи. Это был Принц, он нес на руках Паулу.

— Я нашел ее на песке, — прошептал он, обращаясь к Биллу. — Она была в сознании. Она обрадовалась... простила меня... теперь она счастлива.

Принц с трудом пробирался по песку, сгибаясь под тяжестью тела девушки.

— А зачем нам идти? — едва выговорил Билл заледеневшими губами. — Нам никогда не добраться туда. Они стреляли в «Ред Ровер» атомными бомбами. А затем с ними что-то случилось. Зеленый свет.

— Витомат! — воскликнул Принц. Чувствовалось, что ему трудно говорить. — Воронка преобразованных атомов. Контролируемая на расстоянии. Живая. Поглощает любое вещество. Разлагает его на атомы, превращает в ничто!

Он заковылял к темной линии холмов, прижимая к себе неподвижное тело девушки.

— Но Паула! Я люблю ее. Я должен отнести ее на корабль. Это моя вина. Мы должны добраться до корабля.

Билл тащился следом за ним.

— Слишком далеко! — бормотал он. — Несколько миль. В холоде. Нам никогда...

Он остановился, издав тонкий, хриплый крик.

Впереди, над узкой черной полосой плато, возник стройный сверкающий серебристый цилиндр. Это был тонкий остроконечный корпус «Ред Ровера»; двенадцать задних моторных трубок выстрелили ослепительным белым светом. Корабль, целый и невредимый, покидал планету!

— Боже мой! — вскричал Билл. — Они бросают нас!

Он рванулся вперед — жалкая, дрожащая фигурка, закованная в жесткую, обледенелую одежду. Он размахивал руками, кричал. Это выглядело нелепо, смехотворно.

Принц остановился, не выпуская из рук Паулу.

— Они думают, что марсиане прикончили нас! — крикнул он дрожащим голосом. — Остановите их! Стреляйте торпедой по камню. Они увидят!

Билл услышал его слабый крик. Он отстегнул тяжелую трубку, все еще висевшую у него за плечами, и выставил перед собой. Онемевшими, непослушными пальцами он попытался повернуть рычаг. Пальцы его, казалось, заледенели — они отказывались шевелиться. Из глаз у него брызнули слезы, замерзая на щеках. Он стоял, сжимая в руках тяжелое орудие, и всхлипывал, как ребенок.

Узкий белый цилиндр «Ред Ровера» устремлялся вверх, в усыпанное звездами небо, ослепительные опаловые лучи били в темные скалы, оставшиеся внизу.

— Они уходят, — пролепетал Билл. — Они думают, что мы погибли. У них нет времени ждать. Они летят спасать мир.

Дрожа, он рухнул на сыпучий холодный песок. Неожиданно Принц опустил Паулу на землю и подошел к Биллу.

— Поднимите ракету, — с трудом выговорил он. — При цельтесь. Я выстрелю.

Билл механически поднял трубку, взглянул в телескопический прицел. Его так сильно трясло, что он едва мог удер живать орудие на камне. Принц попытался сдвинуть рычаг, но тщетно. Тогда он нагнулся, прижал его подбородком. Рычаг скользнул, оставив на коже алую царапину. Он попытался еще раз, и наконец послышалось урчание мотора. Он приложил подбородок к маленькой красной кнопке, нажал на нее. Пустую оболочку отбросило назад, она вывалилась из онемевших рук Билла и покатилась по песку.

Торпеда вылетела, оставив за собой огненный хвост.

Принц снова подхватил Паулу на руки, прижал к себе ее холодное тело. Билл смотрел на «Ред Ровер». Внезапно у него вырвался невнятный радостный крик. Двигатели, поднимавшие корабль вверх, отключились. Тонкий серебристый цилиндр развернулся и направился вниз, описав длинную дугу.

Казалось, прошло лишь мгновение, и вот он уже пролетел над ними; луч прожектора скользил по красному песку. Вскоре они оказались в круге света. Корабль быстро опустился рядом с ними. Из шлюза выпрыгнули странные фигуры в вакуумных костюмах.

Через несколько секунд несчастные уже были на борту, в тепле, среди света. Горячий влажный воздух с шипением наполнил шлюзовую камеру, и они снова смогли свободно дышать. Шипение воздуха в клапанах было последним, что слышал Билл перед тем, как потерять сознание; очнулся он в удобной кровати, чувствуя себя согревшимся и очень

голодным. В дверях стоял капитан Бранд, разглядывая его своими голубыми глазами.

— Я просто заглянул навестить вас по дороге на пост, Билл, — сказал он. — Доктор Трейнор говорит, что теперь вы вне опасности. Принц и Паула тоже. Вы довольно сильно перехладились, но никто не получил серьезного обморожения. Как удачно получилось, что вы выстрелили. Мы уже потеряли всякую надежду.

С Принцем произошла странная перемена. Он давно уже пришел в себя и сидит у кровати Паулы. Необычно для же-ноненавистника и космического отшельника, а? Ну что ж, приходите на мостик, когда перекусите. Битва с марсианами, похоже, состоится в ближайшие несколько часов. Думаю, там будет на что посмотреть.

Выложив всю эту информацию так быстро, что сонный Билл едва успел воспринять ее, отважный космолетчик исчез за дверью.

Час спустя Билл появился на мостице.

Сквозь витролитовые панели он смотрел на знакомую картину межзвездного пространства — ясные, сверкающие разноцветные точки, мерцающие на фоне затянутого серебристой пылью черного неба. Пылающее солнце, окруженное багровыми языками пламени, казалось далеким и маленьким. Земля представляла в виде зеленой звезды, сияющей неописуемо прекрасным изумрудным блеском; рядом с ней сверкала серебристая точка Луны.

Мрачный алый диск Марса заслонял значительную часть неба. Билл поискал крошечную голубую точку, которая так долго виднелась на фоне красной планеты, — лазурный кружок, который он впервые увидел в телескоп в Башне Трейнора. Билл нашел то место, где должна была располагаться точка, в верхнем полушарии планеты, но странный объект исчез.

— Эта штука покинула Марс, — сообщил журналисту капитан Бранд. — Она отправилась в свою смертоносную миссию к Земле!

— Что же это было?

— Она защищена голубым колебательным экраном, как и все остальные. Никто не знает, какое дьявольское оружие находится у нее на борту и сколько там миллионов этих демонов-марсиан. Она огромна — больше мили в диаметре.

— Мы можем что-нибудь предпринять?

— Я не вижу, что можно здесь сделать. Но мы можем попытаться. Трейнор и Принц собираются применить свой витомат.

— Скажите, а разве прошлой ночью марсиане не стреляли по кораблю атомными бомбами? — спросил Билл. — Его не было видно, но я решил, что они уничтожили вас.

— Часовой, возвращавшийся последним, сбил ракетой один из шаров. Они выпустили множество пурпурных бомб, чтобы напугать нас. Но мне кажется, они хотели взять нас живыми. И доктор Трейнор привел в действие витомат, прежде чем они смогли что-либо сделать.

Билл взглядался в космическую ночь. Капитан Бранд указал ему на небольшой голубой шарик, двигавшийся на фоне звезд.

— Вот эта дьявольская штука! Она несет смерть на нашу Землю!

Через несколько минут доктор Трейнор, Принц и Паула один за другим взобрались по лестнице на мостик. Трейнор нес треногу; в руках у Принца был небольшой черный ящик, в котором находилась странная вакуумная трубка с цириевым электродом и какие-то принадлежности; Паула привнесла небольшой калькулятор и сборник математических таблиц.

Трейнор и Принц установили треногу и поместили на ней маленький черный ящик. Аппарат походил на небольшую кинокамеру. Паула точными, хладнокровными движениями начала работать с калькулятором, занося в него цифры из книги и называя результаты вычислений Принцу, который устанавливал значения на многочисленных табло в черном ящике.

Доктор Трейнор смотрел в компактный телескоп, который, очевидно, являлся частью странного аппарата, направив его на крошечный голубой диск, несущий Земле смерть. Время от времени он называл какие-то числа, которые, видимо, входили в расчеты Паулы.

Билл, с любопытством разглядывавший Паулу и Принца, не замечал никаких признаков взаимного влечения. Оба казались поглощенными работой. Словно их личные чувства исчезли, и они стали лишь учеными.

Наконец доктор Трейнор поднял глаза от маленького телескопа, и Принц замер, держа пальцы на каком-то рычажке. Индукционная катушка, часть мощного виталиевого генератора, монотонно жужжала, между ее клеммами прискакивали пурпурные искры. Паула по-прежнему была занята своим калькулятором, пальцы ее бегали по кнопкам, негромко гудел механизм.

— Все готово, — объявил Трейнор, — осталось лишь Пауле закончить интегрирование. — Он обернулся к Биллу и капитану Бранду, которые с напряженным интересом рассматривали аппарат. — Если вы заглянете внутрь этой электронной трубы в тот момент, когда Принц повернет рычаг, то увидите маленькую зеленую искру. Прямо в фокусе лучей, исходящих от цериевого электрода, внутри виталиевой спирали.

— Так эта зеленая искорка — живое существо!

— В ней содержится то, что составляет основу всего живого. Она может поглощать материю — питаться. Может расти. Она может делиться, воспроизводить себя. Она реагирует на внешние раздражители — подчиняется приказам, которые мы сообщаем ей с помощью этого направленного лучевого передатчика. — Он постучал по неприметному маленькому цилиндру. — И она исчезает, когда мы выключаем ток. Это живое существо, которому требуется пища. И оно расщепляет пищу более эффективно, чем остальные живые существа, — оно разрушает поглощаемые атомы. Оно

преобразует их в чистую колебательную энергию, в свободные протоны и электроны.

Паула мягким, немного хриплым голосом назвала очередную цифру. Принц быстро ввел в аппарат последнее значение, нажал маленький рычаг. Билл, взглянув сквозь тонкие стенки небольшой электронной трубы, увидел раскаленную нить, увидел, как цериевый диск раскалился добела — вероятно, под воздействием катодной бомбардировки. Затем он заметил, что в аппарате возникла крошечная зеленая искра — в центре спирали из тонкой виталиевой проволоки. Некоторое время она висела там, раскачиваясь из стороны в сторону и медленно увеличиваясь в размере.

Принц неторопливо, одну за другой нажал несколько клавиш на черной панели, находившейся за трубкой. Зеленая искорка задрожала. Внезапно она вылетела вперед, проникнув сквозь стенку трубы. Она неуверенно проплыла по мостику, разрастаясь, пока не достигла размеров шарика для детской игры. Принц нажал очередную клавишу, и искра рванулась сквозь витролитовую панель и устремилась к голубому кораблю с Марса.

Искра проделала в прозрачной панели небольшую круглую дыру диаметром в палец. Материал, с которым она со-прикоснулась, полностью исчез. А небольшое зеленоватое облачко, повисшее снаружи, снова выросло. Оно было теперь размером с мужской кулак — маленький кружящийся вихрь дрожащих изумрудных частичек.

Воздух с шипением выходил через крошечное отверстие, образуя снаружи ледяное облачко. Капитан Бранд быстро достал небольшой диск из мягкой резины и прижал его к дыре. Давление воздуха крепко прижало пробку, запечатав отверстие.

Принц нажал очередную клавишу, и вращающаяся зеленая сфера исчезла. Принц стоял, готовый снова нажать на кнопки, внимательно глядя на бешено вращавшиеся красные стрелки приборов. Внезапно щелкнула еще одна

клавиша. Он отодвинул прибор и взглянул наружу сквозь витролитовую панель.

Билл увидел, как зеленая завеса неожиданно окутала голубой шарик, плывущий среди звезд. Лазоревая сфера, казалось, растаяла, растворилась, превратившись в искристый, сияющий зеленый густок. В одно мгновение на месте огромного голубого корабля остался лишь вращающийся сверкающий изумрудный вихрь.

— Взгляните на Марс! — воскликнул Принц. — Это был наш вызов. Если они хотят мира, они его получат. Но если они предпочтут войну, они испытают на себе мощь витомата!

Билл, едва понимая, что происходит, обернулся и посмотрел на огромный диск алой планеты. Он видел сверкающее белое пятно северной полярной шапки, бескрайние оранжевые пустыни, темные полосы у экватора, зеленые линии каналов. Несмотря на свой тусклый багровый цвет, планета ярким пятном выделялась на фоне усыпанной блестками пустоты.

В следующую секунду Марс удивительным образом изменился.

Над оранжево-красными пустынями возникла голубоватая пелена. Казалось, внезапно в атмосфере планеты появился полупрозрачный голубой туман. Он темнел и внезапно стал как будто твердым. Синяя стена скрыла красную планету. Марс превратился в колоссальный шар. Поверхность его была сверкающей и безупречной, как у только что уничтоженного корабля.

Марс превратился в сферу из гладкого сапфира.

— Колебательная завеса, как мне кажется, — сказал Принц. — Какое научное достижение мы вынуждены уничтожить!

Огромные шары багрового огня — пурпурные сферы размером с космический корабль, — летящие на мощных лучах, вырвались из двадцати мест на поверхности лазоревой

брони, скрывавшей планету. С невероятной скоростью они устремились к «Ред Роверу».

— Атомные бомбы, оружие возмездия! — воскликнул Принц. — Одна такая бомба способна изменить орбиту

Земли, швырнуть ее прямо на Солнце. — Он резко обернулся к Пауле. — Быстрее! Расчеты для планеты!

Она схватила калькулятор; тонкие пальцы забегали по клавишам. Трейнор развернул свой аппарат к гладкому голубому шару, в который превратился Марс, взглянул в прицел и назвал Пауле несколько цифр. Она быстро закончила расчеты и сообщила результаты Принцу.

Он снова склонился над клавиатурой.

Билл с любопытством, смешанным с ужасом, рассматривал голубой шар Марса и гигантские светящиеся красновато-пурпурные атомные бомбы, которые неслись к ним на мощных белых лучах.

— В этих атомных бомбах заключено поразительное количество энергии, — заметил доктор Трейнор, и в его кротких глазах сверкнул энтузиазм. — Думаю, что даже сам вакуум не выдержит их взрыва. Если они попадут в нас, то, скорее всего, они разрушат пространственно-временной континуум и вышвырнут нас из Вселенной, из пространства и времени!

Билл наблюдал за бешеным зеленым вихрем, кружящимся там, где недавно находился марсианский корабль. Он увидел, что смерч внезапно сдвинул с места, рванулся через освещенное звездами космическое пространство прямо к Марсу и врезался в него. По гигантскому лазоревому шару быстро расползся изумрудный туман.

Марс начал таять.

Планета растворилась, превратилась в огромное, бешено вращающееся облако сверкающего зеленого тумана, который испускал странный свет — свет жизни! Планета превратилась в зеленую полупрозрачную сферу, в вихрь малахитовой пыли.

Принц щелкнул небольшим рычагом, и зеленый свет погас.

Там, где только что находился Марс, зияла пустота! Лишь ослепительно светили звезды. Аппарат размером с кинокамеру уничтожил планету. Билл был потрясен, ошеломлен.

Торжественно, почти печально Принц провел по лбу смуглой рукой.

— Это ужасно, — медленно произнес он. — Ужасно вот так уничтожить целый мир. Мир, который создавался миллионы лет и который мог изменить историю космоса... Но они выбрали войну. У нас не было иного выхода. Внезапно он покачал головой и улыбнулся:

— Все кончено. Великая задача моей жизни выполнена. Доктор, прошу вас, упакуйте витомат как можно тщательнее, заприте его в нашем лучшем сейфе и постараитесь забыть шифр. Это великое изобретение. Но я надеюсь, у нас никогда не возникнет необходимости использовать его еще раз.

А затем Принц Космоса сделал вещь, поразившую его соратников не меньше, чем гибель Марса. Он быстрыми шагами подошел к Пауле Трейнор, обнял ее, медленно приподнял ее узкое лицо, на котором светились золотистые глаза, теперь излучающие радость. Он наклонился и почти с мальчишеской жадностью поцеловал ее горячие алые губы.

Когда он обернулся к пораженному капитану Бранду и остальным, в глазах его плясали веселые огоньки.

— Позвольте мне, — сказал он, — представить вам Принцессу Космоса!

Через несколько месяцев, когда Билл приземлился на Башне Трейнора, прибыв с визитом из своего нового дома в Космическом Городе, он обнаружил, что уничтожение Марса вызвало невероятную шумиху. Астрономы выдвигали смелые гипотезы, объясняющие, почему алая планета сначала стала голубой, затем зеленой и наконец полностью исчезла. Корабли Лунного патруля по-прежнему энергично

охотились за Принцем Космоса. После захвата сокровища «Тритона» награда за его поимку возросла до двадцати пяти миллионов долларов.

ЛУННАЯ ЭРА

ГЛАВА 1 НАЧАЛО

Мы ужинали в роскошной столовой особняка на острове Лонг. Я чувствовал себя здесь очень неуютно. Меня смущали и сверкающие золотом приборы, и до мелочей продуманная сервировка. И хотя за столом сидели только мы с дядей, я боялся показать свою неловкость перед прислугой. Поэтому полностью сосредоточился на том, чтобы не допустить никаких промахов.

Это была моя первая встреча с дядей Энфилдом Конвеем. Высокий, подтянутый, всегда одетый только в черное, он выглядел гораздо моложе своих семидесяти. Худощавое лицо не казалось таким изможденным как у большинства людей в этом возрасте. А почти полностью поседевшие волосы оставались еще достаточно густыми. Ясные голубые глаза видели также хорошо, как в молодости, поэтому очки он не носил.

Все в доме дяди имело отпечаток роскоши и аристократической чопорности. Я почувствовал это еще на станции, где меня встретил шофер в строгой униформе.

Мне отвели просторную, великолепно обставленную комнату и прислали абсолютно ненужного слугу.

Дядю я увидел только за ужином.

— Полагаю, Стефан, ты хотел бы знать, зачем я вызвал тебя сюда, — торжественно произнес старик, когда слуги унесли последнее блюдо, а на столе остались только сигары и минеральная вода.

Я кивнул. Телеграмму с просьбой немедленно прибыть на остров я получил в Техасе, где некоторое время преподавал историю. В ней не было никаких объяснений.

— Ты, вероятно, осведомлен, что некоторые из моих изобретений принесли немалую прибыль, — продолжал он.

— Да, — снова согласился я, — доказательства окружают меня здесь повсюду.

— Мое состояние насчитывает более 3, 5 млн. Как ты отнесешься к тому, чтобы стать моим наследником, Стефан?

— Сэр?!

— Ты, если захочешь, сможешь заслужить это право. Кроме того, пока я жив, тебе будет выплачиваться по 15 тыс. ежегодно.

Я вскочил, в волнении опрокинув стул. Такое богатство поражало воображение.

— Сделаю все, что скажете, — запинаясь пробормотал я.

— Погоди, — перебил старик, — не спеши, пока не узнаешь, что потребуется.

— И что же?

— Стефан, я 11 лет проработал над одним проектом и в результате сконструировал «машину». В ней воплотились мои лучшие идеи, сотни тысяч долларов и усилия способных инженеров и умелых механиков.

Сейчас она готова, но еще не опробована. Все, кто работал вместе со мной над ее созданием, отказываются от испытания. Они считают это очень опасным.

Сам же я стар для такого путешествия. Здесь требуется молодой, выносливый и смелый человек.

Ты достаточно энергичен, Стефан, и я полагаю, обладаешь крепким здоровьем. В данном случае это просто необходимо. Как у тебя с сердцем?

— Думаю, отлично, — заверил я. — Долгое время состоял в футбольной команде колледжа.

— И у тебя нет вредных привычек?

— Никаких. Но что это за «машина»?

— Пойдем, я тебе покажу.

Он поднялся с неожиданным для семидесятилетнего старика проворством и повел меня через длинную анфиладу комнат. Я шел за ним в полном смятении. Беспорядочный

вихрь мыслей мешал сосредоточиться. Все это богатство может стать моим! Нет, не подумайте, что мне нужна была роскошь ради нее самой. Но состояние означало свободу и возможность не заниматься неблагодарным учительским трудом. Книги. Путешествия. Собственные научные исследования. Я смогу побывать в самых интересных исторических местах.

Неожиданно мы вышли в чудесный парк, благородная красота и спокойствие которого казались неземными в мягким лунном свете.

Пройдя немнога, мы оказались около строения, имеющего некоторое сходство с ангаром для самолетов.

Не проронив ни слова, дядя Энфилд снял с двери тяжелый навесной замок и, войдя внутрь, включил свет.

— Иди сюда, — позвал он, — Вот «машина». Я постараюсь как можно подробнее рассказать о ней.

Я с трудом протиснулся в узкий дверной проем и остался от изумления. На голом бетонном полу стояло странное сооружение. Два огромных медных диска диаметром 20 футов с блестящим хромированным цилиндром посредине. Форма машины напоминала обыкновенную катушку, поставленную вертикально. Диаметр цилиндра составлял 16, а высота 9 футов. По кругу располагались небольшие иллюминаторы.

Дядя обошел аппарат с другой стороны и нажал на рычаг, выступающий на его гладкой поверхности. С легким жужжанием медленно открылся люк. Я осмотрел толщину стен. Четыре дюйма брони!

Старик зашел внутрь машины. Я последовал за ним с растущим волнением. Двигаться приходилось на ощупь в кромешной тьме. Раздался щелчок и яркий электрический свет ударили в глаза.

Я с изумлением огляделся.

Небольшое круглое помещение, где мы оказались, было заставлено современной аппаратурой. Стены, пол и потолок покрыты белым мягким войлоком. Огромное количество

известных и неизвестных мне инструментов. Назначение высоких баллонов, прикрепленных к стене, я прекрасно знал. В таких обычно хранят сжатый кислород. Тут же стояло несколько аккумуляторных батарей. Оружие. Астрономические приборы. Карты. В центре — пульт управления. Его многочисленные кнопки, рычаги и огоньки были для меня настоящей «китайской грамотой»

— Абсолютно ничего не понимаю во всем этом, — в замешательстве начал я.

— Вполне естественно, — не дал договорить дядя, — к тому же изобретение необычное. Даже инженеры, работавшие над его созданием, так и не поняли принцип действия механизма. Я тоже недалеко продвинулся.

Дело в том, Стефан, что одиннадцать лет назад я открыл необычный феномен. В результате многочисленных опытов, обнаружилось, что заряд двух медных пластин, находящихся на определенном расстоянии параллельно друг другу, зависит от соотношения их общей массы с напряженностью электрического поля и частотой.

Не берусь сказать, как это происходит, но на пластины перестает действовать гравитационное поле Земли. Они полностью освобождаются от силы тяжести. Это необычное действие простирается также на любой объект, расположенный между ними. С помощью небольших изменений силы электрического тока можно достичь комбинаций, при которой пластины двигаются вперед с силой равной их тяжести.

Я так и не смог объяснить это явление, которое назвал «Феноменом Конвея». Но построил эту машину, чтобы найти ему практическое применение. Теперь работа полностью завершена. Однако передо мной возникло непредвиденное препятствие. Четыре инженера, которые конструировали аппарат, отказались помогать в любом испытании.

— Почему? — удивился я.

— Мюллер, инженер, возглавлявший работы, пришел к заключению, что отсутствие гравитации обусловлено движением в четвертое измерение. Он заявил, что

экспериментально доказал свою теорию, создав небольшую модель. Когда механизм привели в действие, она просто исчезла. Другие, кажется, поверили ему. Во всяком случае, они отказались принять участие в эксперименте. Боятся исчезнуть, как предсказал Мюллер, и не вернуться обратно.

— Аппарат поднимается над землей? — уточнил я.

— Да, — улыбнулся дядя. — Когда гравитация перестает действовать, он может летать по касательной к Земле. Его первоначальная скорость меньше одной тысячи миль в час, но может быть увеличена со временем и за счет силы отталкивания покидает Землю.

— Покидает Землю? — усомнился я. — А где же она опускается?

— Машина создана для путешествия на Луну. Как я уже говорил, она будет двигаться по касательной и в конце концов достигнет точки пересечения с Лунной орбитой. За пределами атмосферы, обратная гравитация может быть использована для ускорения движения. В дальнейшем же набор скорости следует производить за счет лунной гравитации. Обратная гравитация Луны замедлит скорость и даст возможность мягко приземлиться. Возвратиться можно таким же образом.

Я с нескрываемым недоверием смотрел на старика. Путешествие на Луну казалось безумной авантюрой, за пределами возможного. Я ведь был обычным преподавателем истории. К тому же, это, должно быть, опасно, раз эти инженеры... Но три миллиона!!! Такие деньги стоят любого риска.

— Сделано все необходимое, — продолжал дядя, — чтобы обеспечить комфорт и безопасность пассажиру. Стены обработаны специальным составом для защиты от космического холода и прямого радиоактивного излучения Солнца. Стальная арматура прочная настолько, что способна выдержать неизбежное давление и остановить метеоритный дождь.

Ты заметил кислородные баллоны? Здесь есть автоматическая система, обеспечивающая привычный состав воздуха. Аккумуляторы достаточно сильные, чтобы сохранять свет и тепло, и дать возможность приготовить пищу. Полагаю, что подробно описал машину и предстоящее путешествие. Требуется время, чтобы рассмотреть ее подробнее. Ты можешь задать мне любые вопросы.

Энфилд Конвей неторопливо сел в большое удобное кресло у приборной доски. Его спокойные голубые глаза изучающе следили за мной.

От волнения у меня слегка дрожали колени. Но, несмотря на внезапную слабость, я не сел, а продолжал шагать взад и вперед по упругому белому войлоку.

Три миллиона! Это значит так много! Книги, журналы, карты. Мне не придется больше экономить. Годы, всю жизнь, если захочу, я смогу провести за границей. Египетские пирамиды. Теория происхождения человечества из Южной Африки. Я страстно мечтал путешествовать и совершать новые открытия.

Но лететь на Луну! Это безумие, от которого отказалось уже несколько человек. Быть выброшенным с земной поверхности со скоростью, которой не достигал еще ни один человек. Столкнуться с неизвестными опасностями Космоса. Препятствиями, которые невозможно предвидеть. С метеоритами, пронзительным холодом, палящим жаром Солнца. И что мы знаем о Космосе, помимо теорий и гипотез! Я не специалист и скорее всего не сумею сориентироваться в критической ситуации.

— И сколько же времени это займет? — неожиданно спросил я.

Дядя улыбнулся.

— Счастлив, что ты воспринял это серьезно, — сказал он.

— Длительность полета будет зависеть от тебя. Приблизительно неделя туда и столько же обратно. Еще два-три дня на Луне. Необходимо сделать заметки, фотографии. Если возможно, попремещаться немного по планете. Запасов

кислорода и пищи хватит, по крайней мере, на полгода. Но я надеюсь, путешествие займет не больше двух недель. Я буду ждать тебя в эти сроки. Расчеты маршрута мы произведем вместе.

— Можно ли будет покидать корабль на Луне?

— Нет, так как там отсутствует атмосфера, очень жарко днем и холодно ночью. Конечно же, можно было придумать защитный костюм и кислородную маску. Что-то вроде водолазного. Но я не стал работать над этим. От тебя требуется только сделать несколько фотографий и описать все, что увидишь.

Я продолжал ходить по залу, останавливаясь только, чтобы лучше рассмотреть оборудование корабля. Как я буду здесь себя чувствовать в полном одиночестве? В Космосе, далеко от мира, где родился. В могильной тишине? Не сойду ли с ума?

Внезапно дядя резко поднялся с кресла.

— Поспи, Стефан, — посоветовал он. — «Утро вечера мудренее». Завтра все и решишь. Если захочешь, можешь подумать подольше.

Он выключил свет. Мы вышли на свежий воздух. Серебристый свет Луны оттенял благородную красоту просторного парка около дома, бывшего одним из призов в этой сумасшедшей авантюре. Большой светлый диск Луны затмевал манящим сиянием звезды. Меня захлестнуло непреодолимое желание проникнуть в ее тайны.

Какое приключение! Быть первым человеком, ступившим на эту серебристую планету. Узнать загадки верного спутника Земли, на который человечество смотрело многие века. Что по сравнению с этим Египет, друиды, Южная Африка?

Даже если мне суждено погибнуть, рискнуть все же стоить. Многие отдали бы жизнь за подобный шанс.

Все страхи и сомнения оставили меня. Несколько минут назад я с трудом стоял на ногах. А теперь почувствовал неизвестный прилив энергии и силы. Мною овладело

необыкновенно приподнятое настроение. Я быстро повернулся к дяде.

— Давайте вернемся и вы покажете мне все, что сможете. Я лечу.

Старик молча сжал мне руку.

ГЛАВА 2 НА ЛУНУ!

Старт был назначен через две недели после моего неожиданного решения. Дядя беспокоился и уговаривал отложить испытания, чтобы лучше подготовиться. Думаю, что несмотря на свою внешнюю черствость, он искренне привязался ко мне. Видимо, старик боялся, что Мюллер окажется прав, и я не вернусь обратно.

Но я не видел причин для дальнейшего промедления. С простым управлением кораблем разобраться оказалось несложно. Дядя объяснил все достаточно подробно. Я научился регулировать подачу электрического тока от аккумуляторов к медным дискам. И с помощью реостата контролировать силу тока, чтобы изменять гравитацию от частичного уменьшения до полной отмены. Вспомогательные аппараты для поддержания нужной температуры и влажности внутри машины по большей части автоматические. И несмотря на свои ограниченные познания в механике, я был уверен, что справлюсь с управлением, а также сделаю все необходимое в случае поломки.

Теперь оставалось только с нетерпением ждать начала путешествия. С того самого момента, как я объявил о своем решении, меня больше не мучили никакие сомнения. Только безумное желание умчаться прочь с Земли. Увидеть то, что веками скрывалось от глаз человека. Достигнуть мира, который всегда символизировал недосягаемость мечты.

В день, назначенный для отлета, дядя дал мне в помощь одного инженера, тщедушного, болезненного юношу по имени Гортон. Молодой человек еще раз проинструктировал меня, а вместо напутствия сказал:

— Если ты окажешься настолько глуп, парень, чтобы войти в это «корыто» и включить его, то никогда не вернешься. Так сказал Мюллер. И он сумел доказать. Пока аккумуляторы и электрическая катушка находятся за пределами действия силы между пластинами, все как будто бы идет согласно инструкции и поднимается в воздух.

Но Мюллер сделал собственные модели. Аккумуляторы и все остальное внутри. И они не поднялись, а просто исчезли. Вот так — раз, и все, — он щелкнул пальцами, — Мюллер сказал, что модели переместились в другое измерение. А он знает, о чем говорит. Ты можешь попасть в серьезную переделку.

Я поблагодарил ГORTона, но его слова только подстегнули мое любопытство. Я рвался в неизвестное. Что, если мне суждено открыть новый мир? Возможно, он не менее интересен, чем эта бесплодная Луна.

Стать новым Колумбом — вот моя мечта.

Когда юноша ушел, я, по настоянию дяди, прилег отдохнуть на несколько часов. И к своему удивлению, моментально уснул.

На заходе солнца мы опять спустились к ангару. Дядя включил механизм, раздвигающий крышу. Последние лучи заходящего солнца оранжевыми бликами играли на металлической обшивке корабля. Произведя последнюю проверку аппаратуры, старик устроил мне опрос, внимательно выслушивая ответы и исправляя ошибки.

Старт должен был состояться около полуночи. У меня оставалось еще достаточно времени, чтобы вернуться в дом и поужинать. Я ел рассеяно, почти не замечая прислуго, которую так стеснялся раньше. Дядя вел себя необыкновенно

оживленно. Говорил о своей жизни, задавал много вопросов обо мне, отце, которого последний раз видел еще мальчишкой. Но я отвечал невпопад, так как мог думать только о предстоящем полете. Внезапно старик предложил отложить эксперимент. Меня это нисколько не удивило. Я уже давно заметил, как сильно он привязался ко мне.

Когда мы снова вышли в парк, светлый диск Луны свысока мерцал над нами. Я не мог оторвать от него взгляда. Меньше, чем через неделю я буду также смотреть оттуда на Землю. Невероятное, но самое удивительное приключение в моей жизни.

Без тени сомнений я подошел к открытому люку корабля. Дядя молча стиснул мне руку. Слезы блестели на его глазах, слегка хриплый голос дрожал.

— Возвращайся, Стефан, обязательно возвращайся.

Я вошел внутрь и огляделся. Все было в полном порядке. Взглянув на часы, я понял, что время пришло. Посмотрел в иллюминатор и ободряюще улыбнулся дяде. Махнув рукой на прощание, он покинул ангар.

Я опустился в кресло у панели управления и на мгновение задумался, держа руку на кнопке «старт». Не остались ли еще какие-нибудь дела на Земле? Готов ли я умереть, если придется?

Я нажал кнопку. Машина отозвалась глухим вибрирующим гулом. Затем поставил ручку реостата на нулевую отметку. Теперь действие гравитации должно быть полностью прекращено.

Мне показалось, будто пол внезапно провалился под ногами. Почти вылетев из кресла, я вынужден был ухватиться за подлокотники. Несколько минут меня мучило. Белые стены кружились, расходясь и сходясь в бесконечной безумной пляске. Больной, беспомощный, жалкий, я слабо цеплялся за кресло. Падаю, падаю, падаю...

И только через какое-то время я с облегчением понял, что это странное чувство было обусловлено отсутствием обычной силы тяжести. Машина работала! Последние

опасения были отброшены. Меня охватил безудержный восторг.

Я лечу! Лечу далеко от Земли!

Мысли слились с чувствами. Ужасное головокружение и тошнота дали волю опьяняющему безумию. Как никогда в жизни я ощущал себя полным сил и энергии.

Оставив кресло, я скорее подплыл, нежели подошел к одному из иллюминаторов.

Корабль поднялся уже достаточно высоко. Земля туманной равниной простиралась внизу. Огни далекого города приветствовали меня, но я уже не мог найти свет окон мансарды Энфилда Конвея.

И только тут ко мне пришло полное осознание происходящего. Аппарат вылетел сквозь открытую крышу ангара и теперь направлялся в Космос. Земля все больше напоминала неглубокую серебряную чашу. Минута проходила за минутой, и очертания менялись. Вот передо мной уже часть огромного шара, купающегося в серебристом свете Луны.

Через час, когда приборы показали, что машина уже вышла за пределы атмосферы, я увеличил мощность, передвинув ручку реостата до предела. Согласно дядиным расчетам следующие четыре часа следует лететь с таким ускорением, а затем вернуться к прежнему.

Какое-то время я был занят расчетами, а когда вернулся к иллюминатору, то остался от изумления. Земля, которую я оставил неподвижной серебристой громадой, теперь бешено вращалась в обратную сторону. Континенты мелькали подо мной, состязаясь в скорости. Азия, Северная Америка, Европа. И снова Азия, Северная Америка...

Просто невероятно! Планета совершила полный оборот за несколько минут вместо обычных двадцати четырех часов. И к тому же вращалась не в ту сторону, в которую должна. Но сомнений не было. С каждой минутой Земля двигалась все быстрее, очертания материков сливались в серую массу.

Я в замешательстве посмотрел в другую сторону. На черном небосводе сияли знакомые звезды, но они тоже меняли свое положение. Солнце проносилось по небу как сверкающий хвост кометы. Его движение также ускорялось.

Что могло означать все это? Я постарался сосредоточиться. Известно, что, когда Земля и Луна делают оборот вокруг Солнца, проходит год. Тогда годы сейчас летят также быстро как секундная стрелка на часах.

И еще одна странность. Я умел распознавать созвездия Зодиака, и знал, что Солнце на протяжении года проходит через них. Но теперь они тоже шли в обратном порядке.

В поисках Луны я прильнул к другому иллюминатору. Она двигалась гораздо быстрее Солнца, и, вероятно, скоро ее мелькание сольется в серое пятно.

Солнце все чаще проносилось мимо, пока не стало огненным поясом на странном небосводе, где звезды двигались как живые.

Это было всеобщее безумие. Небесные тела беспомощно носились в космическом штурме. Мой корабль был единственной нормальной вещью среди этого хаоса.

И тогда рассудок пришел мне на помощь.

Земля, Луна, Солнце и звезды не могли сойти с ума. Значит, проблема во мне. Изменилось мое восприятие действительности. Все дело в Машине!

Я медленно начал осознавать происходящее.

Время, настоящее время измеряется движением небесных тел. День – это период вращения Земли вокруг своей оси, год – вокруг Солнца. Эти отрезки стали такими маленькими в моем восприятии, что едва различались. Следовательно, пока я находился в Космосе, проходят бесчисленные годы.

Невероятно! Но это заключение неизбежно.

И это еще не все. Небесные тела двигались в непривычную для нас сторону. А это означало, что время повернулось вспять. И я неумолимо продвигаюсь в прошлое. От этого открытия у меня закружилась голова.

Смутно припомнил я журнальную статью о Космосе и Времени, которую прочитал совсем недавно. Предмет очаровал меня, хотя мои познания в этой области были весьма поверхностны. Автор определял Вселенную в условиях космического времени. Он утверждал, что Время — это четвертое измерение. Оно также реально, как и известные нам три и имеет с ними много общего. Существует два направления, в которые может быть совершено движение: прошлое и будущее. Наша память — это поход назад вдоль этой величины. Сны, воспоминания носим мы в своем сознании, в действительности же двигаясь в обратном направлении этого измерения. Я вспомнил также о том, что говорил дядя об отказе инженеров испытывать аппарат, а также предостережения Гортона. Мюллер предполагал, что аппарат может переместиться в другое измерение и провел опыты с моделями, убедившись в своей правоте.

Теперь я знал, что Мюллер не ошибся. Его модели исчезли, так как переместившись в прошлое, не имели дальнейшего существования в настоящем. Сейчас та же участь постигла и меня. Годы проносились так быстро, что у меня не было даже возможности их сосчитать.

Должно быть, это обратная гравитация оказала такое действие на направление вектора времени. Но я не ученый и могу объяснить «Эффект Конвея» не больше, чем дядя.

Несмотря на новые непредвиденные обстоятельства, я не был слишком напуган и продолжал наблюдать через иллюминатор все превращения небесных тел. Что же касается управления кораблем, то я продолжал строго следовать дядиным инструкциям.

Вскоре, почувствовав голод, я приготовил тосты, отрезал толстый кусок сыра, открыл банку шоколада и с удовольствием перекусил.

Когда же я снова выглянул наружу, panorama сильно изменилась. Звезды сформировались в неизвестные мне созвездия. Солнце мелькало настолько быстро, что уследить было практически невозможно. Просто живой огонь,

опоясывающий небосвод. Земля огромным голубым шаром быстро вращалась подо мной. И даже Луна медленно поворачивалась ко мне разными сторонами. Я уже достиг того момента в прошлом, когда она вращалась вокруг своей оси быстрее, чем вокруг Земли. Если уже сейчас Луна так сильно изменилась, что же будет, когда я ее достигну. Может быть в ее высоких котлованах вновь заплещет вода, а атмосфера станет более плотной. Растительность мягким ковром покроет равнины. Я стану свидетелем обновления старого мира!

Время шло. Меня стало медленно клонить ко сну. Последние два дня были очень нелегкими. Я работал днями и ночами, чтобы освоиться с управлением корабля. Да еще и опустошающее нервное напряжение последних часов подорвало силы.

Я посмотрел инструкции. Все шло правильно, моего вмешательства в работу аппарата не потребуется еще по крайней мере несколько часов. Проверив приборы, регулировавшие атмосферу внутри корабля, я убедился, что все в порядке. Кислород, влажность и температура были в норме.

Я откинул спинку кресла в полулежащее положение и, удобно устроившись в нем, проспал около четырех часов. Несколько раз мне приходилось просыпаться, чтобы проверить показатели приборов.

Больше всего на свете сейчас меня волновал вопросозвращения. Смогу ли я попасть обратно на Землю? Модели Мюллера были механическими игрушками, лишенными управления. Поэтому они и не смогли вернуться обратно. Но, может быть, я изменю полет времени, если буду четко следовать инструкции, и, преодолев века, попаду опять в свою эпоху. Но сделать это сейчас я не мог, так как не умел производить нужные расчеты самостоятельно, а дядя, составляя карты, предполагал, что старт будет с Луны. Кроме того, я не знал, как остановить полет и развернуть корабль.

И все же, несмотря на страх и сомнения, я чувствовал, что это самый интересный и захватывающий момент моей

жизни. Славное приключение. И смерть не слишком высокая плата за него.

Мой полет длился шесть дней. К концу путешествия я начал замечать, что контур Луны стал менее отчетливым. Скорее всего, это означало, что там есть атмосфера. Следуя направлению, обозначенному на картах, я оказался в ее верхних слоях. Лунная поверхность скользила подо мной. Это быстрое вращение влияло на погодные условия. Вокруг свирепствовали ветра.

Я завис в воздухе, стараясь сбалансируировать слабую гравитацию, пока порыв ветра не завертел корабль. Туманная поверхность приближалась, становясь постепенно неподвижной. Из мрака начал вырисовываться неясный контур высокой горы. Прибавив немного мощности, я направился прямо к ней. Теперь корабль парил над неровной поверхностью вершины. Я сбросил мощность и с легким толчком приземлился.

Я был на Луне! Первый человек, ступивший на иную планету. Какие приключения ожидают меня здесь?

ГЛАВА 3 КОГДА ЛУНА БЫЛА МОЛОДОЙ

Пока корабль приземлялся, я был очень занят и не имел возможности оглядеть окрестности. Поэтому сразу же после посадки опрометью бросился к иллюминатору.

Лунный ландшафт отличался от всего виденного мною ранее.

Корабль потонул в толстом слое зеленого мха, похожего на мягкий персидский ковер. Его глубина была около фута, а темно-зеленые волокна крепко переплетались. Мх полностью покрывал плато, на которое я приземлился и тянулся почти до вершины горы.

В нескольких милях отсюда на юго-западе простиралась огромная равнина. За ней поднимался темный ряд зеленых холмов с голыми вершинами. Широкая река протекала с северо-запада на юг, где, должно быть, находился океан.

Странные джунгли покрывали равнину. Массы зелени. Берега реки казались отгороженными от них стеной из желтых гигантских растений. Они были гораздо выше земных, так как слабая гравитация не мешала их росту.

Таким же необычным казалось здесь и небо. Темнее, чем на Земле, возможно, из-за менее плотной атмосферы. Глубокое, чистое, насыщенно синее. Ни единое облачко не нарушило его великолепия.

Солнце стояло на востоке, огромный шар чистого белого пламени. Оноказалось гораздо больше, чем то, к которому мы привыкли. На западе я заметил еще один белый шар во много раз, превосходящий по размеру Солнце. Только через несколько минут я сообразил, что это Земля. Планета такая же юная как Венера в мою эпоху, и также покрыта сплошными белыми облаками. Интересно, зародилась ли там жизнь или до сих пор ее поверхность состоит из расплавленных каменных пород. Суждено ли мне когда-нибудь увидеть мою родную планету? Вернется ли корабль назад в будущее, когда я соберусь обратно, или же меня забросит дальше в прошлое, в новый, еще раскаленный мир?

Я постарался выбросить эти мысли из головы. Передо мной необычный мир, планета неисследованная, а потому безумно интересная. Зачем же беспокоиться о возвращении?

Мой взгляд скользил по широкой равнине вдоль берегов реки вниз к скоплению зеленых гор. Задержался на зарослях желтых деревьев и небольшом зеленом лугу около них.

Неожиданно, я заметил движущиеся точки, маленькие, светящиеся объекты, которые то опускались, то поднимались над джунглями. Это напоминало легкое порхание птиц. Гигантские насекомые? Или какие-то неведомые существа?

Потом я увидел воздушные шары. Сначала я разглядел только два рядом, слегка покачивающиеся на ветру. Затем еще три, дюжину, два десятка... Кто же развесил их повсюду? Возможно, здесь есть разумные существа.

Вспомнив о бинокле, я торопливо снял его со стены и направил на джунгли. Это, действительно, оказались шары. Огромные, темно-красные и блестящие в солнечных лучах. Они были прикреплены длинными красными канатами. Некоторые около тридцати футов в диаметре, другие намного меньше. Никаких корзин под ними не наблюдалось, но в том месте, где шары крепились к канатам, виднелась какая-то маленькая темная масса.

Я перевел бинокль. Густое переплетение великолепных желтых растений, вооруженных длинными, похожими на штыки, шипами, создавали плотную непроницаемую стену. И среди этого золотистого леса маленький зеленый оазис. Масса мягкой, легкой листвы. Какие-то ползучие растения покрывали камни и желтый кустарник, но несливались с ним. У них были большие, бриллиантово-белые цветы в форме колокольчиков.

Какое-то летающее существо, похожее на гигантского мотыля с серебряными крыльями, пронеслось над джунглями. Провожая его взглядом, я наткнулся на небольшую группу растений с темными, гладкими, прямыми стеблями, лишенными листьев и ветвей. Самое крупное — около фута в диаметре и дюжину футов в высоту. Они завершались красным соцветием. Никаких других растений рядом с ними не было, так что около каждого образовывалось пустое пространство в форме круга. Может быть их кто-нибудь возделывал?

Я уже несколько часов наблюдал этот фантастический ландшафт, когда неожиданно вспомнил о фотографиях, которые просил меня сделать дядя. Поэтому следующие два-три часа я провозился с фотоаппаратом, а под конец снял еще и видеофильм, стараясь как можно полнее охватить всю панораму. Когда работа была завершена, солнце уже

скрылось за горизонтом. Сначала я решил, что просто не заметил, как быстро пролетело время. Но, посмотрев на часы, обнаружил, что солнце зашло слишком рано. Немногое размыслив, я решил, что период обращения здесь меньше, чем двадцать четыре часа. Позднее я узнал, что он составляет около восемнадцати часов, причем день и ночь приблизительно равны. Это обуславливается сравнительно небольшим размером и быстрым вращением Луны.

Вокруг воцарилась полнейшая тьма. Звезды сияли на чистом небосводе, образуя причудливые и неизвестные мне созвездия. Обильная роса вскоре затуманила стекло иллюминатора. Как я обнаружил позднее, облака здесь почти не образовывались, а все осадки выпадали в виде росы. Крошечные капельки вскоре слились в настоящие потоки.

Через несколько часов на Западе поднялся огромный белый шар. Земля. Удивительная по размеру и блеску. При ее серебристом сиянии все было видно также хорошо, как и днем.

Внезапно я осознал, что очень устал и хочу спать. Волнения последних часов и нервное напряжение подорвали мои силы. Я откинулся в кресле и моментально заснул, а когда проснулся, солнце стояло уже достаточно высоко. Я снова чувствовал себя бодрым, полным сил и надежд на новые приключения. Мне невыносимо было осознание того, что я как в тюрьме заперт в этом маленьком круглом помещении. Энергия переполняла меня. Я должен двигаться, вдыхать свежий воздух.

Передо мной встал очень серьезный вопрос: могу ли я выйти? Дядя говорил, что это невозможно из-за отсутствия воздуха, но его оказалось более чем достаточно. Однако, можно ли его вдыхать?

Я знал, что Луна состоит из тех же пород, что и Земля. Тогда почему бы в ее атмосфере не содержаться тем же элементам, что и на моей родной планете? Можно сначала попробовать слегка приоткрыть дверь и осторожно выглянуть.

В случае, если что-то окажется не так, нетрудно будет просто закрыть ее.

Но при первой же попытке открыть люк, я обнаружил, что его основательно заклинило. Какое-то время я тщательно пытался отыскать неполадки, пока внезапно не понял в чем дело. Давление снаружи гораздо меньше, чем внутри корабля! А так как люк открывался во внутрь, то это сдерживало его.

Я нашел клапан, регулирующий излишек кислорода в помещении и открыл его. Воздух с шипением вырвался наружу. Мне оставалось только сесть в кресло и ждать. Сначала никаких необычных симптомов не было. Но через несколько минут я почувствовал тупую ноющую боль в легких. Дышать становилось все труднее, виски пульсировали. Однако эти ощущения не встревожили меня настолько, чтобы заставить отказаться от плана. Шипящий звук начал постепенно стихать и, наконец, полностью замер.

Я поднялся и, тяжело дыша, подошел к люку. Теперь он открылся достаточно легко. Я сделал осторожный вдох. Станный, тяжелый аромат... Вероятно, из джунглей. Воздух пьяняще действовал на меня. Должно быть, он был больше насыщен кислородом, чем тот, который на корабле.

Я глубоко вздохнул полной грудью.

Сначала я собирался просто прогуляться около машины. Но теперь решил совершить экскурсию по зеленому плато на целую милю и посмотреть джунгли.

Изучив имеющееся снаряжение, я взял с собой несколько предметов. Легкую камеру, не случай, если увижу что-нибудь интересное. Бинокль. Бутыль с водой и немного пищи, чтобы не торопиться обратно. И, наконец, снял со стены колт 45 калибра. Вероятно, он был включен в снаряжение на случай аварии. Это своего рода акт милосердия со стороны дяди, легкий способ уйти из жизни, если она станет невыносимой в маленьком изолированном отсеке. Поэтому к оружию прилагалось всего 50 патронов. Я зарядил колт, а оставшиеся высыпал в карман.

Собрав все необходимые вещи, я вылез из корабля и тщательно закрыл за собой люк.

Я шел по Луне! Толстый, волокнистый ковер мха неожиданно провалился под ногами. Оступившись, я упал в мягкую зелень. И, совершенно забыв о слабой гравитации, попытался освободить ногу с такой силой, что подпрыгнул в воздух и снова упал в мох.

Через некоторое время я уже настолько овладел искусством передвижения в новых условиях, что мог довольно уверено шагать вперед. Один раз я даже попробовал подпрыгнуть, но вместо этого подлетел на 12 футов вверх, а приземлился только через 30 футов. Мне показалось, что полет длился вечность. Я беспомощно распластался в воздухе, напрасно пытаясь принять вертикальное положение. Поэтому приземлился я на спину и, наверное, сильно ударился бы, если бы не мягкий ковер мха.

Неожиданно мне в голову пришла интересная мысль. Мои физические возможности на Луне несколько иные чем на Земле. Я поднимаю 180 пудов и имею развитую мускулатуру. Вес же мой здесь не больше 30 пудов. Поэтому, решил я, пройдет много времени, прежде чем я смогу правильно соизмерять силы. Однако, в действительности, процесс адаптации занял не так уж много времени.

Сначала я часто останавливался и тяжело дышал. Но вскоре привык к специфике лунной атмосферы и гравитации. Поэтому, чтобы добраться до красного плато потребовалось всего полчаса. Крутой обрыв, покрытый толстым волокном зеленого мха, спускался вниз к краю джунглей. Передо мной открылась необыкновенная панорама. Чистое, темно-синее небо. Огромный белый шар Земли садился за далекие зеленые горы. Широкая долина, покрытая золотистыми лесами и одинокий оазис зелени. Пурпурные воздушные шары, качающиеся на красных канатах.

Я присел на краю откоса, чтобы перекусить и полюбоваться красотой лунного пейзажа. Когда большая часть

запасов еды и воды была съедена и выпита, я решил, наконец, сойти вниз к джунглям.

Солнце стояло в зените, и весь короткий лунный день, 4, 5 часа, был в моем распоряжении. У меня оставалось еще достаточно времени, чтобы спуститься по склону и вернуться к кораблю до наступления темноты. Отыскать обратный путь не представляло трудности. Блестящая арматура аппарата виднелась отовсюду. Кроме того, сориентироваться можно было по похожей на трезубец вершине, рядом с которой корабль приземлился.

Я особенно не задумывался над тем, что в джунглях могут скрываться враждебные существа и, поэтому, не боялся нападения. В мои планы не входило углубляться дальше кромки леса. У меня не было автомата, способного дать решительное преимущество перед любым животным на планете. Но, в конце концов, в случае непредвиденных обстоятельств, я мог рассчитывать на свое физическое превосходство над местными существами.

Постепенно я преуспел в искусстве путешествия в новых условиях и нашел интересный способ передвижения размежеванными прыжками длиной в 20 футов и более. И, таким образом, достиг джунглей уже через четверть часа.

Растения не образовывали четкую линию, как это казалось издалека. Они были рассеяны группами и напоминали кактусы. Розовые, без шипов, но усыпанные маленькими темными выпуклостями или шишками неизвестного назначения. Первые попавшиеся на пути растения были маленькие и чахлые. Дальше — покрепче и потолще. Я остановился, чтобы хорошенько рассмотреть и сфотографировать одно из них. Затем отважился наступить на него. Несколько маленьких темных шишек сломалось, и оттуда вытекла темная жидкость. В нос ударил неприятный, резкий запах, заставив ретироваться.

Пройдя еще несколько ярдов, я достиг ползучих растений. Толстые стебли бесконечным серпантином вились по земле, оканчиваясь легкими побегами зелени. Повсюду в

воздухе висели шары величиной около 6 футов, похожие на большие золотые колокола. От них, видимо, и шел тот тяжелый запах, который я почувствовал, выходя из корабля.

Сквозь густое сплетение зелени невозможно было прорваться, не повредив нежной листвы. И я решил не заходить в джунгли из-за опасения, что растения могли иметь неизвестные мне способы защиты. Кроме того, в густой зелени могли скрываться твари, подобные земным змеям. Поэтому я предпочел идти на расстоянии от зарослей, периодически останавливаясь, чтобы сделать фотографии.

Наконец, я достиг желтого кустарника. Непроницаемая стена из стволов толщиной в дюйм, вооруженный похожими на кинжалы колючками. Двигаться сквозь кустарник, не задевая острые иглы шипов, казалось практически невозможным.

Неожиданно меня заинтересовал один темно-красный шар, который, как мне показалось, направлялся в мою сторону, увеличивая длину стебля-каната. Его движения в воздухе напоминали живое существо. Некоторое время я фотографировал его, но не рассчитывал на хорошее качество снимков, так как расстояние было слишком велико. Однако, шар, несомненно, приближался, возможно, подгоняемый ветром. И у меня появилась надежда сделать фотографии с близкого расстояния.

ГЛАВА 4 НАПАДЕНИЕ

Я внимательно всматривался, пытаясь определить, не управляет ли шаром какое-нибудь разумное существо. Но разрешить этот вопрос мне так и не удалось. Никакой корзины с пилотом я, правда, не заметил, но в той части шара, где он прикреплялся к канату, виднелись какие-то отростки.

Около часа наблюдал я за его полетом. Наконец, он оказался почти надо мной на высоте нескольких сотен футов. Красный канат тянулся за ним из джунглей.

Мне удалось сделать неплохой снимок, и я решил продолжить экскурсию и осмотреть заросли желтого кустарника. Я отвел взгляд от пурпурного шара и собирался уже идти вперед, когда почувствовал удар.

Красный стебель хлестнул по плечам и, раньше, чем я осознал происходящее, липкие кольца несколько раз обвились вокруг тела. Стебель был около половины дюйма в диаметре и состоял из маленьких темно-красных полос, скрепленных каким-то вязким веществом.

Я в ужасе посмотрел вверх и увидел, что он тянется от того самого воздушного шара, за которым я наблюдал всего несколько минут назад. Темные отростки, замеченные мной ранее, сейчас быстро работали, сокращая длину каната, которым я был опутан. Меня поволокло по мягкому красному мху и медленно потащило вверх.

Под тяжестью шар немножко опустился. Ужас переполнял меня. Сердце учащенно билось, дышать стало тяжело. Я истово корчился в клейких оковах, отчаянно пытаясь освободиться. Но паутина, видимо, была рассчитана на то, чтобы удерживать таких же сильных особей как человек.

Я раскачивался над джунглями как маятник и, бросив случайный взгляд на шар, оцепенел. Два темных, ужасающих глаза с бешеною ненавистью, смотрели на меня. Их многочисленные грани горели злобным огнем. Живое существо! Темные отростки оказались его конечностями, растущими в нижней части туловища. Теперь оно быстро свертало канат, с помощью которого ловило добычу. Огромная пасть с длинными зубами и ядовитой вонючей слюной, отвратительно капающей вниз. Узкое остроконечное рыло, которым оно, вероятно, пронзalo тело жертвы и высасывало из нее соки. Огромный темно-красный шар оказался тонкостенным, наполненным каким-то легким газом, скорее всего водородом.

И вот подобные удивительные создания дрейфовали над джунглями в полной безопасности, таким образом добывая себе пищу.

Страх сковал меня. Ошеломленный и беспомощный при виде этого ужасного зрелища, я первое время не способен был что-нибудь предпринять. Затем, я с трудом освободил руки, вытащив из-под липких колец. Поднял их над головой и попытался разорвать канат. Но все было напрасно, он оказался необычайно крепким.

Только тогда я вспомнил о револьвере. Если бы мне удалось достать его из кармана, я мог бы убить монстра. Газ начнет улетучиваться через изрешеченную поверхность, и шар медленно приземлится. Я поднялся уже настолько высоко, что падение могло оказаться смертельным, если бы я просто перерезал канат.

Мне далеко не сразу удалось нащупать оружие. Вязкое вещество стебля липло к рукам и приходилось прикладывать большие усилия, чтобы снова отрывать их. Но в конце концов мне это удалось. Я снял липкую ленту, пересекающую карман, и отвел в сторону. Когда мне удалось, наконец, вынуть пистолет, наступила его очередь увязнуть в клейкой гуще. С величайшим трудом я осторожно поймал оружие липкими пальцами и поднял над головой. Посмотрел вниз и испугался. Мы поднялись уже очень высоко. И, хотя прошло немного времени, я находился почти на половине пути к ужасному живому шару. К тому же он продолжал медленно плыть вперед, так что теперь я висел прямо над ключими зарослями.

Я выстрелил. Периодические подергивания монстра и темные ветви-конечности мешали точно прицелиться. Держа кольт обеими руками, я стрелял продуманно и осторожно.

Первый выстрел, видимо, не достиг цели. После второго раздался оглушающий стон, и одна ветвь безвольно повисла. Хотя я не знал анатомию монстра, но полагал, что центральная нервная система находится недалеко от глаз.

Следующая пуля угодила в один из них. Большая капля прозрачной густой жидкости сорвалась с его поверхности. Существо опять жутко звякало. Темные ветви как щупальца потянулись ко мне.

Я ощутил сильный толчок и понял, что «живой шар» сбросил длинный стебель-якорь. Мы нырнули вниз.

Еще один выстрел не произвел никакого эффекта. Но пятая пуля оказалась решающей. Я уверен, чудовище умерло сразу же. Конвульсивно дернувшись, ветви безвольно повисли. Но для страховки я выпустил в монстра еще два патрона.

От резкого рывка вверх канат порвался, отпустив шар в свободный полет. Это было началом головокружительного путешествия по воздуху.

Огромная долина голубых и желтых цветов лежала между зелеными рядами гор. Широкая река белела внизу. Плато, на котором приземлился корабль, отсюда выглядело как покрытый зеленой скатертью стол. И рядом с тройной вершиной горы виднелись блестящие диски машины, которую я так неблагоразумно покинул.

Ветер быстро гнал шар и меня, висящего на его стебле-канате, на северо-запад. Через несколько минут корабль скрылся из вида.

Я был в отчаянии, что так далеко отброшен от знакомой местности, но старался как можно лучше запомнить новые ориентиры.

Удачным для меня было уже то обстоятельство, что ветер принес шар в долину, а не в красные джунгли. Теперь я смогу вернуться к кораблю, следя вдоль реки.

Но волна отчаяния вновь захлестнула меня, когда я понял, что вряд ли сумею благополучно пробраться через неизвестную территорию, полную скрытых опасностей. Кроме того, стреляя в монстра, я старался сделать как можно большее отверстие в красной ткани и упустил из вида, что, если падать слишком быстро, можно разбиться о твердую поверхность.

Но вскоре я с облегчением заметил, что шар начал опускаться медленнее, так как газ улетучивался через мускулистую ткань. Мне оставалось только ждать и фиксировать в памяти маршрут, по которому должен буду вернуться.

Беспомощно болтаясь в красной паутине, я внимательно рассматривал джунгли. Они представляли собой густую пущаницу колючих желтых кустов. Но среди них попадались зеленые островки ползучих растений.

Поразмыслив над своим положением, я пришел к выводу, что обречен. Даже если мне удастся приземлиться в открытой местности, где нет колючих кустов, малейший ветерок может снова подхватить шар, и меня выбросит прямо на острые шипы раньше, чем я смогу разорвать паутину.

Но, может быть, стоит освободиться до того, как шар опустится на землю? Разорвать путы и спрыгнуть с безопасной высоты? Только так я смогу избежать неминуемой гибели. Здесь, на Луне, падение даже со значительного расстояния от поверхности ничем мне не угрожает из-за небольшого ускорения силы тяжести. Но надо срочно выбрать место посадки.

Новая неразрешимая проблема всталла передо мной. Как освободиться из паутины? Ножа не было, а попытки разорвать липкие узы остались безрезультатными.

Но у меня еще остался револьвер. Если приложить дуло к стеблю и выстрелить, пуля разорвет его.

Я нашупал в кармане два патрона и вытащил их. Хотя они липли к рукам, мне удалось, в конце концов, зарядить кольт извести курок.

Мы опустились уже достаточно низко, а я все еще беспомощно болтаясь в клейкой паутине. Невдалеке я заметил зеленый оазис, но меня неумолимо несло прямо на шипы. Казалось, они приближаются с бешеною скоростью. Я в ужасе закрыл лицо руками. Пальцы судорожно продолжали сжимать оружие.

Шипы с сухим треском ломались под моей тяжестью. Тысяча острых, ядовитых шипов царапали, резали и кололи

тело. Невыносимая боль пронзила меня. Я закричал. Острые как бритва шипы были пропитаны ядом, так что любая, даже легкая царапина жгла как огонь.

Несколько секунд я висел на остриях. Но к счастью, порыв ветра подхватил шар и меня вместе с ним. Я снова висел в воздухе, раскачиваясь как маятник. И опять меня бросило вниз, но на этот раз я удачно упал на полосу голого песка возле зарослей.

Я истекал кровью, страдая от невыносимой боли, и понимал, что недолго останусь в сознании. Следовало торопиться. Двигаясь, словно в тумане, я схватил красный стебель и, прицелившись в него, нажал курок. Прозвучал оглушительный выстрел. Сильная отдача отбросила правую руку, и, если бы кольт не прилип к пальцам, я непременно потерял бы его.

Канат резко рванул в сторону, чуть не сломав мне левую руку.

Свободен!

Какое-то время я еще оставался в сознании. Помню, как лежал на жестком холодном песке и кровь капала из глубоких порезов. Почти вся одежда была изорвана шипами. Раны так нестерпимо болели, что мне казалось, будто я окунулся в расплавленный металл. Только лицо осталось невредимым.

С трудом поднявшись, я попробовал идти. Но полосы липкой ленты еще сковывали ноги, и я опять повалился на белый песок.

Горькое разочарование охватило меня. В слепой ярости проклинал я свою неосторожность. Зачем мне понадобилось покидать корабль и с бессмысленной храбростью бросаться в авантюру? Я погрузился в забытье.

Я очнулся от необычного звука. Приятная мелодия, тонкая и высокая, как музыка флейты. Она доносилась откуда-то рядом. Я не сразу сообразил, где нахожусь и что со мной произошло. Воспоминания возвращались медленно. Мне

казалось, что я лежу в кровати моей старой меблированной комнаты и звон часов напоминает о том, что пора вставать. Но вскоре осознал, что странный звук непохож на звон будильника.

Я с трудом поднял тяжелые веки. Что это было, кошмар или реальность? Зеленые ползучие растения, стена желтого кустарника, алые горы, пурпурные шары, дрейфующие в чистом синем небе.

Я попробовал сесть. Тело горело при малейшем движении, и я со стоном откинулся назад. Кожа задубела от высохшей крови. Глубокие раны ныли, мышцы, казалось, окостенели от яда, так что любое действие причиняло острую боль.

Как только я пошевелился, мелодия резко оборвалась, а затем зазвучала вновь позади меня.

Память возвращалась ко мне. Телеграмма от дяди. Полет через космос и время. Экскурсия в джунгли и ее ужасное продолжение. И теперь я лежал там, где упал, на голом песке, недалеко от кустарника.

Я застонал от злости на себя, и этот стон болью отозвался во всем теле. Тонкие звуки вновь оборвались, и существо, издававшее их, медленно заскользило вокруг меня. Мне удалось рассмотреть его. Странное и непохожее ни на одно животное на Земле. Тело стройное и гибкое как у змеи, пяти футов длиной и немного толще моей ноги. Голова, не больше кулака, поднималась на 2-3 фута над землей. Крошечный рот с изогнутыми губами, полными и красными как у женщины. Большие фиолетовые глаза темные и разумные. Но кроме рта и глаз, голова не имела больше ничего человеческого. Ее покрывал золотистый мех, а сверху росли перья, образуя что-то вроде голубого плюмажа. Но все же это существо обладало странной притягательностью и красотой изысканных пропорций.

Некое подобие крыльев росло с обоих боков гладкого золотистого тела. Сейчас они были расправлены как для

полета. Очень белые, тонкие. На их белоснежной поверхности четко прослеживались алые прожилки.

Я с любопытством рассматривал это необычное создание и, несмотря на полнейшую свою беспомощность, не испытывал никакого страха. Казалось, оно обладает какой-то магнетической силой, наполнявшей меня спокойствием и доверием.

Губы пошевелились, и тонкие звуки флейты зазвучали вновь. Странное существо пыталось что-то сказать мне. И я спросил первое, что пришло мне в голову:

— Привет! Кто вы?

ГЛАВА 5 ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА

Существо быстро скользнуло ко мне. Его круглое гладкое тело оставляло легкий след на белом песке. Оно положило мне на лоб одно из своих «крыльев», удивительно мягкое и нежное. Прикосновение оказалось легким и приятным. Жизненное тепло исходило от него, наполняя меня новой энергией и силой.

Звуки флейты зазвучали вновь, находя неясный отклик в моей душе. Возникли какие-то смутные образы и видения. Мелодия повторялась снова и снова, пока в моем сознании не сформировались, наконец, определенные мысли.

— Кто вы? Как сюда попали?

Таким странным телепатическим способом, с помощью «крыльев», приложенных к голове, я улавливал смысл речи, обращенной ко мне незнакомцем.

Прошло не очень много времени, прежде чем я достаточно оправился от изумления и смог говорить. Я отвечал медленно, четко произнося каждое слово.

— Я — с Земли. С большой белой планеты, которую вы видите на небе. Прибыл сюда на Машине, способной

преодолевать время и пространство. Но я покинул ее и отправился в небольшую прогулку по Луне, во время которой был пойман одним из «живых шаров». Однако сумел порвать паутину и упал сюда. Мое тело так искалого шипами, что неспособно двигаться.

Существо издало какой-тоibriующий звук. Он повторялся до тех пор, пока его значение не сформировалось в доступные моему пониманию образы.

— Я поняла, — означала трель.

— Кто вы? — рискнул спросить я.

Неизвестный просвистел в третий раз.

— Я — Прародительница. «Бессмертные» уничтожили весь мой род и преследуют меня. Я хочу спрятаться от них у моря.

Постепенно смысл тонкого melodичного пения начал доходить до меня быстрее.

— Ваше тело очень медленно заживляет раны. Видимо, у вас плохо развиты внутренние силы. Я могла бы вам помочь.

Я с радостью согласился.

— Отдохните еще, — продолжала незнакомка, — верьте мне, не сопротивляйтесь. Вы должны заснуть.

Я лег на песок и закрыл глаза. Жизненные силы медленно наполняли меня, волнами вливаясь в тело из «крыльев» Прародительницы. Во мне не было страха, только спокойная уверенность в могуществе этого необычного создания. Я вновь получил команду спать и, подчинившись сильной воле незнакомки, забылся глубоким безмятежным сном.

Несколько часов пролетели как одно мгновение. Меня разбудили приятные звуки. И еще не открыв глаза, я осознал, что абсолютно здоров и полон новой энергии.

Приподняв веки, я посмотрел на Прародительницу, свернувшуюся клубком рядом. Большие ясные глаза внимательно с симпатией наблюдали за мной.

Я резко сел и осмотрел себя. Все тело покрывала высохшая кровь, а одежда превратилась в лохмотья. Ноги оставались связанны. Зато вместо ран виднелись только легкие рубцы, а тело превосходно слушалось.

— Я очень хорошо себя чувствую, — с благодарностью воскликнул я. — А как вы?

На этот раз я почти сразу понял ответ.

— Моя жизненная энергия больше твоей. Я просто поделилась ею с тобой.

Все попытки порвать малиновую паутину не увенчались успехом. Тогда моя спасительница снова пришла мне на помощь. На этот раз она использовала уникальные белые отростки как руки. И хотя с виду они были очень хрупкими, но оказались способными освободить меня.

Через несколько минут я уже стоял на ногах.

Прародительница снова что-то сказала мне. Но я не понял, хотя смутный образ все же возник где-то в глубине сознания. Я опустился на колени, и она снова положила мне на лоб белые с красными прожилками «крылья».

Удивительный орган эти отростки! Такие изящные и красивые! Но одновременно сильные и ловкие. Незаменимые в любых ситуациях.

Постепенно значение мелодичных звуков прояснилось, вливаясь в мой разум вместе с теплом вибрирующих «крыльев», обхвативших голову.

— Путешественник! Расскажи мне о своем мире и о том, как попал сюда. Мой род древен, и я превосхожу тебя во многом, но мы не способны проделать такой путь. Даже Бессмертные с их машинами не могут этого. Кроме того, планета, с которой, как ты говоришь, прилетел, еще слишком горяча, чтобы там могла зародиться жизнь.

Мы разговаривали долго. Я своим обычным способом, а Прародительница мелодичным свистом. Сначала телепатическое общение шло медленно и казалось мне затруднительным. Но с практикой скорость возросла и я, в конце

концов, научился схватывать мысль налету, даже если Пра-родительница не прикасалась ко мне.

Когда я проснулся, солнце было уже низко. Теперь наступил новый день. Таким образом, мы проговорили всю ночь. Воздух стал холодным, и я совсем продрог от высокой влажности. Но моя новая знакомая дотронулась своими волшебными «крыльями» и тепло разлилось по всему телу. Холод отступил.

Я рассказал об оставленной планете и собственной незначительной жизни, о Машине, путешествии через Космос в прошлое к этой юной Луне. А собеседница поведала историю своего погибшего рода.

Она была главой племени, жившего на возвышенности у самого русла реки. Общественная жизнь в нем, как я выяснил, чем-то напоминала пчелинью или муравьиную организацию на Земле. Около тысячи бесполых особей, недостаточно развитых самок и рабочих. И матка, единственная способная к репродуктивным функциям. Она носила почетный титул Прародительницы. Это была древнейшая и высоко развитая цивилизация на Луне. Моя спасительница признала, что ее люди не имели машин или каких-либо сооружений. По ее мнению, подобные вещи служат признаком варварства. Поэтому мою культуру она оценивала гораздо ниже своей.

— В далекие времена, — объяснила она, — и у нас была техника, а мои предки жили в таких же металлических и деревянных сооружениях как вы описывали. Но использование машин в помощь своим физическим возможностям еще больше ослабляло тела. Руки и ноги постепенно атрофировались, так что в них больше не было необходимости. Легкая жизнь и отсутствие любых неразрешимых проблем и переживаний лишили их богатства эмоций и психического развития.

Некоторые вовремя поняли опасность и, покинув города, вернулись в леса и моря, чтобы жить, полагаясь только на

свои умственные и физические силы. Только они остались по-настоящему жить, а не превратились в бесчувственные машины.

Мой род был из тех, которые вернулись в леса.

— А что случилось с оставшимися в городе и сохранившими технику? — спросил я.

— Они стали Бессмертными, моими врагами. Мозг с глазами и хилыми щупальцами. Вместо тел они стали использовать машины. Живой мозг в оболочке из металла. Слишком слабые, чтобы размножаться, они вынуждены были искать бессмертие с помощью механики. Некоторые еще до сих пор живут в своих ужасных городах из металла, хотя за столетия среди них никто не рождался. Бессмертные.

Но рано или поздно они погибнут. Даже все их знания не помогут. Мозг не может существовать вечно. Именно поэтому Бессмертные напали на мое племя. Они хотели заполучить кого-нибудь из нас, Прародительниц, чтобы продлить свой род. Обеспечить машины новыми мозгами.

Нас было много, когда началась война, и среди нас было достаточно Прародительниц, а теперь я осталась одна. Но победа далась Бессмертным нелегко. Мои люди сражались храбро и убили огромное количество «живых механизмов». Но враги великолепно владели оружием, а наша главная сила, основанная на внушении, гипнозе и телепатии не действует на их бездушные тела с далекого расстояния.

Все Прародительницы были схвачены, но они покончили с собой в плenу, чтобы их дети не превратились в механических монстров. Спасти удалось только мне. В своем теле я несу последнее семя моей расы. Я ищу дом для своих детей, надеясь найти его у моря. Там мы будем далеко от наших врагов и они, возможно, не найдут нас.

Но Бессмертные знают, что я убежала, и повсюду ищут меня с помощью техники.

Наступил новый день. Я ужасно проголодалася, но не имел представления, что можно есть в этих жутких

джунглях. Даже если мне удастся найти какие-нибудь фрукты или орехи, как смогу я узнать, не ядовитые ли они. Поэтому я решил посоветоваться с новой знакомой.

— Пойдем, — позвала она и грациозно заскользила по песку. Красивое стройное тело. Гладкое и упругое. Солнечные лучи играли голубым плюмажем и отражались от золотистого меха. Я невольно залюбовался ее странной притягательной красотой и замешкался.

Моя спутница резко обернулась и с видимым удовольствием поинтересовалась:

— Ваше тело так неуклюже и тяжело, что вы не можете поспеть за мной. Хотите, я вас понесу?

Вместо ответа я совершил прыжок на 20 метров, намного опередив насмешницу. Но, к несчастью, не рассчитал и угодил головой прямо в песок. Голова, правда, пострадала меньше, чем самолюбие.

Прапорительница помогла подняться и поползла вперед. Я смущенно последовал за ней. Мы добрались до зеленого островка ползучих растений и двинулись напролом сквозь мягкую листву. Подойдя к одному из огромных белых цветков, моя спутница золотой пчелой вползла в него. А через несколько секунд вновь появилась, но ее крылья, изогнутые в виде чаши, были наполнены каким-то белым кристаллическим порошком. Видимо она собрала его с внутренней поверхности цветка. Высыпав мне в руку изрядную часть пыльцы, она принялась изящно слизывать оставшуюся.

Я осторожно попробовал. Она была сладкой, со специфическим, но вполне терпимым кисловатым привкусом. Во рту порошок превращался в клейкую массу, очень напоминающую жевательную резинку, но гораздо мягче и легче растворяющуюся. Осмелев, я взял порцию побольше и вскоре съел все, что у меня было.

Мы обошли еще несколько цветков, и постепенно я научился сам добывать кристаллы. Поделившись со своей спасительницей, я досыта наелся сладкой цветочной пыльцы.

— Теперь я должна отправляться к морю, — сказала Пра-родительница. — Слишком долго я задержалась с тобой. Мне приятно было поговорить с разумным существом впервые за долгое время и узнать о твоей странной планете. Я с удо-вольствием осталась бы с тобой, но не могу пренебречь той великой миссией, которая возложена на меня.

Мысль о разлуке с этим удивительным созданием встре-вожила меня. Человек существо социальное и ему требуется общение с себе подобными. Мое отношение к Прародительнице сочетало чувство благодарности и товарищества. Мы были компаньонами в этих жутких джунглях.

Но неожиданно меня озарило. Она идет к морю, а ведь и мой путь тоже лежит в том же направлении до тех пор, пока не покажется тройной пик горы...

— Можно мне пойти с тобой? — спросил я. — Мы могли бы путешествовать вместе до той горы, около которой я оставил корабль...

Прародительница с радостью согласилась, крепко пожав мне руку белыми «крыльями».

— Мне приятно твое желание идти со мной. Но ты дол-жен подумать об опасности. Помни, что за мной охотятся Бессмертные. Они уничтожат тебя, если найдут нас вместе.

— Я вооружен. И кроме того, мне все равно суждено по-гибнуть в джунглях без твоей поддержки.

— Ну, тогда пойдем, Путешественник.

Когда «шар-монстр» поднял меня в воздух, я потерял ка-меру, бинокль и бутыль воды, но кольт все еще оставался со мной. Он так крепко приkleился к пальцам, что я не выро-нил его при падении.

И хотя моя спутница возражала против револьвера, я настоял, что, имея дело с Бессмертными, мы должны сра-жаться их же оружием. Она заметила, что ее внутренняя энергия оказалась гораздо сильнее любых убивающих ме-ханизмов, но все же согласилась.

Мы тотчас же отправились в путь вдоль полосы голого песка около колючих зарослей желтого кустарника.

Праородительница пояснила мне, что такие чистые зоны образуются из-за того, что корни кустов отравляют ядом почву и это препятствует росту других растений.

Пройдя две или три мили, мы оказались у прозрачного озерка, представляющего собой скопление росы на дне голого каменистого карьера. Мы вволю напились, а затем Праородительница золотым угрем скользнула в воду, плотно прижав «крылья» к бокам. Я тоже был рад снять лохмотья и отмыть грязь и кровь.

Моя спутница, свернувшись в клубок, лежала на берегу, суши на солнце золотистый мех, а я одевался. Неожиданно, я заметил семь призрачных колонн света, окруживших нас. Они были не больше двух дюймов и настолько прозрачны, что я отчетливо видел сквозь них.

Решив, что это обман зрения, я потер глаза и достаточно небрежно произнес:

— Что это за духи окружили нас? Или это только кажется.

Праородительница быстро подняла голову. Ее фиолетовые глаза широко раскрылись, и я прочитал в них тревогу. Она схватили меня за руку одним из «крыльев» и прыгнула, вытолкнув нас за пределы очерченного призрачными колоннами круга.

Я упал на песок, но тотчас же поднялся.

— Но что это за ... — начал я.

— Это Бессмертные, — ее обычно спокойное мелодичное посвистывание прозвучало тревожно. — Они нашли меня. Даже здесь они добрались до меня с помощью своей дьявольской техники. Мы должны срочно уходить.

И она быстро заскользила вперед. Застегивая на ходу одежду, я побежал следом, стараясь соразмерить свои прыжки с ее легким скольжением. Но все это время я так и не переставал удивляться, что же опасного может быть в этих прозрачных колоннах.

ГЛАВА 6 ПОГОНЯ

Мы шли вдоль зарослей колючего кустарника. Слева от нас открывалось безграничное пространство, покрытое зеленой растительностью. Море изумрудной листвы с большими белыми цветами. В основном это были ползучие травы, но встречались и другие причудливые растения. Где-то вдалеке виднелись еще заросли желтого кустарника. Уже знакомые мне темно-красные шары качались на малиновых канатах.

Мы прошли уже миль 10, и я сильно запыхался, так как тяжело было дышать в непривычной атмосфере. Прадитительница оставалась такой же бодрой, как всегда. Неожиданно она резко остановилась и юркнула в какую-то нору среди колючек. Это оказался проход в пять футов шириной и шесть высотой, с плотно утрамбованным полом и полу-круглым сводом. Свет с трудом пробивался сквозь густое переплетение ветвей, поэтому туннель тонул в приятном полумраке.

— Мне не хотелось бы идти этим путем, — сказала Прадитительница. — Те, кто его сделали очень неприятные существа. И хотя они обладают не слишком высоким интеллектом, но способны сопротивляться моему внушению, и я не смогу контролировать их. Поэтому мы будем совершенно беспомощны, если они обнаружат нас.

Но у нас нет выбора, мы должны пройти через заросли и лучше всего это сделать таким образом. Возможно, Бессмертные потеряют наш след. Мы должны торопиться и надеяться, что не встретим хозяев тропы. Если кто-нибудь из них появится лучше всего спрятаться.

Спуск в туннель поставил меня в невыгодное положение. Здесь я уже не мог двигаться прыжками и был вынужден бежать рысцой, наклонив голову, чтобы уберечь ее от ядовитых шипов. Но, к счастью, моя спутница ползла не

слишком быстро. Несмотря на опасность, я был рад, что она позволили мне идти с ней.

С трудом переведя дыхание я поинтересовался:

— Что это за призрачные колонны?

— Бессмертные обладают удивительным знанием. Чем-то вроде телевидения, о котором ты рассказывал. Но гораздо более высокого уровня. Светящиеся полосы проектируются через пространство и, вероятно, способны причинить нам какой-то вред. Но какой именно я не знаю. Это новейшее изобретение и Бессмертные не использовали его во время войны.

Туннель оказался почти прямым, без каких-нибудь ответвлений. Мы прошли уже несколько миль и ни разу не пересекли открытого пространства. Ветви кустарника плотно смыкались над нами. Интересно, что за существа сумели проделать такой ход?

Внезапно Praродительница остановилась.

— Один из «хозяев» где-то поблизости, — беспокойно произнесла она, — я чувствую его приближение. Подожди немного.

Она свернулась клубком, слегка приподняв голову. Крылья напряженно торчали вверх. Обычно белые с красными прожилками, теперь они были нежно розового цвета. Полные алые губы чуть приоткрыты, а немигающий странный взгляд устремлен куда-то вдали.

Несколько секунд Praродительница оставалась неподвижной. Затем высоко подняла голову, в ее больших фиолетовых глазах промелькнула тревога.

— Он идет прямо за нами. У нас очень мало времени, чтобы выбраться, мы должны идти быстрее.

Я бежал неуклюже, постоянно спотыкаясь. Мне было трудно соизмерить бег со слабой гравитацией, и, кроме того, я боялся наткнуться на колючие стены или потолок. Мне казалось, что мы вечность бежим по этому сумеречному туннелю. Сердце бешено стучало, каждый вдох доставлял

страдания. Организм не был приспособлен к длительным физическим нагрузкам в чуждой атмосфере.

Прародительница легко скользила впереди, и я понимал, что она могла бы уползти гораздо дальше, если бы бросила меня.

Внезапно я споткнулся и упал, не имея сил подняться. Легкие горели, пот лился ручьями, виски бешено пульсировали. Красный туман заволакивал глаза.

— Иди, — слабым голосом сказал я, нащупывая в кармане кольт. — Я попытаюсь остановить его.

Моя спутница остановилась и вернулась за мной.

— Пойдем, мы у самого выхода, а враг приближается. Ты должен идти!

Гибкими нежными крыльями она обхватила мою руку. Волна новой энергии влилась в меня через них. Я смог кое-как подняться и нетвердой походкой снова двинулся вперед.

Оглянувшись, я заметил неясные очертания какого-то существа. Оно занимало всю ширину туннеля и напоминало шар.

Мы шли, шли и шли.

Мои ноги поднимались и опускались как бесчувственные автоматы. Даже сердце и легкие перестали гореть, когда Прародительница коснулась меня. Казалось, я парю над своим телом и отвлеченно наблюдаю, как оно бежит, бежит и бежит с монотонностью машины.

Я неотрывно смотрел на Прародительницу, скользящую сквозь сумерки туннеля как золотая стрела. Голубой плюмаж был для меня ориентиром. Я следовал за ним, хотя туман застилал глаза.

Неожиданно, мы вышли на дневной свет. Далекие красные горы, море зелени и малиновые шары над ней, полоса голого песка около зарослей желтого кустарника.

Моя спутница свернула налево, и я машинально последовал за ней. Не знаю, как долго продолжалось наше

бегство, но внезапно Прародительница скрылась в зелени ползучих растений.

— Спрячься здесь, — позвала она, — возможно, враг не обнаружит нас.

Я тотчас же бросился в мягкую траву и лежал там тяжело дыша, обессиленный с закрытыми глазами. Прародительница снова взяла мою руку своим нежным крылом и постепенно жизнь начала возвращаться ко мне.

— Твой запас внутренней энергии очень низок, — сказала она.

Я достал из кармана кольт и проверил его готовность к действию. Прежде чем отправиться в путь я позаботился почистить и зарядить его.

Заметив, как напрягся голубой хохолок Прародительницы, я приподнялся, всматриваясь в ту сторону, откуда мы пришли. Круглый малиновый шар пяти футов в диаметре катился по песку.

— Он обнаружил нас, — быстро просвистела Прародительница. — Моя сила бесполезна, она не пройдет сквозь их экипировку, и он высосет из наших тел все соки.

Она свернулась в клубок, слегка приподняв голову. Большие темные глаза оставались серьезными и спокойными, я не заметил в них и следа паники.

Я решился сделать все, чтобы спасти ее. Стараясь не показать страха, я поднял кольт. Теперь малиновый шар был не более чем в пятнадцати ярдах. Я разглядел его получше и заметил какие-то темные овалы на гладкой поверхности. Я начал стрелять. На такой дистанции трудно было промахнуться, и я опустошил всю обойму, но он продолжал быстро мчаться по направлению к нам. От него исходил глубокий, сердитый звук, похожий на барабанную дробь.

Я был в отчаянии. И, прежде чем успел вставить новую обойму, неприятель был уже рядом. Он остановился и из темных овальных отверстий, которые я заметил ранее, высыпалось шесть длинных блестящих щупалец.

Около двенадцати футов длиной, покрытые тонкой темной морщинистой кожей, блестящей крошечными каплями влаги. В основе каждого находился сияющий с темными веками глаз. Один из щупалец был направлен прямо на меня. От него исходило странное зловоние. Думаю, с помощью этих отвратительных отростков существо вытягивало из жертвы соки.

Я зарядил оружие и сделал семь выстрелов прямо в глаза неприятеля так быстро, как только смог.

Снова прозвучала барабанная дробь, щупальцы судорожно задергались и внезапно окостенели. Звуки начали постепенно затихать, пока полностью не прекратились.

— Ты убил его с помощью оружия! — удивилась Прародительница. — Оно оказалось гораздо сильнее, чем я думала. Возможно, мы выберемся.

И как будто в ответ на ее слова со стороны зарослей раздался раскат барабанной дроби. Она прислушалась и ее белые «крылья» снова тревожно напряглись.

— Он успел предупредить своих сородичей. Вскоре они будут здесь, мы должны поторопиться.

Несмотря на усталость, я покорно поднялся и последовал за своей проводницей, на секунду остановившись, чтобы осмотреть необычное существо, которое я убил. Оно отличалось от всего, что я когда-либо видел и по форме и по способу передвижения. Продолжительная жизнь среди колючего кустарника повлияла на его внешний облик. Заключенное в плотную оболочку тело могло не бояться ядовитых шипов. Скорее всего, существо двигалось за счет ритмичных сокращений мышц внутри скорлупы. Такое движение на Луне гораздо проще чем на Земле из-за слабой гравитации. Там, где оно не могло передвигаться таким способом, оно использовало длинные мускулистые щупальца как ноги.

Теперь, когда мы выбрались из туннеля, я снова мог безбоязненно прыгать и не отставать от своей спутницы. Кроме того, несколько секунд отдыха во время полета, вознаграждали меня за усилия, затраченные на прыжок.

Время от времени я беспокойно оглядывался назад. Сначала я видел только оболочку поверженного мною существа, которая все уменьшалась, пока не стала с трудом различима. Неожиданно из туннеля появились другие шары. Они какое-то время толпились около своего товарища, а затем направились в нашу сторону. Их скорость была гораздо выше нашей.

— С таким количеством врагов я не смогу справиться, — в отчаянии воскликнул я.

— Они неумолимы и когда нападают на след своей жертвы, то не отступают ни при каких обстоятельствах. Их может остановить только смерть.

— Ты можешь что-нибудь придумать? — спросил я.

— За этой чащой есть скала с такими крутыми склонами, что неприятель не сможет забраться на нее. Хотя это только отсрочит нашу гибель, так как эти существа не уйдут и будут караулить нас внизу. Однако это единственное убежище.

Я оглянулся. Преследователи быстро нагоняли нас.

Прародительница легко скользила вперед, мышцы упруго переливались под ее покрытой мехом кожей.

Я постарался двигаться быстрее.

Мы обогнули заросли и увидели скалу — огромную массу темного гранита с крутыми голыми склонами и зеленым мхом на вершине. Она была футов тридцать высотой и тысячу длиной.

Преследователи выросли уже до размера бейсбольных шаров.

Прародительница неутомимо ползла вперед, и я отчаянно старался не отставать.

Когда, наконец, мы достигли отвесной стены, красные шары были не более чем в тысячи ярдах. Грохот барабанной дроби оглушил нас. Я отчетливо видел овальные отверстия в красной оболочке, в которой скрывались их глаза и щупальцы.

— Я не смогу туда забраться, — печально сказала Прародительница.

— Я могу взять тебя на руки и прыгнуть, — предложил я.

— Лучше, чтобы хоть кто-нибудь спасся, чем погибнуть вместе. Я задержу их, пока ты не доберешься до вершины.

Она собралась уже ползти навстречу врагам, когда я схватил ее. Впервые я прикоснулся к ней. Золотой мех оказался коротким и очень мягким. Тело — крепкое, мускулистое и теплое. Жизнь била в нем ключом. Я почувствовал, как волна энергии захлестнула меня.

Перекинув ее через плечо, я пробежал несколько шагов и прыгнул. И хотя наш общий вес составлял не более сорока пудов, запрыгнуть на вершину оказалось не так просто. Несколько секунд мне казалось, что мы ударимся о поверхность отвесной скалы, не долетев до вершины. Но, к счастью, в последний момент я приметил небольшой выступ на гладком склоне.

ГЛАВА 7 БЕССМЕРТНЫЕ

Выступ порос скользким мхом. Левая рука неожиданно сорвалась, но я вскарабкался, держась правой. Прародительница соскользнула с плеча не вершину и, схватив меня за левую руку, осторожно подтянула вверх.

Дрожа от перенапряжения, я поднялся и оглядел наше убежище. Ровная покрытая алым мхом поверхность. Все склоны достаточно круты, но кое-где они были более пологие, чем там, где я прыгал.

— Спасибо, путешественник, — раздалась мелодичная трель Прародительницы. — Ты спас меня и будущее моего народа.

— Я просто вернул долг.

Мы смотрели на малиновые шары. Вскоре они достигли подножия утеса. У них явно не хватило бы сил, чтобы прыгнуть как я, но они нашли щели и выступы, за которые их

длинные щупальцы могли бы ухватиться. Таким образом они рассчитывали подтянуться наверх.

Мне пришлось непрерывно обходить скалу по периметру и стрелять в каждого, кто добивался существенного успеха. Я целился в основание щупальца, туда, где находились глаза. Обычно хватало одного выстрела, чтобы остановить противника.

С вершины открывался восхитительный вид. С одной стороны бесконечные заросли желтых кустарников и красные горы, возвышающиеся над ними. С другой — зеленые просторы ползучих растений, простирающиеся до самой реки.

Солнце скрылось за горизонт. Темная ночь была бы для нас настоящей катастрофой, но, к счастью, белый диск Земли поднялся почти сразу же после захода Солнца. Его свет позволил нам видеть маневры «шаров», упорно пытавшихся добраться до нас.

Наступил вечер следующего дня. У меня не осталось ни одного патрона. Я повернулся к Прародительнице и сообщил, что больше не смогу охранять нашу крепость.

— Это уже не имеет никакого значения. Бессмертные снова нашли нас.

Осмотревшись, я увидел полосы призрачного света, такие же как тогда у водоема. Семь тонких прямых колонн окружили нас.

— Я уже некоторое время чувствую их присутствие. Один раз нам удалось сбежать, теперь это невозможно.

Она покорно свернулась клубком, сложив белые «крылья». Маленькая голова уныло опустилась, фиолетовые глаза оставались спокойными, но в них чувствовалась настороженность.

Семь призрачных колонн начали проявляться отчетливее.

В это время один из малиновых шаров сумел подняться на вершину. Прародительница бездействовала. Он появился

с внешней стороны кольца, сформированного колоннами. Мы с Праородительницей — внутри.

Столбы света становились все ярче и постепенно стало заметно, что они сделаны из металла.

Яркая вспышка света ослепила меня, раздался страшный раскат грома. Волна боли захлестнула тело. Казалось, я получил несколько электрических разрядов. Земля задрожала под ногами.

И вот мы уже не на скале, а на гладком металлическом листе, ограниченном семью медными прутьями. Они четко соответствовали положению семи призрачных колонн.

Я посмотрел на свернувшуюся клубком Праородительницу. Ее фиолетовые глаза оставались спокойными, ни тени удивления не промелькнуло в них.

Но я был ошеломлен. Всего секунду назад мы были в джунглях, а теперь стоим на металлической платформе среди широкого двора. Вокруг возвышались какие-то прямоугольные металлические здания. Но в них не было ни гармонии, ни красоты. Безобразная ржавчина покрывала их поверхность.

Вдоль улиц и по двору двигались какие-то существа не из плоти и крови, а из металла. Роботы различных форм и конструкций. Очевидно, их внешность отвечала тем функциям, которые они исполняли. Многие походили на карикатуру живых существ.

— Это и есть земля Бессмертных, тех, кто уничтожил мой народ ради продления жизни своим машинам.

— Но как мы здесь оказались? — удивился я.

— Это просто вопрос техники. Перевоплощение материи в энергию, перенесение ее через пространство на светящемся луче и обратный процесс превращения в материю. Бессмертные пожертвовали многим, превратились в бездушные машины. Должны же они были получить что-нибудь взамен?

— Это просто невероятно!

— Для вас — возможно. Но если уже сейчас твой народ имеет телевидение, то через сотни тысяч лет вы, вероятно, научитесь и этому. Впрочем, даже для Бессмертных это новое изобретение. Только при моей жизни они стали способны переносить предметы между двумя пунктами без разрушения их сущности. И до настоящего времени они не использовали этот аппарат с переносящими лучами.

Внезапно она замолчала. Три робота приблизились к нам. Сначала я не заметил ничего необычного, а затем разглядел призрачный купол в верхней части тела каждого из них. В нем находилась странная бесформенная серая масса с темными сияющими глазами. Я догадался, что это и был «мозг», о котором говорила Праородительница. Последнее, что оставалось в Бессмертных от живых существ.

Ужасная пародия на жизнь! Сначала они казались почти живыми. Но от них исходили какие-то жужжащие механические звуки.

Холодный взгляд огромных темных глаз был абсолютно безжизненен.

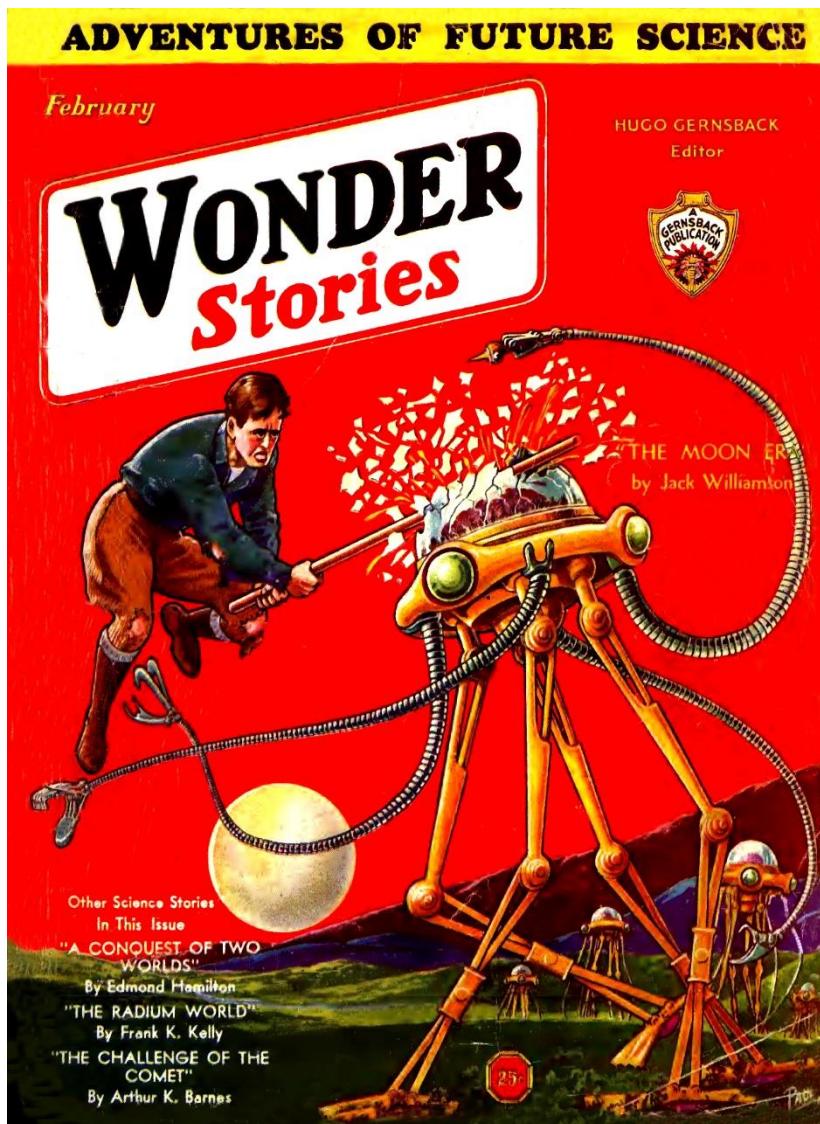
— Они не получат меня живой, — решительно заявила Праородительница, вновь свернувшись в клубок.

Решительность вернулась ко мне. Я оглянулся в поисках какого-нибудь оружия. Прямой металлический прут оказался как нельзя более кстати. Его нижний конец крепился с помощью белой кристаллической массы, вдребезги разбившейся, когда я выдернул прут. Теперь в руках у меня была увесистая дубинка, которую на Земле я вряд ли сумел бы даже приподнять.

Размахнувшись, я прыгнул к ближайшему роботу. Он остановился прямо передо мной. Злое, настойчивое жужжение исходило от него. Большой железный крюк вытянулся из его корпуса, пытаясь ухватить меня. Я посмотрел вверх на прозрачный купол. Кроме серой массы, мозга Бессмертного, я заметил еще маленькие щупальцы, которыми хозяин управлял машиной. Туда-то я и обрушил всю мощь удара. И

несмотря на большую прочность кристалла, он разбился вдребезги. Серый мозг превратился в кровавое месиво.

Бессмертные, вероятно, способны были поймать любое существо на Луне без какого-либо ущерба для себя. Но они не сталкивались с человеком.

Медный прут не был тяжелым, но размахивать им было довольно трудно. И, в то время как я крушил хрустальный купол второго робота, третий противник сгреб меня своими крюкообразными конечностями. Я отчаянно извивался, но не мог вывернуться, чтобы нанести ответный удар. Тогда Прародительница скользнула к нам. Голубой плюмаж торпцился на ее золотистой головке. Жажды битвы сверкала в фиолетовых глазах. «Крылья» расправились. Она казалась непобедимой и увереной. Под ее пристальным взглядом механический монстр отпустил меня, а его конечности безвольно повисли. Булава поднялась вновь, и робот с грохотом повалился на бок.

— Мое энергетическое поле гораздо сильнее чем у Бессмертных, — спокойно объяснила Прародительница. — Я вторглась в его центральную нервную систему и парализовала ее. Следует разбить этот аппарат, доставивший нас сюда. Тогда, если нам удастся убежать, они не смогут вновь воспользоваться им. Насколько я знаю, это уникальная вещь, а быстро починить ее им вряд ли удастся.

Моя дубина со страшной силой вновь и вновь опускалась на какие-то решетки, призмы, зеркала, электрические провода. Я крушил все, что попадалось мне под руку.

Три погибших робота были единственными, находящимися поблизости. Но еще около двадцати бросилось к нам через двор, издавая угрожающее жужжение. Некоторые были уже недалеко. Их оказалось слишком много, чтобы рассчитывать на победу. Мы должны были попытаться бежать.

Схватив свою спутницу, я помчался через платформу в сторону спешащих к нам противников. И подбежав почти вплотную к ним, высоко подпрыгнул.

Прыжок перенес нас на несколько ярдов. Мы оказались далеко за спиной врагов. Пустынная улица вела между ржавыми старыми постройками к высокой, когда-то блестящей, а теперь потемневшей от времени стене.

Большими прыжками я отчаянно устремился к ней. В рядах Бессмертных царила паника и беспорядок. Как объяснила потом Праородительница, они совершенно не ожидали такого поворота событий. А быстро реагировать в критических ситуациях они не умели, так как полностью полагались на технику.

Как оказалось впоследствии, среди роботов были модели, способные двигаться быстрее нас. К счастью, среди ближайших преследователей таких не оказалось.

Опасаться за свою жизнь не приходилось, так как противник не мог стрелять в меня не задев Прародительницу. А она нужна была им живой.

Мы достигли стены намного опередив Бессмертных. Она оказалась такой же высоты, что и утес, на который я прыгал. Но ее поверхность была абсолютно гладкой, без выступов. Я остановился в нерешительности.

— Ты можешь сначала перебросить меня, а затем уже прыгать, — предложила моя спутница, быстро сворачиваясь в золотистый клубок.

Времени для раздумий не было. Я размахнулся и швырнул ее за стену как футбольный мяч. Следом я кинул булаву, стараясь бросать ее так, чтобы не задеть Прародительницу.

Бессмертные были уже совсем близко. Один из них бросил несколько снарядов. Что-то взорвалось совсем близко от меня, вспыхнув зеленоватым светом.

Только теперь понял я опасность своего положения. Я больше не был защищен близостью Прародительницы и стал великолепной мишенью для врагов.

Одним прыжком перемахнул я стену в пять или шесть футов толщиной и упал в заросли ползучих растений. Стебли вились по земле сплошным кружевом, листья поднимались над головой. Я повалился на бок в нежную листву, но моментально вскочил на ноги. Сквозь густую зелень трудно было что-нибудь разглядеть, кроме вершины темной стены.

Прежде чем упасть, я успел заметить огромную зеленую равнину к востоку отсюда. На севере тянулась линия красных гор, а на западе располагался город Бессмертных.

Прародительницу не было видно, правда заросли скрывали все, что находилось дальше, чем на расстоянии двенадцати футов от меня.

— Дорога здесь, — с радостью услышал я знакомые мелодичные звуки. — А вот твое оружие.

Я двинулся по направлению голоса и нашел свою спутницу целой и невредимой. Она бесшумно заскользила

вперед, а я, подобрав прут, лежавший рядом, быстро последовал за ней.

Когда мы проходили открытое пространство я оглянулся. Небольшая группа роботов стояла на стене, всматриваясь вдаль. Но я не думаю, что они смогли бы разглядеть нас в непролазной зелени.

Весь оставшийся день (когда мы убежали было еще раннее утро) и всю ночь при странном серебристом земном свете мы шли вперед. И даже на следующий день мы остановились только чтобы попить и умыться в маленьком ручье, а также сокрести сладкую белую пыльцу с больших цветов. Ели мы на ходу, не делая для этого особого привала.

Джунгли ползучих растений почти все время скрывали нас.

Сначала я думал, что нас преследуют. Но проходили часы, а погони не было. Я воспрял духом, решив, что враги не могут двигаться достаточно быстро, чтобы догнать нас. Но медный прут я все же не бросил. Праородительница не была так оптимистично настроена.

— Я знаю, что они преследуют, — сказала она. — Я чувствую их. Но мы сможем оторваться от погони, если они не починят аппарат, который ты разбил. А я уверена, что они не скоро смогут это сделать.

Вскоре мы достигли каменистого утеса, и Праородительница отыскала пещеру под небольшим выступом, где мы и отдохнули. Совершенно измотанный я уснул мертвым сном.

Моя спутница разбудила меня ранним утром. Она лежала, свернувшись клубком у входа, хрупкие «крылья» напряглись и порозовели, фиолетовые глаза смотрели серьезно и настороженно.

— Бессмертные, — сказала она. — Они еще далеко, но нам следует поторопиться.

ГЛАВА 8

ЗЕМЛЯНИН СРАЖАЕТСЯ

Вскарабкавшись на утес, мы оказались на покрытой зеленым мхом равнине. Кое-где на ней раскинулись небольшие холмы. Кроме мха здесь не было никакой другой растительности, поэтому казалось, что мы находимся в изумрудной пустыне.

Чтобы пересечь это плоскогорье потребовалось шесть дней. Пыльцы, которую мы захватили с собой, хватило только на четыре дня, а воды на пять. И хотя продолжительность дней была только восемнадцать часов, в долину ползучих растений мы спустились в бедственном положении. Вода из кристально чистого ручья, которого мы здесь обнаружили, показалась слаше всего, что я когда-либо пробовал.

День и две ночи посвятили мы отдыху, прежде чем смогли идти дальше. Раньше я не был в состоянии подняться на ноги, хотя моя спутница настаивала, что Бессмертные все еще преследуют нас.

Еще семнадцать дней мы шли вниз по ручью, который, соединяясь с бесчисленными притоками, превратился в величественную реку. На семнадцатый день река влилась в еще большую, текущую в низовье долины. Ее берега покрывали желтые кустарники с зелеными оазисами, а над ними реяли знакомые мне пурпурные шары. Мы старались держаться ближе к зеленым джунглям, где они не могут точно набросить свою паутину.

Переправившись через реку, мы еще пять дней шли вдоль восточного берега и, наконец, увидели тройной пик горы. Утром, оставив джунгли, мы вскарабкались на небольшое, покрытое мхом плато, где я оставил корабль. Мои опасения, что его кто-нибудь украл или сломал, оказались напрасными. Он находился там же, где и был оставлен. Пойдя к люку, я с волнением открыл его. Все было в полном порядке. Кислородные баллоны, аккумуляторные батареи,

холодильник с продуктами, центральный пункт управления.

Через неделю, если все пойдет так как я надеюсь, корабль приземлится на моей родной планете. Дядя получит необходимые отчеты, а мне достанутся заслуженные пятнадцать тысяч в год.

Я оглянулся на Прародительницу. Она свернулась у моих ног. Голубой плюмаж, казалось, уныло опустился, брезвально повисли белые «крылья». Фиолетовые глаза задумчиво и печально смотрели на меня.

Сердце тоскливо заныло, а на глаза навернулись слезы, так что яркий золотистый образ моей верной подруги затуманился. Только теперь я понял, что значила для меня ее компания и как дорога она мне стала за те долгие дни, которые мы провели вместе. Преданная, смелая и добрая. Дорогой мой друг и товарищ...

— Ты должна идти со мной, — хрипло произнес я. — Не знаю, вернется ли корабль на Землю, но, во всяком случае, ты будешь в безопасности от Бессмертных.

В ее мелодичном голосе прозвучало непривычное волнение:

— Нет. Мы были вместе очень долго, Путешественник. Разлука нелегка, но у меня иное предназначение. Мой род не должен угаснуть. Бессмертные рядом, но я буду сражаться пока не погибну.

Ее повисшие «крылья» расправились и с силой обхватили мою руку. Прародительница твердо посмотрела на меня своими фиолетовыми глазами. Одиночество и трагедия всей расы светились в них.

Затем она быстро поползла прочь.

Я следил за ней затуманенным взором. Ее путь лежал через плато к морю, в поисках нового приюта для своего племени. С тяжелым сердцем я забрался внутрь корабля и закрыл люк. Но не пошел к Пульту, а продолжал стоять у иллюминатора, грустно глядя как Прародительница быстро

скользит прочь. Одинокая, но гордая. Последняя из своего рода.

Случайно посмотрев в другую сторону, я увидел Бессмертных. Моя спутница предупреждала, что они близко, но я не ожидал, что настолько. Пять роботов быстро двигались по нашим следам. Пять уродливых механизмов. Они были гораздо больше, чем те, с которыми мы сражались в городе, а их конечности значительно длиннее.

Когда я заметил неприятеля, он был еще на краю плато. У меня хватало времени, чтобы, задраив люк и закрыв клапан, запустить двигатель и улететь отсюда к родной планете.

Но я продолжал стоять у иллюминатора, до крови закусив губу и сжимая руки в кулак так, что ногти больно врезались в ладони.

Когда они приблизились, я, не думая об опасности, импульсивно открыл люк и выпрыгнул наружу. Медный прут лежал там, где был оставлен. Я быстро подобрал его и затаился в ожидании около корабля.

Прародительница была уже почти на краю плато, крошечная полоска золота на фоне зеленого мха. Думаю, она тоже заметила Бессмертных и поняла бесполезность бегства. Поэтому повернула назад, чтобы достойно встретить их.

Когда роботы приблизились, я испугался их размеров. Металлические конечности около шести футов длиной. Единственное уязвимое место монстров, хрустальный купол, оказался на высоте восьми футов.

Я подпрыгнул и ударил по ближайшему врагу, легко скрутив хрустальную оболочку и мозг в ней. Но, к несчастью, робот упал в мою сторону, сильно придавив меня. Его вес был так велик, что мне не удалось освободиться. Однако я сумел удержать медный прут и, когда другой робот наклонился, чтобы осмотреть упавшего, я нанес ему смертельный удар. Второй враг упал рядом со мной, препрепядив путь остальным. Я ожесточенно пытался освободить ногу, пока

другие Бессмертные собирались вокруг, производя странное жужжание. В конце концов, мне это удалось. Я приподнялся. Как всегда нерешительные в неожиданных ситуациях, механические существа ничего не предпринимали. Однако, когда я попробовал сделать какое-то резкое движение, один из них нанес удар металлической конечностью. Увернувшись, я прыгнул к нему и обрушил медный прут на хрустальный купол. Он разлетелся вдребезги. Но несмотря на то, что мозг уже был разрушен, робот сделал еще несколько механических шагов вперед. Я упал на землю, быстро перекатился, уворачиваясь от наступающего врага, и вскочил, крепко держа медный прут.

Остальные роботы набросились на меня, размахивая металлическими конечностями. В отчаянии, я подпрыгнул на десять футов и опустился прямо на железное туловище одного из противников, прямо рядом с хрустальным куполом. Прежде чем он смог схватить меня, медный прут с силой обрушился на его мозг. Робот упал, беспомощно молотя в воздухе металлическими конечностями. Я перепрыгнул через него, держа прут наготове. Но на этот раз, не рассчитав, попал только по туловищу следующего неприятеля, не причинив ему никакого вреда. С размаху упал на землю. И, прежде чем я смог пошевелиться, получил мощный удар в грудь и потерял сознание.

Когда я снова пришел в себя, то обнаружил, что не в состоянии пошевелиться и мрачно решил, что это конец. Но неожиданно, металлическая конечность оставила меня.

Помню только, что Праородительница оказалась рядом. Она вернулась. Ее теплое мягкое тело прижалось ко мне, а фиолетовые глаза, казалось, подбадривали меня, вселяя надежду. И снова волшебные «крылья» коснулись меня. Боль исчезла. Новый прилив сил позволил мне подняться, несмотря на глубокие раны.

Я нанес сокрушительный удар по последнему монстру. Но как только робот был повержен, силы вновь покинули меня, и я упал, кровь хлынула из горла.

И тут я увидел Праородительницу. Одна из конечностей поверженного врага задела ее, отбросив на несколько ярдов. Она медленно, пошатываясь ползла ко мне. Золотистый мех окрасился темно-красным, а «крылья» безвольно волочились по земле. Агония читалась в глазах.

Она доползла до меня и упала без сил, издавая слабые мелодичные звуки. Видимо, она пыталась что-то сказать, но не могла.

Последний из преследователей умер, и жужжание прекратилось.

Мы лежали, прижавшись друг к другу, не способные пошевелиться. В полуబреду передо мной проносились все наши приключения на этой удивительной планете. Долго мы согревали друг друга, но, в конце концов, сырость и холод победили. Я продрог, фантастические сны отступили. Я вновь пришел в сознание. Оглядываясь на свою жизнь до этого странного путешествия, я не увидел ничего кроме серых будней. Пустая жизнь без цели, прожитая импульсивно и бессмысленно. Я не сожалел о том, что прилетел на Луну.

Я оставался с Праородительницей, пока она не перестала шевелиться. Никакие усилия не могли больше пробудить ее к жизни. Я похоронил ее под зеленым мхом. Слезы текли по щекам, но я даже не пытался смахнуть их.

Затем, спотыкаясь, побрел к кораблю. Механически, как сквозь сон, задраил люк, завел двигатель и помчался к далекой Земле. В неизвестность...

БЕЗ ПОСАДОК К МАРСУ

Что-то было подозрительно не так — либо с кораблем, либо с воздухом. И Картер Ли знал, что это не мог быть корабль. Скрипящий старый «Феникс» мог стать музеиным экспонатом в мире, который был покорен новыми катионаными ракетами, но он знал каждый болт и стойку корабля. Знал его настолько хорошо, что мог бы в темноте разобрать его на части и собрать вновь. И любил его за верность шести лет и полумиллиона миль одиночного полета.

Нет, проблемы не могли быть связаны с «Фениксом». Должно быть, это все-таки атмосфера.

Он не мог понять их. Но барометрический высотомер настойчиво тянул его вниз, к ледяным вершинам, которые вырисовывались на тысячу футов выше, чем им следовало бы быть. Двигатель работал, но его мощность опасно слабела. И ветер, который нес его над полюсом, был ревущим демоном, более яростным, чем он встречал раньше.

Он мешал ему. Через всю бесконечную утомительную ночь, глухой к долгому шуму верного старого двигателя, сидя одеревеневший от холода даже в электронагреваемом костюме, глотая кофе из вакуумного кувшина, раздумывал над картами и изучая приборы до боли в налитых кровью глазах — даже после последнего странного заката он отчаянно пытался решить зловещую загадку.

Беспосадочный полет не был чем-то новым для Картера Ли. Люди, глядя в длинный список его подвигов, назвали бы его счастливчиком. Но у него было нечто большее, чем удача. В его тощем теле была потрясающая выносливость, которая была необходима, чтобы лететь дальше, один бесконечный час за другим бесконечным часом, когда большинство пилотов свалились на рулевое управление.

И этот полет — беспосадочный от Кейптауна в Гонолулу, через дно мира — обещал быть не труднее, чем остальные. Пока он не увидел этот последний закат.

Позади него, по ту сторону скалистых гранитных клыков Земли Эндерби по мере того, как он поднимался над крепостными валами полярного плато, закат становился пугающе странным. Невероятное колесо малинового цвета, простиравшееся жуткой зеленью, катилось вдоль края мира.

Полярное сияние было еще одной тревожной частью загадки. Оно пылало над ним всю эту ночь, всякий раз, когда небо было чистым, пока вся белая антарктическая пустыня не стала казаться костром во всем его зловещем великолепии.

Кроме того, был холод. Ли уже совершил полярные перелеты раньше. Но никогда он не встречал такой безжалостной температуры. Двигатель замедлялся от нее даже с закрытыми вентиляторами. Она вползла в кабину и глубоко вгрызлась в тело.

Над полюсом и Землей Мэри Берд и над темнотой Антарктики, он встретил барьер тьмы. Он попытался подняться над ним. Сонный и вялый от высоты и усталости, он открыл кислородный вентиль. Живительный газ немного привел его в чувство. Но самолет не мог подняться над химерическими вершинами. Ли летел в них и не переставал удивляться.

Бесощадные ветры сражались во мраке, и он разрывался молниями. Дождь стучал по кораблю и замерзал на нем, пока лед не покрыл почти всю поверхность. Ли боролся со стихиями, боролся с возрастающей усталостью в себе, и наконец внезапно вошел в тишину северного рассвета.

Утренняя заря, постепенно исчезая с неба, становилась алмазно-ясной. Усеянный белыми точками айсбергов, серый Тихий океан убегал назад со скоростью три с половиной сотни миль в час — скоростью, которая что-то значила, потому что он мог ее ощущать ее.

Ли чистил апельсин, начиная надеяться, что весь ужас этой ночи был результатом воображения и усталости, когда на северо-востоке он увидел нечто. На фоне красного и зеленого цвета внезапно взволновавшего его рассвета, это выглядело как серебряная нить.

Белый кружачийся вихрь — воронка огромного торнадо. В фуре от этого двигающегося над морем вихря он увидел каплю серого тумана. Верхний конец воронки странно тянулся над яркими крыльями рассвета.

Ли никогда не видел подобного шторма. Сначала он подумал, что шторм не опасен ему. Но белая корчащаяся змея приближалась к нему с ужасающей скоростью.

Он схватила «Феникс» внезапным порывом ветра, всасывая корабль в эту мчащуюся воронку. Море и небо безумно сплелись. Он поднимался так быстро, что заболели его барабанные перепонки. Он жестоко сражался со штормом, всем своим спокойным мастерством всей привычной силой корабля.

Он сражался — и победил, Белый столб оставил его, трепеща в своем возбуждении, и промаршировал на запад. Нетерпеливый взгляд на поднимающееся солнце сказал Ли, что его зашвырнуло на пятнадцать сотен миль на север.

Но он понял, с обрывающимся сердцем, что «Феникс» поврежден. Его правый элерон был изогнут и сжат силой этого невероятного ветра. Ли вынужден был посадить самолет.

Насвистывая мотив «Барбары Аллен», который всегда ободрял его, Ли изучал карты. Он нашел булавочную головку земли под названием Манумоту — единственную в тысячи миль — и повернул хромающую амфибию к ней, управляемая с помощью руля и дросселя.

Еще один провал. Два подряд, горько подумал он. В последнем полете, два месяца назад, он также потерпел неудачу, по причине, столь же странной, как торнадо.

«Биполярный» полет, так назвал этот полет Тик Тинкер. Тик был неутомимым маленьким рекламным агентом, с

одной ногой и одним глазом, партнером Ли в его своеобразном бизнесе — вырывать жизнь у воздуха. «Биполярный» потому, что путь из Кроудона в Кроудон он вдоль главного меридиана включал оба полюса. Ли должен был благополучно обогнать планету, с тремя запланированными остановками. Но полет точно так же потерпел неудачу, из-за Звездного Снаряда.

«Мы рекламная фирма на открытом воздухе, Счастливчик», — часто говорил Тик. — «Ты летаешь на своем самолете, чтобы привлечь внимание. Я продаю его тем, кто делает масло и поршневые кольца и что там еще есть. И это законный бизнес, до тех пор, пока ты сможешь продержаться в заголовках последних известий».

Но все заголовки два месяца назад были о Звездном Снаряде. Какой-то астроном по имени Гейл за день до того, как Ли должен был вылететь из Кроудона, заявил об открытии таинственной ракеты, вырвавшейся из глубин космоса и направляющейся к солнечной системе. «Биполярный» полет заслужил не более нескольких столбцов на внутренних страницах. С заголовков во всю ширину полосы лилось:

Звездный Снаряд нацелен на планеты. Будет ли Земля объектом удара?

Астрономы сбиты с толку

Когда Ли вернулся в Кроудон, а полет длился три изнурительных дня, толпы не встречали его. Идя шатаясь от пыльного забрызганного маслом «Феникса», он остановился, чтобы купить газету.

Космическое ядро попадает в Марс Земля спасена Природа объекта неизвестна

Больше новостей о Звездном Снаряде не было. Ничего более, чем рассуждения сбитых с толку ученых. Но полет был уже погублен. Тик Тинкер радиорвал:

«Поздравляю с биполярным перелетом. Но Звездный Снаряд прибрал к рукам все заголовки. Полет финансово полностью убыточен. Твое имя быстро потеряло известность. Обстоятельства вынуждают понизить ставки. Срочно

даю детали нового рекламного полета. Предлагаю что-то вроде беспосадочного полярного, рекомендую использовать машинные масла Зверолюб Брэнд.»

Вот так сообщение Тика привело его сюда, бесчувственного от усталости, направляющегося к крошечной скале, которая, вероятно, не имела обитателей.

Мотор покрыл переднее стекло мелкими брызгами масла и Ли прекратил свистеть, чтобы коротко выругать все продукты Зверолюб. Он подсоединил наушники своего шлема и включил маленький микрофон на батарейках. Их хватало только на десять минут передачи — в «Фениксе» не было помещения для более тяжелого оборудования, не было даже аварийного пайка.

— «SOS!» — передал он. — Пилот Ли на самолете «Феникс» вынужден сесть из-за шторма. Буду пытаться добраться до Земли Манумоту. SOS!

Мгновенный ответ удивил его.

— Станция Манумоту, Фонд Гейла, вызывает самолет «Феникс». Говорит доктор Э.К.Гейл. Приземляйтесь на северном побережье. Я буду помогать вам. Садитесь, самолет «Феникс».

— Самолет «Феникс» вызывает станцию Манумоту, — выдохнул Ли, успокоившись. — Благодарю вас, док. Я увижу вас, если я не упаду в воду в течение получаса. Конец передачи.

На это ушел час — час, который показался бесконечным Картеру Ли, сражающемуся с усталостью в себе и осторожно ведущему покалеченный самолет. Но в ответ наконец появился Манумоту, чисто сияя на три стороны, окаймленный с севера лоскутком кораллового побережья.

Он пересек пляж. Широкая скалистая терраса над берегом была покрыта пучками тропической зелени. На террасе стояли длинный барак из белого листового металла, белая палатка и большая куча ящиков, покрытых коричневым презентом. Развевался белый флаг. Затем он увидел крошечную фигурку, бегущую от палатки к побережью.

Приземление было опасным. Поврежденное крыло зацепило гребень волны и покрыло самолет брызгами. Он лишился устойчивости, но храбро поднялся. Ли вырулил и вкатился на ослепляющий коралловый песок.

Следуя сигналам флага, он направил «Феникс» к надежной сухой стоянке, где должны были садиться ракеты, ибо в песке были глубокие колеи, и кусты гибискуса вдали были обожжены дочерна, как от ракетных двигателей.

С трудом, его ноги были такими одеревенелыми, как будто они никогда раньше не распрямлялись, он, хромая вылез из кабины. Человек с флагом вышел встретить его. Стойная молодая фигура, в ботинках и бриджах, рубашке цвета хаки с открытым воротом, с непокрытой рыжей головой.

Встречающий поприветствовал его решительным голосом, отрывисто, безлико:

— Привет! Вы тот знаменитый Счастливчик Ли?

— Собственной персоной, — ухмыльнулся он. — И благодарю за то, что показали мне дорогу, Док.

Его челюсть отвалилась. Это была женщина — девушка. Ее решительное овальное лицо было темным от солнца. Ее проницательные голубые глаза изучали его тяжелое, качающееся тело — в целом, подумал он, без одобрения.

— О! — сказал он. — Я думал, вы доктор Гейл.

— Так и есть, — сказала она серьезно. — Доктор Элен Катрин Гейл. Его красные глаза сощурились. — Неужели вы тот доктор Гейл, который открыл Звездный Снаряд?

Она кивнула.

— Мой отец был лидером в своей научной области. Он основал Фонд Гейла. Но он умер пять лет назад. Я попробовала продолжить его работу, — она изучала его с серьезным выражением лица. — Вам не нравится мое открытие?

— Оно свело на нет мой последний полет, — сказал он. — Я прожил семьдесят шесть часов в аду. Я поставил рекорд для бензиновых полетов через два полюса. И что? Из-за

вашего Звездного Снаряда мир никогда не узнает, что я вообще отрывался от земли.

— И, как я полагаю, не стал хуже от этого. — Ли вспыхнул от легкого сарказма в ее голосе. — Однако — вы голодны?

— Умираю с голода, — ответил он. На грубый сосновый стол под белым тентом она бросила две оловянные тарелки, разделила на части открытую банку консервированного мяса и хлеб, показала большой вакуумный кофейник, огромную банку мармелада.

— Действуйте, — сказала она. Глаза Ли тупо следили за ней.

— Вы весь здешний персонал? Она кивнула мальчишечьей рыжей головой. — По необходимости, — сказала она. — Фонд основал двадцать новых метеорологических станций. Станция Манумоту была наиболее важной, потому что она находится непосредственно на курсе явлений, которые мы изучаем. Следовательно, я посчитала своим долгом назначить сюда себя.

— Без посторонней помощи?

— У меня есть два ассистента. Но у доктора Френча был приступ острого аппендицита, и Крагин увез его на ракете. Он должен был вернуться вчера. Но так и не показался. Я увлеклась... Вы сказали, что голодны.

Она выложила половину банки тушенки в свою оловянную тарелку и передала остальное Ли. Но он сидел, пристально глядя на нее. Удивление отгоняло туман сна.

— По необходимости? — спросил он.

Она кивнула.

— Что-то случилось с атмосферой.

— Я помню, при полете над полюсом были странные условия, — сказал он.

Она отодвинула тарелку, чтобы воспользоваться записной книжкой.

— Какие явления вы наблюдали? — нетерпеливо спросила она.

Он рассказал ей усталым сонным голосом о странно ярком закате, полярном сиянии, необыкновенном холода, необъяснимо низком атмосферном давлении, своеобразном торнадо, повредившем его «Феникс».

— Что все это значит? — закончил он. — Что происходит?

— Я здесь, чтобы выяснить это, — ответила она. — Закат и полярное сияние, вероятно, вызваны ненормальной электронной бомбардировкой ионосфера. Но ненормальности штормов и давления, однако, не объясняются этим. Если только не...

Она тряхнула рыжей головой.

— Единственный предположительный ответ слишком ужасен. Она быстро взглянула на свои наручные часы, сбросила остатки из своей тарелки в ведро около стола, вытерла тарелку и очистила ложку бумажной салфеткой. Встала.

— Извините меня. Но обязанности двух моих помощников теперь лежат на мне. Мое время ограничено. У меня сорок восемь минут в день для принятия пищи. Сейчас я должна просмотреть показания приборов.

— Так вот как живет леди астроном, — Ли ухмыльнулся.

— Если я могу помочь вам...

Она тряхнула головой с явным неодобрением.

— Сомневаюсь в этом. Наша работа здесь не содержит рекламных фокусов... Ешьте, сколько хотите. За перегородкой вы найдете кровать. Я радирию, чтобы за вами направили спасательную экспедицию. Пожалуйста, запомните, когда покинете нас, что политика фонда Гейла состоит в том, чтобы избегать ненужной рекламы. Главным образом, мы не хотим тревожить мир этим метеорологическим явлением, пока не будем иметь более обстоятельных данных.

Ли пристально посмотрел на нее, медленно наполняясь гневом.

— Посмотрите сюда, вы думаете, я — только тухлое яйцо?

Ее проницательные глаза безразлично окинули его.

— Откровенно, мистер Счастливчик Ли, — сказала она холодным голосом,

— ваша жизнь и ваши фокусы раздражают меня. Я не вижу, чтобы вы были способны выполнять какую-то созидательную функцию. В рискованные первые дни бензиновой авиации такие люди, как вы, испытывая технику и прокладывая пути, могли принести пользу. Но сейчас, когда катионовые ракетные двигатели настолько быстры и настолько несомненны, как солнце, вы являетесь не более, чем анахронизмом.

Ли открыл рот для протеста. Но девушка остановила его загорелой властной рукой.

— У меня нет времени слушать вас, — сказала она. — Ведь я должна выполнять крайне необходимую работу. Я уже нарушила свой график. Но я все же выделю немного времени, чтобы сказать вам одну или две вещи.

Ее загорелое лицо немного покраснело. Он слушал ее, усмехаясь.

— Сейчас, — она быстро продолжила, — если бы вы попытались совершить беспосадочный полет к Марсу, даже если вам никогда и не удастся сделать это, это было бы другое дело. Потому что вы бы расширили горизонты науки. Вы бы сделали что-то необычное и важное.

— Но ваша бензиновая развалина находится настолько же позади времени, как и вы, Ли. Именно катионовые ракеты совершают первый полет к Марсу. Я знаю человека, который может пилотировать эту первую птицу. Это Лэйрд Крагин — вы никогда не слышали о нем, потому что он не рекламный летчик. Он летчик-испытатель экспериментальных космических ракет, которые разрабатывает Фонд вместе с некоторыми военными инженерами. Вам следовало бы встретиться с ним. Потому что, долетит он до Марса или нет, он все же пытается сделать что-то реальное.

Картер Ли задохнулся.

— Послушайте, мисс Гейл, — возразил он, — вы воспринимаете меня совсем неверно. Возможно, я привык к славе, я согласен. Но сейчас это только бизнес. Я стал ненавидеть шумиху и толпы, и я всегда удираю с банкетов. Тик Тинкер

мой связной, он запускает рекламу, дает все рекомендации, наконец, руководит всем бизнесом. Мы только пытаемся заработать себе на жизнь.

Ее коричневый подбородок стал квадратным. И сквозь серый туман усталости, который наполнил его мозг, Ли внезапно осознал, что на леди астронома, несмотря ни на что, приятно смотреть.

— Можно, — сказала она холодным жестким голосом, — добывать средства существования способом, который помогает другим, кроме вас. Вы прыгаете по планете с такой же многозначительной целью и с таким же интеллектом, как у безмозглой блохи, в то время как Бог знает что творится с самим воздухом, которым мы дышим.

Она решительно отвернулась от него.

— Вы похожи на вымершего дрона, мистер Беспосадочный Ли, — сказала она. — Разница только в том, что вы не знаете этого. Закрываете на это глаза. Я должна просмотреть бароциклонометр.

Кarter Ли сидел за грубым столом, глядя из-под тента на ее торопливую мальчишечью фигуру. Он вдруг увидел, за ее живой бескорыстной работоспособностью, что она очень устала — и отчасти напугана.

Недолгий гнев на ее откровенную критику внезапно оставил его. В конце концов, правда, что благодаря старым пионерам Линдбергу, и Верду, и Посту, и Кэрригану, в области беспосадочных полетов не осталось практически ничего, что можно было бы усовершенствовать.

Нет, он заслужил ее насмешку. Но что напугало ее? Что происходило с атмосферой? Какое-то мгновение мозг Ли тщетно пытался разрешить эту проблему, но в данный момент он не мог сконцентрироваться. Все, что он хотел — это возможности выспаться.

Он встал, его тело онемело и одеревенело, и шатаясь пошел к кровати позади презентовой перегородки.

— Будь оно проклято, — проворчал он, — какое мне дело до того, что лейтенант Лэйрд Крагин летит к Марсу на бумажном воздушном змее?

Он уснул до того, как его голова прикоснулась к подушке.

— Ли! Решительный голос Элен Гейл окликнул его, напряженный от сдерживаемой тревоги. Палатка потускнела в свете странно пурпурного рассвета. Элен замерла у входа в палатку, ее лицо было таким серым и усталым, что он понял — она не спала. Элен звала настойчиво.

— Это торнадо возвращается опять. Вам лучше позабочиться о своем корабле.

Он вылез из палатки и увидел, как она бежит к длинному металлическому ангару, который скрывал ее драгоценное оборудование. Темный океан казался зловеще спокойным, и восход над ним был таким же великолепным, как и последний раз.

Наконец он увидел то, что девушка с явной колебанием назвала торнадо. Оно шло от пламенеющего востока — бесконечная спираль серебра, падающая подобно какой-то космической удочке из бездонного пурпурна над огненным восходом. Его нижний край плясал поперек моря. Оно двигалось невероятными скачками. И было окутано серым жгутом шторма.

Ли задержал дыхание и побежал к самолету, который оставался незакрепленным на длинном белом пляже, где он посадил его накануне.

Но эта белая воронка разрушения пришла с той же невообразимой скоростью, свидетелем которой он был накануне. Не успел он продвинуться и на дюжину шагов, как белая палатка парусом взмыла над его головой. Внезапный странный взрыв воздуха швырнул его плашмя. Его глаза, уши и ноздри заполнились коралловым песком.

Не более чем через двадцать секунд буря завизжала у черного пика вверху. Затем внезапно воздух опять стал совершенно неподвижным, только трепетал удивительно холодный бриз с востока, следующий за штормом.

Выплевывая песок и открывая рот для вдоха, Ли шатаясь поднялся на ноги. Воронка шторма, похожая на гайдрон, подумал он, покачиваясь, как некий невиданный воздушный шар, уходила прыжками к серому западу. Ее печальные стоны вскоре ослабели.

Ли уныло направился туда, где оставил «Феникс». Разбитый старый самолет был аккуратно перевернут на спину озорным взрывом ветра. Ли тряхнул головой и просвистел несколько тактов «Барбary Аллен».

— Слишком плохо, старушка, — ворчал он. — Но, учитывая состояние финансов Тика и высокую стоимость спасательных работ, похоже, что нам придется распрощаться.

Он приступил к осмотру станции. Палатки не было. Припасы, кухонная утварь и одеяла, которые она накрывала, были разбросаны по берегу беспокойного моря. Брезент был содран с длинной груды ящиков. В беспорядке были свалены красные барабаны каппа-концентрированного ракетного топлива, длинные цилиндры баллонов с кислородом, яркие канистры с бензином, разнообразные коробки с продуктами и оборудованием.

Но где же леди астроном? Внезапно безрассудная тревога охватила сердце Ли. Он был слишком хорошо закален, уверял он себя, чтобы чрезмерно заинтересоваться какой-то девушкой — особенно женщиной-ученым, которые, к тому же, он совершенно не нравился. Но он побежал через разбитый лагерь, выкрикивая ее имя с дрожью в голосе.

— Мисс Гейл! Вы слышите меня? Элен!

— Доктор Гейл, если вы слышите!

Ее резкий голос донесся изнутри длинного барака обсерватории. Половина металлической крыши была содрана. Большинство оборудования внутри было разрушено громадным валуном, который ветер швырнул с темных утесов наверху. Но стройная спокойная девушка, за исключением пришедших в беспорядок коротких рыжих волос и грязного пятна смазки на загорелой щеке, выглядела нетронутой.

Она печально перебирала клубок изогнутых рычагов и разрушенных записывающих цилиндров.

— Нет больше бароциклонометра, — сказала она. — Но мои визуальные наблюдения говорят о том, что нам крайне необходимо срочно связаться с внешним миром. Я думаю, мои наихудшие опасения оправдались.

— Ладно, доктор Гейл, — предложил Ли, — если вы обнаружите, что вам необходимы мои услугах, вы только скажите.

— Я сомневаюсь, что вы будете очень полезны, — из рассеянности в ее голосе он знал, что она отдает ему менее половины своего внимания; ее глаза все еще спокойно оценивали разбитое оборудование. — Если вы можете отремонтировать свой самолет, вы лучше улетайте отсюда до завтрашнего утра. Манумоту — опасное место, особенно сейчас. И мне кажется, вы обнаружите, что во мире есть более насущные дела, чем организация спасательных экспедиций с целью найти пропавших пилотов.

— Благодарю вас, доктор, — поклонился Ли. — Я надеюсь, вы сможете выдержать удар. Полагаю, что летные дни «Феникса» закончились.

— В таком случае, — ее голос был абсолютно спокоен, — вы лучше займитесь спасением того, что можно, из снабжения и оборудования. В конце концов, если мои опасения верны, не будет большой разницы в том, покинете вы Манумоту или нет.

Ли провел все утро, складывая разбросанные ящики и цилиндры так, что они образовали три стены крошечного укрытия, покрывая его разорванным брезентом и собирая пищу и полезные вещи, найденные на пляже.

В полдень, когда он понес тарелку с едой и дымящуюся жестянку свежего кофе девушке в здание обсерватории, он нашел ее покрытую грязью, работающую в полной тишине с рукояткой маленького двигателя-генератора. Она отмахнулась от него.

— Нет времени на еду, — сказала она. — У меня есть данные крайней важности, которые я должна отправить. Мне необходимо, срочно связаться с Вашингтоном и нашей лабораторией в Аламогордо. Но что-то не в порядке с этой установкой.

Ли бросил быстрый взгляд на упрямый механизм. Он поставил тарелку на пустую упаковочную коробку рядом с ней и закатил свои рукава.

— Не пришло ли вам на ум, — поинтересовался он, — что, зарабатывая себе на жизнь последние десять лет полетами с помощью бензиновых двигателей, я, пожалуй, что-то знаю о них? Я вижу, что ваш карбюратор разбит. Если вы съедите обед, я сделаю вам новый.

На ее лице появилось усталое облегчение.

— Если вы можете это сделать, — согласилась она. Пока Ли искал жестяные куски и пустые консервные банки, она села на бетонный пол возле упаковочной коробки, глотала горячий кофе, заглотила с жадностью сэндвич с консервированной ветчиной и потянулась за другим. Посреди этого движения ее рыжая голова упала на колени. Ли услышал длинный вздох и понял, что она уснула.

— Бедное дитя, — пробормотал он. Даже урчание маленького мотора через десять минут не разбудило ее. Ли согнул прикрепленную жесть, которая регулировала смесь, затем быстро проверил соединение коротковолнового передатчика.

Он переключил на прием. Статика сердито заворчала ему. Незнакомый вид статики. Ее хныкающее завывание странно напоминало рев прошедшего шторма. Оно регулярно нарастало и падало.

Сквозь него, однако, он поймал какую-то станцию — и от услышанного он окаменел от страха. Некоторое время он слушал, поглощенный, затем вдруг заторопился разбудить девушку.

— Вы справились? — выдохнула она, вскакивая. — Я не собиралась спать

— не время.

Он сильно схватил ее стройную загорелую руку.

— Элен, — спросил он. — Что случилось? Я только что слушал. Происходит что-то ужасное. Что это? Вы знаете?

Ее голубые глаза сверкнули в его сторону. Они были темными со сна — и, подумал он, от страха. Быстро и резко ее голос спросил:

— Так что же вы услышали?

— Штормы, — сказал он коротко. — Феноменальные штормы. Жестокий холод не по сезону. Ледяные штормы даже в тропиках. Приливно-отливные волны. У атлантического побережья они убили уже, вероятно, тысяч сто человек. Коммуникации, конечно, везде разрушены. Растет паника.

Он притянул ее легкое тело к себе.

— Что-то произошло с воздухом, Элен. Вы знаете, что это? И когда это прекратиться?

Она медленно кивнула.

— Боюсь, я знаю, что это такое, — сказала она. — Мои послания не принесут спокойствия миру.

— Что это? Она освободила руку. — Нет времени рассказывать вам сейчас, — сказала она. — Я должна переговорить с Вашингтоном и Нью-Мехико. И с Лэйрдом Крагином — если он еще жив. Наша работа здесь должна быть закончена к сегодняшнему вечеру. Когда наступит завтра, может, не быть никакого Манумоту.

Ли открыл рот.

— Но...

Торопясь к радио, она на секунду остановилась.

— Я покажу вам сегодня вечером, — пообещала она ему. — Если будет достаточно видно для телескопа и, если мы будем живы к тому времени.

Она больше не обращала на него внимания. Он приготовил еду для себя, поел, затем потратил час на изготовление маленького убежища, возможно, более надежного против

чего-то, что, как ожидала девушка, случится на рассвете. И затем, тяжелый от накопившейся усталости, он опять уснул.

Когда он проснулся, воздух на пляже был необычно холодным, и еще одна заря сверхъестественного великолепия горела красным в зените. Он зажег костер из леса, прибывшего к берегу моря, выставил новую еду и позвал девушку. С благодарностью делая маленькие глотки из чашки с горячим кофе, она подарила ему короткую улыбку.

— У вас есть дар, Ли, — сказала она ему. — Дар, который тратился впустую. — Ее темные глаза изучали его. — Сейчас, я думаю, у вас есть очень маленькая возможность воспользоваться им.

Сидя молча какое-то время в пляшущих отблесках костра, она начала ссыпать холодный коралловый песок через свои пальцы в маленькие белые пирамиды.

— Если мои заключения оправдаются сегодня вечером, — сказала она, — я думаю, созидательные функции нашей сегодняшней цивилизации подойдут к концу. Планета, вероятно, останется пригодной для некоторых форм жизни. Люди могут даже уцелеть в таких местах, как Долина Смерти. Но это будет довольно странно, если человеческой расе удастся вернуть свое превосходство.

— Скажите мне... — начал Ли.

Она посмотрела на часы и стала изучать темнеющее на востоке небо. — Через десять минут, — сказала она, — я смогу показать вам, показать вам, почему Земля в дальнейшем будет небезопасным местом для беспосадочных полетов. Ли затаил свое дыхание. Он перевел взгляд с девушки на низкое многоцветное пламя дров и снова на нее.

— Доктор Элен Гейл, — сказал он ей очень серьезно, — я чувствую, что ваши откровенные замечания дали мне право выразить такое же чистосердечное мнение о женщинах-астрономах.

Она кивнула и вновь посмотрела на восток.

— Я занимался своим делом не только ради развлечения, хотя я от нее получал удовольствие, — сказал он ей. — Я

пытался собрать две сотни тысяч долларов, чего было бы достаточно, чтобы начать производство приспособлений, которые я придумывал для увеличения удобства пассажиров ракет, и построить дом.

Сейчас в его голосе было усталое одиночество.

— В течение сотен и тысяч часов, сжавшись в кабине старого «Феникса», я преодолевал усталость и потребность в сне, мечтая об этом доме. Иногда он находился на отмелях Флориды. Иногда в маленькой зеленой долине, которую я видел в горах Колорадо.

Он смотрел на девушку через огонь.

— Но всегда наиболее важным моментом всего этого была женщина, которая будет жить в нем вместе со мной. Я рисовал в мыслях одну, а затем другую, но никто из них, доктор Гейл, не подходила так хорошо, как вы... Полагаю, я должен поспешить добавить, в некоторых отношениях.

— Вы, должны понимать, что я говорю вам это только для того, чтобы поставить точку... Но благодаря вашему Звездному Снаряду Тик Тинкер и я никогда не будем иметь больше пяти тысяч на общем счету.

Улыбка коснулась ее худого лица в отблесках костра.

— Физически, — сказал он ей, — вы подошли бы превосходно. И вы имеете ум, быстроту и, я верю, чувство юмора. Но, к сожалению, вы обладаете другими качествами, которые перевешивают все эти.

— Попробуйте вообразить себя, живущей цивилизованной жизнью в цивилизованном доме, — бросил вызов он. — Вы просто не смогли бы сделать это. Вы не приспособитесь... И не только благодаря режиму с сорока восемью минутами в день для принятия пищи. Я надеюсь, я поставил свою точку — что женщины астрономы, которые полностью игнорируют тот факт, что они женщины, так же не имеют места в цивилизованном мире, как и последние беспосадочные пилоты.

Ее первый низкий смех и легкое веселье в глазах поколебали его аргументы. Но ее хохот становился выше и более

задыхающимся, а она все не могла остановиться. Ли увидел, что она в истерике. Он плеснул холодной морской воды из маленькой консервной банки ей в лицо. Она задержала рыдающий вздох и в ее глазах появилась подавленность. После еще одного быстрого взгляда на часы она внезапно поднялась.

— Идемте, — сказала она с дрожью в голосе. — И давайте посмотрим, будут ли какие-либо дома в будущем мире.

Массивный двенадцатидюймовый рефлектор виднелся в щель в том конце здания, которое избежало разрушения. Его часовой механизм под жужжащим маленьким двигателем-генератором приглушенно тикал.

Видимая в тусклом свете затененных электрических ламп, девушка повернула турель и быстро установила орбиты. Еще до того, как она это сделала, Ли знал, что ее объектом была красная точка Марса на востоке.

Долгое время, прижавшись глазами к линзам, она молчала. Ли видел, как дрожала ее маленькая рука, вновь и вновь касавшаяся рычагов управления. Наконец она поднялась и стояла, молчаливо и пристально глядя на восток и время от времени потирая свои красные глаза.

В ее лице не было ни кровинки.

— Ну что? — спросил Ли.

— Это то, что я думала, — прошептала она. — Марс!

Ли двинулся к месту, которое она оставила. Его глаза нашли окуляр. В его маленьком темном диске единственная звезда пылала то красным, то синим светом. И диск Марса, все еще был слишком близок к горизонту, чтобы его можно было хорошо рассмотреть, он туманился, мигал и дрожал, как будто нарисованный на черном, бьющемся на ветру флаге.

Даже в то мгновение, когда видимость стала хорошей, эта туманность не исчезла. Но он смог разглядеть широкие темные метки на экваторе — фактически темнее, чем он предполагал — и белый эллипс шапки на южном полюсе.

Две увиденные им вещи озадачили его. Рядом с полярной шапкой было маленькое темное пятно — наиболее темная метка на планете — которое имело странный багровый цвет. И через всю желто-красную планету к нему была прочерчена изгибающаяся серебряная нить.

Изображение затуманилось и замерцало вновь, и Ли нетерпеливо отошел от прибора. Слабая боль билась в его не-привыкших глазах. Он озабоченно повернулся к девушке.

— Пока что я ничего не понимаю, — сказал он. — Я видел маленький пурпурный круг недалеко от шапки полюса. И странную белую нить, которая, извиваясь ведет к нему. Но все затуманено.

— В том-то и дело, — сказала она усталым голосом. — Марс затуманен и неясен из-за атмосферы — атмосфера, украденной у Земли. Серебряная нить — это другой конец трубы той силы, которую мы назвали торнадо — всасывающей воздух от Земли к Марсу!

До него не сразу дошел ужас сказанного. Вскоре он почувствовал, как шок от этого пробежал через все тело, и он слегка покачнулся.

— Но, — пробормотал он наконец, — я думал, что марсиан не существует.

— Все давно согласились, что разумных обитателей нет, — сказала она.

— Мой отец отказался от последней большой попытки послать сигнал на Марс десять лет назад. Но с тех пор что-то случилось с Марсом.

— Что?

— Случилось то, — сказала она медленно, — что это красно-синее пятно, под другим концом трубы вихря, находится как раз там, где ударил в Марс объект, названный нами Звездным Снарядом. Два месяца назад.

Он взглянул на нее в темноте обсерватории.

— Далее — вы думаете...

— Вывод неминуем. Звездный Снаряд был кораблем. Он принес живых существ на Марс, откуда-то. Им нужна более

плотная атмосфера для выживания. На Земле сейчас, в противостоянии, меньше, чем в пятидесяти миллионах миль пути — они увидели атмосферу, которая им требуется. Благодаря той науке, которая построила и запустила Звездный Снаряд, они потянулись, чтобы взять то, что им нужно.

Ли уловил ее мысль.

— Почему они сразу не сели на Землю?

— Зачем им делать это, если они способны дотянуться от одного мира к другому, чтобы взять то, что они хотят? Может быть, Марс, имеющий половину солнечного света Земли и треть ее силы тяготения, подошел им больше в других отношениях?

Мозг Ли закрутился.

— Похищение воздуха планеты? Как они могут это делать?

— Я видела один ключ, — сказала девушка ему. — Два спутника очень трудные объекты, даже при усовершенствовании этого оборудования. Было трудно их найти. Когда я смотрела, они оба были слишком далеко от планеты. Они устремились в космос, прочь от своих старых орбит!

— И это значит...

— Это значит, что они отсечены от гравитационного притяжения Марса. Я думаю, это потому, что гравитационная тяга планеты благодаря могуществу науки, полностью вне нашего понимания, была сфокусирована в трубу силы, которая протянулась через космос на пятьдесят миллионов миль к нашей атмосфере.

— Это странное торнадо?

— Именно, — девушка кивнула. — Нашу атмосферу вытягивает по нему. Кажется, что он огибает Землю каждый день, потому что Земля вращается под ним. Это вызывает сильные течения воздуха, и сама потеря воздуха создает шторма. Необычные закаты и зори, несомненно, являются побочным проявлением сил, которые формируют и направляют трубу.

Рядом с девушкой Ли всматривался сквозь узкую щель. В полосе пурпурного неба Марс был зловещей красно оранжевой точкой. Его ошеломленный мозг искал понимание этой угрозы.

— Что мы можем сделать? — прошептал он. Голос девушки был сух. — Вероятно, они межзвездные путешественники. Они пришли с юга, вполне вероятно, что с одной из ближайших звезд Центавра. Существа, способные на такие полеты, должны быть настолько же далеки от нашего понимания, как мы от понимания муравьев. И мы должны быть настолько же беспомощны против них.

— Муравьи могут жалить, — проворчал Ли. Но дыхание ночного воздуха через щель показалось ужасно холодным, и он снова вздрогнул. — Когда, как вы думаете, это прекратится?

Рыжая голова Элен Гейл устало качнулась в темноте.

— Кто знает? Мы можем выделить им половину нашей атмосферы и после этого существовать в низинах, хотя климат везде будет более суровым. Возможно, они удовлетворятся этим. Возможно, движение Земли по своей орбите разорвет их силовую трубу — до следующего противостояния, через два года.

— Марс более маленькая планета, — сказал Ли. — Им не нужно так много воздуха.

— Так как гравитация меньше, — сказала ему девушка, — то, чтобы получить определенное давление и плотность, требуется больше.

— Итак, мы в их милости. И ничего не можем сделать.

Ее лицо стало серым и отчаявшимся.

— Люди будут реагировать согласно своим свойствам, — сказала она. — Большинство населения уже повергнуто в беспомощную панику. Оставшиеся правительства перед своей смертью будут пытаться мобилизовать свои армии — против врага, которого никогда даже не видели. Только несколько ученых попытаются провести спокойный анализ

проблемы, попытаются открыть то, что можно сделать, если что-то можно сделать. Но я сомневаюсь в этом.

Ракета прибыла перед полуночью. Элен Гейл провела у радио весь вечер, направляя ее своими сигналами, слушая отчеты о всепланетном смятении и ужасе и тщетно пытаясь передать хоть какое-то сообщение от лаборатории ракетных исследований своего фонда в пустыне Нью-Мехико.

Когда голубые люминесцентные ракетные двигатели черкнули по звездам, Ли побежал с сигнальными ракетами, чтобы осветить пляж. Ракета круто спустилась под пугающим углом, передняя форсированная тяга остановила ее в большом облаке голубого пламени, и два человека выскочили из нее.

Девушка пошла вместе с Ли навстречу прибывшим. Маленький седой человечек с торчащей бородой был доктором Лэймоном Дувалом, помощником директора Фонда. И высокий стройный пилот в черном шлеме, Ли знал без вопросов, был Лэйрд Крагин.

Крагин был залеплен бинтами и прихрамывал. Девушка кивнула старшему мужчине, поприветствовала Крагина горячим рукопожатием. Его красивое лицо улыбнулось ей.

— Извини за опоздание, Гей, — сказал он, — но этот странный шторм разбил меня на Маркизовых Островах. Пришлось ждать доктора Дувала, в другой ракете. Но вот мы и здесь!

Вмешался неприятный степенный голос старшего мужчины:

— Вы совершенно уверены, доктор Гейл — уверены в фактах, которые вы передали? Вы действительно полагаете, что звездные захватчики на Марсе лишают Землю ее атмосферы?

— Дувал, — отрывисто спросила девушка, — я совершила ошибки?

— Я знаю, меньше, чем какой-либо другой человек из тех, кого я знаю,

— согласился он. — Что ты думаешь делать?

— Сразу вернуться, — сказала Элен Гейл немедленно. — Получить полную поддержку от президента и Военного Департамента. Поторопиться с завершением подготовки нашей экспериментальной ракеты в Нью-Мехико. Вооружить ее. Послать ее к Марсу, чтобы остановить утрату атмосферы.

Седая голова Дувала качнулась сомнением.

— Мы можем сделать только одну вещь, — согласился он. — Но ты знаешь, что я был ответственным в Аламогордо. И я достаточно уверен, что наша ракета не может быть завершена до того, как потери воздуха, продолжающиеся с нынешней скоростью, заставят отказаться от проекта.

— Даже, — добавил он с плохим предчувствием, — не считая недель, необходимых для полета...

— Во всяком случае, — прервала его девушка, — мы должны попытаться. Я полечу в Америку вместе с вами сегодня вечером.

— Сегодня вечером? — Картер Ли повторил ее последние слова. Он инстинктивно схватил руку девушки.

— Я должен лететь с вами, Элен, — сказал он хрипло. — Я поведу вашу ракету к Марсу.

— Благодарю вас, Ли, — она быстро повернулась к нему. — Но вы не ракетный пилот. — Она вновь повернулась к Крагину. — Грузи топливо и кислород. У нас нет времени.

— Алле, — в ровном голосе Лэйрда Крагина не было большой сердечной признательности. — Так вы Счастливчик Ли. Без Посадок? Ну, видно, вы остановились сейчас скорее в несчастливом месте. Лучше наблюдать этот штурм во время рассвета. В тридцатых широтах вокруг всего земного шара он выкашивает большие участки. Герт и Буэнос-Айрес уже позади.

— Подождите минуту, — сказала девушка. — Я должна взять некоторые записи.

Картер Ли наблюдал, как она побежала назад в темень, к обсерватории. Молча слушая Крагина, и помогая поднять

баллон с каппатопливом, он пытался подавить отчаяние, овладевшее им.

— Извини, стариk, — сказала Крагин. — Но я считаю, что эта работа станет моей. Я испытывал экспериментальные модели. Если Гей пошлет свою ракету к Марсу, я отправлюсь в ней.

Ли перестал дышать. Лэйрд Крагин был, без сомнения, храбрым и опытным человеком, даже сейчас, обещая встретиться лицом к лицу со смертью ради Земли. Но вдруг Ли почувствовал слепую дикую ненависть к нему. Он задрожал, и его кулаки сжались. Слезы наполнили его глаза, пока девушка, бегущая из темноты с толстым грубым чемоданом, была только смутной тенью.

— Мы бы с удовольствием подбросили тебя, стариk, — в голосе Крагина чувствовалось легкое сожаление. — Но это только трехместная ракета. И у нас нет времени...

— Благодарю, — сумел сказать Ли. — Но у меня есть старый «Феникс».

Элен Гейл остановилась, чтобы взять его руку. Он почувствовал ее сильные и холодные пальцы.

— Продолжайте, Ли, — сказала она отрывисто. — Извините, мы должны оставить вас. Наблюдайте штурм. Сделайте что-то, используйте, если можете, наше здешнее оборудование и инструменты. Выбирайтесь, если сможете, к северу по его следу.

Ли не ответил.

Дувал был уже в ракете. Крагин подтолкнул девушку внутрь, прыгнул за ней, сдвинул вперед изогнутый прозрачный люк. Ли стоял в тупом оцепенении, пока пилот открывал его опять, чтобы прокричать предупреждение.

Он, спотыкаясь пошел назад. Голубые электронные выхлопные трубы взревели возле него. Его кожа горела. Озон обжег его легкие. Ослепленный, он закрыл глаза. Когда он смог опять видеть, ракета была бледной голубой звездой, снижающейся и исчезающей на северо-востоке.

Картер Ли стоял на пляже, мягко насвистывая грустные ноты «Барбары Аллен». Один на Манумоту. Была полночь. Шесть часов, больше или меньше, до того, как эта вращающаяся вокруг мира воронка появится вновь.

Но юге, позади темного очертания скалы, вновь разгоралась необычная заря. Брызги зеленого и оранжевого цвета перебегали через зенит. Этот жуткий свет озарил старый «Феникс», лежащий вверх дном на тусклом белом пляже. Он с трудом потащился к нему.

— Ладно, старушка, — пробормотал он. — Была авария или нет, похоже, мы должны сделать еще один полет, если не мы не хотим, чтобы этот ветер унес нас в пространство между мирами.

Он внезапно остановился на коралловом песке. Его глаза быстро поднялись от сплющенного старого самолета на пляже к красному и зловещему глазу Марса, сейчас уже прошедшему зенит. Его мозг нарисовал эту серебряную нить от мира к миру. И его губы сжались для беззвучного свиста.

— А почему бы нет?

Он заковылял к старому самолету. Его дрожащая рука прикоснулась к холодному металлу винта. Его голос был быстрый и задыхающийся.

— Почему бы нет, старушка? — пробормотал он опять. — Воздух есть на всем пути. А где есть воздух, ты можешь лететь на бензине. Он разреженный и свирепый, может быть. Но мы и раньше летали высоко, и встретили свою порцию ударов.

Он прошелся вокруг самолета, проверяя руль направления и руль высоты.

— Резкий ветер, я догадываюсь. Но он будет позади нас. А когда тебе надо проделать пятьдесят миллионов миль, тебе нужен ветер, который дул бы тебе в спину!

Он всматривался в темноту поврежденного элерона.

— Процентное соотношение может быть миллиард к одному против нас. Но какая разница? Ты уже такое же

ископаемое, как додо, старушка. И я тоже. И у нас есть способ сделать это фактом.

— В конце концов, почему нет? Она, вероятно, полетит к Марсу с Крагины, если они сделают свою ракету. А мы можем быть уже там и встретить их.

— О'кей, Герцогина! Давай готовиться к отправлению!

Он знал, что будет нелегко выправить самолет и подготовить его за те шесть часов, которые остались до возвращения воронки. Но он уже был раньше в затруднительных положениях, почти в таких же тяжелых. Как-то он спустился на арктическую тундру с поломанным рулем направления и выстрогал новый свой собственный...

К счастью, он имел инструменты и оборудование покинутой станции. Он вернулся за веревками и снаряжением. Через час старый корабль опять был на своих шасси с не более, чем незначительными повреждениями.

Он завел двигатель, поставил корабль рядом со зданием, где был электрический свет, и приступил к работе над изогнутым элероном. Когда он был грубо исправлен, Ли сделал половину других необходимых приготовлений — и все же по опыту он чувствовал, что, могут быть какие-то невидимые повреждения, которые он не сможет обнаружить, пока корабль не поднимется в воздух.

Четыре драгоценных часа ушли прежде, чем самолет стал готов к погрузке. Необходимо было иметь две вещи — бензин и кислород. Воздух на Земле уже стал разреженным, но он будет еще разреженнее в трубе. Отшвыривая в сторону цилиндры ракетного топлива и ящики с инструментами, он начал подносить канистры с бензином и переливать его в пустые баки. Десять галлонов на рейс. Пустые баки вмещали три сотни, и он сложил канистры позади кабины.

Южный Крест опрокинул над пиком. Время кончилось. Он часто и тяжело дышал. Даже в утренней прохладе от промок от пота. К счастью, Фонд был очень щедр на топливо для мотора-генератора и печей. Чем ниже процент октанана, тем

больше оно подходит старому мотору. Но ему удалось бы стартовать и на другом топливе.

Первый зловещий луч появился на востоке до того, как задача была уже выполнена. Теперь кислород. Он шел, шатаясь под весом длинных стальных цилиндров. Четыре штуки. Это все, что он отважился погрузить.

Теперь красные языки прыгали на востоке, вихрь вскоре должен был быть здесь. Или должен был встретить его на высоте — какую только способен был набрать «Феникс». И даже в более мягких руках верхней атмосферы удары будут в основном против него.

Ли сделал последний рывок для погрузки пищи. Он подобрал истертую книгу Китса, с именем Элен Гейл. Кто бы мог подумать, что женщины астрономы читают поэзию? Он поднялся в кабину и надавил пяткой педаль стартера.

Пока мотор стартера набирал обороты, он привел в порядок свой шлем, проверил кислородные трубки и редукционный клапан. Он установил высотомер и часы, поставил триммеры дифферента руля направления и руль высоты на нейтраль. Включил сцепление и древний мотор заревел.

Мелкие капли масла на ветровом стекле напомнили ему, что мотору требовался тщательный осмотр. Если бы было время и средства...

— Сумасшедший, — пробормотал Ли, — к Марсу!

Несмотря на рев, он начал насвистывать «Барбару Аллен».

Пока двигатель разогревался, он нажал кнопку, которая выравнивала шаг винта, и распланировал взлет. Пляж сейчас был призрачной серой полоской, ниже странной зари — слишком короткий для «Феникса» со всем грузом.

Он направился к восточному концу пляжа, разворачиваясь лицом к беспокойному западному ветру, нырнул в него со скоростью выстрела. Корабль был слишком тяжелый. Даже при отжатой вперед рукоятке на всем протяжении пути хвостовое колесо все еще волочилось. И белая капля,

летящая над черными зубами скал позади пляжа, мчалась к нему.

Но хвост поднялся над землей. Колеса хлопнули по песку, поднялись, просто оставляя горы позади. Ли испустил длинный тяжелый вздох. Он нажал кнопку, которая убирала шасси. Стрелка скорости самолета прыгнула вперед.

Над темным беспокойным морем к северу от Манумоту от повернул на восток. С каждым мгновением небо разгоралось все краснее. Он наблюдал за нитью серебра на нем и удерживал рули высоты, чтобы сохранить устойчивый набор высоты.

Он продвинул вперед крышку кабины. Воздух вокруг него был неожиданно спокойным. Он ощущал мгновение передышки перед кризисом впереди. Его глаза на миг остали панели приборов, нашли потрепанную маленьющую книгу рядом с ним.

— Сентиментальный дурак, — пробормотал он. — Элен Гейл не стала бы нести ненужный груз к Марсу.

Он опять отодвинул крышку кабины, бросил книгу в визжащий ветер, и тотчас пожалел, что сделал так. Он опять посмотрел на восток. Торнадо пока не было. Неужели он сейчас обманет его ожидания?

«Феникс» поднимался со скоростью двенадцати сотен футов в минуту. Кабина стала холодной. Он включил согревающие блоки в своем костюме. Его глаза заболели. Легкие начали тяжело дышать в разреженном воздухе. Он отрегулировал маску в своем шлеме, открыл кислородный клапан.

Потом он увидел воронку. Она шла к нему подобно качающейся серебряной веревке. Автоматически он накренил самолет, полетел прямо на нее. Он видел, как ее пляшущий кончик коснулся Манумоту, приблизительно около шести миль внизу. Все зеленое как по волшебству исчезло с его черных скал, и гора моря встала над ними.

Первый порыв ветра овладел им так яростно, что корабль потерял скорость. Бесполезный штурвал освободился

в его руках, он толкнул его вперед, рвал двигатель до тех пор, пока корабль не ожил, дернул штурвал назад.

Он попытался набрать высоту рядом с серебряной воронкой, втиснулся в нее. Но удар ее схватил его с жестоким и непреодолимым ускорением. Кровь отлила от его головы мрак давил на него. Он беспощадно сражался за сознание и силу, чтобы удержать нос самолета впереди.

Он сражался целую вечность. Его пилотирование кораблем, быстрые и искусные реакции, которые сохраняли его живым и вкручивали в изгибающийся ствол серебра, его ловкость была лишь наполовину осознанной. И он не сознавал ничего, кроме жизни.

Это убийственное давление, однако, наконец ослабело. Его напряженное сердце стало биться легче. Он опять почувствовал самолет, скрипящий, погнутый,мятый, но пока удивительно целый.

Он открыл кислород, отрегулировал пропеллер, чтобы увеличить его шаг до предельного, открыл запасной нагнетатель. Холодный газ опять наполнил его легкие, и он стал осознавать вещи, находящиеся вне самолета.

Ли знал, это был удивительный момент. Изгибы серебряной трубы казались полностью закрытыми со всех сторон. Он знал, что в них есть воздух и самолет сейчас имел скорость совершенно вне понимания. Еще казалось, что странная тишина окружает его, и он без труда удерживал самолет, двигатель на средней скорости в середине этого спокойствия.

Хотя он и знал, что труба не может быть ничем материальным, не более, чем вихрем эфирной силы, ее стены выглядели совершенно реальными, почти похожими на стекло.

Чем бы они ни были, он вскоре понял, что лучше их не касаться. Благодаря вертящейся впереди в воздухе палке, выросшей в большое черное бревно — ободранный ствол какого-то громадного дерева, вырванного, подумал он, в Манумоту. Он видел его приближение к этой прозрачной стене.

Видел, как оно мгновенно превратилось в тонкий рассеивающийся дымок пыли и щепок.

Он изогнулся в кабине и увидел Землю позади себя. По ту сторону мерцающих стен трубы она была громадным полушарием, висящим во мраке. Голубой и туманный, с латками огромных белых локонов облаков. Америка теснилась возле его края — безбрежное пространство белого со снегом не по сезону. Азия была невидима в темноте.

Земля заметно уменьшалась. Это было странно, подумал Ли, она все время казалась меньше и в то же время более близкой, а не далекой. Две Америки утончались и ползли очень постепенно за светящуюся дугу мира. Пятно Австралии медленно вышло из ночи. Он знал, что сейчас невидимый конец трубы разрушительно скачет поперек нее.

Постоянное давление заставило его вернуться опять на место. Сначала Ли его едва замечал. Но необходимо усилие, понял он, чтобы удерживать свои руки против него. Мускулы шеи уже болели.

Это было очень сильное ускорение. Быстро, даже более, чем быстро, это непреодолимое всасывание тащило его к Марсу. До сих пор все шло хорошо. Он обвел самолет вокруг гранитного камня приличного размера, втянутого воронкой вместе с ним.

Происходящее было неслыханным. Полет к Марсу на «Фениксе» — который Тик Тинкер сохранил от утилизации десять лет назад. Раньше первой катионовой ракеты.

Но, неслыханно или нет, это происходило. После напряжения и волнения последних нескольких часов, Ли почувствовал давление сводящей с ума монотонности. Он уже устал от управления самолетом. И он нашел этот полет наиболее изнуряющим из всех сделанных им.

Воздух был слишком разреженным, настолько разреженным, что двигатель кашлял и запинался, даже под обоими нагнетателями. И хотя кислород шипел постоянно, он чувствовал вялость и угнетенность. К тому же холод яростно

набрасывался на него. Даже обогревающий костюм не мог защитить его.

Ничего не менялось. Был корабль и серебряная труба. Земля вскоре стала исчезающей точкой позади, рядом с исчезающей Луной, и только красноватая точка Марса оставалась впереди. Он немного поел из своих скучных припасов, когда часы напомнили ему об этом.

Через тусклые стены трубы космос казался очень темным. Звезды были более яркими, более насыщенными, чем всегда представлялось ему. Но среди этих мириад он не смог найти практически ни одного известного созвездия. Он чувствовал себя затерянным среди их чуждого великолепия.

Он посмотрел на часы. Их стрелки ползли с мертвой медлительностью. Наконец прошел один день. Начался другой. Его тело болезненно покалывало и затем пришло оцепенение от холода и усталости. Сон вползал в его мозг.

Но разбитое вдребезги бревно сказали ему, что может случиться, если его внимание ослабеет.

— Если беспосадочные перелеты вымерли, — пробормотал он, — то это хорошо.

В своем первом безумном решении и во всех опасностях, которые он встретил, Ли не думал о том, что же может случиться дальше. Но сейчас, в этой бесконечной монотонности, у него было достаточно времени, чтобы взвесить этот вопрос: «Что я буду делать, когда окажусь на Марсе?»

У него был автоматический пистолет сорок пятого калибра и полдюжины запасных обойм с ним в кабине — такой же древний пережиток, как и «Феникс». Сейчас, с таким оружием, мог ли он справиться с наукой, которая создала эту межпланетную трубу?

В данный момент его замедленный усталостью мозг, сбитый с толка, почувствовал отвращение к этой проблеме.

Каждый тягучий оборот минутной стрелки казался вечностью. Но, наконец, Марс начал расти рядом с бесконечными серебряными витками трубы. Он превратился в разбужающий гипнотический глаз.

Ли стряхнул с себя монотонность и сон. Но Марс смотрел на него. Это был золотисто-красный глаз того зловещего разума, который похищал воздух Земли. Ли старался не смотреть на него, ибо красноватый пристальный взгляд был беспощаден.

Он вздрогнул и проснулся. Старый «Феникс» скрипел и содрогался. Правое крыло коснулось серебряной стены и было разрушено. Искореженный металл хватал воздух, создавая торможение. Он установил руль направления для компенсации.

Но труба начала расширяться. Течение воздуха стало медленнее. Непреодолимая сила толкала его назад в кабину. Ветер ревел вокруг «Феникса». Он круто спускался к Марсу.

Ли уменьшил газ, затащил старый самолет назад в спираль. Яростные вихри били по нему. Самолет стонал от напряжения. Кусочки металла отлетали от поврежденного крыла. Больше и больше, оно тянуло и опускалось.

Но Марс быстро рос.

Ли посмотрел на часы. Только пятьдесят часов прошло с тех пор, как он поднялся с пляжа Манумоту. Он должен был пройти пятьдесят миллионов миль. Миллион миль в час — давай, Лэйрд Крагин, побей это!

Лицо Марса росло вширь под ним. Его красно-оранжевый цвет был все больше и больше испещрен белыми пятнами украденных с Земли облаков. Но он нашел белый эллипс сморщенной полярной шапки, растущий пурпурный круг, выше отступающего края, где приземлился Звездный Снаряд.

Круто спускаясь через расширяющуюся воронку, которая смягчалась воздушными струями с Земли, он направил круглую спираль «Феникса» к пурпурному кругу. Ли решил приземлиться в его середине. И попытаться нанести ему удар таинственной науке его создателей, насколько сможет со своим измученным телом и несоразмерным оборудованием.

Дерзкая решимость поднималась в нем. Дикий энтузиазм наполнил его — первый человек, который прошел

космос до Марса! Он был представителем всего человечества и чувствовал силу всех людей в себе. Он был непобедим. Если он должен, подумал Ли, он сделает ядро из «Феникса» и спикирует во что-нибудь, напоминающее сердце моих врагов.

В своем лихорадочном возбуждении он хотел откинуть люк кабины и пронзительно кричать. Его легкие горели. Затем быстрый взгляд на барометр показал то, что он зареги-стрировал. Давление воздуха опять повышалось. Он испытывал кислородное опьянение. Ли частично прикрутил вентиль.

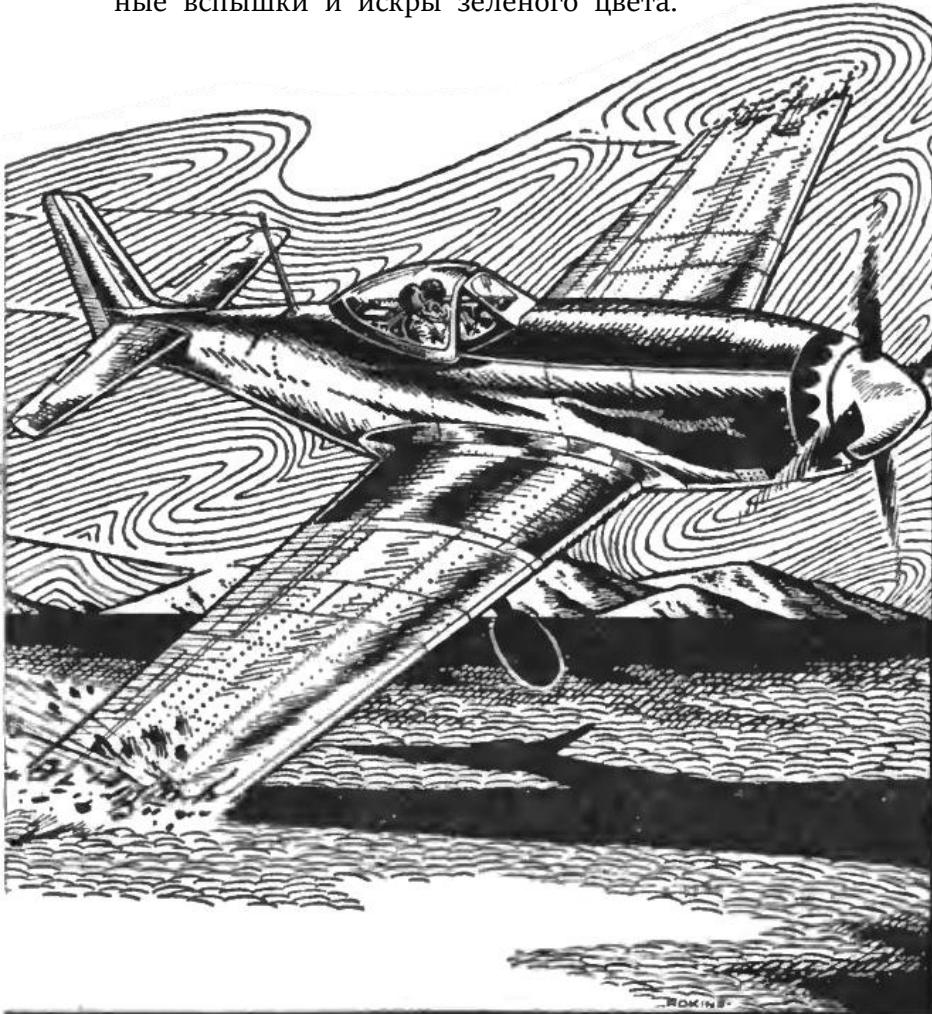
На время проходящее облако скрыло пурпурное пятно. Через потрепанный бинокль он изучал поверхность планеты под ним. Новые озера в красноватой пустыне были черные или подобные зеркалам. Оливково-зеленые полосы вокруг них

должны были быть растительностью.

Облако прошло, и он смог опять видеть пурпурное пятно, возможно только в двадцати милях внизу. Бинокль обнаружил лоскут густых пурпурных джунглей, более заросший, чем оливково-зеленый вдали. Захватчики принесли чужеземные семена на Марс?

Зеленая линия отрезала пурпурную пустыню напротив полярной короны. И в центре джунглей он увидел любопытные вспышки и искры зеленого цвета.

Стекла различили там машины. Колossalная решетчатая труба взмывала вверх.

Этот мощный металлический палец целился на серебряную воронку, на отдаленную Землю. Это был палец смерти. Ли знал, что он был той штукой, которую нужно уничтожить. Он наклонил содрогающийся старый «Феникс» в более крутое пикирование.

Длинный, длинный полет, думал отупевший мозг, просто для того. Чтобы привести человека к самоубийству. Но за все человечество, за Элен Гейл и за ее науку, даже за Лэйрда Крагина и за его ракеты, это было то, что он должен был сделать.

Или, во всяком случае, так он решил. Но ему не дали это сделать.

Этот длинный зеленый палец резко сдвинул в пурпурных джунглях. Он повернулся от Земли и нацелился на пикирующий самолет. «Фениксу» был нанесен сильный удар. Если мощью этой иглы была сфокусированная гравитация Марса, то добрая ее часть обернулась, отреагировала на корабль. От удара Ли потерял сознание.

Когда он пришел в себя, самолет кружился в мощном пикировании. Его древний каркас трясясь мелкой дрожью, куски металла отлетали от его раненного крыла. Поврежденный элерон опять заклинило.

Ли налег с размаху на рычаг, боролся, чтобы вывести самолет из пика. Он остановил его вращение, и нос стал выматривать внизу место для посадки. Мелкие озера желтой дождевой воды заплатами лежали на красной пустыне. Он нашел плоскую гряду гор, которая казалась достаточно сухой и твердой, выпустил шасси.

Но воздух даже здесь на поверхности был еще очень разреженным. Меньшая сила притяжения частично это компенсировала, но скорость при посадке тем не менее должна была быть опасно высокой. Он по-прежнему падал.

Красный хребет вспыхнул ему навстречу, и он попытался выровнять самолет. Несмотря на все его усилия, правое

колесо коснулось первым, слишком тяжело. Самолет подпрыгнул, опасно изменил направление. Прыжок поднял его ненормально высоко. У Ли было время частично выровнять самолет. Еще один удар, от которого весь самолет затрясся и застонал. Дальше, несмотря на усилия Ли, поврежденное крыло зацепилось и рухнуло, пробороздило красную грязь, и разломилось в щепки. Фюзеляж отскочил, проскользил на боку сотню ярдов в брызгах темно-красной грязи; наконец успокоился.

Ли с трудом выбрался из обломков. Он ощущал свои ушибленные конечности. Несмотря на ошеломляющее завершение аварии, он не обнаружил сломанных костей. Его шлем слетел. Легкие дышали с трудом, но находили достаточно кислорода. Бледные желто-зеленые побеги, сочные и хрупкие, пробивались сквозь мокрую красную почву у его ног. Он пошел, чтобы прилечь на берегу широкого мелкого озера, которое отражало моросящее небо. Вдали, над спокойными красными холмами, покрытыми пятнами свежей оливковой зелени, он видел длинную низкую линию пурпурного мрака. И его уши, после того как привыкли к тишине, различили непрерывный отдаленный свист в небе.

Свист был вызван ветром из воздуха, украшенного с Земли. Линия была пурпурными джунглями. Вдали была большая машина звездных захватчиков, которую надо было разрушить. Настолько самоуверенный от усталости, как будто сейчас не было ничего невозможного, Ли приступил к реализации этого давнего плана.

Он щелкнул затвором старого револьвера, сунул его в карман. Две пятигаллонные канистры бензина и оставшиеся баллоны кислорода он сложил вместе, обвязал своим толстым летным костюмом.

На Земле он не смог бы сдвинуть их. Даже здесь их вес был восемьдесят фунтов, а его собственный — чуть более шестидесяти. Груз упрощал передвижение. Но дыхательные усилия утомляли его легкие.

Горизонт был ближе, чем казался. Он подумал об этом факте, чтобы взбодриться, и побрел к барьерау незнакомых джунглей. Свист в небе становился громче. Ли качался от усталости. Продолжался ленивый мелкий дождь из украшенной влаги, прерываемый шквалами дождя со снегом. Холод пронизывал до костей.

Наконец он дошел до джунглей — суперкактус, почти такой же новый для Марса, как и сам Ли. Зазубренные пурпурные иглы росли на глазах; они вонзались в красную грязь, пускали отростки, поднимали новые копья с колючками. Этот барьер был слишком толстым и плотным, чтобы надеяться его преодолеть.

Придя в крайнее уныние, он сбросил свой груз. Механически съел одну банку бобов, которую сунул в пакет. Затем совершенно неожиданно он провалился в сон.

Тихий толчок живого штыка разбудил его, промокшего и одеревеневшего от холода. Его грудная клетка застоялась и дыхание требовало мучительных усилий. Он поднял свой груз и пошагал на запад через красную слякоть, огибая наступающие джунгли.

В том направлении, где, как ему казалось, он видел зеленую вырубку. Изнурительный час привел его к ней —

широкое плоское покрытие из какого-то искривленного, ярко-зеленого материала. Поверхность была идеальной, но ее обочина имела поразительно древний вид.

Эта дорога шла прямо на север. Она врезалась в джунгли, стены пурпурных шипов изгибались дугой над ней. После короткого колебания — как бы не быть застигнутым врасплох хозяевами полотна — Ли вступил на него.

Пурпурная тень джунглей упала на него. Свист в небе продолжался, холодный дождь и крупа падали нескончаемо. Ли тащился бесконечно, не обращая внимания на усталость, холод и голод. Один раз он остановился, чтобы попить из лужи на дороге. Пронзительная боль вонзилась в его грудную клетку.

Гудящий грохот испугал его. Он сошел с дороги, бросившись в пурпурные колючки. Огромный трехколесный транспорт медленно проехал по мостовой. Его платформа была завалена чем-то бледно-зеленым и прозрачным — что-то, вероятно, добывшее в экваториальных регионах.

Напрягая глаза в пурпурных сумерках, чтобы увидеть шоферов, Ли заметил мельком только студенистую руку. Эта рука и желтый глаз, и еще полуопознанная качающаяся ко-ничность было все, что он увидел от подлинных захватчиков. Их природа, мотивы и курс их полета, тайны их науки, размах их планов относительно солнечной системы — все это оставалось определить только с помощью предположений и страха. Захватчики оставались покрытыми темной тенью неизвестности.

Уже спускалась короткая полярная ночь, когда проехал грузовик. Было мучительно холодно. Опять начался проливной дождь с дробинками снега, и тяжелый иней захрустел на дороге и иглах джунглей.

Рев над головой становился громче, зеленоватый свет пробивался в туннеле дороги. И наконец, мертвый от усталости, Ли притащился к краю расчищенного центра джунглей.

Он не понимал, где источник света. Но соседняя стена колючек и фантастические строения перед ним были видны в тусклом зеленом сиянии. Он увидел то, что должно было быть остатками от Звездного Снаряда — огромный снаряд, нос которого зарылся глубоко в планету. Половина его верхней части была отрезана. Она должно быть, служила источником зеленого металла.

Вдали от нее, подвешенная между тремя массивными столбами, была решетчатая труба, сейчас горизонтальная, направленная поперек полюса к невидимой Земле. Ли задержал дыхание. Ободренный последним приливом неожиданной силы, он, шатаясь пошел к зеленой тени Звездного Снаряда.

Ничего не остановило его. Он, качаясь прошел через небольшую открытую площадь, бросил свой груз в темноту между тремя столбами. Его руки начали лепить чашу из полузамерзшей грязи.

Хриплые кашляющие звуки от какой-то едва различимой структуры вдали, заставили его отчаянно спешить. Он разорвал свой тюк, начал выливать принесенные десять галлонов бензина в чашу. Необъяснимый скрежещущий грохот поднял волосы на затылке. Он ближе услышал металлический звук.

Нащупывая с отчаянием, Ли открыл краны кислородных баллонов. Сжатое вещество выходило наружу со свистящим шумом, наполовину жидкость, наполовину газ. Оно испарялось и окутывало Ли в облако инея.

Он направил голубые струи в бензин. Деликатная работа. До изобретения катионовых двигателей, бензин и кислород были общепринятым ракетным топливом. Качественная их смесь, как иногда демонстрировали создатели надземных бомб, имела пятикратную взрывную энергию нитроглицерина.

Это была не очень качественная смесь. Бензин смерзся в хрупкие голубые ломти, и кислород быстро выкипал. Результаты были непредсказуемы.

Поверх стихающего свиста струй Ли слышал это дребезжание и скрежещущие крики, теперь уже совсем рядом. Он выпрямился в плотном белом тумане и увидел желтый глаз. Огромный светящийся желтый зрачок, окаймленный неровной пленкой.

Заостренный светящийся стержень, светящийся холодной зеленью, появился рядом с глазом. Он продвигался к Ли через туман. Ли отступил назад. Его онемевшие пальцы нашли пистолет, и он выстрелил в желтый глаз. Тот мигнул и исчез, и прут стукнул в тумане.

Ли отошел назад, и, чтобы покончить со Звездным Снарядом, начал стрелять в чашу из грязи между тремя огромными столбами. На третьем выстреле мир превратился в голубое пламя, и полностью погас.

Массивная зеленая стена космического снаряда защищила его от удара. И она же отчасти послужила прикрытием от последовавшей бури. Он очнулся лежащим в замерзающей грязи, нос кровоточил, в голове звенело. Поднявшись за защитным барьером, он увидел, что все зеленые сооружения захватчиков повалены. Зеленое свечение, исходившее от них, исчезло.

Он заметил какое-то движение в сером полумраке, это была студенистая рука, медленно качающаяся над лужей слякоти. Он выпустил в нее обойму — и она упала.

Затем подул ветер. Теперь, когда эти смягчающие силы, с помощью которых захватчики укрывали себя, исчезли, межпланетарная воздушная струя превратилась в пронзительно визжащий поток воздуха. Мощные стены Звездного Снаряда были все, что стояло перед Ли.

Полчаса, раненый и наполовину удущенный, Ли цеплялся за металлический брусок в своем убежище. Внезапно ветер утих, последний украденный воздух. Маленькое солнце воодушевляющее поднялось в неожиданно ясном небе, и Ли спал полдня в его тепле.

После полудня, все еще больной от усталости, Ли вновь нашел шоссе и побрел назад через ставшие унылыми

джунгли к остаткам «Феникса». Голодный, в горьком одиночеством, он начал сожалеть, что остался в живых.

Какое-то быстрое гниение поразило упавшие пурпурные шипы, но собственная жизнь Марса быстро разрасталась. В изменившемся ландшафте трудно было найти самолет. Когда наконец он добрался до него, он съел единственную банку соленой говядины, которая осталась от его припасов, затем соорудил направленную антенну для передачи.

Это безнадежное сообщение было важным по нескольким причинам. Он хотел покончить со страхами Земли, хотел помочь Тику Тинкеру и хотел, чтобы доктор Элен Катрин Гейл узнала, что он успешно совершил беспосадочный полет к Марсу на бензине.

— Марс,зываю Землю, — повторял он. — Картер Ли, на Марсе, вызывает СQ, Земля. Приземлился здесь вчера. Уничтожил захватчиков прошлой ночью с помощью бензиновой бомбы. Надеюсь, сто больше нет опасности потерять воздуха. Информирую Тика Тинкера, Нью-Йорк, беспосадочный полет к Марсу совершен с маслом Зверолюб. Сейчас остаюсь в безвыходном положении на Марсе. Прощай, Земля.

Он повторял это сообщение в интервалах между сном, пока не сел маленький аккумулятор. Затем он постановил себе, утомленно и без надежды, начать жизнь первого космического Робинзона Крузо.

В котелке, вырезанном из остатка топливного бака, он приготовил блюдо из плодов и зерен каких-то местных растений, подозрительно пахнущее, но съедобное. Надеясь достичь менее сурового климата в экваториальных районах и подгоняемый желанием узнать побольше о народе, который строил дорогу, он сложил все полезные предметы, которые смог спасти, на санки, сделанные из руля высоты «Феникса», и направился на север по прямому зеленому покрытию.

Земля, теперь уходящая от Марса, была великолепной золотистой утренней звездой. Вид ее в морозных рассветах,

когда Ли не мог сохранить достаточно тепла, чтобы спать, вызывал чувство трагического одиночества.

Однажды Ли выбросил оружие, чтобы покончить с желанием использовать его для себя. На следующий день он вернулся по шоссе и потратил целый день на его поиски, вновь почистил его. Когда пистолет был готов, Ли положил его на санки и потащился по гладкому покрытию.

Он насчитал тридцать марсианских дней. С медленным приближением весны и по мере своего утомительного продвижения на север, климат становился понемногу более терпимым. Иногда Ли ободрялся видом молодых знакомых растений, выросших из семян, занесенных этим межпланетным ветром.

Но его тело было измождено лишениями. У него был повторяющийся мучительный кашель. Иногда его еда из марсианских растений приводила к сильным расстройствам пищеварения. Конец, он ясно видел, будет одинаков, использует он оружие или нет.

Затем ночью, потрясающей ночью, когда Ли проснулся в своей холодной постели рядом с тлеющим костром, он услышал ритмичное хлопанье катионовых двигателей. Он увидел голубую звезду, опускающуюся на дорогу с юга. Задыхаясь и дрожа, он вскочил, чтобы разжечь свой костер.

Окутанная голубым пламенем своих передних двигателей, ракета опустилась на дорогу. Свет от ее костра показал надпись на ее боку: «Фонд Гейла». Это должен был быть Лэйрд Крагин, подумал он, еще один ссыльный...

Но когда толстый люк ракеты повернулся, открываясь, появившаяся из него непокрытая выпачканная рыжая голова, когда толстый люк ракеты повернулся, открываясь, была головой Элен Гейл.

— Приветствую, мистер Счастливчик Ли, — сказала она отрывисто. — И поздравления уместности вашего прозвища... Вы в порядке?

— В порядке, несмотря ни на что, — прохрипел он. — Только — удивлен!

— Мы закончили ракету, — у нее странно перехватило дыхание. — Когда оружие и взрывчатка стали больше не нужны, мы загрузили ракету топливом для обратного пути и оборудованием для небольших исследований.

— Крагин? — спросил Ли.

— Тут два места, — сказала девушка. — После взлета я заставила его спуститься на парашюте. — Ее голос вдруг стал очень решительным. — Я имею честь принести вам, Ли, в качестве благодарности Земли за ваш последний беспосадочный полет, ордена и премии...

Ее голос внезапно прервался. Она вылезла из ракеты и побежала через странное шоссе навстречу ему. В его объятиях она робко прильнула к нему.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

С сигарой что-то не ладилось.

Но Брек Веронар не выбросил ее. Табак, выращенный на Земле, дорого ценится здесь, на Церере. Брек еще раз подрезал кончик и снова щелкнул зажигалкой. На этот раз он раскурил сигару, но она почему-то отдавала странным, кисловатым запахом тлеющей бумаги.

Брек Веронар, по рождению Уильям Уэбстер, землянин, сидел в своем большом, хорошо обставленном кабинете, смежном с лабораторией арсенала. За пердуритовыми окнами неясно вырисовывались стоявшие в ряд огромные приземистые башни форта, которые охраняли военную базу Астрофона. В кристально чистой искусственной атмосфере астероида они казались еще больше, чем в действительности; теоретически их мощные двадцатичетырехдюймовые пушки, снабженные автовизором Веронара, могли обстрелять пространство до самой орбиты Юпитера. На поле, расстилавшемся за крепостью, виднелась эскадра космических кораблей — семь грозных, черных, как ночь, сигарообразных машин. Там, далеко, над неровными красными скалами второго плоскогорья, высились разноцветные купола и башни города Астрофона, столицы Астрарха.

Худощавую фигуру Брека Веронара обтягивали яркие шелка Астрархии. Его волосы были надушены и завиты; Брек красил их, чтобы скрыть все более заметную седину. Серые широко расставленные глаза свидетельствовали о сильном характере и резко контрастировали с кожей лица, белой и гладкой от применения косметики. Одна лишь сигара могла выдать в нем уроженца Земли, поэтому Брек Веронар курил только здесь, в своей собственной, запертой на ключ лаборатории. Он не любил, когда его называли ренегатом.

На столе перед ним лежал приколотый к доске сложный чертеж нового управляющего гироскопа реактивной торпеды, но Брек не мог сосредоточить на нем свои мысли. Любопытно, этот слабый запах тлеющей бумаги навеял воспоминания о далеком прошлом. Двадцать лет назад... Этот запах заставил его вновь перенестись на университетский двор, к низким желтым холмам у старого марсианского города Торэна, к тому роковому дню, когда он отказался служить своей родной Земле и уехал в Астрархию.

Тони Гримм и Элора Рони были против этого. Веснушчатый, легкомысленный, рыжеволосый Тони прилетел с Земли вместе с Уильямом шесть лет назад и поступил в Высшую инженерную школу, получив одну из двух ежегодных стипендий. Элора Рони была прелестная темноглазая девушка с Марса, дочь профессора геодетики, гордившаяся своими предками — первыми космонавтами. Оба друга были влюблены в Элору.

В тот ясный солнечный день Билл шел вместе с ними по окруженней холмами каменистой пустыне цвета охры. Желтые здания из необожженного кирпича остались у них за спиной. Загорелое голубоглазое лицо Тони было на этот раз серьезным. Он протестовал.

— Ты не можешь поступить так, Билл. Ни один землянин не сделал бы этого.

— Бесполезные слова, — отрезал Билл Уэбстер. — Астрарху нужен военный инженер. Мне предложили двадцать тысяч орлов в год, с подъемными и премиями — в десять раз больше, чем любой ученый может получить на Земле.

Смуглое живое лицо Элоры Рони омрачилось.

— Билл, а как же твои собственные исследования? — восклинула она. — Твоя новая конструкция дюзы? Ты же обещал, что покончишь с монополией Астрарха на космический транспорт. Разве ты забыл?

— Дюза новой конструкции была только мечтой, — ответил Билл Уэбстер, — но, возможно, из-за этой дюзы Астрарх

и предложил контракт мне, а не Тони. Таких контрактов никто не отвергает.

Тони схватил его за руку.

— Ты не можешь пойти против своего родного мира, Билл, — настаивал он. — Ты не можешь отказаться от всего, что дорого каждому землянину. Вспомни только, что такое Астрарх! Это ведь всего лишь суперпират.

Билл Уэбстер отшвырнул ногой комок желтой глины.

— Я знаю историю, — возмутился он. — Без вас знаю, что Астрархию основали космические пираты, которые устроили базы на астероидах, а потом перестали заниматься космическим грабежом и начали торговать.

Он говорил вызывающе; в его голосе звучала обида.

— И все же я считаю, что Астрархия пользуется не меньшим уважением, чем такие планеты, как Земля, или Марс, или Федерация Юпитера. И она намного богаче и могущественнее их всех.

Девушка с Марса нахмурилась и тряхнула темноволосой головкой.

— Не обольщайся, Билл, — пылко заговорила она. — Неужели ты не понимаешь, что Астрарх, в сущности, ничем не отличается от старых пиратов? Его эскадры и сейчас захватывают любой независимый корабль или с помощью космических патрулей заставляют владельцев выплачивать за него выкуп.

Она едва перевела дух от возмущения.

— Всюду, даже здесь, на Марсе, агенты, резиденты и торговцы Астрархии насаждают взяточничество, подкупы, гнет. Астрарх использует свое богатство и свою космическую мощь, чтобы дискредитировать правительство каждой независимой планеты. Он задумал завоевать всю систему!

Ее карие глаза горели.

— Ты не будешь помогать ему, Билл. Ты не должен этого делать!

Билл Уэбстер взглянул на смуглую, милую, полную решимости лицо Элоры, и ему захотелось поцеловать пятнышко

желтой пыли на ее чуть вздернутом носике. Он любил Элору Рони и когда-то надеялся увезти ее с собой на Землю. Может быть, ой и до сих пор еще любит ее. Но ясно, что она всегда мечтала только о Тони Гrimme.

Немного раздосадованный, Билл поддал ногой круглый камушек цвета ржавчины.

— Если бы все было иначе, Элора, то, может быть... — слегка пожав плечами, он взглянул на Тони. Затем произнес ровным голосом: — Как бы то ни было, сегодня вечером я улетаю в Астрофон.

В тот вечер, когда они помогли ему запаковать вещи, он устроил костер из своих старых книг и бумаг. В разреженном воздухе Марса они горели бледным пламенем, окутанные клубами едкого дыма.

Этот резкий запах и был той нитью, которая протянулась к Бреку Веронару сквозь годы, из прошлого, когда он вдохнул едкий дымок горелой бумаги. Сигару он вынул из ящика, только что прибывшего с Кубы, с Земли, и приготовленного по специальному заказу.

Брек мог позволить себе такую роскошь. Иногда, правда, он почти жалел, что Астрарх так благоволит к нему. Офицеры космического флота и даже его собственные завистливые подчиненные в лаборатории арсенала никогда не забывали о том, что он землянин, ренегат.

Необычный запах сигары озадачил его.

Он решительно раздавил тлеющий кончик, снял верхние коричневые листья. Под ними оказался цилиндр из плотно свернутой бумаги. Сняв с него резиновую оболочку, Брек Веронар развернул бумагу. При одном взгляде на почерк сердце его забилось.

Это была рука Элоры Рони!

Брек Веронар знал этот тонкий изящный почерк. Потому что в давние времена Билл Уэбстер хранил коротенькую записку, которую она написала ему еще в школе, когда они были друзьями. Он жадно прочел письмо:

«Дорогой Билл! Это единственный путь, которым мы можем передать тебе несколько слов, минуя шпионов Астрарха. Твое прежнее имя, Билл, наверное, кажется тебе странным. Но мы — Тони и я — хотим напомнить тебе, что ты землянин.

Ты и не знаешь, какому угнетению подвергается сейчас Земля, изнывающая под пятой Астрарха. От ее независимости почти ничего не осталось. Слабые и подкупленные правительства повсюду покоряются тирану. Жизнь каждого землянина отягощена налогами, несправедливыми штрафами; с ним бесчестно конкурируют торговцы Астрарха.

Однако Земля не окончательно покорилась, Билл. Мы будем бороться за свободу. Много лет нашей жизни — Тони и моей — ушло на осуществление этого замысла. Ради него трудились и приносили жертвы миллионы наших братьев-землян. Наконец сейчас у нас появилась надежда вернуть себе утраченную свободу.

Но нам нужен ты, Билл, до зарезу нужен.

Во имя твоего родного мира, вернись. Попроси отпуск для поездки на Марс. Астрарх не откажет тебе в этом. Восьмого апреля в пустыне близ Торэна тебя будет ждать корабль — там, где мы гуляли в тот день, когда ты улетел.

Каково бы ни было твое решение, Билл, мы убеждены, что ты уничтожишь это письмо и будешь хранить его содержание втайне. Но мы верим, что ты вернешься. Ради Земли и ради твоих старых друзей.

Тони и Элора».

Брек Веронар сидел за столом, глядя на обгоревший сгоревший листок. Его глаза слегка затуманились. Он видел живое смуглую лицо девушки с Марса и ее умоляющие карие глаза. Наконец он вздохнул и медленно потянулся за зажигалкой. Потом поднес ее к письму и держал до тех пор, пока пламя не уничтожило листок.

На следующий день в лабораторию явились четыре офицера космических войск. Одетые в ярко-малиновое с

золотом — цвета Астрапха, — они вели себя дерзко. В слащавом голосе капитана звучала торжествующая ненависть.

— Землянин, по приказу Астрапха ты под домашним арестом. Ты тотчас же последуешь за нами в его штаб-квартиру на борту «Уориор Куин».

Брек Веронар знал, что его ненавидят, но очень редко ненависть проявлялась так открыто. Немного встревоженный, он запер свой кабинет и последовал за четырьмя офицерами.

На краю большого поля за низкими серыми укреплениями, на стартовых опорах лежал флагманский корабль космического флота Астрапхии, «Уориор Куин». Триста метров длины, четверть миллиона тонн боевого металла, шестьдесят четыре двадцатидюймовые пушки, смонтированные в восьми выступающих сферических башнях, — это была самая мощная машина разрушения, когда-либо существовавшая в солнечной системе.

Пока они неслись через поле в быстром электрическом автомобиле, Брек Веронар, исполненный молчаливой гордости, почти забыл о своей тревоге. Его автовизор, другими словами, ахронный детектор поля, интегрирующий вдоль геодезических линий, и его автоматический измеритель дальности направляли огонь этих мощных пушек. Настоящий боевой мозг корабля — и всего флота Астрапха.

Не удивительно, что эти люди завидовали ему.

Лицо капитана было мрачно.

— Пошли, ренегат! — сказал он угрожающим тоном. — Астрапх ждет.

Стражи в ярких мундирах повела их в тесные, но роскошно обставленные апартаменты Астрапха, расположенные глубоко в бронированных внутренностях корабля сразу за залом совета и перед помещением для автовизора. Астрапх, смотревший в проектор карт, обернулся и резким тоном приказал обоим офицерам подождать за дверью.

— Ну, Веронар?

Диктатор Астрархии был невысокий, плотный человек, весь трепещущий неукротимой энергией. Его лицо походило на нарумяненную и напудренную маску, волосы были завиты и надушины, обтянутая шелками фигура увешана драгоценностями. Но ястребиный нос и горящие черные глаза свидетельствовали о силе, которую ничто не могло скрыть.

Астрарх никогда не прислушивался к постоянным наговорам завистников Брека Веронара. Их отношения можно было назвать почти дружескими. Но сейчас по холодному вопросу, заключенному в первых словах правителя, и по испытующему блеску его глаз землянин почувствовал, что попал в чрезвычайно опасное положение.

Стараясь овладеть собой, он тревожно спросил:

— Я арестован?

Улыбнувшись, Астрарх взял его за руку.

— Мои люди перестаравались, Веронар. — Голос Астрарха звучал тепло, но Брек Веронар не мог избавиться от ощущения чего-то острого, разящего. — Я только хотел поговорить с тобой, а из-за предстоящих перемещений флота у меня мало времени.

Прячась за своей улыбающейся маской, Астрарх изучал его.

— Веронар, ты честно служил мне. Я отправляюсь в рейс с моим флотом, но мне кажется, что и ты тоже заработал право на отпуск. Хочешь освободиться на несколько дней от своих обязанностей и слетать, например, на Марс?

Под этим колючим взглядом Веронар вздрогнул.

— Благодарю вас, Горро, — с усилием выговорил Брек. Он был один из немногих привилегированных, имевших право называть Астрарха по имени. — Может быть, позже. Управляющее устройство торпеды еще не закончено. И у меня есть кое-какие мысли по поводу усовершенствования автovизора. Я бы предпочел остаться в лаборатории.

На мгновение улыбка низенького человека, казалось, стала непрятной.

— Астрапхия в долгую перед тобой за автоворот. Из-за того, что точность огня увеличилась, фактически сила нашего флота возросла вчетверо. — Его взгляд снова стал острым, в нем мелькнуло сомнение. — Возможны ли дальнейшие усовершенствования?

Брек Веронар затаил дыхание. Ноги у него подкашивались. Он знал, что борется за свою жизнь.

— Анализ геодезических линий и их интегрирование — это совершенно новые отрасли науки, — произнес он почти с отчаянием. — Было бы глупо ограничивать их возможности. При достаточно чувствительном датчике поля ахронного детектора должны начертить мировые линии любого предмета почти без ограничений. В будущем...

Он помолчал, чтобы произвести большее впечатление.

— Или в прошлом!

Жадный интерес вспыхнул в глазах Астрапха. Брек почувствовал себя увереннее. Его прерывистая речь стала спокойней.

— Поймите, принцип совершенно новый. Можно создать ахронное поле в тысячу раз более чувствительное, чем любой телескоп, я думаю даже, в миллион раз! И ахронный луч устраняет задержку во времени, неизбежную при всяком электромагнитном методе наблюдения. Не завися от времени, он в то же время парадоксальным образом облегчает исследование времени.

— Исследование? — спросил диктатор. — А не несешь ли ты какую-то дичь, Веронар?

— Каждый измеритель расстояния в известном смысле исследует время, — пылко заверил его Брек. — Он анализирует прошлое, чтобы предсказать будущее. Таким образом, снаряд, выпущенный с движущегося корабля и отклоненный космическими полями притяжения, может пролететь тысячи километров и встретить другой движущийся корабль в точно определенный момент будущего. Инструменты, зависящие от визуального наблюдения и электромагнитной передачи данных, не вполне удовлетворяли

требованиям. Одно попадание на тысячу считалось хорошей точностью стрельбы. Но автовизор решил эту проблему: теперь вы налагаете взыскание на стрелков, если они не могут добиться двух на сто.

Брек перевел дыхание.

— Даже новейший автовизор — это только грубый проблемный аппарат. Как измеритель расстояния он еще годится. Но поля детектора могут стать бесконечно более чувствительными, а интегрирование геодезических линий — бесконечно более надежным. Мы должны добиться того, чтобы прошлое можно было проанализировать не на минуты — на годы назад. Мы сможем предсказать положение корабля на неделю вперед, предусмотреть каждый его маневр и даже наблюдать, как завтракает его капитан!

Землянин снова перевел дух, его глаза лихорадочно блескали.

— От анализа геодезических линий есть еще один смелый шаг — к управлению. Как вы знаете, согласно современным взглядам, абсолютных фактов не существует, есть только вероятности. Я берусь это доказать! А вероятностями можно управлять, воздействуя на них ахронным полем. Возможно даже, я говорю вам...

Пылкая речь Брека зазвучала неуверенно. Он увидел, что сомнение потушило искру интереса в глазах Астрарха. Диктатор нетерпеливым жестом заставил его замолчать. Отрыгнувшись и бесстрастно он произнес:

— Веронар, ты землянин.

— Когда-то я был землянином. Черные горящие глаза смотрели на него испытующее.

— Веронар, — сказал Астрарх, — на Земле неспокойно. Мои агенты раскрыли опасный заговор. Вождь его — инженер по имени Гrimm, женатый на марсианке. Флот вылетает, чтобы подавить мятеж. — Он помолчал. — Теперь скажи, хочешь ты получить отпуск?

Брек Веронар молча стоял под этим жестким взглядом. Его жизнь, теперь он это знал, зависела от его ответа. Он глубоко вздохнул.

— Нет, — произнес он.

В глазах Астрарха была все та же испытующая сила.

— Мои офицеры протестуют, — заметил он, — не хотят служить с тобой, раз нам приходится выступить против Земли. Ты у них на подозрении.

Брек Веронар глотнул воздух.

— Гримм и его жена, — хрипло прошептал он, — когда-то были моими друзьями. Я надеялся, что мне не придется их предавать. Но я получил от них письмо.

Он снова запнулся и глотнул воздух.

— Можете доказать вашим людям, что я больше не землянин. Корабль, который Гримм и его жена послали за мной, будет ждать восьмого апреля по земному календарю в пустыне к югу от марсианского города Торэна.

На лице Астрарха, похожем на бледную маску, появилась улыбка.

— Я рад, что ты признался во всем, Веронар, — проговорил он. — Ты был мне очень полезен..., и ты мне нравишься. Теперь я могу сообщить тебе, что мои агенты прочли письмо, спрятанное в сигаре. Корабль повстанцев захвачен и уничтожен космическим патрулем всего несколько часов назад.

Брек Веронар покачнулся, у него потемнело в глазах.

— Тебе нечего бояться. — Астрарх тронул его за руку. — Полетишь вместе с флотом; тебе поручается автовизор. Мы отправляемся через пять часов.

Длинный черный корпус «Уориор Куин» поднялся на дюзах, выбрасывающих языки пламени. Флагманский корабль повел за собой эскадру. Другие эскадры двинулись с баз на Палладе, Весте, Туле и Эросе. Второй флот вылетел по направлению к Солнцу со своих баз на Троянских планетах. Четыре недели спустя, встретившись около Марса, двадцать девять больших кораблей полетели вместе.

Армада Астрархии направлялась к Земле. Войдя к диктатору в штурманскую рубку, Брек выразил свое недоумение:

— Я все же не вижу причин для такой демонстрации моци. Почему вы собрали три четверти своих космических сил, чтобы раздавить горсть заговорщиков?

— Нам придется иметь дело не только с горстью заговорщиков. — Сквозь бледную маску лица Астрарха прступала затаенная тревога. — Миллионы землян работали годами, подготовляя свое восстание. Земля построила космический флот.

— Флот? — удивился Брек.

— Детали производились тайно, главным образом на подземных заводах, — уточнил Астрарх. — Водолазы монтировали корабли на дне пресноводных озер. Ваш старый друг Гримм умен и опасен. Прежде чем начать бомбардировку Земли, чтобы покорить ее, мы должны уничтожить его флот.

Брек твердо встретил взгляд Астрарха.

— Сколько у них кораблей? — спросил он.

— Шесть.

— Значит, у нас впятеро больше. — Брек презрительно улыбнулся. — Не говоря уже о преимуществах автовизора. Битвы фактически не будет.

— Вероятно, нет, — подтвердил Астрарх. — Но Гримм способный человек. Он изобрел новый тип дюзы, в некоторых отношениях превосходящий нашу. — Его темные глаза помрачнели. — Землянин против землянина, — тихо сказал он.

— И один из вас должен погибнуть.

С каждым днем армада приближалась к Земле.

Автовизор был и глазами флота, и его боевым мозгом.

Чтобы удлинить базу для автоматической триангуляции, на полудюжине кораблей были установлены добавочные датчики ахронного поля. Сведенные в узкий пучок, ахронные лучи пересылали их данные огромному главному прибору, находившемуся на «Уориор Куин». Посредством

ахронного луча автовизор управлял каждым кораблем и устанавливал прицел его пушек.

«Уориор Куин» вел за собой флот. Автовизор держал остальные корабли в точной кильватерной колонне, так что в телескопы Земли можно было видеть только одно круглое сечение.

Когда до восставшей планеты осталось тридцать миллионов километров — пятьдесят часов полета при нормальном замедлении, автовизор обнаружил вражеский флот.

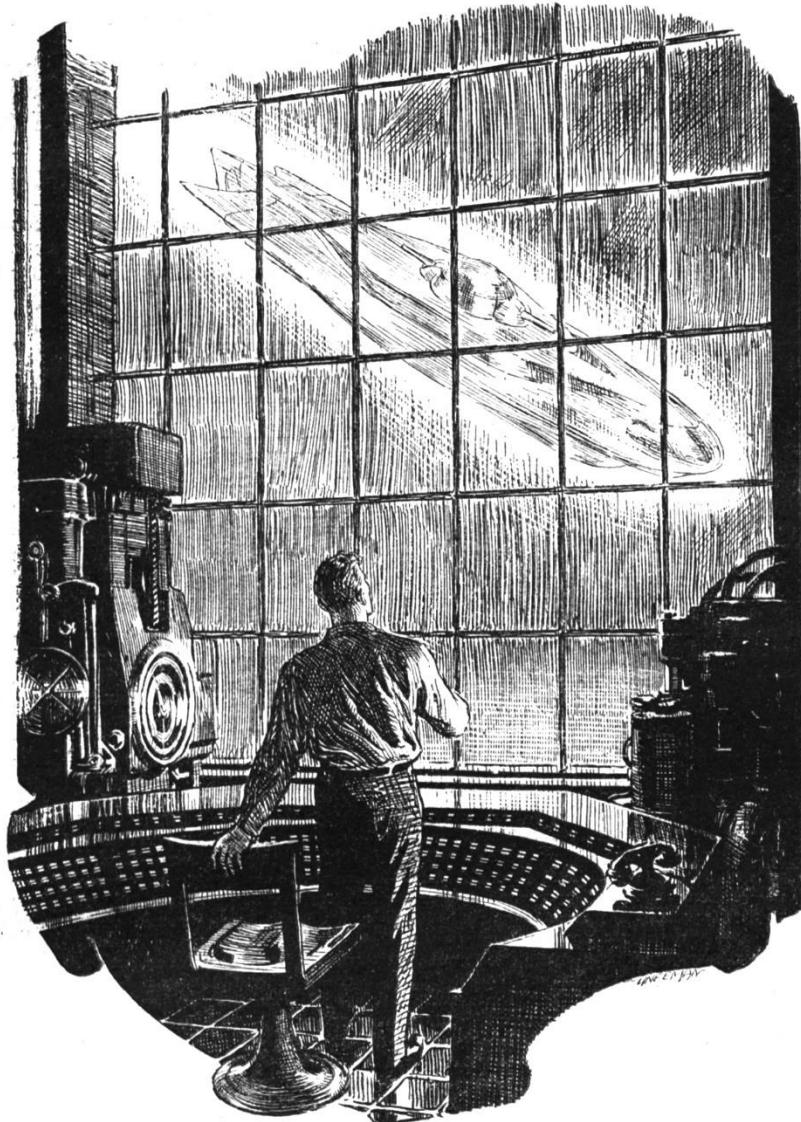
Веронар сидел у вогнутого пульта управления. За ним в просторной, тускло освещенной бронированной каюте громоздился главный прибор. В поставленных друг на друга тысячах ящичков, выкрашенных в зеленый цвет, — сложных ячейках механического мозга — жужжали анализаторы и интеграторы геодезических линий. Датчики ахронного поля — чувствительные элементы мозга — помещались в невзрачных черных коробочках. А паутина ахронных передающих лучей, мгновенных, ультракоротких, неэлектромагнитных волн субэлектронного типа — нервных волокон, соединяющих рабочие ячейки, — была совсем невидима.

Перед Бреком стоял семиметровый куб стереоэкрана, куда мозг передавал результаты своих наблюдений. Сейчас куб чернел такой кристаллической чернотой, которую можно наблюдать только в космосе. Земля виднелась в нем как длинный туманный полумесяц, трепещущий красным сиянием. Луна — как голубой серп меньшей величины, ярко блестевший из-за искусственной атмосферы.

Брек коснулся клавиш сложного управления. Луна скользнула за пределы куба. Земля увеличилась и повернулась. Автовизор победил время и пространство. Он показал ту сторону Земли, которая была обращена к Солнцу.

Неправдоподобно реальная, она заполнила стереоэкран. Большой белый диск зоны низкого давления выделялся на сверкающей синеве Тихого океана. Другой диск, заслоняя темную Северную Америку, доходил до залитой светом серой шапки Арктики.

В сумрачной каюте тихо зазвонил гонг. На стереоэкране вспыхнуло несколько белых огоньков. Затем появилась красная огненная стрелка, которая указывала на крошечное черное пятнышко.

Снова зазвонил гонг, и на экране возник второй черный комочек. За ним третий. Потом их стало шесть. Глядя на них, Веронар почувствовал, как в его душе шевельнулась невольная гордость и неясное сожаление.

Эти шесть кораблей были могучими созданиями Тони Гримма и Элоры, боевой силой Земли. Боль сжала горло Брека. На глазах его показались слезы. Неужели корабли должны быть уничтожены?!

Наверное, Тони находится на борту одного из них. Брек подумал, как он выглядит теперь, двадцать лет спустя. Что, у него до сих пор веснушки? Потолстел ли он? По-прежнему ли, когда он задумывается, между бровями у него появляется складка?

А Элора? С ним ли она? Брек знал, что она должна быть с Тони. Мысленно он представил себе девушку с Марса, стройную, живую и пылкую, какой она была прежде. Затем попытался отогнать от себя этот образ. Время, должно быть, не пощадило ее. Наверно, за годы труда и опасностей она изменилась; ее темные глаза, должно быть, потеряли свой блеск.

Брек должен был забыть, что эти маленькие пятнышки воплощают жизнь Тони и Элоры, независимость Земли. Это были только шесть маленьких комочков материи, шесть целей для автовизора.

Он смотрел, как они, поднимаясь, вились вокруг огромного светящегося диска планеты. Это были всего лишь шесть математических точек. Они чертили мировые линии сквозь континуум, нанося сеть геодезических крок, чтобы анализаторы могли расшифровать их, а интеграторы — спроектировать в будущее.

И опять зазвонил гонг.

Брек вдруг понял смысл происходящего. Волнуясь, он схватил телефонную трубку.

— Дайте мне Астрарха... Срочное донесение... Нет, адмирал не годится... Горро, автовизор обнаружил флот Земли... Да, всего шесть кораблей, они только что поднялись со

стороны, обращенной к Солнцу. Но есть одно тревожное обстоятельство.

Голос Брека стал хриплым.

— Сейчас они построились за планетой в кильватерную колонну. Их оси направлены прямо на нас. Значит, им были точно известны наши координаты, прежде чем они сами попали в зону прямого видения. По-видимому, Тони Гrimm изобрел свой собственный автovизор!

Шли полные напряжения часы. Флот Астрарха уменьшил скорость, чтобы после боя окружить и бомбардировать планету. Корабли Земли летели с обычным ускорением.

— Они должны остановиться, — произнес Астрарх. — В этом наше преимущество. Если они пролетят мимо нас с большой скоростью, мы бомбардируем и покорим Землю прежде, чем они успеют вернуться. Они должны повернуть назад — и тут-то мы их и встретим.

Однако, как ни странно, флот Земли по-прежнему ускорял ход, и Брек постепенно начал понимать почему. Могло быть только одно объяснение этому. Земляне поставили жизнь своей планеты в зависимость от одного короткого боя.

Словно они были уверены в победе!

Час боя приближался. Сведенные в узкий пучок, ахронные лучи передали приказание из рубки Астрарха, и флот подготовился к бою, построившись в форме огромного не-глубокого кубка так, чтобы каждая пушка могла быть направлена на противника.

Наступал час, близилось мгновение!

Возникшая в огромном темном пространстве, где помещался автovизор, заглушила жужжение ахронного интегратора, гремел голос большого мозга, отсчитывая минуты.

— Минус четыре...

Автovизор был включен, датчики настроены, направляющие реле проверены, учтены тысячи подробностей. Сидя за доской управления, Брек Веронар пытался успокоиться. Его дело было сделано.

Космический бой сводился к сражению машин. Человеческие существа были слишком слабы, слишком медлительны даже для того, чтобы понять игру титанических сил, которые они развязали. Брек старался не забывать о том, что он был изобретателем автовизора, и все-таки его охватил непреодолимый ужас.

— Минус три...

Натриевые бомбы заполнили пустоту впереди огромными серебряными перьями и развевающимися лентами — при автовизоре объективы телескопа были не нужны; корабли могли идти в бой и сквозь плотную дымовую завесу.

— Минус две...

Оба флота встретились при относительной скорости около двух миллионов километров в час. Оптимальная скорость для двадцатидюймовых пушек даже при наличии автовизора была только тридцать тысяч километров в свободном пространстве.

Брек понял: значит, битва может продолжаться не больше двух минут. За это короткое время решится судьба Астрапарха и Земли... Тони Гrimма, Элоры и его собственная.

— Минус одна...

Натриевые завесы образовали в огромном черном кубе небольшие хлопья и серебряные полоски. При помощи магических датчиков ахронного поля сквозь эти хлопья были видны шесть кораблей Земли, построенных теперь тесным кольцом и готовых к бою.

Брек Веронар взглянул на украшенный драгоценными камнями ручной хронометр, подарок Астрапарха. Прислушиваясь к гудению ахронных интеграторов, которое все усиливалось, он задержал дыхание и внутренне весь сжался.

— Ноль!

Корпус «Уориор Куин» задрожал: каждые полсекунды ее большие пушки давали залп в четыре выстрела. Переведя дух, Брек стал глядеть на хронометр — больше ему ничего не оставалось делать. А через две минуты...

Корабль встряхнуло, и огни погасли. Завыли сирены, захлопали воздушные клапаны. Внезапно куб стереоэкрана потемнел. Ахронные интеграторы задребезжали и остановились.

Пушки умолкли...

— Энергии! — задыхаясь, крикнул в телефон Брек. — Дайте мне энергии! Авария! Автовизор не действует и...

Но телефон не работал.

Больше попаданий не было. Обширная каюта погрузилась во мрак; Царила тишина. Через бесконечно долгое время зажглись слабые аварийные огни. Брек снова взглянул на хронометр и понял, что битва окончена.

Но кто победитель?

Он все еще надеялся, что они выиграли битву, прежде чем последним удачным бортовым залпом противник вывел из строя флагманский корабль. Но в каюту, спотыкаясь, вошел Астрарх, ошеломленный и бледный.

— Разбиты, — пробормотал он. — Ты подвел меня, Веронар.

— Какие потери? — спросил Веронар.

— Все потеряно. — Потрясенный диктатор устало опустился на стул у доски управления. — Твои ахронные лучи бездействуют. Пять кораблей смогли еще передать по радио весть о поражении. Два из них надеются произвести ремонт своими силами. «Уориор Куин» выведен из строя. Атомные реакторы разбиты, и главная силовая установка не работает. Ремонт невозможен. А орбита, по которой мы сейчас летим, подходит слишком близко к Солнцу. Мы изжаримся заживо.

Его надущенная темноволосая голова безнадежно опустилась.

— За эти две минуты Астрархия уничтожена. — Глубоко запавшие, горящие глаза злобно взглянули на Брека. — Всего за две минуты! — Он ударил белым кулаком по столу.

— Если бы можно было вернуть время...

— Как они сумели нас разбить? — спросил Брек. — Не понимаю!

— Меткой стрельбой, — устало проговорил Астрарх. — У Тони Гrimma есть что-то лучшее, чем твой автовизор. Он разбил нас прежде, чем мы смогли определить расстояние.

— На лице Астрарха, похожем на бледную маску, застыло выражение горечи. — Если бы двадцать лет назад мои агенты пригласили его вместо тебя... — Он до крови закусил губу. — Но прошлое изменить нельзя.

Брек смотрел на огромный безмолвный куб автовизора.

— А что, если можно? — прошептал он. Астрарх встал и, дрожа, схватил его за руку.

— Ты и прежде говорил об этом, — задыхаясь, произнес диктатор. — Тогда я не хотел тебя слушать. Но теперь попробуй все, что можешь, Веронар. Спаси нас, чтобы мы не изжарились живьем в перигелии. Ты и в самом деле думаешь...

Бледный Астрарх покачал головой.

— Я сошел с ума, — прошептал он. — Разве можно изменить даже две минуты прошлого! — Его глубоко сидящие глаза сверлили Брека. — Хотя ты и делал удивительные вещи, Веронар...

Землянин все еще не отрывал взгляда от своего великого создания.

— Сам автовизор подсказал мне перед боем решение этой задачи, — медленно прошептал он. — Поля детектора поймали луч Тони Гrimma и проанализировали частоты. Он применяет ахронную радиацию с частотой на целую октаву выше, чем все то, что пробовал я. Должно быть, это и есть путь к достижению чувствительности и проницаемости, которую я надеялся получить.

Глаза Астрарха зажглись надеждой.

— Ты думаешь, нас можно спасти? Но как?

— Если луч высокой частоты найдет определяющие факторы, — ответил Брек, — то, может быть, удастся и изменить их при помощи достаточно мощного поля. Вспомните, что мы имеем дело с вероятностями, а не с достоверностью. И небольшие факторы могут приводить к важным результатам. Нужно перемонтировать датчики. И нам понадобится

энергия, чтобы спроектировать прослеживающие поля. Нужен целый поток энергии, чтобы выделить решающий фактор и попытаться его изменить. Но ведь силовые установки не работают.

— Перемонтируй свои датчики, — предложил Астрарх. — А энергия у тебя будет, даже если мне придется бросить всех, кто есть на борту, в топки конвертеров вместо горючего.

Вновь успокоившись и преисполнившись доверия к Бреку, низенький человек вопрошающе посмотрел на высокого худощавого землянина.

— Ты странная личность, Веронар, — заметил он. — Воюешь со временем и судьбой, чтобы раздавить родную планету. Не удивительно, что люди называют тебя ренегатом.

Брек ответил не сразу. Наконец в изнеможении покачав головой, он сказал:

— Я не хочу изжариться живьем. Дайте мне энергию..., и мы повторим этот бой.

Разбитый корабль летел по направлению к Солнцу. Два десятка высококвалифицированных техников под опытным руководством Брека трудились над тем, чтобы перемонтировать ахронный датчик. И сотня людей работала под жестким присмотром самого Астрарха, ремонтируя поврежденные атомные конвертеры.

Они уже пересекли орбиту Венеры, когда автovизор ожила и зажужжал. Астрарх стоял с Бреком у вогнутой доски управления. Тень сомнения вновь промелькнула в его покрасневших, давно не знавших сна глазах.

— Ну как, теперь можно вернуться к бою? — спросил он.

— Пока ничего конкретного сделать нельзя, — ответил Брек. — Сначала мы должны исследовать прошлое, определить, почему Тони Гrimm изобрел лучший автovизор, чем я. С помощью поля высокой частоты и использовав, если понадобится, всю мощность судовых конвертеров, мы должны изменить этот фактор. Тогда исход боя может оказаться иным.

Брек стал перебирать клавиши управления. Ахронные интеграторы зажужжали, огромный черный куб замерцал, и по нему стали пробегать призрачные образы. То тут, то там вспыхивали и исчезали цветные огоньки сигналов.

— Ну, что? — хрипло, с тоской спросил Астрапх.

— Работает! — заверил его Брек. — Следящие поля бегут, по всем мировым линиям, пересекавшимся во время боя, уходят в прошлое на месяцы и годы. Анализаторы выделяют самый слабый, а значит, и легче всего изменяемый определяющий фактор.

Астрапх схватил его за плечо.

— Там... в кубе... это ты!

Призрачный образ землянина потух и вновь появился. И с этой минуты изображение Брека стало мелькать в кубе беспрерывно. Сначала он видел себя в большой лаборатории арсенала, в Астрофоне. Каждый раз он был одет по-другому, каждый раз казался все моложе.

Потом фон изменился. Брек затаил дыхание: он узнал мелькающие голые каменистые холмы цвета охры и низкие желтые здания из необожженного кирпича. Увидев веснушчатого рыжего юношу и стройную загорелую темноглазую девушку, он вздрогнул.

— Это на Марсе! — прошептал он. — В Торэне. Тони Гrimm. И Элора Рони, марсианская девушка, которую мы оба любили.

Мелькание в кубе вдруг приостановилось, картина застыла. Скамья на пыльном школьном дворе у кирпичной стены. Элора Рони с пером в руке. На коленях у нее клочок бумаги, под который подложена стопка книг. Темные глаза устремлены вдаль, на загорелом лице огорчение и тревога.

В огромной мрачной каюте разбитого корабля тихонько зарыдал гонг. В кубе зажглась красная стрелка и ткнулась острием в записку на коленях девушки. Вокруг нее вспыхнули загадочные знаки. И Брек заметил, что ахронные интеграторы перестали гудеть.

— Что это? — с тревогой спросил Астрарх. — Школьница пишет записку... какое это имеет отношение к космическому бою?

Брек расшифровал огненные знаки.

— Она решила бой в тот день, двадцать лет назад. — В его голосе звучало ликование. — Понимаете, в тот вечер она условилась пойти танцевать в Торэн с Тони Гrimмом. Но ее отец как раз читал специальную лекцию о новых теориях ахронной силы. Тони не пошел с Элорой, чтобы присутствовать на лекции.

Брек не спускал глаз с неподвижного изображения в кубе; его голос слегка охрип.

— Элора рассердилась... тогда она еще не очень хорошо знала Тони. Я предложил ей провести вечер вместе. И в тот момент, видите, она как раз написала записку, в которой согласилась пойти со мной. Брек перевел дух.

— Но, вы видите, она в нерешительности. Потому что она любит Тони. Еще немного, и Элора разорвала бы записку, адресованную мне, и написала бы другую Тони.

Астрарх смотрел перед собою взглядом обреченного человека.

— Но как это могло решить исход битвы?

— В прошлом, которое мы пережили, — сказал Брек, — Элора послала записку мне. Я пошел с ней на танцы, пропустив лекцию, а Тони был на лекции, и там у него зародилась идея, в результате которой его автovизор в конце концов оказался лучше моего. Но если бы вместо того, чтобы писать мне, Элора написала Тони, он бы раскаялся и пропустил лекцию, — это показывают анализаторы. Вместо Тони на ней бы присутствовал я, и мой автovизор в конце концов оказался бы лучше.

Астрарх медленно кивнул. Лицо у него стало совсем восковым.

— Но... ты в самом деле можешь изменить прошлое?

Брек помолчал, потом серьезно ответил:

— В нашем распоряжении энергия судовых конвертеров. У нас ахронное поле высокой частоты — рычаг, к которому мы приложим эту энергию. Несомненно, истратив миллионы киловатт, мы сможем воздействовать на несколько клеток мозга школьницы. Посмотрим.

Его длинные бледные пальцы быстро забегали по клавишам регулировки. Наконец он осторожно тронул зеленую кнопку. На безмолвном корабле снова послышался шепот конвертеров. Снова зажужжали ахронные интеграторы. За его спиной тихонько завыли гигантские трансформаторы.

И неподвижная картина вдруг ожила. Брек и Астрапх пододвинулись к экрану.

Элора Рони разорвала записку, начинавшуюся словами «Дорогой Билл...» Дрожащими пальцами она быстро начала писать: «Дорогой Тони... Я так жалею, что рассердилась. Сегодня вечером...»

Изображение померкло.

— Минус четыре...

Услышав металлический скрежет громкоговорителя, Брек Веронар сразу пришел в себя. Неужели он задремал... за четыре минуты до встречи с противником? Веронар встряхнулся. У него было странное, неприятное чувство: как будто он видел и уже почти забыл кошмарный сон, в котором битва разразилась и была проиграна.

Он протер глаза, оглядел показания приборов на щите управления. Автовизор был включен, датчики настроены, управляющие реле проверены. Его дело сделано. Он попытался ослабить невероятное напряжение во всем теле.

— Минус три...

Натриевые бомбы заполнили пустоту перед кораблем огромными серебряными перьями и развевающимися лентами. Глядя в черный куб экрана, Брек снова обнаружил шесть крошечных пятнышек — корабли Тони Гримма. Брек невольно вздрогнул.

С ума сошел Тони, что ли? Почему он не повернет в сторону, чтобы уклониться от встречи с противником?

Рассеянные в космосе, его корабли могли бы напасть на торговые суда Астрарха и заставить его прекратить бомбардировку Земли. Но в открытом бою они будут побеждены.

Брек прислушался к спокойному гудению ахронных интеграторов. При сложившихся условиях новый автовизор мог обеспечить сорок процентов попаданий. Даже если пушки Тони стреляют совершенно точно, у Астрарха все равно остается преимущество два к одному.

— Минус две...

Две минуты! Брек посмотрел на свой украшенный драгоценными камнями ручной хронометр. На мгновение у него мелькнуло странное чувство. Эти часы показались ему чужими. А ведь он их носил уже двадцать лет.

Циферблат слегка светился. Он вспомнил, как Тони и Элора подарили ему эти часы — в тот день, когда он покинул университет и улетел в Астрофон. Слишком роскошный подарок. Ведь денег у них обоих было немного.

Он подумал о том, догадывался ли когда-нибудь Тони о его любви к Флоре. Наверное, было к лучшему, что она всегда отвергала его ухаживания. Тень ревности никогда не омрачала их дружбы.

— Минус одна...

Он не допустит этого! Брек снова бросил на экран взгляд, на этот раз почти гневный. И по-прежнему в серебре щелочных облаков ему чудились лица Тони и Элоры. Его не оставляло странное чувство — ему казалось, что он снова ощущает легкое прикосновение пальцев Элоры, касающихся его руки, когда она надевала ему часы.

И вдруг черные пятнышки на экране перестали быть для него целями. Брек глубоко, прерывисто вздохнул. В конце концов он был землянином. Двадцать лет он получал щедрое жалованье от Астрарха, и все же эти часы были самой драгоценной его собственностью.

Его серые глаза гневно сузились. Без автовизора флот Астрарха блуждал бы вслепую в натриевых облаках. Какой

бы ахронный измеритель расстояния ни применял Тони Гримм, он мог легко сбить корабли противника.

Брек вздрогнул. Разумеется, он идет на верную смерть. Но в предстоящем бою это было не важно. Он знал, что примет смерть без сожаления.

— Ноль!

Ахронные интеграторы деловито жужжали; корабль со-дрогнулся от первого залпа своих пушек. Но тут же сжатые кулаки Брека опустились на тщательно смонтированную клавиатуру. Гудение автовизора стихло. Пушки смолкли.

Брек взял трубку телефона Астрапха.

— Я остановил автовизор. Включить его снова в течение этих двух минут совершенно невозможно.

Телефон звякнул и замолчал.

Корабль встряхнуло, огни погасли. Завыли сирены. Захлопали клапаны вентиляторов. Огни зажглись, потом снова погасли. Попаданий пока больше не было. В окутанной мраком большой каюте воцарилось безмолвие.

Только быстро, чуть слышно тикал хронометр.

Время тянулось бесконечно. Наконец, зажглись слабые аварийные огни. В каюту, спотыкаясь, вошел Астрапх, ошеломленный и бледный.

За ним следовал отряд космонавтов. Расстроенные злобные физиономии странно выделялись на фоне ярких мундиров. Столкнувшись лицом к лицу с их мстительной ненавистью, Брек похолодел, ему стало не по себе. Но Астрапх не позволил им проявить свою враждебность.

— Землянин наказал и себя вместе с нами, — сказал им потрясенный диктатор. — Вам почти ничего не придется добавить. И уж, конечно, торопиться здесь незачем.

Они с роптанием остановились у двери; Астрапх медленно подошел к Бреку.

— Мы разбиты, — прошептал он. — Ты уничтожил меня, Веронар. — Дрожащей рукой он провел по своему бледному, как восковая маска, лицу. — Все потеряно. «Уориор Куин»

выведен из строя. Ни один из наших кораблей не может прийти к нам на помощь. Мы изжаримся заживо.

Его глубоко сидящие глаза с тоской уставились на Брека.

— За эти две минуты ты уничтожил Астрархию. «Всего две минуты», — устало прошептал он. — Если бы можно было вернуть время...

— Да, — сказал Брек. — Я остановил автовизор. — Он вызывающее пожал плечами и встретил грозные взгляды солдат. — А они ничем не могут помочь?

— А ты разве можешь? — В глазах Астрарха мелькнула надежда. — Когда-то ты говорил мне, Веронар, что прошлое можно изменить. Тогда я не хотел тебя слушать. Но теперь... попробуй все, что можешь. Ты мог бы избежать серьезных неприятностей, которые готовят тебе мои люди.

Космонавты тихо переговаривались между собой. Брек посмотрел на них и покачал головой.

— Я допустил ошибку, — неторопливо сказал он. — Не учел двустороннего характера времени. Но будущее — я теперь понял — так же реально, как и прошлое. Если не принимать во внимание знака изменения энтропии и потока сознания, невозможно отличить одно от другого. Будущее определяет прошлое, так же как прошлое определяет будущее. Можно выделить определяющий фактор и даже, применив достаточную энергию, вызвать местное отклонение геодезических линий. Но мировые линии закреплены в будущем так же твердо, как и в прошлом. Как бы мы ни перемещали факторы, окончательный результат всегда остается тем же.

Восковое лицо Астрарха было безжалостно.

— Тогда ты осужден, Веронар.

Брек медленно улыбнулся.

— Не называй меня Веронаром, — тихо произнес он. — Я вовремя вспомнил о том, что я Уильям Уэбстер, землянин. Ты можешь убить меня любым способом. Но поражение Астрархии и освобождение Земли теперь запечатлены во времени — навеки.

РАСПАД

Официально Босс Келлон был просто исполнительным секретарем Союза Астронавтов, Менеджеров и инженеров. Но сейчас в 2145 году Босс был равен Цезарю. Начиная с унитронных конвертеров на Меркурии, и кончая отдельными маленькими шахтами, разбросанными по лунам Юпитера, Союз правил человечеством.

А Гарвей Келлон был Союзом.

Это был большой человек. Его проницательные глубоко посаженные осторожные глаза могли быть такими же ледяными, как блеск голубых каллистонийских бриллиантов, но вежливая профессиональная улыбка чаще смягчала выражение его неровного красного лица. Он носил развевающийся белый парик, и несколько миллионов в Санпорте подозревали, что их босс также лыс, как первый цезарь Древнего Рима.

Санпорт был его столицей. Сотни лет монополия межпланетной торговли питала его силу, до тех пор, пока даже Нью-Йорк не стал всего лишь старым провинциальным городком. Башни мегаполиса возвышались подобно ярким монолитам на сотни миль вокруг высокой плоской горы в Колорадо, которая стала космическим портом. Крошечная луна Внешней Станции навечно повисла над меридианом города, сделанная человеком звезда его будущего.

Босс Келлон жил в верхней части врезавшейся в небо Башни Союза. Огромные, роскошные залы его апартаментов назывались по именам планет Солнца. Сегодня был бал в Комнате Нептуна, и он танцевал по именам планет Солнца. Сегодня был бал в Комнате Нептуна, и он танцевал с Селен дю Марс.

Босс тяжело дышал, темные капельки пота усеяли плечи его пурпурной пижамы. Его ноги болели. Вероятно, в свои шестьдесят он был слишком стар для танцев, конечно же, в

средней части его тела было чересчур много лишнего веса. Но Селен дю Марс могла заставить мужчин отогнать такие неприятные мысли.

Высокая, гибкая, зеленоглазая, она была знаменитой телетанцовщицей. Сегодня ее волосы были платинового цвета, и она ослепляла огнем бриллиантов. Он подумал, что эти любимые камни точно такие как она сама, холодные, яркие и твердые. Но он восхищался даже ее расчетливой амбицией, ибо о на была сродни его собственной.

Селен утверждала, что имеет наследственную степень в области милитехнической инженерии. Однажды Келлон приказал провести негласное расследование, и ему доложили о том, что имеются доказательства подделки документов. Ее отец был всего лишь слугой милитехнического офицера на станции Юпитера. Но Келлон не дал хода докладу, и не сказал ни слова Селен. Он знал, как тяжело выбраться из серых.

Сейчас, уже не в первый раз, она выпрашивала у него корону для себя. Ее голос был холодным и совершенным, как и ее длинное гибкое тело, и она употребила льстивое обращение, которое сама придумала:

— Ваша Гениальность, можем ли мы провести коронацию в скором времени? Все распланировано. Ваш друг историк Мелкарт раскопал для меня старые церемонии. Мои ювелиры работают над короной из огненных бриллиантов.

— За которую платить буду я, — хмыкнул Келлон, и привлек к себе ее кошачье тело. — Дорогая, я знаю, что ты хочешь быть Императрицей Солнца, но твоей хорошенъкой головке даже без короны угрожает опасность.

Келлон нахмурился, помрачнел от нахлынувших на него мыслей. Он взобрался на самую вершину человеческой пирамиды. Он был первым из миллиона наследных инженеров, которые со своими семьями и различными служами занимали почти все верхние уровни башен Санпорта.

Но здесь же только в Санпорте почти восемьдесят миллионов носили серую одежду рабочих. Они жили и

трудились под поверхностью, и Департамент Охраны связал их жизнь железными ограничениями. Келлон знал, как они жили, потому что когда-то был одним из них.

Большинство из них ненавидели техническую аристократию Союза. Это была серьезная трещина в пирамиде. Келлон однажды попытался ее заделать при помощи реформ и уступок. Но Мелкарт предупредил его, что он опоздал на три поколения. Уступая этой ненависти, он сам оплачивал веревку, на которой его повесят.

— Мы танцуем на вулкане, дорогая, — сказал он Селен. — Лучше не ворошить угли!

Обнаженные плечи Селен передернулись, а глаза вспыхнули темным светом, подобно украшавшим ее платье изумрудам. Но она подавила свое недовольство. Она знала, что сотня других женщин в длинном освещенном зеленоватым светом холле с радостью пошли бы на убийство, ради того, чтобы занять ее место в руках Келлона. Вместо того чтобы нахмуриться она всего лишь надула губки.

— Ну пожалуйста, Ваша Гениальность. Ее совершенное лицо слегка исказилось. Келлон понял, что наступил на ее серебряную туфельку. Но она снова улыбнулась, и пожала плечами, словно отметая его извинения. — Неосторожность завоевала для тебя планеты. Ваша Гениальность стареет?

Это было его уязвимым местом, и Селен это знала. Может быть, и так. Бремя правления было слишком тяжелым. Было трудно найти достойных доверия подчиненных. Иногда он чувствовал, что сам Союз приходит в упадок, по мере того как он стареет.

— Коронация... — продолжал ее льстивый голос.

Но Келлон не слушал. Он позволил ей высвободиться из его рук, а сам смотрел, как через толпу ярко одетой технической аристократии к нему направляется худощавый мужчина.

Этот худощавый мужчина был Главой Департамента Охраны. На нем была винного цвета форменная пижама, на которой сияла украшенная драгоценными камнями звезда

Союза. Но он шел один и озабоченное выражение его лица означало, что у него плохие новости. Келлон приготовился к неприятностям.

— Ваша Гениальность, это Проповедник! — шепот был хриплым от напряжения. — Он здесь, в Санпорте. — Офицер глотнул и облизал губы. — Он все еще прячется, где-то на уровне канализации.

Это были не просто неприятные новости. Келлон покачнулся. Величественные светящиеся фрески расплылись. Вместо них он увидел темные, сырье туннели, протянувшиеся на глубине в тысячу футов под тротуарами Санпорта. Когда-то он сам там прятался, преследуемый человек в сером. Синкапированный гул оркестра вдруг превратился в гудение канализационных насосов.

Толстые розовые руки Келлона сделали отчаянныйхватывающий жест. Он видел распространение Серого Похода, яд, атаковавший Союз и разъевший саму ткань цивилизации. Многие годы Департамент Охраны искал проповедника, напрасно. Но ему было трудно поверить, что этот фанатик осмелится появиться в Санпорте.

Он действительно становился старым. Старым и одиночным. Он чувствовал, что беспомощен перед требованиями этого мрачного момента. Неожиданно он едва не потерял сознание от отчаянного сожаления о ссоре с сыном. Семейная преданность была тем единственным, что заслуживало доверия в этом циничном метрополе. Теперь ему был нужен Рой, ужасно.

Оглушенный тяжестью этой чрезвычайной ситуации, его мозг вернулся назад в прошлое. К Рою и его матери. Первым стройную сероглазую девушки ввел в их общество Мелкарт. Они были на тайном собрании, внизу на канализационных уровнях. Мелкарт гордо сказал: Руфь будет Жанной д'Арк Нового Сообщества.

Возможно, Руфь любила Мелкарта. Келлон никогда не знал наверняка. Ибо тайная полиция Корпорации налетела на штаб-квартиру партии несколько месяцев спустя.

Мелкарта схватили и отправили на Марс. И только после того, как она получила ложное сообщение о смерти Мелкарта, она согласилась выйти замуж за Келлона.

Ответственность за это сообщение лежала на Келлоне. Он пытался сгладить свою вину, освободив Мелкарта, как только он добился достаточного влияния.

Руфь так и не перестала мечтать о Новом Сообществе. Она не одобряла методы, при помощи которых Келлон рвался к власти, и была очень потрясена, когда он приказал офицерам Департамента Охраны устроить охоту на нескольких уцелевших членов партии. Рою было двенадцать, когда она умерла.

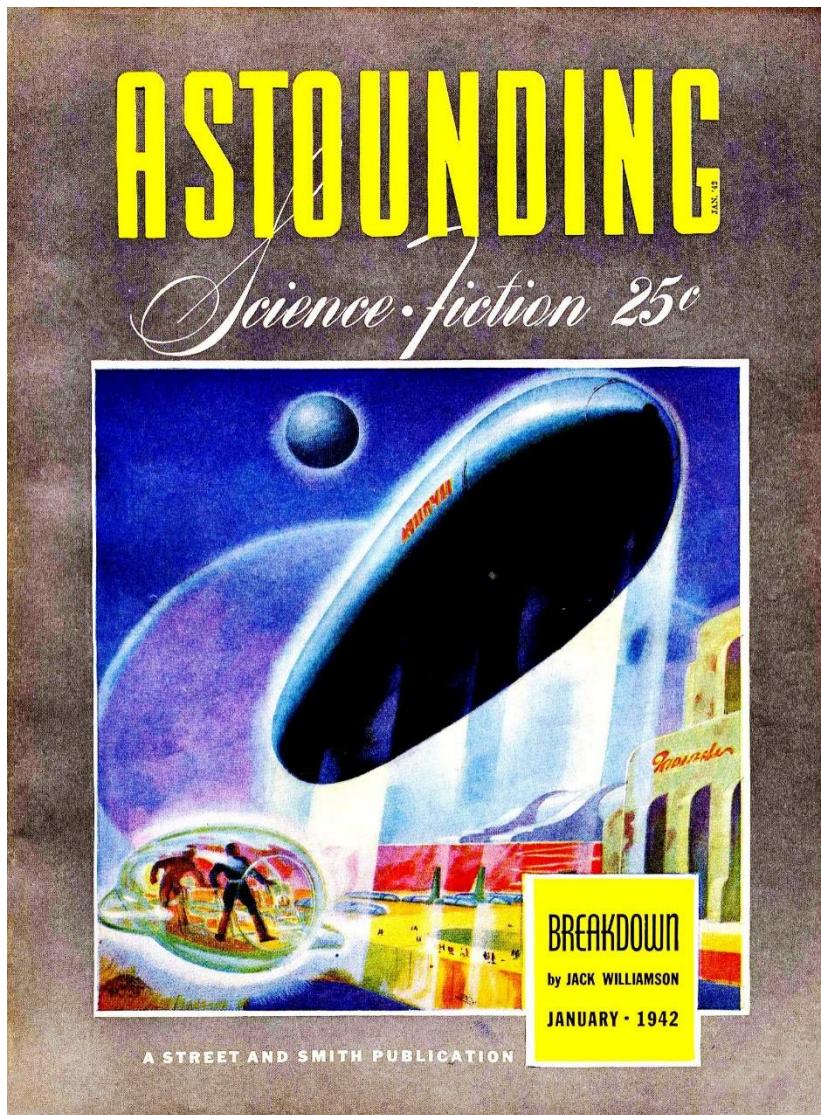
Рой был похож на свою мать — стройный, напряженный, полный идеалов. Келлон был в восторге, когда мальчик захотел сдать экзамены на практическую степень в области унитронной инженерии, — это помогло бы ему забыть, что его собственные титулы были подделкой.

Но Рой принес ему горькое разочарование. Он не проявлял ни малейшего интереса к политике Союза. Он отказался поступать в Милитехнический колледж, готовиться к командной должности и продвижению по службе во Флоте. Вместо этого, когда ему было двадцать, он потратил попусту целый год, проводя какие-то бессмысленные исследования на солнечных электростанциях на Меркурии.

Скора произошла, когда Рой вернулся — пять лет назад. Рою не понравилась Селен дю Марс. Она все еще ухудшила, попытавшись флиртовать с ним. Он обозвал ее неприятным словом и вышел из апартаментов на крыше башни. И больше не вернулся.

Но на следующий день Келлон отправился к нему в унитронную лабораторию на холме. Его глейдер, бесшумное кристаллическое яйцо, стал спускаться к длинному низкому с белой крышей зданию, расположенному между торговым портом и милитехнической резервацией. Из Доков, Венеры подобно продолговатому серебряному пузырю, яркий и странный в мерцании своего приводного поля, поднимался

лайнер. Серые грузчики увозили блестящие металлические болванки и квадратные из твердой древесины бревна, которые тот выгрузил. Марсианский корабль лежал в своей колыбели, выбрасывая в трубу темный рудный концентрат. Побитый космосом спасательный корабль с Юпитера загружал горы корзин, тюков и бочек — пищу и оборудование для

шахтеров Каллисто. Доки Меркурия были забиты батареями, перезаряженными на солнечных электростанциях. И все это было торговлей великой империи!

Но гордость Келлона имела горький привкус. Он помнил, что порт был гораздо более оживленным, в дни Корпорации. Сейчас половина площади заросла сорняками и пустовала. Разобранные корабли покраснели от ржавчины в колыбелях неиспользующихся Доков Сатурна.

Его пилот посадил гладиер на белую крышу. Келлон спросил своего сына, и испуганный охранник повел его через лабораторию. Келлон знал, что именно в этом здании покоряют космос. Все великие открытия в области унитронных полетов делались здесь. Но большинство залов теперь пустовали, старое оборудование было разобрано или разбито.

Келлон нашел Роя в длинной чистой мастерской, пластиковые стены которой мягко светились бело-голубым светом. Огромные окна выходили на милитехническую резервацию, где подобно огромным смертельно черным стрелам лежали унитронные крейсеры Флота.

Рой был бронзовым от космического загара после года, проведенного на Меркурии. Он с нервной быстротой своей матери поднял глаза от какого-то устройства, лежавшего на скамейке. Келлон был слегка шокирован, увидев у него в руках отвертку — для инженера высших сословий любая работа, выполняемая руками, была унизительной.

Казалось, Рой рад его видеть.

— Извини, я погорячился, — он улыбнулся, напряженной, мрачной улыбкой матери. — Я не люблю Селен. Но она не имеет значения.

Его смуглые быстрые пальцы коснулись прибора, а серые глаза загорелись от нетерпения.

— Я ищу способ проверить гипотезу конденсации.

— Послушай, сын, — Келлон сделал нетерпеливый жест в сторону окна, в сторону ряда могучих черных крейсеров. Флот ждет, когда ты примешь над ним командование, как

только ты получишь достаточно знаний. Твои эксперименты следует оставить для подчиненных.

— Извини, Босс, — в загорелом лице Роя была непоколебимая решимость его матери. — Я думаю, моя гипотеза важнее Флота.

— Гипотеза? — в голосе Келлона послышался гнев. — Важнее. — Он попытался сдержать свои эмоции. — Ты можешь объяснить, что же в ней есть такое важное?

— Я пытался перед тем, как отправиться на Меркурий, — ответил Рой. — Ты был слишком занят, чтобы слушать. Понимаешь, у меня есть новая идея относительно того, как образовались планеты. Я полетел на Меркурий, чтобы проверить ее, проделать более близкие наблюдения Солнца. Полагаю, я прав.

Келлон попытался подавить нетерпение.

— Я слушаю сейчас, — сказал он.

— Понимаешь, происхождение наших планет никогда не было объяснено должным образом, — Рой говорил с такой терпеливой осторожностью, что он с неловкостью подумал, не знает ли мальчик о том, что его собственные степени поддельные. — Старые астрономы сделали все, что было в их силах с идеями Птолемея, Ньютона и Эйнштейна, но они так и не смогли объяснить возникновение всех планет, которые мы видим. Неудивительно, что, не имея понятия об унитроне, они так и не поняли рождение Солнца и планет.

— Но ты понял? — Келлон почувствовал, как его нетерпеливое презрение на мгновение превратилось в гордость за сына.

— Думаю, да, — ответил Рой. — Старые космологи пошли по неверному пути, потому что они не знали своей собственной Вселенной. Они считали, что их постоянные массы и энергии действительно были постоянными. Теперь мы знаем, что единственной действительной постоянной является сам унитрон

— основной базовой единицей общей как для субатомных частиц массы, так и для квантов энергии. Я работал с

унитронными уравнениями, описывающими массу и энергию как меняющиеся функции времени. Они показывают, что наша Вселенная была совсем другим местом пять или шесть миллиардов лет назад — нечто такое, что старые астрономы никогда бы не смогли вообразить. В то время действовали процессы, которые были бы невозможны сейчас.

Серые глаза Роя сияли.

— Вот суть моей гипотезы, Босс. Согласно ей, каждая нормальная звезда может иметь свою собственную семью планет. Его быстрые руки коснулись прибора. — Конечно, это всего лишь гипотеза — хотя астрономы Внешней Станции обнаружили доказательства наличия планет у большинства ближайших звезд. Но я выясню!

Он внимательно посмотрел на лицо Келлона.

— Ты понимаешь это, отец?

Келлон тяжело покачал головой.

— Твои аргументы звучат достаточно разумно, — согласился он. Однажды на Внешней Станции я видел график, на котором были нанесены маленькие отклонения, которые, как сказали, означают наличие планет. Ну и что? Не вижу причины волноваться.

Слезы отчаяния появились в горящих глазах Роя.

— Не могу этого понять, — прошептал он горько. — Никого это не волнует. Никому до этого нет дела. — Он резко поднял свою загорелую голову. — Но сотню лет назад инженеры принялись бы строить корабли, чтобы отправиться исследовать эти планеты!

— Я так не думаю, — устало возразил Келлон. — Это было бы слишком далеко для торговли. На луны Сатурна не летали уже шестьдесят лет. Уже сейчас наши базы на Юпитере теряют деньги. Поставки и перевозка стоят дороже, чем мы получаем. Если бы не престиж Союза, я бы прекратил их сегодня же.

— Наука стала откатываться назад с того момента, когда был утерян урановый процесс. — Лицо Роя было озабоченным. — Не знаю почему. — Его бронзовый подбородок

вздернулся. — Но мы можем идти дальше. Унитронную тягу можно усовершенствовать. Имея время и деньги, я смог бы построить межзвездный корабль!

— Может, и смог бы, — сказал Келлон, — если ты настолько дурак, что хочешь умереть на какой-то незнакомой, бесплодной планете, которую никогда не видели люди — когда у меня есть империя, которую я готов тебе дать!

— Полагаю, я именно такой дурак, — спокойно ответил Рой. — Я не хочу империю.

И тут Келлон сорвался.

— Я собираюсь лишить тебя пособия, — закричал он на мальчика, у которого побелели губы. — Это положит конец всей этой чепухе. Приходи ко мне, как только поймешь, что готов заняться милитехникой.

— Лучше возвращайся назад к Селен дю Марс, — ответил ему Рой высоким тихим голосом. — Мне не нужно пособие.

И это было правдой. Несколько месяцев спустя Келлон узнал, что Рой изобрел новый тип катушки приводного поля для унитронных двигателей кораблей, находящихся в распоряжении Юпитера. Это сократило длинных перелет к Юпитеру на три дня и увеличило восстанавливаемость энергии при торможении почти на сорок процентов. Впервые за двадцать лет шахты на Каллисто принесли крошечную выгоду. Плата, которую Рой получил от Властей Транспортного Союза в сотню раз превышала пособие, в котором ему отказал Келлон.

В течение пяти лет после этого Келлон не видел сына. Рой проигнорировал приглашение, которое он заставил послать Селен. Но он знал, благодаря Департаменту Охраны, что Рой все еще находится в унитронной лаборатории, яростно занимаясь своими исследованиями. Узнав, что его фонды иссякают, Келлон приказал Властям Транспортного Союза удвоить обещанный гонорар. Рой ответил краткой благодарностью.

Сейчас, стоя в оцепенении в одиночестве среди кружавящихся танцоров под светящимися зеленым цветом фресками Комнаты Нептуна, Босс Келлон почувствовал острую необходимость увидеть это худое, полное решимости лицо, которое так было похоже на лицо Руфи.

Но Рой предал его. Он остался в полном одиночестве под бременем приходящего в упадок Союза. Не было никого, кому он мог бы полностью доверять. И тихий испуганный шепот Маркарда вернул его назад к мрачной действительности.

— Проповедник в Санпорте, — повторил растерянно глава Охраны. — Его последователи уже знают об этом. Толпа собирается на Площади Союза. — Его худые плечи вздрогнули от беспомощного замешательства. — Деликатная ситуация, Ваша Гениальность.

— Да черт возьми, деликатная! — Келлон задержал дыхание, и в его проницательных глазах сверкнула решимость. Он сражался один и раньше, он сможет сделать это снова. — Обыскать уровни канализации, — приказал он сухо. — Арестовать Проповедника.

— Ваша Гениальность уверена... — неуверенно моргнул Маркард. — Он обладает огромным влиянием. До того, как он здесь появился, это было бы не так опасно. А сейчас его последователи могут устроить беспорядки.

— Я справлюсь с беспорядками, когда они начнутся, — Келлон напряг свои большие плечи и выдавил из себя улыбку. Он должен скрыть черную панику, охватившую его. — Не убивать его, — добавил он. — Просто приведите его. Мученики опасны.

— Приказывает Ваша Гениальность.

Худой человек нервно повернулся и пошел прочь. Глубокая морщина озабоченности прорезала его лицо. Оркестр играл и играл — на высокой платформе, блестящие пластиковые декорации которой изображали ледяную пещеру на Тритоне, луне Нептуна, которую он однажды посетил. Келлон направился к Селен дю Марс.

Она ждала его, стройная и высокая в сверкающих зеленых блестках. Келлон почувствовал, как его сердце забилось слегка быстрее, ибо он все еще любил Селен. Затем он увидел, что она улыбается другому мужчине.

Через толпу шагал адмирал Херд. Его черно-оранжевая пижама была специально скроена так, чтобы подчеркнуть широкий треугольник плеч. Он был молодым, высоким, смуглым. Он сверкнул белоснежной улыбкой и поприветствовал Селен милитехническим титулом, на который она претендовала:

— Позвольте мне, Мисс Капитан? — Затем он увидел приближающегося Келлона. Его лицо напряглось от осмотрительной настороженности, а сменившая ее улыбка была чесноком широкой. — Если Ваша Гениальность позволит?

— Дорогой, ты выглядишь усталым.

Селен обратила к нему ослепительную улыбку, и скользнула в руки адмирала, прежде чем он успел ответить. Оставшись в одиночестве, Келлон почувствовал усталую зависть к молодости, внешности и энергии Херда. Да, он действительно старел.

Он наблюдал за Хердом и Селен, которые танцевали щека к щеке. Ее глаза были закрыты, ее спокойное лицо, казалось, сразу же расслабилось и стало счастливым. Но он поймал взгляд Херда, настороженный, странно враждебный.

Устало отвернувшись, Келлон почувствовал новый прилив черного сожаления о сыне. Если бы они не поссорились, сейчас командовать Флотом мог бы Рой, а не Херд. Новый адмирал был блестящим, и его служебный список был чистым, но Келлон не любил его.

Келлон покинул бальный зал, ненавязчиво сопровождаемый своими личными охранниками. Он пересек просторную тихую Лунную комнату, и ступил на террасу, которая выходила на Площадь Союза.

Была ночь, и Санпорт после наступления темноты представлял собой зреющее, которое всегда волновало его.

Башни стояли далеко друг от друга. Фасады, отделанные светящимся пластиком, превратили их в стройные грациозные столбы мягкого и многоцветного огня. Их меняющееся сияние освещало широкие лежащие между ними парки, и отражалось в сотнях искусственных озер. Дороги казались широкими извивающимися огненными лентами, живыми от движущихся светящихся машин. Несколько прогулочных глейдеров парили над посадочными террасами, разноцветные яйца кристаллического света.

Иногда, с тоскливой болью Келлон вспоминал свои первые редкие взгляды на этот яркий волшебный вид. Ибо детство свое он провел в низших уровнях. И только во время нечастых праздников ему разрешалось подниматься в парки, где он мог видеть этот запретный, сияющий рай инженеров.

Какими безумными были его мечты! Должно быть, об этом мечтали и миллионы других людей, но только он поднялся наверх и сделал город своим. Иногда даже эта, с таким трудом одержанная победа казалась невероятной. И уж тем более она никогда не принесла ему того чистого спокойного восторга, о котором он мечтал. Он тяжело вздохнул.

— Ваша Гениальность! — быстрый офицер его личной охраны остановил его в широком проходе на террасу. — На террасе может быть опасно, внизу собралась безобразная толпа.

— Благодарю, майор, — он пожал плечами и пошел дальше. Он не мог отступить перед одолевавшим его страхом. Уверенность — самое надежное оружие. — Вы знаете, это мой любимый вид.

Но сегодня картина мрачно отличалась от той, к которой он привык.

Длинный треугольник Площади Союза, раскинувшейся под ним, был серым от толпящихся людей. С этой высоты накатывающие массы были похожи на каких-то странных паразитов, ползающих у основания тех могучих, сияющих, строгих башен, которые он любил.

Сердитым красным огнем светились несколько десятков костров. В ноздри ему ударил неприятный запах жженой бумаги. До него долетал ослабленный расстоянием сердитый гул голосов. Евангелисты хрюпали вопили и распевали пронзительными голосами. Он уловил обрывок из «Боевого Гимна Господа!».

В огонь книги, бей моторы!

Убей Антихриста и инженеров!

Келлон долго стоял, глядя вниз, пока его вспотевшие руки не замерзли на перилах террасы. Ему стало не по себе от страха, что все эти сияющие башни будут сметены этим океаном слепого разрушения. Но Мелкарт сказал, что он уже ничего больше не может сделать. Внезапно его замерзшее тело вздрогнуло от металлического треска автоматического оружия. В милю от него, в конце площади подобно странной вязкой жидкости текло по ярко освещенной поверхности шоссе серое человечество. Машины были остановлены и захвачены этим живым потоком подобно маленьким светящимся жукам.

До него донеслись слабые крики. На светящемся тротуаре появились черные машины Охраны, и снова затрещали автоматы. Было слишком далеко, чтобы различить отдельные человеческие фигуры, которые двигались или умирали. Но серая волна неохотно отпрянула назад. Поток остановился, тротуар погас.

Келлон беспокойно прошел назад через арку дверного проема в светящейся стене — сегодня она пульсировала мягкими и медленно меняющимися оттенками фиолетового и розового. На мгновение он задумался о том, не будет ли лучше заменить эти цвета более спокойными, а пульсацию сделать помедленнее.

В тихой циклопической Луной комнате, он поспешил к столу телефора. Он нетерпеливо упал на стул в полуокруглом вырезе перед стоящими со всех сторон стереопризмами. На центральном экране чуть меньше настоящего по размерам

светилось яркое изображение рыжеволосой девушки оператора.

— Свяжите меня с Маркардом, — рявкнул он. Девушка молча кивнула, и в следующем кристалле появилось смуглое тонкое лицо главы Охраны. Келлон не смог скрыть напряженности своего голоса. — Вы схватили Проповедника?

— Еще нет, Ваша Гениальность, — ответил Маркард своим привычным нервным шепотом. — Толпа становится неуправляемой. Прорвались в библиотеку парка и устроили костер из книг. Принялись громить прогулочные машины на Шоссе Союза. Пришлось убить нескольких, чтобы спасти инженера и его девушку. Движение нарушено. — Его озабоченные глаза неуверенно моргнули. — Может, нам следует очистить площадь?

— Нет, — ответил ему Келлон, хорошо, что он может принять еще одно уверенное и мгновенное решение. — Мертвые являются мучениками. Оставьте их в покое. Они наорутся до изнеможения и разойдутся по своим муравейникам.

— Надеюсь, так и будет, — тихо прошептал Маркард.

— Только схватите Проповедника и пришлите его ко мне, — Келлон кивнул оператору, и глава Охраны исчез из призмы. — Отдел справок. — Он обратился к подавленного вида женщине. — Покажите мне последний доклад Охраны, касающийся Проповедника.

На следующем экране спроектировался документ.

Специальный доклад N 45-X-198 Департамент Охраны Союза, Санпорт, Е Февраль 30, 2145 Агент Охраны ГК-89 (Р.А.Мейер, политехнический инженер) Объект: Эли Катлав, он же Проповедник Апокалипсиса, он же Слово Господа, он же Царь Царей. Рабочий номер Г-496-Хн-009. Беглый осужденный, Исправительная Резервация Марса, N 45-B-18. Разыскивается за убийство охранника. Предположительно, находится в Америке. Точное местонахождение неизвестно.

Примечание: Катлав опасен. Рекомендуется уничтожение.

Нажимая на клавишу, чтобы перебросить страницу, Келлон просматривал важные отрывки.

«Катлав родился в районе Озарк, в семье рабочих... Претензии матери на незаконную техническую кровь, вероятно, не обоснованы... Транспортирован на Марс за нападение на инженера. — При побеге убил охранника... Катлав достиг Сообщества Венеры на корабле, перевозящем руду... „Обращение“ и проповеди после выздоровления от шахтерской лихорадки... Вернулся на Землю около девяти лет назад, чтобы возглавить „Крестовый Поход“ против Союза... Смог ускользнуть от многочисленных облав Охраны благодаря широкой поддержке народа... Катлав призывал к убийствам и саботажу... Его программа подразумевает полное разрушение технической цивилизации..»

Келлон закончил читать доклад. Он сидел, уставившись в пустую призму, с таким мрачным видом, словно он только что прочитал о конце Санпорта и всего его мира. Он почти не сдвинулся с места, когда через час Маркард привел Проповедника.

Эли Катлав, казалось, почти не замечал сильных охранников, державших его за руки. Он был худощавым и высоким, и был одет в выцветший серый комбинезон. Он стоял прямо и решительно. Его темные впавшие глаза высокоомерно смотрели мимо Келлона на высокие сияющие стены, освещавшие комнату. Пронзительные глаза Келлона изучали этого человека на фоне приведенного в докладе Департамента Охраны. Полные губы и высокие скулы, жесткие черные волосы говорили о негритянской и индейской крови. Желтое лицо было длинным, угловатым и суровым. Наконец злые враждебные глаза обратились к лицу Келлона, но было очевидно, что Проповедник не собирается говорить первым.

Келлон изобразил на лице искреннюю доверительную улыбку.

— Рад тебя видеть, Катлав, — произнес он мягко. — Сожалею, если причинил тебе неудобства, но это единственный способ для меня узнать твою точку зрения.

Босс сделал приглушающую паузу, но Проповедник ничего не сказал. Он стоял абсолютно неподвижно между двумя огромными охранниками, державшими его. Его глаза без всякого выражения смотрели в сторону сквозь далекие, сияющие стены.

— Знаю, что время сейчас трудное. — Келлон следил, чтобы его голос звучал ровно и ласково. — Истощение юпитерианских шахт вызвало депрессию. Все отрасли тяжелой промышленности почти мертвы, и, естественно, рабочие пострадали. Но я лично очень глубоко озабочен благосостоянием масс. И я уверяю тебя, что Союз честно рассмотрит любые реформаторские меры, которые ты предложишь.

Келлон снова замолчал. Тишина царила в Лунной Комнате. Под огромными светящимися фресками, изображавшими купола станции, роботов-шахтеров и длинные унитронные машины на фоне возвышающихся лунных пиков и усыпанного звездами пространства, маленькая группа у стола телефона казалась странно незначительной. Комната была слишком большой для ее создателей.

Наконец Проповедник заговорил. На его длинном суровом лице не отразилось никакого ответа на ободряющую улыбку Келлона, и он проигнорировал аргументы Босса. Напряженным, металлическим голосом он начал цитировать тексты из Апокалипсиса:

«Пал, пал Вавилон... сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу... горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришел суд твой».

Губы Келлона слегка побледнели.

— Ты что, сошел с ума? — он закашлялся чтобы скрыть волнение в голосе. — Полагаю, ты имеешь в виду Санпорт?

Его замешательство было искренним. — Но Санпорт — это цивилизация!

Напряженно и торжественно Проповедник пророчествовал:

Взявший меч — мечом погибнет... За то в один день придут на нее казни, смерть и плач, и голод, и будет сожжена огнем... и опустела в один час... И свет светильника уже не появится более.

Келлон облокотился об искривленный стол с выражением искренней озадаченности.

— Я не понимаю тебя, Катлав, — мрачно возразил он. — Ты хочешь разрушить все то, чего достигли люди? Ты хочешь, чтобы в будущем забыли силу науки? Ты хочешь превратить людей опять в голых дикарей, и стереть всякие следы цивилизации?

— Цивилизации? — Проповедник засмеялся хриплым фыркающим смехом. — Ваша блестящая цивилизация — это сама вавилонская блудница, отправляющая все, что поддается ее разрисованным прелестям. Наука, которую вы почитеете, — ваш ложный пророк. Ваши машины — это зверь Апокалипсиса.

Он резко выдохнул.

— Да, Армагеддон и Царство рядом.

— Послушай меня, — взмолился Келлон. — Пожалуйста... Катлав сердито дернулся в руках охранников.

— Я пришел, чтобы разрушить этот последний самый порочный Вавилон, — его металлический проповеднический голос звенел в длинной Лунной Комнате.

— Также как ангелы Господни однажды поразили греховные города Содом и Гоморру. И каждый инженер будет сожжен Божиим огнем — кроме тех, которые сегодня расскажутся!

Его желтое лицо было подобно суровой неподвижной маске.

— Предупреждаю тебя, Антихрист. Раскажися сегодня и последуй за мной, — на мгновение в его глазах мелькнула

хитрость мусорной крысы. — Обрати свою силу и власть на путь Господа, и я приму тебя в Царство. Завтра будет слишком поздно.

Келлон встал, пытаясь обрести дыхание.

— Послушай, — голос его дрожал. — Я боролся за то, чтобы стать правителем Санпорта. И буду бороться, чтобы уберечь его от тебя и сумасшедших, которые следуют за тобой. Не только потому, что он мой. Но потому что это хранилище всего великого, что создали люди.

— Тогда ты проклят! — извиваясь в руках охранников, Катлав яростно затряс темным кулаком. — А вместе с тобой и твой город зла.

Голос Келлона мрачно понизился.

— Я не стану тебя убивать, Катлав. Потому что мертвый, ты, наверное, более опасен, чем живой, по крайней мере сейчас. Но я знаю, что ты совершил побег, и что тебя ждет суд по обвинению в убийстве. Я отправлю тебя в тюрьму Внешней Станции ждать суда.

Он кивнул охранникам, и они утащили пленника прочь.

Келлон тяжело сел за стол с телефоном. Разговор с Проповедником обессилил его. Ему было тяжело понять эту смертельную уничтожающую ненависть, эту слепоту во всем, что касается чего бы то ни было разумного. Но он знал, что она умножается во много раз среди одетых в серое масс под Союзом. Он подумал о воющей толпе фанатиков у подножья этой самой башни, и ему стало страшно.

Но он не должен поддаваться страху.

— Свяжите меня с милитехнической резервацией, — сказал он телефонному оператору. — Адмиралтейство. Херд на балу, но я поговорю с дежурным офицером.

Рыжеволосая девушка в центре кивнула головой. Келлон был чрезвычайно удивлен, когда на следующем экране засветились красивые черты самого адмирала Херда.

— У Вашей Гениальности удивленный вид, — Херд сверкнул своей непринужденной белозубой улыбкой. — Но я покинул бал после танца с Мисс Капитан дю Марс. Я получил

сообщение о имеющем место кризисе и счел своей обязанностью быть готовым принять ваши распоряжения.

— Спасибо, адмирал, — Келлон попытался подавить не приятное ощущение, будто Херд был слишком напряжен и исполнителен. — Я арестовал Проповедника. Его последователи могут попытаться освободить его. Я хочу, чтобы крейсер отвез его на Внешнюю Станцию как можно скорее.

— Немедленно, Ваша Гениальность. Я ожидал приказа, и мой флагманский корабль готов к полету. Я отвезу пленника лично. «Технарх» будет ждать его на террасе Департамента Охраны через пять минут.

Улыбающееся лицо Херда погасло.

Келлон почувствовал новый укол пронзительного сожаления, что Рой предал его. Но у него не было времени размышлять о своем смутном недоверии Херду. Ибо призма засветилась снова, на этот раз в ней появилось обеспокоенное лицо Маркарда.

— Ваша Гениальность, люди знают, что мы схватили Проповедника, — шепот Начальника Охраны был нервным и быстрым. — Толпа на площади ведет себя безобразно. Атакует цепи охранников. Боюсь, что они пойдут штурмом на Башню.

Келлон задержал дыхание и попытался улыбнуться. Он чувствовал смятение и усталость. Он боялся, что любые силовые действия приведут к ужасному взрыву человеческого вулкана под Санпортом.

Но было необходимо что-то делать. Было необходимо как-то продемонстрировать свою уверенность. Он поднял большие плечи и ссутулился, как всегда, делал в момент быстрого решения.

— Я поговорю с ними, — сказал он Маркарду. — Не может быть, чтобы они все были такими же сумасшедшими как Катлав. Я расскажу им, кто мажет маслом их хлеб, — он слабо улыбнулся, поворачиваясь к оператору. Любое действие заставило бы его чувствовать себя лучше. — Я поговорю с ними с террасы, — сказал он, — по телефону Башни.

— Подождите, Ваша Гениальность, — испуганно приялся возражать глава Охраны. — Терраса — опасное место. В толпе есть автоматическое оружие. Боюсь, демонстрация имеет поддержку какой-то фракции в Союзе. Мои люди ищут доказательства. Лучше держаться вне пределов досягаемости.

— Я буду говорить с террасы, — повторил Келлон.

Конечно, его могут убить. Страх ползal внутри него, как холодная змея. Но он и раньше смотрелсмерти в лицо. А сейчас демонстрация абсолютной уверенности была лучшим оружием, которое он мог использовать. Он приготовился спрятать гнетущий его страх.

Прикосновение к кнопке — и стол с телефоном опустился в туалетную комнату уровнем ниже. Она представляла собой светящийся зал, почти такой же великолепный, как огромная Лунная Комната. Келлон поправил белый парик. Слуга нарумянил его тяжелые щеки, что придало ему более веселый вид. Он прополоскал горло, пытаясь избавиться от хрипа.

Лифт поднял его назад в Лунную Комнату. Он снова прошел через светящуюся арку на террасу. Стойка телефона имела только две призмы. Став между ними, он мог смотреть вниз через Площадь Союза.

Теперь тротуар стал темным вокруг всей площади. Наземное движение остановилось. Серое человеческое море заполняло все проходы до подножий сияющих башен вдали. Гул голосов был приглушенным и зловещим.

Келлон сказал несколько слов оператору в призме. Стена за его спиной и все освещенные стороны Башни Союза начали мигать, красный, темно, красный — темно, чтобы привлечь внимание. Отвратительное гудение прекратилось, и он кивнул. Корона Башни засветилась холодным фиолетовым цветом.

— Люди Санпорта, — с трехсотфутового экрана на стене под ним, его гигантское изображение смотрело вниз на толпу. Усиленный до грохота грома, его голос раздавался из

тысячи динамиков. — Друзья мои, то, что я сделал сегодня, сделано для вашего блага.

Он доверял старой магии его искренней, смелой улыбки и своему чистому раскатистому голосу. В конце концов,

этим голосом он проложил себе дорогу к победе, одержав верх над людьми получше Эли Катлава. Но эта бездыханная тишина длилась всего мгновение, прежде чем с медленной скоростью звука до него докатился вызов толпы. Это был рев чудо-вищного животного.

— Друзья мои, послушайте меня, — по его кивку оператор усилил громкость и без того оглушающего голоса, — прислушайтесь к разуму. В холодную светящуюся стену за ним ударила пуля. На него посыпались кусочки пластика. Но, к счастью, телефон передал только приглушенный шлепок. — Что может вам дать Проповедник?

Из толпы посыпались выкрики и насмешки.

— Проповедник призвал вас разрушить машины, — он попытался заглушить этот вызывающий гул внизу. — Он приказал вам убить людей, которые создают их и управляют ими. Но подумайте, чем вы обязаны машинам — всем! Послушайтесь Проповедника — и многие из вас умрут....

Брам-м-м!

Глухой, но мощный взрыв сотряс террасу. Келлон увидел, как где-то под ним гигантским веером полетели обломки стены. За взрывом последовал черный дым, который покрыл толпу волнистыми тучами. Его колени дрожали, в горле пересохло, но он попытался продолжать:

— Большинство из вас умрет...

Но усилители молчали. Его собственный голос абсолютно потерялся в многочисленных эхо, докатившихся до него через дым от далеких башен. Телефор вышел из строя. Даже изображение оператора исчезло. Он хрюкнул крикнул в микрофон, щелкнул клавишой вызова. Но призмы оставались пустыми.

Он стоял, вцепившись руками в край подставки. Он был в замешательстве, голова его шла кругом, он был даже не в состоянии подумать о том, что же случилось. Наконец дым окутал его ослепляющим и удушающим облаком. Он шагнул назад в Лунную Комнату.

— Ваша Гениальность, — в проходе его встретили испуганные телохранители. — Вы не пострадали?

Офицер охраны сказал:

— Это была бомба. Под гигантским экраном. Должно быть, ее установили шпионы.

Телефор в Лунной Комнате по-прежнему работал. Келлон устало упал в кресло перед экранами благодарно улыбнулся побледневшему оператору. Он попросил ее соединить его с Департаментом Охраны. Маркард ответил с явным облегчением:

— Испугался, что они достали вас, Босс. — На его лице снова появилось тревожное выражение. — Все обстоит хуже, чем я думал. Широко распространившийся заговор.

Организация. Возможно, Проповедник стоит во главе, но в него вовлечены и инженеры. У них удивительное количество оружия и взрывчатки, есть и специалисты по их использованию.

Келлон смог выдавить слабую улыбку.

— Очевидно, не грех использовать машины, если они стреляют.

Глава Охраны был слишком испуган чтобы смеяться.

— Берегите свою жизнь, Босс, — прошептал он. — Предупредите охрану. Удар может последовать отовсюду. Бунтовщики разбивают машины, штурмуют здания и убивают инженеров, по всему городу. Башня Союза может стать следующей.

Келлон сделал глубокий вдох. Он потихоньку приходил в себя после взрыва.

— Не вешайте нос, Маркард! — на этот раз его улыбка была естественнее. — Мы справимся. Я свяжусь с Хердом и прикажу ему привести Флот в боевую готовность. Возможно, придется сбросить несколько тонн раздражающей пыли. Ничто так не восстанавливает уважение как двести тысяч тон длинного черного унитронного крейсера. — Он повернулся к ожидающей его распоряжений рыжеволосой девушке. — Свяжите меня с «Технархом».

Оператор кивнула. Ее голова слегка наклонилась в призме, пока ее невидимые руки скользили по клавишам. Но соседняя призма оставалась пустой. На ее напряженном лице появилось удивленное выражение.

Наконец она сказала Келлону:

— Ваша Гениальность, «Технарх» не отвечает.

Сердце Келлона сдавила ледяная безрассудная паника.

— Свяжите меня с Адмиралтейством.

Ошеломленного вида курсант сообщил ему, что Адмирал Херд увел весь лот в космос.

— Все корабли готовились к полету в течение двадцати четырех часов, сэр, — запинаясь проговорил он. — Как я понимаю, начались ежегодные маневры.

Ошеломленный Келлон кивнул головой, и испуганный курсант исчез. Келлон посмотрел на Маркарда, чье лицо все еще находилось на экране. Глава Охраны видел и слышал курсанта, и в его худом суровом лице отразился охвативший Келлона ужас.

— Маневры должны были начаться не раньше, чем через неделю, — с трудом выдавил Келлон. — Херд не должен был начинать их без моего приказа. Он покачал головой. — Но всеобщий мятеж — об этом слишком страшно думать!

Маркард издал странный похожий на мычание звук.

— Это все объясняет, Ваша Гениальность, — хрипло прошептал он. — Оружие. Организацию. Специалистов. Доказательство, что Проповедник имел поддержку в Союзе. Он был связан с Хердом. — Его бледное лицо было испуганным. — Похоже, положение отчаянное, Босс!

— Я не могу в это поверить! — пробормотал Келлон. Он боялся в это верить. Он резко сказал рыжеволосой девушке в призме. — Свяжите меня с Внешней Станцией. С Генералом Нордхорном. Немедленно.

Господство Союза и его собственное зависели от контроля над космосом. Для этого одинаково важными были и флот, и Внешняя Станция. Эта искусственная маленькая луна едва достигала мили в диаметре, но как гласила не раз оправдавшая себя поговорка «Хозяин Внешней Станции будет Хозяином планет».

Крошечная металлическая луна имела двадцатичетырехчасовой период обращения, что приводило к тому, что она всегда находилась к югу от зенита Санпорта. Сначала она служила всего-навсего обсерваторией, лабораторией и стартовой площадкой в космос. Но милитехнические инженеры Сообщества, Корпорации и Союза сделали ее массивную броню из метеоритного железа более толстой, превратив ее в Гибралтар системы. Теоретический диапазон ее огромных орудий охватывал все околоземное пространство и простирался до Луны.

— Быстрее! — рявкнул Келлон. Задыхаясь от нетерпения, он наблюдал за оператором. Она нажимала на невидимые клавиши, так словно это было трудно. Но наконец в призме засветилось худое смуглое лицо Нордхорна.

Генерал Нордхорн был старым человеком, сгорбившимся, пожелтевшим и глухим. Ему бы следовало уйти в отставку много лет назад. Но немногие молодые люди демонстрировали постоянную верность и даже эти немногие, подобно Маркарду, обычно обладали посредственными способностями. Что-то случилось со славной традицией милитехнической службы.

— Херд прибыл? — Нордхорн приложил дрожащую желтую руку к уху, и Келлон прокричал. — Я арестовал Проповедника. Я послал Херда отвезти его в тюрьму. Он вывел флот в космос, но не отвечает на вызов по телефону. Могут возникнуть проблемы. Лучше вызовите своих людей на станции управления...

Голос Келлона замолчал. Нордхорн казался сдержанно спокойным. Но сейчас, когда он сделал вдох, чтобы заговорить, Келлон увидел в его бескровных щеках и тонких дрожащих губах признаки отчаяния.

— Ваша Гениальность, Херд уже связался со мной, — его голос неуверенно дрожал. — Я как раз собирался позвонить вам. Херд не упоминал ни о каком заключенном. Он предъявил ультиматум. Ошеломляющее заявление, Ваша Гениальность, я не совсем понимаю. Он потребовал, чтобы я сдал Внешнюю Станцию! — Кадык Нордхорна дернулся. — Ваши распоряжения, сэр?

Кровь стучала в ушах Келлона. Его покрытые холодным потом руки вцепились в край стола. Несмотря на всю очевидность, полнота этой катастрофы все еще была невероятной. Он пытался успокоить свой идущий кругом разум. Хриплым голосом он приказал:

— Вы будете защищать Станцию до конца.

— До конца, белая голова Нордхорна гордо поднялась. — Но ситуация отчаянная, сэр. Его лицо снова стало

испуганным. — Я не могу понять — все происходит так быстро. Сообщают, что в некоторых орудийных группах тоже начался бунт. Люди сражаются в выходных шлюзах.

— Держите... — взмолился Келлон. Но неожиданно морщинистое лицо старого генерала исчезло из призмы. Келлон отчаянно нажимал на клавишу.

— Верните назад Нордхорна! — закричал он оператору.

— Мне очень жаль, Ваша Гениальность, — ответила напряженная девушка, но Внешняя Станция не отвечает.

Вольное ошеломленное лицо Маркарда все еще было в другом экране. Келлон попытался улыбнуться ему.

— Значит Херд и Келлон в одной кровати? — пробормотал он. — Как, по-твоему, кто кого из нее выбросит?

— Не будет иметь значения, если станция сдастся, — послышался хриплый шепот Начальника Охраны. Он прислушался. — Извините, Ваша Гениальность. Меня вызывает комитет мятежников. Помните — будьте осторожны.

Его изображение исчезло. Келлон бесцельно прошелся туда-сюда по бледному светящемуся полу длинной Луной Комнаты. Что же теперь? Новости с Внешней Станции потрясли его больше, чем взрыв под террасой. Он чувствовал себя бессильным и больным. Станция все так же не отвечала, и он не мог придумать что же можно сделать полезного.

Офицер его личной охраны сказал ему, что в Комнате Нептуна по-прежнему продолжался бал. Даже репортеры еще не почувствовали реальной серьезности ситуации. Одетые в яркие одежды танцоры не знали, что их мир стоит на грани катастрофы.

Наверное, в этом-то все и дело. Если бы класс инженеров поменьше танцевал, если бы они больше учились и больше делали для остальных девяти десятых населения — дела обстояли бы по-другому. Но Мелкарт сказал, что уже три поколения как поздно думать об этом.

— Босс! — закричал охранник. — Осторожно!

Выстрелы эхом отразились от высоких светящихся фре-
сок. Где-то закричала женщина. Вооруженные люди ввали-
лись через широкую арку из Комнаты Нептуна. Светящиеся
панели погасли. В темноте застучало автоматическое ору-
жение.

Широкий, связывающий комнаты дверной проход был
закрыт только звукопоглощающим воздушным экраном. До
Келлона донеслось приглушенное Ву-у-уш! Поднялась бро-
нированная панель, но было слишком поздно. Атакующие
находились уже в Луной Комнате.

При слабом свете, поступавшем через проход на террасу,
он разглядел присевшие, приготовившиеся к броску фигуры. Рука бросила что-то над сражающимися охранниками.
Оно упало возле него. Он с отчаяньем бросился к этой штуке,
швырнул ее в дальний конец комнаты, растянулся на полу
за столом телефона.

В ушах зазвенело, огромная темная комната наполни-
лась скрежетом металла. Он поднялся на ноги, выхватив из-
под кресла спрятанный автомат. Но стрельба прекратилась.
Свет снова наполнил высокие панели.

Три человека неподвижно лежали в перекрытом про-
ходе. Одни издал слабый рыдающий звук, и испуганный
охранник выстрелил ему в голову. Офицер быстро подбежал
к Келлону.

— С Вашей Гениальностью все в порядке?

Келлону удалось улыбнуться.

— Попытка номер семнадцать, — он был рад, что его лицо
было наrumянено. Ни одна другая попытка никогда не захо-
дила так далеко, или заставляла его почувствовать такую
слабость внутри. Он отвел глаза от развалин в конце ком-
наты, там, где бомба превратила неровный лунных пик в
кучу пыли. — Кто это был?

Охранники уже осматривали убитых. Их отпечатки были
быстро идентифицированы по телефону. Один из них ока-
зался наследным инженером, провалившимся на экзаменах
на практическую милитехническую степень. Два других

были представителями вспомогательного класса белых воротников.

— Инженер, должно быть, пришел вместе с гостями, — сообщил офицер охраны. — Остальные были среди музыкантов. Они спрятали автоматы и бомбу в футлярах для инструментов. — Он перевел дыхание. — Я ужасно об этом сожалею, Ваша Гениальность. Но позвольте мне отметить ваше личное мужество.

Мужество! Келлон пожал плечами и быстро отвернулся от неподвижных фигур в веселых запятнанных кровью kostюмах. Он уже почувствовал запах. От присутствия смерти у него кружилась голова. Если бы он был на мгновение не так быстр — отчаянье — это не мужество. Его голос прозвучал резко и громко:

— Вытащите их отсюда и вымойте пол, — затем он подумал о Селен дю Марс. От тревоги его тон стал еще резче. — В бальном зале произошло столкновение? Кто-нибудь пострадал? Выясните, не пострадала ли Мисс Капитан дю Марс.

Бронированная дверь снова опустилась. Беспокойство заставило его последовать за охранниками. В огромной сияющей зеленым светом Комнате Нептуна его встретила зловещая истерическая напряженность. Офицеры с холодными глазами допрашивали испуганных музыкантов. Половина гостей исчезла. Оставшиеся собрались группами и нервно шептались.

Он не мог найти Селен. Охранники у главного входа и на террасе для глейдеров не видели ее среди уходящих гостей. Но она исчезла в начале вечера.

Его охватила тревога. Несмотря на всю ее амбицию — а может именно благодаря ей — он любил Селен. Он знал, что последователи проповедника яростно ненавидели ее, как символ всего того, в чем им было отказано. Ее могли похитить, вероятно, даже убить.

Он поспешил назад к телефону в изуродованную взрывом Лунную Комнату и вызвал ее апартаменты этажом

ниже. Смуглый азиатского вида мажордом сказал, что она не возвращалась. Но рыжеволосая девушка-оператор сообщила ему:

— Ваша Гениальность, вам послание от Мисс Капитан дю Марс. Его оставили два часа назад, чтобы вручить вам, его, когда вы станете вызывать ее. Вы выслушаете?

Келлон кивнул, неожиданно лишившись голоса.

В кристалле появилось лицо Селен. В ее платиновых волосах горели огненные бриллианты. Их меняющее цвет сияние то становилось таким же синим как ее глаза, то таким же красным как ее губы. Она заговорила, холодным, строгим, совершенным голосом.

— Гарвей, я покидаю тебя сегодня вечером. Мы не встретимся снова. Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты мне дал, и объяснить почему я ухожу. Не потому, что ты стареешь и не потому, что я думаю, будто силы покидают тебя, поверь мне, я бы не ушла из-за этого. Но я люблю Адмирала Херда. К тому времени, как ты это услышишь, мы будем в космосе вместе. Извини меня, Гарвей.

Келлон долго сидел у стола телефона. Ему было холодно, тело его онемело. Хриплым голосом он приказал оператору прокрутить все еще раз. Селен снова улыбнулась, снова смахнула единственную блестящую как алмаз слезу, снова произнесла те же тяжелые, как камень, слова.

Она лгала. Келлон невидящими глазами уставился на фреску, поврежденную взрывом, его собственная жизнь была так же омрачена и разбита как эта светящаяся панель. Он сжал кулаки в приступе нездоровой и бесполезной ярости. Конечно, она лгала!

Может быть, она и любила Херда. Предатель был молодым и красивым. Это неудивительно. Но не любовь заставила ее отправиться вместе с ним. Он слишком хорошо знал Селен, чтобы поверить в это. Она ушла с Хердом, потому что надеялась, что он станет следующим хозяином мира.

— Прокрутите еще раз, — снова приказал он оператору. — Без звука. — Он приветствовал молчаливое изображение

усталой, горькой улыбкой. — Доброй охоты, Селен, — прошептал он. — В конце концов, у нас были хорошие дни. Доброй охоты — но тебе и твоему лихому адмиралу лучше быть начеку с Проповедником!

Одинокая слеза упала, и Селен снова исчезла.

Келлон попросил оператора снова связаться с Внешней Станцией. Селен — это еще не все. Сегодня на карту был поставлен целый мир. Его жизнь и ее. Союз и Санпорт. Игра продолжалась, далеко, в беззвучном холоде космоса. Между старым миром, который он покорил и миром неизвестным. Ему оставалось только ждать сообщения. Больше он ничего бы сделать не смог.

— Ничего, Ваша Гениальность, — сказала девушка-оператор. — Связи с космосом не было с тех пор, как был оборван разговор с генералом Нордхорном.

Устало, но неспокойно Келлон поднялся из-за стола. Мертвых унесли. Но ему казалось, что слабый одуряющий запах смерти все еще висел в комнате. Ему было холодно, и его большое тело онемело от напряжения. Он чувствовал отчаянное одиночество, и вдруг подумал о Мелкарте.

Старый философ-историк был тем единственным человеком, который должен был знать, что происходит с Санпортом. Часто в прошлом его где-то макиавеллиевский совет бывал полезен. Чуть ли не до того, как Келлон подумал об этом, его ноги уже несли его через Комнату Сатурна.

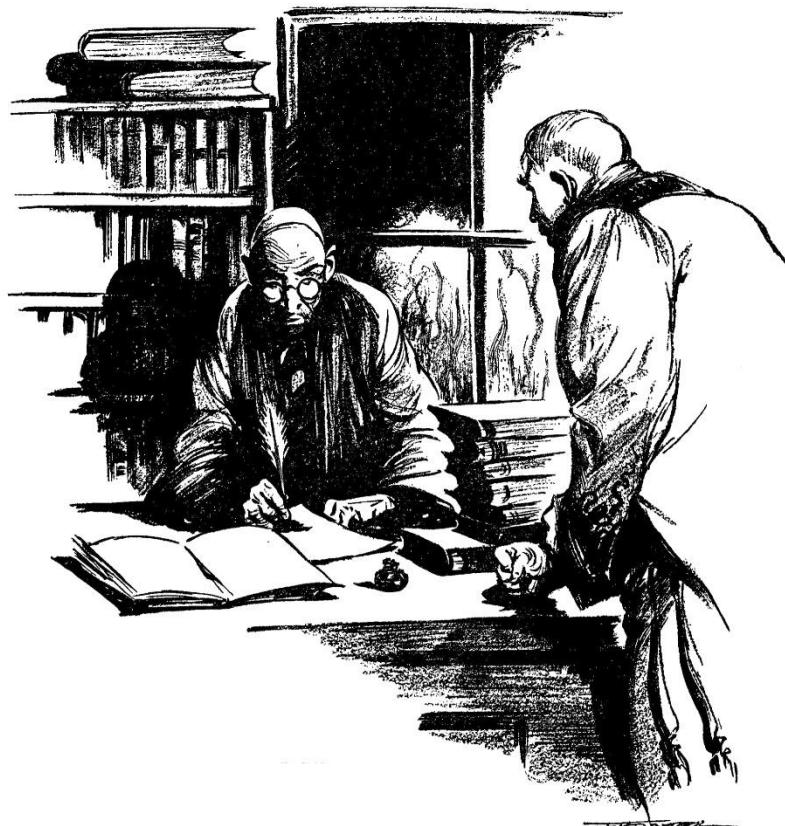
Этот огромный зал был его библиотекой. Книги поднимались вверх по всем четырем стенам. Здесь же хранились микрофильмы всей известной литературы. Келлон оставил своих охранников у двери в кабинет историка.

Чарльз Мелкарт занимал крошечную нишу. Белые светящиеся стены были голыми, но одно огромное окно открывало живописный вид светящегося окутанного ночью города. Огромный древний деревянный стол занимал почти половину комнаты. Он был завален пачками книг и рукописей.

Словно не имея понятия о происходящем снаружи, Мелкарт сидел за столом и быстро писал старомодной шариковой ручкой. Он был маленьkim сутулым человеком. На нем был огромный халат и красная шерстяная феска, прикрывавшая его лысину. Когда Келлон вошел, он моргнул и снял очки. На худом морщинистом желтом лице его глаза казались поразительно молодыми и живыми.

— Садись, Вольф, — Мелкарт никогда не работал. — Я ждал тебя.

Вольф! Это было партийное имя Келлона. Он вспомнил тайные собрания, внизу на уровнях канализации, где на холодных стенах собирались капли внизу на уровнях канализации, где на холодных стенах собирались капли, а воздух,

казалось, оживал от гула машин. Это было в старые опасные дни, до того, как они бросили борьбу за запрещенные идеалы демократии.

Неожиданно Келлон подумал о том, действительно ли Мелкарт и Руфь были влюблены друг в друга. Он отогнал эту мысль. Это уже многие годы не имело значения. Новое Сообщество было забытой мечтой. Мелкарт оставил свой идеализм вместе со своим здоровьем в иридиумных шахтах Марса. Освобождение загладило тот долг, который когда-то существовал.

Но Мелкарт дал ему многое кроме матери Роя. Худощавый, с блестящим умом новозеландец научил его науке политики. Его научные бумаги были подделаны в штаб-квартире партии, чтобы сделать его более полезным агентом. Когда Корпорация накрыла подпольную организацию, Келлону удалось скрыться с большей частью партийных фондов.

Келлон попытался отплатить ему, дав какую-нибудь высокую должность в Союзе, но насмешливый экс-радикал отказался принять что-либо выходящее за рамки нужд его простой жизни, согласился только пользоваться огромной библиотекой в Комнате Сатурна.

— Ты превратил солнечную систему в лабораторию для проверки моих политических теорий, — сказал он с легкой усмешкой. — Все что мне нужно, так это время для того, чтобы закончить написание «Судьбы».

Сейчас, войдя в узкую комнату ученого, Келлон был слишком взволнован и не стал садиться на единственный стул рядом с заваленным бумагами столом. Он направился к большому окну. Внизу мятеjhники образовали серое неспокойное море, местами оживляемое вспышками алых костров. Далекий взрыв потряс воздух, затрещал автомат, шум голосов стал сердито нарастать.

Мелкарт схватил ручку и сделал быструю запись. Келлон, бледный и напряженный, впиваясь ногтями в ладонь,

отвернулся от окна. Хриплым, полным отчаянья голосом он спросил худого старика, сидевшего за столом:

— Чарльз, ты знаешь, что происходит с Санпортом?

Красная феска кивнула.

— Я знаю это уже тридцать лет, — Мелкарт ухмыльнулся с уверенностью совы. — Старый Джованни Вико стал догадываться об этом в своем «законе циклов» еще в восемнадцатом веке. Спенглер и Тойнби поняли это. Позже, Спрайг пошел дальше. Но именно я должен был превратить законы подъема и падения человеческих культур в точную науку, которую я называю судьбой. — Его желтая, похожая на клешню рука быстро махнула в сторону огромной рукописи.

— Здесь, в моем последнем томе...

— Послушай! — Келлон ударом кулака оборвал его. — У меня нет времени на книги. Серый класс поднял бунт. Флот принял участие в мятеже. На Внешнюю Станцию совершено нападение, если она падет, нас обстреляют из космоса. Убийцы уже пытались расправиться со мной сегодня.

Он засмеялся резким невеселым смехом.

— Книги! Ты можешь сидеть здесь и писать книгу, когда фанатики Проповедника жгут библиотеки в парке? Они убивают каждого инженера, который попадает им в руки. Кто останется в живых, чтобы читать твою драгоценную книгу?

На высохшем желтом лице Мелкарта появилась усмешка.

— Боюсь, никто, — произнес он медленно. — Трагично, что культуры должны достигать точки падения до того, как они дадут людей способных их понять. Но отсутствие понимания не меняет истину. Каждый из упомянутых тобой фактов неизбежен. Потому что сейчас Санпорт мертв — это окаменелость.

— Окаменелость — ты сошел с ума! — Келлон снова стукнул по столу. Сейчас не время для пессимистичных теорий. Я хочу знать, что делать. Он умоляюще понизил голос. — Ты помогал мне раньше. Должно же быть хоть что-нибудь.

Мелкарт закрыл большую книгу, и Келлон увидел, что его желтые пальцы дрожат.

— С тобой и со мной покончено, Вольф, — в голосе его чувствовалась печаль и сожаление. — Потому что душа Санпорта мертвa. Понимаешь, город, нация или культура — это нечто большее, чем сумма отдельных личностей, которые их составляют. Санпорт родился, когда первая унитронная ракета стартовала с Горы Тольтек. Он был создан для того, чтобы покорять космос. Он его покорил, и эта суперпобеда сделала его самым огромным мегаполисом, который когда-либо видел мир.

— Это — история, — нетерпеливо пробормотал Келлон. — Что происходит сегодня?

— Космос покорен, — ответил ему Мелкарт, — и эта великая идея мертвa. Потому что жизнь не стоит на месте. Не использующиеся функции теряются. После того, как победа была одержана, Санпорт не нашел для себя новой цели, которая бы поддерживала его жизнь. Следовательно, он умер. И неважно, что в этих мертвых башнях живет девяносто миллионов новых варваров.

Келлон открыл было рот, но Мелкарт добавил саркастически:

— То же касается и тебя, Вольф, то же, что истинно для города. Ты сейчас и на десятую часть не тот человек, каким был тридцать лет назад, когда принялся уничтожать все, что осталось от Корпорации. В то время ты был бы подходящей парой Эли Катлаву. Келлон убрал складки недовольства с лица.

— Пожалуйста, Чарльз, — взмолился он. — Я знаю, что старею, но Союз мой. Может быть я получил его искусственными методами, но это ответственность. Я должен спасти его от Проповедника и его сброва, потому что Союз создал все, что мы называем цивилизацией.

— Это правда, — Мелкарт мрачно кивнул красной феской. — Инженеры были созидающим меньшинством — сотни лет назад. — Маленькая группа специалистов покорила космос

— и следовательно, создала больше богатства, чем человечество имело до этого.

— Неизбежно, созидающая сила инженеров привела к политическому доминированию. К несчастью, однако, они перестали создавать. Теперь их расточительные дети просто проматывают богатство, нажитое их отцами, и играют в глупые игры с наследственными степенями. А Санпорт превратился в такую же окаменелость, как и пирамиды Древнего Египта.

Келлон облокотился об заваленный книгами и бумагами стол.

— Санпорт мой, — его неровное лицо побледнело под румянами, а тихий голос дрожал. — Я заплатил за него умам, тяжелым трудом и годами жизни. Я работал, строил планы, подкупал, крал, лгал и убивал. Я жил под страхом смерти. Я боролся, как зверь в джунглях, за этот город. — Он сделал судорожный вдох. — Я не отдам его.

— Говоря это, — Мелкарт криво улыбнулся, — ты помогаешь подтвердить мое заявление. Потому что ты совершенно не разделяешь то замечательное устремление, которое создало Санпорт. Из всех этих неспокойных миллионов новых кочевников, ты всего-навсего оказался более хитрым, дерзким и везучим.

Но люди хотят погрузиться в нечто большее, чем их отдельные жизни. Судьба — вот слово, которое я использую для тех божественных активных сил, которые возбуждают и дают цель жизням мириад.

Санпорт свершил свою судьбу и, следовательно, утратил ее. Но Проповедник предложил этим новым варварам другую судьбу — свежую, общую цель — лежащую в их собственной дикой плоскости. Это значит, что нашему миру пришел конец, Вольф.

— Ты — потерянный человек, Мелкарт, — произнес он наконец. — Ты будешь все так же сидеть здесь, когда фанатики Проповедника явятся чтобы сжечь твои книги и перерезать тебе горло. Я думаю, это лучшая критика твоей

философии, — он агрессивно бросился к двери. — Но со мной еще не покончено.

Келлон вернулся в развороченную бомбой Лунную Комнату. Возможно, Мелкарт был прав. Возможно, Санпорт обречен. Но он не готов умирать. Он уселся за стол с телефоном и велел Оператору еще раз вызвать Внешнюю Станцию.

— Я попробую, Ваша Гениальность, — девушка была бледной и нервно вздрагивала. — Но я уже пыталась. Они не отвечают. — Она была близка к истерике. — Вся система телефона разваливается. Они разбивают оборудование и убивают операторов.

— Свяжитесь с Внешней Станцией!

Его голос был резким от напряжения. Он сидел и смотрел на работающую девушку. Беспокойство не позволяло ему расслабиться, но он ничего не мог сделать. Минуты тянулись очень медленно. Не было никакого ответа из космоса до тех пор, пока в небе не послышался ужасный гул.

Башня содрогнулась. Чудовищная, сопровождаемая ревом вибрация заглушила все мысли. Пол сотрясался. Казалось, даже его кости дрожали. Высокие светящиеся панели замигали и погасли. Пластиковая мозаика Лунного Города почернела и стала отваливаться. Воздух наполнился удушающей пылью.

Бомбардировка началась.

Теперь нет необходимости связываться с Внешней Станцией. Этого первого удара из космоса было достаточно, чтобы сказать ему, что Херд и Проповедник победили. Внешняя Станция была либо взята, либо уничтожена.

Санпорт был беззащитен. Правда, на территории мильтехнической резервации были огромные батареи. Но стесненные земной гравитацией и атмосферой, они были почти бесполезны против атаки из космоса — даже если заговорщики еще не вывели их из строя.

Келлон содрогнулся от чего-то более холодного, чем личный страх. Ибо он знал, что Мелкарт прав. Это был конец Санпорта. С Союзом было покончено. Класс инженеров был

обречен. Впереди он видел только разрушение и хаос, невежество и дикую жестокость, темноту и отчаянье.

— Дайте мне Маркарда! — закричал он на испуганную девушку.

Сейчас Департамент Охраны был последней слабой защитой цивилизации. Но Санпорт необходимо затемнить. Необходимо предупредить людей, чтобы они покинули город или искали убежища на нижних уровнях. И он хотел знать, куда попал первый залп.

В кристалле появилась голова Начальника Охраны. Но она устало наклонилась назад. Наконец-то тревожные складки на лице Маркарда разгладились. В его виске была маленькая темная дырочка. Девушка коротко, сдержанно вскрикнула, и мирное лицо исчезло.

— Он мертв! — Она прислушалась и начала объяснять напряженным голосом. — Офицер говорит, что он застрелился, когда узнал...

Второй залп оборвал ее.

Башня союза снова содрогнулась, подобно гигантскому живому существу, в которое попал смертельный гарпун. Сотрясение выбросило Келлона из кресла. Он был оглушен, а на губах почувствовался сладко-соленый вкус крови.

Он взобрался назад на кресло. Но призма оператора была пуста. Лампочки погасли. Он отчаянно принялся нажимать на клавишу вызова, но ответа не было. Оборудование было мертвым.

Звон в его ушах прекратился. Внезапно, он почувствовал, что огромная полуразрушенная комната была странно спокойной. Он испуганно позвал своих охранников, но никто не ответил. Вглядевшись в облако пыли, он увидел, что офицер лежит без движения под грудой обломков в рухнувшей арке дверного проема. Остальные удрали.

Он остался один.

Один! Осознание этого вызвало в нем дрожь. Теперь разгром был полным. Он больше не был Боссом Союза. Он был всего-навсего одним из миллионов испуганных и

растерянных людей. Единственным существовавшим порядком теперь была организация его врагов.

Напуганный своим одиночеством, он едва заметил третий залп. Но свет замигал и погас. Он закричал в поглотившей все темноте. В нем пробудилась последняя цель — слепой инстинкт выживания. Слабое свечение вывело его на террасу. Он увидел, что на половине башен в городе все еще горят, пульсируя и меняя цвет, фасады.

Площадь Союза была почти пуста. Некоторые отставшие от серой толпы еще пробегали по потемневшим дорогам. Возле подножья Башни из огромного темного кратера поднимались пыль и дым.

Так близко! Келлон вздрогнул от холодной мысли. Башня Союза была главной мишенью. Космическая бомбардировка была нацелена на него! Потому что в настоящее время, он был почти последним символом пошатнувшейся власти Союза.

Он быстро выбежал через то, что осталось от арки и направился к лифту. Его светящиеся стены все еще горели, и он помчался вверх, когда Келлон нажал на кнопку. Он, спотыкаясь вышел на пронизывающий ночной ветер, когда лифт остановился на крыше.

— Сюда! — закричал он через террасу для глейдеров. — Быстро, подавайте «Руфф»!

И тут он увидел, что на террасе никого нет. Ангар был черным и пустым. Длинный кристальный пузырь его унитронного глейдера исчез. Должно быть, команда улетела на нем, когда началась бомбардировка.

Келлон растерянно стоял в холодной темноте. Он всхлипнул и его кулаки бессильно скжались. Мир рушился у его ног, и он ничего не мог сделать. Цивилизация рассыпалась в прах.

Четвертый залп ударил еще ближе. Чудовищная вибрация сбила его с ног. Он растянулся на крыше, которая дрожала, словно спина умирающего гиганта. Взрыв оглушил его.

Он пришел в себя в лифте. Его стены погасли. Келлон принял ощущение искать кнопки. Но механизм не работал. Он бросился к темной аварийной лестнице и побежал вниз по ступенькам.

Теперь, подумал он, когда орудия, стреляющие из дальнего космоса, точно определили местонахождение Башни, залпы будут следовать один за другим.

Черная лестница была бесконечной, и его спуск превратился в расплывчатый кошмар. Взрыв следовал за взрывом, и он уже перестал считать их. Казалось, они сотрясали не только его тело, но и его рассудок.

Все ниже и ниже, через пыль и темноту. Однажды он споткнулся обо что-то похожее на тело человека и летел вниз, пока не остановился на лестничной площадке. Его мышцы дрожали от усталости. Корка засохшей крови стягивала разбитый висок.

Кое-где были уровни, на которых стены все еще слабо светились. Это была часть административных офисов Союза, ибо он заметил, что этаж за этажом, были покрыты одинаковыми рядами стеклянных кубов, столами телефонов и электронными машинами. Должно быть, толпа побывала здесь, так как он увидел валяющиеся тела охранников и людей в сером. Но живые скрылись.

Его потрясенный мозг еще мог работать, правда, как-то несвязно. Он понял, что его яркая парадная пижама, наверняка, накличет на него смерть, когда он спустился до уровней, где правит Проповедник. Он сорвал одежду с одетого в серое трупа, натянул грубый костюм на свой собственный, отшвырнув в сторону белый парик.

Иногда черная паника совершило мутации его разум. Усталость становилась наркотиком, который разрушал память и ощущения. Но он держался на ногах. Он шел дальше. Потому что он не хотел умирать.

Снова начался темный уровень. Затем где-то он нашел работающий лифт, который спустил его во влажный холод канализационных уровней. Взрывы теперь приглушались

сотнями футов земли. Но все равно они следовали один за другим, сотрясающие удары смерти.

Однажды он пришел в себя и обнаружил, что почти погребен под камнями. Над ним изгибаясь уходила вверх вентиляционная шахта. Он с трудом выбрался из-под обломков. Кости не были сломаны. Он поплелся дальше. Прошло много времени, прежде чем он понял, что бомбардировка прекратилась.

Автоматная очередь ударила из темного туннеля. Он попятился в укрытие. Но тяжелый, покрытый пятнами крови человек в сером вышел под бледный холодный свет тянущейся вдоль потолка лампы направил на него автомат.

— Стоять, ибо Армагеддон близко!

— Да, брат мой. — Келлон удалось ответить туманной цитатой из Проповедника. — И Царство пришло.

— Проходи, брат, — человек широко оскалился и объяснил: Я охочусь на инженеров. Я уже убил семерых.

Келлон уже хотел было пройти, когда автомат угрожающе дернулся.

— Ты слышал новости?

Келлон ждал.

— Адмирал Херд пытался обмануть Проповедника, — краснолицый охотник торжествующе хихикнул. — Он был убит рукой Господа и метко брошенным ножом. Теперь Флот наш, если еще, конечно, остались какие-то корабли, ибо по последним сообщениям, они сражались друг с другом.

В горле Келлона вдруг пересохло.

— Селен... — прошептал он. — А что слышно о Мисс Капитан дю Марс?

— Забудь эти слова дьявола, брат, — охотник облизал губы с неприятным удовольствием. — Эта вавилонская блудница тоже мертва. Говорят, что в конце она предала даже Антихриста. Ее нашли на борту корабля вместе с Хердом. Она приняла яд, когда его убили, чтобы избежать гнева Проповедника. Аллилуйя!

— Хвала Господу! — хрипло выдохнул Келлон. — Доброй охоты, брат.

Ему было жаль узнать о смерти Селен. И все же он был уверен, то она себя не жалела. Она сыграла в эту игру до конца, по своим собственным жестким правилам. Возможность неудачи была учтена ею, равно, как и возможность успеха. Яд, который она держала наготове, был достаточным тому доказательством.

Потрясение, растерянность и усталость окутывали его разум черным туманом. Было тяжело вспомнить, что произошло. Тяжело понять. Подобно Селен он играл по правилам, которым научила его жизнь. Но теперь они больше не действовали.

Один раз ему пришлось прятаться от толпы, которая, поднимая брызги, неслась по темному туннелю. В руках у

них были горящие факелы. Их вожак нес надетую на кол женскую голову. Они пели «Боевой Гимн Господа».

Смутно он пытался понять, что превращает людей в таких отвратительных существ. Конечно, правление Союза было тяжелым бременем, но он помнит, что подписывал многочисленные указы о мерах по облегчению жизни масс. Он помнит, что Мелкарт сказал, будто он опоздал на три поколения.

Прошло двадцать лет с тех пор, как Келлон в последний раз ощущал промозглый холод канализационных уровней. Но внезапно, ему показалось, что тайное собрание партии Нового Сообщества проходило только вчера. Замысловатый лабиринт покрытых каплями воды туннелей остался таким же знакомым, словно он никогда его и не покидал.

Качаясь от усталости, он отыскал маленькую пещеру, которую вырыл много лет назад в стене шахты над насосом. Он спал долго и проснувшись увидел следы своего отбойного молотка, все еще сохранившиеся во влажном песчанике.

Он испытал удивительное удовольствие при виде этого свидетельства своей былой силы и умения работать руками. Ибо уже давным-давно он даже не одевался без посторонней помощи. Он был голоден, но и тут далекое прошлое сослужило ему службу. По пути, который был ему знаком, он выбрался на грузовой уровень. Движение прекратилось. Он не увидел ни охранников, ни рабочих. В большинстве секторов горели только слабые лампы аварийного освещения.

Несколько грабителей были заняты делом. Он обошел их. Наконец он нашел разбитый электрогрузовик и набил карманы его грузом — гидропонным апельсинами и консервированной искусственной говядиной. Он поел и спрятал то, что осталось, в маленькой пещере.

Был рассвет второго дня, когда он подошел к покосившейся грузовой рампе среди переплетенных сорняков и ржавеющего металла давным-давно заброшенных Доков Сатурна.

Он искал своего сына.

Прошло пять лет со дня их ссоры. Он не мог быть уверен, что Рой захочет его видеть. Но между ними больше не было яркой тени Селен. Он был одинок и единственное, что у него оставалось — это Рой.

Если его Башня была мозгом Союза, космопорт был его пульсирующим сердцем. Вспомнив об огромных батареях милитехнической резервации, он надеялся, что беженцы из подвергшегося бомбардировке города могли собраться здесь, чтобы предпринять последнюю попытку защитить эту природную крепость.

Он быстро двинулся через сорняки к Докам Венеры. Спottыкаясь при тусклом утреннем свете, он набрел на гору свежей черной земли и разбитого камня. Его сердце оборвалось. Он устало взобрался на вершину насыпанного взрывом холма.

За ним, там, где когда-то находились шумные Доки Венеры, была только широкая черная бездна. Горький дым ударил ему в нос. Но не запах взрыва наполнил его глаза слезами.

Он стоял над хаосом. Изорванная снарядами земля была такой же пустой, как покрытая кратерами Луна. За Доками Сатурна в руинах едва можно было найти хоть одну знакомую конструкцию. Смерть пахала глубоко. Только несколько искореженных кусков металла намекали на то, что доки и корабли вообще когда-либо существовали.

На расстоянии нескольких миль, на нервном поле темных обломков, в том месте, где когда-то была милитехническая резервация он увидел упавший крейсер. Кормы не было, словно взорвался склад боеприпасов. Пластины все еще были красными от жара, а дым поднимался, как резкий тонкий восклицательный знак на фоне мрачного неба.

Он с грустью узнал очертания «Технаря».

За этим мертвым кораблем горел Санпорт. Восток был освещен ужасным красным рассветом. Но низкое небо над его головой оставалось темным от дыма пожаров. Прошли

часы, а он все искал развалины унитронной лаборатории, в которой работал Рой. Но Солнце так и не взошло.

Должно быть, был полдень, когда он подошел к тому, что осталось от лаборатории. Надежда покинула его, когда он увидел остатки мертвых стен. Ибо попадание в старое здание было прямым.

На месте левого крыла зияла огромная дымящаяся дыра. Крыша была сорвана с уцелевших серых стен. Со всех сторон они были высоко завалены обломками. Казалось невозможным, чтобы во всем этом здании, кто-либо остался жив.

— Кто идет?

Вздрогнув, Келлон резко повернулся. За ним из-за груды камней появился крупный мужчина. Рабочий номер на груди его серого комбинезона, говорил о том, что он был рабочим доков. В руках у него была короткая винтовка.

— Стив Вольф, — из осторожности Келлон ответил своим старым партийным именем. — Грузчик.

— Что вам нужно?

— Я ищу инженера Роя Келлона, — произнес он с отчаянием. — У меня для него послание. Он работал в унитронной лаборатории. Вы знаете его? Он не пострадал?

Мужчина ответил не сразу. Его внимательные глаза изучали Келлона, глядя поверх прицела. Келлон нетерпеливо ударил ногой кусок камня. Наконец, словно придя к какому-то решению, часовой кивнул.

— Думаю, что так оно и есть. Идемте, я разрешу вам поговорить с Томом Фарром, — он махнул винтовкой в сторону щели в полуразрушенной стене. — Рой Келлон здесь, — добавил он. — Но вам будет тяжело передать ему сообщение прямо сейчас. Потому что он находится под тысячей тонн обломков.

Келлон шел впереди, через лабиринт разрушенных комнат и лишенных крыши коридоров. Он слышал голоса и глухой стук инструментов. Неожиданно, ему и его охраннику открылось удивительное зрелище.

Потрескавшаяся стена образовывала длинный четырехугольник. Он был засыпан камнями и обломками здания, выброшенными с того места, где находилось другое крыло. Но десятки мужчин и женщин отчаянно работали, чтобы разобрать завал. Они уже наполовину открыли длинную, яркую, как зеркало, торпедоподобную машину. Часовой позвал худощавого молодого человека, одетого в серое, который, как оказалось, руководил раскопками.

— Фарр! Вот тебе еще один человек.

Юноша подошел к Келлону. Келлон его знал. Он видел его здесь, в лаборатории, когда приходил просить Роя бросить свои исследования. Но на его лице не было никаких признаков того, что он узнал бывшего правителя, и Келлон был рад этому.

— Беженец? — быстро спросил Фарр. — Вам не нравится Проповедник? Вы хотите покинуть Санпорт? — У Келлона едва было время кивнуть. — Вы хотите отправиться в космос?

— Да, — ответил Келлон в замешательстве. — Но я ищу моего... инженера Роя Келлона. С ним все в порядке?

— Он на борту «Новой» — Том Фарр показал большим пальцем на полуоткрытую торпеду. — С ним все будет в порядке — если мы сможем откопать его, прежде чем фанатики Проповедника выпустят из нас дух.

— Это? — озадаченный Келлон кивнул в сторону яркого веретена. — Космический корабль?

— Межзвездный крейсер, — быстро объяснил Фарр. — Мы работали над его созданием долгие годы. Он был почти готов к испытаниям. Когда началась бомбардировка, Рой пытался поднять его в космос. Но в него попал снаряд.

— К счастью, я был в городе, пытаясь подыскать команду. Я вернулся назад на глейдер после бомбардировки. Я собираял беженцев, чтобы откопать его. Он пробежал быстрым взглядом по работающим людям. — Мы спасем крошечное зерно цивилизации, если, конечно, вырвемся отсюда.

На лице Фарра появилась едва заметная тревога.

— «Новая» немного повреждена. Но Рой передал, что он пытается исправить повреждения. Надеется, что мы сможем стартовать, как только его откопают. У нас достаточно топлива, чтобы долететь до Венеры или Меркурия. Но нам придется искать запасы для межзвездного полета.

— Межзвездного? — с энтузиазмом переспросил Келлон.

Усталое лицо Тома Фарра засветилось.

— Рой полагает, что каждая звезда имеет свои планеты. Так что не так уж важно, что на Землю пришли темные времена. Потому что мы и наши дети будем выращивать зерна человеческой цивилизации среди многих звезд. — Его пристальный взгляд впился в Келлона. — Хотите записаться на полет?

Келлон тяжело глотнул, тщетно пытаясь произнести хоть слово. Это было больше, чем просто шанс избежать хаоса рушащегося мира. Спокойные, ясные слова Тома Фарра нарисовали новую перспективу, дали новую цель. Он молча кивнул.

— Тогда принимайтесь за работу.

Келлон направился к мужчине и девушке, которые пытались скатить валун с корабля. Было странно приятно осознавать, что его приняли в члены этой занятой делом, не отчаявшейся группы. Никогда до этого он не понимал, как одинок был Босс.

Шли часы, а он почти не ощущал усталости. Он не обращал особого внимания на кровь, которая уже начала сочиться из его нежных, не натруженных ладоней. Время оставалось только на отдельные слова, но он начал чувствовать живой интерес к этим новым товарищам.

Любопытно подобранный группа. Сильные рабочие из доков, одетые в серое, несколько молодых курсантов, уцелевших после разрушения милитехнического колледжа. Дюжины ветеранов, которым удалось убежать с Внешней Станции прежде, чем ее взорвали. Инженеры, белые воротнички, прислуга, люди в сером.

Но их единая насущная цель объединила их в единое целое. Классовые различия исчезли. Келлон заметил хорошенькую девушку в низко вырезанном танцевальном наряде. Она была немного похожа на Селен дю Марс. Но она подавала суп очереди голодных рабочих в сером.

Слова Мелкарта снова зазвучали в его ушах. Санпорт умер, потому что утратил цель, которая его создала. Но эти отчаянные одетые в лохмотья люди все еще представляли собой какое-то живое сообщество. Потому что, как сказал бы старый историк, они делили судьбу.

Снова наступила ночь. Санпорт все еще горел. Дым закрывал звезды. Восточный горизонт представлял собой стену ужасного красного цвета. На ее фоне стояли темные башни, разбитые и покалеченные космической

бомбардировкой, словно памятники, созданные какой-то вымершей расой гигантов.

Они продолжали работать не отдохшая. Время от времени автоматные очереди сообщали о том, что часовые сражаются с незваными гостями. Была ночь, когда они добрались до шлюзов «Новой». Рой Келлон вылез наверх, рука его была в повязке, чтобы осмотреть повреждения корпуса.

Келлон стоял в тени, слишком уставший чтобы произнести хоть слово. Его дыхание участилось, а горло болезненно сжалось. Рой был уверенным и сильным, такими же были его серые, похоже на материнские, глаза.

— Все на борт, — позвал он. — Думаю, она полетит. Я исправил повреждения в энергетическом отсеке. Мы сможем дотянуть до Венеры, там отремонтируемся, возьмем припасы и затем — к звездам!

Келлон последовал за качающейся цепочкой усталых мужчин и женщин через шлюз. Рой стоял внутри. Его худое лицо засветилось от изумления, и удовольствия, и он протянул свою неповрежденную руку.

— Отец! — прошептал он. — Я так рад!

— Как приятно видеть тебя, Рой, — Келлон заморгал и постарался не всхлипнуть. — Теперь я понимаю, что ты пытался мне когда-то сказать о важности этих других планет. — Он глотнул и заколебался. — Но... Я — старый человек, Рой. Если... если тебе необходимо место для более молодых мужчин и женщин, я останусь...

— Ерунда, Босс! — Рой схватил его за руку. — Главное быстрее. Только так мы сможем убраться отсюда до того, как придет Проповедник.

— Забудь Босса, — Келлон улыбнулся и снова заморгал. — Но мы будем грузиться на Венере. Увидишь, я буду чертовски хорошим грузчиком.

Отстреливающиеся часовые вошли в корабль. Люки заиграли. Рой осторожно включил непроверенный привод «Новой». Она поднялась бесшумно, намного быстрее, чем

какой-либо из унитронных кораблей. Горящий город скользнул под темное покрывало ее дыма. Впереди были звезды.

НОС ТОРГОВЦА

Нагрузившись виски, торговец прибыл на Землю, преодолев необъятные пространства космоса. Он знал, что планета находится на карантине, но допущенная им ошибка оставляла его на милость жажды, а причиной этой немилосердной жажды был его же собственный нос.

У этого худого, маленького человечка был ужасно кривой нос. Этот недостаток мог быть исправлен, но он родился в приграничном мире, где сложная дилемма свободы и ответственности еще не была разрешена, и окружающие позволили ему повзропеть с осознанием собственного уродства.

Проклятый генетической ошибкой, он провел всю свою жизнь, удирая от спасения. Когда его уродство перешло все границы приличия, он стал защищать его, как свою неотъемлемую часть. Его отправили в клинику для устраниния плохой социальной приспособленности для улучшения носа, что и было причиной всех его проблем, но он сбежал от операции и отправился на окраины цивилизации, где закон был менее жесток.

Поскольку он не отличался храбростью, то в конце концов занялся продажей дешевых игрушек. Но и в этой скромной профессии имеется риск. Он занимался своим делом потихоньку, не имея торговой лицензии, и ему пришлось стартовать так спешно, что ему не хватило времени сделать обычные запасы.

Нервы его были разболтаны более чем когда-либо. На борту флаера ему пришлось порядочно нагружаться алкоголем, пока его руки не стали достаточно твердыми, чтобы включить автопилот. Неразбавленный алкоголь оказал более сильное действие, чем обычно, и у него стало темнеть и двоиться в глазах раньше, чем он закончил регулировку.

Сильно пьяный, он спутал цифры 8 и 3, проглядел десятичную отметку на шкале и повернул ручку планетарной настройки слишком далеко. Целью его путешествия был другой пограничный мир на расстоянии в несколько световых лет, где иммиграция оставалась неограниченной, а пионеры были достаточно неотесаны и позволяли своим детям покупать его игрушки. Таким образом, благодаря его ошибке местом назначения стала планета Земля.

Робот-пилот сразу же предупредил его. Хотя флаер не раз терпел аварии, и еще до торговца с ним плохо обращалось несколько поколений находившихся вне закона бродяг, он много раз спасал его от гибели и был крепким, достойным космоса нейтронным кораблем. Ударил Гонг. Замигала красная сигнальная лампочка, и раздался суровый голос:

- Осторожно! Не стартовать! Цель назначения за пределами обычной сферы торговли. Проверьте схемы и приборы на возможность ошибки! Осторожно!

Обычно он был достаточно осторожен. Но на этот раз алкоголь лишь усилил его панику. Он был слишком пьян, чтобы понять предупреждение и стал бить дрожащими

пальцами по кнопке, отключающей весь этот шум. Но пока он нашел кнопку старта, сигнал включился вновь:

- Осторожно! - выкрикивал металлический голос. - Не стартовать! Цель назначения под карантином! Все контакты запрещены!

"Нетерпеливо, такой пьяный, что мог думать только о бегстве, он нажал на "старт". Сигналы прекратились, а флаер понес его к Земле через расстояния в световые столетия, что ошеломило бы любого трезвого человека.

Человеческая цивилизация распространилась во все стороны галактики со скоростью в полосу скорости света, так что колонисты прыгали от звезды к звезде. Этот продолжительный полет доставил его с внешних границ назад, к полузабытому центру.

И все же путешествие не показалось ему долгим, да и флаер не требовал внимания. Корабль захватывал невидимые потоки нейтронов, излучаемых новыми звездами, чтобы навеки рассеяться по галактике, и мчался с такой скоростью, что время на борту замедлилось почти до остановки.

Торговец пил и спал. Он видел страшные сны человека, которому скальпелем хотели переделать нос. Он просыпался и опять спал, и все время пил, пока не иссякли запасы спиртного.

Первоначально флаер был построен так, что должен был отметить у властей порта назначения, ждать инструкций и выполнять их. Но владельцы изменили схему управления, и флаер проскользнул на темную сторону Земли, отключив все сигналы, оставив только гонг, чтоб разбудить своего хозяина.

Торговец проснулся, чувствуя себя несчастным человеком. Тусклый свет в неопрятной кабине казался слишком ярким, гул от гонга слишком сильным. Торговец поспешил его выключить, а потом отправился, спотыкаясь, на поиски чего-нибудь спиртного.

Где-то должна была быть бутылка, припрятанная как раз для такого случая. Может быть, за койкой, в сумке с товаром или в пустом¹ медицинском кабинете - он давно обменял все его оборудование на виски.

Все спиртное было давно выпито. Грубо ругаясь, шатаясь от невыносимой жажды, торговец вернулся в кубрик, чтобы выяснить, где он находится.

Сол-Три... Никогда не слышал! Он покачал головой и, сощурившись, посмотрел на серый экран. Координаты заставили его подпрыгнуть. Он находился в двух тысячах световых годах от последнего знакомого ему мира, где-то около забытого всеми центра цивилизации.

Торговец был потрясен своей ошибкой. Но вреда от нее не было. В этом было уникальное преимущество кочевого образа жизни. Какая разница, сколько грубых людей хотели переделать его нос и искоренить вечную жажду! Флаер всегда уносит его за пределы их досягаемости через космос и время.

Исполненный надежды, он наклонился, чтобы прочитать надпись на экране. Сообщалось, что планета принадлежала ничем не примечательной планетной системе, не представляла интереса ни для туризма, ни для торговли. Население было гуманоидным, но культурный уровень был низок. На глаза ему попалась сноска:

"Предполагают, что планета, была местом нахождения Атлантиды, полулегендарной колыбели цивилизации, с которой начались межзвездные полеты. Хотя сравнительная биология местной фауны свидетельствует в пользу этой теории, никаких существенных исторических доказательств еще не найдено, а нынешний культурный уровень населения планеты оставляет вопрос, открытым..."

Его не интересовали жалобы историков. Он хотел одного выпить. Просто, чтобы встяхнуться, избавиться от мерзкого привкуса во рту, смягчить головную боль и утихомирить трясущиеся руки. "Вряд ли они настолько отстали, - думал он, что не в состоянии произвести алкоголь".

Страдая от жажды, он взялся за ключ приземления.

Загремел гонг, его удары напоминали удары молотка по голове. Замигал красный свет, зловеще прозвучал записанный на пленку голос автомата:

- Предупреждаю! Посадку не совершать! Планета на карантине в соответствии с Соглашением о Неконтактных Мирах. Все контакты запрещены! Нарушитель будет подвергнут полной перестройке. Предупреждаю...

Съежившись, торговец, как безумный, стукнул кнопку, устанавливающую тишину. Примитивные миры были самым легким рынком для его товаров, и он не раз заглядывал в Соглашение. Он знал, что оно было задумано для предотвращения опасных столкновений между народами, находящимися на разных уровнях общественного развития. Впрочем, его не интересовали теории по проблемам культурных контактов.

Он хотел только пить и надеялся найти тут выпивку. Хотя он никогда не слышал о Сол-Три, он хорошо знал свое дело и был достаточно снабжен товаром. Торговля должна была оправдать его долгий полет назад к приграничным мирам, где он чувствовал себя дома. Даже если карантинные службы что-нибудь заподозрят, вряд ли они будут гнаться за ним так далеко.

Торговец вставил ключ приземления. Флаер скользнул вниз на темный склон поросшего лесом холма. На расстоянии трех миль от него находился слабый энергетический источник, видимо, это было небольшое поселение. Торговец накачал воздухом маскирующую мембрану, так что флаер стал похож на обычновенный валун, и пошел по направлению к поселку.

Холодный воздух распространял освежающий аромат растений. Было приятно ощущать траву под ногами. Голоса маленьких птичек складывались в неуловимую мелодию. Отсутствие бездорожья подбодрило его. Он решил, что планета была и вправду местом рождения человечества, и на

мгновение его охватило счастье от мистического чувства возвращения к истокам.

Но единения с материнским миром не наступило. Краткий миг восторга исчез, когда он стал беспокоиться, не встретит ли какое-либо первобытное табу на алкоголь.

Тревожно хмурясь, он вышел на пустую дорогу у подножья холма и пошел по ней к примитивному мосту, выстроенному через мелкую речушку. Взошло солнце, ничем не отличающееся от других солнц. Торговец увидел обширную зеленую долину, где мирно паслись черно-белые домашние животные, а человек в синем управлял грубым тракторным плугом.

Торговец остановился на мгновение, испытывая некоторое презрение к живущим тут простакам, что вросли тут в землю и знают о безграничном мире не больше своего скота. Причиной презрения была обыкновенная зависть, но он не догадывался об этом.

Солнечный свет стал причинять боль глазам, жажда вызвала приступ сухости. Прихрамывая, он решительно двинулся вперед. За мостом он обнаружил примитивные плоские надписи, установленные вдоль дороги. Он не мог прочитать их, но плоские изображения бутылок и стаканов говорили с ним со сводящими с ума красноречием.

На вершине плоского холма он подошел к деревянной хибаре, окутанной тонким, дразнящим запахом алкоголя. Табличка над дверью убедила его в том, что это общественное место. Выцветшая реклама на стене изображала пухленькую местную красотку, с обольстительной улыбкой потягивающую из стакана.

Торговец нетерпеливо подергал дверь. Заперто. Алкогольный аромат чуть было не побудил его вломиться внутрь, но он подавил это желание. Нарушение карантина и так было серьезным преступлением. Он не хотел подвергаться исправлению и сообразил, что заведение еще будет открыто, когда он раздобудет местную валюту.

Весь потный пошел вниз к деревушке. Она располагалась на излучине тихой речки, которую он только что перешел. Примитивные кирпичные и оштукатуренные домики стояли в тени деревьев. Все это так отличалось от знакомых ему шумных и пыльных сырьевых городов пионеров, что он даже споткнулся в нерешительности.

Никогда раньше он не имел дел со столь примитивными народами. Но, без сомнения, здесь его игрушки будут новинкой, а изображение бутылок вдоль дороги убедило его в изобилии спиртного. Только это и имело для него значение. Торговец вытер лицо, перекинул сумку в левую руку и, пошатываясь, двинулся вперед.

- Доброе утро, мистер.

Испуганный неожиданным окликом, торговец шарахнулся к обочине дороги. Сзади ехала неуклюжая примитивная машина. Ее приводил к движение какой-то грубый мотор, испускавший вонючий дымок сгоревшего бензина. За рулем управления сидел здоровяк и с любопытством рассматривал его.

- Ищете кого-то в Чатстворте?

Он говорил на грубом наречии, незнакомом торговцу, но психонический переводчик, маленький приборчик размером не больше земных слуховых аппаратов, мгновенно выдал ему значение.

- И вам доброе утро, мистер.

Торговец слегка приподнял руку и забормотал в спрятанный в рукаве микрофон. Переведенный ответ выходил из крохотного динамика под одеждой и изобиловал длинными носовыми звуками местного языка.

- Иду вот мимо, - произнес он.

- Залезайте. - Абориген наклонился, чтобы открыть дверцу машины. - Я подброшу вас до деревни, а там в миле и город.

Торговец залез внутрь, его переполняла благодарность, но через минуту он пожалел об этом.

- Добро пожаловать в Чатсворт, - ухмыляясь, говорил водитель. - В нашей деревне живут триста четыре человека, и она самая богатая в штате. Думаю, у меня есть все права приглашать вас, - хмыкнул верзила, - меня зовут Джад Хэнкинс. Я констебль.

От такого известия на грязном лице торговца выступила испарина. В висках у него застучало, а узловатые руки стали так сильно дрожать, что пришлось вцепиться в сумку, чтобы констебль не заметил его волнения.

Вскоре он понял, что случайная встреча с законом не была опасной. Вряд ли Джад Хэнкинс был связан с чиновниками, следящими за выполнением Соглашения, скорее всего, он вовсе ничего о нем не знал.

- Рад с вами познакомиться, мистер Хэнкинс, - торопливо произнес торговец, радуясь, что ответчик не может передать дрожь его голоса. - Меня зовут Грей.

Он заметил, что констебль рассматривает сумку.

- Плодородная, однако, долина, - поспешил заговорил он. Производите зерно для перерабатывающей промышленности?

- Больше на корма.

Констебль вновь посмотрел на сумку.

- Вы торгуете, мистер Грей?

Пришлось подтвердить этот факт.

- Если не возражаете, чем?

- Игрушками, - произнес торговец. - Новые игрушки.

- Я боялся, что у вас фейерверки, - оживленно произнес констебль. - И думал, что следует вас предупредить.

- Фейерверки? - озадаченно переспросил торговец, поскольку термин был не совсем ясен.

- Вы же знаете, скоро 4 июля *, - пояснил констебль. Нам нужно оберегать детей. - Он широко улыбнулся: - У меня самого четверо негодников.

Торговец все еще испытывал неуверенность насчет этих, как их, фейерверков. Четвертое июля могло быть какой-нибудь варварской' церемонией детских жертвоприношений,

а фейерверки, видимо, атрибуты шаманов. Но это не имеет значения.

- Здесь только игрушки, - настаивал он. - Они высокообразовательны. Сделаны и рекомендованы для обучения детей, с тем чтобы обучать, развлекая. Совершенно безопасны для детей соответствующих возрастных групп.

Торговец покосился на констебля.

* 4 июля - национальный праздник США. День провозглашения независимости.

- Но я не уверен, что стану продавать их тут, - смущаясь, добавил он. - В таком маленьком местечке это не окупит приобретение лицензии.

- А вам не нужна лицензия, - хмыкнул констебль. - Видите ли, мы не имеем статуса города. Спокойно продавайте свои игрушки, раз они безопасны.

Констебль поприветствовал ребятишек, играющих в мяч на пустыре, потом остановил у самой деревни машину, чтобы пропустить через дорогу мальчика с собакой.

Торговец поблагодарил водителя и торопливо вылез из машины.

- Подождите, мистер Грей, - запротестовал констебль. - Вы завтракали?

Торговец ответил, что нет.

- Тогда прыгайте обратно, - весело предложил местный житель. - У Мейми чудесный стол. Она все подготовила, пока я трудился на ферме. Я приглашаю вас разделить с нами завтрак.

- Спасибо, - произнес торговец. - Но мне хочется только пить.

- В такую сушь, конечно, хочется пить, - с симпатией кивнул констебль. - Едем. Мы дадим вам попить.

Соблазненный обещанием и боясь оскорбить закон, торговец вновь уселся в машину. Она подъехала к аккуратному белому домику на окраине деревни. Четверо шумных ребятишек выбежали встретить их, а опрятная круглоголицая женщина ждала их у двери.

- Моя жена, - весело сказал констебль. - Мистер Грей. Ранний Санта-Клаус с игрушками для детишек. Мистер Грей хочет пить.

Торговец прошел на кухню, которая оказалась на удивление чистой. Он потянулся к поданному стакану, дрожа от нетерпения. На вид жидкость напоминала пшеничную водку, но он чуть не подавился в горьком разочаровании, обнаружив, что это обычная чистая вода.

Как можно вежливее он поблагодарил женщину и собрался уходить. Но дети шумно просили показать игрушки, а констебль уговаривал остаться на завтрак. Торговец неохотно сел и выпил чашечку горячего горького напитка, который они называли "кофе". К удивлению, кофе прояснил его голову.

Продолжая побаиваться дружелюбного констебля, торговец извинился, что не показывает игрушки, пока дети не ушли в школу. Когда мать провожала детей во дворе, младшая девочка стала чихать и шмыгать носом. Торговец с некоторой тревогой в голосе спросил, в чем дело.

- Просто застудилась, - пояснила женщина. - Ничего страшного.

Ответ озадачил торговца, насколько он разбирался в погоде, было жарко. Опять какая-то неточность в переводе, но ничего тревожного. Он собрался было идти за детьми, но женщина обратилась к нему.

- Простите, мистер Грей, - мягко улыбнулась она. - Боюсь, вы плохо себя чувствуете. Вы почти не притронулись к ветчине и яичнице. Позвольте угостить вас еще чашечкой кофе.

Торговец безвольно сел. Может, с ним и правда неладно, но будет еще хуже, если он не выпьет чего-либо крепче чистой воды.

- Мы ничем не можем помочь ему, Джад? - Женщина повернулась к мужу. - Не может же он отправиться в дорогу, когда ему нужна помощь. Придумай что-нибудь.

- Конечно. - Констебль зажег огонек на кончике маленького белого цилиндра и задумчиво втянул дым. - В школе до

сих пор нет сторожа. Я член совета попечителей и могу по-говорить с директором, если нужна работа.

- И вы можете оставаться с нами, - энергично добавила женщина. - Наверху есть чистая кровать. Это не будет вам стоить и цента, вы просто можете немного помогать по дому. Хотите?

Он в неуверенности покосился на нее. С удивлением он понял, что хочет остаться. Никогда прежде он не сталкивался с такой добротой, и она наполнила его глаза слезами. Бездна открытого космоса показалась ему еще мрачней, холодней и ужасней, чем она была в действительности. Он испытывал странное желание поселиться в этом тихом забытом мире. Можно было подумать, что этот волшебный мир притягивает его и излечивает раздражительность.

- Оставайтесь, - уговаривал констебль. - Если у вас деловая голова, вы найдете и что-нибудь получше разовой работы. Вам никогда не найти места лучше Чатстврта.

- Даже не знаю. - С отсутствующим видом торговец поднял чашку. - Я очень рад, что вы пригласили меня, но боюсь, что это...

Он замолчал и вздрогнул, заметив, что женщина смотрит на его нос. Она отвела взгляд и через минуту заговорила:

- Я... я надеюсь вы позволите помочь вам, мистер Грей. Она поколебалась, ее полное лицо вспыхнуло, и торговец почувствовал к ней ненависть. - У меня есть брат в городе, он занимается пластической хирургией, - решительно произнесла она. - Он превратил многих... ну, не очень удачливых людей... в очень... благополучных... Он по-настоящему хороший хирург и не дорогой. Если вы решитесь остаться, мы сможем что-нибудь сделать.

Торговец поставил чашку, потому что его руки вновь затряслись. К счастью, он был бдителен и разгадал ловушку под этой счастливой маской. Он не хотел исправляться и сбирался спасти свой нос.

- Ну, мистер Грей, - окликнул констебль. - Хотите встретиться с директором?

- Пожалуй, - слабо улыбнулся он, желая скрыть сотрясающую его панику. - Если вы покажете, где его найти. Вы очень добры.

- Да бросьте, - ответил хозяин дома. - Я поеду обратно на ферму и довезу вас до школы.

Торговец не собирался говорить с директором. Он распознал ловушку и был достаточно хитер, чтоб ее избежать. Когда констебль отъехал, он пошел прямо к школьному зданию, но остановился в стороне за изгородью, чтобы подготовить товар.

Он отпер потрепанную сумку, поставил ее на выдвижные ножки и осветил трехмерный дисплей. Дети, бегавшие по площадке, бросили игры, чтобы получше разглядеть его, а когда заиграла психоническая музыка, сразу окружили торговца.

Игрушки были самыми дешевыми безделушками массового производства из простых материалов, но были умно запакованы. Их остроумный дизайн отражал передовую технологию индустриальных планет, где их производили. Маленькие пластмассовые коробочки были украшены универсальными психоническими наклейками, которые реагировали на внимание оживающими цветными стерео-картинками и надписями, которые, казалось, были напечатаны именно на том языке, которым пользовался смотрящий.

- Ближе, детки!

Он вытащил красные круглые коробочки и стал ими жонглировать, проявляя удивительное проворство своих пальцев, и коробочки взлетали и падали одновременно со взлетами и падениями психонической музыки.

- Смотрите, ребятки! Замечательная обучающая игрушка. Демонстрирует основные принципы метеорологии и нейтрологии. Удивит ваших друзей. "Чудесная, Прелестная Погода и Метель"! Превращает часть тепловой энергии воздуха в радиусе нескольких миль в излучение нейтронов. Это

приводит к резкому похолоданию. Потоки холодного воздуха создают короткую, но эффектную бурю. Вот описание. Ну детки! Купите дешево. Всего двадцать пять центов за каждую, если купите три коробки только полдоллара.

- Но мы не можем, мистер, - прервавший его голос показался ему знакомым, и торговец узнал старшего сына констебля. У большинства из нас есть деньги только на ленч, мы не можем их тратить...

- Не волнуйся, мальчик, - быстро ответил торговец. - Даже если ты придешь домой голодным, ты потратишь деньги с пользой. Ты никогда не видел таких игрушек. Снижаю цену. Всего пятнадцать центов. Подходите и покупайте сейчас, завтра меня здесь не будет.

Торговец собрал монеты из маленьких грязных рук.

- Не устраивайте бурю прямо сейчас, - торопливо предупредил он. - Вы же не хотите ссориться с учителями, верно, ребятки? Лучше спрячьте до того времени, пока не кончатся занятия. Сожалею, сынок, но таких игрушек больше нет. Но взгляни на это!

Он выхватил следующую партию маленьких пластиковых коробочек.

- "Чудесный Дегравитационный Набор для Малышей"! Интересные эксперименты по преобразованию гравитации. Обучит основам науки и ошеломит ваших друзей. Наклейки вам покажут, что делать.

Торговец стал раздавать коробочки. Яркие психонические наклейки сначала были пустыми, но под взглядами детей превратились в яркие картинки. На большинстве изображалась безобидная потеря тяжести мелкими предметами вроде стеклянных шариков или головастиков, но мельком торговец увидел, что у кого-то появилось разъяснение, как применить прибор к фундаменту школьного здания, а на другой коробочке сам перепуганный директор улетел в открытый космос.

- Минутку, сынок! - торопливо прошептал торговец. - Да-вай не будем ничего делать до конца занятий. Очень жаль, леди, эти игрушки кончились. Впрочем, здесь есть кое-что еще интереснее.

Он достал "Чудный Аннигиляторный Пистолет-Карандаш".

- Выглядит как обычный письменный инструмент, но ластик стирает по-настоящему! Он превращает твердое вещество в невидимые нейтроны. Нужно только навести и нажать на запись. Вы можете делать дыры в стенах, заставлять предметы исчезать и подшучивать над друзьями. И все это за десять центов!

Пока он раздавал аннигиляторы и собирал десятицентовики, зазвенел школьный звонок.

- И еще кое-что, ребятки, перед тем как побежите в класс.
- Он включил психонический усилитель и заговорил громче.
- Я уверен, вам это понравится. Опыты с настоящей атомной энергией, которую вы сможете испытать.

Онсыпал в ладонь маленькие яркие шарики.

- Гляньте, детки! "Капсулы-Бомбы, Сентерирующие Планеты"! Надо только бросить капсулу в ведро с водой и

подождать, пока она растворится. В воде из атомов водорода начнут синтезироваться атомы гелия. Бесплатная инструкция расскажет, что те же реакции заставляют сиять звезды. Покупайте, покупайте, пока не начались уроки. Добавьте энергии в ваши баталии, и вы ошеломите друзей. Купите бомбу! Всего за пять центов. Сразу три бомбочки получите за десять центов...

- Послушайте, мистер. - Сын констебля приобрел три капсулы, но теперь смотрел на них в нерешительности. - Если в этих шариках настоящая атомная бомба, разве они не опасны даже больше, чем фейерверки?

- Не знаю, как фейерверки, - нетерпеливо нахмурился торговец, - но эти игрушки совершенно безопасны при психонической подготовке. Думаю, вы сообразительные дети и не станете испытывать бомбы в доме.

Он посмеялся над смущенным мальчиком и заговорил еще громче.

- Последняя возможность, ребятки! Когда вы пойдете из школы, меня уже здесь не будет. Итак, продаю синтезирующие бомбы по две за пять центов. Одну за два цента, сынок, если это все, что у тебя есть.

Он подсчитал последние потные монетки.

- Все, детишки.

Торговец выключил мерцающий дисплей, психоническую музыку и сложил ларек. Дети побежали в здание школы, а он пошел прочь.

Когда он подошел к таверне на холме, она была открыта. Запах алкоголя разбудил жажду, столь сильную, что все тело дрожало. Он собирался выложить на стойку деньги, но его внимание привлекла местная музыка.

Грубые, слишком сильные и странно невыразительные звуки, пилили по нервам. Он хмуро повернулся к громоздкому аппарату, из которого рвались эти звуки, недоумевая, почему они такие мертвые. С некоторой досадой он понял, что в местной музыке отсутствовали психонические обертоны.

Неужели эти люди игнорировали псионику? Казалось немыслимым, что кто-либо, даже относящийся к неконтактным мирам, откажется от знания, являющегося основой наук. Но теперь, задумавшись над этим, он не мог вспомнить ни одного виденного здесь псионического прибора. Ладно, бармен должен знать об этом.

- Ну, мистер, что желаете?

- Скажите, - хрипло прошептал торговец, - у вас в школах учат псионике?

Само изумление бармена было ответом, но торговец не смотрел на него. Он смотрел на свое отражение в зеркале за стойкой. Грубое узкое бескровное лицо. Скошенный подбородок. Блуждающие, пустые, воспаленные глаза. И огромный кривой нос.

- Как? - переспросил бармен. - Как вы сказали?

Его голос куда-то уплыл. Если эти люди ничего не знают о псионике, все, что он ни скажет, будет против него. Могут найти флаер, и он не сможет улететь. Его накажут. Бледнея и слабея от ужаса, он бросил на стойку кучу монет.

- Виски! - выдохнул он. - На все!

Торговцу казалось, что бармен слишком долго считает деньги, но в конце концов он смог купить шесть бутылок. Он набил ими пустую сумку и вышел. Он перешел через мост и дошел наконец, сбив ноги и покрывшись пылью, до вершины холма, где оставил флаер.

Он всхлипнул, когда пробрался между деревьями и увидел пустое место среди валунов. Он решил, что флаер исчез, но повернувшись, заметил его надувной камуфляж. Он нашел псионический ключ и, содрогаясь от болезненной слабости, попытался спустить мембранию.

Ключ не работал.

Он попытался еще раз, но надувная ткань оставалась твердой, как настоящий замок. Как безумный, он бегал вокруг флаера, стараясь отпереть его. Напрасно. Флаер был заперт.

Он ничего не понимал, ему надо было выпить. Он хотел было подождать до того момента, когда окажется в безопасности на борту и настроит автопилот на следующий пункт назначения, но неожиданно на него навалилась такая усталость, озабоченность и безнадежность, что он был не в силах заниматься чем-либо без горячей поддержки алкоголя. Он не мог даже думать.

Торговец сгорбился, чтобы открыть сумку с бутылками виски, но ключ вновь отказал. И когда до него дошло, что случилось, ключ выскоцил из его пальцев. Псионические и нейтронные схемы редко выходили из строя сами, но их могли испортить. Кто-то с карантинной станции нашел флаер.

Поддавшись панике, испытывая тошноту, он попытался бежать. Он швырнул сумку и в безрассудстве бросился в неизвестный лес. Но, не зная дороги, он бежал по кругу и в конце концов, шатаясь, вышел к тому же валуну, на вершину холма. Его голова пылала, тряслись руки и ноги.

Он слабо царапал упругую мембрану, безнадежно стараясь разорвать ее кровоточащими пальцами. Неожиданно сзади раздались твердые шаги, он повернулся и увидел спокойное, загорелое лицо констебля Джада Хэнкинса.

- Ладно, констебль. - Ничего не соображая, торговец прислонился к мембрane, болезненно усмехаясь и радуясь, что это не карантинный инспектор. Псионический переводчик не сразу сработал, пришлось нащупать его под одеждой и отрегулировать. - Сдаюсь, - тупо бормотал он. - Я пойду с вами.

Его сотрясал холод, горло болело, так что он с трудом говорил.

- Я готов поселиться здесь, только оставьте в покое мой нос.

Было что-то еще, что-то, о чем он должен был сообщить, но в ушах шумело, ныли кости, и он еле стоял. Ему было слишком плохо, чтобы еще помнить о чем-либо. Но он все-таки вспомнил.

- Игрушки, - прохрипел он. - Они опасны!

- Уже нет, - коротко произнес верзила. - Для предотвращения несчастных случаев мы распространяли на всю зону замедлитель психических и нейтронных реакций, а потом я позаимствовал облик констебля Хэнкинса, чтобы забрать игрушки.

- Вы... - тупо бормотал торговец. - Вы...

- Инспектор с карантинной станции. - Офицер сверкнул психическим значком. - Мы засекли вас еще до приземления и отложили арест, чтобы убедиться, что у вас нет сообщников.

Торговец был слишком измучен, чтобы удивляться.

- Вы поймали меня, - слабо лепетал он. - Давайте, можете меня полностью перекраивать.

- Слишком поздно, - суровый мужчина нетерпеливо выпрямился. - Все вы, нарушители, одинаковы! Всегда забываете, что контакт — это дорога с двусторонним движением. Не можете понять, что Соглашение существует для вашей же защиты!

Торговец затряс гудящей головой.

- Вы не прошли обработку в нашей клинике на станции, ворчал инспектор. - Я заметил, у вас даже аптечки нет. Готов держать пари, вы преземлились среди этих людей, настолько примитивных, что болезнетворные микроорганизмы спокойно размножаются среди них, не имея никакой защиты!

- Клиника? — Это было единственное слово, которое он понял. - Делайте, что хотите, - прошипел он. - Но я хотел бы сохранить свой нос.

- У вас сейчас более серьезные проблемы, - произнес инспектор, с жалостью глядя на него. - Думаю, наши предки, как и местные жители, обладали природным иммунитетом, но я бы дня не прожил, не получив иммунитета от тысяч вирусов и микробов. Вы уже их подхватили.

Торговец шмыгал носом, болезненно косясь на солнечный свет.

- Но они были в полном порядке, - тупо протестовал он. У ребенка было что-то, называемое простудой, но женщина говорила, что это не опасно.

- Для нее, - пояснил инспектор. - Не более чем атомные бомбы для вас.

Потрясенный торговец покачнулся и упал

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

В музее Тайбернского колледжа, в темном, пыльном углу стоит Металлический человек. Почему его задвинули туда? Кто за это в ответе? Я не знаю. Случайному взору он кажется всего-навсего обычной статуей, отлитой в натуральную величину. Те посетители, что рассматривают его поближе, поражаются тончайшему совершенству проработки волос и кожи; безмолвной трагичности в застывших, полных решимости чертах лица и позе; необычному зеленоватому оттенку металла, из которого он изготовлен; но больше всего — диковинной отметине у него на груди. Отметина эта представляет собой шестигранное пятно темно-малинового цвета, чья поверхность обладает странной зернистостью и от которой расходятся чудные волнистые линии — линии более светлого оттенка красного.

Разумеется, всем и каждому известно, что когда-то Металлический человек был профессором Томасом Кельвином с факультета геологии. В настоящее время гуляет множество искаженных и неточных рассказов о постигшем его сверхъестественном несчастье. Полагаю, я единственный, кому он доверил свою историю. Именно для того, чтобы положить конец несусветным байкам, я и решил опубликовать рассказ, присланный мне Кельвином.

В течение нескольких лет он проводил свой летний отпуск, странствуя вдоль тихоокеанского побережья Мексики в поисках радия. Прошло три месяца после его возвращения из последней экспедиции. Очевидно, что он достиг такого успеха, о котором не смел мечтать даже в самых дерзких своих фантазиях. Кельвин не появлялся в Тайберне, однако до нас доходили слухи, что он торгует солями радия, стоимостью в миллионы долларов, и жертвует еще большее его количество учреждениям, которые практикуют радиевую терапию. Также говорили, что Кельвин страдает от

странныго недуга, бросавшего вызов лучшим специалистам планеты, и что он спускает заработанные миллионы на учреждение стипендий и на благотворительность, словно бы предчувствуя свою скорую кончину.

Одним холодным, штормовым днем, когда высокие морские волны захлестывали беззащитный берег, фасадом к которому обращен мой коттедж, я увидел на севере парус. Он быстро приближался, пока я не определил, что это небольшая парусная шхуна со вспомогательным двигателем. Судно бежало по ветру, но последние полмили прибрежных вод прошло с опущенными парусами. Вскоре в сторону берега отчалила шлюпка. Море было не таким уж бурным, чтобы сделать высадку опасной, однако сие действие выглядело весьма необычно, и, поскольку мне больше нечем было заняться, я, желая лучше все рассмотреть, вышел во двор моего скромного домика, стоящего примерно в двухстах ярдах от пляжа.

Лодка коснулась берега, из нее выпрыгнули четверо мужчин и выволокли ее на песок. На корме возник пятый, высокого роста субъект; четверо первых тут же подхватили здоровенный сундук и двинулись в мою сторону. Пятый неторопливо последовал за ними. Молча и не дожидаясь приглашения, пришельцы пронесли сундук через пляж и, зайдя ко мне во двор, поставили его напротив входной двери.

Замыкающий, в котором я теперь распознал сурогового шкипера-янки, шагнул ко мне и хрипло произнес:

— Я капитан Макэндрюс.

— Рад познакомиться, капитан, — сказал я удивленно. — Здесь, наверное, какая-то ошибка. Я не ожидал...

— Никакой ошибки, — отрезал он. — Человек в том сундуке был переправлен ко мне на корабль с лайнера «Плутония» три дня назад. Он заплатил за мои услуги, и, сдается мне, я выполнил его указания. Хорошего дня, сэр.

Он развернулся на пятках и двинулся прочь.

— Человек в сундуке!? — воскликнул я.

Капитан невозмутимо шагал дальше, и матросы не отставали от него. Я стоял и смотрел, как они спускаются к лодке, а после гребут обратно к шхуне. Я следил за ее парусами до тех пор, пока они не растворились в тусклой синеве облаков. Откровенно говоря, мне было боязно открывать сундук.

Наконец я собрался с духом, чтобы сделать это. Он был не заперт, и я откинул крышку. От увиденного меня так тряхнуло необузданым ужасом, что еще несколько часов я чувствовал себя нездоровым. Внутри сундука лежал Металлический человек — абсолютно голый, со странной малиновой отметиной, отчетливо проступавшей на бледно-зеленой груди; в точности такой, каким вы можете увидеть его в музее.

Естественно, я сразу же понял, что это Кельвин. Долгое время я стоял, согнувшись и, охваченный дрожью, таращился на него. Затем я увидел старую, покрытую фиолетовыми пятнами фляжку, что лежала рядом с головой статуи, а под фляжкой — стопку исписанных листов. Вытащив рукопись, я на непослушных ногах вернулся в дом, уселся в кресло и прочел нижеследующую историю.

«Дорогой Рассел.

Ты мой лучший и мой единственный близкий друг. Я договорился, чтобы мое тело и эта история были доставлены тебе. Я только что выпил последний глоток чудесной фиолетовой жидкости, которая поддерживала во мне жизнь с тех пор, как я вернулся, так что у меня осталось совсем немного времени, чтобы закончить необходимый краткий отчет о моем приключении. Впрочем, дела мои приведены в порядок, и я умру спокойно. Сегодня я переправил себя на шхуну, чтобы как можно скорее добраться до тебя, и чтобы избежать возможных осложнений. Капитан Макэндрюс

заслуживает доверия. Когда я покидал Францию, то надеялся повидаться с тобой до наступления конца. Но судьба распорядилась иначе.

Как тебе известно, целью моей экспедиции были верховья Эль-Рио-де-ла-Сангра — «Кровавой реки». Это небольшой поток, чьи необычно красные воды впадают в Тихий океан. Во время своего прошлогоднего путешествия, я выяснил, что его воды сильно радиоактивны. Поскольку вода обладает способностью поглощать радиевое излучение, а затем излучать его обратно, я рассчитывал отыскать радиодержащие минералы в русле реки выше по течению. В двадцати пяти милях от своего устья река вырывается из Кордильер. Перед несколькими милями порогов она обрушивается вниз великолепным водопадом. Ни одна исследовательская партия никогда не проникала на другую сторону этого водопада. Я нанял проводника-индийца и верхом на муле совершил путешествие к его подножию. Мне сразу же стала ясна вся тщетность попыток взобраться на обрывистый откос. И все же вода там была еще более радиоактивной, чем возле устья. Делать нечего, пришлось возвращаться назад.

Этим летом я приобрел небольшой моноплан. И хотя он обладал сравнительно низкой скоростью и мог находиться в воздухе всего шесть часов, легкий вес и способность приземляться на маленьких площадках делали его единственной машиной пригодной для использования в столь суровом kraю. Пароход вновь доставил меня на причал крошечного городка Вака-Морена, выгрузив штабель моих ящиков и канюстр с бензином. После визита к алькальду, я получил в свое распоряжение заброшенный сарай, который можно было использовать в качестве ангаря. Я приступил к сборке самолета и через две недели справился с этой задачей. Получился чудесный маленький аппарат с размахом крыла всего двадцать пять футов.

Затем однажды утром я запустил двигатель и совершил пробный полет. Моноплан парил, как пушинка, и

поэтому, дозаправив баки, я во второй половине дня вылетел к Рио-де-ла-Сангре. Река походила на красную змею, что ползла в сторону моря — чувствовалось в ее облике нечто змеиное. Держась на высоте, я следовал вдоль русла и, пролетев над водопадом, углубился в район громоздящихся друг за другом горных вершин. Река скрылась под скалами. На мгновение я задумался о посадке, а потом мне пришло в голову, что под землей река протекает всего несколько миль и что дальше, в глубине этого края, она должна вновь появиться на поверхности.

Перелетев через крутые утесы, я увидал под собой кратер.

Это был огромный, добрых десять миль в попечнике, бассейн зеленого пламени, простиравшийся до черных бастионов на дальней стороне. Зеленая поверхность была до того гладкой, что поначалу я принял ее за озеро, но затем сообразил: скорее всего, это скопление тяжелого газа. В сиянии вечернего солнца заснеженные вершины вокруг меня превратились в серебряные короны — оттененные багрянцем, расцвеченные золотом и пурпуром, сбрызнутые чуждыми, немыслимо великолепными красками. Среди этого дикого пейзажа природа поместила свое величайшее сокровище. Я не сомневался, что внизу отыщется радий, который я искал.

Вне себя от радости я нарезал над кратером круги. Солнце опускалось все ниже, и на вершинах гор, наполовину скрывая их чудеса, собиралась легкая серебристая дымка и стекала к бассейну. Казалось, ее притягивает некая странная сила. А потом середина зеленого озера вздыбилась сверкающим бугром. Тот ширился, превращаясь в огромный холм изумрудного огня. Что-то поднималось из глубин, выталкивая зеленую пелену наверх! Затем испарения схлынули,

явив взору странный, все еще слегка задрапированный зелеными и серебристыми облаками, объект — темно-красная сфера, отмеченная четырьмя гигантскими матово-черными овалами. Ее гладкую металлическую поверхность густо усеивали крупные шипы, походившие на языки желтого пламени. То была машина — машина невообразимой величины. Поднимаясь, она медленно поворачивалась вокруг вертикальной оси; ее перемещение было продуманным и целенаправленным.

Она взлетела до одного уровня со мной, остановилась и, кажется, начала вращаться быстрее. Серебристая дымка потянулась к желтым остриям. Она сгущалась и закручивалась до тех пор, пока сфера не превратилась в шар блестящего серебра. Одно мгновение шар висел, неимоверно прекрасный в лучах заходящего солнца, а затем стал падать — все быстрее и быстрее, — пока, точно свинцовое грузило, не канул в зеленом море.

И вместе с его падением на безотрадную пустыню гор опустилась зловещая темнота. Обуявший меня вслед за эти страх притупил изумление, и я осознал, что осталось совсем мало времени на то, чтобы добраться до Вака-Морены, прежде чем окончательно стемнеет. Я тотчас развернул самолет в сторону города. Насколько помню, в ту минуту я не имел четкого представления ни о том, что увидел, ни и о том, чем было вызвано таинственное представление: естественными причинами или деятельностью людей. Помнится, я подумал, что в столь грандиозных объемах, которые, несомненно, были заключены в кратере, радий может обладать свойствами, незаметными в малых его количествах. С другой стороны, там вполне могли содержаться доселе неведомые радиоактивные минералы. Также мне пришло в голову, что, возможно, какие-то другие ученыe уже обнаружили эти залежи и что увиденное мной было испытанием воздушного судна, которому радий служил топливом. Я был изрядно потрясен, но не особо беспокоился.

Предвидь я в ту минуту последующие события, они показались бы мне чем-то невероятным.

А затем я заметил, что вокруг обтекателя кабины собирается бледно-голубоватое свечение. Через секунду им оказалась покрыта не только вся машина целиком, но и я сам. Оно чем-то походило на огни святого Эльма — разве что охватывало все поверхности без разбора, не ограничиваясь одними только заостренными концами. Я сразу же связал это явление с тем, чему недавно стал свидетелем. Никакого физического дискомфорта я не испытывал, да и мотор не сбавлял обороты, однако, по мере того как сияние делалось ярче, я начал ощущать, что мое тело становится тяжелее и что машину тянет к земле! Мой разум захлестнуло удивлением и ужасом. Я старался сохранить достаточно самообладания, чтобы управлять самолетом. Вскоре руки сделались настолько тяжелыми, что лишь с большим трудом удавалось удерживать их на рычагах управления. Я почувствовал легкое головокружение, вызванное, несомненно, оттоком крови из мозга. Когда я пришел в себя, самолет уже летел почти над самой поверхностью зеленого озера. По некой причине сила тяжести увеличилась, и теперь меня затягивало в котлован! Удержать самолет под контролем можно было только, направляя его вниз и сохраняя высокую скорость.

Я погрузился в зеленый бассейн. Газ, как я и предполагал, не был удешливым. По сути, я в атмосфере не произошло никаких изменений, за исключением того, что видимость вокруг сократилась всего до нескольких ярдов. Крылья самолета все еще были отчетливо различимы. Внезапно внизу смутно проступила плоская песчаная долина, и мне удалось в достаточной мере выровнять самолет для безопасной посадки. Когда машина остановилась, я увидел, что песок имеет красный цвет и, наподобие зеленого тумана, слегка светиться. Некоторое время я оставался в самолете, прикованный к сиденью своим собственным весом, но было

заметно, что синее зарево медленно рассеивается, а вместе с ним и его воздействие.

Как только появилась возможность, я схватил пистолет и флягу (которые сами по себе были чрезвычайно тяжелыми) и перевалился через край кабины. Выпрямиться не удалось — пришлось ползти по шершавому, светящемуся, красному песку, часто останавливаясь, чтобы лечь плашмя и передохнуть. Я испытывал смертельный страх перед той силой, которая спустила меня на землю. Во мне зрела уверенность, что ее направлял некий разум. Поверхность песка была очень гладкой и ровной, поэтому я предположил, что находился на дне древнего озера.

Иногда я с опаской оглядывался назад и, преодолев ярдов сто, увидел, как в сторону аэроплана сквозь зеленую пелену плывет два десятка огней. В сияющей мгле каждую из ярких крапинок окружало кольцо бледно-голубого света. Я лежал и, не двигаясь, следил за ними. Огни плыли к самолету, выписывая вокруг него круги в неспешной, грузной манере. Чем ближе они подлетали, тем ниже опускались, пока не достигли земли рядом с аппаратом. Туман был настолько густым, что скрадывал подробности происходящего.

Когда я собрался продолжить свой побег, то обнаружил, что избыток гравитации почти полностью исчез. Тем не менее, чтобы избежать возможного обнаружения, я еще сотню ярдов полз на четвереньках. Когда я поднялся на ноги, самолет почти скрылся из виду. Прошагав примерно с четверть мили, я вдруг понял, что полностью утратил чувство направления. Я вконец заблудился в странном мире, населенном существами, чьи природа и характер оставались для меня неразрешимой загадкой! И тут я осознал, что бродить по округе, когда любой шаг чреват опасностью, — это верх глупости. Я пережил пренеприятнейший приступ беспомощного страха.

Светящийся красный песок и сияющая зелень воздуха простирались во всех направлениях; ни один осязаемый

предмет не проступал сквозь них. Там не было ничего: ни жизни, ни звуков, ни движения. Воздух казался тяжелым и застоявшимся. Ровный песок походил на поверхность мертвого, пустынного моря. Абсолютная оторванность от человечества вызывала чувство паники. Складывалось впечатление, что туман подступает все ближе и что в нем насторожилось неизвестное зло.

Внезапно зеленую пелену надо мной прорезал росчерк света — будто метеор пролетел. Объятый страхом, я неуклюже отбежал на несколько ярдов. Нога ударилась о какой-то легкий предмет, который отдался металлическим звоном. Неожиданность этого столкновения перепугала меня, однако в тот же миг летающий огонек исчез. Нагнувшись, я посмотрел на то, что пнул.

Это была металлическая птица — орел, изготовленный из металла. Крылья — распластерты, когти — разомкнуты, клюв — приоткрыт. Он имел белый, с оттенком зеленого, цвет и весил не больше живой птицы. Сначала я решил, что это литая полноразмерная фигурка, а затем увидел, что каждое перо неотличимо от настоящего и легко прогибается под пальцами. Каким-то образом живой орел превратился в металл! Это казалось невероятным, и все же вот оно, конкретное доказательство. Я задавался вопросом: что, если залежи радия, которым я уже приписал столь многое, объясняют также и это? Я знал, что наука считает возможной трансмутацию элементов и даже добилась в этом ограниченных успехов. А еще я знал, что радий является продуктом распада иония, а ионий — урана.

На меня обрушился страх за собственную безопасность. Не обращусь ли я в металл? Я огляделся в поисках других металлических созданий. И обнаружил тех в большом количестве. Наполовину закопанные в тлеющий песок, там

лежали металлические птицы всех видов — птицы, прилетевшие из-за окрестных скал. В самый разгар своих поисков я наткнулся на птерозавра — летающую рептилию, что вторглась в котлован много веков назад и превратилась в нестареющий металл. Размах крыльев этого монстра составлял все пятнадцать футов; он стал бы настоящим сокровищем для любого музея.

Я испуганно осмотрел себя и, к своему невыразимому ужасу, заметил, что кончики ногтей и тонкие волоски на руках уже превратились в светло-зеленый металл! Потрясение лишило меня остатков мужества. Ты не можешь вообразить себе мой ужас. Терзаясь душой, я громко закричал, не думая о кошмарных врагах, которых мог привлечь шум. Обезумев, я рванул прочь. Я ничего не видел и ничего не сознавал. Пока бежал, я не ощущал никакой усталости — только все-поглощающий ужас.

Яркие, стремительные, как молнии, огни пронеслись в зеленой пелене над головой, однако я не обратил на них внимания. Внезапно я выскоцил к огромной сфере, которую видел из самолета. Она недвижимо покоялась в колыбели из черного металла. Желтый огонь исчез из шипов, но красная поверхность сияла металлическим блеском. Над ней парили огни. Они порождали в зеленой пелене маленькие очаги яркого света — будто фонари, подвешенные в тумане. Я развернулся и снова побежал, гонимый отчаянием. Я не придавал значения ни направлению, ни времени.

Затем я очутился на заросшем фиолетовой растительностью берегу. Похожие на траву растения имели толстые узкие листья и были высотой по пояс. Их усеивали гроздья маленьких розовых цветов и крошечные ягодки. В ярдах двадцати за ними я увидел вязотекущий красный поток — Эль-Рио-де-ла-Сангра. Наконец-то нашлось какое-то укрытие. Я нырнул в фиолетовую поросль и, затаившись там, разрывался от изнеможения и страха. На протяжении долгого времени я не мог ни шевелиться, ни думать. Когда я снова

посмотрел на свои ногти, выяснилось, что металлические кончики сделались в два раза шире.

Я постарался обуздить тревогу и поразмыслить. Возможно, с наступлением дня огоньки, чем бы они ни были, погрузятся в сон. Если бы мне удалось разыскать самолет или взобраться по стене, я смог бы, пока не стало слишком поздно, избежать ужасного воздействия радиоактивных минералов. Я понял, что проголодался. Сорвал несколько фиолетовых ягод и отправил их в рот. Они оказались солеными, с металлическим привкусом, и я решил, что в пищу они не годны. Однако, срывая ягоды, я ненароком раздавил одну из них и выпачкал пальцы в сок; когда я стер его, то увидел — к своему удивлению и невыразимой радости, — что металлические ободки исчезли с тех ногтей, на которые он угодил. Я обрел средство защиты! Полагаю, растения могли существовать в том краю лишь по одной причине — изменившись особым образом, они стали вырабатывать соединения, противодействующие металлизирующими эманациям. Скорее всего, их эволюция началась в ту пору, когда губительное воздействие было гораздо слабее, чем сейчас; выжили только те, кому удавалось выносить более интенсивное излучение. Не теряя времени, я стал поедать ягоды целями гроздями, а затем, вылив воду из фляжки, наполнил ее их соком. Позднее я подверг эту жидкость анализу. В какой-то степени она походила на стандартные смеси длянейтрализации радиевых ожогов и, несомненно, уберегла меня от ужасающих повреждений, вызываемых воздействием обычного радия.

Я пролежал в зарослях до рассвета. Время от времени я начинал клевать носом — лишь для того, чтобы рывком, безо всякого на то повода, приходить в чувство. Судя по всему, какая-то часть дневного света просачивалась вниз: с

рассветом зеленая пелена потускнела, и даже красный песок стал выглядеть менее ярким. Проглотив еще несколько ягод, я определил, в каком направлении лениво движется красная вода, и направился вниз по течению, на запад. Чтобы иметь представление о том, где иду, я считал шаги. Я прошел вдоль фиолетовых зарослей примерно две с половиной мили, когда на пути у меня встал крутой утес, состоявший, казалось, в основном из черного уранинита. Преграда уходила высоко вверх, теряясь в зеленой мгле, и выглядела совершенно неприступной. Возле нее красная река обрывалась бурлящим водоворотом.

Я зашагал вдоль стены на север. Четкого плана у меня не было — разве что постараться отыскать путь через скалы. Если бы я не преуспел в этом, пришло бы время разыскивать самолет, хотя мне было смертельно страшно приближаться к нему: я боялся столкнуться со странными огнями, которые, как я видел, кружили вокруг него. По пути я не заметил ни одного из них. Думаю, днем они спали.

Я продолжал идти примерно до полудня: часы остановились, и узнать наверняка я не мог. Иногда я проходил мимо упавших сверху металлических деревьев, а однажды — мимо металлической туши медведя, который когда-то в прошлые века сорвался с горной тропы. А еще там было бесчисленное количество металлических птиц. Вероятно, они скапливались в кратере на протяжении нескольких геологических эпох. До сих пор, сколько бы я ни шел, скалы в пределах видимости поднимались строго вверх. Но затем я заметил широкий выступ, от которого начинался пологий, смутно различимый в вышине подъем. От карниза, однако, меня отделяло добрых сто футов отвесной стены, и я проклинал свою неспособность преодолеть ее. Какое-то время я стоял там, придумывая нереальные способы вскарабкаться по стене, и едва не плакал от бессилия. Меня мучили ужасный голод и не менее ужасная жажда.

В конце концов я двинулся дальше.

И через час наткнулся на нечто непонятное. На узкий цилиндр из черного металла, который на сотню футов возносился в зеленоватый туман и чью вершину венчало большое оранжевое пламя грибовидной формы. Пламя было размежером с воздушный шар, ярким и устойчивым. Оно сильно походило на огромную струю горючего газа, которая

полыхала, вырываясь из цилиндра. Я стоял, окаменев от изумления, и силился понять, что это и почему происходит.

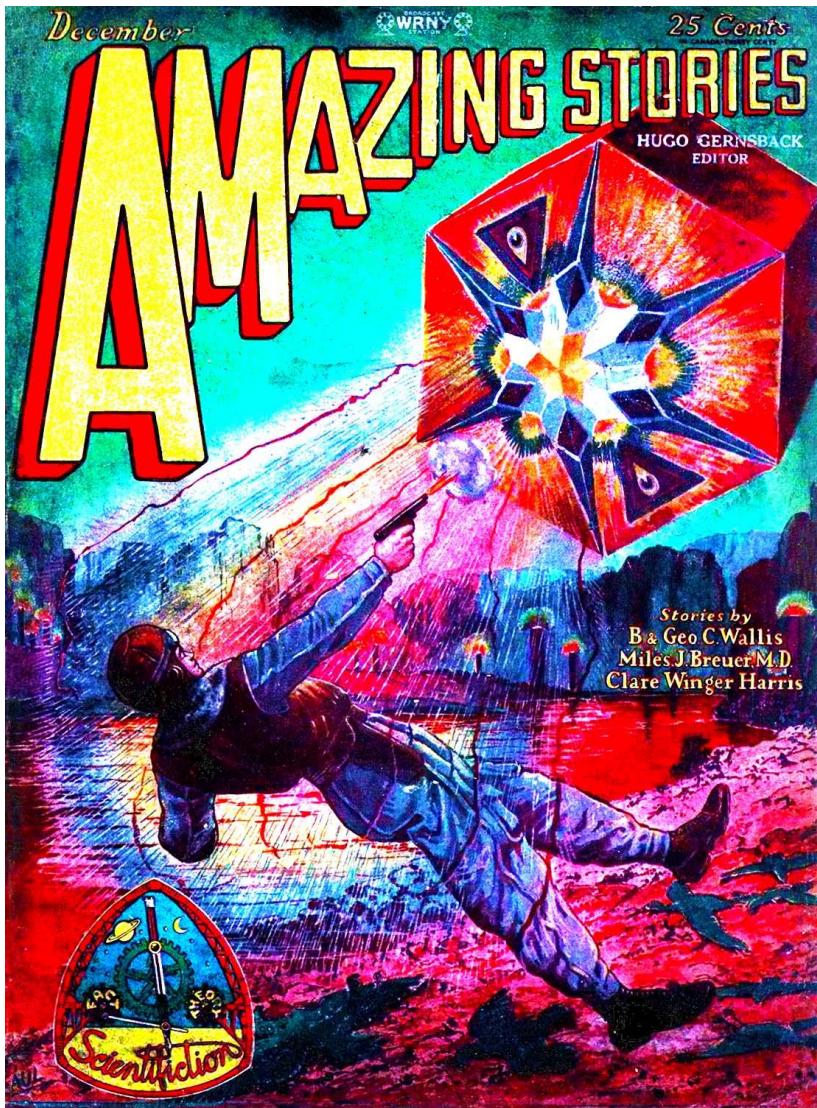
А затем позади первого цилиндра я смутно разглядел еще примерно два десятка таких же – целый лес факелов.

Я сел на корточки спиной к скале и задумался. Здесь, как я полагал, находился город летающих огней. Сейчас они спали, но мне все же не хватало духу приблизиться. По моим прикидкам, я прошел уже около пятнадцати миль. Значит, подумалось мне, я должен был находиться в точке, почти диаметрально противоположной тому месту, где река утекает под стену, и неисследованной осталась еще половина опоясывавшей кратер стены. Если я хотел продолжить путешествие, я должен был обогнуть этот, с позволения сказать, город.

Так что я ушел от скалы, и вскоре она скрылась из виду. Я старался держать оранжевые огни в поле зрения, но внезапно их поглотил туман. Пройдя еще какое-то расстояние налево, я не встретил ничего, кроме пустоты красного песка и зеленой мглы над ней. Я все брел и брел. Затем песок и воздух неспешно засияли ярче, и я понял, что наступила ночь. Вскоре появились огни и начали носиться туда-сюда. Я видел огни и прошлой ночью, однако тогда они передвигались быстро и высоко. Эти же, напротив, летали низко над землей, и я чувствовал: они что-то ищут.

Сообразив, что они охотятся за мной, я забился в небольшое углубление в песке. Нечеткие, укутанные в туман сгустки света приблизились и проследовали мимо. А затем один из них завис прямо надо мной. Он снижался, и вокруг него разрастался сияющий ореол. Я знал, что бежать бесполезно. Да и не мог этого сделать, скованный ужасом. Огонек спускался все ниже и ниже.

И тогда я увидел, что именно он из себя представляет. Это был ярко сверкающий кристалл — огромная шестигранная призма красного цвета. Она вертикально парила в воздухе и в длину достигала футов двенадцати. В центре

находилась шестиконечная, похожая на снежинку структура — темно-синяя, с заостренными голубыми кромками, которые отходили от ее лучей к углам призмы! Из лучей струилось мягкое малиновое пламя. И на каждой грани призмы, выше и ниже звезды, располагались фиолетовые конусы, которые, должно быть, служили глазами. Внутри кристалла мерцали странные пульсирующие огоньки. Сияние переполняло его.

И он падал прямо на меня!

Это была кошмарная, совершенно чуждая форма жизни. Не человек и не животное — совсем не та жизнь, какой мы ее знаем. И все же у него имелся разум — странный, инородный, лишенный эмоций. Любопытно отметить, что даже в ту минуту, пока я лежал под снижавшейся призмой, меня посетила мысль, что это существо и его собратья кристаллизовались, когда воды древнего моря испарились из кратера. Кристаллизуясь, соли могут принимать самые замысловатые формы.

Я выхватил пистолет и трижды выстрелил — пули, не причинив никакого вреда, отскочили от гладких граней.

Призма опускалась до тех пор, пока ее блестящая нижняя сторона не оказалось в ярде надо мной. Затем алое пламя ласково потянулось ко мне и ... омыло мое тело. Я сделался легче. Меня приподняло и поднесло к нижнему краю призмы. На моей груди ты можешь увидеть отметину, которую она мне оставила. Существо воспарило в воздух, и я поднимался вместе с ним. Вскоре к нам подплыли и другие. Меня скрутила тошнота. Мир затопило чернотой, и больше я ничего не воспринимал.

Я очнулся, свободно паря в ослепительном оранжевом свете и не касаясь никаких твердых предметов. Я извивался и дрыгал ногами в пустоте, но у меня не получалось сдвинуться с места или перевернуться, поскольку я не мог ни за что ухватиться. Воспоминания о последних двух днях, походили на ночной кошмар. Одежда все еще оставалась на мне, фляга висела на плече (вернее, плавала рядом с ним), а

пистолет лежал в кармане. У меня сложилось впечатление, что минул огромный отрезок времени.

В боку ощущалась странная скованность. Осмотрев его, я обнаружил красный рубец. Полагаю, те кристаллические штуковины вскрывали меня. А еще я увидел — с ужасом, которого тебе не постичь, — отметину на своей груди. Вскоре до меня дошло, что я, словно невесомый космический объект, свободно парю в оранжевом пламени над вершиной одного из черных цилиндров. Кристаллы постигли секрет гравитации. Для них это было жизненно важно. Внимательно осмотревшись, я испытал безграничное отвращение, разливчив в нескольких ярдах от себя огромное сверкающее тело. Однако внутренние огоньки кристалла были мертвы, поэтому я сделал вывод, что наступил день и что странные создания пребывают во сне.

Если я намеревался когда-нибудь сбежать, то сейчас была самая благоприятная возможность. Я махал ногами и в отчаянии загребал воздух руками — все впустую. Не сдвинулся ни на дюйм. Даже закованный в цепи, я не был бы пленен лучше. Решившись на отчаянный поступок, я вытащил пистолет. Во второй раз им не застать меня в живых. Я держал оружие в руке, когда мне в голову пришла идея. Направив пистолет в сторону, я быстро выстрелил шесть раз подряд. Отдача от каждого выстрела все быстрее и быстрее толкала меня в сторону края.

Я, точно ракета, вылетел в зеленую плену. Если бы мой вес мгновенно восстановился, я мог упасть и разбиться. Однако я плавно опустился на песок и потом еще несколько минут ощущал в теле удивительную легкость. Когда я очутился на земле, то, к своему удивлению, увидел прямо перед собой аэроплан! Его подтащили к основанию башни, и внешне он казался невредимым. С нервозной поспешностью

я запустил двигатель и запрыгнул в кабину. Когда машина двинулась с места, впереди вдруг выросла еще одна черная башня — я объехал ее и спокойно взлетел.

Через несколько мгновений зеленый туман остался внизу. Я почти ждал, что на меня снова обрушится гравитационная волна, однако самолет беспрепятственно взлетал все выше и выше, пока ненавистные черные стены не перестали заслонять горизонт. Высоко в небесах полыхало солнце. Вскоре я вновь очутился в Вака-Морена.

Я был сыт по горло охотой за радием. На побережье, где я приземлился, я продал самолет хозяину ранчо, согласившись с предложенной им ценой, и попросил его забронировать для меня место на следующем пароходе, который должен был отправляться через три дня. Затем я отправился в единственную гостиницу городка, подкрепился и лег спать. Проснувшись в полдень следующего дня, я обнаружил у себя в ботинках и карманах целые залежи красного песка, который набился туда, пока я полз по кратеру, спасаясь от кристальных огней. Из чистого любопытства я сохранил немного того песка, но, проведя исследования, выяснил, что он до того богат примесями радия, что одна его пригоршня стоит миллионы долларов.

Сия удача, однако, имела сомнительную ценность, ибо, несмотря на частые приемы жидкости из моей фляжки и лучшую медицинскую помощь, я непрерывно страдал, и теперь, когда фляжка пуста, мои дни сочтены.

Твой друг, Томас Кельвин».

На этом рукопись заканчивается. Если читатель сомневается в истинности написанного, он может увидеть Металлического человека в Тайбернском музее.

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ

Мистер Джейсон Пибоди вышел из трамвая. С облегчения сделав глубокий вдох открытого воздуха, он пошел вверх по Бенистер Хилл. Обеспокоенные глаза его увидели, как впереди в сгущавшихся сумерках появилась первая бледная звезда.

Это заставило его с тоской вернуться назад, в туман детства за волшебными словами, которые он когда-то знал. Он прошептал заклинание, придававшее силу:

Светлая звезда, яркая звезда,
Увиденная мною первая звезда,
Если б мог я, если б мог я,
Сделать так, чтобы сбылось то,
Чего желаю я.

Мистер Пибоди был смуглокожим, маленьkim лысым, похожим на веник человеком. Хотя сейчас его худые плечи и были расправлены, они все равно выдавали сутулость, приобретенную за двадцать лет сидения за счетными машинками и бухгалтерскими книгами. Его обычно кроткое лицо имело обиженное и отчаянное выражение.

— Я хочу, чтобы...

Не сводя со звезды полного надежды взгляда, Мистер Пибоди заколебался. Его измученный мозг вернулся к болезненной домашней сцене, от которой он только что сбежал. Кривая улыбка появилась на его обеспокоенном лице.

— Я хочу, — сказал он звезде, — чтобы я умел творить чудеса!

Звезда потемнела и стала зловеще красной.

— Необходимо творить чудеса, — добавил мистер Пибоди, чтобы содержать семью на жалование бухгалтера. То есть такую семью, как моя.

Звезда сверкнула зеленым обещающим цветом.

Мистер Пибоди все еще был должен тринадцать тысяч долларов за маленький оштукатуренный домик в двух кварталах от Локаст-авеню: плата была нетяжелой как рента, и еще через десять лет он был бы его собственным. В этот день Элла встретила его в двери влажным поцелуем.

Элла — это миссис Пибоди. Она была похожа на статуюэтку, блондинка, на дюйм выше, чем он сам, с замечательным голосом. Ее долгий поцелуй заставил его почувствовать себя неловко. Он мгновенно понял — сказался двадцатидвухлетний опыт — что она что-то хочет.

— Так приятно оказаться дома, дорогая, — попытался он начать контркампанию. — На работе сегодня было столько дел. — Его усталый вздох был очень убедительным. — Старый Берг будет увольнять и увольнять, считая, что мы все делаем работу только двух людей. Не знаю, кто будет следующим.

— Мне так жаль, дорогой, — она снова одарила его влажным поцелуем, и в ее голосе прозвучало нежное сожаление.
— Теперь иди помойся. Я хочу пообедать пораньше, потому что сегодня Дельфийская Лига.

Ее голос был слишком сладким. Мистеру Пибоди стало интересно, чего она хочет. Ей всегда требовалось некоторое время, чтобы подойти к сути дела. Однако, когда она к ней подходила, то ее вряд ли можно было остановить. Он сделал еще одну слабую попытку.

— Я не знаю, как сложатся обстоятельства, — он устало пожал плечами.

— Берг угрожает сократить нам жалованье. Страховка, плата за дом и дети. Не знаю, как мы будем жить.

Элла Пибоди снова подошла к нему и обняла своими мягкими руками. От нее слабо пахло духами, которыми она пользовалась прошлым вечером, и кухней.

— Мы справимся, дорогой, — сказала она храбро.

Она принялась весело болтать о незначительных событиях, произошедших за день. И то, что ей пришлось

заняться делами на кухне, не остановило ее. Ее замечательный голос отчетливо доносился до него, хотя он и закрыл дверь в ванную.

Демонстративно преувеличивая свою усталость, мистер Пибоди расположился в кресле. Он отыскал утреннюю газету — на которую у него никогда не было времени утром — развернул ее и вдруг опустил на колени, словно он чересчур устал чтобы читать. Делая еще одну слабую попытку отвлечь ее внимание, он спросил:

— Где дети?

— Вильям шел чтобы встретиться с кем-то по поводу машины.

Мистер Пибоди забыл об усталости.

— Я говорил Вильяму, что он не может иметь машину, — проговорил он с некоторым жаром. — Я говорил ему, что он слишком молод и безответственен. Если он настаивает на том, чтобы купить какую-нибудь кучу металломолома, ему придется платить за нее самому. Не спрашивая меня как.

— А Бет, — продолжал голос миссис Пибоди, — поехала в центр в салон красоты.

Она подошла к двери кухни.

— Но у меня есть для тебя потрясающая новость, дорогой.

Веселые нотки в ее голосе сказали мистеру Пибоди, что следует ожидать худшего. Ужасный момент наступил. С отчаяньем он поднял газету с коленей и погрузился в чтение.

— Да, дорогая, — сказал он, — здесь я вижу, чемпион должен встретиться с этим австралийцем, если...

— Дорогой, ты меня слышишь? — всепроникающий голос Эллы Пибоди нельзя было проигнорировать. — Сегодня вечером в Дельфийской Лиге я собираюсь сделать доклад о Трансцендентальном Возрождении. Разве это не удивительно великолепная возможность?

Мистер Пибоди опустил газету. Он был озадачен. Влажные нотки в ее голосе доказывали, что момент ее победы близок, и все же цель ее была еще пока неясна.

— Элла, дорогая, — мягко спросил он, — что ты знаешь о Трансцендентальном Возрождении?

— Не волнуйся об этом, дорогой. Молодой человек в библиотеке проделал исследование и напечатал для меня доклад всего на десять долларов. Но твое желание помочь мне очень мило, и есть одна вещь, которую ты можешь сделать.

Мистер Пибоди заерзal в кресле. Ловушка захлопыvalась, а он не видел выхода.

— Я знала, что ты поймешь, дорогой, — в ее голосе чувствовалась нежная дрожь. — И ты знаешь, что у меня нет ни одной приличной тряпки. Дорогой, я собираюсь купить то голубое платье, которое было выставлено в витрине Феймос. На нем стояла цена 69.80, но управляющий уступил мне его всего за 49.95.

— Мне ужасно жаль, дорогая, — медленно произнес мистер Пибоди. — Но, боюсь, мы просто не сможем позволить это. Боюсь, тебе придется отослать его назад.

Голубые глаза Эллы расширились и засияли.

— Дорогой! — Ее дрожащий голос оборвался. — Дорогой, ты должен понять. Я не смогу прочитать свой доклад в этих позорных старых лохмотьях. Кроме того, его уже передели.

— Но дорогая, у нас просто нет денег.

Мистер Пибоди снова поднял газету вверх ногами.

После двадцати двух лет совместной жизни он знал, что произойдет. Последуют слезные призывы к его любви и гордости, к его долгу. Агония эмоций, поддерживающая до тех пор, пока он не сдастся.

А он не мог сдаться, вот в чем беда. За двадцать два года его любовь никогда серьезно не отклонялась от жены и детей. Он дал бы ей деньги с радостью, но счета было необходимо оплатить завтра.

На мгновение он вздохнул от облегчения, когда со стороны подъезда к дому послышался незнакомый сигнал автомобиля. Через боковую дверь сутулясь вошел неуклюжий молодой человек, Вильям Пибоди.

Вильям был долговязым прыщавым юношем с бледным лицом, нечесанными волосами и выступающими кроличьими зубами. Удивительно, но несмотря на то, что он постоянно требовал деньги на одежду, на нем всегда была все та же грязная кожаная куртка и все те же мешковатые брюки.

Усилия отправить его в университет, в телевизионную школу и в колледж по подготовке парикмахеров не увенчались успехом из-за абсолютного нежелания Вильяма сотрудничать.

— Привет, Гов, — произнес он, набивая черную трубку. — Привет, ма. Обед готов?

— Вильям, не называй меня «Гов», — мягко попросил мистер Пибоди. — Он встал и подошел к окну. Его голос зазвучал резче. — Чей это красный родстер там, на подъездной дороге?

Вильям опустился в кресло, которое только что освободил мистер Пибоди.

— А, машина, — он выдохнул струйку голубого дыма. — А что, мама разве тебе не сказала, Гов? Я только что приобрел ее.

Худое тело мистера Пибоди напряглось.

— Значит, ты купил машину? Ну и кто будет за нее платить?

Вильям небрежно помахал трубкой.

— Всего двадцатку в месяц, — растягивая слова произнес он. — А это сделка что надо, Гов. Всего восемьдесят тысяч миль, и в ней есть радио. Ма сказала, что ты сможешь вытянуть. Это будет мне на день рождения, Гов.

— Твой день рождения через шесть месяцев.

Из кухни заструился серебристый успокаивающий голос миссис Пибоди:

— Но, когда придет его день рождения, ты все еще будешь платить за нее, Джейсон. Так что я сказала Биллу, что все будет в порядке. В наши дни на молодого человека не обращают никакого внимания, если у него нет машины. Так что если ты дашь мне деньги на костюм...

Мистер Пибоди начал с жаром отвечать, но неожиданно остановился, когда через парадную дверь вошла Бет, его дочь. Бет была лучом света в его жизни. Она была высокой истройной девушкой с мягкими сочувствующими карими глазами. Ее медового цвета волосы были изящно уложены красивыми волнами.

Наверно, для отца естественно благоволить дочери. Но мистер Пибоди не мог не сравнить ее веселое трудолюбие с бездельничанием Вильяма. Она посещала бизнес-курс чтобы вести журналы доктора Рекса Бранта после того, как они поженятся.

— Привет, пап, — она подошла к нему и нежно и с любовью обняла его своими мягкими руками. — Как тебе моя новая завивка? Я сделала ее, потому что сегодня вечером у меня свидание с Рексом. Мне не хватило денег, так что я сказала, что отнесу три доллара, которые я осталась должна миссис Ларкинс до семи часов. У тебя есть три доллара, пап?

— Твои волосы выглядят очень славно, дорогая. — Мистер Пибоди потрепал дочь по плечу и весело полез в карман. Он всегда с охотой давал Бет деньги, когда они у него были. Часто он сожалел, что не может сделать для нее больше.

— Спасибо, пап, — прошептала она, целуя его в висок. — Ты просто прелесть!

Вытащив из рта черную трубку, Вильям посмотрел на мать.

— Это доказывает, — нараспев произнес он, — что если бы машину захотела сестричка...

— Сын, я сказал тебе, — категорично заявил мистер Пибоди, — я не собираюсь платить за этот автомобиль. У нас просто нет денег.

Вильям лениво поднялся с кресла.

— Послушай, Гов, — ты же не захочешь потерять свои рыболовные снасти?

Мистера Пибоди охватила тревога.

— Мои рыболовные снасти?

За двадцать два года мистер Пибоди фактически нашел время и деньги только для трех поездок на рыбалку. Однако, он все еще считал себя страстным рыбаком. Иногда он неделями жертвовал обедом для того, чтобы накопить денег на какую-нибудь удочку или катушку лески, или какую-нибудь особую муху. Он часто проводил на заднем дворе не один час, пытаясь попасть в метку на земле.

Пытаясь смотреть на Вильяма с гневом, он резко спросил:

— Так что же случилось с моими рыболовными снастями?

— Ну, ладно, Джейсон, — вмешался успокаивающий голос миссис Пибоди. — Не заводись. Ты знаешь, что ты не пользовался своими рыболовными снастями уже десять лет.

Выпрямившись, мистер Пибоди направился к своему более высокому сыну.

— Вильям, что ты с ними сделал?

Вильям снова набивал трубку.

— Не кипятись, Гов, — посоветовал он. — Ма сказала, все будет в порядке. А мне нужны были деньги чтобы сделать первый взнос за автобус. Успокойся, Гов. Я дам тебе закладные.

— Билл! — голос Бет был резким от возмущения. — Ты же не...

Мистер Пибоди издал нечленораздельный звук. Он слепо направился к парадной двери.

— Эй, Джейсон, — голос Эллы сладко звенел по непонятной причине. — Держи себя в руках, Джейсон. Ты же не победал...

Он с силой захлопнул за собой дверь.

Не впервые за двадцать два года устремился мистер Пибоди в ветреную свободу из Бенистер-Хилла. И не впервые обращался он с просьбой к звезде. И хотя он серьезно не верил в это суеверие своего детства, идея все равно казалась ему очень приятной.

Через мгновение после того, как он произнес заклинание, он увидел летящую звезду. Крошечная точка света, движущаяся слегка вверх через пурпурные сумерки. Она не была белой подобно большинству падающих звезд, а бледно-зеленой.

Это пробудило в памяти мистера Пибоди еще одно суеверие, аналогичное первому. Если увидишь падающую звезду и успеешь загадать желание до того, как она погаснет, это желание сбудется. Он с нетерпением затаил дыхание.

— Я хочу, — повторил он, — уметь творить чудеса!

Он закончил фразу вовремя. Звезда все еще светилась. Вдруг он заметил, что ее зеленоватое сияние становится ярче.

Еще ярче! И взрывается!

И тут внезапно слабое и полное надежды удовлетворение мистера Пибоди сменилось дикой паникой. Он понял, что один осколок зеленого метеора подобно небесной пуле направляется прямо к нему. Он сделал отчаянную попытку попятиться назад, прикрыть лицо рукой...

Мистер Пибоди очнулся лежа на спине на траве холма. Он застонал и поднял голову. Взошла ущербная Луна. Ее

косые лучи отражались мерцающим светом от капелек росы на траве.

Мистер Пибоди почувствовал, что весь напряжен и замерз. Одежда его была мокрой от росы. И что-то было не в порядке с головой. Глубоко у основания мозга была странная тупая боль. Она была несильной, но слабо и неприятно пульсировала.

Его лоб был странно напряженным и перекошенным. Пальцы нащупали струйку засохшей крови, затем неровный болезненный край маленькой ранки.

— Господи!

Издав это слово, он прижал ладонь к затылку. Но крови на волосах не было. Казалось, что слабая свинцовая боль совсем рядом под его рукой, но другой поверхностной раны не было.

— Господь праведный! — прошептал мистер Пибоди. — Он засел в моем мозге!

Доказательство было налицо. Он видел, как прямо на него несся метеор. На лбу у него была крошечная дырочка, через которую он, должно быть, вошел. Там, где он должен был выйти, дырочки не было.

Почему он до сих пор не убил его? Наверно, потому что, будучи очень горячим, он прижег рану. Он вспомнил, как однажды читал невероятную историю о человеке, который якобы прожил многие годы с пулей в мозге.

Метеор, застрявший у него в мозге! Идея привела его в дрожь. У них с Эллой были небольшие взлеты и падения, но в общем его жизнь прошла без особых событий. Он мог представить себе, что его застрелил бандит или собьет такси, но такое...

— Лучше пойти к доктору Бранту, — прошептал он.

Он прикоснулся к кровоточащему лбу и понадеялся, что рана заживет. Когда же он попытался встать, его охватила слабость. В горле неожиданно пересохло.

— Воды! — выдохнул он.

От головокружения он упал назад на локоть, а жажда вызвала у него в уме образ сверкающего стакана воды. Он стоял на плоском камне, блестя под лунным светом. Он казался таким материальным, что мистер Пибоди протянул руку и взял его.

Не удивляясь, он выпил. Несколько глотков утолили его жажду, и его ум прояснился. Затем внезапно осознав невероятность произошедшего, он задрожал от беспричинной паники.

Стакан выпал из его пальцев и разбился о камни. Осколки насмешливо заблестели под лунным светом. Мистер Пибоди заморгал.

— Он был настоящим! — прошептал он. — Я сделал его настоящим — из ничего. Чудо — я сотворил чудо!

Это слово было странно успокаивающим. Фактически, теперь он знал о том, что произошло, не больше, чем до того, как нашел для него слово. И все же в значительной степени его пугающая непонятность была рассеяна.

Он вспомнил кино, которое написал англичанин, Г.Уэллс. В нем шла речь о человеке, который мог совершать самые удивительные и иногда ужасные чудеса. Мистер Пибоди вспомнил, что он кончил тем, что разрушил мир.

— Я не хочу ничего подобного, — прошептал он в некоторой тревоге, а затем принялся проверять свой дар. Сначала он попытался мысленно поднять маленький плоский камень, на котором стоял чудесный стакан.

— Вверх, — приказал он резко. — Вверх!

Однако, камень отказывался подниматься. Мистер Пибоди пытался представить себе мысленно, как тот поднимется. Неожиданно, на том месте, где он пытался это представить, появился другой, совершенно такой же камень.

Чудесный камень мгновенно упал на своего близнеца и разбился. Отлетевшие осколки больно ударили мистера Пибоди по лицу. Он понял, что его дар, какова бы ни была его природа, потенциально опасен.

— Что бы я не приобрел, — сказал себе мистер Пибоди, — оно отличается от того, что было у человека в кино. Я могу делать вещи, по крайней мере маленькие. Но я не могу их передвигать. Он сел на мокрой траве. — Могу ли я сделать так, чтобы они исчезли?

Он сфокусировал взгляд на осколках разбитого стакана.

— Исчезни! — приказал он. — Уходи — исчезни!

Осколки все так же мерцали под лунным светом.

— Нет, — сделал вывод мистер Пибоди, — я не могу делать так, чтобы вещи исчезали.

В некоторой степени это было слишком плохо.

Он мысленно отметил еще одно. Больших животных и опасных существ всех видов лучше избегать. Он внезапно осознал, что дрожит в своей промокшой от росы одежде. Он хлопнул окоченевшими руками по бокам и пожелал чашечку кофе.

— Ну, почему же нет? — Он попытался говорить спокойно, хотя им стал овладевать страх. — Сюда — чашечку кофе!

Ничего не появилось.

— Ну давай! — закричал он. — Кофе!

И все равно ничего не было. И сомнения снова вернулись к мистеру Пибоди. Может быть, его просто оглушил метеор. Но галлюцинации казались такими реальными. Этот стакан воды, блестящий в лунном свете на камне...

Вот он снова появился!

Или другой, точно такой же. Мистер Пибоди неуверенно прикоснулся к стакану, сделал глоток ледяной воды. Она была абсолютно настоящей. Озадаченный, мистер Пибоди затряс своей лысой, измученной болью головой.

— Вода — это легко, — пробормотал он. — Но как же получить кофе?

Он позволил своему разуму представить тяжелую белую чашку, стоящую вместе с блюдцем на камне, со слабым поднимающимся над ней паром. Этот образ странно дрожал, полуреальный.

Мистер Пибоди попытался сосредоточиться. В его голове, замедленно пульсирующим участком, возникло нечто похожее на рев. И неожиданно чашка стала реальной.

Он поднял ее дрожащими от благоговейного страха пальцами. Обжигающий кофе на вкус был похож на тот дешевый сорт, который покупала Элла, когда у них были проблемы с бюджетом. Но это был кофе.

Теперь он знал, как получить сливки и сахар. Он просто представил маленький молочник и три белых кусочка и сделал особое усилие — и они появились. Но он вдруг ослабел от мгновенной незнакомой усталости.

Он сотворил ложку и помешал кофе. Он познавал свой дар. Неважно, что он говорил. Он обладал силой материализовать только те вещи, которые он представлял в уме. Для этого требовались особые усилия, и акт творения сопровождался этим мощным, отдаленным ревом в ушах.

Чудесные предметы к тому же имели все несовершенство его мысленных образов. В тяжелом блюдце за чашкой была неправильной формы дыра, там, где он не потрудился завершить его образ.

Мистер Пибоди, однако, не долго раздумывал над механическими деталями своего дара. Возможно, доктор Брант сможет объяснить его: он действительно был очень умным молодым хирургом. Мистер Пибоди же занялся более насущными проблемами.

Он дрожал от холода. Он решил не создавать чудесный костер, и принялся создавать себе пальто. Это оказалось более трудным, чем он предполагал. Было необходимо четко представить нити шерсти, детали пуговиц и пряжки, форму каждого кусочка ткани, даже нитку на швах.

Кроме того, в некотором смысле процесс материализации был сильным испытанием. Мистер Пибоди вскоре дрожал от незнакомой усталости. Тупая слабая боль у основания мозга запульсировала быстрее. Снова за нею он почувствовал рев, словно извергалась сигара сверхъестественной силы.

Наконец, однако, пальто было готово. Пытаясь надеть его, мистер Пибоди обнаружил, что оно очень далеко от его размеров. Плечи были гротескно свободными. И что еще хуже, он каким-то образом зашил рукава на манжетах.

Усталый, со слегка поблекшими мечтами, он накинул его на плечи как плащ. Немного внимания и практики и, он был уверен, он сможет все делать лучше. Он должен быть способен делать все, что захочет.

Чувствуя усталое удовлетворение, мистер Пибоди пустился вниз по Бенистер-Хилл. Теперь он может отправиться домой к торжествующему миру. Его замерзшее тело предчувствовало уют его дома и его кровати. Он с приятным чувством подумал о счастье Эллы, Вильяма и Бет, когда они узнают о его даре.

Он швырнул неудачное пальто в мусорный контейнер и прыгнул на подножку трамвая. Порывшись в карманах в поисках денег чтобы заплатить двадцать пять центов за проезд, от отыскал только одну мелкую монету. Ее чудесный близнец решил проблему. Он расслабился на сидении со вздохом спокойного удовлетворения.

Так получилось, что его сын Вильям оказался первым, кому мистер Пибоди попытался открыть свой дар. Вильям растянулся в кресле, его болезненного цвета лицо было украшено полосками лейкопластиря. Вздрогнув, он вытаращил глаза. Увидев мистера Пибоди, он улыбнулся с облегчением.

— Привет, Гов, — пропел он. — Твоя ярость прошла?

Осознание своего необычного дара придало мистеру Пибоди новое достоинство.

— Не называй меня «Гов», — его голос был громче обычного. — Я не был в ярости. Он ощутил внезапную тревогу. — Что с тобой случилось, Вильям?

Вильям лениво поискав ощупью свою трубку.

— Один парень меня покалечил, — протяжно произнес он. — Какой-то дурак на новом бьюике. Говорит, я был на его

стороне дороги. Он вызвал полицейских и аварийный автомобиль, чтобы оттащить автобус.

Думаю, тебе пришлют небольшой счет по возмещению ущерба, Гов. Если только ты не захочешь заплатить наличными. Человек с аварийной машины сказал, что это будет около девяти сотен... Гов, у тебя есть табак?

Старая беспомощная ярость охватила мистера Пибоди. Он задрожал, а кулаки его гневно сжались. Однако, мгновение спустя осознание его новой силы заставило его улыбнуться. Теперь все будет по-другому.

— Вильям, — сказал он мрачно, — я бы хотел, чтобы в будущем ты обращался ко мне с большим уважением. — Он подходил к тому, чтобы раскрыть свой дар. — Это была твоя машина и теперь это твоя развалюха. Ты можешь улаживать дело, как ты хочешь.

Вильям сделал беззаботное движение трубкой.

— Ты, как всегда, ошибаешься, Гов. Понимаешь, они бы не продали машину мне. Мне пришлось попросить ма подписать бумаги. Так что ты не можешь отвертеться от всего этого с такой легкостью, Гов. Так что отвечать должен ты. У тебя есть табак?

Вторая волна ярости подбросила мистера Пибоди вверх. И снова, однако осознание своего дара пришло на помощь. Он решил сотворить двойное чудо. Это должно поставить Вильяма на место.

— Вот твой табак, — он показал на пустую середину библиотечного стола. — Смотри! — он сконцентрировался на мысленном образе жестянной банки. — Гопля!

Мягкое любопытство Вильяма сменилось быстро подавленным удивлением. Он лениво потянулся к жестянной банке, проговорив протяжно:

— Достаточно славно, Гов. Но фокусник в прошлом году во Дворце делал тот же фокус намного более гладко и быстро... — Он оторвал глаза от пустой банки, его взгляд был торжествующе укоризненным. — Гов, она пустая. Я бы сказал, что это довольно плоская шутка.

— Я забыл, — мистер Пибоди прикусил губу. — Ты найдешь полбанки на моей тумбочке.

Когда Вильям вразвалку вышел из комнаты, он занялся более серьезным проектом. В своей растерянности и общем волнении он забыл принять во внимание некоторое ограничение, существующее согласно Федеральному закону относительно актов творения, чудесных или любых иных.

Его плоский бумажник отдал ему то, что осталось от его недельной платы. Он выбрал хрустящую новенькую десятидолларовую купюру и сконцентрировался на ней. Первая копия оказалась белой на обороте. Вторая была размазана с обеих сторон. После этого, однако, он, казалось набил, что называется, руку.

К тому времени, как Вильям неторопливо приковылял назад, набивая по дороге трубку, на столе возвышалась аккуратная маленькая пачка денег. Мистер Пибоди откинулся назад в кресле, закрыв глаза. Пульсирующая боль снова ослабела, рев затих.

— Вот, Вильям, — произнес он усталым, но торжествующим голосом. — Ты сказал, что тебе надо девятьсот чтобы уладить дело.

Он отсчитал купюры в то время, как Вильям уставился на него с открытым ртом, обнажив блестящие кроличьи зубы.

— Это что, Гов? — выдохнул он. В его голосе звучали тревожные нотки.

— Где ты сегодня был, Гов. Старый Берг случайно не оставил свой сейф открытым?

— Если тебе нужны деньги, возьми их, — произнес мистер Пибоди резко.

— И следи за своим языком, сын.

Вильям взял купюры. Мгновение он с изумлением смотрел на них, затем засунул в карман и выбежал из дома.

Мозг мистера Пибоди затуманился от усталости, и он расслабился в кресле. Глубокое удовлетворение наполнило его. Да, это применение его дара оказалось ненапрасным.

Осталось еще достаточно чудесных денег, и он мог дать Элле те пятьдесят долларов, которые ей были нужны. И он мог сделать еще, в неограниченном количестве.

На свет лампы жужжа прилетела муха. Глядя, как она уселась на коробку с конфетами, стоящую на столе, а затем поползла через нарисованную вишню, мистер Пибоди пустился на новый эксперимент. Лишь мгновенное усилие — и появилась еще одна муха.

Только одно было не так с чудесным насекомым. Насколько он мог видеть, она была внешне совершенно такая же как оригинал. Но, когда он прикоснулся к ней рукой, она не шевельнулась. Она была неживой.

Почему? Мистер Пибоди был слегка озадачен. Может, ему просто не хватало какого-то особого мастерства, необходимого для создания жизни? Или это абсолютно выходило за пределы его силы, и было таинственным образом запрещено?

Он занялся экспериментом. Проблема так и осталась нерешенной, хотя весь стол был усыпан безжизненными мухами, неподвижными тараканами, на нем даже лежала одна лягушка и одна ласточка, когда он услышал, как открылась парадная дверь.

Вошла миссис Пибоди. На ней был новый голубой костюм. Его строгие линии, казалось, придавали новую молодость ее фигуре, и мистер Пибоди подумал, что она выглядит почти красавицей.

Она все еще сердилась. Она ответила на его приветствие сдержаным кивком, и величественно направилась мимо него к лестнице. Мистер Пибоди с волнением последовал за нею.

— Это твой новый костюм, Элла? Ты в нем прекрасно выглядишь.

Она повернулась с королевским достоинством. Свет лампы отразился от ее блестящих светлых волос.

— Спасибо, Джейсон, — ее голос был холодным. — У меня не было денег заплатить мальчику. Было ужасно неловко.

Но он все-таки оставил его, когда я пообещала, что принесу деньги в магазин утром.

Мистер Пибоди отсчитал десять чудесных купюр.

— Вот они, дорогая, — сказал он. — И еще пятьдесят.

Элла уставилась на него с отвисшей челюстью.

Мистер Пибоди улыбнулся ей.

— С того момента все будет по-другому, дорогая, — пообещал он ей. Теперь я смогу дать тебе все, что ты всегда заслуживала.

Лицо Эллы Пибоди напряглось от непонятной тревоги, и она быстро направилась к нему.

— Что ты сказал, Джейсон.

Она увидела безжизненных мух, которых он сотворил, затем с негромким криком отшатнулась от тараканов, лягушки и ласточки.

— Что это такое? — пронзительно закричала она. — Что у тебя на уме?

Сердце мистера Пибоди пронзила боль внезапного страха. Он подумал, что другим людям будет нелегко понять его дар. Лучше всего было бы, пожалуй, продемонстрировать его.

— Посмотри, Элла. Я покажу тебе.

Он порылся в журналах на конце стола. Он уже знал, что очень тяжело материализовать что-то только по памяти. Ему был нужен образец.

— Вот, — он нашел рекламу, изображавшую платиновый браслет с бриллиантами. — Тебе бы хотелось иметь такой, дорогая?

Миссис Пибоди побледнела и отступила от него.

— Джейсон, ты сошел с ума? — она говорила быстро и испуганно. — Ты же знаешь, что я не могу заплатить за некоторые вещи, которые мне просто необходимо иметь. И вот эти деньги, бриллианты, я тебя не понимаю!

Мистер Пибоди опустил журнал на колени. Пытаясь не обращать внимание на пронзительный голос Эллы, он принялся концентрироваться на браслете. Это было более

трудно, чем бумажные деньги. Голова звенела от пульсирующей боли. Но он довел до конца это особое усилие и весть была готова.

— Ну тебе нравится, дорогая?

Он протянул ей. Блестящая белая платина имела значительный вес. Бриллианты сверкали подлинным огнем. Но она не пошевелилась, чтобы взять его.

Ее озадаченное лицо стало еще бледнее. В глазах появился странный укоризненный взгляд.

— Джейсон, где ты взял этот браслет?

— Я — я его сделал, — он произнес это резким высоким голосом. — Он получен в результате чуда.

Решительное выражение на ее лице превратило его утверждение в очень неубедительное, даже для мистера Пибоди.

— Чудесная ложь! — она принюхалась. — Джейсон, я думаю, ты пьян! — Она снова двинулась на него. — А теперь я хочу знать правду. Что ты сделал? Ты что воровал?

Она выхватила браслет у него из руки и угрожающе затрясла им перед лицом мужа.

— Ну так, где ты его взял?

Неловко оглядываясь по сторонам, мистер Пибоди увидел, как медленно открывается кухонная дверь. Через щель осторожно заглянул Вильям. Он был бледен, а его дрожащая рука сжимала длинный нож для хлеба.

— Ма! — прошептал он хрипло. — Ма, ты лучше будь настороже! Гов ведет себя очень странно. Он пытался показать какие-то дрянные фокусы. Затем дал мне кучу фальшивых денег.

Его слегка выкаченные глаза уловили блеск качающегося браслета, и он вздрогнул.

— Горяченькие алмазы, хм — его голос стал твердым от невероятного морального презрения. — Гов, ты что же не понимаешь, что у тебя приличная уважаемая семья? Горячие камешки, и фальшивые деньги! Гов, как ты мог?

— Фальшивые? — с хрипом слабым голосом произнес мистер Пибоди. — Что ты хочешь сказать?

— Невинная шутка, да? — хмыкнул Вильям. — Ну, тогда позволь мне объяснить, Гов. Фальшивые значит поддельные. Я подумал, что эта куча денег какая-то смешная. Поэтому я отнес ее одному парню в бассейн, который когда-то сбывал такой товар. Хлам, сказал он. Слепой может это понять. Такой доллар и гроша не стоит и цента. Это стопроцентный билет, он сказал, на пятнадцать лет!

К такому повороту вещей мистер Пибоди не был готов. Мгновенное размышление подсказало ему, что, не сумев в своем замешательстве различить ценности и саму ценность, он действительно был виноват.

— Фальшивые...

Он затуманенными глазами смотрел на полные подозрения лица жены и сына. Холодок крайнего отчаяния стал пронизывать его тело. Он собрался чтобы побороть его.

— Я не — я не подумал, — запинаясь проговорил он. — Нам придется сжечь деньги. И те, которые я дал тебе, Элла, тоже.

Он промокнул вспотевший лоб и глубоко вздохнул.

— Но послушайте, — его голос зазвучал громче. — У меня все равно есть этот дар. Я могу сделать все, что хочу, абсолютно из ничего. Я покажу вам. Я сделаю — я сделаю кирпич из золота.

Элла отошла с бледным и напряженным от ужаса лицом. Вильям угрожающе взмахнул мечом и настороженно впился в отца глазами.

— Ладно, Гов. Валяй.

В том, чтобы сделать настояще золото, не было никакого преступления. Но дело оказалось более трудным, чем ожидал мистер Пибоди. Первые призрачные очертания слитка начали колебаться, и он почувствовал, как у него закружилась голова.

Мерное пульсирование боли заполнило его голову, оно было сильнее, чем когда бы то ни было. Движение

невидимой силы превратилось в мощный ураган, сдувающий прочь его сознание. Он с отчаянием вцепился в спинку стула.

Наконец под лампой по-настоящему заблестел массивный желтый бруск. Слабой рукой промокнув пот, сверкающий по лицу, мистер Пибоди сделал торжествующий жест и сел.

— В чем дело, дорогой, — встревожено спросила его жена.
— Ты кажешься таким усталым и бледным. Ты не заболел?

Руки Вильяма уже сжимали желтый слиток. Он с усилием поднял один его конец и отпустил. Слиток упал с глухим звуком.

— Боже, Гов, — прошептал Вильям. — Это действительно золото. — Его глаза снова вылезли из орбит, затем сощурились в мрачной усмешке. — Лучше перестань нас разглядывать, Гов. Ты сегодня ломанул сейф.

— Но я его сделал, — мистер Пибоди попытался встать в порыве возмущенного протesta. — Вы видели.

Элла схватила его за руку, остановила.

— Мы знаем, Джейсон, — произнесла она успокаивающее.
— Но сейчас у тебя такой усталый вид. Тебе лучше лечь в постель. Утром ты будешь чувствовать себя лучше.

Поковырявшись в золотом кирпиче своим перочинным ножом, Вильям возбужденно закричал:

— Эй, мам. Смотри!

Прижав палец к губам и сделав многозначительный жест головой, миссис Пибоди заставила своего сына замолчать. Она помогла мистеру Пибоди подняться вверх по ступенькам лестницы, дойти до двери спальни, затем поспешила назад к Вильяму.

Мистер Пибоди устало разделся и надел пижаму. Устало вздохнув, он забрался под простыню и закрыл глаза.

Естественно, сначала он делал маленькие ошибки, но теперь все, наверняка, будет хорошо. Еще немного практики, и он будет в состоянии дать своим детям и жене все хорошие вещи, которые они заслужили.

— Папочка?

Мистер Пибоди открыл глаза и увидел стоящую у кровати Бет. Ее карие глаза были широко открыты и казались незнакомыми, а в голосе слышалась тревога.

— Папочка, что же такое ужасное случилось с тобой?

Мистер Пибоди высунул из-под простыни руку и прикоснулся к ее ладони. Она была напряженной и холодной.

— Очень удивительная вещь, Бет, дорогая, — ответил он.

— И вовсе не ужасная. У меня просто появился чудесный дар. Я могу создавать вещи. Я хочу сделать что-нибудь для тебя. Что бы ты хотела, бет? Может, жемчужное колье?

— Папа, дорогой!

Она задохнулась от тревоги. Она села на край кровати и пристально посмотрела на его лицо. Ее холодная рука дрожала в его ладони.

— Папа, ты ведь не сошел с ума?

Мистер Пибоди почувствовал приступ неконтролируемого страха.

— Конечно, нет, доченька. А почему ты спрашиваешь?

— Мама и Билл рассказали мне ужаснейшие вещи, — прошептала она, взглядываясь в него. — Они сказали, что ты играл с мертвыми мухами и тараканами, и говорил, что ты можешь творить чудеса, что ты дал им фальшивые деньги, украденные драгоценности и поддельный золотой слиток...

— Поддельный? — выдохнул он. — Нет, это было настоящее золото.

Бет озабоченно покачала головой.

— Билл мне показал, — прошептала она. — Снаружи он похож на золото. Но если его поцарапать, это всего лишь свинец.

Мистеру Пибоди стало плохо. Он не мог сдержать наполнившие глаза слезы отчаяния.

— Я старался, — всхлипнул он. — Я не знаю, почему все получается не так. — Он решительно вдохнул и сел в кровати. — Но я могу сделать золото — настоящее золото. Я покажу тебе.

— Папа! — Ее голос был тихим, сухим и почти бездыханным. — Папа, ты сходишь с ума. — Дрожащими руками она прикрыла лицо. — Мама и Билл были правы, — слабо всхлипнула она. — Но полиция, о, я не вынесу этого!

— Полиция? — мистер Пибоди выскоцил из кровати. — А что полиция?

Девушка слегка отодвинулась назад, глядя на него темными испуганными глазами.

— Мама и Билл позвонили им, до того, как я вернулась. Они думают, что ты сошел с ума и замешан, кроме этого, в какие-то ужасные преступления. Они тебя боятся.

Переплетя пальцы, мистер Пибоди испуганно подошел к окну. Он испытывал инстинктивный страх перед законом, а его увлечение детективными романами возвело его страх в третью степень.

— Они не должны схватить меня, — прошептал он хрипло. — Они не поверят, моему дару. Никто не верит. Они будут допрашивать меня о фальшивых деньгах и золотом слитке и браслете. Допрашивать меня! — Он конвульсивно содрогнулся. — Би, я должен скрыться.

— Пап, ты не должен, — она схватила его за руку. — В конце концов они все равно тебя схватят. Если ты убежишь, это заставит их думать о том, что ты тем более виноват.

Он оттолкнул ее руку.

— Говорю тебе, я должен скрыться. Не знаю куда. Если бы только был кто-то, кто бы меня понял...

— Пап, послушай, — Бет хлопнула в ладоши, издав звук, от которого он резко вздрогнул. — Ты должен пойти к Рексу. Он может помочь тебе. Пойдешь?

Поколебавшись мгновение, мистер Пибоди кивнул.

— Он — врач. Он должен понять.

— Я позвоню ему, чтобы он тебя ждал. А ты пока одевайся.

Он завязывал шнурки на туфлях, когда она вбежала в комнату.

— Внизу два полицейских, — прошептала она. — Рекс сказал, что будет тебя ждать. Но теперь ты не можешь выйти...

Она в изумлении замолчала, когда на полу посреди ковра появилась смотанная веревка. Мистер Пибоди торопливо привязал один ее конец к кровати, а другой выбросил в окно.

— До свидания, Би, — выдохнул он. — Доктор Рекс расскажет тебе.

Услышав за дверью уверенные шаги, она поспешила заперла ее. Замечательный голос миссис Пибоди произнес:

— Джейсон, открой дверь, немедленно. Дж-е-й-с-о-н!

Мистер Пибоди все еще находился в нескольких футах от земли, когда чудесная веревка неожиданно оборвалась. Он вылез из обломков решетки для вьющихся цветов, заметил черный полицейский седан напротив дома и пустился вниз по аллее.

Дрожа от страха и усталости после своего броска через город, он подошел к двери скромной двухкомнатной квартиры, в которой жил доктор Брант. Она была не заперта. Он тихо вошел. Молодой доктор отложил книгу и встал, чтобы его поприветствовать.

— Рад вас видеть, мистер Пибоди. Присаживайтесь и расскажите мне о себе.

Бездыханный, мистер Пибоди прислонился к закрытой двери. Он подумал, что доктор Брант очень тепло его встретил, слишком уж пристально за ним наблюдает. И он понял, что должен вести себя очень осторожно, чтобы не попасть в еще более сложное положение, чем то, из которого он только что выбрался.

— Бет, — вероятно, сказала вам, что вам следует ожидать у себя сумасшедшего, — начал он. — Но я не безумен, доктор. Пока нет. Просто так случилось, что я приобрел уникальный дар. Люди не поверят в то, что он существует. Они понимают меня неправильно, относятся ко мне подозрительно.

Несмотря на все усилия говорить спокойно и убедительно, голос мистера Пибоди дрожал от горечи.

— Теперь моя собственная семья натравила на меня полицию!

— Да, мистер Пибоди, — доктор Брант говорил очень успокаивающе. — А теперь все-таки садитесь. Располагайтесь поудобнее. И расскажите мне все об этом.

Закрыв двери на защелку, мистер Пибоди позволил себе устало опуститься в кресло Бранта. Он встретился взглядом с изучающими серыми глазами доктора.

— Я не хотел делать ничего дурного, — его голос все еще звучал протестующе, резко. — Я не виноват ни в каком преднамеренном преступлении. Я только пытался помочь тем, кого люблю.

— Я знаю, — успокоил его доктор.

Мистер Пибоди напрягся от внезапной тревоги. Он понял, что успокаивающая манера Бранта служила для того, чтобы успокоить опасного сумасшедшего. Слова ничем ему не помогут.

— Должно быть, Бет сказала вам, что они думают, — произнес он в отчаянии. — Они не хотят этому верить, но я могу создавать вещи. — Позвольте, я покажу вам.

Брант улыбнулся ему, мягко без видимого скептицизма.

— Очень хорошо. Давайте.

— Я сделаю вам аквариум для золотых рыбок.

Он посмотрел на маленькую подставку, на которой были разбросаны трубки и журналы по медицине, и сконцентрировался на этом особом болезненном усилии. Боль и рев прошли и аквариум стал реальностью. Мистер Пибоди вопросительно посмотрел на лицо доктора Бранта.

— Очень хорошо, мистер Пибоди. А теперь, можете ли вы посадить туда золотую рыбку?

— Нет, — мистер Пибоди сжал в ладонях голову, в которой отдавалась пульсирующая тупая боль. — Похоже, я не могу сделать ничего живого. Это одно из ограничений, которое я обнаружил.

— Да?

Глаза Бранта слегка расширились. Он медленно подошел к стеклянному аквариуму осторожно прикоснулся к нему, и проверяя опустил палец в находящуюся в нем воду. Его челюсть расслабилась.

— Хорошо, — он повторил это слово с нарастающей силой. — Хорошо, хорошо, хорошо!

Его изучающие серые глаза снова впились в мистера Пибоди.

— Вы честны со мною? Вы даете мне слово, что здесь нет никаких фокусов? Вы материализовали этот предмет исключительно при помощи умственных усилий?

Мистер Пибоди кивнул.

Теперь наступила очередь Бранта волноваться. Пока мистер Пибоди сидел спокойно, восстанавливая дыхание, худощавый молодой доктор мерил шагами комнату. Он закурил трубку, не заметил, как она потухла, и обрушил на мистера Пибоди лавину вопросов.

Мистер Пибоди устало пытался на них ответить. Он заново продемонстрировал свой дар, материализовав гвоздь, спичку, кусочек сахара и запонку для манжет, которая должна была бы быть серебряной. Комментируя свинцовый цвет последней, он вспомнил свои заключения с золотым слитком.

Брант снял очки и принял их нервно полировать.

— Возможно, это просто из-за незнания атомной структуры... Но Боже мой!

Он снова стал ходить взад-вперед по комнате.

Умиравший от усталости мистер Пибоди был нескованно благодарен, когда ему наконец разрешили забраться в кровать доктора. Несмотря на слабую глухую пульсацию в мозге, он спал крепко.

А высоко в небе зеленым светом мерцала яркая звезда.

Брант если и спал, то в кресле. На следующее утро небритый, с резко обозначившимися морщинами и впавшими глазами, он разбудил мистера Пибоди, освежил сбитую с толку память, взглянув на гвоздь, спичку, кусочек сахара и

свинцовую запонку и безумно спросил его, не исчез ли его дар.

Мистер Пибоди чувствовал себя усталым и разбитым. Боль в затылке стала сильнее, и он не испытывал ни малейшего желания творить чудеса. Однако, он оказался в состоянии сделать себе чашечку кофе.

— Отлично, — воскликнул Брант. — Отлично, отлично, отлично! Всю ночь я не переставал сомневаться даже в своих собственных чувствах. Даю слово — это невероятно. Но какая возможность для медицинской науки!

— А? — испуганно вздрогнул мистер Пибоди. — Что вы хотите сказать?

— Не паникуйте, — успокаивающе произнес Брант. — Мы, конечно, должны держать ваш случай в тайне, по крайней мере, пока у нас не будет достаточно данных для того, чтобы подтвердить ваше заявление. Но ради себя самого, и ради науки вы должны позволить мне изучить вашу новую силу.

Он принял нервно потирать очки.

— Вы — мой дядя, — неожиданно заявил он. — Вас зовут Гомер Браун. Вы из Потсдама. Вы будете жить у меня несколько дней, так как проходите обследование в клинике.

— В клинике?

Мистер Пибоди принял слабо протестовать. С тех пор как родилась Бет, он испытывал ужас перед больницами. Одного запаха, утверждал он, было достаточно, чтобы ему стало плохо.

Однако где-то среди своих возражений, он обнаружил, что его заталкивают в такси.

Брант потащил его за собой в огромное серое здание мимо сестер и санитаров. Последовала бесконечная серия обследований, и по настороженной вежливости, окружавшей его, он понял, что его считают сумасшедшим. Наконец Брант позвал его в крошечную комнату для консультаций и запер дверь.

Его обращение стало вдруг уважительным и странно мрачным.

— Мистер Пибоди, я должен извиниться за все мои сомнения, — произнес он. — Рентген доказывает невероятное. Вот, можете посмотреть сами.

Он заставил мистера Пибоди сесть перед двумя зеркалами, каждое из которых отражало довольно отвратительного вида череп. Два изображения слились в одно. У основания черепа за пустыми глазницами, Брант показал на маленький с неровными краями предмет.

— Вот он.

— Вы имеете в виду метеор.

— Это инородное тело. Естественно, мы не можем определить его подлинную природу, не прибегая к черепной хирургии. Но рентген показывает следы его прохождения через мозговую ткань и фронтальную кость. Они затянулись чудесным образом. Нет сомнений, что это тот предмет, который в вас попал.

Мистер Пибоди с трудом поднялся на ноги. Он ловил воздух открытым ртом.

— Мозговая хирургия! — прошептал он хрипло. — Вы ведь не...

Брант очень медленно покачал головой.

— Я бы очень хотел, чтобы мы могли, — сказал он мрачно.

— Но операция невозможна. Она заденет часть самого головного мозга. Ни один из тех хирургов, которых я знаю, не осмелится попытаться.

Он мягко прикоснулся к руке мистера Пибоди... Его голос стал тише.

— Было бы нечестно скрывать от вас тот факт, что ваш случай чрезвычайно серьезен.

Колени мистера Пибоди задрожали.

— Доктор, что вы хотите сказать?

Брант угрюмо показал на рентгеновские снимки.

— Это инородное тело радиоактивно, — произнес он медленно. — Я заметил, что пленка слегка затуманивается, и счетчик Гейгера стучит рядом с вами, как град.

Лицо доктора было белым и напряженным.

— Вы понимаете, что его нельзя удалить, — сказал он. — И что разрушительное действие его излучения на мозговую ткань неизбежно будет фатальным, в течение нескольких недель.

Он покачал головой, в то время как мистер Пибоди смотрел на него не открывая глаз, не в состоянии понять услышанное.

Улыбка Бранта была натянутой и горькой.

— Кажется, ваша жизнь — это та цена, которую вы должны заплатить за свой дар.

Мистер Пибоди позволил ему отвезти себя назад в маленькую квартиру. Пульсация в голове служила непрерывным напоминанием о том, что исходящие из камня лучи разрушают его мозг. Он онемел от отчаяния и одурел от боли.

— Теперь, когда я знаю, что умру, — сказал он доктору, — я должен делать только одно. Я должен использовать свой дар, чтобы сделать достаточно денег с тем, чтобы моя семья не нуждалась.

— Вы сможете это сделать, я уверен, — согласился Брант. Набивая трубку, он подошел к креслу мистера Пибоди. — Не хочу пробуждать у вас напрасные надежды, но мне хочется предложить вам одну возможность.

— Да? — приподнялся мистер Пибоди. — Вы хотите сказать, что камень можно удалить?

Брант покачал головой.

— Нельзя, при помощи обычной хирургической техники, — сказал он. Но я подумал: ваша экстраординарная сила залечила рану, которую метеор оставил, проходя через мозг. Если вы сможете обрести контроль над сознанием и управлением живой материей, мы могли бы с достаточной безопасностью решиться на операцию — в зависимости от вашего дара залечить поврежденный участок.

— Бесполезно, — мистер Пибоди устало упал назад в кресло. — Я пытался, но я не могу сотворить ничего живого. Я просто не наделен подобным даром.

— Ерунда, — сказал ему Брант. — Трудность, вероятно, заключается в том, что вы недостаточно хорошо знаете биологию. Немного консультаций по биохимии, анатомии и физиологии и у вас будет все в порядке.

— Я попытаюсь, — согласился мистер Пибоди. — Но сначала надо обеспечить мою семью.

После того, как доктор дал ему урок по последним открытиям в области атомной и молекулярной структуры, он обнаружил, что может создавать предметы из драгоценных металлов, и ни с одним из них не произошло того, что случилось с золотым слитком.

В течение двух дней он доводил себя до изнеможения, создавая золото и платину. Он придавал этим металлам форму корпусов часов, старинных драгоценностей, медалей, с тем чтобы от них можно было бы легко избавиться, не вызывая подозрений.

Брант отнес горсть безделушек ювелиру, занимающуюся старинными золотыми драгоценностями. Он вернулся с пятьюстами долларов и убежденностью, что все сделанное, если сбывать его постепенно даст несколько тысяч.

Мистер Пибоди чувствовал себя нездоровым от боли и усталости после своих творческих усилий, к тому же он все еще был подавлен страхом перед законом. Из газет он узнал, что полиция наблюдает за его домом, и даже не осмеливался позвонить своей дочери.

— Они все думают, что я сошел с ума, даже Бет, — сказал он Бранту. — Вероятно, я никого из них больше не увижу. Я хочу, чтобы вы хранили деньги у себя и отдали их им, после того как меня не станет.

— Ерунда, — ответил молодой доктор. — Когда вы научитесь лучше контролировать свой дар, вы сможете все уладить.

Но даже Брант был вынужден признать, что усиливающаяся болезнь мистера Пибоди угрожала прервать исследования до того, как они добьются успеха.

Нечесаный и осунувшийся Брант ночь за ночью сидел, пока мистер Пибоди спал, вгрызаясь в тяжелые тома по относительности, атомной физике и парapsихологии, пытаясь отыскать разумное объяснение необычного дара и бормоча о «конверсии энергии», «отрицательной энтропии» и психологической способности.

— Я думаю, что рев, который вы слышите, — сказал он мистеру Пибоди — не что иное, как ощущение свободно излучающейся энергии космического пространства. Радиоактивный камень каким-то образом сделал ваш мозг способным — возможно, стимулировав психофизиологический дар,rudиментарный во всех нас — концентрировать и превращать эту рассеянную энергию в материальные атомы.

Мистер Пибоди покачал горящей пульсирующей головой.

— Какой мне прок от вашей теории? — отчаянье заставило его заговорить о своем даре с горечью.

— Я умею творить чудеса, но что хорошего этот дар дал мне? Он отнял у меня семью, сделал меня беглецом от закона, он превратил меня в нечто наподобие подопытного кролика для ваших экспериментов. А на самом деле это всего лишь головная боль, я хочу сказать, настоящая. И в конце концов, она убьет меня.

— Нет, — убеждал его Брант, — если вы научитесь создавать живую материю.

Не очень обнадеживающе, ибо боль и слабость, сопутствовавшие его чудодейственным усилиям, возрастили день ото дня. Мистер Пибоди внимал лекциям Бранта по анатомии и физиологии. Он материализовал шарики протоплазмы, простые клетки и кусочки ткани.

У доктора явно были грандиозные идеи о чудесном человеческом существе. Он заставил мистера Пибоди изучать и создавать человеческие органы. Через несколько дней ванна была наполнена странной грудой чудесных частей тела, плавающих в консервирующем растворе.

И тут мистер Пибоди взбунтовался.

— Я становлюсь слишком слабым, доктор, — неуверенно настаивал он. — Моя сила как-то уходит. Иногда мне кажется, что предметы снова исчезнут вместо того, чтобы оставаться реальными. Я знаю, что не смогу сделать ничего, что было бы таким большим, как человеческое существо.

— Хорошо, сделайте что-нибудь маленькое, — сказал ему Брант. — Помните, что если вы сдадитесь, то тем самым положите конец своей жизни.

И вот с учебником по морской биологии на коленях, мистер Пибоди принимался создавать маленьких чудесных золотых рыбок в аквариуме, который он сотворил в день своего прибытия. Они были блестящими, замечательными во всем, за исключением того, что они всегда всплывали на поверхность воды, мертвые.

Брант куда-то вышел. Мистер Пибоди сидел в одиночестве перед аквариумом, когда в квартиру бесшумно скользнула Бет. Она была бледной и расстроенной.

— Папа! — закричала она с тревогой. — Как ты себя чувствуешь?

Она подошла к нему и взяла его дрожащие руки в свои.

— Рекс предупредил меня по телефону, чтобы я не приходила: он боится, что полиция проследит за мной. Но я не думаю, что они меня видели. И я должна была прийти, пап. Я так волновалась. Но как ты?

— Думаю, со мной все будет в порядке, — решительно солгал мистер Пибоди, пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Рад тебя видеть, дорогая. Расскажи о матери и Билле.

— С ними все в порядке. Но, пап, ты выглядишь таким больным.

— Вот, у меня для тебя кое-что есть, — мистер Пибоди достал из бумажника пятьсот долларов и положил их ей в ладонь. Потом будет еще, больше.

— Но, пап...

— Не волнуйся, дорогая, они не фальшивые.

— Дело не в этом, — в ее голосе звучало отчаянье. — Рекс пытался мне рассказать мне об этих чудесах. Я не понимаю

их, пап. Я не знаю, чему верить. Но я знаю, что нам не нужны деньги, которые ты делаешь с их помощью. Никому из нас.

Мистер Пибоди пытался скрыть обиду.

— Но моя дорогая, — спросил он, — как вы собираетесь жить?

— Я собираюсь начать работать, на следующей неделе, — ответила она. — Я буду работать в приемной у дантиста, до тех пор, пока у Рекса, не появится собственный кабинет. А мама собирается пустить двух квартирантов в пустую комнату.

— Но, — попытался возразить мистер Пибоди. — Есть еще Вильям.

— У Билла уже есть работа, — сообщила ему Бет. Помнишь того парня, с которым он столкнулся? У него гараж. Он разрешил Биллу на себя работать. Билл получает пятьдесят в неделю, тридцать отдает назад в уплату за машину. У Билла все в порядке.

По виду, с которым она изложила эту информацию, ему стало ясно, что замечательное перерождение его семьи кто-то направлял, и что Бет многое для этого сделала. Мистер Пибоди благодарно улыбнулся ей, чтобы показать, что он понял, но ничего не сказал.

Она отказалась смотреть, как он будет демонстрировать свой дар.

— Нет, пап, — она почти в ужасе отпрянула от маленького аквариума с плавающими в нем безжизненными золотыми рыбками. — Я не люблю волшебство, и не верю во что-то из ничего. В этом всегда есть какой-то подвох.

Она подошла и снова взяла его за руку.

— Пап, — начала она мягко, — почему ты не откажешься от этого дара? Каким бы он ни был. Почему ты не объяснишь полиции и своему начальнику, и не попытаешься снова вернуться на старую работу?

Мистер Пибоди покачал головой и горько улыбнулся.

— Боюсь, что объяснение будет не таким уж легким, — ответил он. — Но я готов отказаться от своего дара, как только смогу.

Она ушла, и мистер Пибоди устало вернулся к своим чудесным золотым рыбкам.

Через пять минут дверь бесцеремонно распахнулась. Мистер Пибоди поднял глаза и вздрогнул. Блестящий призрак крошечной рыбки, уже наполовину материализовавшейся, задрожал и исчез.

Мистер Пибоди ожидал увидеть возвратившегося Бранта, но в комнату ввалились четыре полицейских, двое из которых были в гражданской одежде. Они торжествующе объявили ему, что он находится под арестом и принялись обыскивать квартиру.

— Эй, сержант! — послышался из ванной возбужденный голос. — Похоже, что доктор Брант, тоже в этом замешан. И здесь не только кража драгоценностей, мошенничество и фальшивые деньги. Здесь убийство — с расчленением трупа!

Вздрогнувшие офицеры впились глазами в мистера Пибоди, и наручники щелкнул. Мистер Пибоди, однако, был в удивительно приподнятом настроении для человека, которого только что арестовали по обвинению в самом тяжелом из всех преступлений. Неотступная тень боли исчезла с его лица, и он счастливо улыбнулся.

— Эй, они исчезли! — это закричал полицейский в ванной. Его испуганное возбуждение сменилось неописуемым ужасом. — Я видел их минуту назад. Клянусь. Но теперь в ванной нет ничего кроме воды.

Сержант с подозрением посмотрел на мистера Пибоди, улыбающегося, но измощденного. Он сделала несколько ключих замечаний в адрес человека в голубом плаще, который ошарашенный стоял в проходе. И наконец с чувством выругался.

Впавшие глаза мистера Пибоди закрылись. На смену улыбке пришло усталое расслабление. Когда он покачнулся и стал падать, сержант поймал его. Мистер Пибоди заснул.

Он проснулся на следующее утро в больничной палате. Доктор Брант стоял рядом с кроватью. В ответ на первый испуганный вопрос, он успокаивающе улыбнулся.

— Вы — мой пациент, — объяснил он. — Я лечу вас от очень необычного случая амнезии. Очень удобная болезнь, амнезия. И вы идете на поправку.

— Полиция?

Брант сделал широкий жест.

— Вам нечего бояться. Нет никаких доказательств того, что вы совершили какие-либо противозаконные действия. Естественно, их интересует, как к вам попали фальшивые деньги, но, конечно же, они не могут доказать, что вы их сделали. Я им уже сказал, что вследствие амнезии вы не сможете им ничего сказать.

Мистер Пибоди вздохнул и вытянулся под простыней.

— А теперь у меня есть несколько вопросов, — сказал Брант. — Что же случилось так своевременно с органами в ванной? И с камнем у вас в голове? Ибо рентген показывает, что он исчез.

— Я просто сделал так, что их не стало.

Брант задержал дыхание и медленно кивнул.

— Понятно, — произнес он наконец. — Я полагаю, что неизбежной противоположностью творению является аннигиляция. Но как вы это сделали?

— Меня озарило как раз в тот момент, когда ворвалась полиция, — ответил мистер Пибоди. — Я создавал еще одну из этих проклятых золотых рыбок, и я слишком устал чтобы ее закончить. Когда я услышал, что открывается дверь, я сделал небольшое усилие... ну, как-то отпустил ее, оттолкнул.

Он снова вздохнул, на этот раз счастливо.

— Вот так все и произошло. Золотая рыбка перестала существовать, она произвела в моей голове взрыв, подобный взрыву бомбы. Это дало мне чувство уничтожения. Как вы говорите, аннигиляции. Гораздо легче, чем создавать, как

только поймешь, как это делается. Я позабылся о том, что находилось в ванной, и о камне в своей голове.

— Понимаю, — Брант беспокойно пересек комнату, затем вернулся назад, чтобы задать еще один вопрос.

— Теперь, когда камень исчез, — начал он, — полагаю, что ваш замечательный дар... пропал?

Прошло несколько секунд, прежде чем мистер Пибоди ответил.

— Пропал, — произнес он мягко.

Это утверждение, однако, было ложью. Мистер Пибоди кое-чему научился. Аннигиляция метеора положила конец мучившей его боли. Но, он только что убедился в этом, создев и тут же уничтожив под простыней маленькую золотую рыбку, его сила осталась при нем.

Все так же работая бухгалтером, мистер Пибоди внешне все тот же человек, каким он был в тот вечер, когда он, полный отчаяния, поднялся на Венистер-Хилл. Однако что-то в нем неуловимо изменилось.

Появившаяся в нем уверенность манер заставила мистера Берга повысить его в должности и увеличить его оклад. И все же так и неразгаданная тайна, окружающая приступ амнезии, вызывает у его семьи и соседей определенный благоговейный страх. Вильям теперь очень редко называет его «Гов».

Мистер Пибоди практикует свой дар очень осторожно. Иногда, оставшись совершенно один, он рискует сотворить себе чудесную сигарету. Однажды, среди ночи исчез комар, который совершенно измучил его.

И каким-то образом он стал владельцем рыболовных снастей, которые вызывают зависть у всех его друзей, и для использования которых он теперь находит время.

Однако, главным образом, он бережет свой дар для того, чтобы показывать необъяснимые фокусы к восторгу своих внуков и для созданий крошечных чудесных игрушек.

Всех их, как он строго-настрого приказывает, необходимо прятать от родителей, Бет и доктора Бранта.

ПОДАРОК

Марвин тщательно провел кисточкой с клеем по шероховатой поверхности передатчика. Результатом этой сложной операции стала маслянистая блестящая линия горчичного цвета. Затем Марвин вытащил из нагрудного кармана пластинку с частотами для Х-пространства и прижал ее к панели. Конечно, особой необходимости в этом не было - Марвин знал практически все частоты наизусть, но мало ли что, вдруг придется усадить за передатчик киборга. А уж от него-то можно ожидать чего угодно. Да и что с него взять - робот, он и есть робот. Бестолочь, одним словом.

Киборга он нашел на Япете пару лет назад на складе местной компании с громким названием «Галактика Инкорпорейтед. Товары по сниженным ценам». По правде сказать, это была просто свалка, владельцем которой числился старый марсианин, осевший на планете во времена Большого Переселения. Он-то и уступил Марвину киборга, взяв деньги всего лишь за стоимость металла. Киборг, вернее, «модель Е-80», как значилось в его паспорте, был собран на одной из тех подпольных фабрик, которых пруд пруди за Первым Астероидным Кольцом. Естественно, ценности он никакой не представлял и был рад от него избавиться. Марвину давно уже был нужен помощник, к тому же у киборга оказался самый настоящий синтетический мозг, изготовленный фирмой «Шмидт и сыновья». Марсианин об этом не знал, а может, просто не разбирался в таких тонкостях... Как бы там ни было, заплатив 50 кредиток, Марвин вставил блок питания и увел робота с собой.

С тех пор робот ни разу не покидал Марвина, а в корабельных документах была сделана запись о том, что первым помощником капитана является киборг, модель Е-80, место изготовления и регистрации - Земля. Последнее, конечно, было неправдой, но доказать это было практически

невозможно. А выгоду сулило большую: во-первых, не надо было платить налог на планетах Земного пояса, во-вторых, киборг был сделан в виде землянина и вполне мог появляться во многих местах, куда вход роботам запрещен, согласно Второму Нормативному Акту. В общем, Марвин знал, что делал, записывая киборга в корабельные документы.

Сам Марвин значился командиром изыскательной капсулы ИК-1 (собственность Межпланетной

Мегакорпорации по импорту и экспорту нетрадиционных товаров), порт приписки - Луна, Большая Земля. На самом же деле, и корабль, первый выпуск земного варианта «Космический страж», и все, что в нем находилось, было полной собственностью Марвина. Но для таможенных служб он был всего лишь капитаном изыскательной капсулы, то есть наемным работником. А вот обитатели портовых кварталов знали его как Марвина-контрабандиста. Это и было его настоящим занятием. Правда, на кое-каких планетах таможенники догадывались о его профессии, но конверт с кредитками или ящик-другой виски с маркой «Сделано в системе Земного пояса» обычно рассеивали все их сомнения. Как рассказал ему киборг, первым местом работы была одна из адвокатских контор на Марсе, но оттуда его быстро выперли, так как он занимался левыми делами, снабжая темных личностей фиктивными справками, к которым у него был доступ, брал взятки и хамил начальству. Следующим его занятием была деловая переписка и бухгалтерский учет на одной из маленьких фабрик по изготовлению искусственных щупалец для инвалидов. Но и там он продержался недолго. Его обвинили в подделке счетов, вымогательстве, выписывании накладных на несуществующих клиентов и многих других грехах. Согласно Первому Нормативному Акту, действующему почти на всех планетах, а уж на Марсе и подавно, киборга направили на профилактику мозга. Тут, конечно, сыграл свою роль и тот фактор, что киборг похож на землянина, а марсиане вообще славятся своей расовой неприязнью. Однако киборгу удалось сбежать

из полицейского участка. В тот же день он купил себе новые документы и завербовался простым матросом на большой ремонтный корабль. В первом же порту он скрылся, прихватив с собой кое-что из казенного имущества. Его взяли на «черном рынке» совершенно случайно - проводилась облава на убийц экс-премьер-министра Новых Территорий Венеры. Киборг попытался бежать, но ребята из Интеркосмоса свое дело знают. У него забрали автономный блок питания, а так как в тюрьме мест не оказалось, то тело просто-напросто выбросили на свалку. Там ему действительно повезло: один из агентов «Галактика Инк.», собирая всякое барахло, заметил ржавеющего робота. Так он оказался на Япете...

Марвин поставил своему спутнику довольно жесткие условия, и робот согласился. Во-первых, выбирать ему особенно не приходилось, а во-вторых, ему нравился Марвин, как, впрочем, и его бизнес. С тех пор киборг беспрекословно слушался своего капитана. Хотя, оказавшись в каком-нибудь порту, имел обыкновение ввязываться в различные мелкие авантюры. Когда дельце выгорало, он молча протягивал заработанные деньги Марвину. Если нет, stoически переносил потери.

Хотя Марвину не нравились подобные выходки, ему приходилось терпеть, ибо как помощник робот был незаменим. И не раз при помощи различных юридических лазеек (а киборг знал их предостаточно со времен работы у адвоката) они спасались от неприятностей с законом.

Но в космосе киборг никуда не годился. И поэтому, вешая табличку с частотами, Марвин знал, что делает это не зря. С X-пространством шутки плохи, там любая ошибка - смерть. Однако другого выхода не было: за перевоз партии бластеров на Дикие планеты ему пообещали 50 тысяч кредиток. Деньги огромные. Но и риск немалый. Дело в том, что одна из воинствующих группировок на Третьей Дикой планете уже давно вынашивала планы централизации власти на остальных трех. Поставка оружия в любых количествах в зону возможного конфликта была строжайше

запрещена без специального разрешения Единого Совета по вооружению. А последний раз такое разрешение выдавалось лет двадцать назад во время конфликта на планетах Орлог-1 и Орлог-2. Так что вся купля-продажа производилась нелегально.

Марвин долго не соглашался. Но поставщик, тоже, кстати, землянин, был тертый калач.

- Ровно 50. Соглашайся, Марвин. Ведь тебя никто не заставляет лететь в обычном космосе. У тебя же приличный корабль, так что давай через Х-пространство. Никакой таможни, никакой проверки, да и быстрее будет.

Х-пространство, или, как его еще называли, подпространство, являлось свободной зоной, которая официально не принадлежала ни Конфедерации, никакой-ни будь отдельной планете. Дело в том, что не все представители рас, входящих в Конфедерацию, обладали способностью проникать в Х-пространство. В связи с этим постоянные споры и даже дипломатические скандалы не могли привести к единодушному решению вопроса. Вообще-то, никому путешествовать там не возбранялось, но Конфедерация разослала по всем присоединившимся планетам циркуляр, согласно которому все полеты в Х-пространстве считались нежелательными и допускались только в чрезвычайных случаях, указанных в едином Кодексе спасения в космосе. Дело осложнялось еще и тем, что Х-пространство не имело четко выраженных границ и его плотность изменялась в зависимости от размеров находящихся рядом планет. Точных карт не существовало, и поэтому неопытный капитан мог вынырнуть из Х-пространства в обычный космос прямо перед носом другого корабля. К тому же и сам переход был небезопасен. Не всякий корабль мог выдержать такие перегрузки.

Джошуа, торговец оружием, прекрасно понимал, что в конце концов Марвин согласится. Он хорошо знал всех контрабандистов и представлял, кто из них в данный момент сидит без дела. В настоящее время Марвин входил в число последних.

Словом, Марвин в конце концов молча сгреб задаток со стола.

Теперь, когда оружие, тщательно упакованное в ящики с надписью «Мегакорп. Импэкс», находилось на борту, настала пора проинструктировать киборга. До вылета оставался час времени, а робот все еще не вернулся из города (если, конечно, можно назвать городом портовые трущобы Нью-Терры, крохотной планетки у самой границы Земного пояса).

Лампочка на табло мигнула. Люк открылся. Появился наконец!

- Где тебя черти носят! - взорвался Марвин. - Ты что, не знаешь, когда старт?

- Так точно! - гаркнул киборг. - Виноват, сэр! Готов объяснить причину опоздания, сэр!

- Прекрати паясничать! Иди сюда. Потом я с тобой разберусь.

Киборг подошел к пульту и сел в соседнее кресло.

- Смотри. - Марвин показал ему на табличку с частотами. — Это частоты патрульного вызова. Вот график изменений. Я буду следить за этим сам, но может так получиться, что тебе придется взять на себя эфир. Понял?

- Понял, - небрежно бросил робот. - По табличке и пьяный марсианин сообразит... Я вот что хотел сказать. Тут одно дельце удалось провернуть...

- Мне наплевать на твои темные дела. Старт ровно в десять по-местному. То есть, - Марвин взглянул на часы, - через двадцать минут. Пойди все хорошенько проверь и возвращайся. В этот раз нам придется здорово попотеть.

Из сказанного Марвин понял, что зовут ее Вуппи, что у нее были небольшие неприятности на Нью-Терре, что ей надо на Дикие планеты и она заранее благодарит отважного капитана.

Марвин сделал неопределенный жест рукой и бросил на киборга такой взгляд, что тот немедленно сообщил Вуппи,

что, дескать, капитан сейчас занят и желательно ему не мешать. После этого он поспешил вытолкнуть ее из рубки.

- Где ты ее раздобыл? - спросил Марвин с каменным лицом, когда альдебаранка скрылась за дверью. - И что означают все эти ленточки и колокольчики? Полиция ее случайно не разыскивает?

- Что ты? - довольно ненатурально удивился киборг. - Какая полиция? Ты ведь знаешь, я бы не стал связываться, если бы...

- Почему она разукрашена, как елка? - перебил его Марвин.

- Видишь ли, она... э-э... была хористкой в одном изочных клубов. Но ты ничего не подумай, она порядочная девушка. А ее дружок прикарманил денежки и был таков. На всем белом свете у бедной крошки остался единственный близкий человек - брат, который работает военным инструктором на Диких планетах. Вот я и подумал, почему бы не взять ее с нами, раз ей по пути.

- Только вчера я доказывал всем, что ты надежный и хороший парень, хотя меня уверяли в обратном. Но, как всегда, со стороны виднее, - ровным голосом произнес Марвин.

- А теперь, когда мы находимся в X-пространстве, я лишен возможности высадить ее с корабля. Мало того, я не могу даже курить!

- Но пятьсот кредиток на дороге не валяются, - возразил киборг.

Внезапно корабль резко качнуло. На пульте замигали индикаторы безопасности.

- Черт возьми, мы выходим из X-пространства! - воскликнул Марвин. - Следи за частотой. Я должен точно знать, где мы вынырнем. А пока надену скафандр...

Корабль снова тряхнуло, на этот раз основательно. Освещение померкло. Все незакрепленные вещи попадали на пол. Марвин бросился к шкафу за скафандром и почувствовал, как под ногами что-то хрустнуло.

Капитан стал натягивать скафандр, попутно высказывая свое мнение о всех роботах на свете.

Корабль тряхнуло с новой силой. Свет окончательно погас. Раздался душераздирающий скрежет...

Когда Марвин очнулся, корабль уже находился в обычном космосе. Киборг крутил ручку настройки приемника. Капитан расстегнул скафандр.

- Киборг! - позвал он. - Найди полицейскую волну. На первом диапазоне.

Через несколько секунд из динамика раздался скрипучий голос.

- ... остановиться! Кораблю в квадрате 22 приказываю остановиться...

- Взгляни на экран, в каком мы квадрате?

- В 22-м, - бодро ответил киборг. - Такое впечатление, что они обращаются к нам.

- Все. Приехали. - Марвин устало провел рукой по лицу. - Что посоветуешь?

Киборг неподвижно сидел в кресле. Вся его поза выдавала крайнее напряжение. Внезапно он поднялся и опрометью выскочил из рубки.

Через минуту киборг появился в сопровождении Вуппи. Они о чем-то бурно спорили на альдебаранском языке. Тело Вуппи ежесекундно меняло цвета.

В динамике раздался щелчок, и скрипучий голос сообщил:

- Корабль в квадрате 22, к вам направляется полицейский патруль. Приказываю остановиться.

Марвин повернулся к пульту и отключил двигатели. В это время киборг лихорадочно заполнял какой-то бланк. Закончив, он передал его Вуппи. Альдебаранка провела по нему щупальцем, и документ украсился фиолетовой кляксой.

- Теперь ты, Марвин, - робот протянул документ капитану. - Распишись тут, внизу.

- Зачем?

- Скорее. Времени нет. Это единственный путь к спасению. Ну давай же!

Ничего не понимая, Марвин автоматически поставил свою подпись.

- И последнее. - Киборг разжал ладонь. На ней лежал маленький колокольчик на плетеной веревочке. — Это надо надеть на шею. Все будет в порядке, Марвин.

Корабль вздрогнул — это причалил полицейский патруль.

- Марвин, прошу тебя, ни единого слова. Я займусь этим делом сам.

Начальник патруля был альдебаранцем. Впрочем, почти все полицейские были альдебаранцами. Два полицейских робота принялись осматривать корабль.

Марвин молча следил за происходящим. Киборг что-то объяснял начальнику патруля, изредка подмигивая Марвину. Постепенно цвет альдебаранца стал терять свою черноту и вскоре уступил место ярко-vasильковому. Дверь открылась, и вошла Вуппи.

Подойдя к Марвину, она обвила его щупальцами. Ласково зазвенели колокольчики. Киборг протянул полицейскому заполненный бланк с росписями.

Альдебаранец расправил щупальца и, торжественно шевеля головными отростками, произнес речь. Киборг торопливо переводил:

- От всей души... От меня лично... Принимая во внимание... Поздравляю...

Марвин попытался освободиться, но альдебаранка крепко держала его в своих объятиях. Полицейский достал печать и оттиснул ее на документе. Махнув на прощание щупальцем, он направился к выходу. Роботы-полицейские устремились за ним. Через минуту полицейский катер отчалил.

- Что все это значит? - возмущенно воскликнул Марвин, вырвавшись наконец на свободу.

- А то, что ты являешься мужем этой симпатичной куколки. И вы срочно летите на Альдебаран.

- А ящики с оружием? Они что, не открыли ящики? - удивился Марвин.

- Конечно, нет! Ведь подарки молодым не должен видеть никто до рождения ребенка. Таков обычай, возведенный в ранг Закона. Никто не вправе его нарушать, правда, Вуппи?

Вуппи окрасилась в малиновый цвет.

— Вот видишь, — киборг протянул ему знакомый бланк, на котором красовалась печать. — «Свободен от досмотра полиции и таможни». Так сказать, свадебный подарок.

Марвин сделал шаг вперед. Колокольчик на его шее звенел. Киборг поспешно ретировался к двери. И, почувствовав себя в безопасности, крикнул:

- Горько!

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГИОН ПРОСТРАНСТВА

МАРСИАНСКАЯ КРЕПОСТЬ	5
ВИД НА УБИЙСТВО	15
ТРОЕ ИЗ ЛЕГИОНА	21
«ДА, ДЖОН, Я ПРЕДАТЕЛЬ!»	27
«ПУРПУРНАЯ МЕЧТА»	36
ВАКАНТНАЯ ДОЛЖНОСТЬ	41
ЗОВ СВЫШЕ ЖИЛЯ ХАБИБУЛЫ	50
СО СМЕРТЬЮ ЗА СПИНОЙ	56
ПЛАН	65
ПРОЩАЙ, СОЛНЦЕ!	72
КОСМИЧЕСКИЙ УРАГАН	89
ПОЯС СМЕРТИ	101
ЗВЕЗДА-КОРСАР	111
В ПУЧИНАХ НЕВЕДОМОГО ОКЕАНА	117
ЧЕРЕЗ КОНТИНЕНТ	126
СКВОЗЬ ДЖУНГЛИ	134
НОЧЬ И ГОРОД РОКА	140
ЖИЛЬ ХАБИБУЛА И ЧЕРНАЯ НАПАСТЬ	147
В ЛОВУШКЕ	155
УЖАС В ХОЛЛЕ	162
КРАСНАЯ БУРЯ НА ЗАКАТЕ	170
ЖЕЛТАЯ ПАСТЬ УЖАСА	176
ТВАРЬ	182
КРЫЛЬЯ НАД СТЕНАМИ	188

ПРЕДАТЕЛЬ МЕНЯЕТ ЛИЦО.....	195
ШУТКА.....	203
ЗЕЛЕНЫЙ ЗВЕРЬ	210
АЛАДОРИ	217

КОМЕТЧИКИ

УЗНИК ФОБОСА	225
ХРАНИТЕЛЬ МИРА	234
РЫЧАГ И СИЛА	243
ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ МЕРРИН.....	251
ЧЕСТЬ ЛЕГИОНА.....	265
ДЕВУШКА В СТЕНЕ	277
ЗВЕРЬ ТУМАНОВ.....	287
СМЕРТЬ НА НЕПТУНЕ	297
ПОЛЕ КОМЕТЫ.....	305
КОМЕТЧИК	315
АСТЕРОИД	323
ИЗ СТЕНЫ.....	330
ЭНЕРГИЯ КОМЕТЫ.....	340
ГОЛОС ОРКО	350
СТАДО И ПАСТУХ.....	364
СЫН ДЖОНА СТАРА	375
ЧЕЛОВЕК-РАКЕТА.....	383
ПУСТОЙ СЕЙФ	395
ИСТРЕБИТЕЛЬ.....	410

ОДИН ПРОТИВ ЛЕГИОНА

СМЕРТОНОСНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ	416
АДЕКВАТНАЯ УЛИКА	424

ЗНАК ВАСИЛИСКА.....	428
ИСТОЧНИК ЗЛА	439
ГОЛУБОЙ ЕДИНОРОГ	448
«ТЫ – ЧАН ДЕРРОН!»	456
СЧАСТЬЕ ЖИЛЯ ХАБИБУЛЫ.....	461
СВЕТЯЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК.....	469
ТВАРЬ НИОТКУДА	479
НЕЗЕМНОЙ РОБОТ	504
ОГРАБЛЕННЫЙ ТАЙНИК	511
СОТЫЙ.....	521
ЧЕЛОВЕК И АНДРОИД	527
СТРАШНАЯ СКАЛА	533
ГЕОФРАКТОР	541
ПОСЛЕДНЕЕ СОСТАЯЗАНИЕ	550
НА ЗАДВОРКАХ ВСЕЛЕННОЙ	
КРАЙ СВЕТА.....	564
СЕВЕРНЕЕ КРАЯ СВЕТА	572
КОНЕЦ АНОМАЛИИ.....	579
ВРАЖДЕБНАЯ МАШИНА	586
СТРАННЫЕ КАМНИ	592
ТЕМНЫЙ ПУЗЫРЬ	600
СТАРШЕ САМОЙ ВСЕЛЕННОЙ	606
АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ.....	614
ЗАПАСНАЯ ДВЕРЬ НА КРАЮ СВЕТА	623
АНОМАЛИЯ ВО ВРЕМЕНИ	630
ЧУДОВИЩНАЯ МАШИНА	636
ЛИЦА ВСЕЛЕННОЙ.....	643

ПРИНЦ КОСМОСА

ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ...	652
ГОНЧИЕ КОСМОСА.....	663
КОСМИЧЕСКИЙ ГОРОД	673
ВАМПИРЫ В ПУСТЫНЕ.....	685
СОКРОВИЩЕ «ТРИТОНА»	696
АЛАЯ ЗВЕЗДА ВОЙНЫ	706
РУДНИК НА МАРСЕ	717
ВИТОМАТ	732

ЛУННАЯ ЭРА

НАЧАЛО.....	749
НА ЛУНУ!	756
КОГДА ЛУНА БЫЛА МОЛОДОЙ	763
НАПАДЕНИЕ	770
ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА.....	777
ПОГОНЯ.....	785
БЕССМЕРТНЫЕ.....	791
ЗЕМЛЯНИН СРАЖАЕТСЯ	800

РАССКАЗЫ

БЕЗ ПОСАДОК К МАРСУ	805
ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ	848
РАСПАД	873
НОС ТОРГОВЦА	923
МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК.....	942
ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ	960
ПОДАРОК	995

ПЕРЕВОДЫ:

Джек Уильямсон. Космический легион (роман)

перевод **В. Лепилина**

Джек Уильямсон. Кометчики (роман)

перевод **В. Лепилина**

Джек Уильямсон. Один против Легиона (роман)

перевод **В. Лепилина**

Джек Уильямсон. Край света (повесть)

перевод **В. Лепилина**

Джек Уильямсон. Принц Космоса (повесть)

перевод **О. Ратниковой**

Джек Уильямсон. Лунная эра (повесть)

перевод **В. Яковлевой**

Джек Уильямсон. Без посадок к Марсу (рассказ)

перевод **А. Флотского**

Джек Уильямсон. Взгляд в прошлое (рассказ)

перевод **А. Тетеревниковой**

Джек Уильямсон. Распад (рассказ)

перевод **А. Флотского**

Джек Уильямсон. Нос торговца (рассказ)

перевод **Ю.Беловой**

Джек Уильямсон. Металлический человек (рассказ)

перевод **Е.Лебедева**

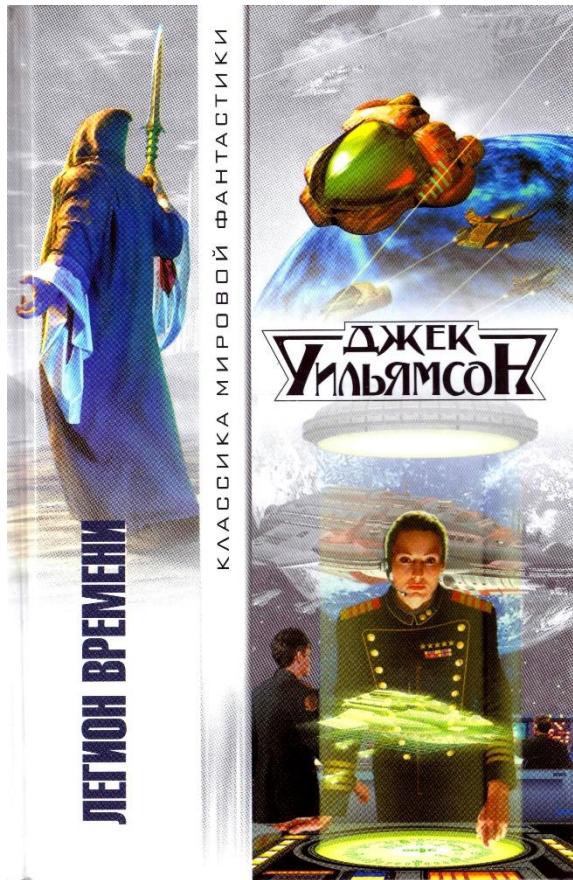
Джек Уильямсон. Звездный свет (рассказ)

перевод ...

Джек Уильямсон. Подарок (рассказ)

перевод **С. Коноплёва**

В данном сборнике, отсутствует, еще десяток рассказов,
из выпуска **Легион времени**, серии
Классика мировой фантастики.

В сети, данных рассказов в открытом доступе, нет.
(видимо, пока никто не сканировал), надеюсь,
если данные рассказы вдруг «всплынут»,
дополнить их оригинальными иллюстрациями
из первоисточников.

1010

1011